

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

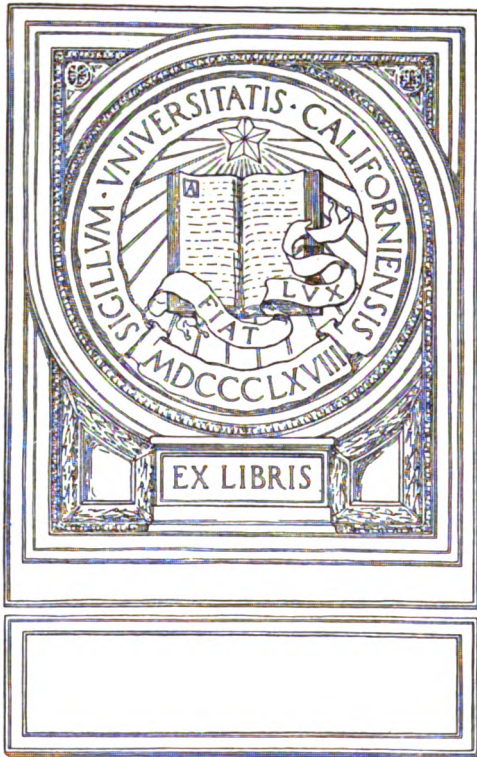
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЪ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

А. Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1876.

СО Д Е Р Ж А Н І Я.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НА-
РОДНОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ ЗА 1874 ГОДЪ.

ПРАВІТЕЛЬСВѢННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Критическій очеркъ литературы „Слова о полку Игоревѣ“ Е. Барсова.

Христіанство въ Россіи до Владимира Свя-
таго Е. Голубинскій.

Критическія и библиографическія замѣтки:

La Russie, épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie traduites ou analysées pour la première fois par *Alfred Rambaud*, professeur à la Faculté des lettres de Nancy (Русскій эпосъ. Этюдъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи, *Альфредомъ Рамбо*, профессоромъ въ словесномъ факультетѣ въ Нанси) К. Бестужева-Рюмина.

Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, d'après les travaux les plus récents, par M. *Charles Aubertin*. Tome I (Исторія французскаго языка и литературы въ средніе вѣка, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Соч. III. *Обертена*. Т. I-й) Ал. Веселовскаго.

E. Gebhart, De l'Italie, essais de critique et d'histoire (*Э. Гебартъ*. Объ Италіи. Историко-критическіе очерки) Ал. Веселовскаго.

Университетскія лекціи Н. Варадинова.

Иоганнъ-Фридрихъ Гербартъ, какъ педагогъ. И. Никольскаго.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища

Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.

Постановленія объ экзаменахъ въ Пруссіи.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХХVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1876.

to you
and to the

L451
A4
v.187

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

II. УЧЕНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ:

1) Академія наукъ.

Академія наукъ въ теченіе 1874 года получила возможность расширить свою ученую дѣятельность значительнымъ улучшеніемъ своихъ матеріальныхъ средствъ.

Штаты содержанія академіи наукъ, вошедшіе въ силу съ 1869 года, увеличивъ содержаніе личнаго ученаго состава академіи и средства ея ученыхъ коллекцій, требовали пополненія относительно библіотеки и различныхъ академическихъ музеевъ, на которые отпускалось 19.925 руб. 28 коп. въ годъ, чего было недостаточно ни на пополненіе библіотеки и коллекцій музеевъ, ни на содержаніе въ достаточномъ числѣ личнаго состава, завѣдующаго этими учрежденіями. По ходатайству моему, Высочайше утвержденнымъ 3-го іюля 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, на эти предметы изъ суммъ государственнаго казначейства прибавлено еще 14.889 руб. 2 коп., такъ что съ 1-го января 1875 года общее содержаніе библіотеки и музеевъ будетъ составлять 34.814 руб. 30 коп., при чемъ изъ общей прибавки 4.800 руб. назначено на учрежденіе новыхъ должностей: по библіотекѣ двухъ младшихъ помощниковъ библіотечарей, по музеямъ: зоологическому — ученаго хранителя и двухъ младшихъ препараторовъ и анатомическому — лаборанта, а остальные 10.489 руб. на усиленіе библіотеки и коллекцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и независимо отъ того, назначено къ отпуску изъ государственнаго казначейства на постройку новыхъ шкафовъ для зоологическаго и минералогическаго музеевъ академіи 9.000 руб. съ отпускомъ этой суммы въ теченіе трехъ лѣтъ, считая по 3.000 руб. въ годъ.

Весьма цѣнное приобрѣтеніе для зоологическаго музея академіи наукъ, сдѣланное въ 1874 году, составила покупка богатой естественно-исторической коллекціи, собранной въ мѣстностяхъ центральной Азіи; додѣлковникомъ Пржевальскимъ; уплата 10.000 руб. за эту коллекцію отнесена также на средства государственнаго казначейства.

На изданіе состоящую при академіи наукъ главною физическою обсерваторією метеорологическихъ наблюдений, было назначено до сихъ поръ по 4.000 руб. въ годъ. По недостаточности этой суммы и по важности, какую изданіе метеорологическихъ наблюдений имѣетъ для ближайшаго опредѣленія климатическихъ условій нашего отечества, ежегодная сумма на этотъ предметъ, вслѣдствіе моего ходатайства, Высочайше утвержденнымъ 5-го марта 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта увеличена, начиная съ 1874 года, до 8.000 руб. Для поддержанія связи съ научными занятіями этого рода въ Европѣ, академія наукъ приняла въ 1874 году участіе въ содержаніи комитета междунаrodnаго метеорологическаго съѣзда въ Утрехтѣ, на что изъ суммъ государственнаго казначейства назначено по 50 металлическихъ рублей, начиная съ 1874 года.

Вообще же главная физическая обсерваторія увеличила въ 1874 году организуемую ею сѣть метеорологическихъ станцій въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи устройствомъ новыхъ 21 станцій; все же число пунктовъ, изъ которыхъ въ 1874 году доставлялись ей правильныя наблюденія, возросло до 97. Въмѣстѣ съ тѣмъ, обсерваторією изданы въ 1874 году лѣтописи обсерваторіи за 1872 годъ и почти окончено печатаніе лѣтописей за 1873 годъ, также напечатанъ III томъ и начато изданіе IV тома Метеорологическаго Сборника. Трудясь постоянно надъ усовершенствованіемъ способовъ производства наблюдений, директоръ обсерваторіи академикъ Вильдъ представилъ описаніе придуманнаго имъ снаряда для измѣренія испаренія воды въ нашихъ климатахъ: этотъ простой и недорогой снарядъ доставляетъ возможность и зимою, когда вода бываетъ въ замерзшемъ состояніи, опредѣлять силу испаренія столь же удобно, какъ и лѣтомъ: трехлѣтнее испытаніе этого снаряда вполнѣ доказало его надежность, а потому имъ уже снабжены нѣкоторые изъ нашихъ метеорологическихъ станцій. Къ числу трудовъ обсерваторіи, имѣющихъ цѣлю приложеніе уже накопившихся данныхъ къ рѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ науки, относится изслѣдованіе академика Вильда о суточномъ и годичномъ измѣненіи сырости воздуха въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Подвергнувъ надлежащей критикѣ весь запасъ русскихъ наблюдений, которыя адѣсь въ первый разъ собраны въ видѣ полнаго свода, нашъ ученый метеорологъ доказалъ, что, вообще говоря, эти наблюдения лучше, чѣмъ какими ихъ до сихъ поръ считали. Такъ какъ станціи, доставившія матеріалы для этого изслѣдованія, простираются непрерывною цѣпью черезъ весь материкъ отъ одного океана до другаго, то автору представилась возможность опредѣлить точнѣе вліяніе приморскаго и континентальнаго климата на сырость, равно какъ и различіе, существующее въ этомъ отношеніи между восточными и западными берегами материка. Въ числѣ выводовъ этого изслѣдованія замѣчательнѣе, между прочимъ, тотъ, что песчанья степи вокругъ Аральскаго моря и степи южной Россіи и Западной Сибири обязаны своею сухостью и бездождіемъ не юго-западнымъ вѣтрамъ, приходящимъ изъ Сахары, какъ это многими принималось было доселѣ, а, напротивъ, преобладанію восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ.

Въ астрономическомъ мірѣ 1874-й годъ особенно достопамятенъ прохожденіемъ планеты Венеры черезъ дискъ солнца. Приготовленія къ наблюденію этого важнаго явленія уже давно составляли предметъ особаго вниманія всѣхъ европейскихъ націй; у насъ эти приготовленія возложены были на особую комиссію, состоявшую при академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ директора Николаевской Пулковской обсерваторіи академика Струве, и въ вѣдѣніе этой комиссіи отпущено было изъ государственнаго казначейства на расходы по снаряженію астрономическихъ экспедицій въ разныя мѣстности и на приобрѣтеніе нужныхъ для этого инструментовъ 35.000 руб. Со стороны Россіи опытные наблюдатели размѣстились на 31 станціи длиннымъ полукругомъ отъ Египта чрезъ юго-восточную Европейскую Россію и Сибирь до Японіи, причемъ въ особенности обращено было вниманіе на тѣ мѣстности, которыя, по своимъ метеорологическимъ условіямъ, обѣщали наиболѣе вѣроятный успѣхъ наблюдений въ столь пасмурное время года, какъ нашъ ноябрь. По причинѣ неблагоприятной погоды, наблюденія болѣе или менѣе удались только на 12 станціяхъ и при томъ почти на всѣхъ наиболѣе важныхъ для рѣшенія вопроса о параллаксѣ солнца, именно на станціяхъ дальнаго востока, гдѣ можно было видѣть всѣ фазы явленія. При всемъ томъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что полученныя нашими астрономами наблюденія по своей важности займутъ весьма почетное мѣсто въ числѣ данныхъ, на которыхъ будетъ основана новая единица мѣры для вселенной. Теперь астрономамъ предстоитъ

трудная задача обработать собранные экспедиціями всѣхъ странъ результаты и изъ совокупности всѣхъ наблюденій вывести окончательную величину паралакса солнца. По мысли директора Гринвичской обсерваторіи сэра Джоржа Эри возложить выполнение нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ отдѣльно на каждое участвовавшее въ наблюденіяхъ государство, академія наукъ рѣшила предоставить вычисленіе наблюденій, произведенныхъ русскими астрономами, Николаевской главной обсерваторіи въ Пулковѣ.

Экспедиціи, снаряженныя для наблюденія за прохожденіемъ планеты Венеры черезъ дискъ солнца, принесли существенную пользу другой отрасли науки, именно географіи. Не говоря уже о томъ, что одновременныя наблюденія, произведенныя наблюдателями всѣхъ странъ, распределенными на столь удаленныхъ между собою станціяхъ, сдѣлають весьма много для точной географіи всего свѣта, достаточно упомянуть о телеграфической и хронологической связи русскихъ станцій съ длиннымъ рядомъ телеграфныхъ долготъ, проводимымъ геодезистами нашего главнаго штаба черезъ всю Сибирь, связи, дающей значительное число новыхъ опорныхъ точекъ для математической географіи этого огромнаго пространства. Кромѣ того, опредѣленіемъ долготы Тегерана относительно Эривани и долготы Испагани черезъ Керчь до Берлина получены двѣ опорныя точки для географіи Персіи; наконецъ, совокупными трудами англійскихъ наблюдателей и нашего астронома Деллена доставлено связью Фивъ черезъ Александрію съ Гринвичемъ точная исходная долгота для географіи Верхняго Египта.

Въ теченіе 1874 года академія наукъ продолжала печатаніе своихъ записокъ, мемуаровъ и разныхъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщались ученые труды академикомъ и другихъ лицъ; въ теченіе года отпечатано было 288 листовъ совершенно оконченныхъ изданій и 294³/₄ листа еще неоконченныхъ изданій, всего 582¹/₄ листа. Изъ числа ученыхъ трудовъ нашихъ академикомъ новое сочиненіе академика Буяковскаго, доведенное имъ до конца и отпечатанное въ 1874 году: „Антропобіологическія изслѣдованія и ихъ приложение къ народонаселенію Имперіи“ обратило на себя общее вниманіе особенно по тому значенію, какое, распределеніемъ населенія въ Россіи по возрастамъ, оно приобрѣло въ примѣненіи къ важнымъ вопросамъ, возникающимъ при введеніи новой системы воинской повинности.

По присужденію академіи наукъ, выданы были въ 1874 году пять *уваровскихъ* премій: одна большая въ 1.500 рублей и четыре меньшія

по 500 рублей каждая за равныя сочиненія литературнаго и историческаго содержанія и одна *Ломоносовская* премія г. Лодыгина за открытіе, сдѣланное имъ въ области электрическаго освѣщенія.

Музеи академіи наукъ и въ 1874 году привлекали, какъ и прежде, значительное число посѣтителей.

2) Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.

Выше уже сказано, какое важное участіе принимала Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ приготовленіяхъ къ производству наблюденій прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца. Все, что могло наиболѣе обезпечить успѣхъ наблюденій, принято было ею во вниманіе; приобрѣтены были и провѣрены необходимыя инструменты, указаны и опредѣлены болѣе совершенные способы наблюденій и нѣкоторые ученые, принявшіе участіе въ наблюденіяхъ, предварительно готовились къ нимъ на Пулковской обсерваторіи. Затѣмъ непосредственно со стороны обсерваторіи посланы были въ приморскій край Восточной Сибири три экспедиціи, снабженныя инструментами обсерваторіи; станціями для наблюденій избраны были постъ Камень Рыболововъ на озерѣ Ханки, Владивостокъ и портъ Посыетъ; наблюдателями были въ Камень Рыболововъ — астрономъ Глазенацъ, въ Владивостокѣ — лейтенантъ Онацевичъ и въ Посыетѣ — астрономъ Гассельбергъ. Кромѣ того, три члена обсерваторіи: вице-директоръ Вагнеръ, докторъ Фабриціусъ и астрономъ Делленъ отправились для наблюденій: первый — въ Эривань, второй — на островъ Ашуръ-Аде въ южной части Каспійскаго моря и послѣдній — въ Оивы въ Египтѣ. Наблюденія были вполнѣ успѣшны только въ Оивахъ, гдѣ, при отличной погодѣ и совершенно ясномъ небѣ, не только удалось весьма точно наблюсти прикосновенія, но, что еще важнѣе, внимательно прослѣдить всѣ явленія, сопровождавшія прикосновенія, явленія, несомнѣнно указывающія на существованіе значительной атмосферы планеты, которую необходимо будетъ принять въ расчетъ при окончательномъ выводѣ солнечнаго параллакса изъ наблюденныхъ прикосновеній. Наблюденія въ Восточной Сибири и на островѣ Амуръ-Аде, по причинѣ облачнаго неба, удались только отчасти, а въ Эривани, гдѣ погода была крайне неблагоприятна, г. Вагнеру вовсе не удалось видѣть планету на солнцѣ. Въ Пулковскую обсерваторію представлены результаты наблюденій и изъ всѣхъ остальныхъ станцій Имперіи и на обсерваторіи лежитъ теперь обязанность изъ сово-

кунности всѣхъ наблюдений сдѣлать окончательный выводъ о величинѣ параллакса солнца.

Другія ученые работы главной астрономической обсерваторіи, пользующейся заслуженною извѣстностію въ ученомъ мірѣ, продолжались въ 1874 году съ обычнымъ успѣхомъ и постепенно дѣлались общимъ достояніемъ чрезъ обнародованіе ея наблюдений. Въ 1874 году вышли въ свѣтъ 32 листа VII-го тома пулковскихъ наблюдений, заключающіе въ себѣ между прочимъ наблюдения, произведенныя разными лицами съ 1869 по 1874 годъ для опредѣленія мѣста звѣздъ, добавочныхъ къ нашему каталогу главныхъ звѣздъ и служащихъ опорными точками для предпринятой астрономическимъ обществомъ большой работы по зонамъ.

Между географическими предпріятіями, въ которыхъ нынѣ участвуетъ главная астрономическая обсерваторія, первое мѣсто занимаетъ длинный рядъ телеграфныхъ опредѣленій долготъ, пролагаемыхъ чрезъ всю Сибирь по распоряженію военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба. Изъ сообщенныхъ производителями этой работы свѣдѣній видно, что, не смотря на большія затрудненія вслѣдствіе разлива рѣкъ, порчи телеграфныхъ линий и т. п., удалось окончить связь Срѣтска съ Албазиномъ и связать Албазинъ съ Благовѣщенскомъ, Благовѣщенскъ съ Хабаровкою, Хабаровку съ Владивостокомъ и съ Николаевскомъ. Лица, отправленные для наблюдений прохождения Венеры черезъ дискъ солнца, много съ своей стороны содѣйствовали успѣшному развитію этого дѣла и дали богатые матеріалы для географическаго опредѣленія мѣстъ.

Въ 1874 году при Пулковской обсерваторіи, подъ руководствомъ полковника Тилло, готовились къ снаряженію Императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ Арало-Каспійской нивелировкѣ капитанъ Солимани и гг. Мошковъ и Струве.

3) Императорская публичная бібліотека.

Императорская публичная бібліотека руководствовалась съ 1-го января 1871 года временнымъ росписаніемъ должностей и расходовъ, Высочайше утвержденнымъ для нея 12-го мая 1870 года, въ видѣ опыта, срокомъ на три года. Въ настоящемъ отчетномъ году, Высочайше утвержденнымъ 25-го мая 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта временное росписаніе замѣнено постояннымъ штатомъ, составляющимъ 80.007 руб. 76 к. въ годъ, при чемъ къ суммѣ, отпущавшейся по росписанію, прибавлено 4.450 руб. преимущественно

на усиліе расходовъ по хозяйственной части. Новый штатъ положено привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1875 года.

Въ теченіи 1874 года число лицъ пользовавшихся библіотекою и размѣры самага пользованія значительно увеличились.

Въ 1873 году выдано было билетовъ для занятій 10.451, читателей было 113.553 и выдано имъ книгъ для чтенія 183.672 тома и 92.841 номеръ повременныхъ изданій.

Въ 1874 же году было выдано билетовъ для занятій въ библіотекѣ 11.448; всѣхъ читателей было 164.895 и ими было вытребовано для чтенія 263.896 томовъ книгъ и 107.825 номеровъ повременныхъ изданій.

Наиболѣе замѣчательныя приобрѣтенія библіотеки въ теченіе 1874 года были слѣдующія:

1) Собраніе рукописей, купленныхъ у г. Протопопова и принадлежавшихъ, почти въ полномъ составѣ, г. Николеву, — 162 рукописи.

2) Собраніе старопечатныхъ книгъ, вымѣненныхъ у Румянцевскаго музея, 109 книгъ неизмѣненныхъ въ библіотекѣ.

3) Собраніе глаголическихъ рукописей и книгъ, купленное послѣ покойнаго славянскаго ученаго Берчича. Наша библіотека, кромѣ навѣстнаго Зографскаго евангелія, писаннаго въ XII вѣкѣ, другихъ глаголическихъ рукописей не имѣла. Точно также въ ней было не болѣе 3-хъ глаголическихъ изданій. Рукописи прибрѣтенной нынѣ коллекціи даютъ весьма важные матеріалы какъ для изученія текста св. писанія, такъ и для исторіи славянскаго языка и движенія славянской письменности изъ Болгаріи.

4) Собраніе восточныхъ рукописей, происходящихъ изъ Средней Азіи и пожертвованныхъ генераль-адъютантомъ К. П. Кауфманомъ. Большинство ихъ нѣсколько попорчено, потому что во время пересылки изъ Ташкента въ Петербургъ ящикъ съ ними по неосторожности попалъ въ рѣку Аму-Дарью и пробылъ тамъ довольно долгое время. Въ теченіе года сорокъ изъ этихъ рукописей были разсмотрѣны и библіографически описаны.

5) Весьма обширная и цѣнная коллекція книгъ русскихъ и иностранныхъ, принадлежавшая покойному почетному лейбъ-медику, тайному совѣтнику Н. Н. Персону и пожертвованная дочерьми его. О богатствѣ этой коллекціи, заключающей до 3.000 сочиненій, можно судить потому, что, напримѣръ, объ одной холерѣ въ ней оказалось

60 недостававшихъ библиотекъ сочиненій, а по большею части даже болѣе 200 сочиненій.

4. Московскій публичный и Румянцевскій музей.

Въ 1874 году Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея коснулись слѣдующія матеріальныя улучшения. Зданія музея требовали неотложнаго исправленія и приспособленія къ назначенію этого ученаго учрежденія. Такое требованіе было удовлетворено назначеніемъ на этотъ предметъ 33.236 руб. по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1874 года. Сверхъ того, на покрытіе расходовъ существующаго при музеѣ общества древне-русскаго искусства, по моему ходатайству, открытъ въ 1874 году сверхсмѣтный кредитъ въ 3.000 р. и общество это получило разрѣшеніе издавать Вѣстникъ, въ которомъ будутъ помѣщаться труды его членовъ.

Число лицъ, пользовавшихся въ 1874 году музеемъ для ученыхъ занятій въ библиотекѣ и отдѣленіи рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ, увеличилось, сравнительно съ 1873 годомъ; въ библиотекѣ было заявлено требованій 950, болѣе прошлаго года на 150 требованій, и въ отдѣленіи рукописей 29.897 требованій, болѣе на 4.629; но число посѣтителей въ музеяхъ, которые были закрыты до поздней осени, по случаю перестройки, уменьшилось на 6,249 человекъ по сравненію съ 1873 годомъ и составляло всего 21.176 человекъ. Картинная галлерей музея посѣщалась многими любителями, художниками и учениками школы живописи и ваянія, которые занимались копированіемъ находящихся въ ней произведеній живописи, преимущественно русскои школы.

Важнѣйшія приобрѣтенія музея въ теченіе 1874 года были:

По отдѣленію рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ.

1) Собраніе греческихъ и славянскихъ рукописей извѣстнаго собирателя и путешественника по востоку П. И. Севастьянова. Собраніе это находилось уже прежде въ залахъ музея, на правахъ временнаго пользованія имъ, но въ 1874 году оно поступило въ полную его собственность. Оно состоитъ изъ 100 съ небольшимъ рукописей, но цѣнится высоко, потому что 70 изъ рукописей принадлежать къ древнѣйшей эпохѣ съ IX по XV столѣтіе и въ томъ числѣ 50 рукописей писаны на пергаментѣ.

2) Двѣ коллекціи старопечатныхъ книгъ, полученныя путемъ обмена дублетовъ, накопившихся въ значительномъ числѣ въ музеѣ; одна коллекція отъ Императорской публичной библиотеки въ числѣ

48 ММ и другая отъ С.-Петербургской духовной академіи въ количествѣ 126 ММ. Большая часть входящихъ въ составъ обѣихъ коллекцій памятниконъ, между которыми есть замѣчательныя по своей рѣдкости и цѣнности, каковы, на примѣръ, изданія венеціанскія, тюбингенскія и другихъ иностранныхъ славянскихъ типографій, послужили въ фундаментальному пополненію музейскаго собранія экземплярами, которыхъ прежде не было, или которые находились въ неполномъ и поврежденномъ видѣ.

3) Автографъ Гоголя 2-й части его поэмы „Мертвыя Души“, прибрѣтенный отъ наследниковъ покойнаго профессора Шеврева.

По отдѣленію двисторическихъ древностей.

Пожертвованна зарайскимъ купцомъ Вахрушинымъ серебряныя украшенія, найденныя въ 20 верстахъ отъ Зарайска въ лѣсистой мѣстности близъ рѣки Осетра, и состоящія въ шейныхъ обручахъ, браслетахъ, серьгахъ и накладеѣ съ пояса.

По отдѣленію русскихъ древностей.

Пожертвованна имъ же бронзовыя тѣлники съ X по XVII вѣкъ, серебряныя кресты, серьги, перстни, пуговицы XVII вѣка, нѣсколько образцовъ древней мѣдной посуды XVI и XVII вѣка и проч.

По отдѣленію христіанскихъ древностей.

Собраніе П. И. Севастьянова, состоящее изъ копій, снятыхъ съ аеонскихъ древностей, и изъ нѣсколькихъ подлинниковъ по разнымъ отдѣламъ древне-христіанскаго искусства.

По Даиковскому этнографическому музею.

Отъ туркестанскаго генераль-губернатора К. П. Кауфмана различныя предметы, собранныя во время Хивинской экспедиціи 1873 года, каковы костюмъ Хивинки, состоящій изъ халата, передниковъ, верхней одежды, пояса, платка, валошъ и сапогъ и другихъ принадлежностей женской и мужской одежды и предметовъ конскаго облаченія.

По отдѣленію иностранной этнографіи.

Доставленное русскимъ посланникомъ въ Пекинъ Битцовымъ собраніе значительнаго числа японскаго оружія и полнаго вооруженія съ латами и шлемами японскаго даймиаги (удѣльнаго князя). Это богатое приношеніе тѣмъ важнѣе и цѣннѣе, что западная цивилизація, болѣе и болѣе проникая въ Японію, постепенно сглаживаетъ своимъ вліяніемъ нравы, обычаи и самую одежду этой страны.

5. Виленская публичная бібліотека и музей.

Временная коммисія, подъ управленіемъ которой состоятъ Вилен-

ская публичная бібліотека и музей, продолжала въ 1874 году исполненіе возложенной на нее обязанности дать новую правильную организацію виленскому книгохранилищу съ примѣненіемъ къ нему порядка устройства и правилъ, принятыхъ въ Императорской публичной бібліотекѣ. Для облегченія этой задачи комисіи, Виленская публичная бібліотека, по моему порученію, была осмотрѣна въ подробности помощникомъ директора Императорской публичной бібліотеки, тайнымъ совѣтникомъ Бычковымъ и, вслѣдствіе этого осмотра, приняты были слѣдующія мѣры: описаніе рукописнаго отдѣленія приостановлено на неопредѣленное время, общеславянское отдѣленіе слито съ остальными иностранными отдѣленіями подъ однимъ названіемъ: „общее отдѣленіе“, всѣ наличныя силы комисіи обращены къ описанію и каталогизаціи печатныхъ сочиненій верхней бібліотеки, русскаго отдѣленія, а также отдѣленія періодическихъ изданій, и, наконецъ, усилены средства для болѣе успѣшнаго производства работъ по каталогизаціи назначеніемъ на этотъ предметъ, по ходатайству моему, къ отпуску изъ государственнаго казначейства въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 1-го января 1875 года, по 2,000 руб. ежегодно; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе всѣ дефектныя сочиненія, напечатанныя въ бібліотекѣ въ значительномъ количествѣ и занимавшія излишнее мѣсто, за исключеніемъ напечатанныхъ до половины XVI вѣка, продать и вырученныя деньги обратить также на усиленіе работъ по каталогизаціи.

Изъ новыхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ бібліотекою, наиболѣе цѣнное составляетъ Глубокская помонастырская бібліотека, состоящая изъ 908 названій въ 1396 томахъ.

Какъ бібліотека, такъ и музей въ теченіе года были открыты для публики. Число посѣтителей бібліотеки простиралось до 2.865 и посѣтителей музея до 3.208 человекъ; всѣхъ требованій на книги заявлено было 2.077, въ томъ числѣ на 1.332 сочиненія на русскомъ языкѣ.

Наиболѣе замѣчательныя предметы Виленскаго музея древностей въ числѣ 9 экземпляровъ были (въ 1872 году) отсылаемы на Археологическую выставку въ Кіевъ и возвращены оттуда въ полной сохранности.

6. Археографическая комисія министерства народнаго просвѣщенія.

Въ теченіе 1874 года археографическая комисія окончила печатаніемъ слѣдующія изданія:

1) Пятый выпускъ *Великихъ Минеи Четивъ, собранныхъ Всероссийскими митрополитами Макаріемъ* (мѣсяць октябрь дни 4—18).

2) *Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи*, въ переводѣ съ голландскаго языка на русскій, въ которыхъ съ особенною подробностію описываются событія времени самозванцевъ.

Продолжалось печатаніе:

1) *Новгородской летописи* по синодальному харатейному списку и воспроизведеіе ея посредствомъ свѣтопечати.

2) *Новгородской летописи* по Архивскому и другимъ спискамъ.

3) XVI тома *Полнаго Собранія Русскихъ Летописей*, содержащаго въ себѣ такъ называемую „Лѣтопись Авраамія“.

4) 3-го выпуска *Указателя къ первымъ 8 томамъ полнаго собранія русскихъ летописей*.

5) 1-го тома *Хронологическаго указателя грамотъ*, помѣщенныхъ въ сборникахъ актовъ.

6) VIII тома *Актовъ Южной и Западной Россіи*, въ который вошли документы, относящіеся къ исторіи Малороссіи за 1648—1653 и 1669 г. г.

7) 2 и 3-го томовъ *Русской исторической библиотеки*, заключающихъ въ себѣ грамоты и акты историко-юридическаго содержанія съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Алексія Михайловича. Сверхъ того въ 3-мъ томѣ будутъ напечатаны четыре „Переписныя книги Московскаго Успенскаго собора“: начала XVII вѣка, 1627, 1638 и 1701 годовъ, представляющія обильный археологическій матеріалъ для исторіи русскаго и отчасти византійскаго искусства, и свидѣтельствующія о древнихъ сокровищахъ и богатствѣ этого собора.

8) IX тома *Дополненій къ актамъ историческимъ*, въ которомъ печатаются акты, относящіеся къ царствованію Θεодора Алексѣевича.

9) *Сравнительныхъ хронологическихъ таблицъ*, служащихъ пособіемъ при критическомъ разборѣ русской и византійской исторіи.

10) *Указателя къ первымъ десяти томамъ Дополненій въ Актамъ историческимъ*.

Сверхъ того положено предпринять новыя изданія: 1) документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи за 1654 и 1655 годы, хранящихся по преимуществу въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и 2) документовъ по исторіи Западной Россіи. и въ числѣ ихъ „Виленскій соборъ 1509 года“ и „Палинодія“ Захарія Копыстенскаго или „Книга обороны каеолоической“.

Въ 1874 году въ Археографическую комиссію поступили слѣдующія значительныя приношенія отъ ея корреспондентовъ:

а) Отъ почетнаго гражданина Григорьева библиотека, принадлежавшая бывшему члену государственнаго совѣта и предсѣдателю археографической комиссіи П. А. Муханову, заключающая въ себѣ свыше 5000. томовъ сочиненій разнороднаго содержанія, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ (преимущественно на французскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ).

б) Отъ почетнаго гражданина Смирнова 3.000 руб. на изданіе древнихъ памятниковъ отечественной исторіи.

в) Отъ купеческаго сына Михайлова до 3000 документовъ XVII и начала XVIII столѣтій, относящихся къ исторіи Вологодскаго края.

7. Виленская комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ.

Ученныя работы комиссіи, согласно принятому плану, были въ 1874 году двухъ родовъ: 1) по изданію актовъ и 2) по заготовленію матеріаловъ для будущихъ изданій.

1) *По изданію актовъ.* Въ теченіе 1874 года были напечатаны, въ дополненіе къ изданнымъ въ 1873 году VII-му тому актовъ Гродненскаго Гродскаго суда и къ двумъ томамъ писцовой книги бывшаго Пинскаго староства, предисловіе къ означенному VII тому, оглавленіе и алфавитный указатель, также предисловіе, оглавленіе и алфавитный указатель къ писцовой книгѣ; всего напечатано 34¹/₄ листа.

2) *По заготовленію матеріаловъ для будущихъ изданій.* По желанію многихъ частныхъ лицъ ознакомиться съ актами бывшаго Виленскаго воеводства, комиссія приступила къ изданію актовъ Виленскаго Гродскаго суда и съ этою цѣлью ею рассмотрѣно было 99 актовыхъ книгъ этого суда, изъ которыхъ каждая среднимъ числомъ содержитъ въ себѣ 150 листовъ. Изъ нихъ отобрано, списано, повѣрено съ подлинниками и озаглавлено 225 актовъ, и кромѣ того, изложено содержаніе 40 актовъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ. Независимо отъ того, комиссіею заготовлено для печатанія значительное количество актовъ бывшаго Брестскаго воеводства.

8. Центральные архивы древнихъ актовыхъ книгъ: Виленскій и Кіевскій.

Въ теченіе 1874 года ни въ Виленскій или въ Кіевскій центральные архивы не поступило никакихъ новыхъ документовъ; къ концу

1874 года въ первомъ изъ нихъ находилось 18.248 актовыхъ книги съ актами разныхъ правительственныхъ мѣстъ и 175 подлинными королевскими грамотами; въ послѣднемъ—5.882 актовыя книги и 454.979 отдѣльныхъ документовъ.

Работы обонхъ архивовъ въ 1874 году были слѣдующія: въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ продолжаемы были описи актамъ Россіенскаго земскаго суда, заключающимся въ древнихъ актовыхъ книгахъ, съ показаніемъ нумера каждаго документа, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда онъ совершенъ и явленъ въ судѣ; всего описано 1.421 актъ на 2.532 листахъ и, сверхъ того, составлены были описи 129 отдѣльныхъ документовъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія.

Въ Киевскомъ центральномъ архивѣ составлены три описи къ тремъ актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 2.170 документовъ, такъ что къ 1-му января 1875 года имѣлась въ архивѣ уже 21 опись къ 21 актовой книгѣ. Изъ этого числа 11 описей уже напечатаны, 5 описей разрѣшены къ напечатанію и пять приготавлиются къ печати.

На обонхъ архивахъ, кромѣ описи актовъ и приготовленія къ печати болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ, лежитъ обязанность, по требованію правительственныхъ мѣстъ и по просьбамъ частныхъ лицъ, выдавать выписи изъ актовыхъ книгъ и завѣренія представленныхъ документовъ.

Такихъ выписей и завѣреній выдано было въ 1874 году изъ Виленскаго архива 117 и изъ Киевскаго 40.

III. УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Къ числу ученыхъ обществъ присоединилось учрежденное въ 1874 году въ С.-Петербургѣ общество классической филологіи и педагогикѣ, имѣющее цѣлью содѣйствовать успѣшному преподаванію древнихъ языковъ и ихъ литературы въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ и вообще преуспѣванію классической филологіи въ Россіи. Дѣлами общества завѣдываетъ, на основаніи устава, совѣтъ, находящійся въ С.-Петербургѣ, но членами общества могутъ быть какъ лица, проживающія въ С.-Петербургѣ, такъ и иногородныя. Иногородные члены общества имѣютъ свои особныя собранія, которыя въ своихъ занятіяхъ руководствуются общимъ уставомъ и свои протоколы сообщаютъ совѣту общества для свѣдѣнія. Въ кругъ дѣятельности общества входитъ также содѣй-

ствіе наданію и удешевленію хорошихъ учебныхъ книгъ по древнимъ языкамъ и улучшенію фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ по части классической филологіи.

Всего ученыхъ обществъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, къ 1-му января 1875 года было 44; изъ нихъ 20 состояло при университетахъ и 24 существовали отдѣльно. Наибольшее число ученыхъ обществъ было въ С.-Петербургѣ, именно 12; затѣмъ, въ Москвѣ — 10 и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ — 10, въ Харьковѣ, Одессѣ и Кіевѣ по 2; въ Казани, Варшавѣ, Нарвѣ, Ярославлѣ, Екатеринбургѣ и Омскѣ по 1.

Изъ общаго числа, 18 обществъ имѣютъ предметомъ своихъ занятій содѣйствіе распространенію естественно-историческихъ и физико-химическихъ знаній, 8 посвящаютъ свою дѣятельность археологіи, древностямъ и исторіи, 7 — литературѣ и искусствамъ, 3 — древней филологіи, 2 — изученію и обработкѣ педагогическихъ вопросовъ, 3 — математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ наукамъ, наконецъ, 3 общества имѣютъ своею задачею содѣйствіе литературѣ и вообще образованію; къ нимъ относятся С.-Петербургское общество вспоможенія литераторамъ и ученымъ, Московское общество распространенія полезныхъ книгъ и Туккумское общество для взаимнаго образованія.

Императорское русское историческое общество, имѣющее счастье состоять подъ высочайшмъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ теченіе семилѣтняго своего существованія успѣло издать уже 12 весьма объемистыхъ томовъ сборника, представляющихъ важное значеніе для науки. Въ противоположность отдѣльнымъ частнымъ издателямъ историческихъ журналовъ, нерѣдко основывающимъ свои соображенія на денежныхъ разчетахъ и потому останавливающимся преимущественно на мелкихъ подробностяхъ, доступныхъ и часто привлекательныхъ для читателей, лишенныхъ основательнаго образованія, Императорское русское историческое общество сосредоточивало свое вниманіе на событіяхъ и лицахъ, имѣющихъ дѣйствительную историческую важность. Въ уваженіе этихъ заслугъ и для доставленія обществу возможности расширить свою дѣятельность, Высочайше утвержденнымъ 30-го апрѣля 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта назначено производить ему изъ суммъ государственнаго казначейства пособіе по 6.000 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, начи-

ная съ 1875 года, на изданіе документовъ, относящихся до русской исторіи.

Русскому энтомологическому обществу, существующему уже 11 лѣтъ, оказано въ 1874 году также особое милостивое вниманіе. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, удостоилъ это общество, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, высокой чести, приняиетъ его подъ свое покровительство.

Съ цѣлю содѣйствія археологій и дальнѣйшаго развитія научныхъ археологическихъ разысканій въ 1874 году, по примѣру бывшихъ археологическихъ съѣздовъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ при находящихся тамъ археологическихъ обществахъ, происходилъ третій археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, представляющій, по богатому собранію памятниковъ старины, обильную пищу для археологій. На расходы по этому съѣзду, привлеченному значительное число ученыхъ, назначено было 4.000 рублей изъ суммъ государственнаго казначейства.

Образованныя при министерствѣ народнаго просвѣщенія особыя временныя комиссіи: одна въ 1872 году, подъ мнѣмъ предѣдательствомъ, для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ Петра Великаго и другая въ 1873 году, подъ предѣдательствомъ сенатора Балачева, для устройства архивовъ, значительно подвинули свои работы въ теченіе 1874 года. Труды первой комисіи состояли въ перепискѣ и повѣркѣ значительнаго числа писемъ, указовъ и различныхъ бумагъ Петра Великаго, выбранныхъ изъ государственнаго архива, архива правительствующаго сената, Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, архивовъ Тульскаго оружейнаго завода и Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генераль-губернатора, изъ бібліотеки лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и изъ частной коллекціи князя Волконскаго. Для изданія въ свѣтъ этихъ писемъ и бумагъ назначено изъ суммъ государственнаго казначейства 5.000 рублей. Вторая комиссія успѣла собрать въ теченіе 1874 года свѣдѣнія о состояніи русскихъ архивовъ разныхъ министерствъ, обсудить добытыя еще въ 1873 году матеріалы о положеніи архивовъ за границей и о способахъ приготовленія тамъ свѣдущихъ архиваріусовъ и затѣмъ остановилась на предположеніи о необходимости, съ одной стороны, образованія центральныхъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи и при нихъ историческихъ обществъ, а съ другой—учрежденія археологическаго института съ цѣлю преподаванія въ ономъ

и въ которыхъ спеціальныя предметы будущимъ ученымъ архивариусамъ. Предположенія эти обрабатываются нынѣ въ подробности по плану, начертанному комиссіею.

IV. УЧЕНЫЙ КОМИТЕТЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе 1874 года занимался разсмотрѣніемъ дѣлъ, проектовъ и вопросовъ, возникавшихъ въ немъ касательно ученыхъ, учебно-воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній и учреждений не только вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но и другихъ вѣдомствъ, обращавшихся въ министерство для предварительнаго разсмотрѣнія разнаго рода проектовъ и разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ учебному и воспитательному дѣлу.

Въ 39 засѣданіяхъ ученаго комитета такихъ дѣлъ, проектовъ и вопросовъ было разсмотрѣно и разрѣшено 97.

Въ числѣ дѣлъ, относящихся къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, на разсмотрѣніи ученаго комитета были слѣдующія: распредѣленіе преподаванія философіи въ Харьковскомъ университетѣ; правила объ испытаніяхъ на степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента въ Московскомъ университетѣ; инструкціи для директора и совѣта Харьковскаго ветеринарнаго института; такія же инструкціи для директора, инспектора, совѣта и студентовъ Дерптскаго ветеринарнаго института; распредѣленіе предметовъ преподаванія по курсамъ и кафедрамъ въ Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ; программы преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ; проекты положенія о курсѣ повивальнаго искусства и учрежденія женскихъ курсовъ при Казанскомъ университетѣ; правила для испытанія студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института вообще и для полученія степени магистра ветеринарныхъ наукъ и званія ветеринарнаго фельдшера, а также и для воспитанниковъ фельдшерской школы; проектъ устава Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ и правила для студентовъ и вольнослушателей спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

По гимназіямъ, прогимназіямъ и реальнымъ училищамъ въ ученомъ комитетѣ сдѣлано распредѣленіе уроковъ по часамъ дня въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ; составлены инструкціи хозяйственнымъ комитетамъ реальныхъ училищъ, правила для учениковъ гимназій и

прогимназій съ правилами о взысканіяхъ; сдѣлано примѣненіе гимназическихъ правилъ о взысканіяхъ къ реальнымъ училищамъ; рассмотрѣны программы физики, физической географіи и химіи для испытанія на званіе учителя математики и физики и естественной исторіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, и проектъ устава реального училища при церкви св. Михаила въ Москвѣ.

По устройству институтовъ и школъ для приготовленія учителей и учительницъ на рассмотрѣніи ученаго комитета были: проекты положеній о Закавказской учительской семинаріи и о состоящей подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александровской земской учительской школѣ, учрежденной Новгородскимъ земствомъ; правила о дополнительныхъ при учительскихъ институтахъ курсахъ для учителей уѣздныхъ училищъ; программы преподаванія математики въ учительскихъ институтахъ; программы для испытанія на званіе городского учителя; формы свидѣтельствъ: а) для выдержавшихъ удовлетворительно испытаніе на званіе городского учителя; б) для учителей уѣздныхъ училищъ, выслушавшихъ дополнительные курсы, и в) для воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ; правила для производства испытаній на званіе учителя городского училища, составленныя педагогическими совѣтами С.-Петербургскаго и Московскаго учительскихъ институтовъ, и правила для испытаній на званіе учителя и учительницы начальныхъ школъ: а) для инородцевъ-христіанъ, для инородцевъ-язычниковъ, и для татаръ-магометанъ, а также б) для учителей русскихъ классовъ при мектебе и медресе.

По устройству низшихъ училищъ ученымъ комитетомъ рассмотрѣны: программы учебныхъ предметовъ для городскихъ училищъ и инструкціи касательно управленія сими училищами; проектъ инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ народныхъ училищъ; уставъ начальныхъ земскихъ двухклассныхъ школъ для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній; проектъ положенія о двухклассномъ образцовомъ Курскомъ городскомъ училищѣ имени Государя Цесаревича Александра Александровича; уставы: школы грамотности и руководѣля Серпуховскаго благотворительнаго общества, Троицкой начальной школы при Набилковскомъ богадѣльномъ домѣ для приходящихъ дѣтей обоего пола, Тверскаго техническаго училища, учрежденнаго Тверскимъ губернскимъ земствомъ въ Твери, Сибирскаго ремесленнаго училища графа Орлова-Давыдова, Царско-сельскаго ремесленнаго училища, дома призрѣнія и ремесленнаго об-
 часть CLXXXVI, отд. 1. 2

разованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, Харьковскаго ремесленнаго училища, Губино-Угольской Θεодора и Меланіи Мартыновыхъ богадѣльни (Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи) и дѣтскаго приюта въ селѣ Екатериненштадтѣ (Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи); уставъ и штатъ татарскаго института въ Казани; проекты положеній объ устройствѣ Киргизской учительской школы въ г. Уральскѣ, и учительскихъ же школъ для инородцевъ въ Оренбургской губерніи и Тургайской области и для Башкиръ внутренней орды; наконецъ, проектъ положенія объ устройствѣ учебной части въ Туркестанскомъ краѣ.

По женскимъ учебнымъ заведеніямъ ученый комитетъ занимался разсмотрѣніемъ учебныхъ плановъ преподаванія предметовъ нормальнаго курса женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, проектомъ положенія о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, съ объяснительною къ нему запискою; правилами испытанія для поступленія ученицъ въ женскія гимназіи, при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ и при окончаніи учебнаго курса; проектомъ устава женской Ломоносовской гимназіи въ Ригѣ и проектомъ положенія о педагогическомъ курсѣ начальныхъ училищъ при Херсонской Маріинско-Александровской женской прогимназіи.

По учрежденію и устройству ученыхъ и благотворительныхъ обществъ въ ученомъ комитетѣ обсуждаемы были проекты уставовъ: а) ученыхъ обществъ—филологическаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ, Кіевскаго юридическаго общества, предполагавашагося въ Кіевѣ общества исторіи, древностей и литературы, музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, С.-Петербургскаго и Саратовскаго педагогическихъ обществъ, русскаго литературнаго кружка въ Ригѣ и Московскаго общества народныхъ читателей въ память 200-лѣтняго юбилея Императора Петра I; б) благотворительныхъ обществъ Калужскаго, Минскаго, Донскаго, Николаевскаго и Восточной Сибири для вспомошествованія учащимся недостаточнаго состоянія.

По установленному порядку, въ отчетномъ году ученымъ комитетомъ представлены отзывы и заключенія о 36-ти отчетахъ лицъ, командированныхъ за границу съ цѣлію приготовленія къ профессорскому званію.

По вопросамъ, относящимся къ всеобщей воинской повинности, ученымъ комитетомъ представлены соображенія и заключенія: о про-

граммѣ алгебры для испытанія вольноопредѣляющихся третьяго разряда; о проектѣ положенія для испытанія лицъ, желающихъ воспользоваться льготами по отбыванію воинской повинности, присвоенныхъ по уставу училищамъ четвертаго разряда; о предоставленіи льготъ по отбыванію воинской повинности ученикамъ Перновской и Либавской прогимназій и Аренбургской гимназіи наравнѣ съ учениками семиклассныхъ гимназій, а также молодымъ людямъ, получившимъ образованіе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ книгъ и рукописей, представленныхъ въ ученый комитетъ въ 1874 году, рассмотрѣно 252, атласовъ, рисунковъ, таблицъ и картъ—21; изъ нихъ одно изданіе (международные словари Н. Магарова: части русско-французская и французско-русская) удостоено высокой чести посвященія имени Государя Императора и одно—русскій энциклопедическій словарь, издаваемый профессоромъ Березиннымъ—имени Государя Наслѣдника Цесаревича; одобрено для употребленія въ видѣ учебныхъ руководствъ и пособій и для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки учебныхъ заведеній книгъ и брошюръ 111, атласовъ, рисунковъ, таблицъ и картъ 11; не одобрено книгъ и рукописей 139, атласовъ, рисунковъ, таблицъ и картъ 10.

Въ 35-ти засѣданіяхъ особаго отдѣла ученаго комитета въ 1874 г. рассмотрѣно: книгъ, брошюръ и рукописей 224 и 2 таблицы, предназначенныя для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и для народнаго чтенія; изъ нихъ одобрено къ употребленію въ видѣ учебныхъ руководствъ и пособій, а также для чтенія въ классѣ и для приобрѣтенія въ бібліотеки означенныхъ училищъ 136 книгъ, брошюръ и рукописей и 2 таблицы; затѣмъ, не удостоено одобренія 88 книгъ, брошюръ и рукописей. Сверхъ того, въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета рассмотрѣно дѣло объ учрежденіи въ Псковѣ, на средства земства, женской учительской школы.

Два общія засѣданія основнаго и особаго отдѣловъ ученаго комитета были посвящены обсужденію переданной въ ученый комитетъ печатной записки „о введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній“.

Въ заключеніе настоящаго моего отчета, обнимающаго собою дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Имперіи, долгомъ считаю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что и въ настоящемъ отчетномъ году я находилъ, какъ и прежде, со стороны попечителей учебныхъ округовъ, какъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ по управленію

министерствомъ народнаго просвѣщенія, самое живое и просвѣщенное содѣйствіе. Благодаря этому содѣйствію и при совокупномъ съ попечителями округовъ и всестороннемъ обсужденіи всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, начатая реформа гимназій и реальныхъ училищъ приводится къ окончанію въ настоящемъ отчетномъ году, существующія гимназій и реальныхъ училища поставлены на прочномъ основаніи, указанномъ и оправданномъ опытомъ образованныхъ европейскихъ государствъ, довѣріе къ этимъ учебнымъ заведеніямъ со стороны общества возросло, число ихъ въ 1874 году увеличилось и должно увеличиться еще больше въ будущемъ, судя по тѣмъ заявленіямъ, которыя поступили уже въ министерство, о готовности многихъ обществъ и земствъ содѣйствовать учрежденію новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ значительными матеріальными приношеніями.

При дѣятельномъ участіи попечителей учебныхъ округовъ, возвышена и утверждена на правильномъ основаніи учебная часть въ женскихъ гимназійхъ и прогимназійхъ, которыя до сихъ поръ не имѣли никакой опредѣленной программы, сдѣланы необходимыя приготовленія къ преобразованію уѣздныхъ училищъ въ городскія, къ открытію новыхъ учительскихъ институтовъ, къ болѣе правильному устройству учебной части въ учительскихъ семинаріяхъ.

При непосредственномъ содѣйствіи попечителей учебныхъ округовъ, число всѣхъ учебныхъ заведеній, не только среднихъ, но и низшихъ, значительно увеличилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличились и пособія на пользу училищъ со стороны мѣстныхъ обществъ и земствъ. Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ имѣли, сверхъ того, и особые занятія: попечитель Дерптскаго учебнаго округа — по переустройству начальныхъ училищъ въ православныхъ селеніяхъ Прибалтійскихъ губерній; попечитель Варшавскаго округа — по преобразованію реальныхъ гимназій въ реальныхъ училища, по общему уставу реальныхъ училищъ; попечитель Казанскаго учебнаго округа — по образованію новаго учебнаго округа Оренбургскаго и по устройству на новыхъ основаніяхъ учебной части въ инородческихъ училищахъ округа.

Сознавая важность своихъ обязанностей, попечители учебныхъ округовъ старались изучить состояніе учебной и воспитательной части всѣхъ разрядовъ учебныхъ заведеній на мѣстѣ, посредствомъ личныхъ осмотровъ, повѣряя ими результаты постоянныхъ осмотровъ, дѣлаемыхъ ежегодно, по ихъ порученію, помощниками ихъ, окруж-

ными инспекторами, а также директорами и инспекторами народныхъ училищъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ отчетномъ году осмотрѣли во всѣхъ подробностяхъ: *попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ князь Ливень*—гимназіи, прогимназіи, реальныя училища, учительскій институтъ и Никольское уѣздное училище въ столицѣ, гимназіи мужскія и женскія и другія учебныя заведенія въ Новгородѣ, Псковѣ и Кроштадтѣ и учительскую семинарію въ Гатчинѣ; *попечитель Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мецкерскій*—гимназіи, учительскій институтъ и нѣкоторыя другія учебныя заведенія въ столицѣ, Демидовскій лицей, гимназіи мужскую и женскую, городское 3-хъ классное училище въ Ярославлѣ, гимназіи мужскую и женскую, Александровскую женскую учительскую школу и нѣкоторыя другія учебныя заведенія въ Рязани, уѣздное училище въ Коломнѣ и учительскую семинарію въ селѣ Поливановѣ; *попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воскресенскій*—гимназіи мужскія и женскую и другія учебныя заведенія въ Харьковѣ, женскія гимназіи, прогимназіи и уѣздныя училища въ городахъ: Пензѣ, Сумахъ, женскія прогимназіи и уѣздныя училища въ городахъ: Козловѣ и Валуйкахъ, женскую гимназію, Екатерининскій учительскій институтъ и уѣздное училище въ Тамбовѣ, женскую прогимназію, учительскую семинарію и уѣздное училище въ Волчанскѣ; *попечитель Казанскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Шестаковъ*—гимназіи въ Казани и Вяткѣ, учительскую семинарію и земскую школу для приготовленія учительницъ, уѣздное училище и другія учебныя заведенія въ Казани, земскую школу для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и приготовленія учителей, уѣздное училище и другія учебныя заведенія въ Вяткѣ. Учебныя заведенія, находящіяся въ городахъ: Перми, Екатеринбургѣ, Уфѣ и Оренбургѣ, осмотрѣлъ предназначенный на должность попечителя, нынѣ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровскій; *попечитель Кіевскаго учебнаго округа, генерал-лейтенантъ Антоновичъ*—гимназіи, прогимназіи мужскія и женскія, реальное училище и другія учебныя заведенія въ Кіевѣ, Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Немировѣ, Черниговѣ, Острогѣ, Глуховѣ и Бѣлой-церкви, лицей и гимназію въ Нѣжинѣ, уѣздныя училища въ Прилукахъ, Остерѣ, Козельцѣ, Городнѣ, Новозыбковѣ, Суражѣ, Кролевецѣ и учительскую семинарію въ Коростышевѣ; *попечитель Одесскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Голубцовъ*—мужскія гимна-

зіи и прогимназіи, реальное училище, женскую гимназію и другія учебныя заведенія въ Одессѣ, гимназіи, прогимназіи и другія учебныя заведенія въ Екатеринославѣ и Херсонѣ, мужскую прогимназію, женскую гимназію и учительскій институтъ въ Феодосіи, гимназію, татарскую учительскую школу и другія учебныя заведенія въ Симферополѣ, уѣздныя училища въ Александровскѣ и Севастополѣ и Маріинскую частную школу г-жи Римской-Корсаковой близъ Ялты; *попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Сергіевскій*—гимназіи, Виленское высшее женское училище, еврейскій учительскій институтъ и другія учебныя заведенія въ Вильнѣ и учительскія семинаріи въ Молодечнѣ, Полоцкѣ и Поневѣжѣ; *попечитель Дерптскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Жерве*—гимназіи мужскую и женскую и Прибалтійскую учительскую семинарію въ Ригѣ, гимназіи и другія учебныя заведенія въ Ревелѣ, Митавѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Либавѣ, Верро, Венденѣ, Валкѣ, Вольмарѣ и Аренбургѣ; *попечитель Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Витте*—гимназіи и другія учебныя заведенія въ Варшавѣ, Плоцкѣ, учительскую семинарію въ Вымыслинѣ, начальныя училища мужскія и женскія въ Бѣлѣ, Серпецѣ и Скемпскѣ; управляющіе учебною частію въ Сибири на правахъ попечителей учебныхъ округовъ: *въ Западной Сибири генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Хрущовъ*—учебныя заведенія въ Томскѣ, Омскѣ, Каинскѣ, Кузнецкѣ, Бійскѣ и Семипалатинскѣ; *въ Восточной Сибири генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Синельниковъ*—учительскую семинарію въ Иркутскѣ, женскія прогимназіи и уѣздныя училища въ Красноарскѣ и Нижнеудинскѣ и уѣздное училище въ Ачинѣ.

Сверхъ того, попечители учебныхъ округовъ, имѣющіе въ своемъ вѣдѣніи университеты, посѣщали часто университетскія лекціи, присутствовали при публичныхъ защищеніяхъ диссертаций молодыми учеными и при годичныхъ испытаніяхъ студентовъ.

Пріемлю смѣлость надѣяться, что указаные въ настоящемъ отчетѣ факты могутъ служить доказательствомъ того, что министерство народнаго просвѣщенія и въ 1874 г. слѣдовало неуклонно по тому пути, который начертанъ ему державною волею Вашего Императорскаго Величества для устройства учебной части въ Имперіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

^{24-го мая}
^{5-го іюня} 1876 года (№ 6). *Утверждаются на три года:* С.-Петербургскій столичный почетный мировой судья, надворный совѣтникъ *Козловъ*—почетнымъ попечителемъ пензенской гимназій, баронъ *фонъ-деръ-Рекке*—почетнымъ попечителемъ Гольдингенской гимназій.

Командируются за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Георіевскій*, на два мѣсяца, окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Сольскій*—на полтора мѣсяца.

Командируются за границу съ ученою цѣлью: учитель Калишской гимназій *Фукъ*—на двадцать дней, экстраординарные профессеры Императорскаго Новороссійскаго университета: надворные совѣтники: *Умовъ* и *Лилинъ* и коллежскій ассессоръ *Волковъ* и астрономъ-наблюдатель астрономической обсерваторіи сего университета магистръ *Блокъ*—на два съ половиною мѣсяца (Выс. пов. 3-го мая 1876 года), ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Чебышевъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года по академіи, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Янсонъ*—съ 1-го іюля по 15-е сентября 1876 года, вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ваннеръ*—на три мѣсяца, экстра-ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Миртеньсъ*—съ 1-го іюня по 16-е сентября 1876 года, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Веселовскій* и помощникъ проректора Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Бѣлинъ*—на четыре мѣсяца, механикъ

Императорскаго Харьковскаго университета *Эдельбергъ*—на пять мѣсяцевъ, ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира *Модестовъ*—съ 1-го ноября 1876 года по 1-е іюня 1877 года, кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета *Сумцовъ*—на одинъ годъ, преподаватель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Аквилоновъ*—и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Позднѣевъ*—на два года.

Увольняются въ отпускъ: попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*—въ городѣ Гапсаль, съ 15-го іюня по 10-е августа 1876 года, по болѣзни (Выс. пов. 15/27-го мая 1876 года), попечитель Кіевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенантъ *Антоновичъ*—въ Россіи и за границу, по болѣзни, на три мѣсяца (Выс. пов. 15/27-го мая 1876 года), попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Жерве*—за границу, по болѣзни, на два мѣсяца, съ 1-го іюля 1876 года, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Немировской гимназіи, въ должности шталмейстера двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Строгоновъ*—за границу, на шесть мѣсяцевъ (Выс. пов. 14-го мая 1876 года).

Увольняется, согласно прошенію: почетный попечитель Гольдингенской гимназіи баронъ *Сакенъ*—отъ сей должности.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1 (24-го апрѣля 1876 г.). *Инструкція въ дополненіе къ уставу историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

а) Директоръ.

Права и обязанности директора, какъ начальника института вообще, изложены въ §§ 11, 12 и 13 устава. Затѣмъ, права и обязанности директора, какъ предсѣдателя конференціи и правленія института (§§ 30 и 35 устава), заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1) Директоръ вскрываетъ всѣ поступающія на имя института

бумаги, означаетъ на нихъ день полученія и передаетъ ихъ по принадлежности, назначая имъ очередь для обсужденія и рѣшенія.

2) Директоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія конференціи и правленія.

3) Предписанія начальства, не требующія никакихъ разсужденій въ конференціи о мѣрахъ къ приведенію ихъ въ исполненіе; дѣла, бывшія на разсмотрѣніи въ конференціи или правленіи, коихъ дальнѣйшее производство не представляетъ сомнѣній и не предполагаетъ никакихъ отступленій отъ сдѣланныхъ уже постановленій; разрѣшеніе обстоятельствъ, для коихъ существуютъ опредѣленныя и ясныя постановленія; доставленіе всякаго рода свѣдѣній по требованіямъ вышшаго начальства и по отношеніямъ равныхъ институту мѣстъ; повтореніе отношеній, на которыя не получено еще надлежащихъ отвѣтовъ и вообще вся переписка, для которой не предстоитъ надобности въ новыхъ разсужденіяхъ конференціи или правленія, исполняются ученымъ секретаремъ или секретаремъ правленія по принадлежности, за подписаніемъ директора. О всѣхъ таковыхъ дѣлахъ сообщается въ ближайшемъ затѣмъ засѣданіи конференціи или правленія.

4) Директоръ входитъ къ попечителю учебнаго округа съ представленіями, а съ посторонними властями и вѣдомствами сносятся сообщеніями и хранитъ большую печать конференціи, употребляемую при выдачѣ студентамъ аттестатовъ на званіе учителей.

5) Директоръ даетъ преподавателямъ отпуска на вакаціонное время или на сроки до 29 дней собственною властью, а на болѣе продолжительные сроки—съ разрѣшенія попечителя. Прочимъ лицамъ, состоящимъ на службѣ при институтѣ, директоръ также даетъ отпуска на 29 дней собственною властью, а свыше этого срока — съ разрѣшенія попечителя.

в. Инспекторъ.

6) Инспекторъ, какъ ближайшій сотрудникъ и помощникъ директора.

А. по учебной части обязанъ:

1) ежедневно удостовѣряться, всѣ ли студенты находятся на лицо во время лекцій;

2) имѣть наблюденіе за прилежаніемъ студентовъ и требовать отъ нихъ своевременнаго исполненія классныхъ работъ, задаваемыхъ профессорами и преподавателями;

3) заботиться о томъ, чтобы студенты не имѣли недостатка въ необходимыхъ для своихъ занятій пособіяхъ;

4) присутствовать при испытаніяхъ студентовъ.

Б. по части воспитательной. Инспекторъ заботится какъ о нравственности студентовъ, такъ и объ ихъ внѣшнемъ благосостояніи въ заведеніи. Онъ посѣщаетъ помѣщенія студентовъ, присутствуетъ при ихъ утренней молитвѣ, обѣдѣ и ужинѣ и разсматриваетъ кондуктныя книги, которыя ведутся наставниками.

7) Инспекторъ, наблюдая за дѣйствіями наставниковъ, совѣщается съ ними о мѣрахъ, принимаемыхъ для лучшаго надзора за студентами и оказываетъ наставникамъ нужное содѣйствіе.

8) По обязанности члена конференціи и правленія, инспекторъ имѣетъ наблюденіе за исправнымъ состояніемъ бібліотеки и ежегодно, вмѣстѣ съ профессоромъ, назначаемымъ конференціею, производитъ общую ревизію бібліотеки, о результатѣ которой доноситъ конференціи и правленію.

с) Наставники.

Обязанности ихъ:

а) *Общія.*

9) По части воспитательной, прямая обязанность наставниковъ стараться, по возможности и при всякомъ удобномъ случаѣ, совѣтомъ, внушеніемъ и, въ особенности, своимъ собственнымъ примѣромъ, развивать и укрѣплять въ студентахъ нравственно-христіанскія убѣжденія, чувства долга, чести, справедливости, законности, патриотизма и, наконецъ, правильное понятіе о важности ихъ педагогическаго призванія.

10) По учебной части наставники вообще наблюдаютъ за занятіями студентовъ, слѣдятъ за ихъ успѣхами и соотвѣтственно тому направляютъ ихъ дѣятельность своими указаніями и совѣтами; въ случаѣ обращенія къ нимъ преподавателей съ замѣчаніями о неуспѣшности студентовъ или въ частности о невыполненной ими работѣ по какому либо предмету, обращаютъ на нихъ особенное вниманіе и принимаютъ мѣры какъ къ вознагражденію сдѣланныхъ упущеній, такъ и къ устранинію ихъ на будущее время; помогаютъ студентамъ въ научныхъ занятіяхъ всякій разъ, когда тѣ обращаются къ нимъ съ просьбою дать имъ совѣтъ, объяснить встрѣтившіяся трудности, указать лучшія вспомогательныя сочиненія по предмету занятій cadaго; облегчаютъ, по возможности, студентамъ пониманіе

таковыхъ книгъ, бесѣдуя съ ними о прочитанномъ.—Самѣ собою разумѣется, что каждый наставникъ помогаетъ студентамъ преимущественно по той наукѣ, которая составляетъ его специальность.

в) По дежурству.

11) Наставники исправляютъ свою должность по установленной, съ общаго согласія между ними и инспекторомъ, очереди, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ наставниковъ находился безотлучно въ институтѣ, какъ дежурный по заведенію, съ 7-ми часовъ утра до 11-ти часовъ вечера, а въ слѣдующую затѣмъ ночь не отлучался изъ зданія института.

12) Дежурный наставникъ имѣетъ строгій надзоръ за соблюденіемъ правилъ нравственности и благоприличія со стороны студентовъ.

13) Наблюдаетъ, чтобы студенты исправно посѣщали аудиторіи и свободное отъ лекцій время употребляли на учебныя занятія.

14) Наблюдаетъ за чистотою воздуха въ студентскихъ камерахъ, въ столовой, въ аудиторіяхъ и рекреационныхъ комнатахъ.

15) Наставникамъ, по дежурству, выдаются ежегодно изъ правленія института, за подписью директора, двѣ дежурныя книги (журналы). Въ первой дежурный наставникъ записываетъ какъ всѣ замѣченныя имъ во время своего дежурства неисправности со стороны студентовъ, такъ и поступки ихъ, заслуживающіе особеннаго одобренія, а также отмѣчаетъ отлучки изъ института студентовъ сверхъ назначеннаго для нихъ времени и своевременное или несвоевременное возвращеніе ихъ въ институтъ, а равно и взысканія, если таковыя были сдѣланы. Во вторую вноситъ письменныя извѣщенія профессоровъ и преподавателей о неявкѣ ихъ на лекцію, съ указаніемъ причины неявки.

16) Въ случаяхъ особенной важности, не теряящихъ отлагательства, дежурный наставникъ немедленно обращается за разрѣшеніемъ къ инспектору, а въ его отсутствіе—къ директору.

17) Въ случаѣ болѣзни одного изъ наставниковъ, оба остальные исправляютъ его должность, раздѣляя время дежурства между собою по соглашенію съ инспекторомъ.

Педагогическія совѣщанія.

18) Инспекторъ и наставники собираются, по мѣрѣ надобности, на педагогическое совѣщаніе, которое происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора. На совѣщаніи разсматриваются замѣчанія, сдѣланныя дежурными наставниками по кондуктвой книгѣ, обсуж-

даются способности, прилежаніе, поведеніе и характеръ каждаго студента въ отдѣльности и изыскиваются мѣры какъ къ прекращенію замѣченныхъ несправностей, такъ и къ цѣлесообразному направленію занятій студентовъ. О результатахъ педагогическаго совѣщанія составляется протоколъ.

4) Профессоры и преподаватели.

19) Профессоры и преподаватели имѣютъ опредѣленное число еженедѣльныхъ лекцій по росписанію предметовъ преподаванія, составляемому конференціей въ началѣ каждаго полугодія и утверждаемому начальствомъ. Число лекцій, по усмотрѣнію конференціи и съ утвержденія начальства, можетъ быть измѣняемо въ теченіе учебнаго года. Профессоры и преподаватели обязаны въ началѣ курса представить конференціи программу преподаваемого ими предмета для предстоящаго академическаго года, а по окончаніи послѣдняго— отчетъ о пройденномъ.

20) Всѣ преподающіе въ институтѣ не ограничиваются изложеніемъ своего предмета (акроаматическимъ методомъ преподаванія), но а) по возможности часто повѣряютъ знанія слушателей своихъ посредствомъ репетицій, при чемъ обращается вниманіе и на словесное изложеніе предмета; б) приучаютъ студентовъ къ самостоятельности посредствомъ самостоятельныхъ работъ; в) въ высшихъ же курсахъ руководятъ ихъ въ разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій и разбираютъ съ ними учебники, пособия и пробныя ихъ лекціи.

21) Всѣ предметы, кромѣ словесности греческой и римской, преподаются на русскомъ языкѣ. Для упражненія студентовъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы наукъ, относящіеся къ каедамъ греческой и римской словесности, должны читаться на латинскомъ языкѣ.

22) Каждый преподаватель долженъ вести списокъ своимъ слушателямъ и отмѣчать въ немъ успѣхи ихъ; чрезъ каждые полгода эти списки представляются конференціи, которая подвергаетъ ихъ обсужденію и составляетъ изъ нихъ общіе выводы и соображенія. Въ случаѣ замѣченной неуспѣшности студента или невыполненія имъ назначенной работы, преподаватели сообщаютъ о томъ наставникамъ, съ цѣлію обратить на него особенное вниманіе послѣднихъ.

23) Въ преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ опредѣляются

лица, свѣдѣствующія требованіямъ § 20 устава и владѣющія русскимъ языкомъ.

24) Профессоры и всѣ служащіе въ институтѣ по учебной и воспитательной части подаютъ просьбы объ увольненіи ихъ отъ занятій по институту на имя конференціи.

с) Конференція.

25) Конференція имѣетъ обыкновенныя засѣданія въ учебное время два раза въ мѣсяцъ, въ часы, свободныя отъ лекцій или экзаменовъ. Сверхъ того, по усмотрѣнію директора, могутъ быть назначаемы чрезвычайныя засѣданія.

26. Для рѣшенія дѣлъ въ конференціи необходимо присутствіе болѣе половины ея членовъ.

27) Директоръ, какъ предсѣдатель конференціи, руководитъ совѣщаніями и, при разногласіи въ мнѣніяхъ, предлагаетъ рѣшеніе по большинству голосовъ, собирая послѣдніе съ младшихъ членовъ конференціи; при равенствѣ голосовъ, перевѣсъ даетъ голосъ директора.

28) Каждый членъ имѣетъ право предлагать на разсужденіе конференціи вопросы, входящіе въ кругъ ея дѣятельности, предварительно заявляя о томъ директору, который назначаетъ очередь для обсужденія сихъ вопросовъ въ ближайшемъ засѣданіи конференціи.

29) Члены, отсутствующіе по законнымъ причинамъ, имѣютъ право присылать письменныя мнѣнія о рѣшаемыхъ въ ихъ отсутствіе дѣлахъ, но имъ не предоставляется права подачи голосовъ заочно. Изъ сего исключаются дѣла объ избраніи должностныхъ лицъ института, рѣшаемыя баллотированіемъ; невѣдущій къ послѣднему можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ директора о такой передачѣ передъ началомъ баллотированія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.

30) Если дѣло требуетъ обстоятельныхъ предварительныхъ разсужденій, то конференція можетъ передать оное на разсмотрѣніе и предварительное заключеніе особой комисіи, составленной изъ членовъ конференціи и другихъ преподавателей и наставниковъ института, избранныхъ конференціею; комисіи, разсмотрѣвъ дѣло, вноситъ въ конференцію свое заключеніе письменно, а конференція рѣшаетъ дѣло въ общемъ собраніи.

31) Предметы занятій конференціи суть:

А. Представляемые утвержденію конференціи.

1. Избраніе ученаго секретаря, члена правленія и библіотекаря.
2. Общіе планы преподаванія и избраніе преподавателями руководствъ и пособій.
3. Росписаніе лекцій предъ началомъ учебнаго года.
4. Назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты института.
5. Выдача окончившимъ курсъ студентамъ аттестатовъ объ успѣхахъ и поведеніи ихъ.
6. Обсужденіе важнѣйшихъ проступковъ студентовъ и опредѣленіе взысканій за оныя, на основаніи составленныхъ для сего особыхъ правилъ.
7. Разсмотрѣніе представленій о приобрѣтеніи учебныхъ пособій.
8. Предварительное распредѣленіе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста, на основаніи сообщенныхъ департаментомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній объ имѣющихся вакансіяхъ.
9. Одобреніе къ печати сочиненій профессоровъ, преподавателей, наставниковъ и студентовъ института, которыя предназначаются къ изданію на счетъ института.
10. Разсмотрѣніе годичнаго отчета о дѣятельности института.

В. Представляемые на утвержденіе попечителя.

1. Мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности института.
2. Утвержденіе постановленій конференціи института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ института и оставленіи ихъ на второй годъ на курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по различнымъ причинамъ.

С. Представляемые чрезъ попечителя на утвержденіе министра.

1. Составленіе распредѣленія преподаванія по курсамъ, правилъ для производства испытаній и репетицій и правилъ для практическихъ упражненій студентовъ (§ 27 Устава).
2. Составленіе правилъ для дѣйствій конференціи (§ 33 Устава).
3. Избраніе инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ.
4. Окончательное назначеніе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста.

32) Кромѣ вышеисчисленныхъ занятій, конференція обсуждаетъ всѣ

входящіе въ кругъ дѣйствій института вопросы, представляемые какъ ея членами, такъ и преподавателями.

33) Всѣмъ разсужденіямъ и рѣшеніямъ конференціи составляются протоколы за подписью директора и всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ конференціи и скрѣпкою ученаго секретаря. Члены, заявившіе въ засѣданіи свое несогласіе съ рѣшеніемъ большинства, имѣютъ право, въ теченіе трехъ сутокъ послѣ засѣданія конференціи, подать особое письменное мнѣніе директору, который приобщаетъ таковое мнѣніе къ протоколу.

34) По дѣламъ, касающимся служащихъ при институтѣ лицъ, конференція посылаетъ сямъ послѣднимъ выписки изъ протоколовъ засѣданій за скрѣпкою ученаго секретаря; всѣ же прочія исходящія бумаги подписываетъ директоръ и скрѣпляетъ ученый секретарь.

35) Конференція представляетъ чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія по истеченіи года отчетъ о состояніи учебной части института.

36) Составленіе годичнаго отчета о дѣятельности института лежитъ на обязанности ученаго секретаря. Онъ завѣдуетъ архивомъ конференціи, имѣетъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи канцелярію и отвѣтствуетъ за содержаніе въ порядкѣ и за дѣлость всѣхъ вообще дѣлъ конференціи.

f. Часть хозяйственная.

37) Историко-филологическій институтъ князя Безбородко содержится на суммы, отпускаемыя изъ государственнаго казначейства, по Высочайше утвержденному штату.

38) Управление и распоряженіе по хозяйственной части института принадлежитъ правленію.

39) Правленіе, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и одинъ членъ, избираемый конференціею изъ профессоръ или преподавателей на одинъ годъ.

40) Почетный попечитель имѣетъ право участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія института, но дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, причеиъ занимаетъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Ему принадлежитъ право наблюденія за своевременнымъ поступленіемъ и право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взвосу въ пользу сего

заведенія, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 9 устава).

41) Канцелярія правленія состоитъ: изъ секретаря, бухгалтера и нужнаго числа канцелярскихъ служителей, опредѣляемыхъ директоромъ по найму.

42) Секретарь правленія завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ онаго и наблюдаетъ за исполненіемъ всѣхъ, закономъ установленныхъ, правилъ по дѣламъ, относящимся къ кругу дѣйствій и распоряженій правленія. Бухгалтеръ ведетъ приходную и расходную книги о всѣхъ суммахъ института и исполняетъ свои обязанности на точномъ основаніи правилъ единства кассы и бухгалтерскаго счетоводства.

43) Засѣданія правленія бывають еженедѣльно одинъ разъ, по назначенію директора.

44) Дѣла въ правленіи рѣшаются по большинству голосовъ.

Предметы занятій правленія суть:

а) предоставляемые утвержденію правленія:

1) Правленіе получаетъ сумму на содержаніе института по ежегодному росписанію и производитъ выдачи, не выходя изъ смѣтнаго назначенія и наблюдая, въ отношеніи какъ расходованія суммъ, такъ и отчетности, порядокъ, предписанный общими законами и правилами установленнаго контроля. Никакое распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе института, не можетъ быть произведено безъ опредѣленія Правленія.

2) Въ концѣ каждаго мѣсяца правленіе требуетъ изъ казначейства отпуска какъ суммы, потребной на удовлетвореніе выслуженнымъ содержаніемъ чиновниковъ института и прислуги, такъ и аванса на мелочные расходы въ теченіе слѣдующаго мѣсяца.

3) Поставщикамъ и подрядчикамъ за поставляемые для института предметы и припасы и за произведенныя для него работы правленіе дѣлаетъ уплаты въ сроки, назначенныя въ контрактахъ, выдавая поставщикамъ и подрядчикамъ на причитающуюся имъ сумму установленныя талоны.

4) Въ особыхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, представляется директору разрѣшать выдачу собственною властію не свыше ста рублей, изъ аванса, съ заявленіемъ о семъ правленію въ первомъ затѣмъ засѣданіи.

5) Торги на всякаго рода подряды и поставки производятся въ правленіи узаконеннымъ порядкомъ.

6) Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи зданія и вообще собственность института. Оно вообще наблюдаетъ за благочиніемъ и порядкомъ въ зданіяхъ института, за содержаніемъ ихъ въ чистотѣ и исправности, за предохраненіемъ отъ морчи и пожара и назначаетъ въ нихъ квартиры служащимъ при институтѣ.

7) Ежегодно, въ первой половинѣ января мѣсяца, правленіе поручаетъ одному изъ своихъ членовъ, вмѣстѣ съ секретаремъ правленія, обрѣзывать какъ зданія института, такъ и все институтское имущество, находящееся въ завѣдываніи эконома. О результатахъ ревизіи производившіе оную доносятъ правленію.

8) Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи больницу и заботится о своевременномъ снабженіи ея всѣмъ необходимымъ по указаніямъ врача.

б) Представляемые на утвержденіе попечителя:

1) Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату института.

2) Утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача.

3) Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7.000 руб. на одинъ предметъ (§ 34 Устава).

с) Представляемые чрезъ попечителя министру:

1) Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки свыше 7.000 руб. на одинъ предметъ и, въ случаѣ надобности, производство оныхъ хозяйственнымъ способомъ.

2) Ежегодное представленіе къ 1-му марта подробнаго отчета какъ о хозяйственномъ состояніи института вообще, такъ и въ особенности о приходѣ и расходѣ суммъ, назначенной на содержаніе института за минувшій разчетный годъ.

45) При правленіи состоятъ: врачъ, казначей (онъ же и бухгалтеръ) и экономъ (онъ же и экзекуторъ).

Обязанности врача.

46) Врачъ института пользуется студентовъ и постоянно заботится о ихъ здоровьѣ. Онъ постоянно наблюдаетъ за исполненіемъ гигиеническихъ условій въ институтѣ, ежедневно посѣщаетъ больницу и справляется, не нуждается ли кто изъ студентовъ въ медицинской помощи; въ случаѣ безотлагательной надобности, онъ обязанъ являться немедленно въ институтъ по приглашенію директора

или инспектора. Сверхъ сего, онъ наблюдаетъ, чтобы въ институтъ не поступали молодые люди, имѣющіе тѣлесные недостатки, препятствующіе исполненію учительскихъ обязанностей. По нуждамъ больницы и больныхъ врачъ непосредственно сносится съ директоромъ и сообщаетъ надлежащія свѣдѣнія дежурному наставнику. Врачу вмѣняется также въ обязанность пользоваться и служащихъ при институтѣ лицъ.

Обязанности казначея.

47) Казначей (онъ же и бухгалтеръ) въ концѣ каждаго мѣсяца командировается правленіемъ для полученія изъ казначейства нужныхъ суммъ. Ему же поручается раздача жалованья чиновникамъ института и прислугѣ подъ росписку каждаго получателя.

Обязанности эконома.

48) Ближайшее смотрѣніе за домомъ, за чистотою и исправностью зданій, за безопасностью ихъ, храненіе и расходование припасовъ и вещей, какъ относящихся къ содержанію студентовъ, такъ и вообще составляющихъ собственность института, поручается эконому (онъ же и экзекуторъ).

49) Экономъ принимаетъ въ свое завѣдываніе все имущество института и зданія по описямъ, надлежащимъ образомъ составленнымъ и засвидѣтельствованнымъ. Не иначе какъ по такимъ же описямъ онъ и сдаетъ институтское имущество при увольненіи своемъ отъ должности.

50) Экономъ даетъ требованія поставщикамъ, по которымъ они доставляютъ въ институтъ нужные припасы. Если же правленіе признаетъ болѣе полезнымъ дѣлать запасы разныхъ предметовъ продовольствія (для стола студентовъ), то тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть хранимы въ кладовыхъ, не подвергаясь порчѣ, какъ-то: мука, крупа, масло, свѣчи, огородныя овощи, коренья, сахаръ, чай и проч., поставляются въ назначенное время, въ опредѣленные дни и часы и принимаются экономомъ въ присутствіи директора или инспектора; припасы же, которые легко подвергаются порчѣ, какъ-то: мясные, молочные и т. п., поставляются ежедневно и принимаются экономомъ. Относительно качества припасовъ, мѣры и вѣса, экономъ строжайше наблюдаетъ условія контрактовъ. Всѣ принятые припасы немедленно вносятся экономомъ въ данную ему на сей предметъ особую шнуровую книгу и приемъ свѣрѣляется его подписью.

51) По окончаніи мѣсяца, поставщики представляютъ эконому счета, съ приложеніемъ квитанцій эконома, о принятіи поставленныхъ ими для института припасовъ. Экономъ, провѣривъ счета и найдя ихъ согласными съ приемою книгою, подписывается на счетахъ засвидѣтельствованіе о ихъ вѣрности и возвращаетъ ихъ поставщикамъ для представленія въ правленіе.

52) Экономъ, вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ, выдаетъ повару, булочнику и буфетчику нужное количество припасовъ, смотря по ихъ свойству, ежедневно или на нѣсколько дней (сахаръ, чай и т. п.). Выданные припасы немедленно записываются въ расходную шнуровую книгу и каждая выдача скрѣпляется подписью эконома и дежурнаго по кухнѣ студента.

53) Независимо отъ всего сказаннаго въ §§ 48—52, экономъ чаще всего посѣщаетъ кухню, булочную и буфетъ, и строго выскриваетъ за малѣйшее допущеніе безпорядка поваромъ, булочникомъ и буфетчикомъ. Замѣтивъ же неисправность или недобросовѣстность, немедленно докладываетъ директору объ удаленіи отъ должности виновнаго.

54) Если въ кладовыхъ института хранятся запасы по продовольствію студентовъ, то, по окончаніи мѣсяца, экономъ составляетъ подробную вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ припасовъ и представляетъ оную директору.

55) Равнымъ образомъ по требованію эконома поставляются подрядчиками, съ которыми заключены контракты: платье, бѣлье и обувь для студентовъ. Всѣ поставленные вещи, послѣ осмотра и одобренія ихъ правленіемъ, принимаются и записываются въ особую шнуровую книгу экономомъ. Имъ же свидѣлствуются въ вѣрности и представленныя подрядчиками счета.

56) Въ концѣ каждаго года экономъ представляетъ правленію двѣ вѣдомости: а) о сдѣланномъ въ теченіи года новомъ приобрѣтеніи платья, бѣлья, обуви и проч. и б) о вещахъ, сдѣлавшихся негодными къ употребленію и потому назначаемыхъ къ продажѣ съ публичнаго торга, а равно объ исключеніи изъ описей такихъ вещей, которыя негодны и къ продажѣ.

57) Въ случаѣ надобности сдѣлать какую либо малозначительную покупку по хозяйственной части или мелочное исправленіе по дому, экономъ входитъ въ правленіе съ рапортомъ, съ приложеніемъ списка и съ означеніемъ въ немъ какъ цѣны каждой изъ предложенныхъ къ приобрѣтенію вещей, такъ и того, во что можетъ обойдтись требуемое

исправленіе. Правленіе, по надлежащемъ разсмотрѣніи рапорта эконома, дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ подлѣ его росписку требуемой суммы изъ аванса, счетъ которой эконому вѣдетъ по особой, выданной ему на сей предметъ, инвуровой книгѣ, а приобретенныя вещи вносить въ опись. Сверхъ сего, на непредвидимыя мелочныя издержки ему выдается ежемѣсячно до 50 р.

58) Экономъ, по обязанности инспектора, завѣдываетъ всею прислугою института и есть непосредственный ея начальникъ. Присканіе хорошихъ служителей, равно какъ и строгое наблюденіе за ихъ исправностью и благочиніемъ, лежитъ на обязаности эконома. Служители, имѣющіе что либо въ своемъ завѣданіи, по его представленію, опредѣляются и увольняются директоромъ.

59) Экономъ употребляетъ особенную осмотрительность въ выборѣ людей, опредѣляемыхъ для прислуги въ частяхъ главнаго зданія института, назначаемыхъ собственно для помѣщенія студентовъ.

Содержаніе студентовъ.

60) Студенты помѣщаются въ особыхъ комнатахъ, снабженныхъ необходимою мебелью.

61) Комнатную мебель составляютъ: столы, стулья, диваны и шкафы для храненія всего, что принадлежитъ къ занятіямъ, туалетныя шкафики у кроватей, наконецъ желѣзныя кровати съ тюфяками и двумя подушками, байковыми и пивейными одѣялами и обыкновеннымъ постельнымъ бѣльемъ.

62) Комнаты освѣщаются: утромъ—не ранѣе какъ съ шести часовъ, вечеромъ не далѣе какъ до одиннадцати часовъ.

63) Одежду студентовъ составляютъ: пиджакъ, брюки и жилетъ изъ темно-сѣраго кастора или сукна для ношенія въ заведеніи; однорортный сюртукъ, брюки и жилетъ изъ чернаго сукна—внѣ заведенія; драповое черное пальто, подтяжки, галстукъ, фуражка; сверхъ сего, на лѣтніе мѣсяцы: пиджакъ, брюки и жилетъ коломаньковые или парусинные.

64) Пальто строятся на три года, черная пара ежегодно, сѣрая пара только при поступленіи въ институтъ, коломаньковая или парусинная на одинъ годъ; послѣднюю одежду, впрочемъ, допускается строить смотря по надобности; галстукъ и подтяжки до изношенія. При отбираниі стараго платья наблюдается, чтобы, сверхъ новой пары, у каждаго оставались на рукахъ еще двѣ ношенныя пары для домашняго употребленія.

65) Бѣлье постельное перемѣняется одинъ разъ, а носильное два раза въ недѣлю.

66) Столъ студентовъ: въ 7^{1/2} часовъ утра и въ 6 часовъ вечера чай съ булкою, въ 11^{1/2} часовъ утра ломоть хлѣба съ солью; въ два часа пополудни на обѣдъ три блюда; въ 9^{1/2} часовъ вечера на ужинъ—одно блюдо. Для нитя въась и вода.

Примѣчаніе. Больнымъ студентамъ яица и питье назначаются врачомъ.

67) Влюда къ обѣденному столу приготавлиются по особому описанію на цѣлую недѣлю, которое составляется экономомъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ и утверждается директоромъ.

2. (29-го іюля 1876 года). *Положеніе о стипендіи коллежскаго совѣтника Ѳ. В. Гампера при Преславльскои семинаріи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 26-й день іюля 1876 года, при Преславльскои учительскои семинаріи учреждается стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Мариупольскимъ уѣзднымъ земствомъ капитала 2.300 руб., съ присвоеніемъ сей стипендіи наименованія „стипендія коллежскаго совѣтника Ѳ. В. Гампера“.

2) Капиталь въ 2.300 руб., обезпечивающій стипендію со дня учрежденія оной, составляетъ собственность названнои семинаріи и остается неприкосновеннымъ во все время существованія Преславльскои семинаріи и обращается изъ процентовъ въ Мариупольскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ, а по прекращеніи дѣйствій сего послѣдняго, долженъ быть переданъ въ другое кредитное установленіе.

3) Полученіе процентовъ на этотъ капиталъ и расходованіе ихъ на содержаніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту семинаріи. Въ случаѣ остатка отъ содержанія стипендіата, остатокъ этотъ причисляется къ капиталу.

4) Право избранія стипендіатовъ, пожизненно, принадлежитъ г. Гамперу, а затѣмъ право это переходитъ къ Мариупольскому земскому собранію.

5) Документы на внесенный капиталъ, обезпечивающій стипендію, должны находиться въ распоряженіи начальства Преславльскои учительскои семинаріи.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го іюня 1876 года (№ 12). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ* — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 7-го марта 1876 года, учитель С.-Петербургской второй гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Бауеръ* — директоромъ Иркутской мужской гимназіи, съ 1-го мая 1876 года, исполняющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернский секретарь *Соломко* — въ сей должности, съ 23-го мая 1876 года.

Оставляются на службу на пять лѣтъ: профессоръ православнаго богословія Императорскаго Казанскаго университета, протоіерей *Зефировъ*, съ 22-го февраля 1876 года, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буслаевъ*, съ 14-го апрѣля 1876 года.

Увольняются въ отставку: въ Россіи съ 24-го іюня по 10-е августа 1876 года: предсѣдатель Виленской комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Голованскій* — въ Могилевскую губернію; *на два мѣсяца:* начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ошметковъ* — въ Новгородскую губернію, по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1876 года:* директоры гимназій: Ковенской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Феоктистовъ* — въ разныя губерніи, и Николаевской-Александровской, коллежскій совѣтникъ *Смирновъ* — въ Костромскую губернію и С.-Петербургъ, директоръ Херсонской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Суррументо* — въ Херсонскую и Таврическую губерніи, директоры реальныхъ училищъ: Бронштадтскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александровъ* — въ разныя губерніи, и Мелитопольскаго, коллежскій совѣтникъ *Рудкевичъ* — въ Крымъ, директоръ Молодечянской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Ставровичъ* — въ Виленскую губернію и въ города Варшаву и Кіевъ, и начальница Симферопольской женской гимназіи *Мунтъ* — во внутрь Россіи, изъ нихъ Александровъ и Рудкевичъ по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и пятнадцать дней:* директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кюоррингъ* — въ разныя губерніи, по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь*

дней: директоръ Бѣльской мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Строганинъ* — въ Крымъ и разныя мѣста Имперіи, по болѣзни; за границу: съ 1-го іюля по 1-е августа 1876 года: регистраторъ Императорской публичной бібліотеки, надворный совѣтникъ *Миллеръ*; съ 15-го іюня по 31-е іюля 1876 года: директоръ Гродненской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Татлинъ*, по болѣзни; на два мѣсяца: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нейлисовъ*, бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вальтеръ*, архивариусъ Виленскаго центральнаго архива, коллежскій совѣтникъ *Горбачевскій*, почетный смотритель Полтавскаго уѣднаго училища *Черемисовъ*, дѣлопроизводитель инспекціи училищъ города Варшавы *Каменскій*, начальница Кременчугской женской прогимназіи *Бьлова* и учительница сей прогимназіи *Бабенко*, изъ нихъ *Нейлисовъ* и *Горбачевскій* по болѣзни; съ половины іюня до конца мѣсяца вакаціоннаго времени 1876 года: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эттингенъ*; съ 15-го іюня по 1-е сентября 1876 года: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пахманъ*, по болѣзни; на два мѣсяца и семьдесятъ дней: учитель Курскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Шмидтъ*, по болѣзни; на мѣсяцъ вакаціонное время 1876 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра, проректоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рахмановъ*, Московскаго, статскій совѣтникъ *Буаевъ*, Новороссійскаго, статскій совѣтникъ *Дювернуа*, Харьковскаго, *Лашкевичъ* и Варшавскаго, *Кашица* и *Павинскій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, *Косинскій* и Харьковскаго, *Гиришманъ*, доценты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, *Кирпичниковъ*, Св. Владиміра, *Лучинскій*, Новороссійскаго, *Кочубинскій*, лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета *Дезюльскій*, учителя гимназіи: Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, надворный совѣтникъ *Фортуатовъ*, Кіевской первой, *Регаме*, Тамбовской, *Влашмскій*, Воронежской, *Эгартъ*, Новгородсѣверской, *Лопатинскій*, Ришельевской, *Гороцкій*, Шавельской, коллежскій ассесоръ *Сперанскій*, Гродненской, *Грожанъ* и Усть-Медвѣдицкой, состоящій въ VIII классѣ *Дивинъ*, законоучители римско-католическаго исповѣданія: мужскихъ гимназіи: Варшавской V, священникъ *Словижоскскій*, Гадомской, священникъ *Урбанскій*, и Сѣдлецкой, священ-

никъ *Шишковскій*, Варшавской II мужской прогимназіи, священникъ *Дембскій*, Варшавскаго реального училища, священникъ *Столковскій* и Ленчицкой учительской семинаріи, священникъ *Пониковскій*, учителя реальныхъ училищъ: Кіевскаго, *Хоминъ*, Петровскаго-Ростовскаго (на Дону), *Лякидъ* и Новозыбковскаго, *Тимофеевъ*, исправляющіе должность учителей реальныхъ училищъ: Кіевскаго, *Антеновичъ* и Сумскаго, *Треубовъ*, исправляющій должность учителя Касимовской прогимназіи *Проданъ*, учителя Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Новицкій* и *Витковскій*, учитель Одесскаго коммерческаго училища, *Маркевичъ*, штатный смотритель Баусскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Саніо* и классная дама Варшавской II женской гимназіи *Сокальская*, изъ нихъ по болѣзни: Лашкевичъ, Кочубинскій, Гороцкій, Словицковскій, Урбанскій, Шимковскій, Дембскій, Стояковскій, Пониковскій, Тимофеевъ, Новицкій, Витковскій, Саніо и Сокальская; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и десять дней: учитель Кишеневской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кежрицъ*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и четырнадцать дней: смотритель Венденскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Бемъ*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней: учитель Воронежской гимназіи *Стовикъ* и учитель Кишеневскаго втораго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Фокиа*, послѣдній по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней: учитель гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества *Иванцевичъ*, по болѣзни; на два вакантные мѣсяца и двадцать восемь дней: бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, статскій совѣтникъ *Минцловъ*; на три мѣсяца: доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Праховъ*, лаборантъ сего университета *Львовъ*, законоучитель Феодосійскихъ мужской прогимназіи и женской гимназіи, священникъ *Люцидарскій* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія *Ткаченко*, изъ нихъ Люцидарскій по болѣзни; по 13-е сентября 1876 года: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ващенко-Зазарченко*.

Увольняется отъ службы: директоръ Прутской мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Яковлевъ*, съ 1-го мая 1876 года.

15-го іюня 1876 года (№ 13). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Цингеръ* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, исправляющій должность директора на-

родныхъ училищъ Тамбовской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Коловсовскій* — въ сей должности, инспекторъ Витебской дирекціи народныхъ училищъ *Масловскій* — директоромъ народныхъ училищъ Витебской губерніи, исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Талантовъ* — въ сей должности, со 2-го іюня 1876 года.

Назначаются: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Гротъ* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ; по кафедрѣ философіи, предсѣдатель Харьковской губернской земской управы, отставной гвардіи ротмистръ *Бекарюковъ* — членомъ попечительства Харьковского реального училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: коллежскій совѣтникъ *Шрамченко*, съ 29-го мая 1876 г.

Оставляются на службѣ на пять мѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*, съ 10-го іюня 1876 г., ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*, съ 11-го іюня 1876 г.

Командируются: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бутлеровъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фамининъ*, св. Владимира: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Оеобилактовъ* и *Рохмановъ*, статскіе совѣтники: *Авенаріусъ*, *Александровъ*, *Ромеръ*, *Хандриковъ*, *Гарничъ-Гарничій* и *Бунге*, и Московскаго, статскіе совѣтники: *Булаевъ* и *Слущкій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, коллежскій совѣтникъ *Ляковскій* и св. Владимира, коллежскій совѣтникъ *Баранецкій*, доценты сего послѣдняго университета: надворный совѣтникъ *Вазаровъ* и *Шиллеръ*, прозекторъ университета св. Владимира, надворный совѣтникъ *Кистляковскій*, лаборанты сего университета: *Богдановъ* и *Борзиловскій* и учитель Кіевского реального училища *Иматовичъ-Завилейскій* — въ Варшаву, на предстоящій, съ 31-го августа по 9-е сентября 1876 года, съѣздъ естествоиспытателей, помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Воронцовъ-Вельяминовъ* — въ Москву, на три недѣли.

Продолжается срокъ отпуска за-границу: ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскому со-

вѣтнику *Любемлю*—на двадцать девять дней, съ 15-го августа 1876 года, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи на двадцать восемь дней: директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ *Чоломовъ*—въ гор. Сызрань и Уфу; *на мѣсяцъ:* помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Малиновскій*—въ Прибалтійскія губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ*—въ гор. Казань и Симбирскъ, первый по болѣзни; *съ 15-ю іюля по 1-е сентября 1876 года:* начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Новиковъ*—въ разныя губерніи; *на мѣсяцъ и шестнадцать дней:* директоръ Виленской гимназіи, статскій совѣтникъ *Шумовичъ*, въ разныя города; *на мѣсяцъ и шестнадцать дней:* директоръ гимназій: Киевской третьей, статскій совѣтникъ *Александровичъ*—въ Крымъ, Варшавской II мужской, статскій совѣтникъ *Стефановичъ*—въ Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую и Курскую губерніи, Холмской мужской, статскій совѣтникъ *Гомоцкій*—въ Подольскую, Кіевскую и Волынскую губерніи, Екатеринославской, *Кустовскій*—на Кавказъ, и Вердянскій, *Вороной*—на Кавказъ и въ Полтавскую губернію, изъ нихъ Александровичъ и Вороной по болѣзни; *на два мѣсяца:* бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Сафоновъ*—въ разныя города, и канцелярскій чиновникъ сего департамента, губернскій секретарь *Стрковъ*—въ Цсковскую губернію, оба по болѣзни; *за-границу: съ 1-го іюля по 15-е августа 1876 года:* учитель Кіевской 1-й гимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Юргенсъ* и сверхштатный канцелярскій служитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Киселевскій*; *на мѣсяцъ и двадцать шесть дней:* учитель Керченской Александровской гимназіи *Фрейбертъ*; *на два мѣсяца:* инспекторъ народныхъ училищъ при управленіи Дерптскаго учебнаго округа *Мевель*, по болѣзни; *на 1-е сентября 1876 года:* начальница Тульской женской гимназіи *Печкина*, по болѣзни; *на мѣсяцъ и шестнадцать дней:* директоръ Лифляндской общественной гимназіи *Гозель*, инспекторъ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ *Шейбе*, учитель Московской второй гимназіи, надворный совѣтникъ *Заринъ*, старшій учитель Ревельской губернской гимназіи, надворный совѣтникъ *Гансонъ*, заимоучитель римско-католическаго исповѣданія Сувальской мужской гимназіи, священникъ *Даукиа*, исправляющій должность учителя Зарайскаго реальнаго училища *Бузонъ* и преподавательница Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго

училища *Тураева*, изъ нихъ *Зарицкій*, *Даукуша* и *Бугонъ* по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Чебышевъ-Дмитріевъ* и доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Нейбауэръ*, первый по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Гревингъ*.

27-го іюня 1876 г. (№ 14). Назначаются: учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Князевъ*, — исправляющимъ должность директора Динабургскаго реальнаго училища, дѣйствительный студентъ Императорскаго Казанскаго университета *Яковлевъ* — исправляющимъ должность инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, со времени допущенія его къ исполненію обязанностей по сей должности, съ 27-го августа 1875 года, окончившіе въ 1876 году курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: *Модестъ Быстровъ*, *Николай Варницкій*, *Яковъ Владиміровъ*, *Константинъ Секундовъ*, *Павелъ Фрейбергъ*, *Павелъ Яхонтовъ*, *Василій Латышевъ*, *Александръ Смородскій*, *Александръ Успенскій*, *Федоръ Кишинскій*, *Павелъ Любимовъ* и *Александръ Поповъ* — учителями гимназій: *Быстровъ*, *Варницкій*, *Владиміровъ* и *Секундовъ* — Екаторинбургской, первые двое по латинскому и послѣдніе двое по греческому языкамъ, *Фрейбергъ* — Керченской Александровской, по латинскому языку, *Яхонтовъ* — Шавельской, по греческому языку, *Латышевъ* — Виленской, *Смородскій* — Минской, *Успенскій* — Томской, всѣ трое по древнимъ языкамъ, *Кишинскій* — Вердиной, по древнимъ и русскому языкамъ, *Любимовъ* — Гродненской, по русскому языку, и *Поповъ* — Кашеневской, по русскому и латинскому языкамъ; *Германъ Мазингъ*, *Семень Соболевъ*, *Карлъ Перре* и *Иванъ Слободскій* — учителями прогимназій: *Мазингъ* — Владивостокской, *Соболевъ* — Менвельской, оба по латинскому языку, *Перре* — Херсонской, по древнимъ языкамъ, и *Слободскій* — Павлоградской, по русскому и латинскому языкамъ, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣ шести лѣтъ, съ 31-го мая 1876 года.

Командируется въ Россію: помощникъ директора главной физической обсерваторіи, капитанъ-лейтенантъ *Рыкачевъ*, на два мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россію: на двадцать девять дней: инспекторъ народныхъ училищъ Волынской губерніи *Соловьевъ* — въ

Москву и другіе города; *на мѣсяцъ*: директоръ Троицкой гимназій, надворный совѣтникъ *Филоматитскій*—во внутрь Россіи; *съ 1-го іюля по 15-е августа 1876 года*: директоръ Кіевской второй гимназій, статскій совѣтникъ *Кустовъ*—въ Одессу и Крымъ, Ковенской директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Савельевъ*—въ Полангенъ и Либаву, и директоръ Острогской прогимназій, статскій совѣтникъ *Лисенко*—въ Черниговскую, Кіевскую и Волинскую губерніи; *на мѣсяцъ вакаціонное время 1876-го года*: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Благовѣщенскій*—въ разныя губерніи, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кремлевъ*—во внутреннія губерніи, директора гимназій: Псковской, коллежскій совѣтникъ *Гаазе*—въ Дерптъ, Варшавской III мужской, статскій совѣтникъ *Солнцева*—въ Гродненскую губернію и Сувальской мужской, *Михайловскій*—въ С.-Петербургъ, Варшаву и Нѣжинъ, директоръ Кішиневскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Кодрянъ*—въ гор. Кіевъ, и начальница Берданской женской гимназій *Щепетова-Самгина*—на Кавказѣ; изъ нихъ Кремлевъ, Солнцева, Кодрянъ и Щепетова-Самгина по болѣзни; *на два мѣсяца*: помощникъ директора Императорской публичной библіотеки, тайный совѣтникъ *Бычковъ*—въ Ярославскую губернію; *за границу: на двадцать девять дней*: начальникъ отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Сычковскій*, и дѣлопроизводитель той же канцеляріи, коллежскій ассесоръ *Сытинскій*, оба по болѣзни; *на шесть недѣль*: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Ивановъ*, начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебедитцевъ*, и директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Шнееръ*, первый по болѣзни; *на мѣсяцъ вакаціонное время 1876 года*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Юревичъ*, ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, статскій совѣтникъ *Иконниковъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Зиель*, старшій учитель лицея Цесаревича Николая *Лавровскій*, учителя гимназій: Московской четвертой, *Вислоцкій* и Каменецъ-Подольской, *Бльеньскій* и *Бльинскій*, штатный учитель Сандомирской женской прогимназій, коллежскій секретарь *Урусовъ*, учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Барановскій*, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса *Герсонъ*, и

учитель Оргѣвскаго приходскаго училища *Кожухаревъ*, изъ нихъ *Зивель*, *Лавровскій*, *Вислюцкій*, *Бѣленскій*, *Бѣлинскій*, *Урусовъ*, *Барановскій* и *Герсоизъ* по болѣзни; *на два мѣсяца*: библиотекарь Императорской публичной библиотеки, статскій совѣтникъ *Кеттемъ* и садовникъ ботаническаго сада Императорскаго Харьковского университета *Статсъ*, послѣдній по болѣзни; *по 1-е сентября 1876 года*: учитель Тульской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Филковичъ*, по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней*: доценты Императорскаго Казанскаго университета: надворный совѣтникъ *Болдыревъ* и докторъ медицины *Скворцовъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Книги подъ заглавіями: „*Φιλοκτήτης Ζοροχλαους Φιλοκτήτης. Драма Софокла. Греческій текстъ, съ объясненіями, анализомъ драмы и греческо-русскимъ словаремъ. Обработанъ по Вундеру и Шнейдсичу М. Григоревскимъ. Спб., 1876 г. Цѣна 60 коп.*“—одобрить какъ пособіе греческому языку для VIII класса гимназій.

2. „*Практическій курсъ греческаго языка по Куртіусу. Составилъ М. Григоревскій. Часть I. Этимологія. Изданіе 2-е, вновь переработанное. Спб., 1875 г. Цѣна 1 руб.*“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи греческаго языка.

3. „*Практическій курсъ греческаго языка. Составилъ М. Григоревскій. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875 г. Цѣна 80 коп.*“—одобрить какъ учебное пособіе.

4. Книгу „*Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи, Т. Румеля, переводъ П. М. Цейдлера, исправленный по четвертому изданію. Спб., 1876 г. Цѣна 75 коп.*“—одобрить какъ руководство для гимназій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Составленную С. А. Вобровскимъ книгу „Курсъ практической педагогики. Для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. М., 1876 года. Цѣна 1 р. 25 к.“—допустить, какъ учебникъ для учительскихъ семинарій и для библиотекъ народныхъ школъ.

2. Книжку подъ заглавіемъ: „Новая метода. Элементарное руководство къ легчайшему и скорѣйшему изученію древне-еврейскаго языка, преимущественно молитвеннаго (по методу д-ра Ана). Составилъ по Троллеру, Гольдбергеру и др. Михаилъ Вольперъ, учитель приготовительнаго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ. Часть первая. Вильна. 1875“—допустить для употребленія въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ и состоящихъ при нихъ приготовительныхъ классахъ, до появленія лучшаго по сему предмету руководства.

3. Книгу: „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ съ вопросами и задачами. Составилъ М. Варавва, преподаватель Московскаго учительскаго института. Годъ I. Ботаника, съ многими рисунками въ текстѣ. Москва, 1876 г. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднѣучебныхъ заведеній какъ мужскихъ такъ и жевскихъ.

4. Книжку: „Славяне. Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. С.-Петербургъ, 1876 г. Цѣна 15 к.“—помѣстить въ каталогъ книгъ, разрѣшаемыхъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 26-й день іюля 1876 г. Высочайше соизволилъ на именованіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства на-

роднаго просвѣщенія въ Александровской волости Царскосельскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи: „Владимірско-Александровскимъ“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ 26-й день іюля 1876 г. Высочайше соизволилъ на перемѣщеніе учительской семинаріи изъ с. Елисаветина, Белебеевского уѣзда, Уфимской губерніи, въ заводъ Благовѣщенскій, Уфимскаго уѣзда.

Поднесенное г. губернскимъ секретаремъ Май Его Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ аранжированное профессоромъ А. И. Дюбюкомъ для пѣвческаго хора, для фортепіано съ пѣніемъ и для одного фортепіано, изданіе народной музыки подъ заглавіемъ: „Мольба Русскаго о царственной четѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Государыни Цесаревны Маріи Фёдоровны“, удостоилось Высочайшаго одобренія.

Цѣна изданію съ пересылкою: экземпляръ пѣвческаго хора 2 р. фортепіано съ пѣніемъ и одного фортепіано 1 рубль.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ С.-Петербургѣ въ зданіе департамента народнаго просвѣщенія, въ квартиру г. АVENTЬСЕВА на имя издателя А. П. Май.

20-го минушаго іюня послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія при Вытегорской учительской семинаріи.

Въ истекшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ открыты слѣдующія одноклассныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, въ м. Турійскѣ—16-го апрѣля, въ д. Дубовой—15-го апрѣля и с. Сашичномъ—30 апрѣля.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“.

I.

Библиографія предмета.

Изданія, переводы и изслѣдованія на русскомъ языкѣ:

1) *Мусинъ-Пушкинъ*: Ироническая пѣснь о походѣ на Половецкѣ удѣльнаго князя Новгородскаго Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. Съ поколѣнною росписью Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ.—2) *Стряковъ*: Стихотворное переложеніе. С.-Пб. 1803.—3) *Шишковъ*: Слово о плѣзу Игоревѣ, Игоря сына Святослава, внука Ольгова, съ переводомъ и примѣчаніями,—въ *Сочиненіяхъ и переводахъ Росс. академіи*. С.-Пб. 1805, ч. I, и въ Собраніи сочиненій и переводовъ адмирала *Шихова*. С.-Пб. 1826, чч. VII и XI, стр. 382 (ср. *Русскій Инвалидъ*, 1819, №№ 157—161).—4) *Палицкинъ*: Стихотворное переложеніе. Харьковъ. 1808.—5) *Язвинскій*: Стихотворное переложеніе — въ *Чтеніяхъ любителей россійскаго слова*, ч. VI.—6) *Левицкій*: Ироническая пѣснь о походѣ Игоря на Половецкѣ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ переложенная въ стихи старинной русской мѣры. С.-Пб. 1813. — 7) *Карамзинъ*: Критическія примѣчанія ко II и III тт. Ист. Госуд. Росс. С.-Пб. 1816, 262—272.—8) *Востоковъ*: Есть ли какой размѣръ въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ Опытѣ о русскомъ стихосложеніи. С.-Пб. 1817, стр. 159.—9) *Калайдовичъ*: Опытъ рѣшенія вопроса о языкѣ Слова, въ *Тр. общ. люб. росс. словесн.* М. 1818, ч. XI, 1—32); продолженіе его изслѣдованій въ *Биографическихъ свѣдѣніяхъ о жизни и ученыхъ трудахъ гр. А. И. Мусина-Пушкина*, см. *Записки и Труды Общ. Ист. и Др. Росс.*, ч. II, стр. 35—41; его же замѣчанія о Словѣ въ дневникѣ его, см. *Записки важныя и мелочныя... въ Лѣтн. Русск. Литер. Ти-*

хонравова, кн. 6, стр. 82, 90, 94, 97, 98, 108, 109—112, 114).—10) *Пожарскій*: Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго, вновь переложенное Явовомъ Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній. С.-Пб. 1819; Разсужденіе о переводѣ г. Пожарскаго Слова о полку Игоревѣ и примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ на оное помѣщено имъ въ *Журналъ древней и новой словесности*, №№ 9—11, С.-Пб. 1819.—11) *Белостинъ*: Стихотворное переложеніе Плача Ярославны (*Благонамѣренный*. 1819, ч. VI, стр. 141).—12) *Неизвѣстный*, Письмо объ Исторіи Россійск. Словесности въ *Вѣстникъ Европы*, 1821 г.—13) *Грамматинъ*: 1) Разсужденіе о древней русской словесности, написанное, по приказанію отдѣленія словесныхъ наукъ для полученія степени магистра, кандидатомъ Николаемъ Грамматинымъ. М. 1809. О пѣсни Игоря, стр. 8—16. 2) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. С.-Пб. 1821. 3) Критическое разсужденіе о Словѣ о полку Игоревѣ въ *Вѣстн. Европы*. 1822, V, 113—139. 4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII в. на славянскомъ языкѣ прозой и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. М. 1823.—14) *Бутковъ*: 1) Нѣчто къ Слову о полку Игоревѣ (въ *Вѣстн. Евр.*, 1821, ч. СXXI, 33—63 и 100—115). 2) Игорьъ или война Половецкая (тамъ же, т. СXLVII, 193, 241—248). 3) О войнѣ в. кн. Святополка съ Половецкимъ кн. Тугорканомъ въ 1096 г. (въ *Сын. Отеч.*, 1834 г., т. XLVI. 616—630).—15) *Загорскій*: Плачъ Ярославны въ *Новости Литер.*, 1825, ч. XIV, 69. — 16) *Полевой*: 1) Текстъ Слова въ VI дополненіи къ III т. Исторіи Русскаго народа, а примѣчанія къ нему во II т., 262—264, и III т. 2) Критическая статья на изданіе Слова Вельтмана въ *Москов. Телегр.*, 1833, ч. L, 420—442. 3) Любопытныя замѣчанія къ Слову о полку Игоревѣ гр. Мусина-Пушкина, Калайдовича, Тимковскаго въ *Сын. Отеч.*, 1839, III, Отд. VI, 15—20.—17) *Шкляревскій*: Плачъ Ярославны. Стихотвореніе. С.-Пб. 1832, стр. 11—13.—18) *Вельтманъ*: 1) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка XII столѣтія, съ краткими въ концѣ примѣчаніями. М. 1833. 2) Упомянутый бо Янъ въ Сл. о п. Иг. есть старецъ

Янъ, упоминаемый Несторомъ,—въ *Москвит.*, 1842, стр. 213. 3) Слово объ ополченіи Игоря Святославича, князя Новгородъ—Сѣверскаго на Половцевъ въ 1185 г. Изд. 2-е, съ приложеніемъ подлинника, по списку императрицы Екатерины II, лѣтописныхъ сказаній и поясненій. 1866. — 19) *Каченовскій*: его мнѣнія въ *Учен. Зап. Моск. Унив.*, 1834, № 3, стр. 457. — 20) *Давыдовъ*: замѣчанія его въ статьяхъ: „О развитіи различныхъ родовъ и видовъ поэзи“ (*Учен. Зап. Моск. Унив.*, 1833, стр. 488) и „О составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словесности“ (тамъ же, 1834, ч. III, 296—302.—21) *Глаголевъ*: Основанія русской словесности.—24) *Сенковский*: мнѣніе его о Словѣ въ разборѣ сочиненія Глаголева въ *Библ. для Чтенія*, 1834, т. IV, ч. 2, отд. V, 1—17, въ Путешествіи по Исландіи Мармье, тамъ же, 1837, т. XIV, стр. 149, и въ рецензіи на изданіе Максимовича, тамъ же, отд. VI, сент., стр. 35).—22) *Валиковъ*: Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ, въ *Учен. Зап. Моск. Универс.*, 1834, ч. V, стр. 295—308 и 449—460. — 23) *Руссовъ*: О подлинности древняго русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославича сына Олгова. С.-Пб. 1834. — 25) *Скромненко*: критическая статья на брошюру Руссова, въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1834, № 294.—26) *А. С. Пушкинъ*: его возраженія противъ *Библиотеки для Чтенія*, въ біографіи его *Анненкова*, стр. 475.—27) *Максимовичъ*: 1) Критическій разборъ 1-го изданія Вельтмана, въ *Молотѣ*, 1833, февраля 23-го 2) Пѣснь о полку Игоревѣ. Изъ лекцій о русской словесности, читанныхъ въ 1835 г. въ университетѣ св. Владимира, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1836, № IV, отд. II, 1—22, № VI, 440—470, 1837, № 1, 29—58. 3) Пѣснь о полку Игоревомъ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ. Кіевъ. 1837. 4) Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля въ *Москвитяинѣ* 1855. № 1. 5) Пѣснь о полку Игоревѣ, переведенная на украинское нарѣчіе. Кіевъ. 1867. 6) Изслѣдованіе о Троянѣ, Трояновой землѣ и Трояновыхъ вѣкахъ въ *Трудахъ 1-го Московскаго Археологическаго Създа*. — 28) *Козловъ*: Пѣснь Ярославны въ Собраніи его стихотвореній, С.-Пб., 1834, ч. II. — 29) *Кетпенъ*: *Биографическій Листокъ*. Замѣтка о переводѣ Зедергольма, стр. 126; замѣчанія о Тмутараканскомъ болванѣ въ сочиненіи „О древностяхъ южнаго Крыма“, 1837, стр. 63, пр. 189. — 30) *Пассекъ*: „О Бусовомъ ярѣ, какъ бывшемъ становищѣ хана Буса, въ III т. *Русскаго Историческаго Сборника*, М. 1838, стр. 227. — 31) *Снегиревъ*: Сло-

во о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Съ подстрочными критическими примѣчаніями въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*, 1838, стр. 105—128. — 32) *Сахаровъ*: Слово о полку Игоревѣ, въ Пѣсняхъ Русскаго народа, 1839, ч. V, стр. 277, и въ Сказаніяхъ Русскаго народа съ эпиграфомъ: „да постыдятся и посрамятся вси, глаголющїи нань“, въ IV кн. 37—42; изслѣдованіе его о Словѣ въ кн. 1, стр. 46—72, С.-Петербургъ, 1841.—33) *Де-Дарю*: Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олерова. Одесса, 1839. 34) *Прейсъ*, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1841, февраль. 35) *Эрдманъ*: Слѣды азіатизма въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1842, октябрь. 36) *Шафарикъ*, въ Славянскомъ Народоописаніи, въ переводѣ *Бодянскаю*. Москва, 1843, стр. 16.—37) *Дубенскій*: Слово о плѣну Игоревѣ, Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ. Москва, 1844. 38) *Бердниковъ*: Разборъ сочиненія магистра Дубенскаго подъ заглавіемъ: Слово о полку Игоревѣ, см. 4-е Присужденіе *учрежденныхъ П. Демидовымъ наградъ*, 17-го апрѣля, 1845. С.-Петербургъ, 1845.—39) *Кіянинъ Димитрій*: Разсужденіе о томъ, что въ древней Россіи Поросско-Украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не Римскимъ, а Русскимъ Трояномъ. Кіевъ, Университетская типографія, 1845, 1—43.—40) *К. Аксаковъ*: изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ въ сочиненіи: Ломоносовъ въ исторіи русской Литературы и языка. Москва, 1846. 41) *Минаевъ*: Стихотворное переложеніе. С.-Петербургъ, 1846. 42) *Головинъ*: Примѣчанія на Слово о полку Игоревѣ Н. Г. 1846. Съ родословною князей. 43) *Шевыревъ*: Сравненіе Слова съ Ипатьевскою Лѣтописью въ *Москвитянинѣ*, 1843, № 12, и лекція о Словѣ въ исторіи русской Словесности, Москва, 1846, стр. 253—332. — 44) *Бергъ*: Плачь Ярославны, въ *Москвитянинѣ*, 1846, ч. 1, кн. 2, стр. 32.—45) *Бодянский*: „О тождествѣ Славянскихъ божествъ Хорса и Дажь Бога, въ *Чт. Общ. Ист. и древ. Россіи*. 1846, кн. 2.—46) *Венелингъ*: Критическія изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ, Москва. 1849, стр. 263. — 47) *Соловьевъ*: Мнѣніе его о Словѣ въ III т. Исторіи Россіи, стр. 107—110, Москва, 1853.—48) *Мей*: Слово о полку Игоревѣ сына Святъславля, внука Ольгова, въ стихотворномъ переводѣ, въ *Москвитянинѣ* 1860, № 22; отдѣльно издано въ С.-Петербургѣ, 1856. — 49) *Погодинъ*: Письмо къ Шевыреву о десятой его лекціи, въ *Москвитянинѣ* 1845 г., № 1; замѣчанія на Слово въ Древней Русской Исторіи до монголь-

сваго яга, т. II, 1231—1242, Москва, 1872. — 50) *Срезневскій*: замѣчанія его въ разныхъ статьяхъ: 1) Мысли объ исторіи русскаго языка. С.-Пб. 1850; 2) Задонщина великаго господина Дмитрія Ивановича. . . С.-Пб. 1858; въ Чтеніяхъ о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, приложение къ II т. *Записокъ Импер. Акад. Наукъ*, 1862, и въ книгѣ: Древніе памятники письма и языка, стр. 135.—51) *Туловъ*: Руководство къ познанію видовъ и формъ поэзіи. Кіевъ, 1853, 204—216.—52) *Гербель*: Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. С.-Пб. 1-е изд. 1854, 2-е 1855.—53) *Карелинъ*: критическая статья его на изданіе Гербеля, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1854, т. XCIII отд. IV, стр. 1—11.—54) *Березинъ*: критическая статья на переводъ Гербеля, въ *Москвитянинъ*, 1854, VI, 48.—55) *Кораблевъ*: Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославича, внука Ольгова, съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. Москва, 1856; разборъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 1856, т. CIX, отд. III, 101—103.—56) *Пытинъ*: Замѣчанія его въ „Очеркахъ литературы исторіи старинныхъ повѣстей. С.-Пб., 1858, стр. 91—93.—57) *Буслаевъ*: 1) Сербская сказка о царѣ Троянѣ, въ *Москвитянинъ* 1842, № 11); 2) критическій разборъ изданія Дубенскаго, въ *Москвитянинъ* 1845, № 1, стр. 29—40); 3) Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи, тамъ же 1850, XVIII, 19—47); 4) изслѣдованія о Словѣ въ Историческихъ очеркахъ русской народной словесности (т. I, стр. 377 и въ разныхъ мѣстахъ) и въ статьѣ: „Русская поэзія XI и начала XII вѣка“, *Лѣтописи Русской Литературы*, Москва, 1859; 5) изданіе Слова съ критическими примѣчаніями въ Исторической хрестоматіи (Москва, 1861, стр. 581) и въ Русской хрестоматіи (Москва, 1870); 6) критическая статья его на изданіе Слова *Тихонравова*, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1867, кн. 2, 441—455. — 58) *Безсоновъ*: Въ статьѣ Константинъ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ. Москва, 1862: сношенія съ гр. Мушиннымъ-Пушкинымъ, стр. 96—98, 100. — 59) *П. Лавровскій*: въ статьѣ „Коренное значеніе родства у Славянъ“, *Записки Академіи Наукъ*, т. XII, 1867, стр. 36.—60) *Пекарскій*: Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. Съ историческими свѣдѣніями.—61) *О. Ѳ. Миллеръ*: изданіе Слова въ Опытѣ обзоренія русской словесности, съ историческими объяснительными примѣчаніями. С.-Пб., 1866.—62) *Г. Г.* въ *Книжневскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1866, въ статьѣ „Клава“, стр. 290—291.—63) *Тихонравовъ*: Слово о полку Игоревѣ. Издано для учащихся. Москва, 1866; 2-е изд. исправленное. Москва, 1868.

Съ палеографическими и критическими изысканіями. — 64) *Θ. Е. Коршъ*: Критическія его замѣчанія на изданіе *Тихонравова*, въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1866—1867, I, стр. 165—169. — 65) *Макушевъ*: Критическія замѣчанія его на то же изданіе, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* февраль, 455—472. — 66) *Некрасовъ*: критическая статья его на то же изданіе, тамъ же, мартъ, 772—777. — 67) *Полюсскій*: Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ прозою, съ значительными пропусками. С.-Пб., 1867. Изд. *Досугъ и Дѣло*. — 68) Слово объ Игоревомъ походѣ, Игоря сына Святославова, внука Ольгова, въ переводѣ прозою на большомъ листѣ. Изданіе неизвѣстнаго. Назначено для народа. С.-Пб., 1867.—69) *Водовозовъ*: 1) Словесность въ образцахъ и разборахъ, стр. 295—298. С.-Пб., 1868; 2) „Разказы изъ русской исторіи, вып. 1-й.—70) *Стоюницъ*: О преподаваніи русской литературы, стр. 82—89. С.-Пб., 1868. — 71) *Аполлонъ Майковъ*: Слово о полку Игоревѣ—въ стихотворномъ переводѣ, съ предварительными замѣчаніями и критическими изслѣдованіями въ концѣ. Издано въ *Зарѣ*, вн. I, отд. I, 1870.—72) *Карауловъ*: Очерки исторіи русской литературы, т. I, 1870, стр. 35—41. — 73) *Галаховъ*: Исторія русской словесности, I, стр. 60—62.—74) *Порфирьевъ*: Исторія русской словесности, ч. I, стр. 315—324. Казань, 1870.—75) *Н. А. Лавровскій*: Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ Эрбена, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1870, октябрь, 276—302.—76) *В. М.* Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся. Посвящено любимому другу Е. М., С.-Пб., 1871, 8°, 154. — 77) *Малашевъ*: Слово о полку Игоревѣ. Поэтическій памятникъ русской письменности XII вѣка съ примѣчаніями, полнымъ словаремъ и тремя приложеніями. Москва, 1871.—78) *Филоновъ*: изданіе въ Русской хрестоматіи. С.-Пб., 1875, 356—367. — 79) *Котляревскій*: въ рецензій на Аванасьева: Триглавъ не есть Троянъ (см. *Отчетъ о 13 присужденіи награды гр. Уварова* 1872 г., стр. 643). — 78) *Колосовъ*: Очерки исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе, стр. 181—188. Варшава, 1872. — 81) *Е. Барсовъ*: Причитанія сѣвернаго края, стр. XXIX—XXX. — *Алябьевъ*: Слово о полку Игоревѣ (новѣйшій буквальный переводъ въ стихахъ). Москва, 1873. — 82) *Θ. Б. Миллеръ*. Пѣснь Ярославны въ его Стихотвореніяхъ, стр. 151—152. Москва, 1873.—83) *Н. М. Павловъ (Бишинъ)*: Слово о полку Игоревѣ въ русскомъ переводѣ. Съ предварительными объяснительными замѣчаніями. Москва, 1874. — 84) *Иловайскій*: 1) статья о княжескихъ пѣвцахъ,

въ *Русскомъ Словѣ*, 1859, Декабрь; 2) нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутараканской Руси и Тмутараканскомъ болванѣ. Москва, 1874.—85) *А. Н. Веселовскій*: 1) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, С.-Пб., 1872, стр. 233; 2) Отрывки Византийскаго эпоса въ русскомъ, въ *Вѣстникъ Европы* 1875, кн. IV, стр. 755.—86) *Бестужевъ-Рюминъ*: Русская исторія, стр. 27 и 126; 2) *Кн. П. П. Вяземскій*: Замѣчанія его на Слово о полку Игоревѣ во *Временникъ* 1851, кн. II, I—XX, 1—65, и отдѣльно: Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ. С.-Пб., 1875, I—XLVI, 1—517, 1—105.

Переводы и замѣчанія на иностраннымъ языкамъ: 1) *Le Spectateur du Nord*, Octobre, 1797, pag. 53. Lettre au Spectateur sur la litterature Russe.—2) *Шлецеръ*: *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1810, St. 203, S. 2028.—3) *А. Коцебу*: нѣмецкій переводъ въ журналѣ *Freimüthige*. — 4) *Рихтеръ*: тоже въ *Russischen Miscellen*, 1803, № 3, S. 1—56. — 5) *Мюллеръ*: Heldengesang von Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Schwerischen Nowgorod Igor Swätlawlitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen von *Joseph Müller*. Prag, 1811.—6) Переводъ неизвѣстнаго намъ переводчика, помѣщенъ былъ еще въ нѣмецкомъ журналѣ: *Morgenblatt*, 1817.—*Ганжа*: Spruch vom Heerzuge Igors, Igors Sohn des Swätlaw, Enkels des Olegs. Prag, 1821, съ чешскимъ переводомъ. — 7) *Зедергольмъ*: Das Lied vom Slawonischen metrisch übersetzt vom Pastor Sederholm. Москва, 1825. — 8) *Ганушъ*: Die Wissenschaft der Slawisch. Mythus, 1842, pag. 20. — 9) *Большъ*: Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doctor August Boltz. Berlin, 1854.—10) *Экутейнъ*: французскій переводъ въ журналѣ *Le Catholique*. — 11) *Бланшардъ*: Igor poeme heroique, traduit du russe par *N. Blanchard*. Moscou. 1823. — 12) *Годобскій*: Wyprawa Igor przeciw Polowcom poема Alexego Iwanowieza Mussin-Pusskina, въ сочиненіяхъ Годобскаго, 1821.—13) *Бллевскій*: Wyprawa Igora na Polowcow. Poesmat slawianski, wydany przez *Augustina Bielowskiego*. Lwow, 1833. — 14) *Вишневскій*: Michala Wiszniewskiego Historya Literatury Polskiej, t. I. Krakow, 1840, стр. 224. — 15) *Красинскій*: Piesn o polku Igora Staroslawianski, poemat z XII wieku przeklad ks. Adama Stanislawo Krasinskiego, Kanonika Katedry Wilenskiej. Petersburg, 1856. — 16) *Раковецкій* въ книгѣ о Русской правдѣ. — 17) *Линде* въ Исторіи польской литературы. — 18) *Мицкевичъ* въ курсѣ Славянскихъ литературъ. — 19)

Юнманъ и 20) *Разнай*: первый переложилъ на чешскій языкъ прозу, а другой стихами въ 1808 г., но ихъ переводы не вышли. — 21) *Ганка*: Слово о плѣху Игоревѣ. Slovo o plku Iгореwie Slawianom latinskago pisma. Vierno v podlinnom jazycie s reskym i niemec-kym prevodom. Izdano Vioreslavom Hapkoju v Prazie, 1821, 8°, I—XII. Чешскій переводъ съ примѣчаніями 1—58 стр. Нѣмецкій 60—80 стр. — 22) *Эрбенъ*: Dvé zpěvu starorusky'ch, totiž: O výpravě Igorové, a Zadonština. S kritickými historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady vydal kavel Javomiv Erben. V Prazě, 1870 въ сочиненіяхъ чешскаго общества наукъ, Pojednani Kral. ceské Spol nauk) ч. VI вып. 3. Прага. 1869. — 23) *Гаттала*: Slovo o polku Iгореvė. *Martin Hatalla*. Praz. 1858. — 24) *Сабина* часто упоминаетъ о словѣ въ своихъ сочиненіяхъ о чешской словесности. — 25) *Милошъ-Светичъ* (подъ псевдонимомъ Хацић) въ Бѣлградскомъ альманахѣ *Голобича*. — 26) *Людвикъ Гай*, замѣчанія въ разныхъ сочиненіяхъ. — 27) *Медичъ*: Слово о полку Игоревомъ или пѣсма о Игоревѣ чети. Прево и обяснио Данило Meduth у светомъ Петрограду. 1840. — *Гушалевичъ*: Слово о полку Игоря Святославича пѣснотворъ старорусскій изъ XII столѣтія. Издано *Юанномъ Гушалевичемъ* Львовѣ 1850 г.

II.

„Mais ce qui vous surprendra peut-être davantage, Monsieur, c'est qu'on a déterré, il y a deux ans, dans nos archives, le fragment d'un poème, intitulé *le Chant des guerriers d'Igor*, qui peut être mis à côté des plus beaux morceaux d'Ossian, et qui a été fait dans le douzième siècle par un auteur inconnu. Un style énergique, des sentiments d'un héroïsme sublime, des images frappantes puisées dans les horreurs de la nature, font le mérite de ce fragment, ou le poète, traçant le tableau d'un combat sanglant, s'écrie: „Ah! je sens que mon pinceau est faible et languissant; je n'ai pas le talent du grand Bayan, ce rossignol des temps passés“. Il y avoit donc en Russie, avant lui, de grands poètes, dont les ouvrages sont engloutis par les siècles! Nos annales ne nomment point ce Bayan; nous ne savons, ni quand il a vécu, ni ce qu'il a chanté. Mais cet hommage, rendu à son génie par un tel poète, fait vivement regretter la perte de ses ouvrages“ (*Spectateur du Nord*, 1797, Octobre, стр. 55 и 56) ¹⁾.

¹⁾ «Вы, можетъ быть удивитесь еще болѣе, если узнаете, что два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, подъ названіемъ: пѣснь

Въ такихъ словахъ и на такомъ языкѣ впервые появилось извѣстiе о знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Не трудно понять, съ какимъ недовѣрiемъ встрѣтили это извѣстiе тогдашнее образованное Петербургское общество, презрительно смотрѣвшее на всю до-Петровскую старину, и тѣмъ поспѣшивше, что самъ Шлецеръ — отецъ русской исторической науки — усумнился въ возможности существованiя у насъ такого памятника въ XII вѣкѣ.

Съ иными чувствами и думами отнеслась Москва къ этому открытiю. Здѣсь уже восхищались драгоценною пѣснiю Игоря какъ роднымъ произведенiемъ древне-русскаго генiя, списывали и переписывали ее съ разными, хотя и неисправными переводами. Самъ Мусинъ-Пушкинъ, отерывшiй эту драгоценность и боязливо относившiйся къ своему открытiю въ Петербургѣ, — въ Москвѣ ободрился, встрѣтивъ здѣсь полнѣйшее сочувствiе и поддержку. По убѣжденiю Малиновскаго и Бантыша-Каменскаго онъ рѣшился, какъ самъ говоритъ, „обще съ ними“ свѣрить переложенiе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдалъ въ печать. И вотъ, въ 1800 г. это Слово вышло въ свѣтъ подъ заглавiемъ: „Ироническая пѣснь о походѣ на Половецевъ удѣльнаго князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря Святославича“.

Печатавъ его, первые издатели спѣшили распространить и утвердить въ обществѣ тотъ самый взглядъ на него, какой былъ высказанъ въ *Spectateur du Nord*. „Любители Россiйской словесности“, говорятъ они, — „согласятся съ нами, что въ семь оставшемся отъ минувшихъ вѣковъ сочиненiи виднѣнъ духъ Оссiановъ, что и наши древнiе герои имѣли своихъ бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя сочинителя осталось неизвѣстнымъ.... Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выражений, могущихъ навсегда послужить образцомъ витiйства; благоразумный читатель отличить

Игоревыхъ, воинствъ которую можно сравнять съ лучшими Оссiановыми поэмami, и которая написана въ XII столѣтiи неизвѣстнымъ сочинителемъ. Слогъ исполненный силы, чувства величайшаго героизма, разительныя изображенiя, почерпнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинства сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженiя, восклицаетъ: «Увы! чувствую, что кисть моя слаба, что я не имѣю дара великаго Байна—сего соловья временъ прошедшихъ!» Слѣдовательно, и до него были въ Россiи великiе поэты, которыхъ творенiя поглощены вѣками. Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Байнѣ, и мы не знаемъ, когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почтенiе, воздаваемое его дарованiямъ такимъ поетомъ, заставляетъ сожалѣть о потерѣ его творенiй».

оныя отъ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей“.

Любопытно, какое именно участіе принималъ въ этомъ изданіи каждый изъ издателей. Было мнѣніе, основанное, впрочемъ, на преданіи, что историческія и филологическія примѣчанія къ нему писалъ извѣстный тогдашній критикъ Болтинъ ¹⁾. Но найденныя нами черновыя бумаги Малиновскаго положительно доказываютъ, что всѣ примѣчанія принадлежать исключительно ему и изданы по его рукописи. Бантышъ-Каменскій участвовалъ только въ корректурѣ; первую держалъ Малиновскій, другую Бантышъ-Каменскій, а третью самъ Мусинъ-Пушкинъ. Участіе послѣдняго до того было ограничено, что онъ не имѣлъ даже права помаривать корректуру ²⁾. При такомъ числѣ корректоровъ и при частыхъ поправкахъ, печатаніе шло „медленно“. Вся забота первыхъ издателей направлена была на художественное „переложеніе пѣсни“, и никто изъ нихъ не думалъ, какъ увидимъ, о палеографической точности самаго текста. Что касается перевода, то онъ дѣйствительно по внутреннему достоинству превосходитъ многія послѣдующія изданія; въ немъ многія мѣста угаданы, хотя и не доказаны; Шлецеръ, сомнѣвавшійся въ истинѣ сего творенія, какъ скоро прочиталъ его, торжественно признался, что „въ пѣтической прозѣ оно есть древнее и даже подлинное: теперь я болѣе не сомнѣваюсь, но вѣрно ли оно вездѣ переведено на новый русскій языкъ, и наполнено ли оссіановскимъ духомъ, пусть судятъ другіе“ ³⁾. Этотъ голосъ заградилъ уста петербургскихъ скептиковъ на цѣлые двѣнадцать лѣтъ.

Но вотъ, въ 1812 году въ Московскомъ пожарищѣ навсегда исчезла драгоценная рукопись Слова. Теперь ясно стало для всѣхъ, какое важное значеніе имѣла она. Подняли свою голову скептики— и съ новою смѣлостію и отвагой возбудили относительно ея свои сомнѣнія. Поборники, съ своей стороны, спѣшили живыми свидѣтельствами закрѣпить ея подлинность. Не дремали и люди наживы: появились дѣйствительныя поддѣлки, которыя еще болѣе усиливали сомнѣнія относительно подлинности Слова.

Самымъ горячимъ защитникомъ Слова былъ Калайдовичъ. „Я желалъ бы знать о всѣхъ подробностяхъ несравненной пѣсни Игоре-

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русскаго народа.

²⁾ Сынъ Отечества, 1839, III, отд. VI, стр. 17.

³⁾ Gotting. gel. Anz., 1801, St. 203, p. 2028.

вой“, писалъ онъ къ Мусину-Пушкину, отъ 30-го октября 1813 года,— „на чемъ, какъ и когда она писана? Гдѣ найдена? Кто былъ участникомъ въ изданіи? Сколько экземпляровъ напечатано? Также и о первыхъ ея переводахъ, о коихъ я слышалъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго“. Не давая положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, только жаловался ему на зложелательныхъ людей, кои не вѣрили ему и даже подозрѣвали его въ литературномъ подлогѣ. „Я самъ знаю“, отвѣчалъ ему Калайдовичъ¹⁾, — „сколько языкъ неблагонамѣренный можетъ огорчать каждаго изъ насъ, но что значать сіи притупленныя невѣжествомъ и клеветой стрѣлы? Кто вѣритъ словамъ завистниковъ, дерзающихъ говорить, что пѣсня Игоревы поддѣлана? Кто могъ съ такими познаніями въ исторіи и языкѣ не сдѣлать анахронизмовъ, живши въ XVIII вѣкѣ, и кто опять отказался бы отъ чести сочиненія такого памятника, которому удивляются отличные знатоки въ семъ дѣлѣ, не видя настоящей ему основы“. Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, недоумѣвалъ и о томъ, зачѣмъ требуются отъ него подробныя свѣдѣнія, и потому Калайдовичъ прибавлялъ ему: „Желая успокоить легковѣрныхъ, утвердить благомыслящихъ и притупить жало неблагонамѣренныхъ, я хотѣлъ бы имѣть подробнѣйшее извѣстіе о пѣсни Игоревой, къ которой можно бы приобщить извѣстіе о всѣхъ пѣсахъ, съ нею вмѣстѣ помѣщенныхъ. Мы все сіе желаемъ сдѣлать *нѣкоторымъ актомъ*, засвидѣтельствованнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Н. М. Карамзинымъ и А. Ѳ. Малиновскимъ,—назовите, которыхъ вы знаете, и положимъ для утвержденія въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Живая вѣра въ судьбы науки и собственныя открытія Калайдовича не позволяли ему ни на минуту усумниться въ подлинности Слова, и онъ каждымъ своимъ розысканіемъ спѣшилъ успокоивать графа, который, какъ видно, не зналъ, какъ себя оправдать отъ напраснаго нареканія. „Я увѣренъ“, писалъ онъ,—„что время, отъ коего зависитъ скрывать и открывать, явить намъ неоспоримыя свидѣтельства его достовѣрности, подобно одному, найденному мною въ Апостолѣ 1307 года, гдѣ игумень Пантелеймонова монастыря Зосима, описавъ гибельную войну князей Михаила и Юрія, такъ заключаетъ: „при сихъ князѣхъ сѣяшется и росташе усобицами, гнѣяше жизнь наша въ князѣхъ к отцы и вѣцы скоротышася члкомъ“. Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія; сіе любопытное мѣсто столь сродно одно съ другимъ, что, кажется, игумень

¹⁾ Отъ 13-го декабря 1813 года.

Зосима имѣлъ предъ собою пѣснь Игореву, не за долго предъ симъ сочиненную“.

На такое горячее и настойчивое письмо Мусинъ-Пушкинъ уже не могъ не отвѣчать. Отъ 31-го декабря того же года онъ сообщилъ Калайдовичу слѣдующее: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комиссіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревѣ. Рукопись эта писана на лощеной бумагѣ, *въ концѣ мтотиси*, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ.... Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно яснымъ характеромъ* была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было правописанія, ни строчныхъ знавовъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлять на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не былъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной Щербатову, который, разбирая грамоту Новгородцевъ къ Ярославу (что, надѣюся, вамъ извѣстно), напечаталъ „почто отгялъ еси поле, Заячъ и Миловцы?“¹⁾.

Изъ сего письма видно только, что рукопись Слова была писана яснымъ характеромъ, что правописаніе и строчные знаки ея не отвѣчали нынѣ принятымъ, и что слова въ ней писаны въ сплошную строку. Но не такія неопредѣленныя свѣдѣнія требовались Калайдовичу. Онъ снова обратился къ Мусину-Пушкину съ просьбою точнѣе опредѣлить характеръ письма и наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой, для утвержденія сей драгоценности. Но отвѣта не было. Мусину-Пушкину видимо были неприяты всѣ эти запросы: „Послѣдняго письма моего (отъ 3-го января 1814 г.), ваше

¹⁾ *Труды Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1824, ч. 1, стр. 35.

сіятельство, получить еще не изволили, въ которомъ я просилъ наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой“.

Но симъ не кончились испытанія Мусина-Пушкина. Профессоръ Тимковскій, съ такою же ревностію изучавшій Слово, просилъ Калайдовича (13-го февраля 1814 г.) разузнать отъ графа: „Чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? Вѣрно ли напечатана рукопись, и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописанія? Какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? Почему слово „Олеги“ поставлено въ скобкахъ“ и пр. Но всѣ эти допросы едва ли могли имѣть какой-либо успѣхъ. Мусинъ-Пушкинъ не могъ отвѣтить на нихъ больше, чѣмъ онъ уже отвѣтилъ.

За то скоро послѣдовало новое открытіе, которое проливало нѣкоторый свѣтъ на подлинное Слово. Профессоръ Тимковскій нашелъ другое подобное же сочиненіе: это „пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ“. Мы не можемъ себѣ представить, какимъ важнымъ событіемъ была эта находка въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. Ученые радовались и привѣтствовали другъ друга съ этимъ открытіемъ. Калайдовичъ не могъ удержаться отъ восторга. „Пѣснь сія подобно Игоревой“, описывалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—„исполнена сильными выраженіями и красотой слога и во многихъ мѣстахъ столь сходна съ первою, что нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель оной имѣлъ пѣснь Игореву образцомъ своимъ. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть, къ сочинителю пѣсни Игоревой: „Повѣдай, Уранъ“. Въ ней вмѣсто Курчанъ описываются Суздальцы; вмѣсто Ярославны представлена жена князя Дмитрія сидящею въ своемъ златоверхомъ теремѣ надъ Москвою рѣкою, пригорюнившись и сѣтующая о разлукѣ съ любовнымъ ей Дмитриемъ. Встрѣчаются выраженія: *и трубы трубятъ звонко съ поволокою* и многія слова: *харалужный, стязь, гамицы, мисцы*, какъ и въ пѣсни Игоревой. Въ сей же книгѣ помѣщена съ арабскаго переведенная сказка: *Синаритъ царь Адоровъ Иналивскія страны*, какъ и въ пѣсни Игоревой“.

Тимковскій, вполне понимая важность найденнаго имъ памятника для объясненія Слова, усердно просилъ Калайдовича (23-го октября 1814 г.) приложить всѣ старанія о сысканіи другаго подобнаго списка. Какъ видно изъ дневника Калайдовича, Тимковскому во всей пѣсни Игоревой были непонятны только семь словъ: 1) зегзица, 2) ортма, 3) папорози, 4) стрикусъ, 5) тлековины, 6) харалужный и 7) ше-

реширы. Недоумѣвалъ онъ еще и о томъ, гдѣ находились Пѣвскъ, и Дудутки, упоминаемыя въ пѣсни. За разъясненіемъ сихъ словъ, всегда готовый къ услугамъ Калайдовичъ обращался по просьбѣ его къ Соликову, всендзу Мореловскому и къ преосвященному Евгенію но безуспѣшно. Всѣ откровенно признавались, что объяснить указанныхъ словъ они не въ состояніи. Нѣтъ сомнѣнія, что труды Тимковскаго по изъясненію Слова были бы для насъ драгоцѣнны, но къ сожалѣнію, и они, кажется, погибли безвозвратно, какъ и подлинная рукопись Слова.

Во главѣ скептиковъ этого времени стоялъ графъ С. П. Румянцевъ. Сомнѣнія его относительно подлинности пѣсни Игоревой отмѣчены собственною его рукою на поляхъ принадлежавшей ему книги 1-го изданія: противъ слова *женчугъ* написано: „въ Словенскихъ книгахъ жемчугомъ называется *бисеръ маргаритъ*. Нигдѣ не приведено рѣчей древнихъ съ симъ словомъ“. Противъ слова *Салтани* замѣчено: „*Mahmoud Taleck ou Roi des Ghasnevîdes fut salué sultan par Kalaf, simple gouverneur du Segestan.... Ce titre, jusqu' alors inconnu devint en usage parmi les Princes Mahometans, Il plut à Mahmoud, qui le porta le premier; auparavant les princes prenaient celui de Maleck ou de Roi. (De Guines, 5, II, p. 162)*“¹⁾. Противъ замѣчанія объ образѣ Пирогощей приписано: „Игорь родился въ 1151 г.; образъ былъ перенесенъ въ 1160 г.; какъ же могъ онъ послѣ сего похода найдти его въ Кіевѣ?“

Но для насъ любопытны болѣе всего тѣ споры, какіе велъ о томъ графъ С. П. съ Калайдовичемъ. Ученость Калайдовича возвышала его надъ современниками и внушала къ нему невольное уваженіе. Уважалъ его и графъ С. П., однакоже не вѣрилъ его увѣреніямъ въ подлинности слова. 20-го февраля, графъ, прощаясь съ Калайдовичемъ и увлеченный его бесѣдой, между прочимъ, сказалъ ему, „что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ увидитъ своего брата (Н. П. Румянцева) и сообщитъ ему, что нашелъ такого человѣка, который удобно можетъ представить ему другую пѣсню Игореву. Я поблагодарилъ за мнѣніе“, прибавляетъ Калайдовичъ, — „и не находилъ силъ обольщать себя и тѣнью подобнаго сочиненія“. Въ другой разъ, 14-го января

¹⁾ «Махмудъ малекъ или царь Гасневидовъ привѣтствованъ былъ внукомъ титуломъ *султана* Калафомъ, простымъ правителемъ, Сегестана. Этотъ титулъ до того времени неизвѣстный, вошелъ въ употребленіе у магометанскихъ государей: онъ понравился Махмуду, который первый его принялъ; до него государи носили титулъ *малековъ*».

1814 г., возражая противъ подлинности Слова, графъ выставилъ Калайдовичу на видъ, что въ немъ встрѣчается имя *солтаново*, появившееся не задолго предъ XII вѣкомъ, названіе народа *Венедицъ* и мѣстоименіе *который*, неприличныя будто бы тому времени. Эти возраженія, какъ видно, поставили въ недоумѣніе Калайдовича, хотя и не смутили его собственной увѣренности. „О имени солтана и Венедицъ“, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, — должно справиться; а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новыя, приводилъ я его сіятельству слово *бадогъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Но въ еще болѣе рѣшительное затрудненіе поставленъ былъ Калайдовичъ въ спорѣ съ графомъ 24-го февраля того же года. Къ числу прежнихъ сомнѣній графъ присоединилъ новое. „Если образъ Богоматери“, возражалъ онъ, — привезенный Пирогощю, въ 1160 г. перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издателей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 г. изъ плѣна Половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе его въ 1151 г. еще болѣе сіе запутываетъ. — Я не могла ничего припомнить“, сознается Калайдовичъ въ своемъ дневникѣ, — „согласился было съ нимъ, но г. Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ разныхъ иконъ Пирогощиной и писанной евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 г., что не противно будетъ не подверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревои“. Когда Калайдовичъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія графа, тотъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая за письмо евангелиста Луки, писана масляными красками, между тѣмъ какъ искусство сіе появилось позже въ Италіи. Открытіе Тимковскимъ пѣсни о побѣдѣ Дмитрія Донскаго должно бы нѣсколько остановить недовѣріе графа. Но когда Калайдовичъ указалъ ему на эту находку, онъ также не повѣрилъ, замѣтивши, что походъ Игоря описанъ пѣтически и у Татищева. Вообще скептицизмъ графа заходилъ очень далеко. „Графъ“, замѣтилъ Калайдовичъ, — „имѣеть сильныя предрасудки въ поддѣлкѣ древнихъ рукописей. Онъ не вѣрилъ и Нестору, почитая лѣтописи монастырскими записками, а самого Нестора Петра Могилы фабрикою“.

Но вотъ среди этихъ-то споровъ, какъ бы нарочно для поддержанія недовѣрія и сомнѣній — являются дѣйствительныя поддѣлки Слова. Люди наживы, всегда чуткіе къ злобѣ дня, спѣшили уже ло-

вить рыбу въ мутной водѣ. Но что всего любопытнѣе, прежде всѣхъ попался на ихъ удочку первый и главный редакторъ по изданію рукописи Слова, А. Ѡ. Малиновскій. Вотъ что писалъ онъ на радостяхъ графу Н. П. Румянцеву о своемъ новомъ мнимо-драгоценномъ приобрѣтеніи:

„Въ послѣднихъ числахъ мая сего 1815 года Московскій мѣщанинъ Петръ Архиповъ принесъ мнѣ харатейный свитокъ (столпъ) и продалъ за 170 руб. На вопрошенія мои, откуда онъ досталъ его, я получилъ въ отвѣтъ, что вымѣненъ иностранцемъ Шимельфейномъ на разныя вещицы къ Калужской губерніи у зажиточной помѣщицы, которая запретила ему объявлять о имени ея.

„Сей древній свитокъ заключалъ въ себѣ слово о полку Игоревѣ, переписанное 1375 года въ Суздальѣ монахомъ Леонтіемъ Зябловымъ на 11 пергаменныхъ листахъ; каждый изъ нихъ длиною отъ пятнадцати до тринадцати вершковъ; шириною жъ въ три вершка. Всѣ листы одинъ къ другому приклеены продѣтыми въ трехъ мѣстахъ сѣвостъ прорѣзанныя дырочки пергаменными ремешками и искусно узелкомъ перевязанными. Пергаменъ цѣлъ, хотя и есть на немъ дыры, но не отъ ветхости, а при самой выдѣлкѣ онаго такъ были; потому что писецъ переносилъ буквы чрезъ нихъ. Весь столпъ удивительно сохраненъ и чрезъ 440 лѣтъ ни малѣйшаго поврежденія не потерпѣлъ отъ времени; одна только сторона онаго въ обрѣзѣ по свертку нѣсколько потемнѣла, а другой край очень свѣжъ. Судя по данному въ сей хартіи направленію къ удобному свертыванію, можно навѣрно сказать, что она всегда сберегаема была въ кругломъ футлярѣ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль столбца оставлены поля бѣлыя на полвершка прямо обливанныя тупымъ ножомъ; строки также всѣ и снизу и сверху для вмѣщенія буквъ обливаны очень ровно. Двѣ заглавныя строки писаны виноварью и цвѣтъ ея не потемнѣлъ; текстъ же чернилами уже полинявшими; но четкость удержана чрезъ миндальное масло, которымъ весь столпъ написанъ; почеркъ буквъ настоящій, уставный; препинаній никакихъ нѣтъ, а токмо въ 7 мѣстахъ поставлены точки виноварью и прописныя за ними буквы той же краски.

„По сличеніи сего столпа съ изданною въ печать пѣснью, не оказывается никакой въ смыслѣ дѣйствительной разницы, ниже прибавки, кромѣ измѣненія въ правописаніи и выговорѣ; но много есть писцовыхъ ошибокъ и недописокъ“.

Къ сему описанію купленной рукописи приложенъ и самый сводъ

разниця ея съ печатнымъ изданіемъ Слова. Изъ этого свода видно, что новая рукопись не только не представляетъ ничего новаго, но и переполнена грубѣйшими ошибками. Здѣсь же выписана и лѣтопись новой рукописи: „Написася при благовѣрномъ и влкомъ князѣ Дмитріи Константиновичѣ слово о походѣ плъку игорева игорѣ свѣтѣславля внука олгова калчгеромъ оубогимъ леонтиемъ пореклу зѣбловымъ въ богоспасаемомъ градѣ Сздали въ лѣто ѿ сотворенѣа мира шесть тыстащъ осемь сотъ ѿмѣдѣтъ третиаго“.

Для подробнѣйшаго разсмотрѣнія Малиновскій обѣщался представить гр. Н. П. Румянцеву снимокъ съ первыхъ 16-ти строкъ.

„Сія рѣдкая по древности и по виду своему рукопись“, писалъ онъ ему, — „будетъ издана вновь мною съ поправленіями въ переложеніи оной на употребляемое нынѣ нарѣчіе; ибо и въ 1-мъ ея изданіи я имѣлъ честь участвовать съ его сіятельствомъ графомъ А. И. Пушкинымъ и покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ; а по исполненіи сей пріятной предъ учеными Россіянами моей обязанности, останется сей свитокъ навсегда въ библіотекѣ Московскаго государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ архива“.

Графъ Румянцевъ, не полагаясь рѣшительно на свое мнѣніе, всѣ присланныя имъ бумаги показалъ А. И. Ермолаеву, который видѣлъ подлинную рукопись Слова; онъ не усумнился покупу Малиновскаго назвать подложною. „Бывъ свидѣтелемъ, 23-го іюля“, извѣщалъ Нестеровичъ Малиновскаго, — „невыгоднаго отзыва г. Ермолаева о найденномъ древнемъ спискѣ Пѣсни о полку Игоревѣ, будто списокъ сей поддѣланъ, пріятнѣйшимъ почелъ для себя долгомъ сообщить о семъ вашему превосходительству“. Понятно, что и самъ Малиновскій скоро долженъ былъ убѣдиться въ своемъ жалкомъ обманѣ и поучиться прагматической мудрости у сыновъ вѣка сего.

Таковы были попытки изслѣдовать погибшую рукопись Слова или отыскать новую.

Но чтожь, однако, была это за рукопись: какимъ письмомъ она была писана, къ какому вѣку относилась, и какъ пользовались ею первые издатели?

Замѣчательно, что, достопочтенный академикъ И. И. Срезневскій относитъ ее, подобно Мусину-Пушкину, къ концу XIV или къ началу XV в. Того же хронологическаго термина держится и профессоръ А. Н. Веселовскій.

Но въ разрѣшеніи намѣченныхъ вопросовъ никакъ нельзя руко-

водствоваться показаніями самого Мусина-Пушкина. Отвѣчая Калайдовичу на подобные же вопросы, онъ, вопервыхъ, отвѣчалъ не совѣмъ точно; такъ онъ писалъ, будто бы Слово было помѣщено „въ концѣ хронографа“, тогда какъ въ печатномъ изданіи въ „изчисленіи матерій, содержащихся въ рукописи“, оно помѣщено между повѣстію „Синагрипъ царь Адоровъ“ и „Дѣяніемъ прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ“. Вовторыхъ, Мусинъ-Пушкинъ старался отдѣлаться отъ Калайдовича общими мѣстами и неопредѣленными выраженіями въ родѣ того, что рукопись *довольно чистымъ письмомъ или довольно яснымъ характеромъ была писана*. Имѣя все это въ виду, равно какъ и ту ограниченную роль, какую игралъ Мусинъ-Пушкинъ при изданіи, никакъ нельзя довѣрять его заключенію, будто подлинная рукопись Слова по почерку письма и по бумагѣ относилась къ концу XIV или къ началу XV в. Отзывъ Ермолаева, что она была XV в., также не имѣетъ значенія на томъ основаніи, что онъ не былъ ея издателемъ и не изучалъ ея спеціально: отзывъ этотъ могъ основаться на поверхностномъ знакомствѣ съ нею. Не даромъ Карамзинъ говоритъ, что подлинная рукопись Слова была писана не въ концѣ XIV в. и не въ началѣ XV, а развѣ въ концѣ сего столѣтія. Другія замѣчанія исторіографа еще болѣе заставляютъ усумниться въ древности рукописи. Такъ, напримѣръ, по словамъ Калайдовича, онъ замѣтилъ, „что гдѣ напечатано: *вѣчи троия* (кажется, въ двухъ мѣстахъ), тамъ читается въ рукописи *сѣчи*. Онъ тоже находилъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи буквы *е* и *с* были принимаемы противно“. Помимо поправокъ къ тексту, для насъ здѣсь важно то общее замѣчаніе Карамзина, что „въ рукописи можно было принимать одну букву вмѣсто другой: слѣдовательно, она была писана не такимъ „яснымъ характеромъ“, который составляетъ особенность XIV и первой половины XV вѣковъ. Въ виду словъ Карамзина имѣетъ особенное значеніе показаніе типографщика Семена Аникіева Селивановскаго, который говорилъ Калайдовичу, что онъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву. Она написана точно въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, „бѣлорусскимъ письмомъ“, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго. Но всего важнѣе для насъ въ данномъ случаѣ показаніе самого Малиновскаго, какъ перваго и главнаго редактора по изданію подлинной рукописи. „Сей важный памятникъ, по увѣренію его“, какъ значится въ запискахъ Калайдовича, — „писанъ былъ *полууставомъ, переходящимъ въ скоропись*“. Свидѣтельство несомнѣнное, подтверждаемое новѣйшими изысканіями.

Точно такое же прямое и рѣшительное свидѣтельство того же перваго издателя открыто нами и относительно вѣка подлинной рукописи Слова. Приведемъ здѣсь собственныя слова, имѣющія столь важное значеніе. „Сіе произведеніе россійской словесности“, писалъ онъ графу Н. П. Румянцеву, — „издано было въ 1800 году подъ заглавіемъ Ироической пѣсни о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода и Сѣверскаго Игоря Святославича“ *съ рукописи XVI вѣка*, принадлежавшей дѣйствительному тайному совѣтнику графу А. И. Пушкину и почитавшейся единственною; но какъ при нашествіи въ Москву непріятели она сгорѣла, то и не оставалось уже никакого убѣдительнаго доказательства для сумнящихся въ подлинности сего сочиненія и въ существованіи древнѣйшаго россійскаго пѣснотворца Баяна“.

Итакъ, по словамъ Малиновскаго, подлинная рукопись Слова была писана въ XVI в. Если человекъ не только видѣлъ ее, но и изучалъ и издавалъ — и не возводитъ ея ранѣе этого времени, то мы не имѣемъ права не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что, много лѣтъ служа въ архивѣ иностранной коллегіи, онъ имѣлъ достаточно навыка опредѣлять характеръ письма, соотвѣтствующій XV и XVI вѣку. Наконецъ, это свидѣтельство его подтверждается новѣйшими изысканіями. Извѣстно, что Н. С. Тихонравовъ, сравнивая первое изданіе Слова съ архивскимъ его спискомъ, дошелъ до весьма важныхъ палеографическихъ особенностей, отличавшихъ подлинную рукопись, и на основаніи ихъ опредѣлилъ тотъ самый вѣкъ, который указанъ Малиновскимъ. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы, основываясь на данныхъ, найденныхъ нами въ бумагахъ А. Ѳ. Малиновскаго, о чемъ и было нами доложено на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1874 году.

Въ этихъ бумагахъ есть одна записка, особенно важная въ настоящемъ вопросѣ. Это именно подъ заглавіемъ: „Темныя мѣста въ поэмѣ Игоря“. Мѣста эти выбраны не изъ всего Слова, а только изъ первой его половины—отъ начала до сна Святославова. Вотъ они:

„ Уже бо бѣды его *насетъ* птицъ.

„ *И рассуишѣ* стрѣлами по полю.

„ *Орѣтъ-мами.*

„ *Строужіе.*

„ Земля *тоутнетъ.*

„ *Хараложными.*

„ Шеломы *оварьскыя.*

„ Тоже *звонъ* слыша.

- „ На казатиноу зелену паполомоу постла.
 „ *Кикахоутъ.*
 „ На *уедіе.*
 „ *Ничить* трава.
 „ *вѣстоутилъ* двою на землю *Трояню* *всплескала* *лебедими*
крыльа, на синѣмъ море, *оудоноу* *плещоучи.*
 „ *потрѣпати.*
 „ *излоуку* моря.
 „ Кають кн. Игоря, иже погроузи жирѣ.
 „ Тѣщими тоулы поганыхъ *тльковинъ*“.

Этотъ перечень темныхъ мѣстъ въ поэмѣ Игоря прежде всего показываетъ, что первые издатели затруднялись такими словами и выраженіями (какъ, на примѣръ: стружіе, тутнетъ, ничить, кають, жирѣ), которыя въ настоящее время уже никого не затрудняютъ. И напротивъ того, они опускали изъ виду, по крайней мѣрѣ, не считали, какъ видно, темными для себя такія выраженія, которыя донинѣ остаются не разгаданными (какъ, на примѣръ: въ *стазбѣ*, орѣтъ-мами, тропа трояня и т. п.). Но для насъ приведенныя здѣсь *темныя мѣста* чрезвычайно важны, не столько сами по себѣ, сколько по своимъ палеографическимъ особенностямъ. Нельзя не замѣтить, что Малиновскій старался начертать эти темныя мѣста согласно рукописному оригиналу; это видно изъ того, что онъ каждую ошибку, допущенную имъ въ начертаніи той или другой буквы, тотчасъ же исправлялъ самъ. Такъ, на примѣръ, въ словѣ *синемъ* въ концѣ сначала написалъ *e*, а потомъ поправилъ на *ъ*; въ словѣ *паполомоу* въ концѣ сначала написалъ *y* простое, а потомъ поправилъ его на *икъ* (8); въ словѣ *уедіе* сначала написалъ новѣйшее, скорописное, а потомъ поправилъ его на *д* полууставное; въ словѣ *тѣщими* вставочный *ѣ* между *т* и *щ* сначала пропустилъ, а потомъ вписалъ. Всѣ эти многочисленныя поправки самого себя могутъ показывать, что Малиновскій при выпискѣ означенныхъ темныхъ мѣстъ не только пользовался подлинною рукописью Слова, но именно хотѣлъ и стремился къ тому, чтобы выписать ихъ буквально и точно. А при такихъ условіяхъ эти темныя мѣста получаютъ особенно важное значеніе для критики текста перваго изданія.

Изъ нихъ видно, что 1) въ подлинной рукописи Слова удерживалось почти постоянно двойное начертаніе *y* (*ou*) какъ, на примѣръ, въ словахъ: *стружіе*, *тутнетъ*, *оудоноу* и т. п.); 2) въ ней употреблялось также начертаніе буквы *s*, какъ на примѣръ, въ словѣ: *погроуси*; 3) въ ней удерживался *ч*, какъ на примѣръ, въ словѣ: *излоукъ*;

4) употреблялся малый ѡ вмѣсто я; напримѣръ: рассушѡ; 5) нѣкоторыя слова писаны были подѣ титлою; 6) нѣкоторыя слова были недописаны — сокращены, напримѣръ, км. вмѣсто князя; 7) предложенія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками, какъ напримѣръ, у Малиновскаго послѣ словъ *всплескала лебедины крылы* стоитъ запятая *на синемъ море* точка *оудомоу плещоучи* опять точка.

Кромѣ того, на особомъ полулистѣ, въ ряду другихъ выписокъ изъ Слова, встрѣчаются у Малиновскаго выраженія, которыя также указываютъ на характеръ подлинной его рукописи. Такъ слово *гряхуть*, здѣсь начертано *гряхнутъ*; а выраженіе *галицы свою речъ говорахуть*, *хотятъ полетѣти на уедіе* = здѣсь прочитано такъ: *а галицы свою рчъ говора* (запятая) *хуты хотятъ полетѣти на уедіе*. Очевидно, въ рукописи *а* написано было такъ, что можно было принять его за *о*, а *э* писалось такъ, что сбивалось на *ы*.

Сличая приведенныя *темныя мѣста* по ихъ начертанію съ первымъ изданіемъ Слова, мы убѣждаемся, что первые редакторы издали его далеко „не за букву“, какъ увѣряли ¹⁾. Напротивъ того, на палеографическую точность они вовсе не обращали вниманія. Такъ, всѣ указанныя особенности подлиннаго текста они совсѣмъ опустили изъ виду. Мы не встрѣчаемъ у нихъ ни *ѡ*, ни *ѡ*, ни *оу*. Они смѣшивали букву *э*, *ѡ* и *ы* и даже не рѣдко совсѣмъ ихъ опускали. Наконецъ, они не только свободно выводили слова изъ-подѣ титлѣ, но даже и переименовывали ихъ по-своему. Въ *темныхъ мѣстахъ* значится, напримѣръ: *на казатиноу зелену на-поломоу*, въ первомъ же изданіи напечатано: *на камину зелену напалому*.

Какъ бы то ни было, всѣ намѣченныя нами особенности подлинной рукописи указываютъ на то, что она дѣйствительно была писана, какъ свидѣтельствуеетъ самъ Малиновскій, *полуставомъ, переходящимъ въ скоротисъ*, и притомъ именно въ XVI вѣкѣ, но никакъ не ранѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что многія ошибки какъ въ текстѣ, такъ и въ переводѣ 1-го изданія, допущены вслѣдствіе именно незнакомства съ палеографіей, какъ напримѣръ, *къ мети; сице и рати; мужа имъ ся* и т. п.); но есть основаніе думать, что нѣкоторыя мѣста уже были испорчены въ подлинной рукописи. Такъ, напримѣръ, слово: *казатиноу*, списанное Малиновскимъ, очевидно, буквально съ рукописи, само по себѣ столь же не понятно, какъ и слово *камину*, коимъ замѣнили его первые издатели.

¹⁾ У Дубенскаго, стр. VIII.

Закончивъ критическій обзоръ перваго изданія Слова сими замѣчаніями, обратимся къ обзору дальнѣйшихъ его изданій и переводовъ.

Президентъ Россійской академіи адмиралъ А. С. Шишковъ въ 1805 году перепечаталъ текстъ, переложеніе и примѣчанія перваго изданія ¹⁾ и восполнилъ ихъ собственнымъ переводомъ. Онъ былъ недоволенъ особенно переложениемъ первыхъ издателей. Оно казалось ему, во первыхъ, не выразительнымъ, а восторженнымъ, невѣрнымъ и сбивчивымъ. „Сего ради рассудилось мнѣ“, говоритъ онъ,—„переложить или передѣлать пѣснь сію такъ, чтобы невразумительныя мѣста сократить или пропустить; прочія же, требующія распространенія, дополнить своими приличными умствованіями, на вѣроятныхъ догадкахъ основанными. Симъ средствомъ“, продолжаетъ онъ,—„пѣснь сія отъ начала до конца сдѣлается ясною, и я надѣюсь, что сколько бы ни были собственныя мои распространенія слабы, но сплетенныя съ сильными выраженіями и красотами подлинника, нѣчто пріятное составятъ они для чтенія“ ²⁾. Главная его задача была „разсмотрѣть силу словъ и красоту языка“. Онъ наблюдалъ „за быстротою словотеченія, за краткостію и силою изображенія, за соотношеніемъ высокихъ стихотворческихъ мыслей, и тамъ, гдѣ при всемъ своемъ стараніи не могъ сообразить смѣсь выраженій и добратся до заключающагося въ нихъ разума, онъ откровенно въ томъ сознался и предоставлялъ это остроумію читателя“.

Быть можетъ, такой способъ для перевода и былъ нуженъ въ свое время, какъ утверждалъ Сахаровъ, относившійся съ особеннымъ уваженіемъ къ трудамъ Шихкова,—но въ научномъ отношеніи онъ мало имѣетъ значенія. Едва ли это не самый жалкій опытъ повѣрки перваго изданія, особенно въ то время, когда цѣла была подлинная рукопись Слова. Подобнымъ образомъ передѣлывать литературный памятникъ значить только портить его. Гораздо научнѣе было отношеніе Карамзина къ Слову о полку Игоревѣ. Какъ историкъ, онъ также не обратилъ вниманія на изученіе рукописи въ палеографическомъ отношеніи; но имѣя въ виду языкъ и самое содержаніе Слова, онъ отнесъ его происхожденіе къ XII вѣку. Онъ признавалъ его произведеніемъ мірянина, такъ какъ монахъ не позволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, а по языку считалъ его подражаніемъ древнѣйшимъ русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей,

¹⁾ Сочиненія и переводы, издаваемые Росс. академіей, ч. I, 1805, С.-Пб.

²⁾ Сочиненія и переводы Росс. акад. ч. I, стр. 202.

что замѣтно изъ сочувствія автора къ Баяну, какъ своему вдохновителю. Представивъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ Слова, Карамзинъ снабдилъ свои разсужденія историческими и критическими примѣчаніями ¹⁾, отчасти относящимися къ самому тексту, отчасти направленными противъ Шишкова и первыхъ издателей. Онъ обратилъ также вниманіе на повѣсти „Синагрипъ царь Адоровъ“, „Дѣянія прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ“, Сказаніе о Индин богатой“ бывшія въ той же рукописи, и привелъ изъ нихъ отрывки, „достойные замѣчанія по древности слога“. Такимъ образомъ онъ восполнилъ то, чего не сдѣлали первые издатели, и о чемъ такъ сожалѣлъ Шишковъ въ своихъ „примѣчаніяхъ“ ²⁾.

Рѣшительное мнѣніе исторіографа объ языкѣ Слова не могло, конечно, удовлетворить ученыхъ умовъ и вызвало недоумѣніе,—дѣйствительно ли по языку оно можетъ быть отнесено къ XII вѣку. И вотъ Московское общество любителей россійской словесности предложило для рѣшенія вопросъ: *на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоревѣ: на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчій?* Опытъ рѣшенія этого вопроса представилъ К. Θ. Калайдовичъ, но не въ томъ направленіи, въ какомъ желало общество. „Пѣснь Игоревая“, отвѣчалъ онъ,—1) „написана не на томъ славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, и не на какомъ-нибудь областномъ нарѣчій древнемъ или нынѣ употребляемомъ, но сочинена славянорусскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками, 2) что питическій языкъ пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія, 3) что сочинена она, по всей вѣроятности, въ нынѣшней Малороссіи, и 4) что нарѣчье ея изъ всѣхъ славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку польскому“. Въ доказательство первой мысли Калайдовичъ указывалъ на употребленіе въ пѣсни двойственнаго числа и на многія слова этой пѣсни ³⁾, отысканныя имъ въ Священномъ Писаніи, равно какъ и на многія выраженія ⁴⁾, отыскан-

¹⁾ И. Г. Р., т. III, примѣч. 262—272, 282 и др.

²⁾ Соб. соч. Шишкова, III, стр. 35.

³⁾ Какъ-то: *курсъ, папалома, потятъ, сморци, кнѣсь, трудъ, сулица.*

⁴⁾ Велесовъ виче, великій хръсъ, Дажь-богъ, Стрибогъ, живыя струны, крѣсити, стружіе, сапогъ, пардусъ, стягъ, бѣла, ногата, резань, плькъ, ковыль, судъ.

ныя имъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ. Для подтвержденія второй мысли онъ сдѣлалъ нѣсколько краснорѣчивыхъ извлеченій изъ лѣтописей, изъ повѣсти о нашествіи Батя, изъ сказанія Палицына, которыя показываютъ, что пѣснь Игорева не единственное въ своемъ родѣ произведеніе, и что сочинитель ея могъ имѣть предъ собой подобныя же источники, откуда заимствовалъ красоты чувствъ и выраженій. Малорусское происхожденіе пѣсни Калайдовичъ выводилъ изъ того, что слова: *кресити, болонье, смага, годима*, неизвѣстныя будто бы Великороссіянамъ, и теперь еще употребляются на Украинѣ. На ту же родину пѣсни, по его словамъ, указываютъ и *польскія выраженія*: наниче ся години обратиша, мужайтеся ся, еомони, аруга, босови, которымъ подобныя онъ находилъ въ современномъ польскомъ языкѣ.

Нельзя не согласиться съ разсмотрѣнными розысканіями г. Калайдовича, но съ его стороны было большою ошибкой отыскивать сходство Слова о полку Игоревѣ съ языкомъ польскимъ. Прежде тѣмъ исвать его между Ляхи, слѣдовало бы поискать его у себя дома въ языкѣ народномъ. Даже слова, которыя онъ исключительно присвяетъ только Украинѣ, точно также принадлежать и нарѣчію великорусскому.

Это воззрѣніе скоро было подхвачено, развито до крайности и увлекло нѣкоторыхъ къ отрицанію самой подлинности Слова. Поляки, между тѣмъ, стали даже вводить пѣснь Игореву въ исторію польской словесности.

Прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ этого воззрѣнія былъ трудъ Я. Пожарскаго. Вышло въ свѣтъ 3-е изданіе пѣсни, подъ заглавіемъ: „Слово о полку Игоря Святославича удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго, вновь переложное Яковомъ Пожарскимъ съ призовокупленіемъ примѣчаній“. Пожарскій разгадывалъ темныя мѣста Слова по выраженіямъ польскихъ писателей: малѣйшее созвучіе въ языкѣ польскомъ, замѣчаетъ Сахаровъ, онъ принималъ за объясненіе. Примѣчанія его направлены были не только на переложеніе—„Слова“ Мусина-Пушкина, но и на примѣчанія, сдѣланныя А. Шишковымъ. И хотя справедливость его мнѣній поддерживали въ *Журналѣ древней и новой словесности* ¹⁾, однако Шишковъ не былъ доволенъ ими,

¹⁾ Журн. древн. и нов. слов. 1819, №№ 9. 10 и 11 (апрѣль, май, іюнь).

и въ *Русскомъ Инвалидѣ* ¹⁾ настойчиво опровергаль возраженія, слѣланнныя ему Пожарскимъ, соглашаясь съ нимъ только въ одномъ: именно, что *каютъ* князя Игоря слѣдуетъ переводить „жалѣють“, князя Игоря.

Графъ Н. П. Румянцевъ тотчасъ по выходѣ изданія Пожарскаго одинъ экземпляръ его послалъ Малиновскому и писалъ ему, что онъ „сему появленію не вовсе чуждъ“; а другой же экземпляръ Румянцевъ отправилъ Каченовскому, при чемъ заявилъ, что онъ состоитъ особымъ почитателемъ его талантовъ и потому ждетъ его слова объ этомъ новомъ произведеніи; третій экземпляръ посланъ былъ Румянцевымъ митрополиту Евгенію. „Мы“, отвѣчалъ ему послѣдній,—„читали переводъ г. Пожарскаго съ Кеппеномъ и замѣтили во многихъ мѣстахъ удачную догадливость переводчика“.

Нѣкоторыя мѣста въ переводѣ Пожарскаго дѣйствительно очень удачны, и даже именно тѣ, которыя Сахарову казались несообразностями, и для объясненія которыхъ менѣе всего нужно обращаться къ польскому языку. Но Пожарскій не довольствовался языкомъ польскимъ, чешскимъ и вѣроатскимъ; онъ прибѣгалъ еще за разъясненіемъ Слова къ языку *виндійскому, карніольскому, сорабскому, босненскому и рагузскому*. Трудно постигнуть, какое отношеніе могли имѣть всѣ эти языки къ русской пѣсни о полку Игоревѣ. Самый текстъ Слова изданъ съ ошибками противъ перваго изданія ²⁾. Если каждый издатель сталъ бы прибавлять, а не убавлять ошибки, то въ какомъ, наконецъ, видѣ могъ явиться этотъ драгоценный памятникъ нашей письменности?

Въ другомъ направленіи шли работы Н. Θ. Грамматина и также по указанію Калайдовича. Если Пожарскій вышелъ изъ той его мысли, что въ пѣсни Игоревѣ кое-гдѣ примѣтны слѣды языка польскаго, то Грамматинъ слѣдовалъ выводу того же Калайдовича, что это есть чисто славяно-русское произведеніе, и что слова, встрѣчающіяся въ поэмѣ, можно прискать въ языкѣ Священнаго Писанія и еще больше въ лѣтописяхъ, граматахъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Грамматинъ занимался изслѣдованіемъ Слова около пятнадцати лѣтъ. Прежде всего, увлеченный поэтическими достоинствами этой пѣсни,

¹⁾ *Русскій Инвалидъ*. 1819 г., №№ 157—161.

²⁾ Напримѣръ, *растекашетса* вм. растскашетса, *Святславицю* вм. Святославицю, *сѣ нихъ* вм. въ нихъ, *Русицы* вм. Русици, *преиородиша* вм. преградиша; *възгряяну* вм. възгряяху; *храбрѣя* вм. храбрая, *ряда* вм. ряда, *Ятвазы* вм. Ятвизи; *рускихъ* вм. Рускихъ и т. п.

онъ стремился опредѣлить отношеніе ея къ другимъ эпическимъ пѣснотворцамъ и выяснитъ, какимъ образомъ явилась здѣсь смѣсь языка русскаго съ славянскимъ. Первымъ трудомъ его въ этомъ родѣ была: Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ VII столѣтіи и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ великороссійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. С.-Пб. 1821. „Достоинство Слова“, пишетъ онъ, — „признано всѣми. Сочинитель его былъ ученикъ дикой, но изящной природы, съ которой картины свои списывалъ вѣрно и удачно: въ немъ мы видимъ предъ собою живые портреты древнихъ русскихъ владѣтелей, храбрыхъ, гордыхъ, славолубивыхъ, которыхъ желѣзное татарское иго не смирило еще и не измѣнило суровыхъ чертъ лица ихъ, видимъ и узнаемъ въ нихъ воинственныхъ Норманновъ.... Къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его отечества, а сужденія его о нѣкоторыхъ государственныхъ вещахъ выше понятій своего вѣка; съ достовѣрностію можно заключить, что онъ не былъ какой-нибудь презрѣнный домохозяинъ или неизвѣстный простолудинъ. Можетъ быть, подобно вѣнценосному страннику Одиссею, бывалъ онъ мирнымъ гостемъ при княжескихъ дворахъ, или подобно царственному барду Морвена, воздвигалъ копье брани на защиту отечества. Словомъ о полку Игоревѣ будутъ плѣняться и тогда, когда языкъ его сдѣлается совершенно мертвымъ. Всякій языкъ старѣется, но мысли—никогда. Красоты языка—мѣстныя и для потомства исчезаютъ; красоты мысли переживаютъ народы. Все тлѣнное истлѣвается, все безсмертное живетъ; утѣшимся, одно предпочтительнѣе другаго“ ¹⁾). Въ слѣдующемъ 1822 году Грамматинъ напечаталъ „Критическое разсужденіе о Словѣ о полку Игоревѣ“ ²⁾). „Гомерова Иліада, или Оссіанова Темора“, говоритъ онъ здѣсь, — есть правильный обширный „садъ, надъ украшеніемъ котораго искусство трудилося не меньше природы; Слово о полку Игоревѣ есть изящный ландшафтъ, поражающій прелестною своею дикостію“. Проводя ближе сравненіе и указывая на преимущества Гомера и Оссіана со стороны языка и чудеснаго, Грамматинъ такъ опредѣляетъ значеніе Слова: „Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, отчасти мертвомъ и потому не могъ не сбиваться на жи-

¹⁾ Пѣснь воинству Игореву. С.-Пб. 1821. Эта весьма рѣдкая книга имѣется въ Московской городской Чертковской библиотекѣ. Г. № 46.

²⁾ *Встпн. Евр.* 1822. 5. стр. 113—139.

вое нарѣчіе, которое было совершенно варварское; отъ этого вышла у него неправильная смѣсь въ языкѣ славянскаго съ русскимъ. Слѣдующему общему употребленію, я назову Слово не эпическою, а историческою поэмою. Сія послѣдняя отличается отъ первой только тѣмъ, что въ ней дѣйствуютъ одни герои или простые смертные, а не существа сверхъестественныя, каковы суть мифологическіе боги, гении, волшебники, исполины, чудовища и т. п. И въ пѣвцѣ Игоря есть чудесное, но только не такое, какъ въ Гомерѣ и Оссіанѣ; оно гораздо простѣе и вѣроятнѣе. Вся природа нашему пѣснопѣвцу являлась одушевленною и точно въ такомъ видѣ, какими глазами онъ на нее смотрѣлъ. Еще первые издатели замѣтили, что въ слогѣ нашего автора виднѣнъ духъ Оссіана, но въ чемъ этотъ духъ или сходство—не сказали. Барды каледонскій и славенскій сходны между собой въ простотѣ, возвышенности, силѣ, краткости и живописи слога. Пѣвецъ Игоря является живописцемъ цѣлаго, а не частей, щедрою рукою сыплетъ сравненія или уподобленія, кои чрезвычайно кратки, просты и никогда не прерываютъ повѣствованія; встрѣчается и родъ сравненія, имѣющій форму отрицанія (не десять соколовъ—нѣ своя вѣщія прѣсты); кромѣ сравненій есть множество прекрасныхъ метафоръ и аллегорій и т. п.“

На всѣ эти работы Грамматина были, такъ сказать, подготовительныя. Въ 1823 г. онъ издалъ—и это уже было 4-е изданіе—Пушкинскій текстъ „Слова“ съ эпиграфомъ изъ Оссіана, съ обширнымъ своимъ изслѣдованіемъ, съ собственнымъ переводомъ въ прозѣ и стихахъ и съ критическими, историческими и археологическими примѣчаніями ¹⁾. Лучшая сторона этого труда состоитъ въ томъ, что Грамматинъ искалъ разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій исключительно въ русскомъ языкѣ и весьма многія слова объяснилъ весьма удачно. Въ этомъ отношеніи трудъ его не потерялъ значенія и до сихъ поръ, и онъ едва ли не одинъ изъ самыхъ лучшихъ. Къ сожалѣнію, Грамматинъ въ русскомъ же языкѣ искалъ корней и таковыхъ словъ, которыя, очевидно, не русскаго происхожденія—какъ напримѣръ, *харамуль*, (никакъ нельзя производить отъ харя, гаря и дугъ—*муговое желѣзо*). Но самая главная ошибка его состояла въ положительной порчѣ

¹⁾ Рѣчь первыхъ временъ. Былины дней другихъ лѣтъ. Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII в. на славянскомъ языкѣ прозой и съ оной предложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквального преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. М. 1823.

Пушкинскаго текста. Онъ вздумалъ въ своемъ изданіи привести къ единству правописаніе подлинника и всѣ древнія формы въ именахъ и глаголахъ замѣнилъ новѣйшими. „Прочтя у насъ подобныя исправленія“, справедливо замѣчаетъ Дубенскій,—что скажутъ европейскіе славяновѣдцы? Какъ отважиться поправлять азъкъ въ древнемъ письменномъ памятникѣ, гдѣ истинный археографъ долженъ дорожить каждою іотою, какъ драгоценностію? Не значить ли это стирать признаки вѣка, чистить дресвою монеты? И на что послѣ будутъ годиться всѣ наши изданія, если мы такъ переведемъ на нихъ наши древнія рукописи“¹⁾. Любопытны отзывы современниковъ объ этомъ трудѣ Грамматина. „Новое толкованіе пѣсни Игоревой“, писалъ митрополитъ Евгенийъ гр. Румянцеву,—„я видѣлъ и замѣтилъ въ немъ много новаго и стараго, существеннаго и лишняго, догадливаго и правдоподобнаго. Но пусть побольше такъ пишутъ. Критика со временемъ очиститъ истинное отъ ложнаго“²⁾. „Я таковаго же мнѣнія о сей книгѣ“, отвѣчалъ ему графъ,—„какъ и ваше высокопреосвященство. Жаль, что сочинитель сего изслѣдованія, какъ носится слухъ, помѣшался въ умѣ“³⁾.

Одновременно съ Грамматинымъ занимался изслѣдованіемъ Слова, П. Г. Бутковъ. Многія изъ его розысканія оригинальны и правдоподобны, другія натянута и очень искусственны. Особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ географическимъ мѣстностямъ похода Игорева⁴⁾.

Затѣмъ, въ теченіе семи лѣтъ со времени послѣдняго изданія Грамматина Слово о полку Игоревѣ оставалось въ покоѣ. Только въ 1826 году оно пятымъ изданіемъ перепечатано было Шишковымъ въ полномъ собраніи его сочиненій (ч. VII), въ томъ самомъ видѣ, какъ оно издано было въ 1805 году въ *Сочиненіяхъ и переводахъ Россійской Академіи*.

За то съ 1830 г., съ легкой руки Н. А. Полеваго, быстро возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ изданій Слова о полку Игоревомъ и создается цѣлая литература споровъ объ его подлинности. Полевой напечаталъ Пушкинскій текстъ Слова безъ всякой переменны—въ своей

¹⁾ Слово о полку Игоревѣ изд. *Дубенскаго*, стр. XIII—XIV.

²⁾ Переписка митроп. Евгенія съ гр. Румянцевымъ, стр. 75, письмо отъ 21-го марта 1823 года.

³⁾ Тамъ же. Отъ 11-го апрѣля 1823.

⁴⁾ *Вѣстн. Евр.*, 1821, ч. СХХI, стр. 35—63 и 100—115, и *Сынъ Отеч.* 1834, т. XLVI, стр. 616—630. Разборъ его мнѣній мы представимъ въ критикѣ толкованія Слова о полку Игоревѣ.

Исторіи Русскаго Народа (въ приложеніяхъ къ III-му тому М. 1830). Это было уже 6-е изданіе Слова. Въ 1833 г. явилась Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Въ 1837 г. вышла въ свѣтъ „Пѣснь Игорю Святославичу, удѣльному князю Новаго города Сѣверскаго, изданная Михаиломъ Максимовичемъ“. Черезъ два года разомъ явились два изданія: Сахарова—въ „Пѣсняхъ Русскаго Народа“ (1839. ч. V) и Снегирева вмѣстѣ съ Повѣданіемъ и связаніемъ о побоищѣ Дмитрія Донскаго — въ *Русскомъ историческомъ сборникѣ* (ч. 3, стр. 105—128). Полевой издалъ Слово, какъ блестящій памятникъ русской поэзіи начала XIII вѣка и снабдилъ его своими „объясненіями“ (т. II, стр. 262—264; т. III); написалъ также критическую статью¹⁾ по поводу изданія Вельтмана; но всѣ эти работы, по словамъ его, составляли только часть труда, который онъ предпринималъ относительно Слова о полку Игоревѣ. Прежде всего любопытны его мнѣнія о предшествующей разработкѣ Слова. „Шумѣли“, говоритъ онъ, — „много, а дѣла порядкомъ не сдѣлали. Рѣшали участь Слова, а сомнѣвающіеся не высказали еще донынѣ всѣхъ доказательствъ своихъ. Но виноватѣ ихъ поборники Слова. До сихъ поръ кричали объ немъ такъ много, а никто не собралъ еще положительныхъ свѣдѣній: *откуда* былъ полученъ и *куда* дѣвался сборникъ, въ которомъ нашли его? Кто видѣлъ его? *Кто* и *что* именно о немъ знаетъ? Между тѣмъ большая часть очевидцевъ по сему дѣлу уже перешла въ вѣчность: первые издатели Слова и занимавшіеся онымъ Карамзинъ, Тимковскій, Калайдовичъ и другіе безмолвны, какъ хладныя могилы. Далѣе донынѣ не изъяснили мы вполне текста, хотя разводили его великословіемъ славянства, водою стихотворства и цѣлыми томами примѣчаній. Опыты первыхъ издателей Слова,—Карамзина, Калайдовича, Грамматина, Пожарскаго, Шишкова, безъ сомнѣнія, всѣ похвальны, но ни одинъ неудовлетворителен“. Опредѣляя мѣсто Слова о полку Игоревѣ въ исторіи нашей литературы, Полевой говоритъ: „Народная русская поэзія образовалась при соединеніи Норманновъ съ Славянами, скандинавскихъ скальдовъ и славянскихъ древнѣйшихъ пѣнопѣній, въ видѣ сагъ или поэмъ, которыя пѣты были русскими Баянами²⁾. Со введеніемъ христіанской вѣры, мифологическо-героическая

¹⁾ *Моск. Телегр.*, 1833; г., кн. II, стр. 419—442.

²⁾ Имя Баяна невольно напоминаетъ сказочника, кота Баяна, въ нашихъ

поэзія казалась неумѣстной и должна была облекаться въ формы христіанства. Тутъ и Хорсъ, и Дажьдъ-богъ, и Пирогошяя Богаматерь; герои—христіане, но ихъ окружають сны, видѣнія, дивы; они взывають къ солнцу, рѣкамъ и вѣтрамъ. Языкъ, на какомъ написано сіе Слово, есть языкъ русскій, юга русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей. Въ южныхъ лѣтописяхъ сей языкъ былъ излишне обремененъ подражаніемъ искусственному славяно-церковному языку; въ договорахъ и грамотахъ сѣверныхъ слишкомъ подчиненъ варварской формулѣ приказныхъ людей и дипломатовъ, а также и грубой мѣстности сѣвернаго нарѣчія; въ историческихъ актахъ Волыни и Литвы подвергался излишнему вліянію языка польскаго. Языкъ же Слова русскій, украинскій, но возведенный въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигается и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣсни. Таковы воззрѣнія Полеваго на Слово о полку Игоревомъ.

Изданіе А. Θ. Вельтмана соединяетъ въ себѣ буквальный Пушкинскій текстъ, безъ всякихъ измѣненій и рядомъ съ нимъ переложеніе мѣрною поэтическою прозою—съ краткимъ предисловіемъ въ началѣ и такими же критическими и филологическими замѣчаніями въ концѣ. Текстъ раздѣленъ на періоды или стихи, подобныя библейскимъ, впрочемъ, безъ означенія ихъ цифрами. Въ предисловіи авторъ рѣшаетъ два вопроса — во первыхъ, вопросъ о языкѣ, и во вторыхъ, о подлинности Слова, и рѣшаетъ ихъ какъ поэтъ. Слово о полку Игоревѣ, говоритъ онъ, — написано не на какомъ-либо областномъ нарѣчіи, но на языкѣ, собственно пѣвцу принадлежащемъ, на соединеніи всѣхъ нарѣчій славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была исполнена его душа . . . Читая подлинникъ, я понималъ его, или мнѣ казалось, что я понималъ, ибо красоты его трогали мою душу. Читая переводы Слова, я не понималъ ихъ и не могъ перенести какого-то чувства, похожего на обиду. Что пѣснь Игорю писалъ современникъ его—это слишкомъ убѣдительно. Но современный пѣвецъ не обратилъ бы вниманія на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его могъ принадлежать только тому, кто знаетъ

старинныхъ сказкахъ: «Стоять два дуба зеленые; отъ одного дуба къ другому висятъ цѣпи золотыя; по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ-Баюнъ; впередъ идетъ—пѣсни заводитъ; назадъ идетъ—сказку сказываетъ».

Игоря лично, а не по преданіямъ, кто любилъ его. И сверхъ того, видимыя несогласія съ лѣтописцами, совсѣмъ другой взглядъ на дѣла князей и на положеніе Россіи того времени, твердая звонкая рѣчь, ручаются за современность пѣвца съ событіями.

На эти поэтическія мысли не могли не отозваться съ своей стороны Полевой и М. А. Максимовичъ. Мысль Вельтмана о языкѣ Слова вообще справедлива, говоритъ Максимовичъ, ибо такимъ именно образомъ создается языкъ поэтической гениальными писателями. Но когда существуетъ уже языкъ книжный, то онъ и языкъ народный составляютъ всегда двѣ стихіи, изъ коихъ и составляется языкъ писателя личнымъ его дарованіемъ. Такимъ образомъ и въ Словѣ пѣвца Игоря видно большое вліяніе тогдашняго книжнаго, церковно-славянскаго языка, но съ этимъ вмѣстѣ видно безпрестанное отступленіе отъ его формъ, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. „Такою народною стихіею для Слова было“, по мнѣнію Максимовича, — „именно южно-русское нарѣчіе, изъ коего впоследствии вышелъ языкъ малороссійскій, со многими измѣненіями, простирающійся не только въ южной Россіи, но и на западъ по Галиціи и Карпатамъ и тамъ называемый рускимъ“¹⁾. Вопросъ о подлинности Вельтманъ рѣшаетъ тѣмъ, что русская душа сознаетъ въ немъ неподдѣльное родное. „Вѣримъ этому чувству“, отвѣчалъ ему Полевой, — „но укрѣпляя договоры записями и долги актами въ общественной жизни, признаемъ, что и въ литературномъ дѣлѣ, особливо семъ, оно соединено съ сомнѣніемъ. Мы находимъ рѣшеніе г. Вельтмана недостаточнымъ. Намъ, и не намъ — ибо мы готовы даже согласиться, — а скептикамъ нашимъ надобны доказательства болѣе положительныя: акты, пылъ лѣтописей, сухость изысканій. Безъ харатейнаго, запачканнаго сборника они не повѣрятъ даже ни одному великому дѣлу и слову предковъ. И они правы, хотя и доводятъ это до излишества“.

Самый переводъ Вельтмана находили въ свое время прекраснымъ, но въ сравненіи съ подлинникомъ блѣднымъ и иногда слишкомъ изысканнымъ. Второе изданіе Слова Вельтманомъ (1867 г.) представляетъ рѣшительную противоположность первому. Если первое обличаетъ въ переводчикѣ истаго поэта, то послѣднее свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ археологѣ. Оно переполнено археологическими изысканіями,

¹⁾ Моск. Телегр., 1833 г., ч. 2, стр. 419—442.

часто мало относящимися къ дѣлу, и догадками произвольными, не имѣющими за собою твердыхъ основаній.

Изданіе Максимовича, по собственнымъ его словамъ, краткое, корректурное изданіе текста съ переводомъ для слушателей его лекцій о русской словесности и для того, чтобы вызвать со стороны публики замѣчанія, къ поясненію пѣсни служащія. Текстъ его не представляетъ буквальной точности сравнительно съ Пушкинскимъ: издатель хотѣлъ ввести однообразіе въ правописаніе подлинника и измѣнилъ его, примѣняясь, кажется, къ малороссійскому говору ¹⁾. Сверхъ того, усвоилъ нѣкоторые поправки Буткова ²⁾ и Вельмана ³⁾ и даже допустилъ перестановки въ текстѣ ⁴⁾. Кромѣ того, Максимовичъ раздѣлил его на четырнадцать главъ, а каждую главу на нѣсколько періодовъ ⁵⁾; но его раздѣленіе, какъ замѣчалъ еще Сахаровъ, не вездѣ вѣрно; описаніе битвы у Максимовича разбито, напримѣръ, на двѣ главы, тогда какъ это представляетъ нераздѣльное цѣлое. Да и вообще подобное дробленіе мало умѣстно въ художественной оцѣнѣ такого поэтическаго произведенія, какъ Слово о полку Игоря.

Предпринимая полное изданіе Слова съ объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ, Максимовичъ напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* особое о немъ критическое изслѣдованіе. Приготовляя по частямъ это изслѣдованіе, онъ посылалъ его на разсмотрѣніе къ знаменитому проповѣднику Иннокентію, который, возвращая рукопись, писалъ ему однажды: „Съ удовольствіемъ прочитанъ мною вашъ комментарий на пѣснь Игореву.

¹⁾ Бишетъ вм. бишетъ, растекашеться вм. растекашется, вѣщія вм. вѣщія, трупія вм. трупія и т. д., плѣкъ вм. плѣкъ, наплънився вм. наплънився и т. д.

²⁾ За шеломенемъ вм. не шеломенемъ.

³⁾ По вааъ я вм. поведъ я. Но Вельманъ, предлагая это членіе, не ввелъ его однако въ изданный имъ текстъ.

⁴⁾ Вотъ раздѣленіе Максимовича: I. Запѣвъ. II. Сборъ Игоря и Всеволода къ походу. III. Выступленіе въ походъ. IV. Побѣда надъ Половцами. V. Начало новой битвы на р. Каялъ. VI. Воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ. VII. Пораженіе Русскихъ на Каялъ. VIII. Новая бѣда Руси отъ Половцевъ. IX. Сновидѣніе и печаль Святослава. X. Воззваніе къ князьямъ о помощи. XI. Воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ. XII. Плачь Ярославны. XIII. Бѣгство Игоря изъ плѣна. XIV. Возвратъ Игоря въ Русскую землю.

⁵⁾ «Рекъ Бояня и ходы... на Святослава...» Это мѣсто присоединено къ словамъ Бояня о Всеславѣ: Ни хитру ни горазду... суда Божія не минути». Но тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославѣ—разница большая. Переносить этотъ періодъ (рекъ Бояня и ходы), нѣтъ ни надобности, ни возможности.

Такой великой чести еще не сподоблялась сія пѣснь, и вѣроятно, не сподобится еще когда-нибудь, идетъ дѣло какъ нельзя лучше. Скорѣе кончатъ его, да и въ типографію“. Въ этомъ изслѣдованіи Игоревой пѣсни Максимовичъ слѣдитъ за ея духомъ и формой—то-есть идеей и ея выраженіемъ. Отличительный характеръ ея онъ видитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ стихій: *любви къ землѣ Русской и ея славы и стѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія*. Изъ этихъ двухъ началъ простекають и подъ ихъ господствомъ развиваются всѣ другіе виды любви, другія чувства и понятія. Отсюда и *духъ ратный* разлитъ, по всей пѣснѣ—съ ненавистью къ поганымъ Половцамъ; отсюда *духъ сочувствія* прежнимъ князьямъ русской славы и силы; отсюда *духъ скорби и неудоволія* на крамолы и усобія удѣльныхъ князей; отсюда, наконецъ, и *грустный тонъ* цѣлой пѣсни. Слѣды здѣсь христіанства и язычества — вѣрованія въ міръ духовъ, въ чудесное знаменіе природы и ея жизнь — завершаютъ внутреннюю характеристику Слова. Что касается формы или образа выраженія пѣсни, то здѣсь всего любопытнѣе народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей. Соколъ—символь храбрости и быстроты въ нападеніи, лебедь — символъ пѣнія и звука вообще, соловей—эмблема пѣвца, пареніе сизаго орла—полетъ поэтическаго ума и замышленій Баяна, зегзица—символь сиротства и родственной печали, вороны и галки — вѣстники горя и смерти; галка — символъ разлуки, волкъ — символъ быстроты и туръ — символъ храбрости и силы. Замѣчанія Максимовича о языкѣ пѣсни не представляютъ здѣсь ничего новаго въ лексико-грамматическомъ отношеніи. Еще Сахаровъ читалъ въ этихъ замѣчаніяхъ старыя розысканія Полеваго и Калайдовича. Главною стихіей въ языкѣ Слова Максимовичъ признавалъ, какъ мы видѣли, мѣстное нарѣчіе пѣвца южно-русское. Малороссійскій языкъ, говоритъ онъ, — сохранилъ много словъ и формъ, утраченныхъ въ великорусскомъ языкѣ; посему многія слова въ пѣсни объясняются только изъ языка малороссійскаго.

Мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться ни съ мнѣніемъ, будто Слово въ своемъ языкѣ представляетъ смѣсь разныхъ славянскихъ нарѣчій, какъ утверждалъ Вельтманъ, ни съ мыслию, будто оно написано на томъ областномъ южно-русскомъ нарѣчій, изъ котораго развился впоследствии языкъ малороссійскій. Нѣтъ, оно написано на томъ южно-русскомъ языкѣ, который не представлялъ характера областного, и изъ котораго развился не только языкъ малороссійскій, но и великороссійскій. Въ сѣверной Россіи въ живомъ

часть СLXXXVII, отд. 2.

народномъ языкѣ можно встрѣтить всѣ тѣ слова пѣсни Игоревой, которыя донинѣ отыскивали только на югѣ; значить, было время, когда они были достояніемъ не только областнаго южно-русскаго нарѣчія, но и общаго языка славяно-русскаго. На III-мъ Киевскомъ археологическомъ съѣздѣ между прочимъ упрекали насъ за то, что мы объясняли нѣкоторыя слова, всѣмъ давно извѣстныя и понятныя въ Киевѣ. Но извѣстно ли было кievскимъ ученымъ, что эти же самыя слова донинѣ встрѣчаются на крайнемъ сѣверѣ въ живой великорусской рѣчи? Краткость времени не позволила намъ тогда остановиться на научномъ значеніи этой части нашего реферата. Выраженія: *утда*, *грязливый* и *шеломя* можно встрѣтить только въ сѣверномъ великорусскомъ нарѣчій. Нигдѣ, кромѣ сѣвера Россіи, нельзя слышать такого прекраснаго описанія *дѣва*, какъ существа мионическаго, *орла* въ состояніи *лѣта*, *чернезя* съ видовыми его отличіями. Словомъ, пѣснь Игорева по языку своему столь же родственна велико-русскому нарѣчій, какъ и мало-русскому. Намъ извѣстно, что Максимовичъ работалъ надъ Словомъ до конца своей жизни. Любопытно было бы знать судьбу этихъ работъ. Не пришлось бы и намъ жалѣть о невозвратной ихъ уtratѣ, какъ жалѣлъ самъ онъ о гибели подобныхъ же трудовъ покойнаго родственника своего, профессора Тимковскаго. Если жъ они еще цѣлы, то не можемъ не выразить желанія, чтобъ они изданы были какъ можно скорѣе.

• Изданіе И. М. Снегирева (въ *Русск. Истор. Сборникъ*, т. III) повторяетъ Пушкинскій текстъ, за исключеніемъ четырехъ мѣстъ. Издатель усвоилъ поправки Буткова ¹⁾, Грамматина ²⁾, ввелъ нѣкоторыя свои ³⁾ и измѣнилъ по мѣстамъ знаки препинанія. Кромѣ того, въ изданіи встрѣчаются значительныя опечатки. При объясненіи текста въ своихъ критическихъ примѣчаніяхъ Снегиревъ пользовался изданіемъ Игоревой пѣсни Вячеслава Ганки, но дѣло мало отъ того выиграло. Гораздо важнѣе заслуги Снегирева въ томъ, что онъ издалъ Слово рядомъ съ Повѣданіемъ и Сказаніемъ о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и показалъ между ними разительное сходство не только въ планѣ и ходѣ, но и въ реченіяхъ, оборотахъ, сравненіяхъ и приемахъ. Правда, по открытіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ профессоромъ Тимковскимъ, всѣ почти изслѣ-

¹⁾ Ярославъ сынъ Всеволодъ-жъ вм. Всеволодъ-жъ.

²⁾ вонзи вм. возни.

³⁾ разсутясь вм. разсухась, рускыя плѣки обступиша вм. оступиша.

дователи указывали на это сходство, какъ на доказательство подлинности Слова, но Снегиревъ совмѣстнымъ ихъ изданіемъ и притомъ послѣ тщательнаго ихъ изученія, доказалъ, что пѣснь Игорева служила образцомъ и основною тканью для Сказанія о Донской битвѣ, и что послѣднее есть раболѣпное и чисто буквальное подражаніе первому, но въ своемъ составѣ, ходѣ и тонѣ не имѣетъ его единства, оригинальности и миѣческаго цвѣта, слѣдовательно, и нельзя предполагать, чтобы послѣднее служило образцомъ для перваго.

Еще важнѣе въ этомъ отношеніи оказалъ услугу наукѣ академикъ И. И. Срезневскій изданіемъ Задонщины по Кирилловскому списку XV в. Это изданіе показываетъ намъ не только то, что авторъ Сказанія о Донскомъ бою имѣлъ подъ руками Слово о полку Игоревѣ, но и то, что въ Москвѣ въ XV в., подъ вліяніемъ византійской книжности и государственныхъ условій, на столько истощился творческій духъ, на столько исчезли южно-русскія преданія, что Слово о полку Игоревѣ было не понятно. Книжный авторъ Сказанія о Донскомъ бою не умѣлъ даже воспользоваться Словомъ какъ должно. Онъ бралъ изъ него фразы, иногда вовсе не постигая ихъ смысла. Краткія, художественныя выраженія онъ растягивалъ своими добавленіями; поэтическіе образы втягивалъ въ книжныя грамматическія формы. По разнымъ спискамъ Задонщины одной и той же редакціи, начиная съ XV в., можно прослѣдить, какъ постепенно Слово о полку Игоря, отразившееся въ немъ болѣе всѣхъ другихъ его источниковъ, послужившее для него и основой, и тканью, постепенно все больше и больше истощается въ своемъ поэтическомъ достоинствѣ. Уже въ Кирилловскомъ спискѣ XV в. мы встрѣчаемъ такіа выраженія: *не проразившеса мислю* (вм. растекашется мислю) *о, Русская земле! уже ты не за царемъ Соломономъ* (вм. не шеломенемъ еси). Впрочемъ, въ спискѣ еще удерживается имя *Бояна*. Но въ спискахъ XVI в. и самъ *Боянъ* замѣняется именемъ *Урана*.

Сахаровъ, подобно Снегиреву, также исправилъ текстъ Слова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ¹⁾; усвоилъ поправки Полеваго ²⁾, Карамзина ³⁾,

1) Такъ онъ напечаталъ по былинамъ вм. по былинамъ, рѣчь вм. речъ, пѣснь вм. пѣсь, умъ вм. умъ; славы вм. славъ; Святославиичу вм. Святославича, удіе вм. уедіе, ханови вм. хинови; шеломомъ вм. шеломомъ, Всеволоду вм. Всеволодъ.

2) Горь вм. горъ.

3) Свчи вм. вѣчи.

Шишкова ¹⁾ и Вельмана ²⁾ и ввелъ нѣкоторыя свои поправки ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно Максимовичу, раздѣлилъ текстъ, только не на 14 главъ, а на 12 пѣсень, а самыя пѣсни на частнѣйшіе отдѣлы ⁴⁾.

Изданіе его сопровождается любопытнымъ историческимъ обзоромъ мнѣній за и противъ пѣсни Игоревой. Изчисливъ первыя изданія и переводы, какъ прозаическіе, такъ и стихотворныя, и представивъ для сравненія нѣсколько переводныхъ образцовъ (Мусина-Пушкина, Шишкова, Пожарскаго, Вельмана, Левитскаго и Грамматина), Сахаровъ разбираетъ „ислѣдованія критиковъ“ филологическія и археологическія, излагаетъ мнѣнія скептиковъ, отрицавшихъ подлинность Слова и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на ихъ поверхностность и бездоказательность. Причины, давшія поводъ къ сомнѣніямъ въ подлинности Слова, по мнѣнію Сахарова, зависѣли: а) отъ стремленія въ пѣвцѣ Игоря найдти Оссіана, на котораго пѣснотворецъ Святославовъ походитъ также, какъ арапъ на бѣлаго Европейца; б) отъ незнанія, чтò за языкъ, или чтò это за нарѣчіе, на которомъ писано Слово; в) отъ недостатка палеографическихъ свѣдѣній о подлинномъ спискѣ; г) отъ незнанія русскаго языка нашихъ предковъ, и наконецъ, д) отъ сбивчивости понятій о нашей народности. Не смотря на всю важность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, нельзя не признать многихъ возврѣній Сахарова неточными и несправедливыми. Такъ, напримеръ, онъ незаслуженно хвалитъ Шишкова и роняетъ значеніе работъ Максимовича. Ставитъ въ связь почтеннаго Эверса съ Каченовскимъ и придаетъ большое значеніе брошюрѣ Руссова и т. п.

Мы выше замѣтили, что съ 1830 года началась эпоха горячихъ споровъ о подлинности Слова, и всѣ разсмотрѣнныя нами изданія Слова и ислѣдованія о немъ имѣютъ, какъ мы видѣли, ближайшее отношеніе къ этимъ спорамъ. Сыръ боръ загорѣлся по вызову По-

1) Аже вм. а не.

2) Далече вм. давеча; затвори въ Дунаю ворота вм. затворивъ Дунаю ворота.

3) Повезъ я вм. повелѣя; есте вм. ествъ; мужайтеса вм. мужайтѣся; изъ Лукоморья вм. изъ луку моря; когана: хотя вм. когани хоти.

4) Раздѣленіе на пѣсни: 1) Не льпо ли ны бѣшеть. 2) Тогда Игорь въззръ. 3) Съ зараніа въ пятокъ потопталса. 4) Были съчи Трояни. 5) Со зараніа до вечера, съ вечера до свѣта. 6) Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала. 7) Уныша по градомъ забрамы. 8) Нъ се зло! княже ми не пособіе. 9) Уже бо Сула не течеть серебряными струями. 10) Ярославнынъ гласъ слышитъ. 11) Прысну море полунощи. 12) Рекъ Боянъ и ходы....

леваго. Зачѣмъ такъ упорно молчать скептики наши, взывалъ онъ,— и не высказываютъ всѣхъ доказательствъ своихъ? Всѣ сомнѣнія остаются еще подъ спудомъ. Si sinas, dicam, думаютъ они, и sine—sino, говоримъ мы имъ.—И вотъ, послѣ этого вызова, дѣйствительно начался походъ противъ подлинности Слова. Въ разныхъ изданіяхъ начали появляться статьи одна за другою, метаящія стрѣлы противъ своего недруга.

Весь лагерь скептиковъ состоитъ изъ двухъ отрядовъ: одни утверждали, что пѣснь Игорева—самаго новѣйшаго происхожденія, сочинена въ концѣ XVIII вѣка подъ вседѣйствіемъ Оссиановской эпохи, въ минуту всеобщаго энтузіазма, возбужденнаго Оссианомъ. Фразы Слова о полку Игоревѣ будто выкроены по Макферсоновымъ, его выраженія и обороты принадлежатъ большею частію къ новѣйшимъ выраженіямъ XVIII в. Другой отрядъ скептиковъ немного ретировался и былъ въ сужденіяхъ умѣреннѣе. Думали, что Слово было записано какимъ-либо обрусѣвшимъ Норманномъ или Грекомъ въ XII в., и эта записка дошла до грамотѣевъ XVI в., которые и переложили ее на старинный русскій языкъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писаніямъ, но не понимая хорошо подлинника, переводили больше буквально, помогая своему неумѣнью словами изъ разныхъ языковъ, имѣвшихъ въ это время большое вліяніе на нашу словесность. Представителями перваго направленія были Каченовскій и Сеньковскій, представителями втораго—Бѣликовъ и Давыдовъ.

Всякая отрицательная школа имѣетъ свое значеніе въ наукѣ, но наши скептики по отношенію къ слову о полку Игоревѣ показали такое историческое и литературное безсиліе, что въ настоящее время не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія, и если мы позволяемъ занести ихъ мнѣнія въ нашъ критическій обзоръ, то единственно какъ историческій фактъ, каковы бывали у насъ критики въ текущемъ столѣтіи, и сколько было потрачено и времени и труда на напрасную изобрѣтательность.

Каченовскій перенесъ споръ о словѣ о полку Игоревѣ изъ области языка и эстетики въ область исторіи. Какъ ораторъ, онъ увлекалъ своихъ слушателей и своимъ краснорѣчіемъ сбивалъ съ толку замѣчательныхъ людей. Одинъ изъ бывшихъ его студентовъ передаетъ, какъ однажды А. С. Пушкинъ вступилъ было съ нимъ въ борьбу изъ-за Слова о полку Игоревѣ. На лекцію Каченовскаго привелъ его самъ министръ просвѣщенія с. с. Уваровъ и сказалъ студентамъ: „Вотъ, господа, предъ вами наука!“ указалъ онъ на Каче-

новскаго, — „а вотъ и само искусство!“ указаль онъ на Пушкина. Каченовскій сталъ читать лекцію и уничтожать Слово о полку Игоревѣ. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержаль и пустился защищать. Помню, говоритъ очевидецъ, тогдашній студентъ, — какъ съвозъ сѣдины Каченовскаго проступаль яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина. Бой былъ не равенъ, Пушкинъ чутьемъ угадываль то, что уже послѣ него подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины „злаго наука“¹⁾.

Самъ Каченовскій не издалъ своихъ скептическихъ мнѣній: очень можетъ быть, что онъ самъ себя вѣрилъ меньше, чѣмъ вѣрили ему другіе. Но для насъ сохранили его мнѣнія ученики его²⁾. Выраженіе: *хощу коньє преломити... конецъ коля половецкаго* — онъ считаль за одно съ французскимъ выраженіемъ: *tompre une lance avec quel'qu'un*. Слово *чи ми* казалось ему польскимъ словомъ. *Оксамиты* онъ также выводитъ изъ польскаго словаря новѣйшаго времени. Выраженіе *свѣчая* и *обычая* для него звучало какъ нѣмецкое *handeln und vandeln*.

Приписка Зосимы на Апостолѣ 1307 года, открытая Калайдовичемъ, также подала Каченовскому поводъ уличать Слово въ новѣйшей поддѣлкѣ. То же мнѣніе поддерживаль и Сенковскій. Не мудрено, говорилъ онъ — что наши критики, которые не изучаютъ ни латинскихъ поэтовъ, ни славянскихъ нарѣчій, не шутя признали это Слово за древнее русское произведеніе. Слово *вѣщій*, очевидно, весьма поздно создано для латинскаго *vates* въ переводахъ Горція и Виргилія. Быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, Сула, текущая серебряными струями, храбрая мысль, носящая умъ на дѣло — дѣлыя дюжины этого рода понятій совершенно неизвѣстны древнимъ и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка европейцевъ. Изысканное сочетаніе междометія *о!* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ напоминаетъ уроки Цицерона и Квинтиліана. Частное употребленіе мѣстоименія *свой* показывааетъ въ сочинителѣ чловѣка, пропитаннаго французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, напримѣръ,

¹⁾ Слово о полку Игоревѣ, *Майкова*, введеніе.

²⁾ Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ, *Бяликова*, въ *Учен. Зап. Моск. Унив.* 1834 г., ч. V, стр. 457—458.

кричитъ *теплыи полунощныя*; тутъ и глаголь и прилагательное не старѣе насъ лѣтами.

Столь же смѣлы и столь же наивны основанія скептиковъ другаго разряда. Желая доказать, что Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ себѣ не больше, какъ жалкую компиляцію XVI вѣка, составленную неискуснымъ книжникомъ изъ различныхъ историческихъ преданій, они старались открыть несообразности въ его внутреннемъ составѣ, указывали, что оно не даетъ понятія ни о духѣ времени, ни о жизни Руси XII вѣка, что оно не даритъ насъ ни однимъ живописнымъ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ и не сообщаетъ ни одной картины изъ окружающей природы. Обширное воззваніе къ князьямъ для нихъ не представляетъ ничего, кромѣ поверхностныхъ общихъ чертъ изъ воинской жизни. Плачъ Святославовъ есть плачъ война князя, не печаль кровнаго роднаго. Плачъ Ярославны состоитъ только изъ общихъ жалобъ къ риторически-олицетворенной природѣ. Мало того, слогъ пѣсни Игоревой для нихъ ниже и грубѣе древнихъ монашескихъ писаній. Столь же любопытны открытія ими несообразности въ исторіи, лексикологіи и этимологіи Слова. Откуда, напримѣръ, пѣвецъ могъ знать леопардовъ? Неужели они водились когда-либо въ Россіи? Какъ могло быть извѣстно у насъ техническое слово *оксамиты* въ XII вѣкѣ? Слова: *болванъ*, *солтанъ сабля*, *тепльга*, *кровать* также позднѣйшаго происхожденія. Нашихъ скептиковъ смущало и то, что одни и тѣ же слова употребляются здѣсь въ народной и книжной формахъ (славей и соловей, гласъ и голосъ, градъ и городъ), что прилагательныя имѣютъ форму усѣченную и полную (храбра князя и храбраго князя), что прошедшее время имѣетъ конечное *ль* (притрепаль) и не имѣетъ его (притопта). Во всемъ этомъ для нихъ были несомнѣнные признаки позднѣйшаго происхожденія Слова. Мысль Вельмана, будто оно написано на соединеніи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, также послужила нѣкоторымъ поводомъ для сомнѣнія. Профессоръ Давыдовъ принялъ эту гипотезу Вельмана за основаніе въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ и заподозрилъ Слово.

Но всѣ изложенныя здѣсь мнѣнія показываютъ только то, какъ мало знакомы были скептики съ самыми первыми основаніями славянской филологіи, съ древнѣйшими русскими лѣтописями и другими литературными памятниками. Защитники Слова указали имъ годы, подъ коими и парадусы, и оксамиты встрѣчаются въ лѣтописяхъ, доказали, что мѣстоименіе *свой* — исконное славянское, что ука-

занныя ими граматическія формы—одинаково древни и встрѣчаются въ Остромировомъ Евангелии, что, наконецъ, требуется болѣе основательное знаніе французскаго языка, чтобы въ выраженіяхъ Слова видѣть галицизмы.

Не излагая здѣсь подробно этой защиты, мы приведемъ только слова А. С. Пушкина, который также выступалъ на защиту Слова противъ *Библиотеки для чтенія*. „Подлинность этой пѣсни“, говоритъ онъ,—доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ XVIII вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе всѣ не имѣли столько поэзіи, сколько находится въ планѣ ея, описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ. Неужели таковая смѣсь естественна?“

Въ 1844 г. явилось изданіе Слова, Д. Н. Дубенскаго, которое вызвано было именно изложенными горячими спорами. Отыскивая въ самомъ Словѣ доказательства его подлинности, Дубенскій подвергнулъ анализу каждое его слово, разобралъ граматическія формы и отношенія смысла и лицъ дѣйствующихъ, привелъ въ каждому слову параллельныя мѣста изъ лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ и приложилъ буквальный переводъ, какъ выводъ, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ доказанный. Въ началѣ онъ помѣстилъ „Взглядъ на исторію литературы Слова о полку Игоревѣ“, а въ концѣ приложилъ „Указатель словъ пѣсни Игоревой, расположенный по азбучному порядку съ граматическимъ разборомъ“. Съ одной стороны, этотъ трудъ выяснилъ, съ какою непреложною точностію воплощены въ Словѣ граматическія формы языка XII в., а съ другой—въ немъ свазалась односторонность направленія подобныхъ изысканій: въ трудѣ Дубенскаго оказалось весьма много непригоднаго матеріала и за археологическою работою утратилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живая мысль, очевидная для читателя съ перваго раза.

Существенный недостатокъ г. Дубенскаго и всѣхъ предшествовавшихъ, говоритъ Ѡ. И. Буслаевъ,—тотъ, что было мало обращено вниманія на отношеніе Слова къ нашей древней мифологіи и народнымъ

повѣряемъ, вслѣдствіе чего доселѣ остается неопредѣленнымъ поэтическое значеніе Слова. Въ объясненіяхъ ихъ много изысканныхъ и натянутыхъ утонченностей. Слово было не цѣлю, а средствомъ; комментаторамъ пріятно было привязать къ нимъ свои этимологическія знанія даже при такихъ словахъ, смыслъ которыхъ всякому понятенъ и теперь. Такимъ образомъ, почтенный профессоръ является представителемъ новаго воззрѣнія на этотъ памятникъ, которое затѣмъ и проводитъ онъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Какъ ни усиливался Дубенскій защитить себя, но онъ чувствовалъ правоту за новымъ воззрѣніемъ.

Грамматическія формы Слова, выясненныя въ трудѣ Дубенскаго, должны были однако же повести къ дальнѣйшему изученію языка пѣсни. К. С. Аксаковъ, подвергнувъ анализу одинаково присущія ей формы языка церковно-славянскаго и народно-русскаго, пришелъ къ убѣжденію, что ея нельзя причислить ни къ памятникамъ народнымъ, ни къ сочиненіямъ церковно-славянскимъ. Языкъ, полагалъ онъ,—былъ въ періодъ борьбы и волненія, а этой борьбы и волненія мы не видимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. И тотъ, и другой элементы въ немъ присутствуютъ, но холодно, безъ участія другъ къ другу; видимъ, напротивъ, равнодушное ихъ присутствіе для самого писателя, и вмѣстѣ правильное ихъ употребленіе: слѣдовательно, только мертвое холодное знаніе ихъ. — Обращая вниманіе на содержаніе пѣсни, Аксаковъ замѣчаетъ, что въ немъ нѣтъ нисколько элемента религіознаго—вопреки характеру Русскихъ, и особенно того времени. Самые эпические образы такъ искусственны и кудреваты, что въ нихъ нельзя признать русской народной поэзіи. Изъ всего этого Аксаковъ выводитъ, что Слово о полку Игоревомъ написано иностранцемъ, быть можетъ, Грекомъ, знавшимъ церковно-славянскій языкъ еще прежде и въ Россіи научившимся русскому. „Свои кудреватости и хитросплетенія“, говоритъ Аксаковъ,—„вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее нисколько того грандіознаго вида, какой видимъ въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Киршею Даниловымъ“.

Сужденія К. С. Аксакова имѣли бы полную свою силу, еслибы только мы имѣли пѣснь Игореву въ современномъ спискѣ XII вѣка. Но какъ мы выше показали, она издана по списку, и притомъ неисправному, XVI в.; а потому и всѣ предположенія Аксакова о бореніи двухъ языковыхъ элементовъ и о равнодушномъ къ нимъ отношеніи пѣвца Игоря остаются мало имѣющими значенія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Слово о полку Игоря, подвергаясь перепискѣ

многочисленныхъ книжниковъ, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, не могло не терпѣть и многочисленныхъ поправокъ въ отношеніи языка. Сравните житіе Бориса и Глѣба въ лѣтописи и въ спискѣ XII в. Сличите Задонщину въ спискахъ XV и XVI вѣка. Посмотрите, что стало съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ или съ былиной о семи богатыряхъ, какъ скоро перешли онѣ въ рукопись и стали достояніемъ книжниковъ? Вездѣ сказывается трость книжника-скорописца. Точно также и Слово о полку Игоря отражаетъ въ себѣ признаки сѣвера и юга и разныхъ временъ переписки. Говоря это, мы не хотимъ утверждать, что оно дошло до насъ совсѣмъ въ передѣланномъ видѣ, но хотимъ только замѣтить, что: едва ли не смѣло изъ характера языка Слова—по списку XVI вѣка—дѣлать выводъ о языкѣ современной ему эпохи и заключать отсюда, что оно писано иностранцемъ. Далѣе, мы не видимъ въ немъ недостатка набожности; напротивъ, намъ кажется, что все построено на нравственной христіанской основѣ. Пѣвецъ обращается къ братьямъ; Игорь идетъ въ походъ, не воздержавъ своей юности, и за свою самонадѣянность наказывается. Напрасно Святославъ зываетъ къ князьямъ о помощи. Напрасно плачетъ Ярославна. Богъ Игорю путь кажетъ, и онъ идетъ къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Обращаемся къ сужденіямъ С. П. Шевырева. Филологическая критика Слово о полку Игоревѣ, говорилъ онъ,—по отсутствію рукописей, всегда будетъ блуждать ощупью; но за то во всей силѣ можетъ быть допущена критика историческая. Шевыревъ изучалъ Слово сравнительно съ лѣтописью и другими литературными памятниками и на основаніи ихъ утверждалъ его достовѣрность; онъ опредѣлилъ эпохи русской исторіи, какъ отражаются онѣ въ Словѣ и взвѣсилъ его поэтическое достоинство. Лекція его о Словѣ, надѣлавшая въ свое время столько шуму, въ ученomъ отношеніи не представляетъ ничего новаго; въ ней только искусно сведены всѣ данныя прежнихъ изслѣдователей.

Лекція Шевырева вызвала статью М. П. Цогодина, который, развивалъ мысль, высказанную еще Полевымъ, что Слово о полку Игоревѣ—не единственный древній памятникъ, что мы имѣли слова или саги о всѣхъ важныхъ и не важныхъ подвигахъ древнихъ нашихъ князей, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ, и что наши саги имѣли одинъ и тотъ же характеръ съ исландскими. Къ статьѣ присоединилъ онъ любопытный Стрингольмовъ очеркъ требованій

отъ сѣвернаго скальда, которымъ вполне отвѣчаетъ и Слово о полку Игоревѣ.

Съ точки зрѣнія критики исторической всего замѣчательнѣе слова автора Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. „Доблесть героевъ поэмы“, говоритъ С. М. Соловьевъ, — „ихъ ревность добыть славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная, слѣдовательно, народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшало, но еще увеличивало славу князей, наконецъ, удивительное спасеніе изъ плѣна Игоря, — все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшеннаго поэтическаго сказанія. Самыя подробности похода, какъ онѣ сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время плема Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей южной Руси. Старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Киевскомъ. Слѣдовательно, бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра“.

Таковы выводы, къ которымъ пришла филологическая и историческая критика относительно достовѣрности Слова о полку Игоревѣ.

Всеобщій литературный интересъ, возбужденный изложенными спорами, вновь окрылилъ чаяніемъ наживы сыновъ вѣка всего и вновь подвигнулъ ихъ къ подпольной работѣ надъ Словомъ о полку Игоря. Намъ извѣстны два такіе поддѣльные списка: одинъ хранится въ собраніи Зайцевскаго, а другой въ Московскомъ публичномъ музеѣ, но тотъ и другой не представляютъ ничего, кромѣ новыхъ намѣренно-испорченныхъ мѣстъ и самыхъ грубыхъ граматическихъ ошибокъ безтолковыхъ переписчиковъ.

Въ наше время изученіе Слова направляется къ другимъ цѣлямъ. Теперь никому и въ голову не приходитъ заподозрѣвать въ немъ новѣйшую поддѣлку или же позднѣйшую компіляцію изъ старинныхъ преданій. Изученіе его стремится или къ тому, чтобы возстановить текстъ рукописнаго оригинала, напечатаннаго въ первомъ изданіи, въ его палеографической точности, исправить испорченныя мѣ-

ста и возстановить истинный смыслъ ихъ, или же къ тому, чтобы понять его въ частяхъ и цѣломъ, въ связи съ эпохой образованности XII вѣка, какъ у насъ, такъ въ Византіи и на западѣ. Въ первомъ направленіи работалъ профессоръ Н. С. Тихонравовъ; во второмъ—князь П. П. Вяземскій.

Изданіе г. Тихонравова предназначено для учащихся, но строго говоря, оно есть собственно ученое изданіе и скорѣе удовлетворяетъ ученымъ цѣлямъ, чѣмъ педагогическимъ задачамъ. Пользуясь спискомъ Слова, открытымъ и изданнымъ покойнымъ П. П. Пекарскимъ, г. Тихонравовъ первый въ своемъ изданіи проложилъ новый путь къ его изслѣдованію. Онъ сравнилъ текстъ перваго изданія съ этимъ архивскимъ спискомъ и совершенно вѣрно, какъ мы выше замѣтили, опредѣлилъ время написанія Пушкинской рукописи, въ коей было найдено Слово. Онъ указалъ въ своемъ изданіи на смѣшеніе первыми издателями ъ, ѣ, ѓ и ѣ, обратилъ вниманіе на неумѣнье ихъ выводить слова изъ подъ титла и на неточность сдѣланной ими пунктуаціи. Наконецъ, онъ первый сблизилъ Слово съ великорусскими былинами и чрезъ то поставилъ его въ живую связь и съ великорусскимъ языкомъ, и съ Великорусскимъ народомъ. Къ сожалѣнію, онъ допустилъ въ текстѣ нѣкоторыя перемѣны, не вызываемыя смысломъ Слова и не оправдываемыя серьезными основаніями, какъ то и доказано Ѡ. И. Буславымъ.

Любопытна полемика г. Колосова противъ выводовъ Тихонравова. Г. Тихонравовъ говоритъ о Пушкинской рукописи Слова и утверждаетъ, что она испорчена—на основаніи палеографическихъ ея особенностей, а г. Колосовъ ратуетъ, что она не испорчена, потому-де, что языкъ Слова—очень древній. Одинъ говоритъ, что первые издатели не умѣли читать рукописи, которую они издали, и раздѣляли слова съ прямымъ нарушеніемъ логическаго и грамматическаго смысла; а другой опровергаетъ его тѣмъ, что хотя-де смысла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣтъ, но за то языкъ Слова ни со стороны звуковъ, ни со стороны грамматическихъ формъ не представляетъ такихъ чертъ, которыя не встрѣчались бы уже въ памятникахъ XII вѣка.

Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ кн. П. П. Вяземскаго представляютъ огромную книгу. Правда, начало этого труда помѣщено было еще въ 1851 г. во *Временникѣ Общества исторіи и древностей російскихъ*, но какъ оно обнимало только вступленіе Слова, то и не обращало на себя вниманія ученыхъ. Въ 1875 году оно вышло въ цѣломъ своемъ составѣ. Можно не согласиться со многими мнѣніями

автора, можно многое находить неумѣстнымъ въ его книгѣ, но нельзя не признать самую точку зрѣнія его на предметъ достойною всякаго уваженія. „Занимаясь объясненіемъ Слова“, говоритъ авторъ,— я счелъ необходимымъ обратить вниманіе на современное ему состояніе образованности и на литературное направленіе его времени какъ въ Россіи и Восточной Имперіи, такъ и на западѣ, и рассмотреть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII вѣка по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ“. Нельзя не признать, что изъ всѣхъ изслѣдователей Слова никто еще такъ не расширялъ свои задачи, и никто не изучалъ его съ этой точки зрѣнія.

Е. Барсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРИСТИАНСТВО ВЪ РОССІИ ДО ВЛАДИМИРА СВЯТАГО ¹⁾.

I.

Сказаніе о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ.

Введеніемъ къ истинной, достовѣрной исторіи государственной и церковной почти у всѣхъ народовъ служатъ такъ называемыя народныя преданія, которыя создаетъ иногда дѣйствительно совокупное творчество цѣлаго народа, иногда же, напротивъ, единичное творчество просто отдѣльныхъ лицъ. Исторія нашего русскаго христіанства начинается такимъ народнымъ преданіемъ, именно—общезвѣстной повѣстью о путешествіи на Русь, или точнѣе говоря, черезъ Русь апостола Андрея.

Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти, нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго, или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежитъ какому-нибудь досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое, но нисколько не невозможно и второе. Какъ бы то ни было, смыслъ и нравоученіе повѣсти ясны; она хочетъ сказать и доказать слѣдующее: мы, Русскіе, составляемъ народъ въ христіанской церкви нивакъ не послѣдній, и наше хри-

¹⁾ Отрывокъ изъ приготовляемой къ печати «Исторіи Русской Церкви».— Замѣтимъ здѣсь однажды навсегда, что по нашему мнѣнію, имя Владимиръ должно писать не съ буквой іота на концѣ, а съ буквой иже, потому что слово миръ какъ въ этомъ имени, такъ и во всѣхъ другихъ именахъ, съ нимъ сложенныхъ, есть не міръ—вселенная, а миръ—согласіе, покой, какъ это ясно особенно въ именахъ Добромиръ, Любомиръ, Творимиръ, Терпимиръ; Дитмаръ Мерзбургскій, *Chronic. lib. VII, § 52*, о нашемъ именно Владимирѣ говоритъ, что его имя толкуется обладаніе миромъ — *potestas pacis*. У Нѣмцевъ, подобно намъ, есть имена, сложенныя съ словомъ миръ; но и у нихъ этотъ миръ также покой, а не вселенная: *Meinefried, Siegfried, Warnefried* и пр.

стіанство ведетъ свое начало точно также отъ самихъ апостоловъ, какъ и у кого бы то ни было; апостолы не могли водворить у насъ этого христіанства самымъ дѣломъ, но они посѣтили и благословили нашу землю и посредствомъ предызбранія включили ее въ составъ церкви Христовой, которой, такимъ образомъ, она и стала частью съ самага ея начала, хотя частью долгое время оставшеюся, такъ сказать, *in petto*, только въ мысли и предопредѣленіи. Если повѣсть принадлежитъ народному творчеству вообще, то она должна свидѣтельствовать о тщеславіи предковъ нашихъ, какъ цѣлаго народа, который не хотѣлъ оставаться въ послѣднихъ, и пришедъ ко Христу около одинадцатаго часа, тѣмъ не менѣе желалъ перевести себя въ первые; если жъ повѣсть принадлежитъ одному лицу, то и свидѣтельствуеетъ только о тщеславіи ея неизвѣстнаго автора.

Въ нашей первоначальной лѣтописи эта повѣсть записана въ слѣдующемъ видѣ: Изъ Греціи черезъ Россію лежалъ путь къ Варягамъ и далѣе до Рима, именно—изъ Чернаго моря Днѣпромъ до его верховьевъ, отсюда волокомъ до рѣки Ловати, которая впадаетъ и ведетъ въ озеро Ильмень; изъ Ильменя въ Волховъ, въ Ладожское озеро, въ устье этого озера или рѣку Неву и въ море Варяжское (Балтійское), по этому послѣднему къ Варягамъ и потомъ до Рима. Апостоль Андрей, который проповѣдывалъ евангеліе по Черному морю, однажды пришелъ изъ Синопа, что на южномъ или азіатскомъ берегу его ¹⁾, въ Херсонесъ Таврической или Корсунь и здѣсь узналъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпровское. Пожелавъ побывать въ Римѣ, апостоль отправился къ устью Днѣпра, чтобы пойти въ него сейчасъ указанною дорогой. Когда, совершая путь, поднимался онъ, съ сопровождавшими его учениками, на лодкахъ вверхъ по Днѣпру, то одинъ разъ случайно ²⁾ пришлось ему остановиться для ночлега у берега подъ горами. Горы эти были именно тѣ самыя, на которыхъ послѣ построенъ былъ Кіевъ. Вставъ на другой день поутру, апостоль указалъ своимъ ученикамъ на горы и сказалъ: „Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на этихъ горахъ возсінетъ благодать Божія, имѣетъ быть построенъ на нихъ великій городъ, и Богъ воздвигнетъ на нихъ многія церкви“. Послѣ этого апостоль взо-

¹⁾ Почти прямо противъ крымской Феодосіи черезъ море, тотъ самый, при которомъ русскій флотъ одержалъ знаменитую побѣду надъ турецкими флотомъ въ 1853 году.

²⁾ «По приключая», въ другихъ спискахъ—«по прилучая».

шелъ на горы, благословилъ ихъ, помолился и на той изъ нихъ, на которой послѣ былъ построенъ городъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, поставилъ крестъ ¹⁾. Идя своею дорогою далѣе, апостолъ пришелъ къ Славянамъ, гдѣ послѣ построенъ былъ Новгородъ, то-есть, къ племени славянскому, которое называлось этимъ именемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. У здѣшнихъ людей онъ видѣлъ обычаи, какъ они моются (въ баняхъ) и хвщутся ²⁾, и подивился на нихъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ Варягамъ, и наконецъ, пришелъ въ Римъ. Повѣствуя въ Римѣ, сколько успѣлъ съ своею проповѣдью и что видѣлъ, апостолъ разказалъ: „Видѣлъ я нѣчто весьма чудное въ землѣ Славянской, когда шелъ сюда,—видѣлъ деревянныя бани, и накалять ихъ (то-есть, каменки въ нихъ) до красна и раздѣнутыя совсѣмъ донага и обольются кислымъ квасомъ ³⁾ и возьмутъ на себя пучки моло-

¹⁾ Покрѣпшіе памятники точнымъ образомъ указываютъ, гдѣ въ ихъ позднѣйшее время преданіе назначало мѣсто этого креста. Такъ называемая Густинская лѣтопись (конца XVI—начала XVII вѣка) говоритъ: «Крестъ водрузи недалече нынѣшней браны (воротъ) отъ полудня» (II. Собр. Лѣтоп., II, 251), размѣя брану въ крѣпостномъ валу, которой въ настоящее время не существуетъ (см. у *Закревскаго* въ Лѣтописи и описаніи г. Кіева, М. 1858, стр. 257). Авторъ статьи «О увѣреніи и о крещеніи Русіи», помѣщенной въ Книгѣ о вѣрѣ, пишетъ: «На той тогда горѣ въ Кіевѣ, идѣ же святыи Андрей стоялъ, уже нарицають Вдыхальницу, въ тоже время и церковь Воздвиженія пречестнаго креста Господня была поставлена, идѣже и нынѣ есть, яже повѣсть и до сихъ дней обносится о той церкви и о той горѣ» (гл. 3-я, Гродн. изд., 31 л.); подобнымъ образомъ авторъ Синописа пишетъ: «Крестъ водрузи (апостолъ Андрей) на мѣстѣ, идѣже посемъ церковь креста Господня сооружися» (С.-Пб., 1798 г., стр. 20). Крестовоздвиженская церковь теперь не существуетъ; она находилась недалеко отъ нынѣшней Ардреевской церкви, къ югу отъ нея (*Берлинскаго*, Краткое описаніе Кіева, Спб. 1820, стр. 189 и *Закревскаго*, *ibid.*, стр. 147). Въ одномъ сборникѣ второй половины XVII вѣка замѣчается: «Крестъ святыи, гдѣ теперь церковь святаго Симеона стоитъ, (апостолъ Андрей) поставилъ» (см. у *Бодянскаго*). О времени происхожденія славянскихъ писменъ, стр. LXV, прим. 109),—церковь эта въ настоящее время также не существуетъ и гдѣ находилась неизвѣстно. Что по автору повѣсти апостолъ водрузилъ крестъ на той части Кіевской горы, которая послѣ обнималась городомъ въ собственномъ смыслѣ или городскомъ крѣпостью, это онъ дуетъ знать въ словахъ: «и постави крестъ и помолися Богу и слѣзъ съ горы сей, идѣже послѣ же бысть Кіевъ».

²⁾ «Хвощутся», — хвостаться, по теперешнему хвстаться, то же, что хлестаться.

³⁾ Въмѣсто «квасомъ уснианномъ» Лаврент. лѣтописи именно читается «квасомъ кислымъ» въ лѣтописяхъ новѣйшихъ (Никоновск. Софійск., временникъ). Въ нѣкоторыхъ спискахъ древнѣйшей лѣтописи стоитъ «мытально».

дыхъ прутьевъ и стануть бить сами себя и до того себя добьютъ, что выльзутъ едва живы; послѣ этого обольются холодною водою и тогда снова оживутъ; и это дѣлаютъ постоянно и весьма почасту, не будучи мучимы никѣмъ, но сами себя муча и такимъ образомъ дѣлая себѣ не обмовенье, но мученье“. Римляне, слышавъ разказъ, дивились; апостолъ же, побывъ въ Римѣ, снова возвратился въ Синопъ.

Чтобы заставить апостола посѣтить нашу страну, составители повѣсти должны были представлять дѣло не особенно естественнымъ образомъ. Извѣстныя имъ греческія сказанія не давали никакого основанія утверждать, чтобы св. Андрей путешествовалъ въ нашу Русь нарочнымъ образомъ ¹⁾; измышлять этого помимо сказаній составители повѣсти также находили слишкомъ невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ. Оставалось измыслить посѣщеніе случайное, мимоходное: и вотъ явилось путешествіе апостола изъ Корсуни въ Римъ, держанное имъ чрезъ Кіевъ и Новгородъ. Посылать апостола изъ Корсуни въ Римъ помянутымъ путемъ — то же, что посылать кого-нибудь изъ Москвы въ Петербургъ путемъ на Архангельскъ; но составители повѣсти не имѣли возможности представить дѣло болѣе естественнымъ образомъ. Притомъ, сочиняя этотъ неожиданный и слишкомъ оригинальный путь, они, по всей вѣроятности, не полагали его такимъ невозможно страннымъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: имѣя недостаточныя географическія свѣдѣнія, они, вѣроятно, считали его только не много болѣе длиннымъ, чѣмъ прямой путь по морю Средиземному. Этотъ послѣдній путь составителямъ повѣсти былъ извѣстенъ ²⁾, и если апостола, находившагося въ Корсуни при началѣ обоихъ путей, они находятъ возможнымъ послать по первому, то ясно, что они не полагаютъ между обоими путями слишкомъ большаго различія.

Честолюбіе и тщеславіе предковъ нашихъ, желая достигнуть того, чтобы страна наша была посѣщена однимъ изъ апостоловъ, конечно, не особенно затруднились бы составить повѣсть объ этомъ и въ

¹⁾ Нѣкоторое основаніе утверждать это даютъ Никита Пафлагонскій и Никифоръ Каллистъ, о которыхъ ниже. Послѣдній, если не моложе, то вѣроятно, не старѣе составителей повѣсти; а первый, какъ необходимо предполагать, не былъ имъ извѣстенъ, притомъ онъ даетъ помянутое основаніе не особенно прямо и ясно.

²⁾ «Отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царюгорода прити въ Понтъ море»...

томъ случаѣ, еслибы не представлялось къ сему никакого основанія и никакого внѣшняго повода. Но нѣкоторый внѣшній поводъ составить такую повѣсть именно объ апостолѣ Андреѣ дѣйствительно существовалъ. Жребіемъ и частью проповѣднической дѣятельности этого апостола, какъ увѣряютъ сказанія, были берега Чернаго моря, которое для предковъ нашихъ, ведшихъ черезъ него дѣятельную торговлю съ Константинополемъ, могло казаться какъ бы своимъ, и которое Русскимъ даже и называлось, хотя и не по нашимъ Кіевскимъ Русскимъ. Бывшія извѣстными предкамъ нашимъ, греческія сказанія объ апостолѣ ¹⁾ прямо приводятъ его въ Корсунь, которая въ ихъ время могла быть названа, такъ сказать, самымъ преддверіемъ Руси, ибо хотя была не особенно близка къ послѣдней, но составляла тогда для нея почти такой же неизбѣжный и такой же знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города, такъ какъ въ ней пріобрѣтали для себя Русскіе всѣ произведенія европейской или цивилизованной промышленности. Изъ Корсуни во времена предковъ нашихъ былъ путь черезъ Россію къ Варягамъ, а отъ Варяговъ до Рима, какъ они знали, прямой и непрерывный путь моремъ; такимъ образомъ, дѣйствительно выходилъ путь изъ Корсуни въ Римъ черезъ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что при всей скудости географическихъ свѣдѣній, предки наши не представляли себѣ этотъ путь совершенно обыкновеннымъ. Но все-таки являлась нѣкоторая вѣроподобная возможность провести апостола желаемымъ путемъ, чтобы заставить его быть въ Россіи: это и было сдѣлано.

Повѣсть объ апостолѣ Андреѣ, по всей вѣроятности, явилась послѣ времени составленія первоначальной лѣтописи и есть въ сей послѣдней позднѣйшая вставка. Въ другой повѣсти, читаемой въ той же лѣтописи, говорится, что „сдѣ (въ Русской землѣ) не суть апостоли учили“, и что „тѣломъ апостоли не суть сдѣ были“ ²⁾. Принадлежитъ ли эта вторая повѣсть самому составителю лѣтописи или также есть въ ней вставка, но во всякомъ случаѣ она должна быть признаваема старѣйшею, чѣмъ наша повѣсть. Къ заключенію о не весьма раннемъ происхожденіи нашей повѣсти должно вести и то

¹⁾ Имъ извѣстны были, и очевидно, служили для нихъ источникомъ житія апостола Андрея Епифаніево или Метафрастово (о нихъ ниже), оба вѣдѣтъ, или которое-нибудь одно.

²⁾ Въ повѣсти объ убіеніи Варяговъ христіанъ при Владимирѣ изычникѣ, П. Собр. Лѣт., I, 35.

обстоятельство, что заразиться тщеславіемъ и подумать о его удельствореніи предки наши могли не сейчасъ затѣмъ, какъ приняли христіанство, но только послѣ того, какъ болѣе или менѣе обжились въ немъ, и какъ оно болѣе или менѣе прочно водворилось и утвердилось въ ихъ странѣ, тѣмъ могла быть пробуждена ихъ гордость ¹⁾.

Замѣчательна редакція новѣсти, помѣщенная въ лѣтописи. Серьезное по крайней мѣрѣ на половину перемѣшано въ ней съ шуточнымъ и юмористическимъ, и апостолъ не совсѣмъ скромнымъ образомъ употребленъ въ орудіе насмѣшки. Принадлежа Малороссіи, редакція имѣетъ цѣлю на половину прославленіе Кіева, на горахъ котораго апостолъ водрузилъ крестъ, на половину же осмѣяніе великорусскаго Новгорода, въ которомъ онъ чудился страннымъ великорусскимъ банямъ. Извѣстно, что наши области любили смѣяться одна надъ другою и насочинили одна про другую множество насмѣшливыхъ сказаній и присловій ²⁾; извѣстно, что въ особенности любили, какъ и до настоящаго времени любятъ, смѣяться одна надъ другою двѣ большія области—великорусская и малорусская. Редакція новѣсти

¹⁾ Черезъ 50 лѣтъ послѣ крещенія при Ярославі, Русскіе съ скромнымъ смиреніемъ называли себя «малымъ стадомъ» (Митр. Иларіонъ въ Словѣ о заковѣ и благодати). Вѣроятно, такъ продолжали они смотрѣть на себя и еще около 50 лѣтъ. Но при такомъ незапосочивомъ взглядѣ еще не могли быть сочинены ими притязательныя повѣсти, по которымъ апостолы ходили бы въ ихъ землю для поставленія крестовъ на ихъ горахъ. Что въ вѣкъ составители лѣтописи еще не было извѣстно повѣсти объ апостолахъ Андрей, объ этомъ слѣдуетъ заключить изъ словъ преподобнаго Нестора, который, будучи несправедливо принимаемъ за самого лѣтописца, былъ его современникомъ, и который въ житіи Бориса и Глѣба говоритъ: «не бѣша апостоли ходили къ намъ» (Русскіи). Первая церковь апостола Андрея была построена въ Кіевѣ весьма рано, именно Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086 году (для дочери Анны или Янки, которая ждала постричься въ монашество, и для которой онъ устроилъ при церкви женскій монастырь—извѣстный Андреевскій Ячичи; П. Собр. Лѣт., I, 88). Но не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы уже такъ рано могло существовать сказаніе о посѣщеніи апостоломъ Кіева; спорѣ наоборотъ, — существованіе самой церкви могло содѣйствовать до некоторой степени возникновенію сказанія. Первая Крестовоздвиженская церковь, и то нѣсколько сомнительная (не знаемъ, та ли самая, о которой выше), построена въ Кіевѣ въ началѣ XIII вѣка (Жараминъ, Ист. Р. Р., III, прим. 326).

²⁾ Ихъ и о нихъ можно читать въ книгахъ: *Смирнова*, Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. IV, Москва, 1834, стр. 162 sqq. (этнографическія пословицы), и *Сахарова*, Сказанія Русскаго народа, томъ I, кн. 2, С.-Пб. 1841, стр. 107 sqq. (Русскія народныя присловія).

объ апостолѣ Андрѣ, помѣщенная въ лѣтописи, представляетъ собою образецъ такихъ насмѣшливыхъ сказаній Малороссовъ о Великороссахъ. Малороссъ, у котораго нѣтъ нашихъ великорусскихъ бань ¹⁾, и для котораго эти бани составляютъ крайне смѣшную странность ²⁾, съ своимъ прославленнымъ юморомъ говоритъ въ повѣсти Великороссу: бывъ у насъ въ Кіевѣ, апостолъ изрекъ пророчество, и благословивъ горы, поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ въ Новгородѣ только подивился на вашу хитрую выдумку самимъ себя съчь и мучить, о чемъ разказывалъ даже въ Римѣ.

Естественно, что Новгородцы не желали остаться осмѣянными. И вотъ въ отвѣтъ на кіевскую редакцію повѣсти явилась редакція новгородская. Не хотѣвъ или не умѣвъ отвѣтить на насмѣшку одинаковою насмѣшкой, Новгородцы вознаграждаютъ себя тѣмъ, что стараются возвысить себя надъ Кіевлянами. Говоря о Кіевѣ то же, что и выше, редакція новгородская умалчиваетъ о баняхъ новгородскихъ и вмѣсто того говоритъ, что въ области Новгородской апостолъ проповѣдывалъ слово Божіе ³⁾ и оставилъ на благословеніе свой жезлъ ⁴⁾. То-есть, Новгородцы отвѣчаютъ въ своей редакціи Кіевлянамъ: у васъ

¹⁾ Если кому, вспомнится баня въ Кіевѣ Ольгина, въ которой были сожжены послы Древлянскіе, то, вопервыхъ, въ разказѣ лѣтописи разумѣется не баня, а комната для мытья: «новель Ольга мовь сотворити (Древляномъ), рькуще сице: измывшесе придите ко мнѣ; они же (слуги) пережьгоша истопку (вар. истьбу, жарю натопили избу, комнату), и възгоша Древляно, начаша ся мыти»..., — воперыхъ, существованіе бань у князей на югѣ не составляло бы свидѣтельства о существованіи ихъ у народа.

²⁾ Какую великую странность составляютъ наши великорусскія бани для тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ, см. напримѣръ, въ статьѣ «Бураты», помѣщенной въ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, ч. XXVI, кн. 4, стр. 60: «ужасная добровольная пытка (которой подвергаютъ себя Русскіе въ баняхъ), служить у Бурята главною имъ укоризною» и пр.

³⁾ Въ запискахъ редакціи XVI вѣка говорится только, что Андрей проповѣдывалъ слово Божіе (Степ. книга), въ запискахъ же XVII вѣка—что и «ко крещенію многи люди привель» (Никон. Коричая).

⁴⁾ «Жезлъ свой (апостолъ) водрузи въ веси, нарицаемой Друзино» (Степ. кн. 1, 7), въ извѣстномъ Араччеевскомъ селѣ Грузинѣ, находящемся на Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги). Отъ этого водруженія апостоломъ креста будто бы и село получило свое имя (Друзино или Грузино отъ водружать или вогружать; житіе Михаила Салдоса, которое см. ниже). Ясно, что имя села подало поводъ сложиться сказанію о водруженіи креста, къ чему присоединилось случайное обстоятельство, что приходская церковь села была во имя апостола Андрея.

въ Кіевѣ апостоль ограничился только тѣмъ, что поставилъ крестъ на пустыхъ горахъ, у насъ же сдѣлалъ гораздо больше, заявилъ къ намъ свое благоволеніе болѣе осязательнымъ образомъ.

Если первоначально Русскіе удовольствовались только тѣмъ, что заставили одного изъ апостоловъ благословить свою землю, то естественно, что съ теченіемъ времени ихъ притязанія должны были увеличиваться, тѣмъ болѣе, что позднѣйшая новгородская редакція повѣсти, говорящая, что апостоль проповѣдывалъ въ области Новгородской слово Божіе, представляла имъ для таковыхъ притязаній нѣкоторыя основанія. Съ XVI вѣка, если не ранѣе, Русскіе начали считать и выдавать апостола Андрея за перваго дѣйствительнаго насадителя христіанской вѣры на Руси, и когда представлялись нужда или случай, съ гордостію и твердостію указывали на это, какъ на не подлежащій сомнѣнію фактъ. Извѣстный Антоній Поссевинъ, убѣждая царя Ивана Васильевича Грознаго къ соединенію съ папою, ссылался ему на примѣръ Грековъ, которые приняли унию на соборѣ Флорентійскомъ; царь отвѣчалъ: „Мы вѣримъ не въ Грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италиі, и съ тѣхъ поръ доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою“ ¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, посланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Грецію для описанія церковныхъ чиновъ, имѣлъ съ Греками горячіе споры по поводу до-Никоновскихъ несогласій нашихъ съ ними въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрадахъ. Когда Греки указывали Суханову на то, что мы Русскіе приняли вѣру отъ нихъ Грековъ, и слѣдовательно, во всемъ должны быть согласны съ ними, онъ отвѣчалъ: „Всею вы собою хвалитесь, что мы отъ васъ крещеніе пріяли, мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея, когда онъ по вознесеніи Господни приде въ Византию и оттуда поиде Чернымъ моремъ до Днѣпра, и Днѣпромъ вверхъ до Кіева, и отъ Кіева даже до Великаго Новаграда, и ходя тѣмъ путемъ ученіе свое о вѣрѣ Христовѣ распространялъ, а иныхъ крестилъ . . . вѣру вы изначала пріяли отъ апостола Андрея, а мы та-

¹⁾ *Possævini Colloquium primum съ Грознымъ de fide catholica въ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, p. 102.*

кожде члѣ апостола Андрея" ¹⁾). Всѣмъ иностранцамъ, которые, приѣзжая въ Россію или встрѣчая Русскихъ за границею, спрашивали ихъ о вѣрѣ, они отвѣчали не иначе, какъ то же, что говорили Грозный Поссевину и Сухановъ Грекамъ ²⁾).

Доказывать серьезнымъ образомъ, что повѣсть объ апостолѣ Андрѣеѣ есть ничто иное, какъ вымыселъ нашихъ предковъ, можно только въ виду того обстоятельства, что и въ настоящее время у насъ столько же людей легковѣрныхъ и тицеславныхъ, какъ и въ XII—XIII вѣкѣ ³⁾). Всякое сказаніе мы, конечно, должны принимать въ томъ видѣ, какъ оно намъ сообщается. Сказаніе объ апостолѣ Андрѣеѣ говоритъ, что онъ былъ въ Россіи потому, что хотѣлъ чрезъ нее пройти изъ Греціи въ Римъ: ясно, что сказаніе есть совершенно несообразный вымыселъ, ибо оно заставляетъ апостола идти путемъ, который не только въ 50 разъ длиннѣе обыкновеннаго, но который въ его время просто былъ совершенно неизвѣстенъ. Поправляя сказаніе, мы можемъ утверждать, что апостолъ могъ быть въ Россіи нарочно. Но впервыхъ, мы сдѣлаемъ свою поправку совершенно безъ всякаго основанія, просто по своей доброй волѣ, потому что намъ это такъ хочется; вовторыхъ, дѣлая поправку, мы будемъ представлять вѣроятнымъ то, что не казалось таковымъ даже составителямъ сказанія. Еслибы послѣдніе находили вѣроятнымъ послать апостола въ Россію нарочно, то они такъ неуремѣнно и сдѣлали бы; если они этого не дѣлаютъ, то именно потому, что считали это совершенно невѣроятнымъ. Въ вѣкѣ апостоловъ страна наша представляла изъ себя находившуюся за предѣлами извѣстнаго міра невѣдомую и исполненную всевозможныхъ ужасовъ пустыню ⁴⁾). Зачѣмъ

¹⁾ Такъ называемый Малый Проскинитарій или собственно Статейный списокъ, бесѣда въ Терговищи 6-го іюня, — рукопись новаго письма нашей бібліотеки. Арсеній ссылается на не за долго предъ тѣмъ напечатанную въ Москвѣ извѣстную Книгу о правой вѣрѣ (въ этой послѣдней глава 3-я «О уврѣненіи и о крещеніи Русіи», Гродн. изд., л. 30 sqq.).

²⁾ *Герберштейна* Rerum Moscoviticarum Commentarii, у *Старчевскаго* въ *Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI*, vol. I p. 19, *Фабра*, *Moscovitarum Religio* ibid., p. 5, *Гаванини* *Omnium regionum Moscoviae descriptio*, ibid. p. 18, *Одерборна* *Johannis Basilicis Magni Moscoviae Ducis vita* ibid., vol. 2, p. 20., sub fin.

³⁾ Изъ церковныхъ историковъ не вѣрятъ повѣсти пророкии Платонъ и Филаретъ, хотя и высказываютъ свое невѣріе одинъ по осторожности, естественной первому не вѣрующему, а другой — по независимымъ обстоятельствамъ, не совершенно прямо.

⁴⁾ Населенную Антропофагами, покрытую чуть не вѣчными мраками, скованную страшными мраками и проч.

пошелъ бы въ эту невѣдомую пустыню апостоль Андрей? Онъ могъ пойти въ нее, какъ и во всякую другую подобную пустыню, только тогда, когда бы у него не было дѣла въ чертѣ самаго тогдашняго міра, и было свободное время расказывать по пустынямъ. Но это, какъ всякій знаетъ, было вовсе не такъ. Онъ не могъ имѣть никакой надежды утвердить сколько-нибудь прочнымъ образомъ христіанство въ совершенно разобщенной съ остальнымъ міромъ варварской и населенной Богъ знаетъ кѣмъ странѣ: для чего же предпринималъ бы онъ въ нее путешествіе? Не для того же въ самомъ дѣлѣ, чтобы ставить кресты на не обитаемыхъ горахъ или наблюдать такіе обычаи, какъ паренье въ баняхъ ¹⁾. Мы съ величайшимъ трудомъ повѣрили бы сказаніямъ греческимъ, еслибы онѣ намъ говорили, что апостоль былъ въ нашемъ отечествѣ, потому что онѣ говорили бы нѣчто совершенно невѣроятное. Сколько-нибудь достовѣрныя сказанія греческія ничего подобнаго не говорятъ. Древнѣйшія изъ нихъ назначаютъ мѣстомъ проповѣднической дѣятельности апостола Андрея Скиюю, при чемъ разумѣютъ вовсе не Скиюю Европейскую, соотвѣтствовавшую южной половинѣ нынѣшней Россіи, а Скиюю Азіатскую, простиравшуюся отъ юго-восточнаго берега Чернаго моря до моря Каспійскаго и дальше ²⁾; позднѣйшія сказанія, полагая главнымъ мѣстомъ дѣятельности апостола также Азію, переводятъ ее черезъ Закавказье отчасти и въ Европу, но въ

¹⁾ Кто, отказавшись отъ Новгорода, все-таки сталъ бы стоять за Бѣевъ, до котораго будто бы апостолу легко было подняться Днѣпромъ, тому, кромѣ вопроса: зачѣмъ онъ поднялся бы, отвѣтимъ, что на самомъ дѣлѣ въ вѣкѣ апостоловъ сдѣлать это было также легко, какъ въ настоящее время подняться къ верховьямъ Нила. Отъ Геродота до времени апостоловъ знакомство Грековъ съ нашею страной не увеличилось, а этотъ послѣдній говоритъ, что греческіе колонисты сѣверныхъ береговъ Чернаго моря плавали вверхъ по Днѣпру (для торговли съ варварами) только приблизительно до границы губерній Херсонской, Таврической и Екатеринославской, а что было далее, того рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ сказать (кн. 4, гл. 53 и 56, выписки съ русскимъ переводомъ и объясненія въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист.*, т. I, стр. 15, 16 и 54). Пусть припомнитъ читатель, что выше были Днѣпровскіе пороги, которые должны были полагать рѣшительную преграду знакомству съ дальнѣйшею внутреннею Россіей и надолго быть здѣсь для Грековъ Геркулесовыми столпами.

²⁾ Притомъ разумѣя въ этой Скииѣ не самихъ Скиевъ, а греческія въ ней колоніи. Что древнія греческія сказанія разумѣютъ Скиюю Азіатскую, а не Европейскую, это съ несомнительною ясностію видно изъ Дороея Тирскаго, съ вторяющими его, и изъ Софонія Палестинскаго, о которыхъ см. ниже.

этой послѣдней ограничиваютъ исключительно берегами Чернаго моря¹⁾, именно городами Воспоромъ²⁾, Θεοδοσίη и Херсонесомъ. Только два позднѣйшіе писателя, Никита Пафлагонскій и Никифоръ Каллисть, говорятъ о мѣстахъ дѣятельности апостола такъ, что даютъ право распространять ее и на часть нашей нынѣшней Россіи. По первому изъ нихъ апостолъ Андрей получилъ въ удѣлъ всѣ страны и города, принадлежащія къ Понту Евксинскому съ *сѣвера* и юга, а второй пишетъ, что Андрею выпалъ жребій идти въ пустыни скинскія по *обоимъ* берегамъ Евксинскаго понта *сѣверному* и южному. Но свидѣтельства обоихъ этихъ писателей не имѣютъ ровно никакого историческаго авторитета: страны по сѣверному берегу Чернаго моря у Никиты Пафлагонскаго и пустыни скинскія по тому же берегу у Никифора Каллиста, нѣтъ сомнѣнія, явились просто изъ городовъ на европейскомъ берегу этого моря, о которыхъ говорятъ предшествующіе писатели (Никитѣ — Епифаній, Никифору — Епифаній и Метафрастъ).

Нельзя и совершенно невѣроятно допустить, чтобы тѣлесно посѣтилъ нашу страну одинъ изъ апостоловъ, но необходимо принимать, что мысленно благословили ее всѣ они. Полагаемъ, что этого утѣшенія совершенно достаточно.

Русскія сказанія объ апостолѣ Андрѣѣ.

Кіевская редакція повѣсти о путешествіи читается, какъ мы сказали, въ древнѣйшей лѣтописи и затѣмъ повторяется въ лѣтописяхъ новѣйшихъ и въ хронографахъ.

Новгородская редакція—въ Степенной книгѣ (1, 7 и 95—въ житіяхъ Ольги и Владиміра), отчасти въ Книгѣ о вѣрѣ и изъ нея въ Никоновской Кормчей (въ статьѣ «О увѣреніи и о крещеніи Русіи»,—въ первой гл. 3-я Гродненск. изд., л. 31, во второй сначала л. 7 обор.) и въ житіи Михаила Салоса, написанномъ по порученію Новгородскаго архіепископа (послѣ митрополита) Макарія Василіемъ Михайловичемъ Тучковымъ (и можетъ быть, также и въ другихъ житіяхъ, чтò пока остается намъ неизвѣстнымъ). Разказъ житія, какъ не напечатанный, выписываемъ вполнѣ: «И пакы оттуду (изъ Кіева) по Диѣпру горѣ (ап. Андрей) шествуетъ и къ Ловотѣ рѣци оттуду преходитъ (вар. приходитъ) и тою до великаго езера достизаетъ, Илмеръ (Илмень) тако нарицаемаго, и симъ въ великую рѣку Волховъ входитъ и великаго п славнаго Новаграда достизаетъ и во предѣлы великаго сего Новаграда отходитъ внизъ по Волхову, разстояніе отъ Новаграда великаго имени вдалѣ поприць шестьдесятъ, и ту жезль свой погрузи мало въ землю и оттолѣ мѣсто ово прозвася

¹⁾ То-есть, тѣми же греческими колоніями.

²⁾ Древнѣе назывался Пантикапесъ и находился на мѣстѣ нынѣшней Керчи.

Грузино. Егда же по пророчеству святаго апостола Андрея просвѣтятся сія великая Россія, тогда на томъ мѣстѣ, идѣже святии апостолъ жезлъ свой водрузи, храмъ во имя святаго апостола Андрея, поставляется и въ немъ безцѣнное и честное оно сокровище многоцѣлбный святаго жезла полагается, о немъ же многа и неисповѣдима сказуются чудеса, яже и до днесь всѣми видимъ есть, вси же вѣрнии и благоговѣйнии мужіе притичуще въ храмъ святаго самовидци бывають жезлу святаго, и вѣроу и любовію лобызаяще касаются, и написанная на немъ зрять, сице бо написано есть на жезлѣ святаго: «аще кто дѣрзность изнести жезлъ сей изъ храма святаго, анаемѣ предасться». Мнози же достовѣрнии и благоговѣйнии мужіе повѣдаютъ, яко, многожды храму святаго отъ огля огорѣвшу, жезлу же святаго цѣлу пребывающу молитвами святаго, овогда на воздухъ невидимо держиму, ово же и на иномъ мѣстѣ водружающуся. И сія же глаголють о жезлѣ святаго, яко отъ древнихъ единому архіерею славнаго сего и великаго Новаграда хотѣвшу нѣкогда златомъ украситьи жезлъ въ честь святаго апостола, святому же сего не изволѣвшу, и удержася святитель отъ таковаго начинанія. Древо же жезла оного ни кимъ же знаемо бѣ, ниже въ сѣхъ странахъ обрѣтаемо, паки же ни мало растлѣваемо, но не вредимо и до днесь пребываетъ» ¹⁾.

О стопахъ апостола Андрея, отпечатлѣвшихся на камени великомъ на берегу у моря близъ Херсона, см. въ Степен. книгѣ, I, 96. О пребываніи апостола цѣкоторое время на каменномъ мѣстѣ одного изъ пороговъ Дніпровскихъ (Ненасытцакаго) у *Лерберга* въ Изслѣдованіяхъ, служащихъ къ объясненію древней русской исторіи, русск. перев. *Языкова*, С.-Пб., 1819, стр. 272 гп. Преданіе Валаамскихъ монаховъ, будто апостолъ Андрей былъ на ихъ островѣ, и будто св. Сергій и Германъ, основатели монастыря, его ученики, у преев. *Макарія*, Ист., т. I, изд. 2-е, стр. 202. *И. А. Арандаренко*, написавшій Записки о Полтавской губерніи, утверждаетъ, что апостолъ Андрей былъ не въ Новгородѣ Славянскомъ или Великомъ, а Новгородѣ Сѣверскомъ (Черниговской губ.), и ссылаясь на лѣтописи Кенигсбергскую и Воскресенскую, повѣствуетъ въ такомъ любопытномъ видѣ: «Апостолъ рѣкою Десною былъ тогда и въ Новгородѣ Сѣверскомъ, благовѣстилъ Евангеліе и почудился употребленію тамошнимъ народомъ бань своихъ, въ которыхъ, по словамъ его, разжигался каждый человѣкъ на подобіе раскаленнаго камня, сѣкъ себя хворостомъ до изнеможенія, а потомъ, повергаясь съ журчаніемъ въ рѣчную воду, выходилъ оттуда живъ и бодръ, какъ бы никогда не разжиганъ и не битъ» (Записокъ ч. III, Полтава, 1852, стр. 416).

Греческія (и отчасти *латинскія*) сказанія объ апостолѣ Андрѣ: раздѣляются на краткія извѣстія и пространныя житія. Краткіяхъ извѣстій довольно много. Оригенъ († 254), буквально повторяемый Евсевіемъ Кесарійскимъ († 340), и западный писатель Евхерій Ліонскій († 449) говорятъ, что апостолу Андрѣю досталась въ удѣлъ Скноія ²⁾. Исидоръ Испалійскій († 636), что ему

¹⁾ Волокол. рукоп. библиот. Моск. дух. акад. № 632, л. 101 об. и № 659, л. 312 гп. Весьма вѣроятно, что жезлъ нѣкъмъ не знаемаго древа принесенъ былъ съ Востока какимъ-нибудь іерусалимскимъ поклонникомъ.

²⁾ Оригенъ въ отрывкахъ е *tomо III Commentarior. in Senesin у Миня*, Patr.

достались въ удѣлѣ Скиѳіа и Ахаіа ¹⁾. Неизвѣстный писатель, приводимый подъ именемъ Ипполита Портуенскаго, называемаго у многихъ папою Римскимъ, буквально повторяемый Мартирологіемъ Римскимъ, говоритъ, что ему достались Скиѳіа, Θρακία ²⁾ и Ахаіа, въ которой въ городѣ Патрахъ и погребень ³⁾. Дорошеей Тирскій († 322), дословно повторяемый Епифаніемъ Кипрскимъ († 403) и почти дословно Менологіемъ нипер. Василіа Болгаробойцы (конца X—начала XI в.), говоритъ, что Андрей прошелъ все приморіе Виеніи, Понта, Θρακία и Скиѳовъ, что потомъ ходилъ въ Закавказье—въ великій Севастополь ⁴⁾, и что наконецъ расіялъ въ Ахайѣ въ Патрахъ ⁵⁾. Софроній Палестинскій, другъ и сотрудникъ Иеронима († 390), повторяемый будто бы Икуменіемъ Триккскимъ второй половины X в. ⁶⁾, говоритъ, что Андрей проповѣдывалъ Скиѳамъ, Согдіанамъ и Саккамъ ⁷⁾, а затѣмъ о Закавказьи и Ахайѣ совершенно согласно съ Дорошеемъ ⁸⁾. По Накитѣ Пафлагонскому

t. 12, p. 92; Евсевій, Hist. Eccles, lib 3, cap. I; Евхерій, Instructionum ad Salonium libri duo, у *Миля*, Patr., t. 50 p. 809.

¹⁾ De ortu et obitu Patrum, qui in scriptura laudibus efferuntur, cap. LXX, у *Миля*, Part. t. 83, p. 151 нач.

²⁾ Θρακία Азіатская на западъ отъ Скиѳіаи.

³⁾ Ипполитъ Пері τῶν βῆβεα ἀποστόλων, у *Миля* въ Patr., t. 10, p. 952; Мартирологіи подъ 30-е ноября. Что сейчасъ указниное сочиненіе (весьма небольшое), не признаваемое подлиннымъ сочиненіемъ Ипполита Портуенскаго, во всякомъ случаѣ принадлежитъ не Ипполиту Оливскому, жившему въ концѣ XI или началѣ XII вѣка, а писателю значительно болѣе ранняго времени, это доказывается тѣмъ, что мѣста изъ него (съ именемъ Ипполита Римскаго) приводитъ Георгій Амартолъ, по изд. *Муральта*, стр. 336. На славянскомъ статьи о 12 апостолахъ въ Святославопомъ Изборникѣ (Опис. синод. рукоп. *Горскаю и Невоструева*, отд. II, ч. 2, стр. 390).

⁴⁾ Находившіеся или при устьѣ или немного сѣвернѣе устья р. Ріона, древняго Фазиса, по которой и самъ назывался также Фазисомъ (на мѣстѣ нынѣшней Поти или около Редуть-Кале).

⁵⁾ Дорошеей Т., въ прибавленіи къ Σύγγραμμα Ἐκκλησιαστικῶν περὶ τῶν ὁμολητῶν Κορίου, напечатанной въ приложеніяхъ къ Chronicon Paschale, Парижск. изд., стр. 434 стр., объ Епифаніевой Σύσταμα περὶ τῶν ἀγίων ἀποστόλων, во всемъ сходной съ Синграммой Дорошеей, *ibid.*, стр. 437, Менологіи Василіа подъ 30-е ноября. Сейчасъ названныя статьи Дорошеей и Епифанія были переведены на славянскій языкъ довольно въ древнее время, см. напр., у *Востокова* въ Опис. Рум. муз., стр. 12.

⁶⁾ О Софроніи см. *Фабриц.* Biblioth. Graec. ed. *Harles*, t. IX, p. 158, и *Kave*, Scriptor. Ecclesiasticor. Histor. Literat., I, 236. Икуменій, епископъ Триккскій, когда жилъ, пока остается достоверно неизвѣстнымъ, но послѣ 920 г., и Каве съ Удиноиъ относятъ его къ самому концу X вѣка, см. выписку изъ послѣдняго предъ твореніями Икуменія въ Патр. *Миля*, t. 118, p. 9.

⁷⁾ Согдіане и Сакки или Саки—племена Азіатскихъ Скиѳовъ въ теперешнемъ Туркестанѣ.

⁸⁾ Софроній De vitis Apostolorum въ прибавленіи къ Иеронимовой Liber de

(конца IX вѣка) апостола Андрей получилъ въ удѣлъ сѣверь—Иверонъ, Савроматовъ, Тавровъ и всѣ страны и города, прилежащія къ понту Евксиаскому съ сѣвера и юга ¹⁾). Никифоръ Каллиста начала XIV вѣка пишетъ: «апостолу Андрею досталось по жребію идти къ язычникамъ, именно въ Кападокію, Галатію и Внонію, обошедъ которыя, онъ ходилъ также въ страну, которая называется страной антропофаговъ, и въ пустыни скиескія по обоимъ берегамъ Евксиаскаго понта—сѣверному и южному» ²⁾).

Пространныхъ житій апостола Андрея извѣстно три—Епифанія монаха и пресвитера, жившаго не поздѣе VIII или первой половины IX вѣка ³⁾, Симеона Метафраста конца IX—начала X вѣка ⁴⁾ и помянутого сейчасъ выше Никифора Каллиста; изъ нихъ послѣднее остается не напечатаннымъ и извѣстно только по указаніямъ ⁵⁾. Епифаній и Метафрастъ полагають три путешествія апостола Андрея, изъ которыхъ два первыя были посвящены Малой Азии и южному берегу Чернаго моря, а послѣднее обнимало Закавказье, сѣверный берегъ Чернаго моря, Византию съ Иракліей, и наконецъ, Пелопо-

viris illustribus, у *Миля*, Part., t. 23, p. 720. Ссылку на Икумения мы встрѣтили, не помнимъ теперь, у кого-то; но въ самыхъ сочиненіяхъ его, обнимающихъ толкованіе на весь Апостолъ и находящихся въ 118 и 119 томахъ Патрологіи *Миля*, желаемаго мѣста мы не нашли.

¹⁾ Oratio in Caudem S. Ap. Andreae, у *Миля*, Part., t. 105, p. 64. Источникомъ Никиты Палагонскаго долженъ быть считаемъ монахъ Епифаній, о которомъ сейчасъ ниже.

²⁾ Hist. Eccles., lib. 2, cap. 39. Источникомъ Каллиста были Епифаній, Метафрастъ, и вѣроятно, еще апокрифическое сказаніе о путешествіи апостола Андрея въ городъ антропофаговъ (которое см. у *Тисендорфа* въ Acta Apostolorum apocrypha, Lipsiae, 1851). Кому бы припала охота розыскивать городъ Антропофаговъ, тотъ долженъ сравнивать Епифанія; кто имѣетъ наклонность видѣть въ городъ Антропофаговъ страну — нашу Россію, тотъ пусть потрудится прочитать сказаніе, которое есть самая нелѣпная фабрика, и въ которомъ нисколько не пахнетъ нашею Россіей. По нѣкоторымъ указаніямъ слѣдуетъ думать, что оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ, *Помова*, Обзоръ хроногр., II, 446.

³⁾ У *Миля*, Part., t. 120, p. 216. Нач. Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἀνεγράψαντο βίους καὶ πράξεις θεοφιλῶν ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν πρὸς ζῆλον καὶ μίμησιν. На томъ основаніи, что нашъ авторъ ссылается на Ипполита, *Гарлесъ* (у *Фабр.*, VIII, 269 прим.) относить его къ X или XI вѣку; но это несправедливо. Онъ жилъ, какъ самъ дѣлеть знать, во времена иконоборцевъ послѣ Константина Копронима († 775), а что касается до Ипполита, то см. выше примѣчаніе о семъ послѣднемъ. Что онъ писалъ ранѣе Метафраста, это видно изъ того, что въ началѣ житія апостола Андрея, онъ говоритъ: τῶν δὲ μακαρίων ἀποστόλων οὐδεὶς βίους ἀνεγράφει αἰσίως.

⁴⁾ Въ греческой богослужебной мѣсячной Миней, подъ 30-е ноября, въ изд. Венеціанск. 1794 г., которое было у насъ подъ руками, стр. 246, ср. *Lambec.*, VIII, 605.

⁵⁾ *Фабрич.* Biblioth. Graec., ed. *Harles*, VII, 443, и его же Cod. Aproc. N. T., ed. 2, p. 502, not.

нестъ, гдѣ въ Патрахъ апостолъ и потерпѣлъ мученическую смерть. На сѣверномъ или русскомъ берегу Чернаго моря онъ былъ—по Елифанію: пришедши отъ верхнихъ Сугдеевъ ¹⁾, въ Воспорѣ, Θεοδωσίи или Θεοδοσίи, Херсонесѣ, опять въ Воспорѣ, изъ котораго на одномъ херсонскомъ кораблѣ переправился въ Синопѣ, чтобъ идти въ Византію; по Метафрасту: пришедши отъ Зикховъ ²⁾, въ Воспорѣ и Херсонесѣ, изъ котораго также и для того же отправился въ Синопѣ.

О словахъ: «якоже рѣша». Въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, о путешествіи черезъ Русь апостола Андрея есть ссылка на кого-то или на что-то, выраженная словами: «якоже рѣша». Въ первомъ изданіи Лаврентьевскаго списка лѣтописи, сдѣланнаго Археографическою комиссіей, это «якоже рѣша» поставлено такъ, что какъ будто оно относится къ слѣдующему затѣмъ описанію пути и путешествія апостола (Якоже рѣша, Оудрею учащю въ Синопіи и пришедшю въ Корсунь...) ³⁾, на основаніи чего пресвященныи Филаретъ и Макарій видятъ въ этихъ словахъ ссылку лѣтописца (разумѣй: автора повѣсти) на народное преданіе, которое сообщило ему свѣдѣнія о посѣщеніи нашей страны апостоломъ. На самомъ дѣлѣ, какъ это и поправлено во второмъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи (а также во второмъ изданіи лѣтописи Ипатьевской) помянутыя слова относятся не къ послѣдующему, а къ предыдущему, именно къ тому, что Андрей, братъ Петровъ, училъ по Черному морю и должны быть понимаемы такъ: «Черное море называется Русскимъ; по этому морю училъ Андрей, братъ Петровъ, «якоже рѣша», то-есть, какъ о томъ сказали или говорятъ нѣкоторые. Въ этихъ словахъ авторъ повѣсти несомнѣнно ссылается или на Елифанія и Метафраста вмѣстѣ, или на котораго-нибудь одного изъ нихъ двоихъ, ибо именно они говорятъ о проповѣди апостола Андрея по Черному морю ⁴⁾.

¹⁾ Сосѣднихъ съ Зикхами, отъ которыхъ пришелъ къ нимъ, и о которыхъ сейчасъ ниже.

²⁾ Зикхій или Зихія и Зигъ (Ζυγός) — область въ сѣверо-западной части Кавказа.

³⁾ П. Собр. Лѣтоп., I. Неудачное чтеніе, вѣроятно, принадлежитъ покойному Строеву, ибо такъ стоитъ въ изданномъ имъ Соловьевскомъ Временникѣ; въ прежнихъ изданіяхъ лѣтописей (Никоновск., Кенигсб.) читается, какъ послѣ поправлено.

⁴⁾ Славянскій переводъ житія Епифаніева находится въ ноябрьской минее Москвитин. дух. акад., бывшей Волоколамской, конца XV—начала XVI вѣка, № 592, л. 549 об., также въ Макаревскихъ и Милютинскихъ минеяхъ подъ 30-е ноября. Въ переводѣ житіе надписывается: «мѣсяца того же (ноября) въ 30-й день дѣяніе святыю апостолу Андрея и Матеѣя, дѣяніе и кончина святого Андрея», начин. «Святому Епифану архіепископу Кипрскому, глаголющу о блаженнѣмъ апостолѣ Андрѣ». Начало перевода не соответствуетъ началу подлинника потому, что первый начинается не съ начала послѣдняго, а пропускаетъ отъ начала полторы четвертки (у Миня, р. 221). Въ славянскомъ переводѣ послѣ рѣчей о пребываніи апостола въ Воспорѣ (который называется Оспорѣ Корчевъ градъ), Θεοδοσίи и Херсонесѣ и по возвращеніи изъ перваго въ Синопѣ, читается не совсѣмъ понятное и подающее нѣкоторымъ поводъ къ разнымъ предположе-

Говорятъ, будто у *Поляковъ* есть преданіе о проповѣди апостола Андрея въ Польшѣ, которое, подобно нашему преданію, дѣлне вѣка сохраняясь, по всей вѣроятности, въ устахъ народа, заключено наконецъ въ письмена, и будто это польское преданіе подкрѣпляетъ наше, подкрѣпляясь имъ взаимно,—въ высшей степени странно. Ни одинъ изъ польскихъ историковъ не сочинилъ на основаніи нашей дѣтописи этого преданія, хотя всѣ они, какъ извѣстно, сочинять были великіе мастера. Только въ половинѣ XVII вѣка Станиславъ Лубинскій, епископъ Плоцкій, въ жизнеописаніи своихъ предшественниковъ (*Vitae et series episcoporum Plocensium*. Cracov. 1642), дѣлаетъ апостола Андрея апостоломъ Польши, и то какъ-то весьма сдержанно и осторожно, а во всякомъ случаѣ вовсе не ссылаясь ни на какое преданіе. Вотъ слова Лубинскаго, приводимыя Паріемъ (въ примѣчаніяхъ къ Баронію 965 г. п. VI): *S. Andreas Apostolus Scythiam Europeanam, cujus appellatione universus septentrio continetur, primus, ex Achaia Istro transmissus, ingressus, revelatae a Christo veritatis lumen in Poloniam intulit*. Апостолъ Андрей, говорятъ Лубинскій,—былъ въ Скиѣи Европейской; но въ составъ Скиѣи входила и Польша, слѣдовательно—заключаетъ онъ,—апостолъ былъ и въ Польшѣ: вотъ все его преданіе ⁴⁾.

II.

Аскольдъ и Дирь.

Послѣ апостола Андрея въ исторіи нашей церкви говорятъ о христіанствѣ въ Европейской Великой Скиѣи, которая обнимала нѣкоторую часть нашей нынѣшней Россіи, и имя которой было распространяемо и на всю ее. Но относя празднаыя рѣчи о томъ, что было или даже только могло быть на нашей теперешней территоріи, и что не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ намъ самимъ, на конецъ главы, въ дополненія, мы прямо обращаемся къ нашему собственному христіанству, то-есть, къ христіанству Руси, какъ начавшагося со второй половины IX вѣка государства.

віанъ: «и обрѣвъ корабль Херсонскъ (въ Воспорѣ), преиде въ Омионъ и алаватаръ Андреевъ Херсоняне сотвориша, Синопляны творяще челоуководъца». (Акад. мн. л. 566 об., выше о Синоплянахъ говорится, что одинъ Жидъ отгусилъ у нихъ апостолу палець). Въ греческ. подл. вмѣсто сего: *Kai eúrōn ploíon Xeraxionón (sic) épérasev eis Sinóplon, kai poiήsas óligas h́ḿeras kai épisthrіfας autóς katésthrasev autóς épіtaxolon tón Plólogon* (*Мина*, p. 243. sub. fin.).

⁴⁾ Какъ другой Полякъ, современный Лубинскому (Симонъ Старовольскій, каноникъ Краковскій † 1856) имѣетъ и болѣе замысловатымъ образомъ насаждаеть въ Польшѣ христіанство во времена апостольскія, см. у *Маттеоскаго* въ Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ, русск. пер., стр. 223 примѣч. 234 (est in comperto, religionem christianam per Ponti habitatores, qui Hierosolymis suum idioma ex ore Petri concionantis, sacra pentecostes sollennitate, audierunt, nostris regionibus illatam fuisse).

Исторія этого послѣдняго начинается вопросомъ о крещеніи Кіевскихъ князей Аскольда и Дира ¹⁾.

У великаго князя Рюрика, пришедшаго въ 862 г. княжить въ Новгородъ, были два мужа „не племени его, но боярина“ ²⁾, именно Аскольдъ и Диръ. Не желая оставаться въ Новгородѣ, они испросились у Рюрика пойти съ родомъ своимъ въ Константинополь; но когда плыли внизъ по Днѣпру, то остановились въ Кіевѣ, овладѣли имъ и остались въ немъ княжить Полянскою землю, совокупивъ около себя многихъ Варяговъ ³⁾.

Это сообщаетъ лѣтописецъ объ Аскольдѣ и Дирѣ самъ отъ себя. Затѣмъ у него слѣдуетъ заимствованіе изъ одного лѣтописца греческаго. Лѣтописцы греческіе говорятъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III, послѣдніе годы правленія котораго ⁴⁾ совпадаютъ со временемъ княженія въ Кіевѣ Аскольда и Дира, „какихъ-то Руссовъ, князей которыхъ они не называютъ по именамъ, и о мѣстѣ жительства которыхъ они не говорятъ точнымъ образомъ. Одного изъ этихъ лѣтописцевъ греческихъ, именно продолжателя Георгія Амартола, нашъ кіевскій лѣтописецъ имѣлъ у себя подъ руками въ славянскомъ переводѣ. Считаая иброятнымъ относить его разказъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, къ Кіевскимъ Руссамъ Асколду и Диру и дѣйствительно относя его къ нимъ, лѣтописецъ буквально и приводитъ его у себя, сдѣлавъ только то дополненіе, что прибавилъ имена Аскольда и Дира и положилъ событіе подъ 866 г., который по нему есть 14-й годъ императора Михаила ⁵⁾.

¹⁾ Впереді вопроса объ Аскольдѣ и Дирѣ стоитъ еще легенда о нападеніи на Сурожъ и о крещеніи въ немъ Новгородцевъ. Но легенда такъ мало имѣетъ въ себѣ историческаго, что мы относимъ рѣчь о ней также на конецъ статьи, въ дополненія.

²⁾ По другому чтенію: «не племени его ни боярина».

³⁾ П. Собр. Лѣт., I, 9.

⁴⁾ Убитъ въ 867 г.

⁵⁾ Продолжатель Амартола во древнему славянскому (болгарскому) переводу: «царь же (Михаилъ) на Агаряны изиде воевать... дошедши же ему Черныя рѣки глаголемы, вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинъ градъ идуть; тѣмже царь прочь иде, Русь же

Нашъ лѣтописецъ: «Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на Греки и придоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедши на Огаряны и дошедши ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь

Далѣ нашъ лѣтописецъ ничего не говоритъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, за исключеніемъ ихъ смерти, послѣдовавшей отъ руки Олега. Но многіе изъ лѣтописцевъ греческихъ, повѣствующихъ о нападеніи на Константинополь неизвѣстныхъ Руссовъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ принимаетъ за Аскольда и Дира, говорятъ еще о принятіи этими Руссами христіанства ¹⁾. Именно они сообщаютъ, что Руссы, сдѣлавъ неудачное нападеніе на столицу имперіи, возвратились во свояси,—что

внутри (пропускъ) иде, вшедше много убійствъ крестьяноу сътвориша и во двомъ ступодей Костянтинъ градъ оступиша. Царь же, дошедъ, въ градъ явиде и съ патріархоу Фотиѣмъ сущиу въ церкви святыя Богородица во Влахѣрнахъ всенощную молбу сотвориша... таже божественную ризу святыя Богородица съ пѣсьями износяще въ море skutъ **) (sic) омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ вѣста и волнамъ великимъ воздвигшимся засобъ ***) безбожннхъ Руси людья возмiate, и къ берегу приержени и избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, во свояси съ побѣженіемъ возвратишася (Синод. ркп. № 732, л. 330).

Суку *) вшедше много убійство... и такъ далѣ, какъ у продолжателя, безъ всякихъ прибавленій.

*) О Судѣ, подъ которымъ (собственно подъ которою) должно разумѣть у лѣтописца въ настоящемъ случаѣ Босфорскій проливъ, см. ниже. Въ подлинникѣ: οἱ δὲ Φῶς φθάσαντες εὐδον τοῦ ἱεροῦ ὑερίσθαι: Герономъ, или точнѣе, Иеронами у Грековъ назывались получившіе свое имя отъ древняго языческаго святилища (ἱερόν) двѣ крѣпости, которыя находились на Босфорѣ, приблизительно на трети его протяженія отъ Чернаго моря, и которыя, стоя одна противъ другой на европейскомъ и на азіатскомъ берегу, заграждали проходъ по проливу къ Константинополю (въ настоящее время Караташъ и Горозъ-Балеск, недалеко отъ Румели- и Анадоль-Кавакъ; см. *Византия*, 'H Κωνσταντινούπολις, II, стр. 174 и 197, и старая карта, приложенная къ сему тому; ср. Амартола по изд. *Муралта*, стр. 652 и 841). У болгарскаго переводчика пропускъ, вѣроятно, потому, что онъ недоумѣвалъ, что значить тутъ τὸ ἱερόν и затруднился его перевести; смѣлый сербскій переводчикъ перевелъ: «Руси же приспѣвше внутрь быти церкви» (Синод. ркп. № 148, л. 386 об.).

**) Въ подл. τῆ θαλάσσης ἀκρως προσέβασαν.

***) Въ подл. χυράτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγένοντο.

¹⁾ Продолжатель Амартола говоритъ только о нападеніи, что приведено нами сейчасъ выше, но не говоритъ о крещеніи.

императоръ послѣ этого вступилъ съ ними въ переговоры, и что посредствомъ щедрыхъ подарковъ онъ превлонилъ ихъ къ миру и убѣдилъ креститься и принять епископа.

Итакъ, дѣло объ Аскольдѣ и Дирѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Лѣтописцы греческіе говорятъ о неудачномъ нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ о крещеніи какихъ-то неизвѣстныхъ Руссовъ, князей которыхъ, какъ мы сказали, они не называютъ по именамъ, и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ точнымъ образомъ. Нашъ русскій лѣтописецъ относитъ разказъ о нападеніи къ Киевскимъ князьямъ Аскольду и Диру, изъ чего должно слѣдовать, что и христіанство было принято этими же князьями. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ: справедливо ли нашъ лѣтописецъ относитъ сказанія Византійцевъ о неизвѣстныхъ Руссахъ къ Аскольду и Диру, и дѣйствительно ли первыхъ можно принимать за послѣднихъ?

Мы полагаемъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный.

Еслибы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе христіанство и даже позволившіе водворить у себя епископа, были Киевскіе Русскіе, то какое-нибудь преданіе о ихъ христіанствѣ необходимо должно было бы сохраниться въ Киевѣ. А между тѣмъ мы видимъ, что такового преданія тамъ вовсе не было. Лѣтописецъ знаетъ объ Аскольдѣ и Дирѣ изъ мѣстныхъ преданій только то, что они пришли въ Киевъ изъ Новгорода, и болѣе ничего. Нашедъ въ греческомъ лѣтописцѣ, бывшемъ у него подъ руками, разказъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь, онъ относитъ его къ Аскольду и Диру, потому что за неимѣніемъ другихъ, извѣстныхъ ему Руссовъ, это представляется ему совершенно вѣроятнымъ, но онъ не имѣлъ подъ руками тѣхъ греческихъ лѣтописцевъ, которые говорятъ о крещеніи Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь, а потому онъ ничего и не говоритъ о крещеніи Аскольда и Дира. Это совершенное отсутствіе въ Киевѣ преданія о такихъ важныхъ событіяхъ какъ крещеніе князей и полученіе своего епископа, по нашему мнѣнію, весьма рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ того, чтобы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ припавшіе крещенію, были Аскольдъ и Диръ съ своею дружиной. Въ томъ обстоятельстве, что на Аскольдовой могилѣ во времена лѣтописца (какъ это онъ сообщаетъ) нѣкій Ольма поставилъ церковь ¹⁾, видѣтъ указаніе

¹⁾ П. Собр. Лѣт., I, 10.

на то, что въ вѣѣхъ лѣтописца и этого Олъмы Аскольдъ слылъ за христіанина, нѣтъ никакого основанія. Еслибъ это было такъ, то лѣтописецъ и не преминулъ бы прямо сказать это; если же, не смотря на представлявшійся случай, онъ этого не говоритъ, то ясно, что никакихъ преданій о христіанствѣ Аскольда не знаетъ. Что же касается до Олъмы, то онъ поставилъ домовую церковь на могилѣ Аскольда просто по той причинѣ, что послѣдняя приходилась на его дворѣ, о чемъ прямо говоритъ лѣтописецъ, и что, представляя изъ себя холмъ или возвышенную площадку, каковы были могилы древнихъ князей, она оказывалась удобнымъ мѣстомъ для поставленія церкви.

Современный сказатель о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, патріархъ Фотій, говоритъ о мѣстѣ ихъ жительства, что они были народъ дальностъверный (гиперборейскій) и гдѣ-то далеко отъ Грековъ жившій, что они устремились съ сѣвера, съ конца земли, что ихъ отдѣляли отъ Греціи „многія страны и народы, судходныя рѣки и бурныя пучины“ ¹⁾. Этотъ признакъ совершенно идетъ къ нашимъ Кіевскимъ Руссамъ, но онъ весьма не надеженъ, ибо для Грековъ чуть не все бывшее за предѣлами ихъ государства было гиперборейскимъ. А между тѣмъ у Фотія есть другой признакъ совершенно опредѣленный и не подлежащій никакимъ перетолкованіямъ, который рѣшительно не можетъ быть къ нимъ приложенъ. Онъ говоритъ, что Руссы напали на Константинополь въ отищеніе за то, что Греки „коротко расправились“ съ ними изъ-за чего-то малаго и ничтожнаго, что они поработили, а потомъ умертвили ихъ соплеменниковъ ²⁾. Изъ этихъ словъ совершенно ясно видно, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, имѣли съ Греками сношенія уже прежде, и притомъ болѣе или менѣе издавна, ибо не могли же возникнуть поводы къ недоумѣніямъ и ссорамъ тотчасъ же, какъ сношенія начались. Но очевидно, Аскольдъ и Диръ, явившіеся въ Кіевѣ въ 862 г., никакъ не могли поспѣть къ 866 г. не только завязать сношеній съ Греками, но и поссориться съ ними ³⁾.

¹⁾ У преосвященнаго *Порфирія* стр. 1, 3, 7 и 19 (обстоятельная цитата ниже).

²⁾ У него же стр. 2, 3 и 17. Эти поработанные и потомъ умерщвленные въ Константинополѣ Русскіе называются *ἀλοεῖς*, что собственно значить мотыльщикъ, а вообще земледѣлецъ, рабочій по земледѣльческимъ работамъ. Вероятно, тутъ разумѣются Русскіе, приходившіе въ Константинополь наниматься на помянутого рода работы.

³⁾ Фотій говоритъ еще: «многіе и знатные (изъ нашихъ) были челоуѣволю-
часть сѣхххѳи, отд. 2.

Аскольдъ и Диръ пришли изъ Новгорода въ Кіевъ въ 862 г., а въ 866 г., то-есть, черезъ четыре года, они нападаютъ, по лѣтописцу, на Константинополь. Возможно ли допустить, чтобы въ четыре года они успѣли на столько совокупить около себя Варяговъ и вообще стать на столько сильными, чтобы замыслить это нисколько не шуточное нападеніе? Ясно, что дѣло—крайне сомнительно, но главное вовсе и не въ этомъ. Нашъ лѣтописецъ относитъ нападеніе Аскольда и Дира на Константинополь къ 866 году. Мы не знаемъ, какими онъ руководился при этомъ основаніями ¹⁾; но какъ бы то ни было, только Византійцы и одинъ западный лѣтописецъ относятъ нападеніе неизвѣстныхъ Руссовъ на Константинополь къ гораздо болѣе раннему времени, и не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что этимъ послѣднимъ должно быть отдано рѣшительное предпочтеніе. Непосредственный современникъ событія, Никита Пафлагонскій, въ написанномъ имъ житіи патріарха Игнатія говоритъ о нашествіи Руссовъ прежде событій 861 года, именно прежде Константинопольскаго собора на Игнатія (такъ называемаго первовторого или двукратнаго) и прежде бывшаго въ Константинополѣ въ семь году (въ августѣ мѣсяцѣ) великаго землетрясенія. А такъ какъ сейчасъ памянутый соборъ былъ въ началѣ мая 861 г., и онъ, по словамъ Никиты, имѣлъ мѣсто „не много спустя“ времени послѣ нашествія Руссовъ ²⁾, то послѣднее должно относить или къ самому началу 861

биво освобождены, а мы нечеловѣколюбиво поработили немногихъ поденщи-ковъ» (ἀλοῖς,—то-есть, Русскихъ, *ibid.*, стр. 3). Не совсѣмъ определенны его слова, но какъ кажется, освобожденіе должно разумѣть изъ плѣна у Русскихъ; а если это такъ, то нужно предполагать еще другую войну у Русскихъ съ Греками, бывшую прежде. Есть у Фотія и другіе признаки, но они, какъ это нерѣдко бываетъ у ораторовъ, и особенно греческихъ, взаимно себя уничтожаютъ. Въ окружномъ посланіи онъ называетъ Руссовъ людьми, отъ многихъ многократно прославленными, и говоритъ, что они осмѣлились поднять руку на имперію только послѣ того, какъ «поработили народы, окружавшіе ихъ, и отсюда надмались гордостію» (этотъ признакъ къ нашимъ Русскимъ не идетъ). Но въ бесѣдахъ онъ говоритъ, что они были народъ не именитый и незначительный, который до нападенія на Константинополь ничѣмъ не ознаменовалъ себя и не далъ себя звать (у преосв. *Порфирія*, стр. 16 и 18).

¹⁾ Основаній всего естественнѣе было бы искать у продолжателя Амартолова; но у этого послѣдняго событія описываются по царствованіямъ, безъ обозначенія годовъ.

²⁾ *Vita Ignatii*, cap. IV, §§ 23 и 24, въ *Acta ss. Болландистовъ*, октября, т. х., р. 182 sqq. *Nec multum temporis fluxit* (послѣ нашествія Руссовъ) *et rursus conciliabula...* Житіе написано Никитой между 879 и 886 гг., см. *ibid.*, р. 158, п. 5.

года, или къ концу предшествующаго 860. Семеонъ Логоетъ говоритъ, что нашествіе Руссовъ было въ десятый годъ правленія императора Михаила ¹⁾. Полагаютъ, что это есть тотъ самый годъ, который у нашего лѣтописца, то-есть, 866; однако, это неправда. Императоръ Михаилъ, вступившій на престолъ въ началѣ 842 года, царствовалъ сначала вмѣстѣ съ матерью своею Теодорой, а потомъ отдѣльно. Годы того и другаго правленія считаются особо. По Логоету, Михаилъ царствовалъ съ матерію тринадцать лѣтъ ²⁾; слѣдовательно, первый годъ его отдѣльнаго правленія, въ которое случилось нашествіе Руссовъ, былъ 856, а, слѣдовательно, и десятый годъ его того же самаго правленія долженъ быть 866. Но мы не знаемъ и не умѣемъ въ настоящее время объяснить, по какой причинѣ только Логоетъ, говоря объ отдѣльномъ правленіи Михаила, считаетъ его годы не съ 856, а съ 850, что у него совершенно ясно изъ года седьмаго, ибо къ сему году онъ относитъ низложеніе патріарха Игнатія ³⁾, а оно было въ 857 году. Такимъ образомъ, десятый годъ правленія Михаила въ дѣйствительности есть у Логоета 860 годъ. Западный лѣтописецъ Іоаннъ, діаконъ Венеціанскій ⁴⁾, въ своемъ *Chronicon Venetum*, говоритъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III народа Норманновъ, подъ которыми необходимо разумѣть нашихъ Руссовъ, ибо, съ одной стороны, это ясно видно изъ самаго описанія, а съ другой стороны—никакіе другіе Норманны при императорѣ Михаилѣ на Константинополь не нападали. Но онъ говоритъ объ этомъ событіи между 860 и 863 годами ⁵⁾. Итаетъ, въ дѣйствительности нападеніе Руссовъ на Константинополь имѣло мѣсто не въ 866 г., а или въ 860 или самомъ началѣ 861 г. (Никита Пафлагонскій). Но если это такъ, то Аскольдъ и Диръ не только не

¹⁾ Ed. Paris, p. 445, п. XXXVIII.

²⁾ Ed. id., p. 435, п. XIII.

³⁾ Ed. id., p. 441 п. XXVIII. Замѣчательно, что и у нашего лѣтописца счетъ годовъ отдѣльнаго правленія императора Михаила недѣйствительный (съ 856 г.), а особенный, близкій къ Логоету: 866 г. у него есть не 10-й, а 14-й годъ правленія Михаила.

⁴⁾ Писавшій между 980—1008 годами.

⁵⁾ *Migne, Patrol.*, t. 139, p. 905; *Pertz* въ *Monumenta Germaniae*, IX, 18. Вотъ слова діакона Іоанна въ подлинномъ и цѣломъ видѣ: «Въ то время (указанное нами) полчища Норманновъ съ 360 кораблями дерзнули напасть на Константинополь; но поелику никоимъ образомъ не могли нанести вреда неоодолимому (городу), то предавшись сильному грабительству подгородій и нещадно избивъ весьма многихъ, съ триумфомъ (добычей) возвратились во свояси».

могли нападать на Константинополь, но еще не приходили и въ самую Россію.

По всему вышесказанному представляется весьма и крайне труднымъ допустить, чтобы неизвѣстные Руссы, осаждавшіе Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшіе христіанство, были наши Кіевскіе Руссы, предводимые Аскольдомъ и Диромъ.

Но отстранивъ нашихъ Кіевскихъ Руссовъ, имъ должны найдти другихъ Руссовъ, ибо фактъ, что какіе-то Руссы осаждали Константинополь, остается несомнѣннымъ: гдѣ же мы ихъ возьмемъ?

Кедринъ и Зонара говорятъ, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, жили около Тавра ¹⁾; Никита Пафлагонскій также даетъ знать, что они жили тамъ же ²⁾ и, мы почти съ полною увѣренностію думаемъ, что подъ этими Руссами должны быть разумѣмы Руссы Азовско-Таврическіе или Азовско-Крымскіе, не имѣвшіе никакого отношенія къ нашимъ Кіевскимъ. О Руссахъ Азовско-Таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свѣдѣній. Но что они существовали, поселившись въ Тавриду и надъ нею при устьи Дона неизвѣстно когда, до основанія нашего государства, и потомъ исчезнувъ отчасти, вѣроятно, посредствомъ перехода къ намъ въ Кіевъ и къ Грекамъ въ Константинополь, отчасти посредствомъ слитія съ туземцами,—это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и неоспоримое доказательство этого представляютъ свидѣтельствующія о нихъ названія мѣстъ, сохранявшіяся даже до довольно поздняго времени. Пространство на западномъ берегу Крыма отъ озера Тарпанчскаго до озера Евпаторійскаго называлось *Vagaegia*, а первое изъ этихъ двухъ озеръ — *Varangolimena* или *Varangico* ³⁾; весьма длинный и весьма узкій островъ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ, теперь извѣстный подъ именемъ Тендера или Тендры (въ древности Ахиллесовъ бѣгъ), назывался *Rossa*; мѣсто въ Крыму, не много выше Евпаторійскаго озера (въ помянутой выше *Varegin*), называлось *Ros-*

¹⁾ Богѣ точное и прямое опредѣленіе мѣста ихъ жительства, которое дѣлаетъ сербскій сократитель Зонары, говоря, что они жили «во Евксинопонтѣ» (*Чт. общ. ист. и др.* 1847 г., № 1, отд. II, стр. 101), есть просто произвольная поправка его самого, сдѣланная на основаніи словъ Зонары, что Руссы (жившіе около Тавра) «опустошали съ олотомъ своимъ побережія Евксинопонта».

²⁾ *Rossi, antroicissima gens Schytarum, a Ponto Euxino ad Stenum excursione facta.*

³⁾ Въ периплѣ начала XVII в. *Varangolo*, у *Табеля*.

sofar¹⁾); мѣсто не много ниже того же озера, при маленькомъ озерѣ Камышлы, называлось Rossosa; наконецъ, мѣсто не много ниже впаденія Дона въ Азовское море, гдѣ теперь селеніе Кагальницкое, называлось Rossi, Rosso, fiume Rosso, то-есть, Русская рѣка²⁾). Арабскій историко-географъ Ибнъ-Даста, писавшій въ первыхъ годахъ X вѣка, говоритъ о Русскихъ, жившихъ на какомъ-то острову, который находился недалеко отъ Хазарана и Волгаріи, въ которые Руссы сбывали свои военные грабежи³⁾: этихъ Руссовъ нельзя нигдѣ полагать болѣе, какъ именно на полуостровѣ Крымскомъ. Другіе многіе арабскіе и вообще восточные писатели прямо и ясно говорятъ намъ, что были Руссы, которые жили на берегахъ Чернаго моря, имѣя своей столицей городъ Русію (Rusija), и что море это называлось по нимъ моремъ Русскимъ⁴⁾). Наша лѣтопись подтверждаетъ, что Черное море

1) Lagosofar, Rosafar, Roxofar, *ibid.*

2) См. *Спрунера* Historisch-geographisch. Hand-Atlas, 2 Aufl., Nordische Reiche № V, и итальянскіе периплы Крыма у *Табелл* въ Constantinus Porphyrogenitus De provinciis regni Bizantini, Tubingae, 1847, p. 39.

3) Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ... Славинахъ и Русскихъ Ибнъ-Даста, вздалъ, перевелъ и объяснилъ Д. А. Хвольсонъ, С.-Пб. 1869, стр. 34. Подъ Хазераномъ должно разумѣть столицу Хазаръ Итилъ (собственно одну часть города) находившуюся при впаденіи Волги въ Каспійское море, Хвольсонъ, *ibid.*, стр. 151, и *Френз*, *Ibn-Fozzl.*, 64. Что Ибнъ-Даста говоритъ не о Руссахъ, владѣвшихъ Славянами, каковы были Кіевскіе, а о какихъ-то другихъ, — это онъ ясно даетъ знать тѣмъ, что говоритъ о ихъ набѣгахъ на Славянъ («Руссы имѣютъ царя, который зовется Хаханъ-Русъ, они производятъ набѣги на Славянъ»).

4) См. *Ibn - Fozzlan's und anderer Araber Berichte von Frähn*, 27—33, 193—235 (Массуди, Димешки, Ибнъ-ель-Варди, Едриси, Магреби). Арабскіе писатели одни даютъ знать, другіе прямо говорятъ, что городъ Русія находился при впаденіи Дона въ Азовское море, тамъ, гдѣ, по другимъ приведеннымъ нами извѣстіямъ, былъ городъ Rossi, Rosso, fiume Rosso. Димешки пишетъ: «Руссы получили свое имя отъ города Русія, который лежитъ на сѣверномъ берегу названнаго по ихъ имени моря» (то-есть, Чернаго, за часть котораго принимается Демешки море Азовское); Едриси: «Отъ города Матерія (Matercha — Таматарха, Тмуторакань) до города Русія 27 миль. Последний лежитъ на великой рѣкѣ, которая выходитъ изъ горы Букайнъ. Магреби: «На востокъ отъ города Судана входъ въ море Манятишь (испорчено изъ Maïtis, то-есть, Maeotis). На его берегу лежитъ Русія, которая есть главный городъ Руссовъ» (*Ibn-Fozzl. Френз*, 27 sqq). Рѣка Донъ, по имени обитавшихъ при ея устьи Русскихъ, какъ это слѣдуетъ заключать изъ арабскихъ писателей, носила названіе рѣки Русской (*Френз*, *ibid.*, 38). --- Извѣстенъ расказъ Бертинской лѣтописи о Руссахъ, которые приходили въ Константинополь къ императору Теофилу съ изъясненіемъ, какъ они

дѣйствительно называлось Русскимъ моремъ ¹⁾. Но если это такъ, то весьма не вѣроятно вмѣстѣ съ нею думать, чтобы оно получило свое имя отъ нашихъ Русскихъ, которые только ходили по нему, но не жили на немъ, ибо нѣтъ другихъ примѣровъ, чтобы море получало имя отъ народа, не жившаго на немъ, а только по немъ ходившаго. Напротивъ, помянутое обстоятельство заставляетъ необходимо предполагать, что были Русскіе, которые именно жили на этомъ морѣ, и которые поэтому и дали ему свое имя ²⁾. Житія Стефана Сурожскаго

говорили, дружбы своего князя, и которыхъ Θεοονιλъ, по ихъ желанію, въ 839 г. переправилъ къ Франкскому императору Людовику Благочестивому (*Pertz, Monumenta Germaniae, I, 434*). Князь этихъ Руссовъ, какъ они показывали, носилъ титулъ хакана. Такъ какъ князья сѣверныхъ Руссовъ, сколько известно, не носили этого титула, то слѣдовательно, разумѣются не они. Какіе же другіе Руссы? По нашему мнѣнію, ясно, что Азовско-Таврическіе, ибо титулъ хакана, очевидно, заимствованъ у Хазаръ, которыхъ эти послѣдніе Руссы были сосѣдями (что касается до страннаго увѣренія Руссовъ о невозможности возвратиться изъ Константинополя домой тѣмъ путемъ, которымъ пришли, и до ихъ желанія совершить этотъ обратный путь черезъ землю Франкскаго императора, то загадка разъясняется очень просто: они желали побывать у Франковъ, какъ справедливо заподозрилъ Людовикъ, съ цѣлями согладанія, желая сдѣлать страну ихъ поприщемъ своихъ набѣговъ и грабежей. Что предварительное согладаніе составляло ихъ обычай, это показываетъ ихъ нападеніе на Константинополь, о которомъ мы говорили выше: они напали на него, когда императоръ отсутствовалъ и занятъ былъ войной.

1) П. Собр. Лѣт. I, 3.

2) Насъ, Кіевско-Новгородскихъ Русскихъ, греческіе писатели до позднѣйшаго времени называли Тавроскинами. Но какъ объяснить это названіе, когда мы никогда не жили около Тавра? Представляется необходимымъ предположить, что были другіе Русскіе, которые дѣйствительно жили около него, и что съ этихъ другихъ Русскихъ и перенесено Греками названіе Тавроскиновъ на насъ. Существованіе княжества Тмутараканскаго до сихъ поръ составляетъ необъяснимую загадку, то-есть, остается вопросомъ безъ отвѣта: что значить, что Русскіе утвердили свою власть столько на отдаленномъ отъ нихъ клочкѣ земли? Если мы предположимъ, что на полуостровѣ Таманскомъ Русскіе нашли колонію своихъ родичей, то отвѣтъ будетъ ясенъ (нѣкоторые арабскіе писатели говорятъ о Таврическихъ Русскихъ, что они жили на семи островахъ, у *Френа*, 28: при взглядѣ на карту Таманскаго полуострова, всякому будетъ ясно, что значить семь острововъ). На мудреный, по видимому, вопросъ: что заставило Русскихъ поселиться въ Тавридѣ, отвѣтъ весьма легокъ. Они жили, какъ свидѣлствуетъ Ибнъ-Даста (*Жоэлсонъ, стр. 35*), исключительно военнымъ грабежомъ; слѣдовательно, самое лучшее мѣсто для нихъ было то, гдѣ представлялось наибольшее поприще для ихъ своеобразнаго промысла. Но лучшее мѣсто въ этомъ смыслѣ, чѣмъ полуостровъ Таврическій, трудно было найти: отсюда они могли грабить Гре-

и Георгія Амастридскаго ¹⁾ сообщаютъ намъ, что въ первой половинѣ IX вѣка разбойничали въ Крыму и по Черному морю какіе-то Руссы: но какихъ другихъ Руссовъ можно будетъ подразумѣвать въ нихъ, кромѣ Азовско-Таврическихъ?

Мы сказали выше, что слова патриарха Фотія о мѣстѣ жительства Русскихъ на концѣ земли, на дальнемъ сѣверѣ и проч. весьма ненадежны. Они ненадежны не только потому вообще, что для Грековъ почти все, что находилось за предѣлами ихъ Греціи, было далеко-сѣвернымъ, но и потому, въ частности, что, рисуя въ своихъ бесѣдахъ картину нашествія Руссовъ на Константинополь, Фотій хочетъ уподобить его тому нашествію языковъ многихъ на Вавилонъ и на Халдею, которое пророкъ Іеремія предъизображаетъ въ главахъ 50-й и 51-й, и что выраженія о мѣстѣ жительства Руссовъ „съ сѣвера, съ конца земли“ буквально взяты имъ у этого послѣдняго (гл. 50, ст. 3, 9 и 41, гл. 51, ст. 48). Дѣлая свое подражаніе въ цѣлой картинѣ и свое буквальное заимствованіе въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, патриархъ Фотій самъ даетъ намъ этимъ знать, что на его дальній, гиперборейскій сѣверъ, съ котораго будто бы пришли Руссы, мы должны смотрѣть какъ на ораторскую вольность, и такимъ образомъ самъ отнимаетъ у насъ право видѣть въ нихъ дѣйствительное свидѣтельство, на основаніи котораго можно было бы рѣшать вопросъ о томъ, кто такіе были его Руссы.

ковъ, Хазарь, Славянъ и вообще все, что было по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ. Известно, что при удаленіи Остготовъ изъ южныхъ предѣловъ теперешней Россіи (во второй половинѣ V вѣка) въ Крыму осталась небольшая Готская колонія (въ древней области Доры, находившейся на югъ отъ Херсонеса и Феодосіи, ближе къ первому, и имѣвшей въ своихъ предѣлахъ нынѣшнюю Алушту и Гургуеской или Урауеской, см. *Кеплена*, Крымск. Сборн., стр. 56 и 61). Встрѣча близкихъ родичей, каковы были Готы, могла быть вѣстнымъ поводомъ для странствующей колоніи Русскихъ избрать Крымъ своимъ отечествомъ, и можетъ быть, въ этомъ же обстоятельствѣ заключается объясненіе и той загадки, что изъ нея скоро исчезло изъ памятниконъ исторіи: они могли смѣшаться и объединиться съ Готами и со времени объединенія начать слѣть подъ однимъ именемъ съ послѣдними (которые сохранили не только имя, но національность и языкъ, если вѣрить Иосафату Барбаро, до половины XV вѣка, см. его Путешествіе въ Тану въ Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи *Семенова*, т. I, С.-Пб. 1836, стр. 55; Рубрикисово свидѣтельство о томъ же изъ половины XIII вѣка у *Кеплена* въ Крымск. Сборн., стр. 46; ср. статью *Ф. Бруна*: Черноморскіе Готы, въ *Зап. Имт. Акад. Наукъ*, томъ 24, кн. I, 1874).

¹⁾ См. о нихъ выше.

Итакъ, повторяемъ, вопросъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшихъ крещеніе, остается не рѣшеннымъ, и представляется весьма сомнительнымъ, или лучше сказать, совсѣмъ невѣроятнымъ то, чтобы Руссы эти были наши Кіевскіе Руссы съ князьями Аскольдъ и Диромъ.

Но если такимъ образомъ весьма невѣроятно, что Руссы, нападавшіе на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшіе христіанство и даже епископа, были наши Кіевскіе Аскольдъ и Диръ, то съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ, что христіанство впервые явилось въ Кіевѣ именно еще при нихъ, подобно тому, какъ въ Новгородѣ оно могло явиться еще при Рюрикѣ. Аскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ въ продолженіе 20 лѣтъ (862—882 гг.), совокупили около себя, какъ говоритъ лѣтописецъ, многихъ Варяговъ. Но между этими Варагами, какъ скажемъ ниже, могли быть и христіане.

О нападеніи Руссовъ на Константинополь говорятъ: патриархъ Фотій въ двухъ словахъ, сказанныхъ по поводу этого событія, и отчасти въ окружномъ посланіи (слова напечатаны преосв. *Порфиріемъ Успенскимъ* въ книгѣ: Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго патриарха Константинопольскаго, С.-Пб. 1863, окружное посланіе въ собраніи писемъ Фотія по изданію *Монтакуція*, Londini, 1651 p. 58, по изданію *Валетты*, тамъ же, 1864, стр. 178); Никита Пафлагонскій въ житіи патриарха Игнатія, у *Болландистовъ* въ Acta Sanctorum, Octobr., t. X, d. 23, p. 182; продолжатель Амартола по изданію *Муральта*, стр. 736; Левъ Грамматикъ, ed. Paris (въ прибавленіи къ Теофану), p. 463;—Симеонъ Логоетъ, ed. id., p. 445 п. XXXVIII; такъ называемый продолжатель Константина Порфирогенита, lib. IV, п. XXXII, ed. id., p. 121;—Кедринъ, ed. id., t. II, p. 551;—Зонара, ed. id., t. II, p. 162 ¹⁾).

Явившись на 200 ладьяхъ въ Константинопольскомъ устьѣ Босфорскаго пролива и опустошивъ страшнымъ образомъ берега его и близъ лежащіе берега и острова ²⁾ Пропондита или Мраморнаго моря, они приступили къ осадѣ самой столицы. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ напрасныхъ успій, они принуждены были снять ее и удалились домой. О причинѣ снятія осады

¹⁾ Напечатанный въ парижскомъ изданіи Византійцевъ, въ *Scriptores post Theophanem*, Георгій монахъ есть никто иной, какъ Амартолъ съ продолжателемъ.

²⁾ Такъ называемые Принцесы (*Πριγκιπέσσις*; островъ Тервиннъ, на которомъ они ограбили находившагося тамъ въ заточеніи патриарха Игнатія, принадлежать къ группѣ этихъ острововъ и называется въ настоящее время Антировитъ, см. Византія, Константинополь, II, 316).

продолжатель Амартола и повторяющіе его Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логоетъ говорятъ: «Императоръ, возвратившись (въ городъ изъ Сарацннскаго похода), пребывалъ съ патриархомъ Фотіемъ во Влахернскомъ храмѣ Божіей Матери, гдѣ они умоляли и умилостивляли Бога; потомъ, вынеся съ псалмопѣніемъ святой омофоръ Богородицы, приложили его къ поверхности моря, и между тѣмъ какъ передъ симъ была тишина, и море была спокойно, внезапно поднялось дуновеніе вѣтровъ и непрерывное возстаніе волнъ, и суда безбожныхъ Руссовъ разбились, и только немногіе (изъ нихъ) избѣжали опасности» (продолжатель Порфирогенита, Кедринъ и Зонара, не разказывая о чудѣ подробно, подразумеваютъ его, когда говорятъ, что Руссовъ постигъ божественный гнѣвъ). Изъ свидѣтельства патриарха Фотія (во второмъ словѣ) оказывается, что дѣло было не такъ, именно, что риза Божіей Матери была не погружаема въ волны залива, а обносима по городскимъ стѣнамъ; онъ пишетъ: «Когда ризу Богоматери всѣ до одного носили вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ и усердно совершали прилежныя моленія и лѣтніи, тогда, по неизреченному человѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Божество преклонилось, и гнѣвъ его утихъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. Носила она вокругъ этихъ стѣнъ, и непріатели непостижимо какъ обращали тѣмъ свой; покрывала она городъ, и ихъ насыпь разсыпалась какъ-бы по данному знаку; пріосѣнала она осажденныхъ, и осада непріателей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылились. Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія»¹⁾.

О крещеніи Руссовъ говорятъ: патриархъ Фотій въ окружномъ посланіи § 35;—продолжатель Порфирогенита,—самъ Порфирогенитъ въ *Basilius Macedo*, п. ХСVII, ed. Paris., p. 211;—Кедринъ;—Зонара, *ibid.*, p. 173—и Михаилъ Глава, ed. id., p. 298. Патриархъ Фотій, говоря о Руссахъ вмѣстѣ съ Болгарами, пишетъ: «И не только этотъ народъ (Болгары) промѣнилъ первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы (το Ρως), которые, поработивъ находящихя кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовью поставивъ себя въ чинъ подданныхъ (Ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей (нашихъ) вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не задолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія (θερησόμεθα) христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностію».

Продолжатель Порфирогенита, повторяемый Кедринимъ, кратко говоритъ: «Спустя не много времени (послѣ неудачной осады Константинополя), пришло отъ нихъ (Руссовъ) въ царствующій градъ посольство, просившее содѣлать ихъ участниками божественнаго крещенія, чтб и было».

Пространно говорятъ о крещеніи Руссовъ Константинъ Порфирогенитъ,

¹⁾ У преосвященнаго *Порфирія*, стр. 24.

который, впрочемъ, начинаетъ тѣмъ, что умышленно или неумышленно смѣшиваетъ императора Михаила съ императоромъ Василиемъ и патриарха Фотія съ патриархомъ Игнатіемъ ¹⁾: «И народъ Россовъ, воинственный и безбожнѣйшій, посредствомъ щедрыхъ подарковъ золота и серебра и шелковыхъ одеждъ (императоръ Василій) привлекъ къ переговорамъ, и заключивъ съ ними мирный договоръ, убѣдилъ (ихъ) сдѣлаться участниками божественнаго крещенія и устроилъ такъ, что они приняли архіепископа (sic), получившаго рукоположеніе отъ патриарха Игнатія. Архіепископъ, прибывъ въ страну сказаннаго народа для помянутаго дѣла (его крещенія), принять былъ имъ благосклонно. Князь этого народа, созвавъ собраніе подданныхъ и предсѣдая съ окружавшими его старцами, которые по причинѣ долгой привычки болѣе другихъ привержены были къ суевѣрью, и разсуждая о своей вѣрѣ и вѣрѣ христіанъ, призываетъ и спрашиваетъ (архіепископа), что возвѣститъ и чему будетъ ихъ учить. Когда епископъ предложилъ книгу божественнаго Евангелія и возвѣститъ имъ о нѣкоторыхъ чудесахъ Спасителя нашего и Бога и разказалъ имъ исторію о нѣкоторыхъ чудесахъ, сдѣланныхъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ, то Руссы тотчасъ посѣпшили сказать: «Если и мы не увидимъ чего-нибудь подобнаго и въ особености того, что ты говоришь о трехъ отрокахъ въ печи, то совершенно тебѣ не повѣримъ и не будемъ слушать твоихъ рѣчей». Онъ же (архіепископъ), будучи убѣжденъ въ невозможности сказавшаго: еще что просите во имя мое, примете, и еще: вѣруай въ мя, дѣла яже Азъ творю сотворитъ и больши сихъ сотворитъ, когда совершаемое имѣетъ быть не для тщеславія, а для спасенія душъ, сказалъ имъ: «Хотя и не должно искушать Бога, однако если вы отъ всего сердца рѣшили приступить къ нему, просите, чтѣ хотите—Богъ непременно сдѣлаетъ по вѣрѣ вашей, хотя я есмь и смиренный и малѣйшій». Они же просили самую книгу вѣры христіанской, то-есть, божественное и священное Евангеліе бросить въ разженный огонь, (объясаясь), если останеться невредимою, приступить къ Богу, котораго онъ проповѣдуетъ. Послѣ того, какъ это было сказано, священнослужитель поднялъ глаза и руки къ Богу и воззвалъ: «Прослави имя Твое святое, Иисусе Христе Боже нашъ, и нынѣ предъ глазами народа сего всего». И брошена была въ печь съ огнемъ книга святаго Евангелія. По прошествіи достаточнаго времени, когда печь погасла, обрѣтенъ былъ священный свитокъ не пострадавшимъ и не поврежденнымъ и не получившимъ отъ огня никакого ущерба, такъ что даже кисти на концахъ связывавшихъ его шнуровъ (οἱ ἐν ταῖς κλειθῆραις τῆς Βίβλου χρυσοί) не потеряли никакого вреда или измѣненія. Увидѣвъ это и бывъ пораженъ величіемъ чуда,

¹⁾ Василій Македонянинъ, дѣдъ Порфирогенита, былъ принятъ Михаиломъ въ соправители 26-го мая 866 г.; убивъ его, остался на престолѣ одинъ съ 23-го сентября 867 г. Послѣ низложенія Фотія Игнатій вторично возведенъ Василиемъ на патриаршій престолъ 23-го ноября того же 867 г. На основаніи Порфирогенита, который относитъ крещеніе Руссовъ къ правленію императора Василія, говорятъ о немъ, какъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто при семъ императорѣ, Кесринѣ, Зонарѣ и Глика.

варвары безъ колебаній начали креститься» (Порфиrogenита повторяетъ Зо-нара) ¹).

О христіанствѣ въ Европейской великой Скииѣ.

У Грековъ въ Европѣ были двѣ Скииѣ—Малая и Великая.

Малая Скиеія находилась по ту сторону Дуная, въ бывшей Византійской имперіи, нынѣшней Турціи, именно обнимала пространство между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ, примѣрно отъ черты, проведенной между городами Силистріей и Варной, что нынѣ называется Добруджей. Главный городъ въ ней былъ Томи, мѣстность котораго остается достовѣрно неизвѣстною, но который находился на берегу Чернаго моря (Созом., Н. Е. I., VI, с. 21) и долженъ быть полагаемъ по близости нынѣшняго Кюстенджи, Византійской Констанціи (но не на мѣстѣ ея самой, ибо у Герокла, Synegd., и у Константина Порфиrogenита, De Themat., Томи и Констанція отдѣльно). Когда говорится объ епископахъ Скъескихъ, то всегда разумѣются епископы именно этой Малой Скиеіи, имѣвшіе каеэдру въ Томп и потому иначе называемые Томитанскими.

Названіе Великой Скиеіи употреблялось въ двухъ смыслахъ—въ тѣснѣйшемъ или собственномъ и въ обширнѣйшемъ или не собственномъ. Великую Скиеію въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ составляла южная часть нынѣшней Россіи и юго-восточная часть нынѣшней Румыніи, приблизительно отъ низовьевъ Дона на востокъ до низовьевъ Дуная на западѣ. Великою Скиеію въ обширнѣйшемъ или не собственномъ смыслѣ было для Грековъ все, что лежало на Сѣверъ отъ Чернаго моря или вся наша Россія.

По отношенію къ нашимъ предкамъ или древнимъ Русскимъ Славянамъ должно различать эти двѣ Великія Скиеіи. Въ Великой Скиеіи, принимаемой въ обширнѣйшемъ смыслѣ, конечно, обитали всѣ они; но было бы крайне ошибочно полагать, будто издавна—отъ временъ доисторическихъ, составляла нашу настоящую Русь и Великая Скиеія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Ея обширныя и благодатныя пространства были передъ глазами, и такъ сказать, передъ самымъ носомъ Русскихъ, и однако они вовсе не выдвигали въ нее своихъ жилищъ,—это потому, что въ ея открытыхъ степяхъ и пустыняхъ въ древнее время могли жить только народы кочевые, но никакъ не осѣдлые, каковы были наши предки. Весьма многие народы и народцы, одновременно и преимущественно обитавшіе въ ней, въ предѣлахъ теперешней Россіи, не имѣли никакого отношенія къ Русскимъ и всѣ принадлежали къ азіатскимъ и финско-татарскимъ кочевникамъ ²). Только въ одномъ юго-западномъ углу ея пред-

¹) Въ нашихъ русскихъ повдѣйшихъ извѣстіяхъ архіепископъ называется Михаиломъ; см. преосвященнаго *Макарія*, Исторію христіанства въ Россіи до Владимира, изд. 1-е, стр. 285, издан. 2-е, стр. 232.

²) Изъ пустыни кочевниковъ древняя Великая Скиеія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ превратилась въ страну осѣдлыхъ жителей не далѣе, какъ въ прошломъ XVIII в. (она и есть наша Новороссія). — Нѣкоторые наши ученые, имѣющіе свои предзанятія мысли, хотятъ думать, что предки наши оставались кочевни-

ставлялась возможность для осѣдаго жилья, и его дѣйствительно заняли (спустившись съ сѣвера) наши Русскіе Славяне — Тиверцы и Угличи или Улучи, которые, по свидѣтельству гѣтописца, жили по Днѣстру до моря и отъ низовьевъ Днѣстра до Дуная.

Что христіанство не проникало и не простиралось за предѣлы Великой Скиѣи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ въ Великую Скиѣю въ смыслѣ обширнѣйшемъ, объ этомъ нечего и говорить, потому что этого никто не предполагаетъ. Но очень не много можетъ быть сказано о немъ и въ первой изъ нихъ. Къ свидѣтельствамъ церковныхъ писателей о христіанствѣ въ Скиѣи нужно относиться особеннымъ образомъ. Впервыхъ, были двѣ Скиѣи — Европейская и Азіатская, а такъ какъ писатели обыкновенно говорятъ просто о Скиѣи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обозначеній, то было бы поспѣшно относить всѣ ихъ рѣчи именно къ Скиѣи Европейской. Вовторыхъ, название Скиѣевъ употреблялось не только въ собственномъ смыслѣ народовъ, занимающихъ извѣстную мѣстность, но еще въ нарицательномъ смыслѣ народовъ самыхъ отдаленныхъ и самыхъ неизвѣстныхъ, и трудно рѣшить, въ которомъ изъ этихъ двухъ смысловъ употребляютъ его писатели. Изображая повсемѣстное, всемірное распространѣніе христіанства, они называютъ въ числѣ народовъ, славящихъ Христа, и Скиѣевъ. Но въ подобныхъ случаяхъ название Скиѣевъ очень могло быть употребляемо ими въ сейчасъ указанномъ нами нарицательномъ смыслѣ ⁴⁾. Положительно извѣстно о христіанствѣ въ Великой Скиѣи въ тѣснѣйшемъ

кампъ еще на памяти исторіи; но несомнѣнно, что у Геродота (кн. 4) ихъ должно видѣть въ тѣхъ Скиѣвахъ-земледѣльцахъ или Пахаряхъ (Σκιδάαι Γεωργοί 'Αρότρεις), которые жили за предѣлами собственной Великой Скиѣи, въ верхней долиной Дивпра и на западъ отъ него.

⁴⁾ Іоаннъ Златоустый говоритъ, что апостолы въ день Пятидесятницы получили и всѣ въ ихъ время обращавшіеся ко Христу послѣ крещенія получали даръ языковъ, и въ числѣ многихъ другихъ языковъ называетъ и скиѣскій (De Pentecoste, ed. Paris, 1718, t. 2, p. 463). Можно выводить изъ этого заключеніе, что, по мнѣнію Златоустаго, Евангеліе было проповѣдано Скиѣамъ во времена апостольскія, но можно, съ другой стороны, понимать дѣло и такъ, что языкъ скиѣскій употребленъ имъ для обозначенія всевозможныхъ языковъ. Тертуліанъ въ обличительномъ сочиненіи противъ Іудеевъ указываетъ, что во исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ царство Христово стало царствомъ всего міра, и перечисляя народы, исповѣдующіе Христа, называетъ и Скиѣевъ (in Christum crediderunt послѣ многихъ другихъ народовъ Ioca et Sarmatarum et Dacorum et Germanorum et Schytarum et additarum multarum gentium et insularum multarum nobis ignotarum (Liber adversus Judacos у Миня, Patr., t. 2, p. 611). Дѣлая подобныя же изображенія всемірности царства Христова, называютъ Скиѣевъ въ числѣ современныхъ себѣ христіанъ—Аеоанасій Великій (De incarnatione, ed. Paris, 1698, t. 1, p. 92) и Іеронимъ (Epistola ad Laetam, ed. Paris., 1706, t. IV, pars 2, p. 591). Определенныя слова послѣдняго: Schytiae frigora fervent calore fidei, по видимому, прямо указываютъ на нашу Скиѣю, но съ другой стороны, очень можетъ быть, что хлады Скиѣи употреблены имъ для обозначенія вообще странъ дальновѣрныхъ.

смыслѣ только то, что во второй половинѣ IV вѣка Юаннъ Златоустый ввелъ его между нѣкоторыми кочевниками, жившими по близости Дуная ¹⁾.

Въ одномъ углу Великой Скиѣи въ тѣснѣйшемъ или собственномъ смыслѣ, какъ мы сказали, жили наши Русскіе Славяне — Тиверцы и Угличы. Можетъ быть, христіанство, проникшее за Дунай въ IV вѣкѣ, не ограничиваясь Скиѣами-кочевниками, распространялось и между ними? Очень можетъ быть, потому что все можетъ быть, но пока остается совершенно неизвѣстнымъ не только это, но и то, когда именно они поселились на указанномъ мѣстѣ жительства, то-есть, не гораздо ли позднѣе IV вѣка ²⁾. Предположивъ, что они поселились до IV вѣка, и что христіанство въ семь вѣкѣ у нихъ дѣйствительно появилось, мы во всякомъ случаѣ будемъ имѣть несомнѣннымъ то, что послѣ IV вѣка скоро или не скоро оно совершенно у нихъ исчезло, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ будемъ имѣть несомнѣннымъ то, что это христіанство, если только оно дѣйствительно было, къ позднѣйшему нашему христіанству не имѣетъ никакого отношенія.

Со второй половины III в. до второй половины IV вѣка южная часть теперешней Россіи (древняя Великая Скиѣя) была занята Готами, которые вышедъ изъ Скандинавіи и спустившись отъ нижней Вислы къ югу, основали въ юго-восточной части Европы обширное государство, простиравшееся отъ Тисы въ Венгрію до Дона или Волги у насъ (Дябъръ или Дябъстръ отдѣлялъ Остготовъ отъ Вестготовъ). Помянутые нами выше Тиверцы и Угличы, если въ III—IV вѣкахъ они уже находились на своемъ, указанномъ нами, мѣстѣ жительства, должны были состоять подъ властію этихъ обладателей ихъ территоріи. Христіанство, впервые появившееся у Готовъ почти тотчасъ, какъ на Дунаѣ они пришли въ соприкосновеніе съ Греками, съ двадцатыхъ годовъ IV вѣка, — послѣ рѣшительной побѣды, одержанной надъ ними Константиномъ Великимъ, распространилось между ними до того, что они стали имѣть своихъ епископовъ (первый епископъ Теофанъ присутствовалъ на первомъ вселенскомъ

¹⁾ Теодоритъ сообщаетъ о Златоустомъ въ Церковной Исторіи (кн. V, гл. 31): «Узнавъ, что нѣкоторые кочевники Скиѣи (τινες τῶν νομάδων Σκῆθων), имѣвшие свои шатры около Дуная (παρὰ τὸν Ἰστρον), жаждутъ спасенія, но не имѣютъ того, кто утолилъ бы жажду, онъ нашелъ людей, возревновавшихъ по апостольскимъ трудамъ, и послалъ ихъ къ нимъ». Онъ же говоритъ о немъ же въ похвальному словъ: «Имѣешь ты и другое средство съ апостолами—ты первый подружилъ жертвенники у Скиѣовъ, живущихъ въ телягахъ (ἀμαξοβόιαις, у Фотія въ Библіотекѣ, № 273, ed. *Becceri*, p. 508). Георгій, епископъ Александрійскій, повторяя Теодорита, пишетъ: «Пославъ (проповѣдниковъ) на Дунай (ἐπὶ τὸν Ἰστρον), онъ (Златоустъ) привлечь къ христіанству имѣвшихъ собственное на то желаніе (ἐκούσας) кочевниковъ Скиѣовъ (τοὺς νομάδας Σκ., у Фотія, *ibid.*, № 96, ed. *Becceri*, p. 80). Самъ Златоустый не одинъ разъ называетъ Скиѣовъ въ числѣ народовъ исповѣдающихъ Христа, но съ совершенною неопредѣленностію и въ такого же рода перечисленіяхъ, какъ у указанныхъ выше (*Contra Judaeos et Gentiles*, ed. Paris, 1818, t. I, p. 566 и 575, *Expositio in Psalmum XLIV*, ed. *id.*, t. 2, p. 463).

²⁾ Ср. *Шафарикъ*, Славянскія Древности, русск. пер., т. 2, кн. I, стр. 214.

соборѣ). Но отъ повелителей Готевъ распространялось ли христіанство сколько-нибудь между ихъ подданными или данниками Славянами, если только изъ послѣднихъ были подданные или данники,—остается совершенно ничего неизвѣстнымъ ¹⁾. Вообще, какъ мы сейчасъ сказали, проникло или не проникло христіанство къ Славянамъ въ древнія времена, во всякомъ случаѣ несомненно, что это нисколько намъ невѣдомое (и не историческое) христіанство держалось у нихъ весьма не долго и къ позднѣйшему (и историческому) нашему христіанству не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ²⁾.

Сирскій историкъ второй половины XIII вѣка Григорій Абульфараджъ, иначе Вагхебгаиъ, говоритъ, что Руссы приняли христіанство при Константинѣ Великомъ, слѣдовательно, въ началѣ IV вѣка. Пресвященный Филаретъ, не подумавъ о томъ, какіе Руссы могли быть въ IV вѣкѣ, и какое эти Руссы могли имѣть отношеніе къ нашей Русси, считаетъ нужнымъ привести подобную нелѣпность въ своей Исторіи (нашедъ Абульфараджа у Френа въ Пп. Foszlai, pp. 41 и 135 пресв. Филаретъ приводитъ его не совсѣмъ точно). Оригинальное извѣстіе Абульфараджа объясняется очень просто: встрѣтивъ извѣстіе у арабскихъ историковъ, что Руссы (со Владимиромъ во главѣ) крестились при императорахъ Василиѣ и Константинѣ, онъ и дѣлаетъ изъ послѣдняго Константина Великаго ³⁾.

Сказаніе о крещеніи Новгородскаго князя въ Тавридѣ или Крыму, въ городѣ Сурождѣ.

Древній городъ Сурождъ есть нынѣшній городокъ Судакъ, находящійся на юго-восточномъ берегу Крыма, недалеко на юго-западъ отъ Феодосіи. Греки называли его Сугдѣей и Сугдаей ⁴⁾, западные—Содаей, Солдаей и Солдадѣей, Арабы — Судакомъ, Сурдакомъ, Шолтадѣей или Солтадѣей ⁵⁾ и пр. Въ житіи Св. Стефана, архіепископа Сурождскаго, который умеръ около 790 г.

¹⁾ О христіанствѣ у Готовъ см. въ любой нѣмецкой церковной исторіи; на русскомъ языкѣ у пресв. Макарія, Исторія христіанства въ Россіи до Владимира, изд. 1-е, стр. 67, изд. 2-е, стр. 53.

²⁾ Кто желалъ бы знать о христіанствѣ въ древнее время на территоріи нынѣшней Россіи, тотъ можетъ читать сейчасъ указанную нами книгу пресв. Макарія.

³⁾ Полагаемъ, что *Ῥωσιγός*—придворный чиновникъ Константина Великаго, о которомъ у *Стриттера* въ *Метог. рор.*, II, 956, не долженъ быть считаемъ также виновникомъ извѣстія Абульфараджева, ибо предполагать, что въ *Ῥωσιγός* онъ могъ заподозрить *Ῥωσσοσ*, что по одному человѣку онъ вспомнилъ о цѣломъ народѣ, что потомъ этотъ цѣлый народъ на основаніи того же одного человѣка онъ и рѣшился крестить, значило бы допускать процессъ мышленія слишкомъ длинный и сложный.

⁴⁾ И по словамъ Броневскаго (*Записки Одесск. Общ. Исторіи*, VI, 346) будто бы еще Сидагиосомъ.

⁵⁾ О Судакѣ см. въ Крымскомъ Сборникѣ *Кеппена*, стр. 113 и др.

именно на концѣ житія, въ числѣ чудесъ, находимъ слѣдующій разказъ: «По смерти святаго «мало лѣтъ» минуло и пришла рать великая Русская изъ Новгорода, «князь бранливъ и силенъ зѣло» (такъ въ половинѣ списковъ житія, въ другой половинѣ: «князь Бравлинъ силенъ зѣло»). Плѣнивъ (страну) отъ Корсуна до Керчи, онъ пришелъ со мною силою къ Сурожу. Десять дней тяжко бились между собою (осаждающіе и осажденные), и послѣ десяти дней вошелъ князь въ городъ, силою сломавъ (его) желѣзные ворота, — вошелъ въ городъ, обнаживъ мечъ свой, и пришелъ въ церковь св. Софію и разбилъ двери и вошелъ туда, гдѣ гробъ святаго. На гробъ царскій покровъ и жемчугъ и золото каменя драгоцѣнна и сосудовъ золотыхъ много: все (это) пограбили. И въ тотъ часъ разболѣлся (князь), — обратилось лицо его назадъ и лежа источалъ пѣну и возопилъ: «Великій человекъ и святой есть тотъ, который здѣсь; онъ ударилъ меня по лицу и обратилось лицо мое назадъ». И сказалъ князь боярамъ своимъ: «Возвратите все назадъ, чтѣ взяли». Они возвратили и хотѣли взять князя оттуда. Но князь возопилъ: «Не троньте меня, оставьте лежать, ибо меня хочетъ вломать одинъ старый святой мужъ, (онъ) притиснулъ меня, такъ что душа моя хочетъ выйти вонъ». И сказали имъ: «Тотчасъ выведите войско изъ сего города, и да не возьмутъ войны ничего». И вышло войско изъ города, но князь еще не вставалъ, пока опять не сказалъ боярамъ: «Возвратите, все сколько мы награбили священныхъ сосудовъ въ Корсунѣ, въ Керчи и вездѣ, принесите все сюда и положите на гробъ Стефановъ». Они возвратили все и ничего себѣ не оставили и положили при гробѣ святаго. «И пакы въ ужасѣ рече святой Стефанъ князю: «Если не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься (домой) и не выйдешь отсюда». И возопилъ князь: «Пусть придутъ священники и крестятъ меня; если встану и лицо мое обратится, крещуся». И пришли священники, и Филаретъ архіепископъ (преемникъ Стефана, какъ говорится объ этомъ въ житіи) и сотворили надъ княземъ молитву. И крестилъ его во имя Отца и Сына и Св. Духа, и обратилось лицо его опять. Крестился же и бояре всѣ. Но еще шея болѣла у князя, и сказали ему священники: «Дай обѣщаніе Богу, что отпустишь всѣхъ плѣнниковъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ взялъ отъ Корсуни до Керчи». Тогда князь повелѣлъ всѣмъ своимъ (отпустить находившихся у нихъ плѣнниковъ), и всѣхъ отпустили во свояси. Въ продолженіе недѣли (князь) не выходилъ изъ церкви, пока не далъ великій даръ св. Стефану. Почтивъ городъ и гражданъ и священниковъ, (онъ) отошелъ во свояси. Слышавъ о томъ, другіе ратные не смѣли нападать (на городъ), а если нападали, то уходили посправленны¹⁾.

Житіе св. Стефана не извѣстно на греческомъ языкѣ и читается только въ нашихъ славянскихъ рукописахъ. Такъ какъ и самого Стефана нѣтъ въ греческихъ святцахъ въ числѣ святыхъ, то предполагали, что житіе составлено у насъ въ Россіи. Но предположеніе это не основательно. По всѣмъ

¹⁾ Списковъ житія св. Стефана много (пять, если не болѣе, въ одной Московской синодальной библиотекѣ). Приведенный нами русскій переводъ разказа сдѣланъ нами по рукописи фундаменг. библиот. Московской дух. акад. XVI в. (декабрьская миней), № 90, л. 316 об.

признакамъ несомнѣнно, что житіе происхожденія греческаго, а не русскаго. Отсутствие же его въ греческихъ рукописяхъ, равно какъ и отсутствіе самого Стефана въ греческихъ святцахъ, объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ святой не общій, а только мѣстный—Сугдайскій ¹⁾. Такъ какъ разказъ о Новгородцахъ читается не въ самомъ житіи, а въ чудесахъ, которыя могли быть приписаны послѣ, то съ вопросомъ о происхожденіи его самого не рѣшается вопросъ о происхожденіи нашего разказа. Мы впрочемъ, думаемъ, что и онъ происхожденія греческаго, а не русскаго, и именно — что вмѣстѣ со всѣми другими чудесами, находящимися въ житіи (числомъ 4), принадлежить самому автору этого послѣдняго, ибо въ заключеніе чудесъ сказано: «си же изрядная чудеса сотвори Богъ преподобнымъ своимъ. . . сице же бысть житіе преподобнаго Стефана» ²⁾.

Трудно опредѣлить съ точностію время жизни св. Стефана, ибо житіе отличается хронологическими несообразностями. Цятнадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Константинополь, въ правленіе императора Θεодосія Адрамиттина (Андранидина), слѣдовательно, въ 716 или началѣ 717 года, потому что Θεодосій Адрамиттинъ, царствовавшій одинъ годъ и вѣскольکو мѣсяцевъ, оставилъ престолъ до 25-го марта 717 года (когда занялъ его Левъ Исавръ). Послѣ неизвѣстнаго количества лѣтъ ученія въ Константинополѣ, послѣ 15-ти лѣтняго пребыванія при патріархѣ Германѣ и послѣ 30-ти лѣтняго пребыванія въ монастырѣ въ затворѣ, онъ могъ быть поставленъ архіепископомъ около 760 года, а между тѣмъ по житію онъ будто бы былъ поставленъ, помянутымъ выше патріархомъ Германомъ, который съ 715 года былъ на каедрѣ въ продолженіе 15-ти лѣтъ и низведенъ съ нея въ 730 г., и будто бы страдалъ за иконы, пробывъ въ санѣ архіепископа не извѣстно сколько болѣе пяти лѣтъ, при Левѣ Исаврѣ и освобожденъ сыномъ его Константиномъ Копронимомъ, тогда какъ первый изъ этихъ двоихъ умеръ, а второй вступилъ на престолъ въ 741 году. Представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что, дѣйствительно бывъ постав-

¹⁾ См. лѣтописныя замѣтки о Сугдѣ въ *Запискахъ Одесск. Общества Истории*, т. V, стр. 623, № 194. Въ настоящее время извѣстно и на греческомъ языкѣ краткое житіе Стефана. Такъ какъ въ немъ есть свѣдѣнія, которыхъ не находится въ нашемъ житіи (о путешествіи въ Аѳины), то на основаніи его слѣдуетъ заключать, что и наше житіе есть уже сокращеніе болѣе пространнаго житія, *ibid.*, стр. 595 и 623.

²⁾ Четвертое чудо: «Анна же царица отъ Корсуна въ Керчь идущи, разболѣла на пути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ (Карасу)», и призвалъ въ помощь св. Стефана, чудесно и внезапно исцѣлила. Предполагать, что тутъ разумется наша царица Анна, жена св. Владиміра, было бы поспѣшно. Тутъ можетъ быть разумѣма неизвѣстная намъ и старшая нашей греческая царевна Анна, которая шла въ Хазарію къ своимъ родственникамъ, ибо императоры Константинопольскіе бывали въ родствѣ съ хаганами Козарскими. (Такъ и современникъ Стефановъ, императоръ Константинъ Копронимъ, былъ женатъ въ первый разъ на хазарской царевнѣ, по греческимъ лѣтописцамъ—Иринѣ, до чери хагана (*Дюканжъ*, Famil. Byzant., 126), по нашему житію—Теодорѣ, дочери Керченскаго царя).

ленъ около 760 года, св. Стефанъ страдалъ за иконы не при Львѣ Исаврѣ, а при самомъ Константинѣ Копроннѣ (741—775), и что онъ есть одинъ и тотъ же съ Стефаномъ, епископомъ Сугдайскимъ, который присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ ¹⁾, а также можетъ быть и съ Стефаномъ, ученикомъ Константинопольскаго Стефана Новаго, который былъ сосланъ Копрониомъ въ Сугдаю ²⁾. Такъ какъ въ 787 году, когда былъ этотъ соборъ, онъ долженъ былъ имѣть возрастъ глубокой старости, то и смерть его послѣ сего времени должна быть относима къ 790—795 г. Нашествіе на Суроужъ непріятелей, называемыхъ Новгородцами, было при преемникѣ Стефана «малолѣтъ» послѣ его смерти. Слѣдовательно, должно быть относимо приблизительно къ пространству годовъ отъ 800 до 820 г. ³⁾.

И такъ, спрашивается: какъ смотрѣть на этотъ разказъ о нападеніи Новгородцевъ на Суроужъ въ началѣ IX вѣка? Удивляясь странному легковѣрью тѣхъ, которые хотятъ ему вѣрить, мы, съ своей стороны, рѣшительно не находимъ возможнымъ это сдѣлать. Вопервыхъ, до прибытія къ намъ Варяговъ-Руссовъ Новгородцы назывались не Русью, а Славянами. Вотторыхъ, мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы Славяне наши, до прибытія къ намъ Варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ, знаемъ только, что они сами были цѣлю этихъ набѣговъ, и что эта постоянная страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту. Вторыхъ, въ то время вся южная Россія, заслонявшая собою Крымъ, принадлежала Хозарамъ, простиравшимъ свою власть до Кіева, и предполагать, чтобы Новгородцы отважились и могли пробиться сквозь Хозаръ есть дѣло совершенно невѣроятное и немислимое. Наконецъ, вчетвертыхъ, Новгородцы въ то время были данниками Варяговъ: до того ли жъ имъ было, чтобы предпринимать какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе такіе отдаленные и такіе невозможные походы? ⁴⁾

Но кто же были эти непріатели, нападавшіе на Суроужъ? Непріателей по близости могло быть много, и кто именно они такіе были, рѣшить невозможно. Предполагая, что записъ о чудѣ принадлежитъ самому автору житія, или что она вообще происхожденія греческаго, предполагая, что она сама подала поводъ сдѣлать изъ непріателей Новгородцевъ, мы думаемъ, что имя этихъ непріателей въ ней было *οι Ρως*, и что тутъ должны быть разумѣемы тѣ же

¹⁾ *Le Quien*, *Oriens Christian.*, I, 1.229.

²⁾ Прилож. житіе Стефана Новаго въ Менологіи императора Василія подъ 28-е ноября; ср. пространное житіе, написанное діакономъ Стефаномъ, въ Патрологіи *Микл.*, t. 100, p. 1.100.

³⁾ Въ нашихъ хронографахъ, кратко выписывающихъ о нападеніи Браналина на Суроужъ изъ житія св. Стефана, не знаемъ почему, оно относится къ царствованію императора Михаила и 852 г. (*Дарамизис*, Ист. Г. Р., I, примѣч. 289, *Полова*, Хроногр., I, 234).

⁴⁾ Неизвѣстные воители не только взяли Суроужъ, но Корсувъ и Керчь, и разграбили всю мѣстность между двумя послѣдними городами или весь южный Крымъ: великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоить подобныя блестящіе подвиги Новгородцамъ начала IX вѣка!

Руссы Азовско-Таврическіе, о которыхъ мы вели рѣчь выше. Арабскіе писатели говорятъ, что Руссы, жившіе на Черномъ морѣ, занимались разбойничествомъ во всѣ стороны и что они постоянно дѣлали набѣги на владѣнія Хозарь ¹⁾. Керчь и Сурожъ въ VIII и IX вѣкахъ принадлежали Хозарамъ ²⁾, и такимъ образомъ, послѣднимъ извѣстіемъ какъ бы прямо указываются намъ эти Азовско-Таврическіе или Черноморскіе Русскіе. Около одного времени съ нападеніемъ Руссовъ на Сурожъ имѣло мѣсто совершенно такое же нападеніе непріятелей, называемыхъ также оі 'Рѡс на городъ Византійской имперіи Амастриду ³⁾, какъ это мы знаемъ изъ житія св. Георгія Амастридскаго ⁴⁾.

¹⁾ Ibn-Fozzl. *Френа*, стр. 28 и 29.

²⁾ *Stritt.*, *Мемог. рор.*, III, 543.

³⁾ Находящійся на азіатскомъ берегу Чернаго моря, не слишкомъ далеко отъ Константинополя, на половинѣ разстоянія между нимъ и Синопомъ, въ настоящее время Амазгу.

⁴⁾ Житіе, написанное неизвѣстнымъ, въ Acta SS. *Болландистовъ*, февраля t 3., d. XXI, p. 269 sqq. Въ заключеніе житія изъ многихъ посмертныхъ чудесъ св. Георгія авторъ разказываетъ два, и одно изъ нихъ есть чудо о Руссахъ (пп. 43—46, p. 278). Умысливъ набѣгъ изъ Пропонтиды (а Propontide cladem auspicati) и опустошивъ все морское побережье, Руссы, наконецъ, явились въ отечествѣ святаго—Амастридѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ храмъ, въ которомъ лежало тѣло святаго, и начали раскапывать гробъ его, подозревая, что въ послѣднемъ находится сокровище, но дерзнувшіе на сіе поражены были онѣвнїемъ рукъ и ногъ и стали какъ бы связанные невидимыми узами. Вождь Руссовъ, пораженный чудомъ, спрашивалъ — какого божества это дѣйствіе, и чѣмъ оно можетъ быть умилостивлено; получивъ въ отвѣтъ, что это есть дѣйствіе единого Бога христіанскаго, и что Онъ можетъ быть умилостивленъ молитвами христіанъ, а съ его стороны—освобожденіемъ плѣнныхъ, вождь сдѣлалъ послѣднее и просилъ первыхъ. Когда принесены были усердные молитвы Богу и св. Георгію, варвары освободились отъ поразившаго ихъ божественнаго гнѣва, послѣ чего вождь заключилъ съ христіанами союзъ мира и дружества. Время жизни св. Георгія, хронологіи котораго у автора нѣтъ, опредѣляется тѣмъ, что онъ поставленъ въ епископы Амастридскіе патріархомъ Константинопольскимъ Тарасіемъ, занимавшимъ престолъ съ 784 по 806 г.; умеръ онъ, какъ это дается знать въ житіи, или въ правленіе императрицы Ирины (797—802 гг.), или въ началѣ правленія Никфора Геніа (ἀπὸ Γενικῶν, съ конца 802 г. по 811, житія п 33, p. 277). Сколько спустя времени послѣ смерти святаго случилось чудо, въ житіи ясно не говорится и не дается знать, но самъ авторъ его, обстоятельностью сообщаемыхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, даетъ знать о самомъ себѣ, что если онъ не современникъ Георгія, каковымъ себя не называетъ, то во всякомъ случаѣ человекъ, жившій послѣ него спустя весьма непродолжительное время. Руссы въ житіи характеризуются: «Случилось нашествіе Руссовъ (τῶν Ῥῶς), народа, какъ всѣ знаютъ, жестокаго и свирѣпаго и не имѣющаго даже ни малѣйшей частицы человеколюбія,—звѣрообразные нравами, безчеловѣчные дѣлами, самымъ вѣдомъ показывающіе сверноубійство, не находящіе ни въ чемъ другомъ съ прочими людьми радости, какъ въ кровопролитіи:

Ясно, что тамъ и здѣсь должны быть разумѣны какіе-то одни Руссы, развѣзжавшіе для разбоевъ по Черному морю. Но очевидно, что слишкомъ мудрено предполагать разбой по Черному морю Новгородцевъ начала IX вѣка, и что разумѣть подъ этими морскими разбойниками Руссовъ Азовско-Таврическихъ есть единственное, что можно сдѣлать.

Неизвѣстное по греческимъ рукописямъ житіе Стефана Сурожскаго могло попасть къ намъ весьма простымъ образомъ. Сурожъ, будучи городомъ торговымъ, имѣлъ то особое значеніе въ торговлѣ, что въ немъ сѣзжались купцы европейскіе и азіатскіе для взаимнаго обмѣна своихъ товаровъ ¹⁾. Тѣ изъ русскихъ купцовъ, которые торговали азіатскими товарами, и именно азіатскими шелковыми тканями, ѣздили за ними въ Сурожъ, отъ чего и получили прозваніе Сурожанъ ²⁾. Такъ эти-то купцы и могли вывезти изъ Сурожа жи-

этого-то народъ, губительный дѣломъ и именемъ, начавъ опустошеніе отъ Пропонтиды и разграбивъ прочее побережье, достигъ и до отечества святаго» (въ житіи, которое у Болландистовъ только въ латинскомъ переводѣ, безъ греческаго подлинника, п. 43, греческій подлинникъ приведеннаго нами мѣста въ статьѣ А. А. Куника «О запискѣ Готскаго топарха» въ *Запискахъ Имп. Акад. Наукъ*, томъ 24, кн. I, 1875, стр. 98, прим.). Сейчасъ названный достопочтенный ученый хочетъ разумѣть подъ Руссами, нападавшими на то, что о Руссахъ этихъ говорится, какъ о народѣ, весьма хорошо извѣстномъ по своимъ качествамъ, и что о нихъ прямо сказано: какъ всѣ знаютъ, *ὡς πάντες ἴσασιν*: какимъ образомъ будетъ это приложимо къ Аскольду и Диру, которые явились бы для грабежей въ первый разъ?

¹⁾ См. у *Кетмена* *ibid.*

²⁾ Отсюда произошло названіе Суровской (вмѣсто Сурожской) рѣдъ. О Сурожѣ и купцахъ, торговавшихъ въ немъ или Сурожаныхъ, упоминаютъ: Слово о полку Игоревомъ (по изд. въ *Русск. Достопамят.*, ч. III, стр. 40: «велитъ послухати земли незнаемъ—Въльзъ и Поморію и Сурожу и Корсуню»), Ипатьевская лѣтопись подъ 1288 г. (при описаніи смерти Владиміра Васильковича Галицкаго: «плакашеса надъ нимъ все множество Володимирцевъ, (и) Нѣвци и Сурожьцѣ и Новгородци и Жидове); какъ о купцахъ удалныхъ мѣлодцахъ говорятъ о Сурожаныхъ народныя пѣсни (Пѣсни, собр. *Кирпеевск.*, вып. 3, стр. 107: «Ой ты гой еся охотничекъ, Суровець, богатъ самъ Суздадецъ»). По важному торговому значенію и по большой извѣстности у насъ Сурожа и Азовское море, лежавшее на дорогѣ къ нему и близъ него, получило названіе Сурожскаго. Съ конца XIII вѣка Сурожъ замѣнила въ Крыму, основанная Генуезцами, Кафа, въ которую перешла изъ перваго и русская торговля (о сей послѣдней въ XV в. см. *Записки Одесск. Общ. Исторіи*, V, стр. 213, 231, 234 перваго счета и втораго 148, 149), при чемъ однако купцы, въ ней торговавшіе по прежнему, продолжали называться Сурожанами. О позднѣйшихъ Сурожаныхъ см. *Карамзина*, *Ист. Г. Р.*, V, 231 и примѣч. 32, 70, въ частности о Новгородскихъ Собр. Госуд. Грам. и Догов. II, 58. Кромъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Сурожѣ, могли еще привезти въ Россію житіе св. Стефана крымскіе греческіе выходцы, изъ каковыхъ извѣстенъ намъ по крайней мѣрѣ одинъ—это князь Стефанъ Васильевичъ, пріѣхав-

тіе св. Стефана, мѣстнаго Сурожскаго святаго. Предположивъ, что эти кунцы были Новгородцы или вообще откуда бы то ни было изъ Сѣверной Руси, мы легко поймемъ, какимъ образомъ изъ *oi 'Pōs* подлинника явилась въ славянскомъ переводѣ: «ратъ велика русская изъ Новаграда». Если въ житіи говорилось о Русскихъ, то ваши русскіе переводчики его естественно должны были заключить, что въ немъ говорится именно о насъ Русскихъ, ибо другихъ — Черноморскихъ Русскихъ, разумѣется, не могли же они знать. Если переводчики были изъ сѣверной Руси, то они должны были предположить подъ Русскими Новгородцевъ потому, что въ древнее время въ сѣверной Руси былъ одинъ только Новгородъ, которому можно было бы усвоить походы въ чужія земли. Что касается до имени князя, то гораздо вѣроатнѣе думать, что подлинное чтеніе житія есть «бравливъ и сяментъ», и что собственное имя Бравлинъ возникло изъ «бранливъ» просто вслѣдствіе описки писца. Это необходимо думать потому, что имя Бравлинъ не есть славянское имя, а есть просто совершенная чепуха, которая могла явиться только вслѣдствіе описки (имя Бравлинъ можетъ быть производимо только отъ бравый; но слово бравый не есть славянское, а французское (происшедшее будто бы изъ греческаго βραβύιον при посредствѣ латинскаго *bravium*) и въ русскій языкъ вошло весьма недавно, притомъ изъ бравый по славянскому словопроизводству никакъ не выйдетъ Бравлинъ ¹⁾).

шій къ вел. кн. Василю Дмитріевичу именно изъ Сурожа и бывший родоначальникомъ Ховриныхъ, Головиныхъ и Третьяковыхъ (Родосл. книга, изд. *Новикова*, II, 270).

¹⁾ Когда привезено къ намъ житіе Стефана Сурожскаго, остается неизвѣстнымъ; имя его начинаетъ встрѣчаться въ нашихъ святцахъ (подъ 15-е декабря) съ начала XVI в., Опис. синод. рукоп. *Горск.* и *Невостр.*, Отд. III, ч. I, стр. 50 и 428; архим. *Серія*, Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. I, М. 1875, стр. 158.

Е. Голубинскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie traduites ou analysées pour la première fois par *Alfred Rambeau*, professeur à la Faculté des lettres de Nancy. (*Русскій эпосъ.* Этюдъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи, *Альфредомъ Рамбо*, профессоромъ въ словесномъ факультетѣ въ Нанси). Paris. 1876.

Между европейскими учеными въ послѣдніе годы замѣчается желаніе поближе познакомиться съ Россіей и Славянскими племенами вообще и не довольствоваться старыми поспѣшно составленными заключеніями. Въ этомъ случаѣ практическое любопытство и потребность минуты сталкиваются съ глубокою внутреннею потребностію науки этнологической, ибо лишь только наука вполне приняла тотъ фактъ, что Славянскія племена—такіе же Арійцы, какъ Кельты, Греки и Германцы, что Русскій народъ сохранилъ многое изъ общеарійскаго достоянія, изученіе особенностей этихъ племенъ становится обязательнымъ для науки. Нельзя не признаться, что труды Мена, Тайлора, Фримана были бы полезны, еслибъ эти ученые близко знакомы были съ древностями и современнымъ состояніемъ Славянскихъ народовъ; а между тѣмъ Фриманъ и въ *Comperative Politics* и въ *History of Norman Conquest* признается, что Россію не знаетъ,—пробѣлъ весьма существенный для ученаго, такъ сильно вводящаго въ свои труды сравнительный методъ изслѣдованій и такъ много уяснившаго при помощи этого метода. Внесеніе славянскаго элемента въ извѣстное сочиненіе Итальянца Анджео де-Губернатиса: *Zoological Mythology* придало много интереса этой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ парадоксальной книгѣ. Французскіе ученые Леруа-Солье и Л. Лежеръ напечатали нѣсколько замѣчательныхъ статей по русской культурной исторіи. Извѣстный англійскій знатокъ русскаго языка и Россіи Уильямъ Ральстонъ посвятилъ два замѣчательныя сочиненія русской народ-

ной поэзіи: въ *The Songs of the Russian people* онъ обозрѣлъ лирическія пѣсни въ связи съ мѣологіей и общественнымъ бытомъ; здѣсь тщательно приняты во вниманіе существовавшія до 1872 года сборники пѣсенъ и мѣологическія и литературныя изслѣдованія. Ясное, простое и стройное изложеніе сдѣлало эту книгу для Европы лучшимъ введеніемъ въ изученіе русской народной жизни. Слѣдующій его трудъ, объясняющій русскія сказки: *Russian Folk-Tales*, посвященный памяти А. Н. Аванасьева, интересенъ и для русскихъ ученыхъ: авторъ внесъ въ свою книгу значительное количество сравненій между сказками русскими и сказками другихъ народовъ, и такимъ образомъ, представилъ первое полное изслѣдованіе этого вопроса и во всякомъ случаѣ изысканный и стройный обзоръ всего матеріала. Прежнее его сочиненіе о Крыловѣ, многіе переводы русскихъ авторовъ и недавнее краткое, но живое, всѣмъ понятное обозрѣніе древней русской исторіи: *Early Russian History*, составленное на основаніи русскихъ историческихъ сочиненій, свидѣлствуютъ о многосторонности интереса къ Россіи автора и его неутомимости въ трудѣ. Къ сожалѣнію, заявленное имъ намѣреніе познакомить Европу съ русскими былинами осталось не исполненнымъ. Трудъ, задуманный Ральстономъ, исполненъ недавно съ блестящимъ усиліемъ профессоромъ словеснаго факультета въ Нанси—Альфредомъ Рамбо. Своимъ превосходнымъ трудомъ о времени Константина Багрянороднаго (*L'Empire Grec au X siècle*), въ которомъ коснулся Славянскихъ народовъ, но главное безъ предубѣжденія взглянулъ на Византию, авторъ обратилъ вниманіе ученаго міра на свои блестящія дарованія. Дальнѣйшіе труды, частію посвященные франко-германскимъ отношеніямъ начала XIX в., частію ознакомленію публики съ Россіей прошедшею и настоящею въ статьяхъ, появившихся въ *Revue des deux Mondes* ¹⁾, поддержали эти надежды. Послѣдній трудъ Рамбо, заглавіе котораго мы выписали, есть результатъ большой начитанности въ источникахъ и литературѣ, возможной только при томъ условіи, что авторъ, какъ и Ральстонъ, не разъ посѣтилъ Россію и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими учеными. Планъ книги задуманъ очень удачно: авторъ пытается представить исторію какъ Великой, такъ и Малой Россіи, въ томъ видѣ, какъ она отразилась въ

¹⁾ Русскую критику поразило въ одной изъ этихъ статей то, что авторъ отдавалъ преимущество русскому женскому воспитанію передъ французскимъ. У насъ это сочли отсталостію. Такъ и надо было ожидать.

поэтическихъ воспоминавіяхъ народа. Въ приложеніи къ Малой Россіи подобнаго плана держался И. И. Срезневскій въ своей „Запорожской старинѣ“, книгѣ, впрочемъ, неизвѣстной г. Рамбо; тому же плану слѣдовали издатели сборника: „Историческія пѣсни Малорусскаго народа“; относительно великорусскихъ пѣсенъ авторъ могъ руководствоваться классификаціей П. А. Безсонова, расположившаго пѣсни по эпохамъ воспѣваемыхъ событій. Разказавъ въ предисловіи исторію собранія былинъ, авторъ переходитъ къ эпохе, какъ онъ называетъ, *легендарной*, къ которой относятъ старшихъ богатырей, богатырей Владимірова цикла и Новгородскихъ. Въ концѣ отдѣла онъ обозрѣваетъ литературу вопроса о происхожденіи былинъ, какъ онъ былъ поставленъ въ русской наукѣ, и осуждаетъ теорію В. В. Стасова. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, нельзя считать вполне сданнымъ въ архивъ: еще много серьезнаго научнаго труда потребуется на то, чтобъ отдѣлить литературныя наросты въ созданіяхъ народнаго творчества; работа надъ населеніями русскаго эпоса только началась, а не завершилась превосходнымъ трудомъ О. Э. Миллера; самый вопросъ о времени происхожденія былинъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ имѣемъ,—еще вопросъ. Тѣмъ не менѣе главныя черты возрѣнія, принятаго г. Рамбо, слѣдуетъ считать правильными, и его восторгъ передъ первоначальными богатствами русскаго народнаго эпоса совершенно основателенъ. „Сравнивая“, говоритъ онъ, — „то немногое, что сохранилось изъ нашей старой литературы и старыхъ народныхъ преданій съ поэтическимъ богатствомъ Славянства, мы не можемъ не чувствовать зависти. Мы сдѣлались сначала до того Галло-Римлянами, а потомъ до того Французами, что перестали быть Галлами. О, если бы мы столько же сохранили отъ нашей кельтійской древности, сколько Русскіе сохранили отъ своей древности славянской! Если бы мы могли за чертами народныхъ героев видѣть черты древнихъ гальскихъ боговъ! Никогда не будемъ мы знать также хорошо, какъ они, предъ кѣмъ преклонялись наши языческіе предки“. Отъ эпоса мионическаго авторъ переходитъ къ историческимъ пѣснямъ. Начиная основательно съ „Слова о полку Игоревѣ“, онъ слѣдитъ преимущественно по изданію г. Безсонова за пѣснями, посвященными историческимъ событіямъ до послѣднихъ временъ. Но гдѣ есть возможность пользоваться и другими источниками, авторъ ими не пренебрегаетъ: такъ онъ заимствуетъ отъ Е. В. Барсова олонецкую побывальщину, предоставляющую Петра чародѣемъ. Возрѣнія г. Рамбо на историческую жизнь Россіи весьма замѣчательны:

онъ понимаетъ необходимость объединенія; онъ сознаетъ величіе Ивана Грознаго. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи написать его сравненіе Грознаго съ Петромъ: указывая на то, что въ образѣ Петра народный эпосъ внесъ многія черты, которыми характеризовались другіе герои, авторъ продолжаетъ: „Въ циклѣ поэтическомъ есть въ особенности одно лицо, которое дало наиболѣе чертъ образу Петра Алексѣевича: то былъ и царь, и богатырь—Иванъ Грозный. Роли Ивана въ XVI и Петра въ началѣ XVIII вѣка представляютъ странную аналогію. Оба были и разрушителями, и создателями въ одно время; послѣ упорной кровавой борьбы съ отжившимъ они создали: одинъ—Московское царство, другой—Русскую имперію. Въ дѣтствѣ оба терпѣли отъ своихъ попечителей; сонъ обоихъ нарушался шумомъ возстаній; оба страдали отъ недостатковъ русскаго общества прежде чѣмъ принялись за исправленіе ихъ. Оба во всю свою жизнь служили цѣлю заговоровъ, которые усмиряли съ страшною энергіей: стрѣлцкая бойня 1698 г. не уступить сдираніямъ кожи съ бояръ при Иванѣ Грозномъ на той же самой площади. Оба сослали женъ своихъ въ монастырь и погубили своихъ старшихъ сыновей. Одаренные высокимъ разумомъ, обладая образованіемъ, превосходящимъ образованіе ихъ эпохи, равно любившіе иностранцевъ, равно любознательные относительно искусствъ запада, равно страстно преданные своей задачѣ, трудолюбивые, неутомимые и неумолимые, они сходились и въ своихъ великихъ политическихъ идеяхъ. Иванъ еще прежде Петра желалъ овладѣть Балтійскими провинціями, принималъ европейскихъ мореплавателей въ свои порты, заводилъ сношенія въ Польшѣ, и завоеваніемъ Казани и Астрахани прокладывалъ путь къ морямъ Черному и Каспійскому. Своими пороками и добродѣтелями оба были высшимъ олицетвореніемъ преобладающаго русскаго племени, Великорусскаго. Иванъ, ненавидимый знатью, устрашающій духовенство, до доходовъ котораго онъ коснулся прежде, чѣмъ Петръ рѣшился тронуть его имущество, оставилъ въ народѣ воспоминаніе героя и правосуднаго судьи. Преступленія и пороки боярства во время его малолѣтства служили достаточнымъ основаніемъ его постояннымъ опасеніямъ измѣны. Можно сказать, что сынъ Василія во многихъ отношеніяхъ являлся предшественникомъ сына Алексѣя, и что народъ, угнетаемый помѣщиками и воеводами, разоряемый разбойниками и смутами, до тѣхъ поръ жалѣлъ объ Иванѣ Грозномъ, пока не явился Петръ Грозный^а. Если исключить нѣкоторыя неточности выраженія (мы уже выкинули

„Красную площадь крамольную“), то въ цѣломъ нельзя не согласиться съ сужденіемъ автора, такъ краснорѣчиво выраженнымъ.

Отъ эпопей народной авторъ переходитъ къ заимствованіямъ, какъ съ Востока, такъ и съ Запада. Все, что до сихъ поръ сдѣлано по этому вопросу русскою наукою, за исключеніемъ, къ сожалѣнію, превосходной докторской диссертациі А. Н. Веселовскаго („Славянскія сказанія о Соломонѣ“), принято во вниманіе почтеннымъ французскимъ ученымъ. Книга князя П. П. Вяземскаго: „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“, въ которой много правды и много парадоксовъ, которая открываетъ новый и широкій горизонтъ и составляетъ очень важное явленіе, дала много нашему автору, хотя желательно было бы болѣе критическаго отношенія къ ея выводамъ. Конѣцъ книги г. Рамбо посвященъ народной малороссійской повѣи, гдѣ авторъ пользуется преимущественно новѣйшими трудами.

Отношеніе автора къ источникамъ всегда добросовѣстно и тщательно; знанія, пріобрѣтенныя имъ въ короткое время и по большей части при условіяхъ неблагопріятныхъ, изумительны; ошибокъ (въ родѣ принятія Буслаева за именительный падежъ и смѣшенія двухъ Пожарскихъ: вн. Дмитрія Михайловича и погибшаго подъ Конотопомъ Семена Романовича, хотя они различены въ сборникѣ Кирѣевскаго) такъ мало, что о нихъ можно было бы и не говорить. Трудолюбіе и блестящія дарованія автора дали ему возможность написать по французски такую книгу, каковой мы и по русски не имѣемъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, d'après les travaux les plus récents, par M. Charles Aubertin. Tome I (Исторія французскаго языка и литературы въ средніе вѣка, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Соч. III. Обертена. Т I-II). Paris. 1876.

Исторія французской литературы принадлежитъ безспорно къ числу наиболѣе обработанныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе бѣдныхъ такими компендіями, которые, представляя повременный сводъ всего, выработаннаго спеціальною наукою, могли бы явиться подспорьемъ и руководствомъ для неспециалиста. Ни одна литература не можетъ ничего оставить рядомъ съ грандіознымъ предпріятіемъ Бенедиктинцевъ св. Мавра, начатымъ въ 1733 году, достигшимъ недавно 26-го тома — и дошедшимъ лишь до XIV вѣка. Масса работъ и изданій, посвященныхъ литературѣ древнаго періода Франціи, обли-

часть живой интересъ къ національному прошлому, постепенно возрастающій съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Работы Ренуара въ 1830 г., письмо Мишлэ въ 1831, диссертація Монье о Роландѣ въ 1832, нѣсколько статей Форіэля въ *Revue des Deux-Mondes* — были манифестомъ новаго направленія, въ исторіи котораго всякому памятна дѣятельность П. Париса, Фр. Мишеля и др. Въ 1856 году само правительство освятило своимъ участіемъ дѣло народнаго самопознанія: императорскій декретъ 12-го февраля, внушенный министромъ Фортулемъ, повелѣвалъ нанечатать цѣлкомъ всѣ произведенія древнихъ французскихъ поэтовъ, какія только сохранились въ рукописяхъ. По плану, составленному Гессаромъ, изданіе должно было обнимать 60 томовъ и около 3.600,000 стиховъ; Фортуль написалъ на поляхъ проекта: *Tout, tout, publier tout*; изданіе разрослось бы до 4 милліоновъ стиховъ. Впослѣдствіи этотъ слишкомъ широкій планъ былъ оставленъ и уступилъ мѣсто болѣе скромному: въ 1859 году, при министерствѣ Рулана, начато было изданіе поэмъ Карловингскаго цикла, продолжающееся и до сихъ поръ. Въ 60-хъ годахъ являются на смѣну старымъ дѣятелямъ новые люди; доля дилеттантизма, увлеченія національными и поэтическими сторонами дѣла перевѣшивается въ новомъ поколѣніи болѣе серьезными, научными отношеніями: изученіе старо-французской литературы обѣщаетъ стать на прочную филологическую почву, тогда какъ прежде роль издателя не выходила изъ роли собирателя и начетчика. Мнѣ стоитъ только назвать такой органъ, какъ *Revue*, чтобъ опредѣлить характеръ новой школы; имена такихъ дѣятелей, какъ Гастонъ Парисъ и Поль Мейеръ, достаточно говорятъ за себя. Ихъ ученые труды поставили ихъ въ нѣсколько лѣтъ въ разрядъ первыхъ романистовъ Европы; кто имѣлъ удовольствіе посѣщать ихъ чтенія въ Collège de France, въ Ecole pratique des hautes Études и въ École des Chartes, знаетъ, что они умѣютъ дѣйствовать не одними книгами, но и тѣмъ талантомъ преподаванія, который создаетъ учениковъ, выводя науку на новые пути.

Работы этой новой школы въ особенности побудили г. Обертена свести въ одно цѣлое, точное и вмѣстѣ съ тѣмъ не пространное, тѣ несомнѣнные результаты, которые получены въ области древней литературы Франціи трудами, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Я замѣтилъ, что такого именно компендія не доставало; можно было указать развѣ на руководство Деможо, достоинства котораго засвидѣтельствованы множествомъ изданій; но оно далеко отстоитъ отъ подобныхъ ему нѣмецкихъ сочиненій, въ родѣ извѣстной

книги Коберштейна, недавно переизданной Барчемъ. Книга Обертена назначена восполнить этотъ пробѣлъ.

Пока передъ нами лишь первый томъ, который мы не можемъ не рекомендовать вниманію всѣхъ, кто захотѣлъ бы познакомиться съ древнимъ періодомъ французской литературы въ общемъ очеркѣ, — и не только литературы, но и языка. Зарожденіе французской народности поднимаетъ нѣсколько этнографическихъ и тѣсно связанныхъ съ ними лингвистическихъ вопросовъ, на которые авторъ даетъ отвѣтъ въ 1-й части своего труда. Такъ, онъ говоритъ о Галлахъ и галльскомъ элементѣ во французскомъ языкѣ; о вторженіи латинской и впоследствии германской рѣчи на почву Галліи; о развитіи народно-латинской рѣчи до выдѣленія изъ нея тѣхъ романскихъ говоровъ, которые впоследствии назовутся: французскимъ и провансальскимъ языками. Сдѣлавъ краткую характеристику ихъ древнѣйшихъ памятниковъ, Обертенъ посвящаетъ двѣ главы вопросамъ объ образованіи французскаго словаря, о синтаксисѣ и склоненіяхъ древне-французскаго языка, о его діалектахъ и стихосложеніи. Видно, что автору знакомы новыя изслѣдованія въ этой области, но онъ относится къ нимъ нѣсколько какъ компиляторъ, не перерабатывая ихъ. Отсюда нѣкоторыя неровности и недосмотры; въ родѣ замѣченныхъ мною на стр. 87 прим. 1, гдѣ въ примѣръ двойственныхъ формъ французскаго слова, сохранившихъ отличія латинскихъ падежныхъ формъ, въ родѣ *pâtre* (*pâstor*)—*pasteur* (*pastorem*) и т. д.—цитуются такія кажущіеся дублеты, какъ *bel*, *beau*, *fol*, *foz* и т. д.—Характеристика звуковыхъ отношеній французскихъ говоровъ (стр. 101—102), по необходимости короткая, была бы точнѣе, еслибы за точку исхода были приняты звуки латинской рѣчи, а не фонетика современнаго французскаго литературнаго языка. Когда говорятъ, что бургундскій діалектъ *измѣняетъ ou* въ *o*, и въ примѣръ тому проводятъ: *jour*, *vos*, вм. *jour*, *vous*, не приготовленный читатель можетъ легко заключить, что измѣненіе произошло въ указанномъ направленіи, тогда какъ на дѣлѣ *jour* и *vos* представляютъ болѣе древнія формы слова. Если далѣе на стр. 105, прим. 1-е, говорится, что Амперъ замѣтилъ въ говорѣ нѣкоторыхъ сѣверно-италианскихъ долинъ множество словъ *французскихъ* (*qui ont la forme française*), то новѣйшія изслѣдованія въ области сѣверно-италианскихъ діалектовъ могутъ заставить усумниться въ этомъ открытіи, и всего менѣе согласиться съ авторомъ, усматривающимъ въ этихъ діалектическихъ особенностяхъ—слѣды вторженія французскаго

(литературнаго) языка въ средневѣковую Италію, то-есть, въ ея литературу.

Чтобы покончить тотчасъ же съ отдѣломъ мелкихъ замѣчаній и придирокъ, я соберу ихъ нѣсколько, взятыхъ въ разныхъ отдѣлахъ книги. На стр. 105 говорится, что въ Германіи Фридрихъ II (Гогенштауфенъ) и его дворъ занимались французскою поэзіей—утвержденіе слишкомъ аподиктическое, чтобы быть справедливымъ, даже въ той общей формѣ, въ какой оно предлагается.—Примѣчанія на стр. 264—265, показывають недосмотръ въ библиографіи: поэма объ *Amadas et Ydoine* не „неизданная“, а напротивъ, напечатана; упоминая прелестный романъ *Floire et Blanceflor*, авторъ замѣчалъ только: „M. Bekker l'a publié à Berlin en 1841“; а известное изданіе Э. Дюмерилля? Точно также читатель остается въ неизвѣстности, изданъ ли былъ французскій текстъ поэмы объ Ираклин (*Eraclès*); авторъ только замѣчаетъ, что она въ очень древнее время (*très anciennement*) была переведена на нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, поводъ, вызвавшій эту библиографическую замѣтку объ *Eraclès*, показываетъ, что авторъ зналъ лишь по слуху объ ея содержаніи.—На стр. 268 нѣмецкій пересказчикъ Роланда названъ *Conrad* (Конрадъ), какъ на стр. 341, Фридрихъ von *Hausen* обратился (можетъ быть, вслѣдствіе опечатки?) въ *Frédéric de Hansen*.—Свѣдѣнія о популярности Роланда и Карла Великаго въ пѣсенной поэзіи Славянъ (стр. 269) давно бы пора отнести къ апокрифамъ.—Далѣе, нѣсколько неточностей, касающихся Италиі: что до XIV вѣка Италія не знаетъ другой лирической поэзіи, кромѣ провансальской, другаго языка для лирики, кромѣ языка трубадуровъ (стр. 339),—это положеніе невѣрное, хотя авторъ повторяетъ его на слѣдующей страницѣ (340). А предшественники Данта, первыя стихотворенія котораго (то-есть, изъ известныхъ намъ) относятся къ 80-мъ годамъ XIII вѣка? А сицилійская и болонская школы? Авторъ ссылается по этому поводу на книгу Баретъ: *Influence des Troubadours sur le Midi de l'Europe*, не имѣющую, какъ известно, никакого научнаго значенія; онъ не только цитуетъ его на ряду съ Дидомъ и Барчемъ, но и выдвигаетъ его особо, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если не ошибаюсь, цитуетъ по памяти: сколько помнится фамилія автора — *Baret*, а не *Barré* (см. 340, прим. 2-е, 341 прим. 1-е).—Въ отдѣлѣ драмы (472—3) меня остановили сравненія средневѣковой драмы съ греческою, сравненія, по крайней мѣрѣ ничего не доказывающія. Дѣло идетъ о *Passion* Жана Мишеля. Сцена, въ которой Богородица умоляетъ своего Сына не ходить въ Иерусалимъ, напоминаетъ будто

бы ту сцену, гдѣ Діана вѣщаетъ Ипполиту о смерти, ему угрожающей: „Нечего и говорить, что фабула греческой драмы стоитъ безконечно ниже положенія, описаннаго въ мистеріи; но и Жанъ Мишель гораздо ниже Эврипида“ (!). Далѣе тотъ же Мишель является раздражателемъ Софокла; Положеніе Іуды, женищагося на своей матери Сибореѣ, можетъ быть приравнено къ отношеніямъ Эдипа и Іокасты: „Жанъ Мишель очевидно подражалъ Софоклу, или лучше сказать, онъ воспользовался легендой объ Эдипѣ, проникшею въ средневѣковыя школы“ (!). Очевидно, неясное выраженіе, которое можетъ заставить предположить, что самъ Жанъ Мишель приобщалъ къ образу Іуды характерныя черты эдиповской легенды. Извѣстно, что легенда объ Іудѣ и Сибореѣ сложилась ранѣе, чѣмъ жилъ Мишель. Не указываю литературу этого вопроса и не знаю, была ли она извѣстна автору, но долженъ замѣтить, что далѣе онъ такъ исправляетъ и обобщаетъ приведенную выше фразу: „Іуда былъ однимъ изъ самыхъ презрѣнныхъ типовъ священной исторіи; не удивительно, что на него перенесли самую страшную кару, какую только могли представить себѣ языческіе поэты“.

— На стр. 496 авторъ связываетъ этимологически слово *rotuan-ges* съ *rote*, музыкальнымъ инструментомъ, что едва-ли справедливо. — На сколько представляется доказаннымъ положеніе автора (стр. 543), что Antoine de la Sale былъ редакторомъ *Cent Nouvelles nouvelles* — я не знаю.

Перехожу снова къ общему содержанію книги.

За лингвистическо-этнографическимъ введеніемъ слѣдуетъ большой отдѣлъ (стр. 117—276), посвященный старо-французскому эпосу. Если принять въ разчетъ, что старо-французской драмѣ отведено въ трудѣ Обертена гораздо болѣе мѣста (стр. 372—572), что подъ рубрикой эпоса собраны и романы такъ называемаго бретонскаго цикла и т. д., то окажется, что въ экономіи книги наиболѣе скромная доля выпала тому именно явленію, въ которомъ ярче всего высказались особенности французскаго ума и фантазіи. Я говорю о Карловингскомъ циклѣ. Драма на столько мало принадлежитъ Франціи, на сколько она вообще представляется принадлежностью всей католической Европы, на сколько ея первые шаги привязаны къ церковному католическому обряду. Никто, конечно, не станетъ отрицать выдающуюся роль старой Франціи въ исторіи развитія драматическаго рода, роль, обусловленную общимъ вліяніемъ Франціи на литературныя судьбы средневѣковой Европы. Но дѣло идетъ не о преобладаніи вліянія, а

объ исключительности почина; въ этомъ отношеніи карловингская *chanson de gestes* всецѣло принадлежитъ Франціи, и въ обзорѣ старо-французской литературы на нѣй надлежало остановиться тѣмъ съ болѣею подробностью, что именно въ этой области изслѣдованія получены наиболѣе положительныя результаты. Стоитъ только указать на извѣстные труды Гастона Париса, Леона Готье, Поля Мейера и др., которыми авторъ долженъ былъ воспользоваться болѣе— для пользы своей книги.

Послѣ нѣсколькихъ главъ, предлагающихъ хорошія своды того, что намъ стало извѣстно о зарожденіи и развитіи народной эпопеи во Франціи, авторъ знакомитъ насъ съ ея литературными достоинствами—разборомъ *Chanson de Roland* (cycle carlovingien) и *Raoul de Cambrai* (cycle féodal). На этомъ разборѣ я останавливаться не буду; но меня останавливаетъ одно замѣчаніе, которое, на мой взглядъ, какъ-то не вяжется съ народною „репутаціей“ *Chanson de Roland*. Были-ли знакомы ея автору древніе писатели?“ спрашиваетъ Обертень. „Поддерживаетъ ли нашихъ эпиковъ какое-нибудь воспоминаніе о Грекахъ и Римлянахъ? Я склоненъ отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ. Образъ древности, болѣе или менѣе блѣдный, никогда не исчезалъ изъ воображенія новыхъ людей, за исключеніемъ развѣ эпохъ окончательнаго невѣжества и бесплодія, каковы VII и VIII вѣка; не было времени, когда бы они совершенно утратили эти образцы, хотя, быть можетъ, и искаженные. Средніе вѣка почитали Гомера и удивлялись ему на вѣру, не зная его произведеній; но они читали Энеиду и латинскихъ поэтовъ, освѣщенныхъ отблескомъ гомеровскихъ лучей. Въ школахъ объяснялся компендій Иліады, написанный довольно сносными латинскими стихами, авторъ котораго скрылся за именемъ Пиндара изъ Фивъ. По моему мнѣнію, большинство нашихъ труверовъ, людей не безъ образованія, знало эту современную имъ ученую литературу, и можно предположить, что иные приемы античной эпопеи, инныя выраженія гомеровскаго стиля проникли такимъ путемъ въ наши *chansons de gestes*“ (стр. 184—8). Разумѣется, говоритъ далѣе авторъ, не подражаніе древнимъ дало имъ силу, воспитало энтузіазмъ, а прямое участіе къ окружающей ихъ героической дѣйствительности. Вопросъ объ античныхъ студіяхъ автора *Chanson de Roland* разрѣшается такимъ образомъ въ ничто, или лучше сказать, вводится въ надлежащія рамки: это вопросъ любопытства и эрудиціи. „Ни въ какую пору среднихъ вѣковъ“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Обертень, (стр. 545, прим.), — „геній Французскаго народа

не былъ ограниченъ собственными средствами, рамками дикой само-бытности и первобытнаго невѣжества. Съ раннихъ поръ его воспитала и оплодотворяла древность. Если онъ мало знакомъ былъ съ Греками, за то онъ всегда владѣлъ и пользовался Латинами. Было бы особенно интересно прослѣдить и разобрать въ самыхъ оригинальныхъ (*spontaneés*) его произведеніяхъ слѣды видимаго подражанія древней литературѣ. Я ничего не имѣю противъ подобной задачи и только взываю къ культу мѣры. Какъ поднимать вопросъ о заимствованіи—именно по поводу самыхъ оригинальныхъ, вышедшихъ изъ почвы созданій народной фантазій? *Chanson de Roland*—не сказочная былина; скорѣе уже можно сравнивать Жана Мишеля — съ Еврипидомъ и Софокломъ.

Слѣдующія главы отдѣла объ эпосѣ говорятъ о циклѣ „бретонскихъ“ романовъ, о романахъ, заимствовавшихъ свои сюжеты изъ преданій классической древности; наконецъ, о *romes d'aventures*, о послѣднихъ слишкомъ вратко и неясно, внѣ соотвѣтствія съ интересомъ, какой долженъ внушить подобный сюжетъ. Я ограничусь нѣсколькими словами о бретонскомъ циклѣ,—то-есть, о романахъ Круглаго Стола. На сколько изслѣдованія въ области Каролингскаго эпоса привели къ положительнымъ даннымъ, на столько сбивчивы и неточны наши свѣдѣнія относительно зарожденія той повѣствовательной литературы, которая заняла въ симпатіяхъ современниковъ мѣсто, отданное прежде народной сагѣ. Мнѣнія, какъ извѣстно, расходятся въ самомъ главномъ вопросѣ: вопросѣ объ источникахъ бретонскихъ романовъ. Автору пришлось компилировать и выбирать, но его средніе термины не выиграли отъ того въ ясности. „Легенды, составляющія основу бретанскаго цикла, вышли изъ нѣсколькихъ источниковъ“, говоритъ онъ.—„Въ нихъ можно найти и воспоминанія о долгой борьбѣ Бретонцевъ противъ англосаксонскаго погрома, древнія преданія, *отголоски народной поэзій, сохранившіеся въ народныхъ пѣсняхъ*; къ этой первоначальной основѣ присоединились впоследствии набожныя легенды объ утвержденіи христіанства въ Британніи и восточныя басни, распространенныя въ Европѣ при посредствѣ Евреевъ, испанскихъ Мавровъ и паломниковъ, приходившихъ изъ Святыхъ Мѣстъ“ (стр. 205). Къ этому разнохарактерному матеріалу надо присоединить и сюжеты, заимствованные изъ классической древности (стр. 208). Для вопроса о національности бретанскаго цикла всего важнѣе, разумѣется, „отголоски народной поэзій, сохранившіеся въ народныхъ пѣсняхъ“. Авторъ говоритъ намъ о

прямыхъ наслѣдникахъ галльскихъ бардовъ, о бретонскихъ пѣвцахъ (bardes), существованіе которыхъ засвидѣтельствовано уже для VI вѣка: о ихъ лирическихъ поэмахъ или *lais*, не рѣдко поминаемыхъ въ позднѣйшей литературѣ Франціи съ эпитетомъ: бретонскихъ. Надо полагать, что онѣ создавались и пѣлись на кельтскомъ языкѣ; это, разумѣется, предположеніе, хотя совершенно вѣроятное: ни одного древне-кельтскаго *lai* мы не знаемъ; авторъ совершенно справедливо отрицаетъ попытку Вильмаркэ—усмотрѣть отрывки древне-кельтскаго эпоса въ народныхъ кельтскихъ пѣсняхъ позднѣйшей сравнительно эпохи. Всякому вольно думать, говоритъ Обертенъ въ началѣ своей книги (стр. 14—15), что слѣды древнихъ пѣсеней сохранились въ стихотвореніяхъ весьма недавняго времени, но это скорѣе дѣло чувства и воображенія; такого рода предположенія никогда не могутъ стать положеніями. Остается другой путь повѣрки: бретонскіе *lais* не только упоминаются старо-французскими поэтами, но и вызвали въ ихъ средѣ подражателей, въ рукахъ которыхъ ихъ лирическій складъ уступилъ мѣсто болѣе эпическому, сохранивъ, впрочемъ, идеальныя черты рода. „*Marie de France* и труверы вышли за узкіе предѣлы жанра, обративъ преимущественно вниманіе на передачу того нѣжно-меланхолическаго тона, того выраженія тихой грусти, которое составляетъ отличительную черту этой поэзіи“ (стр. 209). Является вопросъ, могутъ ли эти французскіе *lais* дать намъ понятіе о *содержаніи* своихъ прототиповъ, кельтскихъ *lais*? Могутъ-ли они поучить насъ относительно предполагаемой связи между послѣдними и *содержаніемъ* романовъ Бретонскаго цикла? Въ данномъ случаѣ фактическій отвѣтъ былъ бы особенно важенъ. Вмѣсто того мы получаемъ у Обертена одну изъ тѣхъ страницъ, въ которыхъ серьезный вопросъ серьезно рѣшается фразами. Сдѣлавъ характеристику *lais*, ихъ меланхолическаго, нѣжнаго стиля, авторъ замѣчаетъ, что фактъ ихъ *древняго* существованія разрѣшаетъ сомнѣніе: какимъ образомъ мягкіе, галантные, утонченные нравы романовъ Круглаго Стола могли существовать одновременно съ варварскими, грубыми нравами французскихъ *chansons de gestes*?“ Этотъ бретонскій, кельтскій духъ, столь отличный отъ феодальнаго, существовалъ и проявлялъ себя задолго до XII вѣка—въ мягкости стиха и мелодіи, которые народныя пѣвцы разносили по западной Европѣ; *lais* были нѣкоторымъ образомъ коротенькими кантиленами, изъ которыхъ сложилась эпопея, гдѣ король Артуръ началъ играть роль Карла Великаго. Въ концѣ XII вѣка эта вторая струна поэтическаго вдохновенія,

до тѣхъ поръ слабая, по крайней мѣрѣ во Франціи, оттѣсненная на задній планъ богатѣмъ развитіемъ воинственной поэзіи Карлолингскаго цикла, крѣпнеть въ свою очередь и начинаетъ соперничать въ силѣ и полнотѣ со струей собственно французской. Такимъ образомъ два направленія, поставленныя лицомъ къ лицу, смѣшиваются, проникаются взаимно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нравы становятся мягче, чувства—утонченнѣе, люди—человѣчнѣе, измѣняется тонъ поэзіи и общества, и блестящее царство рыцарства отмѣняетъ полу-германское варварство феодальной поры. Теперь намъ легче понять, какимъ образомъ могли развиваться въ одной и той же странѣ и одновременно произведенія, столь мало похожія другъ на друга, служащія выраженіемъ столь противоположныхъ нравовъ. Чѣмъ яснѣе становится вопросъ генезиса—тѣмъ болѣе свѣта проливается и на исторію послѣдующаго развитія“ (стр. 209—11). Съ послѣднимъ заключеніемъ нельзя не согласиться, если требованіе послыжки дѣйствительно удовлетворено точнымъ, научнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, вопросъ объ источникахъ бретонскихъ романовъ остается, во многихъ отношеніяхъ, вопросомъ и научнаго удовлетворенія не принести. Характеръ задачи, поставленной себѣ Обертеномъ, не вызывалъ его на самостоятельное изысканіе, и не его вина, если глава о бретонскомъ циклѣ отразила въ себѣ то хаотическое состояніе, въ которомъ находится до сихъ поръ эта интересная область историко-литературнаго изслѣдованія.

Послѣдніе два отдѣла книги Обертена посвящены лирической и драматической поэзіи старой Франціи. На первомъ я останавливаться не стану; о нѣсколькихъ широкихъ размѣрахъ, данныхъ послѣднему, сказано было выше нѣсколько словъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ критиковать планъ работы, но подобная критика полезна лишь въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ нею идетъ положительная часть: предложеніе лучшаго плана. Такое предложеніе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что предъ нами лежитъ пока 1-й томъ сочиненія, за которымъ послѣдуетъ второй. Авторъ такъ опредѣляетъ напередъ его содержаніе (стр. 578): „Мнѣ еще остается изучить развитіе сатирическаго жанра, занявшаго столь видное мѣсто въ средневѣковой литературѣ, и разновидности дидактическаго рода. Намъ предстоитъ въ заключеніи изыскать и показать тѣ многочисленныя причины, которыя остановили это развитіе, уничтожили въ пору цвѣта эту поэзію, прежде чѣмъ она успѣла принести плодъ. Мы исполнимъ эту задачу, бросивъ взглядъ на часть CLXXXVII, отд. 2.“

слѣднихъ повтовъ, Шарля d'Orléans, Вильона и ихъ современниковъ, на педантическую шеолу, „великихъ реториковъ (grands-rhétoriquers), неумѣло предварающихъ дѣло Возрожденія, безъ энтузіазма и таланта Плейды“. Въ заключеніи ожидаемаго тома, авторъ обѣщаетъ полную исторію прозаическихъ родовъ. Это заявленіе поможетъ намъ указать на нѣкоторыя слабыя стороны общаго плана книги: планъ этотъ—смѣшанный, слѣдующій то по исторической канвѣ, то по рубрикамъ поэтическихъ и прозаическихъ родовъ. Этимъ объясняются и объяснятся иныя неровности изложенія. Мнѣ представляется, напримѣръ, что отдѣленіе религиозной драмы (мистерія, миракль) отъ религиозной (прозаической и поэтической) литературы вообще, порываетъ нѣкоторыя, весьма существенныя связи: миракль есть драматизированная легенда, какъ, съ другой стороны, фарсъ представляется драматизированнымъ *fabliau*. Между тѣмъ о *fabliô* мы узнаемъ лишь впоследствии, въ отдѣлѣ сатирической литературы, тогда какъ его драматическій сверстникъ нашелъ себѣ мѣсто уже въ первомъ томѣ. Я могъ бы сдѣлать еще нѣсколько подобныхъ замѣчаній, но я предполагаю обобщить ихъ въ одно: о преимуществѣ въ очеркѣ литературной исторіи какого бы то ни было народа исторически-последовательнаго изложенія. Я понимаю это требованіе не въ смыслѣ одной хронологической последовательности, но въ болѣе широкомъ, которому историко-литературное изложеніе рѣдко отвѣчаетъ. Исторія литературы должна явиться исторіей развитія общественной мысли въ памятникахъ объективнаго творчества. Одни общественныя условія вызвали народную эпосъ; новый поворотъ общественнаго сознанія отразился въ политическихъ и религиозныхъ идеалахъ, нравахъ, и напримѣръ, въ литературѣ бретонскаго цикла. Такимъ же движеніямъ общественной мысли и политической жизни отвѣтила буржуазная литература *fabliô* и т. д. Литература такимъ образомъ только закрѣпляетъ и выражаетъ движенія и колебанія народнаго прогресса; въ этомъ ея цѣльность, ея организмъ. По этому плану приготовленъ мною очеркъ исторіи литературъ новой Европы; на первый разъ—французской и италянскій.

Александръ Веселовскій.

E. Gebhart, *De l'Italie, essais de critique et d'histoire* (Э. Гебгартъ, Обь Ита-
ліи. Историко-критическіе очерки). Р. 1876.

Подъ этимъ заглавіемъ Э. Гебгартъ, профессоръ иностранныхъ литературъ въ Нанси, собралъ нѣсколько этюдовъ, посвященныхъ исторіи и литературѣ Италіи и нашедшихъ благосклонный приѣмъ во французской пресѣ. Авторъ — восторженный поклонникъ Ита-
ліи, Италіи старой, черты которой стираются съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе подъ вліяніемъ нивелирующей культуры XIX вѣка. Вскорѣ не узнать будетъ Италіи времени президента de Brosses, Гете и Шатобриана, сказалъ себѣ Гебгартъ,—и это чувство неминуемо-грядущаго дало ему мысль — сохранить въ полномъ очеркѣ лучшія черты италянскаго прошлаго. Онъ затѣялъ исторію италянскаго Возрожденія; нога онъ намъ даетъ лишь нѣсколько приготи-
тельныхъ очерковъ, ожидая, что время доставитъ возможность соврѣтъ его личнымъ взглядамъ, приблизивъ ихъ къ значенію объективныхъ, научныхъ положеній.

Если выдѣлить послѣдній (восьмой) этюдъ, посвященный Дж. Леопарди, то первые семь представляютъ въ своей послѣдовательности известную идеальную связь, идею развитія. Можно спросить себя, не вложена ли эта идея позже, не является ли эта цѣльность чѣмъ-то внѣшнимъ, стилистическимъ? Французскіе писатели особенно любятъ дарить насъ сборниками своихъ статей, иногда написанныхъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ другъ отъ друга, по частнымъ вопросамъ и различнымъ поводамъ. Въ теченіе этихъ лѣтъ научные взгляды автора обогащались и видоизмѣнялись; изъ массы частныхъ изслѣдованій выдѣлялись общія точки зрѣнія, которыя, опредѣляя на-
правленіе послѣдующихъ работъ, не вмѣнямы предыдущимъ, когда эти точки зрѣнія еще не были выработаны, еще только предчувствовались. И вотъ, когда готова серія этюдовъ, изъ которыхъ удобно со-
здать уютный томикъ, къ нимъ пишется предисловіе, которое должно внести въ нихъ единство взгляда. Авторъ забываетъ, что онъ самъ измѣнялся, колебался, и ставъ на точку послѣдняго по времени этюда, хочетъ перенести на всѣ остальные впечатлѣніе единства и цѣльности. Это, разумѣется, никогда не удастся, и читатель всегда схватитъ фальшивую ноту, отдѣляющую текстъ отъ предисловія и различныя части между собою. Въ известной книгѣ Литтре: „*Etudes sur les Barbares et le Moyen Age*“ эта нота потому не слышна, что великолѣпное предисловіе всецѣло остановитъ его вниманіе, и онъ, безъ ущерба себѣ, ограничится имъ, не читая далѣе. Другое

дѣло предисловіе Гебгарта, обнаруживающее секретъ книжнаго дѣла: оно — дѣло стила, ограничивается тѣмъ, что проводитъ бѣлую нитку черезъ рядъ послѣдующихъ статей, указывая на существующее будто бы между ними единство цѣли и замысла. Выдерните эту нитку, и единства не окажется.

Я сказалъ, что Гебгартъ затѣялъ исторію италіанской культуры въ эпоху Возрожденія. Сюжетъ громадный, способный привлечь лучшіе умы. Все дѣло въ томъ, какъ за него приняться. Одинъ путь далекій, единственно ведущій къ цѣли, но при нынѣшнихъ средствахъ науки, едва ли достижимый средствами одной личности: всецѣлое изученіе памятниковъ италіанскаго прошлаго во всѣхъ отношеніяхъ — политическомъ, экономическомъ, литературно-художественномъ, по отношенію къ преданіямъ классической старины и къ вліанію христіанства и т. п. Результаты такого изученія могутъ дать твердыя основы для исторіи италіанской культуры, выставить особенности, отдѣляющія ее отъ другихъ, тѣ жизненныя черты, которыя являются существенными въ философіи италіанскаго развитія.

Есть другой путь, требующій не столько изученія, сколько провидѣнія, наитія, талантливой, синтетической сметки. Въмѣсто изученія массы памятниковъ, можно ограничиться знакомствомъ съ тѣми базовыми произведеніями, которыя послужили главнымъ выраженіемъ того или другаго вѣка, вызвали особую симпатію современниковъ; можно пройти исторію, шагая отъ одного капитальнаго факта къ другому, минуя незримыя и неинтересныя для обычнаго глаза мелочи и извлекая изъ передовыхъ явленій ихъ руководящія идеи. Такимъ образомъ получится идеальная канва развитія, къ которой пристроится, которой подчинится все остальное, — канва всегда предвзятая и болѣе или менѣе односторонняя, потому что одно обобщеніе, напримѣръ, будетъ руководиться экономическими и политическими фактами, другое увлечется поэтическими сближеніями и образами. Образцомъ такого „Опыта“ италіанской культуры, и именно временъ Возрожденія, можетъ служить извѣстная книга Бурггардта, недавно переведенная на италіанскій языкъ съ прибавленіями автора ¹⁾. Этюды Гебгарта подходятъ подъ ту же мѣрку; мы можемъ сказать напередъ, что его обобщеніе — преимущественно образно-поэтическое. Обратимся къ самой книгѣ и постараемся оцѣнить ее съ точки зрѣнія выраженныхъ выше идей.

¹⁾ Недавно переведена она и на русскій языкъ.

Первый этюдъ ея озаглавленъ такимъ образомъ: „Италянская жизнь въ Помпей и ученіе Эпикура“. Одну изъ главныхъ причинъ упадка Римской имперіи авторъ усматриваетъ именно въ этомъ ученіи. Съ первыхъ временъ имперіи, говоритъ онъ,—всѣ Римляне, которые по положенію, воспитанію или богатству, стояли выше класовъ, принадлежали къ одной изъ слѣдующихъ партій: къ недовольнымъ, къ удовлетвореннымъ, либо къ индифферентамъ. Въ рядахъ первыхъ мы находимъ стоиковъ; къ послѣднимъ относятся эпикурейцы. Авторъ хочетъ познакомить насъ съ ихъ значеніемъ въ римскомъ обществѣ. Правда, говоритъ онъ,—римскіе историки и моралисты мало заглядывали въ жилища эпикурейцевъ, почему о ихъ обитателяхъ мы имѣемъ менѣе правыхъ и живыхъ свѣдѣній, чѣмъ о ихъ современникахъ, нравственно-строгихъ, либо рабски-продажныхъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ пытается возстановить ихъ фізіономію при помощи памятниковъ, открытыхъ въ Помпей. Такимъ образомъ картинка, затѣянная Гебгартомъ, географически приурочивается. Мы перенесены въ окрестности Неаполя. По правую сторону, за холмами Позилиппа, между Пуццолами и Мизенскимъ мысомъ, тянется вдоль Байскаго залива, нѣтъ пустыннаго, рядъ великолѣпныхъ виллъ, дворцовъ и фермъ, любимое лѣтнее пребываніе императоровъ и придворнаго общества. Разнузданность байскихъ нравовъ была извѣстна уже во время Цицерона, котораго Клодій упрекалъ за то, что онъ владѣлъ тамъ виллою. Сенека, котораго ночной покой нерѣдко нарушали байскія серенады, называлъ этотъ городъ пристанищемъ всѣхъ пороковъ. Въ пору купальнаго сезона сюда являлся изъ Рима цвѣтъ развратныхъ женщинъ, цѣлыя состоянія проѣдались на знаменитыя устрицы Лукринскаго озера. Вечеромъ лодки, украшенныя цвѣтами, тихо отправлялись съ музыкой въ море и возвращались къ берегу лишь на зарѣ. Неронъ недаромъ назвалъ себя великимъ артистомъ, когда выбралъ Байскій заливъ, чтобы потопить въ немъ, звѣздною ночью, свою мать.

Если бы г. Гебгартъ припомнилъ по поводу этого изображенія байской жизни въ классическую пору извѣстныя страницы въ Фьяметтѣ Воккаччо, онъ нашелъ бы въ нихъ матеріалъ для интересныхъ сближеній. Байская вилледжятура въ XIV вѣкѣ мало чѣмъ отличается отъ вилледжятуры императорской эпохи. Но г. Гебгарта таваетъ въ другую сторону: по ту сторону Неаполя, у подножья Везувія, въ Геркуланумѣ, Помпей, Стабии и Сорренто онъ найдетъ другое общество, болѣе тихій колоритъ жизни, найдетъ своихъ эпику-

рейцевъ. Эти четыре городка и ихъ окрестности заселены эпикурейцами, номадами и осѣдлыми. На это есть доказательства. Не даромъ люди мысли и утонченныхъ нравовъ стремились сюда: Цицеронъ написалъ свое *De officiis* въ Помпеѣ; Федръ укрывался здѣсь отъ гнѣва Тиберія и Сенеки; памятники быта, открытые подъ лавой и неплотью, свидѣтельствуютъ не столько о роскоши, сколько объ изящномъ вкусѣ жителей: ихъ бронзы и мраморъ воспроизводятъ большею частью творенія греческаго рѣзца временъ Праксителя и Эпигура; стѣнные фрески, сладострастныя, но не развратныя, любятъ изображать Вакха, женственного, безпечнаго бога, невидимаго гостя на пиршествахъ, веселость которыхъ еще не успѣла перейти въ оргію; наконецъ, папирусы Геркулана, до сихъ поръ разобранныя, содержатъ лишь творенія эпикурейскихъ философовъ, отвѣчавшихъ вкусамъ и нравамъ ихъ читателей.

Опираясь на этихъ данныхъ, авторъ дѣлаетъ попытку воспроизвести домашній *intérieur* помпейскаго эпикурейца, и вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣтитъ нѣкоторыя стороны его духовной жизни, его міросозерцанія (стр. 12—38). Я не берусь судить о точности характеристики, которая вообще можетъ понравиться. Я задамъ лишь вопросъ: какъ вяжется эта глава съ рядомъ этюдовъ, приготовляющихъ насъ къ полной картинѣ италіанскаго Возрожденія? Отвѣтъ можно найти на страницѣ IX предисловія: „Эпикуреизмъ, ставшій на исходѣ древняго міра, чѣмъ-то въ родѣ религіи... воспиталъ, при первыхъ императорахъ, въ умахъ образованныхъ людей, то созерцательное спокойствіе, ту изящность мысли и нравовъ, которыя останутся достояніемъ Италіи, ея языка, поэзіи и искусства“. Вотъ для чего понадобилась глава о помпейскомъ эпикуреизмѣ—если не предположить, съ большею вѣроятностью, что самая идея связи между эпикуреизмомъ и позднѣйшимъ италіанскимъ типомъ была подсказана автору позднѣе, когда явилась необходимость связать какимъ-нибудь общимъ планомъ серію разрозненныхъ этюдовъ. Я не отрицаю, что сопоставленія, въ родѣ предложенныхъ Гебгартомъ, могутъ быть, въ извѣстномъ смыслѣ, интересны и полезны, но они не должны быть безцѣльны, и мы всегда имѣемъ право спросить автора: для какой цѣли дѣлается то или другое сближеніе, и какіе имѣются въ виду результаты. Если эпикуреизмъ выработалъ нѣчто, что осталось потомъ достояніемъ италіанскаго культурнаго типа, то въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это заявленіе? Въ смыслѣ ли чего-то прирожденнаго, перешедшаго изъ древняго міра въ новый, какъ наслѣдіе культурной расы, или

воспроизведеннаго, возродившагося впоследствии, въ томъ обычномъ значеніи, какое обыкновенно даютъ слову: Возрожденіе? Определеннаго отвѣта я не нашелъ въ слѣдующихъ этюдахъ автора.

Во второй статьѣ онъ говоритъ о „Дѣйствительности и поэзіи въ Италіи и на Западѣ въ средніе вѣка“. Такой похоронной характеристикѣ среднихъ вѣковъ, какою открывается эта глава, я не припомню въ новѣйшей литературѣ, вообще относящейся къ тому времени болѣе осторожно и любовно. Слѣдующія строки переполнены натянутаго трагизма: „Періодъ среднихъ вѣковъ проходитъ между двумя катастрофами: первая—вторженіе сѣверныхъ варваровъ, уничтожившихъ греко-латинскую культуру; вторая—вторженіе Турокъ, разрушившихъ Византійскую имперію и водворившихъ въ Европѣ азиатское варварство. Между этими двумя погромами внутренняя жизнь христіанскихъ народовъ представляется однимъ сплошнымъ страданіемъ, почти похожа на кару“. Повѣримъ этой характеристикѣ и спросимъ автора, какъ объясняетъ онъ себѣ появленіе, послѣ этихъ тяжелыхъ временъ, признаковъ новой жизни, Возрожденія? Касаясь этого вопроса въ своемъ четвертомъ этюдѣ (*Les historiens florentins de la Renaissance et les commencements de l'economie politique et sociale*), и преимущественно въ приложеніи къ Италіи, Гебгартъ указываетъ на первый періодъ Возрожденія, арабскій, высшій разцвѣтъ котораго совпадаетъ съ царствованіемъ Фридриха II. „Арабскіе медики, ботаники и алхимики проникли въ тайны человѣческой и растительной жизни, благодаря опытному методу, не имѣвшему ничего общаго съ средними вѣками и методомъ схоластики. Благодаря наблюденію и анализу, они нерѣдко овладѣвали сущностью вещей, тогда какъ школьные силлогизмы скользили лишь по ея поверхности. Но и Арабы были въ извѣстномъ смыслѣ лишь учениками Грековъ, съ которыми ихъ тѣсно связывало аристотелевское преданіе. Если въ средніе вѣка они представляютъ собою отдѣльную, оригинальную группу, какъ бы первое Возрожденіе, то все ведетъ къ предположенію, что такое же движеніе умовъ и такое же совершенствованіе въ области метода отдѣлили Италію отъ среднихъ вѣковъ и вызвали Великое Возрожденіе. Сущность послѣдняго всего проще опредѣлить, какъ эволюцію человѣческой мысли, какъ особый новый способъ въ изученіи и пониманіи природы, въ созданіи науки, въ оцѣнкахъ и воспроизведеніи красоты, въ пониманіи міра, души, общества. Потому, что Италія вновь открыла духъ анализа, первый примѣръ котораго показали ей Арабы, и который укрѣпила и развила въ ней греческая культура,—по

тому именно и возродилась цивилизація новыхъ народовъ, покинувъ безлюдный идеализмъ и тѣту науки, основанной на ложномъ методѣ, дававшей о человѣкѣ лишь нелѣпныя идеи, а о природѣ—свѣдѣнія ложныя или неполныя⁴.

Послѣднія слова Гебгарта позволяютъ заключить, что за италіанскимъ Возрожденіемъ онъ признаетъ извѣстную самобытность ичина: Италія вновь открыла тотъ методъ, который до нея практиковала арабская наука; знакомство съ классическою древностью только укрѣпило то, что выработано было самой живнью.

Изучая исторію италіанскаго возрожденія, необходимо имѣть въ виду двѣ точки зрѣнія: съ одной стороны, классически-научный элементъ никогда не исчезалъ здѣсь всецѣло, тѣмъ менѣе классически народный элементъ въ жизни, семейныхъ отношеніяхъ, народныхъ преданіяхъ и т. п.; здѣсь, въ сущности, нельзя не говорить о возрожденіи классицизма, который не умиралъ, ни о средневѣковомъ затишьѣ, которое никогда не наступало въ тѣхъ чертахъ, какими обыкновенно оно рисуется для всей западной Европы. Съ другой стороны, самыя условія народной и общественной жизни, напитанной содержаніемъ древней культуры, несомнѣнно опредѣлили въ извѣстной мѣрѣ и послѣдующее развитіе италіанскаго общества, созданіе италіанскаго типа, личнаго, гражданскаго и научнаго: самый типъ долженъ былъ явиться талантливѣе, шире, воспримчивѣе сѣвернаго, долженъ былъ быстрѣе доходить до нѣкоторыхъ стадій развитія, чѣмъ то возможно было, напримѣръ, для людей сѣверной, феодальной Европы. Рядомъ съ нами, юнонами, Италіанцы производятъ впечатлѣніе людей пожилыхъ, богатыхъ историческимъ опытомъ, съ длинною вереницей культурныхъ предковъ позади, черты которыхъ они воспроизводятъ въ силу историческаго атавизма. Вотъ что въ италіанскомъ Возрожденіи поражаетъ меня, какъ сторона его самобытности.

Если мы вернемся теперь къ помпейскимъ эпикурейцамъ Гебгарта, то невольно является желаніе узнать, въ какомъ изъ указанныхъ отношеній находится умственный стиль стараго эпикуреизма въ аналогическимъ чертамъ италіанскаго ума, поэзіи, искусства. Авторъ ограничился однимъ сравненіемъ; но отъ этодовъ, обѣщающихъ разростись въ полный очеркъ италіанскаго Возрожденія, можно требовать бѣльшаго, особенно, когда дѣло касается вопросовъ принципиальныхъ. Отъ того или другаго разрѣшенія подобныхъ вопросовъ

будеть зависѣть, слѣдуетъ ли намъ ждать или не ждать отъ г. Гебгарта исторіи Возрожденія?

Такъ какъ мы коснулись главной задачи, поставленной себѣ авторомъ, то я позволю себѣ перейти, въ связи съ сказаннымъ выше, къ нѣкоторымъ частностямъ его сельнаго этюда. Римскій разгромъ 1527 года даетъ ему поводъ очертить нѣсколькими штрихами исторію папства по отношенію съ его вліяніемъ на судьбы западной Европы. Авторъ усматриваетъ три періода развитія. Первый — періодъ религиознаго первенства, нашедшаго себѣ лучшаго выразителя въ Григоріѣ Великомъ. Когда христіанская проповѣдь совершила свое дѣло въ средѣ образованныхъ народовъ стараго міра, первый періодъ кончился, и начался второй—періодъ первенства политическаго, на окраинахъ котораго стоятъ образы Григорія VII и Бонифація VIII. Третій періодъ открывается рядомъ Авиньонскихъ папъ и достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта въ началѣ XVI вѣка; римскій погромъ 1527 года положилъ ему конецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предѣлъ культурному значенію папства.

Недаромъ это событіе поразило современниковъ, обратило вниманіе всей Европы: паденіе Рима было паденіемъ стараго образовательнаго центра, въ которомъ западные люди были болѣе заинтересованы, чѣмъ, напримѣръ, въ судьбахъ Константинополя. Этимъ объясняется появленіе цѣлой литературы, вызванной „Римскимъ погромомъ“ (il sacco di Roma): о немъ говорятъ историки, написаны были особыя лѣтописныя повѣствованія; разказы о немъ можно встрѣтить въ современной новеллѣ, въ формѣ біографіи, діалога, пасторалы, народной пѣсни. Чувствуется, что совершилось что-то знаменательное, вызывающее на новыя надежды, обновляющее старыя мечты. Такъ, въ анонимномъ *Lamento di Roma* снова, встаетъ передъ нами, въ жалобахъ Рима, призракъ прошедшаго—идея императора-избавителя. Плачется Римъ: „Хотя Цезарь лишилъ меня свободы, я всегда была соединена съ нимъ одною волей. Я не плакалась бы, еслибъ онъ царствовалъ; и думаю, что онъ воскресъ или же непременно воскреснетъ потому что ангелъ часто вѣщалъ мнѣ, что Цезарь будетъ моимъ избавителемъ“.

Остановимся на характеристикѣ третьяго періода папства, предложенной Гебгартомъ. Послѣ періодовъ религиознаго и политическаго первенства, это—періодъ первенства научнаго, и что всего страннѣе, онъ начинается при дворѣ Авиньонскихъ папъ: они будто бы пред-

приняли совершенно новое дѣло; ни гуманистъ Петрарка, ни новыя историки Италіи не признали его; указалъ на него и оцѣнилъ впервые Викторъ Леклеркъ. Эти лимузинскіе и гасконскіе папы благопріятствовали развитію человѣческихъ знаній основаніемъ университетовъ; они сносились съ школами Парижа, Волоньи, Тулузы, Оксфорда, Орлеана; ихъ восточныя миссіи послужили успѣхамъ географіи и языкованія; они привлекали къ себѣ литераторовъ, юрисконсультовъ, артистовъ. Іоаннъ XIII покровительствовалъ медикамъ и пытался основать латинскія collegia въ Арменіи; Климентъ VI защищалъ Евреевъ отъ инквизиціи, освятилъ Пражскій университетъ и покровительствовалъ Флорентійскому; онъ украсилъ живописью Симона Мемми свой дворецъ въ Авиньонѣ, въ которомъ давалъ блестящія, остроумныя празднества. Урбанъ V основывалъ школы въ Венгріи и Польшѣ. Эти папы установили преданіе, которое продолжали потомъ лучшіе, а иногда и худшіе папы XV вѣка, преданіе, въ которому приобщились первыя Медичи, которое составило славу Юлія II и Льва X. Эта умственная культура, обновленная занятіями классической науки, этотъ образовательный и художественный прогрессъ, въ которомъ начиная съ XIV вѣка папы принимаютъ значительное, иногда первенствующее участіе, и были для Италіи до временъ Климента VII тѣмъ, что назвалось „Возрожденіемъ“.

Такимъ образомъ для послѣдняго явленія г. Гебгартъ открываетъ новую точку отправленія—не въ италіанскихъ городахъ и школахъ XIV—XV вѣковъ, а въ Авиньонскомъ дворѣ, въ которомъ такъ мало было италіанскаго, національнаго,—не въ открытіи классической древности, въ которой каждый Италіанецъ видѣлъ свое собственное умственное прошлое, а въ польскихъ и венгерскихъ школахъ, основанныхъ французскими папами. Вся эрудиція покойнаго Леклерка не заставитъ насъ однако разувѣряться въ мнѣніи Петрарки, который былъ однимъ изъ первыхъ гуманистовъ и долженъ былъ хорошо знать Авиньонскій дворъ.

Въ заключеніе позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ фактическихъ сторонахъ книги Гебгарта, обличающихъ, можетъ быть, извѣстную спѣшность работы. Отъ книги, которая, не смотря на нѣкоторыя указанныя выше слабости, найдетъ себѣ много читателей и разчитываетъ на нихъ, нельзя требовать большаго научнаго аппарата. Подробныя ссылки пугаютъ; но точныя ссылки необходимы, иначе онѣ не нужны. Ссылки Гебгарта отличаются сплошь какою-то

странною неопредѣленностью; въ этомъ видѣ онѣ бесполезны для людей знающихъ и не ориентируютъ зауряднаго читателя. Нерѣдко приведено имя автора, и не приведено заглавіе сочиненія; ниня цитаты вовсе не понятны: такъ отрывокъ одной проповѣди Савонаролы, сообщаемый въ переводѣ, сопровождается (стр. 88) примѣчаніемъ: traduction de m. A. Dumesnil, Collège de France, 1850. Нѣкоторые промахи болѣе серьезнаго свойства, вѣроятно, исчезнутъ изъ этюдовъ, когда имъ суждено будетъ обратиться въ пѣльную исторію. Я замѣчу, между прочимъ, что выраженіе (стр. 76, прим. 1). *A furore populi* (то есть: *a furor di popolo*) *entregò* и т. д. никоимъ образомъ не отвѣчаетъ французской фразѣ: *par la fureur du peuple j'entregai*. Странно также слѣдующее замѣчаніе (на стр. 67 прим. 1): что Італія имѣла свое „Подражаніе Христу“ въ *Sancto Joanne Climacho. Altramente Schala Paradisi, Venetia 1491 (!)*. Но всего неожиданнѣе въ книгѣ, обещающей разрастись въ большое сочиненіе объ италіанской культурѣ, незнаніе біографіи Данта (стр. 93 — 94). Авторъ говоритъ намъ о пребываніи Данте въ Равеннѣ, гдѣ онъ и умеръ; далѣе мы переходимъ въ область стилиа, фразы: по этимъ пустыннымъ, поросшимъ травой улицамъ шествовала его строгая фигура, окаймленная краснымъ капюшономъ, какъ въ портретѣ Джьотто; въ этихъ византійскихъ храмахъ онъ молился; но нигдѣ такъ не оживаетъ его память, какъ въ лѣсу пиній, что простирается между Равенной и моремъ. На необозримое пространство стелется, волнуясь, до береговъ Адриатики песчаная равнина; на ней ни тропинки; какъ черныя колонны, поднимаются надъ ней стволы гигантскихъ пиній, увѣнчанныхъ зелеными куполами. Внизу пасутся, попирая терніе и травы болотъ, стада бѣлыхъ быковъ. Вечеромъ солнечныя лучи проникаютъ сквозь чашу, будто сквозь разноцвѣтныя стекла храма, освѣщая сумерки священнаго лѣса; въ эту пору далекій благовѣстъ колоколовъ Равенны смѣшивается съ столами вѣтра, проносящагося сквозъ вѣтви, съ ревомъ дикихъ быковъ и съ нескончаемымъ сѣтованіемъ моря, и убаюканный жалобными звуками таинственный лѣсъ постепенно погружается въ мракъ ночи. „Можетъ быть, въ этомъ лѣсу было Данту то видѣніе, о которомъ онъ говоритъ въ первой пѣсни Божественной Комедіи“, замѣчаетъ Гебгартъ. Но это не вѣрно: самъ Данте относитъ свое видѣніе къ 1300 году, лѣтъ за двадцать до своего появленія въ Равеннѣ, и первая *cantica* Комедіи (Гебгартъ пишетъ: *canzone!*) написана около 1314 года. Равен-

ская ринста не при чемъ въ дантовскомъ видѣніи, и эффектный пейзажъ Гебгарта пришелся не у мѣста. Припомнимъ, что таже ринста дала совершенно пастушескую, не фантастическую декорацию для одной изъ дантовскихъ злого, и что, на—оборотъ, въ одной изъ новеллъ Бовкаччо она въ самомъ дѣлѣ стала сценою чистилищной драмы.

Александръ Веселовскій.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЛЕКЦІИ.

Профессоръ русской исторіи при Дерптскомъ университетѣ г. Брикнеръ въ отчетѣ своемъ „О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ“, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за этотъ годъ, коснулся моей статьи, помѣщенной въ іюльской книжкѣ того же журнала за 1870 годъ, озаглавленной „*Необходимость реформы въ нашемъ университетскомъ преподаваніи*“. При этомъ г. Брикнеръ, или не понялъ, или забылъ развитіе основныхъ идей моей статьи. Приписывая моимъ „взглядамъ“ на университетское преподаваніе парадоксальность и несостоятельность, онъ самъ, не замѣчая того, подтверждаетъ правильность ихъ, а въ иныхъ мѣстахъ, почти перефразируя мои доводы, доказываетъ ими свое противоположное мнѣніе.

Сущность моихъ „взглядовъ“ на университетское преподаваніе заключается въ томъ, что я, какъ юристъ, предложилъ отмѣнить чтеніе лекцій по большей части предметовъ юридическаго факультета, а по другимъ факультетамъ вопросъ объ отмѣнѣ чтенія тѣхъ или другихъ лекцій предоставилъ самимъ университетскимъ преподавателямъ, говоря:

«Не берусь указать по всѣмъ факультетамъ на лекціи, которыя должны бы быть, по приведеннымъ мною соображеніямъ, отмѣнены: это дѣло специалистовъ. Только относительно юридическаго факультета считаю себя компетентнымъ, но и тутъ, признавая постоянное руководство профессора посредствомъ практическихъ лекцій необходимымъ по герменевтикѣ и экзегетикѣ, по судопроизводству и дѣлопроизводству, не вижу надобности, чтобы и эти лекціи читались по два или по три раза въ недѣлю. Напротивъ, думаю, что количество лекцій здѣсь зависитъ отъ числа студентовъ, которыхъ профессоръ долженъ практически упражнять. Чѣмъ больше студентовъ, тѣмъ больше должно быть лекцій въ виду того, чтобы каждый студентъ могъ пріобрѣсти навыкъ въ герменевтикѣ, въ дѣлопроизводствѣ и въ умѣннѣ быть судьей и адвока-

томъ, вообще, чтобы каждый могъ научиться примѣнять свои теоретическія познанія къ дѣлу. По другимъ факультетамъ должны высказаться сами ихъ профессора и сообща рѣшить вопросъ по предлагаемой реформѣ университетскаго преподаванія, которая передается для этой цѣли на судъ специалистовъ».

Ясно, что я не предрѣшалъ вопроса и приглашалъ къ рѣшенію его специалистовъ по всѣмъ факультетамъ, кромѣ юридическаго, по предметамъ котораго я дозволилъ себѣ высказаться, какъ специалистъ. Слѣдовательно, если г. Брикнеръ признаетъ необходимымъ чтеніе лекцій въ университетахъ по исторіи, то и могъ бы высказаться по этому предмету. Но онъ этого не дѣлаетъ, а отвергаетъ вообще мысль мою, что чтеніе нѣкоторыхъ лекцій въ университетахъ бесполезно и что вмѣсто чтенія подобныхъ лекцій я предлагаю ввести такой порядокъ:

«На первой лекціи профессоръ знакомитъ студентовъ съ тѣмъ учебникомъ, который, по его мнѣнію, необходимъ студентамъ, потомъ назначаетъ одну лекцію въ недѣлю и предлагаетъ студентамъ доставлять ему краткія письменныя замѣтки о недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ, которыя они встрѣтятъ при изученіи науки по учебнику. Эти недоумѣнія и сомнѣнія профессоръ разъясняетъ на лекціи. Польза такого руководства очевидна: прежде всего студентъ начнетъ учиться съ первой же недѣли поступления своего въ университетъ (чего студенты теперь не дѣлаютъ), а высказывая профессору свои недоумѣнія, начнетъ трудиться самостоятельно, разумно и сознательно. Объясняя студенту его сомнѣнія, профессоръ направляетъ и дальнѣйшую его дѣятельность, заставляя вдумываться въ свои объясненія, чего не бываетъ при слушаніи лекцій: профессору неизвѣстно, такъ или иначе понимаетъ и понимаетъ ли вообще студентъ его лекціи».

Правда, я сказалъ, что если допустить чтеніе лекцій въ университетахъ, то это слѣдуетъ признать нужнымъ лишь по тѣмъ отраслямъ науки, которыхъ студентъ не изучалъ, хотя бы и въ меньшемъ объемѣ, въ гимназіи, и что этого никакъ нельзя утверждать ни объ исторіи, статистикѣ, богословскихъ наукахъ, ни объ исторіи литературы, ни о наукахъ математическихъ, съ которыми студентъ болѣе или менѣе достаточно ознакомился въ гимназіи. Вотъ вопросъ о лекціяхъ по исторіи и слѣдовало бы г. Брикнеру разработать и доказать, что онѣ необходимы при университетскомъ преподаваніи; но этого, повторяю, г. Брикнеръ не дѣлаетъ, говоря объ исторіи, между прочимъ, въ видѣ примѣровъ.

Вотъ подлинныя слова г. Брикнера:

«Нельзя требовать отъ преподавателя этого предмета (какъ, напримѣръ,

исторіи Россіи) одинаково *основательною* и *полною* знанія всѣхъ частей его. Между тѣмъ, какъ чтеніе лекцій по *всѣмъ частямъ* исторіи возможно и при неравномѣрномъ обладаніи всѣми источниками и проч. (?) всѣхъ частей предмета, печатаніе книги требуетъ большей основательности со стороны автора. Между тѣмъ какъ лекціи уже достигаютъ цѣли, если заключаютъ въ себѣ данныя о современномъ состояніи науки по главнымъ ея вопросамъ, книги должны заключать въ себѣ прибавленіе чего-либо (?) новаго къ добытымъ до того результатамъ науки. Требовать отъ всего содержанія лекцій, какъ и въ отношеніи къ заключающимся въ нихъ частностямъ, той законченности, которую можно и должно требовать отъ печатнаго изданія, было бы совершенно несправедливо и невозможно».

Если это такъ, то спрашивается: не потеря ли времени читать и не большая ли потеря времени слушать лекціи профессора, который не обладаетъ нужною основательностію и полнымъ знаніемъ всѣхъ частей преподаваемого имъ предмета, который не обладаетъ нужною основательностію и самостоятельностью, и въ лекціяхъ котораго нѣтъ законченности по нѣкоторымъ, если и не по всѣмъ частямъ науки? Не болѣе ли пользы для студента изучать данную отрасль науки по указанному профессоромъ учебнику (г. Брикнеръ, называя „учебникъ“ книгою, очевидно, не обращаетъ вниманія на то что отъ учебника требуется), — учебнику, въ которомъ, какъ допускаетъ и г. Брикнеръ, одинаково основательно и полно знаніе всѣхъ частей, въ которомъ больше основательности, больше самостоятельности со стороны автора, чѣмъ въ лекціяхъ профессора, и въ которомъ, наконецъ — что самое главное для учебника — законченность по всѣмъ частямъ? Предоставляю судить каждому; но здѣсь замѣчу, что такихъ *не вполнѣ основательныхъ, безъ основательнаго и полнаго знанія* всѣхъ частей (то есть, не однѣхъ мелочныхъ подробностей) предмета, безъ необходимой для науки законченности, лекцій не читалось въ мое время профессорами Дерптскаго университета; я убѣжденъ, не читается и теперь, и не только въ Дерптскомъ но и ни въ какомъ университетѣ.

Такія лекціи — скажу рѣшительно — не приносятъ никакой пользы но это, конечно, не мое дѣло. Для меня важенъ взглядъ г. Брикнера на содержаніе лекцій въ университетахъ; а этотъ взглядъ — какъ хотите — доказываетъ именно то, что старается опровергнуть г. Брикнеръ, то есть, доказываетъ полную бесполезность лекцій. Этотъ взглядъ г. профессора, читающаго лекціи 15 лѣтъ, значитъ, вполнѣ опытнаго университетскаго преподавателя, составляетъ новое доказательство бесполезности университетскихъ лекцій и служитъ подтверж-

деніемъ моему мнѣнію о томъ, что студентамъ гораздо полезнѣе изучать науку при объясненномъ выше руководствѣ профессора, по учебнику, чѣмъ по лекціямъ. Г. Брикнеръ, не сознавая того самъ, даетъ мнѣ новый, до сихъ поръ бывший мнѣ неизвѣстнымъ, аргументъ противъ чтенія нѣкоторыхъ лекцій въ университетахъ, за что я ему очень благодаренъ. Допускаю, что немного профессоровъ читаютъ такіа лекціи; но достаточно и нѣсколькихъ, чтобы еще больше убѣдиться въ бесполезности чтенія лекцій. Въ моей статьѣ я не дозволилъ себѣ и представлять, что подобное чтеніе лекцій возможно въ университетахъ, и если указывалъ на нѣкоторыхъ профессоровъ, не удовлетворявшихъ требованіямъ науки, то указывалъ въ видѣ грустнаго исключенія, а не съ дѣлю выставить такое исключеніе главнымъ аргументомъ въ пользу моего мнѣнія. Но взглядъ такого опытнаго университетскаго преподавателя, какъ г. Брикнеръ, не можетъ быть не принятъ мною во вниманіе. Хотя г. Брикнеръ приводитъ свой взглядъ на университетскія лекціи въ подтвержденіе необходимости чтенія ихъ, но аргументація его приводитъ къ убѣжденію въ противномъ.

Выше замѣчено мною, что г. Брикнеръ, перефразируя мои доводы, старается тѣмъ доказать свое противное мнѣніе. Онъ говоритъ:

«Новые результаты, составляющіе предметъ научной исторической литературы, нерѣдко относятся къ столь спеціальнымъ вопросамъ науки, что ихъ значеніе, въ обширномъ курсѣ, въ сравненіи съ прочимъ содержаніемъ его, оказывается весьма часто ничтожнымъ. Профессоры исторіи сообщаютъ на лекціяхъ о результатахъ монографическихъ изслѣдованій, о своихъ собственныхъ изысканіяхъ обыкновенно весьма кратко, иногда даже немногими словами. Въ большей части случаевъ иное отношеніе къ дѣлу со стороны профессора могло бы считаться весьма крупною ошибкою преподавателя, нарушающаго такимъ образомъ нѣкоторую (?) необходимую при преподаваніи симметрію въ построеніи предмета».

Въ моей статьѣ сказано:

«Самыя существенныя возраженія противъ мысли о бесполезности лекцій будутъ слѣдующія: въ лекціяхъ важны собственные взгляды профессора на разные вопросы излагаемой имъ науки, собственные его изслѣдованія, самый способъ обращаться съ вопросами или отдѣльными предметами науки, и наконецъ, новыя въ ней открытія, которыя профессоръ передаетъ легко и удобно на своихъ лекціяхъ. Извѣстно, что новыхъ открытій немного появляется въ теченіе года, въ продолженіе котораго профессоръ читаетъ лекціи по своему предмету; но и изъ этихъ открытій еще меньшая часть входитъ въ науку, принимается наукою. Вообще же всякое открытіе, какъ опытъ удостовѣряетъ, дѣлается достояніемъ науки не тотчасъ послѣ своего обнародованія, а послѣ

долговременнаго тщательнаго изслѣдованія другими учеными, такъ что обыкновенно проходятъ годы прежде, чѣмъ новое открытіе заносится въ систему науки. Слѣдовательно, еслибы студентъ и не узналъ о немъ въ теченіе курса, то отъ этого бѣды еще немного. Да и эта бѣда устраняется тѣмъ, что профессоръ въ концѣ полугодія можетъ посвятить одну, двѣ или даже три лекціи на дополненія къ литографированному или печатному своему курсу или даже и безъ лекцій можетъ литографировать или напечатать свои дополненія.... Я въ пользу печатанія, а не литографирования курсовъ... Въ своихъ литографированныхъ и не литографированныхъ запискахъ профессоръ скрытъ отъ общественнаго мнѣнія, отъ суда науки, вслѣдствіе чего, если взгляды, изслѣдованія и открытія профессора не вѣрны, то они искажаютъ понятія студентовъ; если же вѣрны, они не дѣлаются достояніемъ наукъ».

Ясно, что г. Брикнеръ одного со мною мнѣнія относительно способа сообщенія студентамъ новыхъ результатовъ науки, добытыхъ изслѣдованіями и открытіями. Г. Брикнеръ считаетъ разумнымъ *осторожно* и *кратко* сообщать ихъ студентамъ. Я тоже предлагалъ, чтобы новые результаты передавались студентамъ въ дополненіяхъ къ напечатанному профессорскому курсу, въ которыхъ профессоръ является на судъ общественнаго мнѣнія и науки, или на двухъ — трехъ лекціяхъ въ концѣ полугодія. Но предложенное мною представленіе профессоромъ на судъ общественнаго мнѣнія и науки собственныхъ или даже и чужихъ новыхъ результатовъ науки, въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, съ своими взглядами, очевидно, не нравится г. Брикнеру. Еще больше не могло ему понравиться мое мнѣніе о томъ, что только тогда преподаватель можетъ явиться представителемъ науки, если напечатаетъ свой курсъ и если, по крайней мѣрѣ, факультетъ признаетъ его курсъ удовлетворяющимъ требованіямъ науки; что приватъ-доценты или частные преподаватели обязаны, при руководствѣ студентовъ въ изученіи науки, строго держаться курса (печатнаго) профессора, котораго помощниками они состоятъ; что экстраординарные профессора обязаны строго держаться извѣстнаго, занявшаго уже въ наукѣ видное положеніе учебника; что эти градаціи въ университетской іерархіи самыя естественныя и имѣютъ смыслъ, и что другаго мѣрила для опредѣленія положенія преподавателя въ университетѣ быть не можетъ. Безъ сомнѣнія есть много ординарныхъ профессоровъ, не издавшихъ курсовъ по преподаваемой ими наукѣ. Но этотъ недостатокъ вызванъ и можетъ быть допущенъ только при недостаткѣ лицъ, всецѣло посвящающихъ себя наукѣ, и ни въ какомъ, по моему мнѣнію, другомъ случаѣ.

Дальше г. Брикнеръ, противорѣча самъ себѣ, опять подтверж-

даетъ мое мнѣніе о значеніи университетскихъ лекцій. Онъ говоритъ: „цѣлью лекцій должно считать привлеченіе студентовъ къ научнымъ занятіямъ; лекціи же должны служить средствомъ введенія въ такія занятія“. Не то же ли сказано мною еще въ 1870 г.? Приведенная выше выдержка изъ моей статьи удостовѣряетъ въ томъ. Я предлагалъ отмѣну постоянного по теперешнему порядку чтенія лекцій въ университетахъ для того, чтобы студентъ, съ первой же недѣли поступления своего въ университетъ, *началъ трудиться самостоятельно, разумно и сознательно*, подъ руководствомъ профессора посредствомъ такихъ лекцій, которыя бы вели къ научнымъ занятіямъ, къ занятіямъ наукою. Тутъ, значитъ, г. Брикнеръ отстаиваетъ только нынѣшній порядокъ чтенія лекцій, а я предлагаю другой.

Окончательнымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія и опроверженіемъ мнѣнія г. Брикнера, служитъ слѣдующая его собственная мысль: *„цѣлью пребыванія студентовъ въ университетахъ не должно считать слушаніе лекцій“*. Но вѣдь это, а ничто другое, я предлагалъ еще въ 1870 году; а потому вновь повторяю г. Брикнеру свою благодарность за то, что онъ, отстаивая теперешній порядокъ чтенія лекцій, прямо заявляетъ, что студенты должны быть въ университетѣ не изъ-за слушанія лекцій, а для занятія наукою. Опытъ показалъ, что теперешній порядокъ чтенія лекцій не ведетъ къ занятіямъ наукою самостоятельнымъ, а къ „заучиванію записокъ“, чего, очевидно, и г. Брикнеръ не желаетъ, на что и я указывалъ, какъ на недостатокъ университетскаго преподаванія. Правда, г. Брикнеръ прибавляетъ тутъ еще: „или составленнаго профессоромъ данной науки печатнаго учебника“. Нѣсколько ниже, я докажу, что и я не считалъ цѣлью пребыванія студентовъ въ университетѣ только изученіе напечатаннаго профессоромъ учебника. Теперь же предложу вопросъ: откуда же студентъ, для котораго цѣлью пребыванія въ университетѣ не должны служить ни лекціи, ни учебникъ профессора, будетъ приобрѣтать научныя знанія? Вотъ откуда, по мнѣнію г. Брикнера, по крайней мѣрѣ по предмету исторіи: „обзоръ главныхъ группъ матеріаловъ для разработки исторіи, общее источниковѣдѣніе, столь мало разработанное въ литературѣ“ (неужели—спросимъ мы—это дѣйствительно такъ?) „и разработка котораго, въ заключенныхъ печатныхъ трудахъ, требуетъ множества предварительныхъ работъ и сопряжена съ чрезвычайными затрудненіями, должны составлять весьма важную, чуть-ли не самую существенную“ (такъ-ли, г. профессоръ?) „и никакъ незамѣнимую какимъ-либо учебникомъ часть историческихъ лекцій,

которая легче и непосредственнѣ всего можетъ повести студентовъ къ занятіямъ помимо слушанія лекцій^а. Что же это такое? Студенты должны *слушать такія лекціи*, которыя и безъ *слушанія лекцій* ведутъ легче и непосредственнѣ къ занятіямъ студентовъ?! Вѣроятно, г. профессоръ хотѣлъ сказать, что не должно читать студентамъ полного курса исторіи, которую они, хотя и въ меньшемъ объемѣ, изучали въ гимназіи, а должно читать такія лекціи, которыя, не относясь прямо и непосредственно къ полному курсу исторіи, заставляютъ студентовъ трудиться самостоятельно? Если это такъ по отношенію къ исторіи, то это то же самое, что я сказалъ, правда, нѣсколько иначе, о предметахъ юридическаго факультета (см. выше), то-есть, что руководство профессора въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ по тѣмъ юридическимъ предметамъ, которымъ безъ практики не научатся студенты, необходимо, и что для такого руководства профессоръ долженъ посвящать столько лекцій, чтобы каждый студентъ научился примѣнять свои теоретическія знанія къ дѣлу; а о предметахъ прочихъ факультетовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые изучали студенты въ гимназіи, я указалъ на лекціи, посредствомъ которыхъ профессоръ долженъ руководить студентовъ при ихъ научныхъ занятіяхъ. Если мысль г. профессора Брикнера о слушаніи лекцій вѣрно мною понята, то несомнѣнно что онъ, опровергая мое мнѣніе, подтверждаетъ его, то-есть, доказываетъ то, что силится опровергнуть. Чтобы еще яснѣе выразиться, скажу: и г. Брикнеръ, и я считаемъ чтеніе полного курса науки въ университетахъ (по нѣкоторымъ предметамъ) бесполезнымъ, а признаемъ полезнымъ лишь чтеніе такихъ лекцій, которыя ведутъ студентовъ къ *самостоятельному* изученію науки. Если эта наука — исторія, которую студенты изучали въ гимназіи, то имъ слѣдуетъ, по мнѣнію г. Брикнера, учиться въ университетахъ общему источниковѣдѣнію. Этому не берусь противорѣчить, такъ какъ я не специалистъ по исторіи; но прибавлю, что если это — наука, которую не изучали студенты въ гимназіи, напримѣръ, гражданское или уголовное право, то они должны изучать ее не изъ лекцій профессора, а изъ учебника,—иначе они, не зная вовсе гражданскаго или уголовного права, не могутъ приступить къ изученію его источниковъ, не знаютъ даже и того, что составляетъ и можетъ составлять источники невѣдомой имъ вовсе науки. Какъ ни разъяснять мыслей г. Брикнера, все таки выходитъ то же самое, что я предложилъ для реформы университетскаго преподаванія. Очень жаль, что г. профессоръ не понялъ моихъ

мыслей, — иначе статья его была бы дополненіемъ къ моей, развитіемъ моихъ мыслей по отношенію къ спеціальному вопросу—чтенію лекцій въ университетахъ по исторіи. Впрочемъ если выкинуть изъ его статьи то, что отнесено г. профессоромъ, такъ сказать, лично ко мнѣ, подъ видомъ только опроверженія моихъ мыслей, то статья его дѣйствительно явится развитіемъ моихъ мыслей по спеціальному вопросу не смотря на то, что г. Брикнеръ противорѣчитъ самъ себѣ и старается опровергнуть предложенную мною реформу университетскаго преподаванія.

Собственно говоря, главная цѣль статьи г. Брикнера—показать, какъ онъ велъ практическія занятія студентовъ по русской исторіи. Тутъ онъ указываетъ на такъ называемыя семинаріи при германскихъ университетахъ, въ томъ числѣ и на семинарію для студентовъ-историковъ, потомъ на трудность, съ которою сопряжены эти упражненія, и, наконецъ, на упражненія студентовъ, слушавшихъ его лекціи. Все это, разумѣется, ко мнѣ не относится. Но и здѣсь г. Брикнеръ замѣчаетъ: „давая всѣмъ слушателямъ чрезъ хрестоматическое чтеніе источниковъ возможность вникать гораздо ближе въ самую сущность предмета, чѣмъ это возможно посредствомъ слушанія лекцій или, какъ предлагаетъ г. Варадиновъ, чтенія учебника, я старался вовлечь болѣе опытныхъ и предприимчивыхъ студентовъ въ болѣе или менѣе спеціальныя работы“. Но опять же и я настаивалъ на практическихъ занятіяхъ студентовъ. По юридическому факультету я настаивалъ на практическихъ занятіяхъ ихъ по юридической герменевтикѣ и экзегетикѣ (при чемъ изучаются источники права), по судопроизводству и дѣлопроизводству, посредствомъ которыхъ студенты могутъ примѣнять свои теоретическія познанія въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ къ дѣлу, а не ограничивалъ студентовъ, какъ выставляетъ то г. Брикнеръ, „чтеніемъ учебника“. Даже при изученіи учебника я проектировалъ (см. выше) руководство профессора посредствомъ разъясненія студентамъ ихъ сомнѣній и вопросовъ и посредствомъ направленія ихъ научной дѣятельности, а при практическихъ упражненіяхъ даже не ограничивалъ числа лекцій, говоря, что лекцій должно быть столько, чтобы каждый студентъ научился и практически наукѣ.

Если, такимъ образомъ, г. Брикнеръ настаиваетъ на необходимости практическихъ упражненій, то точно также настаивалъ и я, и не только по юридическому факультету, но и по другимъ. Именно, я замѣтилъ, что благотворное вліяніе профессора на студентовъ уве-

личится, если профессоръ, читая одну лекцію въ двѣ недѣли, или вѣрнѣе, разъясняя студентамъ ихъ вопросы на двухнедѣльной теоретической лекціи, войдетъ съ ними въ близкія сношенія, не какъ профессоръ, а какъ руководитель молодаго поколѣнія въ наукѣ; когда онъ назначитъ для студентовъ литературные, вообще научные вечера, на которыхъ студенты читали бы свои разсужденія на тѣ или другія темы по преподаваемой профессоромъ наукѣ. Необходимость всего этого г. Брикнеръ доказываетъ теоретически и практически въ подробномъ разказѣ своемъ о практическихъ занятіяхъ со студентами. Слѣдовательно, г. Брикнеръ забылъ или не понялъ содержанія моей статьи. Какъ бы то ни было, но я вовсе не ограничивалъ студентовъ изученіемъ учебника, напротивъ, предлагалъ: *вопервыхъ*, самостоятельное изученіе студентами науки по собственному профессора или указанному имъ учебнику; *во вторыя*, руководство профессора при такомъ изученіи; *в третыя*, практическія занятія, при которыхъ студенты примѣняли бы свои теоретическія знанія въ дѣлу, знакомились и даже изучали самыя источники науки; *в четвертыя*, составленіе студентами разсужденій на тѣ или другія темы по спеціальной наукѣ профессора. Даже упомянулъ о пользѣ посѣщенія университетской бібліотеки съ цѣлю, разумѣется, чтенія относящихся къ данной наукѣ сочиненій и источниковъ. Все это, кромѣ занятія литературою, признаетъ и г. Брикнеръ необходимымъ для студентовъ. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ „парадоксальность и несостоятельность“ моихъ взглядовъ на университетское преподаваніе? Вѣдь самъ г. профессоръ Брикнеръ доказываетъ теоретически и практически необходимость изученія студентами науки этими же способами. Не понимаю.

Въ прошедшемъ году нѣкоторые изъ профессоровъ Дерптскаго университета, въ научныхъ бесѣдахъ со мною, одобрили проектированное мною въ 1870 году сближеніе профессоровъ со студентами посредствомъ литературныхъ, вообще научныхъ вечеровъ или собраній. Одобряется это и г. профессоромъ Брикнеромъ. Онъ только не желаетъ, чтобы профессора обязательно печатали учебники. Въмѣсто учебниковъ, онъ предлагаетъ чтеніе лекцій безъ необходимой законченности ихъ, допуская однако, что учебникъ заключаетъ въ себѣ и полную основательность, основательное и полное знаніе всѣхъ частей предмета и необходимую въ нихъ законченность.

Наконецъ, г. Брикнеръ желаетъ сближенія профессоровъ со студентами, говоря: „личное сближеніе профессора со студентами дол-

жно быть для нихъ дѣломъ первой важности, сближеніе профессора со студентами *помимо лекцій* въ вышеописанныхъ засѣданіяхъ и т. п.“ (то-есть, при практическихъ упражненіяхъ студентовъ) „должно повести къ тому, чтобы студенты занялись болѣе или менѣе самостоятельно нѣкоторыми вопросами науки“. Это мѣсто есть только перефразировка сказаннаго мною о литературныхъ, вообще, научныхъ вечерахъ. Впрочемъ, подобныхъ перефразировокъ моихъ мыслей довольно въ статьѣ г. Брикнера. Объясню въ заключеніе, замѣченное мною выше, непроведеніе различія г. профессоромъ между „книгою“ и „учебникомъ“.

Г. Брикнеръ не дѣлаетъ различія между книгою вообще разумѣется, ученою, научною, и учебникомъ. Онъ говоритъ: „книги должны заключать въ себѣ прибавленіе чего-либо новаго къ добытымъ до того результатамъ науки“, а для лекцій, по его мнѣнію, этого не нужно, хотя, въ другомъ мѣстѣ своей статьи, онъ требуетъ прибавленія „чего-либо новаго“ и для лекцій. Мнѣ кажется, я и высказался въ своей статьѣ, если не прямо, то косвенно, что учебникъ долженъ заключать въ себѣ лишь то, что вошло въ науку, что принято въ нее специалистами. Другіе же открытые, не принятые еще въ науку, выводы не должны входить въ учебникъ. Такимъ образомъ, учебникъ, по моему мнѣнію, долженъ заключать въ себѣ не „прибавленіе чего-либо новаго“, а лишь то, что составляетъ уже достояніе науки, то-есть, не новыя, часто неосновательныя, индивидуальныя, взгляды или выводы изъ изслѣдованій, а тѣ взгляды и выводы, которые приняты въ науку, сдѣланы достояніемъ ея. Содержаніе же ученой или научной книги можетъ быть посвящено исключительно новымъ взглядамъ, выводамъ, открытіямъ, обнаруженнымъ, но еще не вошедшимъ въ науку. Поэтому различіе между книгою и учебникомъ слѣдовало бы г. Брикнеру удержать въ его возраженіи мнѣ, иначе неправильно передаются мои мысли.

Н. Варадиновъ.

ЮГАННЪ-ФРИДРИХЪ ГЕРБАРТЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

«Ein Entwurf zu einer Theorie Erziehung ist ein herrliches Ideal und es schadet Nichts, wenn wir auch nicht gleich im Stande sind, es zu realisiren. Man muss nur nicht gleich die Idee für chimärisch halten und sie als einen schönen Traum verrufen, wenn auch Hindernisse bei ihrer Ausführung eintreten»¹⁾.

Kant.

Гербартъ раздѣляетъ общую съ большинствомъ оригинальныхъ мыслителей участь: непонятые и часто совершенно игнорируемые своими современниками, они приобрѣтаютъ извѣстность и почетъ только послѣ своей смерти. Доказательствомъ этого служить между прочимъ и тотъ фактъ, что имя Гербарта, какъ педагога, если извѣстно у насъ, то развѣ только людямъ, специально занимающимся педагогическою, — да и между педагогами по профессіи врядъ ли много найдется такихъ, которые знали бы о Гербартѣ больше того, что сказано о немъ въ той или другой исторіи педагогики; по крайней мѣрѣ ни одно изъ его сочиненій не удостоилось перевода на русскій языкъ, не смотря на то, что мы, то и дѣло, занимаемся пересадкою на русскую почву всевозможныхъ чужеземныхъ педагогическихъ теорій, авторы которыхъ никакъ не могутъ равняться съ Гербартомъ ни по эрудиціи, ни по силѣ и оригинальности мысли. Это объясняется тѣмъ, что и въ Германіи до самаго послѣдняго времени педагогическія сочиненія Гербарта были извѣстны только въ небольшомъ кружкѣ его почитателей

¹⁾ Въ проектѣ теоріи воспитанія есть блестящій идеалъ, — и это еще не бѣда, если мы не въ состояніи тотчасъ же осуществить его. Не слѣдуетъ только считать идею химерическою и называть ее прекрасною мечтою, когда встрѣчаются препятствія при ея осуществленіи.

и послѣдователей. Но время наконецъ вѣло свое: заслуги Гербарта для педагогiи стали теперь на столько ясны и несомнѣнны, что въ день столѣтней годовщины его, 4-го мая настоящаго года, предполагается воздвигнуть въ честь его памятникъ, на чтò и открыта подписка при *Allgemeine Schul-Zeitung* профессора Стоя¹⁾. Педагогическія сочиненія Гербарта въ прошломъ году чуть одновременно появились въ двухъ изданіяхъ и встрѣчены германскими педагогами съ рѣдкимъ сочувствіемъ²⁾.

Смѣемъ думать, что такихъ фактовъ вполне достаточно для того, чтобы оправдать появленіе на свѣтъ нашей статьи, задача которой состоитъ не столько въ оцѣнкѣ педагогической дѣятельности Гербарта, что мы предоставляемъ людямъ болѣе насъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, сколько въ ознакомленіи нашей публики съ педагогическими идеями и возрѣніями Гербарта, на сколько они выразились въ его жизни и сочиненіяхъ³⁾.

I.

Гербартъ принадлежалъ къ разряду такихъ дѣтей, даровитость которыхъ сказывается весьма рано; такъ на примѣръ, ему ничего не стоило повторить слово въ слово проповѣдь, выслушанную имъ въ церкви, и уже на 14-мъ году отъ роду онъ написалъ сочиненіе, начинавшееся слѣдующими словами: „Свободою называется неограниченность воли. Ученіе о человѣческой свободѣ опредѣляетъ степень ограниченности или неограниченности воли. Нѣкоторые философы считаютъ ее вполне ограниченою и зависимою во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я однако знаю доводы за и противъ человѣческой свободы“. Изло-

¹⁾ Въ настоящее время это уже совершившійся фактъ: ученики и послѣдователи Гербарта, въ день его столѣтней годовщины собрались въ Ольденбургъ, гдѣ къ этому времени былъ уже воздвигнутъ въ честь юбиляра памятникъ, который въ этотъ день былъ торжественно открытъ и переданъ городу. Въ торжествъ принимала участіе и великогерцогская фамилія (*Allg. Schul-Zeitung*, 1876, № 17).

²⁾ *Joh. Friedr. Herbart*. Pädagogische Schriften. Mit Herbarts Biographie, von Dr. *Friedr. Bartholomäi* Langesalza 1875 г.

Joh. Friedr. Herbarts Pädag. Schriften in chronologischer Reihenfolge herausgegeben, mit Einleitung, Anmerkungen und comparativen Register versehen, von Dr. *Otto Wilmann*. Leipzig, B. I—1873 г. и B. II—1875 г.

³⁾ Предлагаемыя ниже свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Гербарта заимствованы нами изъ статьи д-ра *Бартоломея*. См. *Herbarts* Pädag. Schriften B. II, s. 535—664, Langesalza, 1875 г.

живъ затѣмъ кратко эти доводы, Гербартъ заключаетъ свое сочиненіе слѣдующими словами: „Отвергать доказательство, противъ котораго ничего нельзя возразить, значитъ *поступать вопреки всякой философіи*“. Такимъ образомъ еще мальчикомъ Гербартъ обнаружилъ не только способность къ быстрому усвоенію чужихъ мыслей, но вмѣстѣ и склонность къ критическому анализу ихъ и самостоятельной обработкѣ предметовъ чисто философскаго характера. Рано развился также и музыкальный талантъ Гербарта: онъ одновременно учился играть на скрипкѣ, виолончели, арфѣ и фортепiano, и когда ему было всего только 11 лѣтъ, онъ такъ блистательно исполнилъ свою партію на роялѣ въ одномъ домашнемъ концертѣ, что вызвалъ всеобщіе аплодисменты и удостоился вслѣдствіе этого быть приглашеннымъ ко двору Фридриха-Августа, герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго, извѣстнаго любителя музыки и покровителя музыкальныхъ талантовъ.

Такимъ раннимъ и всестороннимъ развитіемъ своихъ способностей Гербартъ обязанъ прежде всего своей матери, женщиנѣ въ высшей степени замѣчательной. Съ пылкою фантазіей она соединяла острый умъ, твердую волю и удивительную настойчивость характера; благодаря этимъ качествамъ своей духовной природы, она приобрѣла рѣшительное вліяніе не только на первоначальное воспитаніе своего сына, но и на дальнѣйшую его судьбу. Гербартъ былъ слабое, болѣзненное дитя; причиной этого отчасти было то обстоятельство, что онъ еще въ раннемъ дѣтствѣ обварился кипяткомъ; мать употребляла всю свою энергію для того, чтобы ослабить, по возможности, вредныя слѣдствія этого несчастнаго случая; она поставила своею задачей: изъ слабаго, хилаго, вѣчно страдающаго глазами ребенка образовать здороваго и кѣ-нѣкаго мальчика; вслѣдствіе того, не смотря на всю свою любовь къ единственному дѣтищу, она воспитывала его сурово, стараясь съ раннихъ лѣтъ приучить къ легкой одеждѣ, жесткой постели и холоднымъ ваннамъ. Соображаясь однако съ слабымъ состояніемъ здоровья своего сына, мать сочла за лучшее обучить его сначала дома, и сама регулярно присутствовала на его урокахъ, отчасти для надзора за учителемъ, отчасти для того, чтобы помогать сыну въ его занятіяхъ; для послѣдней цѣли она сама вмѣстѣ съ нимъ училась по гречески. Понятно, что при такихъ условіяхъ обученіе Гербарта не могло идти дурно, тѣмъ болѣе, что и выборъ учителя, какъ оказалось, былъ чрезвычайно удаченъ. Уэльцеръ — такъ звали домашняго учителя Гербарта былъ человѣкъ, воспитанный на философіи Вольфа, и отличался особенною любовью къ философскимъ

изслѣдованіямъ и бесѣдамъ. Эта особенность духовнаго склада учителя естественно должна была отразиться и на обученіи маленькаго Гербарта, у котораго, благодаря тому, рано пробудился интересъ въ философіи, а учитель, безъ сомнѣнія, съ своей стороны, всячески старался развивать и поддерживать этотъ интересъ; такъ, на ряду съ подробнымъ обстоятельнымъ анализомъ обыденныхъ понятій, учитель разработывалъ съ своимъ ученикомъ множество вопросовъ изъ области морали, психологіи и метафизики, а логику преподавалъ даже какъ самостоятельный предметъ, такъ что съ нею Гербартъ довольно обстоятельно познакомился еще на одиннадцатомъ году отъ роду.

Послѣ такой тщательной домашней подготовки Гербартъ въ 1788 г. поступилъ прямо во II-й классъ латинской школы въ Ольденбургъ, а черезъ годъ былъ уже переведенъ въ первый ¹⁾. Здѣсь онъ усердно и съ интересомъ занимался всѣми предметами гимназическаго курса, но особенно любилъ физику и философію. Последняя изучалась по Вольфу, но Гербартъ знакомъ былъ также и съ Кантомъ, а съ логикой, какъ мы видѣли, ознакомился еще дома. Привычка съ раннихъ лѣтъ обходиться безъ товарищей и сверстниковъ имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что Гербартъ и въ школѣ держался въ сторонѣ отъ товарищей, хотя и пользовался ихъ любовью и уваженіемъ за свой скромный и симпатическій характеръ. Въ первомъ классѣ впрочемъ онъ особенно близко сошелся съ двумя товарищами, которые оба были старше его болѣе, чѣмъ на три года. Три друга преусерднѣйшимъ образомъ диспутировали о томъ, что они слышали въ классѣ: ученіе о человѣческой свободѣ и нѣкоторыя проблемы физики не мало заставляли ихъ ломать свои юныя головы, и между ними въ особенности Гербарта, который нелегко бросалъ идею, разъ засѣвшую ему въ голову, а возился съ нею до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось прослѣдить ее во всѣхъ подробностяхъ и развѣтвленіяхъ. Размышленіе о человѣческой свободѣ вызвало названную выше статью о свободѣ, а *perpetuum mobile* соблазнило Гербарта самого соорудить нѣчто въ этомъ родѣ. Друзья, которымъ онъ сообщилъ свое открытіе, доказали ему, что онъ не принялъ надлежащимъ образомъ въ расчетъ тренія, и Гербартъ долженъ былъ сознаться въ своемъ заблужденіи, что онъ охотно и сдѣлалъ.

¹⁾ II-й и I-й классы нѣмецкихъ гимназій соответствуютъ VI-му и VII-му нашимъ.

Благодаря прекраснымъ своимъ способностямъ и прилежанію, Гербартъ скоро занялъ первое мѣсто въ классѣ, а своею рѣчью, которую онъ, по принятому обычаю, какъ первый ученикъ, говорилъ абитуриентамъ прима, отправлявшимся въ университетъ, обратилъ на себя вниманіе не только гимназической корпораціи, но и посторонней публики. Темой этой рѣчи былъ вопросъ „о всеобщихъ причинахъ, содѣйствующихъ развитію и упадку нравственности въ государствахъ“, и 17-лѣтній ораторъ такъ блестяще развилъ свою тему, что фонъ-Галемъ, издатель *Листовъ стѣшаннаго содержанія*, пожелалъ напечатать его рѣчь въ своемъ журналѣ. Не меньшее впечатлѣніе произвела и латинская рѣчь, сказанная Гербартомъ въ слѣдующемъ году на выпускномъ актѣ и посвященная „сравненію мыслей Цицерона и Канта о высочайшемъ благѣ и принципѣ практической философіи“.

Такъ, весной 1794 года 18-лѣтній Гербартъ разстался съ гимназіей, которая дала ему основательное классическое образованіе и приучила къ строгому, логическому мышленію. Отецъ хотѣлъ, чтобы сынъ его сдѣлался юристомъ, и Гербартъ съ истинно сыновнею покорностью рѣшился отправиться въ университетъ для изученія юриспруденціи, не смотря на непреодолимое къ ней отвращеніе.

О Пасхѣ 1794 г. Гербартъ въ сопровожденіи своей матери отправился въ Іенскій университетъ, гдѣ въ это время славился профессоръ Рейнгольдъ, горячій поклонникъ и ревностный апостолъ философіи Канта, поставившій своею задачей объяснить *все сущее* изъ нашего сознанія, которое долженствовало, такимъ образомъ, разблачить все внѣ насъ происходящее, что до сихъ поръ толкуемо было вкривъ и вкось. Лекціи Рейнгольда возбуждали всеобщій энтузіазмъ и одушевленіе тѣмъ болѣе, что онъ подчинялся духу времени, предпринялъ борьбу съ вѣковыми предрасудками и смотрѣлъ на философію, какъ на великое общественное дѣло ученой республики, а посему и не удивительно, что, благодаря его усиліямъ, философія приобрѣла довѣріе общества и встрѣтила сочувствіе въ гораздо большемъ кругу людей, чѣмъ это было прежде и въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, такъ что Іена имѣла теперь полное право считаться центромъ того философскаго движенія, начало котораго положилъ Кантъ. Въ такое-то время Гербартъ поступилъ въ Іенскій университетъ. Правда, Рейнгольдъ скоро былъ отозванъ въ Киль, но возбужденный имъ энтузіазмъ къ философіи не только не охладѣлъ съ его удаленіемъ, но еще болѣе усилился, такъ какъ катедру философіи въ Іенскомъ университетѣ

заявлять теперь Фихте, далеко превосходившій своего предшественника силою своего философскаго таланта.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Іенѣ, Фихте, вмѣстѣ съ своими товарищами Нитгаммеромъ и Вольтманомъ, устроилъ общій столъ, въ которомъ приняли участіе многіе изъ студентовъ, въ томъ числѣ и Гербартъ. Нужно замѣтить, что послѣдній по своей натурѣ не любилъ навязываться на знакомство, а скорѣе заставлялъ искать себя, а потому врядъ ли бы онъ попалъ въ кружокъ Фихте, если бы землякъ Гербарта, Вольтманъ, не обратилъ вниманія на много общающаго юношу и не порекомендовалъ принять его въ общій столъ, а также и въ члены литературнаго общества.

Литературное общество, или общество свободныхъ мужей ¹⁾, какъ его называли, было основано не задолго до прибытія Фихте въ Іену, двѣнадцатью студентами, по большей части уроженцами Сѣверной Германіи и нашихъ Прибалтійскихъ провинцій. Оно наняло небольшой садъ, гдѣ члены его собирались каждую среду вечеромъ. Здѣсь по очереди читали они свои статьи о томъ или другомъ литературномъ предметѣ. Собственное заявленіе о желаніи поступить въ члены этого общества не допускалось; а если оно усматривало какую-нибудь подходящую для себя личность, то лицо это приглашали доставить въ собраніе общества какую-либо статью литературнаго свойства и затѣмъ уже оно могло ожидать приглашенія вступить въ общество. Благодаря такой мѣрѣ, общество пользовалось уваженіемъ, такъ что даже такіе профессора, какъ Фихте и Паулусъ, участвовали въ его собраніяхъ. Такова была обстановка, въ которой проходили первые годы студенчества Гербарта. Юриспруденція такимъ образомъ была отложена въ сторону, и Гербартъ со всѣмъ жаромъ молодого увлеченія принялся за изученіе философіи, подъ руководствомъ Фихте. Но какъ ни сильно было на первыхъ порахъ увлеченіе Гербарта идеализмомъ Фихте и его въ высшей степени импозантною личностію, впоследствии, однако, Гербартъ рѣзко разошелся съ своимъ учителемъ, и наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что идеализмъ Фихте есть хотя и необходимая при извѣстныхъ предположеніяхъ, но во всякомъ случаѣ, невозможная попытка мышленія. Выработка у Гербарта такого взгляда на философію Фихте можетъ быть отнесена къ 1796

¹⁾ Такое названіе дано было этому обществу потому, что въ члены его не принимались лица, принадлежавшія къ какой-нибудь университетской корпораціи, и следовательно, въ извѣстномъ смыслѣ отрекавшіяся отъ своей свободы.

году, съ котораго рѣзко обозначались два важнѣйшія направленія въ нѣмецкой философіи послѣ Канта: *идеалистическое* и *реалистическое*. Съ этихъ поръ Гербартъ не могъ уже болѣе идти по одному пути съ Фихте; свое равномысліе и даже прямую противоположность съ нимъ онъ высказалъ и развилъ въ своемъ „Опытѣ разбора Шеллингова сочиненія: о возможности той или другой формы философіи вообще“, а также въ статьѣ: „О Шеллинговомъ сочиненіи: о Я или безусловномъ въ человѣческомъ знаніи“.

Такъ какъ въ планъ нашей статьи не входитъ подробная характеристика Гербарта какъ философа, то мы и не станемъ утомлять вниманіе читателя изложеніемъ названныхъ выше его сочиненій, а ограничимся только замѣчаніемъ, что послѣ энергической борьбы съ идеализмомъ Гербартъ пришелъ къ тому убѣжденію, что идеализмъ не въ состояніи удовлетворительно объяснить внутренній и внѣшній міръ, а по сему все, что съ этихъ поръ сдѣлано было Фихте и его послѣдователями, не имѣло для него (Гербарта) никакого научнаго интереса. Ему не оставалось теперь ничего болѣе, какъ подчиниться неизбежнымъ выводамъ своего мышленія, и не смотря на то, что современная философія почти достигла уже господства, стараться проложить свой собственный путь; задача эта была такъ велика, что Гербартъ едва не погибъ подъ ея величіемъ. Была минута, когда онъ готовъ былъ валожить на себя руку, чтобы покончить разъ навсегда съ волновавшими его сомнѣніями и вопросами. Въ одно прекрасное лѣтнее утро 1796 г. Гербартъ, по свидѣтельству его біографа, полный мрачныхъ мыслей, отправился къ рѣкѣ. Напрасно природа слала ему радостное утреннее привѣтствіе, напрасно улыбались ему зеленѣющія поля и несли на встрѣчу туманъ, позлащенный кроткимъ блескомъ утренняго солнца. Неподвижно стоялъ онъ на высокомъ скалистомъ берегу и смотрѣлъ внизъ въ глубину рѣки. „Два шага“, такъ думалъ онъ,—„только два шага до туда. Рѣка мутна какъ моя мысль; свѣтлый солнечный лучъ не моя стихія. Къ чему въ моей груди образъ чистаго человѣчества? Окутанный ночнымъ мракомъ стоитъ онъ тамъ, едва замѣтный, не возбуждая ничего удивленія. Если солнце внутренней истины не въ состояніи прогнать ночь и освѣтить его своимъ яркимъ лучемъ, то пусть онъ разобьется объ эти скалы, пусть рѣка умчитъ съ собою его обломки, пусть унесетъ въ широкое море забвенія и вѣчнаго сна всѣ назойливые вопросы и тяжелыя сомнѣнія“. Его взоръ блуждалъ по волнамъ. Тѣнь отъ берега достигла до середины рѣки, и тамъ-то Гербартъ увидѣлъ

свою собственную тѣнь. „Такъ точно“, думалъ онъ далѣе, — „будешь ты колебаться на моемъ мѣстѣ и показывать мѣсто моеи кончины; ты передашь друзьямъ мой послѣдній вздохъ: въ стонущихъ звукахъ пролепечешь имъ мое послѣднее прощаніе, мои предсмертныя пожеланія; ты скажешь имъ, каково мнѣ было, и что я былъ? Твой голосъ будетъ страшенъ и ужасенъ для нихъ, однако они охотно послушаютъ твоего предостереженія и послѣдуютъ ему; не станутъ вопрошать о неиспытуемомъ, искать собственного, еще не проложеннаго пути, и не захотятъ быть вождями самихъ себя; пусть они остаются на большой дорогѣ и съ дѣтски наивною душою (Sinn) радуются и веселятся какъ дѣти; пусть не подумаютъ и не пожелаютъ мѣнять даровъ природы на самопріобрѣтенные трофеи, простоты на мудрость и невинности на добродѣтель. О, всѣ вы милые, вы родители, друзья, всѣ вы милые, дорогіе, близкіе и далекіе, еслибъ вы только знали!...“ Разговаривая такъ съ собою и своими, онъ поднимался все выше и выше по берегу. Его тѣнь, послѣ того какъ онъ осмотрѣлся, тянулась уже по противоположному берегу, по цвѣтущимъ розамъ. Онъ достигъ между тѣмъ самой высокой точки на берегу, и тѣнь вышла изъ рѣки на берегъ. Красота природы взяла, наконецъ, надъ нимъ свою власть и пролила свѣтъ и жизнь въ его мрачную душу, наполнила ее радостью и мужествомъ, возвратила ему надежду, и онъ воскликнулъ: „Такъ буду же стремиться все выше и выше, бороться ревностно и безъ усталы, пока не раскроется могила; Фебъ пошлетъ мнѣ тогда свой лучъ,—нѣтъ не въ утлой ладѣѣ, а въ свѣтѣ истины буду носиться я тамъ по священнымъ волнамъ и привѣтствовать Елисейскія поля“¹⁾).

Гербартъ вѣрно сохранилъ свой обѣтъ и даже при худшихъ обстоятельствахъ ни на одно мгновеніе не потерялъ изъ виду задачи своей жизни. Къ сожалѣнію, нельзя прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное преобразование и развитіе его мыслей, такъ какъ онъ не любилъ много писать, а цѣлые дни и даже недѣли предавался упорному размышленію, не беря пера въ руки. Притомъ, въ такихъ случаяхъ онъ чувствовалъ болѣе потребности побесѣдовать о результатахъ своего размышленія, чѣмъ повѣрять ихъ бумагѣ. Его философское мышленіе по мѣрѣ того, какъ онъ освобождался отъ *verbis magistri*, все болѣе и болѣе принимало своеобразное направленіе, и онъ до того поглощенъ былъ философіей, что отложилъ въ сторону все

¹⁾ *Herbarts. Pädag. Schriften. B. II, S. 552 и 553.*

остальное и особенно науку права. Только зимою 1796—1797 года сталъ онъ болѣе постоянно заниматься ею, не посѣщая однако регулярно лекцій.

Весною 1797 г. Гербартъ оставилъ университетъ для того, чтобы посвятить себя педагогической дѣятельности. Ландфогтъ Интерлакена (близъ Берна), нуждавшійся въ воспитателѣ для своихъ сыновей, поручилъ своимъ землякамъ, принадлежавшимъ къ названному выше литературному обществу, подыскать подходящаго человѣка. Выборъ ихъ палъ на Гербарта, и ему предложено было мѣсто домашняго учителя въ семействѣ г. Штейгера: такъ звали ландфогта Интерлакена. Гербартъ колебался еще принять или не принять это мѣсто, такъ какъ его университетскія занятія далеко еще не пришли къ желанному концу. Но мать его, видѣвшая въ этомъ обстоятельстве случай создать для сына блестящую карьеру, такъ какъ между мальчиками, воспитаніемъ которыхъ предстояло заняться Гербарту, находился будущій правитель Берна ¹⁾, не дала ему долго раздумывать; на его отговорку, что ему самому надо еще учиться, она энергически возразила: „Ну, что ты здѣсь дѣлаешь? Въ университетѣ не ходишь, лекцій не слушаешь, а штудируешь все одинъ и потомъ отправляешься толковать объ этомъ съ профессорами. Это никогда не уйдетъ . . . Ступай скажи, что я прислала тебя и отвѣчай за все, даже и за согласіе твоего отца“ ²⁾. Гербарту не оставалось ничего болѣе, какъ повиноваться.

Условія, при которыхъ предстояло Гербарту начать свою педагогическую дѣятельность, были довольно благопріятны. Самъ ландфогтъ былъ воплощенная пунктуальность и добросовѣстность, но далеко не педантъ, а напротивъ—человѣкъ почти безъ предубѣжденій и предрассудковъ, готовый признать все, въ пользу чего умѣли представить ему достаточныя основанія; жена его была женщина вроткая, нѣжная и добрая, дѣти были дѣтьми, то-есть, вели веселую, беззаботную жизнь, свойственную ихъ возрасту ³⁾.

Положеніе, какое занялъ Гербартъ въ этомъ почтенномъ семействѣ, было также далеко не похоже на положеніе большинства воспитателей и гувернеровъ въ знатныхъ домахъ, гдѣ на такихъ лицъ обыкновенно смотрятъ не много выше, чѣмъ на прислугу, а довѣрія

¹⁾ Въ правители Берна предназначался средній сынъ Штейгера Карлъ.

²⁾ Ibid., 554.

³⁾ Ibid. В. II, 7—10 (Brief an Riest).

часто оказываютъ и еще жегѣ. Гербарта, напротивъ, трактовали какъ члена семьи, предоставили ему полную свободу въ распредѣленіи занятій, интересовались ихъ результатами и готовы были оказать помощь тамъ, гдѣ она была дѣйствительно необходима. И нужно отдать полную справедливость Гербарту,—онъ вполнѣ былъ достоинъ такого довѣрія. Не въ его духѣ было трудиться безъ плана и цѣли, а потому онъ предварительно установилъ себѣ цѣль своей педагогической дѣятельности и обдумалъ средства, какими она можетъ быть достигнута, а потомъ уже принялся за свое дѣло. Цѣлью его педагогической дѣятельности, по его убѣжденію, могли быть только добродѣтель и нравственность,—все, что не могло содѣйствовать нравственному образованію, съ его точки зрѣнія не имѣло никакой цѣны для воспитанія, которое должно состоять въ равномерномъ и всестороннемъ развитіи естественныхъ задатковъ и силъ человѣка. Но для достиженія этой цѣли необходимо было предварительно хорошо ознакомиться съ индивидуальностью питомцевъ и сообразно съ нею вести дѣло воспитанія. Гербарту предстояло воспитывать трехъ братьевъ, краткую характеристику которыхъ мы помѣщаемъ здѣсь для того, чтобы видѣть, какъ онъ воспользовался вышеизложенною теоріей воспитанія.

Старшему, Людвигу, было 14 лѣтъ; это былъ здоровый, крѣпкій, живой и красивый мальчикъ, но съ чувственной натурой, доступный только доводамъ холоднаго разсудка. Онъ терпѣть не могъ религіозныхъ разговоровъ. Читая римскую исторію, онъ снѣнился все дальше, и ни одинъ великій характеръ не могъ возбудить въ немъ ничего, кромѣ холоднаго удивленія. Ученье часто наводило на него скуку; всюду на заднемъ планѣ ему мерещилось пугало ученаго. У него мало было сочувствія къ подобнымъ себѣ, и ему доставляло удовольствіе открывать недостатки другихъ и издѣваться надъ ними безпощадно; онъ былъ сухимъ проповѣдникомъ морали и находился въ опасности сдѣлаться совершеннымъ эгоистомъ. У него мало было охоты къ научнымъ занятіямъ; однимъ только естественнымъ наукамъ онъ оказывалъ предпочтеніе; химическіе опыты доставляли ему удовольствіе, и онъ былъ даже искуснѣ въ нихъ, чѣмъ самъ Гербартъ. Страсти грозили уже пробудиться и подчинить себѣ его эгоистическій разсудокъ. Непостоянный, руководимый однимъ только эгоизмомъ, онъ находился въ большой опасности впасть въ безнравственность, или въ самый лучшемъ случаѣ, сдѣлаться такимъ, какъ большинство людей.

Второму, Карлу, было 10 лѣтъ. Это былъ *innige Junge*, съ которымъ Гербертъ самъ опять становился мальчикомъ; онъ былъ прележенъ и развивалъ въ себѣ все болѣе и болѣе понятливость и любознательность. Правда, онъ былъ своеправенъ, дикъ и неуверителенъ, но обнаруживалъ слѣды нравственной воспримчивости и глубокаго чувства. У него также, какъ и у Людвигъ, мало было склонности къ музыкѣ, но за то—природная способность къ живописи.

Восьмилѣтній Рудольфъ былъ веселый, рѣзвый мальчишка, даже и на десятомъ году не установившійся внутренно; онъ жилъ еще въ состояніи совершенной невзности, въ вѣкѣ Гомера, какъ выражается биографъ Гербарта. Между братьями онъ одинъ обнаружилъ наибольшую способность къ музыкѣ и дѣлалъ въ ней хорошіе успѣхи ¹⁾.

Таковы были дѣти, воспитаніемъ которыхъ предстояло заняться Гербарту; посмотримъ же теперь, какъ онъ въ этомъ дѣлѣ сообразовался съ индивидуальностью каждаго изъ нихъ.

Во вниманіи къ измѣнчивому расположенію Людвигъ Гербертъ выбиралъ, какъ имъ удобно это было для него самого, такіе часы для занятій съ нимъ, когда онъ казался наиболѣе расположеннымъ къ этому. По отношенію къ музыкѣ онъ не предъявлялъ большихъ притязаній, потому что боялся напрасно мучить ея и себя, и своего ученика. Киропедія, которую Гербертъ находилъ бесполезною, а Людвигъ скучною, была отложена въ сторону, а наконецъ и совершенно прервано было занятіе греческимъ языкомъ, потому что ученикъ не понималъ высшаго достоинства греческаго духа и предварительно нуждался въ помощи по другимъ областямъ знанія. Такъ какъ преобладаніе у Людвигъ разсудка надъ всѣми прочими способностями, по видимому, не позволяло разчитывать на возможность ослабить въ немъ ту или другую преобладающую наклонность ни любовью, ни честолюбіемъ, ни жаждою знанія, то Гербертъ старался такъ направлять его, чтобы развить въ немъ многосторонность интереса, то-есть, способность интересоваться всѣмъ человѣческимъ (*homo sum et nihil humani me alienum puto*); кромѣ того, онъ старался образовывать въ своемъ питомцѣ совершенную ясность и отчетливость мышленія, особенно же налегалъ на химію, которою Людвигъ интересовался предпочтительно предъ другими предметами; Людвигу, среди усердныхъ егориментовъ, случалось иногда самому что-нибудь изобрѣсть, и тогда ученикъ приглашалъ учителя принять участіе въ опытахъ.

¹⁾ Bericht an H. v. Steiger; *ibid.* В. II, 15—18.

Такимъ образомъ Гербартъ и Людвигъ были соучениками, товарищами и друзьями. Людвигъ однажды выразилъ желаніе слушать лекціи по естественной исторіи, о которыхъ объявило одно духовное лицо; Гербартъ просилъ отца позволить ему и между доводами особенно напиралъ на то, что Людвигъ самъ этого желалъ. Послѣ того, какъ Людвигъ такимъ образомъ привыкъ тщательно наблюдать и строго судить, Гербартъ хотѣлъ заняться съ нимъ легкимъ чтеніемъ, такъ какъ онъ думалъ, что картины домашнихъ отношеній и семейнаго счастья вызовутъ въ немъ благодарность за свою счастливую судьбу и будутъ содѣйствовать болѣе тѣсной и задушевной связи съ своими. Его воспитанникъ долженъ былъ узнать достоинство женщины для того, чтобъ отверженныя твари возбуждали въ немъ отвращеніе; онъ долженъ былъ умѣть конять безобразіе разврата и приобрѣсти глубокое уваженіе къ браку. А чтобы, при чтеніи такихъ пьесъ, онъ могъ смѣло и строго судить, надо было избѣгать всякаго отношенія содержанія ихъ къ нему. Только такимъ образомъ Гербартъ полагалъ возможнымъ склонить его на свою сторону; только собственное убѣжденіе должно было управлять имъ; всякой посторонней власти онъ непремѣнно воспротивился бы и при своемъ живомъ темпераментѣ ни за что не допустилъ бы, чтобы съ нимъ обращались какъ съ машиною; напротивъ того, онъ самъ долженъ былъ требованія нравственности возвести на степень закона и въ господствѣ надъ самимъ собою находить свое истинное величіе.

Гораздо легче было дѣло воспитанія въ отношеніи къ Карлу и Рудольфу. Чтобы излишняя осмотрительность Карла не выродилась въ мелочность и ограниченность, Гербартъ рано старался возвысить его въ собственныхъ его глазахъ и придать его занятіямъ извѣстную важность. Съ этою цѣлію онъ поручилъ ему преподаваніе географіи младшему брату, и Карлъ дѣлалъ свое дѣло превосходно. Онъ искренно привязался къ своему учителю, и такимъ образомъ о немъ было мало заботъ; онъ даже помогалъ Гербарту въ воспитаніи Рудольфа, въ отношеніи къ которому, впрочемъ, Гербартъ ограничивался однимъ *управленіемъ* ¹⁾; такъ какъ у него слишкомъ много было дѣла съ двумя старшими.

Одинъ и тотъ же учебный предметъ Гербартъ бралъ съ различныхъ сторонъ примѣнительно къ различію индивидуальностей своихъ

¹⁾ Значеніе, какое придавалъ Гербартъ управленію, будетъ выяснено при обзорѣ его «Общей Педагогикѣ».

воспитанниковъ. Въ отношеніи къ Людвигу математика у Гербарта была средствомъ къ упражненію разсудка; у Карла онъ при помощи той же математики хотѣлъ искоренить наклонность къ лѣни, которая слишкомъ охотно убѣждается, что для механическаго вычисленія нѣтъ нужды въ доказательствѣ; въ отношеніи къ Рудольфу онъ долженъ былъ, напротивъ, заботиться о томъ, чтобы знаніе не приобреталось безъ умѣнья. Свой взглядъ на обученіе Гербартъ развивалъ передъ Штейгеромъ такъ: „Обученіе“, говорилъ онъ,—, должно примыкать къ прежнимъ занятіямъ учениковъ, должно соединять въ себѣ интересъ, важность связи и разнообразіе, чтобы поддерживалось такимъ образомъ вниманіе и разнообразилась форма преподаванія. Для поддержанія связи съ прежде усвоеннымъ необходимо усердное повтореніе, но старымъ не слѣдуетъ занимать учениковъ до утомленія. Усердное повтореніе не утомитъ, если оно каждый разъ будетъ дѣлаться съ новой точки зрѣнія, и такимъ образомъ, предлагать ученику нѣчто новое. Для этой цѣли со стороны ученика ничто такъ не пригодно, какъ письменное изложеніе и свободный пересказъ самостоятельно прочитаннаго имъ о томъ, что усвоено посредствомъ уроковъ. Ни малѣйшаго движенія впередъ не должно быть до тѣхъ поръ, пока приобретенное не усвоено твердо и прочно, да и самый прогрессъ долженъ быть какъ можно медленнѣе. Но если учитель уступить требованію ученика спѣшить все къ новому, то послѣдній скоро не въ состояніи будетъ сдѣлать того, что требуетъ первый. Учитель и ученикъ будутъ недовольны другъ другомъ; мгновенное довольство было только призракомъ, оно быстро исчезнетъ, а мѣсто его займутъ невыносимо-тяжелое подавляющее отношеніе“. Главное достоинство обученія Гербартъ не думалъ находить въ искусственно облегчающей, обходящей трудности, манерѣ преподаванія ¹⁾: такъ какъ этотъ способъ обученія не въ состояніи образовать мыслящаго и съ твердымъ характеромъ человѣка. Напротивъ, достоинство метода онъ полагалъ въ томъ, чтобы собственный интересъ учителя былъ близокъ къ предмету обученія, такъ какъ отчетливость, свѣжесть мыслей, живость и теплота, неразлучныя съ интересомъ, съ трудомъ могутъ быть замѣнены одною доброю волею. Поэтому онъ старался, на сколько возможно, и свои собственныя занятія распредѣлить такимъ образомъ, чтобы самому заниматься тѣмъ,

¹⁾ Bericht an H. v. Steiger, *ibid.* 52; см. также *Herbarts Biographie*, *ibid.*, 559—560.

что въ извѣстную пору было главнымъ предметомъ изученія со стороны учениковъ. Вслѣдствіе того, въ теченіе извѣстнаго времени онъ занимался преимущественно математикой и предполагалъ заниматься ею до тѣхъ поръ, пока она будетъ главнымъ предметомъ преподаванія; потомъ онъ надѣялся посвятить свое время по преимуществу исторіи и особенно древнимъ писателямъ. На такой связи занятій учителя и учениковъ основывалась главнымъ образомъ его надежда на возможность быть полезнымъ своимъ воспитанникамъ въ теченіе болѣе продолжительнаго ряда годовъ. „Вредно можетъ быть гораздо болѣе для учителя“, говоритъ Гербартъ,—„чѣмъ для учениковъ, если ихъ вниманіе во время урока обращается на совершенно постороннія вещи, и такимъ образомъ, постоянно разрывается туда и сюда. Мои требованія къ себѣ самому должны быть все строже и шире. Чѣмъ болѣе съ лѣтами развивается въ молодыхъ людяхъ мыслительная способность, тѣмъ скорѣе могутъ они сами себя обучать, но за то и тѣмъ скорѣе изъ безконечнаго множества предметовъ знанія можетъ быть выбранъ ими не соотвѣтствующій ихъ возрасту и силамъ, тѣмъ легче, глубже и печальнѣе можетъ заблудиться эта сила или же утомиться отъ слѣпаго, безпокойнаго метанья изъ стороны въ сторону, и такимъ образомъ, преждевременно истощиться; а потому-то тѣмъ важнѣе благотворенный совѣтъ и предостереженіе. Чѣмъ болѣе учитель превращается въ ежедневнаго собесѣдника, тѣмъ болѣе важно, чтобъ онъ не истощался, чтобъ это собесѣдничество могло быть источникомъ новаго назиданія для учениковъ и поддерживать ихъ стремленіе ко всему доброму и прекрасному,—однимъ словомъ, чтобъ учитель не былъ книгой или компиляціей изъ книгъ, а былъ бы просто образованнымъ человѣкомъ.... Учитель“, требовалъ далѣе Гербартъ,—„долженъ мало говорить, а много наблюдать, долженъ угадывать, когда начать рѣчь, когда ее окончить; долженъ умѣть отличить моментъ, когда ему слѣдуетъ сообщить ученику ту или другую мысль, отъ того, когда онъ долженъ только помочь ученику образовать то или другое понятіе, равно какъ и отъ того момента, когда всякая помощь съ его стороны только стѣснила бы самостоятельность ученика. Съ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ и съ постояннымъ присутствіемъ духа долженъ онъ умѣть приноровлять свое обычное поведеніе къ самымъ неожиданнымъ обстоятельствамъ“¹⁾.

Такому взгляду на обученіе и его задачу соотвѣтствовалъ и учеб-

¹⁾ *Herbarts Biographie, ibid., 561.*

ный планъ, выработанный Гербартомъ. Онъ обнималъ греческій и латинскій языки, математику, химию, географію, музыку, поздне французскій языкъ и рисованіе; нѣсколько позже хотѣлъ онъ позаботиться объ образованіи сердца и твердости воли. Но скорый переходъ Лудвига къ практикѣ, равно какъ и настоятельная воля отца, заставили его, если можно такъ выразиться, сразу прервать двѣ нитки.

Первое мѣсто въ учебномъ планѣ Гербарта, какъ видимъ, занимаютъ классическіе языки, и особенно греческій, знакомство съ которымъ, обнимающее не только грамматику, но и литературу, Гербартъ считалъ существенно-необходимымъ для всякаго, у кого есть время и случай образоваться вполне. Изученіе классиковъ должно было начинаться Гомеромъ, знакомство съ которымъ, по мнѣнію Гербарта, превосходно подготовляетъ къ изученію морали и исторіи; за Гомеромъ въ послѣдовательномъ порядкѣ должны быть изучены Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Новый Завѣтъ, и наконецъ, Римляне—Титъ Ливій, Цицеронъ и Тацитъ. Таковъ ходъ обученія имѣлъ цѣлю развить глубину чувства, заставить дѣтей входить въ положеніе, образъ мыслей и чувствъ человѣческихъ характеровъ, остановить ихъ сердце первоначально на простыхъ понятіяхъ и отношеніяхъ, чтобы потомъ *многоразлично* сложившіяся понятія нашего времени могли произвести на нихъ свое *многоразличное* дѣйствіе. Языки были для Гербарта только воспитательнымъ средствомъ, а не средствомъ для достиженія какой-нибудь утилитарной цѣли. Съ изученіемъ языковъ должно было соединиться и изученіе исторіи, а потому новѣйшіе языки изучались гораздо поздне, чѣмъ это обыкновенно дѣлается: Онъ былъ убѣжденъ въ вѣрности своего плана и не смѣлъ отступать отъ него,—только съ Лудвигомъ пересталъ заниматься по гречески, такъ какъ Гомера, по его мнѣнію, должны читать или дѣти, или взрослые люди, а никакъ не избалованные юности.

На математику и естественныя науки онъ также смотрѣлъ съ точки зрѣнія воспитателя. Химія должна была служить средствомъ къ упражненію въ образованіи сужденій и развиваться изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ ученика; математика должна была стоять въ непосредственной связи съ естественными науками, сообщать имъ высшій интересъ и служить нравственности. По отношенію къ Лудвигу Гербартъ всю надежду успѣха основалъ на его разсудкѣ. Предписанія нравственности должны были принуждать его своею очевидностью, ясностью и плѣнять своею совершенною разумностью. Добродѣтель могла привлекать его своею правильностью, а несправедли-

вость отталкивать, какъ нелѣпность. Ко всему этому куть шель черезъ школу математики; но Гербарту несносна была мысль уяснять ту или другую обязанность тѣмъ же способомъ, какъ и какое-либо математическое положеніе; тѣмъ не менѣе онъ иногда три дня и болѣе толковалъ объ одномъ и томъ же, пока не добивался своей цѣли.

Программа географіи была у него не только не широка, а скорѣе бѣдна, но превосходна въ томъ отношеніи, что изученіе географіи по ней начиналось ознакомленіемъ съ ближайшею окрестностью, съ родиною и заканчивалось сравнительною географіей.

Исторія, по его понятію, должна была непосредственно служить воспитанію. Она должна дѣйствовать на сердце ученика, а потому къ ней необходима продолжительная подготовка. Во всякомъ случаѣ преподаваніе исторіи слѣдуетъ начинать не прежде, чѣмъ разсудокъ и вообще мыслительная способность достаточно разовьется и окрѣпнетъ. Конечно, если все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы холодному, равнодушному зрителю представить рядъ всевозможныхъ человѣческихъ фигуръ съ тѣмъ, чтобы онъ удержалъ въ памяти ихъ черты и порядокъ и могъ потомъ въ обществѣ со смѣхомъ распространяться о ихъ глупостяхъ, какъ о городскихъ новостяхъ, то исторію можно изучать во всякомъ возрастѣ, безъ всякаго вниманія къ обстоятельствамъ и безъ подготовки. Но если что-нибудь должно имѣть притязаніе на наше сердечное участіе и погружать насъ въ глубочайшую серьезность, такъ это именно дѣйствіе и страданія людей, опредѣлившихъ наше теперешнее міросозерцаніе, подготовившихъ для насъ общественную безопасность, искусство и науку, и въ образахъ которыхъ изображены мы сами со всѣмъ тѣмъ, что мы или обстоятельства могли сдѣлать изъ насъ хорошаго и худаго. На этихъ-то основаніяхъ изученіе исторіи должно начинаться поздне всѣхъ другихъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что въ относительно зрѣлые годы ни одна наука не изучается сама ради себя такъ охотно, какъ исторія. Исторія должна пробуждать въ насъ великія мысли и глубокія соображенія о человѣческой слабости и величій, о судьбѣ и промышлѣ. На этомъ основаніи Гербартъ отвергалъ заучиванье одного сухаго историческаго скелета, который хотя и остается на нѣкоторое время въ памяти, но потомъ скоро забывается. Онъ старался преподавать ее въ формѣ свободной, живой и увлекательной бесѣды, потому что молодымъ людямъ трудно отчетливо представить себѣ образъ жизни, мыслей и чувствъ людей отдаленныхъ временъ.

При такомъ взглядѣ на преподаваніе исторіи мораль естественно

должна была примыкать къ исторіи. Исторія, представляя намъ образцы добродѣтели и порока, посредствомъ размышленій, на которыя они невольно вызываютъ, посредствомъ одобренія или порицанія, неразлучно съ этими образцами возникающаго въ умахъ молодыхъ людей, побуждаетъ ихъ образоваться для самихъ себя нравственныя правила, и такимъ образомъ, служить превосходною подготовкой къ будущимъ систематическимъ бесѣдамъ о морали. „И въ самомъ дѣлѣ“, восклицаетъ Гербертъ, — „чтобы найти путь къ образованію характера, что мы въ состояніи сдѣлать лучшаго, какъ прослѣдить ходъ нравственнаго образованія человѣческаго рода? Съ греческою исторіей въ рукѣ войти въ школу Сократа, помедлить нѣсколько времени среди уже знакомыхъ намъ людей, нравы и характеръ которыхъ сложились на нашихъ глазахъ, какъ это мы видѣли при изученіи исторіи, потомъ со смиреннымъ сердцемъ и благоговѣйнымъ духомъ вступить въ среду учениковъ Христа, и послѣ того, какъ глазомъ и сердцемъ прослѣдимъ за Нимъ до неба, — обоерѣтъ возвышеннымъ духомъ ходъ всемірной исторіи, узнать слѣды Промысла въ медленномъ, но вѣрномъ направленіи (хотя иногда ошибочно и принимаемомъ нами за регрессъ) всего къ лучшему, при изученіи событій современныхъ оглядываться далеко назадъ и научиться, такимъ образомъ, сокращать мужество и оберегать свое сердце отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній вѣка, что, повторяемъ, можно сдѣлать лучшаго для достиженія указанной цѣли?“¹⁾

Къ морали, какъ ея дополненіе, примыкала религія. Гербертъ не принадлежалъ къ числу противниковъ религіознаго обученія, которыхъ теперь въ Германіи особенно много; онъ стремился только къ ясности и удобопонятности, а потому отвергалъ слѣпое, неосмысленное задалбливаніе догматическихъ положеній. „Естественныя склонности человѣка“, говоритъ онъ, — „не всё сами по себѣ нравственны, а потому имѣть глубокое значеніе то обстоятельство, что наша религія говоритъ о наслѣдственномъ грѣхѣ, а мораль мощными средствами побуждаетъ отрѣшиться отъ своей первоначальной природы и переходить въ духовный міръ“²⁾.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ учебно-воспитательный планъ Герберта; въ возможности существованія его онъ не сомнѣвался, тѣмъ болѣе, что духъ и умственный складъ семьи казались для этой

¹⁾ Ibid., 564 и 565.

²⁾ Ibid., 565.

цѣли въ высшей степени благопріятными: отца и мать онъ могъ не только ставить въ образецъ своимъ воспитанникамъ, но и самъ чувствовать къ нимъ самое неподдѣльное и глубокое уваженіе.

Къ сожалѣнію, политическія событія того времени помѣшали осуществленію плана Гербарта. Французы, воспользовавшись неудовольствіемъ Ваатландцевъ противъ Берна, заняли Ваатландъ своими войсками и помогли ему освободиться изъ-подъ власти Берна, въ февралѣ 1798 года. Вслѣдствіе этого негодованіе противъ Французовъ сдѣлалось въ Бернѣ всеобщимъ; духъ борьбы охватилъ всѣхъ—стариковъ, женщинъ, юношей и даже дѣтей. При всеобщности такого настроенія, вполне естественно было и сыну Штейгера, Людвигу, взяться за оружіе, такъ какъ ему въ это время было уже около 16 лѣтъ. Это обстоятельство заставило Гербарта сильно призадуматься, потому что онъ опасался вреднаго вліянія товарищей на Людвига, который до сихъ поръ росъ подъ строгимъ надзоромъ и внѣ всякаго общенія съ мальчиками, за исключеніемъ своихъ братьевъ. Опасеніе это усиливалось еще тѣмъ соображеніемъ, что Людвигу приходилось поступить не въ дѣйствующую армію, а въ обсерваціонный корпусъ, гдѣ, очевидно, мало было случаевъ къ геройскимъ подвигамъ, но много незанятаго времени, которое молодые люди часто стараются убить въ развлеченіяхъ, далеко не безукоризненныхъ въ нравственномъ отношеніи. Опасенія эти впрочемъ не сбылись; Людвигъ оказался превосходнымъ мальчѣмъ; онъ бодро переносилъ коледъ, бессоницу и всѣ вообще неудобства бивуачной жизни въ зимнее время, такъ что его ставили даже въ образецъ другимъ; а въ мартѣ того же года, когда Бернъ былъ занятъ Французами, и провозглашена была единая и нераздѣльная Гельветическая республика, Людвигъ могъ уже возвратиться къ прежнимъ своимъ занятіямъ, такъ что у Гербарта снова явилась надежда осуществить свой планъ, съ каковою цѣлію онъ разчитывалъ пробыть въ домѣ Штейгера восемь или десять лѣтъ, и въ теченіе этого времени, на основаніи собственнаго опыта и практики, выработать педагогическую теорію, которая стояла бы въ самой тѣсной связи съ цѣлію воспитанія. Но случилось между тѣмъ совершенно иначе. Вслѣдствіе превращенія Швейцарской республики въ Гельветическую миѣнческій проектъ о подготовленіи Людвига въ будущіе правители Берна разлетѣлся въ прахъ, и родители Гербарта, заботясь о карьерѣ сына, потребовали отъ него, чтобъ онъ оставилъ Швейцарію и принялъ на себя обязанность сопровождать молодого принца Ольденбургскаго въ его путешествіи. Но Гербартъ

не принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые жертвуютъ своею идеей матеріальнымъ интересамъ и соображеніямъ, а потому сколько ни настаивали родители Гербарта на своемъ требованіи, онъ видѣлъ задачу своей жизни въ окончаніи воспитанія вѣрнннхъ ему дѣтей и на удаченіе свое изъ дома Штейгера до выполненія означенной задачи смотрѣлъ какъ на извѣнну чувству нравственнаго долга. Если онъ и расстался съ Штейгеромъ до выполненія означенной задачи, то лишь потому, что не нашелъ возможнымъ продолжать свою педагогическую дѣятельность такъ, какъ хотѣлъ. Послѣ описанной выше революціи скоро начали готовить контръ-революцію, въ чемъ Штейгеръ принималъ самое дѣятельное участіе. Гербартъ не могъ понять этой агитации противъ Гельветической республики со стороны челоуѣка, принесшаго ей гражданскую присягу, и потому пересталъ питать къ нему прежнее уваженіе. Штейгеръ самъ сталъ это замѣчать, и они рѣшили расстаться.

Гербартъ оставилъ Швейцарію въ концѣ 1799 года. Онъ остался навсегда привнательнъ дому Штейгера, такъ какъ зналъ, что обязанъ былъ ему лучшими педагогическими наблюденіями и опытами, какія челоуѣкъ въ состояніи вообще сдѣлать, и что эти опыты возможны были только въ такомъ домѣ, каковъ былъ домъ Штейгера по своему образованію и нравственному превосходству. Мало этого, Гербартъ имѣлъ даже счастье видѣть, что его идеи и принципы особенно прочно привились къ его любимому Карлу, съ которымъ онъ долго, до 1817 года, поддерживалъ, посредствомъ переписки, отношенія, полныя любви, задушевности и взаимнаго довѣрія, какъ это можно видѣть изъ заключительныхъ словъ письма Гербарта къ Карлу отъ 16-го ноября 1802 года: „Еще одна просьба, которая у меня давно была на умѣ, но для которой теперь только настало время, такъ какъ ты уже сдѣлался офицеромъ: не называй меня Негг, а непременно „du“ и по имени. Если понравится тебѣ это предложеніе—хорошо; если же нѣтъ, то знай, что я и безъ твоего определенно выраженнаго требованія намѣренъ титуловать тебя по прежнему, и одиизъ насъ долженъ уступить. Прощай, милый, и не забывай что помогло тебѣ стать тѣмъ, чѣмъ ты есть: это—науки. Ихъ духъ вѣетъ въ твоемъ, но ихъ дѣло далеко еще не кончено въ тебѣ: они только что начали его“¹⁾.

По возвращеніи на родину, Гербартъ рѣшился было снова при-

¹⁾ Ibid., 584.

ваться за изученіе права, если бы на этомъ сталъ настаивать его отецъ. Къ счастью, родители Гербарта убѣдились наконецъ, что они сдѣлали бы этимъ своему сыну большое насліе, а потому рѣшились предоставить ему полную свободу въ выборѣ специальности. Довольный такимъ оборотомъ дѣла, Гербартъ отправился въ Бременъ, гдѣ онъ у друга своего Шмидта провелъ около двухъ лѣтъ въ самой разнообразной и напряженной дѣятельности, главною цѣлью которой одною была подготовка къ профессорству. Занимаясь такимъ образомъ изученіемъ по преимуществу философіи, Гербартъ не покидалъ и педагогій. Такъ, во времени пребыванія въ Бременѣ относятся слѣдующіе педагогическіе труды его: 1) *Ideen zu einem pädagogischen Lehrplan für höhere Studien*; 2) *Über Pestalozzis neueste Schrift: Wie Gertrud ihre Kinder lehrte* и 3) *Pestalozzis Idee eines ABC Anschauung*. Первое изъ названныхъ сочиненій было вызвано отчасти педагогическими бесѣдами, какія приходилось вести Гербарту въ кружкѣ своего друга, а отчасти вопросомъ о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ въ то время занимались не только въ Бременѣ, но и въ цѣлой Германіи, такъ какъ это было время самой горячей борьбы между филантропами и гуманистами ¹⁾. Такимъ образомъ, статья эта интересна въ томъ отношеніи, что она выясняетъ намъ то положеніе, какое Гербартъ занялъ въ это время въ отношеніи къ вопросу о гимназическомъ курсѣ. Какъ въ области философіи онъ занималъ средину между крайнимъ идеализмомъ и грубымъ эмпиризмомъ, такъ и въ области педагогій онъ стоялъ одиноко. Онъ не хотѣлъ быть за одно ни съ гуманистами, ни съ филантропами, такъ какъ съ его точки зрѣнія и тѣ и другіе ошибочно понимали задачу воспитанія. вмѣстѣ съ гуманистами онъ высоко цѣнилъ древность, но также и науки новѣйшаго времени, и вопреки общепринятому обычаю, считалъ необходимымъ начинать изученіе древнихъ языковъ не латинскими писателями, а Гомеромъ и именно Одиссеей въ полномъ ея объемѣ. Вопреки филантропамъ (послѣдователямъ Базедова) онъ презиралъ

¹⁾ Борьба эта вызвана была нападами Кампе и Траппа на гимназическое обученіе. Классики также не остались въ долгу и отвѣчали на эти напады слѣдующими сочиненіями: *Ueber die Vortheile der alten Litterat.*, von *Rehberg*, 1784 г.; *Ueber den Einfluss der gr. u. röm. Schriftst.*, von *Tiedemann* und *Jenisch*, 1798 г. Въ умѣренномъ, или вѣрнѣе, примирительномъ духѣ написаны были слѣдующія статья: *Gedike*, *Über den Begriff einer gelehrten Schule*, и *Funk*, *Vom Nutzen richtig getrieb. Philologie an den Schulen*; см. *Herbarts Pädag. Schrift.* herausg. von *Otto Willman*. Примѣчаніе издателя на стр. 74, т. I.

искусственно облегчающую методу обученія, и, напротивъ, поощряяъ раннее приученіе дѣтей къ напряженному труду.

Во второй статьѣ Гербартъ, прежде чѣмъ говорить о самой книгѣ Песталоцци: „Какъ Гертруда учила своихъ дѣтей“¹⁾, нашелъ необходимымъ подѣлиться съ читателемъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ вынесъ изъ школы Песталоцци, когда ему удалось посѣтить ее во время своего пребыванія въ Швейцаріи. Разказъ Гербарта объ этомъ такъ интересенъ, что мы рѣшаемся привести его здѣсь въ главныхъ чертахъ:

„Двѣнадцать человѣкъ дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ были призваны въ школу въ необычное вечернее время. Я боялся“, говоритъ Гербартъ,— „что дѣти вслѣдствіе того будутъ не въ духѣ, и такимъ образомъ экспериментъ, ради котораго я пришелъ въ школу, окажется неудачнымъ. Я слышалъ шумъ совокупнаго говора цѣлой школы, но это былъ не шумъ, а созвучіе словъ, столько же пріятное, какъ стройный хоръ, и столь же громкое, какъ хоръ; здѣсь новое такъ тѣсно примыкало къ старому, такъ твердо опиралось на только что выученное, что мнѣ стоило большаго труда, чтобъ изъ зрителя и наблюдателя не сдѣлаться однимъ изъ числа учащихся дѣтей“. Но больше всего поразилъ Гербарта въ высшей степени правильный и благозвучный выговоръ учениковъ, тогда какъ ихъ учитель „обладалъ невнятнымъ въ мірѣ органомъ рѣчи“. Такое странное на первый взглядъ явленіе Гербартъ пытался объяснить себѣ такъ: произношеніе словъ хоромъ и въ тактъ само собою производитъ чистый и явственный выговоръ: ни одного слова нельзя проглотить, для каждой буквы есть свое время“. Нельзя не согласиться съ такимъ объясненіемъ: ничто такъ не содѣйствуетъ выработкѣ у дѣтей навыка читать громко и выразительно, какъ хоровое чтеніе²⁾. Этимъ же объясняетъ себѣ Гербартъ и напряженное вниманіе учениковъ Пестал-

¹⁾ Pädag. Schrift., B. I., 81.

²⁾ Въ этомъ мы имѣли случай убедиться какъ въ германскихъ школахъ, такъ и на мѣстѣ настоящей своей дѣятельности (въ Молодечинской учительской семинаріи). Присутствуя въ 1874 г. на урокъ письма-чтенія въ Übungs-Schule при Берлинской учительской семинаріи, мы были пріятно изумлены, когда слышали, какъ дѣти 6—7 лѣтъ, съ трудомъ еще разбиравшія слова въ своей Schreib-Lese-Fibel,—когда дѣло дошло до хороваго чтенія съ замѣчательною выразительностью продекламировали небольшое стихотвореніе на тему о томъ, каковъ долженъ быть солдатъ. И нужно было видѣть то удовольствіе, съ какии дѣти совершали эту работу!

доци въ теченіе цѣлаго урока: „У каждаго ребенка“, говоритъ онъ. — „разомъ заняты были и ротъ, и руки; ни одному нельзя было оставаться въ бездѣйствіи и молчать, и такимъ образомъ, вполне естественное въ ребенкѣ стремленіе къ разсѣянности было уничтожено“.

Послѣ того Гербартъ приступаетъ къ разбору самой книги Песталоцци, и замѣтивъ, что она предназначена для дѣтей низшихъ классовъ, продолжаетъ такъ: Посмотримъ, говоритъ онъ, обращаясь къ образованнымъ читателямъ, — годится ли этотъ методъ для васъ? Что считается у насъ существенно необходимымъ изучать въ школѣ? *Кое-что изъ естественной исторіи*, немножко географіи, кое-какія извлеченія изъ исторіи, нѣсколько небольшихъ замѣтокъ о благородныхъ характерахъ, великихъ людяхъ и благодѣтельныхъ дѣтяхъ, немножко политической и революціонной морали, названія нѣкоторыхъ звѣздъ и химическихъ препаратовъ, имена кое-какихъ языческихъ боговъ, по временамъ какую-либо загадку, какое-либо *bon mot*, арифметическій примѣръ и т. д. Все это, конечно, было бы весьма удобно для Песталоцци; онъ могъ бы такимъ образомъ избавить себя отъ труда изыскивать правильную послѣдовательность въ ходѣ обученія; ему стоило бы только встряхнуть такую пеструю серію учебныхъ предметовъ, чтобы постоянно предлагать дѣтямъ перемѣнную умственную пищу и никогда не утомлять ихъ однообразіемъ. О послѣдовательной смѣнѣ одного предмета другимъ здѣсь нечего беспокоиться, такъ какъ здѣсь на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни послѣдующаго, ни предшествующаго, и ничто не предполагаетъ и не обуславливается одно другимъ. Ни въ памяти, ни въ разсудкѣ дитяти ничто прочно не укореняется, одно легко уступаетъ свое мѣсто другому; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дитя, пожалуй, будетъ разсказывать своимъ дядимъ и теткамъ о томъ, что особенно поразило его воображеніе, но изъ-за перваго, дѣйствительно интереснаго происшествія въ его собственной жизни, оно забудетъ весь этотъ хламъ. Итакъ, чему жъ особенно необходимо учить? Безъ сомнѣнія, тому, что человѣку существенно необходимо знать; а существенно необходимое для человѣка — необходимо или для его физической, или для его нравственной природы; онъ нуждается въ этомъ или какъ чувственное существо, чтобы имѣть возможность жить, или какъ гражданинъ, отецъ, супругъ и т. д., чтобы знать и исполнять свою обязанность въ томъ или другомъ общественномъ отношеніи. Земледѣліе, фабричное производство, торговля, равно какъ и всякое искусство и наука, дающія хлѣбъ, принадлежать къ первому классу; религія, мораль, понятіе о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ —

ко второму. Но школа не можетъ взять на себя сообщеніе человѣку всѣхъ этихъ необходимыхъ для него знаній во всемъ ихъ объемѣ; она можетъ взять только часть этого труда; но если она не можетъ сдѣлать всего, то должна сдѣлать столько, сколько въ ея силахъ; вслѣдствіе того она должна предпочитать самое общее, такъ какъ чрезъ него достигается наибольшее; ибо кто знаетъ общее, тотъ всегда знаетъ нѣчто и о каждой изъ тѣхъ частныхъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Что же теперь слѣдуетъ считать самымъ общимъ и потому для школы самымъ первымъ и необходимымъ? Природа и люди окружаютъ дитя постоянно; а потому то, что подлежитъ непосредственному ежедневному наблюденію и опыту дитяти, и должно быть изучаемо прежде всего. Но внѣшній міръ, обиденная обстановка находятъ доступъ къ дитяти сами собою посредствомъ зрѣнія и слуха; только этотъ доступъ затрудняется ихъ собственнымъ множествомъ, пестротой и разнообразіемъ. Люди говорятъ такъ быстро, въ одномъ слогѣ совмѣщаютъ такъ много звуковъ, въ немногихъ словахъ выражаютъ такъ много мыслей, — природа показываетъ на одномъ полѣ столько фигуръ, въ одномъ цвѣткѣ столько красокъ, что дитя невольно теряется среди этой пестроты и разнообразія. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость прежде всего упражнять внѣшнія чувства ребенка и особенно зрѣніе, а также помогать ему въ развитіи дара слова; иначе все богатство формъ, которыми окружаетъ насъ природа, все разнообразіе словъ и мыслей будетъ потеряно для дитяти.

Изъ изложеннаго понятно, въ чемъ Гербартъ полагалъ главную заслугу и значеніе Песталоцци—въ стремленіи сдѣлать наглядное обученіе средоточіемъ всего первоначальнаго обученія, или вѣрнѣе, обученія въ народной школѣ.

Въ „Азбукѣ наглядности“ Гербартъ хочетъ приложить методъ Песталоцци къ обученію вообще, то-есть, къ обученію не только въ низшихъ, но въ среднихъ и даже высшихъ школахъ. Всякое обученіе, говоритъ онъ,—должно исходить изъ наглядности, а средоточіемъ его должна быть математика ¹⁾. Взглядъ свой Гербартъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: Одно изъ существенныхъ условій успѣха обученія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ ученикъ не дозволялъ себѣ быть разсѣяннымъ въ то время, когда говоритъ учитель; а между

¹⁾ См. Pestalozzis Idee eines ABC Anschauung и особенно III-й, IV-й и V-й отдѣлы введенія къ этому труду. *Herbarts Pädagog. Schriften*, B. II., 106—130.

тѣмъ разсѣянность есть также естественное состояніе учащагося мальчика: когда онъ не занятъ урокомъ, потокъ его представленій не остается у него въ покоѣ; его игра, или когда ему это запрещаютъ, его мечты будутъ занимать его. Чтобы возобладать надъ этимъ, первая забота обученія должна состоять въ томъ, чтобы заставить ученика уважать не только самое обученіе, но и личность учителя. Какъ воспитатель долженъ обезпечить безусловное повиновеніе каждому своему опредѣленно выраженному требованію, такъ и обученіе не должно допускать, чтобъ его не понимали, или понимали только на половину; ничто, даже самое мелочное и побочное, не должно оставаться не замѣченнымъ или забываться. Но нигдѣ это требованіе не имѣетъ такого важнаго значенія какъ въ математикѣ, а слѣдовательно, и ни одинъ учебный предметъ не можетъ соперничать съ математикой въ приученіи ученика ко вниманію, сосредоточенности, составленію ясныхъ и отчетливыхъ понятій. Языки, географія, естественная исторія суть дѣло памяти ¹⁾; знаніе этихъ предметовъ приобрѣтается только частымъ повтореніемъ и спрашиваніемъ; отсюда можетъ показаться, что эти именно предметы особенно пригодны для приученія къ вниманію и сосредоточенности. Но къ несчастію, эти предметы обыкновенно бывають интересны и приносятъ пользу только тому, кто обладаетъ хорошою памятью, кто не чувствуетъ труда за- поминанія, кому доставляетъ удовольствіе самая легкость усвоенія всего разнообразнаго содержанія названныхъ предметовъ. Но кому все это дается съ трудомъ, тому масса именъ и названій будетъ тѣмъ противнѣе, чѣмъ больше онъ будетъ повторять и твердить ихъ. Хотя въ этомъ случаѣ все усвоится постепенно, но самое это усвоеніе не составляетъ никакого чувствительнаго приобрѣтенія: запасъ знаній не увеличивается существенно, умственный кругозоръ не расширяется замѣтно, а мышленіе не приобрѣтаетъ все большей и большей полноты и зрѣлости, какъ это бываетъ при занятіи математикой. Исключеніе изъ этого можно было бы сдѣлать въ пользу химіи, но эта наука не для дѣтей, такъ какъ она не заключается въ предѣлахъ кругозора природнаго здраваго смысла, а предполагаетъ уже болѣе зрѣлый, расширенный многими знаніями, взглядъ на природу. Фигура же и

¹⁾ Стремленіе выставить на видъ преимущества математики сдѣлало Гербарта несправедливымъ въ отношеніи къ остальнымъ учебнымъ предметамъ и поставило отчасти въ противорѣчіе съ тѣмъ, что онъ прежде говорилъ о значеніи языковъ и исторіи въ дѣлѣ воспитанія.

число, напротивъ, лежатъ въ самомъ центрѣ нашего первоначальнаго кругозора. Основныя начала мѣры и счета составляютъ самыя первыя, естественныя и почти непрерывныя упражненія, которыми занимается даже и самый слабый разумокъ; къ этимъ основнымъ началамъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ дальнѣйшее изученіе математики и отсюда ужь идетъ далѣе въ постепенной и непрерывной послѣдовательности. Основныя же понятія преимущественно предъ всѣмъ прочимъ учитель долженъ сообщать ученику въ выраженіяхъ совершенно правильныхъ и точныхъ; того же самого онъ не только можетъ, но имѣетъ полное право требовать и отъ ученика; а это только и возможно въ области математики. Здѣсь нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы изобразить, равно какъ и ничего такого, о чемъ нельзя было бы распространяться съ надлежащею обстоятельностью. Здѣсь такимъ образомъ слѣдуетъ искать того, чего нигдѣ нельзя найти, именно—*нети* для первоначальнаго обученія, которое должно быть въ состояніи какъ для себя самого, такъ и для всякаго другаго обученія, создать авторитетъ, по мановенію котораго разсѣянность исчезала бы, а вниманіе приходило и оставалось бы постоянно¹⁾.

Выяснивъ такимъ образомъ значеніе математики для первоначальнаго обученія²⁾, Гербартъ старался доказать, что она не менѣе важна и для дальнѣйшаго развитія дѣтей, какъ самая лучшая и цѣлесообразная гимнастика для мыслительной способности и какъ самый прочный и единственный фундаментъ для естествовѣдѣнія. Что же касается послѣдней ступени воспитанія, то завершеніе его, по мнѣнію Гербарта,

¹⁾ Pädagog. Schrift. h. v. O. Willmann. B. I., 120—123.

²⁾ Въ предупрежденіе возраженія, что занятіе математикой слишкомъ трудно и скучно для дѣтей, Гербартъ указывалъ на примѣръ Песталоцци, у котораго дѣти учились и скоро, и весело. Если хотѣть воспользоваться всеми выгодами, какія можетъ доставить воспитанію отдаленная подготовка, то пусть позаботятся для этой цѣли о возбужденіи вниманія въ самомъ раннемъ возрастѣ. На темной, но не на совершенно черной доскѣ, потому что черныя цвѣтъ противенъ глазу дитяти, можно вбить прямо противъ колыбели три желтые гвоздя и ежедневно измѣнять образуемый ими треугольникъ. Такимъ образомъ съ колыбели еще слѣдуетъ начинать наглядно математическія упражненія. Этотъ совѣтъ Гербарта подалъ поводъ къ вымыслу, будто бы стоило только въ первые дни жизни ребенка обращать его вниманіе на блестящія точки, для того чтобы въ его умѣ твердо запечатлѣлась фигура треугольника, на представленіи котораго основывается—де все наше знаніе о мѣрѣ, стоило только это сдѣлать, чтобы достигнуть улучшенія всего человеческого рода, и такимъ образомъ должно исчезнуть нравственное зло, порожденное французскою революціей. Н. Päd. Schrift., II., 593.

принадлежитъ философіи; но и здѣсь нельзя обойтись безъ математики, на обязанности которой лежитъ предотвращать опасности философіи.

Ставя математику центральнымъ предметомъ обученія, Гербартъ, какъ мы уже видѣли изъ его дѣятельности въ качествѣ домашняго учителя и какъ увидимъ далѣе, не только не исключалъ классическихъ языковъ изъ своего учебнаго плана, но и придавалъ имъ важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія юношества, особенно же высоко цѣнилъ Гомера. Понятно, что такой учебный планъ долженъ былъ подать поводъ обвинять автора его въ стремленіи обременить учащееся юношество массой учебныхъ предметовъ, для изученія которыхъ не хватить ни времени, ни силъ. Въ предупрежденіе такого обвиненія Гербартъ счелъ нужнымъ опредѣленно указать, сколько учебнаго времени слѣдуетъ посвящать математикѣ. Не считая самыхъ раннихъ упражненій въ счисленіи, измѣреніи и т. п., изученіе математики на 8-мъ, 9-мъ и даже 10-мъ году должно совершаться въ формѣ нагляднаго обученія и поглощать, въ теченіе трехъ четвертей года, ежедневно одинъ часъ. На 12-мъ, 13-мъ, или даже 14-мъ году достаточно опять одного часа въ день, чтобъ при помощи прежней подготовки основательно изучить ариметику, геометрію, тригонометрію и низшую алгебру. Наконецъ, на 18-мъ, 19-мъ или 20-мъ году также достаточно будетъ ежедневно одного часа, чтобъ изученіе математики завершить такъ, какъ это только можетъ быть желательно для того, для кого она не составляетъ спеціальной профессіи.

Но какъ ни высоко цѣнилъ Гербартъ математику, тѣмъ не менѣе, по его воззрѣнію, она не была въ дѣлѣ воспитанія и обученія чѣмъ-то въ родѣ *conditio sine qua non*. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу въ одномъ мѣстѣ своей „Азбуки воззрѣнія“: „Кто дѣйствительно знаетъ математику, кто не только учился ей, но и отвѣдалъ ее какъ бы собственнымъ вкусомъ, тотъ не станетъ, конечно, навязывать ее тѣмъ юношамъ, которые уже съ должнымъ интересомъ предаются обычному ходу обученія. Душевное состояніе въ математическомъ мышленіи совершенно отлично отъ настроенія того, кто съ юношескою надеждой ищетъ философской мудрости или съ любовью предается историческимъ изслѣдованіямъ, или наконецъ, весь отданъ пѣснямъ поэтовъ. Вообще всѣхъ тѣхъ, у кого какъ этими, такъ и многими другими предметами, возбужденъ уже научный интересъ, математика, эта жрица ясности и точности, только спутаетъ; они, наконецъ, сами

не будутъ знать, куда имъ обратиться: вполнѣ страдательное повиновеніе учителю будетъ ихъ единственнымъ прибѣжищемъ“¹⁾.

Таковы были первыя педагогическія произведенія Гербарта, написанныя, какъ показываетъ уже ихъ заглавіе, подѣ влияніемъ того глубокаго впечатлѣнія, какое произвели на автора ихъ какъ сочиненія, такъ и самая личность знаменитаго швейцарскаго педагога. Болѣе зрѣлые и вполнѣ самостоятельныя труды Гербарта въ области педагогій относятся уже ко времени его профессорства въ Геттингенѣ.

22-го октября 1802 года Гербартъ былъ признанъ докторомъ философіи, а день спустя уже диспутировалъ pro venia legendi, послѣ чего и началъ свои лекціи педагогикой, которую онъ, какъ науку, считалъ дѣломъ философіи и притомъ не только теоретической, но и практической²⁾. Занятія педагогикой привели его ближайшимъ образомъ къ этикѣ, такъ что уже въ лѣтній семестръ 1803 года онъ читалъ лекціи по практической философіи. Въ слѣдующемъ году онъ уже почувствовалъ необходимость не только расширить преподаваніе философскихъ наукъ, но и придать ему болѣе цѣлесообразную въ педагогическомъ отношеніи форму. Такъ, изученію метафизики онъ счелъ нужнымъ предпослать изученіе логики, ибо находилъ бесполезнымъ преподавать первую слушателямъ, не приученнымъ еще къ философскому мышленію, а вполнѣдствіи онъ присоединилъ ко всему этому и лекціи по психологій, какъ введеніе къ педагогикѣ.

Лекціи Гербарта были такъ хороши во всѣхъ отношеніяхъ, что вскорѣ вся почти философская дѣятельность Геттингена сосредоточилась въ его аудиторіи. Вслѣдствіе того, а также благодаря нѣкоторымъ печатнымъ трудамъ своимъ, онъ получилъ въ 1805 году приглашеніе въ Гейдельбергскій университетъ, но отклонилъ его, за что и былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ. Рука объ руку съ лекціями шло и печатаніе его трудовъ; такъ, въ 1804 году появилась лекція „О точкѣ зрѣнія при оцѣнкѣ метода Песталоцци“, читанная имъ проѣздомъ въ Бременѣ; въ 1806 году вышла въ свѣтъ „Общая педагогика“, далѣе „Главные положенія метафизики“, и наконецъ, „Главные положенія логики“. Но ни одной отраслю прикладной философіи не занимался Гербартъ съ такою любовію и такъ

¹⁾ Pädag. Schriften, h. v. Willmann, B. I., 123.

²⁾ Pädagogik, als Wissenschaft ist Sache der Philosophie, sowohl der theoretischen, als der praktischen. *Herbarts Pädag. Schriften*, h. v. O. Willmann, B. I. 317.

настойчиво, какъ педагогикой, на которую, какъ мы видѣли, онъ еще въ домѣ Штейгера смотрѣлъ какъ на задачу своей жизни. Всеобщую и необходимую цѣлью воспитанія, по воззрѣнію Гербарта, могло быть только образованіе стойкаго нравственнаго характера, средствомъ же для достиженія этой цѣли онъ признавалъ обученіе, но не всякое, а только *воспитывающее обученіе*. Такимъ образомъ послѣ Коменскаго, труды котораго въ то время были забыты, Гербарту первому принадлежитъ заслуга установленія органической связи между обученіемъ и воспитаніемъ, что въ настоящее время сдѣлалось ужь аксіомой. На этомъ то основаніи Нѣмцы и считаютъ Гербарта отцомъ идеи воспитывающаго обученія подобно тому, какъ Песталлоцци считаютъ они отцомъ идеи обученія нагляднаго, забывая, конечно, въ своей національной гордости, что то и другое почти двумя столѣтіями ранѣе провозглашено было Славяниномъ Коменскимъ¹⁾.

Не смотря однако на это, „Общая Педагогика“ Гербарта, гдѣ онъ постарался дать своимъ педагогическимъ идеямъ строго научную обработку, если встрѣчена была и не безъ сочувствія²⁾, то во всякомъ случаѣ, не имѣла слишкомъ большаго успѣха въ публикѣ, на что жалуется и самъ авторъ³⁾. Это зависѣло отчасти отъ характера самаго сочиненія, отчасти отъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Воображая, что книга будетъ понятна сама по себѣ, Гербартъ даже основныя понятія изложилъ до того кратко и афористично, что неудовлетворительность сочиненія въ этомъ отношеніи бросается каждому въ глаза; многое оставлено вовсе безъ доказательствъ, иное разъяснено болѣе или менѣе подробно, смотря по большей или меньшей надеждѣ быть понятнымъ публикой, еще не знакомой съ его философскими принципами, и въ особенности же съ его психологическою теоріей, которая, какъ извѣстно, не только отвергаетъ различіе между

¹⁾ Въ последнее время, впрочемъ, и нѣмецкіе педагоги начинаютъ признавать заслуги Коменскаго. См. *K. Richter, Der Anschauungsunterricht*, 1869 г. и въ *Allgem. Schulblatt*, Apr. 1874 г. статью *Готтмейстера: Comenius und Pestalozzi in ihrer Ergänzung*.

²⁾ Такъ можно судить не только по отзывамъ газетъ того времени (*Neue Leipziger Literaturzeitung*, 1806 г., и *Allgem. Litter. Zeitung*, 1807 г.), но и по отзыву Жанъ-Поля Рихтера, помѣщенному имъ въ предисловіи къ своей *Levana* 1811 г. Въ особенности же хвалили стиль Гербарта, какъ образецъ философской точности и опредѣленности; см. прим. къ I тому *Herbarts Pädag. Schr.*, 319—320.

³⁾ «Die arme Pädagogik nicht zu Worte kommen konnte». *Ibid.*, 120.

душевыми способностями, но и отрицает самое бытие ихъ, стараясь все разнообразіе и совокупность психической дѣятельности объяснить изъ представлений. Далѣе, неизвѣстно, о какомъ воспитаніи говорить здѣсь Гербертъ—о воспитаніи ли мальчиковъ, или дѣвочекъ, о воспитаніи ли крестьянскихъ дѣтей, или принцевъ. Физическаго воспитанія онъ вовсе не касается. Притомъ его педагогика ничего не знаетъ о какихъ бы то ни было учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе всего этого легко можно было придти къ мысли, что его „Общую педагогику“ слѣдуетъ прилагать къ дѣлу только въ томъ спеціальному случаѣ, когда домашнему учителю приходится на глазахъ родителей обучать мальчика отъ 8 до 18 лѣтъ ¹⁾). Наконецъ, на нѣкоторыхъ могли отталкивающимъ образомъ дѣйствовать и въ высшей степени своеобразныя понятія Герберта, особенно же понятіе объ *управленіи*, которое въ томъ смыслѣ, какой онъ придаетъ ему, и до сихъ поръ отвергается большинствомъ самыхъ извѣстныхъ педагоговъ ²⁾). Кромѣ всего этого, и внѣшнія, чисто случайныя обстоятельства могли затруднить распространеніе его „Педагогика“ въ публикѣ ³⁾). Первое изъ этихъ обстоятельствъ то, что почти одновременно съ „Педагогикой“ Герберта появилась въ свѣтъ цѣлая серія педагогическихъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ на примѣръ, „Левана“ Жанъ-Поля, „Письма о воспитаніи и обученіи“ Суабедиссена и „Споръ филантропизма и гуманизма“ Нитгаммера, обратили на себя исключительное вниманіе не только всего педагогическаго міра, но и большей части образованной публики. Второе — это политическія событія того времени, и особенно Іенская катастрофа 1807 года. Спокойное, чисто научное отношеніе Герберта къ вопросамъ воспитанія не гармонировало съ тѣмъ настроеніемъ, какое было вызвано общимъ народнымъ бѣдствіемъ; старались найти такую педагогическую теорію, которая въ одинъ мигъ улучшила бы молодое поколѣніе и сдѣлала его способнымъ свергнуть французское иго. Всѣ эти обстоятельства въ связи съ тѣмъ, что сказано было выше о самомъ характерѣ произведенія Герберта,

¹⁾ Все это сознавалъ самъ Гербертъ; чтобы нѣсколько помочь дѣлу, онъ нашелся вынужденнымъ самъ сказать нѣсколько словъ о научномъ характерѣ своей книги въ *Göttingischen gelehrten Anzeigen* 1806 г., такъ какъ замѣтилъ, что его «Педагогика» могла скорѣе сбить съ толку нѣкоторыхъ читателей, чѣмъ уяснить имъ дѣло воспитанія. *Herbarts P. Schr.*, B. I, 317.

²⁾ Объ этомъ см. ниже изложеніе содержанія «Общей педагогики» Герберта

³⁾ См. *Herbarts Pädag. Schr. mit Biographie* B. II, 604, и въ изданіи *O. Willmann*, B. I, 320.

достаточно объясняютъ равнодушіе публики къ настоящему его труду. Но тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ и донынѣ вполне заслуживаетъ подробнаго изученія, ибо въ немъ можно встрѣтиться съ такими идеями и воззрѣніями, которыя даже и для настоящаго времени являются если не новыми, то во всякомъ случаѣ оригинальными.

Основную идею „Общей Педагогика“ Гербарта можно выразить такъ: „Нѣтъ воспитанія безъ обученія, равно какъ нѣтъ и обученія безъ воспитанія“. Какія искусства, навыки, знанія и умѣнія перейметъ воспитанникъ отъ учителя—это для воспитателя также мало имѣетъ значенія, какъ цвѣтъ и покрой его платья; но какое направленіе приметъ складъ мыслей воспитанника, это для воспитателя должно составлять *все*, такъ какъ изъ мыслей развиваются чувства, изъ которыхъ, въ свою очередь, развиваются принципы и тотъ или другой образъ дѣйствій.

Невозможность воспитанія безъ обученія Гербартъ выясняетъ *ex contrario*. Разсмотримъ, говоритъ онъ,—*воспитаніе безъ обученія*. Примѣры его можно видѣть довольно часто. Воспитатели, взятые вообще, далеко не тѣ именно, которые обладаютъ наибольшимъ запасомъ знаній, между тѣмъ какъ есть между ними и такіе, которые ровно ничего не знаютъ, а если и знаютъ что-нибудь, то не умѣютъ педагогично прилагать къ дѣлу свои знанія; тѣмъ не менѣе, всѣ такіе господа съ большою ревностью берутся за свое дѣло. Чтò же имъ остается дѣлать? Они обыкновенно стараются дѣйствовать на чувства воспитанника и съ этою цѣлію безпрестанно тормозятъ юношеское сердце, такъ что оно ни на минуту не можетъ быть предоставлено самому себѣ. Какъ же можетъ образоваться у воспитанника характеръ, когда ему ни разу не позволено предоставить то или другое рѣшеніе своей собственной волѣ? Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что юношеская душа сохраняетъ въ своей сокровенной глубинѣ какой-либо уголокъ, куда уже вы не проникнете, и гдѣ она, не смотря на ваше штурмованіе, преспокойно живетъ сама по себѣ, мыслить, чувствуетъ, надѣется, строить планы, которые при первомъ же удобномъ случаѣ пробуетъ осуществить, и если это ей удастся, то именно теперь закладывается фундаментъ характера въ такомъ мѣстѣ, которое для васъ недоступно. Именно вслѣдствіе того намѣреніе и результатъ воспитанія обыкновенно такъ мало имѣютъ между собою связи. Иногда, впрочемъ, они соотновятся одно другому, такъ что воспитанникъ со временемъ становится на мѣсто своего воспитателя и заставляетъ своихъ подчинен-

ныхъ терпѣть то, что онъ самъ когда-то вытерпѣлъ. Кругъ мыслей его здѣсь, очевидно, тотъ самый, который въ юности давалъ ему ежедневный опытъ, только неудобное мѣсто замѣнено болѣе удобнымъ. Властвовать и повелѣвать обыкновенно научаются въ то время, когда повинуются, и уже маленькія дѣти обращаются съ своими кулами такъ, какъ обращаются съ ними самими.

Воспитаніе чрезъ обученіе разсматриваетъ какъ обученіе все то, что когда-либо становится предметомъ наблюденія и размышленія со стороны воспитанника; поэтому для такого воспитанія нужна не только наука, но и хорошая мыслительная способность, которыя умѣли бы близъ лежащую дѣйствительность созерцать какъ часть огромнаго цѣлага и изображать ее какъ такую. Не раздѣляя довольно распространеннаго опасенія, что такое требованіе обременило бы воспитаніе массой учености и лингвистическихъ занятій (Sprach-Studien), Гербартъ не раздѣляетъ мнѣнія и тѣхъ педагоговъ, которые на занятіе классическими языками смотрятъ какъ на ошибку въ дѣлѣ воспитанія и видятъ въ немъ бесполезное удаленіе дѣтей отъ того, что всего ближе къ нимъ, именно отъ окружающей ихъ дѣйствительности въ область чуждаго имъ и отжившаго прошлаго. Уже ли, восклицаетъ Гербартъ,—не замѣчаютъ разстоянія между ребенкомъ и взрослымъ? Оно такъ велико, какъ время, протекшее отъ эпохи младенчества человѣческаго рода до того пункта, на которомъ находится современная культура и порча. Но его нельзя не замѣчать; а потому и пишутъ книги собственно для дѣтей, въ которыхъ избѣгаютъ всего непонятнаго, всѣхъ примѣровъ разврата и нравственной испорченности,—потому-то и рекомендуютъ воспитателямъ нисходить до умственнаго уровня дѣтей и во что бы то ни стало втискивать себя въ ихъ увкую сферу. Но при этомъ не замѣчаютъ новыхъ разнаго рода несообразностей, которыя происходятъ именно вслѣдствіе того. Не замѣчаютъ, что поощряютъ то, что не должно поощрять, и за что природа неизбѣжно наказываетъ, когда требуютъ, чтобы взрослый воспитатель принижалъ себя для того, чтобы создать для ребенка дѣтскій міръ. Поэтому-то даровитые люди такъ неохотно всѣмъ этимъ занимаются. Но это еще не все. Затѣя не удается потому, что не можетъ удался. Если мужчины никакъ не могутъ подражать женскому стилю, то еще менѣе въ состояніи взрослые люди подражать стилю дѣтскому. Уже одно намѣреніе дѣйствовать образовательно портитъ дѣтскую литературу. Изображайте дѣтямъ дурное ясно и отчетливо, только никакъ предметъ пожеланія, и они найдутъ, что оно — дурно. Попробуйте пересы-

пать разказъ нравственными сентенціями, и они найдутъ, что вы разказываете скучно. Если вы станете изображать одно чистое добро, они найдутъ это однообразнымъ, и ужь одна прелесть перемѣны сдѣлаеть для нихъ желательнымъ дурное. Подумайте о собственномъ ощущеніи, когда вы смотрите строго нравственную трагедію. вмѣсто всего этого дайте дѣтямъ интересный разказъ, богатый происшествіями, отношеніями, характерами, пусть въ немъ будетъ строгая психологическая истина, но не лежащая за предѣлами чувства и пониманія дѣтей,— пусть въ немъ не будетъ замѣтно ни малѣйшаго стремленія рисовать или крайнее зло, или крайнее добро, а только пусть легкой, даже еще полудремлиющей нравственный тактъ позаботится о томъ, чтобъ интересъ дѣйствія постепенно склонялся отъ дурнаго къ хорошему, честному и справедливому, — и вы увидите, съ какимъ вниманіемъ дѣти отнесутся къ нему, какъ они будутъ стараться вынюхать во всѣ стороны дѣла, какъ разнообразный матеріалъ вызоветъ разнообразныя сужденія, какъ прелесть перемѣны приведетъ наконецъ къ предпочтенію лучшаго, какъ мальчикъ, чувствующій себя въ нравственномъ сужденіи стоящимъ, можетъ быть, одною или двумя ступенями выше героя или писателя, съ чувствомъ внутренняго самодовольства твердо упрется на своей ступени, чтобы предохранять себя отъ грубости, которую онъ уже чувствуетъ ниже себя. Еще однимъ качествомъ долженъ обладать разказъ, если онъ хочетъ дѣйствовать сильно и продолжительно: онъ долженъ заключать въ себѣ сильнѣйшій отпечатокъ мужскаго величія. Мальчикъ также хорошо, какъ и мы, отличаетъ пошлое и низкое отъ высокаго и важнаго, и это различіе онъ даже живѣе насъ принимаетъ къ сердцу, такъ какъ не охотно чувствуетъ себя ребенкомъ; ему хотѣлось бы уже быть мужчиной. Но такихъ мужчинъ, однимъ изъ которыхъ онъ хотѣлъ бы самъ быть, мальчикъ не видитъ вокругъ себя, такъ какъ изъ того, что выросло подъ вліяніемъ современной культуры, ничто не соотвѣтствуетъ идеалу мужа, сложившемуся у мальчика. Гдѣ-жь онъ долженъ искать его? Въ классической эпохѣ младенчества Грековъ, и именно въ Одиссеѣ, которой Гербартъ считаетъ себя обязаннымъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ опытовъ своей жизни и главнымъ образомъ своею любовью къ воспитанію. Одиссея есть самая подходящая и полезная книга для начала воспитанія вообще, и домашняго по преимуществу, такъ какъ она удовлетворяетъ всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, и кромѣ того, служитъ превосходнымъ средствомъ къ образованію связи и общенія между ученикомъ и учи-

телемъ: ибо возвышая одного въ его сферѣ, она не принижаетъ другаго; перваго она постепенно вводитъ въ классическій міръ, а второму наглядно показывается на успѣхахъ мальчика ходъ развитія цѣлаго человѣчества. Вотъ почему Гербартъ предпочитаетъ ее всевозможнымъ хрестоматіямъ и совѣтуетъ начинать читать ее безъ предварительнаго знакомства съ грамматикой и вообще имѣть при этомъ въ виду не столько филологическую, сколько педагогическую цѣль, а именно: образованіе такого строя мыслей, который обладалъ бы достаточною силою для борьбы и побѣды надъ всѣмъ, что есть неблагопріятнаго въ окружающей обстановкѣ, а также и для усвоенія и разрѣшенія въ себѣ самомъ всего благопріятнаго.

Изложивъ такимъ образомъ во введеніи свой взглядъ на воспитаніе, Гербартъ раздѣляетъ далѣе всю воспитательную дѣятельность на три вида: управленіе, обученіе и дисциплину.

Подъ управленіемъ онъ разумѣетъ приученіе дѣтей къ внѣшнему порядку, не соединенное пока еще съ заботой объ ихъ духовномъ развитіи. Поводъ къ нему заключается въ первоначальномъ состояніи дѣтей. Дитя, являясь на свѣтъ, не имѣетъ еще *воли* въ строгомъ смыслѣ слова; вмѣсто воли у него сначала развивается необузданное своеволие, которое влечетъ его отчасти къ нарушенію установленій взрослыхъ, отчасти же подвергаетъ многообразнымъ опасностямъ, какъ настоящую, такъ и будущую его личность. Это своеволие и нужно стараться подавить въ самомъ началѣ, прежде чѣмъ у ребенка обнаружатся слѣды настоящей воли. Цѣль управленія, слѣдовательно, разнообразна: это—отчасти предотвращеніе дитяти отъ вреда для себя и для другихъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, отчасти предотвращеніе его отъ ссоръ и столкновеній, какъ ненормальныхъ отношеній самихъ къ себѣ и т. п. Но все это ограничивается только установленіемъ внѣшняго порядка и не имѣетъ въ виду достиженія какой-либо цѣли по отношенію къ сердцу дитяти.

Какія же мѣры находятъ въ распоряженіи управленія? Первая мѣра всякаго управленія есть *угроза*; но тутъ обыкновенно встрѣчаются два камня преткновенія: вопервыхъ, есть сильныя натуры, которыя презираютъ всякую угрозу и готовы отважиться на все, только бы поставить на своемъ; вовторыхъ, есть слишкомъ слабыя натуры (и такихъ гораздо больше), которыя не въ состояніи достаточно отчетливо представить себѣ все значеніе угрозы и по свойственному имъ легкомыслію забываютъ о ней. Этимъ объясняется необходимость *надзора*, который, впрочемъ, тогда только достигаетъ своей цѣли, ко-

гда на помощь ему приходятъ *авторитетъ и любовь*. Приобрѣтеніе у дѣтей авторитета условливается явнымъ превосходствомъ надъ ними воспитателя, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ; любовь же основывается на согласіи ощущеній и на привычкѣ, а по-сему вліять на дѣтей посредствомъ авторитета всего естественнѣе отцу, а посредствомъ любви — матери. Если при помощи всѣхъ этихъ мѣръ воспитатель достигнетъ безпрекословнаго и притомъ добровольнаго повиновенія со стороны дитяти, то цѣль управленія можетъ считаться достигнутою.

Обученію, какъ мы видѣли, Гербартъ не придаетъ самостоятельнаго значенія: оно есть только средство къ образованію стойкаго нравственнаго характера; но тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, въ немъ заключается центръ тяжести всей воспитательной дѣятельности. Ближайшая его задача—возбудить въ ученикѣ *многосторонній интересъ*. Подъ интересомъ Гербартъ разумѣетъ такое состояніе мыслящаго субъекта, когда онъ, не довольствуясь запасомъ приобрѣтенныхъ знаній, старается расширить его до возможныхъ предѣловъ. А такъ какъ нельзя заранѣе опредѣлить того рода дѣятельности, какой изберетъ себѣ воспитанникъ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, то было бы крайне неблагоразумно развивать въ немъ интересъ къ однимъ предметамъ и занятіямъ предпочтительно предъ другими; воспитанникъ долженъ интересоваться всѣмъ, чѣмъ только свойственно интересоваться мыслящему существу; короче, *homo sum et nihil humani me alienum puto*—вотъ принципъ, который, по мнѣнію Гербарта, долженъ лежать въ основѣ обученія. Но сфера интереса не ограничивается одною только областью познанія, она обнимаетъ и практическую дѣятельность: то-есть, обученіе должно развить въ ученикѣ не только любознательность, но и участіе къ людямъ. Въ области познанія интересъ направляется или къ изученію разнообразныхъ предметовъ и явленій опыта, или къ уразумѣнію ихъ законовъ, или къ ихъ эстетическимъ отношеніямъ; предметомъ же участія можетъ быть или отдѣльный человѣкъ, или цѣлое общество, или наконецъ, отношеніе ихъ къ высшему существу—къ Богу. Отсюда вытекаютъ слѣдующіе главные виды интереса: эмпирическій, умозрительный, эстетическій, симпатическій, общественный и религіозный. Если всѣ эти интересы возбуждены въ индивидуумѣ равномерно и дѣйствуютъ съ одинаковою степенью энергіи, то ближайшая задача и цѣль обученія можетъ считаться достигнутою.

Дисциплина, какъ опредѣляетъ ее Гербартъ, есть непосредствен-

ное дѣйствіе на душу воспитанника, съ цѣлію образовать его въ нравственномъ отношеніи, или что одно и то же—съ цѣлію выработать въ немъ сильный нравственный характеръ. Слѣдовательно, обученіе и дисциплина въ сущности тождественны, и все различіе между ними состоитъ въ средствахъ ¹⁾ и способѣ дѣйствованія на воспитанника: первое дѣйствуетъ непосредственно на кругъ и строй мыслей питомца и уже чрезъ него старается поддѣйствовать на его волю, а послѣдняя возбуждаетъ прежде всего чувство. Но такъ какъ, по теоріи Гербарта, чувство и желанія коренятся въ мысляхъ ²⁾, то господствующую роль въ дѣлѣ воспитанія должно занимать обученіе; управленіе и дисциплина только помогаютъ ему: первое заботится о поддержаніи внѣшняго порядка, а вторая старается развить и укрѣпить въ ученикѣ участіе къ обученію, или что одно и то же—поддерживать въ немъ такое настроеніе духа, какое необходимо для обученія, имѣющаго своею высшею и конечною цѣлію выработку въ воспитанникѣ твердаго нравственнаго характера.

Что касается теперь отношенія между управленіемъ и дисциплиной, то различіе, какое устанавливаетъ между ними Гербартъ, существуетъ, по его собственнымъ словамъ, больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. „Управленіе, которое разчитываетъ дѣйствовать не воспитывая“, говоритъ онъ,—„подавляетъ душу, а воспитаніе, не тревожащееся безпорядками дѣтей, обнаруживаетъ незнаніе дѣтской природы“. Такимъ образомъ, не смотря на все усиліе установить рѣзкое различіе между управленіемъ и дисциплиной, съ каковою цѣлію, между прочимъ, въ срединѣ между ними поставлено обученіе, Гербартъ этими словами опровергъ самъ себя; а посему и нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ подробный разборъ и опроверженіе его своеобразнаго взгляда на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что этотъ слабый пунктъ его „Педагогика“ усмотрѣнъ не только германскими, но и нашими отечественными педагогами ³⁾. Достоинство педагогика Гербарта вовсе не тамъ, гдѣ онъ самъ полагаетъ его, то-есть, не въ планѣ ⁴⁾, а въ об-

¹⁾ *Herbarts*, Pädagog. Schrift. h. O. W. B. 1. S. 486.

²⁾ *Herbarts* P. Schr. h. O. *Willmann.*, B. I, 308.

³⁾ См. *Pädag. Studien*, von Dr. *W. Rein*. Heft. I, 2-te Aufl., 29—36, и Руководство къ преподаванію общеобразов. предметовъ, изд. подъ редакціей *Бесселя*, II, стр. 13—15.

⁴⁾ Нападки и неправильныя толкованія, какимъ подвергался въ нѣмецкой литературѣ планъ «Общей Педагогика», заставили Гербарта не менѣе трехъ разъ выступить на защиту своего труда (см. *Herbarts* P. Schrift. h. O. W. I, 322),

щей идеѣ, которую мы, надѣемся, достаточно уяснили, и наконецъ, въ томъ живомъ участіи къ дѣлу воспитанія, которое разлито по всему его труду, такъ что даже и противники психологической теоріи Гербарта, отвергающіе на этомъ основаніи и его педагогическую систему, могутъ обращаться къ его „Общей Педагогикѣ“, съ цѣлію найти въ ней возбужденіе къ серьезному углубленію въ педагогическую практику, которая во всякомъ случаѣ далеко ниже того идеала, какой ставитъ ей Гербартъ.

Въ тѣсной связи съ „Общею Педагогикою“ стоятъ „Отрывки изъ лекцій по педагогикѣ“¹⁾ и одинъ изъ позднѣйшихъ трудовъ Гербарта „Очеркъ педагогическихъ лекцій“²⁾; но впрочемъ сочиненія эти по-ваго сами по себѣ ничего не представляютъ, а могутъ служить развѣ только къ уясненію педагогической теоріи, развитой Гербартомъ въ его „Общей Педагогикѣ“; а потому мы не станемъ заниматься подробнымъ изложеніемъ содержанія названныхъ сочиненій, а посмотримъ лучше, какъ Гербартъ старался осуществить свою педагогическую теорію на практикѣ.

но не смотря на то, отдѣленіе *управленія* отъ *дисциплины* признается въ настоящее время только педагогами его школы, да и то далеко не всеми. «Абсолютнаго различія между управленіемъ и дисциплиной нѣтъ и быть не можетъ», говоритъ Вайцъ (Allg. Pädag. Braunschweig. 1852, стр. 153). Стой, одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Гербарта, раздѣляетъ свою педагогику на двѣ части: на ученіе о цѣли воспитанія, телеологию, и ученіе о средствахъ воспитанія, методологию (Encyclopäd. der Pädag., § 19, Leipzig., 1861 г.).

¹⁾ Aus den Vorlesungen über Pädagogik 1803/4; P. Schr., I, 1, 544, изд. O. Willmann. Къ этому же времени относятся и нѣкоторыя мелкія статьи, помѣщенные въ Лейпцигскомъ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: *Aus der Göttinger Pädag. Gesellschaft*, 1809 г. Въ одной изъ нихъ Гербартъ подробно излагаетъ свой взглядъ на то, какъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, читать съ мальчиками Одиссею, а въ другой—говоритъ о чтеніи Геродота и Новаго Заветъа. Первая изъ этихъ статей составляетъ предисловіе къ книгѣ Диссена: *Kurze Anleitung für Erzieher, die Odyssee mit Knaben zu lesen*, а вторая носитъ характеръ замѣтокъ на сочиненіе *Турша* и *Комрауша*: *Ueber die Lecture Herodots und des Neuen Testaments*. *Herbaris Pädag. Schrift.*, I, v. O. Willmann.

²⁾ Umriss pädag. Vorlesungen 1835 г. 2-е изд. 1841.

И. Никольскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1875 ГОДУ ¹⁾.

Въ статьяхъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1873 и 1874 годахъ подробно были изложены побудительныя причины желать, чтобы во всѣхъ гимназіяхъ Имперіи и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами гимназій, окончательный экзаменъ былъ производимъ при самомъ дѣятельномъ и вліятельномъ участіи одного или нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, присутствующихъ въ качествѣ депутатовъ или комиссаровъ отъ управленія округа. Директора гимназій, также какъ и прочіе члены педагогическихъ совѣтовъ, сказано было въ отчетѣ объ испытаніяхъ 1873 г., съ указаніемъ на примѣры Австріи и Пруссіи, — при всей добросовѣстности своей, могутъ нерѣдко обнаруживать къ учебному заведенію, имъ вѣренному, и къ юношамъ, ими воспитаннымъ, извѣстную долю совершенно невольнаго пристрастія, послѣдствія любви и привязанности къ дѣлу, тѣхъ трудовъ и усилій, которые они употребляли на благоустройство своего учебнаго заведенія и на возвышеніе въ немъ уровня преподаванія. Только присутствіе постояннаго посторонняго депутата можетъ вполне обезпечить непристрастіе и серьезность испытаній и дать вѣрное мѣрило для сравненія результатовъ преподаванія, достигаемыхъ различными учебными заведеніями. Къ сожалѣнію, до сего времени такое необходимое условіе для совершенной правильности испытаній не могло быть выполнено вполне удовлетворительно ни въ одномъ учебномъ округѣ.

Въ *С.-Петербургскомъ* учебномъ округѣ испытанія зрѣлости въ 1875 г. происходили въ присутствіи депутатовъ во всѣхъ 7-ми гимназіяхъ,

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 г. часть CLXXXVII, отд. 4.

Входящихъ въ столицѣ, въ 3-хъ церковныхъ училищахъ и въ 4-хъ частныхъ гимназіяхъ; въ провинціальныхъ же гимназіяхъ депутатовъ отъ начальства округа вовсе не было. На экзамены приглашены были: по русской словесности, гг. профессора Миллеръ—во 2-й и 4-й, Сухомлиновъ—въ 5-й и 6-й гимназіяхъ; въ частныхъ гимназіяхъ присутствовалъ по тому же предмету преподаватель 1-й гимназіи Тихомировъ; по латинскому языку профессоръ Помяловскій—въ 4-й, 5-й, 6-й; преподаватели С.-Петербургскаго университета Лапшинъ—въ 1-й, 2-й и 3-й, и Юнинъ—въ 7-й; въ частныхъ гимназіяхъ депутатомъ на испытаніяхъ по этому предмету былъ преподаватель 3-й гимназіи Кесслеръ; по греческому языку присутствовалъ профессоръ Дестунисъ въ 1-й, 2-й, 3-й и 5-й; гг. окружные инспектора Савиновъ и Нейлисовъ присутствовали при испытаніяхъ по греческому языку въ гимназіяхъ 4-й, 6-й и 7-й и по двумъ древнимъ языкамъ въ 3-хъ церковныхъ училищахъ; по математикѣ были приглашены гг. профессора: Корвинъ—въ 1-ю, Окатовъ—въ 6-ю и 7-ю, и доцентъ Золотаревъ—во 2-ю, 3-ю, 4-ю, 5-ю; въ частныхъ гимназіяхъ былъ депутатомъ по тому же предмету преподаватель 2-й гимназіи Кошелевъ. Экзаменъ по Закону Божію былъ произведенъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ присутствіи преосвященнаго Палладія и протоіерея Колоколова, а по исторіи—въ присутствіи профессоровъ: Бестужева-Рюмина и Бауера и доцента Замысловскаго; сверхъ того, нѣкоторые экзамены почтили своимъ посѣщеніемъ г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія, попечитель округа и его помощникъ. Въ гимназіяхъ *Московскаго* учебнаго округа, въ 1875 г., не было на испытаніяхъ ни одного постоянного депутата; на экзаменахъ бывали преосвященный Леонидъ, попечитель округа и его помощникъ, а также окружной инспекторъ Семеновичъ. Въ 4-хъ только гимназіяхъ *Казанскаго* учебнаго округа испытанія производились при депутатахъ отъ учебнаго начальства: въ 1-й и 2-й Казанскихъ—при г. помощникѣ попечителя д. ст. с. Ниволитчѣ, въ Симбирской—при окружномъ инспекторѣ Сахаровѣ и въ Саратовской—при окружномъ инспекторѣ Тимофеевѣ. Въ *Харьковскомъ* учебномъ округѣ испытанія зрѣлости во всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ Курской, производились по примѣру предыдущаго года „частію или вполнѣ“ въ присутствіи депутатовъ, гг. профессоровъ: Потемби—въ 1-й, Пѣховскаго—во 2-й, Деллена—въ 3-й, Лебедева—въ Новочеркасской и Усть-Медвѣдицкой, окружнаго инспектора Лукьянова—въ Воронежской, Тамбовской и Пензенской. Въ *Одесскомъ* учебномъ округѣ, окружной инспекторъ Пятинъ присутствовалъ въ качествѣ депутата отъ учебнаго округа въ

Херсонской и въ 1-й и 2-й Одесскихъ гимназійхъ. Присоединеніе для экзамена учениковъ обѣихъ частныхъ гимназій ко 2-й Одесской, на основаніи прим. 1 къ § 37 правилъ 8-го декабря 1872, значительно облегчило педагогическій надзоръ округа; въ сожалѣнію, другія гимназій округа были лишены содѣйствія со стороны лицъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ ихъ составу. Въ *Кіевскомъ* учебномъ округѣ въ качествѣ депутатовъ присутствовали: окружный инспекторъ Ростовцевъ въ Немировской гимназій, и по русскому и латинскому языкамъ и по математикѣ, въ коллегіи Павла Галагана; профессора Селинъ—въ Кіевской 1-й, Гогоцкій—въ Новгородъ-Сѣверской, Яроцкій—въ коллегіи Павла Галагана, доцентъ Линниченко—во 2-й Кіевской; Житомирскую, кромѣ того, посѣщалъ попечитель округа, а обѣ Кіевскія и коллегію Павла Галагана—его помощникъ. Въ *Виленскомъ* учебномъ округѣ надзоръ учебнаго начальства выразился слѣдующимъ образомъ: попечитель округа лично присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ Виленской гимназій по Закону Божію, древнимъ языкамъ и въ гимназійхъ Шавельской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской—по латинскому языку, а въ Гродненской—по исторіи; его помощникъ присутствовалъ на всѣхъ устныхъ испытаніяхъ въ Виленской гимназій; окружный инспекторъ Сольскій—на устномъ испытаніи по математикѣ и греческому языку въ гимназійхъ Витебской, Минской, Шавельской, по греческому языку и исторіи въ Виленской и Ковенской, и по латинскому въ Гродненской. Въ *Варшавскомъ* учебномъ округѣ испытанія зрѣлости въ 1875 г. происходили безъ депутата отъ окружнаго начальства, по неимѣнію окружныхъ инспекторовъ и по невозможности (сказано въ отчетѣ) командировать профессоровъ университета, занятыхъ въ это время переводными и окончательными испытаніями студентовъ. То же отсутствіе депутатовъ замѣчаемъ въ гимназійхъ Восточной Сибири, и по всей вѣроятности, то же было въ Западной Сибири, въ Оренбургскомъ и въ Дерптскомъ учебныхъ округахъ, которые въ отчетахъ своихъ объ испытаніяхъ не упоминаютъ о соблюденіи всѣхъ условій § 39 правилъ 8-го декабря 1872 года.

Изъ этого обзорѣнія видно, что въ числѣ 116-ти гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, равныхъ имъ по правамъ, только 42 посѣщались въ 1875 г. депутатами отъ окружныхъ совѣтовъ: число весьма незначительное, но все-таки превышающее то, которое вычислено по отчетамъ 1873 года (именно 24).

Случаевъ разногласій между депутатомъ или директоромъ и ис-

пытательными комиссіями было въ 1875 году всего 9. Въ *Казанскомъ* учебномъ округѣ былъ 1 такой случай, въ Саратовской гимназій, касавшійся письменнаго испытанія въ латинскомъ языкѣ одного изъ постороннихъ лицъ, явившагося въ гимназію за полученіемъ аттестата зрѣлости; разногласіе было разрѣшено попечительскимъ совѣтомъ, согласно съ мнѣніемъ профессора Добротворскаго, въ пользу экзаменующагося. Въ *Кіевскомъ* учебномъ округѣ, въ Немировской гимназій, окружный инспекторъ находилъ возможнымъ допустить одного ученика къ продолженію экзамена, тогда какъ его письменная работа была признана испытательною комиссіей неудовлетворительною. Вопросъ рѣшенъ также въ пользу экзаменующагося. Въ то же время въ коллегіи Павла Галагана окружный инспекторъ требовалъ, въ видахъ удобства надзора, собрать въ одну залу, при письменныхъ испытаніяхъ въ математикѣ, всѣхъ учениковъ, чему воспротивилась испытательная комиссія. Мнѣніе г. окружнаго инспектора было однако одобрено попечителемъ округа и приведено въ исполненіе по его распоряженію. Въ *Вилненскомъ* учебномъ округѣ были 2 случая разногласія: одно изъ нихъ возникло относительно русской письменной работы одного ученика Минской гимназій, и затѣмъ тотъ же ученикъ признанъ недостойнымъ продолжать испытаніе по математикѣ, потому что самъ отказался рѣшить алгебраическую задачу. По внимательномъ обсужденіи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, попечительный совѣтъ округа пришелъ къ заключенію, что русское сочиненіе ученика можетъ быть признано удовлетворительнымъ, и что нерѣшеніе задачи по алгебрѣ не должно было подать поводъ къ прекращенію испытанія, такъ какъ остальные три математическія задачи рѣшены ученикомъ болѣе чѣмъ удовлетворительно. Весьма возможно, что попечительскій совѣтъ имѣлъ въ данномъ случаѣ достаточныя основанія для оказанія снисхожденія означенному ученику, но говоря вообще, едва ли тотъ ученикъ, который не исполнилъ вовсе какой-либо письменной работы, можетъ быть на основаніи правилъ 8-го декабря 1872 года допускаемъ къ продолженію испытанія. Такая практика могла бы мало по малу повести къ совершенной отмѣнѣ письменныхъ испытаній, которымъ г. министръ народнаго просвѣщенія придаетъ первенствующее значеніе. Попечительскій совѣтъ указалъ на нѣкоторыя отступленія отъ правилъ 8-го декабря 1872 г., которыя дозволяло себѣ управленіе Минской гимназій. Они заключались въ томъ, что испытательная комиссія при гимназій не образовалась въ полномъ составѣ, указанномъ § 39 правилъ, а состояла только изъ 2 членовъ; въ нарушеніе § 56, преподаватель

не указавъ достоинства годовыхъ работъ ученика, и въ нарушеніи § 57, при обсужденіи письменныхъ работъ, члены комиссіи не представляли цифровыхъ выраженій своего мнѣнія каждый отдѣльно. Другой случай разногласія въ томъ же округѣ касался примѣненія §§ 68, 33 и 45 къ вопросу о награжденіи медалями золотыми и серебрянными 6-ти лучшихъ учениковъ Витебской гимназій. Мнѣніе г. попечителя округа этотъ случай разрѣшило въ томъ смыслѣ, что педагогическій совѣтъ гимназій не выполнилъ всѣхъ условій, указанныхъ въ § 66 правилъ и разъясненныхъ 11 п. циркулара г. министра отъ 6-го апрѣля 1874 г.; результатъ точнаго примѣненія правилъ оказался въ пользу учениковъ гимназій, и въ этомъ смыслѣ разрѣшенъ. Въ *Варшавскомъ* учебномъ округѣ было 3 случая разногласія: въ Сувалеской гимназій о двухъ работахъ по русскому языку, въ Варшавской V-й гимназій объ одномъ сочиненіи также по русскому языку и въ Калишской гимназій объ одной работѣ по математикѣ; всѣ 3 случая разрѣшены попечительскимъ совѣтомъ въ пользу гимназистовъ. Наконецъ, въ Иркутской гимназій, въ *Восточной Сибири*, съ большинствомъ членовъ испытательной комиссіи, признавшей русское сочиненіе одного ученика удовлетворительнымъ, не согласился предсѣдатель училищнаго совѣта. Главное управленіе края приняло мнѣніе большинства.

Вообще, въ 1875 г. въ 5-ти округахъ было 9 случаевъ разногласія—въ 9-ти гимназійхъ, и они касались 14 лицъ; всѣ случаи разрѣшены соотвѣтствующею властью въ пользу лицъ заинтересованныхъ, и въ то же время въ пользу точнаго испытанія и примѣненія правилъ, предписанныхъ для производства испытаній, за исключеніемъ случая въ Минской гимназій, гдѣ преобладающимъ явилось чувство снисхожденія къ учителю. Только въ одной Минской гимназій случаи разногласія повторяются ежегодно: въ 1873, 1874 и 1875 г.; въ другихъ гимназійхъ, указанныхъ выше, разногласія встрѣтились въ первый разъ.

Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа, въ своемъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости, утверждаетъ, что педагогическія коллегіи ввѣреннаго ему округа какъ только успѣли ознакомиться съ новыми правилами 8-го декабря 1872 г. и вникнуть во внутреннее значеніе ихъ требованій, рѣшились, устранивъ всякія колебанія и сомнѣнія, примѣнить означенныя правила безъ малѣйшихъ уклоненій, и точное ихъ выполненіе принесло, по наблюденіямъ г. попечителя, несомнѣнную и фактически доказанную пользу: возвысивъ уровень преподава-

нія, оно приучило учениковъ, съ самаго низшаго класса, къ постоянному и неослабному прилежанію и къ точному выполненію ихъ учебныхъ обязанностей, замѣтно увеличило вслѣдствіе того число удостоиваемыхъ перевода изъ класса въ классъ, и поразительно подействовало на умноженіе числа успѣшно оканчивающихъ полный курсъ гимназическаго ученія. Дѣйствительно, какъ выше было показано, успѣхъ Одесскаго учебнаго округа въ этомъ отношеніи, по всѣмъ предметамъ преподаваній, весьма замѣчательный. Процентъ удовлетворительно выдержавшихъ испытанія составлялъ въ 1873 г. только 47%, въ 1874 увеличился до 75%, а въ 1875 до 96% всего числа подвергавшихся испытанію въ округѣ. Извѣстную долю таковаго успѣха нельзя не приписать установившемуся въ округѣ обычаю, заблаговременно ознакомлять на практикѣ учениковъ и наставниковъ съ правилами испытаній и готовить молодыхъ людей безболезненно, честно и сознательно, приступать къ этому важному для нихъ акту.

Къ сожалѣнію, не всѣ наставники въ другихъ округахъ вполне сознаютъ необходимость строгаго соблюденія установленныхъ предосторожностей, и не всѣ ученики являются на испытанія съ сознаніемъ своего достоинства и своей зрѣлости. Постоянно, хотя болѣе и болѣе рѣдко, встрѣчаются незначительныя отступленія отъ правилъ надзора и обрядовъ испытанія, а равно и попытки обмана. Такъ, профессоръ Любимовъ, въ отзывѣ своемъ о работахъ 1875 г. по математикѣ въ Московскомъ учебномъ округѣ, упоминаетъ о подброшенной бумагѣ: виновные были разысканы и лишены права продолжать испытаніе. Въ Самарской гимназій, Казанскаго округа, одинъ ученикъ долго не могъ рѣшить одной изъ предложенныхъ по математикѣ задачъ, и по выходѣ изъ зала, едва вернувшись, быстро и успѣшно окончилъ свою работу. Подобный случай внезапнаго вдохновенія послѣ временной отлучки повторился и въ Черниговской гимназій, Кіевскаго округа. Поразительное сходство способовъ рѣшенія математическихъ задачъ въ Полтавской гимназій внушало невольныя подозрѣнія лицамъ, разсматривавшимъ работы учениковъ. Въ коллегіи Павла Галагана замѣчено было близкое сходство перевода съ подлинникомъ Ксенофонта, изъ котораго взято мѣсто, предложенное ученикамъ для перевода на русскій языкъ, хотя въ тѣхъ же работахъ грамматическія ошибки доказывали не вполне усвоенное учениками знаніе греческаго языка. Въ Пензенской гимназій 2 ученика разговаривали во время латинскаго перевода, но были остановлены. Небрежное отношеніе къ дѣлу со стороны экзаменующихъ замѣчено въ Кіевскомъ

учебномъ округѣ; провѣрка иныхъ работъ по математикѣ не довольно тщательна, ошибки пропущены преподавателемъ въ значительномъ количествѣ, и нѣкоторые члены испытательныхъ комиссій ограничиваются короткимъ отзывомъ, что согласны съ мнѣніемъ преподавателя-спеціалиста. То же замѣчено въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Виленскаго и другихъ учебныхъ округовъ. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, въ Ломжинской гимназіи, ни на одномъ сочиненіи по русскому языку не выставлено отмѣтокъ числами (5, 4, 3), ни мнѣнія членовъ испытательной комиссіи о достоинствѣ работъ, что противно § 57 правилъ. Въ Бѣльской гимназіи преподаватель надписалъ свои замѣтки уже послѣ составленія протокола комиссіи. Въ Маріампольской гимназіи рецензіи по греческому языку подписаны только 3 членами комиссіи, что противорѣчитъ смыслу §§ 39 и 56 правилъ. Къ числу отступленій и нарушеній правилъ испытанія слѣдуетъ присоединить, замѣчаемому иногда излишнюю снисходительность экзаменующихъ: такъ, въ Могилевской гимназіи, преподаватель, признавъ русское сочиненіе неудовлетворительнымъ, ставитъ хорошую отмѣтку во вниманіе къ работамъ ученика и его успѣхамъ въ продолженіе года, и комиссія, не подвергая этого обстоятельства обсужденію, соглашается съ нимъ; въ Полтавской гимназіи одинъ ученикъ получилъ хорошую отмѣтку въ латинскомъ переводѣ, въ которомъ встрѣчаются ошибки въ склоненіяхъ. Во 2-й Харьковской гимназіи, при устномъ испытаніи изъ латинскаго языка, предлагались для перевода одни прозаики, тогда какъ §§ 61 и 67 п. в. требуютъ удостовѣренія въ навыкѣ переводить не только прозу, но и поэтическія произведенія. Въ Новочеркасской гимназіи ученику Кутейкину дано 10 минутъ лишнихъ, противъ опредѣленнаго срока, для окончанія латинскаго перевода. Должно надѣяться, что годъ отъ году будутъ уменьшаться случаи подобныхъ отступленій отъ правилъ, со стороны лицъ подвергающихся испытанію, и со стороны экзаменующихъ.

Только въ одномъ Киевскомъ учебномъ округѣ не было предложено одинаковыхъ темъ для письменнаго испытанія, потому что 2-я Киевская гимназія, по малочисленности преподавателей въ параллельныхъ классахъ, Полтавская и коллегія Павла Галагана по особымъ условіямъ начали экзамены ранѣе другихъ гимназій округа. Только тема для греческаго перевода въ Киевскомъ учебномъ округѣ предложена общая всѣмъ гимназіямъ, одновременно. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ, въ Ковенской гимназіи, вслѣдствіе ошибки при вскрытіи пачетовъ, экзаменующіеся давали письменный отвѣтъ по арие-

метикѣ на запасную тему; въ 1874 г. подобныхъ случаевъ было 3, въ различныхъ учебныхъ округахъ. Въ Варшавскомъ округѣ, по бо-лѣзни 1-го ученика Холмской гимназіи, былъ отсроченъ экзаменъ, и дана новая тема изъ геометріи; г. попечитель округа опасался назна-чить запасную, потому что она уже могла сдѣлаться извѣстною въ Холмскомъ уѣздѣ. Другихъ болѣе важныхъ отступленій отъ правилъ въ 1875 г. замѣчено не было.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ за 1875 годъ, оказывается, что изъ числа 1298 лицъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, относительно, большее число было 19-лѣтняго возраста, какъ и въ предидущіе два года: явленіе, очевидно, нормальное, если сообразить, что главный контингентъ экзаменующихся составляетъ изъ учениковъ правитель-ственныхъ гимназій, курсъ ученія въ которыхъ продолжается 8 лѣтъ, а возрастъ, назначенный для поступленія, издавна считается отъ 10 до 12 лѣтъ. Учениковъ 19-лѣтняго возраста, получившихъ свидѣтель-ства зрѣлости, было въ 1873 г. — 26,7%, въ 1874 г. — 27%, въ 1875 г. — всего 351 человекъ или 27% общаго числа удостоенныхъ аттестата. Затѣмъ въ 1875 г. слѣдуютъ годы возраста, по численности учениковъ: 22-й—всего 324 человекъ или 25%, и 21-й—всего 303 человекъ или 23,3%. Такимъ образомъ имѣющіе болѣе 19 лѣтъ составляютъ 75,3% общей массы; имѣющіе 18 лѣтъ (всего 252 чело-вѣка) составляютъ 19,4%; имѣющіе 17 лѣтъ (72 человекъ) всего только 5,3%. Въ 1873 году относительное распредѣленіе возрастовъ было почти то же: 19 лѣтъ — 26,7%, 20-и — 23,4%, 21-го года — 23,4%, всего 75,5%. 18-и лѣтъ—19,3% и 17 лѣтъ—7,3%. Въ 1874 году ученики по возрасту распредѣлялись нѣсколько иначе, вѣро-ятно—отъ причинъ совершенно случайныхъ: 19-и лѣтъ—27%, 20-и лѣтъ—19,6%, 21-го года—23,1%, всего 19-и лѣтъ и выше—69,5%. 18-и лѣтъ—21,6% и 17-и лѣтъ— 7,4%.

Въ 1874 г. число 18-лѣтнихъ было нѣсколько болѣе, число 20-лѣтнихъ—нѣсколько менѣе, но разница весьма незначительная. Изъ трехлѣтняго опыта можно заключить, что гимназическій курсъ оканчиваютъ у насъ преимущественно въ 19, 20 лѣтъ и даже старше 21-го года; немногіе въ 18 лѣтъ, а въ 17 лѣтъ весьма небольшое чи-сло учениковъ, не болѣе 10% общей массы. Свѣдѣній о томъ, ка-кого именно возраста лица означены въ рубрикѣ имѣющихъ болѣе 21-го года, —въ отчетахъ гг. попечителей учебныхъ округовъ не по-мѣщено.

Если принимать за норму 19-лѣтній возрастъ, то изъ отчетовъ

1875 г. оказывается, что въ этомъ году около $\frac{1}{4}$ части всѣхъ подвергавшихся испытанію окончили курсъ гимназическаго ученія въ этомъ возрастѣ; около половины, или точнѣе, 48,3% лицъ старше 20 лѣтъ опоздали окончаніемъ курса противъ нормы; большинство опоздало: на одинъ годъ около 23,8%, а другіе 25%, различнаго возраста 21-го года, 22-хъ лѣтъ и старше, опоздали на два года и болѣе, вслѣдствіе болѣе позднаго поступленія въ гимназію или вслѣдствіе неудовлетворительнаго ученія въ томъ или другомъ классѣ и оставленія въ немъ на другой годъ по безуспѣшности.

При значительномъ числѣ учениковъ правительственныхъ гимназій, распредѣленіе ихъ по возрастамъ наиболѣе подходитъ къ общимъ выводамъ, изложеннымъ выше; преобладаетъ 19-лѣтній возрастъ (310 человекъ или 27,7%); затѣмъ слѣдуютъ 20-и и 21-го года, вмѣстѣ взятые,—529 человекъ или 46,9%, 18-лѣтняго возраста, — 225 человекъ или 20%, и 17-лѣтняго—65 человекъ или 5,8%.

Совсѣмъ иное распредѣленіе возрастовъ находимъ между посторонними лицами, допущенными къ испытанію въ гимназіяхъ. Между ними преобладаетъ старшій возрастъ 21-го года и болѣе (42% общей массы); затѣмъ слѣдуютъ 20-лѣтніе (25,3%); 19-и лѣтъ отъ роду подвергались испытанію 20,6%, 18-и лѣтъ — 8,4% и 17-и лѣтъ — 3,8%. Напротивъ того, въ церковныхъ училищахъ и частныхъ гимназіяхъ преобладаютъ 18-и и 19-лѣтній возрасты почти поровну (вмѣстѣ 72% общаго числа экзаменовавшихся въ этихъ заведеніяхъ). Всего въ 1875 г. удостоено аттестата зрѣлости: въ церковныхъ училищахъ: 17-и лѣтъ—5%, 18-и—40%, 19-и—30%, 20-и—20%, 21-го—5%; въ частныхъ гимназіяхъ: 17-и лѣтъ — 4,5%, 18-и — 36,4%, 19-и — 36,4%, 20-и — 13,6%, и 21-го—9,1%. Тѣ же явленія замѣчены въ 1873 и 1874 годахъ: сравнительно съ учениками правительственныхъ гимназій, ученики церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій торопятся окончить курсъ; напротивъ того, посторонніе опаздываютъ противъ нормы, что весьма естественно, судя по составу этого разряда учащихся, который пополняется преимущественно лицами, не оказавшими въ свое время успѣховъ въ тѣхъ же гимназіяхъ.

Что касается до распредѣленія по возрастамъ выдержавшихъ испытаніе зрѣлости въ различныхъ учебныхъ округахъ, число наиболѣе зрѣлыхъ годами преобладало въ 1875 году: въ *Виленскомъ* учебномъ округѣ: 40,5% всего числа гимназистовъ округа считали болѣе 21-го года, 20-лѣтнихъ съ ними держало экзаменъ 26,3%, слѣдовательно, 66,7% составилось изъ гимназистовъ двухъ старшихъ возрастовъ;

19-лѣтнихъ было 17,9%, 18-лѣтнихъ—11,9% и 17-лѣтнихъ—3,6%; изъ постороннихъ держалъ экзаменъ только 1, и тотъ былъ старше 21-го года. Подобное же распредѣленіе возрастовъ встрѣчаемъ въ *Одесскомъ* учебномъ округѣ: 38,5% старшаго возраста и 23,1% 20-лѣтняго, вмѣстѣ 61,6% двухъ старшихъ возрастовъ; 19-лѣтъ 21%, 18-и лѣтъ 14,7% и 17-и лѣтъ 2,8%. Затѣмъ слѣдуетъ *Кіевскій* округъ: 55,4% двухъ старшихъ возрастовъ, 24,1% — 19-лѣтняго и 20,5% младшихъ; потомъ *Дерптскій* округъ: 52% двухъ старшихъ возрастовъ, 40%—18-и и 19-и лѣтъ и 8% младшаго. Въ *Оренбургскомъ* округѣ также: 52% старшихъ двухъ возрастовъ, 40%—18-и и 19-и лѣтъ, 8% младшаго. Въ другихъ округахъ старшіе два возраста не составляютъ и половины всего числа державшихъ испытанія. 18-и и 19-лѣтній возрасты первенствуютъ въ *Западной Сибири* и составляютъ вмѣстѣ 68,2%, въ *Харьковскомъ* учебномъ округѣ 53,8%, въ *Варшавскомъ* 52,5%; возрасты 18-и, 19-и и 20-и лѣтъ почти поровну, съ преобладаніемъ 19-лѣтняго—господствуютъ въ округахъ: *Петербургскомъ*—81,8%, *Московскомъ*—79,1% и въ *Восточной Сибири*—92%. Наибольше ровное распредѣленіе встрѣчается, наконецъ, въ *Казанскомъ* учебномъ округѣ: 19-и лѣтъ—28,1%, 20-и—24%, 21-го—24%, 18-и—16,7%, 17-и—2,3. Наибольшее число, подвергавшихся испытанію, младшаго 17-ти-лѣтняго возраста, встрѣчается въ *Варшавскомъ* округѣ 14% и 18-лѣтняго въ томъ же округѣ 25,8%; наименѣе лицъ 17-ти-лѣтняго возраста было на испытаніяхъ въ *С.-Петербургскомъ* округѣ 2%, въ *Одесскомъ* 2,8% и въ *Виленскомъ* 3,5%; 17-ти-лѣтнихъ въ *Восточной* и *Западной Сибири* не было ни одного.

Обратимся теперь къ распредѣленію признанныхъ зрѣлыми по тѣмъ занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали по окончаніи курса. Въ 1875 г. также точно, какъ въ предыдущіе годы, большинство лицъ, получившихъ аттестаты или свидетельства зрѣлости, предназначали себя къ поступленію въ университеты. именно 1092 человека, или 84,1% общаго числа зрѣлыхъ (въ 1873 г. 84%, въ 1874 г. 85,8), затѣмъ, 176 человекъ или 13,6% — въ высшія спеціальныя учебныя заведенія (въ 1873 г. 99 человекъ или 14,4%, въ 1874 г. 114 человекъ или 12,5%), и наконецъ, 18 человекъ или 1,4%—на различныя поприща практической дѣятельности (въ 1873 г. 1,6%, въ 1874 г. 1,5%). Изъ послѣднихъ 18 человекъ 3 поступаютъ въ гражданскую службу (изъ Дерптскаго округа 2 и Западной Сибири 1), 9 въ военную службу, изъ округовъ С.-Петербургскаго (2), Харьковскаго (1), Одесскаго (2), Варшавскаго (2) и Дерптскаго (2); въ томъ же Дерпт-

скомъ округѣ 2 предназначаютъ себя для занятій по учебной части, и наконецъ, 4 въ С.-Петербургскомъ и 2 въ Дерптскомъ; 2 обращаются къ сельско-хозяйственной дѣятельности. Наибольшее число абитуриентовъ этого разряда, то-есть, лицъ, отказавшихся продолжать свое воспитаніе, доставилъ Дерптскій округъ—8 человекъ, и С.-Петербургскій—4; въ остальныхъ округахъ ихъ встрѣчается по 1 или по 2.

Изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе къ себѣ привлекаетъ абитуриентовъ гимназій институтъ путей сообщенія; наименѣе академія художествъ, въ которую поступаетъ только 1 ученикъ изъ церковныхъ училищъ С.-Петербургскаго округа (въ 1874 г. также 1 ученикъ изъ числа гимназистовъ Казанскаго округа поступилъ въ академію художествъ). Въ институтъ путей сообщенія въ 1875 г. были намѣрены поступить 77 человекъ, 6% общего числа зрѣлыхъ или 44% изъ числа поступающихъ въ спеціальныя школы (въ 1873 г. было 6,5%, или 45,4% числа спеціалистовъ, въ 1874 г.—7% общего числа зрѣлыхъ, или 56,1% изъ числа спеціалистовъ). Въ институтъ этотъ поступаютъ изъ гимназій всѣхъ округовъ, кромѣ Дерптскаго, наиболѣе жъ изъ С.-Петербургскаго (17) и Варшавскаго (15 человекъ). Другія техническія заведенія также въ значительной степени привлекаютъ молодыхъ людей, вѣроятно, по предполагаемой ими выгодѣ карьеры. Въ нихъ намѣревались поступить въ 1875 году 53 человекъ, 4% общего числа зрѣлыхъ, или 30% числа поступающихъ въ спеціальныя школы (въ 1873 году 4,6%, въ 1874 году 2,4%), наиболѣе изъ округа Варшавскаго—10 и С.-Петербургскаго—10. Въ горный институтъ предполагали поступить 33 человекъ, 2,5% общего числа зрѣлыхъ, или 18,8% изъ избравшихъ техническія спеціальности, въ томъ числѣ изъ округа Варшавскаго—9, Одесскаго—6, Петербургскаго—4, Оренбургскаго—4, Виленскаго—4, Харьковскаго—3, Кіевскаго—2 и Московскаго—1. Въ земледѣльческій институтъ или академію предполагали поступить 9 человекъ, а въ строительное училище—3. Въ предыдущіе годы процентное отношеніе поступающихъ въ послѣднія три училища къ общему числу избравшихъ спеціальныя техническія заведенія было слѣдующее:

Поступали:	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.
Въ горный институтъ. . .	13,1% (13 ч.)	13,1% (15)	18,8% (33)
„ земледѣльч. школы . . .	7,1% (7 ч.)	10,5% (12)	5,2% (9)
„ строительн. училище . . .	2% (2 ч.)	—	1,7% (3)

Вообще наиболѣе стремленія къ техническимъ спеціальностямъ обнаруживается между абитуриентами гимназій въ 1873 г. въ округѣ Варшавскомъ, въ которомъ 36 человекъ выбрали спеціальныя высшія школы или 35,7% общаго числа окончившихъ гимназическій курсъ въ округѣ; далѣе, въ Оренбургскомъ—28%, то-есть, 7 человекъ пожелали поступить въ спеціальныя заведенія, въ Петербургскомъ—35 или 22%; затѣмъ выше средняго вывода стоитъ число поступающихъ въ спеціальныя училища только въ округахъ Казанскомъ—15 человекъ или 15,6%, Харьковскомъ—21 или 14,8%, Одесскомъ—20 или 14%.

Переходимъ затѣмъ къ главной массѣ абитуриентовъ гимназій, къ тѣмъ 1092 человекамъ, которые предпочли университетское образованіе (въ 1873 г. ихъ было 577 человекъ, въ 1874 г.—777), при чемъ принимаемъ въ основаніе, для вычисленія процентнаго отношенія, общее число зрѣлыхъ 1.298, въ которомъ будущіе питомцы университетовъ составляютъ нынѣ 84,1%. По примѣру предыдущихъ двухъ годовъ, медицинскій факультетъ наиболѣе привлекалъ учащихся. Въ 1873 году предназначали себя изученію медицины 234 человека или 34%, въ 1874 году 309 или 34,2%, въ 1875 году 445 или 34,3, то-есть, не много болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ признанныхъ зрѣлыми и $\frac{2}{5}$ или 40,8 всѣхъ избравшихъ университетское образованіе. Менѣе другихъ приобретаетъ себѣ слушателей историко-филологическій факультетъ, хотя число поступающихъ и процентное ихъ отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ и здѣсь годъ отъ году возрастаетъ. Историко-филологическій факультетъ предполагали избрать въ 1873 года всего только 55 человекъ или 8% общей массы, въ 1874 г. 97 или 10,7%, въ 1875 г. 153 или 11,8%. Юридическій факультетъ уступаетъ численностью только медицинскому, но число поступающихъ на юридическій факультетъ годъ отъ году уменьшается, пропорціонально къ общему числу абитуриентовъ, хотя незначительно. Въ 1873 г. изъявили желаніе изучать юриспруденцію 177 человекъ или 25,7% общей массы, въ 1874 г.—193 или 21,8%, въ 1875 г.—262 или 20,2%; отъ $\frac{1}{4}$ число посѣтителей этого факультета уменьшилось до $\frac{1}{5}$ всего числа зрѣлыхъ. На физико-математическій факультетъ предполагали поступить въ 1873 году 104 человека или 15,1% общей массы, въ 1874 г. 159 или 17,5%, въ 1875 году 211 или 16,2%. На факультетъ восточныхъ языковъ предполагали поступить въ 1873 году всего только 6 или 0,8% общей массы, изъ гимназій Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго

округовъ и Восточной Сибири; въ 1874 г.—7 человекъ или 0,7% изъ округовъ Петербургскаго, Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго; въ 1875 г. 11 человекъ или 0,9% опять изъ Петербургскаго, Московскаго, Виленскаго, Дерптскаго учебныхъ округовъ, также Одесскаго, Кіевскаго и 1 изъ Западной Сибири. На богословскій факультетъ, наконецъ, изъявили желаніе поступить въ 1874 г. 12 учениковъ гимназій Дерптскаго округа, составляющіе 3,9% общей массы абитуриентовъ, и въ 1875 г. опять 10 человекъ изъ тѣхъ же гимназій, составляющіе только 0,9% общей массы.

Распределеніе абитуриентовъ 1875 г. между университетскими факультетами въ различныхъ округахъ можетъ быть усмотрѣно изъ нижеслѣдующей таблицы, показывающей процентное отношеніе поступающихъ на каждый факультетъ къ общему числу признанныхъ зрѣлыми:

Учебные округа.	Общее число абитуриентовъ.	На 100 человекъ абитуриентовъ поступило въ факультеты:						
		Богословскій	Историко-филологическій	Физико-математическій	Юридическій	Медицинскій	Восточныхъ языковъ	Во всѣ вообще
С.-Петербургскій	160	—	11	12	32	19	2	76
Московскій	168	—	17	21	19	36	—	93
Казанскій	94	—	7	17	11	50	—	85
Оренбургскій	25	—	4	20	4	44	—	72
Харьковскій	152	—	5	16	19	45	—	85
Одесскій	141	—	2	25	23	34	1	85
Кіевскій	166	—	13	21	17	38	1	90
Виленскій	85	—	17	19	15	39	1	91
Варшавскій	101	—	11	9	15	28	—	63
Дерптскій	158	6	24	6	29	25	1	91
Западной Сибири	23	—	9	18	22	26	4	79
Восточной Сибири	25	—	4	4	8	36	—	52
Итого	1298	0,9	11,9	16,9	20,9	34,9	0,9	84,9

Изъ таблицы, здѣсь приложенной, видно, что наиболѣе молодыхъ людей избирало университетское образованіе въ округахъ Московскомъ (93°/о), Дерптскомъ (91°/о), Виленскомъ (91°/о) и Киевскомъ (90°/о). Замѣтимъ при этомъ, что Виленскій, Киевскій и Дерптскій округа выпустили въ 1875 г., какъ выше сказано, болѣе гимназистовъ зрѣлыхъ возрастомъ. Въ показанныхъ здѣсь четырехъ округахъ преобладаютъ поступающіе на медицинскій факультетъ, и число ихъ колеблется отъ 36 до 39°/о, затѣмъ слѣдуютъ факультеты юридическій и физико-математическій, и число на нихъ поступающихъ распределяется почти поровну и колеблется около 20°/о. Изъ этого общаго вывода слѣдуетъ исключить Дерптскій округъ, представляющій болѣе равномѣрное распредѣленіе слушателей между факультетами юридическимъ (29), медицинскимъ (25) и историко-филологическимъ (24), за то выпускающій менѣе всѣхъ другихъ учебныхъ округовъ студентовъ на факультетъ физико-математическій (6°/о). Тѣ же 4 округа доставили наиболѣе слушателей на историко-филологическій факультетъ: Дерптскій 24°/о, Московскій и Виленскій по 17°/о, и Киевскій 13°/о. Затѣмъ слѣдуютъ, по численности поступающихъ въ университетъ, учебные округа Одесскій, Казанскій, Харьковскій (по 85°/о), Западная Сибирь (79°/о), С.-Петербургскій округъ (76°/о), Оренбургскій (72°/о) и Варшавскій (68°/о). Медицинскій факультетъ и здѣсь преобладаетъ рѣшительно во всѣхъ округахъ, кромѣ С.-Петербургскаго. Въ Казанскомъ округѣ число заявившихъ желаніе изучать медицину достигаетъ 50°/о, въ Оренбургскомъ и Харьковскомъ 45°/о; менѣе другихъ округовъ, число избравшихъ медицину въ Дерптскомъ округѣ—25°/о, и въ Западной Сибири, 26°/о. Поступающіе на юридическій факультетъ преобладаютъ по числу въ округахъ С.-Петербургскомъ (32°/о) и въ Дерптскомъ (29°/о); напротивъ того, въ округахъ Оренбургскомъ 4°/о, Восточной Сибири 8°/о, Казанскомъ 11°/о, а въ Виленскомъ и Варшавскомъ по 15°/о. На физико-математическій поступаетъ всего болѣе слушателей въ округахъ Одесскомъ (25°/о), Московскомъ и Киевскомъ (по 21°/о); менѣе—въ округахъ Дерптскомъ (6°/о), Восточной Сибири (4°/о) и Варшавскомъ (9°/о). Историко-филологическому факультету доставили слушателей, кромѣ вышепоказанныхъ 4-хъ округовъ, учебные округа С.-Петербургскій и Варшавскій (11°/о), Западная Сибирь (9), Казанскій (7°/о), и всѣхъ менѣе Харьковскій (5°/о), Оренбургскій и Восточная Сибирь (по 4°/о), Одесскій (2°/о).

По примѣру предыдущихъ двухъ годовъ, мы помѣщаемъ здѣсь, въ заключеніе этой статьи, списковъ молодыхъ людей, отъ которыхъ

педагогическіе совѣты гимназій ожидали наиболѣе успѣха въ будущемъ, судя по ихъ прилежанію, способностямъ и твердости характера. Цѣль печатанія этого списка заключается въ томъ, чтобъ обратить на лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ гимназій особенное вниманіе попечителей учебныхъ округовъ и профессоровъ университетовъ и поручить дальнѣйшее ихъ образованіе особенной ихъ заботливости. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ году этотъ списокъ не могъ быть составленъ со всею желаемою точностью. Многія гимназій, присылая списки, забываютъ отмѣчать, въ какой университетъ, и даже на какой факультетъ, молодые люди предполагали поступить. Пришлось ставить въ общемъ списокѣ знаки вопросительные, или точнѣе выразиться, знаки недоумѣнія, а нѣкоторыя имена вовсе исключить изъ списка рекомендуемыхъ, между прочимъ—воспитанника 1-й С.-Петербургской гимназій Влад. Голенищева, отличающагося, какъ пишетъ его учебное начальство, особою способностью и охотою къ занятіямъ египтологіей; его нѣсколько статей по этому предмету напечатаны въ извѣстномъ журналѣ Лепсіуса. Если молодые люди, оканчивающіе курсъ гимназій, дѣйствительно и сами еще не знаютъ, какое высшее заведеніе и какой факультетъ изберуть для окончательнаго своего образованія, то это до нѣкоторой степени указываетъ на недостаточную ихъ зрѣлость, а равнымъ образомъ и на равнодушіе гимназическихъ наставниковъ, въ особенности же классаго наставника VIII класса, къ будущей судьбѣ своихъ питомцевъ.

Общее число лицъ, которыхъ, на основаніи оказанныхъ ими усилій въ учебныхъ предметахъ, способностей, прилежанія и твердости характера, педагогическіе совѣты гимназій рекомендуютъ особенному вниманію министерства, простирается въ 1875 году до 147, что составляетъ 13% общаго числа гимназистовъ, окончившихъ курсъ. Въ 1873 г. ихъ было 100 или 17%, въ 1874 г. 108 или 13,3%, при чемъ надобно припомнить, что въ 1874 г. помѣщенъ въ общіе отчеты Дерптскій учебный округъ съ 8-ю правительственными гимназіями, а съ 1875 года Варшавскій округъ съ 18-ю гимназіями; однако общее пропорціональное отношеніе лучшихъ къ массѣ значительно не измѣнилось. Наиболѣе ихъ приходится въ 1875 году на долю Виленскаго учебнаго округа, а именно 19 изъ 84 гимназистовъ этого округа или 22,6%. Затѣмъ слѣдуютъ учебные округа Варшавскій 17,2%, Западная Сибирь 18,2%, Кіевскій 16,6%, Дерптскій 15,1%, Казанскій 13,1%, Харьковскій 12,2%, Восточная Сибирь 12%, Московскій 8,9%, Оренбургскій 8,7%, Одесскій 8,3% и С.-Петербург-

скій 6,7⁰/₀. Эти числа не покажутся преувеличенными, если сравнить ихъ съ числомъ гимназій въ Имперіи вообще: на 107 гимназій приходится 147 молодыхъ людей рекомендованныхъ, или по 1 съ небольшимъ на каждую гимназію, на 10 или 12 человекъ, окончивающихъ курсъ, среднимъ числомъ, въ каждой гимназій. Если же принять во вниманіе, что въ 1875 г. изъ 107 гимназій только 67 прислали списки лучшихъ своихъ воспитанниковъ, то окажется, что рекомендованныхъ приходится по 2 на гимназію, или вѣрнѣе, нѣкоторыя гимназій указывали на 1 или 2, а другія на 3 человека изъ своихъ воспитанниковъ, какъ на молодыхъ людей, заслуживающихъ своими способностями и своимъ прилежаніемъ особеннаго вниманія. Сравнивая число рекомендованныхъ съ числомъ награжденныхъ золотыми и серебряными медалями, находимъ, что числа соотвѣтствуютъ одно другому только въ Казанскомъ округѣ и въ Оренбургскомъ. Въ трехъ округахъ число рекомендованныхъ лицъ болѣе числа награжденныхъ медалями, именно: въ Кіевскомъ оно представляетъ 16,4⁰/₀ противъ 11⁰/₀, въ Варшавскомъ—17,2⁰/₀ противъ 13,1⁰/₀, въ Виленскомъ—22,6⁰/₀ противъ 21⁰/₀, и въ Восточной Сибири—12⁰/₀ противъ 4⁰/₀. Въ остальныхъ округахъ, наоборотъ, число рекомендованныхъ менѣе числа награжденныхъ медалями, и притомъ въ Одесскомъ почти на половину—8,3⁰/₀ противъ 15⁰/₀, а въ С.-Петербургскомъ почти втрое — 6,7⁰/₀ противъ 19⁰/₀. Справедливѣе было бы полагать, кажется намъ, что лица, награждаемыя медалями, заслуживаютъ вниманія по своему прилежанію и способностямъ, и наоборотъ, что лучшие ученики гимназій будутъ удостоиваемы такой наградой. Отчасти выведенная нами несообразность въ числахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рекомендованные молодые люди, избравшіе себѣ другое поприще, кромѣ университетскаго образованія, не внесены въ составленный нами списокъ.

Распределеніе этихъ лучшихъ и способнѣйшихъ молодыхъ людей по факультетамъ почти то же, что и въ предыдущіе два года. Наименьшее ихъ число избрали себѣ юридическій факультетъ, 22 изъ 147 или 15⁰/₀ (въ 1873 г. 13⁰/₀, въ 1874 г. 12⁰/₀), наибольшее—факультеты физико-математическій и историко-филологическій, именно: 49 поступаютъ въ первый или 33,3⁰/₀, и 43 во второй или 29,3⁰/₀ (въ 1873 г. на физико-математическій поступали 29⁰/₀, въ 1874 г. 35⁰/₀, на историко-филологическій въ 1873 г. 22⁰/₀, въ 1874 г. 26⁰/₀); на медицинскій поступили 72 человека или 21,3⁰/₀ (въ 1873 г. 36⁰/₀, въ 1874 г. 22,1⁰/₀). Такимъ образомъ средней выводъ за три года въ

этомъ отношеніи колеблется для поступающихъ на юридическій факультетъ около 14%, для поступающихъ на физико-математическій около 33%; процентъ поступающихъ на историко-филологическій факультетъ подымается съ каждымъ годомъ и возвысился съ 22% до 29%, то-есть, почти на $\frac{1}{3}$ противъ 1873 г., и составляетъ нынѣ также около $\frac{1}{3}$ всего числа лучшихъ и рекомендованныхъ учениковъ гимназій, поступающихъ въ университеты вообще. Съ другой стороны, то же число, 43, молодыхъ людей, отличившихся и рекомендованныхъ, составляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего числа гимназистовъ вообще, поступившихъ въ 1875 г. на филологическій факультетъ (153), или вѣрнѣе, 28,1%. Напротивъ, процентъ лучшихъ учениковъ, поступающихъ на медицинскій факультетъ, понижается и понизился съ 36% на 21,8%, болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$ съ 1873 г. Число 32, лучшихъ учениковъ 1875 г. составляетъ, въ общемъ числѣ 445 слушателей, поступившихъ на этотъ факультетъ, всего только 7%. То, что лучше молодые люди все болѣе и болѣе обращаются къ изученію историко-филологическихъ наукъ, составляетъ фактъ весьма утѣшительный, въ виду значительной и настоятельной потребности, въ настоящее время, въ возможно-большемъ улучшеніи учебнаго персонала нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, который по преимуществу комплектуется питомцами историко-филологическихъ факультетовъ и институтовъ.

Сравнивая, наконецъ, различные учебные округа по числу желающихъ поступить въ тотъ или другой факультетъ, изъ среды молодыхъ людей признанныхъ наиболее способными, мы замѣчаемъ, что въ историко-филологическій факультетъ болѣе поступило также лицъ въ округахъ: Дерптскомъ 8 изъ 16 и Московскомъ 8 изъ 14; въ округѣ Виленскомъ на историко-филологическій и медицинскій поступили поровну, по 6 на каждый факультетъ изъ 19, и также въ Варшавскомъ округѣ поровну на факультеты филологическій и математическій по 5 на каждый изъ 17, то же въ Западной Сибири по 2 изъ 4. Факультетъ медицинскій ни въ одномъ округѣ не преобладаетъ между молодыми людьми, признанными лучшими; юридическій факультетъ имѣетъ преимущество только въ одномъ С.-Петербургскомъ округѣ и привлекъ 3 изъ 7 лучшихъ этого округа, и наконецъ, физико-математическій въ округахъ: Киевскомъ приобрѣлъ 11 изъ 27, Харьковскомъ 10 изъ 17, Одесскомъ 4 изъ 10 и Казанскомъ 5 изъ 11.

Обозрѣвая отчеты гг. попечителей учебныхъ округовъ объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 г., мы видѣли весьма свѣтлыя, отрадные явленія педагогической дѣятельности: припомнимъ, напримѣръ, бы-

стро увеличивающееся число хорошо приготовленныхъ учениковъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ, возросшее въ три года съ 47^о/_о до 97^о/_о, похвалы воздаваемыя г. профессоромъ Ивановымъ греческимъ переводамъ въ гимназіяхъ Московскаго округа, и профессоромъ Карастелевнымъ математическимъ работамъ Одесскаго округа, или отзывъ г. Балвановича о работахъ по латинскому языку въ Виленскомъ округѣ, г. Некрасова о русскихъ сочиненіяхъ Одесскаго округа, отзывъ о латинскихъ экстермпораліяхъ С.-Петербургскаго округа, наконецъ, отзывъ профессора Буслаева о русскихъ сочиненіяхъ Московскаго учебнаго округа, въ которомъ хотя г. профессоръ жалуется на противорѣчія между экзаменующими и на ихъ придирчивость, но въ то же время по отношенію къ ученикамъ указываетъ на основательное знаніе грамматики и стилистики и нерѣдко живое пониманіе событій и явленій отечественной исторіи. Темныя стороны, каковы, на примѣръ, отчеты о письменныхъ работахъ по русскому языку въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Казанскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, не могутъ поколебать общаго благопріятнаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ обзорнаго отчета. Мы видимъ, что управленіями соотвѣтствующихъ округовъ уже приняты мѣры къ исправленію зла. Въ особенности радуется въ протоколахъ попечительскихъ совѣтовъ откровенное сознаніе существующихъ еще недостатковъ. Это служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ за улучшеніе дѣла въ ближайшемъ будущемъ. Тамъ легко исправленіе, гдѣ недостатки приведены въ извѣстность. По общему признанію, отзывающемуся въ протоколахъ всѣхъ попечительскихъ совѣтовъ и отчасти въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ ихъ членовъ-профессоровъ, правила 8-го декабря 1872 г. дѣйствительно способны содѣйствовать постоянному улучшенію нашего гимназическаго образованія, и для устраненія еще существующихъ недостатковъ, необходимо точно имъ слѣдовать безъ отступленій, *колебаній* и *сомнѣній*, какъ выражено въ отчетѣ одного изъ учебныхъ округовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытанія зрѣлости въ 1874 г.
(одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

I. Въ С.-Петербургскомъ Округѣ.

1. По русскому языку.

Основная. О пользѣ изученія церковно-славянскаго языка для основательнаго знанія русскаго.

Запасная. Трудъ все преодолеваетъ.

2. По латинскому языку.

Основная. Когда, послѣ покоренія Филиппа, Римляне *обратили свое внимание*¹ и на дѣла Азіи, то около 559-го года отъ основанія города сенатъ опредѣлилъ отправить пословъ къ Сирійскому царю Антиоху, чтобъ *уладить*² возникшія между нимъ и *Пергамскимъ*³ царемъ Евменомъ несогласія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ *возбудить въ Антиохѣ подвѣртіе*⁴ противъ Ганнибала, который, будучи изгнанъ изъ своего отечества, *нашелъ у царя убѣжище*⁵. Съ этою цѣлю (чтобы достигнуть этого) послы часто *находятъ*⁶ разговаривали съ Ганнибаломъ о дѣлахъ хотя самыхъ *обыкновенныхъ*⁷, которыя однако казались Антиоху важными и должны были *подорвать*⁸ его довѣріе къ своему гостю. Въ числѣ пословъ находился, какъ говорятъ нѣкоторые историки, и Сципіонъ, побѣдившій Ганнибала при *Нарратурѣ*⁹ и принудившій Карфагенянъ принять самыя тяжелыя условія мира. Когда онъ, *вступилъ однажды въ разговоръ*¹⁰ съ Ганнибаломъ, спросилъ его, кого онъ считаетъ самымъ великимъ полководцемъ, Пуниецъ, *не долго думая*¹¹, отвѣчалъ, Александра Македонскаго, потому что онъ провелъ свое войско чрезъ такія (тѣ) страны, которыя Европа *знала едва по наслышкѣ*¹². Второе мѣсто Ганнибалъ назначилъ Пирру, такъ какъ онъ первый научилъ *разбивать*¹³ лагерь, а третьимъ полководцемъ назвалъ самого себя. Когда Сципіонъ, *засмѣявшись*¹⁴, спросилъ, чтѣ же сказалъ (говорилъ) бы ты, еслибы побѣдилъ меня, Ганнибалъ *отвѣчалъ*¹⁵: *О, тогда*¹⁶ я ставилъ бы себя *выше*¹⁷ и Александра, и Пирра, и всѣхъ другихъ полководцевъ.

¹ animum dirigere, intendere ad. ² componere. ³ Pergamenus. ⁴ aliquem in suspitionem alicui adducere. ⁵ mihi est apud aliquem perfugium; refugium dare. ⁶ secreto. ⁷ levis. ⁸ elevo. ⁹ 1-го склоненія. ¹⁰ sermonem instituire. ¹¹ continuo. ¹² fando audire. ¹³ metari. ¹⁴ in risum effundi. ¹⁵ inquit. ¹⁶ tum vero. ¹⁷ ante.

Запасная. Какъ строго Римляне *преслѣдовали*¹ не только неблагопріостойные поступки, но даже и рѣчи (слова), можно видѣть изъ примѣра (можетъ научить примѣръ) *жотъ*² Аппія, дочери *известнаго*³ Аппія Слѣпаго. Когда однажды матрона эта, возвращаясь домой съ публичныхъ игръ, на ко-

торыхъ она присутствовала (на которыя смотрѣла), *попала въ густую толпу*⁴ народа и едва не⁵ была *задушена*⁶, она *въ сердцахъ*⁷ сказала: «Что случилось бы со мною⁸, если бы братъ мой Публій Клавдій не погубилъ въ морскомъ сраженіи большого флота съ огромнымъ числомъ гражданъ? Ахъ, еслибъ онъ воскресъ и увелъ бы въ Сицилію на погибель и эту *несносную*⁹ толпу, которая такъ *мучитъ*¹⁰ меня несчастную». Когда эти слова были доведены до свѣдѣнія (донесены) плебейскихъ эдилей, они присудили Аппію къ большой денежной пенѣ, *не смотря*¹¹ ни на *высокое ея положеніе*¹², ни на заслуги ея отца. Это случилось во время консульства Фабія Лицинія и Отацилія Красса, въ началѣ первой Пунической войны, когда Римляне, слишкомъ еще мало знакомые съ морскимъ дѣломъ, постоянно *терпѣли* отъ Карфагенянъ *неудачи*¹³ на морѣ.

¹ quanta est alicujus gravitas in aliqua re vindicanda. ² vel. ³ clarns ille. ⁴ in confertissimam multitudinem implicari. ⁵ paene. ⁶ exanimari ⁷ indignabundus. ⁸ aliquid me fit. ⁹ molestus. ¹⁰ vexo. ¹¹ nullum respectum habere. ¹² dignitas. ¹³ detrimenta accipere.

3. По греческому языку.

Основная. Плутархъ, *описавшій*¹ войну Римлянъ противъ Пирра², рассказываетъ *между прочимъ*³, что врачъ царя, по имени Филодемъ, послалъ однажды (когда-то) къ римскому сенату⁴ письмо, въ которомъ обѣщалъ *отправить*⁵ своего господина, ежели получать (возьметъ) *известную сумму денегъ*⁶. Когда *сенаторы*⁷ прочитали это письмо, то не только не *приняли*⁸ такого *строгого предложенія*⁹, но и *опредѣлили*¹⁰ отправить къ Пирру пословъ, чтобъ объявить объ *угрожающей*¹¹ ему опасности. А Пирръ, выслушавъ пословъ, очень удивился *честности*¹² Римлянъ, и говорить, сказалъ: «Римляне умѣютъ побуждать враговъ своихъ не *коварствомъ*¹³ и не обманомъ, и *даже*¹⁴ не оружіемъ, но *благодѣяніями*¹⁵. Ахъ, еслибъ я никогда не *предпринималъ*¹⁶ войны противъ этого народа и не *переправлялъ*¹⁷ бы своего войска въ Италію!»

¹ συγγραφή. ² Πύρρος. ³ ἄλλα τε καί. ⁴ βουλή. ⁵ φαρμάκῳ ἀναίρειν. ⁶ εἰρημένος τις μισθός, ἀργύριον. ⁷ βουλευτής. ⁸ προσέειμαι. ⁹ πρόσσια. ¹⁰ γινώσκω, δοκεῖ μοι. ¹¹ ἐπιχεισθαι. ¹² χρηστότης. ¹³ δόλος. ¹⁴ μὴν. ¹⁵ εὖ ποιεῖν. ¹⁶ αἶρομαι. ¹⁷ διαβιβάζω.

Запасная. Удивленія заслуживаетъ *кротость характера*¹ Фокіона, сына Фока,² котораго, послѣ того какъ онъ неоднократно *былъ полководцемъ*³, Аоняне несправедливо *приговорили*⁴ къ смерти. Когда этотъ мужъ *былъ отведенъ* въ темницу, и ему *нужно* уже *было*⁵ выпить *поднесенный*⁶ *палачемъ*⁷ *ядъ*⁸, родственники спросили его, не имѣетъ ли онъ передать (сказать) чего либо своему сыну, котораго въ то время случайно *не было*⁹ въ Аоняхъ. На это Фокіонъ, взявъ отъ палача ядъ, отвѣчалъ: «Скажите моему сыну, что я *призываю* ему никогда не *мстить*¹⁰ Аонянамъ за этотъ *напитокъ*¹¹, который я теперь *пью за ихъ здоровье*¹²».

¹ πραότης. ² Φῶκος. ³ στρατηγέω. ⁴ καταγινώσκω. ⁵ μέλλω. ⁶ προσφέρω. ⁷ ὁ δήμεος. ⁸ τὸ κώνειον. ⁹ ἀποδημέω ἐχ. ¹⁰ μνηστικαέω τινί περί τινος. ¹¹ φιλοτησία. ¹² προπίνω τινί.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Куплено 3 ящика чаю по 1978 рублей по 3,0666... за каждый фунтъ. Сколько фунтовъ чаю находится въ каждомъ ящикѣ, если въ 1-й больше, чѣмъ во 2-мъ во столько разъ, во сколько 0,25 больше $\frac{1}{6}$, и если число фунтовъ 3-го ящика составляетъ $7\frac{1}{2}\%$ числа фунтовъ чаю въ обоихъ ящикахъ вмѣстѣ?

Запасная. Вычислить выраженіе:

$$\frac{(9,05 \text{ фнт. } 2\frac{1}{4} \text{ лт. } 1,211211 \dots \text{ зол.} - 9\frac{1}{8} \text{ дол.}) \times 3,1}{\frac{5}{8} - 0,01}$$

б) По алгебрѣ.

Основная. Нѣкто купилъ лошадей и воловъ на 1770 руб. Каждая лошадь стоить 31 руб., а каждый волъ стоить столько рублей, какъ велика сумма 8-ми членовъ арифметической прогрессіи, въ которой 1-й членъ = 1, а 8-й = $4\frac{1}{4}$. Сколько куплено лошадей и сколько воловъ?

Запасная. Черезъ сколько времени капиталъ въ 3,600 р., отданный въ ростъ по 7%, считая проценты на проценты, обратится въ такой капиталъ, который получится вмѣсто 5,000 р., отданныхъ въ ростъ на 12 лѣтъ по 5%, тоже проценты на проценты?

в) По геометріи.

Основная. Сторона правильнаго шестигуольника равна 6 арш. Вычислить объемъ (а если кто пожелаетъ, то и боковую поверхность) такого прямого конуса, котораго основаніе равномѣрно шестигуольнику, а высота равна сторонѣ квадрата, тоже равномѣрна съ тѣмъ же шестигуольникомъ.

(Вычисленіе производить приблизительно до 0,01).

Запасная. Параллельныя стороны трапеціи равны, одна 11 дюйм., а другая 5 дм., а непараллельныя равны: одна 4 дм., а другая 3 дм. Найти площадь трапеціи (Приблизительно до 0,1).

г) По тригонометріи.

Основная. Географическая широта Петербурга равна $59^{\circ} 56' 59''$ Какъ велики (въ верстахъ до 0,01 приблизительно) радіусъ и градусъ круга параллельнаго экватору и проходящаго по земной поверхности черезъ Петербургъ, если принять землю за шаръ, котораго радіусъ равенъ 6,000 верстѣ?

Вмѣсто этой задачи предоставляется рѣшить слѣдующую:

Въ треугольникѣ А В С даны три стороны:

$$a = 595,4 \text{ арш.}$$

$$b = 497,4 \text{ арш.}$$

$$c = 1006,2 \text{ арш; вычислить углы А, В и С даннаго треугольника.}$$

Запасная. Какъ велика географ. широта мѣста, если башня, находящаяся въ этомъ мѣстѣ, высотой въ 73 фут., въ полдень 10-го марта (то-есть, когда

солнце находится почти на пересѣченіи экватора съ меридіаномъ) отбрасываетъ тѣнь длиною въ 55 фут.

Вмѣсто этой задачи предоставляется рѣшить слѣдующую:

Въ $\triangle ABC$ сторона $a = 23,4$ арш., $b = 112,7$ арш., а уголъ $C = 28^{\circ} 5'$.

Вычислить сторону c и углы A и B .

II. Въ Московскомъ Округѣ.

1. По русскому языку.

Основная. Заслуги духовенства въ исторіи просвѣщенія древней Руси.
Запасная. Вѣкъ Екатерины II.

2. По латинскому языку.

Основная. Въ консульство М. Минуція и А. Семпронія было привезено въ Римъ большое количество хлѣба изъ Сициліи, и въ сенатѣ обсуждался вопросъ (о томъ), по какой цѣнѣ продавать (его) плебеямъ. Многіе полагали, что пришло время притѣснить плебеевъ и снова пріобрѣсти права, которыя были отняты у патриціевъ насиліемъ вслѣдствіе удаленія на священную гору. Преимущественно гово- рилъ Марцій Коріоланъ, врагъ трибунской власти: «Если они хотятъ прежней цѣны на хлѣбъ, пусть возвратятъ патриціямъ старинное право». Однако это мнѣніе и сенату показалось слишкомъ жестокимъ, и плебен въ негодованіи (на это) чуть не взяли за оружіе. «Ихъ-де голодомъ уже притѣсняютъ какъ непріятелей, обманомъ лишаютъ пищи и пропитанія; хлѣбъ, присланный изъ чужой земли, единственное средство къ жизни, которое неожиданно дала судьба, отнимается у нихъ изо рта, если Гн. Марцію не будутъ переданы связанными народныя трибуны». При выходѣ изъ куріи на него сдѣлано было бы нападеніе, еслибы трибуны очень кстати не потребовали его на судъ. Тутъ (только) прекратилось негодованіе: каждый видѣлъ, что (самъ) сдѣлался судьей и получилъ власть надъ жизнью и смертью

обсуждать вопросъ—agitare aliquid.

отнять насиліемъ—detrahere.
удаленіе—secessio.

прежній—vetus.
цѣна на хлѣбъ—annona.
старинный—pristinus.

чуть не—prope.
притѣснять—petere.

присланный изъ чужой земли—peregrinus.
средство къ жизни—передать чрезъ мн. ч. отъ alimentum.
изъ—ab.

очень кстати—peropportune.

прекратить—supprimere.
получить власть надъ чѣмъ нибудь—dominum fieri.

своего врага. Съ презрѣніемъ слушала сначала Марцій угрозы трибуновъ. «Этой власти», говорилъ онъ, — «дано право помогать, не наказывать, и они трибуны плебеевъ, а не патриціевъ». Но плебеи возстали съ такимъ ожесточеніемъ, что патриціи должны были отдѣлаться (отъ нихъ) наказаніемъ одного человѣка. Однако патриціи оказали сопротивленіе, не смотря на то, что защищая Марціа, должны были опасаться ненависти (со стороны) своихъ противниковъ. Итакъ они пробовали, не удастся ли имъ посредствомъ разосланныхъ кліентовъ отклонить плебевъ по одиночѣ отъ сходокъ и совѣщаній. Когда самъ Марцій въ назначенный срокъ не явился (на судъ), то былъ осужденъ заочно и отправленъ въ область Волсковъ въ изгнаніе.

Запасная. Между тѣмъ какъ Фабій побѣдилъ Волсковъ у Анціума, Эвы, выславъ впередъ отборное войско, неожиданно ночью заняли Тускуланскую крѣпость; съ остальнымъ войскомъ они расположились не вдалекѣ отъ стѣнъ Тускула (съ тѣмъ), чтобы разъединить непріятельское войско. Извѣстіе объ этомъ скоро пришло въ Римъ, изъ Рима въ лагерь у Анціума и подѣйствовало на Римлянъ не иначе, какъ еслибы возвѣщено было о занятіи Капютлія: до того была свѣжа (въ памяти) заслуга Тускуланцевъ. Фабій, бросивъ все, поспѣшно съѣзъ изъ лагеря добычу въ Анціумъ; оставивъ здѣсь небольшой гарнизонъ, онъ скорымъ шагомъ прошелъ мимо Тускула. Солдатамъ ничего не было позволено вестн, кромѣ оружія и испеченнаго хлѣба, сколько его было у нихъ подъ рукой; провіантъ подвозилъ изъ окрестностей Рима консулъ Корнелій. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сражались при Тускулѣ. Съ частью войска консулъ осаждалъ лагерь Эквовъ, часть далъ Тускуланцамъ для того, чтобы

говорилъ онъ — не переводить.
помогать наказывать передать им. сущ.

возстать — cooriri.
съ ожесточеніемъ — передать чрезъ infensus.
отдѣлаться — defungi.

удастся — выразить чрезъ posse.
посредствомъ разосланныхъ кліентовъ — abl. abs.
сходка — coitio.

отборное — robur.

разъединить — distendere.

подѣйствовало — movere.

о занятіи — перевести глаголомъ.

бросить — omittere.

скорымъ шагомъ — citato agmine.

подъ — ad.

снова овладѣть крѣпостью. Силою нельзя было подступитъ туда; наконецъ, голодъ заставилъ непріятеля спуститься оттуда. Прийдя вслѣдствіе того въ крайнее положеніе, они безоружные были проведены подъ ярмомъ. Когда они въ постыдномъ бѣгствѣ возвращались домой, консулъ, настигнувъ ихъ на Алгидской горѣ, избилъ всѣхъ до одного. Побѣдитель, отведши войско къ Алгидуму, расположился лагеремъ. И другой консулъ, какъ только послѣ побѣды надъ непріятелемъ перестала уже угрожать опасность стѣнамъ римскаго города, также выступилъ въ походъ изъ окрестностей Рима. Вступивъ такимъ образомъ съ двухъ сторонъ въ предѣлы непріятелей, консулы опустошили области Волсковъ и Эквовъ.

снова овладѣть — *resperare*.

заставилъ спуститься — *detrahere*.
придя — перевести безличнымъ предположеніемъ.

положеніе — не переводить.
возвращаются — *se respere*.

угрожать — *esse*.

также — *et ipse*.

3. По греческому языку.

Основная. Пораженіе при Хероней было для всѣхъ Грековъ началомъ большаго несчастія и привело къ рабству не только тѣхъ, которые были праздными зрителями, но и тѣхъ, которые находились на сторонѣ Македонянъ. Филиппъ захватилъ большую часть греческихъ городовъ, а съ Аѳинянами для виду заключилъ договоръ, но на самомъ дѣлѣ причинилъ имъ величайшій уронъ, отнявъ у нихъ острова и уничтоживъ ихъ морское владычество. Нѣкоторое время, пока царствовалъ Филиппъ, а впослѣдствіи сынъ его Александръ, Аѳиняне вели себя спокойно. Но какъ только послѣ смерти Александра Македоняне избрали царемъ Аридея, а все управленіе поручено было Антипатру, Аѳинянамъ показалось невыносимымъ, чтобы Греческій народъ навсегда оставался подъ властью Македонянъ; поэтому они и сами бросились къ оружію, и возбуждали другихъ къ тому же самому дѣлу. Въ этой войнѣ участвовало много гре-

съ двухъ сторонъ — *bifariam*.

пораженіе — *ή ήττα*.

Хероней — *ή Χαίρωνεια*.

быть началомъ — *ἀρχήν*.

привести къ рабству — *сдѣлать рабами*.

быть правдымъ зрителемъ — *ὑπεροράν*.

находиться на чьей либо сторонѣ —

τάττεσθαι μετὰ τινος.

видъ — *λόγος*.

заключить договоръ — *συντίθεσθαι τινι*.

причинить большой уронъ — *μᾶλα κακοῦν τινα*.

уничтожить — *καίειν*.

морское владычество — *ή εἰς τὰ ναυτικά ἀρχή*.

вести себя спокойно — *ήσυχάζειν*.

Аридей — *Ἀριδαῖος*.

управленіе — *ή ἀρχή*.

поручить — *ἐπιτρέπειν*.

Антипатръ — *Ἀντίπατρος*.

невыносимый — *ἀνεχτός*.

что бы... оставался — *если будетъ*.

подъ властью — *передать однимъ предлогомъ*.

бросаться — *ὀρμᾶσθαι*.

чешскихъ городовъ; одни Беотійцы, опасаясь, чтобъ Аѳиняне не восстановили Ѡныѣ, не вступили въ союзъ, но увеличили, на сколько могли, силу Македонянъ. Греки были снова побуждены, а въ Аѳины вступилъ Македонскій гарнизонъ.

Запасная. Когда царь Персидскій выступилъ уже въ походъ противъ Греціи, и Аѳиняне совѣщались о (выборѣ) полководца, говорятъ, что всѣ остальные отказались добровольно отъ начальства надъ войскомъ изъ страха передъ опасностію. Епикидъ же, сынъ Евфемиды, демагога, искусный въ рѣчахъ, но слабый духомъ и жадный къ деньгамъ, добивался власти и надѣялся получить (ее) при подачѣ голосовъ. Поэтому Ѡмистоклъ, боясь, чтобы государство совершенно не погибло, если будетъ возложена гегемонія на этого человѣка, заставилъ его деньгами отказаться отъ честолюбивыхъ замысловъ. Получивъ власть, онъ немедленно старался посадить гражданъ на триеры и убѣждалъ ихъ встрѣтить варваровъ на морѣ на возможно далекомъ разстояніи отъ Греціи. Когда же Греки при Артемизіи требовали, чтобъ Еврибидъ и Лакедемоняне предводительствовали ими, Аѳиняне же считали несправедливымъ слѣдовать за другими, потому что числомъ кораблей превосходили почти всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ, то Ѡмистоклъ, сообразивъ (угрожающую) опасность, и самъ передалъ начальство Еврибиду и успокоилъ Аѳинянъ обѣщаніемъ, что если они окажутся храбрыми, то онъ приведетъ имъ на будущее (время) всѣхъ Грековъ къ добровольному повинновенію.

къ оружію — воевать.
возбуждать — ἐγείρειν.
восстанавливать — αὐθις ἐποικίσειν.
вступите — τάττασθαι.

гарнизонъ — ἡ φρουρά.

выступите съ походъ — καταβαίνειν.

я отказался отъ чего либо ἐξέστην τινός.
() заключенныя въ скобкахъ слова
оставить безъ перевода.

начальство надъ войскомъ — ἡ στρατηγία.
изъ страха — передать глаголомъ ἐκ-
πλήττομαι.

Епикидъ — Ἐπικίδης.

жадный — ἥττων.

добиваюсь чего либо — ἐπιείμαι τινός.

подача голосовъ — ἡ χειροτονία.

быть возлагаему — ἐμπίπτειν.

заставляю отказаться — ἐξωνέομαι.

честолюбивые замыслы — ἡ φιλοτιμία.

немедленно — εὐθύς.

стараться — ἐπιχειρεῖν.

посадить — ἐμβιβάζειν.

на возможно далекомъ разстояніи — ὡς
πρωτότατο.

Артемизія — τὸ Ἀρτεμίσιον.

Еврибидъ — Εὐρυβίδης.

превосходить — ὑπερβάλλειν.

сообразать — συνораῖν.

успокоивать — καταπραΰνειν.

общаніе и повинновеніе — передать глаголами.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ:

Основная. Въ общемъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6000 руб., бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца; вкладъ другаго лица, составляющій

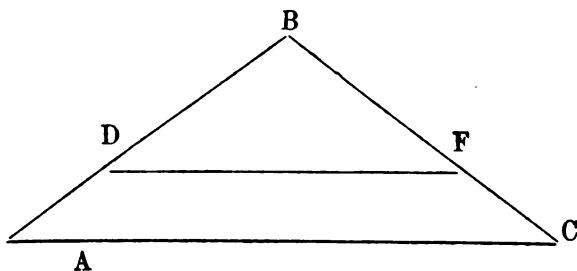
0,166... долю вклада перваго, былъ въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ.—Раздѣлить между этими двумя лицами деньги, врученныя отъ продажи векселя въ 1200 руб., подлежащаго уплатѣ чрезъ 8 мѣсяцевъ, если учесть произведенъ по 6°/о.

Запасная. Купецъ А, продавъ купцу В 150 аршинъ сукна, получилъ прибыли 5°/о. Купецъ В, продавъ тоже сукно за 693 рубля, получилъ прибыли 10°/о. Во сколько обошелся купцу А каждый аршинъ сукна?

б) По геометріи:

Основная. Опредѣлить объемъ тѣла, полученнаго отъ обращенія правильнаго шестиугольника, сторона коего а, около діагонали, раздѣляющей его пополамъ, и сравнить съ объемомъ описаннаго шара.

Запасная. Въ треугольникѣ А В С сторона А В = 1. Найдти на ней точку D, что бы линія D F, проведенная параллельно основанію А С, раздѣлила площадь треугольника на двѣ равновеликія части.

в) По алгебрѣ:

Основная. Раздѣлить 195 на три части, образующія непрерывную геометрическую пропорцію, которой послѣдній членъ превышаетъ первый 120-ю единицами.

Запасная. Раздѣлить число 60 на такія двѣ части, чтобы ихъ произведеніе относилось къ суммѣ ихъ квадратовъ какъ 2: 5.

г) По тригонометріи:

Основная. Даны: сторона треугольника $c = 35, 42$ метра; углы $A = 48^\circ 52'$; $B = 75^\circ 18' 25''$. Найдти прочія части треугольника и площадь его (съ точностью 0,01).

Запасная. Въ треугольникѣ даны: стороны $a = 485, 3$ арш.; $b = 572, 14$ арш.; уголъ $A = 35^\circ 43'$. Найдти прочія части.

III. Въ Казанскомъ Округѣ.

1. По русскому языку.

Основная. Литературная дѣятельность Карамзина.

Запасная. Значеніе Гоголя въ русской литературѣ.

2. По латинскому языку.

Основная. Разбивъ два раза на голову римскія войска, Ганнибалъ рѣшился вторгнуться въ Этрурію чрезъ Аппенинскія горы. Дни и ночи солдаты шли въ водѣ по поясу, самъ онъ лишился въ этомъ переходѣ одного глаза отъ продолжительнаго бдѣнія и смирныхъ ночей. Въ Этруріи Римляне заступили ему дорогу, но были разбиты на голову при Тразименскомъ озерѣ. Въ Римѣ распространился ужасъ, севать три дня не раскодался, но ничего не могъ выдумать къ спасенію отечества, которое не имѣло ни войска, ни консула. Наконецъ, народъ избралъ диктаторомъ Фабіа Максима. Фабіи, прозванный за свою осторожность Медлителемъ, убѣжденный, что съ Ганнибаломъ не должно отваживаться на рѣшительныя битвы, изнурялъ его дальними переходами, уклоняясь отъ боя тамъ, гдѣ Ганнибалъ хотѣлъ съ нимъ сразиться, и нападая на него тамъ, гдѣ онъ этого не ожидалъ. Такой планъ войны не нравился ни войску, ни сенату, ни народу Римскому; а потому Римляне, увеличивъ вдвое войско, поручили надъ нимъ начальство Теренцію Варрону и Павлу Эмилию. Умный Павелъ Эмилиі хотѣлъ слѣдовать плану Фабіа, но опрометчивый Варронъ думалъ однимъ ударомъ рѣшить войну и напасть на Ганнибала при Каннахъ, въ южной Итали. Не смотря на то, что у Римлянъ было вдвое болѣе войска, чѣмъ у Ганнибала, они потерпѣли здѣсь такое пораженіе, какого еще никогда не испытывали: болѣе 50000 человекъ легло на полѣ битвы, и въ томъ числѣ 100 сенаторовъ и благородный Павелъ Эмилиі.

Запасная. Киръ, будучи 12 лѣтъ отъ роду, превосходилъ сверстниковъ, съ одной стороны быстро усвоивъ все, что должно было, съ другой—отлично исполняя каждое дѣло. Въ это время Астіагъ призвалъ къ себѣ дочь и ея сына, ибо онъ желалъ видѣть послѣдняго, потому что слышалъ, что онъ одаренъ отличными способностями. И Мандана пришла къ отцу, привела съ собою сына. Когда же, нѣсколько времени спустя, Мандана собиралась домой, Астіагъ просилъ ее, чтобъ она оставила у него Кира. На это она сказала, что желаетъ во всемъ угодить отцу, но думаетъ, что трудно оставить мальчика противъ воли. Тогда Астіагъ сказалъ Киру: «О сынъ, если ты у меня останешься, то въ твоей власти будетъ приходить ко мнѣ, когда только захочешь, и чѣмъ чаще будешь приходить, тѣмъ большую буду питать къ тебѣ благодарность. Потому въ твоемъ распоряженіи будутъ всѣ мои лошади. Кромѣ того, дамъ тебѣ всѣхъ звѣрей, которые находятся въ моихъ паркахъ, и соберу другихъ всякаго рода». Когда Астіагъ сказалъ это, мать спросила Кира, хочетъ ли онъ остаться, или отправиться домой. Онъ же нисколько не медлилъ, но тотчасъ же сказалъ, что хочетъ остаться.

3. По греческому языку.

Основная. Что царствованіе Кира было самымъ лучшимъ изъ бывшихъ тогда, это ясно. Его страна, будучи величайшею, управлялась по мысли его одного; онъ любилъ управляемыхъ имъ какъ дѣтей; а они почитали его какъ отца. Когда же Киръ умеръ, тотчасъ его дѣти возстали другъ на друга, и многіе города и народы отстали отъ нихъ. Киръ, когда что-нибудь обѣщалъ кому, всегда исполнялъ; тѣ, которые послѣ него у Персовъ царствовали, ча-

сто оказывались обманывающими. Киръ, когда кто-нибудь подвергался опасности для него, или дѣлалъ ему что-нибудь доброе, всегда такого почиталъ, а они дѣлавшихъ имъ добро и убивали нѣкоторыхъ. Киръ и самъ часто выходилъ на охоту, и другихъ выводилъ; царствовавшій послѣ него Артаксерксъ болѣе любилъ пить вино, чѣмъ охотиться.

Запасная. Я не удивляюсь тому, что ты заботишься о сынѣ, потому что не знаю, о чемъ кто-нибудь, имѣющій умъ, и сталъ бы заботиться больше, нежели о сынѣ своемъ, чтобъ онъ вышелъ самымъ лучшимъ. Но я вполне удивляюсь, почему показалось тебѣ то, что я лучше могъ бы сдѣлать сына твоего добрымъ гражданиномъ, чѣмъ ты самъ, и почему твой сынъ думаетъ, что я больше буду полезенъ ему, чѣмъ ты. Ты, впрочемъ, старше меня; затѣмъ, много величайшихъ должностей занималъ («управлялъ») у Аенявъ и почти весьма и отъ согражданъ, и отъ другихъ городовъ, а я ни въ чемъ этомъ участія не имѣю. А если ты хочешь имѣть учителемъ сына кого-нибудь изъ тѣхъ, которые сами объявляютъ, что способны учить молодыхъ людей, такихъ ты найдешь много здѣсь и кромѣ меня.

4. По математикѣ.

а) по ариметикѣ.

Основная. Одна машина въ $\frac{3}{8}$ часа приготовляетъ $\frac{1}{16}$ пуда мѣдныхъ гвоздей, другая въ $\frac{1}{3}$ часа приготовляетъ $\frac{5}{12}$ пуда, а третья въ $\frac{5}{8}$ часа — $\frac{7}{8}$ пуда. Во сколько часовъ всѣ три машины приготовить 226 $\frac{1}{2}$ пудовъ?

Запасная. За вексель въ 10,000 руб. по 6% уплачено 9000 руб. За сколько времени до срока произведена уплата?

б) по алгебрѣ.

Основная. Сумма натуральныхъ членовъ начиная съ 5 равна 1530; чему равенъ послѣдній членъ?

Запасная. Для постройки желѣзной дороги сдѣланъ заемъ въ 3 милліона руб. по 5%. По сколько нужно платить ежегодно, чтобъ уплатить долгъ въ 25 лѣтъ?

в) по геометріи.

Основная. Въ трапеціи $ABCD$ основаніе $BC = 18$ футамъ; углы, прилежащіе къ основанію, равны каждый 45° и непараллельныя стороны равны каждая 7 футамъ. Определить площадь этой трапеціи и площадь треугольника, образуемаго основаніемъ BC съ продолженными сторонами AB и CD .

Запасная. Определить площадь равносторонняго треугольника по разности $d = 2$ футамъ между стороною и высотой.

г) по тригонометріи.

Основная. Разрѣшить косоугольный треугольникъ по тремъ его сторонамъ: $a = 97,5$ фут.; $b = 84,5$ ф. и $c = 91$ ф.

Запасная. Изъ точки A , лежащей въ одной горизонтальной плоскости съ основаніемъ башни, вершина башни видна подъ угломъ $35^\circ 9' 28'' 97$; приближаясь изъ точки A къ основанію башни на 76 футовъ, видимъ вершину башни уже подъ угломъ въ $56^\circ 35'$.—Найти высоту башни.

IV. Изъ Оренбургскаго учебнаго округа

темы, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости, къ сожалѣнію, не доставлены.

V. Въ Харьковскомъ округѣ.

1. По русскому языку.

Основная. Полезныя и вредныя стороны войны.

Запасная. Выгоды и удобства береговыхъ жителей.

2. По латинскому языку.

Основная. Кончина Ликурга.

Когда Ликургъ увидѣлъ, что его законы довольно *пріятны* (acceptus) его сограждавамъ, онъ созвалъ ихъ въ собраніе и сказалъ имъ, что онъ долженъ посоветоваться съ Дельфійскимъ оракуломъ на счетъ многихъ и важныхъ для отечества дѣлъ. Поэтому прежде, чѣмъ онъ отправится исполнить это, всѣ должны дать ему клятву, что будутъ повиноваться изданнымъ *до своего времени* (usque eo) законамъ и ничего *въ* нихъ (de) не измѣнять, пока онъ не возвратится изъ Дельфы (Delphi, orum). Когда всѣ охотно поклялись, Ликургъ съ сыномъ своимъ и нѣсколькими друзьями отправился за совѣтомъ къ оракулу. Пришедши туда, онъ *принесъ жертву* (sacra peragere) и спросилъ, таковы ли законы, данныя имъ Спартамцамъ, что *при* (per) нихъ граждане могутъ достигнуть благоденствія и почета. Когда богъ отвѣтилъ, что государство будетъ велико и славно, доколѣ будутъ повиноваться законамъ Ликурга, онъ *записалъ* (litteris mandare) изреченіе оракула и послалъ его Спартамцамъ. Но въ то же время онъ рѣшилъ навсегда удалиться изъ отечества, чтобы, такимъ образомъ, его граждане навсегда были связаны клятвою. Говорятъ, что онъ передъ тѣмъ, какъ скончался, приказалъ на островѣ Критѣ разбросать въ море *прахъ* (cinis) своего сожженного тѣла. Его законы *были съ силой* (flogere) *болѣе* (ultra) пяти столѣтій.

Запасная. Образецъ честности.

Послѣ побѣды, которую Греки одержали надъ Персами при *Саламинѣ* (Salamis, is или Salamina, ae),Themistocle сказалъ въ собраніи народа, что онъ имѣетъ планъ, выгодный для республики, но что не нужно, чтобы его знали. Онъ требовалъ, чтобы народъ далъ ему кого-нибудь, кому онъ могъ бы его сообщить. Ему дали Аристиду. Этому онъ сказалъ, что можно тайно *сжечь* (incendere) флотъ лакедемонскій, который *вытянутъ на берегъ* (subducere) у Гутеи (Gytheum), вслѣдствіе чего силы Лакедемонянъ непремѣнно были бы сломлены. Аристидъ, услышавши это, пришелъ *среди* (это слово не переводится, но выражается чрезъ ablativ. существительнаго) большаго ожиданія въ собраніе народа и сказалъ, что планъ, который предлагаетъ Themistocle, очень выгоденъ, но не честенъ. Тогда Афиняне рѣшили, что то, что не честно, даже не можетъ быть полезно, и весь этотъ планъ, котораго даже не знали, отвергли по совѣту Аристиды. Примѣровъ подобной честности въ отношеніи къ врагамъ много и въ Римской республикѣ, особенно во второй Пунической войнѣ.

3. По греческому языку.

(Для 1-й и 3-й Харьковской и для Пензенской гимназій. Въ прочихъ гимназіяхъ округа испытанія по греческому языку не было).

Основная. Кирь, царь Персовъ, сказалъ на смертномъ одрѣ (μέλλων θνήσκειν) своимъ сыновьямъ слѣдующее: «Конецъ моей жизни уже пришелъ (παρεῖναι); это я узнаю ясно по многимъ (обстоятельствамъ). Я васъ обоимъ люблю одинаково (ὁμοίως); но я дѣлаю царемъ старшаго (ὁ πρότερος), который болѣе опытенъ (πλείονων ἔμπειρος). Младшаго я дѣлаю сатрапомъ Мидійцевъ. Такимъ образомъ старшему правда (μὲν) оставляю я большую область (ἀρχή) и царскую власть, но младшему — болѣе невозмутимое (ἀλοπος) счастье. Старшему же изъ васъ я даю такое наставленіе (λέγω), что не золотой скипетръ охраняетъ царскую власть, а вѣрные друзья, которые суть истиннѣйшій и надежнѣйшій склепъ для царей. Истинные друзья не приобретаются (=приобрѣтеніе (κτήσις) истинныхъ друзей происходитъ (εἶναι) посредствомъ силы, а черезъ (σύν) благодѣянія. Изъ всѣхъ же друзей первый и надежнѣйшій (πιστός) есть братъ. Его изъ всѣхъ наиболѣе люби и почитай. Ибо тотъ, кто заботится о своемъ братѣ (προνοῶ τινός черезъ причастіе), печется также о самомъ себѣ. Когда я умру, сыновья, не кладите (τίθημι аог.) моего тѣла въ (ἐν) золото и серебро, а возвратите его какъ можно скорѣе землѣ. Ибо чтó отраднѣе (μακάριος), какъ соединиться (μίγνυμι неопред. аог. страд. залога съ членомъ) съ землею, которая производитъ и питаетъ все прекрасное и доброе». Послѣ этихъ и другихъ словъ Кирь скончался.

Запасная тема по греческому языку здѣсь не приводится, такъ какъ она не была употреблена при испытаніяхъ зрѣлости.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Въ Англій продаются полосы земли длиною въ 480 сажень и шириною въ 165 саж. по 220 руб. за каждый акръ. Сколько стоитъ эта земля, если акръ равенъ 4.840 квадратнымъ ярдамъ; а англійскій ярдъ (линейный) = 3 нашимъ футамъ.

Запасная. Постройка каменнаго дома, имѣющаго $9\frac{1}{2}$ саж. въ длину, $7\frac{1}{2}$ саж. въ ширину и 2 саж. съ 2 арш. вышины, обошлась въ 17.545 рублей. Чтó будетъ стоить постройка дома, имѣющаго $11\frac{1}{4}$ саж. длины, $9\frac{1}{2}$ саж. ширины и 4 саж. съ 2 аршинами вышины, если притомъ цѣна на всѣ матеріалы возвысилась 4 процентами противъ прежняго, а плата рабочимъ понизилась на $\frac{1}{3}$ прежней платы.

б) По геометріи.

Основная. Найдти окружность основанія прямого цилиндра, котораго высота $h=11$ дюймамъ, а объемъ=объему куба, котораго ребро=64 дюймамъ.

Запасная. Дуга большого круга, соответствующая сегменту, равна 90° , діаметръ основанія сегмента=4 фут. Найдти поверхность и объемъ этого сегмента.

в) По алгебрѣ.

Основная. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ лѣсъ содержалъ въ себѣ 10.000 деревь, а теперь въ немъ 15.600 деревь. Во сколько лѣтъ произошло это увеличеніе, если число деревь ежегодно увеличивалось своею десятою частью?

Запасная. Нѣсколько человекъ должны были вмѣстѣ выплатить 800 руб., каждый поровну. Во время платежа трое были въ отсутствіи, а потому остальные, внося деньги за себя, уплатили и за отсутствующихъ товарищей, прибавивъ каждый къ своему взносу по 60 руб. Сколько было всѣхъ участниковъ въ платежѣ?

г) По тригонометріи.

Основная. Въ треугольникѣ извѣстны двѣ стороны: 3634,3 фут. и 4898,76 фут. и уголъ, противолежащей меньшей изъ нихъ, $= 36^{\circ} 12' 24''$. Найти уголъ, противолежащій сторонѣ въ 4898,76 футъ.

Запасная. На горѣ находится башня высотой въ 75 фут. Наблюдатель, измѣряя углы, нашелъ, что уголъ α , составленный при вершинѣ башни двумя прямыми, изъ коихъ одна направлена къ предмету, лежащему въ долинѣ, а другая лежитъ горизонтально въ той же вертикальной плоскости, равенъ $46^{\circ} 20'$, а уголъ β , составленный при подошвѣ башни такою же горизонтальною и прямою, направленною на тотъ же предметъ, $= 37^{\circ} 35'$. Найти высоту горы, не сходя съ нея.

VI. Одесскій округъ.

1. По русскому языку.

Основная. Очеркъ біографіи Жуковского.

Запасная. Очеркъ біографіи Кантемира.

2. По латинскому языку.

Основная. Филены ¹⁾.

Кареагеняне господствовали въ продолженіе долгаго времени въ большой части Африки. Сосѣди ихъ были Киренейцы, ²⁾ которые считались также великимъ и могущественнымъ народомъ. Между обоими государствами было песчаное ³⁾ поле, не имѣющее ни горы ни дерева, которыя могли бы разграничить ⁴⁾ ихъ страны. Это обстоятельство, говорятъ, возбудило продолжительную войну между ними. Наконецъ, враждебныя отношенія ⁵⁾ сдѣлались имъ тягостными, и заключивъ перемиріе, они рѣшили, чтобы послѣ обонхъ народовъ вышли въ одно и то же время изъ своего города, и что то мѣсто должно считаться международною ⁶⁾ границей, гдѣ тѣ встрѣтятся. ⁷⁾ Изъ Кареагена были посланы два брата, которыхъ называли Филенами. Эти, совершая бодро тягостный путь, скоростью превзошли Киренейцевъ, которые шли медленно и за свое нерадѣніе ⁸⁾ боялись наказанія въ своемъ государствѣ. Поэтому они заводятъ споръ ⁹⁾, называютъ Кареагенянъ обманщиками, какъ будто эти раньше отправились въ путь, и предпочитаютъ всякій другой исходъ ¹⁰⁾, чѣмъ уйдти побѣжденными. Кареагеняне просятъ о другомъ условіи, лишь бы ¹¹⁾

справедливомъ. Тѣ требуютъ, чтобы граница была тамъ, гдѣ или Кареагеняне, или они сами будутъ заживо похоронены. О славная любовь къ отечеству! Филены, одобрявъ это условіе, посвящаютъ ¹⁾ себя и свою жизнь государству. Ихъ заживо похоронили на этомъ мѣстѣ. Кареагеняне воздвигнули тамъ алтари братьямъ Филенамъ и установили имъ въ своемъ государствѣ другія почести.

1) Philaeni.	2) inimicitiae.	3) заводить споръ, rem perturbare.
2) Cyrenenses.	4) communis.	10) всякій другой исходъ = все.
3) aenosus.	7) obviam venire.	11) tantummodo.
4) discernere.	8) secordia.	12) condonare.

Запасная. Такъ какъ въ арміи Филиппа находились разныя племена, то по убіеніи его было различное настроеніе ¹⁾ умовъ. Тѣ, которые были при жизни его удручены тяжкимъ рабствомъ, видѣли въ его смерти представившуюся надежду на освобожденіе, другіе, которымъ надоѣла ²⁾ продолжительная военная служба ³⁾, радовались прекращенію ⁴⁾ похода; наконецъ, друзья и близкіе Филиппа оплакивали ⁵⁾ (то обстоятельство), что факель, зажженный для свадьбы дочери, былъ подложенъ подъ костеръ отца. Но и этихъ друзей объялъ немалый страхъ при столь неожиданной пережитѣи обстоятельствъ, и размышляя ⁶⁾ то о возбуденной Азіи, то о не совсѣмъ ⁷⁾ усмиреной Европѣ, то объ Илирійцахъ, Фракіяцахъ и другихъ варварскихъ племенахъ сомнительной честности и вѣроломнаго характера, они убѣдились, что никакъ нельзя будетъ противостоятъ, если они всѣ вмѣстѣ отложатся отъ Македонскаго царства. И ихъ опасеніе сбылось бы, если во главѣ Македонянъ не походилъ бы тотъ знаменитый сынъ знаменитаго отца, Александръ, который родился въ ту же ночь, въ которую сгорѣлъ храмъ Эфесской Діаны. Около того же времени было донесено Филиппу извѣстіе о двойной побѣдѣ, и оно было твердо убѣжденъ, что тотъ, который родился подъ такими предзнаменованіями, будетъ непобѣдимъ. И онъ не обманулся въ своей надеждѣ, ибо Александръ покорилъ всю Азію въ 12-лѣтнемъ своемъ царствованіи съ 35000-мъ войскомъ.

- 1) настроеніе ума motus animi.
 2) «надоѣло» выразить посредствомъ существительнаго taedium (отвращеніе)
 3) военная служба militia.
 4) прекратить remittere.
 5) dolere.
 6) reputare.
 7) несовсѣмъ pondum.

3. По греческому языку.

Основная. Мильтіадъ предъ сраженіемъ при Марафонѣ.

Предъ Мараонскимъ сраженіемъ мнѣнія аѣнскихъ вождей расходились ¹⁾: одни не хотѣли давать сраженія ²⁾, говоря, что число ихъ согражданъ (слухомъ) мало, чтобы сражаться съ войскомъ Персовъ; другіе же, въ числѣ ихъ Мильтіадъ, хотѣли дать сраженіе. Когда, такимъ образомъ, мнѣнія были раз-

дѣлены ³⁾, Мильтіадъ ⁴⁾ отправился къ полемарху Калимаху и сказалъ слѣдующее: «Отъ тебя зависитъ ⁵⁾ судьба Аоннѣ. Мнѣнія вождей расходятся: одни хотѣтъ дать сраженіе, другіе не хотѣтъ. Если ты присоедишься ⁶⁾ къ моему мнѣнію, то сраженіе будетъ дано, и я надѣюсь, что, при помощи боговъ, мы будемъ побѣдителями. Тогда вашъ городъ будетъ первымъ изъ всѣхъ греческихъ городовъ, и имя твое знаменитѣе именъ Гармодія ⁷⁾ и Аристогитона ⁸⁾, такъ какъ Аонны, съ того времени какъ ⁹⁾ существуютъ, никогда не находились въ большей опасности, чѣмъ теперь. Если же мы не дадимъ сраженія, то я полагаю, что между (genit.) нашими согражданами произойдетъ несогласіе ¹⁰⁾, и часть ихъ перейдетъ къ Персамъ. Персы побѣдятъ насъ, и Греція будетъ поработчена ¹¹⁾». Этими словами Мильтіадъ приобрѣлъ голосъ ¹²⁾ Калимаха, и было рѣшено дать сраженіе. Сраженіе было дано при Мараевѣ и Аонняне побѣдили Персовъ.

1) διχα εἶναι.

2) μάχην ποιεῖσθαι (πρός τινα) или συμβάλλειν (τινί или προς τινα).

3) = расходятся.

4) Μιλτιάδης, ου.

5) отъ меня зависитъ ἐν ἐμοί ἐστι (χαίται).

6) присоединиться къ ч. ἐλθεῖν εἰς τι.

7) Ἄρμодиός.

8) Ἀριστογείτων, ονος.

9) ἐξ οὗ.

10) διαφορά, ή.

11) καταδουλοῦν.

12) приобрести голосъ προσκτασθαι.

Запасная. Когда Лидяне были покорены Персами, Ионяне и Эоляне послали вѣстниковъ въ Сарды къ Киру, такъ какъ они желали ¹⁾ на тѣхъ же условіяхъ ²⁾ быть подчиненными ³⁾ Киру, на какиихъ ⁴⁾ были (подчиненными) Крезу. Но онъ, услышавши ихъ рѣчи, сказалъ имъ слѣдующую басню: «Одинъ игрокъ на флейтѣ, увидѣвши рыбъ въ морѣ, игралъ на флейтѣ, думая, что рыбы выпрыгнутъ ⁵⁾ на землю. Обманувшись въ своей надеждѣ, онъ взялъ рыбачью сѣтъ ⁶⁾, окружилъ большое множество рыбъ и вытянулъ ихъ. Увидѣвъ ихъ прыгающими, онъ сказалъ къ рыбамъ: «Перестаньте танцовать ⁷⁾, такъ какъ вы не хотѣли выпрыгнуть въ тандахъ ⁸⁾, когда я игралъ». Киръ разказалъ эту басню Ионянамъ и Эолянамъ, потому что Ионяне раньше, когда Киръ просилъ ихъ черезъ пословъ отложиться отъ Креза, не повиновались, а готовы были повиноваться Киру тогда, когда Крезъ былъ побѣжденъ.

1) particip.

2) ἐπι τοῖς αὐτοῖς, ἐφ' οἷς.

3) ὑπήκοος.

4) ἐξέρχομαι.

5) ἀμφιβληστρον.

6) ὀρχέομαι.

7) particip.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Три работника заработали вмѣстѣ 481 руб. Спрашивается, сколько заработалъ каждый отдѣльно, если сумма, заработанная первымъ, относилась къ суммѣ, заработанной вторымъ, какъ $7/11$: $4/5$, а сумма, заработанная вторымъ, къ суммѣ третьяго, какъ $2/3$: $5/8$?

Запасная. Купецъ, занявъ у одного кредитора 3.500 руб. по 6%, а у другаго 4.000 руб. по $5\frac{1}{2}\%$, чрезъ годъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Спрашивается, сколько получилъ каждый кредиторъ, если за все имущество купца выручено было 3.172 руб.

б) По геометріи.

Основная. Вычислить боковую поверхность правильной четырехугольной пирамиды, которой боковое ребро 2,5 фута и радиусъ круга, описаннаго около основанія, 0,8 фута.

Запасная. Вычислить объемъ усѣченнаго параллельно основанію прямого конуса, котораго образующая 9 дюймовъ, окружность основанія 13,2 дюйма и окружность сѣченія 8,8 дюйма.

в) По алгебрѣ.

Основная. Нѣкто въ первый мѣсяцъ сберегъ 35 руб., затѣмъ каждый послѣдующій мѣсяцъ сберегалъ 12 руб. 50 коп. болѣе, чѣмъ въ предыдущій и, такимъ образомъ собранныя деньги въ продолженіе года, отдавъ въ ростъ на 5 лѣтъ по $5\frac{1}{2}\%$ сложныхъ процентовъ. Какъ велика будетъ эта сумма по прошествіи 5 лѣтъ?

Запасная. Нѣкто, для уплаты долга, долженъ вносить въ продолженіи 8 лѣтъ, ежегодно, по 738 руб. 75 коп. По сколько рублей долженъ онъ вносить ежегодно, чтобы вышлатить этотъ долгъ въ 5 лѣтъ, если полагается $5\frac{3}{4}\%$.

г) По тригонометріи.

Основная. Рѣшить прямоугольный треугольникъ, котораго одинъ катетъ 2,79, а другой 3,4568 фута.

Запасная. Определить площадь треугольника, коего стороны, заключающія уголъ въ $64^\circ 37' 40''$, равны: 304,5 и 294,64 саженимъ.

VII. По Кіевскому округу.

Темы, тексты и задачи по гимназіямъ: Кіевской I-й, Житомирской, Каменецъ-Подольской, Немировской, Черниговской, Нѣжинской и Новгородъ-Сѣверской.

1. По русскому языку.

Показать важнѣйшія проявленія блестящей дѣятельности духовныхъ силъ древнихъ Грековъ и объяснить причины успѣховъ этой дѣятельности.

2. По латинскому языку.

Зная ¹⁾ Фирмъ и выгнавъ Левтулла, Цезарь приказываетъ разыскать воиновъ, которые ушли отъ него, и дѣлать наборъ: самъ, промедливъ тамъ

одинъ день для (устройства) *продовольственной части* ¹⁾, идти въ Корфиніи. Когда онъ туда пришелъ, пять когортъ, высланныхъ впередъ Домиціемъ изъ города, пытались разрушить ²⁾ рѣчной мостъ, который находился около трехъ тысячъ шаговъ отъ города. Солдаты Домиція, вступивъ тамъ въ битву съ *передовыми отрядами* ³⁾ Цезаря, были отброшены отъ моста и отступили въ городъ. Цезарь, переправивши легионы, остановился у города и расположился лагеремъ подъ стѣною. Узнавши объ этомъ, Домицій посылаетъ съ письмомъ къ Помпею въ Апулію людей, хорошо знакомыхъ съ страной, предложивъ имъ большую награду, просить и умолять Помпея идти къ нему на помощь, (такъ какъ) Цезарь двумя арміями и тѣсвинами легко можетъ быть запертъ ⁴⁾ и отрѣзанъ ⁵⁾ отъ продовольствія. Если жъ онъ этого не сдѣлаетъ, то Домицій и когорты, (которыхъ) болѣе тридцати, а также большое число сенаторовъ и всадниковъ римскихъ подвергнутся опасности. Между тѣмъ (Домицій), ободривъ своихъ (солдатъ), располагаетъ метательныя орудія ⁶⁾ на стѣнахъ и каждому поручаетъ ⁷⁾ извѣстныя части города для охраны; солдатамъ же на сходкѣ ⁸⁾ общается поля изъ своихъ владѣній, по четыре югера на каждого, а центурионамъ и волонтерамъ согласно принятому размѣру ⁹⁾.

1) Recipere, 2) res frumentaria, 3) interrumpere, 4) antecursor, 5) intercludere, 6) prohibere, 7) tormentum, 8) attribuere, 9) concio, 10) pro rata parte.

3. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Слитокъ изъ олова и свинца въ 20 фунтовъ вѣсомъ при погруженіи въ воду потерялъ два фунта. Извѣстно, что 10 фунтовъ олова теряютъ въ водѣ $\frac{1}{3}$ фунта, а 5 фунтовъ свинца теряютъ $\frac{2}{3}$ фунта. Сколько олова и свинца въ слиткѣ?

б) По алгебрѣ.

Найти четыре числа, изъ коихъ первыя три составляютъ геометрическую, а послѣднія три арифметическую прогрессию; сумма крайнихъ чиселъ равна 14, а сумма среднихъ 12.

в) По геометріи.

Опредѣлить объемъ правильной осьмиугольной призмы, описанной около цилиндра, радіусъ котораго 15 вершковъ, а высота $3\frac{1}{2}$ сажени.

г) По тригонометріи.

Периметръ ромба=842,7 саж., а одна изъ діагоналей=92,355 саж. Опре- дѣлить углы и другую діагональ.

Темы, тексты и задачи по гимназіямъ: Кіевской II-й, Полтавской и Коллегіи Павла Галагана.

1. По русскому языку.

Почему царствованіе Елизаветы II-й имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи Русскаго народа.

2. По латинскому языку.

Съ ихъ удаленіемъ, солдаты, получивъ полную возможность къ переговорамъ, выходятъ массами ¹⁾, и если кто имѣлъ въ лагерѣ знакомаго ²⁾ или земляка ³⁾, то отыскиваетъ и вызываетъ его. Сначала приносятъ общую благодарность всѣмъ за то, что наканунѣ, *зотъ привели ихъ въ третью* ⁴⁾, но пощадили: они существуютъ по ихъ милости. Потомъ разузнають о надежности ⁵⁾ полководца, правильно ли они (поступать, если) доверятся ему, и жалуются на то, что не сдѣлали этого въ началѣ и вступили въ борьбу съ людьми близкими и единокровными. Одобреніе ⁶⁾ этими переговорами, они просятъ у полководца гарантіи ⁷⁾ на счетъ жизни Петрея и Афранія, чтобы не показалось, будто бы они (задумали) *взяли на себя* ⁸⁾ какое-нибудь преступленіе или предали своихъ. Когда это было общано ⁹⁾, они увѣряють, что тотчасъ перенесутъ знамена, и отправляютъ центуріоновъ первыхъ рядовъ послами къ Цезарю (для переговоровъ) о мирѣ. Между тѣмъ одни приводятъ своихъ въ лагерь для угощенія ¹⁰⁾, другіе уходятъ своими, такъ что, казалось, уже изъ двухъ лагерей сдѣлался одинъ, очень многіе военные трибуны и центуріоны приходятъ къ Цезарю и ему представляются ¹¹⁾. Тоже самое дѣлають представители Испаніи, которыхъ они вызвали и держали при себѣ въ лагерѣ въ качествѣ заложниковъ.

Эти послѣдніе искали своихъ знакомыхъ и гостепримцевъ, чтобы при посредствѣ ихъ имѣть ходатайственный ¹²⁾ доступъ къ Цезарю. Даже сынъ Афранія, юноша, велъ переговоры съ Цезаремъ черезъ посла Сульпиція на счетъ сохраненія жизни ¹³⁾ себѣ и родителю. Все полно было радости и ликования ¹⁴⁾ гѣхъ, которые, казалось, избѣжали такихъ опасностей, и гѣхъ, которые безъ пролитія крови ¹⁵⁾ совершили, повидимому, такіа дѣла; и Цезарь, по мнѣнію всѣхъ, пожиналъ ¹⁶⁾ обильные плоды своей прежней снисходительности, и планъ его одобряемъ былъ всѣми.

¹⁾ Liber, ²⁾ vulgo, ³⁾ municeps, ⁴⁾ part. con., ⁵⁾ fides, ⁶⁾ provocatus, ⁷⁾ fides ⁸⁾ in se concipere, ⁹⁾ rem confirmare, ¹⁰⁾ invitare, ¹¹⁾ se commendare, ¹²⁾ commendatio, ¹³⁾ Salus, ¹⁴⁾ gratulatio, ¹⁵⁾ vulnus, ¹⁶⁾ ferre.

3. По математикѣ.

а) По ариметикѣ:

Раздѣлить 42.000, на такіа четыре части, чтобы первая относилась ко второй, какъ 2: 3, вторая къ третьей, какъ 4: 5, третья къ четвертой, какъ 6: 7.

б) По алгебрѣ:

Опредѣлить трехзначное число, котораго цифры составляютъ арифметическую прогрессию. При раздѣленіи этого числа на сумму его цифръ въ частномъ получается 48, а разность этого числа и 198 представляетъ число, котораго цифры тѣже, что и искомаго, только въ обратномъ порядкѣ.

в) По геометріи:

Опредѣлить радіусъ круга, вписаннаго въ правильный десятиугольникъ, и круга, описаннаго около него, если сторона десятиугольника равна *a*.

г) По тригонометріи:

Даны стороны треугольника: $a = 701, 224$, $b = 438, 265$, $c = 613, 571$ саж. Опреѣлангь углы и площадь треугольника.

По греческому языку:

Для всѣхъ гимназій, въ которыхъ производилось испытаніе зрѣлости по этому предмету, то-есть для Киевской 2-й, Нѣжинской, Житомирской, Киевской 1-й и Черниговской, а также для Коллегіи Павла Галагана.

Тогда подходитъ къ Ксенофону (одинъ) человекъ изъ пелтастовъ, утверждая ¹⁾, что онъ былъ рабомъ въ Аѳинахъ, (и) объявляя, что онъ знаетъ языкъ этихъ людей. «Я думаю также», сказалъ онъ, — «что это мое отечество; и если нѣтъ препятствія ²⁾, то я хочу переговорить съ ними». «Нѣтъ никакого препятствія», сказалъ (Ксенофонтъ) — «поговори ³⁾ (съ ними) и узнай ⁴⁾ прежде всего, кто они». На (его) вопросъ они отвѣчали, что Макролы. «Спроси же у нихъ, (сказалъ Ксенофонтъ), — зачѣмъ взято противъ насъ оружіе, ⁵⁾ и что имъ за польза ⁶⁾ быть намъ врагами»? Они же отвѣчали: «Потому что и вы также идете противъ нашей страны». Полководцы приказали объявить, что мы не имѣемъ намѣренія дѣлать зла, но по окончаніи войны (воевавши) съ царемъ уходимъ въ Грецію и желаемъ достигнуть ⁷⁾ моря. Тѣ спрашивали, дадутъ ли они залогъ въ вѣрности ⁸⁾ этого? Они же сказали, что хотятъ и дать, и (сами) получать.

Тогда даютъ Макролы Грекамъ варварское конье ⁹⁾, а Греки имъ—греческое; такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, ¹⁰⁾ есть залогъ вѣрности; боговъ же призвали въ свидѣтели ¹¹⁾ тѣ и другіе.

¹⁾ λέγω. ²⁾ κωλύω. ³⁾ διαλέγομαι. ⁴⁾ μανθάνω. ⁵⁾ ἀντιτάσσω. ⁶⁾ χρήζω. ⁷⁾ ἀφικνεῖσθαι ἐπὶ. ⁸⁾ τὰ πιστά. ⁹⁾ λόγῃ. ¹⁰⁾ φημί. ¹¹⁾ ἐπιμαρτύρομαι.

VIII. Виленскій округъ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе внѣшнихъ обстоятельствъ для духовнаго развитія человека.

Запасная. Можно ли быть одинокимъ въ большомъ обществѣ.

2. По латинскому языку.

Основная. Спартанское государство обязано своимъ возвышеніемъ и значеніемъ среди Грековъ устройству и законамъ, которые оно получило отъ Ликурга. Ликургъ наследовалъ своему брату, царю Спартанскому, и имѣлъ возможность овладѣть царствомъ, но когда малолѣтній сынъ брата достигъ совершеннолѣтія, онъ не нарушимо возвратилъ ему царство и этияъ показалъ, что у людей честныхъ родственныя права цѣнятся выше матеріальнаго могущества. Въ промежутокъ времени, пока мальчикъ росъ и находился въ его оекѣ, Ликургъ издалъ для Спартанцевъ законы, которыхъ они до того не имѣли. Полагая, что, при господствовавшей распущенности нравовъ, законы могутъ показаться на первыхъ порахъ слишкомъ суровыми, Ликургъ объявилъ виновникомъ ихъ Аполлона Дельфійскаго, по волѣ котораго онъ издалъ ихъ.

IX. Варшавскій округъ.

1. По русскому языку:

Основная. Написать разсужденіе на тему: «нигѣи сердце, нигѣи душа, и будешь человекъ во всякое время» (Слова Стародума, ком. Недоросль);

2. По латинскому языку.

Отрывокъ изъ Юстина (Justini liber V, caput 11);

3. По греческому языку.

Отрывокъ изъ Ксенофонта (Xenoph. hist. graeca VII, 1, 33—35).

4. По математикѣ.

а) по арифметикѣ:

Опредѣлить въ рубляхъ и копѣйкахъ: во что обойдется устройство паркетныхъ половъ въ комнатѣ, которой длина 5 сажень и $3\frac{1}{2}$ фута, а ширина 4 сажени $2\frac{1}{2}$ фута, если цѣна каждаго квадратнаго метра паркета составляетъ 40 франковъ, за работу съ каждаго квадратнаго аршина требуютъ 80 копѣекъ, одинъ квадратный метръ равенъ 0,22 квадратной сажени, и за кредитный рубль даютъ по курсу 350 сентимовъ.

б) по геометрiи.

Сторона правильнаго шестиугольника равна одному метру. Найти объемъ тѣла, происшедшаго отъ вращенія этого шестиугольника около одной изъ сторонъ, съ приближеніемъ до 0,001.

в) по алгебрѣ:

Изъ двухъ точекъ, которыхъ разстояніе 1800 футовъ, начинаютъ двигаться *равномерно* и на встрѣчу другъ другу два тѣла. Первое начинаетъ двигаться *пятью* секундами позже, чѣмъ второе, и оба встрѣчаются на самой срединѣ пути; кромѣ того извѣстно, что первое тѣло проходитъ въ каждую секунду *шестью* футами болѣе, чѣмъ второе. Требуется опредѣлить скорости этихъ тѣлъ или сколько футъ проходитъ каждое изъ нихъ въ одну секунду.

г) по тригонометрiи:

По данной площади треугольника 545, 57 квадратныхъ фута, и по угламъ $A = 103^\circ 18'$ и $B = 23^\circ 23' 22''$ опредѣлить стороны a и b , противолежащія этимъ угламъ.

Запасныхъ темъ изъ Варшавскаго округа не доставлено.

X. Въ Западной Сибири.

1. По русскому языку.

Основная. Причины умственнаго и нравственнаго безсилія и способы къ предупрежденію этого безсилія.

BEETON

DOCTORS CH

ITON

STAMPA C

ITON

PRINTING 1

ITON

Запасная. О вліяніи произведеній Гоголя на проясненіе самосознанія русскаго общества.

2. По латинскому языку.

Когда въ лагерь Катилины пришло извѣстіе, что въ Римѣ заговоръ открытъ, что Левтулъ и прочіе его сообщники казнены смертію, тогда многіе, приставшіе къ Катилинѣ изъ желанія перемены или изъ жажды добычи, его покинули; съ остальными Катилина, по крутымъ горамъ, длинными переходами ушелъ въ окрестности Пистои, замышляя горными тропинками пробраться въ Галлію. Но Метеллъ Целеръ, расположенный съ тремя легионами въ области Пиценской, отгадалъ намѣреніе Катилины по отчаянному положенію, въ какомъ онъ находился. Узнавъ отъ переметчиковъ направленіе пути, по которому шелъ Катилина, Метеллъ послѣшно двинулся къ нему и расположился лагеремъ у подошвы горы, съ которой нужно было спускаться войску Катилины. И Антоній съ войскомъ былъ недалеко, хотя, по его многочисленности, онъ долженъ былъ выбирать для движенія ровныя мѣста и преслѣдовать людей, которымъ ничто не препятствовало въ бѣгствѣ. Катилина увидѣлъ себя въ отчаянномъ положеніи: со всѣхъ сторонъ горы и войска непріятельскія, въ Римѣ замысль его кончилась несчастнымъ образомъ; ни откуда никакой надежды на помощь, и бѣгство (не возможно); тогда онъ рѣшился попытать счастья въ рѣшительномъ бою съ Антоніемъ и притомъ тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Созвавъ своихъ приверженцевъ, онъ связалъ имъ слѣдующее: «Войны, я знаю, что слова не придадутъ мужества. Тщетно было бы ободрять тѣхъ, на кого не дѣйствуетъ чувство славы и сознаніе опасности. Но вы не таковы. Зная васъ хорошо, войны, и припоминая ваши подвиги, я имѣю большую надежду на успѣхъ. Если же завистливая судьба не увѣнчаетъ насъ успѣхомъ, падемъ, но отмстимъ за себя».

Запасная. Примѣръ любви къ родителямъ. Одну женщину благороднаго происхожденія римскій преторъ, осудивъ въ своемъ судилищѣ въ уголовномъ преступленіи, передалъ смотрителю тюремъ для лишенія жизни въ тюрьмѣ. Начальникъ тюремной стражи, взявъ ее, изъ состраданія не тотчасъ умертвилъ. Онъ даже дозволялъ видѣться съ нею дочери, напередъ тщательно обыскавъ, чтобъ она не приносила съ собою пищи, полагая, что осужденная умретъ съ голоду. Но когда прошло уже много дней, то онъ, спрашивая самъ себя, что бы это значило, что она такъ долго не умираетъ, началъ старательнѣе наблюдать за дочерью и подмѣтилъ, что она, вынудъ свой соседъ, утоляла голодъ матери помощью своего молока. Новость столь удивительнаго зрѣлища, сообщенная имъ смотрителю тюремъ и потомъ дошедшая до свѣдѣнія претора и совѣта судей, доставила женщинѣ освобожденіе отъ казни. За дочернюю любовь не только было даровано спасеніе матери, но объ онѣ получали пожизненное содержаніе пищею на общественный счетъ. Куда не проникаетъ или чего не придумаетъ любовь къ родителямъ, которая изобрѣла такой новый способъ спасти жизнь матери въ тюрьмѣ. Можно бы подумать, что это случилось противъ природы вещей, если бы любовь къ родителямъ не была первымъ закономъ природы.

3. По математикѣ.

а) По ариметикѣ:

Основная. Купецъ имѣеть 4 сорта чаю: по 4 р. 40 коп., 4 р., 3 р. 20 к., и 1 р. 20 к. фунтъ и желаетъ сдѣлать изъ нихъ смѣсь, чтобы фунтъ стоилъ 2 р. 40 к. Сколько надобно взять фунтовъ каждаго сорта для одного пуда смѣси?

Запасная. На $157\frac{1}{4}$ рублей куплено трехъ сортовъ сукно: 16 аршинъ перваго сорта, 25 аршинъ втораго и 18 аршинъ третьяго; $5\frac{1}{2}$ аршинъ перваго сорта стоятъ столько же, сколько 6 аршинъ втораго или $7\frac{1}{2}$ аршина третьяго. Что стоитъ аршинъ каждаго сорта?

б) По геометріи:

Основная. Радиусъ шара равенъ 16, 4 фут. Определить радиусъ основанія и высоту цилиндра, у котораго боковая поверхность и объемъ такой же величины, какъ поверхность и объемъ шара.

Запасная. Полная поверхность усѣченнаго конуса содержитъ 96, 712 квадрати. фут., и діаметры его основаній равны 6 и 2 фунтамъ. Сколько футовъ содержитъ высота этого конуса?

в) По алгебрѣ:

Основная. Три трубы вмѣстѣ прудъ наполняется въ 6 часовъ; одна вторая труба требуетъ $\frac{3}{4}$ времени, которое употребляетъ первая, чтобы одной наполнить прудъ, третья же труба для того же дѣйствія требуетъ 10 часами болѣе, нежели вторая. Во сколько часовъ каждая труба отдѣльно можетъ наполнить прудъ?

Запасная. Какую сумму придется получить черезъ 25 лѣтъ, если вносить въ банкъ каждый годъ по 200 рублей на сложные проценты по 5 со ста?

г) По тригонометріи:

Основная. По даннымъ: $\angle A = 60^\circ$, $\angle B = 43^\circ$ и $a + b = 6058$, 4—рѣшить треугольникъ.

Запасная. Съ двухъ пунктовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на 12, 43 саж., измѣрены углы, образуемые линіями, направленными на верхнюю часть недоступнаго предмета, съ горизонтальною линією; углы эти равны $46^\circ 27' 13''$ и $37^\circ 5' 29''$. Определить высоту предмета, если извѣстно, что основаніе его находится на одной горизонтальной линіи съ двумя сказанными пунктами, а высота прибора $5\frac{1}{4}$ фут.

Изъ Дерптскаго округа и Восточной Сибири темы, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости, къ сожалѣнію, не доставлены.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ними; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ при университетѣ лицъ; испытаніе на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; публичныя лекціи; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1876 года число штатныхъ преподавателей было слѣдующее: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ — 7, экстраординарныхъ — 4, доцентовъ — 4, временныхъ преподавателей — 1, лекторовъ — 5; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ — 6, экстраординарныхъ — 4, доцентовъ — 5, астрономовъ-наблюдателей — 2; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ — 2; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ — 9, экстраординарныхъ — 7, доцентовъ — 4, временныхъ преподавателей — 1, прозекторовъ — 3. Вообще состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 27, экстраординарныхъ — 20, доцентовъ — 15, временныхъ преподавателей — 2, лекторовъ — 5, прозекторовъ — 3, астрономовъ-наблюдателей — 2, всего 74. Вакантными были слѣдующія кафедры: на историко-филологическомъ факультетѣ — сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ — по 1-е декабря; на физико-математическомъ — физической географіи, химіи агрономической и химіи технической; на юридическомъ — гражданскаго судоустройства и судопроизводства; на медицинскомъ — сравнительной анатоміи — съ 1-го октября, фармаціи и фарма-

когнозій — съ 1-го апрѣля, и должность прозектора при кафедрѣ описательной анатоміи. Чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрамъ поручено было: сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ нарѣчій — доктору сравнительнаго языкознанія Микуцкому, технической химіи — доценту по кафедрѣ общей химіи Вредену, гражданского судоустройства и судопроизводства — профессору по кафедрѣ полицейскаго права Окольскому, описательной анатоміи — доценту по кафедрѣ оперетивной хирургіи Чаусову и прозектору при кафедрѣ патологической анатоміи Пржевскому, фармаціи и фармакогнозій — бывшему доценту по этой кафедрѣ Бекману, запятія по должности прозектора при кафедрѣ описательной анатоміи — лѣкарю Плечковскому.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 13, изъ коихъ три экстраординарныхъ и одно публичное, физико-математическій — 17, юридическій — 10, медицинскій — 21, независимо отъ засѣданій экзаменаціонныхъ, происходившихъ для производства испытаній на медицинскія степени и званія. Къ усилению учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями, независимо отъ переходныхъ и окончательныхъ экзаменовъ въ концѣ каждаго года и контрольныхъ студентамъ, желающимъ получить стипендію или освободиться отъ платы за лекціи, приняты были слѣдующія мѣры: по *историко-филологическому факультету* — въ практическихъ упражненіяхъ профессоръ со студентами и въ представленіи послѣдними сочиненій на заданныя или одобренныя темы; къ концу года составленіе сочиненій было распространено и на студентовъ первыхъ двухъ курсовъ, особенно по предметамъ русской исторіи и литературы и классическихъ языковъ; практическими упражненіями занималась: профессоръ Макушевъ — со студентами 3-го и 4-го курсовъ славянскаго и историческаго отдѣленій, по два раза въ недѣлю; занятія эти состояли: а) въ характеристикѣ языка и правописанія неизвѣстныхъ или не изслѣдованныхъ старо-польскихъ памятниковъ, а именно: въ опредѣленіи вѣка университетской рукописи, заключающей въ себѣ псалмъ и 7 покаянныхъ псалмовъ, и въ изслѣдованіи языка Краковскихъ и Великопольскихъ ротъ XIV и XV вѣковъ, изданныхъ гг. Губе и Пржиборовскимъ, при чемъ было обращено вниманіе на находящіяся въ помянутыхъ памятникахъ черты польскихъ народныхъ говоровъ, и б) въ чтеніи и объясненіи наиболѣе трудныхъ далматинско-дубровницкихъ поэтовъ XV и XVI вѣковъ, именно: Марулича, Менчетича и Встранича; профессоръ Павинскій — еженедѣльно посвящалъ одну лекцію для студентовъ 3-го и 4-го

курсовъ историческаго отдѣленія на объясненіе подлежащихъ источниковъ при чтеніи имъ исторіи Англіи въ средніе вѣка; такимъ образомъ были объяснены самыя важныя главы изъ лѣтописи Беды (Beda Venerabilis Historia ecclesiastica gentis Anglorum), сравнительно съ свѣдѣніями англо-саксонской хроники; кромѣ того, критически разобраны юридическія памятники англо-саксонскаго періода по изданію Шмида (Die Gesetze der Angelsachsen) и Thorpe (Ancient Laws and Institutes of England); наконецъ, студенты занимались практическимъ разборомъ Magna Charta, объясняя по ней внутренній бытъ Англіи; доцентъ Яковлевъ — занимался со студентами 3-го и 4-го курсовъ славяно-русскаго отдѣла чтеніемъ апокрифическихъ сказаній по изданію Тихонравова, съ критическимъ ихъ разборомъ. По *физико-математическому факультету*, кромѣ обязательныхъ практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, нѣкоторые студенты занимались въ зоотомической лабораторіи, въ свободное отъ лекцій время, изслѣдованіями по специальнымъ заданнымъ темамъ по сравнительной анатоміи и эмбриологіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора Ганина, завѣдывающаго лабораторіей. Въ концѣ обоихъ семестровъ назначаемы были особые часы для репетицій по аналитической и практической механикѣ. По *юридическому факультету* — каждый студентъ, на всѣхъ курсахъ, обязанъ былъ избрать какой-либо предметъ своею спеціальностію и представить по этому предмету письменную работу; кромѣ того, профессоромъ государственнаго права Хлѣбниковымъ, во второмъ полугодіи, еженедѣльно были устраиваемы диспутаторіи и экзаменаторіи, а профессоромъ уголовного судоустройства и судопроизводства Миклешевскимъ, въ первомъ полугодіи, устраивались практическія занятія по уголовному судопроизводству. По *медицинскому факультету* — способами контроля надъ занятіями студентовъ служили личныя наблюденія преподавателей надъ работами студентовъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ и надзоръ за правильнымъ веденіемъ исторій болѣзней, составленіемъ протоколовъ вскрытій и т. под., въ клиникахъ и анатомическомъ театрѣ; съ цѣлю усиленія учебной дѣятельности студентовъ, введено со втораго полугодія въ кругъ предметовъ медицинскаго факультета преподаваніе опытной физики.

Для соисканія наградъ медалями предложены были, на 1875—1876 академической годъ, слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — „Сатиры Кантемира по отношенію къ ихъ источникамъ и современному имъ быту“, „Время и мысль первоначальнаго прикрѣ-

пленія крестьянъ на Руси“, „Объясненіе отрывковъ Филохора и значеніе его для афинскихъ древностей“; отъ физико-математическаго — „Очеркъ теоріи Бесселевыхъ функцій“, „О двойномъ преломленіи“, „О протейныхъ зернахъ и кристаллоидахъ“; отъ юридическаго — „О кодификаціи международнаго права“, „Предметъ вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ народоправства древней Руси“, „О различныхъ формахъ землевладѣнія и ихъ вліяніи на народное хозяйство“, „О кадастрѣ, его историческомъ развитіи и экономическомъ значеніи“; отъ медицинскаго — „Критическое обозрѣніе различныхъ способовъ добыванія морфія относительно ихъ достоинства, способы количественнаго опредѣленія морфія титрированіемъ по методамъ Кйффера и Флѣри (Kieffer et Fleury), и изслѣдованіе вопроса, содержатъ ли различныя части Paraver Rhosas морфій, въ какихъ количествахъ и соединеніяхъ“, „Изслѣдовать распредѣленіе хинина и хинхоцина въ хинныхъ корахъ, а также опредѣлить и химически изслѣдовать паразиты, встрѣчающіеся на этихъ корахъ“, „Прослѣдить, какое именно замедляющее или усиливющее вліяніе оказываютъ нѣкоторые соли и алколоиды на химическіе проценты пищеваренія“, „Найдено, что измѣненія въ количествѣ выдѣляемой мочевины сопровождаются такими же измѣненіями въ выдѣленіи фосфорной кислоты. Требуется провѣрка этихъ фактовъ въ нормальномъ и нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ; кромѣ того, требуется по возможности испытаніе замѣченнаго вліянія нѣкоторыхъ средствъ (хлористыхъ, іодистыхъ, бромистыхъ, углекислыхъ, соединеній нѣкоторыхъ алколоидовъ) на количественное измѣненіе выдѣленія мочевины, даже всего азота въ мочѣ, а затѣмъ и фосфорной кислоты“. За представленные на сіи темы сочиненія награждены: золотыми медалями — студенты историко-филологическаго факультета 4-го курса Осипъ *Гордіевичъ* и 3-го курса Владиміръ *Качановскій* и медицинскаго факультета 5-го курса Романъ *Ковалевскій* и Дмитрій *Терашикевичъ*, серебряными — студенты 3-го курса историко-филологическаго факультета Осипъ *Петрученко*, физико-математическаго — Ярославъ *Заленскій* и юридическаго — 4-го курса Эдмундъ *Кржимусскій*.

Въ 1875 году преподаватели Варшавскаго университета и другіе служащіе въ ономъ лицѣ напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарные профессора: *Мържинскій* — напечаталъ брошюру „Даная и Персей“, въ журналѣ Нива „Обзоръ сочиненій по литовской мнѣологіи“ и въ газетѣ Kurjer codzienny „Замѣтку о названіи и значеніи Жиличе“; *Коссовичъ* —

занимался приготовленіемъ 2-го изданія Греко-русскаго словаря; *Струве*—напечаталъ: третье изданіе „Элементарной логики“, въ Русскомъ Вѣстникѣ „Позитивизмъ и искусство“, въ журналѣ Kłosy „Характеристика философскихъ стремленій I. Кремера и Либельта“ и помѣщалъ статьи критическаго и эстетическаго содержанія въ журналахъ Biblioteka Warszawska и Kłosy; *Левстамъ* — печаталъ разныя статьи историко-литературнаго содержанія въ журналахъ Wiek и Kłosy и въ Берлинскомъ журналѣ Magazin für die Literatur des Auslandes; *Павинскій* — напечаталъ брошюру „Pamiętniki Matuszewicza Kasztelana Brzeskiego“; *Востоковъ* — помѣстилъ въ журналѣ Astronomische Nachrichten статью „Micrometrische Beobachtungen с. 1874 (Coggia)“; *Юркевичъ* — издалъ переводы: американскаго сочиненія профессора Кука (Cooke) „Новая химія“ и англійскаго сочиненія Эдинбургскаго профессора Джикки (Giekie) „Начала геологія“, и помѣстилъ статьи: въ журналѣ Природа и Промышленность — „Земля и человѣкъ. Человѣческіе труды на землѣ“ по сочиненію г. Реклю „La Terre“, и въ журналѣ Bluszez — „Калетанскій туннель“; *Голевинскій*—напечаталъ 2-й—6-й включительно выпуски сочиненія „Объ обязательствахъ“; *Будзинскій*—напечаталъ на польскомъ языкѣ монографію „О повтореніи преступленій“ и помѣстилъ нѣсколько статей въ Варшавскомъ судебномъ журналѣ Gazeta Sądowa; *Кашица* — напечаталъ въ журналѣ Gazeta Sądowa статью „Народныя представленія о правѣ и обычное право“; *Бродовскій* — помѣстилъ въ Сборникѣ работъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета „Нѣсколько наблюденій изъ анатомо-патологической лабораторіи“ и продолжалъ печатать на польскомъ языкѣ „Руководство въ патологической анатоміи“; *Гиришотъ*—помѣстилъ въ Медицинской Газетѣ статью „Объ инородныхъ тѣлахъ въ суставахъ“ и продолжалъ печатать „Руководство къ хирургіи“; *Гойеръ*—напечаталъ въ Hoffman und Schwalbe Jahresbericht über die Fortschritte der Anatomie und Physiologie „Рефераты объ успѣхахъ русской и польской литературы по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи въ 1873—1874 гг.“; *Вислоцкий* — окончилъ переводъ на польскій языкъ сочиненія Каспера о судебной медицинѣ; *Лямбль*—помѣстилъ: въ Варшавскомъ Дневникѣ— „Докладъ Варшавскому генералъ-губернатору о крестѣ въ селѣ Александровѣ, о которомъ распространилась молва, какъ о чудодѣйственномъ“, и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „Cercomonas et Echinococcus in hepate hominis. Наблюденіе изъ терапевтической факультетской клиники“; экстраординарные про-

фессоры: *Колосовъ* — продолжалъ печатаніе въ Филологическихъ Запискахъ сочиненія „Новыя данныя былеваго творчества сѣверной Россіи“; *Никитскій* — занимался приготовленіемъ къ печати двухъ трудовъ: „Исторія внутренней жизни Великаго Новгорода“ и „Очеркъ внутренней исторіи торговли въ Псковѣ“; *Яковлевъ* — напечаталъ изслѣдованіе „Древне-Кіевскія религіозныя сказанія“; *Поповъ* — напечаталъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества: „Объ образованіи новаго третичнаго жирно-ароматическаго алкоголя“ и „Объ окисленіи несимметрическихъ кетонъ“; *Вржесниовскій* — помѣстилъ въ журналѣ Природа и Промышленность статью „Уэльсъ. Подражаніе и другія предохранительныя сходства животныхъ“ и напечаталъ брошюру „О. Шмидтъ. О происхожденіи видовъ и дарвинизмъ“; *Окольскій* — помѣстилъ въ Gazeta Sądowa „О примиреніи“ и „О третейскомъ судѣ“; *Миклешевскій* — помѣстилъ статьи: въ газетѣ Wiek — „Sprawozdanie z posiedzeń komitetu towarzystwa osad rolnych i przytutków rzemieślniczkych“, „Czy potrzebna u nas druga osada poprawcza dla nieletnich przestępców“, „Sprawa sztabskapitana Karłowa, obwinionego o rozmyslnie zabòjstwo“, въ Gazeta Sądowa — Notatki naukowe i literackie Prawodawsto Cesarstwa w ciągu 1-o kwartalu 1874 r.“, „O piśmie obrończem“, „Przegląd bibliograficzny“, „Notatki naukowe i literackie. Czasopisma prawne rossyjskie za 1874 r.“, „Doroczne posiedzenie Towarzystwa osad rolnych“, „Czy na sadadzie postanowień Pr. Austrjackiego żona lub rodzice podsądnego, wyrokiem I Instancyi skazanego za oszustwa na odlanie do rot aresztanckich, mogą zalożyć rekurs do wyższej Instancyi, jeśli sam podsądny nie staje do publikacyi wyroku, w dalszym ciągu którego nastąpiła decyzja na przyaresztowanie, a z powodu ukrywania się skazanego listy gończe?“, „Notatki naukowe i literackie. O zjeździe ruskich prawników w Moskwie“, „Sprawozdanie Ministra Spraw Wewnętrznych o zarządzie gminnym w gubernijach Królestwa Polskiego za 1873 r.“, „Nowella do art. 144 Kodeksu kaz głów. i popr.“, „Notatki naukowe i literackie, o dziełach, postugujących do poznania nowych ustaw sądowych“; въ Судебномъ Вѣстникѣ — „Варшавское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, „Дѣло объ авторскомъ правѣ“; отдѣльными брошюрами — „Studja nad postępowaniem karném obowiązującym“, „Обозрѣвіе польской юридической литературы за 1873 годъ, преимущественно по уголовному праву“, и „О системахъ тюремнаго заключенія“, „Rys organizacyi wladz sądowych podlug ustaw z. d. 20 Listopadu 1864 r. i postanowienie o wprowadzeniu reformy sądowej w Krò-

lestawie Polskiem z. d. 19 Lutego 1875 r.“; *Косинский* — помѣстилъ въ Журналъ общества Варшавскихъ врачей двѣ статьи: „Четыре наблюденія объ хирургической клиникѣ: а) Uroplastica, б) камень мочевого пузыря у пятилѣтней дѣвочки, удаленный помощію раздробленія (Lithotripsia), в) фибромы наружнаго уха, г) вишечный головъ“ и „Туберкулы языка“; *Лучевичъ* — напечаталъ первую часть перевода на польскій языкъ „Исторіи медицины“ Хезера; *Халбшиковъ* — напечаталъ „По вопросу объ отношеніи цивилизаціи къ государству“; *Самковасовъ* — „О раскопкахъ и курганахъ, относящихся къ древнему періоду русской исторіи“; доценты: *Цытаевъ* — напечаталъ: въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Библиографическія замѣтки“ и „Очеркъ исторіи развитія латинскихъ склоненій“, въ *Giornale degli Scavi di Pompei* — „Sopra una iscrizione osca“, въ *Atti del Primo Congresso della Societa Italiana dal Progrosso della Scienze* — рефератъ подъ заглавіемъ „Iscrizioni osche del Museo Campano“; *Дьячанъ* — помѣстилъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „О родинѣ, родныхъ и годѣ рожденія Геродота“; *Трейдосевичъ* — напечаталъ: въ журналъ *Przeglada i przemystt*: „Замѣтки объ изысканіи полезныхъ ископаемыхъ тѣлъ въ Царствѣ Польскомъ“, „Нѣсколько словъ о такъ называемомъ вольтинѣ“ и „Геологія и философія, геологія и исторія“, два отрывка изъ сочиненія Котты „Геологія настоящаго времени“, и въ журналъ *Encyklopedia rolnictwa* — статью „Почва“; *Вреденъ* — напечаталъ въ *Gazeta Lekarska*: отчетъ, представленный въ Русское химическое общество о полученномъ имъ, вмѣстѣ съ лаборантомъ Знатовичемъ, углеводородѣ гексагидротолуолѣ, и отчетъ объ изслѣдованіи, произведенномъ вмѣстѣ съ лаборантомъ Фуксомъ, Цѣкоцинскихъ лѣчебныхъ средствъ; *Племковскій* — напечаталъ въ „Земледѣльской энциклопедіи“ статью „Hygiene ludu wiejkiega, choroby endemiczne i epidemiczne“; *Фудаковскій* напечаталъ: „Vorläufige Mittheilung, betreffend zwei aus dem Milchzucker entstehende Zuckerarten. Bericht der deutschen chemischen Gesellschaft“ и въ *Gazeta Lekarska* — „О салициловой кислотѣ и тигнолѣ“; *Чаусовъ* помѣстилъ въ Военно-медицинскомъ журналѣ статью „Обзоръ успѣховъ по хирургической патологіи и оперативной хирургіи за 1868, 1869, 1870 и 1871 годы“; *Вольфрингъ* — помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью „По поводу развитія глазныхъ болѣзней между войсками“; лекторъ *Лени* — занимался переводомъ сочиненія Манцони „Promessi Sposi“; исправляющій должность астронома-наблюдателя *Ковальчикъ* — напечаталъ въ журналѣ *Astronomische Nachrichten* —

„Meridanbeobachtungen von Planeten und Cometen Coggia“ и въ Берлинскомъ астрономическомъ календарѣ за 1875 годъ—„Elemente und Ephemeriden der Planeten Hesperia und Thisbe für 1876“; лаборанты: *Слюсарскій*—помѣстилъ въ Encyklopedia Rolnictwa статью „Jaje“; *Фуксъ* помѣстилъ статьи: „Изогропическіе кетоны“—въ Журналѣ русскаго химическаго общества, „Селалитическое изслѣдованіе трехпроцентной Цѣхочиной соеменки и Цѣхочинскаго ила“—въ Gazeta Lekarska и „Нѣсколько словъ о мылѣ“—въ журналѣ Przegląd techniczny; *Майцель* напечаталъ въ журналѣ Centralblatt für Medicin. Wissenschaft статью „Ueber eigenthumliche Vorgänge bei der Theilung der Kerne in Epithelialzellen“ и ту же статью на польскомъ языкѣ въ журналѣ Medycyna; ординаторы *Гросшерръ*—помѣстилъ въ Библиотеку медицинскихъ наукъ, издаваемой профессоромъ Гирштовцомъ, переводъ сочиненія Ajazenga da Costa: „Termometria, Termosemiologia, i Termakologia“; *Климакъ*—помѣстилъ пять статей казуистическихъ въ журналѣ Medycyna; хранитель зоологическаго кабинета *Талановскій* напечаталъ въ Proceedings of Zoolog. Soc. of London статью: „Description d' une nouvelle espèce de cerf tacheté de l' Ussuri“, „Catalogue des oiseaux recueillis au Pérou central, par M. Constantin Jelski et description d' espèces nouvelles“ и Description d' une nouvelle espèce du coq de bruyère de Caucase“ и въ Journal für Ornithologie Verzeichniss der Vogel welche durch die Herren Dk. Dybovski und Godlevski an der Ussurimündung gesammelt werden“. Публичные лекціи читали: ординарный профессоръ *Струве*—на тему „Познанія и искусство“, *Александръ*—„О теоріи вѣроятностей“, экстроординарные профессора: *Хлѣбниковъ*—По вопросу объ отношеніи цивилизаціи къ государству“, *Самоквасовъ*—„О раскопкахъ и курганахъ, относящихся къ древнему періоду русской исторіи“; *Поповъ*—„Объ озонѣ“.

Совѣтъ Варшавскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 года 10 засѣданій. Утверждены: въ степени доктора зоологіи—бывшій доцентъ, нынѣ экстроординарный профессоръ университета св. Владимира *Паульсонъ*, въ степени магистра: исправлявшій должность доцента, нынѣ экстроординарный профессоръ Варшавскаго университета *Яковлевъ*—русской словесности, и исправляющій должность старшаго астронома-наблюдателя при астрономической лабораторіи того же университета *Ковальчикъ*—астрономіи. Въ степени кандидата и въ званіи дѣйствительнаго студента утверждено: кандидата—36, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультѣту—

тету—5, по физико-математическому 8, по юридическому—23. По медицинскому факультету удостоено степеней и званій—195, именно: лѣкаря—47, инспектора врачебной управы—1, уѣзднаго врача—3, провизора—74, аптекарскаго помощника—52, дантиста—3, повивальной бабки—15. Сверхъ того, утверждены совѣтомъ въ званіяхъ: архитектора 1-го класса—1, архитектора 2-го класса—1, землемѣра 1-го класса—4, землемѣра 2-го класса—11. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ кандидаты: *Недзвецкій*—по славянскимъ нарѣчіямъ и ихъ литературамъ, *Здзарскій*—по астрономіи, *Кассіановичъ*—по сравнительной анатоміи, *Дунинъ*—по исторіи славянскихъ законодательствъ, *Околовъ*—по греческому языку и словесности, *Андрузскій*—по чистой математикѣ и лѣкарь *Комдратовичъ*—по акушерству, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Всѣ они пользовались стипендіями по 400 руб. сер. въ годъ, 2—на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, а 5—на средства университета. Командированы были съ ученою цѣлю: экстраординарные профессора: *Навруцкій*—для ознакомленія съ заграничными физиологическими лабораторіями, и *Колосовъ*—для изученія русской народной словесности и мѣстныхъ народныхъ говоровъ, и доцентъ *Цытмаевъ*—для изслѣдованій по исторіи латинской грамматики и римской словесности.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе Варшавскаго университета ассигновано было: личный составъ—192.680 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—40.680 руб., на производство работъ по устройству помѣщеній для учебно-вспомогательныхъ учреждений—18.241 руб., на содержаніе фельдшерской школы—1.025 руб., итого 252.626 руб., что, вмѣстѣ съ 10.678 руб. 66 коп., оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ, составляетъ 263.304 руб. 66 коп. Изъ этой суммы израсходовано было въ 1875 году—237.660 руб. 92 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года въ остаткѣ было—25.643 руб. 74 коп. Спеціальныхъ средствъ поступило 13.296 руб. 10 коп., что, вмѣстѣ съ 3.429 руб. 58 коп., оставшимися отъ 1874 года, составило 16.725 руб. 68 коп. Изъ этой суммы израсходовано: на жалованье служащимъ въ университетѣ лицамъ, какъ штатнымъ, такъ и вольнонаемнымъ,—5.706 руб. 45 коп., на учебно-вспомогательныя учреждения—1.365 руб. 96 коп., на стипендіи студентамъ и кандидатамъ—450 руб., на изданіе ученыхъ сочиненій и Университетскихъ Извѣстій—2.338 руб. 66 коп., на вознагражденіе редактору Университетскихъ Извѣстій—300 руб., всего—

16.232 руб. 11 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года остались — 493 руб. 57 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо—483; въ теченіе 1875 года поступило—136, въ томъ числѣ: изъ гимназій—64, изъ духовныхъ семинарій—27, изъ другихъ учебныхъ заведеній—7, изъ бывшихъ студентовъ Варшавскаго и изъ другихъ университетовъ—38; въ томъ же году выбыло—166, въ томъ числѣ: до окончанія курса—45, по окончаніи курса—121; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставались на лицо—453, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—30 (въ 1-мъ и 2-мъ курсахъ: не раздѣленныхъ на разряды—11, въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ, по отдѣленію классической филологіи—11, славянской филологіи—5, историческому—3), въ физико-математическомъ—46 (по отдѣленію математическихъ наукъ—31, по отдѣленію естественныхъ наукъ—15), въ юридическомъ—156, въ медицинскомъ—453. Постороннихъ слушателей вмѣстѣ съ фармацевтами состояли: къ 1-му января 1875 года—197, въ 1-му января 1876 года—175. Изъ числа состоявшихъ во 2-мъ полугодіи 18⁷⁴/₇₅ учебнаго года—519-ти и въ 1-мъ полугодіи 478-ми студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи—51, во второмъ—63, что составляетъ 10⁰/₁₀₀ общаго числа въ каждомъ полугодіи. Стипендій назначено было: во 2-мъ полугодіи 18⁷⁴/₇₅ учебнаго года—109, въ 1-мъ полугодіи 18⁷⁵/₇₆ года—106, размѣромъ отъ 50 до 360 руб., всего на сумму 23.896 руб. 7 коп. Въ счетъ этой послѣдней суммы употреблено было: 9.948 руб. 33 коп.—изъ средствъ государственнаго казначейства, 5.000 руб.—изъ специальныхъ средствъ университета и 8.952 руб. 74 коп.—изъ пожертвованныхъ капиталовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Варшавскаго университета находились къ 1-му января 1876 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ—227.174 сочиненіе въ 290.519 томахъ, періодическихъ изданій—5.549 названій въ 12.827 томахъ, рукописей—1.259 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей и проч.—5.572 нумеровъ, всего въ библіотекѣ на сумму 173.397 руб. 76 коп. Профессорами и преподавателями университета было затребовано 1.869 названій въ количествѣ 3.108 томовъ; постороннимъ посѣтителемъ, число которыхъ доходило ежедневно до 5-и—7-и человекъ, было выдано для занятій въ залахъ библіотеки 235 названій въ количествѣ 546 томовъ.

Въ студентской читальнѣ состояло: книгъ русскихъ и иностранныхъ—4.455 номеровъ въ 7.752 экземплярахъ, атласовъ—39 номеровъ въ 46 экземплярахъ, періодическихъ изданій—7 номеровъ въ 20 экземплярахъ, всего стоимостью въ 5.053 руб. 30 коп. Изъ читальни выдано было 420 студентамъ 3.783 сочиненія въ количествѣ 4.797 томовъ, изъ коихъ 299 сочиненій въ 449 томахъ были доставлены изъ фундаментальной библіотеки; для занятій на дому находилось постоянно до 900 сочиненій въ 1.000 томахъ. Сверхъ того, для таковыхъ занятій пользовались читальнею нѣкоторые профессора и стипендіаты университета, которымъ выдано 400 сочиненій въ 527 томахъ. Ежедневныхъ посѣтителей студентской читальни было отъ 30 до 40 человекъ; въ вечерніе же часы, по два раза въ недѣлю, занимались въ читальнѣ отъ 3 до 8 человекъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ состояло—10.419 предметовъ на сумму 4.277 руб. Въ музей древностей числилось: моделей—3 экземпляра, мумій—2 экземпляра, бюстовъ—18 экземпляровъ на сумму 38 руб. 70 коп., разнаго рода предметовъ—183 номера въ 1.890 экземплярахъ на 1.399 руб. 33 коп., мебели—24 номера въ 43 экземплярахъ на 344 руб. 75 коп. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: физическихъ инструментовъ и приборовъ—593 номера въ 751 экземплярѣ на 20.247 руб. 72 коп., мебели и посуды — 43 номера въ 83 экземплярахъ на 1.290 руб. 4¹/₂ коп., книгъ, картъ и проч. — 13 сочиненій на 124 руб. 10 коп., въ механической мастерской — 34 номера въ 67 экземплярахъ на 349 руб. 97 коп. Въ химической лабораторіи: аппаратовъ, снарядовъ и приборовъ — 274 номера въ 793 экземплярахъ на сумму 4.423 руб. 95 коп., химическихъ матеріаловъ, препаратовъ и реактивовъ — 294 номера на 548 руб. 17¹/₂ коп., посуды и мебели — 116 номеровъ въ 1.200 экземплярахъ на 2.351 руб. 46¹/₂ коп., книгъ и таблицъ—13 номеровъ въ 17 экземплярахъ на 277 р. 32 к. Дѣятельность химической лабораторіи заключалась въ практическихъ занятіяхъ студентовъ и вольнослушателей по качественному и количественному анализу, а также и въ приготовленіи ими препаратовъ для коллекцій, въ производствѣ судебно-химическихъ изслѣдованій и анализовъ, постушавшихъ отъ судебныхъ и административныхъ учреждений и частныхъ лицъ, наконецъ—въ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Занимавшихся въ лабораторіи въ продолженіе года было: студентовъ естественнаго разряда — 18, студентовъ медицинскаго факультета—4, студентовъ юридическаго факультета—1, вольнослушателей фармацевтовъ — 27, постороннихъ лицъ—4. Судебно-

химическихъ изслѣдованій произведено было — 5. Научныя изслѣдованія производились слѣдующія: а) студентъ 4-го курса естественнаго разряда *Павлевскій*, въ сообществѣ съ профессоромъ Поповымъ, занимался полученіемъ простѣйшаго представителя новаго ряда жирно-ароматическихъ третичныхъ алкоголей; б) окончившій курсъ въ Цюрихскомъ политехническомъ кабинетѣ *Вейльбертъ*—занимался образованіемъ новыхъ двойныхъ ціанистыхъ солей; в) бывший ассисентъ химической лабораторіи Кенигсбергскаго университета *Летнертъ*—продолжалъ свои изслѣдованія надъ персульфороціанистыми соединеніями, результаты которыхъ частію напечатаны въ *Berichte der Deutsch. chem. Gesellschaft zu Berlin*; г) выдержавшій экзаменъ на степень провизора *Форбротъ* — занимался изученіемъ новаго способа образованія кетоновъ; д) лаборантъ *Фуксъ*, въ сообществѣ съ профессоромъ Поповымъ, производилъ изслѣдованіе надъ окисленіемъ несимметрическихъ кетоновъ; е) доцентъ Новоалександрійскаго сельскохозяйственнаго института *Лей*—продолжалъ, въ ваканціонное время, изслѣдованіе надъ окисленіемъ оксигирныхъ кислотъ; ж) профессоръ *Поповъ*—производилъ изслѣдованіе надъ новыми способами образованія жирно-ароматическихъ алкоголей и оксикислотъ. Въ особомъ отдѣленіи для работъ по части фізіологической и патологической химіи состояло: инструментовъ, аппаратовъ и приборовъ—101 номеръ въ 169 экземплярахъ на 823 р. 18 коп., разнаго рода посуды и мебели—48 номеровъ въ 697 экземплярахъ на 866 р. 83¹/₂ к., книгъ, атласовъ и проч.—7 номеровъ въ 10 экземплярахъ на 23 р. Въ 1-мъ полугодіи 1875 года 54, а во 2-мъ полугодіи 16 студентовъ 2-го курса медицинскаго факультета упражнялись, по 6 часовъ въ недѣлю, въ аналитической химіи; во 2-мъ полугодіи 54 студента 3-го курса того же факультета упражнялись въ анализѣ мочи. Одинъ студентъ, окончившій курсъ въ 18⁷³/₇₄ академическомъ году, принялся за обработку одной изъ темъ по химіи, предложенныхъ медицинскимъ факультетомъ въ 18⁷⁵/₇₆ учебномъ году на медаль. Произведено одно судебно-химическое изслѣдованіе по дѣлу отравленія Рыжловскаго и его жены въ Гройцѣ, и найденъ ядъ. Доцентомъ *Фудаковскимъ* производились изслѣдованія сахаровъ, производныхъ молочнаго сахара, и изслѣдованіе касательно фізіологическаго дѣйствія сацилловой кислоты и тимола. Въ кабинетъ и лабораторіи для преподаванія технической химіи числилось: аппаратовъ, снарядовъ и приборовъ—232 пумера въ 434 экземплярахъ на 1.107 р. 46 к., разнаго рода мебели—19 номеровъ въ 29 экземплярахъ на 455 р. 50 к., книгъ, атла-

совъ, картъ—39 номеровъ въ 46 экземплярахъ на 214 р. 86 к., химическихъ препаратовъ, посуды и реактивовъ—на сумму 143 р. 15¹/₂ коп. Въ теченіе года студентамъ были показаны приемы количественнаго анализа каменныхъ углей и другихъ веществъ, важныхъ въ промышленности. Доцентъ Вреденъ, вмѣстѣ съ лаборантомъ Златовичемъ, получили окончательный продуктъ гидрогенизаціи нафталина—декагидронафталинъ. Въ минералогическомъ, геогностическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей состояло: минераловъ и дублетовъ—6.087 номеровъ на сумму 8.188 р. 74 к., горныхъ породъ—10.178 номеровъ на 1.806 р. 87 к., окаменѣlostей—3.353 номера на 1.754 р. 9 к., кристаллографическихъ моделей—456 номеровъ на 466 р., разныхъ приборовъ, книгъ, картъ и мебели—278 номеровъ на 1.952 р. 75 к. Студентамъ 3-го курса многія лекціи читались въ самомъ кабинетѣ, въ которомъ тѣ же студенты приготавливались и къ экзамену; для другихъ же лекцій необходимы предметы приносились въ аудиторію. Въ ботаническомъ кабинетѣ находилось: мебели—16 номеровъ въ 33 экземплярахъ на сумму 716 р. 10 к., ящиковъ для храненія различныхъ коллекцій—4 номера въ 63 экземплярахъ на 194 р. 30 к., инструментовъ, приборовъ и посуды—35 номеровъ въ 378 экземплярахъ на 790 р. 94 к., микроскопическихъ ботаническихъ препаратовъ—3 номера въ 2.484 экземплярахъ на 2.825 р., специальныхъ коллекцій сушеныхъ растений—9 номеровъ на 890 р. 33 к., коллекція болѣе рѣдкихъ соцветій—8 номеровъ въ 12 экземплярахъ на 26 р. 25 к., карплогическая коллекція—92 номера въ 277 экземплярахъ на 102 р. 98 к., коллекція различныхъ издѣлій изъ плодовъ и проч.—25 номеровъ въ 30 экземплярахъ на 42 р. 15 коп., дендрологическая коллекція—21 номеръ въ 313 экземплярахъ на 341 руб., коллекція восковыхъ моделей—3 номера въ 1.268 экземплярахъ на 275 р. 50 к., коллекція деревянныхъ моделей—7 номеровъ въ 19 экземплярахъ на 17 руб., стѣнныхъ таблицъ ботаническихъ рисунковъ—4 номера въ 121 экземплярѣ на 142 р., ботаническихъ подручныхъ сочиненій—14 номеровъ въ 37 экземплярахъ на 196 р. 91 коп. Въ ботаническомъ кабинетѣ студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, а равно и вольнослушатели, по два часа въ недѣлю, подъ руководствомъ завѣдывающаго кабинетомъ, занимались морфологическими изслѣдованіями растений и изученіемъ формъ растений по сушенымъ образцамъ оныхъ и рисункамъ. Въ ботанической лабораторіи состояло: препаратовъ, инструментовъ, книгъ, мебели и проч.—125 номеровъ въ 750 экземплярахъ на 2.477 р. 83¹/₂ к. Въ теченіе

всего года студенты какъ 2-го, такъ и 3-го курсовъ естественнаго разряда занимались въ лабораторіи, подъ руководствомъ профессора Фишера - фонъ - Вальдгейма, изслѣдованіями растительной кѣлочки вообще и различныхъ органовъ явновѣтнхъ и тайновѣтнхъ растений. Кромѣ того, они имѣли случай ознакомиться съ различными физиологическими опытами, производившимися въ лабораторіи, которые служили поясненіемъ для преподаваемаго курса физиологіи, или же отпосились къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ завѣдывающаго лабораторіею. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для анатомическаго препарирования и набиванія чучель находилось: млекопитающихъ—1.029 номеровъ въ 1.100 экземплярахъ на сумму 17.051 руб. 45 к., птицъ—4.247 номеровъ въ 7.810 экземплярахъ на 26.094 руб. 95 к., птичьихъ яицъ — 224 номера въ 4.886 экземплярахъ на 1.015 р. 25 к., птичьихъ гнѣздъ—80 номеровъ въ 198 экземплярахъ на 123 р. 50 к., гадовъ и земноводныхъ — 528 номеровъ въ 1.176 экземплярахъ на 2.788 р. 45 к., яицъ гадовъ—1 номеръ въ 18 экземплярахъ на 5 р. 50 к., рыбъ—730 номеровъ въ 1.771 экземплярѣ на 2.013 р. 55 к., мягкотѣлхъ — 1.163 номера въ 13.600 экземплярахъ на 3.726 р. 69 к., насѣкомыхъ—25 номеровъ въ 54.426 экземплярахъ на 5.287 р. 78 к., пауковъ—49 номеровъ въ 12.779 экземплярахъ на 703 р. 25 к., многоножекъ—8 номеровъ въ 1.283 экземплярахъ на 180 р. 87 к., ракообразныхъ—173 номера въ 3.044 экземплярахъ на 743 р. 45 к., червей—42 номера въ 281 экземплярѣ на 62 р. 95 к., иглокожихъ и безкишечныхъ—88 номеровъ въ 794 экземплярахъ на 733 р. 97 к., книгъ — 129 сочиненій въ 690 томахъ на 1.585 р. 87¹/₂ к., мебели, посуды и инструментовъ—76 номеровъ въ 363 экземплярахъ на 4.941 р. 74 к. По примѣру прежнихъ лѣтъ, кабинетомъ и лабораторіей пользовались студенты для объясненій читаемаго курса, а также для самостоятельныхъ работъ; въ послѣднемъ отношеніи особенно отличался студентъ *Якубовскій*, усердно занимавшійся изслѣдованіемъ колончатокъ, а также *Дикштейнъ*, занимавшійся анатоміей копецодъ. Въ зоологической лабораторіи набито было шкурокъ млекопитающихъ—24 и птицъ—500. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей состояло: остеологическихъ препаратовъ — 621 номеръ въ 867 экземплярахъ на 6.153 р. 64 коп., палеонтологическихъ экземпляровъ — 48 номеровъ на 329 руб. 19 коп., спиртовыхъ препаратовъ — 258 номеровъ въ 287 экземплярахъ на 563 руб. 70 коп., сушеныхъ спланхнологическихъ и другихъ предметовъ—44 номера въ 91 экземплярѣ на 1.693 руб.

8 коп., микроскопическихъ препаратовъ—86 номеровъ въ 471 экземплярѣ на 163 руб. 59¹/₂ коп., моделей изъ папки, воска и стекла—76 номеровъ въ 238 экземплярахъ на 1.930 руб. 38 коп., гипсовыхъ слѣпковъ—20 номеровъ въ 34 экземплярахъ на сумму 306 руб. 35 коп., уродовъ въ спирту—45 номеровъ въ 47 экземплярахъ на 509 руб. 50 коп., инструментовъ—80 номеровъ въ 164 экземплярахъ на 1.345 руб. 31 коп., книгъ—118 сочиненій въ 153 томахъ на 549 руб. 8 коп., мебели и посуды—47 номеровъ въ 756 экземплярахъ на 1.227 руб. 13 коп.—Въ физиологическомъ кабинетѣ и лабораторіи состояло инструментовъ, аппаратовъ и проч. — 343 номера въ 481 экземплярѣ на 7.517 руб. 16¹/₂ коп. Исслѣдованія, производимыя въ лабораторіи, помѣщаются въ специальномъ изданіи „Работы, произведенныя въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета“: въ 1874—1875 академическомъ году вышелъ 2-й выпускъ этого изданія. Въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей находилось инструментовъ, аппаратовъ, препаратовъ и мебели — 260 номеровъ въ 581 экземплярѣ на 7.517 руб. 16¹/₂ коп. Въ теченіе года гистологическими упражненіями въ лабораторіи занимались 36 студентовъ; кромѣ того, 4 врача и 5 студентовъ производили самостоятельныя научныя наблюденія; результатомъ этихъ послѣднихъ занятій были: докторская диссертация *Кондратовича* и сочиненія на золотую медаль студентовъ *Ковалевскаго* и *Тарашкевича*; затѣмъ двѣ работы и докторская диссертация приготовлены къ печати. Въ кабинетѣ и лабораторіи патологической анатоміи состояло: инструментовъ снарядовъ, приборовъ и мебели — 103 номера въ 233 экземплярахъ на 2.792 руб. 91¹/₂ коп., препаратовъ — 767 номеровъ въ 1.055 экземплярахъ на 6.648 руб. 1 коп., Въ лабораторіи патологической анатоміи въ теченіе года занимались микроскопическими изслѣдованіями 3 студента 5-го курса медицинскаго факультета. Результатъ изслѣдованій студента *Эльзенберга* „Объ участіи постоянныхъ кѣтокъ соединительной ткани при воспалительныхъ процессахъ“ напечатанъ въ сборникѣ „Работы, произведенныя въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета“, редактируемомъ профессоромъ Навроцкимъ. Профессоръ Бродовскій занимался изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ новообразованій и разработкой вопроса о творожистомъ воспаленіи легкихъ и такъ называемой туберкулозѣ; прозекторъ Пржевоскій занимался изслѣдованіемъ гранулеціонной ткани и приготовленіемъ препаратовъ для кабинета патологической анатоміи. Анатомио-патологическихъ вскрытій въ теченіе 1875 сдѣлано 385. Въ кабинетѣ и ла-

бораторіи фیزیологической анатоміи состояло: анатомическихъ препаратовъ — 515 номеровъ въ 735 экземплярахъ на сумму 2.307 руб. 2 коп., инструментовъ, снарядовъ и приборовъ — 110 номеровъ въ 360 экземплярахъ на 1.034 руб. 76¹/₂ коп., книгъ, атласовъ, картъ и проч. — 48 номеровъ въ 60 экземплярахъ на 397 руб. 5 коп., разнаго рода посуды и мебели—142 номера въ 310 экземплярахъ на 1.509 руб. 34¹/₂ коп. Въ кабинетѣ занимались нѣкоторые студенты 4-го и 5-го курсовъ. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней числилось: аппаратовъ, инструментовъ и снарядовъ — 140 номеровъ въ 236 экземплярахъ на сумму 1.008 руб. 90 коп., книгъ, атласовъ и т. п.—7 номеровъ на 66 руб. 7¹/₂ коп., разнаго рода посуды и мебели—13 номеровъ въ 20 экземплярахъ на 156 руб. 80 коп. Въ хирургическомъ кабинетѣ—инструментовъ, аппаратовъ, снарядовъ и мебели—474 номера въ 1.348 экземплярахъ на 3.618 руб. 13 коп. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: инструментовъ, аппаратовъ и снарядовъ—64 номера въ 131 экземплярѣ на 1.052 руб. 69 коп., разнаго рода посуды и мебели — 16 номеровъ въ 33 экземплярахъ на 179 руб. 50 коп. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи: инструментовъ, снарядовъ и приборовъ—174 номера въ 304 экземплярахъ на 522 руб. 63 коп., скелетовъ—1 номеръ, стоимостью 10 руб., клеенчатыхъ кафтаномъ — 2 номера на 10 руб. 19 коп., разнаго рода посуды и мебели—18 номеровъ въ 60 экземплярахъ на 156 руб. 37 коп. Въ кабинетѣ занимались нѣкоторые врачи и студенты высшихъ курсовъ. По спеціальному вопросу занимался врачъ *Плячковскій* для докторской степени. Въ фармацевтической лабораторіи съ кабинетомъ находилось: аппаратовъ, инструментовъ и приборовъ—87 номеровъ въ 191 экземплярѣ на 2.218 руб. 98 коп., препаратовъ — 1.301 номеръ на 369 руб. 29 коп., разнаго рода посуды и мебели — 180 номеровъ въ 2.918 экземплярахъ на 2.002 руб. 24 коп., книгъ, атласовъ, картъ и проч. — 18 номеровъ въ 29 экземплярахъ на 168 руб. 68 коп. Въ лабораторіи, подъ руководствомъ завѣдывающаго оною, нѣкоторые студенты медицинскаго факультета и фармацевты занимались химическимъ анализомъ животныхъ и растительныхъ веществъ, а также количественнымъ и качественнымъ анализомъ фармацевтико-химическихъ препаратовъ. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: инструментовъ, снарядовъ и приборовъ—85 номеровъ въ 127 экземплярахъ на сумму 1.109 руб. 2 коп., разнаго рода посуды и мебели—23 номера въ 41 экземплярѣ на 294 руб. 60 коп., книгъ, атласовъ и рисунковъ — 4 номера въ 12 экземплярахъ на 17 руб.

40 коп. Въ геодезическомъ кабинетѣ: инструментовъ и снарядовъ—30 въ 58 экземплярахъ на 5.284 руб. 19 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ предметовъ—3 номера на 89 руб. 50 коп. Въ астрономической и метеорологической обсерваторіи: инструментовъ и снарядовъ—119 номеровъ въ 123 экземплярахъ на 24.251 руб., книгъ, атласовъ и моделей—1.867 номеровъ въ 3.074 экземплярахъ на 8.222 руб. 65 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ предметовъ—202 номера въ 210 экземплярахъ на 1.812 руб. 35 коп. Въ теченіе 1875 года въ обсерваторіи производились слѣдующія работы: кромѣ обыкновеннаго опредѣленія времени, старшимъ астрономомъ-наблюдателемъ производились наблюденія надъ малыми кометами до 9-й величины съ помощію меридіаннаго круга, равно какъ приготовительныя работы къ наблюденіямъ знака экваторіальныхъ звѣздъ, которыя должны были начаться въ 1876 году. Профессоромъ Востоковымъ лѣтомъ и осенью производились наблюденія для изслѣдованія полученныхъ обсерваторіей часовъ Гачью, какъ относительно вліянія на ходъ ихъ температуры, такъ и измѣренія давленія воздуха. Такъ какъ при опредѣленіяхъ времени, которыя профессоромъ Востоковымъ производились большимъ пассажнымъ инструментомъ, оказалось, что положенія нѣкоторыхъ изъ фундаментальныхъ звѣздъ, данныя въ нѣкоторыхъ каталогахъ, значительно уклоняются отъ наблюдаемыхъ, то вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ часовъ онъ занялся и изслѣдованіями надъ такими звѣздами. Младшимъ астрономомъ-наблюдателемъ, кромѣ производства вычисленій текущихъ метеорологическихъ наблюденій, производились три вычисления метеорологическихъ наблюденій за прежніе годы, такъ какъ въ нихъ оказались ошибки. Кромѣ того, лѣтомъ и осенью на обсерваторіи производились наблюденія для опредѣленія разности долготъ между Вѣною, Варшавой и Пулковомъ. Наблюденія эти съ русской стороны производились капитаномъ геодезическаго отдѣленія Савицкимъ и полковникомъ Цингеромъ, а съ австрійской—д-ромъ Антономъ; при этихъ работахъ помогалъ старшій астрономъ-наблюдатель Варшавской обсерваторіи. Вмѣстѣ съ наблюденіями для опредѣленія равности долготы гг. Цингеромъ и Савицкимъ были произведены также опредѣленія широты столба, стоящаго къ западу отъ обсерваторіи. По проведеніи полученной широты къ параллели обсерваторіи, изъ обстоятельнаго сообщенія, сдѣланнаго профессору полковникомъ Цингеромъ, широта обсерваторіи оказывается равною $52^{\circ} 13' 4." 6$ на цѣлую секунду меньшею, чѣмъ она была получена изъ прежнихъ на-

блюденій. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: масляныхъ и другихъ картинъ — 129 номеровъ на 22.404 руб. 50 коп., гипсовыхъ оттисковъ и другихъ скульптурныхъ предметовъ — 699 номеровъ на 5.012 руб. 32 коп., фотографій—4 номера на 35 руб., книгъ—3 сочиненія на 79 руб. 65 коп., мебели—181 номеръ на 707 руб. 49 коп. Картинная галлерей открыта для публики два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, съ 11 до 2 часовъ пополудни. Посѣтителей галлерей въ 1875 году было 3.500 человекъ. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ и тепличныхъ растений — 2.792 номера въ 11.309 экземплярахъ на сумму 25.065 руб. 98 коп., воздушныхъ растений въ общемъ ботаническомъ питомникѣ — 5.060 номеровъ на 2.510 руб., воздушныхъ растений въ специальномъ аптекарскомъ питомникѣ—255 номеровъ на 127 руб. 50 коп., сѣмянъ — 2.640 номеровъ на 264 руб., разнаго рода орудій, приборовъ, посуды, мебели и проч. — 174 номера въ 3.244 экземплярахъ на 3.198 руб. 7 коп., лошадей—2 на 182 руб. 50 коп. Главныя дѣйствія ботаническаго сада заключались въ содержаніи въ хорошемъ состояніи живыхъ растений, входящихъ въ составъ общей ботанической коллекціи, и въ пополненіи оной. Притомъ производилась повѣрка опредѣленій выведенныхъ растений изъ сѣмянъ, полученныхъ изъ другихъ ботаническихъ садовъ, и продолжались, по примѣру прежнихъ лѣтъ, наблюденія относительно времени цвѣтенія въ 1875 году избранныхъ для сего видовъ растений. Результаты этихъ наблюденій помѣщены въ *Jahrbücher der k.k. Central-Anstalt für Meteorologie und Erdmagnetismus v. Jelinek und Frietsch*. Наконецъ, собираемы были сѣмена какъ грунтовыхъ, такъ и оранжерейныхъ растений, и изданъ каталогъ онымъ. Для обмѣна сѣмянъ Варшавскій ботаническій садъ входилъ въ сношенія со всѣми ботаническими садами Имперіи и главнѣйшими заграничными. Изъ ботаническаго сада доставляемы были живыя растения, или части оныхъ, для научныхъ потребностей при преподаваніи ботаники въ университетѣ. Студенты разряда естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, а равно студенты медицинскаго факультета и фармацевты, занимались въ немъ практически изученіемъ растений. Для учениковъ мѣстнаго реальнаго училища отпускаемы были образцы растений для научныхъ цѣлей. Для публики ботаническій садъ также былъ доступенъ. Въ помологическомъ саду было: плодовыхъ деревьевъ, подвергнутыхъ акклиматизаціи — 851 номеръ на 3.904 руб. 41 коп.; плодовыхъ кустарниковъ, подвергнутыхъ акклиматизаціи—201 номеръ въ 284 экземплярахъ.

рахъ на 284 руб., ягодныхъ растений—85 номеровъ въ 3.160 экземплярахъ на 316 руб., плодовыхъ деревь въ питомникѣ—700 номеровъ въ 20.988 экземплярахъ на 4.197 руб. 60 коп., дичковъ плодовыхъ деревьевъ — 4 номера въ 12.900 экземплярахъ на 146 руб., дикихъ деревьевъ и кустарниковъ въ питомникѣ — 17 номеровъ въ 10.601 экземплярѣ на 827 руб. 10 коп., разнаго рода орудій, приборовъ, посуды, мебели и проч.—93 номера въ 444 экземплярахъ на 1.620 руб. 26 коп., лошадей — 2 на 205 руб. Въ помологическомъ саду производились наблюденія надъ заграничными плодовыми деревьями и кустарниками, подвергнутыми акклиматизаціи; продолжалось формированіе молодыхъ плодовыхъ деревьвъ и кустарниковъ вообще по новѣйшимъ французскимъ методамъ; выводились изъ сѣмянъ дички плодовыхъ деревьвъ, прививались къ онимъ благородные сорты и воспитывались въ онихъ. Сверхъ того, разводились иѣкоторые болѣе полезныя дикія деревья и кустарники, а равногодныя травянистыя растенія. Въ помологическомъ саду, сверхъ мѣстныхъ учениковъ, упражняющихся практически во всѣхъ приемахъ плодоваго садоводства и огородничества, упражнялись въ садоводствѣ, подъ руководствомъ старшаго садовника, и ученики мѣстной педагогической семинаріи, состоящей при 4-й гимназіи. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа) при 50 кроватяхъ, больныхъ въ 1875 году поступило—170; изъ нихъ выздоровѣло—144, умерло—26. Приходящихъ больныхъ было—1.878. Принадлежащихъ университету разныхъ предметовъ въ клиникѣ было—585 стоимостію въ 2.466 руб. 4½ коп. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса) при 54 кроватяхъ, разныхъ предметовъ имѣлось—141 на 1.753 руб. 58 коп. Больныхъ оставалось отъ 1874 года—36; въ 1875 году поступило—375; изъ нихъ выздоровѣло—323, умерло—43; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—45; приходившихъ за совѣтами было—26. Въ этой клиникѣ въ теченіе года студенты 5-го курса медицинскаго факультета приняли среднимъ числомъ каждый по 4 больныхъ. Изъ случаевъ въ клиникѣ, бывшихъ предметомъ подробнаго разбора, особеннаго вниманія заслуживаютъ: а) *Leuxaemia lymphocolienalis*, б) *Aneurysma astrae ascendentis* съ громадною опухолью, пробившею правую половину верхней и передней части грудной кѣтки, и в) амилоидное измѣненіе печени, селезенки и почекъ, съ развитіемъ въ ткани печени сифиломы, безъ того однако, чтобы въ этиологіи этого случая можно было указать на зараженіе когда-либо сифилисомъ. Кромѣ того, произведено нѣсколько

ислѣдованій относительно вліянія холодныхъ ваннъ на теченіе брюшнаго тифа, сдѣланы наблюденія надъ вліяніемъ *Tinct. Eucalypti globuli* на температуру здоровыхъ и больныхъ людей, дѣлались наблюденія о вліяніи яборанда на обмѣнъ веществъ въ организмѣ и производятся ислѣдованія о колебаніяхъ въ выдѣленіи мочевины и мочевой кислоты у эмфизематиковъ подъ вліяніемъ выдыханія въ разрѣженный воздухъ аппарата Штерка или же дыханія кислородомъ. Ислѣдованія эти производились частію самимъ профессоромъ, частію же ординаторомъ и студентами. Въ хирургической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа), при 50 кроватяхъ, къ 1875 году оставалось больныхъ—45; въ теченіе того года поступило—483; изъ нихъ выздоровѣло и вышло—451, умерло—33, затѣмъ къ 1876 году оставалось—44; приходившихъ больныхъ было—4.121. Операций произведено—222, въ томъ числѣ большихъ—115, меньшихъ—107, изъ коихъ у мужчинъ: большихъ—78, меньшихъ—62; у женщинъ: большихъ—27, меньшихъ—45. Въ клиникѣ производились опыты: леченія зоба (*Struma*) посредствомъ впрыскиванія іодовой настойки въ нареченію этихъ железъ, лѣченія ангиоматозныхъ новообразованій посредствомъ впрыскиванія раствора хлористаго желѣза, дѣланы эксперименты надъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ средствъ, именно яборанда, какъ средства потогоннаго и слюногоннаго, при лѣченіи острыхъ и хроническихъ формъ мышечнаго и суставнаго ревматизма, при рожѣ и злокачественномъ прыщѣ, а салициловой кислоты какъ противувоспалительнаго и антисептическаго средства. Дѣланы опыты съ аппаратомъ д-ра Вольскаго, замѣняющимъ сложный приборъ Эсмарка для безкровныхъ операций. Кромѣ того, постоянно дѣланы термометрическія наблюденія, микроскопическія и химическія ислѣдованія. Въ хирургической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Іисуса), при 55 кроватяхъ: аппаратовъ, инструментовъ и снарядовъ—141 номеръ въ 331 экземплярѣ на сумму 1.653 р. 96 к., разнаго рода посуды и мебели—16 номеровъ въ 24 экземплярахъ на 402 руб. 50 к. Больныхъ къ 1875 году оставалось—35, въ томъ году поступило—316, изъ нихъ выздоровѣло и ушло 282, умерло—20, къ 1876 году осталось—49; приходившихъ больныхъ было—819. Операций произведено: большихъ—111, меньшихъ—400, въ томъ числѣ и большими, приходившимъ въ клинику за совѣтомъ. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано—20. Въ клиникѣ этой каждый изъ студентовъ 5-го курса, подъ руководствомъ профессора, имѣлъ въ своемъ пользованіи отъ 3-хъ до 5-ти больныхъ. Кромѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ

обыкновенныхъ клиническихъ занятій, были произведены наблюденія надъ дѣйствиемъ лекарственныхъ веществъ, вводимыхъ въ организмъ или въ большыя тѣни такъ называемымъ паренхиматознымъ впрыскиваніемъ. Наблюденія эти были дѣлаемы надъ іодовою настойкой, растворомъ карболовой кислоты и растворомъ мышьяка. Въ клиникѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней (въ больницѣ Младенца Иисуса), имѣющей 12 кроватей, больныхъ къ 1875 году оставалось—14, въ теченіе года прибыло—287, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—261, умерло 25, осталось къ 1876 году—15. Акушерскихъ операцій произведено—120; изъ оперированныхъ матерей умерло—17; процентъ смертности вообще—8,3.—Въ клиникѣ сифилитическихъ и назожныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Лазаря), имѣющей 60 кроватей, числилось: инструментовъ—68 номеровъ въ 208 экземплярахъ, снарядовъ—174 номера въ 391 экземплярѣ, посуды и другихъ предметовъ—71 номеръ въ 274 экземплярахъ, мебели—30 номеровъ въ 112 экземплярахъ, книгъ—2 сочиненія, всего въ клиникѣ на сумму 1.841 руб. 84 коп. Больныхъ поступило въ клинику въ 1875 году—300, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—265, умерло—35, приходившихъ за совѣтомъ было—210. Операцій произведено—32, изъ коихъ одна ринопластика съ весьма удачнымъ исходомъ. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано—12. Въ клиникѣ сифилитическихъ и назожныхъ болѣзней каждый изъ студентовъ въ теченіе года изслѣдовалъ отъ 3-хъ до 4-хъ больныхъ, въ присутствіи завѣдывающаго клиникой, и подалъ исторію болѣзни одного изъ этихъ больныхъ. Кромѣ того, студенты упражнялись въ изслѣдованіи больныхъ ларингоскопомъ, а также дѣлали гистологическія и химическія изслѣдованія. Завѣдывающимъ клиникою сдѣланы были два полные химическія анализа сифилитической крови. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Іоанна Божіяго), при 65 кроватяхъ, числилось: аппаратовъ, инструментовъ и снарядовъ—119 номеровъ въ 211 экземплярахъ на сумму 646 руб. 85 коп., препаратовъ и реактивовъ—14 номеровъ въ 15 экземплярахъ, на 13 руб. 96 коп., всякаго рода посуды и мебели—38 номеровъ въ 69 экземплярахъ на 245 р. 38 к. Къ 1-му января 1875 года больныхъ состояло—45, въ теченіе года поступило—53, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—37, умерло—22, къ 1876 году осталось—39. Во время клиническихъ лекцій употреблялись различныя инструменты и снаряды съ цѣлю пользованія или испытанія больныхъ притворяющихся, именно конскриптовъ и подсудимыхъ. Въ госпитальномъ судебномъ - медицинскомъ отдѣленіи при

практическихъ занятіяхъ вскрыто 57 труповъ. Произведены 24 освидѣтельствванія живыхъ субъектовъ. Кромѣ того, произведены студентами микроскопическія и химико-микроскопическія изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ преступленій и преимущественно слѣдовъ крови. Каждый изъ производившихъ изслѣдованіе студентовъ обязанъ былъ составить протоколъ съ судебно-медицинскимъ заключеніемъ о каждомъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Продолжаемъ обзоръвнѣ состоянія народныхъ училищъ въ Олонецкой губерніи, въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ.

На осмотръ ихъ г. инспекторъ посвятилъ въ текущемъ году все время Великаго поста, какъ самое удобное для посѣщенія тѣхъ училищъ, которыя находятся въ сторонѣ отъ почтовыхъ трактовъ, и куда въ другое время года изъ-за множества болотъ, рѣкъ и озеръ бываетъ весьма затруднительно пробраться. Кромѣ этой причины, время Великаго поста удобно и для точнаго опредѣленія учащихся, такъ какъ въ эту пору года ученіе продолжается непрерывно; въ зимнее время, когда дѣти совершенно свободны отъ домашнихъ работъ, казалось бы, они должны были быть всѣ на лицо, но здѣсь являются затрудненія къ аккуратному посѣщенію школъ въ чисто мѣстныхъ условіяхъ жизни — бѣдности родителей и суровости климата, и многія дѣти, не имѣя теплой одежды, въ морозы и снѣжные мятели вовсе прекращаютъ хожденіе въ школы. Бѣдность же заставляеть родителей отвлекать отъ ученія мальчиковъ съ 10-лѣтняго возраста, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ производится лѣсопромышленниками заготовка бревень и дровъ: здѣсь всѣ дѣти этого возраста ужъ участвуютъ, вмѣстѣ съ отцами, въ вывозѣ лѣса. Между тѣмъ, не смотря на крайне неаккуратное посѣщеніе школъ дѣтьми, всѣ они, разъ поступивъ въ ученіе, числятся по школьнымъ спискамъ, въ надеждѣ, что еще будутъ приходить въ классы; но такъ какъ изъ-за этого происходитъ значительная разница въ показаніи числа учащихся по спискамъ и на лицо, то г. инспекторъ предложилъ на будущее время учениковъ, не окончившихъ курса ученія, бывшихъ въ училищѣ до лѣтнихъ вакацій и затѣмъ не явившихся вовсе или посѣщавшихъ школу не болѣе пяти разъ, — въ 1-му ноября

не считать въ числѣ учащихся. Въ то же время г. инспекторъ просилъ сельское начальство, съ своей стороны, помочь ему и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать крестьянамъ о необходимости посылать дѣтей аккуратно въ школы.

Изъ 94 училищъ по тремъ уѣздамъ г. инспектору удалось осмотрѣть 37, и за исключеніемъ лишь одного училища въ Вытегорскомъ уѣздѣ—Ухотскаго, одного съ Пудожскомъ—Красновскаго и двухъ въ Каргопольскомъ—Волосовскаго и женскаго отдѣленія при Каргопольскомъ приходскомъ училищѣ, учебная часть во всѣхъ остальныхъ земскихъ школахъ найдена въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи. Неотрадное явленіе слабыхъ успѣховъ учащихся въ Ухотской школѣ объясняется неаккуратнымъ посѣщеніемъ училища дѣтьми и неумѣніемъ учителя вести съ толкомъ школьное дѣло, не смотря на все его усердіе, доброту и высокую нравственность; дѣти здѣсь хотя пишутъ и читаютъ порядочно, но только одинъ мальчикъ изъ всѣхъ учащихся могъ бы быть отнесенъ къ первому отдѣленію. Самая школа въ хозяйственномъ отношеніи представляется въ такомъ безпорядкѣ, что г. инспекторъ, для приведенія ея въ надлежащій видъ провелъ въ ней цѣлый вечеръ и утро слѣдующаго дня, а учителя предупредилъ, что если не окажется въ его школѣ лучшихъ успѣховъ и порядка къ юнію мѣсяцу, то ему будетъ предложено прискаты себѣ новый родъ службъ.— Малоуспѣшность занятій въ Красновскомъ училищѣ произошла отъ тяжкой болѣзни преподавателя, который затѣмъ былъ уволенъ отъ службъ, такъ что съ декабря мѣсяца дѣтьми занимался одинъ законоучитель, который трудится по мѣрѣ силъ своихъ усердно. Чтобы поднять уровень учащихся, а также для облегченія законоучителя, пришлось пригласить для занятій въ школѣ до начала новаго учебнаго года, дочь мѣстнаго священника, съ успѣхомъ окончившую курсъ въ епархіальномъ училищѣ. Учащіеся въ школѣ посѣщаютъ ее довольно усердно.— Въ женскомъ отдѣленіи Каргопольскаго приходскаго училища, за исключеніемъ успѣховъ по закону Божію, дѣти до того мало успѣваютъ въ занятіяхъ, что слѣдовало бы образовать отдѣльное женское училище, что и было предположено сдѣлать г. инспекторомъ, если бы вопросъ объ отдѣленіи его не былъ связанъ съ преобразованиемъ тамошняго уѣзднаго училища въ городское. Въ настоящее же время для улучшенія приходится только смѣнить наставницу, мѣстную повивальную бабу, совершенно незнакомую съ приемами обученія и ведущую свое дѣло по рутинѣ.— Волоское училище отстало во многомъ отъ дру-

гихъ училищъ своего уѣзда вслѣдствіе частой перемѣны учителей, и хотя нынѣ обучающій преподаватель весьма усердный и честный человѣкъ, но къ сожалѣнію, самъ такъ мало учился и такъ молодъ, что по неопытности не можетъ имѣть должнаго вліянія на здѣшній народъ, по большей части преданный расколу, и вслѣдствіе того, относящійся съ недоувѣріемъ къ школѣ. Поэтому главною заботой г. инспектора въ отношеніи къ этой школѣ было присканіе болѣе надежнаго и опытнаго учителя, который поставилъ бы школу на настоящую дорогу; настоящаго же учителя, по несомнѣнно хорошимъ его качествамъ, предполагается перевести въ другое мѣсто.

Еще въ трехъ училищахъ изъ числа осматрѣнныхъ, именно въ мужскомъ отдѣленіи Пудожскаго приходскаго училища, въ Троицкомъ Каргопольскаго уѣзда и Андомскомъ Вытегорскаго, по замѣчанію г. инспектора, занятія идутъ неравномѣрно успѣшно; такъ, въ первомъ изъ нихъ, въ преподаваніи ариметики преобладаетъ механизмъ, и по этому рутинному способу ученики обучаются счисленію, сложенію, вычитанію и т. д.; а на умственное развитіе дѣтей мало обращено вниманія, что и было замѣчено учителю; во второмъ пришлось просить законоучителя обратить серіозное вниманіе на его предметъ, такъ какъ на урокахъ его выказались и незначительныя, и неосновательныя знанія учащихся. Въ послѣднемъ же училищѣ успѣхи учениковъ въ настоящій осмотръ найдены слабѣе, чѣмъ при предшествующихъ посѣщеніяхъ, но по уважительной причинѣ, именно тяжелой и продолжительной болѣзни школьнаго учителя.

Лучшими училищами изъ числа осматрѣнныхъ, по успѣхамъ учащихся, усердію и преданности дѣлу ихъ преподавателей, можно признать слѣдующія: въ Вытегорскомъ уѣздѣ: Тихманское — съ законоучителемъ М. Воскресенскимъ и учителемъ И. Вещезеровымъ, Коштугское — съ учителемъ Александромъ Смирновымъ, Мегорское — съ учителемъ Николаемъ Смирновымъ, Верхнепятницкое — съ учителемъ А. Болотовымъ, Десятинское женское — съ законоучителемъ А. Тихомировымъ, два Андомскія — мужское съ законоучителемъ В. Завадовскимъ, и женское — съ законоучителемъ А. Смирновымъ, и въ особенности Шильдское училище, съ законоучителемъ отцомъ Владиміромъ Нименскимъ, вполне преданнымъ школѣ, и успѣхами учениковъ котораго нельзя не остаться совершенно довольнымъ; въ Пудожскомъ уѣздѣ: Пудожское приходское — съ законоучителемъ В. Разумовымъ, Колодозерское — съ учителемъ Н. Тихомировымъ, и Ничижемское — съ учителемъ К. Охотинимъ; въ Каргопольскомъ уѣздѣ:

Каргопольское приходское — съ законоучителемъ В. Георгіевскимъ, Рѣчно-Георгіевское—съ законоучителемъ И. Соколовымъ и учителемъ Петромъ Казанскимъ, Коневское — съ законоучителемъ Платономъ Казанскимъ и учителемъ Н. Васильевскимъ, Нименское—съ законоучителемъ Павломъ Казанскимъ и учителемъ Н. Лебедевымъ, у котораго, между прочимъ, по русской исторіи пройдено въ разказахъ о главныхъ событіяхъ до Екатерины II, и Устьвельское—съ учителемъ И. Веселовскимъ; ученики послѣдняго также знакомы по разказамъ съ русскою исторіей, и въ посѣщеніе г. инспектора весьма подробно и обстоятельно разказывали изъ періода междуособій княжескихъ объ ослѣпленіи Василька. Ученіе по всѣмъ училищамъ распространено такъ, что вновь поступающіе ученики начинаютъ по закону Божію учить со словъ необходимыя молитвы, по русскому читать преимущественно по Родному Слову, писать и знакомиться со счетомъ. Среднія отдѣленія знаютъ уже теперь необходимыя молитвы и событія, воспоминаемыя въ двенадцатые праздники, и начинаютъ исторію Ветхаго Завѣта; всѣ читаютъ хорошо, пишутъ съ прописей и рѣшаютъ несложныя задачи на цифры въ предѣлахъ до 50. Старшія отдѣленія проходятъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и ознакомлены отчасти съ церковною обрядностію; по русскому языку всѣ читаютъ и излагаютъ прочитанное со смысломъ и хорошо; въ нѣкоторыхъ школахъ знаютъ практически главнѣйшія грамматическія правила, а по ариметикѣ, хотя и не вездѣ, рѣшаютъ довольно сложныя задачи на всѣ 4 правила. Г. инспекторъ обратилъ особенное вниманіе на славянское чтеніе, а также на выборъ книгъ для чтенія и на ознакомленіе дѣтей съ важнѣйшими событіями изъ русской исторіи и на общія понятія изъ географіи. Во многихъ школахъ введено уже обученіе пѣнію, благодаря способности учителей вести его, и въ нѣкоторыхъ изъ школъ оно пошло такъ правильно, что дѣти въ состояніи хорошо пѣть на клиросахъ во время богослуженія, именно: въ мужскомъ училищѣ Андомскомъ и женскомъ Андомскомъ, Кондушскомъ и Десятинскомъ Вытегорскаго уѣзда, въ мужскомъ Нишжемскомъ Пудожскаго уѣзда, и въ мужскихъ же школахъ Нименской, Рѣчно-Георгіевской и Устьвельской Каргопольскаго уѣзда. Это участіе дѣтей въ чтеніи и пѣніи въ церквахъ замѣтно связываетъ школу со средою крестьянскаго населенія, и потому на пѣніе вездѣ обращено особенное вниманіе. Что же касается обученія разнымъ ремесламъ и гимнастикѣ, то до сихъ поръ, за неимѣніемъ средствъ и учителей,

знакомыхъ со столь полезными предметами обученія, оно еще нигдѣ не введено.

Всѣ учителя земскихъ училищъ Вытегорскаго и Каргопольскаго уѣздовъ получаютъ жалованье въ размѣрѣ 300 р. и въ Пудожскомъ по 240 р. въ годъ; учительницы мужскихъ женскихъ училищъ пользуются жалованьемъ наравнѣ съ учителями, а въ женскихъ школахъ Вытегорскаго уѣзда получаютъ по 120 р. Законоучители этихъ училищъ Вытегорскаго и Пудожскаго уѣзда состоятъ на окладѣ 50 р., Каргопольскаго—30 р. Въ церковноприходскихъ же училищахъ преподавательницы получаютъ пособіе изъ кошелевыхъ церковныхъ суммъ, смотря по средствамъ прихода; законоучители въ таковыхъ школахъ преподаютъ безвозмездно. Въ числѣ осмотрѣнныхъ школъ не вездѣ имѣются особыя законоучители; есть даже 4 школы въ Вытегорскомъ, одна въ Пудожскомъ и одна въ Каргопольскомъ уѣздахъ, въ которыхъ законъ Божій преподается однимъ законоучителемъ, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ училищѣ. Изъ учителей, преподающихъ законъ Божій, всѣ имѣютъ на то право или по своему образованію, или вслѣдствіе выдержанныхъ ими особыхъ испытаній, и хотя справедливость требуетъ отдать честь молодымъ людямъ изъ семинаристовъ въ умѣннѣ преподавать и въ знаніи своего дѣла, но то вліяніе на учащихся и родителей, которое можетъ имѣть только священникъ, имѣющій случаи постоянно обращаться съ народомъ, заставило г. инспектора ходатайствовать у уѣздныхъ земскихъ собраний имѣть съ настоящаго года во всѣхъ училищахъ всѣхъ трехъ уѣздовъ особыхъ законоучителей исключительно изъ священниковъ, что и постановлено собраниями исполнить. Слѣдуетъ еще упомянуть, какъ объ исключеніи, объ одномъ учителѣ Каргопольскаго уѣзда Шожемскаго церковноприходскаго училища—крестьянинѣ Иванѣ Вознесенскомъ, изъ духовнаго званія, который окончилъ курсъ 3-го класса духовнаго училища и по бѣдности родителей не продолжалъ далѣе ученія, такъ что въ состояніи заниматься только первоначальнымъ обученіемъ—грамотѣ, письму и счисленію, но будучи уже 40 лѣтъ и прекраснаго поведенія, при своихъ немногихъ знаніяхъ, онъ, однако, вполне былъ необходимъ въ такой отдаленной отъ всѣхъ трактовъ мѣстности, какъ Шожемскій приходъ, замѣняя собою на время мѣстнаго священника, чловѣка большаго; это тѣмъ болѣе полезно, что приходъ находится въ самой глубинѣ уѣзда, и народъ зараженъ здѣсь самымъ грубымъ расколомъ. Вслѣдствіе соглашенія г. инспектора съ членами училищнаго совѣта, И. Вознесенскому дозволено обучать дѣтей, а пред-

стоящему очередному земскому собранію будетъ заявлено о необходимости открытія въ Шожмѣ земскаго училища, съ опредѣленіемъ въ него учителемъ одного изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Къ началу учебнаго года имѣетъ быть открыто еще 10 земскихъ училищъ: 2 въ Вытегорскомъ уѣздѣ, 2 въ Пудожскомъ и 6 въ Каргопольскомъ, такъ какъ къ этому времени представляется возможность имѣть хорошихъ наставниковъ изъ окончившихъ курсъ въ Олонецкой духовной семинаріи и Тотемской учительской семинаріи; директоръ послѣдней предлагалъ, если жалованье будетъ назначено въ 300 р., то дать своихъ стипендіатовъ, что въ этомъ районѣ вполне исполнимо.

Нужно замѣтить, что какъ со стороны земствъ, такъ и сельскихъ обществъ, выказывается постоянное сочувствіе, относительно удовлетворенія нуждъ училищъ, и всѣ заявленія, дѣлаемые отъ г. инспектора земскимъ собраніемъ относительно новыхъ расходовъ по училищамъ, вездѣ удовлетворяются съ полною готовностію. Въ особенности много сдѣлано новыхъ расходовъ Каргопольское земство; такъ напримѣръ, оно, по ходатайству г. инспектора, увеличило съ нынѣшняго года учительскій годовой окладъ съ 210 р. на 300 р., а земство Пудожскаго уѣзда назначило вмѣсто 180 р. — 240 р. Забота земствъ о своихъ училищахъ видна и въ снабженіи ихъ книгами и учебными пособиями; даже во вновь образованныя Воезерское и Кенорѣцкое училища Каргопольскаго уѣзда и женское отдѣленіе при Пудожскомъ приходскомъ училищѣ мѣстное земство уже выслало, а частію приобрѣло чрезъ г. инспектора всѣ необходимыя книги по первому же заявленію со стороны этихъ заведеній. Нельзя сказать того же о церковноприходскихъ училищахъ, которыя терпятъ нужду въ учебныхъ пособияхъ; впрочемъ, въ настоящее время, вслѣдствіе заявленія г. инспектора комитету грамотности о нуждахъ этихъ училищъ, на счетъ отпускаемаго училищамъ пособия приобрѣтено Роднаго Слова Ушинскаго 65 экземпляровъ 1-го года, 100 экземпляровъ 2-го года, 112 книгъ Азбуки и 10 Руководствъ къ преподаванію того же автора, 70 экземпляровъ св. Евангелія, 50 экземпляровъ Соколова „Молитвы, Заповѣди и Символъ Вѣры“, 50 экземпляровъ Книги для чтенія Водовозова и его же 10 экземпляровъ Книги для учителей. Кромѣ того, Вытегорское земство отпустило въ распоряженіе Вытегорскаго уѣзднаго училищнаго совѣта 60 р. для удовлетворенія нуждъ церковноприходскихъ училищъ своего уѣзда.

Не смотря на то, что во всѣхъ трехъ уѣздахъ школы занимаютъ лучшія изъ сельскихъ помѣщеній, послѣднія не соотвѣтствуютъ сво-

ему назначенію, такъ какъ дома строены не для училищъ, а для крестьянскаго житія. Три училища найдены при осмотрѣ совершенно неудобно помѣщенными: одно въ Каргопольскомъ уѣздѣ—Ольговское, оттого, что находится въ старомъ, сыромъ и колодномъ домѣ, принадлежащемъ одному изъ причетниковъ, и два въ Вытегорскомъ — Андомское, гдѣ въ классной комнатѣ живетъ самъ хозяинъ-бобыль и Вытегорское женское, имѣющее помѣщеніе низкое, ветхое и притомъ слишкомъ удаленное отъ деревни. Церковноприходскія училища вездѣ помѣщаются въ домахъ мѣстныхъ священниковъ бесплатно, а за помѣщенія остальныхъ училищъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ платятъ крестьяне, въ Пудожскомъ же и Каргопольскомъ—земство.

Изъ осмотра двухъ уѣздныхъ, двухъ двухклассныхъ и одного однокласснаго училищъ г. инспекторъ вынесъ впечатлѣніе благопріятное. Вытегорское земское уѣздное училище находится въ удовлетворительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ, благодаря заботливости и дѣятельности наставниковъ и штатнаго смотрителя г. Шелкова. Мальчиковъ обучается 54, и изъ нихъ въ день осмотра было на лицо 49. Учащіеся раздѣлены на три класса, въ I-мъ 25 учениковъ, во II-мъ 19 и въ III-мъ 10. Между дѣтьми есть одинъ лютеранскаго и одинъ іудейскаго исповѣданія. Преподаваніе Закона Божія ведется священникомъ Петромъ Молчановымъ прекрасно; вопросы ученикамъ были предлагаемы изъ всего пройденнаго въ училищѣ курса, и осмысленные отвѣты, особенно учащихся въ III-мъ классѣ, на вопросы догматическаго содержанія въ связи съ ученіемъ Спасителя и повѣствованіями ветхозавѣтными, вполне доказали всю опытность и умѣнье законоучителя; кромѣ того, отецъ Петръ изыскалъ время для уроковъ пѣнія, самъ обучаетъ ему дѣтей по средамъ и субботамъ послѣ классныхъ занятій, и обученіе идетъ на столько стройно и хорошо, что предъ дванадцатыми праздниками во время всенощнаго бдѣнія, управляемаго въ училищѣ законоучителемъ, поютъ и читаютъ сами ученики. Знанія по русскому языку также достаточны, такъ какъ г. Николаевскій усердно и успѣшно занимается своимъ предметомъ, хотя въ преподаваніи грамматики онъ отводитъ слишкомъ много времени на сообщеніе теоретическихъ положеній, а между тѣмъ часто опускается изъ виду практическая ея сторона. Ко сожалѣнію, почтенный наставникъ, занимаясь до настоящаго мѣста служенія 15 лѣтъ учительствомъ въ приходскомъ училищѣ, гдѣ принесъ весьма много пользы, утратилъ все свое здоровьи; сталъ нѣсколько глухъ, что отчасти вредитъ успѣшности преподаванія. Учитель Прилежаевъ от-

лично преподааетъ ариметику и геометрію, особенно во II-мъ и III-мъ классахъ, и обладаетъ всѣми нужными для учителя качествами. Его ученики всегда готовы къ отвѣту, не задумываясь рѣшаютъ сложныя задачи, и во время урока весь классъ бываетъ занятъ работою; къ марту мѣсяцу положенный по программѣ курсъ былъ уже пройденъ за исключеніемъ статьи о тѣлахъ изъ геометріи. Но и объ этомъ прекрасномъ преподавателѣ приходится сожалѣть, такъ какъ ему при крайне разстроенномъ здоровѣ необходимо оставить службу, которой вскорѣ долженъ исполниться 20-лѣтній срокъ. Умѣнье и опытность въ преподаваніи столь обширныхъ и трудныхъ предметовъ, каковы исторія и географія, достаточно замѣтны у учителя и штатнаго смотрителя Вытегорскаго уѣзднаго училища Шелкова, бывшаго ранѣе того много лѣтъ учителемъ одного изъ уѣздныхъ училищъ Псковской дирекціи; онъ ведетъ эти предметы съ успѣхомъ. Какъ смотритель училища, г. Шелковъ вполне преданъ своему дѣлу, аккуратенъ, дѣятеленъ и всегда находится при училищѣ. Приемы обученія дѣтей чистописанію, черченію и рисованію весьма практическіе; учителемъ Копытовымъ обращается вниманіе не на одно копированіе: во время чистописанія онъ удѣляетъ время на диктантъ, а въ уроки рисованія и черченія особенно слѣдитъ за снятіемъ формъ съ природы. Самъ учитель замѣчателенъ какъ самоучка-фотографъ, мастеръ набивать чучелы животныхъ, токаръ, столяръ; послѣднему ремеслу онъ обучаетъ воспитанниковъ учительской семинаріи. Училище содержится въ примѣрномъ порядкѣ; не смотря на то, что между дѣтьми встрѣчается не мало мальчиковъ, нуждающихся въ обуви и одеждѣ, внѣшность ихъ прилична. Училище по возможности помогаетъ самымъ бѣднымъ освобождая ихъ отъ платы за ученіе и выдавая имъ бесплатно книги; такъ, въ минувшемъ полугодіи было 14 даровыхъ учениковъ. Все начальство отличается гуманнѣмъ обращеніемъ съ питомцами, никакихъ строгихъ мѣръ не употребляется, и въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, для объясненій приглашаются въ школу родители; во избѣжаніе же могущихъ быть недоразумѣній, ученикамъ выдаютъ разъ въ два мѣсяца для предъявленія родителямъ свидѣтельства съ замѣчаніями объ успѣшности или неуспѣшности учащихся, о пропускахъ уроковъ и о поведеніи. Училищная бібліотека хороша; въ фундаментальной ея части 635 названій въ 1820 томахъ, въ ученической 105 названій въ 174 томахъ; учебныхъ пособій достаточно; между прочимъ, въ училищѣ есть электрическая машина, микроскопъ, воздушный насосъ и ящикъ съ

произведеніями трехъ царствъ природы, приспособленный къ сочиненію Перевлѣскаго: „Предметные уроки по мысли Песталоцци“. Училище находится въ центрѣ города и имѣетъ помѣстительную квартиру. Почетнымъ смотрителемъ г. Пресняковымъ, состоящимъ уже 10 лѣтъ въ этой должности, вносится ежегодно въ пользу училища 100 руб. сер.

Каргопольское уѣздное училище въ посѣщеніи и поведеніи учащихся и въ мѣрахъ, принимаемыхъ педагогическимъ совѣтомъ къ улучшенію внутренней жизни училища, представляетъ то же, что и Вытегорское: занятія идутъ правильно и успѣшно по всѣмъ предметамъ. Всѣхъ учащихся 38 мальчиковъ; въ дни осмотра на лицо было 34—въ 1-мъ классѣ 20, во 2-мъ 9 и въ 3-мъ 5; отсутствовало по 2 ученика изъ 1-го и 3-го классовъ. Между учащимися есть одинъ Еврей, который, впрочемъ, какъ по собственному, такъ и родителей своихъ желанію, присутствуетъ на урокахъ Закона Божія. Предметъ этотъ преподаетъ священникъ Георгій Диваревскій основательно и разумно, дѣлая постоянно сопоставленія событій и поясняя ихъ примѣрами; дѣти на всѣ предложенные вопросы давали толковые отвѣты, по которымъ можно было судить о правильномъ и успѣшномъ обученіи ихъ Закону Божию законоучителемъ. Русскій языкъ преподаетъ окончившій курсъ въ С.-Петербургской гимназій Человѣколюбиваго общества, учитель Радугинъ, который, кромѣ знаній по родному языку, обладаетъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній по всѣмъ предметамъ; пятилѣтняя же практика выработала въ немъ хорошіе приемы, такъ что уроки идутъ весьма успѣшно. Не менѣе успѣшно и старательно преподается ариметика и геометрія учителемъ Петровымъ; вліяніе учительскаго института, къ которому г. Петровъ былъ нѣкоторое время прикомандированъ, весьма замѣтно во многихъ хорошихъ приемахъ его преподаванія: онъ обращаетъ большое вниманіе на практическое приложеніе своихъ предметовъ къ общежитію, и успѣлъ пройти весь положенный по программѣ курсъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ уроковъ по стереометріи. Учителя географіи и исторіи Благовѣщенскаго съ пользою руководитъ бывшій 18 лѣтъ учителемъ этихъ предметовъ штатный смотритель Кименталь, и г. Благовѣщенскій, работая усердно надъ собою, видимо совершенствуется въ преподаваніи. Кромѣ того, много читая, онъ примѣняетъ съ пользою для дѣла свои свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, проходя исторію Славянъ и описаніе Балканскаго полуострова, онъ далъ необходимыя понятія и о нынѣшнихъ тамъ со-

бытіяхъ. Что касается черченія, рисованія и чистописанія, то хотя учащіяся чертятъ и пишутъ хорошо, но учителемъ Купріяновымъ мало обращается вниманія на черченіе съ натуры. Образцовымъ порядкомъ и чистотой училище обязано своему опытному и распорядительному хозяину гласному земскаго собранія и члену училищнаго совѣта, г. Кименталю. Въ этомъ званіи г. Кименталь много потрудился для народныхъ школъ Каргопольскаго уѣзда, и помимо выраженной ему за то благодарности отъ лица уѣзднаго земскаго собранія, единогласно избранъ въ почетные мировые судьи своего уѣзда. Помѣщеніе училища довольно тѣсно, и пока не предвидится для него болѣе удобной квартиры. Съ нынѣшняго года почетнымъ смотрителемъ состоитъ г. Ратьковъ, пожелавшій вносить ежегодно 100 руб. сер. на училище. Домъ застрахованъ.

Кундушское двухклассное образцовое училище, Вытегорскаго уѣзда, мало въ чемъ уступаетъ уѣзднымъ училищамъ; его цвѣтущее состояніе слѣдуетъ отнести какъ къ условіямъ мѣстности, весьма благопріятно выбранной, ибо здѣсь грамотность развита во всемъ населеніи, не только между мужчинами, но и женщинами,—такъ и къ неутомимой дѣятельности и опытности законоучителя Дмитрія Смирнова и учителей Суморина и Минорскаго, которые по справедливости заслуживаютъ полнаго вниманія за свое усердіе. Мальчиковъ обучается 91 человекъ; въ первомъ классѣ, состоящемъ изъ 3-хъ отдѣленій, во время осмотра на лицо былъ 61 ученикъ, во второмъ, при двухъ отдѣленіяхъ—19. Къ этому сроку все положенное по программѣ было уже выполнено. Законъ Божій преподается прекрасно, и кромѣ своего предмета, законоучитель обучаетъ дѣтей пѣнію. По русскому языку дѣти читаютъ толково, въ старшемъ отдѣленіи I-го класса проходятъ 2-й годъ Роднаго Слова Ушинскаго, занимаются грамматическимъ разборомъ предложеній и словъ, излагаютъ письменно прочитанное и пишутъ подъ диктовку; въ младшемъ отдѣленіи проходятъ съ должными упражненіями I-й годъ Роднаго Слова. Во II-мъ классѣ старшее отдѣленіе, [независимо отъ постоянныхъ устныхъ и письменныхъ упражненій прочитаннаго и объясненнаго, практически ознакомлено съ грамматикой, а младшее отдѣленіе того же класса—знакомо уже съ составомъ предложенія, его частями и главными частями рѣчи и ихъ видоизмѣненіями. Во всѣхъ отдѣленіяхъ обоихъ классовъ обращено должное вниманіе на славянское чтеніе; въ I-мъ классѣ по ариметикѣ старшіе дѣлаютъ задачи на всѣ 4 правила надъ простыми числами, младшіе пишутъ цифры и устно рѣшаютъ

несложныя задачи; въ II-мъ классѣ старшіе рѣшаютъ задачи надъ простыми и дробными числами, на правила тройное, товарищества, вычисленія процентовъ и учетъ векселей; младшіе знаютъ рѣшенія на три первыя дѣйствія дробей. Русскую исторію, географію и естественную исторію проходятъ оба отдѣленія II-го класса; познанія по русской исторіи въ младшемъ классѣ доведены до ига татарскаго, въ старшемъ—въ главныхъ событіяхъ до царствованія Еватеринны II-й; изъ географіи младшее отдѣленіе ознакомилось съ границами Европейской Россіи, главными морями, рѣками, желѣзными путями и замѣчательными городами; старшее прошло изъ этого предмета все положенное по программѣ двухклассныхъ училищъ; занятія по естественной исторіи, а также по черченію одинаковыя въ обоихъ отдѣленіяхъ: учащіеся имѣютъ свѣдѣнія объ общихъ свойствахъ тѣлъ и о домашнихъ животныхъ; чертятъ геометрическія фигуры, измѣряютъ ихъ площади, а также занимались черченіемъ географіи, чesкихъ картъ, и отчасти рисованіемъ съ оригиналовъ. Черченіемъ занимается и I й классъ, по оригиналамъ изъ руководства Главинскаго и Ушинскаго, и чистописаніе съ прописей. Въ училищѣ дѣти обучались портному ремеслу, которое, къ сожалѣнію, пріостановлено, какъ за смертію учителя, такъ и по незначительности ассигнованной на то суммы—60 руб., на которые трудно пріискать въ селѣ хорошаго учителя. Съ начала учебнаго года предполагается ввести гимнастику. При училищѣ находится пять стипендіатовъ, которые всѣ отличаются безукоризненнымъ поведеніемъ, усердіемъ и послушаніемъ; съ своей стороны, преподаватели удѣляютъ на нихъ весьма много свободнаго отъ занятій труда и занимаютъ юношей чтеніемъ, заставляють ихъ писать конспекты пройденнаго, упражняютъ въ изложеніи на заданныя темы по всѣмъ предметамъ, не исключая и Закона Божія. Библіотека училища хороша и снабжена достаточно всѣми учебными пособиями. Помѣщеніе просторное, свѣтлое; предстоитъ только изыскать мѣстныя средства на окраску и сколоченіе половъ.

Условія Девятинскаго однокласнаго образцоваго училища Вытегорскаго уѣзда весьма сходны съ Кондушскимъ. Потребность обученія дѣтей выражается расположеніемъ родителей къ училищу и наблюденіемъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ его, и только лѣтомъ, въ самое горячее время развитія судоходства на Маріинской системѣ, замѣтна нѣкоторая убыль учащихся, и то гораздо менѣе значительная, чѣмъ въ другихъ мѣсахъ этой системы; кромѣ того, въ сравненіи

съ другими мѣстностями, здѣшнее населеніе пользуется большимъ довольствомъ въ жизни. Школа насчитываетъ 62 мальчика; всѣ они по знаніямъ раздѣлены на три отдѣленія, и всюду ученіе идетъ правильно. Благодаря стараніямъ на пользу школъ новаго учителя г. Реброва, которому много содѣйствуетъ въ трудахъ и усердіи законоучитель Александръ Тихомировъ, успѣхи учащихся нынѣшній годъ значительны. Законъ Божій идетъ удовлетворительно во всѣхъ отдѣленіяхъ. Младшее отдѣленіе, по изученіи звуковъ, начало читать и писать съ прописей и немного подъ диктовку; по ариметикѣ систематически и всесторонне знакомо съ числами до 10. Среднее отдѣленіе проходитъ 2-й годъ Роднаго Слова Ушинскаго, начинаетъ недурно писать подъ диктантъ, и ему дано понятіе о предложеніяхъ и именахъ предметовъ; упражненія въ письменномъ изложеніи прочитаннаго идутъ въ младшемъ отдѣленіи наравнѣ со старшимъ; изъ ариметики младшіе занимались нумераціей до 1000. Старшее отдѣленіе занималось по русскому языку ознакомленіемъ съ предложеніемъ, а также съ частями рѣчи и ихъ видоизмѣненіемъ; всѣ читаютъ бѣгло и толково, равно и по славянскому чтенію читали, переводили и объясняли Евангеліе отъ Луки. По ариметикѣ рѣшаютъ задачи на простыя и именованныя числа, какъ письменно, такъ и на счетахъ. Свѣдѣнія изъ Русской исторіи состоятъ въ знаніи главнѣйшихъ событій отъ основанія Руси до времени Дмитрія Донскаго, и изъ новой исторіи съ восшествія на престолъ Михаила Феодоровича до царствованія Александра Благословеннаго. Изъ географіи учащіеся имѣютъ понятіе о землѣ вообще, о границахъ Россіи, главныхъ рѣкахъ, озерахъ и горахъ и подробно изучаютъ Олонецкую губернію. Изъ постороннихъ занятій дѣти обучаются пѣнію, на что обращено особое вниманіе, и портному ремеслу; всѣхъ мальчиковъ шьетъ 15 человекъ; учитель найдень хорошій, и училище приобрѣло, кромѣ запаса матеріаловъ для шитья, хорошую швейную машину. Училищный домъ помѣстителенъ, но требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ, которыя въ настоящемъ году будутъ исполнены на счетъ обязательнаго взноса почетнаго блюстителя. Помѣщеніе въ комнатѣ учителя и въ библіотекѣ уже исправлено въ минувшемъ году на средства училища.

Архангельское двухклассное училище, Каргопольскаго уѣзда, пока еще въ одноклассномъ составѣ и имѣетъ учащихся 30 человекъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 10 мальчиковъ. При осмотрѣ недоставало 12 учениковъ, и къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить,

что такая неаккуратность въ посѣщеніи училища почти постоянная, на что г. инспекторъ обратилъ должное вниманіе мѣстнаго волостнаго начальства, и имъ приняты мѣры чрезъ постоянныя внушенія крестьянамъ почти на каждой мѣрской сходкѣ. Вообще, чтобы поставить училище какъ слѣдуетъ, надо идти путемъ терпѣнія, такъ какъ оно открыто въ мѣстности, сплошь зараженной расколомъ, и притомъ вредной секты странниковъ или бѣгуновъ. Въ виду пользы училища, г. инспекторъ имѣетъ желаніе поставить на мѣсто теперешняго учителя болѣе опытнаго и нынѣ съ успѣхомъ трудящагося въ одномъ изъ земскихъ училищъ въ мѣстности, зараженной также расколомъ, именно г. Соколова, специально знакомаго съ расколомъ и вполне умѣющаго совладать съ тѣми препятствіями, которыя онъ ставитъ для преуспѣянія школы. Справедливость требуетъ замѣтить, что учебная часть въ училищѣ, послѣ замѣченныхъ въ прошломъ году недостатковъ, теперь находится въ болѣе удовлетворительномъ положеніи, а улучшение и вліяніе школы отражается уже на мѣстномъ населеніи; такъ, напримѣръ, хотя родители и мало посѣщаютъ церковь, но дѣти ихъ присутствуютъ при богослуженіи болѣе или менѣе аккуратно; обыкновенно дѣти поступаютъ въ школу безъ знанія хотя какой-либо молитвы, но выучивая ихъ и вообще приобретаая другія знанія, такъ дѣйствуютъ тѣмъ на родителей, что у этихъ просыпается чувство сознанія, что „вѣрно дѣти будутъ лучше ихъ“; исчезло и недовольство жителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились толки, почему дѣтей учатъ по новому, а не съ азовъ, и жители сами увидѣли успѣхъ и пользу нововведенія. Знанія учащихся начинаютъ обнаруживаться; по Закону Божію младшее отдѣленіе знаетъ первоначальныя молитвы, среднее прошло ихъ съ объясненіемъ, а старшее проходитъ новозавѣтную исторію всю и главныя событія изъ ветхозавѣтной; кромѣ того, учащіяся поютъ молитвы. По русскому языку и ариаметикѣ, въ младшемъ отдѣленіи всѣ уже читаютъ, пишутъ цифры и удачно могутъ рѣшать небольшія задачи; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ и пишутъ подъ диктовку и изучаютъ систематически число до 20; въ старшемъ идутъ занятія по объяснительному чтенію, по письму и отчасти начинаются упражненія въ изложеніи прочитаннаго, даны понятія о составѣ предложеній, частей рѣчи и ихъ видоизмѣненіяхъ. Но лучше всего идетъ въ этомъ отдѣленіи ариаретика, которой успѣхи учениковъ очень хороши, и дѣти всѣ въ состояніи рѣшать задачи надъ числами любой величины письменно и на счетахъ. При училищѣ выстроена кузница и при-

обрѣтены всѣ необходимыя инструменты и матеріалы, такъ что съ начала учебнаго года дѣти начнутъ обучаться кузнечному ремеслу. Библіотека достаточно снабжена учебными пособиями, но каталогъ ея долженъ быть приведенъ въ порядокъ и раздѣленъ на отдѣлы фундаментальный, ученической и учебныхъ пособій. Въ классахъ висятъ карты и картины. Училищный домъ очень хорошъ, но не совсѣмъ еще достроенъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

1-го (13-го) августа 1876 года.

Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, г. Ваддингтонъ, заявилъ съ самаго вступленія своего въ должность, что онъ потребуетъ отмены нѣкоторыхъ законоположеній о высшемъ преподаваніи, состоявшихся въ прошломъ году, а именно хотя онъ отнюдь не хотѣлъ закрытія частныхъ университетовъ, но считалъ долгомъ настаивать, чтобы право раздавать ученныя степени принадлежало исключительно правительству. Палата депутатовъ, мало расположенная къ клерикаламъ, согласилась на предложенную министромъ отмену смѣшанныхъ экзаменаціонныхъ комиссій (jury mixte), но означенная палата не есть уже нынѣ единственный органъ народнаго представительства: на ряду съ нею находится сенатъ, отличающійся совершенно другимъ настроеніемъ. Въ этомъ послѣднемъ собраніи проектъ г. Ваддингтона былъ отвергнутъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ 5 голосовъ. Весьма горячія пренія происходили по его поводу. Враждебныя стороны, какъ это случается всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, всячески старались блеснуть одна предъ другою краснорѣчіемъ и эрудиціей. Однимъ изъ главнѣйшихъ ораторовъ былъ г. Валлонъ, предшественникъ г. Ваддингтона, который не могъ допустить никакихъ измѣненій въ законѣ о высшемъ преподаваніи уже потому, что былъ однимъ изъ виновниковъ этого закона; онъ горячо отстаивалъ право, предоставленное частнымъ университетамъ, съ той точки зрѣнія, что именно оно водворитъ въ обществѣ духъ мира и терпимости, расположить духовенство къ существующему у насъ нынѣ политическому порядку вещей; затѣмъ, говорили епископы Орлеанскій Дюпанлу, Ж. Симонъ, бывшій президентъ совѣта министровъ Брольи и Лабуле, докладчикъ комиссіи, рассматривавшей въ прошломъ году законъ о

высшемъ преподаваніи. Г. Ваддингтонъ съ жаромъ отражалъ всѣ политическіе и религіозные доводы своихъ противниковъ; онъ напомнилъ, что если упомянутый законъ былъ вотированъ огромнымъ большинствомъ, то въ пользу статьи его о смѣшанныхъ испытательныхъ комисіяхъ высказалось большинство лишь 25 голосовъ; онъ утверждалъ, что предлагаемая имъ реформа исполнѣ отвѣчаетъ желаніямъ страны. Г. де-Брольи перенесъ вопросъ на почву чисто политическую; по его мнѣнію, сенату слѣдовало съ самого же начала своего существованія и нисколько не колебалась заявить свои консервативныя тенденціи, и сенатъ охотно откликнулся на этотъ призывъ. Такимъ образомъ г. Ваддингтонъ потерпѣлъ поражение, хотя и не такого свойства, чтобы заставить его выйти въ отставку. Тѣмъ не менѣе, католическая партія торжествуетъ. На этихъ же дняхъ начались экзамены въ частномъ юридическомъ факультетѣ въ Парижѣ, и дѣло обошлось какъ нельзя лучше, но не совсѣмъ такое настроеніе господствуетъ въ правительственныхъ университетахъ: здѣсь замѣтно раздраженіе—предвѣстникъ борьбы, долженствующей вспыхнуть между партией католическою и партией университетскою, и которая проявилась уже на дняхъ по слѣдующему случаю. Происходили экзамены въ политехнической школѣ: когда стали диктовать ученикамъ тему для письменнаго упражненія, одинъ изъ нихъ заявилъ, что тема эта была уже заранѣе извѣстна воспитанникамъ одного іезуитскаго пансіона. Тотчасъ же успѣшили объяснить это тѣмъ, что въ политехнической школѣ есть профессоръ, занимающійся преподаваніемъ и въ упомянутой школѣ, принадлежащей іезуитамъ. Случай этотъ, ничтожный самъ по себѣ, надѣлалъ много шума и послужилъ даже поводомъ къ запросу въ палатѣ. Антиклерикальныя газеты разразились такими статьями, что были привлечены за нихъ къ суду директоромъ іезуитской школы и приговорены къ штрафу за клевету, а между тѣмъ правительство назначило слѣдствіе, не приведшее ровно ни къ чему. Все оказалось пустою сплетней: ученикъ, бывший главнымъ ея виновникомъ, утверждалъ, что слышалъ о темѣ отъ своего товарища, а этотъ товарищъ клялся, что ничего не говорилъ ему, и т. д. Все это обращаетъ на себя вниманіе только въ томъ отношеніи, что служить доказательствомъ того разлада, который господствуетъ между школами правительственными и школами, принадлежащими католическому духовенству. Впрочемъ, первыя изъ нихъ совершенно напрасно — по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту — предаются опасеніямъ: изъ отчета, прочитаннаго

въ сенатѣ, видно, что въ правительственныхъ школахъ находится нынѣ 15.000 учащихъся, а въ школахъ частныхъ не болѣе 300. Конечно, эта цифра увеличится послѣ того, какъ частныя университеты, одержавъ нынѣ побѣду, сохранятъ право имѣть своихъ представителей между экзаменаторами. Денежныя средства клерикальной партіи неограниченны; она ведетъ энергическую пропаганду, и не смотря на то, что начинанія ея пока далеко не успѣшны, весьма вѣроятно, что въ будущемъ ей удастся имѣть нѣсколько благоустроенныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Конкурировать съ этою вновь возникающею силою можно только однимъ способомъ: слѣдуетъ заботиться о всевозможномъ преуспѣяніи правительственныхъ высшихъ училищъ, и г. Ваддингтонъ понялъ это какъ нельзя лучше. Онъ располагаетъ теперь такими матеріальными средствами, какихъ не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ: достаточно сказать, что въ текущемъ году бюджетъ его министерства возросъ до 58.200,000 фр., а въ 1870 году, то-есть, въ послѣдній годъ имперіи, онъ простирался лишь до 24.200,000 фр., слѣдовательно, увеличился болѣе, чѣмъ вдвое. Эти цифры краснорѣчиво говорятъ сами за себя, но чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ жертвахъ, которыя приноситъ нынѣ Франція для народнаго просвѣщенія, слѣдуетъ принять еще въ расчетъ суммы, ассигнуемыя на тотъ же предметъ городами и генеральными совѣтами. Конечно, много помогло г. Ваддингтону то обстоятельство, что теперешняя палата депутатовъ обнаруживаетъ безпримѣрную щедрость во всемъ, что касается потребностей нашихъ учебныхъ заведеній.

Посмотримъ же, какъ должны быть распределены добавочныя суммы, внесенныя нынѣ въ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Законъ 12-го іюля 1875 года, провозгласившій свободу высшаго преподаванія въ нашей странѣ, постановилъ, что министръ народнаго просвѣщенія обязанъ, не далѣе какъ въ теченіе года, внести въ палату проектъ преобразованія правительственныхъ университетовъ. Г. Ваддингтонъ успѣшилъ исполнить это предписаніе. Главнѣйшія черты задуманной имъ реформы можно обозначить слѣдующимъ образомъ: учрежденіе обширныхъ университетскихъ центровъ, учрежденіе преподавательскихъ должностей, соотвѣтствующихъ тому, что въ Германіи называется привать-доцентурой, и наконецъ, учрежденіе стипендій для бѣдныхъ студентовъ. Университеты въ настоящемъ смыслѣ слова возникнуть, по всему вѣроятію, въ Парижѣ, Бор-

до, Лионѣ, Тулузѣ и Нанси, и вотъ на нихъ-то потребуется значительная часть суммы, ассигнованной палатою депутатовъ. Г. Ваддингтонъ не думаетъ упразднить существующіе уже факультеты, разсѣянные по двадцати городамъ, но не мудрено, что нѣкоторые изъ нихъ, не выдержавъ конкуренціи съ новыми университетами, вынуждены будутъ прекратить свое существованіе.

Приватъ-доценты, или какъ они называются у насъ, *maitres de conférences*, избираемые изъ лицъ, имѣющихъ докторскую степень, будутъ состоять при профессорахъ, и въ каждомъ университетѣ, предъ началомъ семестра, должно быть официально заявлено о курсахъ, которые они намѣрены читать. Общее ихъ число будетъ простираться до 70, съ жалованьемъ по 3.000 франк. каждому. Размѣръ стипендій студентамъ назначается по 1.200 франк., и выдаваемы онѣ будутъ по конкурсу, основною для котораго служатъ отмѣтки на экзаменахъ и сочиненія. Всѣхъ стипендій учреждается 300. Кромѣ того, палатою депутатовъ ассигновано 800.000 франк. на разныя другія университетскія потребности: устройство лабораторій, пополненіе библіотекъ и т. д. Въ различныхъ факультетахъ учреждается общимъ числомъ до 29 новыхъ кафедръ, въ томъ числѣ 5 кафедръ политической экономіи, 4—древней литературы, 4—археологій.

Кромѣ факультетовъ, Франція, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ довольно много другихъ заведеній *sui generis*, оказывающихъ наукѣ несомнѣнныя услуги, какъ, напримѣръ, школу высшихъ наукъ, школу восточныхъ языковъ, *Ecole des chartes*, *Collège de France* и др. Всѣ эти учебныя заведенія будутъ отнынѣ получать пособие отъ правительства въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Школѣ высшихъ наукъ назначено добавочныхъ 50.000 франк., жалованье профессоровъ *Collège de France*, простиравшееся до 7.500 франк. каждому, будетъ увеличено до 10.000 (замѣтимъ встать, что въ *Collège de France* учреждается новая кафедра—греческой эпиграфики, предложенная г. Фукару, извѣстному своими изслѣдованіями о религіи древнихъ Грековъ); жалованье профессоровъ музея естественныхъ наукъ увеличивается въ одинаковомъ размѣрѣ съ жалованьемъ профессоровъ *Collège de France*; въ школѣ восточныхъ языковъ преподаватели будутъ получать по 7.500 вмѣсто 6.000 франк. И тутъ возникаетъ новая кафедра, а именно — кафедра русскаго языка. По этому поводу коммисія палаты, разсматривавшая бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, выразилась въ своемъ докладѣ слѣдующимъ образомъ: „Вознагражденіе за лекціи русскаго языка произво-

дилось доселѣ изъ суммъ, назначаемыхъ министерству на совершенно иное употребленіе. Необходимо положить этому конецъ: въ настоящее время, когда опытъ уже сдѣланъ, и изученіе русскаго языка видимо пустило у насъ корни, слѣдуетъ организовать кафедру упомянутаго предмета болѣе прочнымъ образомъ". Палата назначила для этой цѣли 4.500 фр. въ годъ. Въ школахъ восточныхъ языковъ обучаются теперь по русски 30 молодыхъ людей.

Французская археологическая школа въ Афинахъ получила для своей библіотеки пособие въ 4.000 фр.; такъ называемая Римская школа, учрежденная два года тому назадъ, тоже получила значительное пособие; директору ея назначено 15.000 фр., а на библіотеку и изданія школы—11.000. Ежегодныя пособия различнымъ ученымъ обществамъ возросли съ 70.000 до 90.000 фр. „Въ настоящее время“, говоритъ отчетъ,—„въ различныхъ департаментахъ Франціи существуетъ до 300 ученыхъ обществъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ 250 ежегодно представляютъ министерству народнаго просвѣщенія свои труды; правительство постоянно оказываетъ имъ поддержку въ ихъ археологическихъ изысканіяхъ“. Къ 100.000 фр., которые были отпускаемы на ученныя путешествія и командировки, прибавлено еще 50.000. Обществу, занимающемуся обнародованіемъ не изданныхъ документовъ, прибавлено 20.000, что вмѣстѣ съ прежними составляетъ 150.000 франковъ.

Изъ суммъ, ассигнованныхъ на среднія учебныя заведенія (лицей и коллегіи), а также на низшія училища, приведу не всѣ, но лишь главнѣйшія, чтобы не утомить вашихъ читателей подробностями. Что касается до лицеевъ и коллегій, то здѣсь обращено было особенное вниманіе на положеніе надзирателей (*maitres répétiteurs*), обязанности коихъ весьма важны въ странѣ, гдѣ каждый лицей — открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ закрытое заведеніе. До сихъ поръ трудно было прискать и еще труднѣе удержать на этихъ должностяхъ вполне достойныхъ людей, вслѣдствіе крайней скудости получаемого ими жалованья. Палата увеличила сумму, отпускавшуюся на этотъ предметъ, болѣе чѣмъ на 50.000 франковъ. Вообще же бюджетъ среднихъ учебныхъ заведеній увеличился на 1.468.000, а низшихъ—на 6.000.000 фр. Содержаніе преподавателей начальныхъ школъ было возвышено еще въ прошломъ году, а нынѣ къ суммѣ, расходуемой на этотъ предметъ, прибавлено еще 1.200.000 фр. Положено употребить 3 милліона на постройку новыхъ и исправленіе старыхъ училищныхъ зданій, и министръ надѣется, что еще до конца

текущаго года можно будетъ привести въ исполнѣнїе удовлетворительное, съ этой стороны, положенїе, по крайней мѣрѣ, 1.000 школь. Въ докладѣ своемъ комиссія палаты заявляетъ, что бюджетъ начальнаго образованїя, считая здѣсь 25 милліоновъ, ассигнуемыхъ правительствомъ, и 60 милліоновъ, доставляемыхъ департаментами и школьнымъ сборомъ, будетъ простирается до 85 милліоновъ: цифра, какъ видите, почтенная.

Пренїя о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенїя продолжались на этотъ разъ цѣлые четыре дня, вслѣдствїе сложныхъ подробностей, относящихся къ нововведенїямъ, которыя были предложены г. Ваддингтономъ. Г. Ваддингтонъ, въ весьма блестящей рѣчи, старался доказать необходимость широкихъ пожертвованїй со стороны правительства. „Первое правительство только что утвержденной республики“, замѣтилъ онъ между прочимъ, — „должно доказать на дѣлѣ, что ничто такъ ему не дорого, какъ народное просвѣщенїе, что оно намѣрено высоко поднять уровень научнаго образованїя во Франціи и создать для страны такїя условїя, при которыхъ она могла бы, разъ на всегда, занять подобающее ей мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ“. По вопросу объ обязательномъ обученїи министръ выразился слѣдующимъ образомъ: „Мы исполнѣнїемъ принимаемъ принципъ обязательнаго обученїя и въ настоящее время уже занимаемся обсужденїемъ того, какими средствами можно было бы примѣнить его у насъ, не затрогивая слишкомъ рѣзко укоренившихся предрасудковъ и привычекъ сельскаго народонаселенїя. Мы надѣемся, что намъ удастся устранить всѣ матеріальныя затрудненїя, и тогда мы предложимъ карательныя мѣры противъ уклоняющихся отъ обученїя своихъ дѣтей, — но минута эта еще не наступила, и предстоитъ еще приготовить очень многое для обезпеченїя успѣха задуманнаго нами дѣла“. Изъ словъ г. Ваддингтона видно, что онъ занятъ теперь собиранїемъ статистическихъ свѣдѣнїй объ обязательномъ начальномъ обученїи: множество селъ вовсе не имѣютъ училищныхъ зданїй, а министерство лишено средствъ принудить ихъ къ постройкѣ этихъ зданїй; оно можетъ лишь выдавать пособїе принимающимъ подобныя постройки. Затѣмъ является вопросъ о приготовленїи учителей: необходимо будетъ позаботиться объ увеличенїи числа учительскихъ семинарїй (ecoles normales); теперь ихъ во Франціи только 95, тогда какъ въ Германїи—около 150.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что г. Ваддингтонъ позаботился объ учрежденїи школьной кассы (caisse des ecoles), на которую ассигно-

вано палатою 100.000 фр. Значеніе ея объяснилъ онъ слѣдующимъ образомъ: Во многихъ общинахъ жители такъ бѣдны, что вынуждены привлекать дѣтей своихъ, съ ранняго возраста, къ работѣ; дѣти ихъ ходятъ въ лохмотьяхъ, покрытыхъ грязью, и живутъ при такихъ условіяхъ, что школы рѣшительно отказываются принимать этихъ несчастныхъ, да и сами они стыдятся поступать въ школу. Благодаря школьной кассѣ, можно будетъ хоть сколько-нибудь улучшить ихъ положеніе, покупать имъ книги, давать пищу тѣмъ изъ нихъ, родители коихъ почти безвыходно находятся на фабрикахъ. Въ настоящее время это—совершенные дикари, и если не позаботиться о нихъ, то они никогда не будутъ похожи на людей. „Именно съ этою цѣлью“, сказалъ министръ,—„и испрашиваю я особый кредитъ. Если, какъ надѣюсь, мѣра эта принесетъ пользу, то на будущій годъ можно будетъ увеличить ассигнованную нынѣ сумму. Трудно было бы, кажется мнѣ, произвести расходъ болѣе производительный и болѣе, такъ сказать, нравственный“.

Въ теченіе преній нѣкоторыми членами палаты депутатовъ заявлено было желаніе, чтобъ учреждены были у насъ высшіе курсы начального образованія (*enseignement primaire supérieur*), которые давали бы сельскому люду возможность пополнять свѣдѣнія, приобретаемыя имъ въ начальныхъ школахъ. Г. Ваддингтонъ согласился, что это было бы весьма полезно, но, по мнѣнію его, крайне трудно привести теперь же въ исполненіе означенную мысль, вслѣдствіе недостатка учителей. Замѣчено было также о необходимости учредить женскія учительскія семинаріи, и г. Ваддингтонъ обѣщавъ подумать объ этомъ.

Словомъ, согласіе между министерствомъ народнаго просвѣщенія и палатою депутатовъ было полное, и только благодаря этому счастливому обстоятельству, явилась возможность осуществить многія изъ нововведеній, на которыхъ давно уже настаивала образованнѣйшая часть нашей публики. Болѣе всего радуются у насъ реформѣ, должепствующей коснуться университетовъ: наконецъ прекратится прежній порядокъ вещей, при которомъ факультеты, не находившіеся въ связи между собою, были разсѣяны по различнымъ городамъ, и явятся у насъ университетскіе центры; наконецъ наши высшія учебныя заведенія будутъ имѣть приватъ-доцентовъ, молодыхъ ученыхъ, которымъ не прійдется дожидаться смерти того или другаго профессора, чтобы занять вакантную каяедру. „Правительство“, замѣтилъ г. Ваддингтонъ въ рѣчи, произнесенной имъ при раздачѣ наградъ

на общемъ конкурсѣ лицеевъ,— твердо рѣшилось вывести народное просвѣщеніе изъ того застоя, въ которомъ оно пребывало такъ долго. Оно убѣждено, что это одно изъ лучшихъ, если не единственно вѣрное средство приучить страну трезво смотрѣть на вещи, внушить ей уваженіе къ порядку и прочности государственныхъ учреждений. Чѣмъ шире разовьется образованіе во Франціи, чѣмъ глубже сдѣлается оно достояніемъ молодыхъ умовъ, тѣмъ надежнѣе ограждено будетъ наше отечество отъ политическихъ смуть и революцій“.

На этотъ разъ ничего не сообщаю вамъ о литературныхъ новостяхъ: время года неблагопріятно для нихъ, и я отлагаю свою бесѣду о книгахъ до слѣдующаго письма.

Л. Д—ръ.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪ ЭКЗАМЕНАХЪ ВЪ ПРУССИИ.

I. Регламентъ экзаменовъ кандидатовъ на высшія учительскія должности въ Пруссіи.

Экзаменныя власти.

§ 1. Экзамены на званіе учителя въ высшихъ школахъ (pro facultate docendi) производятся королевскими учеными экзаменными комиссиями.

Кандидаты на учительскія должности.

§ 2. Экзамену pro facultate docendi подвергаются кандидаты, желающіе приобрѣсти званіе учителя гимназій, прогимназій, реальныхъ или высшихъ городскихъ училищъ.

Заявленіе о желаніи подвергнуться экзамену.

§ 3. Письменное прошеніе о допущеніи къ экзамену подается въ королевскія ученые экзаменныя комиссіи съ означеніемъ какъ специальности, по которой кандидатъ желаетъ доказать свои учительскія способности, такъ и степени учительскаго званія (высшей, средней, низшей), которую желаетъ приобрѣсти. Къ прошенію прилагаются:

- 1) Гимназическое свидѣтельство зрѣлости.
- 2) Выпускное университетское свидѣтельство объ окончаніи трехгодичнаго академическаго курса ¹⁾).

Для кандидатовъ, предназначающихъ себя главнымъ образомъ къ преподаванію новыхъ языковъ въ реальныхъ училищахъ, вмѣсто академическаго трехлѣтія принимается въ разчетъ доказанное пребыва-

¹⁾ На основаніи декрета отъ 30-го іюня 1841 года, по крайней мѣрѣ полгода университетскихъ занятій должны быть проведены въ одномъ изъ прусскихъ университетовъ.

ніе во Франціи или Англии въ теченіе одного или двухъ семестровъ съ цѣлью изученія языка.

3) Свидѣтельство мѣстныхъ властей о поведеніи, если со времени выхода кандидата изъ университета до подачи имъ прошенія прошло болѣе года.

4) Очеркъ жизни кандидата, гдѣ должно быть означено не только его полное имя, мѣсторожденіе, возрастъ, происхожденіе и вѣроисповѣданіе, но также сообщено все необходимое касательно школьнаго воспитанія, имъ полученнаго, и хода его университетскихъ занятій. Особенно желательно представленіе свидѣтельствъ, что кандидатъ упражнялся въ педагогическихъ семинаріяхъ, находящихся при университетахъ и при Мюнстерской академіи.

Такая біографія должна быть изложена на латинскомъ языкѣ; только будущимъ учителямъ новыхъ языковъ дозволяется при этомъ пользоваться языкомъ французскимъ или англійскимъ, а учителямъ математики и естественныхъ наукъ кромѣ того, языкомъ нѣмецкимъ.

§ 4. Королевскія экзаменныя комиссіи, изъ которыхъ находящаяся въ Бреславлѣ предназначается для провинцій Силезіи и Познани, обязаны принимать прошенія только отъ: 1) такихъ кандидатовъ, кои послѣдній годъ академическихъ занятій провели въ университетѣ или академіи того же города, гдѣ и экзаменная комиссія, и притомъ до подачи прошенія имѣли постоянное мѣстоожительство въ той же провинціи, или заявили о своемъ желаніи экзаменоваться въ теченіе перваго года со времени ихъ выхода изъ связаннаго университета; 2) такихъ, кои принадлежатъ къ провинціи въ силу рожденія или мѣстоожительства ихъ родителей; 3) такихъ кандидатовъ изъ другихъ провинцій, кои имѣютъ въ виду служить учителями именно въ этой провинціи. Кандидатамъ, не подходящимъ подъ приведенныя условія, экзаменныя комиссіи могутъ отказывать въ допущеніи къ экзамену, если число поданныхъ прошеній будетъ очень велико.

Относительно вторичныхъ экзаменовъ см. § 37.

§ 5. Кандидаты на учительскія должности, не имѣющіе возможности представить указанныя въ § 3, 1), 2) свидѣтельства, могутъ быть допущены къ экзамену только по особому разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія, о чемъ они ходатайствуютъ сами.

Если комиссія сомнѣвается въ томъ, что кандидатъ обладаетъ достаточными способностями или достаточно подготовленъ къ экзамену, то она можетъ отсовѣтовать кандидату приступать къ нему,

но если тотъ остается при своемъ рѣшеніи, то коммисія не въ правѣ ему отказать.

При значительномъ сомнѣніи въ нравственной безупречности кандидата ему слѣдуетъ отказать.

§ 6. Если *не прусскій подданный* пожелаетъ подвергнуться экзамену на званіе учителя, то коммисія принимаетъ рѣшеніе, соблюдая опредѣленія § 3, и если найдетъ условія, указанныя въ этомъ параграфѣ, выполненными, то испрашиваетъ къ допущенію согласія министра народнаго просвѣщенія, сообщая ему свое мнѣніе, съ приложеніемъ представленныхъ свидѣтельствъ и проч. Прошенія о которыхъ коммисія не найдетъ возможнымъ ходатайствовать, ею отклоняются.

§ 7. *Еврейскіе кандидаты*, если пожелаютъ получить отъ ученой экзаменаціонной коммисіи удостовѣреніе въ способности ихъ занимать высшія учительскія должности, могутъ быть при соблюденіи предписанныхъ условій допущены къ экзамену. Но имъ слѣдуетъ объяснить, что не сдавъ экзамена они еще не приобретаютъ правъ на допущеніе къ пробному учебному году или къ утвержденію ихъ въ званіи учителя при высшихъ общественныхъ училищахъ монархій христіанскаго исповѣданія. Законъ Божій не входитъ въ кругъ предметовъ экзамена еврейскихъ кандидатовъ.

Различіе между *facultas docendi* гимназій и реальныхъ училищъ.

§ 8. Различіе въ объемѣ преподаванія училищъ одной и той же категоріи, гимназій и прогимназій, съ одной стороны, реальныхъ и высшихъ городскихъ училищъ—съ другой, не можетъ служить причиною къ тому, чтобы дѣлать различіе въ производствѣ экзаменовъ. Точно также различіе въ родѣ учебныхъ заведеній, то-есть, между гимназіями и реальными училищами, не должно имѣть существеннаго вліянія на экзаменъ: оно важно лишь въ отношеніи методовъ, съ какою учителя разнородныхъ заведеній передаютъ свои свѣдѣнія.

Поэтому необходимо вообще требовать одинаковой научной подготовки отъ будущихъ учителей гимназій и реальныхъ училищъ по избранной каждымъ изъ нихъ специальности. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это правило не исключаетъ, впрочемъ, принятія во вниманіе различныхъ цѣлей преподаванія въ обоюдо рода учебныхъ заведеніяхъ. Въ какой мѣрѣ и каковымъ способомъ могутъ быть допущены подобныя соображенія, о томъ сказано необходимое далѣе, при указаніи отдѣльныхъ предметовъ экзамена.

Въ принципѣ экзаменъ сообразуется съ требованіями *гимнази*, и признанная за кандидатомъ способность къ преподаванію въ гимназіи даетъ ему вообще право на преподаваніе и въ реальныхъ училищахъ. Отдѣльныя исключенія отсюда, при которыхъ для преподаванія въ реальныхъ училищахъ существуютъ особыя требованія, указаны въ §§ 25, 26, 30.

Если по желанію кандидата, или вслѣдствіе результата экзамена, право его на преподаваніе отдѣльныхъ специальностей будетъ ограничено реальными училищами, то это необходимо точно помѣчать въ экзаменномъ свидѣтельствѣ.

Предметы экзамена.

§ 9. Экзаменъ распространяется 1) на *общее образованіе*, необходимое для каждаго посвящающаго себя учительскому званію, и 2) на тѣ *научныя специальности*, которыя кандидатъ намѣренъ преподавать.

§ 10. *Общее образованіе*. Каждый кандидатъ на учительскія должности, желающій заняться преподаваніемъ въ высшихъ училищахъ, долженъ обладать требуемымъ общимъ образованіемъ въ Законѣ Божіемъ согласно своему исповѣданію, въ философіи и педагогикѣ, въ исторіи, географіи и знаніи языковъ. Что слѣдуетъ требовать въ этомъ отношеніи отъ каждаго кандидата, указано далѣе при отдѣльныхъ предметахъ. Испытывать общее образованіе кандидата слѣдуетъ только по тѣмъ изъ перечисленныхъ предметовъ, изъ которыхъ онъ не имѣетъ намѣренія получить *facultas docendi*. Поэтому, степень общаго образованія по педагогикѣ, которая не входитъ въ университетскій курсъ, слѣдуетъ опредѣлять у каждаго кандидата (см. § 28). Затѣмъ, комиссія предоставляется дѣлать отступленія относительно испытанія общаго образованія, на сколько въ немъ не существуетъ сомнѣнія въ смлу отличнаго выпускнаго университетскаго свидѣтельства кандидата.

При производствѣ экзамена комиссія должна тщательно различать требованія общаго образованія отъ требованій, обращаемыхъ къ кандидату въ случаѣ, если ему дается право на специальное преподаваніе тѣхъ же самыхъ предметовъ.

§ 11. *Научныя специальности*, по которымъ можетъ быть получено *facultas docendi*, суть:

- 1) *историко-филологическая* специальность;

- 2) *математика и естественныя науки;*
- 3) *законы Божій и еврейскій языкъ;*
- 4) *иные языки.*

Способъ экзамена.

§ 12. Экзаменъ *pro facultate docendi* состоитъ изъ письменныхъ работъ и словеснаго испытанія, при чемъ могутъ быть присоединены пробныя уроки (см. § 19).

Письменный экзаменъ.

§ 13. Каждый кандидатъ на учительскія должности долженъ представить сочиненіе на философскую или педагогическую тему, и кромѣ того, обработать одну или двѣ темы изъ области наукъ, избранныхъ имъ своею спеціальностію. На сколько то сообразно съ цѣлями экзамена, при выборѣ темъ для сочиненій обращается вниманіе на особыя занатія и желанія кандидата, а также на его научную точку зрѣнія, или предоставляется ему выборъ изъ нѣсколькихъ темъ.

На изготовленіе письменныхъ работъ дается шестимѣсячный срокъ. Въ нихъ должны быть точно указаны авторомъ всѣ вспомогательныя источники, и вмѣсто присяги приложено письменное удостовѣреніе, что работы выполнены имъ безъ посторонней помощи. При представленіи особо мотивированной просьбы срокъ можетъ быть продолженъ но не свыше другихъ шести мѣсяцевъ. По минованіи послѣдняго срока, работы перестаютъ считаться дѣйствительными.

Работы по классической филологіи и древней исторіи должны быть написаны на латинскомъ языкѣ; впрочемъ, для древней исторіи въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть допущенъ и нѣмецкій языкъ. Письменныя работы по новымъ языкамъ должны быть изготовлены на томъ языкѣ, къ которому относятся. При прочихъ наукахъ представляются работы на нѣмецкомъ языкѣ, буде экзаменующійся самъ не выберетъ для этого латинскаго, французскаго или англійскаго языка.

Представленныя работы письменно обсуждаются тѣмъ членомъ комисіи, чьей спеціальности касаются.

Коммисія въ правѣ, буде найдетъ необходимымъ для лучшаго ознакомленія съ научными познаніями кандидата, задать ему, кромѣ сказанныхъ работъ, еще добавочныя: одну или болѣе, для обработки ихъ безъ помощи источниковъ, именно переводъ нѣмецкаго текста

на греческій, латинскій, французскій или англійскій языкъ, или рѣшеніе математическихъ задачъ.

При представленіи вполнѣ неудовлетворительныхъ письменныхъ работъ, если выказанная въ нихъ степень развитія кандидата не даетъ надежды ожидать болѣе успѣшнаго результата и отъ изготвленія новыхъ, кандидату отказывается въ устномъ экзаменѣ (см. § 35).

§ 14. *Исключенія.* Отъ обработки научной специальной темы могутъ быть избавлены тѣ кандидаты, кои на основаніи формальнаго устнаго экзамена и печатной, публично защищенной диссертациі на ученую степень удостоены званія доктора философіи какимъ-либо прусскимъ университетомъ или Мюнстерскою академіей. Если подобный кандидатъ домогается получить *facultatem docendi* до высшаго класса включительно, и притомъ по тѣмъ специальностямъ, кои чужды содержанія его диссертациі, то онъ обязанъ представить по этимъ специальностямъ предписанныя научныя работы. Отъ представленія нѣмецкаго сочиненія на философскую или педагогическую тему (§ 13) и удостоенные ученой степени кандидаты освобождены быть не могутъ.

Точно также комиссія можетъ допустить, въ замѣтъ письменной экзаменной работы, представленіе прежняго авторскаго труда кандидата, наиримѣръ, удостоеннаго медали какимъ-либо прусскимъ университетомъ или Мюнстерскою академіей, и вообще рабѣ отпечатаннаго другаго сочиненія кандидата.

Если кандидатъ, удостоенный званія доктора философіи однимъ изъ прусскихъ университетовъ, выкажетъ при устномъ экзаменѣ такія недостаточныя познанія и такой недостатокъ общаго образованія, что комиссія вынуждена будетъ отказать ему, какъ не выдержавшему экзамена, то о такихъ случаяхъ директоръ экзаменной комиссіи обязанъ каждый разъ извѣщать министерство съ представленіемъ самого протокола экзамена.

Относительно кандидатовъ, выдержавшихъ богословскій экзаменъ, см. § 27.

Устный экзаменъ.

§ 15. Цѣль устнаго экзамена—убѣдиться, обладаетъ ли кандидатъ, кромѣ общаго образованія, необходимаго для преподаванія въ высшихъ училищахъ, достаточными для того же познаніями въ своей специальности, и на сколько онъ знаетъ связь ихъ съ родственными областями, входящими въ учебный планъ. На усмотрѣніе комиссіи предо-

ставляется, принимать ли при устномъ экзаменѣ въ разчетъ представленныя письменныя работы, и въ какой именно мѣрѣ.

Экзаменъ кандидатовъ, желающихъ приобрести *facultatem docendi* въ высшихъ классахъ гимназій по предмету классической филологіи, слѣдуетъ вести на латинскомъ языкѣ и такъ, чтобъ убѣдиться въ полной легкости, съ какою говоритъ на немъ кандидатъ. Точно тоже относится и до экзамена наъ новыхъ языковъ (См. § 25).

§ 16. Въ одинъ и тотъ же срокъ экзаменуются не болѣе трехъ кандидатовъ. Установленіе сроковъ на цѣлый годъ предоставляется комисіи. Во время университетскихъ вакацій экзаменовъ не бываетъ.

§ 17. При устномъ экзаменѣ, кромѣ экзаменатора, долженъ присутствовать директоръ и по крайней мѣрѣ еще одинъ членъ комисіи.

§ 18. Объ устномъ испытаніи cadaго экзаменующагося составляется особый протоколъ. Онъ подписывается всѣми членами комисіи и вмѣстѣ съ письменными работами присоединяется къ дѣлу.

Пробные уроки.

§ 19. Слѣдуетъ ли въ дополненіе къ устному экзамену требовать отъ кандидата пробнаго урока, рѣшаетъ соотвѣтствующій специалистъ экзаменаторъ. Онъ необходимо присутствуетъ при пробномъ урокѣ, прочіе же члены комисіи, — буде пожелаютъ. Учитель, въ чьи часы происходитъ пробный урокъ, также присутствуетъ на немъ; само собою разумѣется, что и директору заведенія предоставляется свободный доступъ.

По окончаніи пробныхъ уроковъ дѣлается помѣтка о ихъ успѣшности въ экзаменаціонномъ свидѣтельствѣ.

О пробныхъ урокахъ, назначаемыхъ по прошествіи пробнаго года, см. § 40.

Степени *facultatis docendi*.

§ 20. Смотра по общему результату экзамена, комисіи выдаетъ кандидатамъ, выдержавшимъ его, свидѣтельство *первой, второй* или *третьей степени*. Первое даетъ право на преподаваніе въ *высшихъ* классахъ (примѣ и оберъ-секундѣ), второе—въ *среднихъ* (унтеръ-секундѣ, оберъ и унтеръ—терціи), третье—въ *низшихъ* (квартѣ, квинтѣ, секстѣ).

Общее различіе между тремя степенями свидѣтельствъ.

§ 21. I. Для полученія свидѣтельства *первой степени* требуется:
1) Достаточное общее образованіе.

2) А. По *историко-филологической специальности*:

или а) способность преподавать греческій, латинскій и нѣмецкій языки во всѣхъ классахъ, кромѣ того, исторію и географію или законъ Божій въ среднихъ классахъ;

или б) греческій и латинскій языки, исторію и географію во всѣхъ классахъ, и кромѣ того, нѣмецкій языкъ или законъ Божій въ среднихъ классахъ,

или с) исторію и географію во всѣхъ классахъ, греческій и латинскій языки въ среднихъ классахъ, и кромѣ того, нѣмецкій языкъ и законъ Божій также въ среднихъ классахъ.

В. По *математикѣ и естественнымъ наукамъ*:

или а) способность преподавать математику и физику во всѣхъ классахъ, кромѣ того философскую пропедевтику въ примѣ и описательныя естественныя науки, или законъ Божій, или латинскій и нѣмецкій языки, или одинъ изъ новыхъ языковъ въ среднихъ классахъ;

или б) химію и описательныя естественныя науки во всѣхъ классахъ и математику въ среднихъ классахъ, кромѣ того физику и нѣмецкій языкъ, или законъ Божій, или латинскій и нѣмецкій языки, или одинъ изъ новыхъ языковъ въ среднихъ классахъ.

С. По *закону Божію и еврейскому языку*: способность преподавать оба эти предмета во всѣхъ классахъ, кромѣ того нѣмецкій, или французскій языкъ, или исторію также во всѣхъ классахъ, латинскій же и греческій языки, или математику и физику въ среднихъ классахъ.

Д. По *новымъ языкамъ*: способность преподавать французскій и англійскій языки во всѣхъ классахъ, кромѣ того или оба древніе языка, или латинскій и нѣмецкій, или законъ Божій, или исторію и географію, или математику и описательныя естественныя науки въ среднихъ классахъ.

Для полученія свидѣтельства *второй* степени требуется:

1) Достаточное общее образованіе.

2) Способность преподавать въ среднихъ классахъ:

или А. греческій, латинскій и нѣмецкій языки, или греческій, латинскій, исторію и географію;

или В. математику, физику и по крайней мѣрѣ одну изъ описательныхъ естественныхъ наукъ, или всѣ описательныя естественныя науки;

или С. законъ Божій, и кромѣ того, оба древніе языка, или нѣ-

мецкій, или французскій, или исторію и географію, или математику и физику;

или D. оба новые языка, и кромѣ того, или латинскій и нѣмецкій языки, или нѣмецкій языкъ, исторію и географію, или математику и одну изъ описательныхъ естественныхъ наукъ.

Е. наконецъ, способность преподавать, кромѣ того, одинъ или нѣсколько предметовъ въ высшихъ классахъ.

Если экзаменомъ будетъ доказана большая способность, чѣмъ къ преподаванію учебныхъ предметовъ, перечисленныхъ въ отдѣлѣ II. 2. А. В. С. D., то это служитъ къ большей рекомендаціи кандидата и помѣщается въ свидѣтельствѣ, но общее значеніе свидѣтельства отъ этого не измѣняется. То же самое, если кандидатъ обнаружитъ познанія въ предметахъ, перечисленныхъ въ отд. 2. А. В. С. D. въ размѣрахъ, достаточныхъ для преподаванія въ оберъ-секундѣ, или въ одномъ изъ нѣкоторыхъ познаній, достаточныхъ для примы.

Свидѣтельство второй степени выдается и тогда, когда кандидатъ обладаетъ знаніями, достаточными для полученія свидѣтельства первой степени, но недостаточнымъ общимъ образованіемъ.

III. Свидѣтельство *третьей* степени выдается, когда спеціальныя познанія кандидата достаточны для свидѣтельства второй степени, но оказывается недостатокъ общаго образованія, или на оборотъ.

Въ свидѣтельствахъ кандидатовъ, не удовлетворившихъ требованіямъ общаго образованія по закону Божію, или философіи, или исторіи, вводится условіе, что предварительно ихъ окончательнаго опредѣленія на должность, они пополняютъ эти пробѣлы и обязуются доказать это на дополнительномъ экзаменѣ передъ экзаменаціонною комиссіей.

То же самое соблюдается относительно католиковъ-кандидатовъ на учительскія должности, если ихъ нельзя было проэкзаменовать изъ закона Божія за недостаткомъ между членами экзаменной комиссіи спеціалиста по закону Божію католическаго исповѣданія.

Въ свидѣтельствахъ второй и третьей степени можетъ быть помѣщаемъ совѣтъ подвергнуться по прошествіи нѣкотораго времени дополнительному экзамену на высшую степень (ср. § 37).

Коммисіи предоставляется на основаніи результата предшествовавшаго экзамена опредѣлить, черезъ сколько времени можетъ послѣдовать экзаменъ дополнительный.

Для занятія должности старшаго учителя требуется свидѣтельство, дающее право на преподаваніе въ среднихъ классахъ, и кромѣ

того, указывающее, что по крайней мѣрѣ изъ двухъ учебныхъ предметовъ кандидатъ приобрѣлъ *facultatem docendi* для прѣмы.

Боролевскія провинціальныя училищныя коллегіи могутъ также требовать отъ кандидатовъ и учителей, получившихъ свидѣтельство первой степени, дополнительнаго экзамена, при опредѣленіи ихъ на должность, если тѣ долгое время послѣ перваго испытанія не занимались преподаваніемъ въ общественныхъ училищахъ, или не преподавали своей специальности въ высшихъ классахъ.

Размѣръ требованій изъ отдѣльныхъ предметовъ.

§ 23. А. *Греческій и латинскій языки.* Для преподаванія въ младшихъ классахъ главнымъ образомъ требуется твердое знаніе греческой и латинской элементарной грамматики. Кандидатъ долженъ твердо помнить правила и при переводѣ вѣрно прилагать ихъ. Ему необходимо умѣть вѣрно переводить писателей, читаемыхъ начинающими, и обладать необходимыми знаніями изъ исторіи и учрежденій древности для объясненія этихъ писателей.

Отъ учителей въ среднихъ классахъ требуется твердое знаніе греческой и латинской грамматики, при чемъ они должны обладать умѣньемъ схватывать особенности древнихъ языковъ и давать ученикамъ объясненія, выходящія за предѣлы учебниковъ. Такихъ писателей, какъ Гомеръ и Ксенофонтъ, Виргилій, Цицеронъ, Ливій и Цезарь, за исключеніемъ особенно трудныхъ мѣстъ, они должны переводить совершенно свободно. Имъ должно быть извѣстно самое важное изъ древней литературы и исторіи, изъ древностей, мѣологии и стихосложенія древнихъ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ они при объясненіи писателей не дѣлали недомолвокъ или ошибокъ, а гдѣ ихъ познанія оважутся недостаточными, успѣли бы воспользоваться для пополненія ихъ лучшими вспомогательными сочиненіями.

Для преподаванія филологіи въ высшихъ классахъ, кромѣ научнаго знанія греческой и латинской грамматики, требуется основательное изученіе и начитанность въ классикахъ на обоихъ языкахъ, особенно въ тѣхъ, кои читаются въ примѣ и секундѣ, общее знакомство съ исторіей и современнымъ состояніемъ филологіи, знакомство съ филологическою методикою, а также твердость и легкость при письменномъ и словесномъ употребленіи латинскаго языка. Въ филологическихъ наукахъ, именно въ исторіи греческой и римской словесности, древностяхъ, мѣологии и метрикѣ, не слѣдуетъ требовать

отъ кандидата спеціальнаго знанія всѣхъ частей, но все-таки при экзаменѣ онъ долженъ обнаружить, что достаточно занимался главными частями этихъ наукъ и способенъ дополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ самостоятельными занятіями. Кромѣ общаго историческаго образованія, для филолога-учителя въ высшихъ классахъ гимназій требуется твердое знаніе древней исторіи. Особенно желательно для такихъ учителей, чтобъ они распространяли свои занятія и на археологію искусства; буде это будетъ доказано кандидатомъ, то слѣдуетъ упоминать о томъ въ свидѣтельствѣ.

Впрочемъ, слѣдуетъ вообще замѣтить, что какъ ни необходимо для филологовъ-учителей высшихъ классовъ знаніе вспомогательныхъ филологическихъ наукъ, экзаменъ ихъ не долженъ принимать обширнаго энциклопедическаго характера, но главнымъ образомъ долженъ быть свидѣтельствомъ занятій, направленныхъ на болѣе узкую область, съ нѣкоторою самостоятельностью въ изученіи и взглядахъ. Если кандидатъ занимался предпочтительно однимъ изъ требуемыхъ авторовъ, то на это слѣдуетъ обращать вниманіе при устномъ испытаніи.

Для преподаванія латинскаго языка въ *реальныхъ училищахъ* требованія филологическихъ знаній могутъ быть нѣсколько смягчены; но все-таки слѣдуетъ требовать знанія латинскаго и греческаго языка и литературы въ размѣрахъ не меньшихъ, чѣмъ для среднихъ классовъ гимназій.

Кандидаты на учительскія должности, не имѣющіе въ виду заниматься преподаваніемъ филологіи, все-таки должны умѣть переводить легкій латинскій текстъ и особенно давать отчетъ о значеніи греческой и латинской терминологіи, входящей въ ихъ спеціальность.

§ 24. В. *Нѣмецкій языкъ.* Для преподаванія нѣмецкаго языка въ *низшихъ и среднихъ классахъ*, кромѣ удовлетворительнаго сочиненія, требуется твердое знаніе нѣмецкой элементарной грамматики, знакомство съ синонимикой языка, съ важнѣйшими правилами стилистики, далѣе, нѣкоторыя знанія относительно хода развитія новой германской литературы, и наконецъ, умѣнье соотвѣтственно и вѣрно разобрать не особенно трудное нѣмецкое стихотвореніе, также и въ отношеніи стихосложенія.

Желающій получить право преподаванія нѣмецкаго языка въ *высшихъ классахъ* долженъ въ своей письменной работѣ выказать развитое чувство формы, быть знакомымъ съ теоріей стиля, съ главнѣйшими явленіями и ходомъ развитія германской литературы, осо-

бенно съ поэтическими произведеніями классическаго періода среднихъ вѣковъ и новаго времени, и при разъясненіи ихъ обнаружить эстетическое пониманіе. Кроме того, еще должно: или доказать такое знаніе исторіи развитія языка, что могъ бы читать и объяснять древній верхнегерманскій и среднегерманскій тексты и дать отчетъ о законахъ нѣмецкаго словопроизводства, или доказать такіа познанія въ философіи, выходящія за уровень общаго образованія, которыя давали бы ему право на преподаваніе философской преподаванія въ гимназіяхъ.

Существуетъ ли достаточное общее знаніе нѣмецкаго языка у тѣхъ кандидатовъ на учительскія должности, кои не избираютъ его спеціальностью, ижели умѣютъ ли они точно и соотвѣтственно употреблять его,—объ этомъ комиссия имѣетъ достаточные случаи убѣдиться при устныхъ и письменныхъ испытаніяхъ по другимъ отдѣламъ; потому особеннаго экзамена въ этомъ отношеніи не производится.

§ 26. С. *Новые языки.* Способность преподавать французскій и англійскій языки въ *высшихъ и среднихъ классахъ* можетъ считаться доказанною, когда кандидатъ представитъ въ видѣ письменной одионочной работы (Clausurarbeit) безошибочный въ общемъ переводъ съ нѣмецкаго на французскій или англійскій не особенно труднаго по содержанію и выраженіямъ отрывка, и когда при устномъ экзаменѣ онъ выкажетъ, что соединяетъ съ достаточнымъ знаніемъ французской и англійской элементарной грамматики способность легко переводить и объяснять предложенныя ему образцы классическихъ писателей, общее знакомство съ главнѣйшими явленіями соотвѣтственной литературы и въ некоторую легкость въ разговорномъ языкѣ.

Для преподаванія во *высшихъ классахъ* требуется, чтобы французское и англійское сочиненіе обнаруживало извѣстную свободу и твердость въ употребленіи языка, какъ въ отношеніи своеобразности выраженій, такъ и въ отношеніи грамматическихъ законовъ языка. Устное испытаніе должно быть направлено къ тому, чтобы узнать, обладаетъ ли кандидатъ точнымъ знаніемъ грамматики и метрики, знакомъ ли съ выдающимися явленіями литературы, и читалъ ли онъ съ достаточнымъ пониманіемъ творенія важнѣйшихъ авторовъ классическаго періода, а также умѣетъ ли точно и легко выразиться, обладая при томъ хорошимъ произношеніемъ. Чтобы удостовѣриться въ последнемъ, экзаменъ производится на французскомъ или англійскомъ языкѣ.

Желательно знаніе главныхъ фактовъ въ романскомъ языкознаніи и историческомъ развитіи обоихъ языковъ.

При испытаніи общаго образованія (см. § 10) будущихъ учителей новыхъ языковъ, должно преимущественно удостовѣряться въ томъ, обладаютъ ли они достаточными свѣдѣніями въ латинской грамматикѣ.

Кандидаты, которые, кромѣ общаго образованія, въ состояніи доказать способность преподавать лишь французскій и англійскій языки, или одинъ изъ нихъ, могутъ быть только въ видѣ исключенія назначаемы учителями по своей специальности въ высшихъ училищахъ, но и при этомъ они исключаются отъ мѣстныхъ среди учительской коллегии данного введенія. Если они въ состояніи преподавать во всѣхъ классахъ, то они получаютъ свидѣтельство второй степени; если же могутъ преподавать лишь одинъ изъ языковъ и оба лишь въ среднихъ классахъ, то получаютъ свидѣтельство третьей степени.

Кто не имѣетъ въ виду преподавать новые языки, все-таки долженъ умѣть переводить болѣе легкихъ французскихъ писателей.

Кандидаты, желающіе получить свидѣтельство на право преподаванія польскаго языка, должны подвергаться экзамену въ знаменитой комисіи въ Бреславлѣ. При выдачѣ въ такихъ случаяхъ свидѣтельства той или другой степени, польскій языкъ считается какъ бы заступающимъ мѣсто англійскаго.

§ 26. D. *Исторія и географія*. Для преподаванія географіи и исторіи въ *низшихъ и среднихъ классахъ* требуется, чтобы кандидату было известно обзорнѣе всеобщей исторіи и точно знакома отечественная исторія, при чемъ то и другое было бы основано на точномъ знаніи географіи и хронологіи; кромѣ того, чтобы онъ былъ знакомъ съ лучшими научными пособиями и сочиненіями по этой части.

Для преподаванія исторіи въ *высшихъ классахъ* требуется отъ кандидата знаніе древней исторіи, соединенное съ ясными географическими представленіями, знакомство съ религіями, общественною и частною жизнью древнихъ народовъ, близкое знакомство съ ходомъ развитія всемірной исторіи и особенно съ исторіей Германскаго народа и исторіей Пруссіи. Кандидатъ долженъ быть знакомъ съ методой критическаго изслѣдованія въ исторіи и съ главными произведеніями исторической литературы, имѣющими предметомъ классическую древность и Германію, а также самостоятельно изучить какой-либо отдѣлъ исторіи по источникамъ. Для этого онъ долженъ

быть въ состояніи читать исторіи въ классической древности, и кромѣ того, по крайней мѣрѣ, французскихъ, на ихъ собственномъ языкѣ.

Если кандидатъ не изучалъ по источникамъ древней и средней исторіи, но знакомъ съ самыми фактами и ихъ связью, а также окажется хорошія знанія въ исторіи изобрѣтеній, путешествій, открытій и международныхъ сношеній въ древнее и новое время, то тогда, при соблюденіи прочихъ условий для преподаванія исторіи, ему можетъ быть дано право на преподаваніе въ *высшихъ* классахъ *реальныхъ училищъ*.

Для преподаванія географіи въ *высшихъ* классахъ кандидаты обязаны доказать, что систематически изучали всѣ отдѣлы географической науки и приобрѣли въ нихъ такое знаніе подробностей, что знать не только естественное устройство странъ и ихъ вліаніе на свойства и развитіе народовъ, но также и ихъ политическія обстоятельства, дабы тѣмъ успѣшнѣе создавать историческую часть преподаванія съ географическою. Кто не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, тотъ для полученія полнаго права преподавать географію въ *реальныхъ училищахъ* обязанъ сдать добавочный экзаменъ, что и полагается въ экзаменномъ свидѣтельствѣ.

Для кандидатовъ, не желающихъ специально преподавать исторію и географію, достаточно общаго знакомства съ всемірною исторіей, основаннаго на знаніи хронологіи и географіи, на сколько то вообще необходимо каждому научно развитому человѣку. Въ особенности не должны быть чужды учителю исторіи и географія его нѣмецкаго и прускаго отечества.

§ 27. Е. *Богословіе и еврейскій языкъ*. Для преподаванія закона Божія въ *низшихъ и среднихъ* классахъ требуется знакомство съ содержаніемъ и внутреннею связью Священнаго Писанія и съ церковнымъ ученіемъ, а также знаніе главныхъ моментовъ въ исторіи развитія христіанской церкви. Учителя закона Божія въ среднихъ классахъ должны уметь, кромѣ того, читать и объяснять Новый Заветъ въ полнѣннѣхъ.

Право преподавать законъ Божій въ *высшихъ* классахъ можетъ быть дано только тѣмъ кандидатамъ, которые, благодаря постояннымъ занятіямъ, подробно знакомы съ содержаніемъ и внутреннею связью Священнаго Писанія, свѣдуци въ богословскихъ наукахъ, во введеніи въ Ветхій и Новый Заветъ, а также въ библейской археологіи. Далѣе отъ нихъ слѣдуетъ требовать умѣнья развивать и научно доказывать основы христіанскаго вѣрученія и нравственности, изъ церковной же

исторіи не только общій обзоръ, но и близкое знакомство съ тѣми событіями и лицами, кои имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе церкви и церковнаго ученія.

Кандидаты евангелическаго богословія, кои докажутъ, что они хорошо выдержали первый и второй богословскій экзамень, при экзаменѣ pro facultate docendi избавляются отъ представленія письменной работы по предмету закона Божія. Словесное испытаніе ихъ по преимуществу сосредоточивается на своеобразныхъ требованіяхъ преподаванія закона Божія въ высшихъ училищахъ. Точно также поступается съ удостоенными въ прусскихъ университетахъ званія лиценціата евангелическаго богословія.

Католическіе духовные, желающіе вступить учителями закона Божія въ гимназій, не подвергаются экзамену изъ богословскихъ наукъ, если они удостоены гіте званіа доктора или лиценціата богословія въ одномъ изъ прусскихъ университетовъ или академій, точно также если они выдержали pro cura предшсанный епархіальный экзамень; но они должны доказать передъ надлежащимъ членомъ экзаменаціонной комисіи свою способность преподавать законъ Божій при различныхъ степеняхъ развитія учениковъ и приобрести свидѣтельство pro facultate docendi изъ еврейскаго языка. Последняго свидѣтельства не требуется при опредѣленіи на службу законоучителемъ въ реальное или высшее городское училище. Свидѣтельства, выдаваемые этимъ обоимъ рода законоучителямъ, не раздѣляются на три степени.

Относительно тѣхъ кандидатовъ на учительскія должности, кои не посвящаютъ себя преподаванію специально закона Божія, слѣдуетъ всегдѣ наблюдать, обладаютъ ли они необходимыми для каждаго учителя высшаго учебнаго заведенія знаніемъ главныхъ основъ ихъ исповѣданія и общаго обзорѣнія исторіи ихъ церкви, а кромѣ того, достаточно ли они знакомы съ содержаніемъ и внутреннею связью Священнаго Писанія.

При испытаніи изъ *еврейскаго языка* требуется отчетливое знаніе его словопроизводства и синтаксиса, а также нѣкоторая легкость при переводѣ и объясненіи историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта и Псалмовъ.

Для учителей классической филологіи не необходимо, но желательно, чтобъ они подвергались испытанію изъ еврейскаго языка; если они не выполняютъ этого, то о томъ слѣдуетъ положительно упоминать въ экзаменаціонныхъ свидѣтельствахъ.

§ 28. *Философія и педагогика*. Отъ каждаго кандидата на учи-

тельскія должности слѣдуетъ требовать знанія важнѣйшихъ законовъ логики и главныхъ фактовъ опытной психологіи. Точно также каждый долженъ доказать, что онъ со вниманіемъ и пониманіемъ прочелъ одно изъ важнѣйшихъ философскихъ сочиненій, по собственному выбору. Отвѣты каждаго кандидата при его словесномъ и письменномъ испытаніи должны доказывать, что онъ уже достигъ нѣкоторой самостоятельности и внутреннего порядка въ способъ мышленія. Далѣе, необходимо въ каждомъ нѣкоторое знаніе исторіи философій (у филологовъ особенно древней) и общее знакомство съ исторіей новой педагогики и главнѣйшими правилами методики.

Отъ кандидатовъ, желающихъ преподавать *философскую преподавательскую*, прежде всего слѣдуетъ требовать, чтобъ они чрезъ знакомство съ основными понятіями метафизики достигли разумнѣя сущности философій,—въ особенности же, чтобъ они были знакомы съ формальною логикой по Аристотелю и Канту, съ опытною психологіей и главными эпохами въ исторіи философій; кромѣ того, чтобъ имъ была точно извѣстна одна изъ важнѣйшихъ философскихъ системъ по ихъ собственному выбору, и притомъ, чтобъ они не упустили также изученія общей грамматики. Кромѣ того, они должны выказать близкое знакомство съ исторіей педагогики, въ особенности съ развитіемъ ея, начиная съ XVI столѣтія.

§ 29. G. *Математика и физика.* Для преподаванія счета и математики въ *низшихъ классахъ* достаточно знаніе элементарной планиметріи и стереометріи, общей ариметики, начальной алгебры и методики обученія счету.

Для *среднихъ классовъ* требуется знаніе геометріи на плоскости и геометріи тѣлъ, плоскостной и сферической тригонометріи, алгебры до уравненій 3-й и 4-й степени, аналитической геометріи на плоскости съ приложеніемъ къ коническимъ сѣченіямъ, основаній дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, равно какъ началъ статики.

Право на преподаваніе математики въ *высшихъ классахъ* можетъ быть дано только кандидатамъ, оказавшимся на экзаменѣ математиками, вполне владеющими предметомъ (*ausgebildete Mathematiker*), на столько усвоившими высшую геометрію, высшій анализъ и аналитическую механику, что могутъ производить съ успѣхомъ самостоятельныя изслѣдованія въ этой области.

Относительно *физики*, для преподаванія въ *среднихъ классахъ реальныхъ училищъ* требуется общее знаніе этой области науки, соединенное съ яснымъ пониманіемъ сущности важнѣйшихъ явленій природы

и ея законовъ, а также знакомство съ устройствомъ и употребленіемъ болѣе простыхъ физическихъ приборовъ.

Для преподаванія въ *высшихъ классахъ*, кромѣ того, слѣдуетъ требовать знанія теорій математической физики и вытекающихъ отсюда методовъ, вѣдѣть съ точнымъ знаніемъ физическихъ приборовъ и опытнымъ умѣемъ обращаться съ ними; далѣе, необходимо знаніе началъ астрономіи, какъ требованіе для преподаванія математической географіи.

Всѣ кандидаты, подвергающіеся экзамену изъ математики и физики, обязаны выказать общія свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ (химіи, минералогіи, зоологіи, ботаникѣ), хотя бъ и не имѣли въ виду преподавать послѣднія, дабы показать, что они обладаютъ справедливымъ сужденіемъ относительно содержанія этикъ наукъ, ихъ объема и отношенія къ другимъ наукамъ.

§ 30 Н. *Химія и описательная естественная наука.* Изъ химіи требуется то, что необходимо для пониманія важнѣйшихъ физическихъ и физиологическихъ явленій, и что входитъ въ новѣйшіе учебники физики и химической технологіи, именно знаніе химическихъ процессовъ, элементовъ, отношеній ихъ другъ къ другу, реакцій, происходящихъ между ними и т. д. Въ производствѣ опитовъ кандидату необходима нѣкоторая ловкость. Для преподаванія въ примѣ, кромѣ того, требуется знаніе химической технологіи, важнѣйшихъ частей органической химіи, умѣніе производить качественный анализъ и нѣкоторый навыкъ въ производствѣ количественнаго, а также ниже подробно указанный объемъ знаній изъ минералогіи.

По *зоологіи, ботаникѣ и минералогіи* слѣдуетъ признавать способнымъ для преподаванія въ *низшихъ и среднихъ классахъ* того кандидата, который по личному опыту знаетъ наичаще встрѣчающіеся, особенно отечественные природные продукты, умѣетъ указать ихъ характеристическіе признаки, знакомъ съ основными правилами естественной классификаціи и естественнoисторическими системами, а также съ общими геогностическими фактами и принятыми взглядами относительно исторіи образованія земной коры.

Отъ кандидатовъ, посвящающихъ себя преподаванію естественной исторіи въ *высшихъ классахъ*, преимущественно реальныхъ училищъ, должно требовать точнаго знанія всѣхъ главныхъ формъ трехъ царствъ природы. Въ *зоологіи и ботаникѣ* такой кандидатъ долженъ выказать достаточное знакомство съ общими ученіями физиологіи, съ образомъ жизни, преимущественно отечественныхъ животныхъ, съ геогра-

фическимъ, распредѣленіемъ животныхъ и растений, знаніе основанія естественной систематики, существенное изъ различныхъ естественно-историческихъ системъ и ихъ историческую послѣдовательность. По *минералогіи* требуется знаніе главнѣйшихъ отдѣловъ ортотогонической системы, элементовъ кристаллографіи и важнѣйшихъ кристаллообразованій, химическаго состава и физическихъ свойствъ отдѣльныхъ, особенно примѣчательныхъ веществъ. По *геомозіи* требуется знаніе главнѣйшихъ горныхъ породъ, характеристическихъ въ особенности для различенія формаций служащихъ окаменѣлостей, способъ наслоенія и географическое нахождение формаций, равно какъ основанный на естественно-историческихъ знаніяхъ взглядъ относительно исторіи образованія земной коры.

При всемъ экзаменѣ слѣдуетъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на то, соединяетъ ли кандидатъ съ подробнымъ знаніемъ по крайней мѣрѣ одной одной описательной естественной науки достаточно глубокое съ современной точки зрѣнія пониманіе ея, чтобы учить элементамъ каждой науки соотвѣтственно ея принципу и сущности и развивать подробности на основаніи собственныхъ точныхъ знаній.

Каждый учитель описательныхъ естественныхъ наукъ долженъ также обладать математическими знаніями, потребными для преподаванія въ среднихъ классахъ.

Если познанія кандидата въ естественной исторіи менѣе тѣхъ, кои требуются для *реальныхъ училищъ*, то объ этомъ дѣлается пометка въ экзаменаціонномъ свидѣтельствѣ, и при опредѣленіи кандидата въ реальное училище ставится ему въ обязанность подвергнуться добавочному испытанію.

Общія правила.

§ 31. 1) По каждой научной области, въ которой экзаменующійся желаетъ получить *facultas docendi*, онъ обязанъ выказать и соразмѣрное знаніе ея литературы.

2) При утвержденіи за вѣмъ-либо высшей степени учительскаго званія всегда должно предполагаться, что кандидатъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ болѣе низшихъ степеней, такъ что, напри- мѣръ, учитель филологіи въ высшихъ классахъ не долженъ оказываться какъ-либо нетвердымъ въ элементарной грамматикѣ, метрикѣ и т. д., или точно также учитель математики высшихъ классовъ долженъ быть способенъ преподавать ариметику въ шестѣ и вѣнтѣ.

§ 32. По окончаніи устного экзамена о результатѣ его, принимая въ то же время во вниманіе результаты письменныхъ работъ, происходитъ словесное совѣщаніе и голосованіе между членами комисіи. При равенствѣ голосовъ вопросъ рѣшается голосомъ директора.

Отказъ.

§ 33. Кандидаты, не выдержавшіе экзамена, могутъ только по прошествіи полугода подавать прошеніе о допущеніи ихъ къ новому экзамену, если при этомъ комисіей не назначено болѣе долгой отсрочки (ср. § 35). Кто не выдержитъ и вторичнаго испытанія, тотъ допускается вновь къ нему лишь съ разрѣшенія министра. Третье повтореніе экзамена не допускается.

Форма свидѣтельства.

§ 34. На основаніи протокола экзамена выдается кандидату подписанное директоромъ и прочими членами комисіи свидѣтельство, которое содержитъ въ себѣ:

а) полное имя, мѣсто и день рожденія, вѣроисповѣданіе кандидата, званіе его отца, указаніе на школу и свидѣтельство, съ которымъ онъ изъ нея вышелъ, нашолецъ, университетъ, или университеты, посѣщенные имъ, а также ученую степень, буде имѣеть такую отъ одного изъ отечественныхъ университетовъ;

б) результаты экзаменовъ, по различнымъ специальностямъ, при чемъ слѣдуетъ упоминать и о недостаткахъ, замѣченныхъ въ научныхъ повнаніяхъ кандидата;

в) опредѣленное указаніе степени свидѣтельства, получаемого кандидатомъ, при чемъ прибавляется краткій перечень предметовъ и классовъ, по которымъ кандидату дано *facultas docendi*.

(На усмотрѣніе комисіи предоставляется, смотря по личности и образованію кандидата, прибавлять здѣсь рекомендацію о его способностяхъ къ учительской должности вообще).

г) наконецъ, замѣчаніе, чтобы кандидатъ письменно увѣдомилъ, вмѣстѣ съ представленіемъ своего свидѣтельства, училищную коллегію той провинціи, въ коей желаетъ служить, и гдѣ намѣренъ основать свое мѣстопробываніе, а въ соответственный провинціальный училищный совѣтъ по возможности явился лично, главнымъ образомъ для того, чтобы получить увѣдомленіе и указаніе относительно пробнаго года (см. § 40).

Въ экзаменнихъ свидѣтельствахъ не прусскимъ кандидатамъ слѣдуетъ помѣчать, что, приобрѣтя свидѣтельство, они не могутъ еще претендовать на помѣщеніе въ учительскую должность въ Пруссіи.

§ 35. Кандидатамъ, не выдержавшимъ экзамена, также выдается свидѣтельство, гдѣ точно указывается время, по прошествіи котораго имъ слова дозволено явиться на экзаменъ. Объ этомъ срожѣ, равно и о причинахъ отказа кандидату, сообщается всѣмъ прочимъ экзаменнымъ комиссіямъ.

§ 36. *Иностранные кандидаты на учительскія должности или учителя*, призываемые непосредственно прусскими училищными властями, или съ ихъ согласіемъ, въ прусскую учительскую службу, могутъ быть, если представлять удовлетворительныя свидѣтельства, избавлены отъ экзамена, вообще же, опредѣленіе: должны ли они и въ какой мѣрѣ подвергнуться экзамену, отсрочивается до тѣхъ поръ, пока провинціальныя училищныя власти не познакомятся короче съ ихъ учительскою практикой и не будутъ въ состояніи дать о томъ свое мнѣніе министру.

Добавочные экзамены.

§ 37. Если кандидаты на учительскія должности, или учителя, пожелаютъ приобрѣсти *facultas docendi* изъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ еще не имѣютъ, или расширить уже приобрѣтенныя, или наемерстать замѣчательныя въ ихъ общемъ образованіи пробѣлы, то они могутъ просить о такихъ добавочныхъ испытаніяхъ непосредственно или ту экзаменаціонную комиссію, въ которой они ранѣе подвергались испытанію, или экзаменаціонную комиссію той провинціи, гдѣ они занимаются. Для допущенія въ испытанію въ другой комиссіи требуется согласіе министра.

На усмотрѣніе комисіи представляется, если дѣло идетъ не объ общемъ образованіи, въ сихъ случаяхъ, и при испытаніяхъ, указанныхъ въ § 22, требовать представленіе письменныхъ работъ, или нѣтъ. Словесно добавочные экзамены производятся вообще на основаніи предыдущихъ общихъ опредѣленій.

Въ дополнительныхъ экзаменахъ по отдѣльнымъ предметамъ принимаютъ участіе, кромѣ директора, только тѣ члены комисіи, по чьимъ специальностямъ кандидатъ желаетъ расширить свои учительскія права. Если директоръ комисіи есть въ то же время единственный въ ней экзаменаторъ по извѣстной специальности, то на экзаменѣ долженъ присутствовать, кромѣ него, еще одинъ имъ назначаемый членъ комисіи.

Свидѣтельства о добавочныхъ экзаменахъ.

§ 38. Если результатъ добавочнаго экзамена окажется въ пользу возвышенія степени, то въ свидѣтельствѣ, о немъ выдаваемомъ, означается сущность результатовъ прежняго экзамена на основаніи выданнаго тогда свидѣтельства и уснѣхи, сдѣланные экзаменуемымъ. Свидѣтельства подобнаго рода подписываются всѣми членами комисіи. То же самое соблюдается при выдачѣ свидѣтельствъ о добавочномъ экзаменѣ, предписываемомъ § 22 при возвышеніи на должность старшаго учителя. Свидѣтельства о дополнительныхъ экзаменахъ по отдѣльнымъ предметамъ безъ перемѣны въ степени подписываются только тѣми членами, кои принимали участіе въ испытаніи.

Плата за экзаменъ.

§ 39. За одинъ экзаменъ полагается съ каждаго экзаменующагося плата въ 8 талеровъ, за добавочный экзаменъ (§ 22, 37, 38)—4 тал. и за выдаваемое свидѣтельство—15 зильбергрошей. Если кандидату будетъ отказано еще до устнаго испытанія (§ 13), то съ него взимается половина экзаменной платы.

Пробный годъ и пробные уроки послѣ него.

§ 40. Правительскія способности кандидатовъ на учительскія должности опредѣляются по прошествіи пробнаго года, который они должны провести при гимназій или реальномъ училищѣ согласно съ особыми, на этотъ предметъ изданными правилами. По прошествіи года, если то найдетъ нужнымъ соответственный провинціальный училищный совѣтъ, кандидаты на учительскія должности въ его присутствіи даютъ одинъ или нѣсколько пробныхъ уроковъ. На основаніи ихъ, а гдѣ они признаны лишними, на основаніи свидѣтельства директора заведенія или ординаріуса того класса, въ которомъ кандидатъ преподавалъ во время пробнаго года, выдается ему свидѣтельство отъ провинціальной училищной коллегіи. Оно служитъ существеннымъ дополненіемъ къ свидѣтельству, выданному кандидату о результатахъ его научнаго испытанія, и каждый разъ представляется вмѣстѣ съ нимъ при исканіи учительскаго мѣста.

§ 41. Всѣ прежнія правила, отступающія отъ настоящаго регламента относительно экзамена кандидатовъ на высшія учительскія должности, отменяются.

Берлинъ 12-го декабря 1866 года.

Министръ духовныхъ, народнаго просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ
фонъ-Мюлеръ.

II. Законъ 6-го мая 1869 года и регулятивъ 29-го декабря того же года относительно юридическихъ экзаменовъ и подготовки къ занятію высшихъ юридическихъ должностей въ Пруссіи.

Законъ 6-го мая 1869 года.

ОТДѢЛЪ I.

§ 1. Для отправленія обязанностей судьи, прокурора, адвоката или нотариуса требуется въ теченіе трехъ лѣтъ прослужать курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ и затѣмъ сдать два юридическіе экзамена.

Изъ трехгодичнаго времени, посвященнаго изученію юридическихъ наукъ, по крайней мѣрѣ три полугодія надобно пробыть въ такомъ университетѣ, гдѣ эти науки преподаются на нѣмецкомъ языкѣ.

Министру юстиціи предоставляется уменьшить предписанный для изученія юриспруденціи трехгодичный срокъ, принимая во вниманіе предшествовавшія университетскія занятія кандидата, но по другой отрасли наукъ, а не по юриспруденціи.

§ 2. Первый юридическій экзаменъ производится при какомъ-либо апелляціонномъ судѣ, а второй большой государственный экзаменъ—юридическою комиссіей, назначаемой для всей монархіи.

§ 3. Первое испытаніе бываетъ словесное и письменное.

§ 4. Предметъ испытанія составляютъ науки общественнаго и частнаго права, исторія права, а также начала государственныхъ наукъ.

Испытаніе должно быть направлено къ тому, чтобъ удостовѣриться въ положительныхъ знаніяхъ кандидата, въ разумнѣи имъ сущности и историческаго развитія юридическихъ отношеній, равно какъ къ тому—приобрѣлъ ли кандидатъ вообще юридическое и государственное образованіе, необходимое для его будущей карьеры.

§ 5. Выдержавшіе первое испытаніе производятся президентомъ того апелляціоннаго суда, при которомъ они заявятъ желаніе заниматься, въ референдаріи и приводятся къ присягѣ.

ОТДѢЛЪ II.

§ 6. Ранѣе допущенія своего ко второму большому государственному экзамену, референдаріи должны пробыть четыре года въ подготовительной практической службѣ.

§ 7. Въ это подготовительное время они занимаются въ судахъ

первой и второй инстанціи, при государственной прокуратурѣ, адвокатурѣ и у нотариусовъ.

§ 8. Занятія ихъ должно направлять и вести такъ, чтобы референдаріи могли уразумѣть и приобрести практическій навыкъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлопроизводства судьи, прокурора, адвоката, нотариуса и канцелярской службы на столько, на сколько это потребно для самостоятельнаго отправленія перечисленныхъ должностей.

Референдаріи могутъ исправлять обязанности протоколиста (Gerichtsschreiber) и по меньшей мѣрѣ послѣ полутора года такихъ занятій быть допущены ко временному исправленію адвокатской или другой судебной обязанности, но отнюдь не такой, которая сопряжена съ произнесеніемъ рѣшеній.

§ 9. По истеченіи подготовительнаго времени (§ 6) референдаріи допускается къ большому государственному экзамену, если изъ свидѣтельствъ, представленныхъ о предыдущихъ занятіяхъ (§§ 7 и 8), окажется, что его можно считать подготовленнымъ къ этому экзамену.

ОТДѢЛЪ III.

§ 10. Большой государственный экзаменъ (§ 2) состоитъ изъ словеснаго и письменнаго испытанія и долженъ главнымъ образомъ имѣть практическій характеръ.

Поэтому онъ долженъ быть направленъ къ тому, чтобы удостовѣриться: приобрѣлъ ли кандидатъ основательное знаніе общаго права, а также дѣйствующаго въ Пруссіи общественнаго и частнаго права, при чемъ главнымъ образомъ необходимо принимать во вниманіе законоположенія, дѣйствующія въ той области монархіи, гдѣ кандидатъ практически довершалъ свое образованіе. Затѣмъ, посредствомъ государственнаго экзамена, слѣдуетъ удостовѣриться въ способностяхъ кандидата исполнять съ успѣхомъ самостоятельную должность въ юридической практикѣ.

ОТДѢЛЪ IV.

§ 11. Референдаріи, выдержавшіе большой государственный экзаменъ, производятся министромъ юстиціи въ герихтъ-ассесоры, а въ округахъ апелляціонныхъ судовъ Кельнскаго, въ Целле и въ Франкфуртѣ на Майнѣ, смотря по ихъ выбору, въ герихтъ-ассесоры или адвокаты.

§ 12. Определенія настоящаго закона вступаютъ въ силу съ 1-го января 1870 года.

Тѣмъ юристамъ, которые въ этому дню, на основаніи сданнаго экзамена, будутъ уже допущены въ юридическую практикѣ, время, въ ней раѣе пробывое, зачитывается въ предписываемый нѣтъ (§ 6) четырехгодичный подготовительный срокъ. Остаточное подготовительное время предоставляется регулировать въ смыслѣ § 8-го есобо изданнѣмъ регулятивомъ (§ 14).

§ 13. Всѣ опредѣленія, противорѣчащія настоящему закону, отиѣняются.

§ 14. Министру юстиціи предписывается въ особомъ регулятивѣ сдѣлать надлежащія распоряженія къ исполненію сего закона, именнно— составить необходимыя дополнителныя правила о способѣ производства экзаменовъ, о составѣ экзаменныѣ комиссіи, о распредѣленіи времени практическихъ занятій референдаріевъ, а также о вторичномъ допущеніи къ экзаменамъ лицъ, нѣтъ не выдержавшихъ.

Дано въ Берлинѣ 6-го мая 1869 года.

На подлинномъ съ приложениемъ королевской печати собственноручно подписано *Виммельмъ*.

Графъ фонъ-Висмаркъ-Шенгаузенъ. Фонъ-деръ-Гейдтъ. Фонъ-Росъ. Графъ фонъ-Итценшпингъ. Фонъ-Мюллеръ. Фонъ-Зельховъ. Графъ Ффленбургъ. Леснирды.

Регулятивъ министра юстиціи отъ 29-го декабря 1869 года.

На основаніи § 14 вышеприведеннаго закона отъ 6-го мая 1869 года, относительно юридическихъ экзаменовъ и подготовленія къ занятію высшихъ юридическихъ должностей, издается нижеслѣдующій регулятивъ:

§ 1. Экзаменъ кандидата на судебныя должности можетъ быть сданъ при восточно-прусскомъ трибуналѣ, судебной палатѣ (Kammergericht) и при апелляціонныхъ судахъ въ Грейфсвальдѣ, Бреславлѣ, Наумбургѣ, Килѣ, Целле, Касселѣ и Кельнѣ.

§ 2. Члены образуемыхъ для этого при названныхъ судахъ экзаменационныхъ комиссій назначаются министромъ юстиціи по предложенію президентовъ судовъ изъ состава судей, прокуроровъ и адвокатовъ, а также изъ профессоровъ юридическихъ и государственныхъ наукъ при прусскихъ университетахъ срокомъ на одинъ годъ.

§ 3. Отдѣльныя испытанія производятся тремя членами экзаменационной комиссіи, включая въ это число ея предсѣдателя.

Если председатель не предлагаетъ самъ устный вопросъ, то обязанъ призвать на этотъ случай четвертаго экзаменатора.

Председатель принимаетъ участіе въ каждомъ экзаменѣ, если нѣтъ въ томъ значительныхъ препятствій, а также и въ обсужденіи результата экзамена.

§ 4. Къ прошенію о допущеніи къ первому экзамену должно быть приложено:

- 1) свидѣтельство о зрѣлости для поступленія въ университетъ,
- 2) свидѣтельство объ отбытіи военной повинности,
- 3) выпускное свидѣтельство изъ университета,
- 4) на нѣмецкомъ языкѣ составленная автобіографія, въ которой главнымъ образомъ должно быть указано на прохожденіе университетскаго курса.

Прошеніе и автобіографія должны быть написаны кандидатомъ собственноручно.

§ 5. По рассмотрѣніи прошенія президентъ суда дѣлаетъ распоряженіе о допущеніи кандидата къ экзамену или объ отказѣ ему въ томъ.

При рассмотрѣніи прошенія должно быть обращено вниманіе на то: явствуетъ ли изъ приложенныхъ къ нему университетскихъ и другихъ свидѣтельствъ, что кандидатъ проходилъ юридическія науки въ размѣрахъ, указываемыхъ § 4 закона.

§ 6. Если существуетъ предположеніе о признаніи достаточнымъ меньшей трехгодичнаго срока университетскихъ занятій, то на сколько это вообще допускается закономъ, рассмотрѣнное прошеніе должно быть предоставляемо министру юстиціи съ приложеніемъ особаго мнѣнія.

Такое допущеніе меньшаго времени университетскихъ занятій дѣлается всегда въ молчаливомъ предположеніи, что экзаменъ будетъ выдержанъ.

§ 7. Кандидату, допущенному къ экзамену, передается научная задача для письменной ея обработки председателемъ экзаменационной комиссіи.

Кандидату предоставляется на выборъ—должна ли тема быть задана изъ общаго гражданскаго права, германскаго частнаго права, торговаго права, церковнаго права, гражданскаго судопроизводства, или уголовнаго права.

§ 8. На письменную обработку заданной темы дается шестинедѣльный срокъ, который только по весьма существеннымъ причинамъ

можетъ быть продолженъ председателемъ экзаменационной комисіи до двухъ мѣсяцевъ.

Подъ письменною работою кандидатъ долженъ засвидѣтельствовать, что онъ самостоятельно приготовилъ ее.

§ 9. Послѣ того какъ члены экзаменационной комисіи, которымъ предстоитъ производить затѣмъ устный экзаменъ, выскажутъ свое мнѣніе о письменной работѣ, кандидатъ приглашается къ устному испытанію. Последнее производится не публично.

§ 10. Одинъ и тотъ же срокъ экзамена можетъ назначаться для многихъ кандидатовъ, но не свыше шести.

§ 11. Вопросъ, выдержавъ ли экзаменъ кандидатомъ, или нѣтъ, рѣшается большинствомъ голосовъ, и именно по результатамъ какъ письменнаго, такъ и устнаго испытанія.

При равенствѣ голосовъ испытаніе считается не выдержаннымъ.

§ 12. Тотчасъ по окончаніи испытанія экзаменная комисіа обязана означить въ актѣхъ: тему письменной работы и результатъ сдѣланныхъ о ней замеченій, предметы устнаго испытанія и окончательный результатъ экзамена.

§ 13. Кто не выдерживаетъ экзамена, тому экзаменная комисіа отказываетъ въ новомъ допущеніи по крайней мѣрѣ на время шести мѣсяцевъ для лучшаго приготовленія.

Если письменная работа, по одностороннему заключенію комисіи (§ 9), удовлетворяетъ требованіямъ, то вторичный экзаменъ можетъ быть ограниченъ только устнымъ испытаніемъ.

Кто вторично не выдержитъ экзамена, тотъ лишается права испытанія на высшія юридическія должности.

§ 14. Выдержавшій экзаменъ получаетъ отъ него свидѣтельство отъ председателя экзаменной комисіи.

§ 15. На основаніи этого свидѣтельства, выдержавшій экзаменъ обращается къ президенту того апелляціоннаго суда, въ округѣ котораго онъ желаетъ заниматься въ теченіе подготовительнаго времени. Означеннымъ президентомъ кандидатъ производится въ реферндаріи и приводится къ присягѣ.

Со дня присяги и начинается его подготовительная служба.

§ 16. Общій надзоръ и руководство подготовительными занятіями лежитъ на президентахъ апелляціонныхъ судовъ.

Они обязаны въ началѣ января мѣсяца представлять поименный списокъ реферндаріевъ съ краткимъ указаніемъ на ходъ ихъ подготовительныхъ занятій.

§ 17. Особенный надзоръ и руководство подготовительными занятіями принадлежить предсѣдателямъ судовъ, прокурорамъ и адвокатамъ, въ которыхъ референдаріи опредѣлены для занятій.

Имъ ставится въ обязанность по окончаніи этихъ занятій представлять президентамъ апелляціонныхъ судовъ свидѣтельства о поведеніи референдаріевъ, какъ во время службы, такъ и внѣ ея, равно о ихъ трудахъ и о замѣченныхъ въ нихъ недостаткахъ.

§ 18. Лица, которымъ поручено руководство подготовительными занятіями, должны прежде всего помнить, что исключительная цѣль послѣднихъ—научное и практическое развитіе референдаріевъ, почему имъ не слѣдуетъ возлагать на референдаріевъ никакихъ обязанностей, не оправдываемыхъ этою цѣлью и служащихъ для облегченія или помощи чиновникамъ.

Далѣе они принимаютъ во вниманіе, на сколько это будетъ согласоваться съ предписаннымъ общимъ развитіемъ, склонности, стремленія и желанія порученныхъ имъ руководству референдаріевъ.

§ 19. При общемъ руководствѣ подготовительными занятіями президенты апелляціонныхъ судовъ въ своихъ взглядахъ на способъ этого руководства ограничиваются нижеслѣдующими опредѣленіями, вытекающими изъ существующаго еще въ настоящее время различія въ устройствѣ судовъ.

§ 20. Въ округахъ, на которыхъ распространяется депаретъ отъ 2-го января 1849 года, подготовительныя занятія начинаются при городскихъ и окружныхъ (Kreisgerichten) судахъ, равно какъ при ихъ депутацияхъ и ванкисіяхъ.

Подготовительныя занятія при этихъ судахъ, включая и прокуратуру, должны продолжаться по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ.

§ 21. Въ округѣ Кельнскаго апелляціоннаго суда референдарій долженъ заниматься по крайней мѣрѣ въ теченіе года при мировомъ судѣ (Friedensgericht) и у нотаріуса, затѣмъ не менѣе полутора лѣтъ при земскомъ судѣ (Landgericht), включая въ этотъ срокъ и занятіе прокуратурой.

§ 22. Въ округѣ апелляціоннаго суда въ Целле референдарій долженъ не менѣе какъ въ теченіе года заниматься при амтсъ-герихтѣ (Amtsgericht), затѣмъ, не менѣе какъ полтора года при обергерихтѣ.

§ 23. Въ округѣ апелляціонныхъ судовъ Кильскаго, Кассельскаго и Висбаденскаго референдаріи должны сначала не менѣе года заниматься при волостномъ судѣ, затѣмъ, въ теченіе того же времени при окружныхъ судахъ, включая сюда и занятія прокуратурой.

§ 24. Въ округѣ Франкфуртскаго на Майнѣ апелляціоннаго суда референдаріи занимаются по самой меньшей мѣрѣ въ теченіе года у отдѣльныхъ судей, а затѣмъ въ теченіе того же времени при городскомъ судѣ, включая сюда и занятія прокуратурой.

§ 25. Референдаріи должны заниматься по крайней мѣрѣ полгода при апелляціонномъ судѣ и такое же время у одного изъ адвокатовъ.

Въ округахъ апелляціонныхъ судовъ въ Целле и Кельнѣ подготительныхъ занятій при апелляціонныхъ судахъ не полагается, но вмѣсто того предписываются занятія при обергерихтахъ и земскихъ судахъ, какъ судахъ первой и второй инстанціи, и именно въ теченіе полугода долѣе, чѣмъ то предписано для занятій въ апелляціонныхъ судахъ.

§ 26. Референдарій обязанъ вести списокъ занятій, который заключалъ бы обзоръ его дѣятельности, съ особымъ указаніемъ на отдѣльныя, болѣе важныя дѣла.

Ежемесячно онъ представляетъ такой списокъ лицу, которому поручено руководство его подготовительными занятіями, и заботится чтобы послѣднее сдѣлало на немъ помѣтку, что означаетъ, что оно разсматривало списокъ.

§ 27. Прошеніе о допущеніи къ большому государственному экзамену подается на имя президента одного изъ апелляціонныхъ судовъ.

Въ прошеніи должно быть доказано, что референдарій или отбылъ воинскую повинность, или освобожденъ отъ нея временно или навсегда.

При прошеніи представляется перечень занятій и упоминается въ § 31 работа на научно-юридическую тему.

§ 28. Если изъ разсмотрѣнія прошенія окажется, что референдарій удовлетворилъ тѣмъ требованіямъ закона и регламента, которыми обуславливается допущеніе къ большому государственному экзамену, то прошеніе представляется президентомъ, вмѣстѣ съ собственнымъ его заключеніемъ, представленною научно-юридическою работою и служебными документами, г. министру юстиціи.

§ 29. Послѣдній поручаетъ юридической экзаменной комиссіи производство большаго государственнаго экзамена.

§ 30. Письменный экзамень состоитъ при этомъ изъ научно-юридической работы и изъ доклада (Relation) на основаніи актовъ какого-либо процесса.

§ 31. Тема научно-юридической работы назначается президентомъ юридической экзаменной комисіи.

Каждый референдарій можетъ требовать во всякое время назначенія подобной темы, если уже протекло три съ половиною года его подготовительныхъ занятій.

Внизу представленной работы референдарій долженъ засвидѣтельствовать, что она есть его самостоятельное произведеніе.

§ 32. Президентъ экзаменной комисіи обязанъ сообщать допущенному къ экзамену референдарію акты какого-либо процесса, съ тѣмъ, чтобы тотъ изготвилъ изъ нихъ письменный докладъ.

Докладъ этотъ долженъ быть изготвленъ въ теченіе шести недѣль, и означенный срокъ можетъ быть только вслѣдствіе очень важныхъ причинъ увеличенъ президентомъ до двухъ мѣсяцевъ.

§ 33. Въ докладѣ должна быть вполнѣ изложена сущность дѣла, объяснено его юридическое значеніе, и затѣмъ произнесено мотивированное рѣшеніе.

Въ концѣ доклада референдарій долженъ засвидѣтельствовать, что онъ лично изготвилъ его.

§ 34. Докладъ можетъ быть составленъ изъ актовъ текущаго процесса или изъ сданныхъ уже въ архивъ.

Предсѣдатели судовъ обязаны, по требованію президента экзаменной комисіи, доставлять во времени экзамена подобные акты о процессахъ.

§ 35. Обсужденіе обѣихъ письменныхъ работъ возлагается на тѣхъ членовъ юридической экзаменной комисіи, предѣ которыми референдарій долженъ затѣмъ подвергнуться и устному экзамену.

Если они найдутъ обѣ работы совершенно неудачными, то по представленному ими заключенію, министръ юстиціи можетъ тотчасъ же отослать референдарія для болѣе основательной подготовки въ одинъ изъ апелляціонныхъ судовъ.

§ 36. Устное испытаніе производится тремя членами юридической экзаменной комисіи, включая въ это число и ея президента.

Съ устнымъ испытаніемъ связано представленіе словеснаго отчета изъ актовъ, которые доставляются референдарію за три дня до испытанія.

§ 37. Къ одному и тому же сроку испытанія могутъ быть приглашаемы нѣсколько референдаріевъ, но не свыше шести.

§ 38. Вопросъ о томъ, выдержано ли вообще испытаніе, и какъ именно, то-есть „достаточно“, „хорошо“, или „отлично“, рѣшается большинствомъ голосовъ и именно по общему результату письменнаго и устнаго испытанія.

§ 39. Юридическая экзаменная комиссія извѣщаетъ министра юстиціи объ окончаніи возложеннаго на нее порученія.

Референдаріи, не выдержавшіе экзамена, отсылаются по крайней мѣрѣ на девять мѣсяцевъ въ апелляціонные суды для лучшей подготовки.

§ 40. Дозволяется только два раза держать большой государственный экзаменъ; при вторичной безуспѣшности его слѣдуетъ исключеніе отъ занятій высшихъ юридическихъ должностей.

§ 41. Въ случаѣ неуспѣшности государственнаго экзамена и вторичнаго появленія на немъ референдарія, можетъ быть постановлено не требовать отъ него новой научно-юридической работы, или новаго доклада, или обонихъ трудовъ, если единогласнымъ рѣшеніемъ членовъ комиссіи (§ 35) та или другая, или обѣ эти работы, представленныя при первомъ не удавшемся экзаменѣ, признаны удовлетворительными.

Если требуется представить новую научную работу, то референдарій можетъ просить о назначеніи темы ея лишь тогда, когда пройдетъ половина продолженнаго подготовительнаго срока.

§ 42. Предсѣдатели экзаменныхъ комиссій въ началѣ каждаго года обязаны представлять общій отчетъ о всѣхъ произведенныхъ въ истекшемъ году экзаменахъ и о ихъ результатахъ.

§ 43. Къ экзаменамъ лицъ, допущенныхъ къ онимъ ранѣе 1-го января 1870 г., предписанія закона и настоящаго регулятива не примѣняются.

§ 44. Тѣмъ изъ кандидатовъ на юридическія должности, кои пожелаютъ сдать экзаменъ до 1-го апрѣля 1870 года, предоставляется при подачѣ прошенія представить научную работу на тему, ими самими избранную.

§ 45. Съ 1-го января 1870 года всѣ лица, готовящіеся къ занятію высшихъ юридическихъ должностей, называются референдаріями.

§ 46. Референдаріи, окончившіе къ 1-му января 1870 года свои четырехгодичныя подготовительныя занятія, могутъ быть допущены къ большому государственному экзамену, хотя бы при этомъ и не были соблюдены предписанія §§ 20—25.

Къ подготовительнымъ занятіямъ тѣхъ референдаріевъ, которые начали ихъ послѣ 1-го января 1866 года, но ранѣе 1-го января 1870 года, прилагаются послѣ предписанія §§ 18—25. Если при этомъ возникнетъ неудобство вслѣдствіе значительнаго уже протек-

шаго времени подготовительныхъ занятій, то вопросъ предоставляется регулировать президентамъ апелляціонныхъ судовъ по ихъ усмотрѣнію, но по возможности приближаясь къ предписаннымъ въ сказанныхъ параграфахъ правиламъ.

Предписанія §§ 27—31 относительно научныхъ работъ прилагаются и къ тѣмъ референдаріямъ, кои къ 1-му января 1870 года окончатъ свои четыре года подготовительныхъ занятій. Но тѣмъ референдаріямъ, кои окончатъ свои четыре года подготовительныхъ занятій до 1-го апрѣля 1870 года, не должно отказывать въ отпускѣ (самое меньшее на восемь недѣль), для изготовленія ихъ научныхъ работъ.

Берлинъ, 29-го декабря 1869 года. Министръ юстиціи *Леонардтъ*.

III. Регламентъ прусскаго государственнаго экзамена врачей ⁴⁾.

Отъ 18-го сентября 1867 года.

Заниматься врачебною практикой внутри Прусской монархіи дозволяется исключительно тѣмъ лицамъ, кои имѣютъ на то разрѣшеніе министра медицинскихъ дѣлъ.

Разрѣшеніе же выдается лишь удостоеннымъ степени доктора медицины въ одномъ изъ университетовъ страны и на основаніи сданнаго государственнаго экзамена врачей.

Относительно этого экзамена имѣютъ силу нижеслѣдующія опредѣленія:

§ 1. Государственный экзаменъ врачей можетъ быть сданъ или въ высшей медицинской экзаменной комисіи въ Берлинѣ, или въ

⁴⁾ Законъ 21-го іюня 1869 года (см. *Bundsgesetzblatt* von 1869, № 3) внесъ нѣсколько существенныхъ измѣненій въ требованія регламента 1867 года. Требованіе степени доктора медицины отиѣнено, обязательны лишь *tentamen physicum*. Въ хирургическомъ испытаніи обращено болѣе прежняго вниманіе на *osteomiatrie*, такъ что самое испытаніе именуется «по хирургіи и *osteomiatrie*»; въ числѣ предметовъ заключительнаго испытанія упомянута гигиена (*Staatsarzneikunde oder Hygiene*). Исключено перечисленіе вопросовъ и задачъ, предлагаемыхъ на испытаніи: экзаменаціонной комисіи предоставлено ежегодно предъ началомъ экзаменаціоннаго періода назначать для вынута по жребію 12—15 остеологическихъ и спланхнологическихъ, 10—12 гистологическихъ и 20 физиологическихъ задачъ; 40—50 изъ хирургіи и до 20 по вывихамъ и переломамъ.

отдѣленіяхъ медицинской экзаменной комисіи при университетахъ.

Экзаменныя комисіи, состоящія изъ ученыхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ врачебной науки, ежегодно составляются министромъ медицинскихъ дѣлъ. Отъ его же усмотрѣнія зависитъ: долженъ ли быть директоръ комисіи назначенъ изъ числа экзаменаторовъ.

§ 2. Заявленіе о желаніи экзаменоваться въ высшей медицинской экзаменной комисіи должно быть подаваемо министру медицинскихъ дѣлъ, заявленіе объ экзаменѣ въ одномъ изъ отдѣленій экзаменной комисіи—попечителю того университета, при которомъ оно находится.

Къ заявленію прилагаются:

1. Гимназическое свидѣтельство зрѣлости.
2. Выпускное свидѣтельство изъ университета.
3. Свидѣтельство о сданномъ экзаменѣ естественныхъ наукъ (tentamen physicum).

4. Копія съ докторскаго диплома.

5. 15 экземпляровъ докторской диссертаци.

6. Доказательство, что кандидатъ по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ семестровъ состоялъ практикантомъ при хирургической и медицинской клиникѣ и въ родовспомогательной клиникѣ подавалъ самостоятельно помощь по крайней мѣрѣ при четырехъ родахъ.

7. Доказательство, что кандидатъ въ одномъ изъ общественныхъ учреждений для привитія оспы или въ медицинской клиникѣ самъ прививалъ оспу и наблюдалъ за ея развитіемъ.

§ 3. Государственный экзаменъ ежегодно начинается въ ноябрѣ и не долженъ быть продолжаемъ позже середины іюля слѣдующаго года. Кандидаты, не заявившіе о своемъ желаніи экзаменоваться или не представившіе упомянутыхъ въ § 2 свидѣтельствъ до конца года, могутъ быть допущены только къ тому государственному экзамену, который начнется въ слѣдующемъ ноябрѣ. Исключеніе изъ этого правила допускается только при существованіи обстоятельствъ, извиняющихъ позднее заявленіе, и то со спеціальнаго разрѣшенія министра медицинскихъ дѣлъ.

Съ дозволеніемъ экзаменоваться и съ квитанціей объ уплатѣ слѣдующихъ взносовъ (§ 41) кандидаты должны являться къ директору экзаменной комисіи.

§ 4. Весь экзаменъ распадается на слѣдующіе частныя отдѣлы:

I. анатомио-физиологическій,

- II. хирургическій,
- III. медицинскій,
- IV. акушерскій и
- V. устный заключительный экзаменъ.

Всѣмъ этимъ испытаніямъ въ указанномъ порядкѣ должны подвергаться всѣ кандидаты безъ исключенія, и при экзаменѣ не должно быть обращено вниманіе на то, какой отрасли врачебной науки желаетъ себя преимущественно посвятить кандидатъ въ будущемъ.

§ 5. Анатомио-физиологическій экзаменъ производится двумя членами экзаменной комисіи, специалистами по анатоміи и физиологіи.

§ 6. Экзаменъ распадается на двѣ отдѣльныя части: А) анатомическую и В) физиологическую. Для него назначается три срока, изъ которыхъ два выпадаютъ на часть анатомическую и одинъ на физиологическую.

Въ каждый срокъ не должно быть экзаменуемо болѣе четырехъ кандидатовъ вмѣстѣ.

§ 7. А. При анатомической части испытанія кандидатъ долженъ въ первый изъ назначенныхъ сроковъ:

- а) вынуть по жребію тему изъ остеологіи и тотчасъ же *ex tempore* отвѣтить по ней на одномъ изъ препаратовъ, приготовленныхъ для демонстраціи.

Съ этою цѣлью пользуются слѣдующими 16-ю *themata osteologica*:

1. *Os frontis.*
2. *Os occipitis.*
3. *Os temporum.*
4. *Os sphenoidaeum.*
5. *Basis cranii interna.*
6. *Basis cranii externa.*
7. *Maxilla inferior.*
8. *Mandibula cum dentibus.*
9. *Cavum narium.*
10. *Columna vertebratum.*
11. *Pelvis.*
12. *Thorax.*
13. *Clavicula, scapula, os humeri,*
14. *Antibrachium et manus.*
15. *Temur et crus.*
16. *Ossa tarsi, metatarsi et digetorum pedis.*

- b) точно также *ex tempore* дать отвѣтъ на выпавшую по жребію тему изъ спланхнологіи съ демонстраціей на предложенномъ препаратѣ.

Для этой цѣли употребляются слѣдующія 13 *themata splanchnologica*:

1. *Oculus.*
2. *Larynx.*
3. *Cor.*
4. *Hepar, lien et pancreas.*
5. *Hepar, ventriculus et duodenum.*
6. *Organa uropoëtica.*
7. *Genitalia virilia.*
8. *Genitalia muliebria.*
9. *Cavum cranii.*
10. *Cavum thoracis.*
11. *Cavum abdominis (intra saccum peritonei).*
12. *Cavum abdominis (extra saccum peritonei).*
13. *Litus partium in regione colli.*

Одинъ изъ кандидатовъ сдаетъ *extemporale* по остеологіи у одного экзаменатора, другой въ то же время по спланхнологіи у другого, что даетъ возможность посмѣнно подвергать испытанію сразу четырехъ лицъ.

Кромѣ того, кандидатъ долженъ лично изготовить нервный препаратъ, который будетъ ему заданъ экзаменаторомъ, соображаясь съ имѣющимися частями трупа, и

c) демонстрировать его передъ однимъ изъ экзаменаторовъ во второй назначенный для экзамена по анатоміи срокъ.

§ 8. Физиологическая часть испытанія можетъ быть сдана тотчасъ послѣ срока, назначеннаго для анатомическихъ экстемиоралій, слѣдовательно, передъ срокомъ для нервнаго препарата. Кандидатъ обязанъ при ней *ex tempore* словесно отвѣтить на

- a) задачу по гистологіи,
- b) задачу по физиологіи.

Одинъ изъ кандидатовъ даетъ свои отвѣты по гистологіи у одного экзаменатора, другой въ то же время по физиологіи у другого, отсюда является возможность посмѣнно подвергать испытанію сразу четырехъ лицъ.

Extemporale по гистологіи имѣетъ цѣлью убѣдиться въ познаніяхъ кандидата въ микроскопической анатоміи и физиологіи.

Задачи по гистологiи, опредѣляемыя по жребію, суть:

1. Составныя части человѣческаго тѣла.
2. Кровь и лимфа.
3. Роговая ткань и эпителии и ихъ физиологическія свойства.
4. Зубная ткань и физиологiя зубовъ.
5. Хрящевая и костяная ткань.
6. Фибровая и эластическая ткань.
7. Кровяные и лимфатическіе сосуды.
8. Тончайшее строеніе желѣзъ.
9. Кожицы (слизистыя оболочки, серозныя, вѣшняя кожа).
10. Ткань глаза.

Extemporale по физиологiи имѣеть предметомъ слѣдующіи также опредѣляемыя жребіемъ задачи:

1. Физиологiя сердца.
2. Обращеніе крови.
3. Дыханіе, химически.
4. Животная теплота.
5. Дыхательныя движенія и нервы.
6. Всасываніе и выдѣленія.
7. Слюна и пищевареніе въ желудкѣ.
8. Желчь и пищевареніе въ кишкахъ.
9. Пища.
10. Моча.
11. Общая физика нервовъ.
12. Физиологiя центральныхъ органовъ.
13. Физиологiя нервовъ.
14. Общая физика мускуловъ.
15. Ученіе о движеніяхъ.
16. Голосъ и языкъ.
17. Чувство зрѣнія.
18. Чувство слуха.
19. Расположеніе.
20. Развитіе человѣческаго foetus.

§ 9. О каждомъ extemporale (§ 13, 14) составляется краткій протоколъ, и въ немъ выставляется полученная кандидатомъ за рѣшеніе задачи отмѣтка.

§ 10. Рѣшеніе объ исходѣ анатомической части испытанія составляется на основаніи отмѣтокъ, полученныхъ за оба отвѣта по анатоміи и нервный препаратъ.

Рѣшеніе объ исходѣ фізіологической части испытанія составляется изъ отмѣтокъ объ отвѣтѣ по гистологіи и фізіологіи.

§ 11. Если окончательная отмѣтка по анатомо-фізіологическому отдѣлу экзамена получится такая, что изъ анатоміи будетъ стоять *хорошо*, а изъ фізіологіи *посредственно*, то кандидатъ долженъ держать экзамень по фізіологіи вторично послѣ нѣвотораго времени, опредѣляемаго директоромъ, и на оборотъ.

Если кандидатъ изъ анатоміи или фізіологіи, или изъ обоихъ предметовъ, получилъ отмѣтку *худо*, то ему необходимо вторично держать экзамень по обоимъ предметамъ, и допущенъ къ нему по правилу онъ можетъ быть лишь въ слѣдующій экзаменный годъ.

§ 12. Только тотъ, кто при экзаменѣ по анатоміи и фізіологіи по меньшей мѣрѣ получилъ окончательную отмѣтку *хорошо*, можетъ быть допущенъ директоромъ къ экзамену по слѣдующимъ отдѣламъ.

§ 13. Экзамень по хирургіи производится двумя членами экзаменной комисіи, специалистами по хирургіи и извѣстными операторами. Въ случаѣ, если на экзамень явится большое число кандидатовъ (около 100 или болѣе), то онъ можетъ быть порученъ четыремъ экзаменаторамъ, которые по двое берутъ на себя по отдѣленію экзаменующихся.

Распределеніе и очередь при этомъ назначаются директоромъ. Этимъ является возможность замѣщенія одного экзаменатора другимъ въ случаѣ внезапнаго ему препятствія къ отправленію своей обязанности.

Въ каждый отдѣльный срокъ къ экзамену допускается не свыше трехъ кандидатовъ.

§ 14. Испытаніе по хирургіи распадается на отдѣлы: *клиническій* и *техническій*.

§ 15. Испытаніе по хирурго-клинической части имѣетъ мѣсто въ хирургическомъ отдѣленіи большой больницы или университетской клиники. Каждый кандидатъ долженъ слѣдить въ нихъ за двумя больными въ теченіе восьми дней.

Въ первый день экзамена поручается каждому изъ трехъ экзаменующихся по одному больному первымъ экзаменаторомъ, на слѣдующій день по другому больному вторымъ экзаменаторомъ. Дѣлается это въ утренніе часы, и затѣмъ экзаменаторы послѣнно наблюдаютъ восьмидневный срокъ испытанія.

Въ присутствіи экзаменатора кандидатъ обязанъ изслѣдовать больного, при этомъ объяснить этиологическое отношеніе существующей

болѣзни, ея діагнозъ, прогнозъ, равно какъ и начертать планъ лѣченія. По окончаніи изслѣдованія, кандидаты отводятся въ особую комнату, гдѣ взаперти и безъ посторонней помощи, въ формѣ исторіи болѣзни передаютъ письменно, на нѣмецкомъ языкѣ, результатъ своихъ изслѣдованій. Для этого имъ дается время до поздняго вечера, и доставляется по дешевой цѣнѣ необходимая пища и питье отъ экономіи больницы.

По окончаніи работы, они снабжаютъ ее своею подписью и передаютъ врачу-ассистенту больницы, которому былъ порученъ надзоръ за ними, а тотъ на слѣдующій день передаетъ работы кому слѣдуетъ изъ экзаменаторовъ.

§ 16. Въ слѣдующіе затѣмъ семь дней кандидатъ долженъ дважды въ день посѣщать порученнаго ему больнаго и при этомъ описать теченія болѣзни, съ указаніемъ ея пользованія, вносить въ журналъ о болѣзни, продолжая такимъ образомъ свою исторію болѣзни. Для этой цѣли онъ получаетъ послѣднюю при первомъ визитѣ обратно отъ экзаменатора. И то, и другое, то-есть, исторію и журналъ, сохраняетъ назначенный для надзора за экзаменующимися врачъ-ассистентъ клиники.

§ 17. Экзаменаторъ обязанъ присутствовать при утреннихъ визитахъ кандидатовъ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю. При первомъ изъ этихъ визитовъ онъ критически проходитъ съ кандидатомъ представленную послѣднимъ исторію болѣзни и заставляетъ его исправлять болѣе важные недостатки въ работѣ, то-есть, добавочно заниматься ею. Во время двухъ другихъ визитовъ онъ экзаменуетъ кандидата относительно другихъ болѣзаннныхъ случаевъ, кромѣ спеціально порученнаго тому для наблюденія, и убѣждается въ способности кандидата распознавать и правильно обсуждать хирургическія болѣзни, равно какъ въ его искусствѣ выполнять болѣе мелкія хирургическія операціи.

§ 18. Во время клиническаго испытанія производится въ особый срокъ и экзаменъ изъ хирурго-технической части для изслѣдованія оперативной ловкости кандидата (всего удобнѣе въ анатомическомъ зданіи того учрежденія, гдѣ производится экзаменъ).

Съ этою цѣлью экзаменующійся получаетъ по жребію двѣ задачи:

1) Одну изъ области акіургіи, при чемъ кандидатъ долженъ ек темпоре указать на относящіяся сюда методы операцій и сдѣлать имъ спеціальную оцѣнку, затѣмъ, доказать свои познанія въ ученіи

объ инструментахъ, и наконецъ, произвести на трунѣ самую операцію, на сколько это будетъ исполнимо въ данномъ случаѣ.

2) Одну—изъ ученія о переломахъ и вывихахъ, на которую отвѣтить также на память и показать ручные приемы на фантомѣ, а затѣмъ демонстрировать искуснымъ наложеніемъ повязки.

Для акургической задачи (№ 1) слѣдуетъ имѣть въ урнѣ написанныя на особыхъ билетахъ названія слѣдующихъ операцій:

1. Trepanatio cranij,
2. Operatio En. et Extropii,
3. Operatio cataractae,
4. Formatio papillae artificialis,
5. Exstirpatio oculi,
6. Amputatio mammae,
7. Paracentesis thoracis,
8. Paracentesis abdominis,
9. Laryngotomia et Tracheotomia,
10. Oesophagotomia,
11. Sectio caesarea,
12. Herniotomia,
13. Operatio phimoseos et paraphimoseos,
14. Amputatio penis,
15. Cetheterismus,
16. Castratio,
17. Operatio fistulae ani,
18. Lithotomia et Lithotrispia,
19. Operatio polyporum,
20. Ligatio arteriarum,
21. Venaesectio,
22. Operatio aneurysmatis,
23. Amputatio et exarticulatio digitorum,
24. Amputatio humeri,
25. " antibrachii,
26. " femoris,
27. " cruris,
28. Exarticulatio humeri,
29. " manus,
30. " femoris,
31. " genu,
32. " pedis,

33. Amputatio et exarticulatio artuum,
34. Resectiones ossium,
35. Tenotomia et Myotomia,
36. Operatio strabismi,
37. Operationes ad sanandas stricturas,
38. Operatio hydroceles,
39. Operatio varicoceles,
40. Operationes plasticae,
41. Suturae cruentae,
42. Sutura perinaei,
43. Operatio labii leporini,
44. Operatio palati fissi,
45. „ prolapsus uteri et vaginae,
46. „ tumorum haemorrhoidalium et prolapsus ani,
47. Extractio dentium,
48. Operatio pseudarthroseos.

При отвѣтѣ на задачу (№ 2) вынимаются по жребію слѣдующіе билеты о поломахъ и вывихахъ:

А. П о л о м ы.

1. Fractura maxillae inferioris,
2. „ claviculae,
3. „ ossis humeri,
4. „ antibrachii,
5. „ olecrani,
6. „ ossis femoris,
7. „ colli ossis femoris,
8. „ cruris,
9. „ patellae.

Б. В ы в и х и.

1. Luxatio maxillae inferioris,
2. „ humeri,
3. „ cubiti,
4. „ manus,
5. „ femoris,
6. „ genu,
7. „ digitorum.

При тѣхъ изъ перечисленныхъ операций, которыя невозможно

будеть выполнить надлежащимъ образомъ на трупѣ, кандидатъ все-таки долженъ доказать свое знакомство съ ихъ исторіей, значеніемъ и признаками. Экзаменатору предоставляется вмѣсто подобныхъ операцій потребовать отъ экзаменующагося выполненія другой операціи на трупѣ. Кромѣ того, желательно, чтобы экзаменующійся, какая ни выпала бы ему по жребію задача, заставленъ былъ произвести на трупѣ одну перевязку сосудовъ и одну болѣе легкую операцію.

§ 19. Исходъ экзамена по хирургіи опредѣляется на основаніи отгѣ-токъ, полученныхъ изъ клинической и технической части испытанія. Такъ какъ обѣ части имѣютъ одинакую важность, то экзамену-ющійся, не удовлетворившій требованіямъ по той или другой части, дол-женъ считаться вообще не выдержавшимъ экзамена изъ хирургіи, и ему слѣдуетъ вторично подвергнуться экзамену изъ всего хирурги-ческаго отдѣла по прошествіи соотвѣтственнаго срока.

Директоръ долженъ быть извѣщаемъ о результатахъ испытанія каждаго экзаменующагося тотчасъ за отпущеніемъ его съ экзамена.

§ 20. Экзаменъ по медицинѣ есть въ сущности клинической и производится подобно предыдущему двумя назначенными для этого специалистами экзаменаторами (§ 13).

§ 21. При самомъ экзаменѣ поступается аналогично съ опредѣ-леніями §§ 15, 16 и 17.

§ 22. Экзаменаторы должны обращать особенное вниманіе на поз-нанія кандидатовъ въ ученіи о лѣкарственныхъ дозахъ (Dosenlehre) и написаніи рецептовъ, и поэтому испытывать ихъ въ этомъ при каждомъ изъ положенныхъ въ недѣлю трехъ общихъ съ ними визи-тахъ. Кромѣ того, съ тою же цѣлью въ назначенный день недѣли оба экзаменатора должны соединяться и задавать каждому канди-дату на особомъ листѣ, который въ концѣ экзамена испытывается вмѣстѣ съ журналомъ о болѣзни:

а) нѣсколько особенныхъ задачъ, для обнаруженія умѣнья про-писывать различныя формы лѣкарствъ (микстуры, декокты, пилюли, каши и т. п.); кандидаты даютъ письменные отвѣты на эти задачи тотчасъ же, въ присутствіи обоихъ экзаменаторовъ;

б) перечислить различныя лѣкарственные вещества съ указаніемъ ихъ наивысшихъ и наименьшихъ дозъ.

Тѣ кандидаты, которые окажутся слабыми въ этомъ предметѣ испытанія, хотя бы они заявили удовлетворительныя научныя позн-анія, не могутъ быть почитаемы выдержавшими экзаменъ по меди-цинѣ.

§ 23. Для произнесения рѣшенія объ исходѣ медицинско-клиническаго экзамена, которое помѣщается подъ исторіей болѣзни, составленной каждымъ кандидатомъ, оба экзаменатора соединяются по окончаніи испытанія, какъ и въ § 19.

§ 24. Результатъ испытанія каждаго кандидата препровождается директору экзаменной комисіи.

§ 25. Акушерскій экзаменъ производится въ Берлинѣ въ родовспомогательномъ заведеніи *Charité* и въ акушерской университетской клиникѣ, а отдѣленіями медицинской экзаменной комисіи—въ акушерскихъ клиникахъ тѣхъ университетовъ, при которыхъ они находятся. Для производства его всюду назначается по два экзаменатора.

§ 26. Каждому кандидату, тѣмъ и другимъ экзаменаторомъ по очереди, поручается по одной роженицѣ. Онъ обязанъ изслѣдовать ее въ присутствіи перваго ассистента или главной акушерки заведенія, далѣе, опредѣлить періодъ беременности и положеніе плода, прогнозъ и тѣ акушерскія средства, которыя слѣдуетъ употребить. При нормальныхъ родахъ кандидатъ долженъ лично подать необходимую помощь. При ненормальныхъ—акушерскія операціи производитъ директоръ родовспомогательнаго учрежденія, и кандидатъ присутствуетъ лишь въ качествѣ ассистента.

§ 27. По окончаніи родовъ кандидатъ составляетъ дома на нѣмецкомъ языкѣ о сдѣланныхъ имъ при этомъ наблюденіяхъ (§ 26) исторію родовъ и вмѣсто присяги прибавляетъ завѣреніе, что эту работу онъ сдѣлалъ лично и безъ чужой помощи. Она представляется на слѣдующій день экзаменатору и затѣмъ добавляется въ теченіе первыхъ семи дней послѣ родовъ наблюденіями относительно ухода за родильницей и дитятей и болѣзненнаго состоянія обѣихъ.

§ 28. Кромѣ того, въ теченіе этихъ семи дней экзаменаторъ, поручившій кандидату роженицу, испытываетъ его относительно его способностей къ акушерскому изслѣдованію на имѣющихся въ клиникѣ беременных, рождающихъ, недавно разрѣшившихся, а также и не беременныхъ женщинахъ. Точно также должно пользоваться и прочими патологическими случаями въ акушерской палатѣ, чтобы убѣдиться вообще въ гинекологическихъ познаніяхъ кандидата.

§ 29. Во время этого клиническаго испытанія или послѣ его, кандидатъ подвергается обоими экзаменаторами техническому испытанію надъ фантомомъ.

Последній состоитъ изъ діагноза различныхъ неправильностей въ положеніи плода и выполненіи акушерской помощи посредствомъ *вра-*

щенія или съ употребленіемъ щипцовъ, какъ при положеніи младенца головой впередъ, такъ и обратномъ.

§ 30. Кандидаты, признанные неудовлетворительными хотя бы только въ одной части акушерскаго экзамена, не могутъ считаться выдержавшими его и должны вторично подвергнуться экзамену изъ всего отдѣла по распоряженію директора.

§ 31. Заключительный словесный экзаменъ производится публично, подъ предсѣдательствомъ директора экзаменной комисіи, тремя экзаменаторами, избранными изъ числа производившихъ испытанія по предыдущимъ отдѣламъ, и кромѣ того, четвертымъ, назначеннымъ для медицинскихъ естественныхъ наукъ.

§ 32. Къ этому экзамену могутъ быть допущены только тѣ кандидаты, которые изъ всѣхъ предшествовавшихъ отдѣловъ испытанія получили не менѣе какъ отмѣтку *хорошо*, и притомъ такъ, что въ каждый отдѣльный срокъ не болѣе четырехъ кандидатовъ.

§ 33. При заключительномъ словесномъ экзаменѣ, кандидатъ долженъ дать публичное доказательство своего общаго медицинскаго образованія.

Поэтому испытаніе направляется преимущественно на тѣ предметы общей и спеціальной патологіи и терапіи, хирургія, акушерства, фармакологіи и медицинскихъ естественныхъ наукъ, которыми, необходимо предполагается, долженъ владѣть свободно врачъ, получающій разрѣшеніе практиковать по всѣмъ отраслямъ медицины.

§ 34. О ходѣ экзамена каждаго кандидата составляется подробный протоколъ и выставляется директоромъ вмѣстѣ съ экзаменующимъ отмѣтка по каждой отдѣльной спеціальности экзамена.

За протоколомъ помѣчается общая отмѣтка по заключительному экзамену. Если при этомъ окажется одна отмѣтка *худо*, или двѣ *посредственно*, то кандидатъ считается не выдержавшимъ экзамена. Въ остальныхъ случаяхъ вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, и при равенствѣ ихъ, голосомъ директора.

§ 35. Кандидатамъ, выдержавшимъ заключительный экзаменъ, тотчасъ послѣ его окончанія выставляется окончательная отмѣтка—результатъ общаго государственнаго экзамена, на основаніи отмѣтокъ по пяти спеціальнымъ отдѣламъ его.

§ 36. Послѣ того директоръ обязанъ представить подробные результаты экзамена вмѣстѣ съ документами относительно допущенія кандидата и съ приложеніемъ своего отчета.

§ 37. При опредѣленіи отмѣтокъ по всѣмъ отдѣламъ экзамена, эк-

заменаторы пользуются только выраженіями *отлично*, *очень хорошо*, *хорошо*, *посредственно* и *худо*.

Первая отмѣтка *отлично* можетъ быть только тогда окончательною, когда кандидатъ по всѣмъ отдѣламъ испытанія получилъ не менѣе какъ *очень хорошо*; вторая отмѣтка *очень хорошо*—только тогда, когда кандидатъ по крайней мѣрѣ изъ трехъ отдѣловъ получилъ *очень хорошо*.

§ 38. Къ повторенію того или другаго отдѣла экзамена или отдѣльныхъ частей ихъ кандидатъ, испытавшій неудачу, можетъ быть допущенъ не иначе какъ съ разрѣшенія министра медицинскихъ дѣлъ.

Отмѣтка *худо* влечетъ за собою отсрочку экзамена на 6, отмѣтка *посредственно* на 3 мѣсяца. О срокѣ относительно повторенія экзамена директоръ подаетъ свое мнѣніе въ отчетѣ.

Кто вторично не выдержитъ экзамена, тотъ уже не допускается къ дальнѣйшему его повторенію.

§ 39. Спеціальныя отдѣлы экзамена кандидатъ долженъ сдавать безъ перерыва.

Промежутокъ между двумя отдѣлами экзамена, если исключеніе не оправдывается важными причинами, не долженъ превышать восьми дней. Кандидаты, которые не соблюдутъ объявленнаго имъ срока экзамена, могутъ быть допущены къ его продолженію не ранѣе слѣдующаго экзаменаціоннаго года.

§ 40. Кандидатамъ, получившимъ изъ того или другаго отдѣла испытанія отмѣтку *худо* или *посредственно*, предоставляется на выборъ подвергнуться экзамену по не сданнымъ еще отдѣламъ его тотчасъ же или послѣ дозволеннаго имъ вторичнаго экзамена изъ не выдержанныхъ отдѣловъ.

§ 41. Съ подвергающагося государственному экзамену на званіе врача, хирурга и акушера взимается плата въ 60 талеровъ. Изъ нея получаютъ экзаменаторы:

по отдѣлу анатоміи и фізіологіи	11	талер.	10	зильбер.	гр.
по отдѣлу хирургіи	17	„	—	„	„
по медицинскому отдѣлу	11	„	10	„	„
по акушерскому отдѣлу	8	„	—	„	„
по отдѣлу медицинскихъ естественныхъ наукъ	2	„	—	„	„
за потребленіе матеріаловъ и на канцелярскіе расходы	10	„	10	„	„

При повтореніи экзамена по отдѣлу анатоміи и фізіологіи или

отдѣльной части его, слѣдуетъ каждый разъ вновь уплачивать деньги. причитающіяся за потребленіе матеріаловъ. При повтореніи же экзамена по какому-либо другому отдѣлу такихъ денегъ болѣе не взимается,

§ 42. Кандидаты, отказывающіеся во время экзамена отъ его продолженія, получаютъ обратно плату за тѣ его отдѣлы, которымъ еще не подвергались.

За повтореніе экзамена по тому или другому отдѣлу слѣдуетъ вносить вновь указанную въ регламентѣ плату.

Кромѣ вышесказанной, никакой другой платы съ кандидатовъ не взимается.

Министръ духовныхъ, народнаго просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ *фонъ-Мюлеръ*.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

DE CIVITATIS DONATIONE BEQUE CIVITATIS DIPLOMATIS ATTICIS.

Civitas Attica aut natura parabatur aut donatione populi. Romanos praeterea etiam alios modos quaerendae civitatis admisisse satis constat velati adoptionem (vid. Gell. 5, -19) et manumissionem (vid. Gaius 1, 16, 17, 21. Ulp. 1, 12, 14, cf. Mommsen, *Röm. Forsch.* 1, 59). Apud Athenienses vero per leges non licebat nisi civem iustus nuptiis procreatum adoptari, id quod docet Isaeus 7, 16: ἔστι δὲ νόμος ὁ αὐτὸς εἴν τινα φύσει γεγονότα εισάγει τις, εἴαν τε ποιητὸν ἐπιτιθέσθαι πίστιν κατὰ τῶν ἱερῶν ἢ μὴν εισάγειν ἐξ ἀστῆς καὶ γεγονότα ὀρθῶς καὶ τὸν ὑπάρχοντα φύσει καὶ τὸν ποιητὸν. Servi autem manu missi in inquilinorum sive μετοίκων ordinem transibant: eives ne fierent lege cautum erat. Dio Chrys. 15, 17, οὐκ οἶσθα τὸν Ἀθήνησι νόμον παρὰ πολλοῖς δὲ καὶ ἄλλοις, ἕς τὸν φύσει δοῦλον γενόμενον οὐκ εἶ̄ μετέχειν τῆς πολιτείας. Quid quod antiquitas ne liberi quidem fuisse videntur? Quibus enim argumentis Mommsen *Röm. Forsch.* 1, 358 usus est, ut probaret apud Romanos iustam ac legitimam manumissionem olim non fuisse, ea omnia etiam in iure Attico valent. Ab inquilinis autem liberti non solum eo differebant, quod illi duodenas drachmas tributum quotannis pendebant, hi duodenas drachmas et ternos obolos, verum etiam eo, quod liberti nullius certae civitatis eives erant, inquilini a patria sua quisque cognominabantur ¹⁾ in eamque reversi omnia pristina iura recipiebant. Quin etiam a nonnullis δοῦλων appellatione libertinos quoque esse comprehensos docet Chrysippus ap. Athen. VI, 267 διαφέρειν δὲ φησι Χρῦσιππος δοῦλον οἰκέτου διὰ τὸ τοὺς ἀπελευθέρους μὲν δοῦλους εἶναι εἶναι, οἰκέτας δὲ τοὺς μὴ κτήσεως ἀφαιμένους.

1) Cf. Rangabé n. 479 ἐπαινεῖσαι Εὐξενίδην Εὐπόλιδος Φασηλίτην... καὶ εἶναι αὐτὸν ἰσοτελή. Meier comm. epigr. no. 10. v. 23 Νικοκλῆς Κορίνθιος. Rang. 706—710. 716. Schoemann ad Isaeum p. 296.

Duo ergo apud Athenienses civium genera erant, alterum ingenuorum, adscripticiorum alterum. Cf. Dem. 36, 30 ὁμῖν μὲν τοῖς γένει πολίταις—τοῖς δὲ τοῦτο δωρεὰν λαβόντων. 45, 78 τοῖς μὲν γένει πολίταις ὁμῖν—τοὺς δὲ ποιητοὺς ἡμᾶς. 59, 107 ἦν οὔτε οἱ πρόγονοι ἀστὴν κατέλιπον οὔτε ὁ δῆμος ἐποιήσατο. Dem. 23, 12 οἱ γένει πολῖται. 20, 30 οἱ φύσει πολῖται. 23, 65 οἱ ποιήσει πολῖται. 53, 18. 59, 2 κατὰ φήψισμα πολῖται.

Civitas impertiebatur peregrinis populi scito, cuius generis decreta servata sunt circiter viginti: quae quoniam nemo adhuc tractavit, ego ea explicare animum induxi itaque explicabo, ut quidquid in scriptoribus Graecis eadem de re invenerim in unum conferam et ad titulos illustrandos adhibeam. In Corpore inscr. Graec. civitatis diploma nullum exstat; pleraque decreta quae quidem mihi nota sunt a Rangabeo edita sunt (Antiquités Helléniques ou répertoire d'inscr. et d'autres antiquités. Voll. I. II. Athènes 1842—54, 4), nonnulla ex ephemeridibus excerpſi. Quam maxime autem mihi dolendum est, quod nec ephemeride archaeologica Atheniensi nec inscriptionibus a Le Bas editis uti potui.

Ac primum quidem inscriptiones recensebo. Omnium antiquissima est ea quam Rangabeus vol. II n. 375 edidit, retractavit Velsen, Monatsberichte d. Berl. Akad. 1861 p. 601, post eos Ad. Kirchhoff, Corp. inscr. Ath. I. p. 35 n. 59. Titulus exaratus est ἐπὶ Γλαυκίππου ἀρχοντος i. e. Olymp. 92, 3.

Aetate proximus est titulus a Kirchhoffio editus in Monatsberichte d. Berl. Akad. 1866 p. 196, scriptus ἐπὶ Χαρικλείου ἀρχοντος i. e. Olymp. 104, 2. Priorem tantum partem i. e. vers. 1—27 huius inscriptionis iam Rangabeus ediderat Antiq. Hell. II n. 386 p. 55. Cum primae sex litterae deperditae essent, dubium erat, num [ἐπὶ Χαρικλείου ἀρχοντος scribendum esset an [ἐπὶ Φρασικλείου ἀρχοντος: Illud verum esse docet titulus ab H. Sauppio in Philologi vol. 19 p. 247 editus, qui sic incipit: ἐπὶ Χαρικλείου ἀρχοντος ἐπὶ τῆς Οἰνηίδος ἕκτης προτανείας..... Νικόστρατος ἐγραμμάτευεν. Nam cum etiam in hac inscriptione, de qua agitur, Rang. 386, Nicostratus scriba commemoretur (ἐπὶ τῆς Ἀχαμαντίδος δευτέρας προτανείας ἢ Νικόστρατος.... Παλληνεύς ἐγραμμάτευεν), post Euclidem autem archontem eundem senatus scribam per totum annum fuisse satis constet (vid. Velsen Rhein. Mus. XI p. 599), facile apparet [ἐπὶ Χαρικλείου ἀρχοντος scribendum esse.

3) Rang. 378. Hic titulus post Olymp. 114, 2 scriptus est, quo anno eidem Euenori Acarnani, cui hoc decreto civitas impertita est, proxeniae honor delatus erat, cuius rei documentum est inscr. Rang.

377 ἐπὶ Φιλοκλέους ἄρχοντος. Fallitur autem Rangabeus, cum archontem Ol. 97, 1=392 intellegit, quo tempore neque πρόεδροι neque γραμματεὺς κατὰ προτανσίαν erant: formula enim quae est τῶν προέδρων ἐπεφήριζεν ὁ δεῖνα primum reperitur Ol. 102, 4=369 a. Chr. ἐπὶ Λεωστράτου ἄρχοντος. Corp. inscr. Gr. 85 c p. 899, antea semper ὁ δεῖνα ἐπεστάται exstat. cf. Böckh epigr.-chronol. Studien p. 44 sqq.

4) Rang. 410 temporis incerti: nam initium deperditum est. Inscriptio-
nem sat antiquam esse docet orthographia velut ΒΟΔΗ, ΤΟΓΓΡΑΜ-
ΜΑΤΕΑ.

5) Rang. 427 temporis incerti: titulus valde truncatus.

6) Rang. 438 ἐπὶ Λεωστράτου ἄρχοντος i. e. Olymp. 119, 2=303 a.
Chr.

7) Rang. 443..... οὐ ἄρχοντος ante οὐ duodecim litteras aut dempta
ἐπὶ praepositione IX deesse apparet ex eo, quod titulus στοιχηδόν scrip-
tus est, versus autem septimus certo restitui potest hunc in modum:

..... συνπρό-
(7) εδροι ἔδοξεν τῷ δήμῳ. Γόργος Φρονί-
χου] οὐ εἶπεν et quae sequuntur.

Quam ob rem rescribendum est aut (ἐπὶ Κηφισοδώρου ἄρχοντος i. e. Ol. 114, 2=323 a. Chr. aut (ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἄρχοντος i. e. Ol. 115, 2=319 a. Chr., aut (ἐπὶ Νικοστράτου ἄρχοντος (Ol. 121, 2=295). Neque vero Ol. 114, 2 nec Olymp. 115, 2 titulum adscribi posse satis patet. Nam Antigonus et Demetrius reges, qui in hac inscriptione commemorantur, Antigonus Asiae rex sunt eiusque filius Demetrius ὁ πολιορκητής. Restat ergo ut titulum ad Olymp. 121, 2 referamus, quo tempore Demetrius, cuius opes proelio Issico fractae erant, ex incommodis emergere coepit et denuo summa imperii potiri studuit. Decernitur autem hoc populi scito civitas Herodoro cuidam Aenio, quod pacem inter Athenienses et Demetrium conciliasset, qui quo anno Athenas in potestatem suam redegerit, aliunde non constat; quod hoc demum titulo discimus, id quod adhuc ignotum erat, Olymp. 121 anno secundo Athenas a Demetrio occupatas esse.

8) Eiusdem fere temporis est inscriptio ab A. de Velsen in Archaeologisch. Anzeiger 1859 n. 118. 119 edita populi scitum continens, quo Oxythemis Demetrii Poliorcetae sodalis et adulator civitate donatur.

9) Rang. 447 ἐπὶ Διοτίμου ἄρχοντος. Ol. 123, 3 secundum Dittenbergerum, Hermes II p. 286. 305. Ante Rangabeum M. H. E. Meier hunc titulum tractavit, Archaeol. Intelligenzblatt 1834 p. 13.

10—14) Rang. 493. 523. 2294. 2304. 2305. inter quas inscriptiones intercedit similitudo quaedam formularum, ita ut altera ex altera suppleri atque aliquatenus restitui possint. Qua re neglecta aut non animadversa quoniam Rangabeus in titulis rescribendis parum feliciter versatus est, e re videtur, inscriptiones paullo accuratius examinare.

Titulus Rang. 493 sic fere restituendus videtur:

- — — — — οτι — — — — —
 — — — — — υσ. . δεικνυμενο — — — — —
 — — — (κα)λῶς ἔχον καὶ συμφέρον(ν τῇ πόλει, ἀγαθῇ
 τόχῃ, δεδόχθαι τῇ βουλῇ τοὺς λαχόντας (προέδρους εἰς τὴν
 5 ἐπιούσαν ἐκκλησίαν χρηματίσαι περὶ τούτων, γνώμην δὲ
 ἐμβάλλεσθαι) τῆς βουλῆς εἰς τὸν δῆμον (ὅτι δοκεῖ τῇ βου-
 λῇ ἐπαινεῖσαι Μ)ανασθεῖα Ἀπολλωνίου Μιλήσι(ον καὶ στεφανῶσαι
 αὐτὸν θαλλοῦ σ)εφάνῃ εὐνοίας ἕνεκεν τῆς εἰς (τὸν δῆμον τὸν
 Ἀθηναίων, δεδ)όσθαι δὲ αὐτῷ καὶ πολιτείαν (κατὰ τὸν νόμον
 10 — — — — — τοὺς δὲ θεσμοθέτας ὅ(αν πρῶτον οἶόν τ' ἦ
 κληρώσαντας πε)ντακοσίους δικαστάς εἰσαγαγ(εῖν αὐτῷ τὴν δοκιμασίαν
 — — — — — ηι — — — — — οντι καὶ εἶναι αὐτῷ δοκιμασθέν(τι γράψα-
 σθαι φυλῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας ἧς ἂν βούλη(ται) εἶναι δὲ αὐτῷ
 καὶ εἰς τὸ λοιπὸν ἀ)ποδεικνυμένῃ καὶ διατηροῦντι τὴν ἀ(νδραγαθίαν
 15 εὐρέσθαι καὶ ἄλλο ἀγ)αθὸν ὅτου ἂν δοκῇ ἄξιος εἶναι. ἵνα δὲ ὑπόμνη-
 μα ἧ τῆς δωρεᾶς τῆς γεγονείας παρὰ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων
 ἀναγράψαι τότε τὸ ψ)ήφισμα τὸν γραμματέα τὸν κα(τὰ πρωτανείαν εἰς
 στήλην λι)θίνην καὶ στήσαι ἐν ἀκροπόλ(σει τὸ δὲ ἀνάλαμα τὸ
 20 γινόμενον ἐς ταῦτα μερίσαι τὸν ταμίαν τ(ῶν στρατιωτικῶν.

Edidit hunc titulum ante Rangabeum L. Rossius, die Demen von Attika p. 41. In sinistra parte litterae interciderunt, si Rangabeum sequeris, duae vel tres, si Rossium, multo plures. Litterae ex serie non sunt dispositae. Supplementa plurima prioribus editoribus debentur. V. 3 συμφέρον τῇ πόλει ego scripsi, ut spatium explerem. συμφέρον Ross. συμφερόντως Rang.

V. 4 τοὺς λαχόντας (προεδρεύειν) Rang. sed semper dicebatur aut τοὺς λαχόντας προέδρους (cf. e. gr. Rang. 474. 480) aut τοὺς προέδρους οἱ ἂν πρῶτον λάχωσι (vel τυγχάνωσι) προσεδρεύειν (Rang. 385. 386. 425. 432. 793. 794).

V. 5 περὶ τούτου) Rang. περὶ τούτων) Ross.

V. 8 αὐτόν om. Ross. sed conf. Rang. 378. 425. 430. 443. 447. etc.

V. 10 Expectaveris καὶ αὐτῷ καὶ ἐχγόνοις αὐτοῦ, τοὺς δὲ θεσμ. etc. sed ante voc. τοὺς supersunt secundum Rossium litterae ΣΙ, secundum

Rangabeum Ω I, inde scripsit Rossius πολιτείαν (καὶ ἔγκτησιν γῆς καὶ οἰκίας Ἀθήνησι, τοὺς δὲ θεσμ., Meierus apud Rossium l. 1. p. 41 not. πολιτείαν (αὐτῶ καὶ ἔχονοις αὐτοῦ καὶ ἀπέλειαν ὧν ἂν εἰσάγωσι καὶ ἐξάγωσι). Rangabeus πολιτείαν (κατὰ τὸν νόμον αἰτησαμένῃ) τοὺς δὲ θεσμ. Nulla coniectura placet. Rossio iam Meier recte oblocutus est: „dass die Athener jemals dem, welchem sie das Bürgerrecht ertheilten, auch noch ausdrücklich des Commercium verliehen hätten, was ja schon im Bürgerrechte enthalten war, ist nicht nachweisbar; aus nichtattischen Decreten, wo sich diese Verbindung allerdings findet (de proxen. p. 20), darf man nicht auf Attische schliessen. Quod Meier ipse proposuit, non magis probabile est. Primum enim formula ὧν ἂν εἰσάγωσι καὶ ἐξάγωσι aliunde confirmari non potest; deinde quoniam in eius modi decretis certus quidam ordo servabatur, ita ut primo loco laudatio coronaque poneretur, deinde civitas introductioque apud phratores commemoraretur, postremo si qua alia beneficia vel honores tribuebantur, fieri non potest, ut in titulo de quo agitur verba quae sunt ὧν ἂν εἰσάγ. καὶ ἐξάγ. collocata fuerint inter illud πολιτείαν δεδοσθαι et εἶναι δὲ αὐτῶ γράψασθαι etc. Rangabei inventum κατὰ τὸν νόμον verum esse puto coll. 525. 2294. 2304, 2305. αἰτησαμένῃ minus probo.

V. 11 ὅτ(αν πρῶτον κληρώσῃσι τοὺς πεντακοσίους δικ. εἰσαγαγ(εῖν αὐτῶ τὴν δοκιμασίαν εἰς δικαστ)ήρ(ι)ον τι Ross. ὅτ(αν πρῶτον οἶόν τ' ἢ κληρώσαντας πεντακοσίους δικαστὰς εἰσαγαγ(εῖν τὴν δοκιμασίαν τῆς δωρεᾶς ἐθέλ)οντι Meier ap. Ross. ὅτ(αν πρῶτον οἶόν τ' ἢ εἰς τοὺς πεντακοσίους δικ. εἰσαγαγ(εῖν αὐτῶ τὴν δοκιμασίαν)... ητ. οντι Rang. Rossii inventum et ipsi et Meiero dubium est. De versus XII initio nihil proferre possum quod mihi ipsi satisfaciatur. Meierum paeteriit ante οντι spatium trium fere litterarum interjecto elementa HI esse servata, sub quibus quid lateat, ne Rangabeus quidem se indagare potuisse ingenue professus est. Absentia non ineptum fuerit τὴν δοκιμασίαν τῆς πολιτογραφίας (cf. Rang. 523. 2304. 2305) vel τῆς δωρεᾶς (cf. Rang. 443. 447).

V. 12. δοκιμασθέν(τι καὶ ἔγκριθέντι) Ross. δοκιμασθέν(τι κατὰ τὸν νόμον) Rang.

V. 13 ego restitui coll. Rang. 503. (τὴν δὲ εὐνοίαν καὶ εἰς τὸ λοιπὸν ἀ)ποδ. καὶ διατηροῦντι τὴν αὐτὴν εἶναι αὐτῶ εὐρέσθαι) Rangabeus.

V. 16 τοῦ δήμου (ἀναγράφαι δὲ) Ross. τοῦ δήμου (Μενεσθεῖ) Rang. τοῦ δήμου (τοῦ Ἀθηναίων) vel τοῦ δήμου (καὶ τῆς βουλῆς) ego.

V. 19 τὸν ταμίαν (τοῦ δήμου) Ross. et Rang. τὸν ταμίαν τ(ῶν στρατιωτικῶν) ego coll. 2294. 2305. Koehler in Hermae vol. 5 p. 12: „Die Anweisung auf die Kasse, welche die Kosten für die öffentliche Auf-

stellung des Volksbeschlusses zu tragen hatte, pflegt im vierten Jahrh. auf die ταμίαις τοῦ δήμου zu lauten.... Die älteste sicher datirbare Anweisung, auf den ταμίαις τοῦ δήμου ist aus Olymp. 102, 1 (Rang. 385), die jüngste aus Olymp. 114, 3 (Rang. 377). Seit dem Ende des vierten Jahrh., zum ersten Mal Ol. 121, 2 (Rang. 443) tritt an die Stelle des ταμίαις τοῦ δήμου οἱ (ὁ) ἐπὶ τῇ διοικήσει; in einer noch späteren Periode ὁ ταμίαις τῶν στρατιωτικῶν“.

De aetate tituli Rossius haec scripsit: „Nach dem Charakter der Schrift ist die Inschrift wohl nicht früher als um den Anfang des ersten Jahrh. vor Chr. und vielleicht noch später anzusetzen. Rangabeus A. H. II p. 190: la forme des lettres indique une époque rapprochée d'Olymp. 140“.

Titulo Rangabei 493 similes esse inscr. 523. 2294. 2304. 2305 iam dixi. Ac titulus 523 admodum mutilatus est. V. 7 sqq. sic fere suppleri possunt:

(δεδέσθαι δὲ αὐτῶν καὶ πολιτείαν κατὰ τὸν νόμον(— — — ? — — —
 τοὺς δὲ θεσμοθέτας ὄσαν) κληρῶσιν τὸ δικαστήριον
 πληρώσαντας πεντακοσίους δικαστάς εἰσαγαγεῖν εἰς
 10 αὐτοὺς τὴν δοκιμασίαν τῆς πολιτογραφίας καὶ εἶναι αὐτῶν
 δοκιμασθέντι γραφασθε)ι φυλῆς καὶ δήμου(υ καὶ φρατρίας
 ἧς ἂν βούληται ἵνα δὲ) ὑπόμνημα ὑπάρχῃ (τῆς — — — —
 — — — — — τι)μῆς, ἀναγράψαι τότε τὸ ψήφισμα
 τὸν γραμματεῖα τὸν κατὰ πρυτανείαν εἰς στήλην λιθίνην
 15 καὶ στήσαι ἐν ἀκροπόλει. τὸ δὲ γινόμενον ἀνάλωμα
 μερίσαι ἐς ταῦτα τὸν ταμίαν) τῶν στρατιωτικῶν).

Rangabeus multo minora supplevit velut vs. 9 falso (τοὺς δικαστάς, vs. 15 (καὶ στήσαι πρὸ τῆς Πολιάδος Ἀθην)ᾶς inepte vel propterea quod ipse testatus est in tabula exstare ΔΕΤΟΔΕΓΕΝΟΜ, Illud ΔΕ est nihil aliud quam (ἀκροπό)λει. De Ε pro ΕΙ cf. Franz Elem. epigr. Graecae p. 150.—V. 15 (ἀνάλωμα τῆς ἀναγραφῆς καὶ στήσεως δοῦναι τὸν ταμίαν) τῶν στρατ. Rangabeus: στήσεως quid sibi velit, intellegere non potui. cf. 493. 2294. 2305.

De aetate inscriptionis nihil constat. Koehlerus in Hermae vol. 5 p. 341 haec habet: „Denselben Schriftcharakter, den ich der zweiten Hälfte des zweiten Jahrh. zuweisen möchte, weisen beispielshalber Rang. 490. 513. 523. 2305 auf“.

Titulum Rangabeorum 2294 et ipsum valde mutilum superioribus quos modo tractavi similem fuisse facile cognosci potest. Qua re reiecto Rangabei supplemento versus quinti (τ)ηρῶσι δίκα(ς) mecum scribe: (τοὺς

δὲ θεσμοθέτας ὅταν κληρῶσι δικαστήριον πληρώσαντας πεντακοσίους δικαστάς (εἰσαγαγεῖν εἰς αὐτοὺς vel αὐτῶ τὴν δοκιμασίαν καὶ γράψασθαι εἶναι αὐτῶ φυλῆς καὶ δήμου κα)ῖ φρατρίας (ἧς ἂν βούληται). Initium deperditum est tam huius inscriptionis quam tituli Rang. 2304, ubi vs. 3 pro (το)ὺς λα(χόντας προεδρεύειν) quod Rangabeus posuit (το)ὺς λα(χόντας προέδρους) scribendum esse iam supra monui.

V. 11 ego suppleverim: ὅσων κληρῶσιν δικαστήριον πληρώσαντας πεντακοσίους δικαστάς εἰσαγαγ(εῖν αὐτῶ vel εἰς αὐτοὺς τὴν δοκιμασίαν τῆς πολιτογραφίας καὶ ἐξ(εῖναι) αὐτῶ) δοκιμασθέντι etc.: vs. 13 extr. Rangabei apographum praebet ΓΕ, ex quo ille ΕΙ εἶ(ναι) fecit: ego veri similis puto illud ΓΕ mutandum esse in ΕΕ i. e. ἐξ(εῖναι). Ceterum titulus στοιχηδόν non est scriptus.

Rang. 2305 vs. 8 sqq. sic scribendi sunt:

(δεδοσθαι δὲ αὐτῶ πολιτείαν) κατὰ τὸν νόμον (— — — —

τοὺς δὲ θεσμοθέτας ὅταν) κληρῶσιν τὸ δικαστήριον κληρώσαντας πεντακοσίους δικαστάς εἰσαγαγ(εῖν εἰς αὐτοὺς τὴν δοκιμασίαν τῆς πολιτογραφίας καὶ (ἐξ(εῖναι) αὐτῶ) δοκιμασθέντι γράψασθαι) φυλῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας etc.

Titulus στοιχηδόν est scriptus: singuli versus litterarum quadragenarum quinarum videntur fuisse. Initium non superest. De aetate inscriptionis vide Koehlersum in Hermae vol. 5 p. 341 cuius verba supra 1 adtuli.

Transeo iam ad reliquas inscriptiones.

15) Rang. 526 similis est titulis 443 (Olymp. 121, 2) et 447 (Olymp. 123, 3) qua de causa posuerim intra Olymp. 120 et 130. Initium deperditum est.

16) Rang. 518 titulus valde mutilatus. Hunc eundem esse atque Rang. 2334 ait Velsen Archaeol. Anz. 1858 p. 234. Sed inscr. 2334 „est un fragment de marbre brun de l'Hymette“ (Rangabeus p. 994), inscr. 518 „est un fragment de calcaire bleu“ (Rangabeus p. 204). Quamquam utraque inscriptio eadem fere verba servata habet. Cum titulo 518 coniungendos esse tit. 603 et 604 contendit idem Velsen l. l. Inscr. 603 fragmenta nominum propriorum videtur continere: 604 et 518 sic fere scribendum:

604 518

ε — — — —

τω . — — — — — ιεα — — — —

(κα)ῖ τοῖς ἄλλ(οις ἕκαστο)ν ἐπα(ινέσαι αὐτ-
 ῶν) ἀρετῆς ἕνεκ(α καὶ εὐν)οίας ἧ(ν ἔχοντες

διατ)ελοῦσιν (περί) τὸν δῆμον (τὸν Ἀθηναί-
ων καὶ στεφ)α(νῶ)σαι ἕκαστον αὐτ(ῶν χρυσο-
φ στεφάνφ κ)αὶ εἶναι αὐτοὺς Ἀθ(ωναίος
καὶ ἀντοῦς κ)αὶ ἐκτόνους αὐτῶν (καὶ ἀπο-
γράψασθαι καὶ φυλῆς) καὶ δήμου καὶ (φρατ-
10 ρίας ἧς ἂν βούλωνται κ)ατὰ τὸν νόμον (καὶ
ἐπαγαγεῖν τοὺς προτάνας)εὶς περὶ α(ὐτῶν τ-
ῆν ψῆφον ἐς τὴν πρώτην ἐ)κκλησίαν).....
— — — — — περσ (?) — —

Titulus initio truncatus στοιχηδόν est scriptus; singuli versus litterarum tricenarum binarum erant. Illud ΠΕΡΑ vs. 13 quid sit, nescio: exspectaveris: (τὸν δὲ γραμματεῖα τῆς βουλῆς ἀν)αγρά(ψαι τόδε τὸ ψήψισμα ἐς στήλην λιθίνην). Ceterum hic titulus similis est inscr. Rang. 378.

17—20) Rang. 534. 560. 2299. 2384 valde mutilati sunt nec quam in aetatem referendi sint ullo modo definiiri potest.

21) Rang. 542. Ex vs. quarto τὴν δοκιμασίαν τῆς δω(ρεᾶς) apparet civitatis id esse decretum: nam proxeni numquam examinabantur. Ceterum titulus tam mutilus ut nihil omnino in rem nostram conferre possimus.

22) Titulus a Fr. Lenormant editus Rhein. Mus. f. Philol. XXI p. 363 temporis incerti. Quamquam tituli Lenormantiani admodum suspecti sunt (vid. R. Schoell in Hermae vol. 7 p. 235) nec haec inscriptio omni suspitione caret: nam neque duplex suffragiorum latio neque δοκιμασία thesmothetarum et iudicum sicuti in ceteris decretis commemoratur.

23) Rang. 397 num civitatis donatio contineatur, valde dubito: vs. 6 Rangabeus scripsit εἶναι Ὁρό(ντην Ἀθηναίων) et sunt sane quae cum civitatis decretis comparari possint: Sed ex vs. 11 τοὺς θεσμοθέτας τοὺς ἐπὶ Καλλιμάχου ἄρχοντος apparet h. l. thesmothetas non potuisse juberi civitatis probationem ad iudices deferre ut Rg. 443. 493. 447 etc. Deinde multa ommissa sunt, quae in civitatis diplomatis deesse non possunt velut formula γράψασθαι φυλῆς καὶ δήμον καὶ φρατρίας, ἧς ἂν βούληται, quae verba suppleri non possunt, propterea quod lacunae eis non sufficiunt. Quod autem Rangabeus vs. 7 scripsit: εἶνα Ὁρό(ντην Ἀθηναίων).... καὶ ψῆφον περὶ αὐτοῦ τοὺς προτάνας ἐν τῇ (βουλῇ ἐξανε)γχα(ῖν), id aperte falsum est. Nam Rangebeo teste in tabula exstat: ENTHI... NKT inter I et N duarum triumve litterarum spatio interjecto: est illud NKT fortasse (ἐ)νκτ(ησις). Quae cum ita sint, negaverim omnino hoc populi scito Orontem ab Atheniensibus civitate donari: psephisma restituere utpote a doctrina parum instructus nequeo.

24) Rangabeus inscr. 455 v. 22 rescripsit: ἐπιμεληθῆναι δὲ... τῆς π(ολιτείας τοῦ)ς προτάνας, quamvis vs. 27 legatur προξενίαν, unde proxeniae decretum esse cuius apparet. Athenienses enim numquam eodem psephismate cuiquam et civitatem et proxeniam concedebant, id quod alios populos fecisse constat: cf. e. gr. titulos Lamienses Rang. 741—745 et 747 (antea iam a L. Stephanio editos, Reise durch einige Gegenden d. nördlichen Griechenlands p. 40 sqq.). Samium quem Vischerus publici iuris fecit Rhein. Mus. vol. 22 p. 313 et imprimis memorabiles inscriptiones Erythraeas (Revue archéol. XIII p. 3: δεδόχθαι τῆ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ Κόνωνα ἀναγράψαι εὐεργέτην Ἐροθραίων καὶ πρόξενον.... καὶ Ἐροθραίων εἶναι ἄν βούληται. ib. p. 5: εἶναι εὐεργέτην τῆς πόλεως καὶ πρόξενον καὶ πολιτῶν. Adde Archaeol. Zeitung 1855 p. 40.

25) Rangabeus item inscr. 553 vs. 8 εἶναι αὐτοῦς Ἀθηναῖους supplevit, repugnante versu secundo: προξένους.

26) Rang. 490 vs. 15 (δεδοῦσθαι δὲ αὐτῶ καὶ π(ολιτείαν)). Sic Graecus editor: eodem iure possis reponere π(ροξενίαν). Titulus autem 2292 verbo δεδοῦσθαι terminatur: utrum δεδοῦσθαι πολιτείαν an προξενίαν scribendum sit, diiudicari non potest. Idem valet in inscriptionibus a Lenormant Rhein. Mus. vol. 21 p. 364 et ab H. Sauppio in Philologi vol. 19 p. 247 editis.

His addo titulos Rang. 2280. 410 et fortasse 388, quibus donatio civitatis iteratur, de quibus infra disputabo. Jam inscriptiones servato, quoad fieri potest, temporis ordine componam et brevitatis gratia literis signabo:

A=C. I. Att. 1 n. 59. Ol. 92, 3=410 a. Chr.

B=Berl. Berichte 1866 p. 196. Ol. 104, 2=363 a. Chr.

C=Rang. 378 circa Olymp. 115=c. 320 a. Chr.

D=Rang. 438 Olymp. 119, 2=303 a. Chr.

E=Rang. 443 Olymp. 121, 2=295 a. Chr.

F=Archaeol. Anz. 1858 n. 118—119. circa Olymp. 118—119 c. 305 a. Chr.

G=Rang. 447 Olymp. 123, 3=286 a. Chr.

H=Rang. 526 inter Olymp. 120 et 130.

I=Rang. 518 inter Olymp. 120 et 130.

K=Rang. 493; L=Rang. 523; M=Rang. 2294; N=Rang. 2304;

O=Rang. 2305 inter Olymp. 140 et 170.

Denique temporis incerti P=Rang. 427; Q=Rang. 534; R=Rang. 542; S=Rang. 560; T=Rang. 2299; U=Rang. 2334; V=Rhein. Mus. 21, 363.

His profligatis iam de decretis ipsis disputabo ac primum quidem de praescriptis et de civitatis donandae modo legitimo.

Civitatem igitur decernebat aut senatus populusque aut populus sine senatus auctoritate: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ A. ἔδοξεν τῷ δήμῳ—δεδοχθαι τῷ δήμῳ D E G. δεδόχθαι τῷ δήμῳ C F V. Pro sollemni illa formula ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ—δεδοχθαι τῷ δήμῳ in B K N O exstat: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ—δεδοχθαι τῇ βουλῇ τοὺς λαχόντας προέδρους χρηματῖσαι περὶ τούτων, γνώμην δὲ συμβάλλεσθαι τῆς βουλῆς ὅτι δοκῆι τῇ βουλῇ ἐπαινέσαι etc., quae formula inde ab Olymp. 102, ut videtur, in usum venire coepit; cf. Rang. 385. 386. 432 etc., eadem in L restituenda sunt et supersunt adhuc tenuia quaedam vestigia. In K N O aut ἔδ. τῷ δήμῳ aut ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ rescribendum est; cf. Rang. 377. 385. 432. 880. 2277 etc. Ceterorum psephismatum exordia deperdita sunt.

De civitatis donandae modo legitimo agit Demosthenes vel quisquis est qui orationem contra Neeram scripsit, § 89: πρῶτον μὲν γὰρ νόμος ἐστὶν τῷ δήμῳ κείμενος μὴ ἐξεῖναι ποιήσασθαι Ἀθηναίων δὲ ἂν μὴ δι' ἀνδραγαθίαν εἰς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων ἄξιον ἤ γενέσθαι πολίτην. Erat igitur lege cautum ne quis civis fieret, nisi qui virtute et meritis in rem publicam dignum se civitate praestitisset. Haec erat causa cur in civitatis decretis peregrinorum qui civitate donabantur merita copiose exponerentur. Atque in plerisque psephismatis, nempe K—V ea pars qua indicatum erat qua quisque causa civitatem commeruisset, aetatem non tulit, in A autem Thrasybulo qui Phrynichum proditorem interfecerat (cf. Lys. or. 13, 71) ob id ipsum civitas impertitur: memoratu dignum est caedis Phrynichi mentionem non fieri, sed populum decrevisse ut Thrasybulus laudaretur et in civitatem reciperetur ἀντὶ ὧν εὖ πεποιήκεν τὴν τε βουλὴν καὶ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων: fuisse enim eum semper ἀνδρα ἀγαθὸν καὶ πρόθυμον ποιεῖν ὅ τι δύνανται ἀγαθόν. — Psephismate B Astycrati, ut videtur, Delpho, civitas decernitur, quod cum Atheniensibus in amphictyonum consilio contra Thebanos Thessalosque steterat (cf. Kirchhoff Monatsbericht d. Berl. Akad. 1866 p. 200 sq). C Euenori Acarnani, medico eo tempore satis claro ¹⁾, cui Olymp. 114, 3 proxenia tributa erat (vid. Rang. 377) civitas impertitur ἐπειδὴ πρότερόν τε (εὐνοος ἦν τῇ τε βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ²⁾) καὶ (χρησίμιον ἑαυτὸν παρέσχηκεν

¹⁾ Cf. Böckh. epigr.-chronol. Stud. p. 174.

²⁾ (βου)λῇ ego rescribendum censeo pro eo quod Rangabeus posuit (πό)λει. Servatum est nihil nisi AEI, sed •E pro H in terminationibus dativi, praesertim in

κατὰ τὴν τέχ(νην πολλοὺς δὲ ἴατο) τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἄλ(λων ἐνοικοῦντων) τῆ πόλει. Lidem Hippocrati civitas data erat ob auxilium quod aegrotis Atheniensibus praeclare tulerat (Sorani vita Hippocr. in Westerm. βιογρ. p. 451, 50). Notum est Athenienses labente re publica civitatis honorem viliori pretio aestimare et nimis large exteris effundere coepisse: vid. impr. Isocr. 8, 50. Dem. 23, 199. Et sane tituli praebent quod ad comparisonem illustre atque insigne sit. Ut enim Athenienses Demetrium Poliorceten summis praemiis et honoribus cumulaverunt, ita eius amicos et adulatores ornare non neglexerunt, velut Oxythemim, de quo cf. Athen. 6, 253a civitate donarunt (F), item Alcaeam Aenium ἔτι διατελεῖ πράττων ἀγαθὸν ὃ τι δόναται καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ περὶ τοὺς ἀφικνουμένους ἰδίᾳ Ἀθηναίων πρὸς τὸν βασιλέα καὶ κοινῇ περὶ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων (D) et Herodoro cuidam propterea quod pacem inter Athenienses et Demetrium Olymp. 123, 3 conciliasset (Rang. 443= E): eadem ob merita. Olymp. 101 Aristomacho et Ol. 102, 1 Laedaemonio cuidam nihil nisi proxenia data erat, item Byzantie quod saepius strategis Atheniensium operam suam accommodasset (Rang. 385. 432. 455). Sed Herodoro non solum civitas impertita est, verum etiam οἰτήριος ἐν πρωτανείῳ, deinde locus insignior in theatro et statua equestris et corona aurea. Paulo post Demetrio everso Athenienses Audoleonti Paeoniorum regi qui eis contra Demetrium auxilium tulerat, civitatem donaverunt: praeterea statuam equestrem aureamque coronam decreverunt. Rang. 447=G.

Alius legis Plutarchus Sol. 24 mentionem facit: παρέχει δὲ ἀπορίαν καὶ ὁ τῶν δημοποιητῶν νόμος ἔτι γενέσθαι πολίτας οὐ δίδωσι πλὴν τοῖς φερόουσιν ἀειφυγίᾳ τὴν ἑαυτῶν ἢ πανεστίους Ἀθηναίους μετοικιζομένους ἐπὶ τέχνη. Solo igitur iis tantum peregrinis civitatem dari voluit qui aut in perpetuum exilium patria sua pulsati essent aut qui Athenis sedem ac domicilium haberent. Itaque suspicor apud Athenienses aequae atque apud Romanos lege cautum fuisse, ne quis plus quam unius civitatis civis esset. Postea tamen, id quod ex Demosthenis 59, 89 sqq. silentio licet colligi, haec lex observari desierat et multarum civitatum idem homo esse poterat. Cotys, Thracum regulus, „ut ab Atheniensibus civita-

formulis decretorum quibusdam vel aliquot post Euclidem archonta saeculis haud rarum. Franz Elem. epigr. Graecae p. 150. Praeterea Rangabeus scripsit εὐνοὺς μὲν ἢν τῆ πόλει.

¹⁾ Obiter moneo in titulo 455 versu 14 scribendum esse non cum Rangabeo (ἔδοξεν τῷ) δήμῳ sed (δεδοχθαι τῷ) δήμῳ et vs. 22 τῆς π(ροξενίας) coll vs. 27.

tem sibi datam cognovit, et ego, inquit, illis meae gentis ius dabo^a. Val. Max. 3, 3, 7. Spartacus, Bosporanorum rex multos Athenienses cives fecit (Rang. 446, qui titulus scriptus est ἐπὶ Διοτίμου ἄρχοντος i. e. Olymp. 123, 3, vid. Dittenberger, Hermes II p. 305). Eumenes Pergamenus ut erat benevolus erga Athenienses, multis Atheniensibus civitatem tribuit (Rang. 457). Andocides autem orator a Cypriis commercii iure donatus est (περὶ μυστ. § 4), Leucon Bosporanorum rex immunitatem impertivit Atheniensibus (Demosth. 20, 33). In proxenorum Delphicorum laterculo (vid. Wescher et Foucart inscr. recueillies à Delphes) quinque Athenienses reperiuntur (vs. 7. 73. 106. 200. 310), Delphorum autem proxeni habebant προμαντιάν προσδριάν προδικίαν ἀσολίαν ἀτάλειαν πάντων καὶ γὰς καὶ οἰκίας ἔγκτασων Rang. 706—736. 2276.

Sed redeo ad locum Demosthenis: pergit enim orator § 89: ἔπειτ' ἐπειδὴν πεσοῦν ὁ δῆμος καὶ δὴ τὴν δωρεάν, οὐκ εἶα κυρίαν γενέσθαι τὴν ποίησιν, εἰ μὴ τῇ ψήφῳ εἰς τὴν ἐπιούσαν ἐκκλησίαν ὑπερεξακισχίλιοι Ἀθηναῖοι ψηφίσωνται κρύβδην ψηφισόμενοι. Igitur de impertienda civitati in binis comitiis agi oportebat: in prioribus populus rogabatur num senatus consulti sive προβουλεύματος — nam hanc quoque rem sicut omnia senatus ante deliberabat—ratio habenda esset et placeret illum hominem in civitatem recipi: si placere sibi dicebat populus, denuo ad concilium vocabatur, ut donationem aut confirmaret aut reiceret: in hoc posteriore consilio suffragia clanculum ferebantur, cum in aliis comitiis manibus porrectis sententiam darent. Praeterea non minus quam sex milia civium adesse necesse erat.—Commemoratur duplex haec suffragiorum ratio in BCEFGH: ἔδοξεν τῷ δήμῳ—δεδοχθαι τῷ δήμῳ ἐπιμαίσει τὸν δεῖνα—εἶναι δ' αὐτὸν Ἀθηναῖον—τοὺς δὲ πρωτάνεις δοῦναι περὶ αὐτοῦ τὴν ψήφον εἰς τὴν πρώτην (vel ἐπιούσαν) ἐκκλησίαν: deperdita est eius rei mentio in ADIU, omissa in solo V, simodo hic titulus genuinus est; de ceteris infra disseram. Recte autem Rangabeus ad 378 vol. 2 p. 35: la proposition τὸς δὲ πρωτ. etc. répond à la loi qui voulait que la naturalisation des étrangers fût votée dans deux assemblées du peuple^a. Minime probo quae M. H. E. Meierus loci Demosth. 59, 89 inmemor in Archæcol. Jntelligenzblatt 1834 n. 2 protulit.

Demosthenes l. l. § 90: τοὺς δὲ πρωτάνεις καλεῖται τιθέναι τοὺς καθίσκους ὁ νόμος καὶ τὴν ψήφον διδόναι προσιόντι τῷ δήμῳ πρὶν τοὺς ξένους εἰσιέναι καὶ τὰ γέβρα ἀναρεῖν ἵνα κύριος ᾖν αὐτὸς αὐτοῦ ἕκαστος σκοπῆται πρὸς αὐτὸν ὄντινα μέλλει πολίτην ποιήσεσθαι εἰ ἄξιός ἐστι τῆς δωρεᾶς ὁ μέλλων λήψεσθαι. ἔπειτα μετὰ ταῦτα παρανόμων γραφὴν ἐποίησε κατ' αὐτοῦ etc.

(De γάρροις disputavit A. Westermann Berichte d. Sächs. Ges. d. Wiss. 1850 p. 165). Haec per se omnia clara sunt et perspicua: unus tantum locus valde me exercuit, verba τοὺς δὲ προτάνας δοῦναι etc. Potestas populam in suffragia mittendi ante Euclidem archontem Olymp. 94, 2 penes prytanes erat vel potius apud prytanum epistatem sive praesidem, inde ab Olymp. 94, 2 penes proëdram epistatem¹⁾. Quid est igitur quod hac lege de qua agimus, item psephismatis BOEFGH prytanes ac non proëdri iubeantur populam in suffragia mittere? Ac Boekhius quidem epigr.-chronol. Stud. p. 60 r-m hoc modo explicare studuit: „das Bürgerrecht ist ein Privilegium und über ein solches musste eine zweite geheime Abstimmung gehalten werden: diese zweite Abstimmung in einer anderen Volksversammlung zu leiten ist den Prytanen verblieben“. Quae num recte disputata sint dubito: certe equidem causam nullam potui fingere, qua de causa in his ip-sis comitiis prytanes proëdrorum vice functos esse censeamus. Itaque nodum alio modo expedire conatus sum. Cum constet proëdros ab prytanum epistata ex reliquis tribubus sive phylis singulis singulos captos esse (Pollux 8, 96. Harp. p. 139. 19 Bekk.), fortasse proëdri prytanum in numero habebantur, ita ut pro προέδρῳ etiam verbum προτάνας usurpari posset aut verba δοῦναι τὴν ψήφον valent non „in suffragia mittere“ sed „populi in suffragia mittendi potestatem facere“, „comitia indicere“. Contionem autem etiam Demosthenis aetate prytanes vocabant. Aesch. 3, 39 τοὺς δὲ προτάνας ποιεῖν ἐκκλησίαν τὸν δ' ἐπιστάτην τῶν προέδρων διαχειρατονίαν διδόναι τῷ δήμῳ. Quae ex his coniecturis vera aut vero proxima sit alii diiudicent.

Rang. 443. 447. 526=EGH continuatur: τοὺς δὲ θεσμοθέτας εἰσαγαγεῖν ἀπὸ τῆν δοκιμασίαν τῆς πολιτείας καὶ τῆς δωρεᾶς εἰς τὸ δικαστήριον κατὰ τὸν νόμον ὅταν πρῶτον δικαστήρια παραπληρῶσι²⁾ Et vel ὅταν πρῶτον οἶόν τ' ἦ GH. Intellegimus hinc id quod hucusque ignotam erat—nam scriptores ea de re tacent—populo de civitate danda bis rogato donationem civitatis non tamen ante ratam fuisse quam is qui donandus erat a iudicibus probatus esset, quapropter thesmothetas, quam primum fieri posset, iudices sortiri, ad iudices rem deferre iuberi. Haec psephismatum examinatio legum censurae quae a nomothetis peragebatur³⁾ simillima est nec dubito quin illud institutum propinquitate

¹⁾ De proëdri et prytanibus vid. Böckh epigr. chronol. Stud. p. 44 sqq. Quae Hermann Griech. Staatsalt. § 127, 9 extr. et Schömann Griech. Alt. 1, 400 habent, ea falsa sunt.

²⁾ Παραπληρῶσι Böckh epigr.-chronol. Stud. p. 60. ἐκκλησιάσῳσι Rang.

³⁾ Schoemann Griech. Alt. 1, 3411. Hermans Griech. Antiq. 1, § 131.

quadam cum legum ferendarum ratione coniuncta sit. Nam primo leges tantum, quae ad ius publicum et civile pertinebant examinabantur, postea labente re publica ut licentia popularis aliquo modo temperaretur etiam psephismatum quoddam genus ab heliastis recenseri coeptum est. Originem autem huius instituti M. H. E. Meier ¹⁾ ad Demetrium Pholereum refert, qui per decem annos (inde ab Olymp. 116, 1 usque ad Olymp. 118, 2) Athenis praefuit et permultas leges perrogavit ²⁾, quae de causa etiam tertius legum lator Atheniensium a Syncello nominatur. Sed postquam Rangabeus inscriptionum thesaurum suam publici iuris fecit, quo Meier uti nondum potuit, sententia illa defendi iam non potest. Nam iudicam probatio nondum commemoratur in B (Olymp. 104, 3) aut C (circa Olymp. 115), nec magis in F, quos decretum florente Demetrio Poliorcete i. e. Olymp. 118—119 scriptum est: nam Demetrius ibi βασιλεύς vocatur vs. 8 et 13, regem autem se appellavit proelio Salaminio facto Olymp. 118, 2. De inscr. Rang. 438=D (Olymp. 119, 2) nihil certi dici potest propterea quod verbis καὶ γράψασθαι φυλῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας terminatur. Contra psephismatum ferendorum novae rationis mentio fit primum Olymp. 121, 2 Rang. 443=E, deinde Olymp. 123, 3 Rang. 447=G; H incerti anni est. Sequitur, ut instituta sit inter Olymp. 118, 2 et Olymp. 121, 2 Phalereo Demetrio iam pulso. Populari autem imperio Athenis Olymp. 118, 3 restituto aliquot novas leges latas esse ex titulo Rangabeano 430 discimus, quo senatus consulto Euchari cuidam honores decernuntur ob operam in legibus describendis praestitam: ἐπεμαλήθη δὲ τῆς ἀναγραφῆς τῶν νόμων ὅπως ἂν ἐκταθῶσι πάντες οἱ νενομοθετημένοι ἐπὶ Φαρακλέους ἀρχοντος (Olymp. 119, 1). Eadem civitatis decreti examinatione etiam in KLMNO commemoratur, nisi quod praetermissa est formula τοὺς πρότανας δοῦναι τὴν ψῆφον εἰς τὴν ἐπιούσαν ἐκκλησίαν. Praeterea notandum est KLMNO ab EG eo quoque nomine differre, quod in his civi δημοποιήτω non prius licet in phratriam et pagum introduci quam ab iudicibus probatus sit (εἶσεῖναι αὐτῶ δοκιμασθέντι γράψασθαι φυλῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας ἧς ἂν βούληται), in illis contra decernitur: εἶναι αὐτὸν Ἀθηναῖον... καὶ γράψασθαι φυλ. κ. δ. κ. φρατρ... τοὺς δὲ θεσμοθέτας εἰσαγαγεῖν αὐτῶ τὴν δοκιμασίαν et quae sequuntur.

Sed quoniam peregrinus non ante pro cive habendus est, quam po-

¹⁾ Archaeolog. Intelligenzblatt 1834 n. 2, et apud Rossium, die Demen von Attika p. 42.

²⁾ Hermann Griech. Antiq. 1 § 139, 6. 145, 12. Schoemann Griech. Alt. 1², 567.

pulus in posterioribus comitiis donationem civitatis ratam fecit aut ipse ab iudicibus probatus est, qui fit, ut decreta illa nihilo minus ante alteram suffragiorum lationem vel ante probationum apud iudices in columna inscripta sint? id quod colligendum est ex verbis δεδόχθαι τῷ δήμῳ... δοῦναι τοὺς προτάνας τὴν ψήφον εἰς τὴν πρώτην (vel ἐπιδοσαν) ἐκκλησίαν vel τοὺς θεσμοθέτας εἰσαγαγεῖν τὴν δοκιμασίαν. Sine dubio recte Rangabeus ad 512 p. 201: le fait même que le décret se trouve inscrit est la preuve qu'il a été agréé par le peuple. Hoc autem modo decretum inscribendum fortasse ideo curabat novus civis, ut documento sibi esset, quo postea uteretur, si quando civem se esse probare deberet. Nam civitatis donatio rata non erat, nisi et is qui civitate donandus erat eo munere dignus erat et leges de civitatis donandae modo ac ratione stricte observatae erant: quodsi alterutra res neglecta erat, cuilibet Atheniensium rogatorem legum violatarum sive παρανόμων accusare licebat, qua re demonstrata donatio rescindebatur: πάντες γὰρ ἀπαγορεύουσιν οἱ νόμοι μηδένα ψευδῆ γράμματα ἐγγράφειν ἐν τοῖς δημοσίοις ψηφίσμασιν. Aesch. 3, 50. Demosth. 59, 89 ἔπειτα μετὰ ταῦτα παρανόμων γραφὴν ἐποίησαν ὁ νόμος κατ' αὐτοῦ τῷ βουλομένῳ Ἰαθηναίων καὶ ἔστιν εἰσελθόντα εἰς τὸ δικαστήριον ἐτελέγεται ὡς οὐκ ἄξιός ἐστι τῆς δωρεᾶς ἀλλὰ παρὰ τοὺς νόμους Ἰαθηναῖες γέγοναν καὶ ἤδη τισὶν τοῦ δήμου δόντος τὴν δωρεάν... παρανόμων γραφῆς γενομένης καὶ εἰσελθούσης εἰς τὸ δικαστήριον ἐτελεγεῖσθαι συνέβη τὸν εὐληφέτα τὴν δωρεάν μὴ ἄξιον εἶναι αὐτῆς καὶ ἀφέιλετο τὸ δικαστήριον. Huc pertinebat Archini oratio contra Thrasybulum: qui cum eversis triginta tyrannis rogasset ut Lysiae oratori optime de re publica merito civitas daretur, ab Archino παρανόμων postulatus est: tulerat enim decretum ad populum non consulto antea senatu (Vit. X Orat. p. 835 f.). Videtur autem Archinus etiam hoc ostendere studuisse Lysiam ne dignum quidem esse qui in civitatem reciperetur, si quidem recte coniecit H. Sauppium Plat. Phaedr. p. 257 c. καὶ γὰρ τις αὐτὸν (Δουσίαν) ἔναγχος τῶν πολιτικῶν τοῦτ' αὐτὸ λοιδορῶν ὠνείδιζε καὶ διὰ πάσης τῆς λοιδορίας ἐκάλει λογογράφον ex Archini oratione petita esse: quae si aetatem tulisset, non dubitandum est quin longe uberior foret nostra hoc de loco scientia. Nec minus aegre ferimus Hyperidis oratione ὑπὲρ δημοκλειήτου (Hyper. frgm. 97 p. 82 Blass) nos carere.

Omnes, qui ab Atheniensibus civitate donabantur, et laudabantur et coronabantur aut aurea corona aut oleagina: δεδόχθαι τῷ δήμῳ ἐπαινέσαι τὸν δεῖνα καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν χρυσῷ (ADEF G, θαλλοῦ CNO) σταφάνῳ. In titulis ΗΙΚ num χρυσῷ an θαλλοῦ στεφάνῳ supplendum sit, definiiri non potest. Verbo στεφανῶσαι non numquam verba κατὰ τὸν νόμον

adduntur, qua de re Meier *comm. epigr. p. XX* haec habet: „κατὰ τὸν νόμον numquam quod sciam in θαλλεῦ coronae sed solius tantum in aureae coronae memoria additum reperitur“, cui observationi nullus ex titulis a Rangabeo editis quibus Meierus uti nondum poterat repugnat: v. e. gr. 438. 443. 489. 514. *Hermes II*, 329. Ceterum idem monet illud non eo valere quasi ubique illud additamentum accedat ubicunque aurea memoretur corona: immo sat multos illo carere qui huius habeant memoriam. cf. Rang. 411. 425. 447. 502. 533 etc. Quorsum autem spectat illud κατὰ τὸν νόμον? Aut omnia fallunt aut lege sanctum erat, quantum pecuniae ad coronam faciendam consumi liceret: „es scheint ein Gesetz bestanden zu haben, welches verbietet, Kränze von mehr als 1000 Drachmen an Sterbliche zu verleihen“. Koehler *Hermes 5*, 225 n. 1. Quod ut conicerem, hoc me movit, quod pecunia numquam memoratur, ubi verba κατὰ τὸν νόμον addita sunt, vid. Rang. 438. 443. 489. 514. *Hermes 2*, 329; expendantur autem quingentae drachmae Rang. 425, mille drachmae Rang. 502. *Corp. inscr. Att. 1 n. 59*.

Pergunt decreta: εἶναι δ' αὐτὸν Ἀθηναῖον BCDEFGHITUV. Δεδοῦσθαι δ' αὐτῷ πολιτείαν KLMNO. Civitas autem in perpetuum dabatur et ad posteros quoque transibat (vid. BCDEF etc.), exceptis fortasse titulis KLMNO: in quibus exstat: δεδοῦσθαι δ' αὐτῷ πολιτείαν κατὰ τὸν νόμον--- quo modo lacuna supplenda sit, nescie: nam quo minus καὶ αὐτῷ καὶ ἐγγόνις; reponatur, obstat titulus K δεδοῦσθαι δ' αὐτῷ καὶ πολιτείαν---- ηι . . . οντι, quod ex αὐτῷ καὶ ἐγγόνις factum non esse, facile intellegitur.

Novos cives phratriis et pagis sive δήμοις adscriptos fuisse doremur verbis: εἶεῖναι αὐτῷ γράφασθαι φιλῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας ἧς ἂν βούληται. A B C D E F G H I K L M N O T U V: ceteri tituli truncati sunt. Liberi ingenui iustis nuptiis procreati eo ipso anno quo nati erant in phratrias introducebantur et in album quod φρατριακὸν γραμματεῖον vocabatur referebantur; pagis vero adscribebantur duodeviginti annos nati. In phratrias aequae atque in pagos a suo quisque patre introducebantur. Novi autem cives a quo introducerentur, nusquam quod sciam traditum est. Suspicio eos idem fecisse quod eos qui per testamentum adoptati erant. Filii enim adoptivi in phratriam adoptivi patris transibant: quod si adoptio inter vivos fiebat, is qui adoptaturus erat, eum quem adoptaturus erat, apud suos phratoras introducebat et iure iurando interposito illum civem Atticum esse iustis nuptiis procreatum in album referri iubebat. Qui autem per testamentum adoptati erant, a quo in adoptivi

patris phatriam traducti sint, nemo scriptorum veterum diserte tradidit; nullo modo autem dubito, quin ipsi se introduxerint et testamento adlato postularint ut in phratorum album referrentur. Similiter novos cives conicio apud phratoras sese ipsos introduxisse populi scito exhibitio. Eodem modo pagis adscribebantur. Conf. Demosth. 39, 5: συμβάσης τῆ πατρὶ τῆς τελσοτῆς πρὶν τὰς εἰς τοὺς δημότας ἐγγραφὰς γενέσθαι, ἔλθων εἰς τοὺς δημότας οὕτωσ' ἀντὶ Βουλοῦ Μανιάθων ἐνέγραψεν ἑαυτόν cf. 40, 34. 44, 37.

Notabilis est Corp. inscr. Att. titulus 59=A, quo psephismate Thrasibulo Phrynichi interfectori cum alii homines tam Diocle rogante civitas decernitur: τὰ μὲν ἄλλα καθάπερ τῇ βουλῇ εἶναι δὲ Θρασυ(βούλω φολῆς τε εἶναι καὶ δήμου καὶ) φρατρίας ἄ(ν ἂν βούληται): Praetermissa sunt verba solemnia εἶναι αὐτὸν πολίτην. Ac. Kirchoffius (Monatsberichte d. Berl. Akad. 1861, p. 605), difficultatem ita diremisse sibi videtur, ut Thrasibulo iam antea civitatem esse donatam existimaret: „wahrscheinlich nicht gar lange nach dem Sturze der Vierhundert war der Beschluss vom Volke gefasst worden, dem Thras. das Bürgerrecht zu verleihen; dieser Beschluss war aber nicht in Kraft getreten, weil die γραφή παρανόμων dagegen eingebracht worden war. Der Gerichtshof... wies die Klage zurück,... die Sache kam wieder vor die Volksversammlung, in welcher... das Volk anordnete, dass jener erste Beschluss für Thras. in Kraft treten und ihm er'aubt sein solle, sich als Athenischer Bürger in eine Phyle Demos und Phratrie nach eigenem Willen eintragen zu lassen“. Haec Kirchoffius l. l. p. 609. Statuere videtur vir doctus civitatem ita dari potuisse, ut non simul ius daretur se apud phratoras introducendi. i. e. civem esse aliquem potuisse, nequam phratora. Quod cum per se prorsus incredibile videatur, aut scribendum esse suspicor εἶναι δὲ Θρασύ(βουλον πολίτην καὶ δήμου καὶ) φρατρίας ἄ(ν ἂν βούληται), aut verba εἶναι αὐτὸν πολίτην ab lapidario praetermissa esse, ut epistatae memoria omissa est Rang. 382. 467. Hermes III, 156; verba ἀναγράφαι δὲ τὸ ψήφισμα etc. Rang. 447; scribae memoria Rang. 443; formula ἔδοξεν τῷ δήμῳ Rang. 419 (nisi potius ibi pro Βαθ(εν καὶ συμπρόεδρ)οι rescribendum est Βαθ(εν ἔδοξεν τῷ δήμ)ῳ; de ΟΙ pro ΟΙ v. Franz Elem. epigr. Graecae p. 150.

Hodie inter philologos fere constat cives δημοπουήτους aut numquam aut posterioribus tantum temporibus adscriptos esse: vid. e. gr. Boeckh Corp. inscr. Graec. vol 1, p. 150. Meier de gentil. Attica p. 17. Rangabé Antiq. Hellén. vol. 2 p. 35. Hermann Griech. Antiq. 1 § 117, 16. Schoemann Griech. Alt. 1,376. al. Sed ea copiosius exponenda sunt.

Platnerus (Beiträge z. Kenntniss d. Att. Rechts p. 130) novis civibus, nisi a quo essent adoptati civium ingenuorum, aditum ad phratrias patuisse negavit, cui recte ablocutus est M. H. E. Meier de gentilitate Attica p. 15. 28, qui ita statuit certe florente re publica solo populi solito novos cives invitae phratriae adscriptos non esse: immo debuisse huius quoque accedere auctoritatem. Contra Platnero rursus adsensus est Ad. Philippi Beiträge z. Gesh. d. Att. Bürgerrechts (Berlin 1870) p. 107: „Nur durch Heirath konnte der Neubürger seinem künftigen Geschlechte die Gemeinschaft mit der Phratric verschaffen; der Antheil an ihren Rechten werde nur den Sprösslingen dieser Ehe zu Theil. E re videtur huius viri argumenta examini subicere, praesertim cum Meier Platnerum non tam refutasse quam ablocutus esse videatur.

Ac primum quidem Philippi p. 107: „die Angehörigkeit der Neubürger an eine Phratric widerspricht dem Cooptationsrecht, welches man nach der Ueberlieferung der Phratriengemeinschaft zugestehen muss“. De phratorum iure cooptandi quantum quidem scio nec quidquam a scriptoribus traditum est nec Meierus l. l. aut Philippus protulerunt quod cum Romanorum cooptatione comparari possit.

De loco Isocr. 8,88 Philippio contra Meierum de gentil. Att. not. 127 adsentior: loquitur enim orator de civibus παρεγγράπτοι: Sed age consideremus Demosth 23, 65: ἡμεῖς Χαρίδημον ἐποίησάμεθα πολίτην καὶ διὰ τῆς δωρεᾶς ταύτης μετεδώκαμεν αὐτῷ καὶ ἰερῶν καὶ οὐσίῳν καὶ νομίμων καὶ πάντων δῶρον περ αὐτοῖς μέτεστιν ἡμῖν. Meiero l. l. p. 28. temerarium videtur his „omnibus“ gentilicia iura secludere. Philippio secus videtur: „hier ist allerdings die volle Berechtigung zu verstehen: daraus folgt aber mit nichten die Eintragung des Neubürgers in eine Phratric ipso iure.... Spricht also hier und an anderen Stellen der Redner von der völligen Gleichstellung des δημοποίητος mit dem φύσει πολίτης, so ist damit die durch ein weiteres Verfahren gegebene Möglichkeit angedeutet durch Einführung in die Phratric nun in allen Stücken vollberechtigt zu werden“. Ipsius verba sunt l. l. p. 108. Pugnancia loquitur: nam qui novos cives eodem quo ingenuos iure usos esse concedit, idem tamen eos phratrii adscriptos fuisse negat, quasi vero quispiam civis optimo iure nectamen phrator esse possit. Deinde argumentis non probat, quo modo fieri possit, ut inde quod cives δημοποίητοι cives optimo iure erant non consequatur ut phratores non fuerint. Porro ut locus Demosthenis sicut Philippus voluit explicari possit, quam ob rem Meieri interpretatio falsa est? Denique quod Philippus „weiteres Verfahren“

dicit, ipsius commentum est. Ceterum ne ego quidem Dem. 23, 65 verba premenda arbitror: nullo enim modo Demosthenes sine ὑπερβολῇ dicere potuit μεταδώκαμεν αὐτῶν—πάντων δῶων περ αὐτοῖς μέταστιν ἡμῖν: novi enim cives ab archontum magistratu et sacerdotiis arcebantur. Transeo ad Demosth. 59, 104 Ἰπποκράτης εἶπε — κατανοῖμαι τοὺς Πλαταιάς εἰς τοὺς δήμους καὶ τὰς φολάς: de phratriis tacetur vel potius videtur taceri: nam nihil obstat quo minus gentilicias phylas quarum partes phratriae erant intellegamus. Sed decretum suppositivum est. Nam orator qui § 105 et 106 satis laetis verborum ambagibus psephisma repetit, et res narrat, quae in illo decreto non leguntur et alia quae ibidem scripta inveniuntur omisit. De inscriptionibus denique haec habet Philippus: „jene Formel (sc. γράψασθαι φολῆς καὶ δήμου καὶ φρατρίας ἧς ἂν βούληται) ist wohl nicht ganz wörtlich zu verstehen: sie war eben der officielle gebrauchte Ausdruck für das Zugeständniss der weiteren Rechtswirkungen der betreffenden Verfügung“. Sed Atheniensium leges non minus quam Romanorum manifestae erant nec obscuri quidquam in se habebant ¹⁾: quod si δημοκροῖτοι non suo jure phratores fuissent, nequaquam simpliciter dici debebat: γράψασθαι φρατρίας ἧς ἂν βούληται. Deinde Philippus δημοκροῖτους in pagos receptos esse concedit: quoniam autem eodem decreto, quo peregrino civitas datur, ei permittitur ut in pagum introducatur eaque res eodem modo quo potestas phratoribus se adscribendi significatur, prorsus absurdum est credi novum civem in pagum solo populi scito esse intromissum, in phratrham vero non esse, nisi ab aliquo curialium esset adoptatus ²⁾. Immo ex inscriptionibus luce clarius apparet novos cives solo populi scito tam pagis quam phratriis esse adscriptos, phratorum autem auctoritate, ut Meierus de gentil. Att. n. 127 putat, nihil opus fuisse. Scimus praeterea δημοκροῖτον cum cive Attica iustas nuptias contrahere potuisse (cf. Demosth. 59, 2. 92. 105): quoniam autem satis notum est novam nuptam ex patris sui phratrha in mariti phratrham cuius et ipsa iam particeps futura erat traductam esse sacrificio simul oblato et phratoribus epulo exceptis ³⁾, ei qui novis civibus aditum ad phratrias patuisse negant,

¹⁾ Aesch. ὁ δὲ γε νόμος βραχὺς καὶ σαφὴς καὶ ταχὺ λύων τὰς τοιαύτας τέχνας.

²⁾ Philippus p. 110: «Der Antheil an den Rechten der Phratrien wurde nur den Sprösslingen der Neubürger zu Theil, insofern nicht der Neubürger selbst durch Adoption in eine Phratrhe gelangte».

³⁾ «Γαμηλία enim curialibus oblata eo valebat, ut et nuptiae iustae et liberi inde orti iustis nuptiis creati viderentur, deinde eo, uxori et liberis ut aditus ad sacra curialia pateret». Meier de gentil. Att. p. 18.

etiam id negent necesse est illis licuisse iustas nuptias cum cive Attica contrahere. Deinde si novi cives in phratrias non inducebantur, efficitur, ut gentium numerum constantem atque immutabilem fuisse statuendum sit, quod nec argumentis nec veterum scriptorum testimoniis confirmari potest. Porro fallitur Philippius, cum putat introductionem apud phratoras eo valuisse ut juris familiaris participes facti essent ei, qui introducti essent. Nam hoc introductio non apud phratoras sed apud gentiles efficiebat. Meier de gentil. Att. p. 36. Liberos novorum civium phratriis adscriptos esse Philippius l. l. p. 109. 116 concedit: introduci autem non poterant nisi a suo quisque patre sive naturali sive adoptivo. Denique id quod demonstrandum erat docet Aristoph. Acharn. 145: δ' αἰὸς (sc. Σιτάλκως) ἔν 'Αθηναίων ἐπεποιήμεθα ἤρα φαγεῖν ἀλλᾶντας ἐξ 'Απατουρίων¹⁾. Recte Meier l. l. not. 127: „non poterat Sitalcis filius ἐρῶν φαγεῖν ἀλλ. ἐξ 'Απ. atque ob eam rem patrem rogare ferret opem Atheniensibus, nisi etiam novis civibus Apaturiis i. e. curialibus sollempnibus interesse licebat“. Contra Philippius falsa opinione inductus locum explicari posse desperat (l. l. p. 126).

Civem igitur δημοποίητον eodem quo ingenuum iure fuisse satis ostendisse videor. Utrique in senatum adlegi licebat, veluti Apollodorus Pasionus filius, qui se ipse πολίτην κατὰ φύρημα adpellat, senator factus est. Demosth. 58, 18. 59. 3. Charidemus Orita quem Athenienses in civitatem receperant (Demosth. 23, 65) post proelium Chaeronense strategus creatus est (Schäfer Demosth. III, 1, 7). Archontes autem fieri aut sacerdotia capere non poterant, liberi eorum iustis nuptiis creati poterant. Dem. 59, 92: ὅσοις γὰρ ἂν ποιήσῃται ὁ δῆμος ὁ 'Αθηναίων πολίτας, ὁ νόμος ἀπαγορεύει διαρρήδη μὴ ἐξεῖναι αὐτοῖς τῶν ἐννεα ἀρχόντων γενέσθαι μηδὲ ἰερωσύνης μηδεμιᾶς μετασχεῖν, τοῖς δ' ἔκ τούτων μετέδωκεν ἡδὴ ὁ δῆμος ἀπάντων. cf. § 106. Cui loco repugnare videtur Pollux 8, 85 θεσμοθετῶν (i. e. ἀρχόντων) ἀνάκρισις εἰ 'Αθηναῖοί εἰσιν ἐκ τριγωνίας ἐκατέρωθεν. Sed difficultatem recte diremit Meier de bonis damn. p. 59 et 235, cui Schoemannus antiq. juris publ. Graec. p. 192 n. 11 adsentitur. Nempe Pollux vetera et nova miscet, cum scribit: ἀνάκρισις θεσμοθετῶν — εἰ τὸ τίμημα ἔστιν αὐτοῖς: nam Aristidis lege census ratio nulla habebatur. Praeterea novi cives symmoriis adscribebantur. Harpocr. p. 172; 16 Bekk.: ὅτι δὲ καὶ οἱ δημοποίητοι ἐνεγράφοντο εἰς τὰς συμμορίας δεδήλωκεν ὁ Ὑπερείδης ἐν τῷ κατὰ Πολυεύκτου πολλάκις; exempli gratia adfero eundem Apollodorum cuius modo mentionem inieci (Schäfer Demosth. II, 77. III, 2,

¹⁾ De Apaturiis vid. Schömann Griech. Alt. II, 546.

145): deinde ius possidebant verba ad populum faciendi, rogationes proponendi, causas in foro agendi (cf. Apollodori vitam. Schäfer Demosth. u. s. Zeit. III, 2, 184 sqq.). Denique ius commercii eis competebat i. e. potestas res et mobiles et quae solo tenentur comparandi, et cum cive Attica iustas nuptias contrahere per leges licebat. cf. Demosth. 59, 3, 92. 106.

Notabilis est Demosth. locus or. 46 § 15 ἄξιον δὲ καὶ τότε ἀνθυμηθῆναι ἔτι δοῖσι μὴ ἐπεποιήντο ἀλλ' ἦσαν πεφυκότες γνήσιοι, τούτοις ὁ νόμος δίδωσιν εἰς ἀπαίδες ὡσιν διαθέσθαι τὰ ἑαυτῶν. ὁ τοίνον πατὴρ ἡμῶν ἐπεποιήτο ὑπὸ τοῦ δήμου πολίτης ὥστε οὐδὲ κατὰ τοῦτο ἐξῆν αὐτῷ διαθέσθαι διαθήκην ἄλλως τε καὶ περὶ τῆς γυναικὸς ἧς οὐδὲ κύριος ἦν ἐκ τῶν νόμων. Sed recte Meier de bonis damnatorum p. 60 hunc locum explicavit: „lex, inquit, tota ficta est ab Apollodoro, qui quod legis lator de filiis adoptivis (ποιητοῖς) iasserat, quibus illam non datam fuisse potestatem aliunde constat, callide ad cives novos qui et ipsi: ποιητοὶ vocabantur transtulit, quod hoc e re sua erat atque ita Apolloderus legem non corrumpendo sed mala fraude interpretando iudicibus imposuit“. Est autem tota oratio plena sophismatum (vid. Schäfer, Demosth. in seine Zeit III, 2, 172 sqq.). Meiero assentitur Schoemannus antiq. juris publ. Graec. p. 192 n. 7.

Sed ut revertar, unde digressa est oratio, civitatis decreta in tabulis lapideis inscribebatur (ἀναγράφαι δὲ τότε τὸ ψήφισμα ἐν στήλῃ λιθίνῃ) et in acropoli collocabatur (καὶ στήσαι ἐν ἀκροπόλει; vid. BCEFKLMOV; omissum est scribae aut lapidarii errore in AG, in ceteris deperditum. Stabant autem tabulae in Erechtheo sivi Minervae Poliadiis templo: vid. C. Curtius de actorum publ. cura apud Graecos (Gotting, 1865) p. 23.

Rangabeus tria decreta edidit, quibus civitatis donatio redintegratur, n. 388,410,2280. Titulus 388 num hue pertineat, dubitari potest; nam initium deperditum Rangabeus sic restituere conatus est: (ἡ πολιτεία ἡ δοθεῖσα (ὑπὸ τοῦ δήμου) τῷ πάππῳ, E. Curtius¹), qui ante eum titulum ediderat, hoc modo: (ἡ βοήθ)εια ἡ δοθεῖσα (παρ' ἡμῶν ποτε) τῷ πάππῳ. Sequuntur varii honores et praemia Arybbae Epiri regi decreta. Rang. 410 valde mutilus est: quid inscriptione contineatur, ex vs. 8 (ἐπειδὴ πολιτην ἐποίησα(ντο) apparet. Tertium psephisma 2280 Velsen in Monatsberichte d. Berl. Akad. 1856 p. 115 tractavit. Archontis nominis hoc tantum servatum est: ολα... ἄρχοντος Rangabeo teste. Velsen rescripsit (ἐπὶ Χαρών-) δοῦ ἄρχοντος (Olymp. 110,3) assentiente Boeckhio epigr.-chronol. Stud.

¹, Inscript. Atticae nuper repertae duodeci Berlin. (1843) p. 14.

p. 30.54. Laudantur autem et coronantur Phormio et Carphinas Acarnanes, propterea quod Atheniensibus auxilium tulerunt; deinde decernitur, ut civitas Phormioni avo eorum impertita et ipsis rata sit (v. 15--20, siquidem Velsen eos recte restituit; Rangabei supplementa intellegi non possunt); pergit titulus: ἐλάσθαι δὲ αὐτοὺς καὶ δῆμον καὶ φρατρίαν ἧς ἂν βούλωνται εἶναι. Ex hoc colligi potest Phormiona avum quamquam in civitatem receptam tamen ne: in phratrīam nec in pagum esse introductum, haud dubie propterea quod numquam Athenas venerat. Velsen l. l. p. 124.

Non numquam peregrinis non civitas sed civitatis iura singula tantum dabantur; ac primum quidem γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησις i. e. ius rerum quae solo tenentur acquirendarum, imprimis proxenio eorumque posteris: vid. e. gr. Rang. 371. 411. 417. 458. 462 etc. nectamen omnibus proxenis ἔγκτησις dabatur, vid. Rang. 385. 409. 413. 432. 464 etc. Hoc quoque usu venisse videmus, ut peregrino ἔγκτησις nec tamen προξενία tribueretur: vid. e. gr. C. inscr. Att. l. n. 59, quo psephismate Thrasybulo civitas impertitur, sociis autem eius (ἔγκτησι) εἶναι αὐτοῖς ὄμπερ Ἀθηναίους. Aliud exemplum titulus Rang. 2280=Berl. Ber. 1856 p. 115 praebet: ἐπαινέσαι δὲ καὶ τοὺς. (ἄλλ)ο(ς Ἀχα)ρ(νῶνας) τοὺς βοθηθέντας.... (καὶ) εἶνα(ι) αὐτοῖς ἕως ἂν κατέλθωσι(ν) ἔγκτησιν ὧν ἂν) ο(ικι)ῶν βούλωνται (sic Velsen, longe aliter Rangabeus inscriptionem supplevit). Quam maxime autem notabilis est titulus ab U. Koehlero in Hermae vol. 5 p. 341 editus: Mercatores enim Cittienses qui Athenis sedem collocaverant, a senatu petiverunt, ut sibi fundum acquirere liceret, in quo Veneris templum aedificarent; senatus rem ad populum detulit; populus autem scrivit δοῦναι τοῖς ἐμπόροις τῶν Κιτιεῶν ἔγκτησιν χωρίου ἐν ᾧ ἰδρῶσονται τὸ ἱερὸν καθάπερ καὶ οἱ Αἰγύπτιοι τὸ τῆς Ἰσιδος ἱερὸν ἰδρῶνται. Titulus scriptus est ἐπὶ Νικοκράτους ἄρχοντος Olymp. 111,4.

Ius connubii singulatim dari potuisse arbitrantur, ut alios omittam, Schoemannus antiq. iuris publ. Graec. p. 376. Griech. Alt. II, 27. Hermann Griech. Antiq. 1 § 116,3. Philippi Att. Bürgerrecht p. 70. Sed haec opinio omni probabilitate caret: etenim nullum repperi exemplum connubii peregrino dati. Proxeni laudantur, coronantur, commercii iure donantur, numquam autem connubii iure: ex quo colligi potest, quanti Athenienses ins connubii aestimaverint. Quae illi quos modo laudavi ex veteribus scriptoribus adtulerunt, ea ad persuadendum apta non sunt. Plataeenses enim connubium habebant (Isocr. 14,51), propterea quod cives erant (Demosth. 59,94 sqq.), in civitate autem ius connubii inerat. Psephismata Byzantium, Perinthiorum Thebanorum ap. Dem. 18, 91.

187, quae Platnerus Att. Process II, 73 citavit, nec huc pertinent et supposita sunt. Restat Lysiae locus 34,3: ἡγοῦμαι ταύτην μόνην σωτηρίαν εἶναι τῇ πόλει ἅπασιν Ἀθηναίοις τῆς πολιτείας μετεῖναι, ἐπεὶ ὅτε καὶ τὰ τεῖχη καὶ τὰ χρήματα καὶ τὰς ναῦς καὶ συμμάχους ἐκεκτῆμεθα οὐχ ὅπως Ἀθηναίων τινὰ ἀπεώσαμεν ἀλλὰ καὶ Ἐθβοεῦσιν ἐπιγαμίαν ἐποιούμεθα i. e. civitatem non modo nulli ademimus sed aliis impertivimus: ἐπιγαμία hoc loco idem valet quod πολιτεία.

Cives sine suffragio (sit venia verbo) quodam modo erant μέτοικοι ἰσοτελεῖς. Inquilini (μέτοικοι) ἰσοτελεῖς donati et tributum quod μετοίκιον appellabatur immunes erant nec patrono sive προστάτῃ uti cogebantur et commercii iure fruebantur: connubium cum civibus Atticis eis non competebat. Isotelia autem inquilinis populiscito tribuebatur quale est Rang. 479:... (ἔδοξεν τῷ) δήμῳ etc.; donatur isotelia Euxenidi eadem Phaselitae, quod et extraordinaria maniera sponte susceperat et saepe exercitui clas-sique Atheniensium utilem se praestiterat. Additur autem diserte: (οἰ)κίας αὐτῷ (καὶ γῆς εἶναι ἐγκτη)σεν, ex quo fortasse colligi licet non omnibus ἰσοτελεῖσιν commercii ius competisse. Cuius anni psephisma sit, definiri non potest: post Olymp. 116 titulum cadere ex vs. 3 τῶν προέδρων ἐπεψήφισεν Ἀντιμένης καὶ συμπρόεδρος apparet, quae formula primum Olymp. 116,3 Corp. inscr. Graec. 105 reperitur.

Eld. Gebhardt.

НОВОСТИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ УЧЕНОСТИ И ПОЛЕМИКИ.

(По поводу статьи г. Верта: „Г. Модестовъ какъ критикъ и ученый“.
Журн. Минист. Народн. Просв. Май 1876 г. Отд. класс. фил.).

Когда я прочелъ вышеозначенную статью, то первое движеніе мое, въ виду не только не научнаго, но чисто личнаго ея характера, было—не признавать ея существованія. Таково же было и мнѣніе людей, наиболѣе ко мнѣ расположенныхъ. Но затѣмъ, мало по малу, я сталъ приходить въ мысли, что безъ всякаго отвѣта статья эта не можетъ быть оставлена. Соображенія мои при этомъ были слѣдующія: 1) статья напечатана въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.* изданіи officialномъ, и притомъ въ отдѣлѣ классической филологіи, служащемъ органомъ ученаго общества, въ которому я, во время появленія статьи, принадлежалъ не только какъ членъ, но и какъ предсѣдатель Кіевскаго ея отдѣленія; 2) статья написана съ очевидною цѣлью уронить меня въ глазахъ людей, не могущихъ составить себѣ самостоятельнаго сужденія о дѣлѣ; 3) если на статьи такого рода я, какъ ученый, имѣю полное право не обращать вниманія, то какъ профессоръ, я не долженъ забывать, что направленная противъ меня статья помѣщена въ органѣ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ всякій имѣетъ право ожидать не только основательности сужденій, но—что самое главное — и полнаго безпристрастія; 4) статья, кромѣ частыхъ неприличныхъ отзывовъ обо мнѣ и желчныхъ сужденій, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ ложныхъ фактовъ, которые, будучи оставлены безъ опроверженія, могутъ быть приняты за подлинныя; 5) статья содержитъ въ себѣ столько ученыхъ промаховъ, что въ интересахъ той науки, которой я посвятилъ свои силы, и для которой работалъ многіе годы безъ перерыва, было бы грѣхомъ не обратить на все это вниманія читателей. Къ этимъ побужденіямъ не оставляя статьи безъ отвѣта присоединился впоследствии при-

мой вызовъ со стороны г. Верта опровергнуть его замѣчанія (*Голосъ*, № 170).

Статья г. Верта написана въ отвѣтъ на мою библиографическую статью, помѣщенную въ *Киевскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ* (январь, 1876 г.), гдѣ я не нашелъ возможности отозваться сочувственно о тѣхъ статьяхъ классическаго отдѣла *Журн. Мин. Народн. Просв.*, которыя, будучи присланы изъ Германiи людьми, чуждыми пониманiя потребностей нашей филологической школы и въ то же время душно переводимы на русскiй языкъ, составляютъ, по моему мнѣнiю, вредный элементъ въ журналѣ, долженствующемъ служить какъ нельзя строже русскому просвѣщенiю. *Inde irae*, отсюда вся желчь и негодованiе г. Верта, присвоеннаго себѣ почему-то право говорить отъ лица редакцiи *Журн. Мин. Народн. Просв.* и отъ общества классической филологiи. Усмотрѣвши такимъ образомъ въ моей статьѣ поводъ говорить *pro domo sua*, г. Вертъ предпринялъ трудъ: съ одной стороны, доказать неосновательность моихъ жалобъ на рядъ статей, напечатанныхъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* его соотечественниками, а съ другой (полагая, что онъ лучше этимъ достигнетъ цѣли), — доказать слабость и ограниченность моихъ собственныхъ познанiй. Первой цѣли онъ думалъ достигнуть голословнымъ или неумѣлымъ опроверженiемъ моихъ замѣчанiй, а послѣдней — приписыванiемъ мнѣ небывалыхъ неглупостей, искаженiемъ моихъ словъ и доходящею до смѣшнаго придирчивостiю къ моимъ стихотворнымъ и нестихотворнымъ переводамъ отривновъ древнѣйшихъ латинскихъ писателей, обнаруживая при этомъ вездѣ такое же плохое знанiе русскаго языка, какъ и латинскаго.

Статья г. Верта составляетъ два печатныхъ листа. Опровергать ее отъ начала до конца было бы, поэтому, дѣломъ не только требующимъ много бумаги, но и утомительнымъ для меня, равно какъ едва-ли нужнымъ для читателя. Я считаю возможнымъ оставить безъ вниманiя прежде всего всѣ разсужденiя автора, вносящiяся въ защиту нѣмецкихъ статей въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* Къ этому меня отчасти принуждаетъ и очевидное для всякаго неудобство разсуждать неблагоприятно о журналѣ въ немъ самомъ. На это мнѣ даетъ право, съ другой стороны, и то, что въ сущности мнѣ пришлось бы повторять уже высказанное въ *К. Унив. Изв.*; я могъ бы развѣ увеличить количество фактовъ, взятыхъ изъ этихъ статей въ подтвержденiе ихъ несостоятельности, но и это считаю здѣсь неудобнымъ. Далѣе, я пропускаю всѣ мнѣнiя обо мнѣ. Моя обязанность

опровергнуть то, что есть въ статьѣ фактическаго, и притомъ тако-
го, гдѣ дѣлается прямое на меня нападеніе.

На 1-й страницѣ своей статьи (стр. 7-я отдѣла) г. Вертъ при-
писываетъ мнѣ какую-то статью, въ которой я высказалъ, будто
бы, „мишніе, будто знаменитые профессора Берлинскаго универ-
ситета Гаунтъ и Бекъ (Voeskh) нигуда не годятся“. Въ продол-
женіе своей ученой дѣятельности я напечаталъ не менѣе ста пе-
чатныхъ листовъ по классической филологіи на русскомъ и ча-
стію на нѣмецкомъ языкахъ; поэтому имя Бекъ, какъ одного изъ
первѣйшихъ свѣтилъ филологической науки, мнѣ приходилось упоми-
нать нерѣдко, но никогда я не употреблялъ его иначе, какъ съ чув-
ствомъ глубокаго уваженія и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ.
Имя Гаунта приходилось упоминать рѣже: глубокаго уваженія я къ
нему никогда не чувствовалъ, но никогда мнѣ и въ голову не при-
ходило связать что-либо подобное тому, что мнѣ приписываетъ г.
Вертъ, то-есть, что онъ „никуда не годится“. Въ тому же, всякій
знаетъ, что подобный тонъ, обыкновенный въ нѣмецкой литературѣ и
употребляемый нѣмцами учеными, пишущими въ Россіи (чему статья
г. Верта служитъ наилучшимъ доказательствомъ), русскими учеными
никогда не употребляется относительно людей, пользующихся извѣст-
ностью. Выдумать такое обвиненіе противъ меня на первой же стра-
ницѣ полемической статьи—это фактъ характеристическій. Онъ уже
даетъ понять, чего должно ожидать отъ статьи дальше. Въ подтвер-
жденіе своего обвиненія г. Вертъ приводитъ статью г. Любедля
подъ заглавіемъ: „Наука и гениальнѣе люди“. Статью эту въ жур-
налѣ *Учитель* я помню; живо припоминаю себѣ и свой отвѣтъ ему
въ *Очеркахъ* и въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.* (мартъ, 1863);
но смѣю увѣрить г. Верта, что и г. Любедль не приписывалъ мнѣ
какого-либо неприличнаго отзыва о Бекѣ и не могъ его приписать
уже потому, что въ отчетѣ моемъ, который порицается въ его статьѣ,
нѣтъ ни одного слова о Бекѣ.

На стр. 23 г. Вертъ приписываетъ мнѣ такой бессмысленный
переводъ одной Помпейской надписи: „Онъ также предлагаетъ Яринъ“. Такъ какъ изданіе, въ которомъ напечатанъ мой рефератъ „Объ од-
номъ славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ“, прочтенный
на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, еще въ свѣтъ не появилось,
то я, приглашая въ свидѣтели всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ въ рукахъ
отдѣльные оттиски моего реферата (а число таковыхъ лицъ болѣе
сотни), заявляю, что приписываемая мнѣ нечестность есть чистая вы-

думка. Въ отдѣльныхъ оттискахъ, нанечатанныхъ для меня, по случаю моего отъѣзда за границу, раньше чѣмъ былъ отпечатанъ рефератъ для издавнн, оказались пропущенными слова: „Онъ же предлагаетъ“. Замѣтивши этотъ пропускъ немедленно по доставленн мнѣ оттисковъ изъ типографн, я имѣлъ возможность исправить его для листовъ, которые затѣмъ стали отпечатываться для *Трудовъ 3-го археологическаго съѣзда*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не жалея уничтожить отдѣльныхъ оттисковъ, я надписалъ пропущенныя слова перомъ и въ такомъ видѣ послалъ оттиски въ Петербургское и Московское отдѣленн общества. Такимъ образомъ, вмѣсто приписываемой мнѣ г. Вертомъ безсмыслицы, въ отдѣльныхъ оттискахъ реферата стоитъ: „Онъ же предлагаетъ (Нарисъ). Также предлагаетъ его... Ярисъ“.

Разсуждая по поводу той же надписи болѣе чѣмъ на двухъ страницахъ и обнаруживая при этомъ полное непониманн эннграфическаго стнля (объ этомъ см. ниже), г. Вертъ приписываетъ мнѣ новую нелѣпость, именно будто я слово *idem* во фразѣ *idem rogat*, переданной у меня, какъ сейчасъ было замѣчено, словами *онъ же предлагаетъ* (то-есть, на общественную должность), „считалъ за *acc. sing. gen. naso!*!“ Таковы полемическнн приемы моего противника! Но дальше мы увидимъ еще не те.

На стр. 37 г. Вертъ говоритъ: „На той же страницѣ г. Модестовъ перевелъ: *ex Asia ex (sic!) Asia!*!“ Очевидно, мой критикъ очень дурнаго ннѣннн о русскнхъ читателяхъ, ибо трудно найти столь бестолковаго человѣка, который могъ бы въ самомъ дѣлѣ повѣрнть заявленню, безразсудному въ своей сущности. Но заявленн это получаетъ свое полное освѣщенн лишь тогда, когда читатель узнаетъ, что въ моей книгѣ, въ примѣчанн къ вышеовначенному мѣсту, прямо сказано, что въ этомъ мѣстѣ я, согласно съ Липсіемъ, читаю *in Asiam*. Вотъ мои слова (стр. 471): „Иорданъ въ *Hermes VI* (1872), р. 496 предлагаетъ читать у Геллія (X, 3) вмѣсто Липсіева *in Asiam*, *принятую мною при переводѣ, Venusiam*“. Здѣсь не мѣсто объяснять, что чтенн *ex Asia* въ данномъ случаѣ не имѣетъ смысла. Было бы ннскольکو не важно, если бы чтенн *in Asiam* г. Верту было неизвѣстно, хотя не знать того, чтѣ принимается лучшими филологами нннущему о подобныхъ предметахъ странно.

На стр. 38 г. Вертъ дѣлаетъ мнѣ наставленн, что „*comprupes* значнтъ: „нѣскольکو“ (я перевожу: многн). Не вполне знакомому съ дѣломъ читателю, при видѣ такого невозможнаго замѣчанн, можетъ показаться, что если мой критикъ взялъ на себя смѣлость поправ-

лать въ такомъ пунктѣ человѣка, во всякомъ случаѣ много и долго зашкакивавшегося своею специальностью, те его замѣчаніе, вѣроятно, имѣеть какое-нибудь основаніе. Въ этомъ предположеніи, не смотря на всю очевидность ошибки (и какой ошибки!), понятной каждому изъ этимологовъ (*complures* есть усиленіе *plures* при помощи предмета), я вынуженъ сначала значеніе этого слова, какъ оно указывается въ разныхъ авторитетныхъ, находящихся у меня подъ руками, лексиконахъ, а затѣмъ поясню это значеніе пригѣрами. Фарделлини (изд. 1831, I, 326): „*Complures, et ura, urium* adj. plur. а *con et plures, plus* adj. plur. *videtur plus aliquid significare, quam plures aut multi. Non est tamen comparativum, sed positivum.* Кунца: (Quicherat): „*Complures, ura, gen. urium. Cic. Sall. Bon. nombreux, beaucoup. Ter. plus nombreux.*“ Георгессъ (Georges): „*Complures mehrere zusammen, d. h. ziemlich viele von einer Art, gar nicht wenige.*“ Въ другомъ мѣстѣ, именно объясняя слово *plures*, (I, 403, изд. 1869), Георгессъ говоритъ: „*nicht selten=complures, mehrere, verschiedene, viele.*“ Кронбергеръ: „*Complures многие (вмѣстѣ).*“ Теперь пригѣры: *complures nostri milites* (Cic.), *scriptores* (Нер.) и т. п.; *maxa sustuli, complura ne posui quidem* (Cael. in Cic); а *compluribus videri* etc. Пригѣры эти, которые можно увеличить въ любомъ количествѣ, я взялъ изъ словаря Георгесса. Но кажется, ясно. Можно ли дѣлать филологу болѣе крупныя ошибки? Можно ли тѣмъ наче этими ошибками поправлять другихъ и не только поправлять, но изъ вѣрныхъ, точныя знанія ставить имъ въ ошибки и затѣмъ произносить сужденіе, что они не знаютъ де „элементарныхъ правилъ грамматики?“

На стр. 36, осмаривая мой знающій вѣрный переводъ стиха Горация (Sat. I, 10, 54):

Non ridet versus Enni gravitate minores?

—стиха, который я передаю такъ: „Развѣ онъ (Луцилій) не смѣется надъ стихами Энія, которыми недостаетъ важности“, г. Вертъ предлагаетъ вотъ какой переводъ: „Луцилій смѣется надъ (тѣми) стихами Энія, которые не соотвѣтствуютъ (обычному) высокому (високопарному) слогу его“. Въ этомъ переводѣ г. Верта, въ которомъ, съ позволенія сказать, трудно добиться и смысла, все—произвольнъ и ошибки: это такъ очевидно, что не требуетъ доказательствъ, ибо водлинникъ на лицо. Но я веду рѣчь въ эту минуту собственно къ тому, чтобы показать, какъ г. Вертъ, объясняя свое невѣрное пониманіе выраженія „*gravitate minores*“, выражается по латини: „*Versus Enni, qui minores sunt quam gravitatis (Enni) est* (плохо, но хоть вѣрно граммати-

чески) и далѣе: *quam... decet gravitatem* (III). Г. Вертъ, какъ мнѣ стала извѣстно, состоитъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ же онъ глаголь *decet*, сочиняющійся съ винительнымъ *animam*, сочиняется съ винительнымъ отвлеченнаго повятія? Это ли это варварская латынь? Это ли не нарушение „самыхъ элементарныхъ правилъ грамматики“ въ которомъ онъ не затрудняется обвинять другихъ?

Всего-любезнѣе то, что съ такимъ недостаткомъ грамматическихкихъ аналій г. Вертъ пытается свои силы въ разсужденіи о синтаксисѣ надписей. Такимъ образомъ, на стр. 23 онъ, словно компетентный судья, удерживаетъ меня въ неправомерности перевода одной Помпейской надписи, перевода который въ глазахъ человѣка, знакомаго съ стилемъ надписей, надпись, будетъ считаться безусловно правильнымъ, и при этомъ дѣлаетъ самыя непростительныя промахи. Надпись, заключающая въ себѣ предложеніе кандидата на муниципальную должность, имѣетъ слѣдующій видъ:

A. SVETTIVM. CERTVM. AED. O. V. F.
 SCRIBIT. PARIS. IDEM. ROGAT^{AT}
 AETATIS D. r. p. IARIN...

Я перевожу ее такъ (въ отдѣльныхъ отгискахъ): „Прошу васъ сдѣлать эдиктомъ А. Светтія Церта. Иниеть Парисъ, онъ же предлагаетъ. Также предлагаетъ его достойнаго по лѣтамъ общественной должности, Яринъ“. О бессмыслицѣ, приписанной мнѣ г. Вертомъ, по поводу перевода этой надписи, я уже говорилъ. Теперь рѣчь о томъ, какъ онъ понимаетъ дѣло. Прежде всего, если я только вѣрно понялъ крайне запутанную его рѣчь, онъ не знаетъ, какъ управиться съ выраженіемъ „*idem rogat*“, и думаетъ, что *idem* есть тутъ винит. пад. средн. рода! Не говоря о томъ, что *rogare* въ предложеніяхъ кандидатовъ всегда *incipiuntur* съ *винительнымъ лица*, чему въ Помпейскихъ надписяхъ есть безчисленные примѣры, и что тѣмъ не мѣнее ему не извѣстно (хотя могло бы быть извѣстно и не изъ надписей), винит. падежъ средняго рода *idem* при *dignum* муж. рода, которое г. Вертъ безъ малѣйшаго основанія, или лучше, безъ тѣни правдоподобія соединяетъ въ одно предложеніе съ „*idem rogat*“, является сущей бессмыслицей, и никакого перевода съ такимъ пониманіемъ сдѣлать нельзя. Далѣе г. Верта смущаетъ слово *aetatis*. Въ школахъ, родит. падежъ изучается по разнымъ рубрикамъ, обозначаемымъ у насъ въ послѣднее время варварскою терминологіей,

заимствованной изъ нѣмецкихъ учебниковъ: *genetivus subjectivus*, *objectivus* и т. п. А здѣсь г. Вертъ встрѣчается съ такимъ родительнымъ, который подъ рубриками о род. паденъ всѣхъ извѣстныхъ ему грамматикъ не находится. Поэтому, рассматривая сматую и не совсемъ грамотную надпись съ точки зрѣнія цинцероховскаго синтаксиса, онъ приходитъ, прежде всего, въ предположенію, что тутъ что-нибудь пропущено. Но *Фиорелли*, отыскавшій эту надпись, ни о какомъ пропускѣ не сообщаетъ; *Пангемейстеръ*, поправившій надпись на мѣстѣ и перепечатавшій ее, тоже никакого пропуска не замѣтилъ и удовольствовался для поясненія темнаго родител. падена лишь сопоставленіемъ (неудачнымъ) формулы изъ другой надписи, гдѣ встрѣчается слово *aetatis*. Г. Вертъ воспользовался этою приведенною Пангемейстеромъ формулой — *juvenem inposuam aetatis* — для заявленія того, что *aetatis* и въ первомъ случаѣ есть такой же родител. качества, какъ и въ послѣднемъ. А гдѣ основанія для этого? Пропускъ. Но кто же свидѣтельствуетъ о пропускѣ? Никто. Стало быть, пропуска нѣтъ; а если его нѣтъ, то и родит. качества нѣтъ. Но въ доказательство, что въ моемъ пониманіи слова *aetatis* нѣтъ ошибки, и что иначе оно переведено быть не можетъ, я позволю указать на то, что *Фиорелли*, первостепенный авторитетъ въ пониманіи Помпейскихъ надписей, понимаетъ ее именно такъ, какъ это высказалось и въ моемъ переводѣ. Онъ говоритъ (*Giornale degli scavi di Pompei*, 1862, p. 46): *Diverso dai consueti è il programma (срѣдуетъ вышеприведенная надпись) scritto da Paride vicino al precedente; nel quale Aulo Svetlio Certo riconosciuto degno per la sua età, AETATIS Dignum Rei Publicae, d'occupare la carica di Edile ottiene da Jarino (?) una simile testimonianza di ossequio*“. Чтобы покончить съ этою надписью, необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Г. Вертъ пресерьезно указываетъ мнѣ на то, что слово *maxime* и *eo* въ надписи нѣтъ. Дѣйствительно, нѣтъ; но въ русскомъ переводѣ они далеко не лишніи и ни чему не мѣшаютъ.

На стр. 30 г. Вертъ учить меня, какъ нужно переводить двустипшіе Эніія:

A sole exoriente supra Maeotis paludes
Nemo est, qui factis me aequiperare queat.

Я перевелъ это стихами же такъ:

Нѣтъ никого отъ Востока, что дальше болотъ Меотійскихъ,
Кто бы своими дѣлами могъ бы сравняться со мной.

Противъ точности перевода возразить нѣтъ ни малѣйшаго пово-

да; но г. Вертъ, подчеркивая выраженіе „что дальше болотъ Меотійскихъ“, замѣчаетъ: „Supra здѣсь=trans и выражаетъ: „гдѣ солнце восходитъ“. Не говоря о грамматической неправильности замѣчанія, подумайте, читатель, что это такое supra=trans и выражаетъ *идь!*“ *Supra*, какъ предлогъ, значитъ: а) *поверхъ, наверху, выше*, напримѣръ, *ille qui supra nos habitat* (Plaut.), *assumbere supra aliquem*, возлечь за столомъ выше кого-нибудь (Cic.); б) *дальше* чего-нибудь въ географическомъ отношеніи, то-есть, *по ту сторону* чего-нибудь, за чѣмъ нибудь, напримѣръ, *supra Alexandriam* (Plin.); в) *сверхъ* въ отношеніи къ времени, напримѣръ, *supra septingentesimum annum* (Liv.); д) *сверхъ* въ отношеніи къ разстоянію, мѣрѣ, напримѣръ, *supra milia viginti* (Liv.). Вообще *supra* имѣетъ значеніе *сверхъ* (напримѣръ, *supra modum*), *поверхъ, выше, дальше*. *Trans* же *supra* никогда не значитъ, хотя и сближается съ нимъ по значенію, когда дѣло идетъ о мѣстности, когда *trans* можно перевести словами: *по ту сторону*. Но переводить *supra* чрезъ *идь*, какъ совѣтуетъ г. Вертъ, это такая ошибка противъ латинскаго языка, какая едва ли имѣетъ право встрѣчаться въ какой-либо статьѣ по классической филологіи.

Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ промахѣ г. Верта играетъ роль не одинъ недостатокъ твердыхъ свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ, но и очень плохое знаніе русскаго языка. Незнаніе какъ того, такъ и другаго языка, до такой степени перемѣшивается у него въ адресованныхъ ко мнѣ замѣчаніяхъ, что трудно сказать, гдѣ кроется главнѣйшая причина этихъ странныхъ, переполненныхъ ошибками и приводящихъ въ изумленіе возраженій.

На стр. 29 г. Вертъ оспариваетъ точность моего перевода стиховъ Горация (Ер. II, 1, 139), гдѣ поэтъ, изображая патриархальную жизнь латинскаго поселеннаго, говоритъ намъ о происхожденіи *Фесценкиновъ*.

Agricolae prisci, fortes parvoque beati.

Мой переводъ: „Въ старину земледѣльцы, люди крѣпкіе и довольные малымъ“. Г. Вертъ, подчеркивая слово *довольные*, вполне выражающее мысль писателя, замѣчаетъ: „*beati* значитъ *осчастливленные*“. Каковъ былъ бы переводъ съ словомъ *осчастливленные* предоставляю судить читателю.

*Condita post frumenta levantes tempore festo
Corpus et ipsum animum*

я перевелъ: „Облегчая праздничнымъ временемъ свое тѣло и самый духъ“. Г. Вертъ замѣчаетъ: „*festo tempore* не abl. instr., но (!)

temporis, почему нужно было бы перевести: въ праздничное время⁴. Но, во первыхъ, нужно еще доказать, что это есть непременно abl. temp., а во вторыхъ, мой русскій переводъ до такой степени соотвѣтствуетъ подлиннику, что какой бы то ни былъ ablativus, онъ во всякомъ случаѣ вѣренъ, ибо праздничнымъ временемъ можетъ быть по русски столько же творительный времени, сколько и творительный орудія.

Tellurem porco, Silvanum lacte piabant

я перевожу: „Приносили въ жертву землѣ свинью, Сильвану — молоко“. Мой критикъ замѣчаетъ: „piare не значить приносить въ жертву“, но (!) „умиловать“. Нѣтъ, piare не то, что placare, а значить — очищать помощью жертвы: durch ein Opfer zu versöhnen suchen (Georg.), offrir des sacrifices expiatoires, apaiser par des sacrifices, piare sacra (Prop.), offrir des sacrifices (Quicherat).

Floribus et vino Genium, memorem brevis aevi.

Мой переводъ: „а генію, напоминателю о кратковременности жизни, цвѣты и вино“. Г. Вертъ замѣчаетъ: „memor не значить „напоминатель“, но (!) „помнящій“. Что мемор значить помнящій, это, надѣюсь, мнѣ было всегда извѣстно не менѣе, чѣмъ г. Верту; но что мемор, какъ греч. μνημον, значить и напоминающій, это г. Верту не извѣстно, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ примѣры: memores tabellae (Ov.); nostri memorem sepulcro scalpe querelam (Hor.); impressit memorem dente notam (Hor.). Ясно ли? Но вотъ объясненіе значенія генія у Цензорина (гл. 3). Genius ita nobis assiduus observator appositus est, ut ne puncto quidem temporis longius abscedat, sed ab utero matris excerptos ad extremam vitae diem comitatur. Итакъ, какимъ является геній по отношенію къ человѣку — помнящимъ, или напоминающимъ?

Fescennina per hunc inventa licentia morem

Versibus alternis opprobria rustica fudit.

Мой переводъ этихъ, не легкихъ для буквального перевода стиховъ, таковъ: „Эти праздники породили вольность Фесценинъ, бросавшихъ въ отвѣтныхъ стихахъ деревенскія колкости“. Что же замѣчаетъ мнѣ мой критикъ? Вотъ что: „Уже не говоря о томъ, что это никакъ нельзя назвать переводомъ, но скорѣе объясненіемъ, подобное объясненіе даже не соотвѣтствуетъ словамъ Горация“, и затѣмъ продолжаетъ: „Mos не значить „праздники“ (покорно благодарю за наставленіе), а что касается до того, чтобы Фесценины бросали что бы то ни было, то Горацию и въ голову не приходило этого“. Мой пе-

реводъ, за исключеніемъ словъ „эти праздники“, можно назвать букввальнымъ, какъ это можетъ сейчасъ же повѣрить всякій, хоть немного знакомый съ латинскимъ языкомъ, а г. Вертъ говоритъ, что это „не переводъ, а объясненіе“, да еще „не соотвѣтствующее словамъ Горація“. Посмотримъ на дѣло ближе. Горацій говоритъ: „фесценнская вольность (Fescennina licentia, у меня сказано: вольность Фесценнинъ) бросала (fudit) въ отвѣтныхъ, то есть, попережънныхъ, антифонныхъ, стихахъ (versibus alternis) деревенскія ругательства, или какъ у меня сказано ближе къ смыслу подлинника, колкости (оргобрія густика). На чемъ же основывается послѣ этого, заявленіе г. Верта? Теперь что касается выраженія „эти праздники породили вольность Фесценнинъ“, соотвѣтствующаго у меня латинскому — *per hunc morem inventa Fescennina licentia* (я измѣняю порядокъ словъ для ясности), то оно, будучи необходимо для ясности дѣла и ни малѣйшимъ образомъ не нарушая смысла подлинника, въ то же время самымъ естественнымъ образомъ вышло изъ контекста рѣчи. Да и издатели Горація дѣлаютъ именно въ этомъ видѣ толкованіе фразы *per hunc morem*. Веру, напримѣръ, одного изъ самыхъ новыхъ и самыхъ авторитетныхъ, Крюгера (Leipz. Teubner, 1869, 6-е изд.): „*per hunc morem, in Folge dieser Feier und bei dieser Feier ländlicher Feste*“.

О слѣдующемъ затѣмъ возраженіи противъ перевода двустипіа Энія, въ которомъ, по г. Верту, *supra* значитъ *идъ*, мы говорили нѣсколько раньше. Потому перейдемъ къ слѣдующему.

На стр. 30 г. Вертъ съ особенною пылкостью возстаетъ противъ перевода одного изъ отрывковъ Невія, гдѣ рисуется нравъ вольнаго поведенія женщины. Вотъ мой переводъ (Лекціи, I, стр. 106):

Словно мячикъ

Въ игрѣ, она кругомъ всѣмъ отдается, общая для всѣхъ,
Одному киваетъ, другому мигаетъ, любитъ одного, тѣшится съ другимъ,

*Беретъ за руку одного, тому на ногу наступаетъ,
Тому даетъ смотрѣть кольцо, а этого зоветъ губами.*

Г. Вертъ видитъ большую ошибочность въ переводѣ подчеркнутыхъ мѣстъ въ двухъ послѣднихъ стихахъ. Стихи эти по латыни гласятъ:

*Alibi manus est occupata, alii percellit pedem,
Anulum alii dat spectandum, a labris alium invocat.*

Буквальный переводъ перваго подчеркнутаго мѣста былъ бы: „въ

иномъ мѣстѣ занята рука“. Но не говоря о томъ, что при такомъ переводѣ нѣтъ возможности справиться съ стихомъ, онъ своею неопредѣленностью шелъ бы въ разрѣзъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ; перевода же словами „береть за руку одного“, я полагаю, что выразилъ этимъ смыслъ подлинника, который говоритъ, что распутная женщина дѣйствуетъ рукою въ иномъ мѣстѣ, т-есть, по отношенію къ иному мужчинѣ, въ то время какъ она другаго толкаетъ ногой. Какое же въ данномъ случаѣ могло быть наиболѣе вѣроятное дѣйствіе рукой въ одну сторону, какъ не хватаніе кого-нибудь за руку? Г. Вертъ съ свойственною ему тонкостью пониманія замѣчаетъ: „Если Невія говоритъ: *alibi manus est occupata*, то онъ подразумѣваетъ, конечно, руку женщины“. А если я говорю о женщинѣ „береть“, то разумѣю я чью-либо другую руку (берущую?) Читатель видитъ, съ какимъ критикомъ я имѣю дѣло. Но это — пустяки въ сравненіи съ нижеслѣдующимъ. Мой критикъ, ошибающійся на каждомъ шагу, продолжаетъ: „Но даже и это блѣднѣетъ въ сравненіи съ слѣдующимъ перломъ: а *labris* = губами“. Какая, подумаешь, важность тона! Мой критикъ, подумаетъ иной, взялъ неприступный городъ. Но въ чемъ дѣло? А вотъ въ чемъ: „предлогъ *a*“, продолжаетъ мой цѣннитель, — могъ бы означать „сейчасъ послѣ“, какъ а *balneo* — послѣ купанья (выкупавшись), а *rugna* — послѣ битвы и т. д. “. Слыхано ли, спрошу я понимающаго читателя, чтобы предлогъ *a* значилъ „сейчасъ послѣ“? Есть ли, далѣе, возможность сопоставлять *a labris* съ выраженіями: *a rugna*, *a balneo* и т. п.? Но и это цвѣточки, а вотъ ягодки. Г. Вертъ, объяснивши выраженіе *a labris* подобнымъ фантастическимъ образомъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „а *labris* слѣдовало бы перевести: *поцѣловать одного; но все-таки гораздо вѣроятнѣе* (*risum teneatis!*) принять здѣсь *цѣлуя*, а въ буквальномъ переводѣ: „съ губъ одного зоветъ другаго“. Какова рѣчь! Понимаете вы что-либо, читатель? Но чтобы выйти изъ этого лабиринта, я приглашаю васъ посмотрѣть на дѣло ближе. Г. Вертъ переводитъ мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, словами: „съ губъ одного зоветъ другаго“. Я этого выраженія не понимаю, но онъ поясняетъ его такъ: „поцѣловавъ одного“ и затѣмъ находитъ, что „гораздо вѣроятнѣе“ сказать „цѣлуя“. Между тѣмъ стихъ Невія гласитъ: (женщина) одному даетъ смотрѣть кольцо, а другаго зоветъ *a labris*, отъ губъ, то-есть, дѣлая знаки губами, или посылая отъ губъ поцѣлуи. Чье пониманіе этого мѣста правильнѣе, внимательный читатель рѣшитъ безъ затрудненія.

На стр. 31 г. Верть говоритъ: „Цицеронъ, ссылаясь (Tusc. IV, 2, 3) на Катона, называетъ послѣдняго gravissimus auctor, что г. Модестовъ (стр. 68) переводитъ: „важнѣйшій писатель“. Цицеронъ употребляетъ gravis въ смыслѣ „вѣскій“, „достоверный“, а auctor у Цицерона нигдѣ не значить „писатель“; въ указанномъ мѣстѣ слѣдовало бы перевести: свидѣтель, порука или источникъ“. Мой критикъ не знаетъ, что когда по русски говорится объ историкѣ: *важнѣйшій писатель*, то именно въ смыслѣ его достоверности или вѣскости, и никто изъ русскихъ читателей иначе понять меня не можетъ; къ тому же я и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, стремился быть какъ можно ближе къ подлиннику. Что же касается слова *auctor*, то оно, не знача по этимологiи *писатель*, тѣмъ не менѣе сплошь да рядомъ употреблялось Римлянами въ значенiи писателя, то-есть, писателя, который служить источникомъ для другихъ, и просто писателя. Такъ Овидiй (Trist. V, I, 67): ulli nec scripta fuerunt Nostra, nisi auctori pernicioso suo. Здѣсь слово *auctor* употреблено просто въ значенiи слова *сочинитель*, *писатель*. Но вотъ у Ливiа (II, 8): apud quosdam veteres auctores non invenio; у Тацита (Ann. III, 30): Sallustius, rerum Romanarum florentissimus auctor:—въ этихъ случаяхъ *auctor* значить *писатель*, но именно какъ историческiй источникъ. Что же касается Цицерона, то и у него, вопреки г. Верту, во многихъ мѣстахъ нельзя иначе передать по русски слова *auctor*, какъ словомъ *писатель* — въ смыслѣ ли источника для другихъ, или просто въ смыслѣ сочинителя. Такъ, напримѣръ, въ Brut. II: quem rerum Romanarum auctorem laudare possum religiosissimum; въ Ер. къ Att. XII, 18: quos nunc lectito, auctores; въ рѣчи pro Mur. 14: ut ait ingeniosus poeta et auctor valde bonus. На основанiи всего этого я утверждаю, что мой переводъ вполне правиленъ и не нуждается ни въ какой пере-мѣнѣ.

Но интереснѣйшiй примѣръ незнанiя моимъ критикомъ русскаго языка, незнанiя, соединеннаго, какъ и вездѣ раньше, съ крайнею придирчивостью, представляетъ непосредственно слѣдующее возраженiе противъ моего перевода извѣстныхъ стиховъ Горациа (Ер. II, 1, 86):

Jam Saliare Numae carmen qui laudat et illud,
Quod mecum ignorat, solus vult scire videri.

Я перевожу: „Вотъ человекъ, который превозноситъ Салiйскiй гимнъ Нумы и хочетъ *показать*, что онъ одинъ знаетъ то, въ чемъ онъ такой же невѣжда, какъ и я“. вмѣсто того, чтобы сказать: *хочетъ казаться, что онъ знаетъ*, я употребилъ болѣе соответствующiй духу

русскаго языка и ни малѣйшимъ образомъ не измѣняющій смысла оборотъ: „хочетъ показать, что онъ знаетъ“. Оправдывать такой переводъ нѣтъ никакой нужды. Между тѣмъ г. Вертъ замѣчаетъ: „Нужно принять къ свѣдѣнью, что *videri* г. Модестовъ переводить не (*но*) *казаться*, но (!) *показаться*!“ . Можетъ ли быть что-либо комичнѣе этого возраженія? Г. Вертъ, не имѣя чутка русскаго языка и не понимая перемѣны страдательной конструкціи въ дѣйствительную, безъ всякой церемоніи указываетъ мнѣ, что *videri* значить (*но*) *казаться*, а не *показать*, и приправляетъ свою прелестную выходку двумя знаками восклицанія. Пусть онъ также измѣритъ всю глубину моего несчастія, по которому я, послѣ многихъ годовъ усиленныхъ занятій своимъ предметомъ, принужденъ защищаться отъ такихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ возраженій, каково настоящее!

Такого же свойства и слѣдующее затѣмъ замѣчаніе о моемъ переводѣ стиховъ Эннія:

Musae, quae pedibus magnum pulsatis Olimpum,
Musas quas Graeci memorant, nos Casmenarum...

Этими стихами, которые представляютъ собою не законченный синтаксически отрывокъ, Энній начинаетъ свою поэму о 2-й Пунической войнѣ. Имѣя въ виду неоконченность періода въ этомъ отрывкѣ, я перевелъ его такъ:

Музы, вы, что въ великій Олимпъ стучите своими ногами,
Музы, которыхъ Латины подъ видомъ Каменьъ почитаютъ.

Еслибъ я переводилъ прозой, а не стихами, то второй стихъ перевелъ бы такъ: „вы, которыхъ Греки называютъ музами, а мы (подъ именемъ) Каменьъ (призываемъ, или почитаемъ)“. Поставленными въ скобкахъ словами я дополняю не дошедшій до насъ латинскій текстъ, необходимый, однако, для полноты предложенія. Читатель видитъ отсюда, до какой степени мой стихотворный переводъ близко передаетъ смыслъ подлинника. Это однако не удержало моего критика отъ тѣхъ назойливыхъ и не имѣющихъ никакого основанія придировокъ, которыми переполнена разбираемая нами статья. Ему нѣтъ дѣла до того, что приведенный отрывокъ не законченъ въ подлинникѣ, равно какъ и до того, что стихами нельзя — да и нѣтъ основанія — передавать подлинникъ вездѣ съ такою педантичною буквальною, съ какою Нѣмцы переводятъ прозой, и благодаря которой ихъ переводы нерѣдко темнѣе для читателя, чѣмъ самый трудный текстъ оригинала. Во всякомъ случаѣ, мой стихотворный переводъ этихъ двухъ стиховъ на столько отвѣчаетъ подлиннику, что со стороны всякаго другаго

критика не могъ бы встрѣтить никакого возраженія. Г. же Вертъ преспокойно замѣчаетъ, что „*meto-gant* не значить *почитаютъ*“ и говорить что-то о запятой, попавшей не на мѣсто.

На слѣдующей 32 страницѣ г. Вертъ подвергаетъ столь же основательному разбору мой стихотворный переводъ большаго отрывка изъ Эниа (Лекція, I, стр. 118), быть можетъ, наиболѣе удачный изъ всего того, что у меня въ 1-мъ курсѣ „Лекцій“ переведено стихами изъ отрывковъ разныхъ латинскихъ авторовъ (переведено же мною такимъ образомъ не менѣе 400 стиховъ). Разборъ этого отрывка служить новымъ образчикомъ того, съ какимъ знатокомъ латинскаго и русскаго языка мы имѣемъ дѣло.

Лишь, пробудившись, старуха внесла къ ней дрожащей рукою
Свѣтъ, какъ она начинаетъ въ испугъ отъ сна со слезами.

Г. Вертъ подчеркиваетъ фразу *въ испугъ отъ сна* и совѣтуетъ мнѣ замѣнить ее словами „отъ испуга проснувшись“ (!!). Въ подлинникѣ сказано: *exterrita somno*, то-есть, испуганная сномъ, или испуганная, испугавшись во снѣ. Слѣдовательно, въ то время какъ мой переводъ вѣренъ буквально, переводъ г. Верта, съ одной стороны, произволенъ, а съ другой—неправильнъ, ибо ни мало не отвѣчаетъ подлиннику, гдѣ говорится: *испугавшись* отъ сна или во снѣ, а не *проснувшись отъ испуга*. Непониманіе смысла подлинника выразилось у него и въ поясненіи латинской фразы посредствомъ прибавленія предлога *ex*. По его мнѣнію, полная фраза: *exterrita ex somno*. Не говоря уже о томъ, что глаголь *exterreo* не сочиняется съ предлогомъ *ex*¹⁾, послѣдующіе стихи прямо подтверждаютъ, что дѣло не въ томъ, что Илія *проснулась отъ испуга*, а въ томъ, что она *испугалась во снѣ*.

У Эниа говорится:

ita sola

Postilla, germana soror, errare videbar.

Я перевожу:

Вижу, родная сестра, что хожу я одна.

Мой критикъ замѣчаетъ: „*Videbar* не значить: я вижу“. Но прошу вниманія читателя. Дочь Энея развѣиваетъ сонъ: поэтому *videbar errare* значить буквально: мнѣ видѣлось, что я блуждаю, или въ дѣйствительной формѣ: я видѣла (во снѣ), что я и т. д. Но такъ какъ

¹⁾ По латини говорится: *exterritus aspectu* (l. c.), *repentino periculo* (Caes.), *astu* (Verg.), *repentino hostium incurso exterreri* (Caes.), *per somnum exterreri* и т. д. Фразы взяты изъ лексикона Георгеса.

при оживленномъ разказѣ употребляется какъ въ латинскомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ, сплошь да рядомъ форма настоящаго, вмѣсто прошедшаго (въ подлинникѣ дальше эта перемѣна и совершается), то сказать въ данномъ случаѣ: *я видѣла* значитъ сказать то же, что *я вижу*. Если бы г. Вертъ зналъ больше русскій языкъ, то онъ не сдѣлалъ бы вышеприведеннаго замѣчанія; а еслибы онъ зналъ больше латинскій языкъ, то не поставилъ бы *videbar* одно, безъ *errare*, такъ какъ значеніе его понятно только въ этой связи; наконецъ, показывать читателю, что будто *videbar*, по моему, само по себѣ означаетъ *вижу*, значитъ злоупотреблять его довѣріемъ.

Tardaue vestigare et quaerere te neque posse.

Corde capessere.

я перевожу (граматически конструкція зависитъ отъ *videbar*):

И не скоро

Смѣль нахожу, и ищу я тебя, но и съ духомъ собраться

Я не могу.

Г. Вертъ поправляетъ вполне соответствующее подлиннику выраженіе мое *и не скоро смѣль нахожу* такъ: „и (медленными) *нершителными* шагами ступая (*tarda*), я *старалась отыскать*“. Призываю всякаго, кому не чуждо знакомство съ латинскимъ языкомъ, разсудить, какова поправка! Что же касается до выраженія *corde capessere*, то если мой переводъ какъ будто и не совсѣмъ близокъ къ подлиннику, объясненіе г. Верта „я не могла своимъ воображеніемъ схватить тебя—ты не представилась (во снѣ) моему воображенію“ есть по отношенію къ данному мѣсту очевидная несообразность. Если человѣкъ ищетъ кого (здѣсь сестру), то всячески представляетъ себѣ образъ искомаго существа.

Exin compellare pater me voce videtur.

His verbis...

я перевожу:

Вдругъ слышу голосъ отца я, который меня призываетъ

Въ этихъ словахъ...

Г. Вертъ замѣчаетъ: „*exin* не значитъ *вдругъ*, но (!) *потомъ*“. Нѣтъ, извините, *exin* не значитъ *потомъ* (ужь если на то пошло), а *вслѣдъ затѣмъ* (собственно, это есть нарѣчіе мѣста и значитъ *оттуда*, *exinde*), по нѣмецки *hierauf* и употребляется (какъ нарѣчіе времени) при обозначеніи переходовъ отъ одного момента времени къ другому, что мнѣ и дало возможность передать его словомъ *вдругъ*, вполне соответствующимъ смыслу *оживленнаго* разказа и въ то же время

хорошо идущимъ къ размѣру стиха. Далѣ мой критикъ замѣчаетъ: „*compellare* нельзя перевести глаголомъ *призывать*“ и совѣтуетъ перевести такъ: „отецъ, *казалось* (!), обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами“. Въ этомъ переводѣ особенно хорошо: *казалось*. Не *казалось*, которое можетъ имѣть совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой желательнъ автору, а *представляется мнѣ* (во снѣ), или *я вижу* (то-есть, во снѣ), если нужно перемѣнить страдательную форму (*videtur*) въ дѣйствительную. Что касается до слова *призываетъ*, на которое во всякомъ случаѣ даетъ право глаголъ *compellare* (обращаться къ кому, называя по имени), то оно употреблено здѣсь ради соблюденія размѣра тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что ни мало не нарушаетъ смысла подлинника. Оспаривать употребленіе такихъ оборотовъ у переводчика значить не имѣть надлежащаго понятія о свойствахъ стихотворныхъ переводовъ.

На стр. 33 по поводу перевода стиха Энніа:

Horrescit telis exercitus asper utrinque —

Войско съ обѣихъ сторонъ свирѣпствуетъ страшно оружіемъ, г. Вертъ замѣчаетъ: „какъ *horrescere*, такъ и *asper* относится только къ *внѣшнему виду* войскъ; о свирѣпствѣ же Энніи и не думалъ говорить“. Говоря откровенно, я не совсѣмъ понимаю возраженія. Прошу читателя замѣтить, что въ приведенномъ отрывкѣ *описывается жестокое сраженіе* Римлянъ съ Антиохомъ при Магнезій. Что же, поэтому, можетъ значить здѣсь *horrescere telis*, какъ не то, что неприятельскія войска *свирѣпствуютъ* другъ противъ друга, бросая въ несмѣтномъ количествѣ стрѣлы и копья? У Цицерона (*Frugm.*) говорится: *magis coepit horrescere*: имѣю ли я право перевести эту фразу— „more начало *свирѣпствовать*, *бушевать*“? Или, напримѣръ, у Силія Италика *subitis horrescit turbida nimbis tempestas*. Не оправдываютъ ли эти выраженія вполне вѣрности моего перевода? Что значить послѣ этого замѣчаніе г. Верта о *внѣшнемъ видѣ войскъ*?

Далѣ онъ указываетъ, что въ переведенномъ мною (Лекція, I, стр. 150) отрывкѣ изъ Цецилія:

всѣ мои луваства, всѣ обманы,

Хитрости напрасны предъ отцовской *нѣжностью* слово *нѣжность* слѣдуетъ замѣнить *снисходительностью*. Я согласенъ съ тѣмъ, что *commoditas*—слово, которое здѣсь всего удобнѣе было бы передать словомъ *покладливость*, можетъ значить *снисходительность*; но почему нельзя здѣсь употребить слова *нѣжность*, когда дѣло идетъ именно о нѣжныхъ отношеніяхъ отца къ сыну, и когда ни *покладливость*, ни

снисходительность никакъ не поддаются въ данномъ мѣстѣ размѣру?

На той же 33 страницѣ по отношенію къ переводу моему стиховъ Теренція:

Quorum opera in bello, in otio, in negotio
Suo quisque tempore usus est *sine superbia*

„услугами которыхъ всякій изъ насъ въ свое время *охотно* пользовался во время войны, во время отдыха и во время трудовъ“ г. Вертъ замѣчаетъ, что нельзя-де переводить *sine superbia* словомъ *охотно*, а нужно-де сказать: „безъ гордости“, „не стѣснясь“. Что выраженіе *sine superbia* значитъ буквально *безъ юрдости*, это, конечно, не могло быть для меня тайною. Но такъ какъ этотъ оборотъ въ данномъ мѣстѣ не годится, то-есть, не выражаетъ мысли подлинника, то я и перевелъ его словомъ *охотно*, которое нисколько не дальше отъ подлинника, чѣмъ *не стѣснясь* г. Верта.

На стр. 34 приводится стихъ Цецилія:

Is *detum* miser est, qui aerumnam suam nescit occultare,
который у меня съ буквальною вѣрностью переведенъ такъ:

Совсѣмъ несчастенъ тотъ, кто горести своей не можетъ скрыть. Мой критикъ замѣчаетъ: *detum* не значитъ „совсѣмъ“, но (!) „наконецъ“. Дѣйствительно, у *позднѣйшихъ* писателей *detum* значитъ *наконецъ*. Но, во первыхъ, Цецилій принадлежитъ къ древнѣйшимъ, а не къ позднѣйшимъ латинскимъ писателямъ, а, во вторыхъ, *detum* здѣсь этого значенія не имѣетъ. Г. Вертъ предлагаетъ здѣсь значеніе *только*, но смѣю увѣрить его, что это значеніе слову *detum* не принадлежитъ, и что слово *detum* не рѣдко употребляется лишь для усиленія рѣчи, какъ это и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Примеры: *ea detum firma amicitia est* (Sall.), вотъ настоящая крѣпкая дружба; *ea detum Romae libertas est* (Liv.), вотъ настоящая свобода въ Римѣ—могутъ вполне уяснить рациональность моего перевода.

Такъ какъ мое намѣреніе не оставить безъ опроверженія *ни одного* возраженія г. Верта, какъ бы ни мало оно заслуживало вниманія, то я и продолжаю идти за моимъ противникомъ шагъ за шагомъ, хотя, сознаюсь, это столько же утомительно для меня, сколько будетъ утомительно и для читателя. Но я прошу послѣдняго вооружиться еще на вѣкоторое время терпѣніемъ.

На той же 34 страницѣ по поводу моего перевода большого отрывка изъ Катона г. Вертъ безъ всякой церемоніи замѣчаетъ, что „въ этомъ переводѣ находится цѣлый рядъ неточностей и ошибокъ“. Прежде всего указывается на то, что въ выраженіи „*superbiam atque*

ferociam augescere“ *ferocia* не значить жестокость и замѣчается: „*ferocia* здѣсь высокоуміе, смѣлость“. Остановимся на томъ пунктѣ. *Ferocia* (*ferox*) значить собственно неукротимость, необузданность и т. п. Отсюда значеніе этого слова идетъ далѣе въ двухъ направленіяхъ: 1) дикая воинская храбрость, и 2) лютость, жестокость вообще. Къ этому присоединяется еще стоящее въ связи съ неукротимостью значеніе *высокомурія*; но это уже, такъ сказать, производное значеніе, то-есть, въ этимологіи слова не лежащее. Я ничего не имѣлъ бы противъ перевода въ указанномъ мѣстѣ слова *ferocia* словомъ *высокомуріе*, если бы какъ разъ передъ нимъ не стояло слово *superbia*, имѣющаго на это значеніе гораздо больше права и потому этимъ терминомъ у меня переведеннаго. Итакъ, замѣчаніе г. Верта въ данномъ случаѣ по меньшей мѣрѣ излишне.

Далѣе, выраженіе Катона „*quo majore opere dico*“, переведенное у меня словами: „вотъ почему я особенно настаиваю“, мой критикъ даетъ совѣтъ передать такъ: „тѣмъ болѣе я настаиваю“. Еслибы онъ больше былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ, то не рѣшился бы тратить бумаги на такое замѣчаніе.

Слѣдующее затѣмъ выраженіе Катона „*atque ego quidem arbitror*“, переведенное у меня съ буквальной точностью словами: „я также думаю“, онъ считаетъ иронически „открытіемъ для науки“. Это открытіе онъ видитъ въ словѣ *также*, которое онъ противопоставляетъ словамъ подлинника *atque quidem*. Такое замѣчаніе могъ сдѣлать чловѣкъ столько же мало знакомый съ русскимъ языкомъ, какъ и съ латинскимъ. Извѣстно, что слово *quidem*, поставляемое у латинскихъ авторовъ, какъ замѣчаетъ и самъ г. Вертъ, нерѣдко для облегченія перехода въ рѣчи, по русски часто совсѣмъ не переводится; поэтому мое слово *также* къ нему ни малѣйшимъ образомъ не относится, а переведено этимъ словомъ *atque*—союзъ, представляющій собою усиленное соединеніе, какъ показываетъ его сложная форма: *at-que*. Г. Вертъ совѣтуетъ тутъ перевести такъ: „что касается до меня“: это, по его мнѣнію, соответствуетъ: *atque quidem*. Если бы мнѣ пришлось встрѣтить у него подобный переводъ, то я, конечно, не сдѣлалъ бы замѣчанія, хотя о близости его къ подлиннику не можетъ быть рѣчи.

Замѣчанія г. Верта такъ говорятъ за себя, что, какъ читатель ужъ имѣлъ случай убѣдиться, собственно не стоило бъ и опровергать ихъ. Вотъ и далѣе, относительно моего яснаго и совершенно правильнаго, хотя нѣсколько свободнаго, перевода того мѣста рѣчи Катона, гдѣ говорится, что Родосцы не желали побѣды Римлянъ надъ Персеемъ

не ради удовольствія видѣть безчестіе Римлянъ, но изъ опасенія, чтобъ эти послѣдніе, оставшись безъ соперниковъ, не стали смотрѣть на Родосцевъ, какъ господа на рабовъ,—онъ не удержался отъ обычнаго замѣчанія. При этомъ онъ предлагаетъ свой переводъ: „Однако (въ подлинникѣ: *sed enim!!*) они боялись того, чтобъ имъ не пришлось быть подъ нашею властью (и) въ нашемъ рабствѣ, если не будетъ никого, кого мы боялись бы, и если мы станемъ дѣлать все, что намъ вздумается“. Хорошъ языкъ?

Выраженіе Катона: „*cogitate, quanto nos inter vos privatim cautius facimus*“ у меня переведено: „подумайте съ какою осторожностью мы поступаемъ въ нашихъ частныхъ отношеніяхъ“. Г. Вертъ не безъ важности замѣчаетъ: „*quanto cautius* значить сколь осторожнѣе“. Какъ не поблагодарить критика за такое замѣчаніе!

Но что можетъ сравниться съ нижеслѣдующимъ! Указывая на стр. 35 на переведенное мною выраженіе Катона (Лекція, I, стр. 194), взятое изъ разказа его о первой Пунической войнѣ, „*Roenus colles prius occurrat*“, „картагенскій полководецъ занимаетъ заранѣ холмы“, г. Вертъ замѣчаетъ: „Русское нарѣчіе *заранѣ* выражаетъ сравненіе двухъ дѣйствій одного и того же лица (!!!); здѣсь же сравнивается дѣйствіе Картагенянъ и Римлянъ; поэтому слѣдовало бы перевести: Картагенянинъ предупреждаетъ Римлянъ, *занявъ холмы*“. Оставивши безъ вниманія невѣрность предлагаемаго мной критикомъ перевода, обратимъ вниманіе на его щегольство знаніемъ русскаго языка. „*Заранѣ*“, говоритъ онъ,—„выражаетъ сравненіе двухъ дѣйствій одного и того же лица“. По нашему же, *заранѣ* собственно значить *заблаговременно* и затѣмъ *напередъ*, то-есть, прежде, раньше кого нибудь, какъ въ настоящемъ случаѣ (*prius occurrat*). По французски это слово значить, съ одной стороны: *de bonne heure*, а съ другой — *d'avance*, *à l'avance*, *par avance* (см. словарь *Макарова*).

Относительно непосредственно слѣдующаго за этимъ Катонова мѣста: „*millites Romani in locum insinuant, fraudi et perniciis obnoxium*“, которое переведено у меня съ буквальною точностью такъ: „Римскіе солдаты уклоняются въ мѣстность, которая подвергаетъ ихъ засадѣ и гибели“, г. Вертъ нашелъ нужнымъ сдѣлать такое замѣчаніе: „Катонъ нарочно употребляетъ такое слово *insinuare*, чтобы выразить, что Римляне въ гористой мѣстности шли по извилистымъ дорогамъ“. Спрашиваю: къ чему это замѣчаніе? Не выраженъ развѣ у меня глаголъ *insinuare*, который, по выраженію г. Верта, употребленъ Катономъ нарочно?

Замѣчательно слѣдующее затѣмъ замѣчаніе. Дѣло идетъ о выраженіи Катона: *hostes profecto, fortissimus quisque, ad occursandum et pugnandum in eos praevertentur*. Не извѣстно для чего, г. Вертъ разсуждаетъ: „Предлогъ *in* слѣдуетъ отнести къ глаголу *praeverti*, а послѣдній значить: *главнымъ образомъ* (прае.) *обратить на кою вниманіе* (!!), преимущественно обратиться противъ кою (!)“. Здѣсь можно понять только одно, что г. Верту неизвѣстно значеніе глагола *praeverti* и предлога *prae* въ соединеніи съ глаголами. Глаголь *praeverti* никогда не значить: „главнымъ образомъ обратить вниманіе на кою, преимущественно обратиться противъ кою“, а значить буквально: *прежде, напередъ оборащивать, обращать*; это-то буквальное значеніе глагола и имѣетъ здѣсь мѣсто. Оно явствуетъ, какъ Божій день, изъ контекста рѣчи, который состоитъ въ слѣдующемъ: Римскіе солдаты попали въ засаду; чтобы выйдти изъ нея, римскій трибунъ совѣтуетъ консулу отрядить 400 лучшихъ солдатъ для отбитія у непріятели занятыхъ имъ высотъ, въ томъ предположеніи, что непріятель *прежде всего направитъ свои силы*, и притомъ лучшія, для отраженія этихъ хвребцовъ, а между тѣмъ Римляне воспользуются этимъ временемъ, то-есть, схваткой непріятели съ высланнымъ противъ него отрядомъ, и выйдутъ изъ засады. Ясно ли теперь, въ чемъ дѣло?

Слѣдующее затѣмъ выраженіе Катона: *uno illo-negotio sese alligabunt*, которое я перевелъ такъ: „всѣ свои усилія употребить на это дѣло“, также вызываетъ г. Верта на замѣчательный курьезъ. Онъ говоритъ: „Вѣрный переводъ будетъ слѣдующій: вслѣдствіе (завязавшагося) одного этого дѣла, они (то-есть, самая храбрая часть непріятельской арміи) всѣ будутъ заняты — для другой цѣли ихъ нельзя будетъ употреблять“. Есть ли въ этихъ словахъ что-нибудь похожее на переводъ означеннаго латинскаго мѣста?

Omnes cum uno, „всѣ до одинаго“. Г. Вертъ замѣчаетъ, что этотъ русскій оборотъ выражается по латыни; *omnes ad unum*. Вѣрно. Но тѣмъ же менѣе вѣрно и то, что когда Катонъ говоритъ; „*omnes cum uno cadunt*“, то онъ именно имѣетъ въ виду, что 400 храбрыхъ Римлянъ падаютъ „всѣ до послѣдняго“. Это не будетъ переводъ буквальный, но повторяю: безусловно вѣрный. Я не черевожу здѣсь *cum uno* до одного; я оставляю это выраженіе безъ перевода, ибо сказать по русски: „всѣ съ однимъ“ будетъ бессмыслица.

Sed idem benefactum quo in loco ponas, nimium interest. Мой переводъ: „Чрезвычайно важно знать, какъ ты цѣнишь одно и то же доброе дѣло“. Г. Вертъ полагаетъ, что *quo in loco* здѣсь слѣдуетъ

перевести словомъ *идь*, и тогда смыслъ всей фразы будетъ значить: чрезвычайно важно, гдѣ совершенъ подвигъ. Я думаю, что онъ ошибается. Здѣсь сравниваются два сходные подвига — одинъ Спартакскаго царя Леонида при Термопилахъ, другой — мало извѣстнаго въ исторіи трибуна Целиція. Катонъ обращается къ читателю съ вопросомъ: какъ же онъ цѣнить и другой подвигъ, подразумѣвая, что римскій читатель, зараженный эллинизмомъ, несравненно равнодушнѣе къ подвигу своего трибуна, чѣмъ къ геройству Спартакскаго царя. Впрочемъ, и мнѣніе г. Верта имѣетъ свое основаніе, что, впрочемъ, не давало ему никакого права сказать: „*неумѣлый* (читатель уже хорошо познакомился съ *умѣлостью* моего критика) переводчикъ совершенно исказилъ смыслъ словъ Катона“.

Относительно примѣчанія его къ моему переводу стиховъ Горация (Sat. I, 10, 53):

Nil comis tragici mutat Lucilius Atti?

Non ridet versus Enni gravitate minores,

я частію уже говорилъ по поводу замѣчанія г. Верта о переводѣ втораго изъ приведенныхъ стиховъ. Первый стихъ у меня переведенъ такъ: „Развѣ *спѣсивый* Луцілій ничего не измѣняетъ у трагика Аттіа?“ Г. Вертъ совѣтуетъ слово *спѣсивый*, которое вполнѣ отвѣчаетъ подлиннику, замѣнить „благодушный“, что *comis* едва ли когда значить (ср. у Горация въ Sat. I, 4, 90 и 10, 65: *comis et urbanus*). Относительно же права перевести въ слѣдующемъ стихѣ выраженіе: „*versus gravitate minores*“ словами: *стихи, которымъ недостаетъ важности*, что кажется г. Верту „крайне неудачнымъ“, я сошлюсь здѣсь изъ множества поддерживающихъ меня комментаторовъ хоть на двухъ: Коха, который въ своемъ Wörterbuch zu den Gedichten des Q. Horatius Flaccus, p. 323, *versus Enni etc.* переводить: „denen die Kraft d. Würde mangelt“, и на новѣйшее изъ изданій Горация, принадлежащее извѣстному ученику Ричля, Герману Фритцше (Fritzsche), который, въ поясненіе этого мѣста, прямо воспроизводитъ примѣчаніе одного стариннаго комментатора: *versus minus graves neque ipso Ennio dignos*:

Вслѣдъ за этимъ у г. Верта приводится стихъ Титинія:

Ego me mandatam meo viro male arbitror,

который мною переведенъ такъ:

За *дурнаю* мужа, полагаю, меня выдали.

Мой критикъ съ важностью замѣчаетъ, что онъ и впредь будетъ „считать *male* за нарѣчіе“. Не зная русскаго языка, онъ не пони-

маеть, что еслибъ я сказалъ: *дурно* или *неудачно* меня за мужа (мо- его) выдали,—то эта фраза значила бы то же самое, что и вышепри- веденная, съ тою только разницею, что она, страдала бы неопредѣ- ленностью и не укладывалась бы въ стихъ. Но что здѣсь именно требовалось употребить оборотъ: *за дурнаго мужа*; — это ясно изъ слѣдующаго стиха (Лекціи, I, 228):

Онъ тратитъ состояніе и ѣсть мое приданое.

Далѣе дѣлается нападеніе на мой переводъ стиха того же Титинія:

Ni nos texamus, nihil hic est, fullones, vobis quaesti,

который у меня (ibid.) переведенъ такъ:

Еслибъ мы не ткали, вамъ бы не было работы.

Критикъ мой замѣчаетъ: „*Quaestus* значить здѣсь заработокъ“. Вѣрно. Но такъ какъ слова „заработокъ“, „прибыль“ и т. п. въ стихъ не укладывались, то я и употребилъ слова *работа*, которое у насъ нерѣдко употребляется въ смыслѣ ея результата, „заработка“. Когда ремесленникъ говоритъ, что онъ сидитъ „безъ работы“, онъ хочеть этимъ сказать, что у него нѣтъ *заработковъ*, что онъ ничего не зарабатываетъ. Еслибы г. Вертъ зналъ больше русскій языкъ то не сдѣлалъ бы вышеприведеннаго замѣчанія.

Слѣдующее замѣчаніе относится къ слову *morigeratio*, которое въ одномъ отрывкѣ изъ Афранія, гдѣ вычисляются разныя прелести жен- щины, переведено у меня (Лекціи, I, 235) въ стихѣ выраженіемъ: *пріятность въ обхожденіи*. Вотъ самое мѣсто подлинника:

Aetas et corpus tenerum et morigeratio,

Haec sunt venena formosarum mulierum.

Переводъ мой таковъ:

Но юность, нѣжность тѣла и *пріятность въ обхожденіи*—

Вотъ чѣмъ насъ отравляютъ женщины.

Мой критикъ нашель умѣстнымъ замѣтить, что передачу слова *morigeratio* выраженіемъ *пріятность въ обхожденіи* „нельзя назвать обогаченіемъ словаря“. Къ этому онъ прибавляетъ: *morigeratio* значить—угожденіе, уступчивость. Не спорю, значить; но это ни мало не исключаетъ и употребленнаго мной значенія, которое, будучи синонимическимъ тѣмъ значеніямъ, которыя указываетъ г. Вертъ, болѣе соотвѣтствуетъ смыслу подлинника и въ то же время представляетъ большое преимущество передъ ними по отношенію къ составленію вужнаго стиха.

Вслѣдъ затѣмъ г. Вертъ возстаетъ противъ совершенно правиль- наго выраженія „полный талантъ“, употребленнаго мною въ соотвѣт-

ствіе латинскому *magnum talentum*. Тутъ дѣло, очевидно, въ незнаніи моимъ критикомъ русскаго языка и въ незнакомствѣ съ обычною терминологіей. Онъ, вѣроятно, думаетъ, что *полный* значитъ только *наполненный* чѣмъ-нибудь. Всякому русскому читателю понятно, что *полный* я употребляю здѣсь въ значеніи *полновѣсный*, то-есть, этимъ хочу указать на аттическій талантъ, вѣсъ котораго былъ больше другихъ, и который поэтому назывался *magnum*. Замѣчательно, что самъ же г. Вертъ говоритъ, что „*magnum talentum* значитъ *тяжелый* или *даже большой* талантъ въ отличіи отъ легваго“. Въ чемъ же, слѣдовательно, вопросъ?

Далѣе г. Вертъ въ очень рѣзкомъ тонѣ возстаётъ противъ моего перевода словъ Гракха: „*haud scio an lubentibus a vobis hoc impetrassem*“, которыя я перевелъ: „Я не думаю, чтобы вы съ большою охотою согласились на мою просьбу“. Онъ видитъ въ этомъ не только „явное доказательство незнанія“ мною „латинскаго синтаксиса“, но и приведши свой *нестырный* переводъ, не безъ комизма замѣчаетъ: „г. Модестову, очевидно, не по силамъ *такой* переводъ съ латинскаго на русскій“. Означенное латинское мѣсто г. Вертъ безъ всякой церемоніи переводитъ такъ: „вы, вѣроятно, охотно согласились бы на мою просьбу“. На все это я долженъ замѣтить слѣдующее: латинскій оборотъ *haud scio an* употребляется именно тогда, когда говорящій не можетъ говорить о чемъ-нибудь положительно, съ увѣренностью: между тѣмъ, г. Вертъ поступаетъ съ нимъ какъ разъ *на оборотъ*, и къ довершенію всего, именно упрекаетъ меня въ приданіи ему противоположнаго смысла. Но пойдёмъ дальше. Буквальный переводъ былъ бы такой такой: „я не знаю, достигъ ли бы я этого отъ васъ желающихъ (этого)“, то-есть, „я не знаю, дали ли бы вы охотно на это согласіе“. Переводя же эту фразу въ своемъ курсѣ „Лекцій“ (I, 261), я вмѣсто того, чтобы сказать: „я не знаю согласились ли бы вы охотно“, выразилъ мысль оборотомъ, равносильнымъ этому, сказавши: „я не думаю, чтобы вы съ *большою* охотою согласились“. Быть можетъ, рѣчь выходитъ при этомъ нѣсколько положительнѣе, чѣмъ въ буквальномъ переводѣ, но несомнѣнно изъ связи мыслей въ рѣчи Гракха, что переводъ мой вполне вѣренъ настоящей мысли оратора. Переводъ же, предложенный г. Вертомъ, совершенно неправиленъ!

Но особенно торжественный тонъ принимаетъ мой критикъ, заявляя, то мои переводы „воплнѣ могутъ быть поставлены на одну доску съ знаменитыми переводами г. Клеванова“, по поводу перевода

словъ ритора Фронтонa: *inter tela volantia, inter classica et tubas*, переданныхъ мною такъ: „среди летающихъ стрѣль, среди звуковъ трубъ и барабановъ“. Барабана у Римлянъ дѣйствительно не было, но такъ какъ *classicum* означаетъ тотъ инструментъ, которымъ римскимъ солдатамъ обыкновенно подавался сигналъ (*classicum canere*), то-есть, военную трубу, а между тѣмъ позади этого слова у Фронтонa стоитъ *tuba* (*inter classica et tubas*), которое уже всегда, безъ исключенія, переводится по русски *трубой*, то съ одной стороны, во избѣжаніе повторенія, а съ другой—взявши во вниманіе, что *classicum* употреблялся именно въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ *барабанъ*, я счелъ возможнымъ допустить въ переводъ это послѣднее слово. Такая ли это большая бѣда, какъ хочется представить г. Верту, пусть разсудитъ понимающій дѣло читатель.

Что касается до слова *complures*, которое, по мнѣнію г. Верта, означаетъ *нѣсколько* (!!!) а не *многіе*, то объ этомъ украшеніи его статьи мы уже говорили выше.

Въ статьѣ г. Верта не соблюдены самыя основныя условія, удовлетвореніе которымъ обязательно для человѣка, взявшаго на себя роль ученаго критика. Одно изъ этихъ условій заключается именно въ достаточномъ количествѣ свѣдѣній о предметѣ разсужденія, то-есть, въ компетентности сужденій: разборъ статьи г. Верта, намъ кажется, достаточно показалъ, что онъ взялся за дѣло, ему не сподручное и во всякомъ случаѣ выходящее изъ круга его компетентности. Другое условіе ученой критики заключается въ ея объективности, то-есть, въ серьезномъ стремленіи оцѣнить книгу по ея достоинству. Для этого требуется не только строгое взвѣшеніе какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ ученаго сочиненія, но и опредѣленіе значенія этого послѣдняго въ ряду другихъ ему подобныхъ какъ вообще въ ученой литературѣ, такъ и въ частности въ литературѣ той страны, въ которой сочиненіе появилось, и для которой оно назначено. При этомъ никогда не слѣдуетъ забывать, что полнаго совершенства въ этомъ мірѣ не достигаетъ ни одно человѣческое твореніе, и что самое лучшее произведеніе человѣческаго ума не свободно отъ болѣе или менѣе важныхъ ошибокъ, недосмотровъ и промаховъ. Ничего подобнаго выполненію этого условія въ статьѣ г. Верта не встрѣчается. Въ ней не только не видно ни малѣйшаго стремленія разсматривать дѣло съ объективностью и безпристрастіемъ, не только не видно желанія видѣть, или правильнѣе, указать читателю что-нибудь хорошее въ разсматриваемомъ сочиненіи, и притомъ въ

такое сочиненіи, которое уже подвергнуто было внимательному разбору съ весьма компетентныхъ сторонъ, но напротивъ, она съ первой строки до послѣдней обнаруживаетъ ничѣмъ не прикрываемое стремленіе автора наговорить объ ученомъ трудѣ другаго лица елико-возможно больше рѣзкихъ отзывовъ, хотя бы эти послѣдніе и не покрѣплялись основательными доказательствами. Вотъ на эту-то послѣднюю сторону дѣла я и хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя.

Въ продолженіе разбора статьи г. Верта читатель видѣлъ не разъ, какъ мой критикъ приписывалъ мнѣ небывалыя нелѣпости, въ родѣ того, какъ, напримѣръ, заставлялъ меня переводить выраженіемъ „въ Азію“ латинское *ex Asia*, или видѣть винит. ед. муж. рода въ формѣ *idem*, которая у меня переведена выраженіемъ „онъ же“. Все это можетъ быть объяснено неосмотрительностью, малымъ знакомствомъ съ наукой и пр. Но чѣмъ объяснить такія заявленія моего противника, какъ, напримѣръ, будто я „чуть ни каждую книгу“ называю „безобразною“, „безцеремонною“ и т. п.? Чѣмъ объяснить его заявленіе, будто я „чуть ли не всякое мнѣніе“ величаю „чепухой“, „вздоромъ“, „безтолковщиной“ и т. п.? Заявленія эти, сдѣланныя г. Вертомъ на стр. 2-й его статьи, въ виду тѣхъ теплыхъ отзывовъ, какими я встрѣтилъ въ своей библиографической статьѣ труды гг. Помяловскаго и Цвѣтаева, въ виду того удовольствія, котораго я не могъ не выразить по поводу трудовъ гг. Луціана Мюллера, Гвоздева, Опацкаго, Подгурскаго и нѣкоторыхъ другихъ, являются воищущю несправедливостью. Чѣмъ объяснить, далѣе, то заявленіе, гдѣ г. Вертъ, зная, что я въ своей краткой библиографической статьѣ имѣлъ возможность указывать на произведенія русской филологической учености только въ общихъ чертахъ и въ подтвержденіе своихъ приговоровъ долженъ былъ ограничиваться указаніемъ одного, много двухъ-трехъ рельефныхъ фактовъ,—говорить, что я въ доказательство неудачности изданія Корнелія Непота, сдѣланнаго г. Люгемилемъ, „могъ сослаться только на одно мѣсто“, хотя изъ словъ моихъ: „возьмемъ для примѣра хоть самое начало книги“ онъ долженъ бы былъ заключить, что я могъ привести и много другихъ мѣстъ? Чѣмъ объяснить его заявленіе по поводу посвященія Герлахомъ мнѣ одного изъ своихъ трудовъ, что „въ Германіи каждый протестовалъ бы противъ того“, и это топтаніе въ грязь имени одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ ученыхъ нашего столѣтія по поводу его изданія отрывковъ Луцілія, когда это изданіе, не смотря на конкуренцію изданія г. Луціана Мюллера, и теперь цитруется нѣмецкими учеными, какъ авторитетное,

и цитруется не старыми, а молодыми, и притомъ Ричлевой школы, учеными ¹⁾)?

Но ничто не бросаетъ столь яркаго свѣта на характеръ статьи г. Верта, какъ слѣдующія строки на стр. 26. По поводу моего замѣчанія, сдѣланнаго въ скобкахъ, относительно буквы *ð* въ словѣ *Benventod* (на монетѣ), что это конечное *ð* въ этомъ словѣ обнаруживаетъ *влияніе осскаго языка* (монета изъ области осскаго языка), г. Вертъ ведетъ такую рѣчь: „Послѣднія три слова бросаютъ яркій свѣтъ на филологическое образованіе г. Модестова. Даже для учениковъ нашихъ гимназій уже болѣе не тайна, что языки латинскій, греческій, нѣмецкій, кельтскій, санскритскій (каковъ порядокъ!) и т. д. составляютъ вѣтви одной общей индо-европейской семьи, и что конечное *ð* твор. пад. ед. ч. въ латинскомъ языкѣ есть общее достояніе этой индо-европейской семьи“ и т. д.

Въ этихъ словахъ прежде всего бросается въ глаза стремленіе г. Верта увѣрить читателя, что мое филологическое образованіе такъ, скудно, что мнѣ неизвѣстна даже принадлежность латинскаго языка къ индо-европейской семьѣ, что, какъ онъ заявляетъ, уже болѣе не тайна для учениковъ нашихъ гимназій. Если бы въ моихъ сочиненіяхъ не было никакихъ слѣдовъ знакомства съ тѣмъ, что перестало быть тайной для гимназистовъ, еслибы я никогда не дѣлалъ сравненій между разными родственными языками нашей семьи то и въ такомъ случаѣ заявленіе г. Верта каждому изъ читателей показалось бы невѣроятнымъ. Но когда мнѣ приходилось въ своихъ сочиненіяхъ говорить объ языкахъ индо-европейской семьи и дѣлать сближенія отдѣльныхъ словъ, десятки, если не сотни разъ, когда объ этомъ рѣчь идетъ не только въ тутъ же разбираемомъ г. Вертомъ моемъ рефератѣ „Объ одномъ славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ“ и въ той библиографической статьѣ, которую

¹⁾ Укажу для примѣра на *Herm. Fritzsche* въ его изданіи сатиръ Горація (Leipzig. 1875), pp. 7, 15, 37, 125, 143 и др. Ссылка, которую дѣлаетъ г. Вертъ на *Гаупта*, человека отличавшагося неумѣренностью выраженій на своихъ лекціяхъ не объ одномъ Герлахѣ, мало измѣняетъ сущность дѣла. Кому не известна рѣзкость отзывовъ нѣмецкихъ ученыхъ о своихъ собратахъ, не принадлежащихъ къ одной съ ними партіи. Французскіе, русскіе (покойный Леонтьевъ въ *Пропилеяхъ*, II, 111, 129 и др.) и вообще не нѣмецкіе ученые смотрятъ на Герлаха совсѣмъ не такъ, какъ г. Вертъ съ Гауптомъ. Изданіе Саллустія и цѣлый рядъ работъ по римской исторіи, вмѣстѣ съ изданіемъ отрывковъ Луцалія, упрочили за Герлахомъ *безспорно* важное значеніе въ наукѣ.

вызвана вся эта полемика, именно на стр. 10 и 16, но и на разные лады говорится въ служащей главнымъ пунктомъ для нападенія г. Верта книгѣ — первомъ курсѣ „Лекцій“, когда обо всемъ этомъ не только говорится мимоходомъ, случайно, но и подробно опредѣляется мѣсто латинскаго языка среди другихъ языковъ индо-европейской семьи, — то что тогда остается сказать относительно приведеннаго замѣчанія г. Верта? Чтобы представить читателю дѣло еще яснѣе, приведу слѣдующее мѣсто изъ своей лекціи (I, 14):

„По происхожденію своему“, говорится у меня въ означенномъ мѣстѣ, — „латинскій языкъ принадлежитъ къ семьѣ языковъ индо-европейскихъ и есть такая же отрасль италійскаго языка, какую представляетъ русскій по отношенію къ общему славянскому языку. Въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ онъ стоитъ всего ближе, съ одной стороны, къ кельтскому, съ другой стороны — къ греческому. Это отношеніе очень близко къ тому отношенію славянскихъ языковъ, какое они имѣютъ, съ одной стороны, къ литовскому, съ другой — къ тевтонскому. Къ кельтскому онъ ближе, чѣмъ къ греческому (см. *Шлейхера*, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, I, p. 437; *Rhein. Mus. f. Phil.* 1859, 14, p. 330; Compendium der vergl. Grammat. p. 6), такъ точно какъ славянскіе языки ближе къ литовскому, чѣмъ къ тевтонскому. Будучи самъ однимъ изъ нарѣчій Италіи, онъ стоитъ въ такомъ же близкомъ родствѣ съ умбрскомъ, сабельскимъ и осскимъ, какъ русскій съ сербскимъ, польскимъ и другими славянскими нарѣчіями; но также чуждъ по отношенію къ этрусскому языку¹⁾, какъ русскій по отношенію къ финскимъ нарѣчіямъ.... Изъ италійскихъ нарѣчій, бывшихъ латинскому языку родными братьями, ближе всѣхъ къ нему стоитъ, на сколько это намъ позволяютъ видѣть сохранившіеся письменные памятники италійскихъ нарѣчій, языкъ *осскій*, самый распространенный въ Италіи, къ югу

¹⁾ Пользуюсь случаемъ замѣтить, что вышедшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ были напечатаны эти строки, трудъ Корсена объ этрусскомъ языкѣ далеко не оправдалъ тѣхъ надеждъ, какія возлагали на него нѣмецкіе ученые. Цѣлый рядъ филологовъ — и между ними такіе, какъ *Бреалъ* (въ *Revue critique d'histoire et de littérature*), *Тэйлоръ* въ (*Athenaeum*), *Deecke* (въ брошюрѣ Corssen und die Sprache der Etrusker. Stuttgart, 1857) — заявили съ такою силою свое несочувствіе къ скороспѣлымъ выводамъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, что въ настоящее время и въ нѣмецкой литературѣ хвалебные голоса объ этой книгѣ Корсена замолкли, и «кровное родство» этрусскаго языка съ италійскими остается по прежнему не доказаннымъ.

и юговостоку отъ Лациума. Отъ него осталось намъ не мало надписей. Изъ нихъ видно, что въ осскомъ языкѣ было большое развитие флексии, превосходящее развитіе ея въ латинскомъ. Въ осскомъ сохранились вполнѣ нѣкоторые явленія, уцѣлѣвшія въ латинскомъ только въ едва замѣтныхъ остаткахъ, какъ, на примѣръ, окончаніе творительнаго на *d*, родительнаго 1-го склоненія на *as*⁴ и т. д.

Пусть теперъ читатель оцѣнитъ возраженіе г. Верта по достоинству. Что же касается до сдѣланной у меня въ скобкахъ замѣтки относительно *d* въ словѣ *Benventod*: „вліяніе осскаго языка“, то она вполнѣ законна на томъ основаніи, что въ виду крайне ограниченнаго количества уцѣлѣвшихъ формъ на *d* въ латинскомъ языкѣ, рано¹⁾ утратившемъ такое окончаніе, существованіе этой формы въ надписи, исходящей изъ мѣстности, гдѣ господствовалъ осскій языкъ, сохранившій окончаніе творительнаго падежа на *d* во всей силѣ, какъ нельзя болѣе естественно наводитъ на мысль о дѣйстви мѣстнаго вліянія, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше представлялъ литературной обработки тогдашній латинскій языкъ. Не высказать, хотя бы въ скобкахъ, мимоходомъ, своего предположенія слушателямъ, а затѣмъ и читателямъ, я считалъ себя тѣмъ болѣе не въ правѣ, что въ пользу его говорятъ соображенія, серьезность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію³⁾.

1) Формы творит. пад. на *d* уже во 2-й половинѣ 6-го столѣтія Рима крайне рѣдки и около 565 годъ совсѣмъ выходятъ изъ употребленія. Появленіе же ихъ въ 568 г. въ *SC. de Bacchanalibus* свидѣтельствуетъ только о рутинѣ канцелярскаго языка въ Римѣ, продолжавшаго еще нѣкоторое время употреблять формы, вышедшія въ живомъ языкѣ изъ употребленія. См. *Th. Bergk*, *Auslantendes D im alten Latein*, p. 33.

2) Это вліяніе всего болѣе доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что самос употребленіе творительнаго падежа на монетѣ, чуждое латинскому языку, который употреблялъ для этого родит. множ., когда обозначались народы (на примѣръ, *Romanos*) или именит. единств., когда обозначалось имя города (на примѣръ *Roma*), могло произойти только подъ вліяніемъ осскаго языка, въ которомъ, обыкновенно въ послѣднемъ случаѣ употреблялся твор. падежъ. Это было отчасти замѣчено еще *Момзеномъ* въ *C. I. L.* I, p. 9: «*Diverso more in Beneventonis scribitur nomen oppidi casu sexto Benventod, cujus consuetudinis Gracca exempla nulla suppetunt, adsunt Osca complura, ut Ladinod, Akudundiad, Tianud, Sidiakinud*».

3) См. вышеприведенное примѣчаніе. Къ нему можно присовокупить слѣдующее замѣчаніе *Вертика* въ означенномъ выше мѣстѣ: «*Die wenige Inschriften auf welchen sonst noch Reste des D sich erhalten haben, fallen sicherlich in eine frühere Zeit (чѣмъ SC. de Bacch.), und können, da sie zum Theil gar nicht Rom*

Я кончилъ. Въ предлагаемомъ читателю опроверженіи статьи г. Верта я обратилъ вниманіе не только на тѣ будто бы мои *промахи*, которые онъ перечисляетъ на стр. 38-й своей статьи, приглашая меня „обратить вниманіе на слѣдующихъ замѣченныхъ диковинахъ“, и на которые онъ напираетъ въ своемъ письмѣ въ редакцію *Голоса* (№ 170), но и на многое другое, на разсмотрѣніе чего г. Вертъ, вѣроятно, не разчитывалъ. Какой же выводъ изъ всѣхъ нашихъ разсужденій, которыми мы, безъ сомнѣнія, утомили читателя? Выводъ тотъ: а) что г. Вертъ никакихъ промаховъ не открылъ, хотя они есть и не могутъ отсутствовать въ книгѣ болѣе чѣмъ въ 30 печатныхъ листовъ; б) что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мой критикъ видѣлъ мои промахи, онъ обнаруживаетъ незнаніе латинскаго языка и крайне плохое знаніе русскаго, не дающее ему по меньшей мѣрѣ права вступать въ полемику съ русскими учеными; в) что онъ не подорвалъ основательности моего неудовольствія на характеръ нѣкоторыхъ статей, помѣщаемыхъ въ отдѣлѣ классической филологіи *Журн. Мин. Народн. Просв.*, наконецъ, д) что означенная статья г. Верта исполнена крайнихъ промаховъ и ошибокъ на всемъ своемъ протяженіи.

Большой Фонтанъ (около Одессы).

12-го іюля 1876 г.

В. Модестовъ.

P. S. Въ іюльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (отдѣлъ класс. филол., стр. 12—35) появилась новая статья г. Верта. Цѣль ея—ослабить тѣ данныя, которыми я, отвѣчая г. Верту (отдѣлъ класс. фил. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, май, 1876 г. стр. 90—97), старался подтвердить свой выводъ о славянскомъ происхожденіи имени Ярина, встрѣчающагося до 10 разъ въ Помпейскихъ надписяхъ, и отвѣтить на тѣ возраженія, какія сдѣланы были мною означенному лицу въ вышеуказанной статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Разсматривать подробно новую статью моего противника нѣтъ никакой надобности. Достаточно будетъ указать на двѣтри ея выдающіяся черты, которыми какъ нельзя лучше характеризуется ея несостоятельность.

На стр. 19, желая уклониться отъ серьезнаго объясненія пере-

selbst angehören, auch nicht einmal recht für den Sermo urbanus Zeugnis gen.

хода *ea* или *ea* въ *ja* латинскаго произношенія въ корнѣ слова, объясненія, которое необходимо для моего противника, если онъ захочетъ, какъ мною было заявлено, чтобъ его *Eiápioс* или *'Eápioс* могло быть вѣроятнымъ виновникомъ Помпейскаго *Jarinius*, онъ объявляетъ теперь слово *Jarinius* *четырёхсложнымъ*, тогда какъ въ мартовской статьѣ не находилъ никакого затрудненія считать его *трехсложнымъ*, подтверждая это и самимъ правописаніемъ слова *Jarinius* (употреблено 17 разъ и шесть разъ употреблена та же *iota* для женскихъ именъ), то-есть, употребляя начальную букву, какъ *согласную*, которая теперь, послѣ моихъ возраженій, превратилась у него въ *гласную*.

Отвѣчая на мое замѣчаніе объ открытіи имъ *долготы по аналогии*, г. Вертъ на стр. 28—30 выписываетъ изъ руководствъ и справочныхъ книгъ десятки примѣровъ *удлиненія* слоговъ въ стихахъ по требованіямъ метрическимъ, считая это, такъ сказать, *поэтическое* удлиненіе равносильнымъ тому, что называется *долготой* въ ученіи о *количествѣ въ слогахъ* (*quantitas syllabarum*). Но еще болѣе поразителенъ тотъ фактъ, что онъ считаетъ, за *особый видъ долготы* долготу слоговъ сокращенныхъ, когда, напримѣръ, вмѣсто выпавшаго согласнаго звука, гласная, прежде короткая, дѣлается долгою (напримѣръ, *seni* изъ *sexni*, *jumentum* изъ *jugmentum*, *romerium* изъ *postromerium*). Явленіе это называется у нѣмецкихъ грамматиковъ *Ersatzdehnung*; но долгота, происшедшая такимъ образомъ, есть такая же долгота по природѣ, какъ и долгота въ слогахъ сокращенныхъ, въ собственномъ смыслѣ слова, то-есть, образовавшихся вслѣдствіе контракціи или соединенія въ одинъ слогъ двухъ или болѣе слоговъ (напримѣръ, *сого* изъ *со-igo*, *мало* изъ *малоуо*, то-есть, *mage volo*). Но видѣть въ этихъ случаяхъ *особый видъ долготы* значитъ не имѣть ровно никакого понятія о такихъ явленіяхъ языка, какъ долгота и краткость слоговъ; ибо долгота по природѣ и есть *не что иное* какъ удлиненіе слога вслѣдствіе его сокращенія вообще и въ особенности вслѣдствіе слиянія или соединенія двухъ слоговъ или двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ. Отсюда стародавнее правило: *syllabae contractae et diphthongi producuntur*. Слѣдовательно, г. Вертъ, предпринявъ невозможную по своей сущности задачу — указать особые виды долготы внѣ долготы по природѣ и по положенію, считаетъ за особый видъ долготы то, изъ чего только составляется долгота по природѣ, то-есть, *выработанное наукою объясненіе одною изъ способовъ образованія долготы по природѣ онъ принялъ за особый видъ самой долготы*.

Тамъ же, именно на стр. 29, г. Вертъ указываетъ еще новый видъ долготы, которую называетъ „протяженіемъ въ производствѣ грамматическихъ формъ“. Значить *ēgi, lēgi, jūvi* и т. п. имѣютъ на себѣ въ предпоследнемъ слогѣ долготу, отличную отъ долготы по природѣ!!

Мало того, вслѣдъ за этимъ, на стр. 30, г. Вертъ обозначаетъ еще какъ особый видъ долготы „долготу, происшедшую вслѣдствіе сліянія двухъ короткихъ гласныхъ“. Но это ужь слишкомъ! Есть же мѣра всему на свѣтѣ...

Къ довершенію всего, мой антагонистъ провозглашаетъ: „Вотъ какіе роды долготы знаетъ наука, конечно, наука настоящая, дѣйствительно изучившая вѣтъ явленія языка“!!!

Да чего можно ожидать отъ человѣка, который, вступивши въ разсужденіе о предметахъ высшей филологіи, украшаетъ свою последнюю статью такого рода латинскимъ оборотомъ, какъ *i longa* (стр. 13 дважды, 14, 25), не зная правила, стоящаго на одной изъ первыхъ страницъ всякой латинской грамматики, что вѣтъ *несклоняемая* (*indeclinabilia*)—средняго рода, что говорится *i longum, e triste* и т. п., и что *i longa* можно сказать только въ томъ случаѣ, если прибавляется къ *i* слово *littera*,—тогда прилагательное согласуется съ этимъ словомъ. Дѣлалъ ли кто-либо въ печати подобныя ошибки.

И въ этой статьѣ г. Вертъ не колеблется повторить взведенную имъ въ майской книжкѣ на меня ни съ чѣмъ несообразную клевету, будто я вижу въ *idet* вин. пад. муж. рода! Да гдѣ же я говорилъ что-либо подобное? гдѣ я сдѣлалъ хотя бы малѣйшій намекъ на что-либо подобное?

Кіевъ, 25-го іюля.

В. Модестовъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается:

КРАТКІЙ КУРСЪ ГЕОМЕТРІИ

и

СОБРАНІЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ.

Состав. **З. ВУЛИХЪ**. Цѣна 90 коп.

Одобрень Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. (выписка изъ журнала 1876 года за № 524) какъ руководство для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и женскихъ гимназій. Рекомендованъ Учебнымъ комитетомъ при IV отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи какъ руководство для институтовъ и женскихъ гимназій.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями: Въ трехъ частяхъ (въ одной книгѣ). Составилъ А. Радонежскій. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 р.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича книга посвящена Августѣйшему Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія —

„Для класснаго чтенія въ приготовительномъ и трехъ первыхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и народныхъ училищахъ.“

Учебныя заведенія, выписывающія сто и болѣе экземпляровъ отъ самаго издателя, за пересылку не платятъ.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспекта, д. № 28, кв. № 12.

Подробное содержаніе „Родины“ см. въ предыдущей книгѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

Сего 1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ IX-я,
СЕНТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Бесѣды императрицы Екаторины II съ Далекомъ, 1772—1777 гг.—II. Императрица Екаторина II и князь Потемкинъ: подлинная переписка, 1788—1789 гг.—III. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, историко-биографическій очеркъ. Гл. III.—IV. Главные пособники Емельяна Пугачева, очерки и рассказы по подлинному о нихъ дѣлу, 1773—1774 гг.—V. Григорій Андреевичъ Глинна, наставникъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича.—VI. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, акад. строитель храма Спасителя. Его автобіографія, событія 1824—1834 гг.—VII. Записки Ивана Степановича Жирнова, 1795—1848 гг. Гл. XV—XVI.—Война Россіи съ Турціей, въ 1853—1854 гг.: планы и предначертанія о войнѣ; донесенія и записки кн. Паскевича и кн. Горчакова.—VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) О портретѣ Пугачева.—2) Расправа съ Пугачевцами, народный рассказ.—3) Зубовы.—4) Годлевскіе.—5) Повелѣніе императора Николая Павловича противъ излишнихъ поборовъ въ Невской Лаврѣ, 1826 г.—6) Свадьба Н. М. Карамзина, 1801 г., съ примѣч. А. Д. Галахова.—7) Прошенія мичмана Кропотова различнымъ министрамъ, 1808 г.—IX. Библиографическій листокъ новыхъ русско-историческихъ книгъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ прилагается портретъ Алексѣя Петровича ЕРМОЛОВА, гравированный на мѣди И. П. Пожалоустинымъ и отпечатанный въ Парижѣ.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1876 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ „Русской Старины“ 1876 г. съ гравированными портретами русскихъ дѣятелей, со снимками и рисунками—ВОСЕМЬ р.

Гг. нигородимые подписчики имѣютъ высылать свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія главной конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Открыта подписка на «Русскую Старину» 1877 г. Цѣна 8 руб.

«Русская Старина» 1870 г. (два изд.), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. разошлась сполна; но отпечатано и еще можно получить третье изд. первого года «Русской Старины» 1870 года—десятидцать книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ хорошемъ переплетѣ 11 руб. съ пересылкой (Осталось немного экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**De civitatis donatione deque civitatis diplomatis
atticis Е. ГЕБХАРДА.**

**Новости филологической учености и поле-
мики В. МОДЕСТОВА.**

РЕДАКТОРЪ Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

(Вышла 1-го сентября)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ прибрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТЯВРЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Марининскимъ мостами. д. № 90-1.

1876

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія къ отчету г. министра народнаго просвѣщенія
за 1874 годъ. (Продолженіе).

Правительственныя распоряженія.

Бритическій очеркъ литературы „Слова о
полку Игоревѣ“. (Окончаніе) Е. Барсова.

Христіанство въ Россіи до Владимира Свя-
таго. (Окончаніе). Е. Голубинскаго.

Институтъ международнаго права, съ 1873
по 1876 годъ.. . . . В. П. Безобразова.

Бритическія и библиографическія замѣтки:
Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Рос-
сией съ иностранными державами. По порученію
министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ
Ф. Мартенсъ, профессоръ Императорскаго С.-Пе-
тербургскаго университета. Т. I—III Н. И.

Emile Legrand. Chansons populaires grecques, publiées
avec une traduction française et des commentai-
res historiques et littéraires. Spécimen d'un re-
cueil en préparation. (*Эмиль Легранъ*. Греческія
народныя пѣсни, изданныя съ французскимъ пе-
реводомъ и комментариемъ историческимъ и литера-
турнымъ. Образчикъ приготавлиаемаго сборника). . . . А. Н. Веселовскаго.

Новости иностранной литературы Н. И.

Иоганнъ -Фридрихъ Гербартъ, какъ педа-
гогъ. (Окончаніе) И. Николаевскаго.

Университетскій вопросъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты; б) статистическія свѣдѣнія о
среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кав-
казскаго учебнаго округа за 1876 годъ;
в) низшія училища.

Педагогическая корреспонденція. Изъ Средней
Германіи Г. Ш.

О раскопкахъ въ древней Олимпіи.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛXXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1876.

ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВСЕПОДДАННѢЙШЕМУ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1874 ГОДЪ ¹⁾.

І. Университеты.

Составъ университетовъ.

Въ составъ всѣхъ 8-ми университетовъ входятъ слѣдующіе три факультета: историко-филологическій, физико-математическій и юридическій; но при этомъ составѣ остается одинъ только Новороссійскій университетъ. Къ числу трехъ основныхъ факультетовъ присоединяется: въ С.-Петербургскомъ университетѣ еще четвертый факультетъ восточныхъ языковъ, а въ университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ, Казанскомъ, Св. Владиміра, Варшавскомъ — четвертый медицинскій факультетъ. Дерптскій университетъ, сверхъ трехъ основныхъ факультетовъ, имѣетъ еще два факультета: медицинскій и богословскій (послѣдній для студентовъ лютеранскаго исповѣданія).

Факультеты: богословскій и медицинскій не были раздѣлены на отдѣленія. Историко-филологическій факультетъ состоялъ въ Дерптскомъ университетѣ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и камеральнаго, а въ университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ, Новороссійскомъ и Варшавскомъ изъ трехъ отдѣленій: классической филологіи, славяно-русской филологіи и историческихъ наукъ; въ университетахъ же С.-Петербургскомъ и Казанскомъ не было отдѣленій по этому факультету.

Физико-математическій факультетъ раздѣлялся на три отдѣленія въ одномъ только Харьковскомъ университетѣ: математическихъ наукъ, естественныхъ наукъ и физико-химическихъ наукъ; во всѣхъ

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

же прочихъ семи университетѣхъ — на два отдѣленія математическихъ и естественныхъ наукъ. Существовавшее при Новороссійскомъ университетѣ отдѣленіе технико-агрономическихъ наукъ было упразднено за недостаткомъ слушателей въ 1874 году.

Юридическій факультетъ раздѣленъ на два отдѣленія: юридическихъ и административныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и юридическихъ и государственныхъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ; въ остальныхъ шести университетахъ не было отдѣленій юридическаго факультета.

Факультетъ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ изъ пяти отдѣленій или разрядовъ: арабско-персидско-турецко-татарскаго, монголо-китайско-маньчжурскаго, еврейско-арабскаго, армяно-грузинскаго и санскрито-персидскаго.

Вакантныя каѳедры.

1. По С.-Петербургскому университету.

Каѳедры: 1) Исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ }
2) Исторіи славянскихъ законодательствъ } Со времени изданія устава въ 1863 г.

Кромѣ того каѳедры:

Минералогіи)
Римскаго права)
Финансоваго права) Заняты были доцентами.

и каѳедра персидской словесности поручена была преподавателю по найму.

Не занято мѣсто лектора нѣмецкаго языка.

2. По Московскому университету.

Каѳедры: 1) Исторіи славянскихъ законодательствъ }
2) Римскаго права } Со времени изданія устава въ 1863 г.
3) Гражданскаго судоустройства и судопроизводства.
4) Уголовнаго судоустройства и судопроизводства.

3) По Харьковскому университету.

Каѳедры: 1) Агрономіи.
2) Энциклопедіи права.
3) Римскаго права.
4) Гражданскаго права.
5) Международнаго права.

6) Теоріи и исторіи искусствъ	} Со времени казеннаго устава
1863 г.
7) Исторіи русскаго права	
8) Исторіи славянскихъ законодательствъ	
9) Государственнаго права	
10) Церковнаго законовѣдѣнія	
11) Госпитальной терапевтической клиники	
12) Госпитальной хирургической клиники	

Не замѣщено мѣсто лектора нѣмецкаго языка.

4. По Казанскому университету.

- Каедръ: 1) Греческой словесности } *
 2) Римской словесности }
 3) Исторіи всеобщей литературы }
 4) Теоріи и исторіи искусствъ } Со времени казеннаго устава
 5) Физической географіи } 1863 г.
 6) Исторіи славянскихъ законодательствъ }
 7) Одной по математикѣ.
 8) Агрономической химіи.
 9) Уголовнаго права.
 10) Каноническаго права.
 11) Гигіены.

5. По Киевскому университету.

- Каедръ: 1) Сравнительной грамматики индо-европейскихъ
 языковъ }
 2) Церковной исторіи } Со времени казеннаго устава
 3) Теоріи и исторіи искусствъ } 1863 г.
 4) Физической географіи }
 5) Исторіи славянскихъ законодательствъ }
 6) Церковнаго законовѣдѣнія }
 7) Геогнозис и палеонтологіи.
 8) Энциклопедіи права.

По каедрамъ греческой словесности, всеобщей исторіи, политической экономіи и хирургической госпитальной клиники преподаваніе поручено доцентамъ.

6) По Новороссійскому университету.

- Каедръ: 1) Исторіи всеобщей литературы }
 2) Физической географіи } Съ 1-го мая
 3) Международнаго права } 1865 г. т.-о.
 со времени
открытія уни-
верситета.

*) Предметы эти поручены преподавателямъ.

- 4) Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.
- 5) Технической химіи.
- 6) Энциклопедіи законовѣдѣнія.

7. По *Дерттскому университету*.

1) Каедрѣ русскаго языка въ особенности, и славянскаго языковѣдѣнія вообще.

Не занята еще должность лектора латышскаго языка.

8) По *Варшавскому университету*.

Каедрѣ: 1) Сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ.

- 2) Физической географіи.
- 3) Агрономической химіи.
- 4) Технической химіи.
- 5) Гражданскаго судоустройства и судопроизводства.
- 6) Офтальмологіи съ клинкою.

Не замѣщена должность лектора итальянскаго языка.

Всего незанятыхъ каедръ по всѣмъ университетамъ было 50, въ числѣ ихъ 24 каедрѣ, созданныя по уставу 1863 года. Большею частью преподаваніе по незанятымъ каедрѣмъ поручалось другимъ профессорамъ или стороннимъ преподавателямъ. Кромѣ того, преподавательскія мѣста по восьми каедрѣмъ занимались вмѣсто профессоровъ доцентами, то-есть, лицами, хотя и имѣющими высшую ученую степень магистра, но не приобрѣвшими еще высшей ученой степени дѣктора.

Ученые труды.

Въ теченіе 1874 года были изданы и напечатаны слѣдующіе труды профессоровъ и преподавателей:

1. *С.-Петербургскаго университета*.

- 1) Профессора *Срезневскаго*.
 - а) Переписка А. Х. Востокова съ примѣчаніями и указаніями.
 - б) Сказанія объ антихристѣ по древнимъ памятникамъ.
 - в) Третій выпускъ 2-го тома свѣдѣній и замѣтокъ о памятникахъ, неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ.

2) Профессора *Сухомлинова*: Исторія россійской академіи (первый выпускъ).

3) Профессора *Бестужева-Рюмина*: а) Исторія Россіи 2-й томъ; б) В. И. Татищевъ (въ изданіи „Древняя и Новая Россія“).

4) Профессора *Миллера*: лекціи о русской литературѣ послѣ Голя.

5) Профессора *Ламанскаго*:

а) Рецензія на сочиненіе г. Котляревскаго о древностяхъ балтійскихъ славянъ.

б) Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ (начало большого труда).

в) Монографія о замѣчательномъ польскомъ писателѣ Андреѣ Фричѣ-Модржевскомъ.

6) Профессора *Владиславлева*:

а) Успѣхи психологіи за послѣднее время } Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

б) Джонъ Стюартъ Милль }

7) Профессора *Помяловскаго*: „Исслѣдованіе о храмѣ Тифатинской Діаны“ (въ трудахъ 2-го археологическаго съѣзда).

8) Доцента *Васильевскаго*:

а) „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

б) „Очеркъ исторіи города Вильны“. 2-я часть (въ Памятникахъ русской старины въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ).

9) Доцента *Замысловскаго*: „Сказанія Массы и Германа о смутномъ времени въ Россіи“ (по порученію археологической комиссіи).

10) Доцента *Прахова*:

а) „Sur la composition du fronton oriental du temple d'Aegine“

б) Statue archaïque d'Apollon Strangfores

в) „Style sépulcrale de Pholisfille de Cumède“

Es Annali dell' Istituto di corrisp. archeologica, 1874.

11) Преподавателя *Бляева*: „Омировскіе вопросы“, сочиненіе, представленное на степень магистра греческой словесности.

12) Профессора *Бекетова*: Курсъ ботаники (2-й выпускъ).

13) Профессора *Савича*:

а) Положеніе планетъ Нептуна и Урана во время ихъ противостояній въ 1873 и въ 1874 годахъ, по наблюденіямъ на малой академической обсерваторіи.

б) Разборъ наблюденій, произведенныхъ въ Кавказской области для опредѣленія земнаго преломленія (въ Запискахъ академіи наукъ).

14) Профессора *Сомова*:

а) Первый выпускъ 4-й части Рациональной механики.

б) „Théorème barucentricque, au moyen du quel on peut exprimer la durée du mouvement quelconque d'un point par le rapport de deux droites“ (въ Бюллетенѣ академіи наукъ).

15) Профессора *Кесслера*: а) „Рыбы Чернаго и Каспійскаго мо-

рей“; б) „Рыбы Туркестана“; в) „О русских скорпионахъ и русских сороконожкахъ“; г) „Vorläufige Mittheilung über die russischen Flusskrebse“.

16) Профессора *Чебышева*: „Объ интерполированіи величинъ равно относящихся (въ Запискахъ академіи наукъ).“

17) Профессора *Бутлерова*: а) О свойствахъ триэтерисуеусной кислоты и ея производныхъ; б) О химическомъ строеніи пинаколина и в) О петамэтилэтолѣ и производныхъ.

18) Профессора *Менделѣева*:

а) Объ упругости разрѣженного воздуха (въ бюллетенѣ академіи наукъ)

б) Объ измѣреніи температуръ

в) О дифференціальномъ барометрѣ

г) О новомъ видѣ ртутнаго барометра

д) Объ одномъ ртутномъ насосѣ

е) О новой общей формулѣ для газовъ

ж) Объ опытахъ Зильштрема надъ газами

з) О вновь открытой желѣзной рудѣ

и) Объ упругости газовъ т. I съ 12-ю таблицами

Въ журналѣ Русскаго физическаго и химическаго общества и въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft.

19) Профессора *Совьтова*: Монографія новой кормовой травы „galega officinalis“ (въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества).

(20 Профессора *Петрушевскаго*: „Курсъ наблюдательной физики“, 2-й томъ.

21) Профессора *Ваннера*: „О вліяніи ассоціаціи у насѣкомымъ на постройку гнѣздъ“ (въ трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей).

22) Профессора *Мениуткина*: а) О соляхъ шаробоновой кислоты; б) Объ окригуррово-валіѣ и о преуголеніи калия въ кислотахъ мочевой группы.

2) *Московскаго университета*:

1) Профессора *Соловьева*: а) двадцать четвертый томъ исторіи Россіи;

б) „Общедоступныя чтенія о Русской исторіи“; и в) „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“ (въ Вѣстникѣ Европы).

2) Профессора *Баршева*: „О существѣ власти и обязанности при- сяжныхъ“ (въ Юридическомъ Вѣстникѣ).

3) Профессора *Лешикова*: „Наша средняя исторія общественнаго права, съ Петра Великаго“ (въ Юридическомъ Вѣстникѣ).

4) Профессора *Сергіевскаго*: „О сравнительномъ изъясненіи библейской исторіи творенія и естественной исторіи землеобразованія“ (въ Православномъ Обзорѣніи).

5) Профессора *Бредихина*: а) „Etoiles filantes du mois d'aout 1874; б) „Observations sur Jupiter“; в) „Mesures micrométriques de la déclinaison de Junon“; г) „Observations spectroscopiques du soleil en 1872 г.“ (въ Annales de l'observatoire de Moscou).

6) Профессора *Соколовскаго*: „Руководство частной фармакологін на экспериментально-практическихъ основаніяхъ“.

7) Профессора *Смудскаго*: „Нѣсколько словъ о Kirchhoff's Vorlesungen über Mathematische Physik“ (въ Математическомъ Сборникѣ).

8) Профессора *Булаева*: а) „Problèmes sur quelques fonctions numériques (въ Nouvelles annales des mathématiques); б) „Руководство къ ариѳметикѣ“.

9) Профессора *Цитера*: а) „Точныя науки и позитивизмъ“; б) „Геометрическое значеніе неравенствъ“ (въ Математическомъ Сборникѣ).

10) Профессора *Попова*: „Судьбы уни въ русской Холмской епархіи“.

11) Профессора *Столтцова*: „Ueber die Magnetisirungsfuction verschiedener Eisenkörper“ (въ Bulletin de Société Impériale des Naturalistes de Moscou).

12) Профессора *Клейна*: „Гистологія оспенной сыпи“ (въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ).

13) Профессора *Буминскаго*: „О химизмѣ пищеваренія“ (тамъ же).

14) Профессора *Шереметевскаго*: „Критическій разборъ курса физиологін профессора И. Ціона“ (тамъ же).

15) Профессора *Чистякова*: а) „Notice préliminaire sur le développement des sporanges et de spores de l'Isœtes Duriaei Bory“ (Nuovo giornale botanico italiano 1873 г.); б) „Note sur la division des cellules chez les algues“. (Nuovo giornale botanico italiano 1873 г.); в) „Matériaux pour servir à l'histoire de la cellule végétale“. Premiér mémoire. „Développement des sporanges et des spores chez les fougères“ (Polypodiacies) (Nuovo giornale botanico italiano 1874 г.); г) „Matériaux pour servir etc., deuxième mémoire, Développement des sporanges et des spores chez les fougères (Marattiacés) (Annales des sciences naturelles. Ser. V. T. XIX); ж) „Matériaux“ etc. Troisième mémoire. Recherches comparées sur le développement des spores de l'Equisétum limosum L. et du Lycopodium alpinum L. (Nuovo giornale botanico

italiano 1874 г. Vol. 5, № 3); в) „Общія начала организаціи растеній“ (въ сборникѣ „Природа“ за 1874 г.).

16) Профессора *Зернова*: „Ueber die Entwicklung der Samenröhrchen (въ Centralblatt für die medicinischen Wissenschaften).

17) Профессора *Кожевникова*: „Афазія и центральный органъ рѣчи“ (въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ).

18) Профессора *Черникова*: „О трихинной болѣзни“ (въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ).

19) Доцента *Стороженко*: а) „The Date of Grennés Menarphon въ англійскомъ библиографическомъ изданіи „Notes and Queries“; б) „Отзывъ о сочиненіи Бернгарда „Robert Greenés Leben und Schriften“.

20) Доцента *Иерусалимскаго*: а) Библиографическій очеркъ фармакологии профессора Соколовскаго (въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ), б) о физиологическомъ и терапевтическомъ дѣйствиі амильни-три (тамъ же).

21) Доцента *Фохта*: а) По поводу происхожденія дифтерическаго и крупознаго воспаленія, б) Къ вопросу о значеніи растительныхъ паразитовъ въ этиологии болѣзней, в) Обзоръ новѣйшихъ теорій въ ученіи о легочной чахоткѣ и нѣсколько библиографическихъ статей.

22) Доцента *Архипова*: Изслѣдованіе надъ ультрамаринномъ.

23) Доцента *Медведева*: Канализація и очищеніе городовъ (въ Московской медицинской газетѣ).

24) Астронома-наблюдателя *Громадзкаго*: а) Наблюденія надъ кометою „Содда“ (въ Astronomische Nachrichten), б) Наблюденія, сдѣланныя меридіаннымъ кругомъ надъ кометою „Содда“ и звѣздами сравненія, в) изслѣдованія погрѣшностей дѣленій меридіаннаго круга.

25) Лектора *Фелькеля*: 22-я книга Римской исторіи Т, Ливія и рѣчь Цицерона за царя Деіотара.

26) Лектора *Гемиліана*: а) Учебникъ французскаго языка, 2-е изданіе, б) Французская азбука, приспособленная къ цвѣтовому способу Гемиліана.

27) Помощника прозектора *Бьлина*: а) О психическомъ состояніи самоубійць въ судебно-медицинскомъ отношеніи, б) объ измѣненіи шариковъ крови подъ вліяніемъ холода.

28) Преподавателя графа *Комаровскаго*: Начало невмѣшательства.

29) Преподавателя *Чупрова*: О современныхъ направленіяхъ въ политической экономіи.

30) Сверхштатнаго ординатора *Добронравова*: а) Изъ поликлиники женскихъ болѣзней Московскаго университета (въ Московскомъ Врачебномъ Вѣстникѣ) и б) О мѣстномъ леченіи послѣ родовыхъ болѣзней (въ Военно-медицинскомъ журналѣ).

3. *Харьковскаго университета.*

1) Профессора *Аристова*: а) Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ (въ филологическихъ запискахъ), б) Матеріалы для археологическаго словаря древности, в) Замѣчанія о поученіяхъ епископа Серапіона (XIII в.) (въ Трудахъ Кіевскаго Археологическаго съѣзда), г) Объ историческомъ значеніи народныхъ русскихъ преданій о лицахъ и событіяхъ (тамъ же).

2) Доцента *Киртичкикова*: Бодмеръ и Готшедъ и ихъ отношенія къ родной сторонѣ (въ Русскомъ Вѣстникѣ).

3) Доцента *Зеленогорскаго*: Философія Гартмана (въ Запискахъ Казанскаго университета).

4) Профессора *Бекетова*: а) Изслѣдованіе и дѣйствіе чистаго водорода на растворъ азотно-кислаго серебра (въ журналѣ Русскаго химическаго общества), б) О происхожденіи элементовъ воды на синеродъ (тамъ же), в) О взаимномъ вытѣсненіи элементовъ (тамъ же).

5) Профессора *Морозова*: а) Географическій очеркъ Сѣвернаго Донца (въ Трудахъ Общества естествоиспытателей), б) О сельскохозяйственно-метеорологическихъ станціяхъ (тамъ же).

6) Профессора *Бріо*: Химическое изслѣдованіе каменнаго угля изъ мѣсторожденія близъ с. Новоэкономическаго (въ Трудахъ Общества испытателей природы).

7) Профессора *Лагермарка*: Ueber die drei isomere Verbindungen C_2H_4Br (въ Запискахъ химическаго общества въ Берлинѣ).

8) Профессора *Кремянскаго*: а) О дѣйствіи различныхъ кавказскихъ минеральныхъ ваннъ на вѣсъ и температуру тѣла, пульсъ и дыханіе (въ Военно-медицинскомъ журналѣ), б) О новомъ пневматическомъ аппаратѣ и результатахъ дѣйствія его на больныхъ (въ Медицинскомъ Вѣстникѣ).

9) Профессора *Лашкевича*: Связь перемежающейся лихорадки съ заболѣваніемъ сердца (въ Протоколахъ Общества Харьковскихъ врачей).

10) Профессора *Крылова*: Seclerosis partialis multilocularis cerebri et medulae spinalis (въ журналѣ для корм. и патол. гист.).

11) Профессора *Якобія*: а) О киргизскихъ степяхъ Западной Сибири (въ Сборникѣ статей по судебной-медицинской гигиенѣ), б) О

пріемахъ при искусственномъ дыханіи (тамъ же), в) О методическихъ наблюденіяхъ въ гигиенѣ (въ газетѣ „Здоровье“).

12) Доцента *Залтскаго*: О значеніи морфія въ судебно-медицинской практикѣ (въ журналѣ Сов. медиц.).

13) Доцента *Гиришмана*: Статистика слѣпыхъ и причины потери зрѣнія (въ Трудахъ Харьковскаго статистическаго комитета).

14) Профессора *Попова*: а) Перечень аномалій, наблюдавшихся въ анатомическомъ театрѣ Харьковскаго университета (въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества), б) *Musculus Brachioradialis* и его видоизмѣненіе (тамъ же).

15) Профессора *Гана*: а) Объ атрезіи прямой кишки (въ журналѣ Норм. и Патологист.), б) Случай пузырчатого глиста-хринакова въ сердцѣ человѣка (въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества).

16) Профессора *Стоянова*: а) Некрологъ Д. И. Каченовскаго, б) Воспоминаніе о Каченовскомъ.

17) Профессора *Щелкова*: Физиологія (выпускъ 3-й).

18) Профессора *Потебни*: Изъ записокъ по русской грамматикѣ.

19) Доцента *Алексѣенко*: Теорія финансовъ.

20) Приватъ-доцента *Заурскаго*: Принципы римскаго гражданскаго и уголовнаго процесса.

Въ числѣ трудовъ не упомянуты здѣсь не напечатанные еще, но литографированные: „Курсъ теоретической и опытной физики профессора *Шумкова* и общая хирургическая патологія, выпускъ 1-й профессора *Зарубина*.“

4. По Казанскому университету.

1) Профессора *Заленскаго*: а) Ueber den Bau u. Entwicklungsgeschichte der Amphilina (Zeitschr. f. Wiss. Zoologie), б) Untersuchungen an Scebryozoen (тамъ же) и в) Bemerkungen über Haeckel's Gastratheorie (arch. f. Naturg.).

2) Профессора *Зайцева* и студента *Ваннера*: Синтезъ дэзтиварбинола, новаго изомера амилнаго алкоголя.

3) Профессора *Зайцева* и студента *Каноникова*: Новый синтезъ вторичнаго бутильнаго алкоголя.

4) Профессора *Сорокина*: а) Einige neue Wasserpilze (Bot. Zeitschr.), б) Note sur le développ. d'Homidium varium (Nouvo giornale botanico Italiano), в) Обзоръ группы siphomycetes (Труды Общества естествоиспытателей).

5) Доцента *Штукенберга*: а) Предварительное сообщеніе о геоло-

гическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1873 г. въ Псковской и Вятской губерніяхъ (въ Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей), б) О кристаллическихъ породахъ, распространенныхъ около города Александровска, Екатеринославской губерніи (тамъ же).

6) Приватъ-доцента *Смирнова*: Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россіи (въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета).

7) Приватъ-доцента *Флавицкаго*: а) Изслѣдованіе изомеріи амиленовъ изъ амилнаго алкоголя броженія (тамъ же), б) Способъ приготовленія псевдопропильнаго алкоголя дѣйствіемъ воды и окиси свинца на іодистый псевдопропиль (въ журналѣ Русскаго Химическаго Общества).

8) Приватъ-доцента *Васильева*: Объ отдѣленіи корней совокупныхъ уравненій (въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета).

9) Приватъ-доцента *Сорокина*: Содержаніе азотно-кислыхъ соединеній въ гречихѣ (въ Протоколахъ Казанскаго общества естествоиспытателей).

10) Профессора *Немидова*: Юридическія и политическія основанія государственной службы (во Временникѣ Демидовскаго юридическаго лица).

11) Доцента *Иванова*: Характеристика международныхъ отношеній и международного права въ историческомъ развитіи (въ Извѣстіяхъ и ученыхъ трудахъ Казанскаго университета).

12) Ординарнаго профессора *Ковалевскаго*, совмѣстно съ профессоромъ *Арнштейномъ*: а) Bericht über die physiologischen und histologischen Mittheilungen, die auf der IV. Versammlung russischer Naturforscher zu Kasan gemacht wurden (въ архивѣ Пфлюгера), б) Второй выпускъ работъ изъ физиологической лабораторіи Казанскаго университета.

13) Профессора *Догеля*: Ein Mittel die Gestalten der Schneeflocken künstlich zu erzeugen (въ Запискахъ С.-Петербургской Академіи наукъ).

14) Профессора *Адамова*: О глянкомѣ (въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета).

15) Профессора *Фрезе*: 2-е дополненное изданіе: Очеркъ судебной психологіи.

16) Профессора *Щербачова*: а) Періодическія изслѣдованія состава воды и почвеннаго воздуха; періодическія наблюденія температуры почвы и колебанія воды въ колодцахъ (въ Дневникѣ обще-

ства врачей г. Казани), б) Анализъ водъ окрестностей г. Казани (тамъ же), в) Краткій обзоръ санитарныхъ наблюдений (тамъ же), г) Способы нѣкоторыхъ санитарныхъ изслѣдованій (тамъ же).

17) Профессора *Левшина*: *Vorschrift zur Bereitung von künstlichen Kumys* (Berlin, klinische Wochenschrift).

18) Профессора *Пашутина*: а) *Einige Versuche über Faulniss und Faulniss-organismen* (въ *Virchow's Archiv*) и б) *Einige Versuche über die buttersaure Gährung* (въ *Plüger's Archiv*).

19) Доцента *Несчастливцева*: а) О переносномъ гальваническомъ аппаратѣ (въ Трудахъ съѣзда естествоиспытателей и б) О приготовленіи угли для гальваническихъ баттарей (въ Дневникѣ общества врачей г. Казани).

20) Приватъ-доцента *Пескова*: а) О медико-статистическихъ основаніяхъ устройства санитарныхъ станцій (въ Дневникѣ общества врачей г. Казани) и б) Медицинская статистика и географія, какъ отдѣльныя отрасли общественныхъ наукъ и методы статистическаго изслѣдованія въ области медицины (въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета).

21) Приватъ-доцента *Студенскаго*: а) Аппаратъ для гипсованія бинтовъ и б) Очеркъ современнаго состоянія вопроса о переливаніи крови (въ Дневникѣ общества врачей г. Казани).

22) Доцента *Смирнова*: Критика сомнѣвій Гартмана: „*Das Ding an sich und seine Beschaffenheit* (въ Ученыхъ запискахъ университета).

23) Преподавателя *Снегирева*: Психологическія сочиненія Аристотеля (тамъ же).

5. *Кіевскаго университета.*

1) Профессора *Голоцкаго*: О различіи между воспитательнымъ образованіемъ въ древнія и новыя времена (въ Университетскихъ извѣстіяхъ).

2) Профессора *Модестова*: а) Разборъ изданія латинскихъ надписей, Вильманса (*Exempla inscriptionum latinorum*. Berol, 1873 г.) (въ Университетскихъ извѣстіяхъ) и б) О словарѣ греческихъ и римскихъ древностей Дарамберга и Сальо (*Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines* (тамъ же).

3) Профессора *Иконникова*: Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея. Сравнительно-историческій очеркъ и б) Критическая статья о сочиненіи Владимірскаго-Буданова „Госу-

дарство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка (обѣ статьи въ Университетскихъ извѣстіяхъ).

4) Доцента *Лучинкаго*: а) Documents inédits pour servir à l'histoire de la Réforme et de la Ligue, б) Очеркъ исторіи Монтобана, в) Разборъ книги Приарта (La vie d'un patricien de Venise), г) Историческая семинарія Вуттке въ Лейпцигѣ (всѣ четыре статьи въ Университетскихъ извѣстіяхъ), д) Обзоръ работъ по новой исторіи за 1872 г. (въ журналѣ „Знаніе“).

5) Доцента *Антоновича*: а) (совмѣстно съ доцентомъ *Терновскимъ*) книга „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, б) совмѣстно съ доцентомъ *Драгомановымъ*—книга Историческія пѣсни малорусскаго народа“.

6) Доцента *Хрущова*: а) О просвѣтительной дѣятельности Екатерины II (въ Университетскихъ извѣстіяхъ), б) Древне-русскія литературныя сказанія (въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

7) Доцента *Аландскаго*: а) Школьная грамматика и языкованіе и б) „Das Verbum d. griech. Sprache“ v. G. Curtius (обѣ статьи въ Университетскихъ извѣстіяхъ).

8) Доцента *Драгоманова*, вмѣстѣ съ доцентомъ *Антоновичемъ*: а) I-й томъ историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа, съ объясненіями, б) Статья „Положеніе и задача науки древней исторіи (въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія), в) Studi Ethnografici a Kief и г) J III. Congresso archeologico a Kief. (двѣ послѣднія въ Rivista-Europea).

9) Доцента *Мищенко*: а) Отношеніе трагедіи Софокла къ современной поэту дѣйствительной жизни въ Аѳинахъ и б) О происхожденіи Гомеровыхъ поэмъ (рецензія).

10) Профессора *Авенаріуса*: Ueber innere latente Wärme (въ Pogendorffs Annalen).

11) Профессора *Борщова*: Beiträge zur Histochemie der Pflanzen (въ Botanische Zeitung).

12) Профессора *Хандрикова*: первый томъ астрономическаго трактата подъ заглавіемъ „Система астрономіи“.

13) Профессора *Бунге*: а) Обзоръ книжной литературы по химической технологіи за 1873 г. и б) Обзоръ литературы по технической части свеклосахарнаго производства за 1874 г. (въ Запискахъ Кіевскаго отдѣленія русскаго технического общества).

14) Доцента *Базарова*: „О фтороборной кислотѣ и соляхъ ея“

(въ журналахъ французскаго, нѣмецкаго и русскаго химическихъ обществъ).

15) Профессора *Буте*: а) De la circulation fiduciaire et des banques en Russie (въ Journal des économistes) и б) Банковые законы и банковая политика (въ Сборникѣ государственныхъ знаній).

16) Профессора *Незабитовскаго*: Новѣйшіе проекты междунаrodnаго устава (въ Университетскихъ извѣстіяхъ).

17) Профессора *Кистяковскаго* монографія: а) Главѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовного права, б) Объ итальянскихъ университетсахъ (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія), в) Организація и объемъ преподаванія юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи въ февралѣ 1874 г.

18) Доцента *Зибера*: Что такое статистика (въ журналѣ „Знаніе“).

19) Профессора *Эрардта*: а) О медицинской экспертизѣ (въ Университетскихъ извѣстіяхъ) и б) „Судьбы слабоумнаго“ и „О судебно-медицинскомъ изслѣдованіи глухонѣмоты“ (въ Современной медицинѣ).

20) Профессора *Бецца*: Anatomischer Nachweiss zweier Hirncentra (въ Medicinisches Centralblatt) и б) Два центра въ мозговой корѣ у человѣка (въ Московскомъ Медицинскомъ Вѣстникѣ).

21) Профессора *Иванова*: О строеніи сосудистой оболочки глаза (въ Handbuch der gesammten Augenheilkunde, Prf. Alfr. Graefe).

22) Профессора *Шкляревскаго*: Объ отличительномъ свойствѣ мужскаго и женскаго типовъ (въ Университетскихъ извѣстіяхъ) и б) Показатели преломленій и г. Ціонъ (въ Медицинскомъ Вѣстникѣ).

23) Профессора *Субботина*: Первая часть отчета о третьемъ междунаrodnомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ 1873 г. (Сборникъ сочиненій, издаваемый медицинскимъ департаментомъ).

24) Доцента *Гейбеля* сочиненіе: Das „Krampfcentrum“ des Frosch's und sein Verhalten gegen gewisse Arzneistoffe (въ Pflügers Archiv für die gesammte Physiologie).

25) Доцента *Афанасьева*: а) О двухъ токахъ въ бедренныхъ артеріяхъ при недостаточности арталныхъ клапановъ (въ Университетскихъ извѣстіяхъ), б) О трахейномъ токѣ Williams'a.

26) Доцента *Коломнина*: Трахеальная пульсація (въ Медицинскомъ Вѣстникѣ).

27) Профессора *Кистяковскаго*: „Ein Beitrag zur Charakteristik der Pancreas Peptone“ (Archiv für gesammte Physiologie Pflüger's).

28) Ординатора *Земенкова*: Первый выпускъ втораго изданія русскаго перевода Нимейера.

6. *Новороссійскаго университета.*

1) Профессора *Григоровича*: Записка о поѣздкахъ на Калку, Днѣпръ и Днѣстръ.

2) Профессора *Юревича*: Статья о новѣйшихъ находкахъ въ Крыму (въ запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей).

3) Профессора *Войтковскаго*: два слова, произнесенныя имъ: а) Въ недѣлю православія и б) Къ воспитанницамъ Одесскаго института при выпускѣ ихъ изъ заведенія (въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ).

4) Профессора *Мечникова*: а) Zur Entwicklungsgeschichte der Schwämme, б) Studien über die Entwicklung der Siphonophoren und Medusen, в) Embriologie der Myriapoden (въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie) и г) Ueber die Bildung der Augenlider (въ Zeitschrift für Ethnologie).

5) Профессора *Верно*: Ueber Fumarsäure und optisch-unwirksame Aepfelsäure aus Glycerinsäure (въ Annalen der Chemie und Pharmacie).

6) Профессора *Головкинскаго*: Замятка о палеозойскихъ формаціяхъ по сѣвернымъ притокамъ рѣки Чусовой на западномъ склонѣ Уральскаго хребта (въ извѣстіяхъ засѣданій общества любителей естественныхъ наукъ при Московскомъ университетѣ).

7) Профессора *Леонтовича*: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

8) Профессора *Павлова*: „Письмо къ академику Броссе о грузинскомъ номоканонѣ“ (въ запискахъ Императорской академіи наукъ).

9) Профессора *Цитовича*: „Лекціи по торговому праву“, выпускъ II.

10) Профессора *Линна*: Essai d'une classification des engrénages (въ Nouvelles annales de Mathématiques).

11) Профессора *Бруна* (въ различныхъ изданіяхъ) статьи: а) „Черноморскіе готы и слѣды ихъ долгаго пребыванія въ южной Россіи“, б) по поводу сочиненія Дезимони „Nuovi Studi“, в) „Путешествіе Эвличе-Эфенди изъ Готіи въ Анапу“.

12) Доцента *Успенскаго* сочиненіе: „Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“.

13) Доцента *Умова*: а) Уравнение движениа энергіи въ тѣлахъ, б) прибавленіе къ статьѣ: Уравнение движениа энергіи въ тѣлахъ, в) Ein Theorem über die Wechselwirkungen in endlichen Entfernungen (въ Zeitschrift für Mathematik und Physik), г) Ableitung der Bewegungsgleichungen der Energie in den continuirlichen Körpern (тамъ же).

14) Лаборанта *Петрова*: а) о дибромом и діоксимолоновыхъ кислотъ, б) о дѣйстви слабой азотной кислоты на этилеротоновую кислоту, в) о дѣйстви амальгамы натрія на эфиры нѣкоторыхъ многоосновныхъ кислотъ (въ сообществѣ съ г. Эгизомъ); г) о діокси и бромокси масляныхъ кислотъ и д) о циано-бромомасляной и илоксипировинной кислотъ (въ сообществѣ съ г. Эгизомъ).

15) Лаборанта *Тегартена*: а) о новой составной части бензойныхъ смоль (въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin); б) eine Notiz zur Bereitung des selbstentzündlichen Phosphorwasserstoffgases (въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland); в) Ueber eine verfälschte Benzolzäure und einiges über die Säuren der Sumatra Benzolharze (тамъ же).

16) Консерватора *Сталевича*: Вычисленія метеорологическихъ наблюдений за 1874 годъ (въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ).

7. Дерптскаго университета:

1) Профессора Александра фонъ-Эттингена: а) „Die Moralstatistik“, Zweite neue bearbeitete Auflage, б) „Ueber die Socialwissenschaft der Zukunft“ (въ Baltische Monatsschrift).

2) Профессора *Гарнака*: „Liturgische Beiträge“, Heft 2.

3) Профессора *Фолька*: а) „Die Bedeutung der semitischen Philologie für die alttestamentliche Exegese“, 2 Auflage, б) „Ueber den mosaischen Schöpfungsbericht“ (въ Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche).

4) Профессора *Ф. Мюлау*: 41-я статья по библейской географіи (въ Handwörterbuch des biblischen Alterthums von Riehm).

5) Профессора *Бульмерика*: а) „Theorie, Praxis und Codification des Völkerrechts“, б) „Ueber Asylrecht“ (въ Rechtslexicon von Holtzendorff“, 2 Aufl.), в) „Ueber Auslieferungsverträge (тамъ же); г) „Ueber Neutralitätsgesetze“ (тамъ же); д) „Ueber Schiedsspruch“ (тамъ же) и кромѣ того же 12 другихъ статей по международному праву въ „Rechtslexicon von Holtzendorff“ и различныя статьи въ „Baltische Monatsschrift für Landwirthschaft, Gewerbleiß und Handel“.

6) Профессора *Этельмана*: Подробная критика сочиненія профессора Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, въ отчетѣ академіи о присужденіи награды графа Уварова.

7) Профессора *Освальда-Шмидта*: „Beitrag zur Quellenkunde des Hilchenschen Landrechtsentwurfs“ (въ *Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft*).

8) Профессора *Эрдмана*: а) „Eine Entscheidung des Senats über den Zwangscours der Creditbilletle“ (тамъ же); б) „Ueber das Studium der Rechtswissenschaft vor dem Stuhle der Laien und der Vertreter der anderen Wissenszweige“ (въ *Festrede zur Jubelfeier der Universität am 12 December 1874 г.*).

9) Профессора *Бетхера*: а) „Ueber die Durchschneidung der Bogengänge des Gehörlabyrinths und die sich daran knüpfenden Hypothesen“ (въ *Archiv für Ohrenheilkunde*), б) „Zur Genese des perforirenden Magengeschwurst“ (въ *Dorpater Medicinische Zeitschrift*).

10) Профессора *фонъ-Гольста*: а) „Conception während Behandlung mit intrauterinen Stiften“ (въ *Archiv für Gynäkologie*), б) *Geschichte eines Uterus myoms* (тамъ же).

11) Профессора *Драендорфа*: а) „Zur Volksmedizin Turkestans“, 3 Abhandlung (въ *Neues Repertorium für Pharmacie*); б) „Über Nachweisung fremder Bitterstoffe im Biere“ (въ *Archiv für Pharmacie*); в) *Die chemische Werthbestimmung einiger starkwirkender Drogen*“.

12) Профессора *Фюеля*: „Krankheiten der Lippen und der Mundhöhle“ (въ *Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie von Ziemssen*).

13) Профессора *Бермана*: а) „Lehre von den Kopfverletzungen“, б) *Die Resultate der Gelenkresectionen im Kriege*“.

14) Профессора *Александра Шмидта*: „Ueber die Beziehungen des Tasecestoffs zu den farblosen und den rothen Blutkörperchen und über die Entstehung der letzteren“ (предварительное сообщеніе въ *Archiv von Pflüger*); б) „Untersuchungen über die Milch“, в) „Untersuchungen des Eiereiweisses und des Blutserum durch Dialyse“ (въ посвященномъ *Людвигу юбилейномъ изданіи*).

15) Профессора *Бема*: а) „Ueber Wiederbelebung nach Vergiftung“ (въ *Centralblatt für medicinische Wissenschaften*); б) „Arbeiten aus dem pharmacologischen Institut der Universität Dorpat № 2 — 7“ (въ *Archiv für Experimentelle Pathologie und Pharmakologie*).

16) Профессора *Стюда*: а) „Studien über den Bau der Cephalopoden, das centrale Nervensystem der Tintenfische“ (въ *Zeitschrift für*

wissenschaftliche Zoologie); б) Ueber den Bau des centralen Nervensystems der Axolotl (тамъ же).

17) Доцента *Рейера*: а) „Ueber die Behandlung der Kniegelenkentzündungen“ (въ Deutsche Zeitschrift für Chirurgie); б) Ueber die Entwicklung der Extremitäten des Menschen, ins besondere der Gelenkflächen (вмѣстѣ съ пражскимъ профессоромъ Генке въ Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften im Wien); в) On the cartilages and synovial membranes of the joints (въ Journal of Anatomy and Physiology).

18) Профессора *Паукера*: а) „Spicilegium Addendorum lexicis latinis“; б) „Nachträge zur Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte, Stück III“; в) „Anhang zu Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte I—III“; г) „Ergänzungen zum lateinischen Lexicon II—III (въ Zeitschrift für oesterreichische Gymnasien 1874“); д) „Zweiter Nachtrag zu Ergänzungen zum lateinischen Lexicon I“ (тамъ же); е) „Emendationes in Theodoro Prisciano“ (тамъ же); ж) „Fortsetzung der Ergänzungen zum lateinischen Lexicon“ 2. Art. nebst Index (mit addenda); з) Peculium vocabulare Ovidianum et Propertianum (тамъ же).

19) Профессора *Мейера*: а) „Besprechung von Bezenberger Untersuchungen über die gothischen Adverbien und Partikeln“ (въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung von Kuhn); б) „Besprechung von Leopold Schröders Preisschrift über die formelle Unterscheidung der Redetheile im Griechischen und Lateinischen“ (въ Göttingensche gelehrte Anzeigen); в) „Ueber ἄμεναι, ἄτος, ἄδην, ἑώμεν (ἄδος, ἀδῆσαιεν, ἀδηκότας) (въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung von Kuhn); г) „Ueber Ἄεσα-ἄλεσα bei Homer“ (тамъ же); д) „Besprechung von Zeitteiles Auswahl aus ulfilas gothischer Bibelübersetzung“ (въ Göttingensche gelehrte Anzeigen).

20) Профессора *Брикнера*: а) Россія при Петрѣ Великомъ по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ писателей (современныя извѣстія по исторіи Россіи изданы Эрнстомъ Германномъ. Россія при Петрѣ Великомъ по рукописнымъ извѣстіямъ I. Г. Фокеродта и О. Плейера (въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія); б) замѣчательныя богатства лицъ (экономическо-историческое изслѣдованіе Е. Карновича) (тамъ же); в) О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову (въ Русскомъ Вѣстникѣ); г) Иоаннъ Антоновичъ и его родственники (тамъ же); д) „Domostroi, ein russisches Hausbuch“ (въ Russische Revue).

21) Профессора *Тейхмюллера*: а) „Studien zur Geschichte der Begriffe“; б) „Anzeige dieses Werkes nebst Ergänzungen“ (въ Гöttingensche gelehrte Anzeigen); в) „Pädagogische Beurtheilung des deutschen Lesebuchs von Franz Sintenis und Otto Hermannsohn“ (въ Rigasche Zeitung).

22) Профессора *Лексиса*: „Einleitung in die Theorie der Bevölkerungsstatistik“.

23) Профессора *Гаусмана*: а) „Miscellen zur Geschichte des XVI Jahrhunderts“ (въ Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft); б) „Besprechung von Bibliothèque Imperiale Publique de St. Petersburg. Catalogue de la section de Russica“ (въ Göttingensche gelehrte Anzeigen); в) „Biographie des Bischofs Albert I, von Livland“ (въ Allgemeine deutsche Biographie).

24) Доцента *Рюля*: „Recension von Baer: Reden und Aufsätze“ Th. 3 (въ Neue Jahrbücher für Philologie).

25) Профессора *Миндита*: „Ueber die mittlere Krümmung der Flächen“ (въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ).

26) Профессора *Карла Шмидта*: а) „Hydrologische Untersuchungen“ (VI) der Aral und Kaspi See“ (VII); б) „Die Dwina und das Weisse Meer“ (тамъ же)

27) Профессора *Гревина*: „Zur Archäologie des Balticum und Russlands“ (въ Archiv für Anthropologie).

28) Доцента *Вейрауха*: а) „Ueber die Formen, in denen die Lösungen einer diophantischen Gleichung enthalten sind“ (въ Schlömilch Zeitschrift für Mathematik); б) „Zur Determinantenlehre“ (тамъ же); в) „Dorpater Meteorologische Beobachtungen [Jahr 1872 und 1873“ (вмѣстѣ съ профессоромъ Артуромъ фонъ-Эттингеномъ).

8) *Варшавскаго университета.*

1) Профессора *Струве*: а) „Современная религиозная живопись“ (Русскій Вѣстникъ); б) „Psychologisch-metaphysische Analyse des Begriffs der Nothwendigkeit“ (въ Philosophische Monatshefte); в) „Die philosophische Literatur der Polen“ (тамъ же); г) „Элементарная логика. Руководство для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія.

2) Профессора *Макушева*: Пронія въ древней Сербіи по неизданнымъ Венеціанскимъ памятникамъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

3) Профессора *Колосова*: Новыя данныя бытоваго творчества Сѣверной Россіи ст. 1-я (Филологическія записки).

4) Лектора *Пржиборовскаго*: *Wycieczka archeologiczna nad Swider* (въ Сборникѣ *Wiadomosci archeologiczne*).

5) Профессора *Фишера-фонъ-Вальдейма*: о способѣ зараженія питающихся растений головневыми грибами и о развитіи этихъ паразитныхъ грибовъ (въ Сборникѣ международного конгресса ботаниковъ во Флоренціи).

6) Профессора *Юркевича*: переводъ сочиненія Тиндаля. „Вода и ея формы въ природѣ“.

7) Профессора *Попова*: „Объ окисленія вторичныхъ кислотъ“ (въ журналѣ Русскаго химическаго общества и въ *Liebig's Annalen*).

8) Профессора *Вржесніовскаго*: „*Callisoma Branickii a new species from Nizza*“ (*Annals and Magazine of Natural History*).

9) Доцента *Сотина*: (въ математическомъ сборникѣ) объ интегрированіи уравненій съ частными производными втораго порядка.

10) Лаборанта *Фукса*, вмѣстѣ съ доцентомъ *Вреденомъ* (въ журналѣ химическаго общества въ *Berliner Berichte* и въ *Gazeta lekarska*) три анализа минеральныхъ Цѣхочинскихъ водъ. .

11) Профессора *Будзинскаго* (въ Судебномъ вѣстникѣ и въ *Gazeta sądowa*) статьи: а) Замѣтки по поводу 16 ст. ул. о наказ. и б) Аналогія преступности.

12) Профессора *Балэжскаго*: а) Задача международного права въ отношеніи къ обязанностямъ воюющихъ; б) Правильность международныхъ сношеній (по поводу сочиненія профессора Петербургскаго университета- *Θ. Мартенса* п. 3 „о консулахъ и консульской юрисдикціи на востока“); в) Литературныя замѣтки по юридическимъ вопросамъ (*Gazeta sądowa*).

13) Профессора *Микляшевскаго* статьи: (въ Судебномъ Вѣстникѣ а) Рецензія сочиненія Мартынова п. 3. „Очеркъ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ уголовного судопроизводства и судоустройства; б) Убійство слѣпаго слѣпымъ; в) Замѣтки на проектъ устава дома предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ, составленный А. В. Бѣлостоцкимъ (въ Судебномъ вѣстникѣ); г) Обзоръ польской юридической литературы за 1872 годъ, преимущественно по уголовному праву (въ *Gazeta sądowa*); д) *Ustne przymówienie się* (устный приговоръ); е) *Obrona obwinionego* (защита обвиняемаго); ж) *Kto może bronić przed sądem karnym* (кто можетъ защищать предъ уголовнымъ судомъ); з) *Prawa i obowiązki obrońcy podsądnego* (права и обязанности защитника подсудимаго).

14) Профессора *Бродовскаго*: „Къ ученію о происхожденіи тая“

называемыхъ громаднѣхъ клѣтокъ и о бугоркахъ вообще (въ работахъ лабораторіи медицинскаго факультета, издаваемыхъ профессоромъ Навроцкимъ).

15) Профессора *Гиритовта* сочиненіе: „Chirurgia ogólna i'szczegótowa“ и въ медицинскои газетѣ нѣсколько наблюденій изъ хирургической клиники. *Omię sakach kostnych (osteosarcoma)*.

16) Профессора *Гойера*: а) „Рефераты объ успѣхахъ по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи въ русской и польскои литературѣ за 1873 годъ“ (*Schwalbe und Hoffmann Jahresbericht über die Fortschritte in der Anatomie und Phisiologie im Jahre 1873*); б) О непосредственныхъ соединеніяхъ между артеріями и венами (въ *Tageblatt der Breslauer Naturforscherversammlung*).

17) Профессора *Андреева*: О назначеніи гигиены для отдѣльныхъ членовъ общества (рѣчь). (Труды IV съѣзда русскихъ естествоиспытателей).

18) Профессора *Вислоцкаго*: а) „Критическій обзоръ трехъ сочиненій по судебной медицинѣ профессора Блюменстока (*Gazeta sądowa*) и б) Отчетъ о прогрессѣ медицинскихъ наукъ за 1872 годъ, по гигиенѣ, медицинскои полиціи, климатологіи, судебной медицинѣ, общей патологіи и патологической анатоміи. (Обозрѣніе прогресса медицинскихъ наукъ, издаваемое на польскомъ языкѣ при *Gazeta lekarska*).

19) Профессора *Косинскаго*: а) 4-е случая камнераздробленія (*Luthotripsia*). (Замѣтки общества варшавскихъ врачей) и б) Изъ хирургической клиники (*Pamiętnik Towarzystwa lekarskiego Warszawskiego*).

20) Профессора *Лучевскаго*: а) Общая патологія (переводъ нѣмецкаго сочиненія *Wagner's Handbuch der allgemeinen Pathologie V Aufl.*); б) Болѣзни сердца и кровеносныхъ сосудовъ; в) *Leptomeningitis mit Aphasic* (*Wiener med. Wochenschrift*); г) *Brightische Nierenkrankheit. Genesung*.

21) Профессора *Ефремовскаго*: О функциональныхъ результатахъ плечевыхъ и локтевыхъ резекцій. (Медицинскій Вѣстникъ).

22) Доцента *Фудаковскаго*: О мясныхъ экстрактахъ и бульонахъ (*Pamiętnik Towarz; Lekarsk. Warszawsk*).

23) Доцента *Чаусова*: а) Къ вопросу о сшиваніи сухожилій (Военно-медицинскій журналъ); б) Сообщение артерій съ венами посредствомъ стволиковъ (Медицинскій Вѣстникъ); в) Обзоръ успѣховъ по хирургіи за 1868—1871 годы (Военно-медицинскій журналъ); г) Отсутствіе лѣвой доли щитовидной желѣзы (Медицинскій вѣстникъ).

24) Доцента *Вольфрима*: Beitrag zur Lehre von den Contagiösen Augentzündungen (Ausserordentliches Beilageheft zu den klinisch. Monatsblättern für Augenheilkunde).

25) Профессора *Аквилева*: а) Химическій анализъ мяснаго экстракта Ключковского (въ работахъ лабораторіи медицинскаго факультета, издаваемыхъ профессоромъ Навроцкимъ); б) Химическій анализъ воды колодезь на Бѣлянахъ для гигиенической цѣли. (Военно-медицинскій журналъ).

26) Прозектора *Пржевоскино*: а) Къ нормальной и патологической анатоміи Пачиневыхъ тѣлецъ; б) О кавернозныхъ ангиомахъ внутренней оболочки сердца. (Обѣ статьи въ работахъ лабораторіи медицинскаго факультета, издаваемыхъ профессоромъ Навроцкимъ.)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

**штатнаго числа преподавателей съ наличнымъ
ихъ числомъ въ университетахъ къ 1-му января
1875 года.**

СРАВНИТЕЛЬН

штатнаго числа преподавателей съ наличнымъ ихъ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ	С.-Петербург- скомъ .			Московскомъ.			Харьковскомъ.		
	Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.	
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.
Профессоровъ богословія	1	1	—	1	1	—	1	1	—
Ординарныхъ профессоровъ	34	34	2	39	36	—	39	36	1
Экстраординарныхъ профессоровъ	16	14	1	18	13	—	18	6	—
Доцентовъ и адъюнктовъ	24	18	—	31	21	—	31	12	—
Прозекторовъ	—	—	—	2	2	—	2	2	—
Помощниковъ прозекторовъ	—	—	—	3	3	—	3	3	—
Лекторовъ	8	7	—	4	4	—	4	3	—
Преподавателей	—	—	3	—	—	8	—	—	—
Привать-доцентовъ	—	—	10	—	—	9	—	—	4
Итого	83	74	16	98	80	17	98	63	5
		90			97			68	

1) Первый прозекторъ причисленъ къ экстраординарнымъ профессорамъ.

2) 1 преподаватель началъ архитектуры и 6 преподавателей искусствъ.

3) Въ томъ числѣ исправляющихъ должность доцента.

АЯ ВѢДОМОСТЬ

числомъ въ университетахъ къ 1-му января 1875 года.

Казанскомъ.			Св. Владимира.			Новороссійскомъ.			Дерптскомъ.			Варшавскомъ.			ВСЕГО.		
Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.	
	Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.
1	1	—	1	1	—	*1	1	—	1	1	—	—	—	—	7	7	—
39	34	1	39	31	2	28	26	—	41	36	—	27	27	{	245 41 121	260	6
18	6	—	18	7	—	13	2	—		4	—	20	20			1	72
31	14	—	31	21	—	16	10	—	10	9	—	21	19 ⁽³⁾	—	195	124	—
2	—	—	2	2	—	—	—	—	1 ⁽¹⁾	1	—	3	3	—	12	10	—
3	3	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	12	12	1
4	3	—	4	2	—	4	3	—	5	4	—	5	4	—	38	30	—
2	—	2	—	—	—	—	—	1	7 ⁽²⁾	7	1	—	—	—	9	7	15
—	—	9	—	—	4	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	40
100	61 12 73		98	67 6 73		62	42 1 43		65	62 5 67		76	73 2 75		680	522 64 586	

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о наличномъ составѣ штатныхъ преподавателей и о числѣ преподавательскихъ вакансій въ 1873 и 1874 годахъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Состояло на лицо штатныхъ преподавателей.						Число штатныхъ вакансій.						Всего вакансій.
	Ординарныхъ профес- соровъ.	Экстраординарныхъ профессоровъ.	Доцентовъ и адъюнк- товъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозек- торовъ.	Лекторовъ.	Ординарныхъ профес- соровъ.	Экстраординарныхъ профессоровъ.	Доцентовъ и адъюнк- товъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозек- торовъ.	Лекторовъ.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	34	14	15	—	—	8	1 ⁽¹⁾	2	9	—	—	—	12
» » » 1875 г.	35	14	18	—	—	7	—	2	6	—	—	1	9
<i>Московскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	40	9	22	2	3	4	—	9	9	—	—	—	18
» » » 1875 г.	37	13	21	2	3	4	3	5	10	—	—	—	18
<i>Харьковскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	37	7	11	2	3	3	3	11	20	—	—	1	35
» » » 1875 г.	37	6	12	2	3	3	3	12	19	—	—	1	35
<i>Казанскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	30	3	12	1	3	2	10	15	19	1	—	2	47
» » » 1875 г.	35	6	14	—	3	3	5	12	17	2	—	1	37
<i>Св. Владиміра.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	33	8	18	2	3	1	7	10	13	—	—	3	33
» » » 1875 г.	32	7	21	2	3	2	8	11	10	—	—	2	31

¹⁾ Въ числѣ ординарныхъ профессоровъ показаны и профессора православнога богословія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 75

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Состояло на лицо штатныхъ преподавателей.						Число штатныхъ вакансій.						Всего вакансій.
	Ординарныхъ профессоръ.	Экстраординарныхъ профессоръ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	Ординарныхъ профессоръ.	Экстраординарныхъ профессоръ.	Доцентовъ и адъюнктовъ.	Прозекторовъ.	Помощниковъ прозекторовъ.	Лекторовъ.	
<i>Новороссійскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	27	2	10	—	—	2	2	11	6	—	—	2	21
» » » 1875 г.	27	2	10	—	—	3	2	11	6	—	—	1	20
<i>Дертскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	37	2	9	1	—	2	3	1	—	—	—	3	7
» » » 1875 г.	37	4	9	1	—	4	1	1	—	—	—	1	3
<i>Варшавскомъ.</i>													
Къ 1-му января 1874 г.	27	20	18	3	—	5	—	—	3	—	—	—	3
» » » 1875 г.	27	20	19	3	—	4	—	—	2	—	—	1	3
Итого по университетамъ:													
Къ 1-му января 1874 г.	265	65	115	11	12	27	23	58	80	1	—	11	176
» » » 1875 г.	267	72	124	10	12	30	21	53	71	2	—	8	156

1) Кроме того, есть еще 9 мѣстъ штатныхъ преподавателей: 2 въ Казанскомъ и 7 въ Дертскомъ университетахъ; изъ нихъ къ 1-му января 1874 года были не заняты 4 и къ 1-му января 1875 года 2, что измѣнить число вакансій къ 1-му января 1874 г. въ 180 и къ 1-му января 1875 г. въ 158.

ВЪ Д О М О С Т Ъ
о числѣ и распределеніи учащихся по факультетамъ и разрядамъ къ 1-му январю 1875 года.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Ч И С Л О С Т У Д Е Н Т О В Ъ.											
	Въ богословскомъ факультетѣ.			Въ историко-филологическомъ факультетѣ.			Въ юридическомъ факультетѣ.			Въ физико-математическомъ факультетѣ.		
	Въ отдѣленіи камеральномъ.	Историко-филологическомъ.	По разряду юридическихъ наукъ.	По разряду государственныхъ наукъ.	По разряду математическихъ наукъ.	По разряду естественныхъ наукъ.	По разряду физико-химическихъ наукъ.	Въ медицинскомъ факультетѣ.	Въ факультетѣ восточныхъ языковъ.	Общее число студентовъ.	Число вольныхъ слушателей.	
С. Петербургскомъ	—	98	648	46	194	218	—	—	46	1150	73	1223
Московскомъ	—	75	328	—	104	22	—	631	—	1161	40	1201
Харьковскомъ	—	28	138	—	26	14	7	194	—	407	23	430
Казанскомъ	—	46	115	26	39	13	—	223	—	452	50	512
Св. Владимира	—	59	171	—	27	21	—	416	—	694	78	772
Новороссійскомъ	—	39	143	—	25	50	2 (¹)	—	—	259	22	281
Дерптскомъ	24	68	189	—	31	62	—	294	—	733	—	753
Варшавскомъ	—	35	171	—	34	17	—	225	—	482	38	520
Итого	85	24 472	448 1875	72	480 907	418	9	1983	46	5368	324	5692

¹) По разряду технико-агрономическому. — Дримицкии, Сверхъ того, было въ Московскомъ университетѣ академическихъ помощниковъ 201 и въ Варшавскомъ университетѣ ассистентовъ 159.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

ЧИСЛА СТУДЕНТОВЪ И ВОЛЬНЫХЪ СЛУШАТЕЛЕЙ, СОСТОЯВШИХЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1874 И 1875 ГОДОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Состояло на лицо къ 1-му января 1874 года.	Въ теченіе 1874 года.			Состояло на лицо къ 1-му января 1875 года.
		Вновь поступило.	Выбыло.		
			До окончанія курса.	По окончаніи курса.	
<i>С.-Петербургскомъ.</i>					
Студентовъ	1142	352	174 (4)	170	1150
Вольнослушателей	54	свѣдѣній не доставлено.			73
<i>Московскомъ.</i>					
Студентовъ	1256	301	85	311	1161
Вольнослушателей	42	свѣдѣній не доставлено.			40
<i>Харьковскомъ.</i>					
Студентовъ	389	188	37	83	407
Вольнослушателей	29	8	5	9	23
<i>Казанскомъ.</i>					
Студентовъ	473	148	76	83	462
Вольнослушателей	49	7	6	—	50
<i>Св. Владиміра.</i>					
Студентовъ	796	159	78	183	694
Вольнослушателей	63	свѣдѣній не доставлено.			78
<i>Новороссійскомъ.</i>					
Студентовъ	297	76	34	80	259
Вольнослушателей	19	свѣдѣній не доставлено.			22
<i>Дерптскомъ.</i>					
Студентовъ	701	235	112	71	753
Вольнослушателей	5	23	25	3	—
<i>Варшавскомъ.</i>					
Студентовъ	635	46	93	106	482
Вольнослушателей	45	свѣдѣній не доставлено.			38
Вообще					
Студентовъ	5689	1455	689	1087	5368
Вольнослушателей	306	(38)	(36)	(12)	324

4) Въ томъ числѣ 6 умершихъ и 74 уволенныхъ за невозможность платы за ученіе.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетахъ бесплатно и за половинную плату въ 1874 году.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Общее число студентовъ.	Слушавшихъ бесплатно.		Число слушавшихъ лекціи за половинную плату.
		Число лицъ	Какой процентъ общаго числа студентовъ.	
<i>С.-Петербургскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	1142	452	39%	38
во 2-й » »	1123	348	31%	36
<i>Московскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	1168	627	53%	24
во 2-й » »				
<i>Харьковскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	389	191	49%	—
во 2-й » »	407	195	47%	—
<i>Казанскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	463	32	7%	173
во 2-й » »				
<i>Св. Владимира:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	796	334	41%	—
во 2-й » »	691	260	38%	—
<i>Новороссійскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	273	147	53%	—
во 2-й » »				
<i>Дерптскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	936	182	19%	—
во 2-й » »				
<i>Варшавскомъ:</i>				
въ 1-й половинѣ 1874 г.	653	77	11%	—
во 2-й » »	534	63	11%	—
Всего	8575	2908	34%	271 (около 3% общаго числа)

ВѢДОМОСТЬ

**О числѣ лицъ, утвержденныхъ въ ученыхъ и
медицинскихъ степеняхъ и званіяхъ въ 1874
году.**

В Ѣ Д О

О ЧИСЛѢ ЛИЦЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ ВЪ УЧЕНЫХЪ И

Въ университетахъ по факультетамъ и отдѣленіямъ утверждено въ степеніяхъ и званіяхъ.	С.-Петербургскомъ.				Московскомъ.				Харьковскомъ.			
	По историко-филоло- гическому.	По физико-математи- ческому.	По юридическому.	Восточныхъ языковъ.	По историко-филоло- гическому.	По физико-математи- ческому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филоло- гическому.	По физико-математи- ческому.	По юридическому.	По медицинскому.
Докторовъ	1	2	—	1	—	5	—	4	2	1	—	2
Магистровъ	3	5	—	1	—	6	2	—	—	—	1	—
Кандидатовъ	10	25	85	4	13	16	72	—	6	7	27	—
Дѣйствительныхъ студентовъ . .	5	3	35	3	16	10	101	—	—	1	23	—
Лекарей	—	—	—	—	—	—	—	83	—	—	—	19
Инспектора Врачебной управы .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Губернскихъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уѣздныхъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	78	—	—	—	20
Оператора	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Акушеровъ	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Магистровъ фармаціи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Провизоровъ	—	—	—	—	—	—	—	85	—	—	—	32
Аптекарскихъ помощниковъ . .	—	—	—	—	—	—	—	43	—	—	—	26
Дантистовъ	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	2
Повивальныхъ бабокъ	—	—	—	—	—	—	—	73	—	—	—	48
Землемѣра	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	19	35	120	9	29	37	175	374	8	9	51	149
	183				615				217			

МО С Т Ъ

МЕДИЦИНСКИХЪ СТЕПЕНІАХЪ И ЗВАНІАХЪ ВЪ 1874 ГОДУ.

Казанскомъ.				Св. Владимира.				Новороссійскомъ.				Дерптскомъ.				Варшавскомъ.				И Т О Г О.
По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	
—	1	1	3	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47
—	—	1	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	(въ томъ числѣ 28 док. мед.) 23
4	8	20	—	28	9	23	—	1	12	18	1	10	8	10	—	2	9	19	—	447
7	6	20	—	—	6	39	—	8	2	39	4	2	1	6	—	—	4	22	—	363
—	—	—	18	—	—	—	82	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	50	263
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	5	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	5	112
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
—	—	—	8	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	23	—	—	—	49	203
—	—	—	36	—	—	—	67	—	—	—	—	—	—	—	44	—	—	—	65	281
—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	15
—	—	—	91	—	—	—	83	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—	—	32	351
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
11	15	42	163	29	15	63	243	9	17	58	5	12	11	17	129	2	28	41	201	2126
231				350				84				174				272				

ВЪЗДѢЛОМѢОСТЪ О ЧИСЛѢ СТИПЕНДІЙ И ЕДИНОВРЕМЕННЫХЪ ПОСОБІЙ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Число стипендій.	Общая сумма, выдан- ная на стипендіи.	Число одновремен- ныхъ пособій съ по- казаніемъ размабра пособій.	Общая сумма на еди- новременныя пособія.	Количество всей сум- мы на стипендіи и единовременныя по- собія.
С.-Петербургскѣ	360	88.961 р. 38 к.	495 отъ 10 до 100 р.	16.542 р. — к. (1)	105.503 р. 38 к.
Московскѣ	395	99.243 р. 67 к.	558 отъ 10 до 50 р.	10.723 р. 30 к. (2)	109.966 р. 97 к.
Харьковскѣ	146	35.892 р. 88 к.	178 отъ 30 до 60 р.	7.364 р. 33 к.	43.257 р. 21 к.
Казанскѣ	196	46.442 р. 85 к.	250 „ „	8.988 р. 99 к. (3)	55.431 р. 84 к.
Кіевскѣ съ Владиміра	110	19.749 р. 9 к.	256 отъ 10 до 120 р.	7.625 р. — к.	27.374 р. 9 к.
Новороссійскѣ	112	24.752 р. 51 к.	31 отъ 20 до 50 р.	950 р. — к.	25.702 р. 51 к.
Дерптскѣ	73	18.171 р. 10 к.	67 отъ 10 до 30 р.	1.160 р. — к.	14.331 р. 10 к.
Варшавскѣ	114	23.058 р. 10 к.	475 отъ 5 до 20 р.	7.231 р. — к.	30.290 р. 65 к.
Итого	1506	351.272 р. 23 к.	2.310 отъ 5 до 120 р.	60.585 р. 52 к.	411.857 р. 75 к.

Въ счетъ общей суммы на стипендіи и пособія поступило изъ Государственнаго Казначейства 248.630 руб. а осталь-
ные 163.227 руб. 75 коп. покрыты процентами съ пожертвованныхъ капиталовъ и пожертвованными частными лицами.

1) Въ томъ числѣ 373 студентамъ отъ Комитета общества вспоможенія бывшимъ студентамъ 14.047 р. — к.
2) „ „ 238 „ „ 4.724 р. 50 к.
3) „ „ 94 „ „ 1.704 р. — к.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (18-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи мужской прогимназіи въ г. Житомирѣ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Житомирѣ четырехклассной мужской прогимназіи, *миніемъ постановилъ:*

1) Учредить въ г. Житомирѣ, съ 1-го іюля 1877 г., на точномъ основаніи устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, мужскую прогимназію съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе по *четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти руб.* и на наемъ помѣщенія по *четыре тысячи руб.*, а всего по *восемнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія означенный въ п. 1-мъ расходъ (18.550 р.) вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, ограничивъ въ будущемъ 1877 г. ассигнованіе сей суммы полугодовымъ размѣромъ (9.275).

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2. (18-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи мужской прогимназіи въ г. Устюжнѣ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

объ учрежденіи въ г. Устюжнѣ четырехъклассной мужской прогимназіи, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ г. Устюжнѣ (Новгородской губерніи), съ 1-го іюля 1877 г., четырехъклассную мужскую прогимназію, съ приготовительнымъ при ней классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Отпускать, съ того же срока, на содержаніе сей прогимназіи, сверхъ жертвуемыхъ ежегодно мѣстнымъ земствомъ 3.500 р. и предоставляемаго помѣщенія, еще по *одинадцати тысячъ пятидесяти* рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства; а всего по *четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти* р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы въ 1877 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина причитающейся на долю казны суммы.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, на будущее время, всю сумму, которая будетъ отпускатся казною, заносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемыя мѣстнымъ земствомъ деньги показывать, по доходной смѣтѣ сего министерства, пособіемъ государственному казначейству.

4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Устюженской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго земства, для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (16-го іюня 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Ярославской гимназіи.*

Бывшій архіепископъ Ярославскій и Ростовскій Дмитрій препроводилъ къ директору Ярославской гимназіи билетъ Ярославскаго общественаго банка на принятый въ семь банкѣ отъ Ярославскаго городского головы Шубина капиталъ въ *девятъсотъ двадцать пять* руб., пожертвованный Ярославскимъ обществомъ на учрежденіе при названной гимназіи одной стипендіи имени преосвященнаго Дмитрія, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употребляемы для взноса платы за ученіе трехъ бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Московскаго учебнаго

округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Всемилоствѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе при Ярославской гимназій стипендіи, съ наименованіемъ ея „стипендія бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго Дмитрія.

4. (26-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской гимназій.*

Чиновники Тамбовской губерніи, служащіе по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, желая выразить глубокое уваженіе и признательность бывшему Тамбовскому губернатору, тайному совѣтнику Гартингу, собрали по подпискѣ капиталъ въ одну тысячу шестьсотъ руб., который и положили въ мѣстный городской общественный банкъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ оного учреждены были при Тамбовской гимназій четыре стипендіи имени Гартинга.

Вслѣдствіе отношенія о семъ министра внутреннихъ дѣлъ и отзыва попечителя Харьковскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилоствѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе стипендіи, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи тайнаго совѣтника Николая Мартыновича Гартинга“.

5. (26-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ и при тамошней 1-й гимназій.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что душеприказчики умершей вдовы инженеръ-капитана Своевой, согласно духовному завѣщанію ея, утвержденному Московскимъ окружнымъ судомъ, внесли въ Московскій университетъ двадцать четыре тысячи руб. и въ Московскую 1-ю гимназію двадцать тысячъ руб., заключающіеся въ закладныхъ листахъ Херсонскаго земскаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала по четыре стипендіи имени Своевой, въ каждомъ изъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ и тамошней 1-й гимназій, на счетъ процентовъ съ означенныхъ капиталовъ, стипендіи, съ наиме-

нованіемъ оныхъ „стипендіями вдовы инженеръ-капитана Варвары Михайловны Своевой“.

6. (30-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи прогимназіи въ г. Благовѣщенскѣ, Приморской области.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи прогимназіи въ г. Благовѣщенскѣ, Приморской области, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ упомянутомъ городѣ, съ 1-го іюля 1877 года, четырехклассную мужскую прогимназію съ приготовительнымъ классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ отпускомъ на содержаніе этой прогимназіи по *четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія означенный въ пунктѣ 1-мъ расходъ (14.550 р.) вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣтъ того министерства, ограничивъ въ будущемъ 1877 году ассигнованіе сей суммы полугодовымъ размѣромъ (7.275 р.).

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

7. (30-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи реальнаго училища въ г. Смоленскѣ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Смоленскѣ реальнаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ этомъ городѣ, съ 1-го іюля 1877 г., шестиклассное реальное училище съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Отпускать, съ того же срока, на содержаніе сего училища сверхъ жертвуемыхъ ежегодно мѣстнымъ губернскимъ земствомъ 2.000 р. и предоставляемаго помѣщенія, еще по *двадцать три тысячи ступь руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства, а всего

по *двадцати пяти тысячъ сту руб.* въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1877 г. была отпущена, по расчету съ 1-го іюля, только половина причитающейся на долю казны суммы.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, на будущее время, всю сумму, которая будетъ отпущаться казною, заносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемая мѣстнымъ земствомъ деньги показывать по доходной смѣтѣ сего министерства пособіемъ государственному казначейству.

4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Смоленскаго реального училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую — оставлять въ распоряженіи мѣстнаго губернскаго земства, для употребленія по его усмотрѣнію на нужды реального училища.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

8. (16-го іюня 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанской 1-й гимназій.*

Вдова потомственнаго почетнаго гражданина г. Казани, Марія Вѣрина, въ память умершаго мужа своего Евтихія Вѣрина, представила въ совѣтъ Казанской 1-й гимназій *два тысячи руб. 5%* билетами государственнаго банка, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при той гимназій одна стипендія имени Вѣрина.

Вслѣдствіе представленія о семъ начальства Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе при Казанской 1-й гимназій стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія потомственнаго почетнаго гражданина Евтихія Михайловича Вѣрина“.

9. (9/21-го мая 1876 года). *Объ учрежденіи при Главной физической обсерваторіи отдѣленія морской метеорологій, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра

народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Главной физической обсерваторіи отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, *мнѣніемъ положили*:

1) Учредить при Главной физической обсерваторіи отдѣленіе морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, на основаніи прилагаемаго при семь штата, проектъ коего представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, и, по воспослѣдованіи онаго, привести сей штатъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1876 г.

2) Причитающуюся на содержаніе означеннаго отдѣленія сумму, *восемь тысячъ семьсотъ двадцать рублей въ годъ*, отпускать изъ государственнаго казначейства, съ зачетомъ въ оную ассигнуемыхъ уже обсерваторіи ежегодно изъ суммъ морскаго министерства *двухъ тысячъ двести* рублей, для чего, перенеся эту послѣднюю сумму, съ 1877 г., изъ смѣты морскаго министерства въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія, исключить оную изъ морской смѣты.

3) Причитающіеся на содержаніе отдѣленія въ текущемъ году *три тысячи двести шестьдесятъ рублей* отпустить изъ государственнаго казначейства сверхсмѣтнымъ дополнительнымъ кредитомъ къ § 17 ст. 3 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ такое мнѣніе общаго собранія государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Того же числа удостоенъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія штатъ упомянутаго отдѣленія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Эмсѣ, $\frac{1}{2}$ мая 1876 г.

«Быть по сему.»

Ш Т А Т Ъ

отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщений о по-
годѣ и штормовыхъ предостереженій при Главной физической
обсерваторіи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По долж-ности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.				
Р У Б Л И.							
Помощнику директора Главной физической обсерваторіи добавочныхъ за завѣдываніе отдѣленіемъ	—	—	—	1,360	—	—	—
I. Обработка наблюденій на корабляхъ и на приморскихъ станціяхъ, т. е. морская метеорологія.							
Физикъ	1	900	300	1,200	IX	IX	VI
Адъютантъ	1	600	200	800	IX	IX	VI
Вычислитель	1	300	100	400	IX	IX	VI
Чертежникъ	1	480	—	480	—	—	—
II. Телеграфныя сообщения о погодѣ и штормовыя предостереженія.							
Физикъ	1	900	300	1,200	IX	IX	VI
Адъютантъ	1	600	200	800	IX	IX	VI
Чертежникъ	1	480	—	480	—	—	—
Литографъ	1	360	—	360	—	—	—
Хозяйственныя и учебныя потребности, прислуга, канцелярскія принадлежности для литографирования и для изданія бюллетеня, разсылка бюллетеней и проч. . .	—	—	—	1,640			
Итого	8	—	—	8,720			

Примѣчанія. 1) Означенныя въ семь штатѣ лица опредѣляются и увольняются на основаніи § 6 Высочайше утвержденного 4-го мая 1871 г. устава Главной физической обсерваторіи. — 2) Всѣ показанныя въ семь штатѣ должности, исключая должностей физиковъ, могутъ быть замѣщаемы и по найму.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

10. (9-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Лубенской гимназіи.*

Надворный совѣтникъ Мизевскій представилъ начальству Киевскаго учебнаго округа свидѣтельство Киевской конторы государственнаго банка, отъ 28-го февраля сего года, за № 132,203, на капиталъ въ *четыре тысячи руб.*, внесенный имъ на проценты, и актъ на право полученія сихъ послѣднихъ Лубенскою гимназіею, съ просьбою объ учрежденіи при этой гимназіи стипендіи его имени.

Вслѣдствіе донесенія о томъ попечителя Киевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія надворнаго совѣтника Павла Осиповича Мизевского“.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть Высочайше благодарить Мизевского за его пожертвованіе.

11. (16-го августа 1876 г.). *Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ.*

По поводу исполнявшагося 31-го августа 1875 г. десятилѣтія со времени назначенія генераль-адъютанта князя Долгорукова московскимъ генераль-губернаторомъ, лица, служація и служившія подъ непосредственнымъ его начальствомъ, собрали между собою по добровольной подпискѣ капиталъ въ 2,400 руб. для учрежденія изъ процентовъ съ онаго одной стипендіи его имени въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Капиталъ этотъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, внесенъ въ Московское губернское казначейство депозитомъ университета. Избраніе стипендіата представляется пожизненно генераль-адъютанту князю Долгорукову, а послѣ него совѣту университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ, Высочайше на сіе соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

9-го іюля 1876 года (№ 7). *Производится:* дѣлопроизводитель V-го класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ

Александръ *Тимофеевъ*—въ статскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 15-го февраля 1875 года.

Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ *Осокинъ* — ректоромъ сего университета, по 21-е іюля 1877 года; коллежскій секретарь *Лисаневичъ*—почетнымъ попечителемъ Воронежскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1876 года, на три года.

Назначается: преподаватель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Владимирскій* — окружнымъ инспекторомъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Продолжается срокъ командировки за границу: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Батюшкову*—по 1-е августа 1876 года (Высоч. повелѣн. ³/₁₅ іюня 1876 года), доценту Императорскаго университета Св. Владиміра *Цеттасу* и кандидату Императорскаго Казанскаго университета *Боголюбову*—по 1-е сентября 1876 года.

Командируются съ ученою цѣлю: въ Россіи и за границу: директоръ Харьковского ветеринарнаго института *Мельниченко*—по 1-е августа 1876 года, доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Ивановъ* — съ 1-го августа 1876 года по 1-е ноября 1877 года; *за границу:* главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края, коллежскій совѣтникъ *Кунъ* и ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковского, *Якобій* и Св. Владиміра, *Хандриковъ* — всѣ на мѣсяць, изъ нихъ *Якобій* съ 15-го августа, а *Хандриковъ* съ 1-го сентября 1876 года; членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Сентъ-Илеръ* (Высоч. повел. 14-го іюня 1876 года) и привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ* — оба на два мѣсяца, послѣдній съ 1-го августа 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Верно* и ординаторъ акушерской клиники Императорскаго университета Св. Владиміра *Ваденюкъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года, учитель Ришельевской гимназій *Грицай*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней, кандидатъ Императорскаго Харьковского университета *Пассекъ*—на годъ, доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Боголюбовъ* и окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Адриановъ* — на два года, кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета *Василенко*—на три года.

Увольняются въ отпускъ за границу: попечитель Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сабуровъ* — на два мѣсяца (Высоч. повел. $\frac{3}{15}$ іюня 1876 года).

26-го іюля 1876 года. (№ 8). *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета *Чистякову* — по 16-е августа 1877 года, кандидату Императорскаго Московскаго университета *Казачкову* — по 1-е сентября 1877 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Мярожинскій* и экстраординарный профессоръ сего университета *Павинскій* — съ 20-го августа по 3-е сентября 1876 года, доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ медицины *Коломнинъ* — на пять мѣсяцевъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: сверхштатному ординатору хирургической госпитальной клиники Императорскаго Варшавскаго университета *Ковалевскому* — по 20-е августа 1876 года, по болѣзни.

16-го августа 1876 года. (№ 9). *Командируется за границу съ ученою цѣлію:* ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра *Ивановъ* — по 1-е мая 1877 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на четыре мѣсяца.

Увольняется въ отпускъ за границу: попечитель Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Мещерскій* — на шесть мѣсяцевъ, по болѣзни.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 1-й день текущаго сентября, на награжденіе учителей училищъ: приходскихъ: Вятскаго перваго мужскаго, губернскаго секретаря *Ефима Лихова*, Вольскаго перваго мужскаго, губернскаго секретаря *Лукьяна Логова*, Вольскаго перваго женскаго, губернскаго секретаря *Александра Чернышевскаго* и Саратовскаго Крестовоздвиженскаго мужскаго, коллежскаго регистратора *Федора Безручкина*, Александровскаго въ с. Бектышевѣ, Переславскаго

уѣзда, студента Владимірской духовной семинаріи Андрея *Молитво-словова*, Кондушскаго двухкласснаго сельскаго, Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Петра *Минорскаго*, Волосовецкаго однокласснаго народнаго, Подольской губерніи, Летичевскаго уѣзда, Θεодосія *Полторацкаго*, Старокостычевскаго начальнаго народнаго, Сызранскаго уѣзда, крестьянина-собственника Лаврентія *Краснова* и Корсунскаго волостнаго начальнаго народнаго, крестьянина-собственника Тимофея *Расторгуева*, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью: „за усердіе“, на Александровской лентѣ, для ношенія на груди.

— Государь Императоръ, по удостоенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 1-й день текущаго сентября, пожаловать воспитаннику Калужской гимназіи, сыну коллежскаго ассесора Валентину *Герману*, серебряную медаль съ надписью: „за спасеніе погибавшихъ“, на Владимірской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

3. (15-го мая 1876 года). *Правила о стипендіи графа Юлія Ивановича Стенбока при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На сумму, пожертвованную бывшими подчиненными оберъ-гофмейстера, графа Юлія Ивановича Стенбока, уволеннаго въ 1875 году по разстроенному здоровью отъ должности предсѣдателя департамента удѣловъ, въ шесть тысячъ рублей, въ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія въ размѣрѣ трехсотъ рублей въ годъ.

§ 2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го февраля 1876 года, именуется: „стипендіею графа Юлія Ивановича Стенбока“.

§ 3. Означенная стипендія назначается для одного изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета совѣтомъ департамента удѣловъ.

§ 4. Для сохраненія стипендіи при переходѣ въ высшіе курсы

необходимо имѣть на испытаніяхъ, въ среднемъ выводѣ отгѣтовъ, 4 балла и не менѣе 3-хъ изъ каждаго предмета.

4. (22-го мая 1876 года). *Правила о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора Егоровича Сокурова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Сокурова, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи въ триста рублей въ годъ каждая для бѣдныхъ студентовъ православнаго исповѣданія.

§ 2. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го мая 1876 года, именуется: „стипендіями потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора Егоровича Сокурова“.

§ 3. Означенныя стипендіи назначаются студентамъ С.-Петербургскаго университета безъ различія факультетовъ, начиная со втораго курса, совѣтомъ университета по представленію факультетовъ.

§ 4. Для полученія стипендіи и полученія ея на слѣдующихъ курсахъ, необходимо имѣть на испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ 4 балла и не менѣе 3-хъ изъ каждаго предмета.

§ 5. Оставшіяся свободными за производствомъ стипендій деньги изъ ежегодныхъ процентовъ могутъ быть обращаемы на выдачу пособій студентамъ университета, по усмотрѣнію правленія университета.

5. (21-го августа 1876 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта князя Владиміра Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 16-го августа 1876 года, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учреждается стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго по поводу исполнившагося 31-го августа 1875 г. десятилѣтія назначенія князя В. А. Долгорукова Московскимъ генералъ-губернаторомъ капитала въ 2.400 рублей, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, внесенныхъ въ Московское губернскае казна-

чейство депозитомъ Московскаго университета, съ присвоеніемъ сей стипендіи именованія: „стипендія генераль-адъютанта князя Владиміра Андреевича Долгорукова“.

2) Право избирать стипендіата пожизненно принадлежитъ князю В. А. Долгорукову, и впослѣдствіи—совѣту Московскаго университета.

3) Стипендіатъ генераль-адъютанта князя В. А. Долгорукова избирается изъ студентовъ Московскаго университета, недостаточнаго состоянія и отличающихся успѣхами въ наукахъ и доброю нравственностью, безъ различія сословія и независимо отъ факультета, къ которому принадлежитъ.

V. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

31-го іюля 1876 года (№ 15). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кремлевъ* — деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 3-го мая 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Незабитовскій*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 1-го іюля 1876 года по 26-е февраля 1879 года, экстраординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета: коллежскій совѣтникъ *Ермолаевъ* и *Арнштейнъ* — ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими кафедамъ: первый — физиологической анатоміи и послѣдній—гистологій, оба съ 3-го мая 1876 года, доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ гражданскаго права *Умовъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ гражданскаго права, съ 30-го апрѣля 1876 года, доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ физики *Шиллеръ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ теоретической физики, съ 21-го мая 1876 года, экстраординарный профессоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, магистръ *Земмеръ*—ординарнымъ профессоромъ сего института, доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи *Лей*—профессоромъ сего института по кафедрѣ химіи, съ 1-го іюля 1876 года, бывшій преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ

историко-филологическомъ институтѣ *Фогель* — наставникомъ студентовъ и преподавателемъ латинскаго языка историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 1-го іюля 1876 года, инспекторъ Кишиневской прогимназіи *Алаевъ* — директоромъ Херсонской гимназіи, съ 11-го марта 1876 года, учитель Тобольской гимназіи *Тихомировъ* — директоромъ Омской гимназіи, со 2-го іюля 1876 года, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Залежскій*, инспекторъ Тамбовской гимназіи, статскій совѣтникъ *Никитинъ*, учителя гимназій: Вологодской, коллежскій совѣтникъ *Маакъ* и Кишиневской, коллежскій совѣтникъ *Поповъ* — директорами реальныхъ училищъ: первый — Пермскаго, второй — Тамбовскаго, третій — Вологодскаго и послѣдній — Херсонскаго, всѣ четверо съ 1-го іюля 1876 года, учитель С.-Петербургской третьей прогимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Сторожевъ* — директоромъ Енисейской шестиклассной прогимназіи, съ 1-го іюля 1876 года, инспекторъ Θεодосійской, бывшей четырехклассной, прогимназіи *Виноградовъ* — директоромъ сей прогимназіи въ шестиклассномъ составѣ, съ 1-го іюля 1876 года, причисленный въ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Рошинъ* — директоромъ Бѣлгородскаго учительскаго института, съ 1-го іюля 1876 года, съ отчисленіемъ отъ сего министерства, директоръ Сарапульскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Адьясьвичъ* — директоромъ Самарской учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1876 года, титулярный совѣтникъ *Веселовскій*, коллежскіе секретари *Рябининъ* и *Лавзинъ*, потомственный почетный гражданинъ *Клачковъ*, Воронежскій 2-й гильдіи купецъ *Кретовъ* и технологъ *Михайловъ* — членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го іюля 1876 года.

Назначается: инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Геденовъ* — исправляющимъ должность директора вновь открываемой Свислочской учительской семинаріи, съ 9-го іюля 1876 года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: ветеринарный врачъ Карловскаго имѣнія Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны, магистръ *Раунахъ*, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Дерптскаго ветеринарнаго института, преподаватель Михайловской Воронежской военной гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Вязиревъ* — съ утвержденіемъ директоромъ Воронежскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1876 года, преподаватель Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института,

коллежскій ассесоръ *Исполатовъ*, съ утвержденіемъ директоромъ Тотемской учительской семинаріи, съ 11-го іюля 1876 года.

Оставляются на службу на пять мѣтѣ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Сокальскій*, съ 13-го апрѣля 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Григорьевъ*, съ 25-го іюня 1876 года, окружной инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ростовцевъ*, съ 12-го іюля 1876 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: директору Феллинской земской гимназіи, коллежскому совѣтнику *Гоетцелю* — на двадцать восемь дней, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на семь дней: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Австенко* — въ Москву; *на мѣнее вакаціонное время 1876 года:* директоръ Херсонской гимназіи *Алаевъ* — во внутрь Россіи, и директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Груздевъ* — въ Костромскую губернію; *до конца мѣсяца вакаціоннаго времени 1876 года въ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа:* директоръ народныхъ училищъ Калужской губерніи, статскій совѣтникъ *Львовъ* — въ южныя губерніи, по болѣзни; *по 15-е августа 1876 года:* исправляющая должность начальницы Черниговской женской гимназіи *Третьякова* — въ Каменецъ-Подольскую губернію; *на полтора мѣсяца:* дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Талантовъ* — въ Ярославскую и Костромскую губерніи; *на два мѣсяца:* дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернский секретарь *Соломко* — въ Черниговскую губернію; *въ Россіи и за границу:* дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Ивановскій* — на мѣсяцъ, по болѣзни; *за границу: на четырнадцать дней:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Гольстъ*; *на двадцать восемь дней:* главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края, коллежскій совѣтникъ *Кунъ*; *на мѣнее вакаціонное время 1876 года:* доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Кесслеръ* и преподавательница Кіевской женской гимназіи *Андріяшева*; *по 1-е сентября 1876 года:* ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Меринъ*; *на два мѣсяца:* ординаторъ факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета, докторъ

медицины *Молловъ*; на тѣмное вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней: учитель Московской четвертой гимназіи, коллежскій ассесоръ *Кулаковскій*, по болѣзни.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Развѣттовъ*, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: представителю торговой фирмы Д. В. Зиновьева и комп. Д. Зиновьеву—за пожертвованіе въ пользу Петергофскаго городского училища.

Исключается изъ списковъ умершій: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Пемеллеръ*.

12-го августа 1876 года. (№ 16). Утверждается: почетный смотритель Таганрогскаго уѣзднаго училища *Фурсовъ*—почетнымъ попечителемъ Преславльской учительской семинаріи, съ 26-го іюля 1876 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Назначаются: учитель Смоленской гимназіи, *Гобза*—исправляющимъ должность директора сей гимназіи, съ 1-го августа 1876 года, инспекторъ Калужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Раздеришинъ*—исправляющимъ должность директора Зарайскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1876 года.

Перемѣщается: директоръ Смоленской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Басовъ*—директоромъ Московской пятой гимназіи, съ 1-го августа 1876 года.

Опредѣляется на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: коллежскій совѣтникъ *Еремьевъ*, съ утвержденіемъ директоромъ вновь отрываемой учительской семинаріи въ Благовѣщенскомъ заводѣ, Уфимской губерніи, съ 18-го іюля 1876 года.

Оставляется на службу на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Митюковъ*, съ 31-го іюля 1876 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета *Бему*—на четырнадцать дней, управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляжницкому*—на двадцать восемь дней, по болѣзни.

Увольняется въ отпускъ: въ Россіи: на три недѣли: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генераль-маіоръ *Новиковъ*—

въ Московскую и Тамбовскую губерніи; *на мѣсяцъ*: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Васильевъ* — въ разныя губерніи, по болѣзни; *за границу*: *на мѣсяцъ*: хранитель зоологическаго музея Императорскаго Московскаго университета *Земель*; *на два мѣсяца*: директоръ Рижской городской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гафнеръ*, по болѣзни, завѣдывающій читальною залою Императорской публичной библіотеки, коллежскій совѣтникъ *Юзь* и ординаторъ Императорскаго Казанскаго университета *Петровъ*; *на четыре мѣсяца*: сверхштатный ординаторъ терапевтическаго отдѣленія факультетскихъ клиникъ Императорскаго Московскаго университета, лекарь *Нестеровъ*.

Увольняются, согласно прошеніямъ: директоръ Московской пятой гимназій, исправляющій должность ординарнаго профессора въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эмиль* — отъ должности директора гимназій, съ 1-го августа 1876 года; директоръ Зарайскаго реальнаго училища, состоящій въ V классѣ *Урусовъ* — отъ службы, съ 1-го августа 1876 года; директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи коллежскій совѣтникъ *Кулажинскій* — отъ службы.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему Пензенскому уѣздному предводителю дворянства, предсѣдателю Пензенскаго училищнаго совѣта, дѣйствительному статскому совѣтнику *Гевличу*, генералъ-маіору *Болдыреву*, бывшему члену Пензенскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, надворному совѣтнику *Гевличу* и дворянину *Соловцову* — за значительныя пожертвованія въ пользу народныхъ училищъ Пензенскаго уѣзда, предсѣдателямъ попечительныхъ совѣтовъ: Пензенской женской гимназій, штабсъ-капитану *Бекетову* и Пензенской женской прогимназій, коллежскому совѣтнику *Славинскому*, бывшему предсѣдателю Чистопольскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскому регистратору *Якубовичу*, бывшему мировому посреднику 1-го участка Радомысльскаго уѣзда, отставному штабсъ-капитану *Голуницеву*, мировому посреднику 2-го участка Тираспольскаго уѣзда, дворянину *Фатуровскому*, бывшему Тираспольскому городскому головѣ, губернскому секретарю *Каминскому*, членамъ попечительныхъ совѣтовъ: Рыбинской Маріинской женской гимназій, потомственному почетному гражданину, Рыбинскому 1-й гильдіи купцу *Григорьевскому*, Нахичеванской (на Дону) женской прогимназій, коллежскому секретарю *Каракашину*, Коломенской женской про-

гимназій, потомственному почетному гражданину *Левину* и Богородицкому 2-й гильдіи купцу *Безсалоу*, учителю Каменецкаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда *Гликину*, попечителю начальныхъ народныхъ училищъ Олонецкаго уѣзда, Олонецкому 2-й гильдіи купцу *Жданову*, попечителю Тростянецкаго начального народнаго училища, Ахтырскаго уѣзда, Ахтырскому 2-й гильдіи купцу *Бабицкому*, почетнымъ блюстителямъ училищъ: закрытаго въ Ново-Московскѣ казеннаго еврейскаго 1-го разряда, 1-й гильдіи купцу *Тавровскому*, Славянскаго городскаго, Славянскому 1-й гильдіи купцу *Михайловскому*, С.-Петербургскихъ Владимірскаго и Матвѣевскаго приходскихъ, С.-Петербургскому 2-й гильдіи купцу *Ядрову*, Верховажскаго, Вологодской губерніи, потомственному почетному гражданину *Пестерову*, Никольскаго приходскаго, Вологодской губерніи, 2-й гильдіи купцу *Ераницеву* и Леденгскаго однокласснаго, Вологодской губерніи, Тотемскому 2-й гильдіи купцу *Гудкову-Бьякову*, потомственному почетному гражданину, Царскосельскому 1-й гильдіи купцу *Гликову*, помощнику волостнаго старшины Боромлянской волости, Ахтырскаго уѣзда, государственному крестьянину *Ковалю* и бывшему волостному писарю Боромлянскаго волостнаго правленія, Ахтырскаго уѣзда, государственному крестьянину *Кобуику*—за усердіе на пользу народнаго образованія, сверхштатному зубному врачу при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ *Валленштейну* — за безмеждное врачеваніе въ семь институтѣ.

Исключается изъ стисковъ умершій: директоръ Маріампольской мужской гимназій, статскій совѣтникъ *Чернявскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) „Стѣнную раскрашенную карту Восточной Европы въ половинѣ IX вѣка и Руси въ удѣльный періодъ по 1240 годъ. Составилъ *А. Добряковъ*. Спб. 1876 г., цѣна въ листахъ 1 р. 60 к., наимеенная на холстѣ 3 руб. 10 коп.“ — одобрить для употребленія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается русская исторія.

2) Книгу: „*Оборникъ темъ и плановъ для сочиненій*. Составилъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній *С. Весинъ* (преподаватель

русской словесности Динабургскаго реального училища). С.-Петербургъ, 1876 г. Цѣна 75 коп.“ — одобрить, какъ пособіе для учащихся при ихъ сочиненіяхъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

3) Книгу: „*Fr. Ibergel. Historia philosophii.* Перевелъ и составилъ дополненія съ примѣчаніями Н. Ѳ. Фокковъ. Томъ I, часть I. С.-Петербургъ, 1876 г. Цѣна 2 руб.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ гимназій, какъ несомнѣнно полезную.

4) Книги подъ заглавіями: I. „*Элементарный курсъ французскаго языка для гимназій и прогимназій.* Составилъ сообразно съ указаніями учебнаго плана, утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія, преподаватель французскаго языка при 4-й Московской гимназіи М. Котельниковъ. Москва, 1874 г.“ — рекомендовать, въ качествѣ учебнаго руководства, для II-го класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

II. „*Дѣтская книга для первоначальнаго изученія французскаго языка.* Составилъ для приготовительныхъ классовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній М. Котельниковъ. Москва, 1874 г.“ — рекомендовать въ видѣ пособія при первоначальномъ обученіи французскому языку въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

5) Книгу: „*Бережливость.* Сочиненія Самуэля Смайльса, автора „Самодѣятельности“, „Характера“ и др. Переводъ съ англійскаго. С. Майковой. С.-Петербургъ, 1876 г. Цѣна 2 руб.“ — одобрить для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

6) I. Брошюру: „*Очеркъ исторіи химіи.* Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Бѣлостокскаго реального училища 14-го іюня 1875 года преподавателемъ Князевымъ. Вильна, 1875 г.“ — допустить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ.

II. Составленныя А. М. Шмидтъ книги: а) „*Записки по грамматикѣ нѣмецкаго языка* (правила изложены на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ). *Этимологія.* С.-Петербургъ, 1875 г. Цѣна 60 коп.“ и б) „*Deutsche Sprache. Syntax. Nach den besten Quellen bearbeitet von A. Schmidt.* St.-Petersburg, 1876“ — допустить въ видѣ пособія при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

III. „*Международныя словари для среднихъ учебныхъ заведеній,* составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія

Н. Макаровымъ и В. Шеереромъ. Часть русско-нѣмецкая. С.-Петербургъ, 1876 г. — рекомендовать какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

IV. „*Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française* par *E. Varon.* 1re partie. 2me édition. St.-Petersbourg, 1876“ — включить въ число руководствъ, назначенныхъ для гимназій и прогимназій.

7) Книгу: „*Locutionum latinarum thesaurus*“ или *Латинская фланцеология.* Пособіе для учениковъ среднихъ классовъ гимназій при составленіи латинскихъ письменныхъ работъ. Составилъ *К. Я. Бѣлицкій.* Одесса. 1876 года. Цѣна 60 коп.“ — одобрить какъ пособие по латинскому языку, согласно назначенію, изложенному на заглавномъ листѣ.

8) Книги: I. „*Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій* составлено по *Tigocipius Otto Шульца,* инспекторомъ Новгородсѣверской гимназій *Л. Латинскимъ.* Части I и II, изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Новгородсѣверскъ. 1875 года“ — одобрить какъ руководство по латинскому языку для трехъ низшихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. „*Странствованіе по мастерскимъ Германа Вагнера и его молодыхъ друзей.* Переводъ съ нѣмецкаго, съ 133-мя политипажами. Москва. 1876 года“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

III. „*Опытъ руководства къ частному хозяйству въ современномъ его состояніи.* Составилъ *П. Табузинъ.* При изданіи приложены чертежи въ натуральную величину. Киевъ. 1875. Цѣна 1 р. 30 к.“ — рекомендовать для народныхъ библиотекъ, а также для фундаментальныхъ библиотекъ учительскихъ семинарій, институтовъ и реальныхъ училищъ.

9) Книгу: „*Основныя начала прикладной механики.* Соч. Сонне. Перевелъ съ пятого французскаго изданія и дополнилъ *примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и о моментахъ инерціи В. Липинъ,* профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета. Съ 12 листами чертежей. Одесса. Изданіе Дейбнера 1876 года“ — одобрить въ видѣ учебнаго руководства предпочтительно передъ переводомъ той же книги, сдѣланнымъ въ 1860 году.

10) Книги: I. „*Латинская учебная грамматика.* Составилъ *К. Я. Бѣлицкій.* Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе шес-

тое, исправленное. Одесса. 1876 г. Цѣна 1-й части 50 коп., 2-й части 60 коп.“,—одобрить какъ руководство для 4-хъ низшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

II. „Гдѣ я и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Составилъ В. Новаковский. Третье изданіе. С.-Петербургъ. 1876 г. Цѣна 60 коп.“,—одобрить для чтенія, какъ въ народныхъ школахъ, такъ и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній (для ученическихъ библіотекъ).

III. „*Buchhalteria, или наука книговеденія, по двойной системѣ, съ приложеніемъ 1-го чертежа и 1-го листа, объясняющихъ ходъ суммъ по счетамъ, 1-го отдѣльнаго забалансированнаго самимъ собою балансоваго листа, 1-го чертежа ярмарки и 1-го особаго листа, показывающаго подробности ярмарочныхъ оборотовъ, изложенная самымъ удобопонятнымъ образомъ и предназначенная преимущественно для самоучащихся. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ѳ. Г. Журовъ. Москва. 1874 г. Цѣна за двѣ части 3 рубля“,—рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособие, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей.*

IV. „*Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый, С.-Петербургъ. 1876 г.*“,—рекомендовать для приобрѣтенія въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, на потребу учителямъ.

V. „*Doctrinae metricae Summarium. In usum scholarum suarum conscripsit. A. L. Doellen, Universitatis Charcoviensis prof. emer. Petropoli. 1876 г.*“,—допустить какъ учебное пособие по классическому стихосложенію для VIII класса гимназій, а равно рекомендовать для основныхъ библіотекъ тѣхъ же заведеній, какъ трудъ, заключающій въ себѣ вкратцѣ всю теорію греко-римской метрики въ современномъ развитіи науки.

11) Книгу „*Жельзно-дорожный нѣмецко-французско-русскій словарь. Со включеніемъ номенклатуры механическаго, строительнаго и горно-заводскаго дѣла, а также вспомогательныхъ къ нимъ наукъ. Составилъ по новѣйшимъ источникамъ и издалъ П. Воско. Варшава, 1876 г. цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.*“,—допустить въ качествѣ пособия для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) „*Теоретическое и практическое руководство къ скорому и легкому изученію чистописанія и скорописи. Метода. придворнаго каллиграфа шведскаго короля Генриха Блокка. Москва 1875*“,—рекомендовать для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ при обученіи чистописанію и скорописи.

2) Книгу: „*Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку. Методическое пособіе для преподавателей элементарной школы. Составилъ Д. Тихомировъ. Второе изданіе. Москва. 1875 г. Цѣна 55 коп.*“,—допустить въ бібліотеки двухклассныхъ городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и въ фундаментальныя бібліотеки среднеучебныхъ заведеній.

3) Книги подъ заглавіемъ: 1) „*Открытіе Америки. Историческій разказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго С. Даневскою. Изд. 2-е съ портретомъ Колумба и двумя картами С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., для учебныхъ заведеній 60 к.*“

и 2) „*Открытіе и завоеваніе Мексики. Историческій разказъ для дѣтей С. Даневскою. Изд. 2-е съ картою Мексики и изображеніемъ мексиканскихъ письменъ. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., для учебныхъ заведеній 60 коп.*“,—внести въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для учебныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій.

4) Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ составленную священникомъ Свирѣлинымъ книгу подъ заглавіемъ: „*Книга для первоначальнаго чтенія по закону Божію въ народныхъ училищахъ. М. 1873 г. Ц. 35 коп.*“, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, и согласно съ заключеніемъ духовно-учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, призналъ возможнымъ допустить сію книгу въ бібліотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерства народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ

16-й день августа 1876 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе служащимъ по учебному вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ общей Высочайше утвержденной формы для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ золотымъ шитьемъ и на установленіе для учащихся въ прогимназіяхъ той же формы, которая существуетъ въ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Управляющимъ министерствомъ, г. товарищемъ министра, разрѣшено: изданіе: „*Практическая метода*“, въ 5-ти тетрадяхъ, для основательнаго, четваго и легваго изученія русскаго чистописанія въ школахъ и дома. Составлена учителемъ чистописанія *Фридманомъ*. Варшава. 1876 г., тетради 1, 2 и 3. Цѣна каждой тетради по 10 коп.“— допустить въ народныя школы.

— По донесенію управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 1-го іюля сего года послѣдовало открытіе двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія при Николо-Угрѣнскомъ монастырѣ, Московскаго уѣзда.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“ ¹⁾.

III.

Прежде чѣмъ обратимся къ рассмотрѣнію стихотворныхъ переводовъ Слова о полку Игоревѣ, считаемъ нужнымъ предварительно опредѣлить внутреннія особенности языка и склада этого произведенія.

Прежде всего при чтеніи этого литературнаго памятника сказывается воздѣйствіе на него древнихъ византійскихъ и славянскихъ воинскихъ повѣстей, съ рѣчами ихъ героевъ и описаніемъ кровавыхъ сраженій. Какія это были повѣсти—опредѣлить трудно какъ потому, что ихъ вообще мало сохранилось, такъ и потому, что онѣ еще меньше извѣстны и разработаны; во всякомъ случаѣ для разрѣшенія нашего вопроса о поэтическомъ языкѣ Слова, позволяемъ себѣ обратить вниманіе на извѣстную повѣсть Іосифа Флавія „о полоненіи Іерусалима“ въ древнемъ ея славянскомъ переводѣ. Читатель можетъ видѣть, на сколько сравненіе Слова съ этою повѣстью представляетъ сходства—не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ цѣлыхъ образахъ и картинахъ.

Такъ, образъ предпочтенія смерти плѣну былъ обычнымъ въ рѣчахъ воинскихъ героевъ и вождей. Въ повѣсти Флавія одинъ предводитель говоритъ своимъ сподвижникамъ, что разъ рѣшившись сражаться, намъ *тѣмъ смерть славу пріяти, нежели жити плѣни* (л. 122 об.) *πολεμοῦμενος δ'ἄταξ θάνατον εὐκλεῖα τοῦ ζῆν αἰχμάλωτος* (lib. IV с. IV, 3). Точно также читаемъ мы и въ устахъ Игоря: „Братіе и дружино!“ говоритъ онъ своимъ воинамъ, — *луче жъ бы поятю бити, неже полонену бити*“. Геройская рѣшимость и нравственное распаленіе къ воинскому подвигу въ повѣсти Флавія весьма часто изображается подъ образомъ воинскаго *поостренія* оружія. „Подъ-

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку Ж. М. Н. Пр., за текущій годъ. ЧАСТЬ CLXXXVII, отд. 2.

острите души ваша на мести“, говорилъ одинъ предводитель своимъ сподвижникамъ (τὰς ψυχὰς ἐπ' αὐτοὺς θήσετε πρὸς ἄμυναν lib. IV с. III, 10). Точно такъ и нашъ герой Игорь „*поостри сѣрдца своего мужествомъ*“. Ратный духъ, одушевлявшій героевъ при началѣ похода, не оставался безъ вниманія въ воинскихъ повѣстьяхъ. Описывая римскіе воинскіе обычаи, Флавій говоритъ, что *вои, исполнившись ратнаго духа, съ кличемъ всѣдають на кони* (καὶ τινος ἀρτίου πνεύματος ὑποπιλαμένοι τῇ βοῇ... Lib. III, с. V, 4). Точно также и нашъ Игорь „*напѣнився ратнаго духа*“, повесть полки свои на землю Половецкую.

Прежде движенія въ походъ, полководецъ трижды спрашивалъ римскихъ воиновъ, „*готовы ли есте на стѣчу*“, и когда тѣ троекратно отвѣчали „*яко уготовихомся*“, тогда двигались въ путь (“Ὅτε Κῆροξ εἰ πρὸς πόλεμόν εἰσιν ἔτοιμοι τῇ πατρίᾳ γλώσση τρίς ἀναπονθάνεται. Κάκεινοι τοσαύτακι ἀντιβοῶσι μέγα τι καὶ πρόθυμον, ἔτοιμοι λέγοντες εἶναι... Lib. III, с. V, 4). Въ связи съ этимъ воинскимъ обычаемъ, намъ кажется, находится и рѣчь Всеволода къ Игорю: „Сѣдлай, брате, свои брзны конони, а мои ти готовы, оспдлами у Курска на переди“. Буря, громъ, молнія въ походахъ считались предвѣстниками бѣдствій. „*Приключися въ ночь бури неизрѣченная и громи страшни и молнии частни и земля трясащися ревуше* (τῆς νυκτὸς ἀμήχανος ἐκρήγνυται χεῖμων... καὶ συνεχεῖς ἀστραπαῖ, βρονταὶ τε φρικώδεις καὶ μυκῆματα σειομένης τῆς γῆς ἐξάιαα. Lib. IV, с. IV, 5). Можно заключить, говорить Флавій,— что сіе предвѣщало не малыя бѣдствія (καὶ οὐχὶ μικροῦ τις ἂν εἰκάσαι συμπτόματος τὰ τέρατα). Въ такихъ же точно образахъ описываются недобрыя предвѣщанія и войны Игоря: *черныя тучи съ моря идутъ; а въ нихъ трепещуть синіи молнии, бити грому великому...* Воинская добыча, раздѣляемая между героями, почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ описывается какъ въ повѣсти Флавія, такъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, дѣлятся золотыя или серебряныя копья, хоругви, плѣненное золото и серебро и паволоки: „*И вода емоу домо копіе злато и хоруговь серебряноу и отъ пльненаго злата и серебра и паволоки поуцаше* (καὶ δόρατα μακρὰ χρύσα καὶ σημαίας ἐδίδοον πεποιημένας ἐξ ἀργύρου καὶ ἐκ τῶν λαφυρῶν ἀργύρον καὶ χρύσον ἐσθῆτας δαψιλῶς ἀπένευσε. Lib. VII, с. 1, 3). То же читаемъ и въ Словѣ: „*Съ ними жь злато и паволоки и драгыя оксамитыя. Чрълень стягъ, бѣла хоруговь, серебряно стружкіе храброму Овятославицу*“. Облаченіе героевъ волынскихъ было одинаково съ облаченіемъ римскихъ воиновъ, которые покрыты были нагрудниками и шлемомъ (θώρακι πεφραγμένοι καὶ κράνες. Lib. III, с. V, 5). Въ повѣсти Флавія

между прочимъ читаемъ: *того бо (Juliana) не моглоша оубити, зане бысть облоченъ въ шеломи и въ брони всюдѣ, или точнѣе, всѣ мѣста, гдѣ можно было его смертельно ранить, имѣлъ онъ прикрытѣя шлемомъ и нагрудникомъ, а шею сжатую* (οὐδὲ γὰρ ἀνηρέθη ταχέως τῆ τε κράνει καὶ θώρακι, πεφραγμένος πάντα τὰ καίρια πρὸς σφαγὴν καὶ τὸν αὐχένα συνέλκων. Lib. VI, с. 1, 8). Это мѣсто превосходно объясняетъ рѣчь Святослава къ Роману и Мстиславу Волынскимъ: „*Суть бо у ваю жемъзные напорзи, подѣ шеломи латинскими*“, отъ какого убранства, отъ тѣхъ шлемовъ и нагрудниковъ „*тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половцы суици своя повергоша*“. Во время самой войны Римляне ничего не дѣлали безъ разсужденія и на отвагу или по опрометчивости или скорости, но всегда между собою прежде совѣтовались о томъ, что начинали, и тогда уже приступали къ дѣлу, когда довольно о томъ размышляли (Οὐδὲν δὲ ἀπροβούλευτον ἐν ταῖς μάχακ οὐδὲ αὐτοσχέδιον ἀλλὰ γνώμη μὲν αἰε πάντος ἐργου προάγει, τοῖς δοχθεῖσι δὲ ἔπεται τὰ ἔργα. Lib. III, с. V, 6): *Се же не римскій обычай есть оже съ яростию битися и безмаряда, по варьварской и иудейской* (л. 109). (Τὸ δὲ ἀπαρίσκηπτον ἐν πολέμῳ καὶ τῆς ὀρμῆς μανιώδες οὐ πρὸς Ῥωμαίων, οἱ πάντα ἐμπειρίᾳ καὶ τάξει κατορθοῦμενον, ἀλλὰ βαρβαρικὸν, καὶ φ̄ μάλιστα Ἰουδαῖοι κρατοῦνται. Lib. IV, с. 1 — 6). *Аще же кто безъ промыслу побѣдоу приимуть, то не славно имъ есть.* Этотъ римскій обычай „*безъ дрѣжанія не тцатися на побѣду*“ прекрасно объясняетъ намъ упреки Святослава, обращенные къ Игорю и Всеволоду, которые начали искать себѣ славы, по словамъ лѣтописи, „*невздръжавше своя юности*“, „*Нечестно, говорить онъ, — одолште: нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалѣна. Се ли створисте моеѣ сребренеѣ съдикп!*“ Въ обычаяхъ войны было и *закладывать уши* (ἐπιφράζει τὰς ἀκοὰς) для того, чтобы не поддаваться малодушію (ὡς ἂν μὴ καταπλαγεῖεν) отъ страшныхъ звуковъ, когда кликомъ полви побѣждали (ἐκέλευσε δὲ πρὸς μὲν τὸν ἀλαλαγμὸν τῶν ταγμάτων ἐπιφράζει τὰς ἀκοὰς, ὡς ἂν μὴ καταπλαγεῖεν. Lib. II, с. VII, 25). Этотъ воинскій обычай указываетъ намъ—какое впечатлѣніе звонъ мечей и стрѣлъ крамольника Олега производить на Владиміра Мономаха. Онъ заставлялъ его смущаться и въ то же время разжигалъ его къ мужеству: „*Той же звонъ слыши дневный великій Ярославъ сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра закладаша уши въ Черниговъ*“. *Градѣдская слава* вдохновляла героевъ, и о ней упоминается, какъ въ Словѣ, такъ и въ повѣсти

Флавія. И что „славлю *прадѣдскою крѣпостъ* нынѣшнюю брань, юже воздвигаемъ на Римляны“ (καὶ τί δεῖ τὰ τῶν προγόνων λέγειν; Lib. IV, с. III, 10). Въ Словѣ: „*тии бо кликомъ полки побѣждаютъ, звонячи оъ прадѣдскую славу*“. *Затворить ворота* — образное выраженіе, которое также встрѣчается тамъ и тутъ. *Тъ бо бѣ владыка выхода, того же древле Александръ царь затвори желѣзными вратами* (ἦν ὁ βασιλεὺς Ἀλέξανδρος πόλις σιδηραῖς κλειῖτην ἐποίησεν. Lib. VII, с. VII, 4). Въ Словѣ: „*Подмръ юри Угорскми своими желѣзными плѣки, затворивъ Дунаю ворота*“. Въ повѣсти: *Тъ же градъ Исусъ Навинъ doby копиемъ* (ἦν Ἰήσους ὁ Ναυῆ... εἶλε δορικήτων. Lib. IV, с. VIII, 3. *Serit jure belli*). Въ Словѣ: „*И дотчеся стружьемъ злата стола Киевскаго. Дастъ емоу и злата столъ съ драгомъ камнемъ оустроенъ*“ (ἀὐτὸν δωρεῖται θρόνον τε χρύσειον διαλίθον. Lib. I, с. XXV, 6). Выраженіе, которое часто повторяется въ Словѣ.

Кромѣ приведенныхъ мѣстъ въ повѣсти Флавія, не мало и такихъ, которыя столь же сходны съ образами и выраженіями Слова, но которыхъ однако не оказывается въ дошедшемъ до насъ греческомъ ея текстѣ. Таковы, наприимѣръ, слѣдующіе образы и выраженія:

Въ повѣсти:

И *пріямъ оумъ* въ свою крѣпостъ и ста крѣпко исполчився. Lib. IV, с. 1, 5).

И *стрѣлы нань лѣтахоу* аки дождь (Lib. IV, с. VII).

И *помощенъ Иорданъ трупиемъ* и исполнися рѣка утопшими и ходяхоу по нимъ аки по мосту, (Lib. IV, с. VII, 6).

И *бысть видѣти ломъ копейный* и скрежатаніе мечное и щиты испицани и землю напоиша крове (Lib. III, с. VII, 6).

Порочими и сулицу изъ лукъ-пущаеми шумяхоу и стрѣлы помрачаша свѣтъ.

Въ Словѣ:

И *стягну умъ* крѣпостію своею.

Итти дождю стрѣлами съ Дона великаго.

Потопшаша поганья полки японциами и кожухи и начаша мосты мостити.

Прищети на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы, поскепани саблями каленными шеломы оварьскія. Тамо лежать головы половецкія.

Черна земля подъ копытами... кровію полита...

Мы могли бы привести здѣсь множество словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ повѣсти Флавія и весьма сходныхъ съ образами и картинными Слова. Но намъ кажется, достаточно и приведенныхъ, чтобъ убѣдиться въ ихъ сходствѣ. Повѣствовательный языкъ Слова, очевидно, условливался сколько особенностями воинскаго славянскаго

быта, сходнаго съ римскимъ, столько же и опредѣленными, установленными приемами его изображенія.

Славянскій переводъ повѣсти Флавія извѣстенъ намъ по спискамъ XV вѣка, но уже въ это время одинъ славянскій ученый отыскивалъ его и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и хотя отыскать не могъ, тѣмъ не менѣе для насъ важно, что уже тогда въ Славянскихъ земляхъ знали о существованіи этого памятника. Нисколько не удивительно, что повѣсть о полоненіи Іерусалима могла быть переведена на славянскій языкъ за два или три вѣка предъ симъ, когда этотъ священный городъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе всего тогдашняго міра. Впрочемъ, въ XII вѣкѣ она могла быть доступна нѣкоторымъ на Руси и въ своемъ греческомъ оригиналѣ: извѣстно, что въ это время, при князьяхъ, бывали люди, знавшіе эллинскій языкъ.

Конечно, наше заключеніе было бы не научно, еслибы мы, на основаніи указаннаго сходства, стали утверждать, что авторъ Слова пользовался повѣстію Флавія какъ своимъ источникомъ. Очень многія выраженія и обороты мы встрѣчаемъ и въ другихъ византійскихъ произведеніяхъ: напримѣръ, у Ефрема Сирина: *яко орелъ на высотахъ паряй*; въ Словѣ: *яко орелъ на оттрехъ ширяся*. Или, тамъ же: *молнія трепечная*; въ Словѣ: *сини молніи трепещутъ* и т. п. Точно также послѣшилъ бы въ своихъ выводахъ и тотъ, кто сталъ бы говорить на оборотъ, что славянскій переводъ повѣсти передѣланъ подъ влияніемъ Слова. Есть основаніе думать, что онъ представляетъ особую краткую редакцію повѣсти, греческій оригиналъ которой утраченъ. На основаніи изложенныхъ данныхъ можно только предположить, что въ XII вѣкѣ у насъ были распространены воинскія повѣсти, которыя по особенностямъ своего языка отчасти были родственны византійскимъ, отчасти носили самобытный воинскій характеръ. Такого рода повѣсти и могли быть первымъ образцемъ для Слова и наложить на него печать цвѣтовъ и узоровъ эллинскаго краснорѣчія.

Къ тому же выводу приводитъ и сравненіе Слова съ языкомъ русскихъ лѣтописей. На сходство между ними въ этомъ отношеніи указывали почти всѣ изслѣдователи, начиная съ Калайдовича. Укажемъ на мѣста особенно поразительныя:

„Начнемъ же сказати безчисленныя рати и великія *труды* и частыя войны“ (Ипат. л., 166).

„Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нежели на чужѣ славну быти“ (Ипат. л., 155).

„Тогда Владиміръ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ“ (Ипат. л., 155).

„Дружина жъ твоя, ако медвѣди и волцы, или яко подобилися орлу, летающу подъ облакомъ, дружина жъ твоя, аки ястребы и никто жъ можетъ одолѣти тя“ (Ник., II, 172).

„А другое слово рекшу ему прегордо: острый мечю, борзый коню“ (Ипат. л., 162).

„И нача волцы выти мнози. Бонякъ повѣда Давидови яко побѣда ны есть на Угры заутра“ (Лавр. л., 115).

„Пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболочу велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъшущимъ и плавающимъ крилома своимъ... и се знаменье не на добро бысть“ (Ипат. л., 183).

„Бысть тьма, молонья и громъ и дождь. И бысть сѣча сильна. Яко просвѣтыше молонью, блестящеться оружіе. И бѣ гроза велика и сѣча страшна и сильна“ (Лавр. л., 64).

„Щить же ихъ, яко заря бѣ, шелома же ихъ, яко солнцу восходящу“ (Ипат. л., 186).

„Устремилъ бо ся баше на поганя, яко и левъ. Сердить же бысть, яко и рысь и губяше, яко и коркодилъ, и прехожахе землю ихъ, яко и орель. Храберъ бо бѣ, яко и туръ“ (Ипат. л., 155).

„И ту бѣваше видѣти ломъ копейный и щить сьпанія. Стрѣлы омрачиша свѣтъ“ (Ипат. л., 177).

„Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе“ (Новг. I-я л., 49).

„И сбиша Угры, аки въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ“ (Лавр. л., 115).

„Загналъ Мономаха отрока въ Обезы за желѣзная врата“ (Ипат. л., 155).

„Рече слово то, яко же и переже слышахомъ: не идетъ мѣсто къ головы, но голова къ мѣсту“ (П. С. Р. Л., II, 65).

Это поразительное сходство въ образахъ и выраженіяхъ — между Словомъ и лѣтописями — при ихъ существенномъ различіи въ подробностяхъ и общемъ возрѣніи на событія, опять-таки можетъ указывать на ихъ общій источникъ въ отношеніи внутренняго состава языка, то-есть, на тѣ воинскія древне-славянскія повѣсти, которыя равно отражались въ лѣтописяхъ, какъ сказались онѣ и въ Словѣ, съ ихъ эллинскими узорами и особенностями славянской рѣчи.

Но если Слово излагало былъ, дѣйствительность, и съ этой стороны было *повѣстію*, то съ другой — самъ же авторъ называетъ его *пѣснью* (пѣти было пѣснь Игорю). Образцомъ, характеризующимъ

языкъ Слова съ этой стороны, былъ для него Боянъ, къ которому онъ часто и обращается за вдохновеніемъ.

Кто былъ этотъ Боянъ — о томъ различно думали; нѣкоторые (Вельтманъ) угадывали въ немъ старца Яна, упоминаемаго въ лѣтописи, разлагая Бояна на частицу *бо* и слово *Янъ*; но натяжка подобной догадки очевидна сама собою ¹⁾. Другіе (Венелинъ) считали нашего Бояна за одно лицо съ болгарскимъ Бояномъ, сыномъ Владиміра Сумеона, царя Болгарскаго. Но это предположеніе также не имѣетъ за собой историческихъ основаній ²⁾. Наконецъ, нѣкоторые (кн. П. П. Вяземскій) въ имени *Боянъ* видятъ нарицательное имя поэта и признаютъ въ немъ самого Гомера; но какъ бы ни поднимали мы образованность Руси въ XII вѣкѣ, мы никогда не въ состояніи будемъ доказать, чтобы въ это время Гомеръ на столько былъ извѣстенъ въ Россіи, что могъ называться нарицательнымъ именемъ, какъ извѣстенъ онъ былъ въ Византіи, гдѣ подъ именемъ *поэта* уже всякій разумѣлъ Гомера. Правда, указанія на Гомера можно встрѣтить и въ нашихъ лѣтописяхъ, но не иначе какъ съ именемъ *Омира*. Не было также основаній и для самого автора Слова, при обращеніи къ нему, какъ къ своему вдохновителю, называть его не собственнымъ, а нарицательнымъ именемъ. Наконецъ, еслибъ авторъ Слова писалъ его подъ воздѣйствіемъ Гомера, то красоты Гомерова генія, столь увлекающія, сказались бы въ немъ несравненно ярче и осязательнѣе, а не ограничились бы такими неясными и туманными намеками, по которымъ можно догадываться только ощущеніемъ объ этомъ воздѣйствіи.

Судя по тому, что авторъ приурочиваетъ Бояна къ опредѣленному времени и къ опредѣленнымъ лицамъ, всего естественнѣе предполагать, что былъ на Руси дѣйствительный пѣвецъ Боянъ, который жилъ во времена первыхъ княжескихъ усобицъ.

Но кто бы онъ ни былъ — старецъ ли Янъ или самъ Гомеръ, дѣйствительный или мнимый, — важно то, что авторъ Слова въ лицѣ его изобразилъ намъ поэтическій геній и олицетворилъ его обаятельную творческую силу въ ея разнообразныхъ явленіяхъ. И для самого пѣвца Игорева Боянъ былъ дорогъ не самъ по себѣ, а именно этимъ самымъ геніемъ, который проявлялся въ немъ волшебнымъ образомъ, и подъ воздѣйствіемъ котораго желалъ самъ онъ находиться.

¹⁾ Частица *бо* ставится всегда позади, а не впереди слова, въ коему относится.

²⁾ Болгарскій Боянъ жилъ въ X вѣкѣ, а нашъ жилъ въ XI вѣкѣ.

Пѣсни Бояновы были такъ свѣжи и прекрасны, какъ лиственное дерево, такъ быстры и раздольны, какъ прыганье волка, такъ восторженны и возвышенны, какъ пареніе орла подъ облаками. Но не пѣвецъ былъ только этотъ волшебный Боянъ. Онъ еще и разыгрывалъ пѣсни свои на струнахъ: и лишь только владъ онъ волшебные персты свои на струны живыя, тѣ сами славу князьямъ рокотали. Какъ соловей, скачетъ онъ по лиственному древу, какъ орелъ взвивается подъ облаками и ричеть по тропѣ Трояновой чрезъ поля на горы. Наконецъ, авторъ называетъ его „вѣщимъ и смысленнымъ“, даже внукомъ самого Велеса. Въ своей пѣсни онъ пользуется имъ для разныхъ цѣлей, и потому Боянъ является у него съ разными достоинствами: „Чи ли пѣти вѣщій Бояне, Велесовъ внуче!“ вызываетъ онъ — и на призывъ его раздается голосъ Бояна, какъ голосъ соловья: „Кони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Киевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ“. Или вотъ онъ говоритъ, что хотя и вѣщая душа была въ тѣлѣ Всеслава, однако часто страдалъ онъ отъ бѣды, и спѣшить подтвердить свою мысль словами Бояна: *не зитру, ни юрпаду суда Божія не избати*. Это роковое изрѣченіе было извѣстно въ глубокой древности: *Суда Божія не возможно утеши ни душевнымъ, ни бездушнымъ* (л. 220) (Τὴν εἰμαρμένην ἄφικτον ὄψασιν Lib. VI, с. IV, 8. Τὴν εἰμαρμένην ἀμήχανον διαφορεῖν θνητὸν ὄντα. Lib. VI, с. I, 8). Здѣсь Боянъ является уже не какъ соловей, но какъ „смысленный“, который зналъ изрѣченія вѣковой мудрости, и умѣлъ приводить ихъ къ стати. Или вотъ, наконецъ, онъ хочетъ сказать въ исходѣ своей пѣсни о скорби земли въ разлукѣ съ своимъ княземъ и опять обращается въ Бояну и повторяетъ слова его: „Тяжко ти, головь, кромъ плечю, зло ти тѣлу кромъ юловъ“. Въ этихъ словахъ Боянъ является *вѣщимъ, мудрецомъ*, который говорилъ правдивыми притчами и приговорами. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ авторъ Слова заносится въ тропу Трояню и воспоминаетъ или вѣка Трояни, или землю Трояню, гдѣ соприкасается съ мѣстными преданіями, онъ также пользуется выраженіями пѣсней Бояновыхъ.

Третьимъ образцомъ для Слова о полку Игоревомъ служило народное пѣснотворчество. Такъ мы встрѣчаемъ въ немъ „народную причесъ“ и именно *разлучную и поминальную*. „Жены рускія въсплakashась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати, а злата и сребра ни мало

того потрепати". Таковъ именно и знаменитый плачь Ярославны. Народное его значеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Такимъ образомъ, выражаясь образно, въ поэтическихъ волнахъ Слова о полку Игоревѣ, замѣтно струятся три особые тока древне-русской поэзіи: вопервыхъ, токъ поэзіи чисто народной, имѣющей свою основу въ древнѣйшемъ народномъ культѣ и связанныхъ съ нимъ обычаяхъ, каковы, напримѣръ, причеть *жечь*, причеть Ярославны и многіе картины и образы Слова, до нынѣ бытующіе въ живомъ народномъ творчествѣ; вовторыхъ, токъ поэзіи Бояна, воспѣвавшаго дѣянія князей, но еще на ближайшей основѣ народнаго эпоса и чаровавшаго свѣжестію, живостію и восторженностію своихъ пѣсенъ, Бояна, который съ необычайнымъ даромъ черпать краски для своихъ героевъ изъ народнаго эпоса, соединялъ и опытъ вѣковой мудрости и умѣлъ художественно прилагать къ своимъ пѣснямъ старыя притчи и присловья, и, наконецъ, третьихъ, токъ поэзіи исторической, токъ поэзіи пѣвца Игорева, воспѣвавшаго князей уже не столько въ духѣ эпоса, не столько въ направленіи пѣсней Бояновыхъ, сколько по дѣйствительнымъ событіямъ своего времени. Изложеніе этихъ событийъ еще отражаетъ въ себѣ былыя поэтическія эпохи, еще поражаетъ насъ обиліемъ и яркостію накопившихся въ немъ красокъ съ древними народными вѣрованіями и обычаями, но въ то же время въ ихъ естественномъ ряду мы замѣчаемъ въ немъ и узоры эллинскаго витійства со всѣми особенностями древне-славянскаго быта, выраженія кудреватныя, образы изысканныя, даръ творчества книжнаго, искусственнаго, черпавшаго для своихъ пѣсней ужъ изъ готовыхъ византійскихъ и древне-славянскихъ воинскихъ повѣстей.

Какъ ни сильно въ Словѣ преобладаніе поэтическаго - пѣсеннаго элемента, однакожь самъ авторъ хотѣлъ именно писать повѣсть: *Начнемъ же повѣсть сію* отъ стараго Владиміра—притомъ повѣсть по былинамъ сего времени. Отсюда уже можно заключить, что Слово о полку Игоревѣ отнюдь не предназначалось для пѣнія. Два приступа къ Слову не дѣлаютъ его похожимъ на пѣсню. Странно, еслибы кто запѣвая пѣсню, вводилъ бы въ составъ ея и то, какъ она слагалась. Притомъ же слова автора, что „быть его пѣсни — начинаться *по былинамъ сего времени, а не по розмыслу Боянову*, который не только творилъ пѣсни, но и разыгрывалъ ихъ на рожучущихъ струнахъ, указываютъ положительно, сколько на то, что Слово его было инаго склада, чѣмъ словеса Бояновы, столько же и

на то именно, что оно не предназначалось для пѣнія и игры, какъ пѣсни Бояновы. И нельзя не замѣтить, что въ немъ идетъ поэтическая рѣчь безъ мѣры, и только по мѣстамъ слѣдуютъ правильные, мѣрные стихи.

Разные изслѣдователи различно рѣшали вопросъ о поэтическомъ складѣ и размѣрѣ Слова. „Неизвѣстно“, рассуждалъ Востоковъ,—„для пѣнья ли сочинено оно, или для чтенія, и—„если для пѣнья, то въ стихахъ или прозѣ. Ежели бы стихотворный размѣръ и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ (что уже сомнительно), то мы при всемъ томъ, не только не могли бы судить о немъ, но даже и примѣтить его за его древностію, ибо чрезъ шестьсотъ лѣтъ, вѣрно сколько-нибудь перемѣнилась и просодія языка русскаго. И потому Слово о Полку Игоревѣ не можетъ имѣть никакого отношенія къ позднѣйшему русскому стихотворству“. Во всякомъ случаѣ Востоковъ совѣтовалъ при дальнѣйшихъ изданіяхъ Слова, хотя бы то для типографской исправности, чтобы облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ, раздѣлить его на стихи, подобныя библейскимъ и означить оныя, какъ водится цифрами. „Признаюсь“, замѣчаетъ онъ,—„я испытывалъ сію операцію надъ всею поэмой, и она у меня раздѣлялась безъ всякой принужденной растяжки на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи“¹⁾).

Нѣсколько смѣлѣе рассуждалъ въ этомъ отношеніи Полевой. „Въ Словѣ о полку Игоревѣ“, говоритъ онъ,—„размѣръ явентъ и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, и вы тотчасъ поймете его разнообразную пѣвучую музыкальность:

„А вѣстона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми
„Тоска разлилася по Русской земли“....

Или вотъ другой мелодическій переходъ его:

„О, Днѣпре, словутицю!
„Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую,
„Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посадки до плѣку Кобякова“.

¹⁾ Вотъ образецъ Востоковскаго раздѣленія:

1. Не льпо ли ны бяшеть, братіе,
2. Начати старыми словесы трудныхъ повѣстій
3. О плѣку Игоревѣ, Игоря Святъславлича,
4. Начатижеся той пѣсни,
5. По былинамъ сего времени,
6. А не по замышленію Бояна.

Еще опредѣленнѣе, рѣшительнѣе и вѣрнѣе разсужденія о томъ г. Максимовича. „Слѣдя въ Словѣ гармоническое вольное движеніе рѣчи“, говоритъ онъ, — „нельзя не замѣтить, что оно совершается, такъ сказать, отдѣльными разнообразными волнами, и что среди ихъ вырываются настоящіе стихи, иногда одномѣрные, а иногда даже созвучные между собою, отглашающіеся по нѣскольку на одну риему. Напримѣръ:

1. Жаждею имъ лучи съпряже,
Тугою имъ тули затче.
2. Два солнца помѣроста,
Оба багряная столпа погасоста.
3. Всеславъ князь людемъ судяше
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше.

Дубенскій, наконецъ, усмотрѣлъ опредѣленный стихотворный размѣръ, проходящій чрезъ все Слово, и утверждалъ, что пѣснь Игорева была сложена шестистопнымъ дактило-хорейскимъ стихомъ или гекзаметромъ ¹⁾.

Въ настоящее время г. Квашнинъ-Самаринъ также отыскалъ во всемъ Словѣ одинъ стихотворный размѣръ, кажется, ямбическій: будемъ ждать въ печати такого раздѣленія; но по нашему мнѣнію, Слово, какъ произведеніе, написанное подъ воздѣйствіемъ разныхъ источниковъ и образцовъ, и притомъ, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, никогда не бывало, какъ мы сказали, произведеніемъ чисто стихотворнымъ. Это—повѣсть о дѣйствительныхъ событіяхъ, это—*письмо былевая*, не предназначенная для струнъ, какъ пѣсни Бояновы, и слѣдовательно, это — не пѣснь стихотворная, по намѣренію автора. Но какъ, по собственнымъ же словамъ, онъ пахотился подъ воздѣйствіемъ Бояновыхъ пѣсней и народнаго пѣснотворчества, то очевидно, и его собственная пѣснь, не смотря на ея бытейскій прозаическій харак-

¹⁾ Вотъ образцы его раздѣленія:

1. Съ вами, Русици, хошу главу свою приложити,
2. А любо испати шелохомъ Дону. О, Бояне,
3. Соловію старого времени! Абы ты сіа плъкы
4. Ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу,
5. Летая умомъ подъ облакы; свивая славію
6. Оба помы сего времени, рища въ тропу Трояню
7. Чресъ поля на горы.

теръ, должна была отзываться по мѣстамъ опредѣленнымъ стихотворнымъ размѣромъ и отливаться иногда въ созвучные стихи.

Но обратимся къ обзорѣнью стихотворныхъ переложений Слова.

Первые поэты, переведившіе его, на русскіе стихи, увлекаясь его образцами и картинами, свободно относились къ подлинному тексту: они нерѣдко распространяли его излишними вставками и даже совершенно измѣняли смыслъ его. Таковы именно были поэтическіе переводы Стрякова, Палицина, Язвицкаго и Левицкаго. Чтобы видѣть справедливость этого замѣчанія, достаточно привести здѣсь хотя одинъ образецъ подобныхъ переводовъ.

Вотъ какъ напримѣръ, Левицкій перелагалъ причетъ русскихъ женъ: *„Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“*:

Зарыдали жены русскія,
 Такъ вѣщая въ своей горести:
 Не видать намъ сердцу милыхъ ужь,
 Не слышать ихъ сладка голоса,
 Не прижать къ груди пылающей
 И въ объятіяхъ супружескихъ
 Не лѣгать и не нѣжить ихъ,
 Не пролить слезъ умиленія,
 Кромѣ слезъ единой горести,
 Не видать намъ злата-серебра,
 На всегда уже отнятого, —
 На чтѣ злато, на чтѣ серебро,
 Коли грудь тѣснится вздохами!
 Что безъ милыхъ въ этой пышности?
 Ожерелья, тѣани, бархаты
 Тогда служатъ украшеніемъ,
 Когда сердце цвѣтетъ въ радости,
 Когда все предметъ веселія;
 Но безъ милыхъ и безъ радости,
 Пышность царская не радуеть!
 Увы, всѣмъ мы, всѣмъ ограблены!
 Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
 Гдѣ и братья, и всѣ сродники?
 Гдѣ средъ поля Половецкаго!
 О, прими насъ, мать сыра земля,
 Лучше ты въ свои объятія,
 Чѣмъ терпѣть презрѣніе Половцевъ!
 Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
 Чѣмъ подъ властію быть Половцевъ!
 Такъ! умремъ или спасемъ мужей.

Читатель можетъ видѣть изъ этого примѣра, что подобныя переложения больше походятъ на собственныя творенія поэтовъ, чѣмъ на переводы Слова. У другихъ стихотворцевъ - переводчиковъ можно встрѣтить еще болѣе произвольныя вставки и отступленія отъ подлинника. Къ разряду этихъ же переложений мы относимъ и переводъ Д. И. Минаева, не смотря на красоту и звучность его стиховъ, такъ какъ и онъ развивалъ „сжатия мысли Слова въ картини“.

На произволъ первыхъ стихотворцевъ - переводчиковъ обратилъ вниманіе Н. Ѳ. Грамматинъ, ученымъ образомъ относившійся къ слову, и съ своей стороны сдѣлалъ попытку перевода, болѣе подходящаго къ подлиннику. „Предъувѣдомлю“, говоритъ онъ въ предисловіи, — „что я старался переводить какъ можно ближе не только къ духу и мыслямъ автора, но часто и къ буквальному смыслу; старался также по возможности соблюсти и древній колоритъ языка, достаточно сохранившій свою свѣжесть и блескъ“. Но къ сожалѣнію, онъ думалъ, что для подобнаго перевода непременно нуженъ сказочный размѣръ и за образецъ его принялъ стихотвореніе Карамзина: Илья Муромецъ. Вслѣдствіе того, не смотря на всѣ его старанія, переводъ его вышелъ не соответствующимъ ни духу пѣсни Игоревой, ни колориту языка ея.

Чтобы видѣть это, достаточно прочесть слѣдующія строки:

О Бояне, соловей минувша времени!
Соловьемъ ты щекоталъ буйтуровъ подвигъ,
Ты подъ облаки леталъ воображеннымъ.
Пѣти Игорю тебѣ бы сладку, звучну пѣснь;
Ты припомнилъ бы всѣ славы сѣданы сѣдой,
За Трояномъ на поля, на горы рыская.

Отъ всѣхъ предыдущихъ переложений рѣзко отличается переводъ М. Л. Деларю. Онъ самъ разъяснилъ намъ и побужденіе, и характеръ, и значеніе своего перевода. „Писатели“, говоритъ онъ, — „трудившіеся надъ пѣсней Игоря, сообщивъ намъ многія любопытныя замѣчанія въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, не передали подлинника надлежащимъ образомъ, со всѣми его высокими, не поддающимися красотою. Переводившіе провозъ, заботясь единственно о точной передачѣ смысла словъ и выражений, утратили въ своихъ переводахъ всю поэзію подлинника и не дали читателямъ понятія ни о той стройности въ пѣломъ, которою такъ отличается древнѣйшее поэтическое произведеніе наше, ни о тѣхъ смѣлыхъ лирическихъ переходахъ, кои, сообщая жизнь и быстроту всей поэмі, вообще составляютъ одну изъ главныхъ характеристическихъ чертъ русской на-

родной поэзіи. А перелагавшіе мѣрою, не всегда вникая въ мысль поэта и избирая метры большею частію неудачно, позволяли себѣ измѣнять по волѣ подлинникъ и представляли въ своихъ переложеніяхъ невѣрные, блѣдные списки съ творенія, по истинѣ, самороднаго. Между тѣмъ именно поэтическое переложеніе могло бы дать истинное понятіе объ этомъ произведеніи древности. Дѣлая ощутительною для всѣхъ красоту подлинника, оно довершаетъ ученое изслѣдованіе и упреждаетъ неосновательныя мнѣнія, возстающія на достоинство творенія... Съ полнымъ благоговѣніемъ“, продолжаетъ Деларю,— „къ генію безыменнаго творца стараго времени и съ усерднымъ желаніемъ передать соотечественникамъ вдохновенныя мысли, трудился я надъ переложеніемъ Слова о полку Игоревѣ въ нынѣшніе русскіе гекзаметры“. Деларю посвятилъ свое переложеніе тѣмъ, „подъ чьимъ сердцемъ его забилось жизнью впервые, и чей разумъ высокій и чье благородное сердце незамѣтной стезею юношу-сына вели“. Въ виду библиографической рѣдкости его изданія, приводимъ изъ него небольшой отрывокъ:

Слышевъ гласъ Ярославны; пустынной кукушкой съ утра
Кличеть она: «Полечу»; говорить,—«по Дунаю кукушкой,
«Мой бобровый рукавъ омочу во Калальскія воды,
«Раны кровавыя князю на страждущемъ тѣлѣ отру имъ!»

Иному размѣру слѣдуетъ переводъ Л. А. Мея. Еще воспитываясь въ Александровскомъ лицей, возымѣлъ онъ намѣреніе перевести Слово народными языкомъ и размѣромъ, и первые его опыты были представляемы на публичныя испытанія воспитанниковъ еще въ 1841 г. Съ того времени, въ теченіе болѣе чѣмъ девяти лѣтъ, онъ занимался изученіемъ этого завѣтнаго памятника старины. „Изучая его“, говоритъ самъ онъ,— „я убѣдился въ близкомъ сходствѣ его съ нашими народными сказками и пѣснями: тотъ же складъ рѣчи, тотъ же напѣвъ. Естественно, что подобное убѣжденіе породило во мнѣ мысль уложить Слово въ народный сказочный размѣръ, и я рѣшился на эту попытку. Сдѣлавъ при началѣ незначительное отступленіе отъ подлинника, я строго держался его до самаго конца“. Но очевидно, ошибка Мея состоитъ въ общемъ воззрѣніи на Слово: оно также мало походитъ на сказку, какъ стихотвореніе Пушкина—на рѣчь мужика. Это отнюдь не сказка, но воинская повѣсть, художественно сочиненная и не чуждая, какъ мы видѣли эллинскихъ красотъ. Первые же строки переложенія Мея даютъ всякому понять, какъ мало поддается оно сказочному тону и размѣру:

Аль затыгивать, ребята, на старинный ладъ,
 Пѣсню слезную о полку князя Игоря,
 А и пѣсню намъ затыгивать
 Про недавнюю былинушку,
 Не по замыслу Боянову.

Новыми достоинствами отличается переложение Н. В. Гербеля. „Съ жаромъ принялся я за эту работу“, говоритъ онъ,— „и вскорѣ переводъ мой былъ конченъ. Знаю“, продолжаетъ онъ,— „что мнѣ не удалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю себя мыслию, что старался по крайней мѣрѣ незначительность таланта восполнить добросовѣстнымъ изученіемъ, и если не художественною, то возможно вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато Слово“. И дѣйствительно, переводъ безспорно превосходитъ всѣ предшествовавшіе подобныя труды: онъ отличается прекраснымъ языкомъ и блестящею обработкой стиха г. Гербеля. Въ тонѣ и складѣ рѣчи г. Гербель искусно подражалъ разнообразію рѣчи самаго Слова. Слѣдуя указаніямъ Востокова и Максимовича, онъ разбилъ подлинникъ на стихи, подобныя малороссійскимъ, и для нагляднаго удобства при чтеніи первый напечаталъ его славянскими кирилловскими буквами по Пушкинскому изданію. Недостатки его перевода зависѣли, какъ и было указано г. Корелкинымъ, или отъ того, что „эпическія народныя выраженія“ вообще не поддаются точной передачѣ на современный языкъ, или же отъ того, что выраженія архаическія, къ коимъ мы утратили сочувствіе, выясняются для нашего пониманія, не въ художественномъ переводѣ, а въ ученоемъ филологическомъ изслѣдованіи. Г. Гербель опустилъ изъ виду также и то, что Слово—это повѣсть дѣйствительности, пѣснь по былинамъ своего времени, и потому часто вѣрностію факта жертвовалъ художественности стиха и размѣра. Тамъ, гдѣ въ Словѣ играютъ „мечи“, у него дѣйствуютъ сабли и на оборотъ; тамъ, гдѣ въ Словѣ являются *шеломы*, у него стоятъ „*бляхи мѣдныхъ латъ*“. Эпитетъ „золотій“ у него легко замѣняется желѣзнымъ, „злаченный“ стальнымъ и т. п. Вообще въ его переводѣ не достаетъ исторической точности, воплощенной въ Словѣ ¹⁾).

Вѣнцомъ стихотворныхъ переложений Слова служитъ переводъ А. Н. Майкова. Этотъ поэтъ занимался имъ въ теченіе четырехъ лѣтъ и изу-

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ прекрасной статьѣ Максимовича: «Замѣчанія на пѣсню о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переложеніи г. Гербеля», въ *Москвитяинѣ* 1854 г.

чалъ его въ связи съ тою общественною средой, въ которой оно создано. Подобно тому, какъ въ средѣ народной, съ развитіемъ эпическихъ характеровъ въ XII вѣкѣ странствовали, по городамъ и селамъ, по стогнамъ и торжищамъ, калѣки переходіе и пѣли старыя пѣсни о старинныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ,—въ средѣ высшаго княжескаго общества служили пѣвцы-бояны, переходившіе отъ князя къ князю и воспѣвавшіе дѣла и подвиги ихъ въ духѣ и характерѣ политическомъ. Идея Слова, по воззрѣнію А. Н. Майкова,—это борьба свѣта, Дажбожьевыхъ солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ Русичей, съ тьмою, съ погаными, съ чернымъ дивомъ, съ бѣсовскими сынами. Съ одной стороны, въ немъ сквозитъ міросозерцаніе древнихъ миѣическихъ былинъ, а съ другой—въ немъ одномъ больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій. Одинъ его языкъ, кованный, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежалъ пѣвецъ. Духъ князей-богатырей жилъ въ ихъ дружинѣ, и понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ и заставить ихъ внимать себѣ, надобно было имѣть и сродную имъ душу, самому быть того же закала, а закалъ этотъ такъ и звенитъ въ кованомъ языкѣ Слова. Эти стаи птицъ, эти влекчущіе орлы, брешущія лисицы, ползающіе по вѣтвямъ дятлы, этотъ скрипъ телѣгъ кочевниковъ, подобный крику испуганныхъ лебедей, битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалѣ, посвящающій своимъ золотымъ шлемомъ, вся эта живая обстановка неотразимо даетъ вамъ чувствовать, что пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода да и самаго плѣна. Что онъ силенъ былъ въ книжномъ ученіи—это явствуетъ изъ его обращенія къ Бояну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ, изъ отступленій, не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей, изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью Гектора, Святослава Киевскаго, этого Пріама его пѣсни,—изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ, изъ самой внѣшней формы его поэмы.

Стонетъ Киевъ, тужить градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси.
А князья куютъ себѣ крामолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлѣ съ диму.

Таковъ размѣръ перевода г. Майкова. Основанный на самостоятельныхъ и оригинальныхъ изысканіяхъ, переводъ его, очевидно, долженъ отражать въ себѣ и недостатки сихъ послѣднихъ. Не можемъ

не выразить здѣсь сожалѣнія, что г. Майковъ вздумалъ восполнять подлинникъ своими вставками и прибавками. На нашъ взглядъ онѣ совершенно излишни и ослабляютъ силу и выразительность подлинника. Напрасно также поэтъ все Слово переложилъ одною мѣрою: для всякаго замѣтно, что въ немъ мѣняются мелодіи и переливы рѣчи.

Изъ педагогическихъ изданій Слова, безспорно, самыя лучшія гг. Буслаева, Филонова, Миллера, Галахова, А. Попова и Тихонравова. Впрочемъ относительно послѣдняго мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе критиковъ, что оно больше удовлетворяетъ ученымъ цѣлямъ, чѣмъ педагогическимъ задачамъ. Всѣ остальные педагогическія изданія (какъ то Кораблева, Малашева и др.) представляютъ не болѣе, какъ жалкія компіляціи, не приносящія въ науку ничего новаго и мало годныя въ педагогическомъ отношеніи: онѣ не даютъ и не могутъ дать истиннаго понятія объ этомъ художественномъ произведеніи XII вѣка. Нашелся даже педагогъ, который вздумалъ переложить все Слово по образцу изданныхъ нами „Прочитаній сѣвернаго края“. Но понятно, что этотъ опытъ не могъ быть удаченъ. Причетъ только частію входитъ въ Слово, которое, по существу своему, есть воинская повѣсть, хотя и написана подъ воздѣйствіемъ Бояновыхъ пѣсней и народнаго пѣснотворчества ¹⁾).

Есть еще нѣсколько изданій Слова популярныхъ, направленныхъ къ распространенію понятія о немъ въ обществѣ и народѣ; таковы напримѣръ, Водовозова, Погосского и другихъ. Самое безобразное изъ нихъ — лубочное изданіе неизвѣстнаго переводчика (1867 г.). Оно переполнено самыми грубыми искаженіями подлинника и ошибками логическими, грамматическими и корректурными: *истяину умъ* здѣсь переведено, напримѣръ— „развивши свою *физическую силу* въ ущербъ уму“; *свизая славы* — создавая *дутью славу*; кричатъ телеги полунощи— „суровый вѣтеръ *шатаетъ слегами*“ и т. п. И такой-то переводъ назначенъ для народа, еще не совѣмъ потерявшаго чутье къ творческому слову и эпической поэзіи. Это изданіе указываетъ намъ не только на отсутствіе всякаго поэтическаго пониманія въ переводчикѣ, но и на то крайне невѣжественное отношеніе къ народу, которымъ такъ страдаютъ наши не признанные его просвѣтителі. Самое оригинальное и лучшее изъ популярныхъ изданій—это г. Вицина

¹⁾ Слово о полку Игоревъ (новѣйшій буквальный переводъ въ стихахъ). Изданіе народнаго журнала *Грамотей* 1873.

(И. Н. Павлова). Онъ не только предлагаетъ общедоступный переводъ Слова, но дѣлаетъ исправленія текста и усиливается установить на него свой собственный взглядъ. Слово о полку Игоревѣ есть такой классическій русскій памятникъ, котораго больше не представляетъ исторія русской литературы, и потому, кажется, весьма понятны всѣ старанія ученыхъ возстановить истинное и буквальное его чтеніе. Всякій малѣйшій успѣхъ въ этомъ направленіи есть положительное приобрѣтеніе въ наукѣ. И мы видимъ, что усилія ученыхъ не были праздною игрою умовъ, и Слово, благодаря имъ, разъяснилось во многомъ, что невѣдомо было въ эпоху его открытія. Но для г. Павлова всѣ изысканія такъ называемыхъ имъ глоссаторовъ суть ничто иное, какъ умственная игра въ *casse-tête* своего рода. Если въ стихахъ любаго изъ новѣйшихъ поэтовъ, говоритъ онъ, — можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже, смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго, то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варианта у пѣвца XII столѣтія? При такомъ возрѣніи на дѣло, понятно, и безцеремонное отношеніе г. Павлова къ тексту. Для него ничего не стоитъ слово *днвою* замѣнить *днвомъ*, слово *подобю* — по удоволью, слово *карна* — жирно, въ силу однихъ догадокъ, не имѣющихъ за собою достаточныхъ основаній. Читатель можетъ представить себѣ, въ какомъ видѣ дошелъ бы до насъ этотъ классическій памятникъ, еслибы всякій ученый позволилъ себѣ относиться къ нему подобно г. Павлову. Не должно намъ забывать урока, какой выработала для насъ западная наука въ своихъ отношеніяхъ къ классическимъ произведеніямъ. Многія поправки г. Павлова, которыя казались ему новыми, на самомъ дѣлѣ давнымъ давно высказаны были тѣми глоссаторами, которыхъ упрекаетъ онъ въ умственной игрѣ въ *casse-tête*. Выраженіе *кюками* замѣнено *кльками* еще *Вельтманомъ*. Что вмѣсто *юръ* лучше читать *юръ* — это замѣчено было еще Полевымъ, что слово *желя* — есть ничто иное какъ *желя* или *жамъ* (жалость, печаль) — это указано г. А. Майковымъ; замѣна Трояна — Бояномъ впервые допущена была г. Тихонравовымъ. Тамъ, гдѣ глоссаторы видѣли мнѣологическія представленія, г. Павловъ усматриваетъ только признаки преданія школы не болѣе, какъ риторическія прикрасы. Отъ его вниманія ускользаетъ эпическое отношеніе пѣвца къ природѣ, которое проходитъ черезъ все слово и сказывается почти въ каждой его буквѣ, хотя это-то именно эпическое отношеніе и придаетъ слову ту поэтическую

прелесть и жизнь, которыхъ не отрицаетъ въ немъ и самъ г. Павловъ. Объясненіе *дѣва* при посредствѣ *сторожа*, сидящаго на деревѣ и вѣщающаго нашествіе враговъ до того несоотвѣтственно поэтическому образу, что, признаемся, оно несравненно ниже тѣхъ миѣическихъ толкованій, которыя связывали съ нимъ глоссаторы. Ни въ Малороссіи, ни въ Великороссіи, слово *дичится* не значитъ просто глядѣть, но глядѣть именно съ *изумленіемъ*, съ тревогой, даваться *дичу*. Самое слово *дичь* сохранилось до нынѣ въ живомъ народномъ языкѣ не только у насъ, но и у другихъ Славянъ, и означаетъ зловѣщую птицу. Поэтическій образъ вовсе не требуетъ для своего объясненія сходственныхъ и подробныхъ мотивовъ фамиліарнаго свойства: онъ всегда представляетъ какую-нибудь живописную черту, которая существенно связана съ его предметомъ и дается непосредственно разумѣнію каждаго. Не добрыхъ знаменій Игорю со стороны природы было не мало, и странно было бы для каждаго изъ нихъ отыскивать сходственные фамиліарные мотивы тогдашняго быта; основа ихъ не въ бытѣ, а въ тогдашнемъ эпическомъ міровоззрѣніи. Сверхъ того, переводъ г. Павлова въ нѣкоторыхъ словахъ не отвѣчаетъ предварительнымъ замѣчаніямъ, какъ, напримѣръ, *трудная* повѣсть въ примѣчаніяхъ передано какъ *героическая поэма*, а переведено какъ важное сказаніе; одни выраженія переведены не по русски, какъ напримѣръ, *вспеленути подъ трубами*; другія переданы темнѣе самаго подлинника „разскрипѣлись ихъ арбы въ полночь“; иныя, наконецъ, совершенно неправильно, какъ напримѣръ, *чирята съ поднебесы*. *Чирята* и *чсреняди* (какъ въ подлинникѣ)—совершенно рѣзныя птицы.

Если какія изданія Слова требуютъ вниманія и точности, то это популярныя и общедоступныя: они на сколько могутъ поддерживать и распространять общественное уваженіе къ памятнику, на столько же могутъ и ронять его. Вотъ почему мы позволили себѣ остановиться на этихъ изданіяхъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что между замѣчаніями г. Павлова есть и такія, которыя вполне заслуживаютъ вниманія ученыхъ, или такъ называемыхъ имъ „глоссаторовъ“. Мы вполне раздѣляемъ его мнѣніе, что въ фразѣ: „ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морави поють славу Святославу“ разумѣются не непременно тѣ дальнія страны, въ которыя могла проникнуть молва о подвигахъ Святослава, но здѣсь пѣвецъ могъ разумѣть и тѣхъ пришельцевъ, которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ: они и поють князю Святославу и хаютъ князя

Игоря. Кажется, Моравин, какъ странѣ, рѣшительно не было никакого дѣла до похода Игоря, и уворять его было не за что.

IV.

Нашъ обзоръ литературы Слова былъ бы не полонъ, еслибы мы опустили изъ виду тѣ иностранныя изданія и переводы, при посредствѣ которыхъ этотъ памятникъ имѣетъ за собою европейскую извѣстность. Изъ великихъ европейскихъ державъ одна Англія не имѣетъ его въ переводѣ на родномъ ея языкѣ.

Французскій переводъ Бланшарда изданъ былъ въ Москвѣ въ 1823 г. „Восхищенный оригинальнымъ поэтическимъ его складомъ“, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, — „я перевелъ его въ прозу, не думая никогда положить ее въ стихи; но спустя нѣсколько времени, я принялся за перо, и написавъ около пятнадцати стиховъ съ большою волюностію, продолжалъ свое предпріятіе, которое, наконецъ, хотя и съ погрѣшностями, и кончилъ“. Переводчикъ раздѣлялъ и тогдашній взглядъ на Слово и замѣчалъ въ немъ „мрачный оттѣнокъ“, отличавшій пѣсни Морвенскаго барда. За „предисловіемъ и содержаніемъ“ пѣсни слѣдуетъ и самое переложеніе. На одной страницѣ напечатанъ французскій переводъ, а на другой—стихотворное переложеніе Левицкаго. Бланшардъ самъ сознается, что переводъ его исполненъ „украшенностями и перифразіями“. Но главная особенность его перевода состоитъ въ томъ, что онъ сдѣланъ не по оригинальному тексту, а по переводу Левицкаго, совершенно произвольному. Вслѣдствіе того въ переводѣ Бланшарда смыслъ подлинника окончателно утраченъ и во многихъ мѣстахъ испорченъ, такъ что Французы составили бы самое ложное понятіе о Словѣ, еслибы стали знакомиться съ нимъ по переводу Бланшарда.

Гораздо дѣльнѣе переводы нѣмецкіе, каковы, напримѣръ, пастора Зедергольма (1825 г.) и Больца (1854 г.). Первый сопровождается исторіей текста, историческимъ введеніемъ и критическими и объяснительными замѣчаніями. Онъ сдѣланъ подъ руководствомъ Калайдовича, котораго переводчикъ справедливо называетъ однимъ изъ ученѣйшихъ и ревностнѣйшихъ изыскателей русскихъ древностей. Для насъ очень важно замѣчаніе Зедергольма, высказанное со словъ Калайдовича, что Пушкинская рукопись Слова, по свидѣтельству очевидцевъ, была XVI вѣка, хотя владѣлецъ ея и утверждалъ, что она XIV или начала XV вѣка. Переводъ Зедергольма довольно близокъ къ подлиннику, но не

всегда вѣренъ и точенъ, что конечно, во многомъ зависѣло отъ требованій мѣры и стиха.

Переводъ г. Больца, вышедшій въ 1854 году, въ Берлинѣ, еще болѣе заслуживаетъ вниманія. Это также переводъ стихотворный, и къ нему приложены текстъ Слова по Сахарову, съ историческими и филологическими примѣчаніями, грамматика и словарь. Почтенный профессоръ весьма добросовѣстно занимался изученіемъ Слова. Въ лексикологическомъ отношеніи онъ пользовался при своемъ переводѣ Слова Лексисомъ Зизанія 1596 г., Азбуковникомъ XVI вѣка и Лексикономъ Памвы Беринды; въ грамматическомъ — сочиненіемъ Шлейхера: *Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache*, Bonn, 1852. Изъ русскихъ комментаторовъ—кромѣ Сахарова, онъ имѣлъ въ виду Шишкова, Карамзина, Калайдовича, Полеваго и Вельтмана. Кромѣ того, по мѣстамъ пользовался онъ Несторомъ и Печерскимъ Патерникомъ, который называетъ онъ древнѣйшею церковною книгою въ Россіи (*ältestes Kirchenbuch der Russen*). Самый переводъ его еще ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ Зедергольма, но какъ переводъ также стихотворный, онъ не могъ быть вѣренъ и точенъ, подобно послѣднему. Главная ошибка переводчика состоитъ въ томъ, что оригиналомъ для его перевода служило изданіе Сахарова, и вслѣдствіе того, онъ повторяетъ всѣ его ошибки и приноситъ еще новыя. *Старья словеса* здѣсь переведено, напримѣръ: *Nach dem alten Brauch der Wörter*. Кромѣ того, переводъ допускаетъ произвольныя и излишнія вставки.

У Славянъ Слово о полку Игоревѣ существуетъ во множествѣ переводовъ—на польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и русинскомъ нарѣчіяхъ.

Изъ польскихъ намъ извѣстны переводы Годебскаго, Вѣлѣвскаго и Красинскаго. Кромѣ того, весьма многіе польскіе ученые касаются Слова съ той или другой стороны въ специальныхъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ: Вишневскій въ „Исторіи польской литературы“, Раковецкій въ книгѣ о Русской правдѣ, Мицкевичъ въ „Курсѣ славянскихъ литературъ“ и Линде въ „Исторіи литературы польской“.

Чешскіе переводы Юнгмана и Разная извѣстны только по рукописямъ и напечатаны не были; первый перевелъ Слово провою, а второй стихами въ 1808 году. Въ печати на чешскомъ нарѣчій впервые появился переводъ Ганки въ 1821 году. Онъ посвященъ былъ „Іосифу Добровскому, члену многихъ ученыхъ обществъ и патріарху славянства“. Въ предварительныхъ краткихъ замѣчаніяхъ „о языкѣ

и рукописи“ достопочтенный ученый высказалъ нѣсколько словъ, достойныхъ вниманія при критикѣ текста. „Я“, говоритъ онъ,—„въ подлинникѣ ничего переимѣнить не отважусь, однакожь бы думалъ, что въ началѣ можетъ быть должно читать „не лѣно ли бы бышетъ“ и на изворотъ: „луче жъ имъ потяту быти“; вмѣсто „русская плѣки отступиша“—обступиша, вмѣсто „мечя времени“—бремени и вмѣсто „носить васъ умъ“—вашъ умъ. Кто бы хотѣлъ Царедворскую рукопись старочешску, продолжаетъ онъ,—„сравнивать съ Игоремъ, за вѣрно бы нашелъ много сходства, не токмо въ словесныхъ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мышленія, какъ напримѣръ, заключеніе героической пѣсни Олдрихъ и Болеславъ съ заключеніемъ Игоря совсѣмъ сходно. Впрочемъ, не могу довольно удивляться, зачѣмъ почти всѣ русскіе переводчики всякое пѣтическое рѣченіе въ развличитую прозу протасили, какъ если бы Россіане краснорѣчія пѣтического сего для способны не были“. Самый переводъ — чрезвычайно точенъ и букваленъ, какъ чешскій, такъ и приложенный къ нему нѣмецкій. Кромѣ того, онъ сопровождается историческими примѣтками и филологическими „высвѣтвленіями“ (выясненіями).

Кромѣ перевода Ганки, у Чеховъ есть еще переводъ Гаттала (1858 г.) и переводъ Ербена (1870 г.). Первый едва ли не лучший изъ всѣхъ славянскихъ переводовъ. Въ предисловіи г. Гаттала отчасти знакомишь съ исторіей открытія Слова и его литературой; при этомъ онъ упоминаетъ о работахъ Калайдовича и объ изданіяхъ Шишкова, Пожарскаго, Максимовича, Дубенскаго и Сахарова; переводы другихъ ему неизвѣстны; изъ иностранныхъ переводовъ — онъ обращаетъ вниманіе на Больца и справедливо упрекаетъ его за то, что онъ неосторожно пользовался текстомъ Сахарова. Г. Гаттала издалъ текстъ Слова безъ передѣлокъ и поправокъ; самый переводъ его довольно точенъ, и сопровождается дѣльными филологическими замѣчаніями.

Не таковъ переводъ г. Ербена, хотя онъ и встрѣченъ у насъ съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

„Новый чешскій переводъ Слова“, писалъ о немъ Н. А. Лавровскій,—„отличается неоспоримыми достоинствами относительно точнаго выраженія его содержанія и тѣхъ поэтическихъ образовъ, кои не прерывающагося цѣпью проходятъ чрезъ всю поэму, отъ первой строки до послѣдней. Этими достоинствами переводчикъ обязанъ“, говоритъ

г. Лавровскій, — „своему обширному знакомству съ древнею литературой и народно-поэтическимъ творчествомъ“.

Но мы вынуждаемся сказать съ своей стороны, что переводъ Ербена ни въ какихъ отношеніяхъ — ни по исправленію текста, ни по уразумѣнію его смысла, ни по примѣчаніямъ — не можетъ занять почетнаго мѣста среди многочисленныхъ переводовъ знаменитой и единственной въ своемъ родѣ древне-русской пѣсни. Ербенъ отнесся къ тексту безъ той почтенной осторожности, какую питаетъ къ нему Ганка, и испестрилъ его множествомъ своихъ и чужихъ неудачныхъ поправокъ, какъ видно изъ замѣчаній самого же г. Лавровскаго. Самъ Ербенъ, не стѣсняясь, признается въ этомъ. „Считаю излишнимъ“, говоритъ онъ, — „упоминать, что я не столько старался о буквальной вѣрности подлиннику, ясности и вразумительности, сколько о томъ, чтобы мой переводъ по духу своему, по возможности, приблизился къ высокому своему образцу. А такъ какъ пѣвецъ Игоря, заботясь о краткости, нерѣдко умалчивалъ о нѣкоторыхъ предметахъ и оборотахъ, то я приложилъ въ скобкахъ необходимыя объясненія“. При такомъ пониманіи своей задачи, Эрбенъ легко усвоилъ не признанную и мало доказанную замѣну г. Тихонравова имени Трояна Бояномъ; ему ничего не стоило, безъ всякой нужды, вмѣсто раны — поставить *рать*; вмѣсто кикахуть — *кмикахать*; вмѣсто кровава вина недоста — сказать *не недоста*; вмѣсто въ друзѣ тѣлѣ — *въ дружѣ тѣлѣ*; не говоримъ уже о множествѣ неудачныхъ чисто грамматическихъ поправокъ. Таковъ же переводъ его и во множествѣ цѣлыхъ мѣстъ и выраженій. Онъ или повторяетъ старые переводы, въ силу которыхъ Боянъ растекался мыслями по лѣсу и скакалъ соловьемъ по мысленному лѣсу, или же дѣлаетъ свой собственный переводъ часто не только невѣрный, но даже совершенно противный подлиннику. Такъ, напримѣръ, по его переводу, Кончакъ уже не слѣдъ править Гзаку, какъ въ подлинникѣ а „*ukazuje stopu k Donu velikemu*“. Бориса Вечеславича слава положила на „*zelenu tkanicu*“ и т. п. Для характеристики примѣчаній, достаточно указать, что по нимъ Новгородъ-Сѣверскъ, упоминаемый въ Словѣ Эрбена стоитъ на Ильменѣ, красуется своимъ храмомъ св. Софін и т. п. Для насъ рѣшительно не понятно, какъ Ербенъ могъ допустить подобныя историческія ошибки, и еще менѣе понятно, какъ почтенный ученый г. Лавровскій такъ благосклонно отнесся къ подобнымъ толкованіямъ и переводу.

У Сербовъ также есть нѣсколько переводовъ Слова. Милошъ-Свѣ-

тичь издалъ его въ Бѣлградскомъ альманахѣ *Голубица* подъ псевдонимомъ Хаджича. Объяснялъ также Слово Людовикъ Гай и „вроло добро“ его разумѣлъ. Последнее изданіе Слова на сербскомъ языкѣ было Данила Медича (1870 г.). Переводъ его сдѣланъ съ изданія Гербеля и также стихотворный. Переводъ этотъ естественно отражаетъ въ себѣ всѣ недостатки перевода Гербеля, служившаго для него образцомъ и оригиналомъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о русинскомъ изданіи Слова Іоанна Гушалевича, вышедшемъ въ Львовѣ въ 1850 г. Кратко коснувшись открытія пѣсни, ея изданій, времени сочиненія и самаго содержанія, онъ напечаталъ одинъ текстъ безъ перевода, снабдивъ его краткими историческими и филологическими примѣчаніями. Впрочемъ, эти примѣчанія не имѣютъ строго ученаго характера и служатъ только къ облегченію читателей въ непосредственномъ пониманіи текста. Это изданіе болѣе популярное, чѣмъ ученое ¹⁾.

¹⁾ Считаю долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность г. профессору Бреславскаго университета Нерингу и г. хранителю Прагскаго музея Патеръ, которые сообщили намъ нѣкоторые рѣдкія славянскія изданія «Слова о полку Игоревѣ», или же по крайней мѣрѣ свидѣнія о нихъ. Столь же благодарны мы и доценту Московскаго университета Э. Е. Коршу, обязательно сообщившему намъ свои критическія замѣчанія объ изданіи Ербена, которыя, къ сожалѣнію, остаются не изданными.

Е. Барсовъ.

ХРИСТИАНСТВО ВЪ РОССІИ ДО ВЛАДИМИРА СВЯТАГО ¹⁾.

III.

Христианство въ Россіи отъ начала государства до Владимира Святаго.

Доселѣ мы отрицали то, что другими признается; теперь на оборотъ мы должны утверждать гораздо большее, нежели что другими принимается. Неправильны и ошибочны обыкновенныя представленія о христианствѣ въ Россіи за пространство времени отъ начала государства до общаго крещенія Владимиромъ всей страны. Христианство появлялось въ Кіевѣ въ правленіе Игоря; послѣ Игоря его приняла единолично или съ весьма немногими св. Ольга, а затѣмъ оно исчезло совсѣмъ или почти до времени Владимира, — такъ обыкновенно представляется дѣло. Въ дѣйствительности оно было вовсе не такъ. Явившись, можетъ быть, еще до Игоря, а во всякомъ случаѣ несомнѣнно въ его правленіе, христианство не исчезало потому болѣе въ Кіевѣ, а постоянно существовало въ немъ до самого Владимира, вслѣдствіе чего и его непрерывная исторія въ Россіи должна быть полагаема собственно не со времени послѣдняго изъ князей, а не позднее какъ со времени перваго. Владимиръ вмѣстѣ съ собою крестилъ всѣхъ Русскихъ, сдѣлалъ христианство общею вѣрою всего народа; но прежде чѣмъ стать вѣрой общею и господствующею, христианство довольно долгое время, не менѣе полувѣка, непрерывно существовало въ Россіи какъ вѣра частная, о богахъ и рядомъ съ господствующимъ язычествомъ.

Исторія нашего государства началась тѣмъ, что бывъ добровольно призваны или недобровольно приняты, пришли владѣть нами Норман-

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

скіе Варяги-Руссы. Эти Варяги довольно долгое время не смѣшались съ коренными Славянами, представляя изъ себя отдѣльную владѣющую національность или какъ бы отдѣльную господствующую касту, однимъ словомъ—особо стоявшую толпу иноплеменныхъ находниковъ и особый народъ въ народѣ. Христіанство впервые явилось въ Кіевѣ и до времени св. Владимира существовало въ немъ и вообще въ Россіи если не единственнымъ, то по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ между этими отдѣльными отъ коренныхъ Славянъ Варягами.

При Игорѣ.

Очень можетъ быть, что первые христіане между Варягами явились еще при Рюрикѣ и Олегѣ и одновременно съ первымъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Съ своей родины, то-есть, изъ своей Норманніи они давно ходили на службу въ Константинополь ¹⁾; не имѣемъ мы положительныхъ извѣстій, однако можемъ со всею вѣроятностію предполагать, что они начали принимать тамъ христіанство еще до половины IX вѣка; но между членами дружины Рюриковой очень могли быть люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно, такіе, которые могли принять тамъ христіанство. Равнымъ образомъ и послѣ прибытія къ намъ Рюрика подобныя крещенные Варяги могли приходиться къ нему, въ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя. Какъ бы то ни было, наша лѣтопись ничего не говоритъ о христіанахъ Варягахъ при двухъ первыхъ великихъ князьяхъ, и мы положительно можемъ сказать только, что они явились въ Кіевѣ не позднѣе какъ въ правленіе Игоря ²⁾.

¹⁾ Въ разказѣ лѣтописи объ Аскольдѣ и Дирѣ, отпросившихся у Рюрика въ Константинополь, дается знать, что послѣдній хорошо былъ знакомъ Варягамъ уже прежде.

²⁾ Когда послы Олега въ 912 г. заключили въ Константинополѣ миръ съ Греками, то по словамъ нашей лѣтописи, «царь Леонъ почти послы Русскыя дарми—златомъ и паволоками и софудами и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту и полаты златыя и въ нихъ богатство—злато много и паволоки и камень драгое, и страсти Господни и вѣвѣцъ и гвоздѣи и хламиду багряную и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру». Сличая это извѣстіе нашей лѣтописи съ греческими извѣстіями о приѣмѣ въ Константинополѣ иностранныхъ пословъ, слѣдуетъ заключать, что какъ богатство императорскаго дворца, такъ и красота церквей (въ особенности св. Софії), были показываемы нашимъ посламъ не столько за тѣмъ, чтобъ учить ихъ вѣрѣ христіанской, какъ заключаетъ лѣтописецъ отъ себя, сколько за тѣмъ, чтобъ похвастать предъ ними и произвести на нихъ впечатлѣніе; совершенно

Что христіане были между Кіевскими Варягами въ правленіе Игоря—это фактъ, извѣстный изъ договора послѣдняго съ Греками 944 г. ¹⁾ и всѣми общепринятый. Но страннымъ образомъ до сихъ поръ ни церковныя, ни гражданскіе историки наши не обращали серьезнаго вниманія на этотъ договоръ Игоря съ Греками. Никто не думалъ заявлять подозрѣнія, чтобъ онъ былъ позднѣйшею поддѣлкой; всякому сколько-нибудь разумѣющему дѣло ясно, что текстъ его, какъ онъ помѣщенъ въ лѣтописи, представляетъ собою не вольную передачу, сдѣланную самимъ лѣтописцемъ, а самый документъ въ его подлинномъ видѣ и въ его подлинномъ и буквальномъ, въ переводѣ съ греческаго на русскій, чтеніи ²⁾. Слѣдовательно, въ договорѣ, какъ

подобное тому, что пишетъ нашъ лѣтописецъ о поведеніи въ Константинополѣ съ послами русскими, мы находимъ у Константина Порфирогенита о поведеніи съ послами сарацинскими (*De ceremon. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 590 sqq., у Милля Patr., t. 112, p. 1100*). Страсти Господни и вѣнецъ и гвозди и пр. лѣтописецъ, вѣроятно прибавляетъ отъ себя на основаніи своего предположенія о цѣли, съ которой были показываемы посламъ церкви. (Въ росписаніи архіерейскихъ каедръ, подвѣдомыхъ Константинопольскому патріарху, которое носитъ въ своемъ заглавіи имя того же императора Льва Мудраго, въ ряду митрополій на 61-мъ мѣстѣ стоитъ ἡ Ῥωσσία. Нѣкоторые ученые, въ подтвержденіе своихъ предвзятыхъ мыслей, находятъ возможнымъ пользоваться свидѣтельствомъ росписанія; но уже давно доказано и признано, что оно или не принадлежитъ Льву Мудрому, или если принадлежитъ, то интерполировано въ позднѣйшее время).

¹⁾ Въ договорѣ нѣтъ индикта и года, но время его написанія весьма точно опредѣляется тѣмъ, что онъ писанъ «при царѣ Романѣ и Константинѣ и Стефанѣ христіолюбивыхъ владыкъ» и положенъ въ лѣтописи подъ 6453 г. Такъ какъ императоръ Романъ Лекапѣнъ (а Константинъ и Стефанъ его сыновья) согнанъ съ престола 16-го декабря 944 г., то договоръ писанъ ранѣе сего; а такъ какъ въ 6453 сентябрьскомъ году отъ С. М. на 944 январскій годъ отъ Р. X. приходятся мѣсяцы сентябрь—декабрь (дальнѣйшіе же къ 945 г.), то договоръ писанъ послѣ 1-го сентября 944 г.

²⁾ Договоръ прямо начинается непонятнымъ: «Равно другаго свѣщанья»... Это, какъ счастливо догадался г. Н. Лавровскій, есть неудачный переводъ греческаго ἴσον, которое буквально дѣйствительно значить равно, но которое употреблялось и употребляется еще въ значеніи копія, каковое оно и имѣетъ въ данномъ случаѣ. О подлинности договора и о слѣдахъ въ немъ греческаго см. въ диссертациі сейчасъ названнаго почтеннаго ученаго: О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договора Русскихъ съ Греками, С.-Пб. 1853. И Шлецеръ находилъ договоръ только весьма испорченнымъ (Нест. въ русск. перев., III, 90, что собственно значить, что онъ самъ плохо зналъ славянскій языкъ и не принялъ во вниманіе, что договоръ есть переводъ съ греческаго), но и онъ не сомнѣвался въ его подлинности.

онъ помѣщенъ въ лѣтописи, мы несомнѣнно имѣемъ подлинный officialный документъ. Но документъ этотъ говоритъ относительно христіанства въ Россіи во времена Игоря несравненно болѣе, нежели что обыкновенно принято въ немъ видѣть и находить. Въ договорѣ два раза говорится о Варягахъ, какъ о сторонѣ, заключающей миръ съ Греками, и въ оба раза между ними различаются и отдѣльно упоминаются двѣ половины — не крещеная и крещеная ¹⁾. Въ началѣ договора, гдѣ Русскіе даютъ обязательство соблюдать заключаемый миръ, мы читаемъ: „Иже помыслить отъ страны Рускіе разрушити таковую любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да примуть мечь отъ Бога Вседержителя, осужены на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій, и елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“... На концѣ договора, гдѣ Русскіе снова повторяютъ свои помннутыя обязательства, два раза написано—начала какъ ручательство со стороны крещеной за себя и за сторону не крещеную: „а иже преступитъ се (написанное выше) отъ страны нашея или князь или инъ кто, или крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога и да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій“, потомъ какъ ручательство со стороны не крещеной за себя и за сторону крещеную: „аще ли же кто отъ князь или отъ людей Рускихъ, ли хрестяны или не хрестяны преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, (да) будетъ достоинъ своимъ оружемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву“. Послѣ заключенія договора русскіе послы были приводимы въ Константинополь къ присягѣ, и объ этомъ приписано въ немъ самомъ или въ самомъ его актѣ: „мы же (послы Русскіе), елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи въ сборнѣй церкви и подлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней... а некрещеная Русъ да полагають ²⁾ щиты

¹⁾ Порядокъ содержанія договора послѣ заглавія или надписанія: перечисленіе именъ пословъ русскіхъ, обязательство пословъ соблюдать заключаемый миръ, пункты или статьи уложенные, подпись пословъ съ новымъ обязательствомъ соблюдать написанное.

²⁾ На основаніи выраженія о крещеныхъ Русскихъ въ прошедшемъ времени (кляхомся), а о не крещеныхъ въ будущемъ (да полагають, то-есть, имѣють полагать) необходимо представлять дѣло такъ, что крещеные приведены были къ присягѣ во время написанія договора, а не крещеные имѣли быть приведены послѣ.

своя и мечи своя наги и обручи свои и прочая оружьи, и да кленутся о всемъ, яже суть написано на харатѣ сей“.

Разказавъ послѣ этого, какъ послы греческіе, прибывшіе изъ Константинополя въ Кіевъ, приводили къ присягѣ Игоря и его бояръ, и какъ крещенные между послѣдними были водими на роту въ „сборную“ церковь св. Іліи, лѣтописецъ заключаетъ: „мнози бо быша Варязи хрестіани“. Въ этихъ заключительныхъ словахъ лѣтописца, что многіе Варяги были хрестіанами, по видимому, представляется совершенно достаточный выводъ изъ всего того, что сказано о хрестіанахъ въ самомъ договорѣ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ, и слѣдуетъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочесть договоръ, чтобы видѣть, что изъ него слѣдуетъ гораздо большее. Господствующею официальною вѣрою Русскихъ было язычество; но мы видимъ, что въ договорѣ вмѣстѣ со стороны представителей вѣры господствующей, вездѣ упоминаются, какъ равная сторона, представители и вѣры не господствующей—хрестіанства: ясно, что хрестіанъ было не только много, но весьма много, ибо иначе какимъ образомъ они получили бы равенство? Если сторона не господствующая поставлена совершенно наравнѣ съ господствующею, то ясно и необходимо слѣдуетъ, что она имѣла надъ нею нравственный перевѣсъ, ибо получить равенство при неизмѣннѣи на то права она, очевидно, могла только въ случаѣ перевѣса. Но и этого мало. Рѣшительный нравственный перевѣсъ хрестіанъ надъ язычниками есть не только необходимое заключеніе, но положительный и несомнѣнный фактъ. Мы уже сказали выше, что имѣемъ передъ собою договоръ не въ передѣлкѣ или вольной передачѣ лѣтописца, а въ его подлинномъ видѣ и подлинномъ текстѣ. Что же мы въ немъ находимъ? Въ официальномъ договорѣ съ другимъ народомъ Кіевскіе Варяги дозволяютъ, чтобы сторона хрестіанъ, которая была не господствующею, вездѣ была поставлена выше стороны язычниковъ, которая была господствующею. Если дозволяютъ, то очевидно—потому, что не хотятъ и не могутъ не дозволить; а если не хотятъ и не могутъ, то ясно, что хотящіе и могущіе были на сторонѣ хрестіанъ. Но и этого наконецъ мало: въ договорѣ не только ясно дается знать, что хрестіане первенствовали предъ язычниками, но прямо и опредѣленно заявляется, что именно имъ принадлежало все веденіе дѣла о немъ: „мы же елико насъ крестилися есмы... говорятъ они о себѣ, а о язычникахъ въ третьемъ лицѣ (и какъ бы пренебрежительно) „а некрепеная Русь полагаютъ“...

Итакъ, относительно правленія Игорева мы имѣемъ на основаніи официальнаго и несомнѣннаго документа извѣстіе, что въ Кіевѣ при немъ христіанъ между Варягами было не только много, но весьма много; если не численно (чего мы не знаемъ), то нравственно они преобладали надъ язычниками; они составляли партію политическую господствующую, и въ ихъ рукахъ находилось веденіе государственныхъ дѣлъ. Все это, вѣроятно, не совсѣмъ ожиданно; но прежде чѣмъ обращаться къ разъясненію дѣла, мы должны еще указать послѣднюю и самую большую неожиданность. На основаніи всего сказаннаго, ее, полагаемъ, видитъ ужъ и самъ читатель; какъ бы то ни было, она состоитъ въ томъ, что долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства или къ числу христіанъ внутреннихъ самъ великій князь, то есть, Игорь. Если христіане нравственно преобладали надъ язычниками, и если именно они составляли политическую партію господствующую, то оказывается совершенно необходимымъ сдѣлать и принять сейчасъ указанное нами предположеніе. Что оно въ собственномъ смыслѣ и безъ всякаго преувеличенія совершенно необходимо, что безъ него невозможно объяснить преобладанія и господства христіанъ,—это, надѣмся, слишкомъ ясно для всякаго и не требуетъ доказательствъ: будь великій князь на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною бессмыслицей. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ относительно правленія Игорева, или по крайней мѣрѣ, второй его половины, мы получаемъ тотъ выводъ, что христіанъ въ Кіевѣ между Варягами было весьма много, и что даже самъ великій князь находился на сторонѣ ихъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ, вслѣдствіе чего въ области дѣлъ политическихъ они явно и рѣшительно преобладали надъ язычниками.

Можетъ, повторяемъ, казаться все это несовсѣмъ ожиданнымъ, а между тѣмъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего особенно страннаго.

Начнемъ съ того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ Варяги христіане. Игорь, какъ всѣ язычники, отличался совершенною вѣротерпимостью и принималъ къ себѣ на службу приходившихъ Варяговъ безъ всякаго различія, были ли они язычники, или христіане. Въ его время Варяги, находившіеся на службѣ въ Константинополѣ, какъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, если не въ большинствѣ своемъ, то въ значительномъ количествѣ, принимали христіан-

ство ¹⁾). Если мы предположимъ, что предположить совершенно естественно, что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодною и почетною для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что, вслѣдствіе того, они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, то и получимъ совершенно удовлетворительное объясненіе, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ весьма многіе Варяги христіане. Въ Константинополѣ Варяги должны были довольствоваться опредѣленнымъ жалованьемъ и не разчитывать ни на что болѣе; напротивъ того, у Русскаго князя они могли надѣяться на обогащеніе добычею въ военныхъ походахъ, которыя были бы предпринимаемы съ этою спеціальною цѣлію; въ Константинополѣ они были только чуждые наемники и не могли добиваться служебныхъ положеній сколько-нибудь почетныхъ; напротивъ того, приходя въ Кіевъ къ своимъ, они тотчасъ же натурализовались и поступали на службу какъ бы въ своемъ собственномъ государствѣ; наконецъ, въ Константинополѣ было благоустроенное государство, и въ немъ, конечно, старались по возможности обуздывать людей съ слишкомъ широкими натурами, каковы были Варяги; напротивъ того, въ Кіевѣ была еще своя любезная имъ Норманнія, то есть, еще приволье жить по норманнски. Совершенно естественно было по всему этому то явленіе, чтобы Варяги въ весьма большемъ числѣ перешли изъ Константинополя въ Кіевъ ²⁾).

Ничего не представляетъ невѣроятнаго и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія стоялъ на сторонѣ христіанъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ. Игорь могъ склониться къ христіанству и стать внутреннимъ христіаниномъ или самъ собою, или если не самъ собою, то при посредствѣ жены своей Ольги. Очевидна вѣроятность послѣдняго, но собственно говоря, совершенно такова же вѣроятность и перваго. Въ то время между Варягами началось рѣшительное, или по крайней мѣрѣ, очень значительное движеніе къ христіанству; многіе изъ Варяговъ, крещенныхъ въ Константинополѣ, пришли служить къ Игорю: что, удивительнаго, что эти крещенные Варяги успѣли въ Кіевѣ при-

¹⁾ Константинъ Порфирогенитъ говоритъ о цѣлыхъ отрядахъ Руссовъ, служившихъ въ Константинополѣ, которые составлены были изъ однихъ крещенныхъ, *De ceremon. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 579, у Мина Патр., t. p. 112.*

²⁾ Церковь Кіевскихъ Варяговъ была во имя одного святаго съ таковою же церковію Варяговъ Константинопольскихъ (пророка Іліи). Довольно ясно дастся этимъ знать, что первая была дочерію послѣдней.

обрѣсти христіанству одного изъ своихъ, то-есть, Кіевскаго великаго князя? Обратились и обращались къ христіанству весьма многіе Варяги: но для князя въ числѣ этихъ многихъ была совершенно такая же возможность обратиться къ нему, какъ и для всякаго другаго. Что касается до Ольги, то относительно ея необходимо предполагать, что, ставъ открытою христіанкою только послѣ смерти Игоря, она сдѣлалась таковою внутренно еще за долго до этой послѣдней. Но, ставъ сама христіанкою, она естественно должна была склонять къ христіанству и мужа. А если должна была склонять, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ.

Ставъ христіаниномъ внутренно, Игорь не сдѣлался имъ открыто. Это необходимо объяснять причинами политическими. Игорь былъ на престолѣ Кіевскомъ и всего вторымъ государемъ ¹⁾; въ глазахъ своихъ подданныхъ Славянъ онъ все еще оставался такимъ же чуждымъ пришельцемъ, какими были Олегъ и Рюрикъ. По всему этому онъ еще не могъ чувствовать себя на своемъ престолѣ слишкомъ твердо. Но не чувствуя себя твердо на престолѣ, онъ не могъ отважиться и на такое важное дѣло, какъ перемѣна вѣры. Въ привязанности къ язычеству наши предки не составляли ни малѣйшаго исключенія изъ другихъ народовъ, и чтобы заставить ихъ принять новую вѣру, потребовалось бы употребить всю энергію власти, какъ это и было при Владимирѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Игорь не нашелъ возможнымъ попытаться употребить эту энергію, рискуя престоломъ. Впослѣдствіи положеніе Владимира было совсѣмъ не то, что положеніе Игоря. Онъ успѣлъ уже превратиться изъ Варяга въ Славянина, такъ что Славяне смотрѣли на него, какъ уже на своего природнаго государя. Когда онъ вводилъ новую вѣру, то Славяне не могли сказать ему, чтобъ онъ шелъ съ своею новою вѣрой туда, откуда пришелъ; но они весьма могли сказать это Игорю. Когда посягаетъ на прадѣдовскіе обычаи свой человекъ, то это бываетъ не такъ обидно, но когда посягательство идетъ со стороны, отъ чужихъ, то оно вызываетъ противъ себя все раздраженіе оскорбленной національной гордости. Такимъ образомъ, не желая серьезно рисковать престоломъ, Игорь и остался наружнымъ язычникомъ, хотя сдѣлался внутреннимъ христіаниномъ.

Изъ внутренняго быта Варяговъ христіанъ при Игорѣ мы знаемъ только то, что они имѣли въ Кіевѣ церковь пророка Іліи. Церковь

¹⁾ То-есть, пеключаемъ Рюрика, который вняплъ въ Новгородъ.

эта называется въ лѣтописи „сборною“. Подъ сборною тутъ должно разумѣть не соборъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, какъ это весьма неудачно полагаютъ нѣкоторые, заключающіе отъ собора къ существованію приходскихъ церквей, но церковь сборною въ буквальномъ смыслѣ, то-есть, общественную приходскую, въ противоположность церквамъ домовымъ (сборная у лѣтописца есть переводъ греческаго καθολική ἐκκλησία, какъ у Грековъ назывались и называются приходскія церкви). Не знаемъ, кѣмъ сдѣлано всѣми принимаемое предположеніе, что церковь эту нужно полагать на мѣстѣ нынѣшней церкви пророка Іліи, которая находится на Подолѣ, на берегу Днѣпра, за Братскимъ монастыремъ: предположеніе это совершенно несправедливо. Вопервыхъ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что при Игорѣ на Подолѣ еще не было населенія ¹⁾. Вторыхъ, еслибъ оно и было и на немъ, то во всякомъ случаѣ необходимо предполагать, что господствующіе Варяги жили не тамъ, а на верху въ самомъ городѣ или около него, а слѣдовательно, и церковь христіанъ Варяговъ должна быть полагается именно здѣсь. Третьихъ, что она была не на Подолѣ, а на верху, это ясно даетъ знать лѣтописецъ, который говоритъ, что она была не на ручаѣ, а *надъ* ручаемъ, то-есть, на верху надъ этимъ послѣднимъ ²⁾.

Священниковъ для своей церкви Варяги христіане, конечно, получали изъ Константинополя (отъ тамошней варяжской церкви или тамошнихъ варяжскихъ церквей, если таковыхъ особыхъ церквей было нѣсколько) ³⁾.

¹⁾ Годъ 945 г. въ разказѣ о приходѣ Древлянъ къ Ольгѣ послѣ смерти Игоря («на подолю не сѣдаху люде, но на горѣ»).

²⁾ Подъ ручаемъ принято разумѣть Почайну, которая въ настоящее время впадаетъ въ Днѣпръ за городомъ, а въ древнее и не особенно давнее время протекала черезъ весь Подолъ. Но въ устьи Почайны была судовая присаишь и къ рѣкѣ, хотя и небольшою, но игравшей такую важную роль, едва ли идеть названіе ручая. Не разумится ли подъ ручаемъ Крещатитскій оврагъ, въ которомъ въ древнее время могъ течь ручей? (Другое мѣсто лѣтописи, гдѣ очевидно, разумится тотъ же ручей: «Перуна же повелъ (Владиміръ) влещи съ горы по Боричеву на ручай... влекому же ему по ручаю къ Днѣпру»... едва ли рѣшительно говорить за то, что подъ ручаемъ должна быть разумяема Почайна). Въ лѣтописи мѣстность церкви опредѣляется: 1) «иже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ Бесѣды и Козаре», то-есть, на концѣ или на углу двухъ улицъ, которыя назывались Пасынча Бесѣда и Козары (слово бесѣда, впрочемъ, можетъ быть тутъ нарицательное и значить площадь).

³⁾ Гдѣ находилась въ Константинополѣ варяжская церковь пророка Іліи, о

Государство Русское Варяги христіане временъ Игоря сдѣлали государствомъ грамотнымъ. До времени договора Игорева послы и купцы русскіе, приходя въ Константинополь, приносили съ собою вмѣсто паспортовъ выдававшіяся отъ правительства печати. Такъ какъ эти особаго рода виды были весьма неопредѣленны и ненадежны, то при заключеніи договора Греки потребовали, чтобы на будущее время послы и купцы приходили съ грамотами, въ которыхъ было бы прописываемо, сколько кораблей пришло въ караванъ (и сколько на нихъ людей), и изъ которыхъ лучше была бы видна благонадежность предъавителей. Если Русскіе приняли это условіе, то ясно, что они уже въ состояніи были и не затруднялись завести у себя канцелярію

которой говорится въ договорѣ Игоря, и которая была тамъ если не единственною, то очевидно, главною варяжскою церковію, пока мы не знаемъ. Считаемъ вѣроятнымъ предполагать, что ее нужно видѣть въ церкви пр. Иліи ἐκ τῶ Πετρίου или ἐκ τῆς Πετρίᾳ, которая, бывъ построена при императорѣ Зенонѣ и бывъ возобновлена императоромъ Василиемъ Македоняниномъ, находилась на Золотомъ рогѣ или заливѣ, недалеко отъ нынѣшняго Фанаря, около воротъ городской стѣны отъ залива, которыя назывались τὸ Πετρίον и которыя, сохранивъ древнее имя до настоящаго времени, теперь называются Петрі—Бани (Петрі — ворота. *Дюканжа Constantinop. Christ., lib. IV, cap. IV.* и *Скарлата Византія Κωνσταντινούπολις, 563 и 567*). Здѣсь къ городской стѣнѣ, поперекъ стѣнѣмъ другой примыкавшей къ ней круговой стѣны, была построена особая крѣпость, которая называлась Κάστρον τῶν Πετρίων (патр. Констанція Κωνσταντινίτις, стр. 16): представляется вѣроятнымъ думать, что Варяги, служившіе солдатами въ крѣпостяхъ Константинополя, въ одной изъ нихъ имѣли и свою церковь. Св. Мама или Мамантъ, у котораго имѣли подворье въ Константинополѣ наши Русскіе (договоры Олеговъ и Игоревъ) былъ не особенно далеко отсюда (въ городской стѣнѣ, близъ городскихъ воротъ, которыя назывались Золоторта и были послѣдними отъ залива во Влахерскомъ углу, немного дагѣе отъ города нынѣшнихъ воротъ Айванъ или Ейванъ-Серай Капи; здѣсь была пристань св. Маманта, которая, конечно, и служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей, — названіе подворья или свободы, въ которомъ оно находилось, и пристани—отъ бывшаго здѣсь монастыря с. Маманта). Иные изслѣдователи наши, какъ кажется, того мнѣнія, что въ договорѣ разумѣется только одна церковь св. Иліи, именно Кіевская. Но что въ самомъ договорѣ, а не припискѣ къ нему лѣтописца (посланіи же Игоревъ) разумѣется церковь св. Иліи Константинопольская, въ которую водима была для присяги христіанская часть пословъ Игоря, находившихся въ Константинополѣ, это совершенно ясно. Въ XIV вѣкѣ упоминается церковь Богородицы τῆς Βαράγγωνισσας, находившаяся за алтаремъ св. Софїи (*Миклош. Acta et Diplomm. Graeca, I, 423*), но должно ли понимать ея имя въ томъ смыслѣ, что она принадлежала Варягамъ, и была ли она въ то время, о которомъ мы говоримъ, остается намъ неизвѣстнымъ (Ср. *Дюканжа Constantinop. Christ., lib. IV п. XI, p. 86*).

для письмоводства. Такой возможностью они, очевидно, обязаны были христіанамъ, которые могли принести съ собою знаніе грамоты и искусство письма изъ Константинополя.

Крещеніе св. Ольги.

Ольга, жена Игоря, была родомъ Варяжка, то-есть, еще такая же отдѣльная отъ Славянъ иностранка, какъ предшествующіе Варяги-христіане и какъ всѣ вообще Варяги времени Игоря ¹⁾. Преданія объ ея красотѣ и необыкновенномъ умѣ находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Олегъ привелъ ее Игорю изъ Пскова ²⁾, гдѣ она была, вѣроятно, дочерью одного изъ намѣстниковъ или бояръ; то-есть, если Олегъ, обходя всѣхъ дочерей бояръ кievскихъ, взялъ невѣсту со стороны, то ясно, что эта невѣста выдавалась и славилась своими качествами.

Событіе принятія Ольгою христіанства изъясняется также просто, какъ просто предполагается внутреннее обращеніе къ нему ея мужа Игоря. Въ дружинѣ этого послѣдняго было весьма много Варяговъ христіанъ, пришедшихъ изъ Константинополя. Какъ женщина весьма умная, Ольга должна была обратить вниманіе на этихъ Варяговъ новой вѣры; съ своей стороны, и сами Варяги, разчитывая на тотъ же умъ Ольги, естественно должны были мечтать сдѣлать ее своею прозелиткою. Проповѣдничество Варяговъ-христіанъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Ольга рѣшилась стать христіанкою. Мы знаемъ, что она была женщина не просто съ большимъ умомъ, но съ умомъ именно государственнымъ. Это обстоятельство должно было послужить къ тому, чтобы для лицъ, принявшихъ на себя заботу убѣждать ее въ истинности христіанства, на половину облегчить ихъ трудъ. Указаніе на то, что христіанство стало вѣрою почти всѣхъ народовъ Европы и во всякомъ случаѣ есть вѣра народовъ между ними лучшихъ, указаніе на то, что и между собственными ея сородичами (Варягами) наконецъ началось сильное движеніе къ нему, по примѣру другихъ народовъ, не могли не подѣйствовать на умъ Ольги, дѣлая для нея необходимымъ заключеніе, что у людей лучшихъ

¹⁾ Что Ольга была Варяжка, это — во первыхъ, показываетъ ея варяжское имя, во вторыхъ—ее прямо называютъ Варяжкою; ея отдѣльныя житія см. у Карамзина, Ист. Г. Р., I, 78, и у преосвящ. Макарія, въ Исторіи русск. церкви, т. I, изд. 2-е стр. 276.

²⁾ Лвтоп. подъ 903 г.

и вѣра должна быть лучшею. Но, приведенная къ этому предположенію, Ольга на половину приближалась къ тому, чтобъ убѣдиться въ истинности и самаго христіанства.

Открытою христіанкой Ольга сдѣлалась только послѣ смерти мужа, и то, вѣроятно, не тотчасъ (о чемъ ниже). Но необходимо предполагать, что внутреннею христіанкой она сдѣлалась еще при его жизни и даже задолго до его смерти. Христіане если не были въ Кіевѣ еще до Игоря, то во всякомъ случаѣ начали являться къ сему послѣднему съ самаго начала его правленія, ибо то великое множество ихъ, которое мы видимъ при немъ въ концѣ его правленія, не могло же нахлынуть вдругъ. Но невозможно представлять дѣло такъ, что Ольга въ продолженіе цѣлыхъ многихъ десятковъ лѣтъ, въ продолженіе почти цѣлаго полустолѣтія ¹⁾ видѣла христіанъ и не обращала на нихъ вниманія, а потомъ вдругъ подъ старость обратила вниманіе, да и сдѣлалась христіанкою. Ставъ внутреннею христіанкою при Игорѣ, Ольга не могла при немъ креститься по тѣмъ же причинамъ политическимъ, о которыхъ говорили мы выше. Еслибы великій князь дозволилъ стать открытою христіанкою своей собственной женою, то это было бы знакомъ черезъ-чуръ явнаго потворства и благоволенія христіанамъ, то-есть, такимъ дѣйствіемъ, на которое онъ не могъ рѣшиться. Еслибъ Ольга умерла прежде Игоря, то предъ смертію она, конечно, крестилась бы тайно.

Въ исторіи Ольги до сихъ поръ остаются не рѣшенными вопросы: когда и гдѣ она крестилась. Наша лѣтопись говоритъ, что для принятія христіанства она путешествовала въ Константинополь, гдѣ крещена была патриархомъ, имѣвъ своимъ воспріемникомъ императора, и относить это событіе къ 955 году. Изъ греческаго писателя Константина Порфирогенита мы несомнѣнно узнаемъ, что она была въ Константинополѣ въ 957 году. Принимая извѣстіе лѣтописи о крещеніи Ольги въ Константинополѣ и поправляя годъ ея по Порфирогениту, обыкновенно думаютъ, что она крестилась въ Константинополѣ въ 957 году. Но согласиться съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ представляются самыя рѣшительныя затрудненія. Въ 957 г., когда Ольга пріѣзжала въ Константинополь, императоромъ Греческимъ былъ тотъ самый Константинъ Порфирогенитъ, сынъ Льва Мудраго, который въ своемъ сочиненіи „Объ обрядахъ или церемоніяхъ Византійскаго двора“ (*Ἐκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*) описалъ

¹⁾ Игорь былъ женатъ на Ольгѣ въ 903 г., ум. въ 945 г.

пріемъ Ольги, сдѣланный ей въ Константинополь. Описывая этотъ пріемъ, Константинъ описываетъ то, что было при немъ самомъ, и слѣдовательно есть свидѣтель вполне достовѣрный и надежный. Но подробно описывая то, какъ Ольга была принимаема при дворѣ, Константинъ ни единымъ словомъ и ни единымъ намекомъ не даетъ знать, чтобъ она пріѣзжала въ Константинополь для крещенія и дѣйствительно была тамъ крещена. Со времени Шлецера (Несторъ въ русскомъ переводѣ, III, 427), имѣющаго на своей сторонѣ и Карамзина (I, примѣч. 381), на это возраженіе принято отвѣчать тѣмъ, что въ книгѣ, назначенной единственно для описанія придворныхъ церемоній, каково помянутое сочиненіе, Константинъ не имѣлъ нужды говорить о крещеніи Ольги. Отвѣтъ однако чрезвычайно слабъ и никакъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Вопервыхъ, еслибъ Ольга тогда крестилась въ Константинополь, то это дало бы мѣсто не только обыкновеннымъ, но еще совершенно особымъ, весьма рѣдко могущимъ случиться, придворнымъ церемоніямъ, и слѣдовательно, Константинъ не только долженъ былъ бы упомянуть о нихъ, но и описать ихъ съ особою и нарочитою тщательностію. Вторыхъ, если предположить, — что однако весьма трудно, да никто и не предполагаетъ, — что Константинъ имѣлъ намѣреніе описать церемонію крещенія въ особомъ сочиненіи, то во всякомъ случаѣ необходимо было бъ ожидать, что онъ, отсылая за подробностями къ этому особому сочиненію, упомянетъ о немъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, кратко, въ двухъ-трехъ словахъ, что необходимо требовалось послѣдовательною и полнотою рѣчи. Наконецъ, третьихъ, Константинъ совершенно ясно даетъ знать, что Ольга прибыла въ Константинополь уже крещеною. Описывая пріемы, сдѣланные ей при дворѣ, онъ ясно даетъ знать, что начинается съ самаго перваго пріема¹⁾; но на этомъ пріемѣ является уже ея священникъ: очевидно, она прибыла въ Константинополь уже христианкою.

Итакъ, невозможно принимать, чтобъ Ольга крестилась въ Константинополь въ свой пріѣздъ въ него въ 957 г.; напротивъ того, необходимо думать, что она крестилась когда-то прежде. Гдѣ же и когда?

¹⁾ Онъ ясно даетъ знать это тѣмъ, что первый описанный у него пріемъ ея есть пріемъ въ аудіенцъ-залѣ при посредствѣ министра иностранныхъ дѣлъ (см. ниже).

Что касается до „гдѣ“, то представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что она крестилась въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ. Правда, греческіе лѣтописцы Кедринъ и Занара ¹⁾, нашъ русскій сказатель монахъ Іаковъ ²⁾ и одинъ западный лѣтописецъ ³⁾ говорятъ согласно съ нашею лѣтописью, что Ольга крестилась въ Константинополѣ. Но допустить это — значить принимать два путешествія Ольги въ Константинополъ: одно въ 957 году, когда она была уже крещеною, другое когда-то прежде для крещенія. Принять два путешествія не весьма легко: вопервыхъ, эти путешествія, кромѣ ихъ трудности и даже опасности (отъ кочевниковъ, сидѣвшихъ на низовьяхъ Днѣпра) должны были обходиться черезъ чуръ дорого, и удовлетворивъ своему любопытству видѣть столицу міра одинъ разъ, Ольга (о которой прямо остались преданія, какъ о женщинѣ очень экономной) едва ли захотѣла бы ѣхать въ нее въ другой разъ; вовторыхъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, слѣдуетъ думать, что Ольга крестилась не особенно задолго до 957 г., но предполагать, чтобъ она совершила двѣ поѣздки въ Константинополъ въ небольшой промежутокъ времени, было бъ очень невѣроятно. Что касается до поздняго, записаннаго у вышеуказанныхъ авторовъ, мнѣнія, будто Ольга крестилась въ Константинополѣ, то оно легко могло возникнуть, являясь какъ естественное предположеніе, что Ольга именно затѣмъ путешествовала въ него, чтобы въ столицѣ христіанскаго міра принять крещеніе отъ руки вселенскаго патріарха ⁴⁾. Какъ однако не велика естественность этого предположенія въ дѣйствительности—мы очень хорошо знаемъ изъ того, что въ Константинополѣ не имѣлъ никакой охоты креститься и самъ Владиміръ. Рождается, конечно, вопросъ: зачѣмъ же Ольга ѣздила въ Константинополъ въ 957 г., если не для крещенія? Отвѣтъ на него очень простъ: затѣмъ, чтобъ удовлетворить своему любопытству видѣть столицу христіанскаго и образованнаго міра, за тѣмъ, чтобы видѣть баснословно-великолѣпный

¹⁾ *Stritt*. Мемор. рор. II, 976.

²⁾ Въ Памяти и похвалѣ Владиміру, *Христ. Чт.* 1849 г. ч. 2, стр. 317 и 321, и у преосв. *Макарія* въ Ист. Р. церкви т. I, изд. 2-е, стр. 256 и 259.

³⁾ См. его ниже.

⁴⁾ Западный лѣтописецъ (продолжатель Регинаона) былъ не поздній писатель, а непосредственный современникъ. Но его уравниваетъ съ поздними слишкомъ большая отдаленность отъ Россіи. Несовершенная обстоятельность его свѣдѣній видна изъ того, что онъ считаетъ Ольгу крещеною при императорѣ Романѣ (959—963 г.).

Царьгородъ, чтобы видѣть жизнь и быть тѣхъ царей, которые, именуясь повелителями вселенной, хотя тогда уже и не повелѣвали ей, но все еще сохраняли свое прежнее обаяніе ¹⁾).

Что касается до „когда“, то представляется вѣроятнымъ думать, что Ольга, послѣ смерти Игоря, оставалась не крещеною до тѣхъ поръ, пока была за малолѣтнаго Святослава правительницею государства и продолжала оставаться лицомъ въ государствѣ официальнымъ, и что она крестилась только послѣ того какъ, нашедъ возможнымъ сложить съ себя официальное регентство, отошла по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать отъ нея за ея поступки.

Святославъ родился въ 942 г. ²⁾, слѣдовательно, полного мужества не достигъ и въ 957 г., когда Ольга несомнѣнно была уже крещеною. Какой годъ возраста принимать за неполное мужество, которое въ то время почиталось совершеннолѣтіемъ гражданскимъ, — прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ, или по крайней мѣрѣ, не знаемъ. Полагая, что таковой годъ долженъ быть считаемъ не ранѣе, какъ съ 10-го, мы получимъ, что Ольга крестилась въ промежутокъ времени отъ 952 до 957 года. Монахъ Іаковъ и вслѣдъ за нимъ позднѣйшіе жизнеописатели Ольги, говорятъ, что она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ ³⁾, слѣдовательно, по Іакову, который относитъ ея смерть, также какъ и лѣтопись, въ 969 году, она крестилась въ 954 году. Много ниже мы увидимъ, что этотъ монахъ Іаковъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ показаніяхъ всей нашей вѣры; а потому, съ весьма большою вѣроятностію и со всѣмъ правомъ, и можно остановиться на его годѣ ⁴⁾.

¹⁾ Очень можетъ быть, что христіанское имя Елены Ольга приняла въ честь супруги тогдашняго императора Константина Порфирогенита, которая тоже называлась Еленою. Но заключать изъ этого, чтобы она крестилась въ Константинополѣ нѣтъ основанія. И Владиміръ назвался въ христіанствѣ Василиемъ по современному ему императору Греческому.

²⁾ Лѣтоп. Ипатьевск., Воскр., Соє. Врем. Пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ лѣтописи Лаврентьевской, который могъ быть просто случайнымъ, происшедшимъ по винѣ переписчика или редактора, нисколько не говорить противъ его достовѣрности въ лѣтописи Ипатьевской.

³⁾ Іаковъ *ibid.*; житія у преосв. *Макарія*, Ист. Р. ц., т. I, изд. 2-е, стр. 77 и Степ. жн., I, 34.

⁴⁾ Въ лѣтописи, какъ мы сказали, путешествіе Ольги въ Константинополь положено подъ 955 г., тогда какъ въ дѣйствительности оно было въ 957 г. Мож-

На запросы: во первыхъ, почему Ольга, бывъ послѣ смерти правительницей государства не крестила народа, и вторыхъ, почему не крестила она Святослава, когда этотъ былъ дитятей и еще не выходилъ изъ повиновенія,—отвѣты нами даны въ томъ, что сказано выше. По причинамъ политическимъ, потому что она не находила возможнымъ сдѣлать ни того, ни другаго. Что касается въ частности до Святослава, то она, конечно, могла распоряжаться имъ, какъ сыномъ, но не могла распоряжаться имъ какъ княземъ.

Монахъ Іаковъ сообщаетъ нѣсколько загадочное извѣстіе, что Ольга послѣ возвращенія изъ Константинополя, гдѣ онъ полагаетъ ея крещеніе, сокрушила идольскія требища ¹⁾. Такъ какъ она не сокрушала, потому что не могла сокрушать общественныя идольскія требища, то приведенное извѣстіе монаха Іакова, въ случаѣ, если оно вѣрно, необходимо понимать такъ, что она уничтожила требища въ тѣхъ дворцахъ и помѣстьяхъ, которые составляли ея частную собственность. Если считать помянутое извѣстіе вѣрнымъ, то будетъ совершенно вѣроятнымъ сдѣлать еще одно предположеніе, именно—что Ольга, не имѣя возможности заботиться о распространеніи христіанства въ народъ, по крайней мѣрѣ, заботилась объ его распространеніи въ своемъ домѣ—между своими собственными придворными и между своею собственною прислугой и челядью.

Есть извѣстія, что Ольга строила церкви, именно, что она построила деревянную церковь св. Софіи въ Киевѣ и церковь св. Троицы на рѣкѣ Плесковѣ или Псковѣ, гдѣ послѣ явился городъ Псковъ (о послѣдней, впрочемъ, говорится только, что она послала много злата на ея созданіе, но не говорится прямо, что Ольга построила ее). Дѣло само по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго и невозможнаго. Ольга не распространяла христіанства въ народъ и потому не имѣла нужды и побужденій строить церкви для народа; но въ Россіи были многіе Варяги-христіане, которые нуждались въ церквяхъ и уже имѣли ихъ: отчего жъ Ольга, удовлетворяя нуждѣ и побуждаемая благочестивымъ усердіемъ, не могла бы построить для Варяговъ къ прежнимъ церквамъ нѣсколько новыхъ? Однако, если дѣло таково само по себѣ, то положительныя

но думать, что позднѣйшая легенда записана въ лѣтописи подъ тѣмъ годомъ, подъ которымъ стояла въ ней истинная запись о крещеніи Ольги.

¹⁾ «Възвратися въ землю Русскую... и потомъ требища сокруши», *Христ.* *ит.* 1849 г., ч. 2, стр. 321.

извѣстiя о построенныхъ ею церквахъ въ высшей степени сомнительны: о кievской церкви св. Софiи говоритъ такъ называемая Иоакимова лѣтопись Татищева ¹⁾, а эта лѣтопись есть произведение отчасти XVII вѣка, отчасти же самого ея издателя ²⁾; о псковской церкви говоритъ житiе Ольги, составленное въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ ³⁾; притомъ, если полагать вмѣстѣ съ нимъ, что при Ольгѣ не было еще города Пскова, то церковь на пустомъ мѣстѣ не будетъ имѣть никакого смысла ⁴⁾. Строила или не строила Ольга общественныя церкви для Варяговъ, но необходимо думать, что она строила домовныя церкви для самой себя. Гдѣ эти послѣднiя церкви были построены и въ какомъ числѣ, это пока остается, а вѣроятно, и навсегда останется, неизвѣстнымъ.

На третiй годъ послѣ своей поѣздки въ Константинополь, то есть, въ 959 году, Ольга послала посольство къ Нѣмецкому королю (впослѣдствiи императору) Оттону I или Великому. Фактъ этого посольства, о которомъ не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, не упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, но о которомъ говорятъ многiе лѣтописцы западныя, не подлежитъ сомнѣнiю; несомнѣнно также и то, что оно было отъ нашей Киевской Ольги, которую поманутыя лѣтописцы называютъ христіанскимъ именемъ Елены, а не отъ кого-либо другаго ⁵⁾. Но за-

¹⁾ Исторiя Татищева, I, 36.

²⁾ Извѣстiе о построенiи Ольгою въ Киевѣ церкви св. Софiи, полагаемъ, принадлежатъ самому Татищеву. Онъ имѣлъ подъ руками Дитмара Мерзебургскаго, который подъ 1017 и 1018 годами говоритъ о церкви (монастырѣ) въ Киевѣ св. Софiи (Chronic., lib. VIII, c. 16): построенеiе этой загадочной церкви онъ и усволяетъ Ольгѣ. Какъ думать о церкви св. Софiи Дитмара, скажемъ ниже.

³⁾ Въ Степ. кн., I, 31.

⁴⁾ Болѣе древнее проложное житiе Ольги говоритъ только, что она провидѣла и предрекла построенеiе Псковской церкви св. Троицы (у преосв. Макарія Ист. Р. Ц. т., I, изд. 2, стр. 277).

⁵⁾ На томъ основанiи, что часть лѣтописцевъ и официальный документъ Оттона называютъ народъ, отъ котораго прислано было посольство, Ругами—Rugî, нѣкоторые (и въ томъ числѣ Карамзинъ, Ист. Г. Р., I, прим. 395) хотятъ разумѣть Руговъ—жителей острова Рюгена (тоже Славянъ). Но если у одной части лѣтописцевъ народъ называется Rugî, то у другой части, и въ томъ числѣ у имѣющаго въ данномъ случаѣ весьма большой авторитетъ, Титмара Мерзебургскаго (Chronic., lib. II, n. 14, у Миня, Patrol., t. 139, p. 1212) gens Russiæ, а между тѣмъ невозможность разумѣть дѣйствительныхъ Руговъ очевидна изъ словъ лѣтописцевъ о приславшей пословъ: Helena regina, quæ Constantinopoli baptizata erat, ибо, во первыхъ—не только весьма трудно предположить, что у Руговъ могла быть княгиня, которая повѣдала бѣ искать крещенiя въ Константинополь,

тѣмъ вопросъ: зачѣмъ было послано посольство, долженъ навсегда остаться неразрѣшимой загадкою, если только! необъяснить дѣла какія-нибудь новыя, пока неизвѣстныя, свидѣтельства. Западные лѣтописцы говорятъ, что Ольга прислала просить епископовъ и священниковъ, что вслѣдствіе просьбы поставленъ былъ въ 960 г. въ епископы русскіе Либуцій, изъ братства монастыря св. Альбана, близъ Майнца, но что когда онъ, не успѣвъ отправиться, умеръ въ началѣ слѣдующаго 961 года, то на его мѣсто въ томъ году поставленъ былъ другой—Адальбертъ изъ братства монастыря св. Максимиана въ Трирѣ (бывшій впослѣдствіи съ 968 г. архіепископомъ Магдебургскимъ). Но оказалось, по словамъ лѣтописцевъ, что посольство было прислано лживымъ и коварнымъ образомъ, и что Русскіе солгали во всемъ. Прибывшій къ нимъ епископъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ (при чемъ на возвратномъ пути онъ едва спасъ свою жизнь, а нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты) ¹⁾.

Самое вѣроятное объясненіе этого совершенно загадочнаго посольства есть слѣдующее: Ольга прислала къ королю вовсе не за тѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ; но Оттонъ I, извѣстный ревностный распространитель христіанства, и именно, распространитель его между Славянами ²⁾, пользуясь случаемъ посольства, рѣшилъ отправить къ

но и положительно извѣстно, что въ данное время такой книгини не было, во-вторыхъ—западные лѣтописцы никогда не назвали бы княгиню Руговъ regina. Была на западѣ какая-то Rhoswilda или Rosvida, иначе Helena von Rossow, игуменья одного монастыря, происходившая изъ благородной, можетъ быть, княжеской Бранденбургской фамиліи, состоявшая въ родствѣ съ императоромъ Оттономъ и бывшая въ Константинополѣ, въ которомъ выучилась греческому языку; но видѣть въ этой Еленѣ, какъ хотятъ нѣкоторые, Елену лѣтописцевъ—въ высшей степени страшно. Regina никогда не будетъ означать только женщину, происходившую, можетъ быть, изъ княжеской фамиліи; von Rossow есть личное прозваніе (родовая фамилія), а всѣ лѣтописцы говорятъ о народѣ Ругахъ или Руссахъ, и притомъ какъ изъ von Rossow явилось бы у нихъ Rugi, Russia? Наконецъ, какой смыслъ будетъ этого посольства отъ княгини-игуменьи къ королю за епископомъ и пресвитерами? Почему нѣкоторые лѣтописцы и самъ Оттонъ называютъ Русскихъ Ругами—удовлетворительно объяснить не беремся; полагаемъ, просто потому, что на западѣ не было хорошо извѣстно наше имя, и что, такимъ образомъ, въ названіи допущена ошибка.

¹⁾ Нѣкоторые изъ лѣтописцевъ (Дамбертъ) представляютъ дѣло такъ, что епископъ едва убѣжалъ живой изъ самой столицы русской. Но это, очевидно, истинность.

²⁾ Оттонъ I извѣстенъ тѣмъ, что для распространенія христіанства между

Русскимъ не прошеннаго епископа; лѣтописцы не знали дѣла обстоятельно, и такъ какъ епископъ былъ посланъ послѣ посольства, то и заключили, что онъ былъ посланъ вслѣдствіе этого послѣдняго. Къ крещеной Ольгѣ Оттонъ послалъ епископа, конечно, за тѣмъ, чтобы перевзвать ее отъ патріарха Константинопольскаго къ своему папѣ Римскому.

Такъ какъ церкви греческая и римско-католическая, въ дѣйствительности давно бывъ отдѣльными церквями, формально еще продолжали тогда составлять одну православную церковь, ибо окончательное раздѣленіе произошло между ними послѣ,—такъ какъ далѣе ново-крещеная Ольга могла быть только христіанкою, но не могла сдѣлаться ни сторонницею греческой половины церкви, ни противницею половины римской,—то само по себѣ не представлялось бы совершенно невѣроятнымъ и то, что она послала къ Оттону просить у него епископа. Но это предположеніе представляется именно совершенно невѣроятнымъ въ виду того, что епископъ былъ Ольгѣ вовсе не нуженъ. Сама, принявъ христіанство, она не хотѣла, потому что не имѣла возможности, распространять его въ народѣ: на что же стала бы она просить епископа? Притомъ и сами западные лѣтописцы говорятъ, что посольство было прислано живымъ образомъ, то-есть, что Ольга вовсе не имѣла дѣйствительнаго желанія получить епископа.

Св. Ольга скончалась въ очень преклонной старости, будучи лѣтъ 80-ти, въ 969 году. Предъ смертію она заповѣдала не творить надъ собою тризны, то-есть, не совершать общественныхъ языческихъ игръ, которыя были совершаемы на могилахъ умершихъ князей и вообще знатныхъ лицъ. Бывъ похоронена по христіански ¹⁾, она была положена гдѣ-то въ особомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, на дворѣ или

окончательно побѣжденными имъ Славянами Поморскими или Балтійскими основать шесть епископій, и что изъ шести этихъ епископій онъ образовалъ особую славянскую митрополию (Магдебургскую).

¹⁾ Лѣтописецъ говоритъ: «и бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи прозвутера и тѣ похорони блажену Олгу». Такъ какъ, во-первыхъ, весьма вѣроятно предполагать, что Ольга имѣла не одного домоваго священника, а нѣсколькихъ, и такъ какъ, воторыхъ, кромѣ ея домовыхъ священниковъ, были въ то время въ Киевѣ общественные и домовые священники у Варяговъ-христіанъ, то дѣло о похоронахъ должно быть представляемо не такъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ: Ольга была похоронена не однимъ, а многими священниками (конечно, всѣми бывшими въ Киевѣ, и не тайно, какъ это, кажется, хотеть дать знать лѣтописецъ, а открыто и торжественно).

въ саду одного изъ своихъ дворцовъ. Св. Владиміръ послѣ своего крещенія перенесъ мощи ея въ построенную имъ Десятинную церковь, гдѣ онѣ положены были въ небольшой каменной ракъ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что память первой христіанки, предтевшей общему крещенію, какъ денница солнцу, Русскіе люди начали чтить съ самаго перваго времени; но когда она формально была причислена къ лику святыхъ, и когда установлено было празднованіе ея памяти, это остается положительно неизвѣстнымъ, и едва ли уже при Владимірѣ, какъ обыкновенно думаютъ (лѣтописецъ и монахъ Іаковъ говорятъ только, что въ ихъ время была весьма чтима память Ольги, но не говорятъ ясно, чтобъ она была празднуема).

Отъ Игоря до Владиміра.

Христіане въ Кіевѣ между Варягами, явившіеся если не одновременно съ ихъ прибытіемъ къ намъ, то несомнѣнно въ правленіе Игоря, во вторую половину княженія сего послѣдняго, были весьма многочисленны. Ихъ было не нѣсколько отдѣльныхъ, незамѣтныхъ и скрывавшихся въ общей массѣ лицъ, а цѣлая особая, болѣе или менѣе значительная община, которая, существуя открыто и свободно рядомъ съ господствующимъ язычествомъ, имѣла всѣ принадлежно-

¹⁾ О перенесеніи мощей Ольги Владиміромъ въ Десятинную церковь ясно говорятъ только позднѣйшія житія ея (проложныя у преесв. *Макарія*, Ист. Р. Ц., т. I, изд. 2-е, стр. 87 и 277, пространное въ Степ. Кн., I, 35). Но послѣ Владиміра мы дѣйствительно находимъ ея мощи въ Десятинной церкви (монахъ Іаковъ въ Памяти и Похвалѣ Владиміру, или кто-то древній, сдѣлавшій у него вставку, — *Христ. Чит.* 1849 г., ч. II, стр. 322), а потому, всего вѣроятнѣе приписать ихъ перенесеніе сюда именно ему. Подъ 1007 г. въ Лаврент. лѣтописи не ясно записано: «перенесени святія во святую Богородицу»; весьма вѣроятно, но нельзя однако съ увѣренностію разумѣть тутъ перенесеніе мощей Ольги, ибо въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто «перенесени» читается «принесени», а въ нѣкоторыхъ другихъ опредѣлено: «принесены святія иконы» (Кенігсб.). Въ нашествіе Монголовъ мощи были сокрыты подъ спудомъ въ церкви; въ XVII в., по претанію, они были открыты Петромъ Могилою, а въ XVIII снова сокрыты по не совсѣмъ вразумительной причинѣ въ неизвѣстномъ мѣстѣ (преесв. *Макарія* Ист. Р. Ц., т. I, изд. 2-е, стр. 87). Въ родѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ хранится портретъ Ольги, писанный по преданію живописцемъ Константина Багрянороднаго послѣ ея крещенія, на которомъ читается греческая подпись: «ἡ τοῦ γένους Ῥώσ δеспυνῆ, ἐπίτισε Τρηγύρωσ ὁ ζωγράφος Κωνσταντίνου τοῦ πορφυρογενήτου» (*Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи*, изд. *Говорскаго*, 1862 г. кн. 2, августъ, отд. IV, стр. 122). Это значитъ, что почтенные князья слишкомъ вдали въ обманъ какого-то ловкаго Грека.

сти вполне организованнаго религіознаго общества — церкви и священниковъ. Такимъ образомъ, во вторую половину княженія Игоря христіанство является вполне водворившимся въ Кіевѣ, какъ въѣра частная. Чтò же случилось съ нимъ у насъ потомъ? Послѣ Игоря историки наши ничего не говорятъ о немъ до Владиміра, иначе сказать, молча предполагаютъ, что послѣ перваго изъ нихъ оно исчезло, и что его существованіе было не болѣе какъ мимолетнымъ эпизодомъ. Мы уже говорили выше, что въ дѣйствительности дѣло должно быть представляемо вовсе не такъ. Весьма немного имѣемъ мы положительныхъ свидѣтельствъ, но само собою необходимо предполагать, что христіанство послѣ Игоря въ Россіи не исчезало, что оно продолжало оставаться въ ней все въ томъ же положеніи многочисленной и вполне организованной религіозной общины, отъ самой смерти Игоря до самаго крещенія Владиміра, и что, такимъ образомъ, это христіанство Россіи, предшествующее крещенію послѣдняго, имѣетъ болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ непрерывнаго существованія.

Послѣ смерти Игоря (въ 945 г.) за малолѣтняго Святослава ¹⁾ правительницей государства стала мать его Ольга. Въ это время она была внутреннею христіанкой, ибо таковою сдѣлалась, какъ необходимо предполагать, еще задолго до смерти мужа. Какимъ же должно было быть при ней положеніе христіанъ? Очевидно, что оно ни малѣйше не могло измѣниться къ худшему. Пока Ольга оставалась правительницей государства, она не только не находила возможнымъ распространять христіанство между своими подданными, но и сама не рѣшалась креститься. Изъ сего ясно, что о ея совершенно явномъ и совершенно рѣшительномъ покровительствѣ христіанству не можетъ быть рѣчи. Но конечно, она уже не была его гонительницей, и на сколько возможно было въ ея положеніи, оказывала ему самое усердное покровительство и поддержку тайно. Слѣдовательно, не было никакихъ причинъ, чтобы въ малолѣтство Святослава и въ продолженіе регентства Ольги число христіанъ въ Кіевѣ уменьшилось противъ времени Игорева, и чтобы въ ихъ положеніи, сравнительно съ прежнимъ, произошло какое нибудь ухудшеніе. Нужно только думать, что число христіанъ не прибывало, а отчасти, можетъ быть даже и убывало, виѣшнимъ путемъ. Специальное ремесло Варяговъ была война, и они стремились туда, гдѣ стучали оружіемъ; но въ Кіевѣ, въ правленіе женщины, конечно, замолкли эти, имѣвшіе силу

¹⁾ Родился, какъ мы сказали, въ 942 г.

склибать ихъ, бранные звуки. Очень можетъ быть поэтому, что при Ольгѣ не продолжался наплывъ Варяговъ, а въ числѣ ихъ и христіанъ, въ Кіевъ изъ Константинополя. Очень можетъ быть даже, что нѣкоторые Варяги, и въ томъ числѣ христіане, по вышеуказанной причинѣ, то-есть, не желая сидѣть сложа руки, удалились при Ольгѣ изъ Кіева въ Константинополь или вообще искать счастья по блѣлу свѣту.

Неизвѣстно, когда въ промежуткѣ отъ 952 до 957 года (см. выше) Ольга сложила съ себя регентство, и правителемъ государства сталъ самъ князь Святославъ. Но ставъ официальнымъ образомъ правителемъ государства, Святославъ еще долгое время находился въ такомъ возрастѣ, что не могъ выходить изъ повиновенія матери, и что послѣдняя, переставъ бывъ официальной правительницею государства, продолжала оставаться таковою на дѣлѣ. Лѣтопись даетъ знать намъ, что Святославъ началъ дѣйствовать самостоятельно съ 964 года, когда ему исполнилось 22 года ¹⁾. Слѣдовательно, положеніе христіанъ въ Кіевѣ до этого 964 года оставалось все тѣмъ же, совершенно для нихъ благопріятнымъ, какъ и прежде, начиная со второй половины княженія Игоря.

Послѣ регентства Ольги официальнаго и не официальнаго настало собственное правленіе Святослава. Отецъ его Игорь былъ внутреннимъ христіаниномъ, мать стала открытою христіанкою; но сынъ въ этомъ отношеніи вышелъ ни въ отца, ни въ мать. Святославъ былъ въ ряду нашихъ князей послѣдній Варягъ и въ то же время варяжскій рыцарь въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Не думая нисколько о государствѣ и совершенно бросивъ его на произволъ судьбы, онъ мечталъ только о томъ, чтобы сравняться въ славу съ своими норманнскими предками, чтобы искать единственно военныхъ приключеній и военныхъ доблестей. Стремленіе къ славу предковъ естественно должно было тѣснымъ образомъ связывать его и съ ихъ религіей, и съ ихъ преданіями, которыя именно были религіей и преданіями героевъ. Святославъ не только не могъ бросить ихъ и промѣнять на христіанство, но напротивъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ стоять ихъ ревностнымъ приверженцемъ, чѣмъ болѣе стремился возстановить въ себѣ и въ своей дружинѣ старыхъ славныхъ Норманновъ, ибо одно съ другимъ было нераздѣльно. Изъ язычника по

¹⁾ Лѣтопись подъ 964 г.: «Князю Святославу возрашу и возмужавшу, нача вон совокупляти многи и храбры».

рожденію Святославъ долженъ былъ стать горячимъ язычникомъ по убѣжденію и по принципу, какъ представитель старины, какъ носитель тѣхъ дѣдовскихъ идеаловъ, которые не имѣли совершенно ничего общаго съ христіанскимъ. Это послѣднее заповѣдуетъ продолжительныя молитвы, посты, послушаніе божественныхъ писаній, дѣла милосердія и нищелюбія, воздержаніе отъ пролитія крови человѣческой¹⁾; все это должно было казаться дикимъ истому рыцарю и ни малѣйше не совмѣстимымъ съ тѣмъ, къ чему стремились его помслы, и христіанство должно было стать въ глазахъ Святослава религіей смѣшною и достойною презрѣнія, назначенною совсѣмъ для иного рода людей.

Такимъ образомъ, Святославъ былъ человѣкъ, не имѣвшій ни малѣйшей охоты и склонности покровительствовать христіанству. Изъ этого однако вовсе и нисколько не слѣдуетъ того, чтобы при немъ оно должно было прекратить свое существованіе въ Кіевѣ. Святославъ былъ язычникъ, и какъ таковой, онъ не могъ быть гонителемъ христіанства. По представленіямъ всякаго язычника не одна вѣра должна господствовать во всемъ мірѣ, какъ единая истинная, а міръ долженъ быть раздѣленъ, какъ онъ и на самомъ дѣлѣ видить, между многими и разнообразными, одинаково истинными вѣрами²⁾. Язычникъ будетъ находить извѣстную вѣру совсѣмъ себѣ не по вкусу и не по сердцу, но тѣмъ не менѣе онъ не перестанетъ находить ее одинаково истинною и имѣющею одинаковое право существованія со всѣми другими вѣрами; язычникъ будетъ даже презирать извѣстную вѣру и смѣяться надъ нею, но все-таки не перестанетъ считать ее истинною, только назначенною для низшихъ, чѣмъ онъ самъ, людей. Вслѣдствіе этого язычникъ, какаго бы ни былъ худаго мнѣнія объ извѣстной вѣрѣ и какое бы ни виталъ къ ней нерасположеніе, все-таки не будетъ гнать ее: лучшія и худшія вѣры, по его воззрѣніямъ, все одинаково отъ одного и того же Бога и только назначены для лучшихъ и худшихъ людей. Единственный случай, когда онъ можетъ поднять гоненіе на другую вѣру, это — тогда, когда другая вѣра будетъ явно и рѣшительно посягать на

¹⁾ (Патріархъ) «заповѣда (Ольгѣ) о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостини и о воздержаніи тѣла въ чистотѣ» П. Собр. Лѣтоп., I, 26.

²⁾ «Es war allgemeiner Grundsatz des Alterthums (язычниковъ древности), dass die Götter selbst in jedem Lande die besondere Art ihrer Verehrung angeordnet hätten». *Gieseler*, Kirchengesch., I, 1, § 12.

его собственную, когда будетъ вести на счетъ послѣдней открытую пропаганду ¹⁾). По всему сказанному Святославъ, не смотря на все свое неблаговоленіе къ христіанству, не смотря на свое пренебреженіе и презрѣніе къ нему, не долженъ былъ гнать его послѣдователей, а предоставляя имъ свободу, долженъ былъ только ограничиваться заявленіемъ своихъ помянутыхъ чувствъ къ ихъ вѣрѣ. Не распространяясь въ доказательствахъ того, чего людямъ, не имѣющимъ охоты съ нами согласиться, мы никогда не доказали бы, мы прямо сошлемся на лѣтопись, которая въ этомъ далеко не безспорномъ вопросѣ, къ нашему счастью, не оставляетъ насъ безъ положительнаго свидѣтельства. Она самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуешь, что Святославъ не былъ гонителемъ и христіанства, и что при немъ не было на христіанъ гоненія. „Аще кто хотяше креститися, не браняку, но ругахуся тому“, говоритъ она объ отношеніи къ христіанству Святослава съ языческою частью дружины: если не возбраняли даже креститься язычникамъ, то ясно, что уже не преслѣдовали крещеныхъ, прежде ставшихъ христіанами.

Итакъ, при Святославѣ не было настоящаго гоненія на христіанъ, но было, такъ сказать, гоненіе только нравственное, состоявшее въ томъ, что князь съ языческою частью дружины смѣялись надъ ихъ вѣрой ²⁾). При этомъ своего рода гоненія должно ли было

¹⁾ Все сказанное нами, по видимому, рѣшительно, опровергается тѣмъ, что языческіе Римскіе императоры жестоко преслѣдовали первенствующихъ христіанъ. Однако это вовсе не такъ. Языческіе Римскіе императоры видѣли въ первенствующемъ христіанствѣ не *существующую* народную религію, а нововозникающую и нововымышляющую, весьма вредную и ненавистную религіозно-политическую секту (со стороны религіозной христіанство — *exitibilis superstitionis*, Tacit. Annal., lib. XV, c. 44; со стороны политической христіане — *publici hostes*, Tertull. Apologet., cap. 2). Проповѣдники христіанства, одушевляемые сознаниемъ его истинности, старались распространять его въ мірѣ, не смотря ни на какія препятствія, но по этому самому Римскіе императоры считали своею обязанностію подавлять его всеми зависящими отъ нихъ средствами. О совершенной терпимости языческихъ Римскихъ императоровъ, преслѣдовавшихъ христіанство, ко всемъ *существовавшимъ* народнымъ религіямъ свидѣтельствуетъ ихъ Пантеонъ, который былъ посвященъ богамъ всего міра (и такъ называемый ихъ позднѣйшій въ религіи синкретизмъ; да припомнитъ также читатель, что Аѳиняне временъ апостола Павла чтли боговъ міра не только вѣдомыхъ, но и невѣдомыхъ). О взглядахъ на религіи нашихъ теперешнихъ сибирскихъ язычниковъ, именно, совершенно такихъ, какіе мы усвоаемъ Святославу и вообще язычникамъ, см. въ *Духовной Бесѣдѣ* 1863 г., стр. 70 (№ 3).

²⁾ «Ругахуся» значитъ, именно, смѣялись и ничего болѣе, то-есть, вовсе не

изчезнуть христіанство въ Кіевѣ при Святославѣ, или по крайней мѣрѣ, должно ли было уменьшиться число его послѣдователей? Если бы люди принимали христіанство только внѣшнимъ образомъ, по какимъ-нибудь корыстнымъ разчетамъ, то и подобное легкое гоненіе могло бы заставить ихъ отказаться отъ него: но этого не было, потому что совсѣмъ не могло быть, а искренніе христіане должны были смотрѣть на пренебреженіе и презрѣніе къ ихъ вѣрѣ со стороны князя только съ сожалѣніемъ, припоминая внутренно слова Писанія, что *безуміи возненавидѣша премудрость*, и говоря про себя то, что по поводу Святослава говоритъ лѣтописецъ: „невѣрнымъ вѣра христіанска уродства есть“. Сейчасъ выше мы привели слова лѣтописи, изъ которыхъ видно, что при Святославѣ находились въ Кіевѣ язычники, желавшіе принимать христіанство: если неблаговоленіе князя къ христіанству не останавливало отъ обращенія къ нему язычниковъ, то тѣмъ менѣе оно могло побуждать къ отпаденіямъ отъ него бывшихъ христіанами.

Не воздвигая на христіанъ настоящаго гоненія, Святославъ могъ заявлять свое къ нимъ неблаговоленіе посредствомъ того, что занимавшихъ между ними высшія должности устранялъ отъ послѣднихъ и замѣщаль язычниками. Вслѣдствіе того могло случиться, что, по крайней мѣрѣ, между христіанами изъ сословія бояръ могли найдтись люди, которые предпочитали мѣста и положеніе вѣрѣ, и которые поэтому снова возвратились отъ христіанства къ язычеству. Но лѣтопись даетъ намъ одно довольно ясное и положительное указаніе, что даже и этого не было, что вѣра была вѣрой, а служба службой, и что въ насмѣшкахъ надъ вѣрой христіанъ единственно и состояли при Святославѣ всѣ на нихъ гоненія. Въ послѣдніе годы правленія Игоря и въ малолѣтствѣ Святослава при Ольгѣ главнымъ воеводою великокняжескимъ былъ Свѣнелдъ. Если этотъ Свѣнелдъ не былъ такимъ же внутреннимъ христіаниномъ, какъ Игорь и Ольга, то во всякомъ случаѣ необходимо думать, что онъ былъ не изъ враговъ, а изъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ друзей христіанства. Но онъ продолжалъ оставаться главнымъ воеводою и во все правленіе Святослава: довольно ясно дается этимъ знать, что съ прежними людьми не измѣнилось и прежнее отношеніе къ христіанамъ ¹⁾.

должно быть понимаемо въ смыслѣ наругательствъ посредствомъ какихъ-нибудь дѣйствій.

¹⁾ Въ договорѣ Святослава съ Цимисхиємъ 971 г. нѣтъ ни слова о христіанствѣ. Часть СЛХХХVII, отд. 2.

Итакъ, все гоненіе Святослава на христіанъ состояло въ томъ, что онъ презиралъ и пренебрегалъ ихъ вѣру, и что, вмѣстѣ съ другими язычниками, онъ смѣялся надъ нею. Но и касательно этого нравственнаго гоненія должна быть сдѣлана значительная оговорка по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые имѣли пребываніе собственно въ Кіевѣ. Извѣстно, что Святославъ, послѣ того, какъ возросъ и возмужалъ (въ 964 году) и принялся за дѣятельность, почти постоянно отсутствовалъ изъ Кіева; сначала онъ велъ „войны многія“ съ сосѣдями, а потомъ вдался въ войну болгарскую, изъ которой и не возвратился живымъ ¹⁾. Кого Святославъ на время своихъ отсутствій оставлялъ вмѣсто себя официальнымъ правителемъ, пока жива была Ольга († 969 г.), мы не знаемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что не официальною и дѣйствительною правительницею была она. Слѣдовательно, при Святославѣ до смерти Ольги положеніе христіанъ, которые оставались собственно въ Кіевѣ, было совершенно такое же, какъ было прежде въ дѣйствительное регентство Ольги при Игорѣ ²⁾.

нахъ. Но это значить не то, чтобъ ихъ не было въ войскѣ Святослава, а только то, что онъ не хотѣлъ, подобно Игорю, давать имъ политическаго равноправія съ язычниками. (По Льву діакону, кн. IX, гл. 6, первымъ вождемъ у Святослава въ походѣ болгарскомъ былъ Ижморъ; но конечно, онъ ошибается; кромѣ собственныхъ показаній лѣтописца, см. у него договоръ Святославовъ съ Греками).

¹⁾ Въ 964 г. походъ на Вятичей, въ 965 г. война съ Казарами, Ясами и Касогами (двое послѣдніе—сосѣди нашей Тмутаракани), въ 966 г. война опять съ Вятичами, съ 967 г. до смерти (въ 972 г.) война болгарская, съ которой Святославъ возвращается домой только одинъ разъ и не особенно на долго.

²⁾ Есть одно свидѣтельство о христіанствѣ въ Россіи при Святославѣ, которое пока не совсемъ опредѣлено, такъ что можетъ быть относимо къ намъ и не къ намъ, и которое пока не можетъ быть выдаваемо за несомнѣнно достоверное; но въ случаѣ, если будетъ доказано, что оно относится именно къ намъ и достоверно, то оно будетъ представлять собою свидѣтельство весьма важное. Козьма Пражскій въ своей лѣтописи (lib. I, § 22) приводитъ грамоту папы Іоанна XIII къ Чешскому королю Болеславу II, писанную въ 972 г., которою онъ дозволяетъ послѣднему открыть въ Чехіи одну епископію (Пражскую). Вмѣстѣ съ симъ дозволеніемъ онъ даетъ еще дозволеніе учредить одинъ женскій монастырь, и относительно этого послѣдняго предписываетъ: *«veniantamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica»*... Подъ Ruzia gens можно разумѣть двоихъ—или Венгерскихъ Русскихъ, которые на своемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства не позднѣйшіе пришельцы, какъ хотятъ утвердить венгерскіе историки, а доисторическіе аборигены, и которые приняли христіанство греческаго обряда въ IX вѣкѣ отъ Болгаръ, бывъ до прихода Венгровъ или данни-

Преемникомъ Святослава былъ старшій сынъ его Ярополкъ, котораго онъ посадилъ въ Кіевѣ еще при своей жизни, послѣ смерти Ольги, и который былъ послѣднимъ великимъ княземъ передъ Владиміромъ ¹⁾. Положительныхъ свѣдѣній объ Ярополкѣ или хотя бы указаній и намековъ мы не имѣемъ совершенно никакихъ ²⁾, и остается только дѣлать предположенія. Чтѣ худое ни предположили бы мы о Ярополкѣ, смотрѣлъ ли онъ на вѣру христіанъ глазами отца, или она была ему еще болѣе антипатична, чѣмъ послѣднему, — во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что онъ не воздвигалъ на христіанъ гоненія, и что послѣдніе продолжали при немъ пользоваться такою же свободой, какъ и во все предшествующее время, начиная съ своего перваго появленія; это — потому же, почему не воздвигалъ гоненія на христіанъ Святославъ, то-есть, потому, что онъ былъ язычникъ, и что язычество есть синонимъ терпимости. Гоненіе на другую вѣру можетъ быть слѣдствіемъ только убѣжденія, что моя вѣра есть единственная истинная, а всѣ другія вѣры ложны, и что поэтому всѣ другія вѣры должно истреблять, чтобы доставить всеобщее господство единой вѣрѣ истинной. Но взгляды язычниковъ на дѣло, какъ уже мы говорили, были иные; въ ихъ глазахъ всѣ вѣры были одинаково истинныя, составляющія не выдумку людскую, а происходящія отъ одного и того же Бога. Различіе религій и ихъ высшее или низшее на ихъ взглядъ достоинство означало, по ихъ мнѣнію, различіе низшихъ и высшихъ, лучшихъ и худшихъ людей, для которыхъ онѣ были предназначены. Какъ они презирали низшихъ себя, по ихъ мнѣнію, людей, такъ могли презирать и низшія своей, по ихъ мнѣнію, религій. Но преслѣдовать то, чтѣ отъ Бога и имѣеть свою разумную цѣль и законное

нами, или отъ насъ — Русскихъ Кіевскихъ. Такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Венгерскіе Русскіе усвоили себя имя Русскихъ уже послѣ 972 г., то есть все основаніе полагать, что разумеемся у Козьмы мы — Кіевскіе Русскіе; если окажется возможность доказать это положительнымъ образомъ, и если затѣмъ будетъ доказана и несомнѣнная подлинность грамоты папы, то свидѣтельство, какъ мы сказали, получить весьма важное значеніе. Оно будетъ говорить, что христіанъ въ Россіи въ правленіе Святослава было такъ много, что о нихъ, какъ о составляющихъ изъ себя цѣлую особую частную церковь, зналъ даже папа.

¹⁾ Въ продолженіе 970 — 972 гг. правитель, въ продолженіе 932 — 978 гг. дѣйствительный великій князь (о послѣдней цифрѣ, вмѣсто 980, ниже).

²⁾ Свѣдѣнія такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева мы не признаемъ за свѣдѣнія.

назначеніе быть религіей низшихъ людей, имъ не могло приходить на мысль. Желаніе истреблять худшія религіи значило бы съ ихъ стороны ни что иное, какъ желаніе истреблять низшія расы людей.

Такимъ образомъ, какъ бы неблагоприятно расположеннымъ къ христіанству мы ни представляли себѣ Ярополка, во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что имъ не было воздвигаемо на христіанъ гоненія. Но собственно говоря, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать объ Ярополкѣ ни самое худшее, ни даже просто худое, а напротивъ, имѣемъ рѣшительныя основанія предполагать самое лучшее. Не менѣе какъ до 10, а можетъ быть, и до 12 лѣтъ его возраста оставалась въ живыхъ бабеа его Ольга ¹⁾, которая и была собственно его воспитательницей вмѣсто постоянно отсутствовавшаго Святослава. Правда, и самъ Святославъ воспитанъ былъ Ольгой, и однако она не успѣла сдѣлать изъ него ни внѣшняго, ни внутренняго христіанина. Но чрезвычайно рѣдки примѣры, чтобы два человѣка сряду—отецъ и сынъ—выходили такими своеобразными людьми, каковъ былъ Святославъ, и историческо-физиологическая вѣроятность (если можно такъ выразиться) вся на той сторонѣ, что Ярополкъ, не будучи другимъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, норманскимъ удалцомъ, былъ просто обыкновеннымъ человѣкомъ. А вслѣдствіе того есть вся вѣроятность думать, что съ воспитаніемъ Ярополка Ольгѣ была совсѣмъ другая удача, чѣмъ съ воспитаніемъ Святослава, то-есть, что она дѣйствительно успѣла сдѣлать его человѣкомъ болѣе или менѣе благорасположеннымъ къ христіанству (Ярополкъ погибъ отъ руки Владимира 21—18 лѣтъ; еслибы онъ жилъ долѣе, то очень можетъ быть, что не Владимиръ, а онъ былъ бы крестителемъ всей Руси).

Итакъ, вотъ исторія христіанства въ Россіи отъ начала государства до св. Владимира. Христіане между Варягами явились въ ней

¹⁾ Въ какомъ году родился Ярополкъ, въ лѣтописи не записано. Но есть одно обстоятельство, которое можетъ служить къ приблизительному опредѣленію ранняго предѣла его возраста—въ минуту смерти Ольги. Святославъ, бывшій въ послѣдній разъ въ Кіевѣ, именно въ 969 г., когда умерла Ольга, женилъ его на одной, приведенной имъ изъ Болгаріи, красивой Гречанкѣ: полагаемъ, трудно допустить, чтобы это случилось даже ранѣе, чѣмъ Ярополку исполнилось 10 лѣтъ. Что касается до поздняго предѣла, то предполагаемъ, чтобы ему въ минуту смерти Ольги было болѣе 12 лѣтъ, не позволяють собственные года Святослава, у котораго едва ли онъ могъ родиться ранѣе 15-лѣтняго возраста.

если не при Рюригѣ и Олегѣ, то несомнѣнно при Игорѣ, во вторую половину правленія котораго ихъ было въ Кіевѣ весьма много, и который въ эту вторую половину правленія самъ склонился внутренно на ихъ сторону. Пользуясь при Игорѣ всѣмъ покровительствомъ внутренно принадлежавшаго къ ихъ сторонѣ великаго князя, они продолжали пользоваться такимъ же покровительствомъ и въ правленіе Ольги. При Святославѣ они не пользовались этимъ покровительствомъ, а относительно Ярополка мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но при томъ и другомъ они, несомнѣнно, не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободою.

Выше мы сказали, что имѣемъ весьма немного положительныхъ свидѣтельствъ относительно этого христіанства въ Россіи отъ Игоря до Владимира. Но теперь у читателя передъ глазами историческая сторона дѣла; надѣмся, онъ увидитъ, что этихъ немногихъ свидѣтельствъ совершенно достаточно, что ими вполне подтверждается все то, что мы сейчасъ выше говорили. Отъ смерти Игоря до Владимира самымъ худшимъ временемъ для христіанъ было правленіе Святослава. Но мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что и въ это правленіе христіане не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободою. Слѣдовательно, они не терпѣли гоненій и пользовались свободою и во все остальное время. А если такъ, то изъ сего будетъ слѣдовать и все сказанное нами остальное.

При Игорѣ христіанъ между Варягами было весьма много. Послѣ него число ихъ, можетъ быть, по временамъ уменьшалось черезъ отбытіе нѣкоторыхъ въ Константинополь и вообще въ другія мѣста; но, во первыхъ, убыль уходившихъ совсѣмъ или до нѣкоторой степени могли возмѣщать другіе, вновь приходившіе, въ вторыхъ, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что христіанство много или мало, но постепенно, росло внутреннимъ образомъ черезъ обращеніе къ нему язычниковъ въ самомъ Кіевѣ. Свидѣтельства эти говорятъ намъ, что такія обращенія имѣли мѣсто въ правленіе Святослава, самое худшее для христіанъ, и тѣмъ даютъ намъ совершенное право распространять ихъ на все время до Владимира. Такимъ образомъ заключеніе относительно числа христіанъ между Варягами до Владимира: явившись въ Кіевѣ не позднѣе правленія Игоря, съ той поры они постоянно находились въ немъ сравнительно въ весьма большомъ количествѣ.

Надѣмся, всякому понятно, какъ важно все сейчасъ сказанное нами по отношенію къ послѣдующему времени: къ княженію Влади-

міра христіанство не было въ Россіи какою-нибудь вѣрой совсѣмъ невѣдомою, а напротивъ, было вѣрой очень хорошо извѣстною; христіане находились въ Кіевѣ въ продолженіе болѣе полустолѣтія, имѣя церкви и священниковъ, и жили не какъ-нибудь скрытно, а совершенно открыто, въ видѣ особой, дозволяемой и терпимой правительствомъ иновѣрной общины.

Мы говорили о христіанствѣ только между Варягами, потому что о нихъ только говорятъ положительныя свидѣтельства. Но отъ Варяговъ не распространялось ли христіанство и между самими Славянами? Что касается до массы простаго народа, которая должна была видѣть въ Варягахъ особый отъ себя народъ, и которая къ этому особому народу, какъ къ господствующему, какъ представляющему изъ себя толпу иноземныхъ находниковъ, не могла относиться особенно дружелюбно,—христіанство, вѣроятно, распространялось весьма мало, а можетъ быть, даже и совсѣмъ не распространялось. Но въ высшемъ сословіи изъ природныхъ Славянъ, въ природно-славянской части боярства, которую желаніе участвовать во власти должно было объединять съ Варягами и отдѣлять отъ народа, христіанство могло болѣе или менѣе распространяться, хотя мы и не можемъ утверждать о томъ ничего положительнаго.

Во вторую половину княженія Игоря у Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ была по крайней мѣрѣ одна общественная церковь. Есть вся вѣроятность думать, что при совершенной свободѣ строить церкви, ихъ съ теченіемъ времени было построено еще нѣсколько, ибо въ то время была наклонность строить какъ можно болѣе церквей, а строить церкви небольшихъ размѣровъ, каковы были тогдашнія, въ особенности деревянныя, какъ это должно было быть въ Кіевѣ, ровно ничего не стоило. А такимъ образомъ нисколько не будетъ страннымъ думать, что во времени Владимира Кіевъ имѣлъ христіанскихъ церквей, можетъ быть, примѣрно цѣлый пятокъ, а можетъ быть, даже и болѣе. Кромѣ церквей общественныхъ, еще во времена Игоря были домовыя ¹⁾; съ теченіемъ времени они должны были также умножиться и въ пропорціи большей, чѣмъ общественныя. На нѣсколько церквей

¹⁾ Говоря о церкви пр. Илиіи при Игорѣ: «се бо бѣ сборная церкви», то-есть, общественная, лѣтописецъ даетъ знать, что были церкви домовыя. За существованіе церквей домовыхъ говорить и всеобщій тогда въ Греціи обычай имѣть ихъ каждому мало-мальски знатному, или по крайней мѣрѣ, претендовавшему быть таковымъ человеку: домовая церковь была принадлежностію и выѣской знатности (еще и обстоятельнѣе будемъ говорить о нихъ ниже).

общественныхъ, на значительное число церквей домовыхъ въ Кіевѣ долженствовало быть весьма значительное количество христіанскихъ священниковъ, которыхъ въ то время, подобно церквямъ, была наклонность имѣть возможно большее количество, то-есть, не одинъ-два-три, а по крайней мѣрѣ десятка два-три.

На какомъ языкѣ Кіевскіе Варяги-христіане совершали свое общественное богослуженіе? Положительныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы никакихъ не имѣемъ, но необходимо думать, что на греческомъ, а не на своемъ природномъ норманскомъ. Еслибы случилось, что для нихъ нашлись люди, изъ своихъ или изъ Грековъ, подобные готскому Ульфилѣ и нашему Константину философу, которые совершили бы переводъ богослужебныхъ книгъ на ихъ языкъ, то это было бы великимъ событіемъ, память о которомъ такъ или иначе непременно сохранилась бы до настоящаго времени. Такъ какъ Кіевскіе Варяги-христіане были большею частію пришельцы изъ Константинополя, то знаніе греческаго языка, вѣроятно, было болѣе или менѣе между ними распространено (хотя, разумѣется, языка разговорнаго, простонароднаго, при знаніи котораго весьма еще не легко понимать языкъ богослужебный; но это неудобное обстоятельство имѣло и имѣеть мѣсто и по отношенію къ самимъ Грекамъ).

Мы сказали выше, что Варяги-христіане водворили въ Россіи грамотность еще во времена Игоря. Разъ водворенная, она, нѣтъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ самими христіанами оставалась въ Россіи и во все послѣдующее время до Владимира. Буквы для письма, необходимо думать, были употребляемы греческія, подобно тому, какъ ихъ употребляли Болгары до изобрѣтенія собственной славянской азбуки ¹⁾. (Этотъ фактъ непрерывнаго существованія у насъ грамотности, не позднѣе какъ со временъ Игоря, есть обстоятельство чрезвычайной важности по отношенію къ вопросу объ источникахъ нашей первоначальной или такъ называемой Несторовой лѣтописи).

¹⁾ Кому бы показалось страннымъ употребленіе греческихъ буквъ для письма на другомъ языкѣ, тому мы скажемъ, что Болгары употребляли эти буквы для письма на болгарскомъ языкѣ даже въ недавнее время господства у нихъ славизаціи, и есть даже болгарскія книги, напечатанныя греческими буквами, напримеръ: *Евангеліе на господѣ млоѣа (Бога) η спаѣа нашеѣ Ιησοῦα χριστω (sic), σίγα (теперь, нынѣ) νοβο τυποσασо на млоѣарσχοи εζιχ... Σολον (Солунь), Σταρпта (типограφεία) Κυριακοѣα Δαρζηλεу, 1852 (Иречка Болгарск. Библиогр., № 182).*

Русская легенда о крещеніи Ольги въ Константинополѣ, записанная въ нашей лѣтописи (П. Собр. Лѣт. I, 25).

«Въ лѣто 6463 (955) пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Константинополъ. Царь былъ тогда (въ Константинополѣ) по имени Цимискій (Цѣмьскій)¹⁾. И пришла къ нему Ольга, и увидѣлъ царь, что она весьма красива лицомъ и смысленна (умна) и удивился разуму ея, и бесѣдовалъ съ нею, сказалъ ей: «Достойна ты того, чтобы здѣсь въ Цареградѣ царствовать съ нами»²⁾. Она же, понявъ рѣчи царя, сказала ему: «Я язычница; если хочешь, чтобы я крестилась, крести меня (будь моимъ восприемникомъ) самъ, если же нѣтъ, то не крещусь» — и крестили ее царь съ патриархомъ. Бывъ просвѣщена (крещениемъ), она радовалась душой и тѣломъ, и преподалъ ей патриархъ поученіе о вѣрѣ и сказалъ: «Благословенна ты въ женахъ Русскихъ за то, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: будутъ благословлять тебя люди Русскіе до послѣдняго рода внуковъ твоихъ». И заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостивѣ и воздержаніи тѣла въ чистотѣ. Она же, приклонивши главу, стояла какъ губа напаяемая, внимая ученію; поклонившись патриарху, она сказала: «Молитвами твоими, владыка, да буду сохранена отъ сѣти непріязненныхъ». Было наречено ей въ крещеніи имя Елена, какъ (называлась) и древняя царица, мать великаго Константина. Благословилъ ее патриархъ и отпустилъ. Послѣ крещенія позвалъ ее царь и сказалъ: «Хочу взять тебя за себя замужъ». Она же отвѣчала: «Какъ хочешь взять меня, когда крестилъ меня самъ и назвалъ меня (своею) дочерью,—ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона». И сказалъ царь: «Перехитрила ты меня, Ольга» (переклюкала мя еси Ольга). Далъ ей дары многіе—золото и серебро, матеріи дорогія и сосуды различныя, царь отпустилъ ее, назвавъ своею дочерью. Она же, хотя (отправиться) домой, пришла къ патриарху, прося благословенія на домъ, и сказала ему: «Люди мои и сынъ мой язычники, что бы (о если бы) Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла». И сказалъ патриархъ: «Чадо вѣрное! во Христа крестилась ты и во Христа облеклась, Христосъ сохранитъ тебя, какъ сохранилъ Еноха въ первыхъ родахъ и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимилеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ печи, Давида отъ звѣрей—подобнымъ образомъ и тебя сохранитъ отъ непріязни и отъ сѣтей его». Благословилъ ее патриархъ, и пошла она съ миромъ въ землю свою и пришла въ Кіевъ. Это было подобно тому, какъ при Соломонѣ пришла царица Эіопская къ Соломону, хотя слышать премудрость его, и видѣла

¹⁾ Іованнъ Цимискій былъ императоромъ уже послѣ смерти Ольги съ 969 но 976 годъ. Цѣмьскій стоитъ только въ древнѣйшемъ или Лаврентьевскомъ спискѣ, во всѣхъ другихъ спискахъ правильно — Константинъ, сынъ Леоновъ. У Стрыйковскаго впрочемъ, былъ списокъ лѣтописи, въ которомъ, также какъ въ Лаврентьевскомъ, читалось Цѣмьскій (Сѣмоніа, изд. Варш., 1846, т. I, стр. 120).

²⁾ Ольга, вышедшая замужъ въ 903 г., должна была имѣть въ 955 г. около 65 лѣтъ. Тогдашній императоръ Константинъ Порфирогенитъ имѣлъ жену.

многую мудрость и знаменія, — такъ и эта блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей: та искала мудрости человѣческой, а эта Божіей... Сія блаженная Ольга отъ юности все изыскивала на свѣтъ семъ мудростию ¹⁾ (и потому) нашла бисеръ многоцѣнный, который есть Христось... Пришла Ольга въ Кіевъ, и прислала къ ней царь Греческій, говоря: «Я много дарилъ тебя, ибо ты говорила мнѣ, что когда возвратишься въ Русь, пришлешь многіе дары—рабовъ, воску и мѣховъ и войско на помощь». Отвѣчала Ольга и сказала посламъ: «Скажите отъ меня царю: если ты постоишь у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я у тебя стояла въ пристани, то тогда дамъ тебѣ дары» ²⁾.

Константинь Порфирогенитъ о пріемахъ Ольги въ Константинополь во дворцѣ императорскомъ (De ceremoniis aulae Byzantinae, lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 594, у *Миря* Patr., t. 112, p. 1108).

«Мѣсяца сентября 9-го числа, въ день четвертый (среду) былъ пріемъ, во всемъ подобный предыдущему (одного сарацинскаго посла) по случаю

¹⁾ Лаврент. лѣт.: «си бо отъ вѣзраста блаженная Ольга искаше мудростию все въ свѣтъ есмь»; Ипатская: «искаше мудростию, что есть луче всего въ свѣтъ семъ».

²⁾ Вѣрно или невѣрно записанное преданіе, но смыслъ его тотъ, что Ольгу, по ея прибытіи въ Константинополь, очень долго — не нѣсколько часовъ, а нѣсколько дней, держали въ пристани на кораблѣ, не впуская въ городъ. Дѣло дѣйствительно могло быть подобно тому, какъ представляеть его наше преданіе. Русскіе принадлежали къ числу тѣхъ иностранцевъ, съ которыми Греки старались и имѣли причины быть какъ можно болѣе осторожными. Небывалый пріездъ Русской княгини могъ возбудить въ Константинополь разныхъ подозрѣній, и тамъ весьма долгое время могли рѣшать вопросъ: пускать или не пускать ее въ городъ. По нашему преданію, Ольга весьма обидѣлась на Грековъ за эту съ нею проволочку; но думать, какъ обыкновенно думаютъ, что Греки хотѣли нанести ей намѣренное оскорбленіе, и вообще предполагать, что Ольга была трактуема въ Константинополь недостаточно хорошо, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Константинопольская гавань въ лѣтописи называется Судомъ (яко же азъ въ Суду). Слово—суда (но не судъ) значить ровъ, яма. Въ Константинополь въ частности Судой назывался ровъ, окружавшій городскую вѣрвостную стѣну (очень хорошо сохранившійся и до настоящаго времени). Почему лѣтописецъ называетъ Судомъ пристань, гавань—не можемъ сказать; можетъ быть дѣйствительно назывались такъ у Грековъ гавани искусственныя, копаныя, которыхъ въ Константинополь было нѣсколько, въ противоположность естественнымъ (и которыхъ собственное названіе у Грековъ было τὰ χεῖρα). Вѣроятное всего впрочемъ, что лѣтописецъ не имѣлъ надлежащаго представленія о Судѣ, и что для него это имя означало вообще воды Константинопольскія (то онъ называетъ Судомъ Константинопольскій или Босфорскій проливъ, подъ 866 и 941 гг.; то Константинопольскій заливъ или Золотой рогъ, подъ 907 г.; то пристань въ Константинополь, какъ въ настоящемъ случаѣ).

прѣбада Ольги (Ἐλγας), княгини Русскія. Вошла (въ назначенное мѣсто дворца императорскаго) сама княгиня съ княгинями своими родственницами и съ избранными служанками¹⁾, она — шла впереди всѣхъ другихъ женщинъ, а — тѣ въ порядкѣ слѣдую одна за другою, и стала на мѣстѣ, гдѣ логоуетъ²⁾ имѣть обычай предлагать вопросы. Послѣ нея вошли послы и гости³⁾ русскихъ князей и стали далѣе между зававѣсами, и все прочее совершилось по вышесказанному приему (посла сарацинскаго). Вышедши назадъ черезъ анаденирадїй и залу кандидатовъ и залу, въ которой стоятъ кампавка и производятся магистры, прошла черезъ овоподъ и золотую руку или портикъ августеона⁴⁾ и тамъ сѣла. Когда императоръ по обычному чину вошелъ въ дворець⁵⁾, то былъ другой приемъ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана былъ поставленъ возвышенный помостъ, покрытый красными, вышитыми золотомъ коврами, и на немъ поставленъ былъ великій тронъ императора Теофила⁶⁾, а съ боку золотое царское кресло, два же серебряные органа двухъ партій⁷⁾ поставлены были далѣе, за двумя зававѣсами, а органы, на которыхъ играютъ, поставлены были вѣвъ зававѣсей. Будучи позвана изъ августеоноа, княгиня прошла чрезъ абсидъ и чрезъ ипподромъ и внутреннїе переходы того же августеоноа, и пришедши сѣла εἰς τὰ σκῆλα⁸⁾. Императрица⁹⁾ сѣла на помянутомъ выше тронѣ (Теофила), а невѣстка¹⁰⁾ ея на креслѣ, и вошелъ весь кувуклій¹¹⁾ и препозитомъ и остріаріями введены были отдѣленія: отдѣленіе первое—государственная дама¹²⁾, отдѣленіе второе—магистриссы, отдѣленіе третье—патрикїи (жены патрикїевъ), отдѣленіе четвертое—офиціальныя протоспатарен, отдѣленіе пятое—остальныя протоспатарен, отдѣленіе шестое—спатаро-кандидатиссы, отдѣленіе седьмое—спатарен, страториссы и кандидатиссы. Послѣ этого введена была княгиня препозитомъ и двумя остріаріями, при чемъ она предшествовала, а за нею, какъ сказано, слѣдовали княгини ея родственницы и ея избранныя служанки. И сѣланы

1) Προκρίτοτέρων θαραπαιχῶν—вѣроятно, разумѣются придворныя дамы или боярыни Ольги.

2) Логоуетъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; подъ мѣстомъ разумѣется аудіенцъ-зала для приема иностранныхъ пословъ.

3) Ἀλοκρίστῆροι καὶ πραιματεῦται.

4) Названїя отдѣленій и залъ дворца.

5) То-есть, изъ своихъ внутреннїихъ комнатъ въ парадныя отдѣленія дворца.

6) То-есть, тронъ, сдѣланный симъ императоромъ, cfr Scriptt. post. Theoph. ed. Paris, pp. 416 и 516.

7) Извѣстныхъ партій ипподрома желтыхъ и голубыхъ, cfr. ibid.

8) Названіе залы или части дворца.

9) Жена Константина Порфирогенита, Елена.

10) Жена сына Константинова Романа, Анастасїя Теофаню.

11) Кувуклій—штатъ придворныхъ служителей.

12) Αἱ ζῶσαι: Зоста (отъ ζώνωσι—опоясываю и ζώνη—поясъ) самая первая при государынь и по государынь дама; ихъ было по одной, въ данномъ случаѣ множественное число потому, что разумѣются зоста императрицы и зоста невѣстки.

были ей препозитомъ вопросы отъ лица императрицы, и вышедши сѣла εις τὴ σκῆλα. Императрица, вставши съ престола, прошла чрезъ лавсанкъ и трипетонъ и вошла въ кенургій, а чрезъ него въ свои внутренніе покои, княгиня же съ родственницами своими и служанками вошла чрезъ залу Юстиніана и лавсанкъ и трипетонъ въ кенургій (и тамъ) отдыхала. Потомъ сѣлъ императоръ (во внутреннихъ покояхъ императрицы) съ императрицею и порфиродными своими дѣтьми, и позвана была княгиня изъ залы кенургія и по приглашевію императора сѣвши говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла. Въ тотъ же день былъ парадный столъ въ той же залѣ Юстиніана. Императрица и невѣстка ея сѣли на помянутомъ тронѣ, а княгиня стала со стороны, когда же церемонией мастеромъ стола введены были по обычному чину княгини (родственницы) и поклонились, то княгиня, немного наклонивъ голову (поклонившись)¹⁾, сѣла по чину, гдѣ стояла, за усѣченный столъ съ государственными дамами²⁾. Надлежитъ знать, что пѣвчіе церкви апостоловъ и софійскіе присутствовали при этомъ обѣдѣ и пѣли императорскіе гимны; также были играны и всякія театральныя игры. Въ хризотриклинѣ же былъ другой парадный столъ, гдѣ обѣдали всѣ послы князей русскихъ и люди и родственники княгини и гости³⁾, и получили — племянникъ ея 30 миліарисіевъ⁴⁾, люди ея по 20 мил., 20 по слову по 12 мил., 43 стряпчіе по 12 мил., священникъ Григорій⁵⁾ 8 мил., два переводчика по 12 мил., люди Святослава по 5 мил., переводчикъ княгини 15 мил. Послѣ того, какъ императоръ всталъ изъ-за стола⁶⁾, былъ (предложенъ) десертъ въ залѣ для завтраковъ—былъ поставленъ не большой золотой столъ, который стоитъ въ пентапиргіи (пятибашень)⁷⁾ и разставленъ былъ на немъ десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоценными камнями, и сѣлъ императоръ (Константинъ—авторъ) и Романъ Порфирогенитъ (сынъ Константина) и порфирородныя ихъ дѣти и невѣстка и княгиня, и поднесено было княгинѣ на золотомъ украшенномъ камнями блюдѣ⁸⁾ 500 мил.,

¹⁾ Τὴν κεφαλὴν μικρὸν ὑποκλίνας.

²⁾ Ἐκαθίσθη εἰς τὸ ἀποκοιτῶν μετὰ τῶν ζουστῶν. Государственные дамы обѣдали не вмѣстѣ съ императрицею, но отдѣльно и отъ всѣхъ прочихъ; ἀποκοιτῶν, вѣроятно, должно понимать въ смыслѣ небольшой, такъ какъ государственныхъ дамъ было не много.

³⁾ То-есть, для мужчинъ былъ особый столъ.

⁴⁾ Миліарисій или миліаревій, иначе драхма, небольшая серебряная монета (Дюканжъ, Gloss. Graec.), по счету Б. Папарригопула (Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους IV, 116), равнялся 35 копѣйкамъ сер., по счету Византіи (Κωνσταντινοπ., III, 267) съ небольшимъ одному франку.

⁵⁾ Παπᾶς Γρηγόριος. Παπᾶς у Грековъ совершенно опредѣленно значило и значить попъ, священникъ и ничего болѣе (превращать этого παπᾶς'а въ папу, чтó у Грековъ πάπας, и потомъ спрашивать, чтó бы могъ значить тутъ папа, и затѣмъ приходять къ вѣроятному заключенію, что онъ значить тутъ не епископа, а священника, есть дѣло, очевидно, напрасное).

⁶⁾ Онъ обѣдалъ или отдѣльно или съ мужчинами въ хризотриклинѣ.

⁷⁾ Построенномъ Θεοφανοῦ, Scriptt. post Theophan. i. liad.

⁸⁾ Новгородскій архіепископъ Антоній (въ мирѣ Добрыня Ядрѣйновичъ),

и 18 служанкамъ по 8 мил. Мѣсяца октября 18-го числа, въ воскресенье, былъ парадный обѣдъ въ хризотриклинѣ, и сѣдѣль (обѣдалъ) императоръ съ Русскими. И опять былъ другой парадный обѣдъ въ пентакувукліи св. Павла, и присутствовала императрица съ порфиродными ея дѣтьми и невѣсткой и княгиней, и дано было княгинѣ 200 мил., племяннику ея 20 мил., 18 рабынямъ по 6 мил., 22 посламъ по 12 мил., 44 страпчимъ по 6 мил., двумъ переводчикамъ по 12 мил.»¹⁾ (Годъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ опредѣляется указаніями Порфирогенита, что сентября 9-е число было въ среду, а октября 18-е въ воскресенье». Эти числа въ эти дни были въ продолженіе искомаго времени только въ 957 году).

Западные лѣтописцы о посольствѣ Ольги въ Оттону.

Продолжатель Ресимона (половина X в., непосредственный современникъ, подъ 959 годомъ: «Пришли къ королю,—какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ,—послы Елены королевы Руговъ (Helenaе reginae Rugorum), которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, и просили посвятить для сего народа епископа и священниковъ». Подъ 960 годомъ: (въ семь году) «король праздновалъ праздникъ Рождества Христова во Франк-

бывшій въ Константинополѣ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка и написавшій Цареградскій Паломникъ, между прочимъ, сообщаетъ, что въ тамошней св. Софїи есть «блюдо велико злато служебное Ольги Руской, когда взяла дань, ходивши Царюграду; во блюдѣ же Ольгинѣ камень драгій, на томъ же камени написавъ Христосъ, и отъ того Христа омиютъ печати людие на все добро, у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено» (Путешествіе Повгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, изд. *Савванитова*, 1872, стр. 68). Если блюдо, выдававшееся во времена Антонія за приношеніе Ольгино, дѣйствительно принадлежало ей, то весьма вѣроятно думать, что оно было то самое блюдо, о которомъ говорить Порфирогенитъ, то-есть, что съ миліарезіями ей поднесено было и самое блюдо, и что его она и пожертвовала въ св. Софїю. Кромѣ сходства въ описаніи, за вѣроятность этого говорятъ слова Антонія: «когда взяла дань», которые, кажется, нужно понимать такъ: блюдо поднесено было Ольгѣ, какъ дань, а она (на память о томъ, что взяла дань) пожертвовала его св. Софїи.

1) Несправедливо думая, на основаніи приведеннаго нами мѣста нашей лѣтописи, будто Ольга была трактуема въ Константинополѣ не особенно хорошо, Карамзинъ хочетъ видѣть доказательство этого и въ незначительности поднесенной ей и ея спутникамъ суммы (I, 102). Но опять несправедливо: Ольгѣ поднесено было не менѣе того, что было принято подносить въ подобныхъ случаяхъ (см. у того же Порфирогенита, непосредственно передъ разказомъ о приѣмѣ Ольги, разказъ о приѣмѣ сарацинскихъ пословъ, которые были гораздо важнѣе для Грековъ, чѣмъ русская княгиня), и самъ же Карамзинъ пристаеетъ и подтверждаетъ осязательнымъ примаромъ (I, прилѣч. 381), что смыслъ подобныхъ поднесовъ или жалованій былъ не въ количествѣ. Изъ всего разказа Порфирогенита ясно видно, что Ольга была принимаема въ Константинополѣ совершенно какъ слѣдуетъ. Находить, что за обѣдомъ Ольгу должны были посадить на тронъ вмѣстѣ съ императрицей значить изъяслять претензію вовсе неосновательную.

фуртъ, гдѣ Либуцій изъ братіи монастыря св. Альбана (въ Майнцѣ) досто-
почтеннымъ епископомъ (Бременскимъ) Адальдагомъ посвященъ въ епископы
Ругамъ» (*genti Rugogum*). Подъ 961 годомъ: «Либуцій, котораго въ прошломъ году
нѣкоторыя дѣла удержали отъ путешествія, скончался 15-го марта настоящаго
года; въ преемники ему посвященъ былъ Адальбертъ изъ братіи монастыря
св. Максимиана въ Трирѣ; сего послѣдняго благочестивѣйшій государь, съ обыч-
нымъ ему милосердіемъ снабдивъ щедро всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ честію
къ Ругамъ (*genti Rugogum*)». Подъ 962 годомъ: «Въ семь году возвратился
назадъ Адальбертъ, поставленный въ епископы Ругамъ, ибо не успѣлъ ни въ
чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными; на
обратномъ пути нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ же онъ съ
великимъ трудомъ едва спасся» (*Pertz, Monumenta Germaniae, I, 624*). Сего
продолжателя, дословно повторяетъ лѣтописецъ Саксонскій (*Annalista Saxo*
XII в., см. *Шлецера*, Нест., III, 450, въ *Acta SS. Болландистовъ Junii, t. 4,*
р. 32, приводимый подъ именемъ хронографа Магдебургскаго).

Лѣтопись Гильдесгеймская (конца X вѣка) подъ 960 г.: «Пришли къ ко-
ролю Оттону послы Русскаго народа (*Rusciae gentis*) и просили его, чтобы
онъ послалъ имъ одного изъ своихъ епископовъ, который показалъ бы имъ
путь истинны, и говорили, что хотятъ отстать отъ своего язычества и принять
христіанскую вѣру. Король внялъ ихъ просьбѣ и послалъ православнаго вѣ-
роу (*fide catholicum*) епископа Адальберта, но они, какъ показалъ исходъ
дѣла, во всемъ солгали» (*ibid., t V, p. 60*). Эту лѣтопись дословно повторяютъ,
только съ прибавленіями на концѣ,—лѣтопись Кведлинбургская (первой поло-
вины XI вѣка) и Ламбертъ Герсфельдскій (*Lambertus Scafnaburgensis*, второй
половины того же вѣка). Лѣтопись Кведлинбургская послѣ словъ: «во всемъ
солгали» прибавляетъ: «поселику и самъ помянутый епископъ не избѣжалъ смерт-
ной опасности отъ ихъ коварствъ» (*ibid., p. 60*); Ламбертъ Герсфельдскій
послѣ словъ епископа Адальберта прибавляетъ: «который однако едва избѣ-
жалъ ихъ рукъ» (*ibid., p. 61*).

Лѣтопись Корвейская подъ 959 г.: «король Оттонъ по прошенію Русской
королевы послалъ къ ней Адальберта, нашей обители инока, который послѣ
сдѣланъ первымъ епископомъ въ Магдебургѣ» (*Шлецеръ*, Нест., III, 451).

Дитмаръ Мерзебургскій († 1018), говоря о поставленіи Адальберта въ ар-
хіепископы Магдебургскіе, пишетъ, что прежде онъ былъ посвященъ въ на-
стоятели Руси—*Rusciae*, но оттуда былъ изгнанъ язычниками, *Chronis., lib. II,*
сар. 14. Говоря ниже прямо о нашей Руси, онъ называетъ страну *Ruscia*,
народъ—*Rusci, lib. VII, c. 52* и *lib. VIII, c. 16*.

Въ указѣ императора Оттона о поставленіи Адальберта въ архіепископы
Магдебургскіе говорится, что прежде онъ былъ назначенъ и посланъ въ про-
повѣдники къ Ругамъ (*Rugis olim praedicatorum destinatum et missum, Pertz*
ibid., IV, 561).

Е. Голубинскій.

ИНСТИТУТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА, СЪ 1873 ПО 1876 ГОДЪ ¹⁾.

Нынѣ истекло уже три года съ основанія Института междуна-
роднаго права; этотъ періодъ его занятій достаточенъ, чтобъ судить
о значеніи и жизненности учрежденія, возбуждавшаго вначалѣ не
мало недоумѣній и сомнѣній въ ученыхъ сферахъ. Поэтому, теперь
полезно сдѣлать общій очеркъ дѣятельности института за эти три
года; она уже заняла видное мѣсто въ литературѣ международнаго
права и также въ движеніи многихъ практическихъ его вопросовъ,
озабочивающихъ собою современный политическій міръ.

Цѣль, которую поставили себѣ учредители Института Междуна-
роднаго Права, теперь достаточно извѣстна; въ свое время она была
много обсуждаема и, вслѣдствіе своей новизны, даже оспариваема въ
ученомъ мірѣ ²⁾. Сущность задачи, предположенной при учрежденіи

¹⁾ Нижеслѣдующій очеркъ дѣятельности Института международнаго права,
въ основаніи котораго мы принимали участіе (въ Гентѣ, въ сентябрѣ 1873 г.),
былъ представленъ нами Императорской Академіи Наукъ (въ засѣданіи исто-
рико-филологическаго отдѣленія, 25-го мая этого года), въ видѣ отчета о на-
шей повѣркѣ на прошлогоднюю сессію института (въ Гагѣ, въ сентябрѣ 1875 г.).
Весьма недавнее опубликованіе послѣднихъ и важнѣйшихъ работъ института не
позволило намъ представить этого отчета ранѣе.

²⁾ См. нашу статью: «Интернаціональный институтъ международнаго права,
С.-Пб. 1874». Въ этой статьѣ, помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго
Просвѣщенія* и изданной отдѣльно, сдѣланъ историческій очеркъ учрежденія ин-
ститута и объяснены его задачи, организація и всѣ возникшіе при его основаніи
вопросы. Къ этой статьѣ приложены статуты и программа института. Ср. также
докладъ по этому предмету г. Люка, члена французскаго института и академіи нрав-

института, заключалась въ томъ, чтобъ внести въ развитіе междуна-роднаго права новый, въ немъ еще не дѣйствовавшій, элементъ, „коллективную научную силу“ (l'action scientifique collective), ученою корпораціею ¹⁾; эта сила должна ускорить успѣхи этой важной области права, развивавшагося доселѣ исключительно подъ вліяніемъ только двухъ элементовъ, — практической дипломатіи и личныхъ трудовъ отдѣльныхъ ученыхъ. Эта коллективная или корпоративная дѣятельность современныхъ представителей международнаго права въ образованномъ мірѣ, присоединившись къ личнымъ усиліямъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей и ученыхъ, должна значительно увеличить способы дѣйствія тѣхъ и другихъ, въ дѣлѣ улучшенія международной жизни государствъ, согласно съ требованіями права, чело-вѣколюбія и цивилизаціи. Такая корпорація, состоящая изъ членовъ, которые принадлежатъ по своей національности ко всѣмъ образо-ваннымъ странамъ, совершенно нейтрализована относительно каж-дой отдѣльной націи посредствомъ этой международной своей орга-низаци и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ независима отъ правительствъ по своему частному, неофициальному характеру; поэтому могла бы сдѣлаться „органомъ юридической совѣсти всего цивилизованнаго мі-ра“ ²⁾, какъ выражено въ статутахъ института. Къ голосу этой *совѣ-сти*, въ которой инстинктивное чувство справедливости и чело-вѣко-любія просвѣщено разумнымъ сознаніемъ и анализомъ науки, уже прислушиваются нынѣ всѣ правительства, устанавливая свои между-народнаыя связи и разрѣшая возникающіе между ними недоразумѣ-нія и споры.

Съ этими мыслями былъ учрежденъ Институтъ. Для осуществле-нія ихъ нужно было поборотъ затрудненія, которыя заключались въ самомъ существѣ предположенной задачи и которыя главнѣйше воз-буждали возраженія противъ возможности ея разрѣшенія. Наименѣе удобоисполнимою представилась эта *коллективность* или совокуп-ность ученой работы, которую многіе безусловно отвергали, какъ противную науку. Затѣмъ, устройство учрежденія, которое бы соеди-няло въ себѣ, въ непрерывномъ взаимномъ общеніи, людей, раздѣ-

ственныхъ и политическихъ наукъ: «Quelques mots sur le concours de l'action collective de la science pour le progrès du droit de gens et de l'arbitrage international; Paris, 1873».

¹⁾ См. введеніе или программу института, опубликованную при его статутахъ.

²⁾ См. § 1 статутъвъ института.

ленныхъ между собою громадными пространствами, и разбросанныхъ на всей поверхности двухъ частей свѣта (въ Европѣ и Америкѣ), которое бы періодически собирало ихъ и налагало на нихъ, при всемъ частномъ своемъ характерѣ, обязанность трудиться на свою пользу, и которое бы, наконецъ, непрерывно дѣйствовало, какъ правильный органъ, — устройство такого учрежденія, казалось, необычайно затруднительнымъ въ особенности потому, что большинство его членовъ, по самому роду своихъ занятій и жизни обременены трудомъ, имѣютъ слишкомъ мало досуга для развѣдковъ, и не полагаютъ излишествомъ денежныхъ средствъ.

Тяжесть всѣхъ этихъ слишкомъ серьезныхъ затрудненій, конечно, дала себя почувствовать Институту; однако его трехлѣтняя дѣятельность доказала, что они не непреодолимы. Задача, положенная въ его основаніе, разрѣшается, хотя и не съ тою быстротою и не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе могли бы быть желательны. При этомъ, нельзя не замѣтить, что количество, уже исполненныхъ Институтомъ трудовъ и оказанныхъ имъ услугъ далеко превышаетъ то, что извѣстно объ этомъ массѣ европейской публики; строгій характеръ и скромная внѣшняя обстановка его занятій, изъятыхъ отъ обычной шумливой гласности, окружающей новѣйшіе международные съѣзды, малочисленность и непубличность его собраній, специальность его трудовъ и непродолжительность всего періода его существованія были причиною весьма недостаточнаго до сихъ поръ распространенія свѣдѣній объ этомъ учрежденіи.

Къ личному составу Института принадлежатъ теперь знаменитѣйшіе современные представители международного права (отчасти также всей области публичнаго права и государственныхъ наукъ въ Европѣ и Америкѣ) ¹⁾; всѣ безъ изъятія образованныя націи, живущія въ качествѣ самостоятельныхъ государственныхъ единицъ, имѣютъ въ немъ своихъ членовъ ²⁾. При такомъ личномъ составѣ Институтъ

¹⁾ Вслѣдствіе опредѣленнаго въ уставѣ наибольшаго (50) числа дѣйствительныхъ членовъ института, многіе ученые, оказавшіе значительныя услуги наукъ, еще не могли быть избраны въ дѣйствительные члены.

²⁾ Личный составъ института, распределенный по государствамъ, въ подданствѣ которыхъ находятся члены, представляется въ слѣдующемъ видѣ: *Астрія* — гг. Нейманъ и Штейнъ; *Аргентійская республика* (южная Америка) — дѣйств. чл. г. Карлосъ-Кальво; *Бельгія* — дѣйств. чл. де Лавеле, Лоранъ и Ролинъ-Жакеминъ; чл. сотр. г. Ривье и Ролинъ. *Великобританія* — дѣйств. чл. Монтэгъ Бернардъ, Вестлекъ, Лоримеръ и Траверъ-Твисъ, чл.-сотр. г. Галльи Голлацкъ.

обладаетъ всѣми необходимыми силами, чтобы пользоваться научнымъ авторитетомъ, который не можетъ не быть повсемѣстно признанъ за нимъ и въ ученыхъ, и въ правительственныхъ сферахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ, при этомъ личномъ составѣ, представляющемъ собою весь образованный мiръ, тотъ безусловно международный характеръ, безъ котораго всякая сила научнаго авторитета его членовъ, была бы недостаточна, чтобы внушить всесвѣтному общественному мнѣнію довѣріе къ полному національному безпристрастію его рѣшеній. Число членовъ, находящихся въ подданствѣ каждаго государства, опредѣлилось само собою числомъ нынѣшнихъ представителей международного права въ каждой странѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ количествомъ научныхъ ея силъ ¹⁾. Нынѣшнимъ относительнымъ числомъ своихъ членовъ, ни одна отдѣльная нація не только не господствуетъ надъ всѣми другими, но даже не имѣетъ такого значительнаго перевѣса, чтобы ея голосъ могъ быть сколько нибудь превосходящій. Наибольшее число (7) нынѣшнихъ дѣйствительныхъ членовъ Института принадлежитъ Италіи,—націи, которая въ государст-

Германія—дѣйств. чл. гг. фонъ-Баръ, Блунчли, Геотеръ, Гольдешмигъ, Гольцендорфъ и Марквардзень; чл. сотр. г. Гесснеръ, Ленингъ и Мейеръ; *Голландія*—дѣйств. чл. г. Ассеръ, чл. сотр. г. Демъ-Веръ-Португаль. *Данія*—чл. сотр. г. Петерсенъ. *Испанія*—дѣйств. чл. г. Ланда; *Италія*—дѣйств. чл. гг. Видари, Эперсонъ; Фиоре, Манчини, гр. Маміани делла Ровере, Пьерантони и гр. Склописъ; чл. сотр. г. Норса; *Россія*—дѣйств. чл. гг. Безобразовъ, Будьмерингъ, Мартенъ, чл. сотр. гр. Комаровскій; *Соединенные Американскіе Штаты*: дѣйств. чл. гг. Вашборнъ, Вартоуъ, Вульвей Дудлей Филдъ, Лауренсъ; *Франція*—дѣйств. чл. гг. Верже, Друенъ де Луисъ, Лука, Коши, Массе и Эскиру де Парье; чл. сотр. г. Клюзе, Ле-Тузе, Монлюкъ; *Швеція*—дѣйств. чл. Ашегугъ, Науманъ, Олвекрона; *Швейцарія*—дѣйств. чл. гг. Броше и Муанье; чл. сотр. г. Кёнигъ; почетн. членъ Бартоломи.

¹⁾ Въ статутахъ (§ 4) опредѣленъ крайній предѣлъ числа дѣйствительныхъ членовъ, находящихся въ подданствѣ каждаго отдѣльнаго государства; оно никогда не можетъ превзойти одной пятой части всѣхъ членовъ. Этого крайняго предѣла далеко не достигло теперь число членовъ ни одной націи. Наибольшее число дѣйств. членовъ имѣютъ слѣдующія государства: Италія—7, Германія—6, Франція—5, Сѣверо-Американскіе Штаты—5, Великобританія—4, Россія—3, Швеція—3 и Бельгія—3. Наибольшее общее число (9) дѣйствительныхъ членовъ и членовъ—сотрудниковъ (associés, имѣющихъ только совѣщательный голосъ) принадлежитъ Германіи и Франціи; за нимъ слѣдуютъ Италія, Великобританія, Сѣверо-Американскіе Штаты, Бельгія и Россія (число русскихъ членовъ въ нынѣшнемъ году возрастетъ, такъ какъ въ 1875 г. предложень къ выбору въ дѣйствительные члены М. Н. Капустинъ).

венномъ отношеніи слабѣйшая изъ первостепенныхъ державъ Европы и которая занимала всегда весьма видное мѣсто въ разработкѣ теоріи международного права. Далекое не всѣ члены Института пріѣзжаютъ на каждую его сессію; но на всѣхъ трехъ, доселѣ бывшихъ, сессіяхъ всѣ важнѣйшія націи имѣли своихъ представителей. Ни на одной сессіи, ни одна нація не дала ни количественнымъ, ни качественнымъ превосходствомъ своихъ членовъ, такого національнаго отѣнка собраніямъ Института, который бы малѣйшимъ образомъ нарушилъ (въ пользу какой-либо одной національности) безусловно международный и нейтральный его характеръ. Сила нравственнаго авторитета и научныхъ доводовъ въ обсужденіи каждаго вопроса подавляла собою всякія соображенія одностороннихъ національныхъ интересовъ и не допускала ни малѣйшихъ трений національнаго самолюбія и антагонизма, столь не рѣдкихъ въ наше время, въ средѣ даже самыхъ образованныхъ людей, при обсужденіи практическихъ международныхъ дѣлъ.

Развитію въ жизни ¹⁾ Института этого нейтральнаго духа науки и общечеловѣческой справедливости, свободной отъ всякихъ узкихъ національныхъ предубѣжденій и грубыхъ племенныхъ инстинктовъ, много содѣйствовалъ личный составъ его бюро ²⁾; члены его, представляя въ своемъ лицѣ прежде всего неоспоримые первостепенные авторитеты современной науки, вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежали (въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ) къ весьма разнороднымъ европейскимъ національностямъ, и, между прочимъ, отчасти къ такимъ, которыя наиболѣе между собою разъединены и взаимно раздражены на политической почвѣ печальными событіями послѣдняго времени; отчасти также въ личный составъ бюро входили подданные малыхъ державъ, нейтрализированныхъ въ системѣ политическихъ силъ Европы, и это обстоятельство также не мало усиливаетъ характеръ національнаго безпристрастія и международности Института. Вслѣдствіе указанныхъ выше особенныхъ условий, въ которыхъ онъ поставленъ пространствами,

¹⁾ Особенно яркимъ доказательствомъ господства этого духа въ занятіяхъ института были прошлогоднія его рѣшенія по проекту брусельской конференціи: о правилахъ и обычаяхъ войны (см. ниже).

²⁾ Президентомъ (избираемымъ ежегодно) былъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ: *Манчини* (итальянецъ) и вице-президентами (изб. ежегодно) гг. *Блунчи* (Германецъ) и *Эскиру де Парьё* (Французъ); съ 1875 г. президентъ: г. *Блунчи*, и вице-президенты *Эскиру де Парьё* и г. *Ассеръ* (Голландецъ); генеральный секретарь (избир. на 6 лѣтъ): г. *Роленъ-Жакимъ* (Бельгіецъ).

раздѣляющими всѣхъ его членовъ, бюро имѣетъ въ немъ исключительное значеніе; потому оно снабжено такими широкими полномочіями, которыя противудѣйствуютъ упомянутому неудобству, и его дѣятельность поддерживаетъ вѣдъ годовыхъ сессій, жизнь института, какъ постоянного и регулярнаго органа. Дѣйствія бюро въ этомъ отношеніи и тѣсная связь его членовъ облегчены центральностью (для обѣихъ частей свѣта) ихъ странъ и относительною взаимною близостью ихъ мѣстопробываній, позволяющею, въ крайнихъ случаяхъ, дѣлать, по общему соглашенію, довольно быстрыя и энергическія распоряженія (какъ это и бывало). Наконецъ, вся дѣятельность Института олицетворена и сосредоточена въ его генеральномъ секретарѣ (избираемомъ на шесть лѣтъ), живущемъ въ самомъ центральномъ пунктѣ (Гентѣ); постоянство мѣстопробыванія секретаріата, могущаго удовлетворять всѣмъ текущимъ требованіямъ, обращеннымъ въ Институтъ и дѣлать въ случаѣ крайней нужды всѣ экстреннія распоряженія отъ имени Института, дополняетъ его характеръ какъ правильнаго и непрерывнаго ученаго учрежденія и уничтожаетъ тѣнь кочевой жизни, которую бросаютъ на него его сессіи, назначаемыя для уравниенія удобства членовъ ежегодно въ разныхъ мѣстахъ (преимущественно до сихъ поръ въ центральной полосѣ З. Европы и въ нейтральныхъ государствахъ). Надо ожидать, что усердіе и дѣятельность членовъ бюро, которые всѣ были главными участниками въ учрежденіи Института и связали съ нимъ честь своихъ именъ, одержать верхъ надъ всѣми затрудненіями, которыя обусловлены исключительными особенностями его организаціи.

Одна сторона этой организаціи остается до сихъ поръ наиболее слабою; денежныя средства Института доставляются до сихъ поръ только ежегодными денежными пожертвованіями его дѣйствительныхъ членовъ, которые и безъ того должны жертвовать ему своимъ трудомъ и отъ которыхъ, по справедливости, нельзя требовать, въ общепольномъ предпріятіи, болѣе этой жертвы (при недостаточности денежныхъ средствъ большинства членовъ). Вопросъ объ изысканіи способовъ къ болѣе прочному устройству финансовой части Института, неоднократно возникалъ въ его средѣ; между прочимъ, былъ возбуждаемъ вопросъ объ возможности доставленія этихъ способовъ государствами, такъ какъ Институтъ имѣетъ всесвѣтное государственное значеніе и всѣ правительства заинтересованы въ его будущности. Эти вопросы,—остаются до сихъ поръ открытыми и ожидаютъ своего разрѣшенія на будущихъ сессіяхъ. Между тѣмъ отъ развитія финан-

совыхъ источниковъ Института можетъ наиболѣе зависѣть развитіе его дѣйствій ¹⁾).

Что же касается до перваго и главнаго препятствія къ успѣшному ходу занятій института, то-есть, до затруднительности *коллективной ученой работы*, требуемой самымъ существомъ его задачи и возбуждавшей въ самомъ началѣ позраженія противъ учрежденія Института, то это препятствіе было вполнѣ превзойдено посредствомъ такого устройства работъ, въ которомъ личный учены трудъ комбинируется съ совокупнымъ и корпоративнымъ. Для этого Институтъ принялъ слѣдующій порядокъ въ своихъ занятіяхъ. Онъ за годъ впередъ назначаетъ въ своихъ общихъ собраніяхъ вопросы, которые требуютъ изученія и обсужденія, и поручаетъ каждый вопросъ особой комиссіи, составленной изъ членовъ, наиболѣе близкихъ къ нему по своимъ свѣдѣніямъ. Комиссія избираетъ изъ своей среды одного или даже нѣсколькихъ докладчиковъ, которые съ полною свободою и личною независимостью изслѣдуютъ предметъ ученымъ образомъ и предлагаютъ свои рѣшенія даннаго вопроса. Эти рѣшенія обсуждаются въ комиссіяхъ или словесно передъ каждою сессіею, или посредствомъ переписки ихъ членовъ въ теченіе года. Потомъ, рѣшенія, принятія комиссіями съ отдѣльными мнѣніями всѣхъ ихъ членовъ обсуждаются на общихъ собраніяхъ Института. Независимо отъ работъ докладчиковъ, получившихъ характеръ личныхъ ученыхъ изслѣдованій и мнѣній, такія же изслѣдованія и мнѣнія представляются по каждому предмету и другими членами комиссій и даже членами Института, не входящими въ составъ комиссій. Всѣ эти работы и мнѣнія публикуются Институткомъ, и по возможности рассылаются членамъ до наступленія каждой сессіи, въ которой общее собраніе, обсудивъ предложенныя членами и комиссіями рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, принимаетъ по нимъ свои окончательныя рѣшенія, по большинству голосовъ. Не должно забывать, что всѣ эти вопросы, согласно главному существу международнаго права,—вопросы *практическіе* о примѣненіи общихъ началъ права къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ современной международной жизни образованныхъ народовъ. Институтъ избираетъ всегда только тѣ во-

¹⁾ Званіе почетнаго члена института даруется каждому лицу, жертвующему на него не менѣе 3000 фр. Но этотъ источникъ частныхъ пожертвованій до сихъ поръ оказался мало обильнымъ; институтъ имѣетъ до сихъ поръ только одного почетнаго члена.

просы, которые указаны движеніемъ и интересами самой этой жизни и ожидаютъ для себя рѣшеній отъ правительствъ; онъ устраняетъ всѣ предметы, имѣющіе пока только чисто теоретическій интересъ. Такіе практическіе вопросы могутъ быть обсуждаемы въ собраніяхъ; рѣшенія ихъ въ Институтѣ, хотя бы и не безусловно непогрѣшимыя, выражаютъ собою всякій разъ взгляды большинства современныхъ и самыхъ авторитетныхъ специалистовъ по каждому предмету, основанные на продолжительномъ его изученіи. Нѣкоторые вопросы были разрабатываемы Институтомъ указаннымъ выше порядкомъ въ теченіе двухъ и трехъ лѣтъ, и передаваемы съ одной сессіи на другую для болѣе тщательнаго изученія. Такія рѣшенія вопросовъ, занимающихъ собою правительства образованныхъ націй и весьма часто рѣшаемыя въ правительственной средѣ людьми несравненно менѣе компетентными и съ послѣдностью, причиняющею не мало ошибокъ, не могутъ не быть значительною помощію для правительствъ и не могутъ не быть принимаемы ими въ весьма серьезное соображеніе, въ ихъ дѣйствіяхъ и предначертаніяхъ. *Рано или поздно* голосъ ученой корпораціи, подобной Институту, не можетъ не быть услышанъ въ официальныхъ кругахъ, самыхъ равнодушныхъ къ требованіямъ науки.

Такимъ образомъ, и совокупный ученый трудъ, и личный остаются въ этой организаціи работъ Института, каждый на своемъ мѣстѣ, и при своихъ способахъ дѣйствія. Институтъ вызываетъ своею коллективною дѣятельностью личныя научныя изысканія для изученія практическихъ вопросовъ международнаго права, и опираясь на эти изысканія, предлагаетъ рѣшенія этихъ вопросовъ. Всѣ упомянутыя, вызванныя Институтомъ, ученые труды и многочисленныя мнѣнія первыхъ знатоковъ по каждому предмету сдѣлались не маловажнымъ вкладомъ въ литературу международнаго права; нѣкоторые изъ этихъ трудовъ составляютъ замѣчательныя монографіи, которыя останутся навсегда въ исторіи науки и будутъ служить важнѣйшимъ руководствомъ при будущихъ рѣшеніяхъ вопросовъ.

Перечень вопросовъ, поставленныхъ Институтомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ съ его основанія, и важнѣйшихъ трудовъ, совершенныхъ его членами, подтвердитъ нами сказанное объ значеніи его дѣятельности.

Первый вопросъ, поставленный Институтомъ и обсуждавшійся на сессіи 1874 г. въ Женевѣ, заключался въ составленіи *проекта правилъ (или регламента) для международнаго третейскаго суда или арбитража*. Институтъ былъ какъ нельзя болѣе правъ, выдвигавъ

нубъ, съ самаго перваго шага своей дѣятельности, на первый планъ этотъ вопросъ, указанный, въ особенности послѣ женевскаго третейскаго суда 1871 г. (по алабамскому дѣлу), самыми настоятельными потребностями нашего времени и стремленіями просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей, политическихъ мыслителей и парламентовъ въ обѣихъ частяхъ свѣта. И въ этомъ случаѣ, сообразно со всѣмъ направленіемъ своихъ работъ, онъ не увлекся никакими утопическими и преувеличенными надеждами, къ которымъ по преимуществу даетъ поводъ упомянутый вопросъ. Съ самой первой минуты своего учрежденія, Институтъ устранилъ изъ своей программы всякія сужденія объ вѣчномъ мирѣ и объ возможности безусловнаго упраздненія войны въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ государства; мечтательныя сужденія и совѣты этого рода, съ которыми такъ часто обращались филантропы къ правительствамъ, только возбуждали бы всякимъ челоуѣколюбивымъ желаніемъ относительно улучшенія международной жизни полное недоуѣріе въ средѣ практическихъ государственныхъ людей. Поэтому, и на международный арбитражъ Институтъ взглянулъ безъ всякаго преувеличеннаго оптимизма, нисколько не увлекаясь мыслью, чтобъ онъ могъ нынѣ же вытѣснить собою всякое рѣшеніе оружіемъ всѣхъ безъ изыатія споровъ между государствами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призналъ неумѣстнымъ навязывать правительствамъ какіе-либо безплодныя и непрошенныя совѣты по этому предмету. Но обычай прибѣгать, въ международныхъ столкновеніяхъ, къ третейскому суду можетъ постепенно развиваться, упрочиваться и замѣнять болѣе и болѣе въ образованномъ мирѣ употребленіе силы въ международныхъ столкновеніяхъ, какъ это и доказали многіе успѣшныя опыты арбитража въ недавнее время. Между тѣмъ, дѣло это еще такъ ново, что самыя формы судоустройства и судопроизводства въ международномъ посредничествѣ не установлены ни наукой, ни практикой; одна неясность этихъ формъ, возбуждающая разныя недоумѣнія, можетъ, съ одной стороны, часто останавливать правительства обращаться къ арбитражу, а съ другой стороны, приводитъ къ неуспѣшнымъ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ международныхъ судилищъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, представлялось наиболѣе практическою мѣрою научнаго содѣйствія вопросу объ арбитражѣ составленіе, на основаніи опыта и теорій, образцовыхъ правилъ, которыя могли бы быть приняты въ руководство государствами и будущими третейскими судами, ими учреждаемыми. Этотъ трудъ былъ

порученъ комисіи изъ членовъ института: г. Дудлея Фильда, Гольдсмита, де-Лавеле и Пьерантони. Докладчикъ комисіи извѣстный германскій юристъ г. Гольдсмить (членъ Германскаго верховнаго коммерческаго суда въ Лейпцигѣ) написалъ цѣлое обширное сочиненіе ¹⁾, въ которомъ тщательно разобраны всѣ безъ изъятія юридическіе вопросы, относящіеся къ международному арбитражу, со ссылками на всѣ существующіе практическіе и литературные источники третейскаго суда (какъ на почвѣ частнаго гражданскаго, такъ и международнаго права). Работу г. Гольдсмита можно признать совершенно исчерпывающею этотъ предметъ, и она положена имъ въ основаніе составленнаго имъ проекта правилъ для международнаго третейскаго суда. Этотъ проектъ обнимаетъ собою всѣ стороны и моменты международнаго арбитража: заключеніе первоначальнаго договора (компромисса) о немъ спорящими государствами, устройство и личный составъ суда, судебную процедуру на немъ, произнесеніе приговора и апелляцію противъ приговора. Этотъ проектъ былъ дважды рассмотрѣнъ въ общемъ собраніи Института, сперва на сессіи въ Женевѣ въ 1874 и потомъ снова въ Гагѣ, въ 1876 г.; каждый параграфъ подвергнулся самому строгому обсужденію, въ присутствіи докладчика и при его объясненіяхъ, и, затѣмъ, по замѣчаніямъ Института вновь переработанъ докладчикомъ и комисіей, и со сдѣланными въ проектѣ измѣненіями онъ окончательно (въ видѣ 27 параграфовъ) одобренъ Институтомъ на прошлогодней сессіи, въ Гагѣ. Можно быть увѣреннымъ, что этотъ проектъ, составляющій самый зрѣлый продуктъ современной науки и пракческаго опыта по части международнаго арбитража, будетъ принятъ въ руководство всѣми третейскими судами, какіе будутъ учреждаться въ ближайшемъ времени. Правительства имѣютъ теперь передъ собою готовый по этому предмету кодексъ, который они могутъ, во всякое время, примѣнить на практикѣ вполнѣ или частію; каждая статья подробно мотивирована въ трудѣ г. Гольдсмита и въ сужденіяхъ Института и комисіи. Если бы та или другая статья проектированныхъ Институтомъ правилъ для арбитража оказалась не примѣнимою къ обстоя-

¹⁾ Это сочиненіе написано въ видѣ примѣчаній къ составленному г. Гольдсмитомъ проекту правилъ для международнаго третейскаго суда. См. *Communications relatives à l'Institut de droit international, IV Fascicule, Gand, 1874 (Les travaux préliminaires de la session de Genève).*

тельствамъ даннаго случая, то правительства или члены суда могутъ найти въ проектѣ, въ комментаріяхъ къ нему докладчика и въ сужденіяхъ членовъ Института всѣ нужныя указанія на всѣ факты и на всѣ мнѣнія, относящіяся къ предмету подобной статьи. Этотъ богатый матеріалъ, собранный Институтомъ по всѣмъ вопросамъ международнаго арбитража, можетъ чрезвычайно облегчить, въ случаѣ надобности, передѣлку каждой статьи проекта Института, сообразно обстоятельствамъ каждаго дѣла. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ работѣ Института международный третейскій судъ приобрѣлъ такую прочную юридическую основу, какой онъ до сихъ поръ не имѣлъ. Въ этомъ всѣ убѣдятся, на первомъ случаѣ арбитража. Утвержденнымъ Институтомъ правиламъ арбитража, онъ предпослалъ слѣдующія слова: „Институтъ международнаго права, желая, чтобы обращеніе къ третейскому суду входило болѣе и болѣе въ практику образованныхъ народовъ, надѣется оказать полезное содѣйствіе этому успѣху, предложивъ для будущихъ третейскихъ судовъ проектъ ниже слѣдующихъ правилъ. Институтъ рекомендуетъ правительствамъ примѣненіе этого проекта въ цѣломъ его видѣ или въ частяхъ для всѣхъ случаевъ, въ которыхъ они будутъ заключать договоры объ третейскомъ судѣ“.

Другою важною задачею, поставленною также къ сессіи въ Женевѣ, въ 1874 г., и окончательно исполненною только на прошлогодней сессіи въ Гагѣ, было разсмотрѣніе трехъ пунктовъ вашингтонскаго договора, заключеннаго между Великобританіей и С. Американскими Штатами 8-го мая 1871 года, относительно ихъ спора объ Алабамѣ. Эти три пункта, послужившіе основаніемъ для приговора женевскаго третейскаго суда по этому спору, имѣютъ огромное значеніе въ исторіи международнаго права, какъ самое новѣйшее формулированіе на почвѣ трактатовъ, правъ и обязанностей нейтральныхъ державъ въ морской войнѣ. Между тѣмъ упомянутые пункты подвергнулись въ политическомъ мірѣ и въ литературѣ весьма разнорѣчивымъ толкованіямъ; а основаннымъ на нихъ приговоромъ женевскаго суда остались одинаково недовольны и Великобританія и Сѣверо-Американскіе Штаты.

Изученіе этого предмета было поручено Институтомъ комиссіи изъ членовъ: гг. Ассера, Блунчи (докладчика), Вестлека, Кальво, Манчини, Неймана, Отефеля (Hautefeuille) и Роленя-Жакмена; въ составѣ членовъ консультантовъ (съ голосомъ только совѣщательнымъ)

были приобщены къ этой комисіи г. Лоримеръ (для Великобританіи) и г. Вульсей (для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ¹⁾).

Вашингтонскій трактатъ и всѣ возбуждаемые имъ вопросы морскаго международнаго права были обслѣдованы Институтомъ со всѣхъ сторонъ. Имъ былъ посвященъ цѣлый рядъ работъ, представленныхъ Институту членами и имъ изданныхъ. Таково обширное изслѣдованіе г. Карло Кальво, заключающее въ себѣ полную исторію и литературу предмета и разборъ всѣхъ высказанныхъ объ немъ мнѣній; затѣмъ, представили записки и письменные отзывы гг. Лоримеръ, Вульсей, Ролень-Жакменъ, Биче-Лауренсъ, Монтэгъ-Бернардъ, Нейманъ и Вестлеъ. Многочисленность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ мнѣній, въ которыхъ были заявлены весьма разнообразные взгляды на вопросы, возбуждаемые вашингтонскимъ договоромъ, была необходима, такъ какъ эти вопросы весьма спорны въ политическомъ мѣрѣ и практикѣ, ими затрогиваются разнородные національные интересы и на нихъ весьма различно смотрятъ разныя правительства. Послѣ друкратнаго на двухъ сессіяхъ обсужденія всѣхъ этихъ работъ, отзывовъ, и мнѣній и разбора ихъ всѣхъ въ объясненіяхъ докладчика, Институтъ принялъ въ 1875 г. въ Гагѣ, по большинству голосовъ ²⁾, окончательную редакцію разобранныхъ имъ трехъ пунктовъ вашингтонскаго договора, въ видѣ семи параграфовъ, которые онъ предлагаетъ для дѣйствующаго международнаго права взаимно этихъ пунктовъ; эти параграфы, по его мнѣнію, наиболѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ нашего времени и наименѣе могутъ породить недоумѣній относительно правъ и обязанностей нейтральныхъ въ морской войнѣ.

Третій вопросъ, который обратилъ на себя особенное вниманіе Института съ самаго его учрежденія и надъ которымъ онъ продолжаетъ трудиться до сихъ поръ, заключается въ установленіи (посредствомъ одного или нѣсколькихъ трактатовъ) такихъ общихъ началъ частнаго (гражданскаго и уголовнаго) международнаго права, которыя были бы обязательны для всѣхъ государствъ, при разногласіи ихъ законодательствъ, когда въ гражданскихъ или уголовныхъ

¹⁾ Согласно статутамъ института, когда въ немъ обсуждается вопросъ, въ которомъ прямо заинтересованы какія либо государства, то къ обсужденію приглашаются члены, состоящіе въ подданствѣ этихъ государствъ, но они пользуются только совѣщательнымъ голосомъ и не могутъ принимать участія въ рѣшеніяхъ института.

²⁾ Институтъ не могъ придти къ единогласію по этому предмету, — одному изъ самыхъ спорныхъ въ международномъ правѣ.

дѣлахъ являются сторонами подданные разныхъ государствъ. При чрезвычайномъ и ежедневно возрастающемъ развитіи общегражданскихъ и экономическихъ связей между подданными всѣхъ государствъ образованнаго міра, при быстромъ увеличеніи массы путешественниковъ и иностранцевъ, постоянно живущихъ въ каждомъ государствѣ, при всѣхъ особенностяхъ всего нынѣшняго направленія жизни историческихъ народовъ, въ которой болѣе и болѣе развиваются международныя сношенія,—при всѣхъ этихъ условіяхъ упомянутый вопросъ приобретаетъ большую важность. Судебныя учрежденія во всей Европѣ находятся въ постоянныхъ затрудненіяхъ, не зная на какое законодательство они должны ссылаться, когда имъ приходится проносить приговоры надъ дѣлами, въ которыхъ замѣшаны иностранные подданные.

Для изученія этого сложнаго и обширнаго предмета была составлена коммиссія изъ гг. Ассера и Манчини, докладчиковъ Бара, Биача-Лауренса, Броше, Эсперсона, Фіоре, Лорана и Вестлека. Гг. Манчини и Ассеръ представили (каждый отдѣльно) особые мемуары по этому предмету на сессію въ Женевѣ въ 1874 г.; на этой сессіи были утверждены по предложенію докладчиковъ самыя общія начала частнаго международнаго права, долженствующія сдѣлаться основаніемъ для международныхъ трактатовъ, и принята программа для дальнѣйшаго изслѣдованія этого предмета во всѣхъ его частностяхъ (по четыремъ главнымъ его отдѣламъ: гражданскому праву, гражданскому судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству и коммерческому праву). На прошлогодней сессіи въ Гагѣ нѣкоторые пункты предложеній докладчика г. Ассера (относительно компетенціи судовъ) были приняты Институтомъ, и, затѣмъ, рѣшено продолженіе изслѣдованія этого предмета. Надъ нимъ усердно трудится г. Ассеръ, собирая и публикуя въ матеріалахъ Института чрезвычайно интересныя сравнительныя свѣдѣнія объ дѣйствующемъ во всѣхъ европейскихъ странахъ законодательствѣ по важнѣйшимъ частямъ гражданского права. Такова, приготовленная имъ для прошлогодней сессіи, изданная въ нынѣшнемъ году записка о *гражданской процедурѣ* ¹⁾. Вслѣдствіе исключительной обширности этого предмета, было рѣшено на прошлогодней сессіи продолжать занятія коммиссіи, которая будетъ постепенно изслѣдовать одну за другою столь разнообразныя части

¹⁾ См. Bulletin de l'Institut de droit international, session de la Haye, 1875. Gand. 1876.

частнаго международнаго права и представлять свои заключенія на утвержденіе Института.

На прошлогодней сессіи въ Гагѣ, кромѣ продолженія и окончанія вышеупомянутыхъ работъ, были обсуждены Институтомъ нѣкоторые новые вопросы.

Уже при разсмотрѣннн Вашингтонскаго договора, было признано полезнымъ подвергнуть особой разработкѣ вопросъ *объ уваженнн права частной собственности въ морской войнѣ*; этотъ вопросъ не можетъ болѣе оставаться при прежнихъ на него взглядахъ и при нынѣ дѣйствующемъ международномъ правѣ, не соответствующемъ болѣе ни понятіямъ о войнѣ, ни условіямъ всемірной торговли нашего времени, и между тѣмъ онъ до сихъ поръ не получаетъ никакого рѣшенія во всѣхъ бывшихъ объ немъ переговорахъ правительствъ. Для этого предмета была образована коммисія изъ членовъ: Гг. Бульмеринга, Кальво, Коши, Отефеля, графа Склописа, Видари, Вестлека, Вульсея и докладчиковъ Де-Лавеле, Пьеръантони и А. Роленя. Коммисія составила программу для изученія своей задачи, обнимающую всѣ ея части, какъ-то: частную собственность непріятеля, частную собственность нейтральную, военную контрабанду, блокаду, каперство, право осмотра и призывы суды. По всѣмъ этимъ частямъ программы были поставлены подробные вопросы, исчерпывающіе весь объемъ этого предмета; по этимъ вопросамъ каждый членъ коммисіи предоставилъ свои замѣчанія и мнѣнія, которыя сведены въ одно цѣлое, въ виду доклада представленнаго въ прошедшемъ году Институту г. Альберикомъ Роленемъ ¹⁾. При первостепенномъ авторитетѣ, которымъ пользуются упомянутыя выше лица въ этой области, уже этотъ сводъ вновь высказанныхъ ими мнѣній представляетъ высокій интересъ. Сверхъ того, г. Де-Лавеле ²⁾ представилъ сочиненіе, въ которомъ обозрѣвается все положеніе вопросовъ объ частной собственности на морѣ, во время войны, истекающихъ изъ движенія событій новѣйшаго времени, и обширная литература этого предмета. Подобную же работу, съ преимущественнымъ изученіемъ итальянской литературы, представилъ третій докладчикъ г. Пьеръантони ³⁾. На основанн всѣхъ этихъ трудовъ Институтъ въ своемъ

¹⁾ См. Bulletin de l'Institut de droit international, Session de La Haye. Gand. № 76.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ См. тамъ же.

общемъ собраніи, постановилъ въ прошедшемъ году нѣкоторыя общія заключенія, долженствующія выразать собою общую норму международнаго права, относительно частной собственности на морѣ. Эти заключенія, принятыя почти единогласно членами Института ¹⁾, имѣютъ такое большое значеніе въ практическомъ отношеніи, что мы не можемъ ихъ здѣсь не привести: 1) принципъ неприкосновенности частной собственности непріятели подѣ нейтральнымъ флагомъ долженъ быть теперь же признанъ какъ окончательно вступившій въ силу въ дѣйствующемъ международномъ правѣ. 2) Желательно, чтобы принципъ частной собственности непріятели подѣ непріятельскимъ флагомъ былъ бы признанъ въ слѣдующемъ видѣ, согласно деклараціи Пруссіи, Австріи и Италіи въ 1866 г. (и съ ограниченіемъ, изложеннымъ ниже въ т. III): „коммерческіе суда и ихъ грузы могутъ быть захвачены только въ тѣхъ случаяхъ, когда они заключаютъ въ себѣ военную контрабанду или когда они пытаются нарушить дѣйствительную и объявленную вмѣстѣ съ тѣмъ блокаду“. 3) Само собою разумѣется, что согласно съ общими понятіями о войнѣ какъ морской, такъ и сухопутной, предыдущее правило не можетъ относиться къ коммерческимъ судамъ, которыя принимаютъ прямое или косвенное участіе въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ.

Занятія этой комиссіи были продолжены и на нынѣшній годъ, и ей поручено специальное разсмотрѣніе вопроса: „какія ограниченія принципа неприкосновенности частной собственности непріятели должны быть сдѣланы, въ уваженіе необходимости морской войны, подобно тому, какъ такія ограниченія существуютъ въ сухопутной войнѣ, относительно желѣзныхъ дорогъ и другихъ способовъ военнаго транспорта“?

Другимъ предметомъ сужденій прошлагодней сессіи былъ вопросъ о примѣненіи европейскаго международнаго права къ восточнымъ (азіатскимъ) націямъ. Этотъ вопросъ приобрѣлъ особенное значеніе посреди современныхъ событій. Для изученія этого дѣла назначена еще въ Женевѣ, въ 1875, комиссія изъ членовъ: гг. Ассера, Дудлей Фильда, фонъ-Гольцендорфа, Лоримера, Мартенса, Ривье и Траверъ Твиса (докладчика). Эта комиссія не окончила своей работы къ прошлагодней сессіи, на которой она окончательно установила программу

¹⁾ Всѣ четыре присутствовавшіе въ Гагѣ члены института, принадлежащіе къ великобританской націи, гг. Монтэгъ, Бернардъ Лоримеръ, Траверъ-Твисъ и Вестлэкъ подали особыя мнѣнія по второму пункту этихъ резолюцій.

вопросовъ, по которымъ затребованы разныя фактическія свѣдѣнія отъ лицъ пребывающихъ въ восточныхъ государствахъ. Эти свѣдѣнія будутъ положены въ основаніе работы, возложенной на комиссію, которой дѣятельность продолжена по этому на нынѣшній годъ. Сверхъ того Институту былъ представленъ прошлаго года членомъ комисіи Г. Д. Фильдомъ мемуаръ „объ возможности примѣнять европейское международное право къ восточнымъ націямъ“.

Главный интересъ всѣхъ занятій Института на прошлогодней сессіи былъ сосредоточенъ на проектѣ брюссельской конференціи 1874 г. объ установленіи правилъ и обычаевъ войны. Этотъ предметъ которому Институтъ посвятилъ особенную свою дѣятельность, наиболѣе во всѣхъ его занятіяхъ можетъ быть интересенъ и для Россіи, какъ какъ по его инициативѣ была учреждена брюссельская конференція и до сихъ поръ русское правительство не покидаетъ это дѣло, вопреки всѣмъ препятствіямъ, которыя оно встрѣтило въ европейскомъ политическомъ мірѣ.

Въ 1874 г. на сессіи въ Женевѣ члены института гг. Блунчили и Мартенсъ, состоявшіе членами брюссельской конференціи, сообщили Институту общіе результаты ея занятій. Институтъ учредилъ комиссію для изученія проекта брюссельской конференціи. Эта работа Института обѣщала особенную пользу потому, что предположенія брюссельской конференціи, при всемъ несомнѣнномъ ихъ человѣколюбіи, состоялись исключительно въ бюрократической средѣ, и на брюссельской конференціи наука имѣла весьма не многихъ представителей, хотя многіе ея вопросы имѣли теоретическій характеръ и нуждались въ ученой разработкѣ ¹⁾. Этотъ пробѣлъ въ занятіяхъ брюссельской конференціи, созданной и работавшей съ особенною послѣдностью, былъ, кажется, пополненъ Институтомъ съ большимъ успѣхомъ.

Для этого предмета была учреждена Институтомъ комиссія изъ членовъ: гг. Блунчили, Монтагъ Бернарда, Безобразова, Дудлея Фильда, Ланда, Люка, Манчини, Марквардзена, Мартенса, Муанье, Неймана, Эскиру де Парье, Ролена-Жакмена, Денъ-Бера-Португала, Траверъ Твиса и Голланда. вмѣстѣ съ тѣмъ Институтъ составилъ подробную программу всѣхъ общихъ (шести) и частныхъ (тридцати восьми) вопросовъ международнаго права, возбуждаемыхъ проектомъ брюссельской конференціи, и требовалъ отъ всѣхъ своихъ членовъ отвѣтовъ

¹⁾ См. В. П. Безобразова, Брюссельская конференція (во II-й кн. Сборника государственныхъ знаій и отдѣльные оттиски).

на эти вопросы. Вслѣдствіе этого были представлены болѣе или менѣе подробныя записки и отзывы (напечатанныя въ изданіяхъ института) членовъ: гг. Муанье, Эскиру де Парье, Монтага Бернарда, Бича Лауренса и Безобразова ¹⁾. Сверхъ того нѣкоторыми членами были высказаны мнѣнія о брюссельской конференціи, опубликованныя ими въ другихъ изданіяхъ. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній представителей всѣхъ безъ изъятія націй образованнаго міра главный секретарь Института составилъ сводъ ²⁾, который былъ представленъ имъ въ видѣ доклада на сессію 1875 г. Этотъ трудъ г. Роллена Жамена въ высшей степени интересенъ; въ немъ изложены, можно сказать, всѣ существующіе въ образованномъ мірѣ взгляды на предметъ брюссельской конференціи, встрѣтившей разнорѣчіе въ правительственной сферѣ Европы (преимущественно со стороны Англій, не присоединившейся къ брюссельскому проекту).

Послѣ такого тщательнаго изученія этого дѣла, Институтъ въ общемъ своемъ собраніи (30 августа 1876 г.) постановилъ почти ³⁾ единогласно слѣдующія свои рѣшенія:

I. Желательно, чтобы правила и обычаи войны были опредѣлены путемъ конвенціи, деклараціи или всякаго другаго соглашенія между образованными правительствами.

II. Подобное опредѣленіе конечно не можетъ имѣть послѣдствіемъ совершенное уничтоженіе опасностей и бѣдствій войны, но оно можетъ ослабить ихъ въ значительной степени, указавъ на границы, признанныя юридическою совѣстію образованныхъ народовъ для употребленія силы, и распространяя на слабѣйшую сторону покровительство положительнаго права.

III. Проектъ деклараціи, принятый въ Брюсселѣ, по великодушному почину Его Величества Императора Россіи, при всемъ своемъ сходствѣ съ инструкціями президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Линкольна, имѣетъ передъ ними то двоякое преимущество, что онъ распространяетъ на международныя отношенія правила дѣйствовавшія въ одномъ государствѣ (Сѣверо-Американскихъ Штатахъ), и сверхъ того опредѣляетъ новыя постановленія, созданныя въ духѣ практическомъ, челолюбивомъ и прогрессивномъ.

¹⁾ См. Bulletin de l'Institut de droit International Session de La Haye.

²⁾ См. тамъ-же.

³⁾ Только два члена, гг. Монтагъ Бернардъ и Траверъ Твисъ, представили свои особыя замѣчанія (réserves) по нѣкоторымъ пунктамъ этихъ рѣшеній.

IV. Въ сравненіи съ правомъ войны, какъ оно излагается во всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ трудахъ, брусельскій проектъ стоитъ на всей высотѣ современной науки. Правда, что эластичность и неопредѣленность нѣкоторыхъ выраженій этого проекта могутъ быть подвержены критикѣ съ точки зрѣнія строго юридической, но этотъ недостатокъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ желанія получить согласіе возможно бѣльшаго числа государствъ и необходимыхъ взаимныхъ уступокъ для достиженія этого согласія. Ничто, впрочемъ, не можетъ помѣшать пересмотрѣть эту декларацію, когда будетъ согласіе державъ относительно ея улучшенія, когда теорія и практика разсѣютъ всѣ сомнѣнія, разрѣшатъ всѣ споры, окружающіе теперь этотъ предметъ, и дадутъ дальнѣйшее развитіе принципамъ, которые въ настоящемъ своемъ видѣ составляютъ только зародышъ будущаго.

V. Если выикнуть въ обычай войны, какъ она велась до сихъ поръ, то брусельскій проектъ открываетъ путь къ важнымъ успѣхамъ, которыхъ послѣдствія будутъ тѣмъ болѣе продолжительны, чѣмъ болѣе будутъ повинуты всякія утопическія желанія, и чѣмъ менѣе будутъ надѣяться подчинить войска, во имя худо понятой филантропіи, требованіямъ несогласнымъ съ ихъ собственною безопасностью и съ цѣлями ихъ военныхъ операцій.

VI. Правила проекта деклараціи, относящіяся къ оккупациі неприятельской территоріи, составляютъ примѣненіе того правильнаго принципа, что фактъ оккупациі самъ по себѣ еще не даетъ права государственнаго верховенства (суверенитета), но что, съ одной стороны, прекращеніе мѣстной обороны и отступленіе національнаго правительства изъ данной области, а съ другой стороны присутствіе въ ней иностраннаго войска создаютъ для этого войска и для его правительства совокупность обязанностей и правъ, по самому существу своему *временныхъ*. Проектъ деклараціи, держась этой точки зрѣнія, старается провести границы этихъ правъ и опредѣлить эти обязанности, истекающія изъ необходимости охранить общественный порядокъ и оказать покровительство безопасности лицъ и частной собственности, при временномъ отсутствіи всякой правильной государственной власти. Правила, проектированныя по этому предмету, безъ сомнѣнія, могутъ быть улучшены въ подробностяхъ, но уже таковы какъ они есть, они гораздо болѣе выгодны для мирныхъ гражданъ и для частныхъ и общественныхъ имуществъ въ занятой области, нежели доселѣ бывшая практика войны и большинство мнѣній писателей по этому предмету.

VII. Проектъ деклараціи различаетъ три категоріи лицъ: регулярныхъ воюющихъ (комбатантовъ), которые имѣютъ право на обращеніе съ ними, какъ съ таковыми, мирныхъ гражданъ, которымъ надо оказать охрану безопасности ихъ личности и собственности, и на нерегулярныхъ воюющихъ, которые, не признавая законовъ войны, не достойны обращенія съ ними какъ съ честнымъ непріателемъ. Все это различеніе разныхъ категорій лицъ основано на современныхъ воззрѣніяхъ на войну, — какъ на войну между государствами, а не между частными лицами. Этотъ взглядъ нисколько не препятствуетъ самой энергической національной защитѣ посредствомъ вооруженныхъ народныхъ массъ. Напротивъ, онъ содѣйствуетъ дѣйствительности способовъ обороны, подчиняя ее условіямъ порядка и организаціи, необходимыхъ для правильной войны между образованными націями. Поэтому для этой цѣли нужно требовать для регулярныхъ воюющихъ отличительный признакъ, постоянный, узнаваемый на разстояніи и легко приобрѣтаемый, такъ чтобы войска всегда могли знать имѣютъ ли они передъ собою мирныхъ жителей, которымъ они обязаны оказать покровительство, или непріателя, съ которыми они обязаны сражаться.

VIII. Проектированныя правила относительно контрибуцій и реквизицій составляютъ также успѣхъ сравнительно съ практикою всѣхъ предыдущихъ войнъ. Въ особенности ст. 42, требующая платы или квитанціи за всякую реквизицію, формулируетъ принципъ, котораго послѣдствія въ будущемъ разовьются.

IX. Репрессалии составляютъ исключеніе печальное, но неизбежное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — исключеніе изъ общаго начала справедливости, по которому невинный не долженъ страдать за виноватаго. Если невозможно безусловно воспретить репрессалии, то желательно, чтобы согласно первоначальному русскому проекту они были включены въ декларацію и чтобы при этомъ они были ограничены соотвѣтственно слѣдующимъ принципамъ:

а) Способы и размѣры репрессалій не могутъ превосходить степень права-нарушенія, совершеннаго непріателемъ;

б) репрессалии положительно воспрещаются, когда правонарушеніе исправлено самими его совершившими;

в) репрессалии не допускаются иначе какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго;

г) въ употребленіи репрессалій не должны быть нарушаемы законы человеколюбія и нравственности.

Х. Институтъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ статей брюссельскаго проекта деклараціи, рекомендуетъ вниманію правительствъ и ихъ делегатовъ, на случай пересмотра этого проекта, замѣчанія и предложенія лично сдѣланныя разными членами института, и между прочимъ въ особенности слѣдующія:

а) разные проекты (предложенные въ комисіи института) новаго опредѣленія военной оккупации, и между прочимъ такое опредѣленіе: „территорія признается занятою съ того момента, до тѣхъ поръ и на столько, какъ только правительство, которому она принадлежитъ, не въ силахъ, вслѣдствіе прекращенія обороны на этой территоріи, дѣйствовать на ней публично, во имя своей верховной власти“;

б) предлагается постановить, что военное начальство обязано какъ можно скорѣе объявлять жителямъ, что ихъ территорія занята;

в) предлагается примѣнить общее начало вознагражденія за убытки частной собственности къ складамъ оружія и военныхъ матеріаловъ, принадлежащимъ частнымъ лицамъ (если ими воспользовался непріятель);

г) предлагается принять строгія мѣры къ обезпеченію силы квантій, выдаваемыхъ жителямъ за всякія реквизиціи;

д) предлагается прибавить къ воспрещеннымъ способамъ войны всякое разрушеніе или раззореніе путемъ поджога, затопленія и проч. значительной части непріятельской территоріи и постоянныхъ продуктовъ почвы;

е) выражается желаніе, чтобы правительства ввели преподаваніе законовъ междунаrodnаго права въ программу образованія своихъ войскъ“.

Новѣйшія политическія событія заслонили собою теперь вопросъ о брюссельской конференціи. Безъ этихъ событій наше правительство безъ сомнѣнія продолжало бы это дѣло съ такою же настойчивостью, съ какою оно его начало. Демонстрація Института междунаrodnаго права въ пользу этого дѣла, возбуждавшаго въ свое время не мало недоразумѣній и на дипломатической почвѣ (со стороны Англіи) и въ печати, является немаловажною помощію для его успѣха и для его пониманія въ публикѣ и въ официальномъ мірѣ. Единодушно сочувственный великодушной идеѣ нашего Государя голосъ Института будетъ значительнымъ фактомъ въ исторіи осуществленія этой идеи, такъ какъ въ этомъ голосѣ участвовали и представители всѣхъ образованныхъ націй и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе представители современ-

ной науки. Ихъ мнѣніе безъ сомнѣнія много очищаетъ почву для будущаго развитія этой идеи, долженствующей ознаменовать собою успѣхъ въ исторіи войнъ и европейской цивилизціи.

Въ настоящее время работаютъ слѣдующія комисіи Института, обязанныя представить свои труды къ будущей сессіи (вѣроятно, въ Цюрихѣ) въ сентябрѣ нынѣшняго года:

1. По частному международному праву. Члены: гг. Ассеръ, Блунчи, Броше, Клюне, Де-Монлюкъ, Д'Оливекрона, Эсперсонъ, Фиоре, Гольдсмитъ, Голландъ, Кенигъ, Бичъ-Лауренсъ, Лоранъ, Манчини, Массе, Науманъ, Норса, фонъ-Баръ, Вестлекъ и Вартонъ. Докладчики: по гражданскому праву — Манчини, по гражданской процедурѣ — Ассеръ, по коммерческому праву — Гольдсмитъ и по уголовному праву — Броше.

2. По вопросу о правѣ частной собственности въ морской войнѣ. Члены: гг. Безобразовъ, Бульмерингъ, Кальво, Коши, Де-Лавеле, Гесснеръ, Мартенсъ, Марьвардзень, Мейеръ, Пьерьантони, А. Ролинъ, гр. Склопись, Видари, Вестлекъ и Вульсей. Докладчикъ Де-Лавеле.

3. По примѣненію европейскаго международнаго права къ восточнымъ націямъ. Члены: гг. Ашегугъ, Ассеръ, Д. Фильдъ, Гольцендорфъ, Лоримеръ, Мартенсъ, Нейманъ, Петерсенъ, Ривье и Траверъ Твисъ (докладчикъ).

4. По устройству морскихъ призовыхъ судовъ. Эта новая комиссія была учреждена въ прошедшемъ году на сессіи въ Гагѣ. Члены: гг. Ассеръ, Монтагъ-Бернардъ, Бульмерингъ, Эсперсонъ, Д. Фильдъ, Массе, Марьвардзень и Вестлекъ (докладчикъ).

5. Сверхъ всего этого, оставлена въ дѣйствиіи комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія проекта бриссельской конференціи, на случай если бы дѣло это получило новое движеніе, которое бы потребовало обсужденія его вновь со стороны Института. Члены: гг. Блунчи, Монтагъ-Бернардъ, Безобразовъ, Денъ-Веръ Португаль, Д. Фильдъ, Ланда, Люка, Манчини, Мартенсъ, Муанье, Нейманъ, Де-Парье и Ролинъ-Жакменъ. Докладчикомъ будетъ назначено лицо, которое будетъ соответствовать обстоятельствамъ, могущимъ вызвать дѣятельность комисіи.

Сверхъ всѣхъ изложенныхъ главныхъ занятій Института, на его сессіяхъ члены постоянно сообщаютъ о движеніи литературы международнаго права и всѣхъ крупнѣйшихъ вопросовъ международныхъ сношеній въ своихъ странахъ. Институтъ печатаетъ всѣ свои труды,

матеріалы и протоколы въ особомъ сборникѣ (Bulletin), издаваемомъ въ Гентѣ, подъ редакціей главнаго секретаря. По этому изданію можно слѣдить не только за работами Института, но и за всѣмъ современнымъ развитіемъ международнаго права въ образованномъ мірѣ.

Изъ сдѣланнаго нами очерка дѣятельности Института международнаго права можно, кажется, почерпнуть убѣжденіе, что уже теперь онъ составляетъ учрежденіе весьма полезное какъ для международной политической жизни Европы, такъ и для успѣховъ науки. Въ доселѣ исполненныхъ имъ трудахъ можно усмотрѣть зародышъ еще гораздо болѣе значительнаго его развитія въ будущемъ, если въ немъ будетъ продолжать дѣйствовать тотъ же высокій духъ науки, гуманности и международнаго общенія, который господствуетъ въ немъ съ первыхъ дней учрежденія до сихъ поръ.

Какъ можно было видѣть, Институтъ старается ограничить кругъ своихъ занятій *возможно меньшимъ количествомъ* задачъ, чтобы сосредоточить на нихъ возможно большее количество своихъ силъ и разработать ихъ съ наибольшимъ совершенствомъ, какое доступно при современномъ положеніи науки международнаго права и при наличныхъ ея представителяхъ въ обѣихъ частяхъ свѣта. Всѣ члены Института относятся къ его дѣятельности и къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ институтомъ порученій съ такою-же серьезностью и съ такимъ-же строгимъ сознаниемъ долга, какія публики привыкла ожидать только отъ людей, исполняющихъ обязательныя государственныя работы. Въмѣстѣ съ тѣмъ необходимо указать какъ на чрезвычайно важную черту въ жизни Института, — на отсутствіе въ его средѣ всякаго національнаго антагонизма, при которомъ его дѣятельность была бы рѣшительно невозможна. Посреди самыхъ оживленныхъ споровъ и рѣзкихъ раздѣленій мнѣній, не чувствовалось доселѣ никакихъ внушеній подобнаго антагонизма, который бы былъ способенъ къ національнымъ группировкамъ голосовъ и къ образованію національныхъ партій, не совмѣстимыхъ съ цѣлями этого учрежденія. При всемъ патріотическомъ настроеніи всѣхъ членовъ Института, совершенно чуждыхъ понятіямъ космополитическаго индиферентизма, всѣ они старались становиться въ обсужденіи международныхъ вопросовъ на высшую точку общечеловѣческой справедливости и безпристрастія науки.

Институтъ представляетъ собою рѣзкій и почти единственный примѣръ международнаго учрежденія въ своемъ родѣ. Хотя пока и

въ весьма необширномъ кругѣ дѣятельности, онъ отправляетъ однако свои обязанности какъ постоянный и правильный органъ въ международной жизни образованныхъ націй и не можетъ не имѣть вліянія на движеніе не только всемірной науки, но и практическихъ международныхъ вопросовъ. Между тѣмъ, это учрежденіе основано частными лицами, большею частью простыми труженниками науки, и живетъ и поддерживается исключительно ихъ личными усиліями и жертвами.

Вл. Безобразовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ, профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ I—III. С.-Пб. 1875—1876.

Въ нынѣшнемъ году появился III-й томъ сборника трактатовъ, предпринятаго г. Мартенсомъ по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ,—изданіе, которое должно занять одно изъ видныхъ мѣстъ между капитальными произведеніями нашей литературы. Ничего подобнаго и въ такихъ размѣрахъ не было у насъ, а между тѣмъ давно уже ощущалась въ этомъ необходимость всѣми, кто занимается исторіей Россіи съ конца XVII вѣка. Любопытно, что мысль о предпріятіи въ родѣ того, къ которому приступилъ нынѣ г. Мартенсъ, возникла у нашего правительства еще при Екаторинѣ II, но въ то время ей не суждено было осуществиться: по распоряженію императрицы поручено было завѣдывавшему Московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ историографу Г. Ф. Миллеру „учинить собраніе всѣхъ россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ, тому подобныхъ, актовъ по примѣру Дюмонова „Дипломатическаго Корпуса“; въ 1783 году состоялся даже указъ объ учрежденіи при архивѣ особой типографіи для печатанія упомянутаго изданія; Миллеръ ревностно принялся за работу, но вскорѣ умеръ, и полезное намѣреніе нашего правительства осталось не исполненнымъ. Только теперь, по истеченіи долгаго ряда лѣтъ, снова возвратились къ нему, и нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ осуществлено вполне достойнымъ образомъ, ибо почтенный ученый, предложившій свои услуги министерству иностранныхъ дѣлъ, обладаетъ всѣми условіями, необходимыми для столь важнаго труда.

Крайнимъ исходнымъ пунктомъ для „Собранія трактатовъ и конвенцій“ принятъ 1648 годъ, то-есть, годъ заключенія Вестфальскаго

мира, ибо лишь со второй половины XVII вѣка Россія начинаетъ принимать все болѣе дѣятельное участіе въ европейскихъ междунаrodnыхъ отношеніяхъ. Въ первые томы войдутъ всѣ трактаты и конвенціи, заключенныя Россіей съ Австріей, Англіей, Пруссіей, Франціей и Турціей, а остальные, нынѣ существующія, государства будутъ слѣдовать затѣмъ въ алфавитномъ порядкѣ. Какъ замѣчено нами выше, г. Мартенсъ успѣлъ уже издать до сихъ поръ три тома, обнимающіе дипломатическія сношенія Россіи съ Австріей до 1815 года; четвертый томъ, который начнется актомъ Священнаго Союза, будетъ послѣднимъ томомъ, удѣленнымъ на трактаты, заключенныя нашимъ отечествомъ съ Австрійскою монархіей.

Въ находящихся предъ нами томахъ помѣщены документы, изъ которыхъ многіе относятся къ событіямъ великой важности, совершившимся въ теченіе прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія: достаточно упомянуть объ участіи Россіи въ войнѣ противъ Фридриха Великаго, о трехъ раздѣлахъ Польши, о вооруженномъ нейтралитетѣ, отношеніяхъ Россіи и Австріи къ Оттоманской имперіи, войнахъ съ Наполеономъ и постановленіяхъ Вѣнскаго конгресса. Особенный интересъ придаетъ изданію г. Мартенса то обстоятельство, что почти важному документу предпослано болѣе или менѣе подробное введеніе, которое объясняетъ, при какихъ условіяхъ возникъ документъ, и какими дипломатическими переговорами былъ онъ вызванъ. „Между этими введеніями“, говоритъ почтенный ученый, — „казалось цѣлесообразнымъ сохранять постоянную историческую связь и представить, такимъ образомъ, въ нихъ краткій очеркъ развитія дипломатическихъ сношеній Россіи съ разными иностранными державами“. Читатель находитъ здѣсь множество въ высшей степени интересныхъ и притомъ новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ официальныхъ источниковъ.

Мы не имѣемъ возможности говорить подробно о содержаніи всѣхъ вышедшихъ доселѣ трехъ томовъ. Въ краткой статьѣ нашей ограничимся лишь немногими указаніями на это богатое содержаніе, остановившись прежде всего на вопросѣ Восточномъ.

Нельзя не подивиться той странной судьбѣ, которая тяготѣетъ надъ нимъ! Просматривая документы, собранные г. Мартенсомъ, мы видимъ, какимъ образомъ онъ постепенно усложняется, подъ влияніемъ какихъ обстоятельствъ державы, не отступавшія въ началѣ предъ мыслью о радикальномъ его разрѣшеніи, доходятъ мало по малу до того, что подобная мысль возбуждаетъ въ нихъ непреодо-

лимыя тревоги. Любопытно, что одинъ изъ самыхъ первыхъ трактатовъ, заключенныхъ между Россіей и Австріей, имѣлъ цѣлю наступательный союзъ противъ Турціи. „Понеже“, говорилось въ немъ,— особое сего союза наступательнаго намѣреніе есть, дабы страны союзныя, всего христіанства къ добру, общаго непріятеля Турковъ и Татаръ войною гонили, такъ силою сего союза всякій изъ союзниковъ обязуется, что свои войска, силы, караваны и что сверхъ того, какимъ ни есть именовъ, къ войнѣ наступательной веденію и къ преломленію непріятельскихъ силъ и къ разрыванію или належаю, или чинити, что возмогутъ съ своей стороны, заранѣе приготавлиати и тѣми же сухимъ путемъ и моремъ на общаго непріятеля силами, сколько возможно будетъ, превеликими находити и воевати. И все сіе цѣло и доброю вѣрою чинити“. Трактатъ, о которомъ мы упоминаемъ здѣсь, относится къ 1697 году, къ началу царствованія Петра Великаго, то-есть, къ тому времени, когда Оттоманская имперія не переставала еще служить грозой для сосѣднихъ съ нею христіанскихъ государствъ. Но и гораздо позднѣе, когда подобныя опасенія исчезли, не переставали возникать планы о разрушеніи турецкаго владычества въ Европѣ. Въ этомъ заключается поразительное различіе тогдашней эпохи отъ теперешней. Недавно первый министръ Англіи, г. Дизраэли, высказалъ въ парламентѣ, что при обсужденіи восточныхъ дѣлъ становится на точку зрѣнія возможности разгрома Оттоманской имперіи и замѣны турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ владычествомъ христіанскихъ народовъ было бы совершенно недостойно государственныхъ людей въ истинномъ значеніи слова, и что подобными утопіями могутъ увлекаться лишь ораторы тѣхъ клубовъ, для которыхъ всякія бредни кажутся серьезнымъ дѣломъ. Въ XVIII вѣкѣ думали однако иначе: знаменитѣйшіе изъ европейскихъ политиковъ того времени не считали безразсудствомъ относиться весьма серьезно къ мысли, о которой отзывается теперь такъ презрительно г. Дизраэли. Она служила, между прочимъ, предметомъ дѣятельныхъ переговоровъ между Австріей и Россіей. Въ 1782 году императрица Екатерина предлагала императору Іосифу „освободить Европу отъ врага христіанскаго имени, изгнавъ его изъ Константинополя“; она занята была проектомъ объ образованіи Дакійскаго государства, совершенно самостоятельнаго, которое никогда не могло бы быть присоединено ни къ Россіи, ни къ Австріи, и Іосифъ II нисколько не протівился этой мысли, а представлялъ лишь замѣчанія относительно нѣкоторыхъ территоріальныхъ приобрѣтеній

для Австрійской монархіи. Онъ требовалъ для себя Хотинъ съ его округомъ, часть Валахіи, затѣмъ Виддинъ, Оршаву, Бѣлградъ, и наконецъ, всѣ венеціанскія владѣнія на твердой землѣ, а также Истрію и Далмацію. По мнѣнію императрицы Екатерины, эти притязанія были таковы, что они вовсе не соответствовали непосредственнымъ выгодамъ, какихъ ожидала она отъ изгнанія Турокъ, тѣмъ болѣе что Вѣнскій дворъ не произносилъ своего послѣдняго слова, а предоставлялъ себѣ право настаивать впослѣдствіи на расширеніи задуманныхъ имъ пріобрѣтеній, съ цѣлью округлить свои „естественныя границы“. Не смотря на это разногласіе, дальнѣйшіе переговоры могли обезпечить успѣхъ дѣла, еслибъ обѣ державы не были заняты въ то же время другими не менѣе важными вопросами: Россія еще не покончила своей вѣковой распри съ Польшей, Австрія добивалась присоединенія къ себѣ Баваріи, Фридрихъ Великій употреблялъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать невыгодному для него союзу между Россіей и Австріей. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что въ концѣ XVIII вѣка возбуждена была мысль о разрѣшеніи Восточнаго вопроса, что предлагались для этого коренныя средства, а именно упраздненіе турецкаго владычества, и что, быть можетъ, удалось бы достигнуть этой цѣли, если бы не препятствовали тому упомянутыя нами обстоятельства въ связи съ вспыхнувшею затѣмъ французскою революціей. Пресловутый принципъ цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи еще не былъ изобрѣтенъ въ то время.

Въ началѣ XIX вѣка мы видимъ отчасти то же самое. Наполеонъ I предлагалъ императору Александру раздѣлить всѣ европейскія провинціи Оттоманской имперіи; мысль эта была отклонена нашимъ правительствомъ, которое объявило, что „не признаетъ согласнымъ съ интересами своей имперіи раздѣлить всю Европейскую Турцію и ослабить до такой степени эту державу“. По крайней мѣрѣ, вслѣдствіе тѣснаго соглашенія, состоявшагося въ Тильзитѣ, Франція увѣряла, что не будетъ препятствовать присоединенію къ нашимъ предѣламъ Молдавіи и Валахіи. Началась война между Россіей и Турціей и въ виду этой войны положеніе Австрійской монархіи было особенно затруднительно. Она оставалась совершенно изолированной, а между тѣмъ такъ чувствительны были оскорбленія, наносимыя ей Наполеономъ, что разрывъ съ нимъ представлялся неизбѣжнымъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Вѣнскій дворъ не только не считалъ возможнымъ обнаруживать какія-нибудь недоброжелательныя намѣренія относительно нашего отечества, но всячески заискивалъ

его расположеніе. Тогдашній австрійскій министръ, графъ Стадіонъ, увѣрялъ нашего посла, князя Куракина, что вѣнскій дворъ не будетъ относиться съ завистью къ тому, чтобы Россія распространила свое владычество до Дуная, особенно, если, въ видѣ вознагражденія, онъ получитъ при этомъ значительную часть Валахіи. Разумѣется, Австрія соглашалась на подобную сдѣлку далеко неохотно; употребляла вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ усилія, чтобы отклонить Россію отъ ея намѣренія, и съ этою цѣлью опять былъ пущенъ въ ходъ планъ совершеннаго разрушенія Оттоманской имперіи. „Въ концѣ іюля 1808 года“, читаемъ мы у г. Мартенса,—„пришелъ къ государственному канцлеру Румянцеву австрійскій посланникъ Мерфельдъ съ предложеніемъ посредничества Австріи для окончанія войны между Портой и Россіей. Графъ Румянцевъ поблагодарилъ за предложеніе, но замѣтилъ, что Наполеонъ уже согласился принять на себя роль посредника. Тогда австрійскій посолъ прибавилъ, что правительство его не прочь содѣйствовать присоединенію въ Россіи Молдавіи и Валахіи подъ извѣстнымъ условіемъ. Графъ Румянцевъ подалъ видѣ, что не понимаетъ своего собесѣдника, который поэтому немедленно продолжалъ доказывать, что было бы въ интересахъ Петербургскаго двора отложить на время всѣ замыслы на счетъ Дунайскихъ княжествъ и подождать, пока обстоятельства позволятъ Россіи и Австріи раздѣлить между собою всѣ турецкія владѣнія, не спрашивая согласія какой-либо третьей державы“....

Едва ли это не послѣдній разъ, когда Вѣнскій дворъ высказывалъ подобную мысль. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ объ искренности его намѣреній; изъ всего сказаннаго выше очень ясно, что если Австрія допускала возможность столь безцеремоннаго обращенія съ Оттоманскою имперіей, то вовсе не потому, чтобы сознавала все безобразіе существованія ея на европейской почвѣ: Австрія исключительно преслѣдовала мысль о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ той территоріи, которая находилась подъ властью султановъ. Во всякомъ случаѣ—повторимъ еще разъ—весьма знаменательно, что государственные люди ея останавливались отъ времени до времени на проектахъ такого рода.

Наполеоновскія войны, столь могущественно содѣйствовавшія пробужденію національных стремленій повсюду въ Европѣ, не остались безъ слѣда и для христіанскихъ племенъ Востока. Собственно съ этого времени начинается пробужденіе ихъ къ новой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляется въ нихъ сознаніе, что если кабая-либо

держава способна оказать имъ безкорыстную помощь, то именно—Россія, связанная съ одними изъ нихъ религіозными, съ другими — религіозными и кровными узами. Но именно вслѣдствіе того возникаетъ рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ австрійской политики къ восточному вопросу. Прежнія стремленія къ разширенію своихъ предѣловъ сохранились во всей силѣ, но отнынѣ необходимо сдерживать ихъ, дѣйствовать крайне осторожно, ибо съ пробудившимся сознаниемъ у христіанскихъ племенъ обнаружилось—въ какую сторону склоняются ихъ симпатіи, откуда ожидаютъ они себѣ помощи. Всякіе планы о разрушеніи Оттоманской имперіи, о дѣлежѣ ея владѣній слѣдовало отложить, какъ скоро являлось весьма основательное опасеніе, что едва ли можно будетъ распорядиться судьбою христіанскихъ племенъ Турціи, какъ если бы шла рѣчь о безсловесномъ стадѣ. Напротивъ, съ этой минуты Вѣнскій дворъ поставилъ себѣ главною задачею затруднять всѣ дѣйствія нашего правительства на Востокѣ. Это обнаружилось, между прочимъ, какъ нельзя лучше предъ началомъ Отечественннй войны 1812 года, когда Россія находилась въ весьма невыгодномъ положеніи.

Эпизодъ, о которомъ упомянули мы сейчасъ, весьма обстоятельно и съ большимъ талантомъ изложенъ въ превосходныхъ статьяхъ А. Н. Попова, появившихся на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (см. рядъ статей подъ заглавіемъ „Сношенія Россіи съ европейскими державами предъ войною 1812 года“), но и послѣ того читатель найдетъ еще не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній въ книгѣ г. Мартенса. Россія не успѣла окончить войны съ Турціей, а между тѣмъ должна была напрягать свои силы для несравненно болѣе грозной борьбы съ Наполеономъ. Среди такихъ обстоятельствъ было существенно важно для нея оторвать Вѣнскій дворъ отъ союза съ Франціей и привлечь его на свою сторону. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали наши посланники въ Вѣнѣ—сначала графъ Шуваловъ, а потомъ графъ Штакельбергъ. Австрійское правительство играло крайне двусмысленную роль; по видимому, оно было не прочь вступить въ союзъ съ Россіей, но уклонялось связать себя какими бы то ни было положительными обязательствами и доказывало, что нѣтъ необходимости заключать по этому поводу конвенцію. По словамъ его министровъ, „если даже обѣщать другъ другу самую непроницаемую тайну на счетъ заключенной конвенціи, все-таки опытъ убѣждаетъ, что не было секретной конвенціи, постановленія которой не дѣлались бы извѣстными по истеченіи трехъ недѣль“. Но, отказываясь отъ конвенціи, ав-

стрийское правительство выставило одно непрѣмное условіе для сближенія своего съ Россіей,—оно требовало, чтобы Россія поспѣшила подписать миръ съ Турціей на основаніи *status quo ante bellum*. „Заключайте миръ *во что бы то ни стало*, не помышляя даже ни о какихъ выгодахъ отъ него, и тогда мы будемъ на вашей сторонѣ“—вотъ что не переставали твердить въ Вѣнѣ. Къ счастью, наше правительство не поддалось на эту уловку: было бы слишкомъ тяжело, послѣ столькихъ пожертвованій, не привести ни къ какому положительному результату нашу распрю съ Турціей, и все это для того, чтобы заручиться расположеніемъ Австріи, которое притомъ еслибы оно было даже куплено подобною цѣною, представлялось бы крайне сомнительнымъ. Переговоры длились до тѣхъ поръ, пока графъ Меттернихъ самъ не сообщилъ нашему посланнику о заключеніи между Австріей и Франціей союзной конвенціи, на основаніи коей Австрія обязалась поставить Наполеону вспомогательный корпусъ въ 30.000 человекъ. Г. Мартенсъ какъ бы оправдываетъ подобный поступокъ Вѣнскаго двора. „Въ виду войны между Россіей и Франціей, говорить онъ,—„графу Меттерниху и князю Шварценбергу не трудно было убѣдить императора, что не только родственныя связи, но государственныя интересы требуютъ принять сторону Наполеона, который до сихъ поръ выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ войнъ. На основаніи этого опыта и въ виду крайняго внутренняго разстройства Австрийской имперіи, Вѣнскій кабинетъ не призналъ возможнымъ стать на сторону Россіи. Онъ не могъ также остаться нейтральнымъ, ибо Наполеонъ поставилъ на выборъ—или соединиться съ нимъ, или съ Россіей. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что выборъ австрийскаго двора былъ значительно облегченъ поведеніемъ русскаго правительства, которое не желало исполнить требованія его заключить прежде всего миръ съ Портою на условіяхъ, болѣе согласныхъ съ интересами Австріи“. Г. Мартенсъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ русскихъ дипломатовъ, а именно графъ Нессельроде и нашъ посланникъ въ Вѣнѣ графъ Штапельбергъ, не одобряли политики, усвоенной нашимъ правительствомъ. „Ходъ нашей политики“, писалъ послѣдній изъ нихъ,—или нашего неполитическаго поведенія, благодаря которому мы недостаточно поспѣшили *во что бы то ни стало* заключить миръ съ Турціей, и сверхъ того, сами лишили себя возможности обезпечить за собою союзъ съ Пруссіей, наложилъ веревку на шею австрийскаго правительства и посадилъ императора Франца какъ бы на остріе бритвы... Вся бѣда происходитъ не отъ людей, а отъ обстоятельствъ, и они

пошли уже слишкомъ далеко, благодаря, отчасти, нашему собственному поведенію, на счетъ котораго я не считаю болѣе нужнымъ промолвить еще слово“. Всѣ подобныя сужденія едва ли выдерживаютъ критику. Опираются они единственно на увѣренности, что если бы мы поступили такъ, какъ требовала отъ насъ Австрія, то-есть, принесли бы въ жертву ей свои интересы на востокѣ, то она стала бы на нашу сторону; но изъ очерка дипломатическихъ переговоровъ, представленнаго г. Мартенсомъ, рѣшительно не видно, чтобы подобная увѣренность могла считаться основательною. Намъ кажется, что нѣтъ никакой возможности не согласиться со взглядомъ, выраженнымъ по этому поводу А. Н. Поповымъ: Россія воздержалась отъ неосторожнаго и опаснаго шага, на который наталкивали ее австрійскіе дипломаты, она подписала съ Турціей миръ на условіяхъ, которыя, по выраженію названнаго нами сейчасъ писателя, „не только не роняли достоинства имперіи, но были таковы, что миръ этотъ можетъ смѣло быть поставленъ въ рядъ договоровъ съ Портою, заключенныхъ нашимъ отечествомъ, послѣ блистательныхъ войнъ и далеко не въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ“. Утверждаютъ, какъ сказано выше, будто благодаря только этому обстоятельству, мы лишились союза съ Австріей; но, по истеченіи непродолжительнаго времени, ознаменованнаго однимъ изъ славнѣйшихъ событій въ нашей исторической жизни, намъ же суждено было явиться на помощь какъ Австріи, такъ и другимъ европейскимъ государствамъ, чтобы избавить ихъ отъ гнета властелина, около котораго сгруппировались они въ войнѣ противъ Россіи.

Свергнуть былъ Наполеонъ, и Европа, въ лицѣ многихъ своихъ монарховъ и знаменитѣйшихъ государственныхъ людей, приступила къ совѣщаніямъ о водвореніи прочнаго мира. На Вѣнскомъ конгрессѣ, въ числѣ различныхъ вопросовъ, поднятъ былъ, между прочимъ, и вопросъ Восточный. Мы рѣшаемся сдѣлать довольно длинную выписку изъ сборника г. Мартенса (т. III, 177 — 179), чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ, какимъ образомъ отнеслась къ нему на этотъ разъ европейская дипломатія:

„Кромѣ вопросовъ, столь сильно возбуждавшихъ страсти и получившихъ въ послѣдствіи окончательное опредѣленіе въ актѣ Вѣнскаго конгресса и его приложеніяхъ, на конгрессѣ иногда возбуждались и происходили также переговоры по такимъ вопросамъ, о которыхъ ни въ протоколахъ, ни въ заключенныхъ на немъ трактатахъ не осталось никакихъ слѣдовъ.... Къ такимъ вопросамъ необходимо от-

нести, между прочимъ, вопросъ Восточный, предложенный Россіей на обсужденіе членовъ конгресса въ циркулярной нотѣ отъ февраля 1815 года. Въ этой нотѣ обращается вниманіе на ужасныя звѣрства, совершаемыя турецкими властями въ Сербіи, и указывается на крайнюю необходимость положить имъ конецъ разъ навсегда. „Чрезвычайно же любопытными представляются приложенныя къ этой нотѣ „соображенія“, въ которыхъ самымъ замѣчательнымъ образомъ доказывается *обязанность* всѣхъ христіанскихъ и цивилизованныхъ державъ, безъ исключенія, заступиться за христіанскихъ подданныхъ Турціи. Эта обязанность выводится изъ предписаній христіанской любви и религіи и основывается на нѣкоторыхъ юридическихъ доводахъ. Съ первой точки зрѣнія императоръ Всероссійскій — „естественный покровитель христіанъ греческаго восточнаго исповѣданія, находящихся подъ властью оттоманскою“, подобно тому, какъ императоръ Австрійскій и король Французскій — естественные защитники католиковъ на Востоке. Общія же для всѣхъ европейскихъ государствъ основанія, говорится въ этомъ актѣ, суть религія, голосъ природы и чувство человѣколюбія. Обращаясь къ юридическимъ доводамъ, русское правительство доказываетъ слѣдующимъ образомъ *право* цивилизованныхъ державъ защищать христіанскихъ подданныхъ Турціи. „Въ Европѣ, говоритъ оно, существуетъ кодексъ международнаго права, имѣющій законную силу какъ во время мира, такъ и войны. Въ немъ заключается охрана международнаго порядка, и онъ является, безъ сомнѣнія, наиболее драгоцѣннымъ плодомъ цивилизаціи. На основаніи же этого права, всѣми принятаго, человѣкъ, схваченный съ оружіемъ въ рукахъ, не становится на всю свою жизнь собственностью своего побѣдителя; права, вытекающія изъ завоеванія, смягчены; народы другъ друга уважаютъ, и всякая излишняя и произвольная жестокость изгнана изъ области отношеній между народами. Благодаря этому возвышенному кодексу, провозглашена равноправность для всѣхъ человѣческихъ расъ. Основываясь на предписаніяхъ его, относящихся къ благу человечества, судьба негровъ предстала на судъ монарховъ; наконецъ, во имя тѣхъ же принциповъ главы европейской семьи имѣютъ право требовать отъ Порты отмены столькихъ звѣрствъ“. Вотъ почему европейскія державы имѣютъ право вмѣшиваться въ дѣла Турціи, нисколько не нарушая верховныхъ правъ султана. Это право должно быть признано вполне несомнѣннымъ, если имѣть въ виду, что „Порта имѣетъ подъ своимъ скипетромъ людей двухъ классовъ, весьма различныхъ между собою. Первый классъ

состоить изъ мусульманъ, которые—ея *подданные*; второй же классъ составляютъ христіане, которые не болѣе и не менѣе какъ ея *данники*. Эти послѣдніе не связаны никакою вѣрноподданническою присягой и даже имѣютъ право, по собственному желанію, перейти подъ непосредственную власть той или другой европейской державы“.

Таково было содержаніе проекта циркулярной ноты, предназначенной для членовъ Вѣнскаго конгресса. „По всей вѣроятности“, говоритъ г. Мартенсъ“, императоръ Александръ, по совѣту, можетъ быть, графа Каподистріи, желалъ воспользоваться торжественнымъ конгрессомъ, на которомъ вся христіанская Европа имѣла своихъ представителей, для улучшенія судьбы несчастныхъ подданныхъ Турціи“. Но великодушная попытка нашего правительства не имѣла ни малѣйшихъ послѣдствій; неизвѣстно даже, какъ отнеслись къ ней великія державы, ибо указанія на это не находится въ дѣлахъ нашего государственнаго архива. На Вѣнскомъ конгрессѣ Европа посвящала свое вниманіе судьбѣ негровъ, но что касается до бѣлыхъ негровъ, то-есть, христіанъ, томившихся въ турецкой неволѣ, то европейскіе дипломаты относились къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Вотъ чрезъ какіе фазисы проходилъ постепенно Восточный вопросъ: сначала широкіе планы для разрѣшенія его, не останавливавшіеся даже предъ отрицаніемъ турецкаго владѣнства въ Европѣ; затѣмъ, не только нѣтъ помину о чемъ-либо подобномъ, но даже предложеніе улучшить судьбу христіанскихъ подданныхъ султана не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сочувствія со стороны западно-европейскихъ государствъ; еще шагъ на этомъ пути, и нѣкоторыя изъ этихъ государствъ открыто провозглашаютъ свои интересы солидарными съ интересами Порты, проливаютъ за нее свою кровь и отводятъ ей равноправное мѣсто съ другими державами. Пусть въ какомъ-нибудь изъ документовъ XVIII вѣка укажутъ намъ заявленіе, что Оттоманская имперія необходима для Европы, что Европа призвана охранять ее не только отъ внѣшнихъ, но и отъ внутреннихъ потрясеній, а теперь это считается однимъ изъ основныхъ правилъ политики многихъ кабинетовъ. Таковъ прогрессъ нашего вѣка по отношенію къ Восточному вопросу.

Съ каждымъ томомъ возрастаетъ интересъ сборника, предпринятаго г. Мартенсомъ. Такъ, напримѣръ, въ III-мъ томѣ, въ упомянутыхъ нами введеніяхъ къ различнымъ документамъ, находится много новыхъ и чрезвычайно любопытныхъ данныхъ для характери-

стики дипломатическихъ сношеній Россіи съ Австріей. Важнѣйшія изъ нихъ относятся къ той роли, которая усвоена была Вѣнскимъ дворомъ предъ войною 1812 г., и къ переговорамъ на Вѣнскомъ конгрессѣ о Варшавскомъ герцогствѣ. По поводу этого послѣдняго вопроса г. Мартенсъ познакомилъ насъ, между прочимъ, съ замѣчательнымъ докладомъ графа Нессельроде (отъ января 1813 года), въ которомъ, какъ справедливо замѣтилъ онъ, „молодой статсъ-секретарь высказывается совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ Н. М. Карамзинъ въ знаменитомъ своемъ „Мнѣніи русскаго гражданина“.

Н. И.

Émile Legrand. Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française et des commentaires historiques et littéraires. Spécimen d'un recueil en préparation (Эмиль Легранъ. Греческія народныя пѣсни, изданныя съ французскимъ переводомъ и комментариемъ историческимъ и литературнымъ. Образчикъ приготовляемаго сборника). Paris. 1876.

Легранъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Саеой и Вагнеромъ къ числу немногихъ ученыхъ, дѣятельно занимающихся изслѣдованіемъ византійской старины. Какъ незначителенъ въ современной западной литературѣ интересъ къ подобнымъ занятіямъ, можно судить потому, что къ названнымъ именамъ едва ли можно присоединить много другихъ: я говорю объ ученыхъ *дѣятельныхъ*, въ родѣ Саеи, котораго *Bibliotheca graeca medii aevi* въ короткое время достигла 5-го тома, и Вагнера, издателя *Medieval greek texts* и *Carmena graeca medii aevi*, готовящаго нынѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ частнаго сообщенія, изданіе византійскаго перевода *Roman de Troie* Бенуа де Сенъ-Мора. Пальма первенства по числу и быстротѣ изданій принадлежитъ Эмилю Леграну: я укажу на двѣ серіи его *Collection de monuments pour servir à l'étude de la langue néo-hellénique**, и въ послѣдней—на изданіе, сдѣланное имъ совмѣстно съ Саеой, византійской поэмы X вѣка, героемъ которой является Василій Дигенисъ Акрить. Извѣстно, что изданіе это, встрѣченное похвальнымъ отзывомъ Рамбó и критиками Е. Миллера, Паппаригопула и Вагнера, вызвало заявленіе туринскаго профессора Дж. Мюллера, что въ его рукахъ находится болѣе полный текстъ поэмы, чѣмъ трапезунтскій, послужившій изданію Леграна и Саеи, и что онъ готовитъ новое критическое изданіе всего памятника. Тѣмъ не менѣе и этотъ новый текстъ, все-таки не безъ пробѣловъ, для восполненія которыхъ послужитъ если не древне-

русскій пересказъ Девгеніева житія, то народныя греческія пѣсни, сохранившія память объ одномъ изъ самыхъ популярныхъ героевъ средневѣковой Греціи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень были напечатаны; одна изъ нихъ сообщена, въ новой редакціи, въ сборникѣ, образчикъ котораго лежитъ передъ нами.

Въ 1874 году Э. Легранъ издалъ довольно объемистый *Recueil de chansons populaires grecques*, какъ первый томъ второй серіи своей коллекціи ново-эллинскихъ текстовъ. Въ іюнѣ 1875 года, будучи посланъ отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія съ ученою миссіей на греческій востокъ, Легранъ вернулся съ богатымъ собраніемъ памятниковъ народной поэзіи и почти всѣхъ греческихъ говоровъ. Это собраніе, заключающее въ себѣ не менѣе 18.000 стиховъ, составитъ шесть томовъ; первый томъ почти готовъ, и въ него вошли историческія пѣсни, относящіяся ко времени до взятія Константинополя, равно какъ въ послѣдному событію и завоеванію Турками греческихъ областей.

Въ предисловіи къ разбираемому мною *Spécimen*, Легранъ предлагаетъ слѣдующее систематическое распредѣленіе пѣсень: 1) пѣсни историческія, 2) духовныя, 3) романическія, 4) похоронныя или мириологія, 5) любовныя. Относительно третьей группы (*chansons romanesques*) самъ Легранъ замѣчаетъ, что иногда трудно бываетъ отдѣлить ее отъ первой (*chansons historiques*). Вторая группа можетъ быть особенно интересна для насъ по отношенію къ нашимъ духовнымъ стихамъ; этотъ отдѣлъ собранія Леграна, вмѣстѣ съ ожидаемымъ третьимъ томомъ миэологія Полита, будетъ не бесполезенъ для опредѣленія источниковъ нашей народно-духовной поэзіи. Легранъ такимъ образомъ распредѣляетъ греческія пѣсни по отношенію къ религиознымъ сюжетамъ, которыми онѣ вдохновлялись: 1) пѣсни, относящіяся къ Рождеству, Богоявленію, Пасхѣ и главнымъ Христовымъ праздникамъ; 2) пѣсни въ честь Богородицы; 3) пѣсни объ ангелахъ и святыхъ. „Въ числѣ послѣднихъ самыя интересныя воспѣваютъ св. Георгія, одного изъ святыхъ, наиболѣе чествуемыхъ греческою церковью; ихъ непремѣнное содержаніе составляетъ легенда, въ которой легко признать извѣстный миэъ о Персеѣ и Андромедѣ“. Стало быть, бой со змѣей, сюжетъ одной части русскихъ духовныхъ стиховъ о Георгіи, ставшій сравнительно поздно популярнымъ на западѣ, тогда какъ апокрифическое мученіе Георгія дало тему уже старо-нѣмецкому *Georgsleich* и цѣлой группѣ русскихъ сти-

ховъ — вѣроятно, болѣе древнихъ, о мученіяхъ святаго¹⁾. Наконецъ, Легранъ обособляетъ въ особый отдѣлъ (4-й) религиозные канты (cantiques spirituels): они бѣдны поэзіей, это—почти разбѣренная, римо-ванная проза. Одна изъ любимыхъ темъ — страданія Спасителя, которыя воспѣваются во всѣхъ подробностяхъ: есть пѣсни на столбъ, около котораго бичевали Спасителя, на лозу, которую вложили ему въ руку, на терновый вѣнецъ; пѣсни слѣдуютъ за священнымъ разказомъ на Голгоѳу, къ снятію со креста, сѣтованіямъ Богоматери, Воскресенію, Вознесенію, Сошествію Св. Духа и т. д. Эти набожныя вирши скорѣе сказываются, чѣмъ поются; онѣ распространены исключительно между католиками Сиры и нѣкоторыхъ другихъ острововъ; ихъ языкъ обличаетъ автора, знакомаго съ вульгарнымъ греческимъ языкомъ, именуемымъ церковнымъ.

Если второй отдѣлъ собранія Леграна обѣщаетъ внести новое звено сравненій въ религиозную поэзію христіанской Европы, то не менѣе важенъ циклъ историческихъ пѣсенъ, представляющихъ отрывки и воспоминанія потеряннаго для насъ средне-греческаго народнаго эпоса. Я имѣю въ виду преимущественно древнія пѣсни: нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ X вѣку; ихъ легко узвать по ихъ византійскому стилю и по именамъ героевъ, подвиги которыхъ они прославляютъ. Таковы пѣсни о Порфиріи, объ исторической личности котораго собраны свѣдѣнія въ предисловіи къ поэмѣ о Дигенисѣ, изданной Леграномъ и Саеой (стр. 6 и слѣд.). Къ извѣстнымъ до сихъ поръ двумъ пѣснямъ о Порфиріи Легранъ, въ своемъ новомъ сборникѣ, присоединяетъ еще третью, записанную на островѣ Сирѣ. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Порфирій, какъ впоследствии Кагаіскакіс, является сыномъ монахини. Вотъ начало редакціи Леграна: „Монахиня родила сына Порфирія: родила въ пятницу, въ субботу окрестила, а въ воскресенье онъ попросилъ пощелкать бобовъ“. Иначе въ редакціи Саввы Иоаннида: Когда ему минулъ день, онъ съѣлъ сухарь, на второй—цѣлый хлѣбъ, а на пятый—весь хлѣбъ, что былъ въ печкѣ. Его младенчество полно такихъ диковинныхъ подвиговъ: въ пѣснѣ Леграна онъ беретъ за мечъ по пятому дню, по шестому за копьѣ, по седьмому хвалится, что не боится храбрыхъ людей, которыхъ страшится земля и весь міръ. Далѣе изъ всѣхъ трехъ пѣсенъ видно, что Порфирій былъ во враждѣ съ императо-

¹⁾ Легенды о Георгін дадутъ мнѣ матеріалъ для первой главы приготовляемаго мною изслѣдованія о «Западныхъ отношеніяхъ русскихъ былинъ.»

ромъ, который въ началѣ пытался привести его въ повиновеніе подарками и затѣмъ послалъ на него знаменитѣйшаго изъ своихъ полководцевъ съ многочисленнымъ войскомъ. Редакція, напечатанная Леграномъ, заставляетъ предположить, что Порфирій остался побѣдителемъ; двѣ другія говорятъ, на-оборотъ, что враги схватили его соннаго и повели въ цѣпяхъ въ Константинополь. Здѣсь онъ разломалъ цѣпи, и выйдя на свободу, похищаетъ дочь императора. Пѣсни ничего не говорятъ о его дальнѣйшихъ судьбахъ.

Другой циклъ историческихъ пѣсней воспѣваетъ другаго, еще болѣе популярнаго героя, изъ эпохи Македонской династіи: Василя Дигениса Акрита. Пѣсни эти, приурочивающія свой разказъ къ равнинамъ Малой Азіи, либо къ дикимъ ущельямъ Тавра и Антитавра, проливаютъ новый свѣтъ на тѣхъ византійскихъ „странствующихъ“ витязей, которые извѣстны были подъ именемъ Акритовъ, то-есть, стражей границъ, о которыхъ византійскія лѣтописи сохранили лишь неясныя и скудныя свѣдѣнія. Мы имѣемъ дѣло съ отрывками большаго эпического цѣлага, когда-то жившаго въ народѣ; часть этого эпоса сохранилась въ поэмѣ, упомянутой выше, и къ несчастію, неполной; народныя пѣсни помогаютъ кое-гдѣ восполнить эти пробѣлы и, такимъ образомъ, свидѣтельствуютъ о правдивости народныхъ преданій объ Акритѣ, до сихъ поръ живущихъ среди греческаго населенія на берегахъ Чернаго моря.

Одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ поэмы встрѣчается въ концѣ ея: мы ничего не узнаемъ о послѣднихъ судьбахъ Акрита и его молодой жены. Изъ перечня содержанія, помѣщеннаго въ заголовкѣ X-й книги поэмы, видно, что Эвдокія не пережила Дигениса, что подтверждается народнымъ преданіемъ и отрывкомъ одной народной пѣсни. О смерти самого героя не извѣстно было до сихъ поръ ни одной *полной* пѣсни. Таковая сообщена была Саввой Іоаннидомъ Леграну, который и напечаталъ ее въ *Spécimen* своего изданія. Ея діалектъ—трапезунтскій. Легранъ замѣчаетъ по ея поводу: „Народная поэзія драматизировала послѣднія минуты Дигениса. Для толпы, привыкшей видѣть въ немъ побѣдителя разбойниковъ и чудовищъ, византійскій герой не могъ умереть какъ обыкновенный смертный. И вотъ самъ страшный Харонъ выходитъ къ нему на встрѣчу, принявъ всѣ предосторожности, и побѣждаетъ его лишь послѣ гигантской схватки... Замѣтимъ здѣсь удивительное согласіе этихъ пѣсней съ поэмой о Дигенисѣ. Въ четвертой книгѣ ея есть параграфъ, представляющійся намъ неполнымъ, озаглавленный такъ: „Какимъ обра-

зомъ Дигенисъ сталъ борцемъ“. Народъ, помнившій преимущества своего героя въ подобнаго рода упражненіяхъ, нашель вполне естественнымъ—заставить его схватиться съ самимъ Харономъ въ нечеловѣческой схваткѣ, длящейся три дня и три ночи и заставляющей содрагаться горы. „Нѣтъ ничего столь грандіознаго ни въ какой другой народной поэзіи“, прибавляетъ Лэгранъ.

Я приведу всю пѣсню, тѣмъ болѣе интересную для насъ, что какъ поэма о Дигенисѣ пересказана была въ старину по русски въ повѣсти о Девгеніи, такъ эпизодъ о борбѣ Дигениса находитъ себѣ отраженіе въ пѣсняхъ объ Аниѣ и смерти.

„Акрить строилъ замокъ въ окрестностяхъ горъ; туда онъ приносить и садитъ растенія со всего свѣта, приносить со всего свѣта птицъ и устраиваетъ имъ гнѣзда. Эти птицы пѣли и говорили: „Вѣчно будетъ жить Акрить!“ Теперь они поютъ и говорятъ: „Умреть Акрить!“

Это маленькія птички, пусть ихъ поютъ и веселятся!

Это маленькія птички, онѣ не знаютъ, что поютъ!

Смотритъ Акрить въ другую сторону, видитъ: сходитъ Харонъ.

„Куда идешь, куда идешь ты, Харонъ, такой веселый?“

„Я пришелъ взять твою душу, вотъ почему и веселъ“.

„Приходи Харонъ, давай бороться на мѣдномъ току. Коли ты побѣдишь, возьми мою душу; если я выйду побѣдителемъ, возьму твоего вороного“.

Вышли и стали бороться; побѣдилъ Харонъ.

„Горе мнѣ, горе мнѣ! Харонъ побѣдилъ меня! Принесите мнѣ мою стрѣлу, принесите мнѣ доспѣхи, мою палицу, что вѣситъ шестьдесятъ окъ, и другую, что вѣситъ шестьдесятъ-пять.“

Ему принесли стрѣлу, принесли доспѣхи, палицу, что вѣситъ шестьдесятъ окъ, и другую, что вѣситъ шестьдесятъ-пять. Онъ беретъ въ руки свое оружіе, надѣваетъ броню и идетъ на охоту. Не прошелъ половины пути, голова у него разболѣлась, сердце всполохнулось, задрожали колѣна, онъ не могъ идти далѣе.

Акрить пошелъ назадъ, часто вздыхаетъ.

„Горе мнѣ, бездольному, приходится умирать. Прощайте, горы, прощайте, дикіе звѣри. Поглядѣлъ бы я на высокія горы, на вершины, заставилъ бы плавать хищныхъ птицъ, и лѣса пѣть печальную пѣсню. Приди, моя красавица, постели мнѣ смертное ложе, положи у изголовья горные цвѣты“.

Приходила его красавица, постлала простыни и одѣяло, клала у изголовья горные цвѣты.

„Зачѣмъ, красавица моя, постлала ты мнѣ ложе изъ терній и волчцовъ“?

„Слышишь ли, мой Акритъ, слышишь ли, что говорятъ сосѣди? Иванъ говоритъ: я возьму его коня! Георгій говоритъ: я возьму его палицу! Дряхлый старикъ говоритъ: возьму его красавицу“!

„Не владѣтъ Ивану моимъ конемъ, Георгію моею палицей, дряхлomu старикy моею красавицей“!

Онъ сломалъ свою палицу, убилъ коня.

„Прійди, красавица моя, поцѣлуемся на прощанье“.

Она склонилась на грудь Акрита, а онъ обнялъ руками молодую жену, чудную красавицу. Вмѣстѣ они умерли, вмѣстѣ и похоронени“.

Говоря объ историческихъ пѣсняхъ греческаго народа, сохранившихъ слѣды нынѣ утраченныхъ эпическихъ цикловъ, Легранъ указываетъ на аналогію старо-французскихъ *chansons de geste*. Съ точно такимъ же, если не съ большимъ правомъ, можно бы указать на аналогію нашихъ былинъ. Изученіе греческихъ историческихъ пѣсенъ со стороны содержанія, приемовъ и мотивовъ можетъ дать матеріалъ для весьма интересныхъ сопоставленій и выводовъ; но едва ли не полезнѣе будетъ удержаться отъ нихъ на время, пока не собрано болѣе пѣсенныхъ данныхъ, не появилось, на примѣръ, собраніе Леграна, а главное, пока не открыто болѣе такихъ памятниковъ, которые познакомили бы насъ съ болѣе древними стадіями византійской эпической поэзіи. Я имѣю въ виду поэму о Дигенисѣ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожелать, чтобы профессоръ Г. С. Дестунисъ успѣшилъ напечатаніемъ небольшой исторической пѣсни объ Армурѣ (тобъ 'Арμύρη), открытой имъ въ одной рукописи С.-Петербургской Императорской публичной библіотеки. Она извѣстна мнѣ въ прекрасномъ переводѣ, обязательно сообщенномъ мнѣ г. Дестунисомъ. Ея историческая обстановка позволяетъ отнести ее ко времени не позже того, въ которомъ относится поэма о Дигенисѣ; но ея стиль отличается болѣе народнымъ характеромъ; это—не поэма, а историческая пѣсня: „О поѣздѣ молодаго Армура“, прямо вводящая насъ *in medias res*. О томъ, что отецъ героя, старикъ Армуръ, находится въ плѣну у Саракинъ, мы узнаемъ лишь впоследствии, хотя это обстоятельство и вызвало поѣздку героя. Укажу еще, какъ на особенности народнаго стиля, на нѣкоторыя эпическія повторенія: битва мальчика Армура съ Саракинами разказывается дважды въ однихъ и тѣхъ же

выраженіяхъ, въ первый разъ—по поводу самого событія, въ другой—разказываетъ ее раненый Саракинъ своему амиру (то-есть, эмиру). Нѣсколько разъ Армуръ и Саракинъ произносятъ заповѣдную клятву, указывающую на древность славянскихъ и греческихъ представленій о матери солнца; „Клянуса сударемъ моимъ солнцемъ, клянуса его матерью!“

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой пѣсни: Мальчикъ Армуръ просится у матери поѣхать верхомъ. Мать въ началѣ отказывается, но затѣмъ соглашается на такихъ условіяхъ: „Тамъ на верху виситъ копые отца твоего, что сударемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, съ верху до низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь его дважды; какъ трижды согнешь, тогда и поѣдешь“. Тогда маль Армуровичъ, плачучи, на лѣстницу подымается, а смѣючись, съ лѣстницы спускается: еще не захвативши копья, захватилъ его, еще не встряхнувши, встряхнулъ его; въ рукѣ его копые тряхнулося, согнулося... И пошелъ опять малый къ матери: „А желаешь ли, матушка, желаешь ли, передъ тобою его изломлю“. Тогда мать велитъ ему осѣдлать отцовскаго воронаго коня, „что двѣнадцати годовъ, а воды не пилъ, что двѣнадцати годовъ, а подъ верхомъ еще не бывалъ, что сѣдлаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный“. Сѣлъ на воронаго и былъ таковъ. Примчался къ берегу Евфрата, разѣзжается вверхъ и внизъ, а переѣзда не отыщеть! На другой сторонѣ стоитъ Саракинъ и осмѣиваетъ Армура: гдѣ ему Евфратъ на клятвѣ переѣхать! „А былъ Евфратъ могучъ, вдулся весь, волны на немъ тяжелыя, разлился онъ“. Армуръ молится; ангельскій голосъ низшелъ къ нему съ небесъ: „Вонзи свое копые въ корень финиковаго дерева, вложи одежду твою въ тотъ илъ, что впереди, уколи воронка своего, чтобы переѣхалъ на ту сторону“. Перескочивъ на ту сторону и сбивъ Саракина съ сѣдла, Армуръ спрашиваетъ его о вражескомъ войскѣ: „Ихъ сто тысячъ, все молодцы отборные, съ зелеными щитами“, отвѣчаетъ Саракинъ. Съ высоты горы Армуръ видитъ неприятельскую силу: ей счета нѣтъ; зычнымъ голосомъ вызываетъ онъ на бой: пусть не хвастаются, что онъ напалъ на нихъ безоружныхъ. Начинается бой: „Тогда юноша разудалый вынулъ сабельку красивую изъ тула серебрянаго, къ небу подбросилъ, рукой подхватилъ, воронка пришипорилъ.... Цѣлый день рубилъ онъ ихъ вверхъ по порѣчю, цѣлую ночь рубилъ онъ ихъ внизъ по порѣчю; положилъ ихъ, переставилъ, никого не оставилъ. Спѣшился молодой, чтобы провѣяло его вѣтромъ, а одинъ собака Саракинъ, собака поганая, сотворилъ

надъ нимъ бѣду: увелъ воронаго и палицу унесъ“. Сорокъ миль гонится за нимъ Армуръ пѣшкомъ, нагнавъ у воротъ Сиріи, руку ему отсѣвъ и говоритъ: „Ну-ка, ты, Саракинъ, подай-ка и ты вѣсточку“. Однорукій Саракинъ доскакалъ до своихъ въ то время, какъ отецъ Армура сидѣлъ снаружи у двери своей тюрьмы. Тяжко застоналъ онъ, ажно вся башня тряхнулась. Спрашиваетъ его эмиръ, что съ нимъ случилось. „Вишь воронка узналъ я, палицу своего сына, а всадника не вижу,—такъ пусть же выйдетъ изъ меня душа“. „Погоди, Армури мой“, говоритъ ему эмиръ,—погоди немного: пусть крѣпко ударятъ въ органы, пусть громко затрубятъ трубы, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія, и тогда гдѣ бы не находился твой сынокъ, пусть со связанными назадъ руками приведутъ его къ тебѣ“. Заиграли органы и трубы, и никто не собрался; вмѣсто того однорукій Саракинъ повѣствуетъ о битвѣ, въ которой Армуръ изрубилъ вражескую рать. „Небось, хорошо это, что творить твой сынокъ?“ обращается эмиръ къ плѣнику и велитъ ему написать сыну грамоту: пусть минуетъ Саракинъ, не то самъ попадетъ, и ему помилованія не будетъ. Въ отвѣтъ на это, Армуръ пишетъ прекрасную грамотку, съ птичкою послалъ ее, съ прекрасною ласточкой: „Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хороны съ двойными покрывалами (?), пока вижу мою матушку и братьевъ одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я, какъ найду Саракина, такъ кровь его и выпью; а коли развадорятъ меня, то и на Сирію налягу, улицы и водоемы наполню головами, сухіе гребни кровью“. Какъ услышалъ это эмиръ, убоился, велитъ старика Армура вывести изъ темницы, вымыть въ банѣ и привести къ своему столу. Затѣмъ онъ отпускаетъ его на родину: „Скажи своему сыну, зятемъ его возьму, не къ племянницѣ, и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего: гдѣ встрѣтитъ Саракина, пусть его помилуетъ, а коли прибылъ перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлать, да жить въ любви“.

Изданіе г. Дестуниса выяснитъ, вмѣстѣ съ историческими отношеніями этой любопытной пѣсни, имя ея героя. Г. Легранъ, которому я пересказалъ содержаніе былины, не могъ истолковать мнѣ имя Армура.

А. Веселовскій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

D. Bancroft. History of the United States from the discovering of the American Continent. Vol. X, 1874. (Д. Банкрофтъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ со времени открытія Америки. Т. X-й).

Десятымъ томомъ оканчивается сочиненіе Банкрофта, надъ которымъ почтенный авторъ трудился не менѣе сорока лѣтъ (первый его томъ былъ изданъ въ 1834 году). Банкрофту по справедливости принадлежитъ честь того, что онъ былъ основателемъ ученой исторической критики и историографіи въ своемъ отечествѣ. Всю свою жизнь посвятилъ онъ на предпринятый имъ трудъ и исполнилъ его съ большимъ успѣхомъ; относительно тщательнаго изслѣдованія источниковъ и умѣнья пользоваться ими онъ долженъ быть поставленъ на ряду съ лучшими историками настоящаго времени. Благодаря содѣйствію не только американскаго, но и различныхъ европейскихъ правительствъ, а также частныхъ лицъ, онъ успѣлъ собрать обильный матеріалъ и воспользовался имъ такимъ образомъ, что теперь нельзя приступать къ изученію исторіи Соединенныхъ Штатовъ, не опираясь главнымъ образомъ на его обширную монографію. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе Банкрофта неоднократно вызывало много весьма строгихъ о немъ сужденій: разбирая вышедшій нынѣ послѣдній томъ, одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, извѣстный авторъ „Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von Amerika“, Гольстъ, резюмировалъ ихъ недавно въ обширной рецензій, помѣщенной имъ въ „Historische Zeitschrift“ Зибеля. „И въ Америкѣ, и въ Европѣ, говоритъ онъ, привыкли считать Банкрофта авторитетомъ. Именно поэтому критика обязана, признавая несомнѣнные достоинства его труда, выставить также на видъ слабыя его стороны и недостатки. Необходимо какъ можно болѣе тщательно обозначить границы, внѣ которыхъ онъ пе-

рестаетъ быть авторитетомъ и изложеніе его способно сообщить читателю совершенно ложное понятіе о предметѣ“.

Въ чемъ же состоятъ слабыя стороны монографіи Банкрофта, о которыхъ упоминаетъ Гольстъ? Прежде всего ставить онъ въ вину знаменитому автору, что подъ перомъ его американскій народъ является вовсе не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ въ періодъ, напримѣръ, своей борьбы за независимость. Банкрофтъ подробно говоритъ о предводителяхъ возстанія, но при всемъ томъ напрасно было бы искать у него вполнѣ достойнаго совершенныхъ ими подвиговъ изображенія ихъ дѣятельности; онъ старается скорѣе умалить, чѣмъ возвеличить ихъ дѣятельность; „предъ нами проходить какія-то тѣни, замѣчаетъ Гольстъ, а не живыя лица, облеченныя плотью“. Сдѣлано это не безъ умысла, а именно съ явною цѣлью превознести народъ на счетъ тѣхъ, кто руководилъ имъ. „Такимъ образомъ,—продолжаемъ говорить словами Гольста,—мы имѣемъ предъ собою какой-то необыкновенный народъ подъ предводительствомъ самыхъ обыкновенныхъ вождей, тогда какъ на дѣлѣ по истинѣ обыкновенные вожди стояли во главѣ обыкновеннаго народа“. Читая корреспонденцію Вашингтона, Грина и др., можно легко убѣдиться, что только безграничное самоотверженіе этихъ людей, преданность ихъ общему дѣлу и непоколебимая ихъ твердость въ состояніи были восторжествовать надъ равнодушіемъ и эгоизмомъ народныхъ массъ, надъ взаимнымъ соперничествомъ различныхъ штатовъ и надъ близорукимъ недоверіемъ ихъ къ центральной власти. Съ этой стороны угрожали возникавшей республикѣ несравненно большія опасности, чѣмъ со стороны англійскаго войска. „Американцы, говоритъ Гольстъ, еще не успѣли сдѣлаться націею; они должны были сдѣлаться ею мало по малу, въ теченіе долгаго ряда годовъ. Только ставъ на эту точку, можно уяснить себѣ исторію Соединенныхъ Штатовъ. Американцы въ этомъ отношеніи отнюдь не отличались отъ всѣхъ другихъ народовъ: подъ гнетомъ тяжелыхъ бѣдствій, среди кровавой борьбы, развивалось въ нихъ постепенно и исподоволь политическое самосознаніе; утверждать же, что, вслѣдствіе какой-то особой благосклонности судьбы, они явились на политическое поприще вполнѣ готовымъ народомъ и сразу упрочили свое государственное устройство, значить вводить въ заблужденіе“. Гольстъ убѣжденъ, что книга Банкрофта способствуетъ именно заблужденію такого рода.

Тенденціозность его выражается главнымъ образомъ, какъ уже замѣчено выше, во взглядѣ на характеръ той роли, которая принад-

лежала самому американскому обществу. Взгляду этому авторъ остался вѣренъ во всемъ своемъ сочиненіи, отъ начала его до конца. Гольсть беретъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ послѣдняго тома, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ, и подвергаетъ ихъ тщательному разбору. Вотъ одно изъ нихъ: „Американцы нуждались въ людяхъ и въ деньгахъ, и все-таки не могли быть побѣждены; неисчерпаемая сила лежала въ массѣ гражданъ и въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно; по временамъ казалось, что патриотизмъ ихъ находился въ усыпленіи, но онъ пробуждался тотчасъ, лишь только приближалась серьезная опасность. Готовность къ жертвованіямъ для общаго блага никогда не охладѣвала; всѣ свѣдѣнія согласны въ томъ, что, среди необычайной стужи и утомительныхъ передвиженій, армія переносила съ геройскою твердостью недостатокъ пищи, одежды и обуви....“ Банкрофтъ говоритъ тутъ о событіяхъ 1780 года. Нѣмецкій его критикъ беретъ корреспонденцію Вашингтона и другихъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей за тотъ же самый годъ и безъ особеннаго труда доказываетъ, что если бы Банкрофтъ вполне безпристрастно пользовался источниками, то долженъ былъ бы придти къ совершенно противоположному воззрѣнію. „Очень жаль, говоритъ, напримѣръ, Вашингтонъ, что жители неохотно даютъ пристанище солдатамъ, которые несутъ столь тяжелую службу; представители муниципалитета въ городахъ точно также обнаруживаютъ весьма мало къ нимъ участія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по точному смыслу закона, дѣятельность ихъ не можетъ быть стѣснена никакими затрудненіями“.

Колоніи рѣшили окончательно разорвать всякую связь съ метрополіею лишь послѣ весьма долгихъ колебаній, и то только потому, что Англія, своимъ упорствомъ, не оставляла имъ никакого другаго выбора. Они восстали вовсе не во имя „человѣческихъ правъ“, а просто во имя того, чтобы быть уравненными съ остальными англійскими подданными. О „человѣческихъ правахъ“ зашла рѣчь позднѣе и воодушевлялось ими незначительное меньшинство. „Энтузіазмъ, говоритъ Гольсть, далеко не былъ отличительною чертою войны за независимость,—напротивъ, онъ проявлялся такъ слабо, что отличительную черту слѣдуетъ видѣть скорѣе именно въ недостатокѣ его. Не только многіе другіе превосходили въ этомъ отношеніи американцевъ, но сами Американцы обнаружили неизмѣримо болѣе готовности къ жертвованіямъ во время послѣдней междоусобной борьбы“.

Lindner. Geschichte des deutschen Reiches vom Ende des XIV Jahrh. bis zur Reformation. I Abth.: Geschichte des deutschen Reiches unter König Wenzel. (Линднеръ. Исторія Германіи съ конца XIV стол. до реформаціи. I отд.: Германія въ царствованіе короля Венцеслава).

Первая половина средневѣковой германской исторіи подвергалась въ послѣднее время тщательной и всесторонней обработкѣ, но нельзя сказать того же самаго о позднѣйшихъ ея періодахъ. Причина этого заключается въ томъ, что источники для означеннаго отдѣла изданы и изслѣдованы еще далеко не съ такою полнотою, какъ для отдѣла предшествующаго, которому исключительно посвящены были до сихъ поръ Monumenta Germaniae historica. Дѣятельность ученыхъ не мало возбуждена будетъ, конечно, изданіемъ старинныхъ хроникъ германскихъ городовъ: такъ, напримѣръ, эти хроники легли главнымъ образомъ въ основу сочиненія, заглавіе коего выписано выше. Авторъ говоритъ, что безъ нихъ онъ не былъ бы въ состояніи предпринять свой трудъ.

Въ первомъ томѣ своего сочиненія Линднеръ излагаетъ событія до 1387 года: ему приходится имѣть дѣло съ крайне смутнымъ періодомъ въ исторіи Германіи, когда раздробленность этой страны достигла послѣднихъ предѣловъ, центральная власть утратила всякое значеніе и почти каждая изъ областей жила своею особою жизнью; на сѣверѣ и на югѣ образовались обширные союзы городовъ, вслѣдствіе чего Германія какъ бы распалась на двѣ половины, не имѣвшія между собою общей связи. И ученость автора, и его талантъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Книга читается вообще съ большимъ интересомъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ главъ, въ которыхъ весьма подробно излагаются продолжительные, скучные и долго не приводившіе ни къ какому результату переговоры о восстановленіи земскаго мира. Линднеръ сосредоточилъ главное вниманіе на церковныхъ событіяхъ, а на ряду съ этимъ весьма рельефно выставилъ онъ усилія князей, дворянства и городовъ завоевать для себя самостоятельное положеніе. Къ появившемуся нынѣ первому тому приложено нѣсколько изслѣдованій различныхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ эпохѣ, которая служитъ предметомъ монографіи.

F. Albanese. L'inquisizione religiosa della republica di Venezia. 1875. (Ф. Албанезе. Церковная инквизиція въ Венеціанской республикѣ).

Авторъ этой книги былъ доселѣ извѣстенъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ „Nuovi studi sulla filosofia della storia“, въ которомъ высту-

пилъ ревностнымъ приверженцемъ партіи, враждебной католическому духовенству. Въ предисловіи къ ней онъ упоминалъ, между прочимъ, что давно уже занимается изслѣдованіями о церковной инквизиціи въ Венеціанской республикѣ и результаты этихъ изслѣдованій изложены имъ теперь въ монографіи, заглавіе коей выписано выше. Не трудно убѣдиться изъ нея, что г. Альбанезе—очень хорошій литераторъ, но другой вопросъ—удовлетворяетъ ли онъ требованіямъ хорошаго историка. Прежде всего вредитъ ему отсутствіе всякаго метода и системы; онъ говоритъ рѣшительно о всемъ и часто, читая его книгу, можно забыть, что дѣло идетъ о Венеціи, а не о какомъ-либо другомъ италіанскомъ или вообще европейскомъ государствѣ; главнымъ для него авторитетомъ служитъ Ч. Канту; правда, онъ пользовался и оригинальными документами, имѣлъ доступъ въ архивы, но очевидно, что многое и даже самое существенное въ этихъ архивахъ ускользнуло отъ его вниманія.

Нечего и говорить, что г. Альбанезе старается выставить въ самомъ мрачномъ свѣтѣ дѣйствія инквизиціоннаго трибунала, хотя и не отрицаетъ того факта, что правительство Венеціи, чрезвычайно подозрительное въ политическихъ дѣлахъ, отличалось, сравнительно съ другими государствами, до извѣстной степени, религіозною терпимостью. На явленіе это давно уже указалъ Ранке и объясняется оно главнымъ образомъ торговыми сношеніями и интересами Венеціанцевъ. Въ то время какъ инквизиція съ неумолимою строгостью дѣйствовала на всемъ протяженіи Италіи, преслѣдуемне ею находили пристанище въ Венеціанской области; римская курія требовала выдачи этихъ несчастныхъ и не рѣдко встрѣчала отказъ; въ сущности дѣятельности инквизиціи предоставленъ былъ просторъ лишь въ краткій промежутокъ времени отъ 1540 до 1570 года, а затѣмъ она никогда не могла разчитывать на слишвомъ ревностное содѣйствіе со стороны свѣтской власти.

P. Laffite. Notice sur Barthélemy Laffemas, controleur général du commerce sous Henri IV. (П. Лафиттѣ. Свѣдѣнія о Бартеlemi Лаффемасѣ, генераль-контролерѣ торговли при Генрихѣ IV).

Весьма любопытный очеркъ дѣятельности одного изъ сподвижниковъ Генриха IV въ трудной задачѣ умиротворенія Франціи и возвышенія ея благосостоянія. Лаффемасъ былъ далеко не знатнаго рода; онъ занимался ремесломъ, когда сдѣлался извѣстенъ королю, который очень скоро оцѣнилъ его способности. По его иниціативѣ учрежденъ

былъ совѣтъ мануфактуръ и торговли, оказавшій важныя услуги странѣ и Лаффемасъ занялъ мѣсто во главѣ этого совѣта. Онъ составилъ сводъ торговаго законодательства Франціи, впервые указалъ на выгоды единства мѣры и вѣсовъ, содѣйствовалъ развитію различныхъ новыхъ отраслей фабричнаго производства, старался привлечь во Францію искусныхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ государствъ, подальше мысль объ учрежденіи въ главнѣйшихъ городахъ конторъ, которыя способствовали бы облегченію торговыхъ сношеній и т. д. Взгляды его на народное хозяйство были чрезвычайно оригинальны и вѣрны для того времени. До сихъ поръ объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ было мало упоминаемо историками царствованія Генриха IV и книга г. Лаффита, въ которой сообщаются подробныя о немъ свѣдѣнія, должна считаться полезнымъ вкладомъ въ историческую литературу.

R. Kervillier. Le chancelier Pierre Séguier. (Р. Кервилье. Канцлеръ П. Сегье.)

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые понимаютъ біографію не иначе какъ въ формѣ панегирика и, изображая какого-нибудь политическаго дѣятеля, считают неперемѣннымъ долгомъ безусловно восхвалять его. Г. Кервилье избралъ своимъ героемъ канцлера Сегье, игравшаго видную роль при Ришелье, Мазаринѣ и Людовикѣ XIV, человека съ замѣчательнымъ умомъ и способностями, но составившаго себѣ весьма печальную репутацію своею безхарактерностью, угодничествомъ и отсутствіемъ убѣжденій. Неизвѣстно по какой причинѣ онъ является подъ перомъ автора образцомъ самыхъ рѣдкихъ добродѣтелей. Сегье пользовался большимъ значеніемъ въ рядахъ французской магистратуры, когда Ришелье рѣшился избрать его однимъ изъ орудій для исполненія своихъ плановъ. Разчетъ знаменитаго кардинала оказался какъ нельзя болѣе вѣренъ: не было такой услуги, въ которой отказалъ бы ему назначенный имъ канцлеръ. Было время, когда онъ возбуждалъ парламенты къ оппозиціи, теперь же сдѣлался неукротимымъ ихъ гонителемъ, даже вполне сознавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ право и законность были совершенно на ихъ сторонѣ. Въ отвѣтъ парижскому парламенту, выразившемуся однажды, что „совѣсть“ воспрещаетъ ему занести въ протоколъ какое-то изъ королевскихъ повелѣній, онъ объявилъ, что „совѣсть должна быть двоякаго рода: одна—государственная, которую нужно руководиться въ дѣлахъ, а другая—пригодная только для частной жизни“. Оставаясь вѣрнымъ слугою двухъ кардиналовъ, Сегье не могъ сказать о себѣ, что онъ былъ

твердо и искренно убѣжденъ въ необходимости тѣхъ плановъ, которые они преслѣдовали съ непреклонною энергіею. Это видно изъ того, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ дѣйствовать въ совершенно противномъ смыслѣ. Во время фронды, Мазарини, чтобы расположить съ своею пользою общественное мнѣніе, рѣшился пожертвовать ненавистнымъ канцлеромъ; Сегье былъ вовсе удаленъ отъ дѣлъ; очень скоро послѣ этого враждебная двору партія обѣщала ему всевозможныя почести, если онъ займетъ мѣсто въ ея рядахъ, и онъ тотчасъ же откликнулся на ея призывъ; сохранилось извѣстіе, что Сегье убѣждалъ своего зятя, Сюлли, выпустить испанскія войска въ одну изъ крѣпостей, которою тотъ командовалъ. Честолюбецъ не замедлилъ однако убѣдиться, что мятежная партія не въ состояніи разчитывать на успѣхъ, а потому тотчасъ же возобновилъ обычную свою лесть двору. Онъ увѣрялъ, что если одно время соединился съ предводителями дворянства, то главнымъ образомъ съ цѣлью вывѣдать ихъ намѣренія. Неудивительно, что даже тѣ, которые пользовались его услугами, относились къ нему безъ малѣйшаго уваженія; это не мѣшало ему однако, почти до конца жизни, занимать видныя должности на государственной службѣ.

Вотъ этого-то человѣка г. Кервилье изобразилъ съ особенною любовью, оправдывая всѣ его слабости, истолковывая въ лучшемъ смыслѣ всѣ его дѣйствія. Не смотря на этотъ важный недостатокъ, книга все-таки отличается достоинствами. Видно, что она явилась плодомъ весьма внимательнаго изученія эпохи и многія ея главы написаны съ талантомъ: особенно слѣдуетъ это сказать о главѣ, посвященной французской академіи, въ дѣятельности которой канцлеръ Сегье принималъ ревностное и по большей части плодотворное участіе. Не даромъ принадлежалъ онъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Не умалчивая объ его порокахъ, г-жа Севинье восхваляетъ „его блестящій умъ, обширную начитанность, необычайную память и увлекательное краснорѣчіе“.

L'abbé Houssaye. Le cardinal de Bérulle et le cardinal de Richelieu. 3 vol.
(Аббатъ Гуссе. Кардиналъ Берюль и кардиналъ Ришелье).

Это сочиненіе, получившее премію Французской академіи, весьма важно не только для церковной, но и для политической исторіи Франціи въ началѣ XVII вѣка. Авторъ говоритъ подробно о различныхъ церковныхъ учрежденіяхъ, основателемъ коихъ былъ кардиналъ Берюль, но вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ его какъ государственнаго

дѣятеля, большею частью служившаго орудіемъ въ рукахъ Ришелье, а иногда имѣвшаго мужество дѣйствовать вопреки волѣ всемогущаго министра. Онъ много способствовалъ бракосочетанію сестры Людовика XIII, принцессы Генриеты, съ принцемъ Вельскимъ, который вступилъ на англійскій престолъ подъ именемъ Карла I; онъ игралъ также не маловажную роль во время осады Ла-Рошели и въ дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ вмѣшательству Франціи въ тридцатилѣтнюю войну. Во всемъ этомъ кардиналъ Берюль обнаружилъ много опытности, проникательности, умѣнья, но лишь до тѣхъ поръ, пока не приходилось ему вступать въ противорѣчіе съ своими религіозными убѣжденіями. Въ этихъ случаяхъ широта взглядовъ Ришелье становилась совершенно ему недоступна. Такъ, напримеръ, онъ не понималъ, чтобы изъ желанія ослабить Габсбургскій домъ католическая Франція могла дѣйствовать за одно съ протестантскими государствами; союзъ съ Англіею и Голландіею казался ему, съ этой точки зрѣнія, въ высшей степени грѣховнымъ дѣломъ. Онъ употребилъ все свое, весьма значительное, вліяніе при дворѣ, чтобы воспрепятствовать планамъ кардинала Ришелье и кардиналъ долженъ былъ напрягать не малыя усилія для устраненія этой оппозиціи. Самая удачная сторона политической дѣятельности Берюля относится къ осадѣ Ла-Рошели: онъ былъ главнымъ лицомъ въ переговорахъ съ Испаніею, имѣвшихъ цѣлю обезпечить, посредствомъ трактата, содѣйствіе ея флота.

Книга аббата Гуссе имѣетъ цѣну главнымъ образомъ по обилію матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ; кромѣ того, отличается она большими литературными достоинствами, но авторъ очевидно уже слишкомъ возвеличиваетъ своего героя.

Kluckhohn. Zur Vorgeschichte des dreissigjährigen Krieges. (Клукгоффъ. Къ исторіи событій, предшествовавшихъ тридцатилѣтней войнѣ).
R. Koser. Der Kanzleistreit. (Р. Козеръ. Споръ канцелярій).

Извѣстно, что между событіями, которыя въ началѣ XVII вѣка особенно усилили взаимную вражду германскихъ католиковъ и протестантовъ, распря по поводу города Донаувёрта имѣетъ особенно важное значеніе. Эпизодъ этотъ занималъ уже многихъ изслѣдователей. Лоссенъ въ своей диссертациі „Ueber Donauwoerth und den Herzog Maximilian“ подробно изобразилъ его, но еще больше для уясненія его сдѣлалъ Штиве, который, занимаясь въ теченіе долгаго ряда лѣтъ изданіемъ писемъ и бумагъ государей Виттельсбахскаго

дома, имѣлъ въ своемъ обладаніи множество весьма важныхъ и еще неизданныхъ до того времени документовъ. Г. Клувгонъ посвятилъ свои изысканія тому же самому предмету и книга его была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ, ибо при обширныхъ свѣдѣніяхъ онъ обнаружилъ въ ней и замѣчательный талантъ. Весьма рельефно изобразилъ онъ политическія и религіозныя партіи передъ началомъ тридцатилѣтней войны, а также различныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ этихъ партій. Особенно удалась ему характеристика Максимилиана Баварскаго. Онъ слѣдитъ за нимъ съ юныхъ его лѣтъ, показываетъ, какимъ образомъ воспитывался онъ подъ влияніемъ іезуитовъ, которыя видѣли въ немъ идеаль государя въ ихъ смыслѣ, но затѣмъ, принявъ управленіе въ свои руки, не всегда служилъ послушнымъ ихъ орудіемъ.

Не менѣе интересна и монографія г. Козера: „Der Kanzleistreit, ein Beitrag zur Quellenkunde der Geschichte des dreissigjaerigen Krieges“. Принцъ Христіанъ Ангальтскій, командовавшій войсками Фридриха Богемскаго, оставилъ въ рукахъ непріятеля, послѣ битвы при Прагѣ, въ 1620 году, весь свой обозъ, при чемъ захвачены были и бумаги его секретной канцеларіи. Принцъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей политики протестантскихъ князей Германіи того времени; онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Франціею, Англіею, Савойею, Нидерландами, а потому не удивительно, что корреспонденція его содержала много весьма важныхъ документовъ. Значительная ея часть тотчасъ же была обнародована по приказанію императора Фердинанда II и Максимилиана Баварскаго двумя баварскими совѣтниками Іехеромъ и Лейкеромъ: изданіемъ ея разчитывали нанести сильный ударъ протестантскому дѣлу и разчетъ этотъ отчасти удался; компиляція Іехера и Лейкера читалась съ жадностью; въ теченіе одного года появилось не менѣе десяти ея изданій, не говоря о переводахъ на латинскій, италіанскій и другіе языки. Протестанты сочли полезнымъ противодѣйствовать неблагопріятному для нихъ впечатлѣнію, произведенному упомянутою книгою, и въ 1622 г. былъ напечатанъ ими сборникъ депешъ, принадлежавшихъ дворамъ Вѣнскому и Мадридскому и перехваченныхъ Эристомъ Мансфельдскимъ. При этомъ имѣлось въ виду доказать, что и католическая партія питала такіе же замыслы, въ какихъ обвиняла она протестантовъ, что она стремилась къ пораженію Германіи политическому и религіозному. Возгорѣлась по этому поводу ожесточенная полемика между враждебными сторонами; брошюры слѣдовали одна за другою—

и вотъ эту-то литературную борьбу изобразилъ г. Козеръ въ сочиненіи, заглавіе коего выписано нами выше.

Samuel Rawson Gardiner. The thirty year's war. (С. Р. Гардинеръ. Исторія тридцатилѣтней войны).

Гардинеръ пользуется извѣстностью какъ авторъ обширной монографіи о царствованіи короля Іакова I. Книга, изданная имъ теперь, предназначена главнѣйшимъ образомъ для школъ, но она даетъ гораздо болѣе чѣмъ общаетъ: литература предмета извѣстна Гардинеру какъ нельзя лучше; онъ не удовольствовался однако тѣмъ, чтобы на основаніи ея познакомить молодыхъ людей съ эпохою тридцатилѣтней войны, а обратился къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Въ распоряженіи его находились нѣкоторые еще не обнародованные документы изъ дипломатической корреспонденціи того времени, съ помощью коей удалось ему пролить новый свѣтъ на различныя событія: такъ, напримѣръ, внимательство датскаго короля въ войну онъ изложилъ на основаніи оригинальной корреспонденціи сэръ Роберта Анштрѣтера. Книга Гардинера встрѣчена была особенно сочувственными отзывами со стороны нѣмецкихъ ученыхъ, ибо она представляетъ, можно сказать, на каждой страницѣ убѣдительныя доказательства, что автору знакома историческая литература Германіи о тридцатилѣтней войнѣ во всей ея полнотѣ. „Г. Гардинеръ, говоритъ *Historische Zeitschrift* Зибеля, не имѣетъ причины опасаться сколько-нибудь строгихъ отзывовъ со стороны нашихъ ученыхъ, ибо онъ пользовался ихъ трудами какъ нельзя болѣе добросовѣстно и основательно; книга его свидѣтельствуетъ о тѣсной связи, которою проникнуто умственное движеніе въ Германіи и Англіи“.

K. Wittich. Magdeburg, Gustav-Adolf und Tilly. (Виттихъ. Магдебургъ, Густавъ-Адольфъ и Тилли).

Извѣстно, что однимъ изъ страшнѣйшихъ событій тридцатилѣтней войны было — въ маѣ 1631 года — разрушеніе Магдебурга при взятіи его войсками императора и католической лиги. Несчастный городъ былъ буквально уничтоженъ пожаромъ, до такой степени, что изъ всѣхъ его зданій уцѣлѣли только соборная церковь и нѣсколько хижинъ по берегу Рейна; и вскорѣ послѣ того сложилось убѣжденіе, что бѣдствіемъ этимъ былъ онъ обязанъ не случайности, а намѣреннымъ распоряженіемъ Тилли. Имя знаменитаго полководца было заклемено воспоминаемъ о событіи, о которомъ идетъ рѣчь. Въ наше

время явились, однако, сомнѣнія относительно того, въ какой мѣрѣ справедливо составился о немъ приговоръ исторіи; начиная съ пятидесятихъ годовъ въ Германіи появилось не менѣе десятка специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу (Гейзинга, Бензена, Герике, Клоппа, Дройзена, Узингера и др.), въ которыхъ было выяснено слѣдующее: если тотчасъ послѣ упомянутой катастрофы протестантская партія съ ожесточеніемъ старалась обвинить въ ней католиковъ, то и католики не менѣе настойчиво утверждали, что само протестантское населеніе Магдебурга, убѣдившись въ невозможности защищать этотъ городъ, предало его пламени; ни въ одномъ изъ современныхъ этому ужасному событію памфлетовъ и писемъ не упоминается имя Тилли, какъ главнаго его виновника; Тилли не только не имѣлъ интереса разрушать Магдебургъ, но долженъ былъ заботиться объ его сохраненіи, ибо онъ могъ бы создать тутъ весьма удобный центръ для сосредоточенія своей арміи; въ донесеніи императору онъ соболѣзнуетъ объ участи Магдебурга и замѣчаетъ, что „съ этой минуты протестантскія государства болѣе чѣмъ когда нибудь проникнутся чувствомъ самой непримиримой ненависти къ католикамъ“. Дѣйствительно, предсказаніе Тилли не замедлило осуществиться: подъ вліяніемъ негодованія, возбужденнаго въ сѣверной Германіи участію Магдебурга, самые нерѣшительные изъ протестантскихъ князей — курфирсть Саксонскій, ландграфъ Гессенскій, курфирсть Бранденбургскій и др. присоединились къ Густаву-Адольфу. Тилли, какъ мы видѣли сейчасъ, предвидѣлъ это, а потому невѣроятно, конечно, чтобы онъ, безъ всякой нужды, отважился на такой поступокъ, который долженъ былъ послужить въ пользу его противникамъ. Самыя подробности о пожарѣ Магдебурга весьма сбивчивы: никто не видѣлъ, кто поджигалъ его, но знали, что огонь вспыхнулъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, и что если множество католиковъ погибло отъ него, то и протестанты, ворвавшіеся въ городъ, пострадали очень сильно.

Всего этого было достаточно, чтобы заподозрить основательность обвиненій, тяготѣвшихъ надъ Тилли, но, съ другой стороны, очевидно, что все это лишь предположенія и догадки, которыхъ отнюдь нельзя считать вполне убѣдительными и непреложными. Если даже допустить, что католики обвинялись въ разрушеніи Магдебурга безъ достаточнаго основанія, то слѣдовало ли изъ этого, что онъ былъ разрушенъ непременно протестантами? Если Тилли не давалъ приказанія въ этомъ смыслѣ, то гдѣ же доказательства, что подобное

приказаніе дано было кѣмъ-либо изъ защитниковъ города? Если утверждаютъ, что Тилли не выгодно было уничтожать Магдебургъ, то какую же выгоду могли извлечь изъ этого сами жители, понесшіе громадныя, ничѣмъ не вознаградимыя потери? Словомъ, послѣ всѣхъ изслѣдованій вопросъ оставался по прежнему въ высшей степени сомнительнымъ и давалъ поводъ къ самымъ противоположнымъ выводамъ. Сочиненіе, заглавіе коего выписано выше, важно тѣмъ, что оно проливаетъ на него отчасти совершенно новый свѣтъ: автору удалось случайно найти нѣсколько новыхъ документовъ, а именно— въ Амстердамѣ донесенія различныхъ агентовъ Голландской республики своему правительству. Видно изъ донесеній, о которыхъ идетъ рѣчь, что агенты республики тщательно собирали свѣдѣнія о Магдебургской катастрофѣ; всѣ они были ревностные протестанты, слѣдовательно, никакимъ образомъ нельзя заподозрить ихъ въ расположеніи къ Тилли, Паппенгейму и другимъ предводителямъ католическихъ войскъ; тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія все то, что сообщаютъ они о занимавшемъ ихъ событіи. Изъ показаній этихъ лицъ можно вывести слѣдующее: пожаръ Магдебурга не былъ дѣломъ случайности; городъ былъ сожженъ защитниками его преднамѣренно, по заранѣе составленному плану, и съ этою цѣлью за долго до рѣшительнаго дня были приготовлены въ различныхъ пунктахъ порохъ и горючіе матеріалы; все населеніе, подъ влияніемъ религіознаго фанатизма, сочувствовало этому страшному намѣренію, исполнителями же его явились лодочники и рыбаки, жившіе по берегу Эльбы. Они составляли многочисленную корпорацію, весьма зажиточную, но въ послѣдніе годы предъ катастрофою испытывавшую тяжкія бѣдствія вслѣдствіе того, что Эльба была постоянно блокирована императорскими войсками; ожесточеніе этихъ людей доходило до крайней степени и неудивительно, что во главѣ ихъ очутились головорѣзы въ родѣ Иогана Геркеля, который говорилъ во всеуслышаніе, что лучше не оставить камня на камнѣ въ городѣ, чѣмъ подчиниться Паппенгейму. Протестантское духовенство могло пользоваться ими какъ послушнымъ оружіемъ, а что духовенство это не отступало предъ самыми отчаянными мѣрами—объясняется различными причинами: оно знало, что на основаніи реституціоннаго эдикта 1629 года должно будетъ потерять все и удалиться въ изгнаніе. Вотъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ г. Виттихъ, подтверждая ихъ ссылками на открытые имъ документы. Неизвѣстно, покажутся ли они убѣдительными для писателей, занимавшихся спеціальнымъ изученіемъ исторіи трид-

пятилѣтней войны. Во всякомъ случаѣ, когда, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, Герике (Geschichte der Belagerung, Eroberung und Zerstörung Magdeburg's) выступилъ съ апологіею Тилли, со всѣхъ сторонъ послышались возраженія противъ него, — теперь же мысли, высказанныя имъ, кажутся на столько серьезными, что никто не считаетъ ихъ парадоксомъ.

Casimir Gaillardin. Histoire du règne de Louis XIV, récits et tableaux. (Казимиръ Гальярденъ. Исторія царствованія Лудовика XIV, очерки и картины).

Это весьма обширный трудъ, въ шести томахъ, изъ которыхъ доселѣ появилось пять, излагающіе событія до 1693 года. Первый томъ, подъ заглавіемъ „Франція въ политическомъ, религіозномъ и литературномъ отношеніи подъ управленіемъ Мазарина“ служитъ введеніемъ къ царствованію Лудовика XIV. Автора нельзя назвать самостоятельнымъ изслѣдователемъ, въ книгѣ его мало новаго, но онъ основательно знакомъ съ обширною литературою своего предмета, хорошо изучилъ мемуары изображаемой имъ эпохи и обладаетъ положительнымъ талантомъ. Г. Гальярденъ постановилъ себѣ задачу не ограничиваться только политическими событіями, но познакомить публику съ экономическимъ состояніемъ Франціи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, съ ея литературою, правами ея общества, и все это удалось ему какъ нельзя лучше. „Подробное изображеніе, говоритъ онъ, избранной нами эпохи, столь богатой разнообразными событіями, представляетъ двѣ трудности, которыхъ одинаково слѣдовало избѣжать: излишней сухости, еслибы останавливались мы только на самомъ главномъ и существенномъ, и излишняго многословія, еслибы хотѣли включить въ свою книгу весь обильный матеріалъ, который находился у насъ подъ руками. Мы старались не вдаваться ни въ ту, ни въ другую изъ этихъ крайностей. Факты второстепенные, ничего не прибавляющіе къ характеристикѣ главнѣйшихъ событій, исключены изъ нашего труда но мы не упустили ни одного изъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выражаются идеи, нравы и учрежденія Франціи въ эпоху Лудовика XIV. Мы выводимъ на сцену главныя лица, заставляемъ ихъ говорить и дѣйствовать, вмѣсто того чтобы резюмировать только смыслъ ихъ дѣятельности; мы не избѣгаемъ довольно обширныхъ выписокъ изъ рѣчей, писемъ, официальныхъ актовъ, изъ книгъ, производившихъ въ изображаемое время особенно сильное впечатлѣніе, словомъ, изъ всѣхъ документовъ, которые отличаются мѣстнымъ колоритомъ“.

Мы сказали уже, что книга г. Гальярдена читается съ большимъ интересомъ, хотя она и не лишена многихъ недостатковъ. Прежде всего вредить ей столь свойственное Французу преклоненіе предъ вѣкомъ Людовика XIV, въ которомъ авторъ видитъ одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, а затѣмъ весьма узкія католическія воззрѣнія. Въ доказательство можно сослаться на то, что говоритъ г. Гальярденъ о янсенистахъ: онъ вовсе не считалъ нужнымъ взглянуть сколько нибудь глубоко и серьезно на причины этого замѣчательнаго явленія; по мнѣнію его, всѣ янсенисты были честолюбцы, преслѣдовавшіе, подъ покровомъ набожности, довольно неблаговидныя свѣтскія цѣли; ни объ одномъ изъ главнѣйшихъ представителей этой партіи не отзывается онъ съ уваженіемъ; даже Паскаль не избѣгнулъ его насмѣшекъ. Если онъ произноситъ весьма строгій приговоръ о кардиналѣ Рецѣ, то не столько потому, что возмущается политической дѣятельностью и порочнымъ образомъ жизни этого знаменитаго интригана, сколько за его близкія отношенія къ янсенистамъ. Не смотря на эти недостатки, книга г. Гальярдена получила главную премію Французской академіи и, дѣйствительно, она представляетъ довольно замѣчательное явленіе въ теперешней французской литературѣ.

Hureau. Avènement des Bourbons au trône d'Espagne. Correspondance inédite du marquis d'Harcourt, tirée des archives du château d'Harcourt et des archives du ministère des affaires étrangères. (Гиппо. Возшествіе Бурбоновъ на испанскій престолъ. Неизданная корреспонденція маркиза д'Аркура, заимствованная изъ семейнаго архива д'Аркуровъ и изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Г. Гиппо приступилъ къ обнародованію сборника дѣлешъ, адресованныхъ маркизомъ д'Аркуромъ, посланникомъ Франціи при испанскомъ дворѣ, къ Людовику XIV и его министрамъ, и инструкцій, которыя получалъ онъ отъ короля. Доселѣ появился только первый томъ, обнимающій событія отъ Ривикскаго міра до воцаренія въ Испаніи французскаго принца. Особенно интересны документы, относящіеся къ завѣщанію Карла II, ибо они во всѣхъ подробностяхъ разоблачаютъ интриги, подъ вліяніемъ которыхъ составлялось это завѣщаніе. Г. Гиппо, въ предисловіи къ сборнику и въ примѣчаніяхъ, которыми онъ снабдилъ его, старается доказать, что главную роль игралъ при этомъ маркизь д'Аркуръ, что онъ склонилъ въ пользу Франціи испанскаго короля, снискалъ расположеніе испанской націи и мало по малу подготовилъ успѣхъ дѣла, которымъ такъ сильно

интересовался версальскій дворъ. Если Людовикъ XIV вступилъ въ переговоры съ Англією и Голландією относительно раздѣла наслѣдія Карла II, то это было лишь уловкою съ его стороны: онъ зналъ, что все уже подготовлено въ Мадридѣ и старался обмануть Европу относительно своихъ настоящихъ замысловъ.

Опроверженіемъ этого взгляда могутъ служить самыя депеши, обнаруженныя г. Гиппо. Изъ нихъ видно, что роль маркиза д'Аркура вовсе не была такъ значительна, что многочисленная французская партія сформировалась еще до прибытія его въ Мадридъ и что ему нужно было только поддерживать ее. Во главѣ этой партіи стоялъ кардиналъ Порто - Карреро, который былъ однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ короля. При первомъ же свиданіи съ маркизомъ онъ объявилъ ему, что „считаетъ долгомъ служить прежде всего Богу, затѣмъ своему государю и французскому монарху“. Благодаря преимущественно ему, вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для Франціи, а именно, не смотря на то, что завѣщаніе было составлено въ пользу Габсбургскаго дома, французская партія успѣла склонить на свою сторону почти всѣхъ вліятельныхъ лицъ. Было условлено, что какъ скоро умретъ Карлъ II, французскія войска немедленно перейдутъ Пиринеи и кортесы объявятъ недѣйствительнымъ завѣщаніе покойнаго короля, подобно тому какъ парижскій парламентъ объявилъ недѣйствительнымъ завѣщаніе Людовика XIII. Маркизь д'Аркуръ былъ горячимъ приверженцемъ этого плана, но въ критическую минуту у Людовика XIV просто не хватило духу воспользоваться обстоятельствами. Онъ зналъ, что слѣдствіемъ его поступка будетъ война съ Австрією и поколебался предъ этою опасностью. „Хотя вы сообщаете мнѣ, писалъ онъ своему посланнику, весьма утѣшительныя свѣдѣнія о настроеніи испанскаго народа, я тщательно и долго обсуждалъ образъ дѣйствій, на которомъ слѣдуетъ мнѣ остановиться, а именно— нужно ли дѣйствовать рѣшительно или же удовольствоваться выгодами, повидимому не столь значительными, но въ сущности гораздо болѣе прочными и этимъ самымъ обезпечить общеевропейскій миръ. По зрѣломъ размышленіи вознамѣрился я вступить въ переговоры съ королемъ англійскимъ для огражденія обоюдныхъ нашихъ интересовъ“.... Маркизь д'Аркуръ пришелъ въ отчаяніе отъ этого извѣстія; онъ ручался предъ французскою партією въ Мадридѣ, что король Людовикъ совершенно раздѣляетъ его образъ мыслей и вдругъ долженъ былъ убѣдиться, что въ Версалѣ восторжествовала иная политика. „Мнѣ не остается ничего

болѣе, писалъ онъ королю, какъ умолять объ отозваніи меня изъ Мадрида, ибо я положительно недоумѣваю, какъ выпутаться изъ того неловкаго положенія, въ которомъ нахожусь теперь“. Маркизь д'Аркуръ дѣйствительно возвратился вскорѣ послѣ того во Францію.

Но французская партія при испанскомъ дворѣ не упала духомъ. Она продолжала дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ и старанія ея увѣнчались успѣхомъ. Белькуръ, замѣнившій д'Аркура, донесъ своему двору, что Карлъ II находился при смерти, что до 28 сентября (1700 г.) онъ оставался неизмѣнно вѣренъ прежнему своему рѣшенію, но 3-го октября уничтожилъ составленное имъ завѣщаніе и подписалъ новое, которымъ провозглашалъ герцога Авжуйскаго своимъ преемникомъ,—и что все это совершилось стараніями кардинала Порто-Карреро.

Обнародованныя депеши касаются исключительно интригъ и переговоровъ, вызванныхъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Въ нихъ не содержится почти ничего, что могло бы дать понятіе о тогдашнемъ состояніи испанскаго народа, а если и встрѣчаются кое-какія относящіяся сюда свѣдѣнія, то они слишкомъ отрывочны и не оправдываютъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ прибѣгаетъ, на основаніи ихъ, г. Гиппо. Такъ, напримѣръ, въ 1698 году Людовикъ XIV поручаетъ своему посланнику объявлять во всеуслышаніе, что если одному изъ его внуковъ суждено будетъ занять испанскій престолъ, то самъ онъ сочтетъ долгомъ нисколько не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны. „Осмѣлюсь доложить В. В., отвѣчаетъ на это д'Аркуръ, что здѣсь никого не устрашить, если вы дадите почувствовать свою власть; могу судить такъ по непосредственнымъ моимъ наблюденіямъ“. Г. Гиппо заключаетъ изъ этихъ словъ, что Испанія нуждалась въ чужеземномъ владычествѣ и съ радостью готова была привѣтствовать его: заключеніе слишкомъ смѣлое, если обратимъ вниманіе на источникъ, на который оно опирается.

О. Klopp. Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Gross-Britanien u. Irland im Zusammenhange der europäischen An gelegenheiten von 1660—1714. (О. Клоппъ. Паденіе дома СтUARTовъ и вступленіе на престолъ Великобританіи и Ирландіи Ганноверскаго дома въ связи съ европейскими событіями 1660—1714 гг.).

Въ предисловіи къ своей книгѣ, авторъ говоритъ о томъ, что побудило его заняться изслѣдованіемъ такой эпохи англійской исторіи, которая была уже, кажется, достаточно разработана въ послѣд-

нее время. Онъ остановилъ на ней вниманіе, вопервыхъ, потому, что имѣлъ въ обладаніи своемъ значительное количество новыхъ документовъ, почерпнутыхъ имъ преимущественно изъ Вѣнскаго государственнаго архива, а, во вторыхъ, по той причинѣ, что англійскіе историки, какъ кажется ему, недостаточно указывали на тѣсную связь между событіями, происходившими въ ихъ отечествѣ, и событіями общеевропейскими. Съ этой точки зрѣнія онъ полемизируетъ не только съ ними, но даже съ французскими писателями, напримѣръ, съ Минье, авторомъ „Négociations relatives à la succession d'Espagne“, но по необъяснимой причинѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Макколеѣ, который особенно подробно, однако, изобразилъ судьбы Англии въ концѣ XVII и въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Многія главы въ сочиненіи г. Клоппа обработаны съ большимъ искусствомъ. Очень удалось ему, напримѣръ, изображеніе политической системы Людовика XIV: необычайная ловкость, съ которою этотъ король завлекалъ въ свои сѣти англійскихъ государственныхъ людей, умѣнье его разжигать страсти враждебныхъ партій въ Англии между тѣмъ какъ онъ самъ, пользуясь ихъ ожесточенными распрями, обдѣлывалъ свои дѣла въ Европѣ,—все это очерчено рукою мастера. Къ недостаткамъ г. Клоппа слѣдуетъ отнести отсутствіе въ немъ безпристрастія; онъ—ревностный католикъ и обнаруживаетъ это на каждомъ шагѣ; если удалось ему сохранить трезвость сужденія при оцѣнкѣ французской политики, то совсѣмъ другое дѣло, когда обращается онъ къ германскимъ событіямъ. Всѣ его симпатіи сосредоточены на личности императора Леопольда I: онъ старается доказать, что Леопольдъ, а не Вильгельмъ Оранскій, былъ душою коалиціи противъ Франціи, что онъ постоянно имѣлъ въ виду самые возвышенные планы, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился онъ благомъ имперіи и интересами Европы. Соответственно этому возвеличенію избраннаго имъ героя, авторъ старается умалить значеніе великаго курфирста Бранденбургскаго.

Появившіеся доселѣ два тома разбираемой нами книги доведены только до смерти Карла II: по этому можно судить, что мы имѣемъ дѣло съ весьма обширнымъ трудомъ.

Gehler. Galileo Galilei und die roemische Curie. (Геглеръ. Галилео Галилеи и римская курія).

Не смотря на то, что о Галилеѣ существуетъ довольно обширная литература, книга г. Геглера была встрѣчена въ Германіи съ

большимъ сочувствіемъ. Это не жизнеописаніе только, а блестящая картина дѣлой эпохи, проходящая предъ нами въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей: съ одной стороны Галилей, съ другой—нынѣ совсѣмъ забытые, а въ то время игравшіе болѣе или менѣе видную роль, Какчини, Лорини, Грасси и др.; между ними папа Урбанъ VIII, вовсе не въ качествѣ безпристрастнаго судьи, а склоняющійся на сторону противниковъ знаменитаго ученаго. Всѣ эти личности выступаютъ весьма рельефно въ книгѣ г. Геблера. Менѣе другихъ удалась ему характеристика кардинала Роберта Беллармина. Нечего и говорить, что самый процессъ изложенъ весьма обстоятельно, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ доселѣ документовъ и съ присоединеніемъ къ нимъ такихъ, которые еще не были обнародованы.

A. v. Renmont. *Geschichte Toscana's seit dem Ende des florentinischen Freistaates.* (А. Реймонтъ. Исторія Тосканы съ конца существованія Флорентійской республики).

Объ А. Реймонтѣ выразился умершій недавно Джини Каппони слѣдующимъ образомъ: „онъ такъ основательно и всесторонне знакомъ и съ дѣятелями и съ событіями нашей отечественной исторіи, что это кажется какимъ-то чудомъ“. Неустанный ученый не перестаетъ подтверждать справедливость этого приговора своими изслѣдованіями. Не такъ давно издалъ онъ превосходную монографію о Лаврентіи Великолѣпнои, а въ концѣ прошлаго года появился чрезвычайно интересный его трудъ, заглавіе коего выписано нами выше. Въ 1775 году великій герцогъ Леопольдъ поручилъ аббату Галуцци написать исторію Тосканы подѣ владычествомъ дома Медичисовъ и аббату какъ нельзя лучше, для своего времени, исполнилъ эту задачу въ сочиненіи подѣ заглавіемъ: „*Istoria des Granducato di Toscana sotto il governo della casa Medici*“; здѣсь собрано много очень любопытныхъ свѣдѣній, ибо Галуцци безпрепятственно пользовался документами флорентійскаго государственнаго архива, но нужно только сравнить его книгу съ книгою Реймонта, чтобы понять, какіе громадные шаги впередъ сдѣлала въ настоящее время историческая критика. Событія изложены у нѣмецкаго автора отъ 1530 до 1737 года. Въ первыхъ трехъ главахъ онъ дѣлаетъ, на основаніи своей монографіи о Лаврентіи Великолѣпнои, краткій очеркъ исторіи города Флоренціи до завоеванія его императоромъ Карломъ V; затѣмъ начинается болѣе подробный разказъ, въ которомъ обращено вниманіе не только на политическія событія, но на развитіе литературы,

науки и искусства. Эпоха герцоговъ Франческо, Фердинанда I, Козьмы II, Фердинанда II, Козьмы III и Иоанна Гасто (1574—1737) изображена съ такимъ искусствомъ, что читатель получаетъ самое отчетливое о ней понятіе. „Флорентійскій народъ, говоритъ Реймонтъ, сдѣлался уже не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде; энергія, воспримчивость, тонкій политическій смыслъ — все это мало по малу притупляется въ немъ; конечно, упомянутыя качества выступаютъ наружу всякій разъ, когда открывается поприще, на которомъ они могутъ заявить себя—такъ, напримѣръ, Медичисы были постоянно окружены искусными дипломатами, — но вообще на каждомъ шагу ощущалось вліяніе того, что центръ общественныхъ интересовъ находился уже не тамъ, гдѣ прежде. Духъ промышленной и торговой предпримчивости ослабѣвалъ; источники внутренняго благосостоянія иссякали; на многихъ рынкахъ, на которыхъ Флорентійцы господствовали въ бывшее время почти безгранично, они уже не могли выдерживать соперничества съ чужеземцами...“ Одно изъ главныхъ достоинствъ книги Реймонта заключается въ томъ, что она какъ нельзя лучше знакомитъ насъ съ этимъ переворотомъ, происшедшимъ въ характерѣ тосканскаго народонаселенія подѣ вліяніемъ измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ.

A. v. Arneth. Maria Theresia und der siebenjährige Krieg. 2 Bände. (А. Арнетъ Марія-Терезія и семилѣтняя война).

Арнетъ стоитъ во главѣ вѣнскаго государственнаго архива и оказалъ огромную услугу въ томъ отношеніи, что открылъ доступъ въ него ученымъ, которые еще недавно вовсе не имѣли возможности пользоваться его сокровищами; но кромѣ того онъ извѣстенъ своими изданіями весьма важныхъ документовъ, а также самостоятельными изслѣдованіями, относящимися преимущественно къ XVIII вѣку. О нѣкоторыхъ изъ этихъ изслѣдованій намъ уже случалось говорить въ нашемъ журналѣ. Появившаяся нынѣ новая его монографія (она составляетъ V и VI томы „Исторіи Маріи Терезіи“) очень интересна, хотя, быть можетъ, и менѣе другихъ, ибо въ ней идетъ рѣчь о семилѣтней войнѣ, а самыми важными документами вѣнскаго архива, относящимися къ этому событію, воспользовался уже Арнольдъ Шеферъ для своей „Geschichte des siebenjährigen Krieges“. Не смотря на то, въ книгѣ Арнета можно найти много доселѣ неизвѣстныхъ подробностей. Авторъ старается держаться объективной точки зрѣнія, хотя и не скрываетъ, что всѣ его симпатіи на сторонѣ Австріи.

Самую интересную часть монографіи, о которой идетъ рѣчь, составляетъ изображеніе событій послѣ Кунерсдорфской битвы. Установившійся въ исторіи взглядъ таковъ, что Фридрихъ Великій находился тогда въ самомъ отчаянномъ положеніи, что если бы союзники дѣйствовали болѣе энергически, то они нанесли бы рѣшительный ударъ своему противнику и что только кончина императрицы Елисаветы Петровны избавила его отъ вѣрной гибели. Извѣстно, что самъ Фридрихъ выразилъ именно такое мнѣніе. Арнетъ, не смотря на свой австрійскій патриотизмъ, доказываетъ, напротивъ, что если великій король усомнился одно время въ своемъ спасеніи, то это объясняется весьма понятнымъ отчаяніемъ гениальнаго человѣка среди грозныхъ обстоятельствъ, но что, въ сущности, положеніе его далеко не было столь отчаяннымъ. Если онъ не былъ побѣжденъ, то причины этого заключались вовсе не въ разъединеніи между союзниками, вовсе не въ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствахъ, а въ совершенной несостоятельности главнаго и самаго непримиримаго его врага, то-есть, Австріи. Даунъ былъ убѣжденъ, что вторичное занятіе Берлина не принесетъ никакой пользы въ стратегическомъ отношеніи и что матеріальныя выгоды отъ того были бы незначительны; послѣ Кунерсдорфской битвы онъ занялся осадю крѣпостей, подъ вліяніемъ укоренившагося у него убѣжденія, что Фридриха нельзя побѣдить прежде чѣмъ будутъ покорены главнѣйшія прусскія крѣпости. Но поставивъ себѣ эту задачу, австрійскіе военачальники упустили изъ виду одно важное обстоятельство, а именно что за долго до того, какъ удастся имъ исполнить ее, совершенно ослабѣетъ нравственная энергія и самой Австріи, и нѣкоторыхъ изъ ея союзниковъ. Впрочемъ, Лаудонъ повидимому сознавалъ это, когда высказывалъ мнѣніе, что въ интересѣ прусскаго короля — затягивать войну до послѣдней возможности. Если Пруссія не подверглась разгрому послѣ Гохенрихена, Кунерсдорфа и Максена, то Фридрихъ имѣлъ основаніе разчитывать, что союзники не успѣютъ преодолѣть ее тѣми силами, которыми они располагали въ послѣдній періодъ войны.

Арнетъ доказываетъ совершенную несостоятельность того мнѣнія, будто бы гофкригсратъ своими предписаніями и распоряженіями постоянно стѣснялъ австрійскихъ полководцевъ. Изъ обнародованныхъ имъ документовъ видно, что императрица Марія-Терезія предоставляла Дауну полную свободу, заранѣе снимая съ него отвѣтственность за неудачу.

K. Biederman. Deutschland im XVIII Jahrhundert. 2 Bd: Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände von 1740 bis zum Ende des Jahrhunderts. (К. Бидерманъ. Германія въ XVIII вѣкѣ Т. II. Духовное, нравственное и общественное состояніе Германіи отъ 1740 г. до конца столѣтія).

Послѣ долгаго перерыва, Бидерманъ издалъ новый отдѣлъ своего подробнаго и добросовѣстнаго труда. Онъ постановилъ себѣ задачей изобразить въ немъ возрожденіе германской литературы подѣ влияніемъ событій царствованія Фридриха Великаго, — такимъ образомъ, вышедшій нынѣ томъ относится собственно къ области исторіи литературы, если бы авторъ не останавливался подробно на той почвѣ, которая породила эту литературу, на политическихъ и общественныхъ условіяхъ, содѣйствовавшихъ начавшемуся ея процвѣтанію. Бидерманъ широкими чертами изображаетъ дѣятельность Лессинга и такъ называемый „Sturm und Drang-Periode“ во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Этотъ томъ, или, вѣрнѣе сказать, вторая часть II-го тома служить достойнымъ продолженіемъ того, что уже извѣстно публикѣ.

H. Taine. Les origines de la France contemporaine. T. I. L'ancien régime. (Тень. Происхожденіе современной Франціи. Томъ I. Старый порядокъ вещей).

Въ этомъ сочиненіи извѣстный французскій писатель постановилъ себѣ задачей разъяснить, подѣ влияніемъ какихъ перемѣнъ въ политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ нравахъ и идеяхъ, создалась Франція, какою мы видимъ ее въ настоящее время. Исходною точкою для своихъ изслѣдованій взялъ онъ конецъ XVIII вѣка. „Въ организаціи, которая утвердилась въ нашей странѣ въ этомъ вѣкѣ, говоритъ онъ, были уже намѣчены всѣ главнѣйшія черты ея современной исторіи: политическія революціи, социальныя утопіи, разладъ общественныхъ ея классовъ, роль церкви, образъ дѣйствій дворянства, буржуазіи и народа, развитіе философіи, литературы и искусства. Вотъ почему, какъ скоро хотимъ мы дать себѣ отчетъ въ теперешнемъ состояніи Франціи, взоры наши постоянно обращаются къ старому порядку вещей, который создалъ революцію, а революція—существующій нынѣ бытъ“. Ту же самую цѣль преслѣдовалъ и Токвилль въ превосходномъ сочиненіи своемъ „L'ancien régime et la révolution“; Тень идетъ очевидно по стопамъ Токвилля. Относительно оригинальности взглядовъ и глубины изслѣдованій онъ много уступаетъ своему предшественнику. Токвилль сосредоточилъ свой анализъ преимущественно

на общественномъ устройствѣ, учрежденіяхъ, законахъ, а Тенъ — по крайней мѣрѣ, въ появившемся нынѣ первомъ томѣ своего труда — задался мыслью изобразить само общество съ его идеями, страстями, потребностями, какъ проявлялись онѣ наканунѣ революціи. Онъ написалъ весьма блестящую книгу, которая послѣ Токвилля говоритъ мало новаго, но должна служить превосходнымъ дополненіемъ къ тому, что было сдѣлано Токвиллемъ.

Оба эти писателя были поражены отвлеченнымъ характеромъ революціонныхъ ученій и тою силою, съ которою эти доктрины, не смотря на свою отвлеченность, распространялись въ обществѣ. Тенъ утверждаетъ, что явленіе это было подготовлено псевдо-классическимъ направленіемъ французской литературы. „Классическое искусство, говоритъ онъ, создаетъ не живыхъ, а отвлеченныхъ лица: короля, королеву, принца, принцессу, наперсника, жреца, полководца... Что касается до обстоятельствъ времени и мѣста, которыя придаютъ особенно осязательный и своеобразный обликъ тому или другому характеру, классическое искусство оставляетъ ихъ почти совершенно въ сторонѣ; оно не хочетъ и знать о нихъ. Каждое драматическое произведеніе написано такъ, что дѣйствіе происходитъ во всякомъ вѣкѣ и во всякой странѣ, то-есть, въ сущности, оно не относится ни къ какому вѣку и ни къ какому опредѣленному мѣсту...“ Мысль эта была высказана авторомъ еще прежде, въ другомъ его сочиненіи, а именно въ „Исторіи англійской литературы“. Мы читаемъ тамъ слѣдующія строки: „XVIII-й вѣкъ служить продолженіемъ XVII-го. Прежде изображали умѣнне жить, лести, мизантропію, скупость, а теперь — свободу, тираннію, религиозное чувство; и тогда, какъ теперь, на первомъ планѣ были отвлеченные характеры. Писатели съ монархическими и религиозными убѣжденіями отличались такимъ же складомъ ума какъ писатели, проникнутые скептицизмомъ и революціоннымъ направленіемъ: Буало прямо ведетъ къ Руссо, а Расинъ къ Робеспьеру. То же ораторское направленіе создало какъ образцовый театръ и образцовую проповѣдь XVII вѣка, такъ и *Contrat social* и провозглашеніе правъ человѣка. Вотъ потокъ, которому слѣдовалъ французскій умъ въ теченіе двухъ столѣтій, увлекаемый тонкостями изысканной вѣжливости, увлекавшійся радужными теоріями до тѣхъ поръ, пока не рушилась подъ нимъ почва и не охватилъ его революціонный разгромъ въ ту самую минуту, когда онъ надѣялся достигнуть воздушнаго замка, видѣвшагося ему издали въ обольстительномъ сіяніи“...

Взглядъ Тена весьма остроуменъ и много въ немъ вѣрнаго, хотя

онъ и не объясняетъ всего того, что хочетъ объяснить авторъ. На ряду съ направлениемъ, такъ мѣтко очерченнымъ имъ, существовало другое, которое онъ совершенно оставилъ въ сторонѣ: было во Франціи стремленіе къ реформамъ практическимъ, а не основаннымъ только на отвлеченныхъ теоріяхъ, были люди, обладавшіе обширными свѣдѣніями, энергіею, трезвымъ взглядомъ на вещи: отчего же Франція не выступила на путь, который они указывали ей и неужели осуждена была она именно на ту роль, какую разыграла въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка? Къ тому же утверждать безусловно то, что утверждаетъ Тенъ, не значить ли преувеличивать вліяніе литературы? То была литература преимущественно высшихъ классовъ, не проникавшая въ массу народа, — отчего же народъ сдѣлался столь послушнымъ орудіемъ отвлеченныхъ теорій, развившихся въ средѣ сословій, съ которыми — какъ поясняетъ и самъ Тенъ — существовалъ у него глубокой разладъ?

Въ книгѣ, о которой говоримъ мы, можно было бы указать на цѣлыя главы, написанныя рукою мастера: особеннаго вниманія заслуживаютъ между ними тѣ, въ которыхъ говорится о нравахъ высшаго французскаго общества, объ экономическомъ бытѣ народа и наконецъ о философскихъ ученіяхъ того времени.

Mendelsohn-Bartholdy. Geschichte Griechenlands von der Eroberung Constantinpels durch die Türken bis auf unsere Zeit. II Th. (Мендельсонъ-Бартольдъ. Исторія Греціи отъ завоеванія Константинополя Турками до нашего времени).

Намъ приходилось уже говорить о первой части этого сочиненія, а въ прошломъ году появилась и вторая его часть, отличающаяся не менѣ важными достоинствами. Авторъ излагаетъ въ ней управленіе графа Каподистріи, переговоры о кандидатурѣ на греческій престолъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, умерщвленіе Каподистріи и анархію, вызванную этимъ событіемъ, наконецъ регентство во время несовершеннолѣтія короля Оттона. Видно, что онъ тщательно изучалъ событія, пользовался многими свѣдѣніями, неизвѣстными до сихъ поръ, къ тому же онъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ — всего этого слишкомъ достаточно, чтобы означенная книга представляла большой интересъ для каждаго образованнаго человѣка. Не нужно только искать въ ней сколько-нибудь безпристрастныхъ сужденій о Россіи. Напротивъ, систематическая вражда къ Россіи сообщаетъ всему изложенію г. Мендельсона-Бартольди со-

вершенно фальшивый оттѣнокъ. Нечего удивляться этому, если примемъ во вниманіе, во первыхъ, что работалъ онъ главнымъ образомъ по документамъ вѣнскихъ архивовъ, а во вторыхъ, что доселѣ не появилось еще на русскомъ языкѣ ровно ничего, что могло бы познать и насъ самихъ, и иностранцевъ съ образомъ дѣйствій русской политики въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ текущаго столѣтія и служило бы опроверженіемъ ложныхъ и недоброжелательныхъ о ней приговоровъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что за послѣднее десятилѣтіе появился въ иностранной—преимущественно нѣмецкой и англійской — литературѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ, съ ихъ точки зрѣнія, произведеній, посвященныхъ Греціи.

R. Paull. Geschichte Englands seit den Friedensschlüssen von 1814 und 1815. Dritter Theil. (Р. Паули. Исторія Англіи со времени мирныхъ трактатовъ 1814 и 1815 годовъ. Ч. III).

Въ этомъ III-мъ томѣ авторъ излагаетъ событія современной англійской исторіи отъ 1841 до 1852 года. Въ самое послѣднее время появилось не мало монографій и мемуаровъ, которые служили важнымъ для него пособіемъ,—между прочимъ *Жизнь принца Альберта Маргиса*, *Жизнь лорда Паммерстона* лорда Вольвера, *Воспоминанія и размышленія* графа Россела, *Записки* графа Гренвилля, *Воспоминанія* барона Штокмара и т. д. Начитанность Паули громадна, онъ воспользовался для своего труда всею относящеюся къ нему печатною литературою, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи также неизданные документы, на примѣръ, бумаги Бунзена, которыя не вошли въ біографію этого ученаго и дипломата, написанную Ниппольдомъ, письма Ричарда Кобдена, а также бумаги, хранящіяся въ Геттингенскомъ архивѣ. Можно сказать, что и на англійскомъ языкѣ, не смотря на обиліе матеріаловъ, нѣтъ ни одной монографіи по современной исторіи Великобританіи, которая могла бы быть поставлена на ряду съ сочиненіемъ Паули, особенно съ тѣми ея томами, которые касаются событій сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ: не такъ давно появилась тамъ „History of England (1830—1874)“ Молесворта, но она далеко не такъ обстоятельна.

Единство изложенія въ книгѣ, о которой мы теперь говоримъ, соблюдено тѣмъ, что на первомъ планѣ поставленъ вопросъ о свободной торговлѣ: около этого главнаго вопроса группируются всѣ другіе — агитація чартистовъ и Repeal, дѣйствія англійскаго правительства въ Азіи и Америкѣ, распря его съ Франціею по поводу испан-

ских бракосочетаний, отношения его къ революціоннымъ смутамъ на континентѣ и т. д. Характеристики нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ весьма рельефны, — особенно же удалась автору характеристика сэра Роберта Пила.

Ernst Curtius. Alterthum und Gegenwart. (Эристъ Курціусъ. Древность и современность).

Собраніе статей и рѣчей знаменитаго историка, появившихся начиная съ 1853 года въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Статьи, въ которыхъ авторъ говоритъ, объ искусствѣ, литературѣ, общественной жизни древней Греціи, будутъ, конечно, прочтены съ истиннымъ наслажденіемъ: глубина содержанія соединяется въ нихъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія. Къ этимъ блестящимъ очеркамъ Курціусъ присоединилъ нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ по поводу военныхъ событій 1870—1871 годовъ, и хотя онъ говоритъ въ предисловіи, что вслѣдствіе этого единство книги нисколько не нарушено, позволительно держаться на этотъ счетъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ книга Курціуса принадлежитъ къ числу такихъ, которыя доступны не для специалистовъ только, но будутъ оцѣнены всякимъ истинно образованнымъ человекомъ.

Н. И.

ЮГАННЪ-ФРИДРИХЪ ГЕРБАРТЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ ¹⁾.

Политическія событія, которыми біографъ Гербарта объяснял не успѣхъ въ публикѣ его „Общей педагогикѣ“ оказали до извѣстной степени свое вліяніе и на университетское преподаваніе вообще. Не смотря на всю свою сдержанность и чисто консервативный характеръ своей философіи, Гербартъ не могъ вести своего дѣла такъ широко, какъ этого требовало достоинство науки, представителемъ которой онъ былъ въ Геттингенѣ, тѣмъ болѣе что политическія обстоятельства и неизвѣстность будущаго заставили многихъ бросить философію и обратиться къ такъ называемымъ хлѣбнымъ наукамъ.

При такомъ положеніи дѣлъ оказалось, какъ нельзя болѣе, кстати полученное Гербартомъ изъ Кенигсберга приглашеніе занять кафедру Канта, почетнѣйшую изъ всѣхъ философскихъ кафедръ Германіи, о которой Гербартъ мечталъ еще юношею, когда изучалъ творенія великаго философа. Онъ тѣмъ охотнѣе согласился принять это предложеніе, что на новомъ мѣстѣ своей профессорской дѣятельности ему открывалась надежда осуществить давно уже занимавшую его мысль — основать экспериментальную или опытную школу и самому руководить ею ²⁾. По установившемся въ Кенигсберскомъ университетѣ обычаю на профессорѣ философіи лежала обязанность преподавать и педагогикѣ, чему Гербартъ былъ несказанно радъ ³⁾ и горячо принялся за дѣло. По его мнѣнію, недостаточно было читать только лекціи по педагогикѣ, но надо было еще показать, какъ слѣдуетъ

¹⁾ *Окончаніе*. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ Кроме того Гербартъ могъ разчитывать быть полезнымъ прусскому правительству въ дѣлѣ улучшенія воспитанія вообще, по принципамъ Песталоцци. См. *Pädag. Schrift h. v. O. W. B. II*, S. 3.

³⁾ *Ibid.*

воспитывать и дать потомъ слушателямъ случай самимъ практиковаться въ воспитаніи. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе со стороны Вильгельма Гумбольдта, завѣдывавшаго въ то время министерствомъ просвѣщенія въ Пруссіи ¹⁾, а потому Гербартъ не замедлилъ представить ему проектъ устройства педагогической семинаріи, съ которымъ мы теперь и познакомимся.

„Педагогическая семинарія, которая вполне заслуживала бы этого названія, должна быть такимъ учрежденіемъ, которое съ одной стороны наглядно показывало бы воспитаніе въ важнѣйшихъ изъ его разнообразныхъ формъ, съ другой давало бы учащимся случай и средства для собственныхъ упражненій въ воспитаніи, чтобы такимъ образомъ у способныхъ молодыхъ людей могло пробудиться сознаніе ихъ педагогическихъ силъ.

„Согласно этому, въ педагогической семинаріи, во первыхъ, должно находиться достаточное число опытныхъ воспитателей, которые занимались бы руководствомъ мальчиковъ и юношей различныхъ возрастовъ, способностей и темпераментовъ, мальчиковъ — отчасти безукоризненной нравственности, отчасти со всевозможными недостатками и пороками, — отчасти такихъ, съ которыми, съ раннихъ поръ, правильно обращались, и отчасти такихъ, которые преданы были на исправленіе только послѣ совершеннаго пренебреженія ихъ воспитаніемъ въ раннемъ возрастѣ. Руководство и воспитаніе такихъ разнообразныхъ субъектовъ должно нагляднымъ образомъ показать, какъ слѣдуетъ видоизмѣнять общую педагогическую теорію примѣнительно къ тому или другому частному случаю. Вотъ такихъ, такіа лица, которыя только слушали лекціи по педагогикѣ, а сами еще не упражнялись въ воспитаніи, должны были бы здѣсь присматриваться къ опытнымъ воспитателямъ, испрашивая ихъ совѣта и наставленія; кромѣ того, они могли бы здѣсь попробовать свои силы въ преподаваніи одного какого-нибудь предмета и показать связь своего обученія съ воспитаніемъ въ полномъ его объемѣ....

„Но самый важный результатъ учрежденія такого заведенія слѣдуетъ видѣть въ суммѣ наблюденій, которыя здѣсь могутъ быть не только собраны правильнѣе и регулярнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, но могутъ

¹⁾ Въ то время впрочемъ не было въ Пруссіи министерства просвѣщенія, а только при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было отдѣленіе, завѣдывавшее публичнымъ образованіемъ (Section für den öffentlichen Unterricht); начальникомъ этого отдѣленія и былъ Гумбольдтъ.

быть также разумнѣе поняты и удовлетворительнѣе объяснены, чѣмъ гдѣ либо. Поэтому, одною изъ главныхъ обязанностей воспитателей должно быть изготовленіе, отъ времени до времени, педагогическихъ статей, въ которыхъ теорію провѣряли бы они опытомъ¹⁾.

„Еслибы въ настоящее время уже существовало и было распространено правильное воспитаніе, то педагогическая семинарія могла бы образоваться сама собою, вслѣдствіе одного только соединенія наличныхъ воспитателей, учителей и т. д. Она образовалась бы постепенно, еслибы преподаванію педагогики посчастливилось поставить на надлежащую дорогу многихъ молодыхъ людей и еслибы достаточному числу ихъ пришлось трудиться на поприщѣ воспитанія въ одномъ и томъ же городѣ. Последнее впрочемъ, если и возможно, то во всякомъ случаѣ должно совершиться весьма медленно....

„Предположивъ, что, въ видахъ скорѣйшаго устройства семинаріи, захотѣли бы пригласить въ нее, въ качествѣ воспитателя, какого-нибудь способнаго молодаго человѣка, получившаго образованіе при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прежде всего слѣдуетъ позаботиться дать ему случай къ возможно правильному воспитанію, — такъ какъ аномаліи тогда только могутъ быть понятны, когда существуетъ общее правило, съ которымъ ихъ можно сравнивать. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ подыскать подходящее семейство, въ которое онъ могъ бы поступить воспитателемъ: ибо если лишить его на первыхъ порахъ выгодъ и преимуществъ домашняго воспитанія, то онъ легко можетъ найти себя слишкомъ бѣднымъ вспомогательными средствами для того, чтобы съ нѣкоторою увѣренностью обѣщать услугъ своему дѣлу. Искусство ничего не можетъ дать взамѣнъ, если у ребенка, чрезъ разлуку съ своими, отнять случай развить въ себѣ такія высокія чувства, какъ любовь къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ. Искусство разчитываетъ далѣе на то зрѣлище, какое доставляютъ ребенку нѣжное, кроткое обращеніе образованной женщины и полная достоинства дѣятельность разумаго мужчины; оно разчитываетъ и на участіе подросткаго мальчика въ занятіяхъ и заботахъ его семьи. При томъ сразу дать воспитателю въ руки толпу мальчиговъ, положимъ въ какомъ-нибудь институтѣ, значило бы дать ему корпорацію вмѣсто индивидуума и лишить его такимъ образомъ самыхъ лучшихъ наблюденій и самой искренней сердеч-

¹⁾ Буквально: «in welchen sie der Theorie von Seiten der Erfahrung entgegenkämen».

ной привязанности, а въ такомъ случаѣ и его собственныя педагогическія чувства остались бы не развитыми, дисциплина превратилась бы въ управленіе, а воспитывающее обученіе въ простую учебу. Вотъ почему воспитатель долженъ начинать свою дѣятельность въ семьѣ, гдѣ было бы у него два мальчика: одинъ примѣрно восьми лѣтъ, а другой десяти, причемъ хорошо было бы, еслибы младшій оказался по преимуществу живымъ, бойкимъ ребенкомъ, а старшій отличался бы по преимуществу кроткимъ и непорочнымъ сердцемъ. Мальчики должны быть здоровы тѣломъ и духомъ, и на столько уже должны быть приучены родителями къ благонравію и порядку, чтобы не надобно было воспитателю какими-либо неприличными выходками ¹⁾).

Изложивъ далѣе взаимныя обязанности и отношенія родителей и воспитателя, Гербартъ такъ опредѣляетъ отношенія послѣдняго къ официальному учителю педагогики: „Съ официальнымъ учителемъ педагогики воспитатель ведетъ постоянныя бесѣды (Rücksprache). Допустимъ, что первоначальное согласіе ихъ въ принципахъ впоследствии исчезло бы; воспитатель въ такомъ случаѣ не связанъ совѣтомъ учителя педагогики, какъ какимъ-нибудь предписаніемъ; онъ обязанъ только выслушать совѣтъ и объяснить, почему онъ не слѣдуетъ ему. Вообще же несогласія и пререканія между ними не желательны... Одна изъ существенныхъ обязанностей воспитателя — это ежегодно изготавлять сочиненіе, въ которомъ бы онъ, на основаніи собственныхъ наблюденій и опыта, старался выяснить ту или другую часть теоріи. Это сочиненіе онъ подаетъ профессору педагогики, который отсылаетъ его, если окажется нужнымъ съ собственными замѣчаніями къ лицу, завѣдующему педагогическимъ факультетомъ.

„Содержаніе воспитатель получаетъ по возможности сполна отъ государства, такъ какъ въ противномъ случаѣ зависимость его отъ семьи (въ которой онъ состоитъ воспитателемъ) можетъ быть для него вредна.

„На первый разъ необходимо назначить двухъ воспитателей, такъ какъ кругъ дѣятельности только одного былъ бы уже слишкомъ тѣсенъ... Предположивъ, что одинъ или два воспитателя ведутъ свое дѣло указаннымъ (имъ) способомъ вполнѣ удачно, ихъ слѣдуетъ поощрять. Естественное поощреніе безъ сомнѣнія будетъ состоять

¹⁾ Нельзя не видѣть въ этомъ требованіи Гербарта умозаключенія отъ обстоятельствъ своей собственной педагогической дѣятельности, а потому едва ли можно смотрѣть на такое требованіе, какъ на неизбѣжную норму.

въ присылкѣ на ихъ уроки все бѣльшаго и бѣльшаго числа *начинающихъ*, и наконецъ, въ приѣмъ ихъ въ число воспитателей, получающихъ жалованье отъ правительства. Еслибы сразу все дѣло пошло надлежащимъ образомъ, то государству осталось бы только дать нѣкоторымъ изъ домашнихъ учителей прибавку въ жалованью, получаемому ими отъ семействъ съ тѣмъ, чтобы изучающіе педагогическое дѣло могли свободно посѣщать ихъ уроки.

„Въ заключеніе всего — ознакомленіе съ принятыми въ мѣстныхъ школахъ методами обученія, которые едва ли должны быть предписываемы государствомъ; каждому вновь назначаемому учителю должно быть предоставлено право приносить свой собственный методъ; то же могутъ дѣлать и старые учителя, если найдутъ это нужнымъ. Только уже послѣ того, какъ большинство извѣстнѣйшихъ членовъ учительской корпораціи совершенно добровольно приняло бы одинъ какой либо учебно-воспитательный планъ, государство должно придать ему свою санкцію“.

Что касается денежныхъ расходовъ, то, по мнѣнію Гербарта, достаточно было бы на первый годъ 40⁰ талеровъ для двухъ воспитателей, — и затѣмъ на ежегодную прибавку имъ къ жалованью 60 талеровъ, такъ что во второй годъ расходы простирались бы до 460 талеровъ и т. д. Послѣ того, какъ этотъ планъ былъ представленъ Гербартомъ Вильгельму Гумбольдту и университетское начальство согласилось ассигновать ежегодно по 200 талеровъ для двухъ воспитателей, 29-го іюня 1809 г. состоялось постановленіе правительства объ открытіи проектированной Гербартомъ педагогической семинаріи, при чемъ „цѣлесообразное устройство и руководство заведенія предоставлено было благоразумію, опытности и знанію Гербарта“, къ которымъ питали полнѣйшее довѣріе, такъ что онъ уполномоченъ былъ избрать себѣ помощниковъ. Съ цѣлію вызвать сочувствіе къ своимъ педагогическимъ стремленіямъ, Гербартъ прочелъ лекцію „о воспитаніи при содѣйствіи общества“¹⁾; однако дѣло

1) «Ueber Erziehung unter öffentlicher Mitwirkung». Лекція эта прочитана была Гербартомъ 5 сентября 1810 г. въ Королевскомъ нѣмецкомъ обществѣ въ Кенигсбергѣ и по собственной надписи Гербарта на рукописи имѣла цѣлію только возбудить разговоръ о предметѣ, а не исчерпать его. Тѣмъ не менѣе со времени напечатанія ея Гартенштейномъ въ 1842 г., и особенно послѣ перепечатки въ Pädagogisch. Revue 1848 г., она не разъ служила точкою опоры для противниковъ государственнаго воспитанія, къ числу которыхъ однако самъ Гербартъ не принадлежалъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно домашнее воспита-

пошло въ ходъ только въ лѣтній семестръ 1810 г. ¹⁾ и къ сожалѣнію кажется далеко не такъ, какъ проектировалъ Гербартъ. Предполагавшаяся по проекту связь семинаріи съ семействомъ на самомъ дѣлѣ не осуществилась, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ это первоначально предполагалось; къ чести Гербарта слѣдуетъ однако замѣтить, что онъ не покидалъ надежды поставить свое заведеніе въ связь съ семейною жизнію; такъ съ этою цѣлю въ 1817 году онъ хлопоталъ въ министерствѣ объ основаніи при семинаріи пансіона, которымъ думалъ завѣдывать вмѣстѣ съ своею женой ²⁾; хлопоты его, хотя не вдругъ, увѣнчались однако успѣхомъ,—благодаря чему и существованіе самой семинаріи было болѣе прочно обезпечено. Гербартъ принялъ на себя преподаваніе математики, а по остальнымъ предметамъ только руководилъ преподавателей, съ каковою цѣлю, а также и для обсужденія вопросовъ чисто воспитательнаго характера, еженедѣльно происходили конференціи.

Въ 1823 г., по свидѣтельству Шрадера ³⁾, педагогическая семинарія Гербарта имѣла видъ простой школы, въ которой было только два постоянныхъ учителя и не болѣе 13 учениковъ, хотя по штату ихъ полагалось 20. Съ мальчиками 8—10 лѣтъ читали Одиссею, Геродота и Ксенофонта. Учитель сначала руководилъ учениковъ въ приготовленіи къ переводу, затѣмъ переводилъ съ ними одного изъ названныхъ выше писателей, а грамматическія свѣдѣнія ученики должны были сами (подъ руководствомъ конечно, учителя) постепенно заимствовать изъ переводимыхъ ими авторовъ. За Ксенофонтомъ слѣдовала Энеида Вергилія, краткою подготовкой къ которой служилъ Евтропій, — а потомъ шли лекціи изъ древней исторіи по образцу какого-либо древняго историка въ родѣ Ливія, и наглядныя упражненія въ геометріи. Затѣмъ шелъ латинскій синтаксисъ, — обыкновенно на 13-мъ году, какъ скоро воспитанники начинали уже

не предпочитать публичному. См. Н. Päd. Schrift. h. v. Willmann. В. II, S. 33—36. Leipzig 1875 г.

¹⁾ Причиною этого кажется главнымъ образомъ было то обстоятельство, что Гербартъ долго не могъ найти себѣ подходящаго помощника. См. Herbart's Biographie 619. Pädag. Schrift. В. II.

²⁾ Гербартъ женился въ 1811 г. на дочери раззорившагося англійскаго купца Маріи Драке; бракъ этотъ былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что жена принимала самое живое и горячее участіе въ педагогическихъ стремленіяхъ своего супруга.

³⁾ См. Schmid. Encyclopädie III, S. 438 и f.

безъ труда переводить Цезаря. Синтаксисъ учили твердо наизусть и съ примѣрами, на что употреблялось $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ года, но при этомъ вовсе не было письменныхъ упражненій, такъ какъ считалось не педагогичнымъ ставить ученика въ положеніе по необходимости писать плохо и съ ошибками. Письменные упражненія, къ которымъ ученики готовились заучиваніемъ цѣлыхъ главъ изъ Цицерона и Цезаря, начинались только по окончаніи синтаксиса греческаго и латинскаго языковъ. Преподаваніе математики (mathematische Unterricht), примыкая къ упомянутымъ выше нагляднымъ упражненіямъ, шло относительно быстро чрезъ геометрію, тригонометрію и алгебру до логарифмовъ. Затѣмъ уже больше времени посвящалось теоріи коническихъ сѣченій и элементамъ астрономіи, съ присовокупленіемъ въ заключеніе всего нѣкоторыхъ проблемъ изъ статики и высшей механики.

Такова была учебная программа, принятая въ педагогіумѣ. Что касается результатовъ, какіе достигались ею, то, если вѣрить Шрадеру, ихъ нельзя назвать не только блестящими, но и вообще удовлетворительными; въ одной только математикѣ, которую преподавалъ самъ Гербартъ, воспитанники, по словамъ г. Шрадера, оказывали замѣчательные успѣхи, въ другихъ же предметахъ, а особенно въ грамматикѣ и письменномъ употребленіи древнихъ языковъ они оказывались слабѣе гимназистовъ.

Хотя по недостатку другихъ извѣстій ¹⁾ и нельзя съ точностію опредѣлить, на сколько справедливо сообщеніе Шрадера, однако несомнѣнно, что идея педагогической семинаріи Гербарта, какъ образцоваго учебно-воспитательнаго заведенія, тѣсно связаннаго съ семьей, и какъ рассадника опытныхъ, знающихъ свое дѣло учителей, то-есть, умѣющихъ учить воспитывающимъ образомъ, далеко не осуществилась такъ, какъ предполагалъ ея авторъ; мало того, самая семинарія существовала только до тѣхъ поръ, пока завѣдывалъ ею самъ Гербартъ; съ удаленіемъ же его изъ Кёнигсберга заведеніе пало и такимъ образомъ противники Гербарта могли повидимому съ полнымъ основаніемъ утверждать, что надежда его содѣйствовать чрезъ семинарію улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла была не болѣе

1) Нѣкоторое понятіе впрочемъ о характерѣ и результатахъ учебно-воспитательной дѣятельности въ семинаріи Гербарта можетъ дать отчетъ одного изъ штудировавшихъ въ ней о томъ, что и какъ было сдѣлано имъ вмѣстѣ съ товарищами въ теченіе полугода. См. приложеніе въ концѣ статьи.

какъ прекрасная мечта, которая и разлетѣлась въ прахъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностію. Не смотря на это, идея Гербарта пережила не только его педагогіумъ, но и его самого, и чѣмъ дальше, тѣмъ все глубже и глубже пускала корни въ сознаниі общества. Такъ еще не задолго до закрытія педагогической семинаріи въ Кенигсбергѣ подобное заведеніе было основано въ Іенѣ однимъ изъ учениковъ Гербарта, который долгое время былъ учителемъ въ его семинарской школѣ и своею статьею ¹⁾ „о необходимости педагогической семинаріи при университетѣ“ обратилъ всеобщее вниманіе на этотъ предметъ. Вслѣдъ за симъ профессоръ Стой основалъ въ Іенѣ въ 1843 г. педагогическое общество, изъ котораго впоследствии образовалась семинаріа вмѣстѣ съ семинарскою школою, которая обѣ, дѣйствуя въ духѣ Гербарта, почти въ теченіе цѣлой четверти столѣтія служили дѣлу образованія учителей ²⁾, а въ 1862 г. профессоръ Циллеръ основалъ въ Лейпцигѣ педагогическую семинарію съ опытною при ней школою, которая дѣйствуютъ въ томъ же самомъ духѣ ³⁾.

Изъ этого само собою открывается, что идея Гербарта обладаетъ несомнѣнною жизненностію и рано или поздно должны возникнуть такіа учебныя заведенія, которыя для будущихъ педагоговъ служили бы тѣмъ же, чѣмъ въ настоящее время для медиковъ служить академія съ ея клинкою и анатомическимъ театромъ.

Работая такимъ образомъ въ педагогической семинаріи и университетѣ, состоя въ то же время членомъ ученаго комитета и экзаменаціонной комисіи въ Кенигсбергѣ ⁴⁾, Гербартъ находилъ еще время и для своихъ научныхъ изслѣдованій, предметомъ которыхъ въ этотъ періодъ его дѣятельности были главнымъ образомъ психологія и ея приложеніе къ педагогикѣ.

Вопросъ о психологическихъ условіяхъ воспитанія занималъ Гербарта давно, еще въ то время, когда онъ задумалъ свою „Общую

¹⁾ *Brzoko*, Die Nothwendigkeit pädag. Seminar auf der Universität, 1836 г.

²⁾ *Bartholomaci*, Pädag. Seminar zu Jena, 1858; *Stoy*, Organisation des Lehrer-Seminar, 1869.

³⁾ См. *Jahrbuch des Vereins für wissenschaftl. Pädagog.* 1871 и 1872.

⁴⁾ Отъ званія члена ученаго комитета (*wissenschaftliche Deputation für das Unterrichtswesen*) и предсѣдательства въ экзаменаціонной комисіи Гербартъ, впрочемъ, скоро отказался, такъ какъ эти почетныя званія поглощали только время безъ существенной пользы для педагогическаго дѣла, которому Гербартъ посвятилъ всю свою жизнь.

Педагогика“, и какъ на первую попытку разрѣшить его слѣдуетъ смотрѣть на двѣ статьи, напечатанныя имъ въ *Königsberger Archiv für Philosophie**, 1812 г., а именно: 1) *Über die Stärke einer gegebenen Vorstellung, als Function ihrer Dauer betrachtet*¹⁾ и 2) *Über die dunkle Seite der Pädagogik*²⁾. Спустя 12 лѣтъ появился главный трудъ Гербарта по психологii: *Psychologie als Wissenschaft, neu begründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik*³⁾, а въ 1831 г. вышли въ свѣтъ и „Письма о приложенiи психологii къ педагогикѣ“.

Излагать подробно содержанiе каждаго изъ названныхъ сочиненiй, какъ ни интересны они въ научно-педагогическомъ отношенiи, мы не беремся уже по тому, что для этого потребовалось бы написать не журнальную статью, а цѣлую книгу, на что у насъ не хватило бы ни времени, ни силъ; наша задача гораздо скромнѣе, — возбудить въ педагогической публикѣ интересъ къ сочиненiямъ Гербарта, а для этой цѣли достаточно выяснить то значенiе, какое психологическiя изслѣдованiя Гербарта имѣютъ для педагогики. Въ этихъ видахъ мы остановимъ вниманiе читателя на небольшой статьѣ Гербарта, а именно: „*Über die dunkle Seite der Pädagogik*“. Извѣстно, что успѣхъ обученiя, а слѣдовательно (по Гербарту) и воспитанiя, существенно зависитъ отъ той степени вниманiя, съ какою ученникъ относится къ словамъ учителя; между тѣмъ, никто не станетъ отрицать, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ поддерживать вниманiе ученика въ непрерывно-напряженномъ состоянiи; всѣ средства, измышляемыя для этого, какъ-то награды, возбужденiе самолюбiя, честолюбiя и проч., мало ведутъ къ цѣли. Какъ же быть въ такомъ случаѣ воспитателю? Прежде всего онъ долженъ основательно изучить теорiю вниманiя и ознакомиться съ законами, по которымъ одно представленiе вытѣсняетъ другое, а это, въ свою очередь, уступаетъ третьему.

¹⁾ О силѣ даннаго представленiя, рассматриваемаго какъ функцiя его продолжительности.

²⁾ О темной сторонѣ педагогики.

³⁾ Психологiя какъ наука, основанная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ.

Сочиненiе это окончено было Гербартомъ въ 1814 г., но по неблагопрiятнымъ обстоятельствамъ, какъ выражается его биографъ, печатанiе его отложено было на цѣлыя десять лѣтъ; въ этотъ промежутокъ времени, именно въ 1816 г., Гербартъ издалъ «Учебникъ психологii», гдѣ, въ первый разъ изложилъ свои психологическiя изслѣдованiя въ систематической формѣ. См. *Herb. Biographie, Pädag. Schrift. B. II, S. 625.*

„Воспитатель, говоритъ Гербартъ, который требуетъ вниманія безъ надлежащей подготовки почвы для него (ohne gehörige Vorbildung), играетъ на инструментѣ, у котораго нѣтъ струнъ“. Поэтому-то изысканіе способа такъ расположить весь учебный матеріалъ, отъ начала до конца, чтобы предшествующее подготовляло расположеніе воспитанника къ послѣдующему, а это, въ свою очередь, къ еще болѣе отдаленному, по собственному признанію Гербарта составляло задачу, которую онъ преслѣдовалъ въ очень многихъ изъ своихъ педагогическихкихъ сочиненій. На чемъ же основана возможность достиженія этой задачи? Предоставимъ отвѣчать на этотъ вопросъ самому Гербарту: „Идея математической психологіи, говоритъ онъ, допускаетъ не только то, что на воспитанника можно дѣйствовать, но и то, что опредѣленнымъ воздѣйствіямъ соотвѣтствуютъ опредѣленные результаты, которые можно заранѣе предвидѣть.... Но при этомъ необходимо отрѣшиться отъ того предвзятаго представленія, что будто такъ называемыя природныя расположенія (menschliche Anlagen) суть нѣчто органическое, цѣлое, развивающееся по своимъ внутреннимъ законамъ, что, слѣдовательно, можно только холить и питать, но ужь ни въ какомъ случаѣ нельзя дать ему другаго направленія, кромѣ того, какое свойственно ему отъ природы. Этому представленію благопріятствуетъ, повидимому, тотъ фактъ, что нѣкоторые воспитанники выходятъ совсѣмъ не такими, какими желали бы ихъ видѣть родители и воспитатели. Но подобные факты ничего другаго не доказываютъ, кромѣ того, что воспитатели, блуждая во тьмѣ психологической педагогики, вызвали отвращеніе тамъ, гдѣ имѣли въ виду образовать склонность и привычку....

„Вообще же въ человѣческой душѣ нѣтъ изначала никакой опредѣленной органической конституціи, а потому воспитателю остается самая широкая свобода дѣйствія и въ большинствѣ случаевъ онъ самъ въ ранней юности создаетъ зародышъ, изъ котораго впоследствии выходитъ то, что кажется намъ тѣмъ-то органическимъ. Это убѣжденіе лежитъ въ основѣ идеи математической психологіи, а слѣдовательно и тѣхъ надеждъ, которыя отсюда могутъ быть перенесены на педагогику“.

Такимъ образомъ, Гербартъ является самымъ рѣшительнымъ противникомъ того педагогическаго взгляда, по которому воспитанникъ сравнивается съ растеніемъ, а воспитатель съ садовникомъ, которому ничего болѣе не остается какъ только позаботиться о доставленіи воспитываемому имъ субъекту всего того, что можетъ содѣйствовать

развитію и укрѣпленію его физической и духовной организаціи, если можно такъ выразиться, и объ устраненіи всего того, что можетъ задержать, остановить это развитіе и вообще повредить ему въ какомъ бы то ни было отношеніи ¹⁾.

Еще опредѣленнѣе въ этомъ отношеніи выражается Гербертъ въ своей „Педагогикѣ, какъ наука“. Самое важное въ дѣлѣ воспитанія, говоритъ онъ, это—нравственное образованіе, но какъ можетъ взяться за него тотъ, кто воображаетъ, что въ душѣ сидитъ уже опредѣленная организація, которая должна развиваться такъ, какъ она развѣ создана, потому что желать сдѣлать изъ этой души что-нибудь другое было бы также глупо, какъ хотѣть, чтобы изъ луковицы тюльпана выросъ гіацинтъ? Какъ быть, еслибы оказалось, что нашъ воспитанникъ носитъ въ себѣ организацію мошенника (Spitzbuben)²⁾? Всѣ эти вопросы по Герберту не разрѣшены съ точки зрѣнія рутинной психологіи, а слѣдовательно не мыслимы для нея и научная педагогика. Но въ свою очередь и рутинная психологія, какъ ее называетъ Гербертъ, можетъ предложить ему много такихъ вопросовъ, которые врядъ ли могутъ быть удовлетворительно разрѣшены его психологіей. Если въ самомъ дѣлѣ человѣкъ ничего не приноситъ съ собою въ міръ, если въ немъ нѣтъ зародыша или зерна, способнаго къ извѣстному, опредѣленному развитію, то какъ объяснить то безконечное разнообразіе, которое въ многоразличныхъ отношеніяхъ существуетъ между людьми? Неужели *все* могутъ быть *всѣмъ*? И если одинъ бываетъ философомъ, другой поэтомъ, третій музыкантомъ, живописцемъ и т. д. до безконечности, то все это слѣдуетъ ли объяснять только совокупностью внѣшнихъ воздѣйствій, подѣ влияніемъ которыхъ росъ и развивался данный субъектъ? На всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія Герберта, очевидно, не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ утвердительнаго; и онъ дѣйствительно въ своихъ „Письмахъ о приложеніи психологіи къ педагогикѣ“ все существующее между людьми различіе относительно ихъ умственныхъ способностей старается объяснить отчасти различіемъ въ физической организаціи, отчасти влияніемъ окружающей обстановки, начиная съ самаго ранняго возраста. Такъ, не отрицая того общеизвѣстнаго факта, что нѣкоторые дѣти отъ природы обладаютъ превосходною памятью, а другія, на оборотъ, отличаются крайнею безпамятливостью

¹⁾ См. Aphorismen zur Pädagogik. Pädag. Schrift. B. II. S. 452.

²⁾ Pädag. Schriften, B. II. S. 343—344. Leipzig. 1875 г.

и т. д., Гербартъ объясняетъ его физиологическимъ различіемъ субъектовъ. Далѣе, говоря о темпераментахъ, Гербартъ хотя и не отрицаетъ до извѣстной степени ихъ прирожденности, полагаетъ однако, что темпераментъ можетъ быть не только видоизмѣненъ, но и приобрѣтенъ. „Можно, говоритъ онъ, ребенка, даже взрослога человѣка, сдѣлать холерикомъ, хотя бы онъ отъ природы былъ самое кроткое существо: стоять только дразнить его какъ можно чаще такъ, чтобы онъ вынужденъ былъ этому противодѣйствовать. Точно также посредствомъ тираніи можно довести человѣка до меланхоліи, хотя бы онъ отъ природы былъ сангвиникъ“¹⁾. Выяснивъ за симъ вліяніе соціальныхъ отношеній на развитіе человѣка²⁾, Гербартъ переходитъ наконецъ къ разсмотрѣнію тѣхъ фактовъ, которые, повидимому, неопровержимо доказываютъ существованіе прирожденного развитія между душевными силами различныхъ людей, и послѣ анализа (далеко, впрочемъ, не обстоятельнаго) этихъ фактовъ, приходитъ къ слѣдующему выводу: *„все замѣчаемое здѣсь различіе съ большою вѣроятностію можетъ быть объяснено первоначальными впечатлѣніями окружающей обстановки въ первые годы дѣтства“*³⁾. Съ этимъ выводомъ однако трудно согласиться: принявъ его, мы должны были бы допустить, что всѣ могутъ быть воспитываемы по одному, разъ опредѣленному, шаблону, и забота о приворовленіи воспитанія къ индивидуальнымъ особенностямъ воспитанника, о чемъ, какъ мы это уже видѣли⁴⁾, такъ усердно хлопоталъ самъ Гербартъ, оказалась бы совершенно излишнею. Но что не *все* могутъ *все*—это такой фактъ, противъ котораго трудно спорить, и самъ Гербартъ признаетъ его, когда говоритъ, что для нѣкоторыхъ субъектовъ учебное заведеніе совсѣмъ не подходящее мѣсто воспитанія, и вообще неуспѣхъ обученія объясняетъ недостаточнымъ вниманіемъ со стороны родителей и воспитателей къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣтей⁵⁾. Какъ же быть, однако, въ томъ вопросѣ о различіи между прирожденнымъ, чтó коренится въ организмѣ и eo ipso не подлежитъ измѣненію,—и приобрѣтенномъ, чтó слѣдовательно, можетъ быть измѣняемо; въ вопросѣ, имѣющемъ такое громадное

¹⁾ Ibid. S. 319—320.

²⁾ Ibid. S. 321—322.

³⁾ Ibid. S. 323—324.

⁴⁾ См. отчетъ Гербарта о воспитаніи сыновей Штейгера, также его Общую Педагогикъ.

⁵⁾ Ibid. S. 297. § 2: Vernachlässigte Rücksicht auf die individuelle Fähigkeit der Schüler.

значеніе въ дѣлѣ воспитанія? На чью сторону долженъ стать воспитатель? На сторону Гербарта или рутинной психологіи? Ни на ту, ни на другую: истина, какъ въ большинствѣ случаевъ лежитъ въ серединѣ между двумя крайностями. Ошибка Гербарта, по нашему крайнему разумѣнію, состоитъ не въ томъ, что онъ отвергаетъ существованіе въ душѣ разнообразныхъ готовыхъ способностей, а въ томъ, что онъ отвергаетъ прирожденность самой основы психической жизни, вслѣдствіе чего все различіе, какое существуетъ между людьми въ психическомъ отношеніи, должно быть объясняемо единственно и исключительно различіемъ окружающей и окружающей ихъ обстановки въ самомъ широкомъ значеніи слова. Такой взглядъ кажется намъ одностороннимъ: сотни, тысячи людей растутъ и развиваются при одинаковыхъ или почти одинаковыхъ условіяхъ, а между тѣмъ трудно найти двухъ людей совершенно схожихъ между собою въ психическомъ отношеніи. Слѣдовательно, необходимо допустить, что въ каждомъ человѣкѣ есть *нѣчто*, въ силу чего при извѣстныхъ условіяхъ онъ становится тѣмъ-то и совершаетъ то-то. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, все духовное развитіе человѣка есть продуктъ двухъ факторовъ: прирожденныхъ задатковъ (Anlage) и внѣшняго воздѣйствія на нихъ, отчасти не произвольнаго и не намѣреннаго (то-есть воздѣйствія природы и окружающей обстановки), отчасти же произвольнаго и намѣреннаго (воздѣйствія родителей и вообще воспитателей). Допустивъ, что природныя задатки у различныхъ людей также различны (различіе здѣсь, безъ сомнѣнія, допускается количественное, а не качественное) какъ и разнообразно можетъ быть внѣшнее воздѣйствіе на нихъ, мы безъ труда объяснимъ себѣ все то безконечное различіе, которое въ психическомъ отношеніи замѣчается между людьми — отъ генія до идіота, отъ человѣка, осуществляющаго собою идеаль добродѣтели, до отъявленнаго мошенника. Что касается того, которому изъ двухъ названныхъ выше факторовъ принадлежитъ преобладающее вліяніе въ дѣлѣ развитія и образованія психической жизни — этотъ вопросъ рѣшается различно; впрочемъ, такіе люди, какъ Кантъ, Лессингъ, Шиллеръ и Гете ¹⁾ думаютъ, что если изъ человѣка выходитъ что-нибудь замѣчательное, то онъ этимъ бываетъ больше обязанъ прирожденнымъ задаткамъ (Anlagen), и меньше воспитанію.

Остается теперь разсмотрѣть вопросъ о нравственномъ образова-

¹⁾ См. Diesterwegs Wegweis., 5 Aufl. 1874 г. В. I. S. 200.

ніи, которое, по мнѣнію Гербарта, не мыслимо, если допускать въ человѣкѣ прирожденную основу психической жизни. Но допуская эту послѣднюю, нѣтъ еще никакой необходимости допускать прирожденность человѣку добра или зла, которыя коренятся въ волѣ человѣка и суть свободныя самоопредѣленія ея къ тому или другому, а такъ какъ человѣкъ не является на свѣтъ съ готовою опредѣленною волею, которая хотеть этого и не хотеть того сама по себѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было стороннихъ на нее воздѣйствій, то слѣдовательно о врожденности одному задатковъ добра, а другому зла не можетъ быть и рѣчи. Но такъ какъ мы видимъ, что бываютъ и добрые и злые люди, то должны допустить, что каждый человѣкъ является на свѣтъ съ возможностью стать и нравственно добрымъ и нравственно злымъ; въ дѣйствительности же становится тѣмъ или другимъ отчасти въ силу тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершается его моральное развитіе, которое, замѣтимъ вкратцѣ, никогда не достигаетъ своей законченности ни въ одномъ человѣкѣ, такъ что всегда существуетъ возможность уклоненія съ одной стороны въ другую, то-есть, отъ нравственно-добраго къ нравственно-злому и на оборотъ. Такимъ образомъ, еслибы и замѣчено было у воспитанника рѣшительное преобладаніе злыхъ предрасположеній надъ добрыми или то, что Гербартъ называетъ *Spitzbuberei*, изъ этого не слѣдовало бы, что у такого субъекта никогда добро не возьметъ верхъ надъ зломъ, и что, слѣдовательно, нравственное его образование не мыслимо; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что при всѣхъ усиліяхъ воспитанія нельзя достигнуть того, чтобы воспитанникъ, разъ поставленный на нравственно-хорошую дорогу, постоянно и неуклонно шелъ по ней съ такою же необходимостью, съ какою камень, брошенный вверхъ, упадетъ на землю если только на пути своемъ не встрѣтитъ препятствія: человѣкъ не камень и не машина, а нравственно-свободное существо. Итакъ, въ концѣ концовъ необходимо допустить, что въ человѣческой природѣ лежитъ возможность или задатокъ (*Anlage*) и добра и зла: иначе необъяснимо было бы существованіе ихъ въ жизни. Что же касается того факта, что у однихъ дѣтей съ самаго ранняго возраста замѣчается болѣе сильное влеченіе къ злу, нежели къ добру, что дурной примѣръ на однихъ дѣйствуетъ заразительно, увлекая ихъ къ подражанію, на другихъ же или вовсе не производитъ впечатлѣнія, или дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ, то хотя и можно его до известной степени объяснять отчасти наследственностью, отчасти совокупностью тѣхъ усло-

вій, въ которыя бываетъ поставлено дитя, начиная съ перваго дня своей жизни, тѣмъ не менѣе въ существѣ своемъ фактъ этотъ и до сихъ поръ остается тайною, не поддающеюся пока строго-научному анализу, подобно тому, какъ не поддается анализу и причина замѣчаемаго, почти съ первыхъ проблесковъ сознанія, умственного превосходства одного дитяти предъ другимъ. Воспитателю остается только признать этотъ фактъ и тщательно сообразовать съ нимъ свою педагогическую дѣятельность.

Но если психологическая теорія Гербарта оказывается, такимъ образомъ, не вполне состоятельною, — въ чемъ же послѣ этого значеніе его психологическихъ изслѣдованій? Въ томъ, что онъ, сознавая, если можно такъ выразиться, духовность нашей души, старался выяснитъ зависимость психической жизни отъ вѣшняго воздѣйствія на душу окружающей человѣка обстановки или среды, вопреки идеализму, который отрицалъ эту зависимость, или, вѣрнѣе, не придавалъ ей должнаго значенія, — такъ что, благодаря только изслѣдованіямъ Гербарта, стало понятнымъ то громадное вліяніе, какое впечатлѣнія ранняго возраста ребенка оказываютъ на образованіе всего его духовнаго склада. Но при этомъ Гербарту, безъ сомнѣнія, неизвѣстны еще были установленные въ наше время законы біостатики, въ силу которыхъ органическое вещество не остается вѣчно неизмѣннымъ, а, напротивъ, обладаетъ способностью видоизмѣняться соотвѣтственно перемѣнѣ условій его жизни и дѣятельности — законы, находящіе самое широкое приложеніе и къ объясненію явленій психической жизни ¹⁾, а потому-то ему и казалось, что съ признаніемъ приро-

¹⁾ Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что Гербартъ близокъ былъ къ правильному взгляду на этотъ предметъ: такъ, говоря объ уподобленіи новыхъ представленій прежнимъ, старымъ, онъ признаетъ, что каждое уподобленіе измѣняетъ уподобляющее и даетъ чрезъ это новое направленіе будущимъ уподобленіямъ. «На этомъ, говоритъ онъ, основывается возможность воспитанія, о которомъ имѣютъ совершенно невѣрное понятіе, когда сравниваютъ его съ садоводствомъ; ибо послѣднее содѣйствуетъ только заранѣе предопредѣленному развитію растенія, между тѣмъ какъ первое вторгается въ самое нутро (Innere) зародыша, такъ какъ оно сообщаетъ человѣку такіа мысли, чувства и стремленія, которыхъ онъ безъ этого никогда не приобрѣлъ бы. Поэтому молодой новозеландецъ, воспитанный въ Европѣ, если и не сдѣлается вполне европейцемъ, то и не останется вполне новозеландцемъ; не сдѣлается первымъ потому, что его духъ, въ то время, когда онъ къ намъ пришелъ, достигъ уже подобія органической опредѣленности; не останется послѣднимъ, потому что организація духа не имѣетъ твердости, свойственной собственно организму, а измѣняется

денности основы психической жизни или ея задатковъ (Anlagen) должна уничтожиться и возможность вліять такъ или иначе на развитіе этихъ задатковъ. Между тѣмъ новѣйшія изслѣдованія въ области физиологіи съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ въ рѣзкой наклонности всякаго организма видоизмѣняться при измѣняющихся условіяхъ жизни; наклонности, имѣющей, конечно, свои предѣлы, но тѣмъ не менѣе до того изумительной, что она даетъ поводъ утверждать, что органы создаются ихъ функциями. Выраженіе это, по объясненію Дж. Г. Льюиса, имѣетъ тотъ смыслъ, что вслѣдствіе упражненія органа происходитъ дифференцированіе его строенія, и каждое видоизмѣненіе приспособляетъ его къ болѣе энергической реакціи и къ новымъ видамъ реакціи. „Важность этого начала, говоритъ Льюисъ, въ развитіи нашихъ нравственныхъ столько же, какъ и умственныхъ наклонностей можно видѣть въ возрастаніи симпатическихъ стремленій“, и вслѣдъ за симъ замѣчаетъ: „Къ несчастію дурныя наши чувства слѣдуютъ тому же закону и усиливаются упражненіемъ. Въ этомъ заключается высокое значеніе воспитанія, направленнаго къ развитію наклонностей скорѣе дѣйствительнымъ ихъ упражненіемъ, чѣмъ внушеніемъ правилъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ недостатки психологической теоріи Гербарта отчасти слѣдуетъ приписать неудовлетворительному, сравнительно съ настоящимъ временемъ, состоянію физиологіи, а посему послѣдователи Гербарта до извѣстной степени правы, когда значеніе для педагогики его психологическихъ изслѣдованій опредѣляютъ такъ: „Новѣйшая педагогика въ духѣ Гербарта, относится къ старой, какъ новѣйшая, опирающаяся на физиологію, медицина относится къ устарѣлому, опирающемуся на одну рутину, искусству прописывать рецепты“ ²⁾.

Занимаясь по преимуществу психологіей въ этотъ періодъ своей дѣятельности, Гербартъ не покидалъ не только педагогики, но даже

внутренно сообразно новымъ впечатлѣніямъ». Съ этимъ можетъ согласиться и педагогъ, допускающій врожденность психическихъ задатковъ, тѣмъ болѣе, что для практики воспитанія не столько важно знать причину измѣяемости психической жизни, сколько ея законы. См. Ueber einige Beziehungen zwischen Psychologie und Staatswissenschaft. Herbarts Pädagogisch. Schriften. B. II, 306.

¹⁾ Дж. Г. Льюисъ, «Вопросы о жизни и духѣ», переводъ съ англійскаго. Т. I. стр. 118—124. Много также свѣта проливаетъ на этотъ вопросъ: Physics and Politics by W. Bagehot, sec. edit. 1873, особенно отдѣлъ о происхожденіи націй и образованіи національнаго характера, стр. 81—156.

²⁾ Allgem. Schul-Zeitung, h. v. Stoy № 7, 1875 г.

и философіи, — онъ отзывался на все, сколько нибудь замѣчательное, появлявшееся въ области этихъ наукъ, такъ что просматривая длинный списокъ его сочиненій и небольшихъ статей, относящійся къ этому времени, изумляешься не столько плодовитости ихъ автора, сколько тому, какъ у него, при массѣ обязательныхъ занятій, находилось еще время не только для такихъ научныхъ изслѣдованій, которыя имѣли прямое и непосредственное отношеніе къ его профессорской дѣятельности, но и для такихъ литературныхъ трудовъ, которые хотя и соприкасались съ его специальностью, но не были для нея существенно необходимы. Правда, этимъ послѣднимъ и самъ Гербартъ не придаетъ серьезнаго значенія, называя ихъ „Eintagsfliegen“, тѣмъ не менѣ многія изъ нихъ даже и для настоящаго времени не утратили вполнѣ своего интереса, — таковы, по нашему мнѣнію, слѣдующія статьи: 1) „Педагогическое мнѣніе о школьныхъ классахъ и ихъ преобразованіи по идеѣ Граффа; 2) О преподаваніи философіи въ гимназіяхъ и 3) Объ отношеніи идеализма къ педагогикѣ. Первая изъ названныхъ статей посвящена изслѣдованію такого вопроса, который даже и теперь, на нашъ взглядъ, долженъ считаться открытымъ, а именно, когда успѣшнѣе можетъ идти обученіе въ школахъ, тогда ли, когда въ извѣстномъ классѣ всѣ предметы преподаетъ одинъ учитель, или тогда, когда каждый предметъ преподается во всѣхъ классахъ особымъ учителемъ? При реформѣ училищъ въ Пруссіи въ 1816 г. большинство педагоговъ склонялось въ пользу послѣдняго мнѣнія, которое, и легло въ основу этой реформы. Вотъ противъ этого-то мнѣнія, которое несправедливо было въ отношеніи къ старой системѣ въ томъ отношеніи, что совершенно не принимало въ расчетъ выгоды сосредоточія всего обученія въ однѣхъ рукахъ, и выступилъ Граффъ съ своимъ сочиненіемъ: Die für die Einführung eines erziehenden Unterrichts nothwendige Umwandlung der Schulen, Allen die den Durchbruch einer bessern Zeit befördern können und wollen zur Beherzigung vorgelegt. По мнѣнію Граффа, необходимо, чтобы одинъ учитель не только сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все обученіе на извѣстной его ступени, но чтобы онъ велъ учениковъ чрезъ всѣ его ступени, то-есть, отъ поступленія ихъ въ среднее учебное заведеніе до окончанія въ немъ полнаго курса; это доставило бы общественному (школьному) обученію преимущества домашняго воспитанія, гдѣ культура воспитанника идетъ вполнѣ согласно съ его постепеннымъ развитіемъ въ строгой и непрерывной послѣдовательности и гдѣ, кромѣ того, во всякое время и на всякомъ

мѣстѣ, когда и гдѣ это необходимо, можетъ быть положено начало новому кругу представленій въ душѣ питомца ¹⁾). Согласно этому, въ каждомъ учебномъ заведеніи должно быть столько классовъ и учителей, сколько лѣтъ продолжается его курсъ, который во всѣхъ классахъ долженъ начинаться и оканчиваться одновременно, при чемъ перевода учениковъ изъ одного класса въ другой не полагается, а приѣмъ новичковъ допускается только въ началѣ учебнаго курса; новички и поручаются тому изъ учителей, который въ данномъ году закончилъ образованіе своихъ питомцевъ и такимъ образомъ временно остался безъ дѣла.

Проектъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, возбудилъ горячіе споры въ средѣ германскихъ педагоговъ; одни не могли довольно нахвалиться имъ ²⁾, другіе же, наоборотъ, видѣли въ немъ не болѣе какъ одинъ изъ *многихъ парадоксовъ новейшей педагогики* ³⁾. Такое разнорѣчіе критиковъ и побудило Граффа обратиться къ Гербарту съ просьбою высказать свое мнѣніе о его проектѣ; Гербартъ тѣмъ охотнѣе согласился исполнить эту просьбу, что, впервыхъ, самый проектъ явился на свѣтъ очевидно подъ вліяніемъ его педагогическихъ идей, а вовторыхъ, потому, что вопросъ, поднятый Граффомъ, принадлежалъ, по мнѣнію Гербарта, къ разряду такихъ вопросовъ, которые въ каждый вѣкъ должны быть разсматриваемы заново, хотя бы даже для того, чтобы вполне сознательно принять данный уже на нихъ правильный отвѣтъ ⁴⁾. Будучи далеко отъ мысли настаивать на осуществленіи проекта Граффа, Гербартъ однако выражаетъ полнѣйшее свое согласіе съ основною его идеей. Вмѣстѣ съ авторомъ проекта и онъ осуждаетъ классную систему (допускающую раздѣленіе учениковъ на классы и переводъ ихъ по истеченіи извѣстнаго времени изъ низшаго класса въ высшій) на томъ основаніи, что она прерываетъ нить обученія каждый разъ, какъ только ученикъ переходитъ изъ одного класса въ другой, а обученіе должно быть *непрерывно*; тѣмъ не менѣе Гербартъ все-таки полагаетъ, что классная система можетъ существовать, но только при извѣстныхъ обстоятельствахъ и видоизмѣненіяхъ. Какія же это обстоятельства?

¹⁾ См. Herbart's Päd. Schrift. h. v. O. Willman. B. II. S. 69. Прим. издателя.

²⁾ Gutsmuths Bibliothek für Pädagogik 1817 г.

³⁾ Nimeyer, Die Grundsätzen der Erzieh. und Unterricht, 8 Aufl. B: II. S. 521.

⁴⁾ Herb. Päd. Schrift. B. II. S. 72. Leipzig. 1875 г.

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо рассмотримъ возраженія на проектъ Граффа.

Всѣ возраженія, какія сдѣланы были противъ проекта Граффа, можно свести къ тремъ пунктамъ: 1) какъ учителя могутъ выполнить то, чего требуетъ отъ нихъ Граффъ; 2) какъ замѣнить для учениковъ то, что даетъ имъ классная система, и 3) какъ ученики при различныхъ способностяхъ и прилежаніи могутъ одинаково успѣвать? Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли требовать, чтобы учитель настолько основательно зналъ всѣ предметы учебнаго курса, чтобы нисколько не затруднялся преподаваніемъ любого изъ нихъ не только дѣтямъ, но и юношамъ, которые, очевидно, не могутъ удовлетворяться чисто элементарными свѣдѣніями? Если и случаются такіе учителя-энциклопедисты, то они во всякомъ случаѣ составляютъ столь рѣдкое явленіе, что по справедливости должны считаться чудомъ въ своемъ родѣ. Силу этого возраженія Гербертъ думаетъ ослабить, утверждая, что для возбужденія въ учащихся интереса къ тому или другому учебному предмету прежде всего необходимо, чтобы самъ учитель проникнуть былъ этимъ интересомъ. Совершенно вѣрно, но все-таки одного этого недостаточно: учитель, безучастно относящійся къ тому предмету, который онъ преподаетъ, не возбудитъ къ нему участія и въ ученикахъ, какъ бы онъ основательно ни зналъ свой предметъ, но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того общезвѣстнаго факта, что какъ бы, напримѣръ, разкащикъ ни интересовался самъ предметомъ своего разказа, онъ тогда только возбудитъ къ нему должный интересъ въ слушателяхъ, когда съумѣетъ рельефно выставить предъ ними тѣ черты предмета, которыя поразили его самого, а этого, очевидно, нельзя сдѣлать безъ основательнаго знанія предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Такимъ образомъ, приведенное выше возраженіе противъ проекта Граффа остается во всей своей силѣ.

Что касается до втораго возраженія, то оно, смотря по обстоятельствамъ, говоритъ Гербертъ, можетъ значить или *все* или *ровно ничею*. Въ нашей школѣ, продолжаетъ онъ, гдѣ преподаютъ ученые специалисты, которые въ то же время и дѣйствительные педагоги ¹⁾, ко-

¹⁾ Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь сдѣланное Гербертомъ по этому поводу замѣчаніе: у насъ, говоритъ онъ, при опредѣленіи къ училищнымъ должностямъ обращаютъ вниманіе на одну только ученость и если находятъ ученаго, который обладаетъ еще способностью передавать свои знанія,

нечно, надо радоваться тому, что превратныя (verkehrte) впечатлѣнія, предстоящія ученикамъ, отчасти взаимно уничтожаютъ другъ друга. Если каждый ученый хвалитъ свою специальность, какъ сумму всей мудрости, то непредубѣжденный (inbefangene) мальчикъ среди всѣхъ этихъ преувеличеній прозрѣваетъ ту истину, что каждая наука награждаетъ того, кто преодолѣлъ первыя ея трудности. Разно-родная односторонность учителей ручается за то, что ученики отчасти будутъ менѣ односторонни, отчасти же что каждый изъ нихъ можетъ найти нѣчто соответствующее своимъ личнымъ задаткамъ (Anlagen) и предрасположеніямъ. Между тѣмъ въ граффовской школѣ учитель съ одностороннимъ образованіемъ можетъ быть полезенъ только тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые сами обладаютъ однородными съ нимъ наклонностями и способностями.—Кромѣ того, монотонность обученія въ такомъ случаѣ ничѣмъ уже не будетъ ни прерываема, ни смягчаема, такъ что, наконецъ, можетъ дѣлаться совершенно невыносимою для учениковъ. Не смотря на это Граффъ того мнѣнія, что при новой проектируемой имъ организаціи школъ то зло, какое причиняетъ школѣ плохой учитель, будетъ ни чуть *не больше, но только виднѣе*. Если хорошіе учителя узнаются по плодамъ ихъ, то-есть, по успѣхамъ ихъ учениковъ, то опредѣленіе способности или неспособности учителя въ граффовской школѣ бесспорно будетъ несравненно легче, чѣмъ въ обыкновенной, гдѣ каждый учитель можетъ укрываться за своихъ товарищей. Съ признаніемъ этого, по мнѣнію Гербарта, теряетъ всю свою силу приведенное выше второе возраженіе противъ проекта Граффа. Такъ какъ плохой учитель въ граффовской школѣ не можетъ быть долго терпимъ, то ученики ничего не теряютъ въ томъ, что учителя у нихъ не перемѣняются, ибо *многостороннее* обученіе заключаетъ уже въ самомъ себѣ достаточно разнообразія и возбужденія, такъ что скорѣе слѣдуетъ видѣть благо, чѣмъ зло для учениковъ въ томъ, что ихъ обучаетъ одинъ, а не

то полагають, что у него есть все, что только необходимо для педагогической дѣятельности; ибо какъ же допустить, чтобы у него при этомъ не было собственно педагогическихъ свѣдѣній, которыя можно часто встрѣчать даже у такъ называемыхъ образованныхъ, не только мужчинъ, но и женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто стѣсняется принять рѣшительный тонъ въ разговорѣ о педагогическомъ вопросѣ? Кто считаетъ еще необходимымъ послушать и поучиться? Кто извиняется здѣсь такъ обыкновеннымъ въ другихъ случаяхъ признаніемъ, что онъ ничего не смыслитъ въ этомъ дѣлѣ? Если есть врожденныя идеи, заключаетъ Гербартъ, то, безъ сомнѣнія, педагогическія. Ibid. S. 94.

многіе учителя. Что дѣлаетъ мальчикъ, спрашиваетъ Гербартъ, съ нестрою серіей лицъ, которыхъ онъ при нашей классной системѣ долженъ любить и уважать какъ учителей? Онъ сравниваетъ ихъ между собою и втихомолку самъ про себя составляетъ свое мнѣніе о каждомъ изъ нихъ, не привязываясь ни къ одному исключительно, такъ какъ ему внушается любить и уважать всѣхъ ихъ одинаково. Перемена учителей доставляетъ ему развлеченіе (Unterhaltung), — тѣмъ менѣе чувствуетъ онъ возбужденія въ разнообразіи учебныхъ занятій. Отдѣльныя науки принимаютъ въ его глазахъ фізіономію лицъ, которыя преподають ихъ, а если при этомъ какой-нибудь учебный предметъ для него труднѣе и непріятнѣе другаго, то онъ сваливаетъ всю вину на учителя ¹⁾. Все это вѣрно, но въ виду оставшагося непровергнутымъ перваго возраженія, теряетъ то значеніе, какое въ противномъ случаѣ должно бы имѣть.

Еще неотразимѣе послѣднее изъ приведенныхъ нами выше возраженій. Въ самомъ дѣлѣ мыслимо ли, чтобы всѣ ученики, однажды поступившіе въ школу, не смотря на всѣ свои индивидуальныя различія, а иногда и случайныя причины, какъ, напримѣръ, болѣзнь, постоянно оказывали одинаковыя успѣхи во всѣхъ наукахъ, ни на шагъ не отставая въ этомъ отношеніи другъ отъ друга? На этотъ вопросъ Гербартъ даетъ слѣдующій, имъ же самимъ признаваемый недостаточнымъ, отвѣтъ: *они могутъ считаться одинаково созрѣвшими по причинѣ одинаковой степени интереса, хотя бы при этомъ и не обладали одинаково отчетливымъ знаніемъ учебныхъ предметовъ* ²⁾. Между тѣмъ какъ при раздѣленіи учениковъ на классы неодинаковость успѣховъ учениковъ не представляетъ никакого затрудненія для воспитателя: недостаточно успѣвшіе остаются въ томъ же классѣ, тогда какъ оказавшіе удовлетворительныя успѣхи переводятся въ слѣдующій высшій классъ. Правда, оставленіе ученика на повторительный курсъ не всегда оказывается благотворнымъ какъ для него самого, такъ и для его новыхъ товарищей, — но такъ какъ изъ двухъ золь отдается обыкновенно предпочтеніе меньшему, то лучше допустить раздѣленіе учениковъ на классы, чѣмъ или ежегодно увольнять малоуспѣшныхъ или, какъ предлагаетъ Гербартъ, по истеченіи трехъ лѣтъ оставлять ихъ въ такъ называемомъ Uebungsklass'ѣ, гдѣ долж-

¹⁾ Ibid. S. 95.

²⁾ Sie können zugleich reif sein, wegen eines gleichen Grades von Interesse bei ungleicher Fertigkeit. Ibid. S. 97.

но быть обращено вниманіе не на возбужденіе у воспитанниковъ интереса, а на упражненіе ихъ въ томъ, что уже знакомо имъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, попытка Граффа ниспровергнуть классную систему оказывается несостоятельною, въ чемъ сознается и самъ Гербартъ.

При всемъ этомъ проектъ Граффа, по словамъ Отто Вильмана, произвелъ въ высшей степени благотворное дѣйствіе, выставивъ на видъ всю важность и значеніе единичнаго обученія, то есть, сосредоточеннаго въ рукахъ одного учителя; мало того, влияніе совѣтовъ Граффа и Гербарта О. Вильманъ усматриваетъ въ учрежденіи въ Пруссіи Klassenordnungen и особенно въ проектѣ организаціи учебнаго дѣла въ Австріи въ 1849 г. ²⁾).

Послѣ всего сказаннаго какъ-то невольно приходитъ на мысль недавно послѣдовавшее въ нашихъ гимназіяхъ учрежденіе должности классныхъ наставниковъ, а въ учительскихъ семинаріяхъ наставниковъ-наблюдателей; это, на нашъ взглядъ, единственно-цѣлесообразное средство, при множествѣ учителей въ одномъ и томъ же классѣ, придать обученію единство и надлежащую концентрацію.

Статья „объ отношеніи идеализма къ педагогикѣ“ хотя для настоящаго времени и не имѣетъ особеннаго интереса и значенія, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія „рѣчи Фихте къ нѣмецкой націи“, въ которыхъ онъ провозглашалъ „зарю новаго воспитанія“ и по поводу которыхъ написана названная выше статья ³⁾, не только надѣлали

¹⁾ Ibid. S. 98.

²⁾ Ibid, 71. Примѣч. издателя.

³⁾ О. Вильманъ полагаетъ, впрочемъ, что главною цѣлью этой статьи Гербарта было ослабить слѣдующее возраженіе противъ его психологической теоріи, сдѣланное Брандисомъ, профессоромъ философіи въ Боннѣ. «Если, говоритъ Брандисъ, ни одно существо, а слѣдовательно, и душа не можетъ содержать въ себѣ природеннаго разнообразія задатковъ, то какъ объяснить себѣ фактъ самонаблюденія? Кто здѣсь наблюдающій и кто наблюдаемый? Надо полагать, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать такъ! я самъ и то и другое; ибо это я, которое желаетъ быть въ одно и то же время и субъектомъ и объектомъ есть нецѣльность (Unding). Если въ душѣ нѣтъ ничего кромѣ представленій, то все, что происходитъ въ сознаніи, должно состоять только изъ представленій; слѣдовательно, одно представленіе или масса представленій есть наблюдаемое, а другое представленіе или масса представленій—наблюдающее. Еще несостоятельна въ теоріи оказывается въ объясненіи факта нравственной вѣнчиваемости того или другаго поступка; фактъ этотъ остается для нея неразрѣшимой загадкой, такъ какъ не понятно, какимъ образомъ одна масса представленій можетъ ставить

много шума, но и встрѣчены были съ рѣдкимъ сочувствіемъ. Что же это за новое воспитаніе?

„Ошибка стараго воспитанія, говоритъ Фихте, состояла въ призваніи у воспитанника свободной воли, вслѣдствіе чего оно и не могло достигать вѣрныхъ и опредѣленныхъ результатовъ; новое же воспитаніе совершенно устраняетъ свободу воли и устанавливаетъ на ея мѣстѣ строгую необходимость, а посему оно и можетъ достигать той цѣли, какая имъ будетъ поставлена себѣ. Въ чемъ же собственно должно состоять это воспитаніе? Въ совершенномъ отдѣленіи юношества отъ взрослыхъ; воспитанники, согласно этому, должны составить отдѣльную самостоятельную общину, которая имѣетъ свое собственное, строго опредѣленное, основанное на разумѣ и природѣ вещей, устройство“.

Не смотря на всеобщее почти увлеченіе рѣчами Фихте, Гербартъ съ обычнымъ спокойствіемъ и ясностью изложенія показываетъ всю несостоятельность или, вѣрнѣе, химеричность его педагогическаго проекта. „Ничто, говоритъ онъ, не затрудняетъ такъ собственно моральнаго воспитанія, какъ скопленіе многихъ дѣтей на одномъ пунктѣ. Непосредственное слѣдствіе этого есть духъ товарищества, развивающійся между дѣтьми по возможности помимо воспитателя, на котораго смотрятъ какъ на чужаго; наблюдаютъ за нимъ, критикуютъ его и, по возможности, избѣгаютъ. Самое откровенное дитя охотнѣе довѣряется своему товарищу, чѣмъ воспитателю. Каждый начальникъ учебнаго заведенія знаетъ, какъ трудно поддерживать въ немъ дисциплину; но какъ далеко еще отъ хорошей дисциплины до несомнѣннаго и прочнаго воздѣйствія на волю каждаго отдѣльно взятаго воспитанника! Собственно нравственное воспитаніе нигдѣ не совершается съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ, какъ тамъ, гдѣ у родителей бываетъ единственное дитя, на которое они сообщаютъ такъ дѣйствуютъ, что становятся и на долго остаются самими близкими къ нему существами, постепенно вводя въ его общество другихъ лицъ, которыхъ они въ случаѣ нужды снова могутъ удалить“.

себѣ въ вину то, что совершилось подъ вліяніемъ другой; на мѣсто раскаянія и часто—тяжелаго, удручающаго чувства виѣнкости много-много еслибы могло явиться сожалѣніе о томъ, что прежняя масса представлений сдѣлала нѣчто такое, что теперешняя не можетъ одобрить, подобно тому, какъ мы иногда сожалѣемъ объ ошибкахъ, сдѣланныхъ нашимъ предшественникомъ по должности, нисколько однако не ставя себѣ ихъ въ вину». *Herbarts Pädag. Schrift. h. v. O. Willman B. II. S. 201 u 202. Leipzig. 1875 1.*

впрочемъ, и не беспокоится особенно о нравственномъ воспитаніи, такъ какъ нравственность, по его мнѣнію, прирожденна (ursprünglich) и существуетъ прежде и помимо всякаго воспитанія. „Это клевета на человѣческую природу, восклицаетъ онъ, утверждать, что человѣкъ родится грѣшнымъ“.

Воспитатель, слѣдовательно, спрашиваетъ по этому поводу Гербартъ, долженъ оставить юношество такимъ, каково оно есть? Къ чему же тогда громкія фразы о новомъ воспитаніи? Воспитаніе, говоритъ Фихте, должно не исправлять ребенка, а только предохранять его отъ развращающаго дѣйствія общества. Но чѣмъ же общество портитъ человѣка? И на чемъ Фихте основываетъ свою надежду образовать изъ юношества такое общество, которое не было бы испорченнымъ? Уже ли на томъ, что его общество будетъ основано на разумѣ и природѣ вещей? Но въ природѣ нѣтъ юношескихъ обществъ; дѣти растутъ обыкновенно на глазахъ и попеченіи своихъ родителей, и это вполне естественный порядокъ вещей, существующій не только между людьми, но и между низшими животными. На этомъ-то основаніи и требуютъ вообще, чтобы учебно-воспитательныя заведенія по возможности подражали домашнему обществу, то-есть, чтобы отношенія между воспитателями и воспитанниками походили на отношенія, какія существуютъ въ хорошей семьѣ между родителями и дѣтьми, а взаимныя отношенія воспитанниковъ отличались бы чисто братскимъ характеромъ. Такимъ образомъ, и разумъ и природа вещей оказываются противъ идеализма.

Теперь, познакомившись со всѣми почти педагогическими трудами Гербарта, мы смѣемъ надѣяться, что какъ ни слабъ сдѣланный нами очеркъ содержанія ихъ, все-таки у читателя на основаніи его должно сложиться убѣжденіе, что врядъ ли есть хоть одинъ вопросъ въ области педагогики, котораго бы не касался Гербартъ въ своихъ сочиненіяхъ. Правда, не всегда и не во всемъ можно съ нимъ соглашаться, — тѣмъ не менѣе сочиненія его заслуживаютъ полного вниманія со стороны педагога; онѣ могутъ служить для него источникомъ, изъ котораго онъ можетъ почерпнуть, если не готовое рѣшеніе того или другаго педагогическаго вопроса, то сильное возбужденіе къ самому серьезному размышленію о своей дѣятельности. Этого, по нашему убѣжденію, вполне достаточно для того, чтобы рекомендовать сочиненія Гербарта вниманію тѣхъ педагоговъ, которые не хотятъ навсегда погрязнуть въ педагогической рутинѣ, а стремятся

осмыслить каждый свой шагъ, каждое свое дѣйствіе на великомъ и вѣстѣ трудномъ поприщѣ воспитанія юношества.

III.

Та же самая причина, которая заставила Гербарта покинуть Геттингенъ, побудила его теперь опять вернуться на первое мѣсто своей академической дѣятельности. Свобода изслѣдованія и преподаванія были для него дороже всего и не ради какихъ-либо стороннихъ соображеній, а ради достоинства самой науки, представителемъ которой онъ считалъ себя. Въ Пруссіи вскорѣ послѣ войны за освобожденіе началась реакція, которая дала себя знать и университетамъ, а потому мы вполне поймемъ радость, съ какою Гербартъ въ 1833 г. отозвался на приглашеніе Геттингенскаго университета завять въ немъ кафедрѣ философіи.

Въ Геттингенѣ возлагали на Гербарта большія надежды, потому что онъ въ то время былъ едва ли не единственный философъ, обладавшій глубокими и основательными свѣдѣніями въ математикѣ и естественныхъ наукахъ. Появленіе Гербарта на кафедрѣ вполне оправдало эти надежды. Его блестящія, отличавшіяся общедоступностью изложенія лекціи, привлекали въ его аудиторію громадную массу студентовъ, которые не разъ въ порывѣ энтузіазма привѣтствовали его восторженными кликами. Напрасны были усилія старыхъ, лѣнливыхъ и беспорядочныхъ студентовъ внушить новичкамъ, что лекціи Гербарта трудно понимать; аудиторія его постоянно оставалась центромъ притяженія для всѣхъ, занимавшихся философіей, до самой геттингенской катастрофы 1837 г., то-есть, до того времени, когда ганноверскій король Эрнстъ Августъ отмѣнилъ конституцію и потребовалъ отъ всѣхъ чиновниковъ присяги ему на вѣрность. Семь профессоровъ отказались дать такую присягу и были, разумѣется, немедленно уволены, а Дальманъ, Гервинусъ и Яковъ Гриммъ должны были даже удалиться за границу. Гербартъ наравнѣ со всѣми семью не одобрялъ поступка короля, но онъ считалъ своею прямою обязанностью быть не стражемъ конституціи, а профессоромъ университета, судьбы котораго онъ слишкомъ близко принималъ къ сердцу. Такой поступокъ Гербарта подалъ поводъ обвинять его въ излишней уступчивости и даже слабости; аудиторія его вслѣдствіе этого начала было пустѣть, — но не надолго; студенты скоро одумались и Гербартъ до конца своей жизни сохранилъ къ себѣ расположение молодежи.

При множествѣ дѣлъ по прямой своей обязанности Гербартъ по прежнему находилъ время не только для собственныхъ ученыхъ изслѣдованій, но и для помощи другимъ въ этомъ дѣлѣ ¹⁾. Такъ, къ этому времени относится его „Очеркъ педагогическихъ лекцій“, о которомъ мы уже говорили ²⁾ и нѣсколько мелкихъ статей, изъ коихъ къ педагогикѣ относится, впрочемъ, только одна, а именно: „Анализъ естественнаго права и морали“ (Aus der analitischen Beleuchtung des Naturrechts und der Moral). Тѣсная связь этики съ педагогикой или нравственности съ воспитаніемъ, надѣмся, на столько уже уяснена нами, что читателю не трудно будетъ понять, почему послѣдняя статья, не смотря на ея не-педагогическое заглавіе, все-таки должна быть отнесена къ педагогическимъ сочиненіямъ, а если мы отъ заглавія статьи обратимся къ ея содержанію, то еще болѣе убѣдимся въ ея педагогическомъ характерѣ. Такъ, между прочимъ, здѣсь Гербартъ распространяется на свою любимую или, лучше, главную тему: о воспитывающемъ характерѣ обученія. Точно также къ педагогикѣ должно быть отнесено и вышедшее въ 1841 г. вторымъ изданіемъ сочиненіе Гербарта подъ заглавіемъ: „Aus der kurzen Encyklopädie der Philosophie“, не только потому, что въ немъ говорится о педагогическихъ матеріяхъ (о педагогическомъ искусствѣ и объ отношеніи между политикой и педагогикой), но и потому еще, что оно по своей формѣ и плану основано на дидактическомъ принципѣ Гербарта и вполне способно уяснить этотъ послѣдній ³⁾.

¹⁾ Такая помощь оказана была имъ, впервыхъ, профессору Грипенкерлю, задумавшему показать невозможность основывать педагогику на ученіяхъ Спинозы, Канта, Фихте; ввторыхъ, Генденверку, работавшему надъ своимъ сочиненіемъ: Principia ethica a priori reperta in libris sacris V. et N. T. obvia. Herbarts Pädag. Schrif. B. II, S. 651—2.

²⁾ См. первую половину статьи, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876 г.

³⁾ По Гербарту, въ обученіи есть четыре ступени, которыя оно должно послѣдовательно проходить; ступени эти: ясность (Klarheit), ассоціація, система и методъ. Въ переводѣ на болѣе понятный языкъ это значитъ, что всякое представленіе прежде всего должно быть выдѣлено изъ массы однородныхъ съ нимъ представленій и уединено, для того чтобы учащійся могъ составить себѣ о немъ ясное и отчетливое понятіе;—это первая ступень—*ясность*; затѣмъ, оно должно быть поставлено во всевозможныя комбинаціи съ другими представленіями;—это вторая ступень—*ассоціація*; далѣе, всѣ эти представленія должны быть приведены въ извѣстный порядокъ;—это третья ступень—*система*; наконецъ, каждому члену въ образовавшейся такимъ образомъ цѣпи представленій должно быть указано его опредѣленное мѣсто, то-есть, уяснено, почему извѣстное звено этой

Добросовѣстно трудясь такимъ образомъ на поприщѣ философіи, морали, психологіи и по преимуществу педагогики, Гербарть достигъ 65 лѣтъ, не чувствуя еще упадка ни физическихъ, ни духовныхъ силъ, какъ вдругъ 14-го августа 1841 г. апоплексическій ударъ совершенно неожиданно положилъ конецъ его дѣятельности. Университетская молодежь, при свѣтѣ факеловъ, проводила его тѣло на кладбище, чѣмъ доказала, что не смотря на событія 1837 г. она глубоко чтитъ своего профессора, такъ какъ, по свидѣтельству его біографа, погребеніе съ факельной процессіей составляло не обычное, а исключительное явленіе въ Геттингенѣ.

И Гербарть вполне достоинъ былъ такого почета. Его лекціи, равно какъ и всѣ вообще научныя изслѣдованія носили отпечатокъ самостоятельности, основательности и глубины, такъ что въ этомъ отношеніи смѣло могутъ выдержать сравненіе съ лучшими образцами философскаго изслѣдованія. Кромѣ того и самая личность Гербарта, какъ философа и человѣка, чуждавшаяся всякой фальши, всего низкаго и пошлаго, не могла не внушать къ себѣ уваженія.

Отличительную или вѣрнѣе основную черту его, какъ ученаго, составляли любовь и уваженіе къ истинѣ, которыми онъ проникнутъ былъ, если можно такъ выразиться, до мозга костей. Независимость научнаго изслѣдованія отъ какихъ бы то ни было стороннихъ соображеній составляла для него *conditio, sine qua non*, а потому-то онъ былъ врагъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній и теорій, старавшихся оправдать заранѣе уже установленный результатъ изслѣдованія. Стремясь всюду къ строгой научной истинѣ, Гербарть однако слишкомъ хорошо зналъ, чтò значать истина и несомнѣнность и чего стоитъ достиженіе ихъ въ наукѣ, а потому онъ признавалъ границы, положенныя научному изслѣдованію, и глубоко уважалъ чувство, зная очень хорошо, что строгая наука никогда не въ состояніи удовлетворить его. Таковъ Гербарть, какъ ученый.

Какъ человѣкъ, Гербарть также имѣетъ полное право на наши симпатіи. Его домъ постоянно былъ центромъ всего возвышеннаго, благороднаго, какъ въ Кенигсбергѣ, такъ и въ Геттингенѣ. Его отношенія къ окружающимъ и вообще ближнимъ отличались въ высшей степени сдержанностью и предусмотрительностью, особенно тамъ, гдѣ

цѣпи стоитъ на такомъ, а не на другомъ мѣстѣ; когда это сдѣлано—обученіе взшло на четвертую ступень, которую Гербарть называетъ *методомъ*. См. Herb. Päd. Schr. B. I, S. 385 и 386; B. II. S. 421. Leipzig, 1875 г.

что-либо напоминало ему идею права,—поэтому наружное обращеніе его не могло не отличаться нѣкотораго рода холодною и даже формализмомъ, но подъ этою непривѣтливою, часто даже угрюмою оболочкою скрывался пейстоцимий запасъ любви, благожеланія, участія и доброты, которыми онъ и дѣлился со всѣми щедрою рукою.

О политическихъ дѣлахъ и вопросахъ онъ выражался всегда съ большою осмотрительностью и умѣренностью, такъ какъ очень хорошо зналъ, что государственная жизнь есть слишкомъ сложное явленіе, чтобы какихъ нибудь двѣ-три общихъ фразы, выставленныя на своемъ знамени тою или другою политическою партіей, могли дать удовлетворительное объясненіе какъ относительно силъ дѣйствующихъ въ государствѣ, такъ и относительно цѣли, къ которой онѣ должны быть направлены. Разстояніе между его идеаломъ и дѣйствительностью, при ясномъ сознаніи, что однѣми громкими фразами нельзя устранить препятствій, лежащихъ на пути къ осуществленію идеала, предохранило его отъ слишкомъ пламенныхъ надеждъ и указало его дѣятельности совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому идутъ призванные и не призванные политики — *путь воспитанія*. И надо отдать ему полную справедливость: не смотря на то, что путь этотъ былъ тяжелъ и труденъ для него, онъ шелъ по немъ неуклонно, въ теченіе почти полвѣка, такъ какъ его академическая дѣятельность была по преимуществу педагогическая, а изслѣдованія въ области морали и психологіи имѣли свою ближайшую задачу глубже обосновать его педагогическую теорію. Одинокое стоялъ онъ на этомъ пути, не встрѣчая ни сочувствія, ни поддержки въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ безъ малаго. Но онъ устоялъ, и отказавшись отъ одобренія и похвалъ своего вѣка, продолжалъ честно служить тому знамени, подъ которое сталъ, какъ только вышелъ на самостоятельный путь въ области философскаго изслѣдованія. Будемъ надѣяться, что послѣдователи его будутъ счастливѣе въ этой борьбѣ, и идея воспитывающаго обученія не на словахъ только и бумагахъ, а на дѣлѣ проникнетъ въ наши учебныя заведенія!

Ив. Николаевскій.

М. Молодечна,
22-го мая 1876 г.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОСЪ.

Извлеченіе изъ матеріаловъ, собранныхъ отдѣломъ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра Общаго Устава російскихъ университетовъ, при посѣщеніи ихъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ 1875 года.

Съ Высочайшаго соизволенія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена, подѣ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Делянова, комиссія для пересмотра дѣйствующаго нынѣ устава университетовъ.

Такъ какъ возложенный на эту комиссію трудъ долженъ имѣть цѣлью поставить наши университеты въ возможно-болѣе выгодныя для ихъ развитія условія и устранить причины, доселѣ оказывавшія неблагопріятное на нихъ вліяніе, то статсъ-секретарь Деляновъ пришелъ къ мысли о необходимости разслѣдованія на мѣстѣ нынѣшняго положенія каждаго изъ нашихъ университетовъ, въ томъ числѣ и Дерптскаго, который хотя и не подлежитъ преобразованію, но своими особенностями можетъ представить много данныхъ для разъясненія вопросовъ, касающихся внутренней жизни университетовъ. Вслѣдствіе сего статсъ-секретарь Деляновъ отнесся къ господину министру народнаго просвѣщенія о командированіи, подѣ его предсѣдательствомъ, въ университетскіе города Дерптъ, Москву, Харьковъ, Кіевъ, Одессу и Варшаву на осеннее время 1875 года, срокомъ на два съ половиною мѣсяца, слѣдующихъ членовъ комиссіи: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: члена совѣта министра народнаго просвѣщенія *Георгіевскаго*, ординарнаго профессора Московскаго университета *Лкбимова*, состоящаго при министерствѣ внут-

часть CLXXXVII, отд. 4. 1

ренныхъ дѣлъ *Гезена*, причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія *Флоринскаго*, и помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа генераль-маіора *Новикова*, съ тѣмъ, чтобы разслѣдованіе окончилось Петербургомъ, который въ счетъ вышеозначенныхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ не включенъ.

Государь Императоръ въ 29-й день іюля 1875 года Высочайше соизволилъ на командированіе вышеозначенныхъ шести лицъ въ поименованныя мѣстности на предположенный срокъ.

Отдѣлъ комиссіи, въ вышепоказанномъ составѣ, приступивъ 17-го сентября того же года къ исполненію возложеннаго на него порученія, посѣтилъ гг. Казань, Дерптъ, Варшаву, Кіевъ, Одессу, Харьковъ и Москву, послѣ чего въ концѣ ноября прибылъ обратно въ Петербургъ. Въ каждомъ изъ помянутыхъ городовъ члены комиссіи по возможности посѣщали лекціи профессоровъ по тѣмъ факультетамъ, предметы которыхъ ближе имъ извѣстны, осматривали учебныя пособія университетовъ, знакомились съ нѣкоторыми дѣлами факультетовъ и совѣта, особенно же по производству экзаменовъ студентамъ, и выслушивали мнѣнія и показанія профессоровъ и прочихъ преподавателей по составленнымъ и напечатаннымъ заранѣе вопросамъ. Такимъ образомъ комиссіей были выслушаны во всѣхъ восьми университетскихъ городахъ всего 454 лица. Сверхъ того, каждому изъ этихъ лицъ предоставлялось представить комиссіи свои отзывы письменно, чѣмъ и воспользовались многіе профессора. Независимо отъ того, комиссія вездѣ собирала составленныя университетами правила для студентовъ, росписанія лекцій на 1875—76 учебный годъ, именныя списки студентовъ; провѣряла различныя статистическія данныя, доставленныя ранѣе того въ министерство, и т. д.

Въ нижеслѣдующемъ извлеченіи излагаются важнѣйшія данныя, собранныя, этимъ путемъ, отдѣломъ комиссіи.

Отдѣлъ I.—Учащіеся.

I.

О числѣ учащихся по университетамъ и факультетамъ за послѣднее десятилѣтіе (1866—1876 г.).

Общее число студентовъ въ шести университетахъ (не считая Варшавскаго и Дерптскаго) простиралось въ 1866 году до 3591 чел. и затѣмъ постоянно возрастало до 1872 года, когда достигло своего

высшаго предѣла (5301 ч.); затѣмъ, оно стало уменьшаться и въ 1874 г. упало до 4353 ч., но въ началѣ 1875—76 учебнаго года вновь возрасло до 4492 ч., представляя увеличеніе противъ 1866 года на 901 ч. или почти на 25⁰/. Въ одномъ только Московскомъ университетѣ сравнительно съ 1866 годомъ число студентовъ уменьшилось на 248 ч. или на 16⁰/. Впрочемъ, такое уменьшеніе не падаетъ на долю медицинскаго и историко-филологическаго факультетовъ, а только на долю физико-математическаго и въ особенности юридическаго, гдѣ оно сравнительно съ 1866 годомъ уменьшилось болѣе чѣмъ въ 2¹/₂ раза. По возрастанію числа студентовъ первое мѣсто занимаетъ университетъ Новороссійскій (100⁰/), за нимъ слѣдуютъ С.-Петербургскій (87⁰/), Казанскій (76⁰/), Св. Владиміра (46⁰/) и Харьковскій (3⁰/). Абсолютно число студентовъ наиболѣе увеличилось въ С.-Петербургскомъ университетѣ на юридическомъ (на 206 ч.) и на физико-математическомъ факультетахъ, т. е. на тѣхъ, по воимъ уменьшилось число студентовъ Московскаго университета.

Еще болѣе самаго числа студентовъ измѣнялось распредѣленіе ихъ по факультетамъ. Въ 1866 году на долю историко-филологическаго факультета въ шести университетахъ приходилось всего 207 чел., въ 1872 г. 402, а въ 1875—76 г. 461 ч., такъ что число студентовъ этого факультета слишкомъ удвоилось. На физико-математическомъ за 10 лѣтъ число студентовъ, послѣ значительныхъ колебаній, уменьшилось въ весьма слабой степени (съ 946 на 929); на юридическомъ въ 1866 г. было 1818, въ 1872 г. 2770, и въ 1875—76 учебномъ году 1364 ч., такъ что въ послѣдніе 4 года уменьшилось слишкомъ вдвое; наконецъ, на медицинскомъ факультетѣ число студентовъ почти утроилось сравнительно съ 1866 годомъ (съ 602 чел. до 1695 ч.). Такія быстрыя и значительныя колебанія въ распредѣленіи студентовъ по факультетамъ, повидимому, свидѣтельствуютъ, что выборъ факультета опредѣляется не чувствомъ призванія и не склонностью къ изученію тѣхъ или другихъ наукъ, вообще не научными стремленіями, а главнѣйше внѣшними разчетами и предполагаемою потребностью различныхъ вѣдомствъ въ тѣхъ или другихъ научно подготовленныхъ дѣятеляхъ. Подобныхъ быстрыхъ и значительныхъ колебаній въ Дерптскомъ университетѣ не замѣчается.

Для оцѣнки качественнаго значенія возрастанія числа студентовъ, весьма важны данныя, показывающія число выбывающихъ изъ нашихъ университетовъ до окончанія курса, сравнительно съ числомъ выбывающихъ по окончаніи курса и съ общимъ числомъ студентовъ. Свѣ-

дѣнія первой категоріи начали собираться, по инициативѣ министерства народнаго просвѣщенія, только съ 1870 года, и за четырехлѣтній періодъ времени, съ 1870 по 1873 г., могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ:

УНИВЕРСИТЕТЫ:	За 4 года вы- было до окон- чанія курса.	За 4 года вы- было по окон- чаніи курса.	За 4 года на 100 студен- товъ вообще выбыло.	
			До оконча- нія курса.	По оконча- ніи курса.
С.-Петербургскій	905	661	19	14
Московскій	378	1123	6	18
Казанскій	278	348	12	15
Харьковскій	278	325	13	16
Св. Владиміра	535	458	16	14
Новороссійскій	237	307	14	19
Итого . . .	2611	3222	13	16
Варшавскій	596	471	17	13
Дерптскій	476	398	17	14
Всего . . .	3683	4091	14	15

Изъ таблицы этой видно, что процентъ студентовъ, выбывающихъ до окончанія курса, вообще весьма значителенъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ цифры, относящіяся до университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго, такъ какъ оказывается, что возрастаніе числа студентовъ въ первомъ изъ нихъ совпадаетъ съ наибольшимъ процентомъ выбывающихъ до окончанія курса; во второмъ же, напротивъ, видимъ, что при показанномъ ранѣ уменьшеніи общаго числа студентовъ, процентъ выбывающихъ до окончанія курса самый незначительный. Изъ шести коренныхъ русскихъ университетовъ только въ двухъ, С.-Петербургскомъ и св. Владиміра, процентъ не

оканчивающихъ курса превосходить процентъ оканчивающихъ оный, и оба эти университета по возрастанію въ нихъ общаго числа студентовъ занимаютъ не послѣднее мѣсто.

II.

Личный составъ корпуса студентовъ въ русскихъ университетахъ въ первую половину 1875 — 76 учебнаго года.

Въ университетскихъ отчетахъ не показывается распредѣленіе студентовъ по отдѣленіямъ или специальностямъ, которыми они занимаются въ отдѣленіи естественныхъ наукъ и на историко-филологическомъ факультетѣ, и комисіи стоило не малаго труда привести это въ извѣстность; оказывалось иногда, что никто не знаетъ, на примѣръ, сколько студентовъ на отдѣленіи классической филологіи и т. д.; не показывается и распредѣленіе по курсамъ, по вѣроисповѣданіямъ, по сословіямъ, по мѣсту предварительнаго образованія и т. д. Въ провинціальныхъ университетахъ печатаются въ первую половину учебнаго года именные списки студентовъ съ болѣе или менѣе подробными свѣдѣніями о каждомъ, въ обоихъ же столичныхъ университетахъ такихъ списковъ не имѣется, и лишь по требованію комисіи они были составлены за одинъ только 1875 — 76 учебный годъ.

Изъ собранныхъ комисіей свѣдѣній оказывается, что во всѣхъ университетахъ численно преобладаютъ студенты I курса, за исключеніемъ университета Варшавскаго. Въ среднемъ выводѣ первокурсники составляютъ $37\frac{3}{4}\%$. Число вновь поступившихъ въ 1875—76 учебномъ году оказывается менѣе общаго числа состоявшихъ на I курсѣ на 254 человѣка во всѣхъ 7 университетахъ, въ томъ числѣ въ одномъ Петербургскомъ на 108 человѣкъ. Такъ какъ излишекъ состоящихъ на I курсѣ противъ вновь поступившихъ могъ образоваться только изъ студентовъ, оставшихся на второй годъ на I курсѣ, то слѣдуетъ, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ не оказавшіе успѣха въ первый годъ ученія составляютъ 38% изъ поступившихъ въ 1874 году, во всѣхъ же 7 университетахъ 23% .

Изъ студентовъ, поступившихъ въ 1873 году, оставленныхъ на второй годъ на II курсѣ оказывается въ 7 университетахъ 274 человѣка, въ томъ числѣ въ С.-Петербургскомъ 118 человѣкъ.

Какъ велико число оставленныхъ на III курсѣ изъ поступившихъ въ 1872 году, неизвѣстно; но изъ того, что число студентовъ III

курса въ 1875—76 учебномъ году во всѣхъ 7 университетахъ на 378 человекъ меньше числа поступившихъ въ 1873 году, слѣдуетъ, что по меньшей мѣрѣ 30% изъ этого числа не дошли своевременно до III курса, или отставъ на годъ, или вовсе выбывъ изъ университета; въ частности же въ С.-Петербургскомъ университетѣ не дошло до III курса нѣсколько болѣе половины всѣхъ поступившихъ въ 1873 году.

Всѣ университеты получаютъ свой контингентъ учащихся *преимущественно* изъ учебныхъ заведеній соотвѣтственнаго учебнаго округа. Исключеніе составляютъ университеты: Новороссійскій, гдѣ 51 1/2% всего числа студентовъ получили первоначальное образованіе за предѣлами Одесскаго учебнаго округа, и, въ особенности, С.-Петербургскій, гдѣ число студентовъ изъ заведеній другихъ округовъ составляетъ 66%.

Сыновья потомственныхъ и личныхъ дворянъ и чиновниковъ во всѣхъ шести университетахъ (за исключеніемъ Варшавскаго, по которому свѣдѣній не имѣется) представляютъ численный перевѣсъ надъ лицами всѣхъ другихъ сословій въ отдѣльности, составляя 45 3/4% общаго числа студентовъ; но въ университетѣ Новороссійскомъ на сторонѣ лицъ духовнаго происхожденія абсолютное большинство (55 1/2%).

Главнѣйшій контингентъ—66 1/4%—доставили семи университетамъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; затѣмъ, съ небольшимъ одну четверть (26 3/4%) духовныя семинаріи, и наконецъ 7% прочія учебныя заведенія, главнымъ образомъ имѣющія полный гимназическій курсъ. Такимъ образомъ, число студентовъ, получившихъ гимназическое образованіе, простирается не мѣнѣе какъ до 70%.

Бывшіе семинаристы, въ числѣ 1324 человекъ, распредѣлились по университетамъ такъ, что абсолютно наибольшее число ихъ приходится на долю С.-Петербургскаго университета (341), затѣмъ Московскаго (325), Казанскаго (184), Харьковскаго (180), Новороссійскаго (154), св. Владиміра (100) и Варшавскаго (40); по относительной же численности своей въ общей массѣ студентовъ они составляли въ Новороссійскомъ университетѣ 47%, въ Казанскомъ и Харьковскомъ по 36%, въ С.-Петербургскомъ 29%, въ Московскомъ 26%, св. Владиміра 14% и въ Варшавскомъ 8 1/2%. Большинство всѣхъ бывшихъ семинаристовъ (567 человекъ или 42 1/2%) состоитъ на медицинскомъ факультетѣ, затѣмъ, 300 человекъ на юридическомъ, 225

на историко-филологическомъ, 160 на отдѣленіи естественныхъ наукъ, 73 на отдѣленіи математическихъ наукъ, и наконецъ, 15 человѣкъ на факультетѣ восточныхъ языковъ.

Изъ распредѣленія бывшихъ семинаристовъ по курсамъ на историко-филологическомъ факультетѣ всѣхъ 7 университетовъ оказывается, что изъ общаго числа 225 человѣкъ находятся на I курсѣ 133 человѣка или около 60%. Во всѣхъ почти университетскихъ городахъ комиссія слышала неблагопріятные для бывшихъ семинаристовъ отзывы профессоровъ, преимущественно со стороны ихъ научной подготовки.

III.

Матеріальное положеніе студентовъ и система оказываемыхъ имъ льготъ и пособій.

Явленіе, на которое профессора всѣхъ университетовъ настойчиво обращали вниманіе комиссіи—чрезвычайное развитіе бѣдности между студентами. Такъ, въ Казанскомъ университетѣ на 100 студентовъ можно предположить до 60 совершенныхъ бѣдняковъ. Въ Москвѣ нищета между студентами также непомѣрная, и нерѣдко встрѣчаются между ними примѣры поразительной бѣдности; самый бѣдный факультетъ тамъ медицинскій, затѣмъ историко-филологическій, потомъ юридическій, и наконецъ, физико-математическій. Главнымъ образомъ бѣдствуютъ студенты-медики, потому что они слишкомъ заняты въ университетѣ и имѣютъ слишкомъ плохой костюмъ, чтобъ находить уроки въ достаточныхъ семействахъ; вслѣдствіе того они болѣе всѣхъ другихъ студентовъ обращаются къ проректору съ просьбами о пособіи. Въ Харьковѣ по 3 и по 4 студента живутъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ и весьма бѣдно; большею частью ихъ кормятъ хозяйки, но есть и дешевыя общія столовыя. Студенты Кіевского университета живутъ чрезвычайно бѣдно, ходятъ по урокамъ за 50 коп. изъ одной части города въ другую; между ними очень много бываетъ больныхъ, а особой студенческой больницы не существуетъ. Едва ли $\frac{1}{3}$ студентовъ Кіевского университета существуетъ на собственныхъ средствахъ, а остальные кое-какъ перебиваются.

Какъ проводятъ свое время студенты внѣ университетскихъ стѣнъ, за этимъ никто изъ должностныхъ лицъ университета не слѣдитъ. Сколько извѣстно профессорамъ, огромное большинство кіевскихъ студентовъ своего стола не имѣютъ, а обѣдаютъ въ харчевняхъ и кухмистерскихъ.

Въ мартѣ 1872 года студенты университета св. Владиміра были приглашены сдѣлать отмѣтки на розданныхъ имъ бланкахъ противъ ряда поставленныхъ вопросовъ. Изъ 940 отозвались на это приглашеніе 355. Доставленные ими свѣдѣнія показываютъ, что 375 руб. въ годъ составляютъ наименьшій размѣръ необходимаго для такого студента, который не пользуется льготами и пособіями отъ университета. Между тѣмъ, изъ 355 человѣкъ только 14 жили на всемъ готовомъ у родныхъ, 56 получали или выручали уроками отъ 251 до 300 руб. и 36 человѣкъ свыше 300 р. Если даже всѣхъ этихъ 106 человѣкъ считать обеспеченными, то и тогда 70% окажутся терпящими нужду.

Въ Москвѣ студенту надо имѣть по меньшей мѣрѣ 40 руб. въ мѣсяцъ для безбѣднаго существованія, такъ что стипендіи даже и въ 300 руб. не обеспечиваютъ ихъ вполнѣ.

Для жизни студента въ Одессѣ нужно отъ 30 до 35 р. въ мѣсяцъ, и эти деньги бѣднякъ только съ величайшимъ трудомъ можетъ добыть путемъ частныхъ уроковъ. Надо полагать, что $\frac{1}{5}$ всего числа студентовъ Новороссійскаго университета не обеспечены. Бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ доходитъ до того, что они живутъ въ неотопляемыхъ комнатахъ, версты за 2, за 3 за чертою города, не имѣя ни свѣчей, ни необходимѣйшихъ книгъ для занятій.

Многіе студенты С.-Петербургскаго университета живутъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Васильевскаго острова и Петербургской стороны весьма бѣдно, по 2 и по 3 человѣка на квартиру, плата за нее рублей 10, а обѣдаютъ въ малыхъ кухмистерскихъ и въ дешевыхъ столовыхъ копѣекъ за 20 въ день.

И въ прежнее время, по замѣчанію нѣкоторыхъ профессоровъ и начальствующихъ лицъ, въ нашихъ университетахъ бывало не мало бѣдныхъ молодыхъ людей; но бѣдность эта никогда не являлась ни въ такомъ поразительномъ видѣ, ни въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ настоящее время, и никогда не вліяла въ такой мѣрѣ на весь внутренній бытъ нашихъ университетовъ.

Причины такого развитія пролетаріата между студентами за послѣднія 10 — 15 лѣтъ весьма многочисленны. Указываютъ, между прочимъ, на слѣдующія: 1) молодые люди изъ болѣе достаточныхъ семействъ предпочитаютъ обходить болѣе трудное и продолжительное гимназическое и университетское образованіе, и поступаютъ въ привилегированныя учебныя заведенія гражданскаго и военнаго вѣдомствъ (училище Правовѣднія, Александровскій лицей, Пажескій

корпусъ и т. д.). Причина эта хотя дѣйствовала и въ прежнее время, но нынѣ университеты 2) стали болѣе, чѣмъ когда-либо привлекательны для бѣдняковъ, именно вслѣдствіе того, что, благодаря судебной, земской, городской и другимъ реформамъ, для людей съ высшимъ образованіемъ открылось много болѣе или менѣе заманчивыхъ карьеръ, прежде не существовавшихъ; и наконецъ, 3) дѣйствующая нынѣ система университетскихъ стипендій, пособій и всякаго рода денежныхъ льготъ служить, въ свою очередь, одною изъ причинъ широкаго развитія пролетаріата въ нашихъ университетахъ, подавая нуждающимся молодымъ людямъ надежду кое-какъ перебиться въ пору ученія съ помощью университетской (болѣею частью казенной) или общественной благотворительности.

Изъ собранныхъ комиссіей данныхъ за періодъ съ 1866 по 1874 годъ видно, что, за исключеніемъ обязательныхъ стипендій, представляющихъ незначительное (2,9%) уменьшеніе относительно общаго числа студентовъ (при абсолютномъ уменьшеніи на 11%), всѣ остальные льготы значительно возрасли, а именно: въ шести университетахъ абсолютно увеличилось число необязательныхъ стипендій на 283%, число денежныхъ пособій на 210%, число случаевъ освобожденія отъ платы за ученіе на 52% слишкомъ, такъ что по отношенію къ общему числу студентовъ необязательныя стипендіи увеличились въ 3½ раза, денежные пособия въ 2½ раза, и случаи освобожденія отъ платы за ученіе почти на 1/3; общее же число льготъ, вмѣстѣ взятыхъ, возрасло на 81%, тогда какъ въ то же время число студентовъ въ шести университетахъ возрасло только на 21%. Студентовъ, пользующихся какою-либо льготою, въ 1874 г. было 89% изъ общаго числа студентовъ, и такая пропорція болѣе чѣмъ существовавшая въ 1866 году почти на 30%. Изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1873 годъ видно, что число различнаго рода денежныхъ льготъ почти соотвѣтствуетъ наличному числу студентовъ; льготы же эти въ общей сложности простирались на сумму 415.267 рублей.

Кромѣ самихъ университетовъ, пособия бѣднымъ студентамъ оказываютъ еще и спеціально учрежденныя для сего благотворительныя общества, въ составъ распорядительныхъ комитетовъ которыхъ входятъ обыкновенно ректоръ, проректоръ или инспекторъ, и деканы факультетовъ.

Въ Москвѣ, кромѣ попечительнаго о студентахъ комитета, существуетъ еще общество вспомошествованія студентамъ. Попечитель-

ство о бѣдныхъ студентахъ въ Одессѣ располагаетъ капиталомъ въ 30 тысячъ рублей и расходуетъ ежегодно на пособія до 5 тыс. руб.; но студенты неохотно обращаются къ этому попечительству, не желая подчиняться его контролю. Въ Дерптѣ сами студенты, при своемъ корпоративномъ устройствѣ, помогаютъ бѣднымъ товарищамъ. Въ Казани общество вспомошествованія бѣднымъ студентамъ университета организовалось въ 1871 году, подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа; оно главнѣйше выдаетъ единовременныя ссуды (въ размѣрѣ отъ 8 до 80 руб.) на краткій срокъ или съ обязательствомъ возврата по окончаніи курса и поступленіи на службу. За три года воспользовались займообразно пособиемъ этого общества 262 студента, изъ нихъ только 21 человекъ возвратили полученныя ссуды. Въ Киевѣ съ 1869 г. существуетъ попечительство о недостаточныхъ студентахъ; оно оказываетъ пособія тѣмъ бѣднымъ студентамъ, которые не приобрѣли права пользоваться ими изъ суммъ университета.

За время съ 1-го января 1871 г. по 1-е января 1875 г., общее число студентовъ университета Св. Владиміра уменьшилось на 93 человекъ, а число поданныхъ прошеній за то же время возрасло на 123, и число удовлетворенныхъ прошеній на 162. Къ 1-му января 1875 г. пользовавшихся льготами и пособиями отъ университета въ Киевѣ было 345, отъ попечительства 245, всего 590 чел. изъ общаго числа 691, то-есть, болѣе 85%.

Въ Харьковѣ существуетъ съ 1872 г. общество для пособія нуждающимся студентамъ. Пособія эти оно оказываетъ главнѣйше въ видѣ ссудъ, краткосрочныхъ, на время нахождения въ университетѣ, и долгосрочныхъ, уплачиваемыхъ по частямъ по выходѣ изъ университета. Въ теченіе 4 лѣтъ общество это выдало въ ссуду 15.875 руб., изъ коихъ къ 1-му января состояло за должниками 13.135 руб.

Въ С.-Петербургѣ лишь 2 года назадъ учреждено „Общество вспомошествованія студентамъ“. Въ теченіе 1875 года, обществомъ введена плата за слушаніе лекцій 136-ю недостаточными студентами и выдано денежныхъ пособій по 623 прошеніямъ 301 студенту. Изъ всего числа студентовъ, 37% воспользовались пособиями отъ общества, независимо отъ 88% пользующихся льготами отъ университета.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ оказывается, что 1) несмотря на возрастающее число стипендій, пособій, ссудъ и льготъ, число бѣдныхъ между студентами не только не уменьшается, но все болѣе

увеличивается, и что 2) существующія нынѣ пособія, при всемъ своемъ обиліи, не дозволяютъ бѣднымъ студентамъ сосредоточиться на занятіяхъ наукою. Высшій размѣръ стипендій простирается до 300 руб., но, какъ выше показано, студенту необходимо имѣть для самаго скромнаго существованія отъ 375 до 480 руб. въ годъ, смотря по городу. Дефицитъ этотъ приходится пополнять уроками и другими занятіями. Въ Казани студенты содержатъ себя большею частью уроками, зарабатывая отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ за каждые 2 и даже 3 часа ежедневныхъ занятій съ дѣтьми. Нѣкоторые казанскіе студенты служатъ по найму въ тамошней контрольной палатѣ, и тѣмъ снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Въ Москвѣ, вслѣдствіе бѣдности и дороговизны, студенты историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ завалены уроками. Большею частью 30 руб. въ мѣсяцъ считается высшимъ вознагражденіемъ студенту за 3 и за 4 ежедневные урока. Студенты-юристы для снисканія себѣ пропитанія занимаются въ Москвѣ письмоводствомъ у мировыхъ судей, а нѣкоторые ищутъ даже мѣстъ контролеровъ на желѣзно-конныхъ дорогахъ.

Система пособій и льготъ оказываетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на всѣ отправления университетской жизни. Всѣ получающіе стипендію по назначенію университета тѣмъ самымъ освобождаются отъ платы за ученіе; но сверхъ того, въ нѣкоторыхъ университетахъ требуется для освобожденія отъ платы отмѣтка 4 въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ. Такое смѣшеніе научныхъ требованій съ благотворительностью, по отзыву профессоровъ, оказываетъ весьма дурное вліяніе на настроеніе студентовъ, на отношеніе ихъ къ профессорамъ и на ходъ экзаменовъ: студенты часто выпрашиваютъ себѣ на экзаменѣ хорошія отмѣтки, ссылаясь на свою бѣдность, и ни для кого не секретъ, говорили нѣкоторые профессора, что теперь баллы ставятся гораздо снисходительнѣе, чѣмъ прежде. Не смотря на всякаго рода стипендіи и пособія, одесскіе студенты то и дѣло затѣваютъ благотворительные спектакли и навязываютъ билеты профессорамъ. Попрошайничество вообще сильно развито между ними, особенно же между Евреями.

Судя по множеству признаковъ и показаній, студенты-бѣдняки далеко не отличаются тою скромностью и тою готовностью подчиняться вполне разумнымъ и справедливымъ требованіямъ, какъ можно было бы ожидать въ ихъ положеніи.

Даровыя стипендіи, какъ казенныя, такъ и частныя и обществен-

ныя, имѣющія чисто-благотворительный характеръ, достаются преимущественно на долю юридическаго и разряда естественныхъ наукъ физико-математическаго факультетовъ, такъ какъ на нихъ большею частью вовсе не бываетъ обязательныхъ стипендій, и тѣмъ искусственно привлекаютъ бѣдныхъ студентовъ къ тѣмъ факультетамъ, по коимъ правительству менѣе нуждается въ дѣателяхъ. На тѣхъ же факультетахъ, гдѣ имѣются и обязательныя и даровыя стипендіи, послѣднія сильно отклоняютъ студентовъ отъ принятія первыхъ. Только на медицинскихъ факультетахъ обязательныя стипендіи разбираются охотно. Частныя благотворительныя стипендіи представляютъ еще то неудобство, что соединяясь съ правомъ на освобожденіе отъ платы за ученіе, вносятъ къ ущербу для специальныхъ суммъ университетовъ.

При настоящемъ порядкѣ вещей, ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ не существуетъ правильно организованнаго, постояннаго контроля какъ надъ занятіями стипендіатовъ, такъ и надъ образомъ ихъ жизни: они также, какъ и всѣ вообще студенты, предоставлены самимъ себѣ и вѣдаются только полиціей.

IV.

Юридическое положеніе и нравственное состояніе студентовъ.

Студенты русскихъ университетовъ внѣ стѣнъ университетовъ пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами, подчиняются полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи и не имѣютъ форменной одежды. На послѣдствія такого юридическаго положенія студентовъ, какъ оно установилось въ дѣйствительности, комиссія слышала весьма много сѣтованій. Профессора всѣхъ университетовъ указывали между прочимъ на полное разобщеніе студентовъ между собою, отчужденіе другъ отъ друга богатыхъ и бѣдныхъ, равнодушіе другъ къ другу и къ общимъ интересамъ. Замѣчается въ такой же мѣрѣ и отсутствіе связи между студентами и профессорами. Въ отчетѣ общества вспомошествованія бѣднымъ студентамъ Казанскаго университета за 1873—74 г. между прочимъ сказано: „Комитетъ, постановивъ наводить справки въ факультетахъ, видимо разчитывалъ, что между членами ихъ всегда найдется то или другое лицо, которое знаетъ того или другаго студента изъ ищущихъ рекомендацій, и черезъ факультетъ сообщить свое мнѣніе въ комитетъ. Но факультеты нашли возможнымъ давать комитету только официальныя справки изъ своихъ дѣлъ, которыя не могли представлять для комитета искомымъ точекъ опоры для рекомендацій“.

Масса студентовъ, вслѣдствіе своей бѣдности и отчасти неряшливости въ одеждѣ и вообще во внѣшности, живетъ, за немногими исключеніями, въ совершенномъ отчужденіи отъ общества.

Нравственно-воспитательная и дисциплинарная дѣятельность университетовъ выразилась за послѣднее время слѣдующимъ образомъ:

Въ Казанскомъ университетѣ съ 1869 г. по сентябрь 1875 было 18 выговоровъ студентамъ отъ ректора, занесенныхъ въ штрафную книгу. Къ карцеру не случалось прибѣгать.

Университетскій судъ въ Харьковѣ собирался 2 раза. За послѣднія 12 лѣтъ (1863—1875) инспекторомъ студентовъ въ Харьковѣ было сдѣлано всего 11 замѣчаній и выговоровъ, въ томъ числѣ 9 за куреніе табаку въ университетскихъ зданіяхъ, 1 за оскорбленіе хозяина квартиры, и 1 за нахожденіе въ нетрезвомъ видѣ. Ректоромъ за тотъ же періодъ сдѣлано два выговора, оба за участіе въ беспорядкахъ въ театрѣ; правленіемъ — 2 за предосудительное поведеніе въ зданіи университета. Затѣмъ, было по одному случаю лишенія свидѣтельства на право преподаванія въ частныхъ домахъ и на право вступленія въ службу по министерству юстиціи, и одинъ же случай подвергся разсмотрѣнію въ совѣтѣ университета.

Въ Кіевѣ университетскій судъ собирался въ 8 лѣтъ 1 разъ, по поводу беспорядка на диспутѣ, и опредѣлилъ двухъ студентовъ удалить изъ университета на 6 мѣсяцевъ.

Въ послѣдніе три года университетскій судъ въ Одессѣ не собирался.

Университетскій судъ въ С.-Петербургѣ, за исключеніемъ студенческихъ исторій, вовсе не собирается. Въ карцеръ студентовъ не заключаютъ съ 1866 года. За послѣднія 10 лѣтъ выговоровъ и замѣчаній отъ ректора было 7. Случаевъ задержанія студентовъ С.-Петербургскаго университета полиціей, съ предавіемъ суду, бываетъ 5—6 въ годъ.

Въ Москвѣ за послѣднія 5 лѣтъ полиція сообщила университету о 23 неблаговидныхъ поступкахъ студентовъ.

Въ Варшавѣ университетскій судъ собирался 1 разъ.

V.

Посѣщеніе лекцій и научныя занятія студентовъ.

Отзывы профессоровъ о большей или меньшей исправности студентовъ въ посѣщеніи лекцій весьма различны, смотря по универси-

тетамъ и факультетамъ. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи сами лично дѣлали наблюденія по этому предмету. Въ бытность комиссіи въ Казани, посѣщеніе лекцій на историко-филологическомъ факультетѣ было довольно исправное, однако на практическихъ занятіяхъ по латинскому языку 22 сентября 1875 г., вмѣсто 20 студентовъ, было только 10, на лекціи по латинскому языку 27 сентября, вмѣсто 41, было 23, на лекціи исторіи славянскихъ литературъ того же числа, вмѣсто тѣхъ же 41, было 24, на лекціи исторіи римской литературы, вмѣсто 20 человѣкъ, присутствовало 16.

По наблюденіямъ члена комиссіи въ Москвѣ, въ ноябрѣ того же года, лекціи историко-филологическаго факультета посѣщаются студентами весьма неисправно. У профессора всеобщей исторіи на I курсѣ, вмѣсто 47 студентовъ, было 32; у доцента римской словесности на III курсѣ и классическомъ отдѣленіи IV курса изъ 19 было 12; у профессора римской словесности на I курсѣ изъ 47 чел. было 23. На юридическомъ факультетѣ у доцента политической экономіи изъ 105 студентовъ было только 44.

По наблюденію одного изъ членовъ комиссіи, посѣщеніе лекцій студентами Харьковскаго университета и записыванье оныхъ весьма неравномѣрно даже на историко-филологическомъ факультетѣ. Такъ, на лекціи по римской словесности было 17 студентовъ изъ 33, а при чтеніи новой исторіи III-му курсу историческаго отдѣленія совмѣстно съ юристами I и II курсовъ, изъ 82 студентовъ были только 34 и изъ нихъ только 2 записывали, а у профессора римской словесности даже никто.

При посѣщеніи лекцій историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета однимъ изъ членовъ комиссіи, на лекціи по греческой словесности изъ 59 студентовъ I и II курсовъ было только 20 чел. и изъ нихъ только 9 имѣли книги. На лекціи по римской словесности изъ 18 студентовъ III и IV курсовъ было 7; на лекціи церковной исторіи изъ 12 чел. было 4 и изъ нихъ никто не записывалъ. На практическихъ упражненіяхъ въ переводѣ съ русскаго на латинскій было 19 чел. изъ 59, на лекціи исторіи земледѣнія 12 чел. изъ 59, и никто не записывалъ.

По отзывамъ профессоровъ, причины неаккуратнаго посѣщенія лекцій заключаются: 1) въ бѣдности студентовъ и необходимости для нихъ искать постороннихъ занятій, и 2) въ распространенности между ними литографированныхъ курсовъ, по коимъ они и приготовляются къ экзаменамъ.

Въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ литографированные курсы въ большомъ ходу. Въ Харьковѣ также имѣются литографированныя лекціи по всѣмъ предметамъ юридическаго факультета, и по нѣкоторымъ курсамъ другихъ факультетовъ. На юридическомъ факультетѣ въ Кіевѣ почти по каждому предмету имѣются или литографированные курсы, или старыя записки. На физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ въ Кіевѣ литографированныхъ записокъ нѣтъ, и онѣ признаются большимъ зломъ. Прежде литографированіе лекцій было тамъ въ большомъ ходу на историко-филологическомъ факультетѣ, теперь же гораздо менѣе. Въ Москвѣ литографированныя лекціи въ большомъ ходу у студентовъ медиковъ; всѣ юридическіе курсы также отлитографированы. Въ Одессѣ литографированіе лекцій преимущественно въ ходу у юристовъ.

Собственныя занятія студентовъ (такъ называемыя научно-практическія работы) ведутся весьма неодинаково въ различныхъ университетахъ и факультетахъ: наибольшее развитіе имѣютъ они на медицинскомъ факультетѣ и по естественнымъ наукамъ, затѣмъ, на историко-филологическомъ факультетѣ; наименьшее же по наукамъ математическимъ и юридическимъ.

На медицинскомъ факультетѣ въ Казани практическія занятія устроены по всѣмъ предметамъ, также и на разрядѣ естественныхъ наукъ. Въ Харьковѣ студентамъ естественнаго разряда предоставляется замѣнять практическими работами курсовые экзамены, и большинство предпочитаетъ первыя; получившій неудовлетворительную отмѣтку за практическія работы не допускается къ окончательному испытанію, не исправивъ ея. Въ Кіевѣ практическія занятія на естественномъ разрядѣ бывають только на III и IV курсахъ, и студенты усердно работаютъ въ лабораторіяхъ физической и химической.

По разряду математическихъ наукъ, практическія упражненія въ чистой математикѣ заведены въ Москвѣ, Одессѣ, и, сколько извѣстно, въ Петербургѣ. Въ Москвѣ, сверхъ того, нѣкоторые студенты занимаются практически по физикѣ и по механикѣ, а также и по астрономіи въ обсерваторіи.

По историко-филологическому факультету въ Казани студентамъ уже со II курса предоставляется замѣнять репетиціи сочиненіемъ по одной изъ трехъ главныхъ специальностей факультета. Сверхъ того, по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса для стипендіатовъ III и IV курсовъ устроены своего рода семинаріи: 1) историко-географическій, гдѣ каждый обязанъ прочитатъ наизусть одинъ урокъ по исто-

рін, одинъ по географіи, и одну работу болѣе научнаго характера передъ своими товарищами, которымъ предоставляется принять участіе при обсужденіи этихъ уроковъ и работъ; 2) русскаго языка и словесности, и 3) классической филологіи, гдѣ признано за лучшее замѣнить болѣе самостоятельныя работы переводами съ русскаго языка на латинскій. Въ Москвѣ студенты I и II курсовъ пишутъ курсовыя сочиненія по русскому языку и словесности или по философіи (прежде требовалось и латинское сочиненіе), безъ чего не допускаются къ экзамену; для стипендіатовъ же обязательно участіе въ одной изъ семинарій: классической филологіи, русской исторіи и всеобщей исторіи. Къ участію въ первой изъ нихъ студенты допускаются начиная со II курса, причѣмъ пользуются особымъ вознагражденіемъ по 120 руб. въ годъ, независимо отъ того, получаютъ ли стипендію или нѣтъ. Въ Харьковѣ студенты двухъ первыхъ курсовъ пишутъ по два сочиненія въ годъ по русской словесности или по иному предмету. Въ Кіевѣ стипендіаты обязаны писать сочиненіе каждое полугодіе; для желающихъ существуютъ еще практическія занятія по русской словесности и по русской исторіи въ кіевскомъ архивѣ. Существуютъ кромѣ того практическія упражненія по латинскому языку для студентовъ всѣхъ курсовъ. Въ С.-Петербургѣ студенты классическаго отдѣленія письменно переводятъ Оукидиды, профессоръ просматриваетъ переводъ и передаетъ его кому нибудь изъ студентовъ, тотъ дѣлаетъ на него свои замѣчанія, затѣмъ между студентами происходитъ диспутъ подъ руководствомъ профессора. Въ Варшавѣ каждый профессоръ предлагаетъ темы, и на одну изъ нихъ по собственному выбору студентъ пишетъ сочиненіе, которое рассматриваетъ профессоръ по принадлежности, и о которомъ онъ докладываетъ факультету.

На юридическомъ факультетѣ практическихъ занятій меньше чѣмъ на другихъ. Въ Казани, подъ руководствомъ профессора римскаго права, студенты сами переводятъ и объясняютъ „Институціи Гайя“; подъ руководствомъ профессора политической экономіи дебатируютъ спорные вопросы этой науки и представляютъ письменныя работы, которыя обсуждаются товарищами, и сверхъ того профессоръ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ устроилъ по своему предмету репетиціонныя бесѣды, и на эти бесѣды охотно ходятъ всѣ студенты и записываютъ поясненія профессора. Въ Москвѣ, для привлеченія студентовъ къ занятіямъ, на всѣхъ курсахъ обязательны для нихъ сочиненія. Въ Харьковѣ не въ обычаѣ задавать сочиненія

юристамъ. Въ Одессѣ имѣются практическія занятія по гражданской казуистикѣ. Въ Петербургѣ для студентовъ административнаго разряда устроенъ особый статистическій кабинетъ, гдѣ студенты упражняются въ разработкѣ статистическаго матеріала подъ руководствомъ профессора. Въ Варшавѣ каждый студентъ-юристъ обязанъ приписаться къ какому либо предмету и читать указанныя ему сочиненія, представляя письменный отчетъ о прочитанномъ.

Объ учебныхъ пособияхъ, существующихъ при университетахъ собственно для студентовъ, комиссіею собраны слѣдующія свѣдѣнія:

Въ Казани прежде была особая студенческая библіотека, но теперь она присоединена къ общей университетской. Помѣщеніе ея тѣсное, темное и даже грязноватое и угарное; читальной комнаты при ней нѣтъ не только для студентовъ, но и для профессоровъ. Въ Москвѣ имѣется особая студенческая библіотека (около 7 т. томовъ), но помѣщена она неудобно и слишкомъ высоко. Какъ изъ этой, такъ и изъ основной библіотеки студентамъ выдаются книги на домъ по билетамъ и безъ всякаго залога. Въ Харьковѣ, по заявленію нѣкоторыхъ профессоровъ, фиктивно существуетъ студенческая библіотека съ 1850 г., но на дѣлѣ ея нѣтъ: книги сложены на чердакѣ, разрознены и не пополняются. При общей университетской библіотекѣ, также какъ и въ Казани, нѣтъ лекторіи. Въ Кіевѣ есть особая студенческая библіотека, повидимому, хорошо снабженная новѣйшими учеными сочиненіями и изданіями, и открытая для студентовъ и въ послѣ-обѣденное время, съ 6 до 9 ч. вечера; есть также читальная комната для студентовъ, съ журналами и газетами. Въ Новороссійскомъ университетѣ существуетъ особая студенческая библіотека изъ 3723 сочиненій въ 7134 томахъ. Въ Варшавѣ также есть особая студенческая библіотека.

Отдѣлъ II. — Объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ.

По уставу 1835 г., въ университетахъ съ медицинскимъ факультетомъ полагалось 34 каеэдръ и при нихъ 39 профессоровъ и 8 адъюнговъ. Уставъ 1863 года увеличилъ число каеэдръ въ каждомъ полномъ университетѣ до 53, а число профессоровъ до 57, число же доцентовъ, замѣнившихъ собою адъюнговъ, до 33. Въ неполныхъ университетахъ приходится, по уставу 1863 года, въ С.-Петербургскомъ на 45 каеэдръ 50 профессоровъ и 24 доцента, въ Новорос-

сійскомъ на 36 кафедръ 38 профессоровъ и 16 доцентовъ. Въ университетахъ Дерптскомъ и Варшавскомъ число профессоровъ соотвѣтствуетъ числу кафедръ (въ первомъ 40, во второмъ 47), но доцентовъ въ Дерптскомъ университетѣ 10, а въ Варшавскомъ 21.

Уставомъ 1835 года отъ каждаго профессора требовалось полное, правильное и благонамѣренное преподаваніе его предмета и точное достовѣрное свѣдѣніе о ходѣ и успѣхахъ наукъ, имъ преподаваемыхъ, въ ученomъ мѣрѣ; требованія эти въ уставѣ 1863 г. не вошли и замѣнены въ § 82 требованіемъ давать подробный отчетъ о своемъ преподаваніи факультетскимъ собраніямъ. Комиссія желала ознакомиться съ этими отчетами, но оказалось, что ихъ не имѣется.

По уставу 1863 г. §§ 23, Б, 4 и 42, В, 3, въ кругъ занятій факультетскихъ собраній входятъ предположенія о раздѣленіи факультета на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи кафедръ и замѣнѣ однихъ изъ нихъ другими и опредѣленіе, которые изъ преподаваемыхъ предметовъ должны быть обязательными для студентовъ, о чемъ факультетъ представляетъ въ совѣтъ, а совѣтъ, чрезъ попечителя учебнаго округа, министру народнаго просвѣщенія.

Къ какимъ послѣдствіямъ привели эти постановленія устава 1863 г. и какъ организовалось учебное дѣло въ нашихъ университетахъ, объ этомъ комиссія старалась вездѣ собрать надлежащіе свѣдѣнія; но дѣло это въ значительной мѣрѣ затруднялось тѣмъ, что факультеты вообще не имѣютъ и не выработали себѣ строго опредѣленныхъ, нормальныхъ учебныхъ плановъ, что письменныхъ отчетовъ профессоровъ объ ихъ преподаваніи не имѣется, что обзорніе преподаванія публикуется лишь нѣкоторыми изъ провинціальныхъ университетовъ, а въ росписаніи лекцій нерѣдко поименовывается только вообще весь предметъ, безъ указанія, какой именно курсъ изъ этого предмета читается; въ годичныхъ же университетскихъ отчетахъ о ходѣ преподаванія почти ничего не упоминается.

I.

О наличномъ числѣ преподавателей сравнительно съ положеннымъ по штату.

Постановленія устава 1863 г. о числѣ кафедръ и профессоровъ далеко не вполне осуществились, особенно же въ нѣкоторыхъ университетахъ и факультетахъ.

По § 13-му устава 1863 г., на историческо-филологическомъ факуль-

тетѣ полагается 12 профессоровъ и 7 доцентовъ, не считая профессора богословія. Въ первое полугодіе 1875—76 г. *состояло на лицо* (также не считая пр. богословія): въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10 профессоровъ и 8 доцентовъ (въ томъ числѣ 1 сторонній преподаватель), въ Московскомъ 10 профессоровъ и 5 доцентовъ (въ томъ числѣ 2 стороннихъ преподавателя), въ Казанскомъ 5 профессоровъ и 5 доцентовъ (изъ нихъ 3 стороннихъ преподавателя), въ Харьковскомъ 8 профессоровъ и 2 доцента, въ Кіевскомъ 6 профессоровъ и 5 доцентовъ, и, наконецъ, въ Новороссійскомъ 6 профессоровъ и 4 доцента (изъ нихъ 2 стороннихъ преподавателя) — всего 45 профессоровъ и 29 доцентовъ (въ томъ числѣ 8 стороннихъ преподавателей), такъ что противъ штатнаго положенія недоставало 27 профессоровъ и 13 доцентовъ, а безъ стороннихъ преподавателей, которыхъ собственно считать нельзя, какъ не имѣющихъ требуемой ученой степени, недоставало 21 доцента или ровно половины; тѣхъ же и другихъ преподавателей вмѣстѣ недоставало 48, т. е. 42^о/о.

Особенно важно указаніе на каедры, по коимъ не имѣется вовсе штатныхъ преподавателей, или имѣются, но не въ достаточномъ числѣ. Классическая филологія не можетъ не быть признана важнѣйшею основой историко-филологическаго факультета: въ Дерптѣ 3 профессора изъ 9 исключительно ей посвящаютъ свои силы, а двое другихъ руководятъ студентовъ въ пониманіи относящихся до ихъ каедръ произведеній древней греческой и римской литературы. Въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ изъ 10 профессоровъ 4 состоятъ исключительно по предметамъ классической филологіи, не считая 4 стороннихъ преподавателей древнихъ языковъ и одного профессора, принявшаго на себя преподаваніе одной изъ дисциплинъ классической филологіи. Между тѣмъ въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ ни одного штатнаго преподавателя по классической филологіи, и имѣется 1 приватъ-доцентъ по латинскому языку и толкованію латинскихъ авторовъ, и 1 сторонній преподаватель по исторіи римской словесности и римскимъ древностямъ, такъ что ни одна изъ дисциплинъ, относящихся къ греческой филологіи, вовсе не преподавалась въ бытность коммисіи въ Казани. Въ Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ было по два штатныхъ преподавателя классической филологіи, въ Москвѣ 1 профессоръ и 2 доцента. Въ Варшавѣ предметы классической филологіи преподавались 4 лицами: ректоромъ, двумя профессорами и однимъ доцентомъ. Изъ этого видно, что классическая филологія вообще во всѣхъ университетахъ, на которые про-

стирается дѣйствіе устава 1863 года, весьма слабо представлена, и слабѣ всего въ Казани, а затѣмъ по отношенію ко всему числу преподавателей на факультетѣ—въ Кіевѣ и въ С.-Петербургѣ.

Изъ возстановленныхъ, или вновь учрежденныхъ уставомъ 1863 г. каедръ, наиболѣе посчастливилось каедрамъ церковной исторіи и философіи, изъ коихъ каждая имѣетъ своихъ преподавателей въ каждомъ изъ 6 университетовъ (всего 4 профессора и 2 доцента), а наименѣ посчастливилось каедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, которая лишь въ одномъ Харьковскомъ университетѣ имѣла *наличнаго* представителя.

На юридическомъ факультетѣ по уставу 1863 года полагается 13 профессоровъ и 6 доцентовъ, слѣдовательно въ 6 университетахъ 78 профессоровъ и 36 доцентовъ; въ дѣйствительности же состоитъ 53 профессора и 14 доцентовъ, слѣдовательно, противъ штатнаго положенія недостаетъ 32% профессоровъ и 61% доцентовъ, а вмѣстѣ 41%, то-есть двухъ пятыхъ всего штатнаго числа преподавателей. Если же принять въ расчетъ 3 приватъ-доцентовъ и 4 стороннихъ преподавателей, то окажется, что юридическіе факультеты, также какъ и историко-филологическіе, располагаютъ безъ малаго двумя третями предоставленнаго уставомъ числа штатныхъ преподавателей. Причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что важнѣшая на юридическомъ факультетѣ каедра римскаго права занята профессорами лишь въ трехъ университетахъ—Кіевскомъ, Казанскомъ и Новороссійскомъ; въ Московскомъ она подѣлена между доцентомъ и стороннимъ преподавателемъ, въ С.-Петербургскомъ ввѣрена доценту, въ Харьковскомъ приватъ-доценту. Вообще всѣ собственно-юридическія науки въ 6 университетахъ преподаются лишь 20-ю штатными профессорами, такъ что на ихъ долю приходится менѣ 30% всего наличнаго числа штатныхъ преподавателей на юридическихъ факультетахъ, тогда какъ на долю предметовъ политическихъ и историко-юридическихъ—слишкомъ 70%.

Изъ вновь учрежденныхъ уставомъ 1863 года каедръ, каедра церковнаго законовѣдѣнія вовсе не занята въ университетахъ Казанскомъ и Харьковскомъ, занята профессорами богословія въ Новороссійскомъ и св. Владимира, и лишь въ Москвѣ и С.-Петербургѣ профессорами, назначенными именно для этой каедры. Каедра исторіи иностранныхъ законодательствъ замѣщена въ Казани, въ Харьковѣ и въ Москвѣ (въ послѣдней совмѣстно съ энциклопедіей законовѣдѣнія), каедра же исторіи славянскихъ законодательствъ, а равно

и доцентура византійскаго права не замѣнены ни въ одномъ изъ 6 университетовъ.

Изъ полагаемыхъ по уставу 1863 года для медицинскихъ факультетовъ 4 университетовъ, 64 профессоровъ и 68 доцентовъ (вмѣстѣ съ прозекторами), на лицо состоитъ 63 профессора и 43 доцента. Такимъ образомъ здѣсь достигнуть почти совершенный комплектъ профессоровъ, и только число доцентовъ значительно ниже штатнаго состава ¹⁾).

II.

О числѣ лекцій въ недѣлю профессоровъ и доцентовъ и о продолжительности учебнаго года и учебнаго курса.

По уставу 1835 года, каждый профессоръ обязанъ былъ читать не менѣе 8 лекцій въ недѣлю; по уставу же 1863 года штатные преподаватели читаютъ столько лекцій, сколько назначить имъ факультетъ, съ утвержденія совѣта.

Изъ 60 профессоровъ историко-филологическаго факультета 7 университетовъ, 1 имѣетъ 8 лекцій въ недѣлю и 2 часа практическихъ занятій черезъ недѣлю, 2 профессора по 7 лекцій въ недѣлю, 8 по 6 лекцій, 14 по 5, 3 по 4 и по часу практическихъ занятій, 2 по 3 лекціи и по 2 часа практическихъ занятій, 15 по 4 лекціи, 2 по 3 лекціи и по 1 часу практическихъ занятій, 1 по 2 лекціи и по 1 часу практическихъ занятій, и, наконецъ, 4 по 3 лекціи въ недѣлю (не считая профессоровъ богословія, изъ которыхъ 3 читаютъ по 3 лекціи и 3 по 2 лекціи въ недѣлю). Изъ 26 доцентовъ историко-филологическихъ факультетовъ тѣхъ же 7 университетовъ (не считая стороннихъ преподавателей) 1 имѣетъ 6 лекцій въ недѣлю и 2 часа практическихъ занятій черезъ недѣлю, 2 по 6 лекцій, 1 по 5 лекцій и по 1 часу практическихъ занятій, 1 по 5 лекцій, 7 по 4 лекціи, 9 по 3 лекціи, 1 по 2 лекціи и по 1 часу практическихъ занятій, и наконецъ, 4 по 2 лекціи въ недѣлю.

На юридическомъ факультетѣ изъ 59 профессоровъ 7 университетовъ только 1 читалъ 8 лекцій въ недѣлю, 1 по 6 лекцій и по 1 часу практическихъ занятій, 1 по 7 лекцій, но по двумъ различнымъ каеэдрамъ, 8 по 6 лекцій, 4 по 6 же, но каждый по двумъ различнымъ каеэдрамъ, 14 по 5 лекцій, остальные менѣе того. Изъ 16 до-

¹⁾ Свѣдѣнія по физико-математическому факультету не внесены сюда по недоставленію отъ университетовъ нѣкоторыхъ данныхъ.

центовъ 3 имѣютъ по 6 лекцій, 1 по 5 лекцій и по 1 часу практическихъ занятій, 4 по 4 лекціи, остальные менѣе того.

Число теоретическихъ лекцій каждаго изъ профессоровъ медицинскаго факультета вообще не болѣе чѣмъ на другихъ факультетахъ, а именно по $5\frac{1}{3}$ въ среднемъ выводѣ въ Варшавскомъ, по 5 въ Московскомъ, по $4\frac{5}{7}$ въ Харьковскомъ, по $4\frac{1}{2}$ въ Киевскомъ, и по $4\frac{1}{4}$ въ Казанскомъ; но это число значительно увеличивается присоединеніемъ лекцій клиническимъ и руководства практическими упражненіями студентовъ.

Вообще же лишь въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ профессора всѣхъ вообще факультетовъ имѣютъ столько лекцій въ недѣлю, сколько было обязательно по уставу 1835 года. Въ среднемъ выводѣ они ограничиваются 4 или 5 лекціями въ недѣлю.

Общее число лекцій, читаемыхъ всѣми преподавателями историко-филологическаго факультета, кромѣ богословія, простирается: въ С.-Петербургскомъ университетѣ до 73, въ Московскомъ до 72, въ Варшавскомъ до 60, въ Харьковскомъ до 46, въ Новороссійскомъ до 44, въ Киевскомъ до 39 и въ Казанскомъ до 38, что составило бы отъ 18 до $9\frac{1}{2}$ лекцій на каждый курсъ, еслибъ распредѣлить ихъ поровну по курсамъ. Но принципъ дѣленія на курсы на историко-филологическомъ факультетѣ ни въ одномъ изъ университетовъ не проводится строго. Лекцій, читаемыхъ какому-нибудь одному курсу въ отдѣльности, вообще очень не много; чаще всего соединяются по два курса, иногда же и три и даже четыре. Такое соединеніе курсовъ предполагаетъ не послѣдовательное изложеніе предмета, а чтеніе отдѣльныхъ, специальныхъ курсовъ, и болѣе или менѣе одинаковый уровень образованія и научныхъ потребностей студентовъ различныхъ курсовъ. Число лекцій, слушаемыхъ студентами историко-филологическаго факультета въ различныхъ университетахъ и на различныхъ курсахъ, не достигаетъ нерѣдко и того minimum'a (отъ 16 до 20 лекцій въ недѣлю), который по статутамъ нѣкоторыхъ германскихъ университетовъ считается обязательнымъ для зачисленія учебнаго полугодія въ *Triennium academicum*.

На юридическомъ факультетѣ принципъ раздѣленія студентовъ по курсамъ проведенъ строже, чѣмъ на историко-филологическомъ, но все таки не безъ существенныхъ нарушеній. Безъ соединенія курсовъ и при равномерномъ распредѣленіи лекцій по курсамъ, только въ С.-Петербургскомъ и отчасти Московскомъ университетахъ общее число лекцій по предметамъ собственно юридическаго факультета

могло бы быть признано достаточнымъ; во всѣхъ же прочихъ число это не болѣе достаточно, чѣмъ и на историко-филологическомъ факультетѣ. Но и при соединеніи различныхъ курсовъ, и вмѣстѣ со всѣми дополнительными предметами, студенты юридическаго факультета имѣютъ всего по 8 лекцій въ недѣлю на IV курсѣ въ Харьковскомъ университетѣ, по 8 лекцій и по 6 часовъ практическихъ занятій на IV же курсѣ въ Киевскомъ университетѣ, по 11 лекцій на III курсѣ въ Новороссійскомъ, по столько же на I и II курсахъ того же университета, и т. д.

Кромѣ недостаточнаго числа профессоровъ на нѣкоторыхъ факультетахъ и вообще довольно ограниченнаго числа ихъ лекцій въ недѣлю, замѣчается еще чрезмѣрная краткость учебнаго года въ университетахъ, на которые простирается дѣйствіе устава 1863 года.

Въ Московскомъ университетѣ еще уцѣлѣлъ отъ прежняго времени обычай записывать содержаніе каждой прочитанной лекціи въ особой заведенной для того книгѣ. Выпись изъ этой книги за 1874—75 учебный годъ¹⁾, сдѣланная однимъ членомъ комисіи, показываетъ, что 1) большинство профессоровъ начали свои лекціи со 2-го по 6-е сентября, но 12 курсовъ начались позднѣе, во второй половинѣ сентября и въ первой половинѣ октября; большинство окончило свои чтенія 17-го декабря, но 15 курсовъ были прекращены въ промежуткѣ съ 10-го по 14-е декабря; возобновлены были лекціи большею частью около 14-го января, но нѣкоторыми 18-го, 21-го и 22-го января, окончено же чтеніе лекцій большею частью отъ 1-го до 3-го апрѣля, но нѣкоторыми уже 20-го, 21-го, 22-го и 26-го марта; 2) лекціи за первое полугодіе составляютъ въ среднемъ выводѣ $\frac{3}{5}$, а за второе $\frac{2}{5}$ всего числа лекцій въ годъ, хотя второе полугодіе почти на цѣлый мѣсяць длиннѣе перваго, и 3) одной лекціи въ недѣлю соответствуетъ въ среднемъ выводѣ 20 лекцій въ годъ, максимумъ — 26 (всего у двухъ профессоровъ) и минимумъ отъ 18 до 19 и отъ 15 до 16. Въ Дерптскомъ же университетѣ одна лекція въ недѣлю составляетъ 35 часовъ въ годъ.

¹⁾ Заключающіяся въ ней данныя относятся ко всѣмъ факультетамъ, за исключеніемъ медицинскаго.

III.

О спеціализаціи преподаванія и дѣленіи факультетовъ на отдѣленія или разряды по спеціальностямъ.

Относительно числа лекцій медицинскій факультетъ представляетъ явленіе, обратное тому, какое мы видѣли на другихъ факультетахъ. Студенты-медики всѣхъ 4 университетовъ крайне обременены большимъ числомъ лекцій, являющимся вслѣдствіе чрезвычайнаго дробленія каедръ. Въ Москвѣ, за исключеніемъ лишь перваго курса, студенты имѣютъ отъ 39 до 42 лекцій въ недѣлю; въ Харьковѣ, гдѣ число преподавателей гораздо менѣе штатнаго—отъ 31 до 42, а съ практическими занятіями отъ 35 до 50; въ Кіевѣ на III курсѣ 40, на IV курсѣ 42, и это при 23 преподавателяхъ, вмѣсто 34, въ Варшавѣ отъ 35 до 41. Въ то же время число прозекторовъ оказывается очень недостаточнымъ и въ Москвѣ ихъ обязанности несутъ нѣкоторые доценты.

Вопросъ о преподаваніи вспомогательныхъ естественныхъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ разрѣшается различно какъ на практикѣ, такъ и въ сужденіяхъ, высказанныхъ комиссіи профессорами. Въ Казани медики и фармацевты слушаютъ физику и химию вмѣстѣ со студентами физико-математическаго факультета, за исключеніемъ аналитической химіи, для которой медицинскій факультетъ имѣетъ особаго доцента; зоологію же, минералогію и ботанику они слушаютъ отдѣльно, но вмѣстѣ со студентами ветеринарнаго института. Въ Харьковѣ вспомогательныя естественныя науки прежде преподавались медикамъ отдѣльно, за особое вознагражденіе, но теперь читаются имъ совмѣстно съ естественниками, фармацевтами и ветеринарами. Въ Москвѣ естественныя науки преподаются медикамъ профессорами естественнаго разряда совмѣстно со студентами этого разряда, за исключеніемъ зоологіи и ботаники, которыя читаются медикамъ отдѣльно. Въ Варшавѣ студенты-медики слушаютъ естественныя науки вмѣстѣ съ естественниками, и только въ Кіевѣ для нихъ устроены сокращенные отдѣльные курсы.

Спеціализація науки, существующая преимущественно на медицинскомъ факультетѣ, не вызвала распаденія его на разряды, между тѣмъ какъ другіе факультеты подверглись такому распаденію. Прежде всего распался философскій, сначала на два особые отдѣленія, а потомъ, еще при дѣйствіи устава 1835 года, на два особые факультета: историко-филологическій и физико-математическій. При дѣйствіи

устава 1863 года, физико-математическій факультетъ распался вновь какъ бы на два особые факультета: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ, и это дѣленіе начинается уже съ I курса.

При такомъ дробленіи факультетовъ, ближайшія практическія цѣли, какъ, на примѣръ, приготовленіе учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, повидимому, оставляются безъ вниманія, тогда какъ правительство при опредѣленіи учителей требуетъ отъ нихъ только диплома отъ того или другаго факультета, и, полагаясь на этотъ дипломъ, не удостовѣряется, какимъ именно требованіямъ въ состояніи удовлетворить тѣ или другіе кандидаты на должности. Состоявшаяся въ 1864—65 учебномъ году раздѣленіе физико-математическаго факультета Харьковскаго университета на три отдѣленія: математическое, физико-химическое и естественныхъ наукъ, уже въ 1868 вызвало ходатайство бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, указывавшаго, что онъ встрѣчаетъ затрудненія въ замѣщеніи должностей учителей физики и естествовѣдѣнія, такъ какъ число уроковъ по одной физикѣ и по одному естествовѣдѣнію не довольно значительно, чтобы возможно было находить на нихъ учителей, а окончившіе курсъ математическаго отдѣленія не изучили полного курса физики и вовсе не слушали естественныхъ наукъ, и наоборотъ, слушавшіе естественныя науки не изучили ни физики, ни математики. Затрудненіе это лишь до нѣкоторой степени было устранено тѣмъ, что экспериментальная физика была введена главнымъ предметомъ на всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ. Можно указать также, что когда университету св. Владиміра было предложено принять мѣры для занятій со стипендіатами, подготовлявшимися къ учительству, то историко-филологическій факультетъ выразилъ мнѣніе, что приготовленіе учителей не лежитъ на обязанности университета.

Болѣе или менѣе произвольный характеръ дѣленія факультетскихъ предметовъ по группамъ обнаруживается и въ томъ, что дѣленіе это въ различныхъ университетахъ различно, и, кромѣ того, подвергается частымъ перемѣнамъ въ одномъ и томъ же университетѣ. Такъ, въ 1871 году въ министерство поступило представленіе о раздѣленіи историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, начиная съ III курса, на три отдѣленія: классическое, славяно-русской филологіи и историческое, причемъ исторія всеобщей литературы была отнесена исключительно къ послѣднему отдѣленію, психологія не введена вовсе въ историческое отдѣленіе, а исторія философіи отнесена къ отдѣленію славяно-русской филологіи, и лишь исторія

древней философіи введена въ отдѣленіе классической филологіи. Въ декабрѣ же 1873 года поступило въ министерство представленіе о введеніи исторіи всеобщей литературы въ общіе два курса историко-филологическаго факультета, а въ октябрѣ 1874 года объ отнесеніи къ общимъ же для трехъ отдѣленій курсамъ психологіи и исторіи философіи. Точно также, въ маѣ 1870 года историко-филологическій факультетъ Московскаго университета былъ раздѣленъ на три отдѣленія, начиная съ III курса; въ маѣ же 1871 года поступило въ министерство представленіе о раздѣленіи факультета только съ IV курса, въ виду достиженія большихъ успѣховъ студентами всѣхъ трехъ отдѣленій въ изученіи классической филологіи. Но тогда какъ Московскій университетъ призналъ успѣхи въ древнихъ языкахъ необходимымъ условіемъ для всѣхъ спеціальностей факультета, въ Харьковѣ большинство университетскаго совѣта высказалось въ пользу признанія греческаго языка необязательнымъ для историческаго отдѣленія; мѣра эта была, впрочемъ, отвергнута министерствомъ. Казанскій университетъ одинъ между всѣми не раздѣляетъ историко-филологическаго факультета на отдѣленія, но и тамъ допускается съ III-го курса спеціализація занятій студентовъ по предметамъ классической филологіи, славяно-русской филологіи и исторіи. Въ Харьковскомъ, Новороссійскомъ и Варшавскомъ университетахъ дѣленіе историко-филологическаго факультета на три вышеозначенныя отдѣленія начинается съ III-го курса, причемъ распредѣленіе предметовъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ различно.

Юридическій факультетъ раздѣленъ на отдѣленія юридическое и административное только въ двухъ университетахъ, Казанскомъ и С.-Петербургскомъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ единственное различіе между этими отдѣленіями заключается въ томъ, что студенты административнаго отдѣленія не слушаютъ римскаго права и его исторіи и судебной медицины; въ С.-Петербургскомъ же университетѣ особыми предметами для юристовъ служатъ, кромѣ римскаго права и его исторіи, уголовное право, судоустройство и судопроизводство и спеціальные курсы гражданскаго права на IV курсѣ, а также тюрьмовѣдѣнія и торговаго права, а для студентовъ административнаго отдѣленія—статистика и особые курсы по полицейскому праву, финансовому праву и политической экономіи.

IV.

По вопросу о правильности, послѣдовательности и полнотѣ преподаванія.

Неравномѣрность въ преподаваніи главныхъ и второстепенныхъ предметовъ замѣчается какъ на медицинскомъ, такъ и на другихъ факультетахъ. Такъ, напримѣръ, судебная медицина даже и не введена уставомъ 1863 года въ кругъ предметовъ юридическаго факультета, и дѣйствительно, въ Новороссійскомъ университетѣ она вовсе юристамъ не преподается, въ Казанскомъ читается по 1 часу въ недѣлю, въ Варшавскомъ и Кіевскомъ по 2 часа, а въ Харьковскомъ и С.-Петербургскомъ по 4 часа, то-есть, столько же, сколько въ Харьковскомъ уголовное и римское право и сколько въ С.-Петербургскомъ догматика римскаго права, въ Московскомъ же даже по 5 часовъ, то-есть, столько же, какъ гражданское право и болѣе чѣмъ государственное право.

Относительно историко-филологическаго факультета, несоответствіе между числомъ лекцій и значеніемъ предметовъ обнаруживается изъ слѣдующей таблицы, показывающей процентное отношеніе числа лекцій по каждой группѣ къ общему числу лекцій на факультетѣ:

УНИВЕРСИТЕТЫ.	Философія съ Богосл. вѣжъ.	Классич. филологія.	Сравнит. языков.	Слав.-русск. филологія.	Всобщая литература.	Граждан. и церковн. ист. и полит. экон.	Исторія искусств.
С.-Петербургскій	9	28	—	25	4	28	5
Московскій	8	42	—	16	4	23	3
Казанскій	21	17	—	24	—	36	—
Харьковскій	14	24	10	10	8	32	—
Новороссійскій	10	28	—	21	4	34	—
Св. Владиміра	14	22	—	22	6	28	6
Варшавскій	(безъ богосл.) 6	25	—	36	6	25	—
Итого въ сред. выв.	11	28	1	22	5	30	3
Ист.-фил. инст. въ С.-Петербургѣ	14	55	—	15	—	16	—

Изъ этой таблицы видно, что только въ Московскомъ университетѣ классическая филологія преобладаетъ надъ прочими факультетскими курсами, и только курсъ историко-филологическаго института отличается вполнѣ сосредоточенностью.

Нельзя не обратить вниманія на слѣдующія, собранныя комиссіею, данныя о неполнотѣ и непослѣдовательности университетскихъ курсовъ:

По всеобщей исторіи въ университетѣ Св. Владиміра студенты, поступившіе въ 187²/₃ году, на I-мъ и II-мъ курсѣ не слушали ничего, на III древнюю исторію востока (3 лекціи въ недѣлю) и съ 2-го полугодія исторію Франціи въ XIX ст. (1 лекція) и исторію XIV и XV ст. (1 лекція); на IV к. продолженіе исторіи востока, исторію Греціи (вмѣсто греческихъ древностей) (1 лекція) и исторію Франціи въ XIX ст. Таковъ весь запасъ свѣдѣній по всеобщей исторіи, каковой должны вынести студенты, оканчивающіе курсъ въ 1876 году. Въ Новороссійскомъ университетѣ студенты слушали на I курсѣ въ 187²/₃ году исторію среднихъ вѣковъ (2 часа въ недѣлю) и новѣйшую исторію Пруссіи (3 часа); на II к. новѣйшую исторію Пруссіи (3 ч.) и исторію географическихъ открытій въ древности и въ средніе вѣка (3 ч.); на III курсѣ исторію Пруссіи (1 ч.) и исторію среднихъ вѣковъ (2 ч.); на IV исторію Пруссіи (2 ч.), исторію среднихъ вѣковъ (2 ч.), Византія и крестовые походы (1 ч.) и исторію открытій и поселеній Европейцевъ (1 ч.). Такимъ образомъ ни древняя исторія, ни значительнѣйшая часть новой не преподавались въ продолженіе 4-лѣтняго курса студентамъ, оканчивающимъ университетскій курсъ въ текущемъ году. Въ Казани нынѣшніе студенты IV курса прослушали въ предшествовавшіе годы исторію Греціи и римской республики и затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ курсовъ по средневѣковой и новой исторіи, а въ 187⁵/₆ г. начаты были исторія Римской имперіи и новѣйшая исторія. Въ Харьковскомъ университетѣ признается необходимость общихъ, послѣдовательныхъ курсовъ всеобщей исторіи, которые открывали бы студентамъ доступъ ко всѣмъ частямъ науки, знакомя ихъ съ источниками и пособіями по каждому ея отдѣлу, съ общимъ ходомъ событій и съ главнѣйшими спорными вопросами науки; но и въ Харьковскомъ университетѣ строгая послѣдовательность курсовъ нарушается тѣмъ, что студентамъ I и II курсовъ въ 187⁵/₆ учебномъ году одновременно преподаются древняя и средняя исторія и русская отъ Петра Великаго. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ каждый изъ трехъ главныхъ отдѣловъ всеобщей

исторіи имѣеть особаго преподавателя; но при этомъ исторія древняго востока вовсе не читается на историко-филологическомъ факультетѣ, по исторіи же среднихъ вѣковъ читаются частью общіе, частью спеціальныя курсы.

По русской исторіи въ университетѣ Св. Владиміра студенты слушали на первомъ курсѣ въ 187²/₃ году исторію Литовской Руси до Люблинской уніи (3 часа), на II курсѣ исторію Руси до Монголь (3 ч.) въ 1-мъ полугодіи, а во 2-мъ исторію Галицкой Руси (3 ч.); на III к. время императрицы Елисаветы Петровны и исторію Россіи въ XVIII в. (2 ч.) и обзоръ источниковъ русской исторіи (2 ч.); на IV к. исторію Россіи въ XVIII ст. (2 часа) и русскую историографію (2 ч.), и такимъ образомъ для студентовъ, поступившихъ въ университетъ С. Владиміра въ 187²/₃ году и долженствовавшихъ окончить курсъ въ 1876 г., вовсе не читалась вся исторія Московской Руси и исторія Россіи въ царствованіе дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, какъ то можно видѣть изъ обзорнія преподаванія въ этомъ университетѣ, печатавшагося въ его Извѣстіяхъ за послѣдніе четыре года. Въ Новороссійскомъ университетѣ читалась въ то же четырехлѣтіе русская исторія начиная съ XVII вѣка, вся же древняя исторія Руси была опущена. Въ Казани читается общій курсъ русской исторіи до царствованія Алексѣя Михайловича, и кромѣ того: обзорніе русской историографіи, исторія азычской Руси, исторія княжествъ по бассейнамъ Днѣпра, Днѣстра и Западной Двины и области озерной Новгородской. Такимъ образомъ вся новая исторія Россіи со временъ Алексѣя Михайловича опускается. Въ Харьковскомъ университетѣ каяедра русской исторіи ваканта, и потому о курсахъ, читанныхъ въ послѣдніе 4 года, коммиссія не имѣеть достаточно данныхъ. Въ Московскомъ университетѣ на II курсѣ читается древняя русская исторія (2 часа), а на III новая (2 ч.), судя по числу часовъ, въ довольно краткомъ объемѣ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ на I и II курсахъ читается общій курсъ русской исторіи (по 2 ч.) а на III и IV какойнибудь курсъ спеціальній.

По исторіи философіи можно замѣтить, что въ Казани весь курсъ 187⁴/₅ г. былъ посвященъ Платону, а 187⁵/₆ года — Аристотелю. Въ Одессѣ одинъ годъ преподавалась исторія греческой философіи, другой годъ—исторія новой философіи съ Канта, въ третій годъ—исторія новѣйшей философіи съ подробнымъ обзорніемъ ученій

Сень-Симона, Анфантена, Фуррье (и это для студентовъ, не слушавшихъ политической экономіи); психологія же и логика во всѣ 4 года совсѣмъ не читались.

По русской словесности и языку, сколько извѣстно, во всѣхъ университетахъ читаются курсы отрывочные.

Относительно способо́въ, какими достигается требуемое по уставу 1863 г. наблюденіе со стороны ректора и декановъ за полнотою и правильною университетскаго преподаванія, комиссія не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній.

Въ бытность комиссіи въ разныхъ университетахъ, ею обращено было вниманіе на то, что хотя въ 1869 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ, между прочимъ, университетамъ вмѣнено въ обязанность: „дабы учащіеся не теряли времени, избѣгать по возможности въ распредѣленіи лекцій длинныхъ промежутковъ, на что и обращать особенное вниманіе при составленіи распредѣленія лекцій“ — однако мѣра эта не исполняется ни въ одномъ изъ университетовъ. Промежутки между лекціями въ 1 часъ и въ 2 часа весьма нерѣдки во всѣхъ университетахъ; встрѣчаются даже и промежутки въ 3 часа. Обращаетъ также на себя вниманіе неравномѣрность распредѣленія лекцій по днямъ недѣли: въ одинъ день вовсе не бываетъ лекцій или бываетъ одна—двѣ, а въ другой по пяти и шести сряду.

Слабость преподавательскихъ силъ на историко-филологическихъ факультетахъ, и въ особенности по отдѣлу классической филологіи, и преимущественно въ провинціальныхъ университетахъ, становится наиболѣе очевидною, если обратить вниманіе на крайне ограниченныя результаты, достигаемыя вышеозначенными факультетами въ дѣлѣ снабженія учебныхъ заведеній преподавателями. Незначительность этихъ результатовъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи данныхъ за 1871 годъ:

УНИВЕРСИТЕТЫ.	Число окончивших курсъ въ 1871 г.								Изъ нихъ получили должности учителей.			
	Кандида- тамъ.	Дѣйстви- телямъ.	Стипен- діаты.	Своекошт- ные.	По древнимъ языкамъ.	По исторіи.	По славяно- русской фи- лологіи.	Въ учебн. завед. мнн. нар. просв.	Въ другихъ учебн. зав.	Всего.	Процентное отношеніе къ числу окон- чивш. курсъ.	
С.-Петербургскій	6	3	9	—	1	2	6	1	3	4	44	
Московскій	12	10	18	4	8	6	8	13	1	14	63	
Казанскій	6	4	9	1	1	5	4	10	—	10	100	
Харьковскій	10	1	8	3	1	7	3	3	1	4	36	
Полторосскій	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	
Св. Владимира	8	4	8	4	3	8	1	8	—	8	66	
Варшавскій	4	1	5	—	3	2	—	—	—	—	—	
Всего	47(67%)	23	58(83%)	12	17(24%)	30(43%)	23(33%)	35	5	40	57	
	70	70	70	70	70	70	70					

Изъ этой таблицы видно, что среднимъ числомъ на каждый изъ университетовъ приходится всего по 10 чел. окончившихъ курсъ въ историко-филологическомъ факультетѣ, и изъ нихъ 83⁰/₀ стипендіаты; въ учителя же поступило всего 57⁰/₀, а въ отдѣльности по специальности классической филологіи, по которой въ каждой гимназіи требуется по 4 учителя, всего только 24⁰/₀.

Отдѣль. III.—Объ экзаменахъ.

I.

О репетиціяхъ и обязательныхъ для студентовъ сочиненіяхъ.

Относительно испытаній, производимыхъ студентамъ университетовъ, въ уставѣ 1863 г. постановлено слѣдующее:

§ 99. „Каждому университету предоставляется установить надъ занятіями студентовъ тотъ способъ контроля, который совѣтомъ университета, съ утвержденія попечителя, по педагогическимъ соображеніямъ и мѣстнымъ условіямъ, признанъ будетъ наиболѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ“.

Это собственно единственная статья, устанавливающая контроль надъ занятіями молодыхъ людей въ бытность ихъ еще студентами. Контроль этотъ сводится главнѣйше къ курсовымъ или полукурсовымъ испытаніямъ, ибо изъ прочихъ способовъ контроля, указанныхъ въ правилахъ для студентовъ различныхъ университетовъ, одни примѣняются только къ желающимъ изъ студентовъ, о другихъ же не определено, насколько они обязательны для профессоровъ и для студентовъ, и только относящіяся къ этому предмету правила Казанскаго университета и нѣкоторыя изъ правилъ университета св. Владиміра имѣютъ опредѣленный и обязательный характеръ.

По правиламъ университета св. Владиміра, студенты историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ обязаны въ теченіе университетскаго курса представить два сочиненія, одно за полгода до полукурсоваго, другое за полгода до окончательнаго испытанія. Не представившіе ихъ не допускаются къ испытанію. Отмѣтки по этимъ сочиненіямъ принимаются въ соображеніе при устныхъ испытаніяхъ. Темы или назначаются факультетами, или избираются самими студентами, но съ одобренія факультетовъ.

Въ Казанскомъ университетѣ, сверхъ переводныхъ испытаній, факультеты обязаны назначать или полугодичныя репетиціи изъ глав-

ныхъ предметовъ, или письменныя работы, или практическія занятія, по своему усмотрѣнію. Правило это не распространяется на студентовъ послѣдняго курса, если они не пользуются стипендіями и пособіями. Не явившіеся на репетиціи безъ законной причины, или оказавшіе неудовлетворительные успѣхи болѣе чѣмъ изъ одного предмета, или не представившіе взаимно репетиціи письменныхъ работъ или заявленій отъ профессоровъ, что они занимались практически по одному изъ главныхъ предметовъ, не допускаются къ переводному испытанію.

II.

Объ испытаніяхъ, производимыхъ студентамъ.

Существующія относительно этихъ испытаній правила отличаются вообще большимъ разнообразіемъ и неустойчивостью, такъ какъ со-вѣты университетовъ нерѣдко измѣняютъ ихъ въ цѣломъ составѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ.

Въ университетахъ Московскомъ, Варшавскомъ, Казанскомъ и Новороссійскомъ, студенты всѣхъ курсовъ подвергаются ежегодно переводному испытанію изъ всѣхъ слушанныхъ ими предметовъ.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ переводнымъ испытаніямъ подвергаются всѣ студенты при переходѣ изъ I-го курса во II-й (но только изъ трехъ предметовъ по назначенію факультета) и изъ II-го въ III-й (преимущественно изъ всѣхъ предметовъ, законченныхъ въ двухъ первыхъ курсахъ); при переходѣ же изъ III-го курса въ IV-й подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ, также изъ трехъ только предметовъ, лишь тѣ студенты, которые пользуются стипендіями или льготами отъ университета.

Въ Харьковѣ студенты изъ нѣкоторыхъ предметовъ (смотря по опредѣленію факультета) подвергаются годовымъ практическимъ и теоретическимъ испытаніямъ, по остальнымъ же предметамъ преподаватели въ теченіе года постоянно наблюдаютъ надъ практическими занятіями студентовъ.

Въ Кіевѣ для всѣхъ студентовъ обязательны лишь полукурсовые экзамены, но для желающихъ освободиться отъ платы за ученіе назначаются также экзамены при переходѣ изъ I-го курса во II-й.

Въ Новороссійскомъ университетѣ, кромѣ переводныхъ испытаній производятся еще полугодичныя, но изъ однихъ главныхъ предметовъ.

Для производства курсовыхъ или полукурсовыхъ испытаній назна-
часть CLXXXVII, отд. 4.

чены: въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ мѣсяцъ май, въ Казанскомъ первыя три недѣли мая, въ Харьковскомъ шесть недѣль (до 30-го мая), въ Кіевскомъ май или же время съ 15-го августа по 1-е сентября, въ Новороссійскомъ—вообще конецъ учебнаго года. Допускаются, впрочемъ, исключенія изъ этихъ правилъ, по болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ.

Для обозначенія познаній испытуемыхъ въ университетѣ св. Владимира употребляются три отмѣтки: неудовлетворительно, удовлетворительно, весьма удовлетворительно; въ прочихъ же университетахъ цифры: 1, 2, 3, 4 и 5.

На основаніи устава и по правиламъ университетовъ, испытанія должны производиться не единолично, но въ комиссіяхъ по назначенію факультета. Въ Москвѣ, Казани и Одессѣ указанъ самый составъ комиссіи изъ декана, преподавателя науки и депутата отъ факультета, въ правилахъ же университетовъ С.-Петербургскаго и св. Владимира составъ комиссіи не обозначенъ, а правила Харьковскаго университета вовсе умалчиваютъ о производствѣ испытаній въ комиссіяхъ. Въ правилахъ Московскаго, Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ предусматривается возможность разногласія между членами экзаменаціонной комиссіи, и потому опредѣлено: въ Московскомъ университетѣ, что баллы ставятся экзаменаторомъ, въ случаѣ же несогласія съ нимъ членовъ комиссіи, студенту предлагается отвѣчать письменно, и этотъ отвѣтъ передается на рѣшеніе факультета; въ Казанскомъ, что въ случаѣ удовлетворительности отмѣтки, но несогласія относительно степени удовлетворительности ставится отмѣтка преподавателя; въ случаѣ же неудовлетворительности одной изъ отмѣтокъ, экзаменъ повторяется въ чрезвычайномъ засѣданіи факультета, и отмѣтка ставится по большинству голосовъ; въ Новороссійскомъ, что разногласіе рѣшается большинствомъ голосовъ въ самой комиссіи, а при раздѣленіи голосовъ берется средній выводъ изъ цифръ, поставленныхъ каждымъ членомъ; въ правилахъ университета св. Владимира рекомендуется экзаменатору ставить отмѣтки по соглашенію съ членами испытательной комиссіи; правила же прочихъ университетовъ вообще умалчиваютъ объ этомъ предметѣ.

О способѣ производства испытаній вовсе не говорится въ правилахъ университетовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, во всѣхъ же прочихъ университетахъ испытанія производятся изустно по билетамъ, вынимаемымъ студентами по жребію, причемъ могутъ быть

предлагаемы и другіе вопросы; но въ Московскомъ университетѣ студенту дозволяется взять лишь одинъ билетъ. Письменные испытанія въ весьма маломъ употребленіи. Переэкзаменовки *по правиламъ* вообще не допускаются ни въ одномъ изъ университетовъ на курсовыхъ и полукурсовыхъ экзаменахъ.

Требованія для перехода въ слѣдующій курсъ выше и строже всего въ Московскомъ университетѣ, а именно требуется $3\frac{1}{2}$ въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ и не менѣе 3 въ каждомъ предметѣ отдѣльно. Въ прочихъ университетахъ требуется не менѣе 3 въ каждомъ предметѣ, и притомъ, въ Харьковскомъ университетѣ безъ всякихъ послабленій, въ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ и Новороссійскомъ допускаются условные переводы въ высшій курсъ: въ первомъ по особому ходатайству факультета передъ совѣтомъ, во второмъ при отбѣтѣхъ менѣе 3 лишь по одному изъ дополнительныхъ предметовъ, а въ третьемъ при отбѣтѣхъ 2 изъ одного главнаго, но еще не оконченнаго преподаваніемъ предмета, и изъ одного вспомогательнаго предмета, но подъ условіемъ выдержать вновь экзаменъ изъ этого предмета при слѣдующемъ переводномъ испытаніи (въ Казани) или по окончаніи полнаго курса (въ Одессѣ).

Испытанія на ученныя степени и званія опредѣлены §§ 93, 94, 112 и 116 Устава 1863 года, и особымъ положеніемъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія 4-го января 1864 года. Положеніе это и самыя статьи устава получили въ правилахъ различныхъ университетовъ дальнѣйшее, болѣе или менѣе своеобразное развитіе.

Ни въ одномъ изъ университетовъ, не исключая и Дерптскаго, испытаніе на званіе дѣйствительнаго студента или на степень кандидата не обнимаетъ *разомъ* всѣхъ предметовъ отдѣленія факультета, какъ бы можно было заключить изъ § 112 устава 1863 г., а распадается на части и производится такъ сказать по частямъ одновременно съ курсовыми или полукурсовыми испытаніями. Наибольшую, судя по правиламъ, дробностью въ этомъ отношеніи отличаются выпускныя испытанія въ Московскомъ университетѣ, ибо тамъ постановлено, что произведенный курсовой экзаменъ вообще не повторяется, хотя бы предметъ читался на нѣсколькихъ курсахъ, но успѣхи, оказанные изъ отдѣла науки на переводныхъ испытаніяхъ, принимаются лишь въ соображеніе при постановкѣ окончательнаго балла, который долженъ быть одинъ изъ всѣхъ отдѣловъ. Правила С.-Петербургскаго университета въ этомъ отношеніи недостаточно опредѣ-

лительны: въ нихъ сказано только, что полученныя изъ законченныхъ предметовъ отмѣтки на переводныхъ испытаніяхъ зачисляются при испытаніяхъ на степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента, но по незаконченнымъ предметамъ производится ли окончательное испытаніе въ цѣломъ ихъ составѣ или только въ той части, которая читалась на послѣднемъ курсѣ, на это не имѣется никакихъ указаній. Гораздо опредѣлительнѣе въ этомъ отношеніи правила Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ, изъ коихъ явствуетъ, что въ какомъ бы курсѣ ни заканчивался предметъ, испытаніе не ограничивается частью, пройденною на послѣднемъ курсѣ, а обнимаетъ весь предметъ. Въ университетѣ Св. Владиміра полукурсовыя испытанія считаются окончательными по всѣмъ предметамъ, кои назначены факультетомъ, и полученныя на нихъ отмѣтки зачисляются при окончательныхъ испытаніяхъ, что отличается еще большею неопредѣленностью, чѣмъ постановленное въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ правилахъ Харьковскаго университета не содержится никакихъ указаній по этому предмету.

Такимъ образомъ, полукурсовыя и курсовыя испытанія должны во всѣхъ университетахъ разсматриваться отчасти и какъ окончательныя.

Время для производства окончательныхъ испытаній опредѣлено въ различныхъ университетахъ различно. Въ С.-Петербургскомъ постановлены для этого два срока: приблизительно съ 15 апрѣля по 30 мая и съ 20 октября по 20 декабря; въ Московскомъ май мѣсяцъ, но съ разрѣшенія совѣта можетъ быть назначено и всякое другое время; въ Казанскомъ съ 1-го по 21-е мая, но съ разрѣшенія совѣта, по законнымъ причинамъ, также и съ 16 по 23 августа; въ Новороссійскомъ и май, и августъ, не явившіеся же къ экзамену и въ этотъ послѣдній срокъ, подвергаются оному вмѣстѣ съ посторонними лицами, безъ зачета отмѣтокъ, на курсовыхъ экзаменахъ, съ удержаніемъ только права на полученіе, въ случаѣ неудовлетворительности экзамена на степень кандидата — званія дѣйствительнаго студента. Въ университетѣ Св. Владиміра для окончательныхъ испытаній назначены также два срока: май или сентябрь; не выдержавшему экзаменъ ни въ тотъ, ни въ другой срокъ, дозволяется вновь держать оный черезъ годъ. Переносить часть экзамена изъ одного срока въ другой, по правиламъ вообще не дозволяется.

Переэкзаменовки допускаются, если лишь въ одномъ предметѣ имѣется не кандидатская отмѣтка; въ университетѣ же Св. Владиміра переэкзаменовки не допускаются ни въ какомъ случаѣ.

Для удостоенія степени кандидата требуется во всѣхъ университетахъ: не менѣе $4\frac{1}{2}$ въ среднемъ выводѣ изъ главныхъ предметовъ и не менѣе 3 въ каждомъ отдѣльно, за исключеніемъ однако Новороссійскаго, гдѣ требуется имѣть не менѣе 4 въ каждомъ изъ главныхъ предметовъ. Въ Московскомъ университетѣ къ главнымъ предметамъ причисляются еще и общіе курсы, назначенные факультетомъ, въ томъ числѣ и богословіе. Сверхъ того, тамъ въ правила университета вошло предписаніе министерства относительно письменнаго отвѣта по одному изъ факультетскихъ предметовъ. По одобреніи кандидатскаго сочиненія, въ Москвѣ и въ Одессѣ ищущій степени кандидата приглашается въ засѣданіе комиссіи для словеснаго объясненія по содержанію диссертациі (colloquium).

Для удостоенія званія дѣйствительнаго студента во всѣхъ университетахъ одинаково требуется $3\frac{1}{2}$ въ среднемъ выводѣ и не менѣе 3 изъ cadaго предмета.

Не смотря на то, что и по требованію устава, и по правиламъ всѣхъ почти университетовъ, экзамены должны производиться не единолично, а въ присутствіи комиссіи, на практикѣ они въ большинствѣ случаевъ имѣютъ характеръ единоличныхъ испытаній, и почти вездѣ установился тотъ обычай, что одинъ и тотъ же профессоръ и самъ экзаменуетъ по своему предмету, и числится въ то же время ассистентомъ у другаго профессора-экзаменатора, по другому предмету.

Въ одномъ изъ университетовъ былъ случай, что студенты передъ экзаменомъ изъ богословія заявили, что не имѣютъ ни записокъ, ни литографій по сему предмету, и вслѣдствіе того экзаменъ былъ имъ произведенъ по катихизису Филарета. Въ томъ же университетѣ въ 1875 году студенты IV-го курса были освобождены отъ экзамена изъ церковной исторіи.

Наиболѣе полныя фактическія свѣдѣнія объ отступленіяхъ при производствѣ испытаній отъ правилъ, установленныхъ самими университетскими совѣтами, комиссіа собрала въ дѣлахъ одного университета, относящихся къ экзаменамъ 1875 года. Нѣкоторыя изъ такихъ свѣдѣній приводятся ниже.

§ 100-мъ правилъ для студентовъ этого университета постановлено производить переводныя и повѣрочныя испытанія въ теченіе мая мѣсяца, а § 105-мъ—не производить никакихъ испытаній послѣ вакацій, съ исключеніемъ лишь для тѣхъ студентовъ, которые находятся второй годъ на курсѣ, и по причинѣ тяжелой болѣзни, засви-

дѣлительствованной университетскимъ врачомъ и инспекторомъ студентовъ, не могли приготовиться къ испытанію въ маѣ мѣсяцѣ.

Привила эти нарушаются чаще всего назначеніемъ экзаменовъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а также допущеніемъ студентовъ къ экзаменамъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, причемъ при дѣлахъ не имѣются никакихъ свидѣтельствъ о болѣзни, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются противоположныя фактическія показанія. Такъ, въ 1875 г. на I в. историко-филологическаго факультета экзаменъ изъ древней исторіи происходилъ 24 апрѣля, на другихъ факультетахъ были экзамены 21, 22, 24, 26 и 28 апрѣля; на IV же курсѣ всѣхъ факультетовъ экзамены начинаются съ начала апрѣля. На юридическомъ факультетѣ были допущены къ экзамену въ августѣ 18 студентовъ, пробывшихъ уже два года на I курсѣ. Вообще число студентовъ, не являющихся на экзамены, чрезвычайно велико. Для примѣра можно указать, что въ 1875 г. не явились на экзаменъ изъ латинскаго языка на II курсѣ изъ 25 чел. 15, изъ греческаго языка изъ 25—14, изъ русской словесности—тоже, слѣдовательно болѣе половины во всѣхъ трехъ случаяхъ. На юридическомъ факультетѣ, по юридическому разряду, на экзаменъ I курса изъ римскаго права не явилось 110 изъ 187, изъ государственнаго права 97 изъ 187, въ обоихъ случаяхъ также болѣе половины; по административному разряду изъ 7 чел. I курса не явились на экзаменъ изъ государственнаго права 6 чел., изъ русскаго права 5 чел. На физико-математическомъ факультетѣ на экзаменъ изъ аналитической геометріи не явились 43 изъ 66 ч. I-го курса, и т. д. Вообще число студентовъ, уклоняющихся отъ экзаменовъ въ назначенное время, простирается отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{3}{4}$ и даже до $\frac{17}{20}$ всего числа студентовъ, причемъ стипендіаты оказываются столько же, а иногда и болѣе неисправными въ этомъ отношеніи, какъ и прочіе ихъ товарищи. Лишаются ли они за такую неисправность стипендій, какъ бы слѣдовало по ст. 116 правилъ для студентовъ, или же злоупотребляютъ въ этомъ случаѣ снисходительностью начальства, изъ дѣлъ не видно; но число стипендіатовъ, оставленныхъ на второй годъ на III курсѣ, и тѣмъ не менѣе продолжавшихъ пользоваться стипендіей, вообще значительно.

Уклоненіе столь большаго числа студентовъ отъ срочныхъ испытаний замѣчается не смотря на то, что экзамены весьма облегчены, по крайней мѣрѣ для студентовъ I и III курса, ибо для нихъ испытаніе производится всего только изъ трехъ предметовъ (на I в. юри-

дическаго факультета изъ 4), а на физико-математическомъ факультетѣ случается, что переводятся изъ I курса во II студенты, не явившіеся къ экзаменамъ изъ анатоміи или изъ аналитической геометріи.

Окончательнымъ испытаніемъ студенты подвергаются по собственному выбору или въ апрѣлѣ и маѣ, или съ конца октября по конецъ декабря. Раздѣлять экзаменъ и держать его изъ однихъ предметовъ въ весеннюю, а изъ другихъ въ зимнюю пору, не дозволяется. Тѣмъ не менѣе и на окончательныхъ испытаніяхъ число уклоняющихся отъ нихъ или начинающихся подвергаться имъ въ одну пору и затѣмъ откладывающихся ихъ до другой поры, все таки значительно.

Одному студенту IV курса историко-филологическаго факультета было разрѣшено въ 1874 г. „въ виду особыхъ (не объясненныхъ впрочемъ) обстоятельствъ“ раздѣлить испытаніе на двѣ половины, весеннюю и осеннюю; но въ маѣ 1874 г. онъ выдержалъ испытаніе только изъ древней и изъ русской исторіи, изъ всѣхъ же прочихъ предметовъ держалъ экзаменъ не въ зимнюю пору 1874, г. а черезъ годъ, въ апрѣлѣ и въ маѣ 1875 г., и притомъ изъ русской словесности, логики и психологіи додерживалъ одинъ 30 мал.

На юридическомъ факультетѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1875 г. допущенъ къ экзамену еще особый разрядъ студентовъ, именно 8 бывшихъ студентовъ IV курса. Происхожденіе этого разряда студентовъ можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что они уже пробыли 6 лѣтъ студентами, и въ силу правилъ 1869 года не могли быть болѣе оставлены въ университетѣ, но вопреки этому были допущены къ экзамену не въ качествѣ постороннихъ лицъ (въ каковомъ случаѣ должны были бы держать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ и на степень кандидата), а въ качествѣ все таки студентовъ.

Многіе студенты уклоняются отъ экзаменовъ въ назначенные для того дни, и держатъ ихъ потомъ одни, отдѣльно отъ своихъ товарищей. Особенно часты такіе случаи на окончательныхъ экзаменахъ. Такъ, между прочимъ, 11 человѣкъ юристовъ IV курса не явились („опоздали“, какъ сказано въ дѣлѣ) на общій экзаменъ изъ уголовного судопроизводства 21 и 22 мая 1875 г. и держали этотъ экзаменъ у профессора, безъ ассистента, въ 4 различные срока. Случаевъ такого опаздыванья очень много, и тогда отыѣтки имъ выставляются за подписью одного экзаменатора. Вообще, хотя по § 100 правилъ, переводныя и повѣрочныя испытанія производятся въ комисіяхъ, но при дѣлахъ имѣется большое число экзаменныхъ списковъ за подписью лишь одного экзаменатора, изъ чего можно заклю-

чить, что ни декана, ни ассистента при экзаменѣ не было; за подписью всѣхъ трехъ членовъ комисіи вовсе не имѣется экзаменныхъ списковъ. Бываетъ и такъ, что экзаменъ производится одновременно профессоромъ и деканомъ, каждымъ изъ своего предмета, и затѣмъ деканъ скрѣпляетъ своею подписью экзаменный списокъ профессора.

Случается, что профессора забываютъ выставить отмѣтки экзаменованнымъ у нихъ студентамъ, и уже впоследствии исправляютъ эту оплошность. Такъ, одинъ профессоръ пишетъ: „означенные студенты экзаменовались, но отмѣтокъ имъ по ошибкѣ не выставлено“ (слѣдуютъ имена трехъ студентовъ). Экзаменъ этотъ происходилъ 4—8 апрѣля, а записка помѣчена 8 мая.

Нерѣдки также случаи переправки поставленныхъ раньше балловъ на высшіе.

Окончательныя испытанія наиболѣе облегчены на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и восточныхъ языковъ. Такъ на первомъ изъ этихъ факультетовъ, общихъ для всѣхъ студентовъ предметовъ окончательнаго испытанія 6, а за тѣмъ для специалистовъ: по *русской исторіи* (такихъ было 12, въ томъ числѣ 8 стипендіатовъ изъ общаго числа 13 стипендіатовъ) три предмета, по *русской словесности* три предмета, по *славянской филологіи* три предмета, по *сравнительному языковѣдѣнію* два предмета, по *философіи* два, и только по *древнимъ языкамъ* пять предметовъ. На разрядѣ естественныхъ наукъ можно получить степень кандидата, выдержавъ экзаменъ изъ геологіи, палеонтологіи, біологіи млекопитающихъ и специальной зоологіи; или изъ химіи, минералогіи, геологіи съ палеонтологіей и общей зоологіи; или изъ тѣхъ же курсовъ, но безъ общей зоологіи; или изъ тѣхъ же курсовъ, но безъ зоологіи, геологіи и палеонтологіи, т. е. собственно изъ химіи и минералогіи или изъ химіи и физиологіи; или наконецъ изъ одной химіи, и т. д. Изъ 28 студ. разряда естественныхъ наукъ, 26 получили степень кандидата и 2 званіе дѣйствительнаго студента.

Отмѣтки изъ православнаго богословія и одного изъ двухъ новыхъ языковъ ни на одномъ изъ факультетовъ не входятъ въ расчетъ при среднемъ выводѣ изъ балловъ для удостоенія степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента. Изъ богословія всякій студентъ держитъ экзаменъ на какомъ курсѣ ему заблагоразсудится, а изъ одного изъ новыхъ языковъ — по окончаніи всѣхъ другихъ экзаменовъ IV курса. Кромѣ того, не принимаются во вниманіе при среднемъ выводѣ изъ балловъ окончательнаго испытанія: на юриди-

ческомъ факультетѣ по юридическому разряду судебная медицина; на математическомъ факультетѣ по математическому разряду неорганическая химія и физическая географія; по разряду естественныхъ наукъ — физика и физическая географія; и на факультетѣ восточныхъ языковъ — русская словесность и русская исторія.

Отмѣтки, поставленныя по каждому отдѣлу науки, или полученныя изъ одной науки на разныхъ курсахъ, сводятся въ одну отмѣтку, причемъ дробь принимается за единицу. Такъ, напримѣръ, баллы 4, 4^{1/2} и 5, выставленные по принадлежности за химію неорганическую, органическую и аналитическую, даютъ общую отмѣтку по химіи — 5.

Послѣ весеннихъ экзаменовъ 1875 года, по опредѣленію юридическаго факультета, было добавлено по одному баллу изъ какого-либо предмета двѣнадцати студентамъ, и послѣ зимнихъ экзаменовъ семи студентамъ. Одинъ студентъ IV курса того же факультета обратился 30 мая 1875 г. къ декану съ такимъ прошеніемъ: „Такъ какъ у меня не достаесть узаконеннаго числа балловъ для полученія степени кандидата, то прошу ваше пр-во добавить мнѣ недостающіе баллы или допустить меня къ переэкзаменовкѣ изъ одного предмета.“ Студентъ этотъ былъ допущенъ къ переэкзаменовкѣ.

Одинъ студентъ I курса не подвергался вовсе экзамену и тѣмъ не менѣ переведенъ во II курсъ, а другой студентъ (II курса) получилъ 2 изъ арабскаго языка, и переведенъ на III курсъ условно. Эти условные переводы еще болѣе въ ходу на юридическомъ факультетѣ: съ I на II курсъ переведены такимъ образомъ 4 студента, и со II на III курсъ 1 студентъ. Студентъ II курса историко-филологическаго факультета, пробывъ уже 2 года на курсѣ, получилъ на экзаменѣ изъ русской исторіи единицу, но 17-го мая, вопреки § 102 правилъ, былъ допущенъ къ переиспытанію, неизвѣстно съ чьего разрѣшенія, и притомъ уже у другаго преподавателя.

Два студента историко-филологическаго факультета были оставлены на второй годъ на II курсѣ съ сохраненіемъ стипендій, и въ 1875 г. были одновременно допущены и къ переводному испытанію изъ II курса въ III-й, и къ повѣрочному изъ III въ IV-й, и выдержали оба удовлетворительно, вслѣдствіе чего, по ходатайству факультета, отъ 31-го мая 1875 г., были зачислены прямо со II курса въ IV-й, минуя III курсъ.

Студентъ III курса того же факультета, сохранившій стипендію не смотря на то, что остался на второй годъ на III курсѣ, вмѣсто того, чтобы подвергнуться въ слѣдующемъ году повѣрочному испи-

танію изъ предметовъ III курса, держалъ въ апрѣлѣ и маѣ 1875 г. прямо окончательный экзаменъ вмѣстѣ со студентами IV курса, и выдержалъ его со степенью кандидата, не бывъ вовсе студентомъ IV курса.

Студентъ III курса того же факультета точно также былъ оставленъ на второй годъ на III курсѣ съ сохраненіемъ стипендіи, въ маѣ 1875 г. подвергался повѣрочнымъ испытаніямъ въ предметахъ III-го курса, а осенью того же года допущенъ къ экзамену на степень кандидата и выдержалъ оный, сокративъ такимъ образомъ свое пребываніе на IV курсѣ на полгода.

Студентъ III курса физико-математическаго факультета допущенъ прямо къ окончательному экзамену весной 1875 г., затѣмъ отложилъ его до осени и получилъ степень кандидата, пробывъ на IV курсѣ лишь 2 мѣсяца.

Студенту юридическаго факультета, не явившемуся на экзаменъ, одинъ изъ профессоровъ поставилъ баллъ посредствомъ слѣдующей телеграммы изъ Вильны, отъ 31 мая 1874 года: „Студента (слѣдуетъ имя) пропустить можно съ 3, если выдержалъ изъ другихъ.“

Изъ дѣлъ Казанскаго университета коммиссія могла усмотрѣть, что изъ 51 студентовъ всѣхъ курсовъ историко-филологическаго факультета на испытаніяхъ 1875 г. неудовлетворительную отмѣтку получилъ только 1 студентъ, но выдержали испытаніе только 40 чел., слѣдовательно, остальные 10 чел. уклонились отъ испытаній. Собственно же отъ испытаній въ маѣ мѣсяцѣ уклонились совсѣмъ или отчасти изъ 51 студ. 20 чел., въ томъ числѣ 8 стипендіатовъ. Обычай уклоняться вовсе отъ испытаній весьма распространенъ и на другихъ факультетахъ Казанскаго университета, а равно и въ другихъ университетахъ.

Независимо отъ изложеннаго въ двухъ предъидущихъ отдѣлахъ, предметомъ занятій коммисіи служили также вопросы, относящіеся до принятыхъ и могущихъ быть принятыми мѣръ къ приготовленію и назначенію профессоровъ, а равно вопросы объ организаціи университетскаго управленія и объ отношеніи университетовъ къ высшей мѣстной учебной власти и къ министерству народнаго просвѣщенія. Но какъ по этимъ вопросамъ матеріалы, собранные коммисіей и состоящіе преимущественно изъ мнѣній и соображеній, выска-

занныхъ профессорами различныхъ университетовъ, представляютъ мало фактическихъ данныхъ, то оба послѣдніе отдѣла „Матеріаловъ“ устранены въ настоящемъ извлеченіи.

Можно указать однако же на нѣкоторые факты и статистическія данныя, относящіяся къ практикуемому въ университетахъ способу приготовления профессоровъ и свидѣтельствующіе, что способъ этотъ не вездѣ привелъ къ результатамъ, которые можно было бы считать удовлетворительными. Нижеслѣдующія данныя относятся къ десятилѣтію 1863—73 годовъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ были оставлены при факультетахъ 33 стипендіата для приготовленія къ профессурѣ, по самымъ разнообразнымъ наукамъ. Изъ нихъ вышло въ преподаватели 8; остальные не держали или не выдержали магистерскаго экзамена. По главнѣйшимъ предметамъ почти не было оставляемо стипендіатовъ: по древнимъ языкамъ былъ оставленъ 1 и 1-же по математикѣ, и оба не выдержали экзамена.

Въ Кіевскомъ было оставлено 35; изъ нихъ 9 не выдержали устного экзамена на магистра, 9 вовсе не держали экзамена, 7 не представили диссертации и, слѣдовательно, экзамена не кончили. Итого изъ 35 чел. 25 оказалось неудавшихся, изъ остальныхъ 10-ти 8 получили мѣста при Кіевскомъ университетѣ.

Въ Московскомъ университетѣ изъ 58 оставленныхъ при университетѣ (не считая трехъ умершихъ), 26 чел. вовсе не приступали къ экзамену на высшія ученныя степени, 12 не представили диссертаций и 20 вышли въ преподаватели.

Для объясненія неудачъ, постигавшихъ столь значительное число оставленныхъ при университетахъ стипендіатовъ, многіе профессора указывали на отвлеченіе молодыхъ людей отъ труднаго преподавательскаго пути другими, болѣе легкими и выгодными поприщами, каковы, напримѣръ, юридическая и инженерная карьеры. Но бываетъ также, что стипендіаты принуждены оставлять ученую карьеру по немнѣнью преподавательскихъ вакансій: въ Москвѣ есть магистры, не имѣющіе мѣстъ и живущіе частными уроками.

Въ заключеніе, для лучшаго нагляднаго обзорѣнія изложенныхъ въ этомъ извлеченіи свѣдѣній, прилагаются нижеслѣдующія статистическія таблицы.

I.

Сводная вѣдомость о числѣ студентовъ въ 8 университетахъ
за періодъ 1866—18⁷⁵/₇₆ гг.

Факультеты.	Въ шести университетахъ (безъ Варшавскаго и Дерптскаго).						Во всѣхъ восьми университетахъ.						
	Историко-филологическ. Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	В С Е Г О.	Богословскій.	Историко-филологическ. Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	В С Е Г О.		
Къ 1 января 1866 года	209	951	1818	602	11	3591	76	266	1020	1995	744	11	4112
» 1867 »	215	928	1904	567	19	3633	63	287	1004	2076	694	19	4143
» 1868 »	288	744	2188	625	24	3869	44	368	818	2363	736	24	4353
» 1869 »	315	863	2437	779	31	4425	49	393	926	2635	900	31	4934
» 1870 »	366	759	2576	850	32	4583	61	504	1059	3191	1354	32	6201
» 1871 »	409	776	2788	1037	35	5045	70	542	1023	3345	1616	35	6651
» 1872 »	402	769	2770	1324	36	5301	81	525	981	3234	1877	36	6734
» 1873 »	398	696	2295	1309	42	4740	87	507	874	2720	1832	42	6062
» 1874 »	382	718	1822	1383	48	4353	86	501	883	2249	1868	48	5835
» 1875 »	345	763	1515	1464	46	4133	85	472	907	1875	1983	46	5368
Въ 1 полугодіе 18 ⁷⁵ / ₇₆ г.	461	929	1364	1695	43	4492	102	612	1055	1724	2255	43	5791

1) Въ томъ числѣ 40 по политической экономіи и статистикѣ.
2) Въ томъ числѣ 85 по фармаціи.

II.

Сводная вѣдомость о числѣ студентовъ, получавшихъ стипендіи и денежные пособія и освобожденныхъ отъ платы за ученіе въ шести университетахъ (безъ Варшавскаго и Дерптскаго) въ періодъ съ 1866 г. по 1874 г.

Г о д а.	ФАКУЛЬТЕТЫ.	Истор.-филологич.		Физ.-мат.		Юридическій.	Медицинскій.	Восточн. языковъ.	В С Е Г О.	Общее число студ.	Проз. содера.
		Истор.-филологич.	Математич.	Физ.-мат.							
				Естествен.							
1866	Стипендіатовъ обязат. . .	47	59	48	104	231	12	496	3591	13,8	
	» необязат. . .	34	19	18	55	41	3	170		4,7	
	Получавшихъ пособія. . .	29	42	50	156	67	—	343		9,6	
	Освобожден. отъ платы. . .	100	139	160	461	263	15	1129		31,4	
	Всѣхъ.	210	259	262	776	601	30	2138		59,5	
1867	Стипендіатовъ обязат. . .	56	54	43	73	223	18	467	3633	1,29	
	» необязат. . .	35	23	17	60	33	3	171		4,7	
	Получавшихъ пособія. . .	34	88	93	329	50	—	594		16,4	
	Освобожден. отъ платы. . .	99	135	135	454	222	21	1066		29,3	
	Всѣхъ.	224	300	288	916	528	42	2298		63,3	
1868	Стипендіатовъ обязат. . .	71	42	20	90	247	19	489	3869	12,6	
	» необязат. . .	40	31	29	84	40	3	227		5,8	
	Получавшихъ пособія. . .	65	121	93	538	142	2	961		24,8	
	Освобожден. отъ платы. . .	127	160	119	581	255	22	1264		32,6	
	Всѣхъ.	305	348	264	1283	680	46	2926		75,7	
1869	Стипендіатовъ обязат. . .	92	41	18	86	238	23	498	4425	11,3	
	» необязат. . .	59	47	34	141	48	2	331		7,4	
	Получавшихъ пособія. . .	78	138	89	536	224	3	1068		24,1	
	Освобожден. отъ платы. . .	163	134	101	655	288	25	1366		30,9	
	Всѣхъ.	392	360	232	1418	798	53	3263		73,7	

Г о д а.	ФАКУЛЬТЕТЫ.	Истор.-филологич.			Физ.-мат.		Юридическій.	Медицинскій.	Восточн. языковъ.	В С Е Г О.	Общее число студ.	Прод. содерж.
		Истор.-филологич.	Физ.-мат.									
			Математич.	Естествен.								
1870	Стипендіатовъ обязат. . .	114	29	11	80	233	20	487	4588	10,6		
	» необязат. . .	59	63	54	270	51	—	497			10,8	
	Получавшихъ пособія. . .	105	150	124	668	183	11	1241			27,1	
	Освобожден. отъ платы. . .	155	139	114	767	391	22	1588			34,7	
	Всѣхъ.	433	381	37	1785	858	53	3813			83,2	
1871	Стипендіатовъ обязат. . .	109	25	9	90	237	27	497	5045	9,8		
	» необязат. . .	66	65	55	302	70	—	558			11,1	
	Получавшихъ пособія. . .	100	90	69	636	226	6	1127			22,3	
	Освобожден. отъ платы. . .	189	152	109	783	457	30	1721			34,1	
	Всѣхъ.	464	332	243	1811	990	63	3903			77,3	
1872	Стипендіатовъ обязат. . .	104	22	9	79	232	24	470	5301	9,0		
	» необязат. . .	70	64	67	301	84	2	588			11,1	
	Получавшихъ пособія. . .	96	97	74	581	324	3	1175			22,2	
	Освобожден. отъ платы. . .	221	173	128	862	495	31	1910			36,0	
	Всѣхъ.	491	356	278	823	1135	60	4143			78,3	
1873	Стипендіатовъ обязат. . .	121	35	11	64	214	21	466	4740	9,8		
	» необязат. . .	80	90	66	303	91	6	636			13,4	
	Получавшихъ пособія. . .	70	90	74	488	319	4	1041			21,9	
	Освобожден. отъ платы. . .	202	155	118	661	566	29	1731			36,4	
	Всѣхъ.	473	370	269	1512	1190	60	3874			81,5	
1874	Стипендіатовъ обязат. . .	112	32	6	57	220	17	441	4353	10,1		
	» необязат. . .	87	90	69	296	105	5	652			15,0	
	Получавшихъ пособія. . .	61	69	67	436	430	2	1065			24,5	
	Освобожден. отъ платы. . .	202	164	116	623	593	31	1729			39,7	
	Всѣхъ.	462	355	258	1409	1348	55	3887			89,3	
За 9 лѣтъ 1866—1874	Стипендіатовъ обязат. . .	828	333	173	710	2071	181	4296	39550	10,9		
	» необязат. . .	530	492	409	1812	563	24	3830			9,7	
	Получавшихъ пособія. . .	636	885	733	4364	1964	31	8615			21,8	
	Освобожден. отъ платы. . .	1458	1351	1092	5847	3530	226	13504			34,1	
	Всѣхъ.	3454	3061	2407	12733	8128	462	30245			76,5	

III.

Вѣдомость о суммахъ, издержанныхъ изъ разныхъ источниковъ во всѣхъ русскихъ университетахъ на стипендіи, пособия студентамъ, и въ видѣ освобожденія отъ платы за ученіе ¹⁾.

УНИВЕРСИТЕТЫ:	С т и п е н д і и.										П о с о б і я.			О с в о б о ж д е н і е отъ п л а т ы.		Н а с ѣ с л о с ѣ б ѣ исполнителей и на студа- нтамъ.			
	Изъ государ- ственнаго ка- значества.		Отъ разныхъ ведомствъ и ураженій.		Изъ повер- женныхъ ка- питаловъ.		Изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій.		В С Е Г О.		Изъ государ- ственнаго ка- значества.		Изъ разныхъ источниковъ.		Изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій.		Изъ разныхъ источниковъ легко.		
	Число стипендіанъ.	Сумма.	Число стипендіанъ.	Сумма.	Число стипендіанъ.	Сумма.	Число стипендіанъ.	Сумма.	Число стипендіанъ.	Сумма.	Число получившихъ пособія.	Сумма.	Число получившихъ пособія.	Сумма.	Число получившихъ пособія.	Сумма.	Число получившихъ пособія.	Сумма.	
С.-Петербургскій	299	70747	—	—	59	14443	—	—	358	86190	172	4333	—	—	884	77	43125	1491	132648
Московскій	203	58505	43	10686	107	13123	16	7055	369	89369	875	8790	—	—	624	30	31950	1398	130108
Казанскій	116	25220	70	15186	11	2210	1	250	198	42866	—	—	188	5740	58	146	5240	590	53846
Харьковскій	89	20747	36	10827	11	3229	—	—	136	34803	—	—	300	10168	452	—	18080	888	63051
Новороссійскій	88	17728	11	2670	15	4265	—	—	114	24683	—	—	34	770	105	—	4200	283	28633
Св. Владимира	87	16959	10	—	18	1648	—	—	115	18607	261	9437	—	—	459	—	18360	836	46404
Варшавскій	25	8335	—	—	42	6399	25	4981	92	19715	свѣдѣній не доставлено	—	—	157	—	7850	249	27665	—
Дерптскій	54	10391	3	500	16	2309	—	—	73	13200	65	1170	—	—	160	—	1600	298	15870
В с е г о	961	228632	173	39869	279	47626	42	12286	1456	328413	873	23730	522	16678	2899	253	130405	6002	499228

¹⁾ Свѣдѣнія сіи попернудт изъ вселопандійскаго отчета Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за 1873 годъ.
²⁾ О размѣрѣ этихъ стипендіанъ, равно какъ 8-ми стипендіанъ изъ пожертвованныхъ, свѣдѣній не доставлено.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и о контролѣ надъ ними; темы для соисканія наградъ медалей; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ въ университетѣ лицъ; публичныя лекціи; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; общество опытныхъ наукъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1876 года число штатныхъ преподавателей было слѣдующее: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—7, доцентовъ—3, лекторовъ новѣйшихъ языковъ — 2; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—12, экстраординарныхъ—3, лаборантовъ—4; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—6, доцентовъ—1; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ—10, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—6, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозекторовъ—3, лаборантовъ—2, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ—8. Вообще состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ—35, экстраординарныхъ—8, доцентовъ—10, лекторовъ иностранныхъ языковъ—2, прозекторовъ—2, помощниковъ прозекторовъ—3, лаборантовъ—6, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ—6; сверхъ того, при университетѣ состоялъ профессоръ богословія. Привать-доцентовъ было—5. Вакантными были слѣдующія каѳедры: агрономіи съ 16-го сентября 1872 года, энциклопедіи права съ 29-го сентября 1868 г., римскаго права съ 1-го іюня 1858 года, гражданскаго права съ 4-го іюля 1873 года, международнаго права съ 31-го декабря 1872 года, нѣмецкаго языка съ 1875 года и итальянскаго съ 1872 года; сверхъ

того, не открыты положенія по уставу 1863 года каедры: по историко-филологическому факультету — теории и истории изящныхъ искусствъ, по юридическому — истории русскаго права, истории славянскихъ законодательствъ, государственнаго права и церковнаго законовѣдѣнія, по медицинскому — терапевтической госпитальной клиники и хирургической госпитальной клиники. Преподаваніе по вакантнымъ каедрамъ поручено было или штатнымъ преподавателямъ, или же приглашеннымъ для сего постороннимъ лицамъ, а именно: энциклопедіи и русскаго государственнаго права — профессорамъ Владимірову и Гаттенбергеру, римскаго права — профессору Стоянову и приватъ-доценту Загурскому, гражданскаго права — заслуженному профессору Михайлову.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 20, физико-математическій — 30, юридическій — 42, медицинскій — 24. Контроль научныхъ занятій студентовъ состоялъ: а) въ постоянномъ, въ теченіе года, наблюденіи преподавателей за практическими упражненіями студентовъ, б) въ годовыхъ теоретическихъ испытаніяхъ и в) въ годовыхъ практическихъ испытаніяхъ. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ производились практическія упражненія, которыя состояли въ слѣдующемъ: на *историко-филологическомъ факультетѣ*: по греческой словесности студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались переводомъ Рѣчи Демосеена противъ Лептина, Достопамятностей Ксенофонта и Элегіи Калина и Тиртея; студенты же первыхъ двухъ курсовъ — письменными переводами изъ Анабазиса Ксенофонта, Илиады и Одиссеи, а также изъ Облаковъ Аристофана. По римской словесности студенты первыхъ двухъ курсовъ и студенты третьяго и четвертаго курсовъ отдѣленія классической филологіи упражнялись, подъ руководствомъ преподавателя, въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. По сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ студенты внѣ лекцій переводили съ санскритскаго на русскій и на оборотъ, при чемъ сравнивались и разрабатывались разные вопросы по фонетикѣ и словообразованію. Студентъ Делленъ представилъ работу „Переводъ и объясненіе грамматическое девятаго и десятаго разказовъ четвертой главы Хитопадесы“. По истории русскаго языка и русскаго языка студенты первыхъ двухъ курсовъ, подъ руководствомъ преподавателя, приготавливались, по одному часу въ недѣлю, къ лекціи, посвящаемой разбору памятниковъ древней русскаго письменности со стороны языка, и занимались сочиненіями по русскаго словес-

ности, частію на предложенныя преподавателямъ, частію на избранныя самими студентами темы. Нѣкоторыя изъ представленныхъ преподавателю сочиненій находятся въ связи съ предметомъ его чтеній по исторіи литературы въ учебномъ году; таковы: *Конорова* — „О свадебныхъ пѣсняхъ“, *Гинкина* — „О заговорахъ“, *Крохтышева* — „Повѣсть о горѣ и злосчастіи“, *Шумиорскаго* — „Элементы поэтическаго произведенія“. Кромѣ того, писали: *Ник. Марковъ* и *Гинце* — „О Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, *Покровский* и *Далневскій* — „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“ Тургенева, *Сукачевъ* — „О Лермонтовѣ“, *А. Попова* — „О стоицизмѣ у Римлянъ“. Для разбора сочиненій, преимущественно со стороны языка и слога, назначалась одна лекція въ недѣлю. По всеобщей исторіи студентамъ для домашнихъ работъ предложены были слѣдующія задачи: 1) „Отчего Греція была въ древности однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ историческаго міра, а въ настоящее время не имѣетъ такого значенія?“, 2) „Периклъ—по Фукидиду“, 3) „Θемистоклъ—по Геродоту и Плутарху“, 4) „Общественное устройство древне-индійскихъ царствъ по „Индійскимъ древностямъ“ Лассена“, съ указаніемъ для каждой изъ этихъ темъ соотвѣтственныхъ источниковъ и пособій. По первой изъ этихъ задачъ представлена работа студентомъ *Шумиорскимъ*, по второй—студентомъ *Кузнецовымъ*. По церковной исторіи студентомъ 3-го курса историческаго отдѣленія *Кузнецовымъ* представлена письменная работа на тему „Средневѣковыя школы“ по сочиненію Геппе: „Das Schulwesen des Mittelalters“. По всеобщей литературѣ студенты занимались на лекціяхъ, подъ руководствомъ преподавателя, переводомъ и разборомъ памятниковъ романскихъ и нѣмецкихъ нарѣчій. Сверхъ того, были представлены три курсовыя сочиненія: студентомъ 4-го курса *Архангельскимъ* — переводъ и грамматическій разборъ нечитаннаго на лекціяхъ отрывка по древне-французской хрестоматіи „Degressions sur quelques vices et vertus du roy Louis XI“, студентомъ 2-го курса *Скиндеромъ* — изслѣдованіе „Литературный элементъ Жуанвилевой біографіи св. Людовика“, и студентомъ того же курса *Любарскимъ* — изслѣдованіе „Объ Аполлоніи Тіанскомъ и о его путешествіи въ Брахманамъ“. По философіи предложены были слѣдующія темы: „Философскій методъ Платона“, „Анализъ логики Гоббса“ и „Ученіе о причинности, Юма“. На вторую изъ этихъ темъ было представлено сочиненіе окончившимъ курсъ *Федотовымъ*. — На *физико-математическомъ факультетѣ*: по чистой математикѣ и аналитической механикѣ студенты занимались рѣшеніемъ задачъ. По

астрономіи студенты занимались въ свободныя отъ лекцій часы, упражненіями въ астрономическихъ наблюденіяхъ малымъ университетскимъ инструментомъ и рѣшеніемъ астрономическихъ задачъ. По зоологіи занимались: студенты 2-го курса—гистологическими упражненіями, студенты 3-го курса—опредѣленіемъ животныхъ и сравнительно-анатомическими изслѣдованіями. По ботаникѣ: студенты 2-го курса—упраженіями по анатоміи растений, 3-го и 4-го курсовъ—по систематикѣ явнотрачныхъ растений и по морфологіи оплодотворенія. По минералогіи: студенты 3-го курса—опредѣленіемъ минераловъ, кристаллографическими опредѣленіями и анализомъ минераловъ. По геологіи: студенты 3-го курса—опредѣленіемъ горныхъ породъ. По химіи неорганической: студенты 2-го курса занимались качественнымъ анализомъ, 3-го курса—нѣкоторыми спеціальными работами; по химіи органической студенты 3-го курса—полученіемъ извѣстныхъ уже соединеній по извѣстнымъ способамъ; по аналитической химіи студенты 3-го курса—количественнымъ анализомъ. По физикѣ студенты высшихъ двухъ курсовъ занимались измѣреніемъ горизонтальной слагающей, опредѣленіемъ теплоемкости, длины волны различныхъ нотныхъ волнъ, электровозбудительныхъ силъ элементовъ, ихъ сопротивленій, калиброваніемъ термометровъ. По метеорологіи студенты отдѣленія физико-химическихъ наукъ знакомились съ устройствомъ и опредѣленіемъ метеорологическихъ инструментовъ и съ обработкою метеорологическихъ наблюденій. На *медицинскомъ факультетѣ*: по описательной анатоміи практическими работами на трупахъ заняты были главнымъ образомъ студенты первыхъ двухъ курсовъ, а студенты 5-го курса и лекаря приготовляли препараты только къ практическому экзамену по анатоміи. Практическія занятія производились ими на трупахъ съ налитыми инъекціонною массою артеріями, или безъ этого; препарировались или цѣлыя трупы, или отдѣльныя части ихъ. Предметами занятій были: для врачей и окончивающихъ курсъ студентовъ—нервы и артеріи, совмѣстно съ мускулами, иногда и венами на лицѣ, шеѣ и конечностяхъ, и вообще имѣли характеръ топографической анатоміи; для студентовъ 2-го курса—артеріи и нервы всего человѣческаго тѣла, въ смыслѣ физиологической анатоміи; кромѣ того, для занятій и демонстрацій имъ давались отдѣльныя полости, какъ головная, грудная и брюшная; для студентовъ 1-го курса—связки сочлененій, мускулы и фасціи въ первой половинѣ, и мускулы и внутренности—во второй половинѣ академическаго года. Практическія работы произво-

дѣлились ежедневно. Кромѣ послѣобѣденнаго времени (отъ 3 до 8 часовъ), студенты работали на трупахъ также и утромъ (отъ 8 до 2 часовъ) въ часы, свободные отъ лекцій. Для подробнаго же разбора готовыхъ уже препаратовъ употреблялось время отъ 5 до 7 часовъ послѣ обѣда. Методъ веденія занятій былъ слѣдующій: а) всѣ работающіе студенты, для удобства занятій, раздѣлены были на группы, по 10-ти человѣкъ въ каждой; б) занятія ведены были систематически, то-есть, сначала приготавлились связки, затѣмъ мышцы и т. д., и в) всякій приготовленный препаратъ разбирался препаратомъ, въ присутствіи товарищей и прозектора, причемъ послѣдній дѣлалъ въ описанію препарата дополненія, не находящіяся въ принятыхъ учебникахъ анатоміи. Работавшихъ въ анатомическомъ театрѣ было: въ 1-мъ полугодіи—139, въ томъ числѣ: докторантовъ — 1, оканчивающихъ курсъ студентовъ — 38, студентовъ 2-го курса — 40, 1-го курса — 60; во 2-мъ полугодіи—171, именно: докторантовъ—4, студентовъ 2-го курса—51 и 1-го курса—116. Материаломъ для практическихъ занятій служили 116 труповъ, въ томъ числѣ: судебно-медицинскихъ, не взятыхъ для погребенія родственниками—35, изъ богоугодныхъ заведеній—45, изъ тюремнаго замка—16, изъ дома подкидышей—20. Препаратовъ по анатоміи сдѣлано до 856; изъ нихъ докторскихъ—5, лекарскихъ—38, студентскихъ—813. Занятія по эмбриологіи студентовъ 3-го курса состояли въ изученіи развитія животныхъ тканей. Для болѣе успѣшнаго хода дѣлалъ преподаватель раздѣлялъ курсъ на двѣ параллельныя группы и съ каждой занимался по два часа въ недѣлю, причемъ каждый студентъ работалъ самостоятельно за отдѣльнымъ микроскопомъ и пользовался указаніями и объясненіями. По недостатку помѣщенія и неимѣнію учебныхъ пособій въ эмбриологическомъ кабинетѣ, практическія занятія производились въ помѣщеніи и съ микроскопами патолого-анатомическаго кабинета. Такое пользованіе не находящимся въ распоряженіи преподавателя эмбриологіи учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ сопровождалось большими затрудненіями, какъ потому, что помѣщеніе и микроскопы почти постоянно заняты студентами, работающими подъ руководствомъ профессора патологической анатоміи, такъ и потому, что студенты не могутъ во всякое время пользоваться учебными пособіями и помѣщеніемъ. Въ виду того, что исторія развитія можетъ изучаться съ успѣхомъ только практически и есть предметъ общеобразовательный для врачей, тѣсно связанный съ другими анатомическими и физиологическими науками, необходимо снаб-

дить эмбриологическій кабинетъ всѣми требующимися учебными пособиями. Практическія занятія по патологической анатоміи распределены были между тремя курсами: 1) элементарный курсъ патологической гистологии для студентовъ 3-го курса проходилса два раза въ недѣлю по два часа въ вечернее время. Цѣль его—приобрѣтеніе слушателями навыка въ приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ изъ опухолей и больныхъ органовъ, изслѣдованіи и толкованіи этихъ препаратовъ и въ гистологическомъ анализѣ отдѣльныхъ болѣзненныхъ процессовъ въ тканяхъ и органахъ. Согласно съ цѣлю, микроскопическому изслѣдованію объектовъ предпосылалось описаніе ихъ наружныхъ свойствъ и гистологическаго состава; указывалось взаимное отношеніе между ними и приѣмъ изслѣдованія, какимъ оно можетъ быть открыто, и объяснялся затѣмъ характеръ самаго патологическаго процесса, а также значеніе его для организма. Совмѣстно съ этими упражненіями, для первоначальнаго ознакомленія учащихся съ доступными простому глазу особенностями патологическихъ наростовъ и болѣзненно-измѣненныхъ органовъ производились демонстраціи всѣхъ, имѣющихся 'подъ рукою свѣжихъ препаратовъ, сопровождаемыя короткими описаніями ихъ и названіями патологическихъ процессовъ, какими вызваны демонстрируемыя измѣненія. 2) Курсъ патолого-анатомической казуистики для студентовъ высшихъ двухъ курсовъ, по два часа въ недѣлю, проходилса также съ микроскопомъ въ рукахъ. Цѣль этого курса упражненія слушателей въ самостоятельномъ изслѣдованіи патолого-анатомическаго матеріала. Здѣсь, послѣ краткаго сообщенія необходимыхъ свѣдѣній о происхожденіи объектовъ, о прижизненномъ теченіи болѣзни, буде оно извѣстно, и объ измѣненіяхъ, открываемыхъ простымъ глазомъ, при осмотрѣ отдѣльныхъ препаратовъ, или при вскрытіи цѣлаго трупа, предлагались для изслѣдованія цѣлыя серіи органовъ, принадлежащихъ извѣстному больному индивидууму, или же отдѣльные анатомическіе объекты, получаемые изъ клиникъ отъ извѣстныхъ студентамъ больныхъ. Затѣмъ полнымъ гистологическимъ анализомъ опредѣлялся патолого-анатомическій діагнозъ. Къ этому же курсу относились теоретическія чтенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ отдѣловъ патологической анатоміи, по два часа въ недѣлю. 3) Курсъ патолого-анатомическихъ вскрытій состоялъ въ вскрытіяхъ клиническихъ труповъ и веденъ былъ въ клиническіе часы, по принадлежности, когда представлялся для этого матеріалъ. Всѣ эти курсы считались обязательными для студентовъ и посѣщались съ достаточнымъ усердіемъ.

Къ необязательнымъ практическимъ занятіямъ студентовъ и другихъ лицъ въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи относились отдѣльныя патолого-анатомическія изслѣдованія, предпринимавшіяся частію съ цѣлію діагноза патологическихъ процессовъ, частію же съ цѣлію разрѣшенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Результатомъ органическаго развитія практическихъ занятій по патологической анатоміи являются напечатанныя въ 1875 году работы: врача-стипендіата *И. Кутырева* — „О лимфо-саркомахъ“ и „О саркомахъ съ гліановымъ перерожденіемъ“, *Дмитревскаго* — „Лейкомія съ амилоиднымъ перерожденіемъ внутреннихъ органовъ“, *Высоковича* — „Sarcoma myelogenicum“, *Александрова* — „Нужно бы вводить въ Россіи систематическое изслѣдованіе свиного мяса на трихинъ. Старое и новое о трихинахъ въ Россіи“, и приготовленныя къ печати статьи: *Фабра* — „Трихинозъ свиньи съ нагноеніемъ въ капсулахъ трихинъ“ и *Фабра* и профессора *Крылова* — „Trichinosis in Russland“. По тератологіи преподавателемъ были показываемы тѣ формы патологическихъ состояній человѣческихъ зародышей, которыя находятся при музеѣ патологической анатоміи, и происхождение ихъ было объясняемо на основаніи свѣдѣній исторіи развитія животныхъ. По физиологіи обязательныхъ практическихъ занятій не существуетъ; тѣмъ не менѣе лабораторія физиологическая постоянно открыта для желающихъ заняться какимъ либо спеціальнымъ изслѣдованіемъ какъ по физиологіи, такъ и по другимъ предметамъ, гдѣ можетъ быть примѣненъ физиологическій методъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи студенты 2-го, 4-го и 5-го классовъ занимались экспериментальнымъ повтореніемъ слышаннаго ими на лекціяхъ, приготовленіемъ препаратовъ, изученіемъ метода изслѣдованія животныхъ жидкостей, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Студенты 5-го курса занимались изслѣдованіемъ веществъ, относящихся къ ихъ клиническимъ наблюденіямъ. Прозекторъ судебной медицины, лекаръ *Беръ* занимался изученіемъ отношенія мышьяка къ летицилу мозга. Результаты его работы представлены факультету, какъ диссертация для полученія степени доктора медицины. Въ кабинетѣ общей патологіи студенты занимались практически изученіемъ патологическихъ измѣненій, встрѣчающихся при различныхъ болѣзненныхъ процессахъ. Во время практическихъ занятій производились опыты или самимъ профессоромъ, или кѣмъ нибудь изъ слушателей, подъ руководствомъ профессора, или демонстрировались различнаго рода способы производства вивесекцій. Въ часы, свободные отъ занятій, студенты зани-

мались повтореніемъ опытовъ вивесекцій, или изслѣдованіемъ тѣхъ объектовъ, которые были на практическихъ занятіяхъ. Кроме того, въ кабинетѣ общей патологіи занимались: лекарь *Кемарскій*—изслѣдованіемъ надъ дѣйствіями желчныхъ кислотъ на организмъ животныхъ, предварительное сообщеніе котораго напечатано въ журналѣ для нормальной и патологической гистологіи и клинической медицины, а докторъ *Пахомовъ* произвелъ цѣлый рядъ опытовъ надъ переливаніемъ крови, и привелъ эту работу къ концу. „Въ терапевтической клиникѣ занятія на стационарныхъ больныхъ состояли въ подробномъ разборѣ ихъ болѣзней, при чемъ студентамъ совѣтовалось обращать наибольшее вниманіе на объективное изслѣдованіе больныхъ, заключающееся въ наружномъ осмотрѣ, ощупываніи, постукиваніи, выслушиваніи, микроскопическомъ изслѣдованіи и химическомъ анализѣ выдѣлений больного. Для упражненія въ такомъ изслѣдованіи, наиболѣе трудномъ для начинающаго, было предложено студентамъ 4-го курса посѣщать клинику во время визитацій ея, чтобы упражняться въ это время въ постукиваніи и выслушиваніи, безъ знанія которыхъ діагностика внутреннихъ болѣзней немыслима. Во время вечернихъ же визитацій ординатора студенты имѣли возможность видѣть примѣненіе ларингоскопа къ изслѣдованію и леченію болѣзней гортани, а равно и упражняться въ такомъ изслѣдованіи. При разборѣ больныхъ студенты приучались отличать главные признаки болѣзней отъ второстепенныхъ, больше всего сбивающихся неопытнаго, признаковъ, находить зависимость одного признака отъ другаго, и вообще приучались оцѣнивать надлежащимъ образомъ добытые ими факты у кровати больного. Короче сказать, вниманіе студентовъ 4-го курса было направляемо главнымъ образомъ на діагностику болѣзней, тогда какъ вниманіе студентовъ 5-го курса по преимуществу обращалось на клиническую терапію. Въ амбулаторной клиникѣ студенты 5-го курса разбирали больныхъ и представляли для контроля директору клиники, послѣ чего назначалась студентами же терапія и ими же вписывалось все это въ предназначенную для этой цѣли книгу.—Въ хирургической клиникѣ занятія студентовъ состояли: а) въ изслѣдованіи стационарныхъ больныхъ и веденіи исторіи ихъ болѣзней; б) въ микроскопическомъ и химическомъ изслѣдованіи болѣзненныхъ продуктовъ; в) въ упражненіи въ изслѣдованіи внутренности уха, гортани и другихъ полостей, доступныхъ хирургическому изслѣдованію; г) въ производствѣ операцій; д) въ занятіяхъ поликлиническими больными и веденіи исторій болѣзней наиболѣе интересныхъ изъ нихъ.

Изъ работъ, произведенныхъ въ клинической лабораторіи, заслуживаютъ вниманіе слѣдующія: стипендіата *Бялина*—„Исслѣдованіе о механизмѣ ущемленія кишечныхъ грыжъ“, „Экспериментальныя исслѣдованія о рождѣ“ и „Исслѣдованіе вліянія температуръ кипѣнія и замерзанія на гниlostный лѣдъ“; докторантъ *Данилевскій*—произвелъ болѣе 30-ти анализовъ мочевыхъ камней, принадлежащихъ хирургическому кабинету. Произвели исслѣдованіе; студентъ 5-го курса *Матусевичъ* — „О способѣ анестезированія гидратомъ хлорала посредствомъ впрыскиванія его въ вены и подъ кожу“, *Панченко* — „Объ антисептическихъ свойствахъ салициловой кислоты“, *Милый*—„О способѣ обезкровливанія Эсмарха“.—Въ акушерской клиникѣ нѣкоторые студенты занимались особенными работами; такъ: *Михалевскій* и *Фавръ* — производили качественное и количественное исслѣдованіе мочи у беременныхъ и родильницъ, *Мясодовъ* и *Савельевъ*—занимались взвѣшиваніемъ тѣла, измѣреніемъ роста и живота беременныхъ, *Устѣнскій* и *Булаковъ*—сопоставленіемъ случаевъ для дифференціальной діагностики опухолей живота, *Гусаковъ*—опредѣленіемъ плотности оболочекъ яйца помощію особенно придуманнаго для того прибора. Вышеуказанныя занятія студентовъ въ клиникѣ были особенно полезны, вовлекая занимающихся въ болѣе близкому ознакомленію со многими разнообразными клиническими случаями, давая имъ возможность основательно изучить механизмъ родовъ и на дѣлѣ ближе ознакомиться съ научными способами исслѣдованія и распознаванія болѣзней.—Въ офталмологической клиникѣ студенты 5-го курса занимались, подъ руководствомъ преподавателя, опредѣленіемъ болѣзней глазъ и леченіемъ ихъ, какъ на больныхъ стационарныхъ, такъ и на амбулаторныхъ, наблюденіемъ болѣе серьезныхъ больныхъ на дому, производствомъ операцій какъ на фантомѣ, такъ и на больныхъ. Студенты *Оутуловъ* и *Шульгинъ*, кромѣ того, занимались офтальміатріей въ офталмологическомъ кабинетѣ, а студентъ *Подрезъ* представилъ очень подробное описаніе и офталмологическій рисунокъ рѣдкаго случая атрофіи всѣхъ сосудовъ сѣтчатой оболочки. Студенты 4-го курса занимались по вечерамъ упражненіями въ офтальмоскопированіи.

Для соисканія наградъ медалями, въ 1875 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ — „Хлодовигъ и основаніе Франкскаго государства“ и „о причитаніяхъ“ (Причитанія сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Ч. I. Москва, 1872 года); въ физико-математическомъ — „Изложить

теорію електродинамическихъ явленій, принимая во вниманіе изслѣдованія Гельмгольца, Ліувалля и друг. „Представитъ детальное изслѣдованіе четвертичной формаціи въ окрестностяхъ Харькова“ и „Опредѣлить степень и измѣняемость солнечнаго нагрѣванія въ Харьковѣ или его окрестности“; въ юридическомъ—„Гоббсезъ и его значеніе въ исторіи моральныхъ и политическихъ знаній“ (на премію Заруднаго) и „О наказаніи потерю чести по современнымъ законодательствамъ“; въ медицинскомъ—„О медико-полицейскомъ значеніи посуды“ и „о фзіологическомъ отношеніи слюны новорожденныхъ къ крахмаламъ“. За представленныя сочиненія награждены: золотыми медалями—студенты: историко-філологическаго факультета Николай *Марковъ* и юридическаго—Анатолій *Ходневъ*, Александръ *Воциминъ* и Кипріянь *Ярошъ*, почетнаго отзыва—студенты фзіико-математическаго факультета Иванъ *Осиповъ* и Евграфъ *Ходуновъ*.

Въ 1875 году преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоръ богословія *Добро-творскій*—Слово въ день годичнаго акта въ Харьковскомъ университетѣ и „Похожденіе богословской науки въ германскихъ университетахъ“, оба въ Православномъ Обзорѣни; ординарные профессеры: *Лебедевъ*—„Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ въ XV вѣкѣ“ и „Духъ и заслуги православнаго монашества“ въ Православномъ Обзорѣни, „О преподаваніи исторіи церкви въ университетѣ въ Вѣстникѣ Европы; *Стояновъ*—„Очерки исторіи и догматики международнаго права“; *Лазаревичъ*—„Руководство къ акушерству“, и „Случай трубной вѣматочной беременности“ (Прот. Медіц. Обзор.); *Потемня*—„О первомъ полногласіи“ и „Объ этимологическихъ измѣненіяхъ коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ“, оба въ Филологическихъ Запискахъ; *Бекетовъ*—„Объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ составѣ атмосферы“ и „О теплотѣ соединенія углерода съ водородомъ“; *Деларю*—„Лекціи исчисленія безконечно-малыхъ“; *Ценковский*—„Ueber Rhizopoden und verwandte Organismen“; *Леваковский*—„О почвѣ и водѣ въ гор. Харьковѣ“; *Сокальскій*—„О вліяніи на наше сельско-хозяйственное производство поземельнаго кредита въ настоящемъ его видѣ“ (Зап. Имп. Общ. Сельск. Хоз.); *Зарубинъ*—„Случай отравленія горько-миндальнымъ масломъ“ (Прот. Медіц. Обзор.), „О терапевтическомъ значеніи Пятигорскихъ сѣрныхъ водъ“ (Сбор. для изуч. Кавк. мин. водъ); *Кремьянскій*—„О необходимости безотлагательнаго переустройства желѣзноводской водопроводной системы и о прибавленіи желѣза къ

железноводскимъ ваннамъ“ (Прот. Бальн. Общ.) и „Къ вопросу объ опытахъ изслѣдованія надъ терпентиннымъ масломъ противъ ланточныхъ глисть“ (Прот. Мед. Обзор.); *Грубе*—„Къ леченію рака въ груди“ и „Четвертый съѣздъ германскихъ хирурговъ“ (Прот. Медиц. Обзор.), кромѣ того, состоя референтомъ по русской хирургической литературѣ въ *Centralblatt für Chirurgie*, напечаталъ до 50-ти рефератовъ; *Щелковъ*—участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ переводѣ учебника *Брюке*; *Лашкевичъ*—„Клиническія изслѣдованія о Syphilis hereditaria tarda“, „О симптоматическомъ расширеніи желудка у женщины при страданіи полового аппарата“ (Прот. Мед. Обзор.) и редактировалъ переводъ руководства къ частной патологии и терапіи Цимсона; экстраординарные профессора: *Латермаркъ*—„Техническо-химическое изслѣдованіе нѣкоторыхъ сортовъ кавказскаго керосина“ и „Химическія изслѣдованія нѣкоторыхъ водъ окрестностей гор. Харькова; „*Януковичъ*—„О дѣйствии кислорода на каменные угли и парафинъ при 120°“ (Журн. Рус. Химич. Общ.); *Крыловъ*—„Исторія трихиноза въ Россіи“ (Прот. Мед. Обзор.); *Якобъ*—„О полупрозрачныхъ тканяхъ одеждъ“ (журналъ Здоровье); *Гиршманъ*—„О леченіи трахомы“ (Прот. Мед. Обзор.); доценты *Кирпичниковъ*—переводъ статьи Мейера „Современное состояніе романской филологіи“ съ предисловіемъ переводчика, и разборъ книги „Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, изд. Безсоновымъ“ (*Revue critique*); прозекторы: *Ганъ*—„О дихроизмъ-альбуминѣ, открытомъ въ гниющей крови животныхъ“ (Прот. Мед. Обзор.) и „Курсъ патологии развитія человѣческаго зародыша“ *Поповъ*—„Ненормальное сочлененіе первой пары реберъ“, „Грудино-околосердечныя связки человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ“ (Прот. Мед. Обзор.); помощники прозектора *Морозовъ*—„О вліяніи способа растягиванія на тазобедренный и колѣнный суставы“. — Публичныя бесплатныя лекціи читали профессора: Бекетовъ — по технической химіи, Ковальскій — по практической механикѣ и Яцковичъ — по технологіи. Кромѣ того были читаны публичныя лекціи преподавателями: въ пользу народныхъ школъ — Бекетовымъ, Владиміровымъ, Лебедевымъ, Гиршманомъ, Кирпичниковымъ и Зеленогорскимъ; въ пользу общества для вспомошествованія студентамъ — Шишковымъ и въ пользу бѣдствующихъ славянъ — Владиміровымъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 года 14 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: магистръ *Базаровъ*—химіи, лекари: *Морозовъ*, *Гинсбургъ* и *Задлеръ* — медицины; въ степени магистра математики—кандидатъ *Андреевъ*. Затѣмъ удостоено

степени кандидата—37, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому—8, физико-математическому—4, юридическому—25; званія дѣйствительнаго студента—25, въ томъ числѣ по факультетамъ: физико-математическому—1, юридическому—27. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря—39, званія уѣзднаго врача—38, провизора—19, аптекарскаго помощника—38, зубнаго врача—4, повивальной бабки—22. Для приготовления къ профессорскому званію состояли при университетѣ частію стипендіатами, частію безъ содержанія, кандидаты: *Шумиць*—по греческому языку, *Сумцовъ*—по всеобщей литературѣ, *Новиковъ*—по прикладной математикѣ, *Эмтековъ*—по химіи, *Куплеваскій* и *Кавалевскій*—по государственному праву, *Шабельскій*—по энциклопедіи права, *Черняевъ*—по исторіи русскаго права, *Делленъ*—по сравнительному языкованію и лекарь *Ковалевскій*—по психіатріи. Командированы были за границу съ ученою цѣлью: профессора Грубе и Гиршманъ для принятія участія въ ученыхъ сѣздахъ: первый въ Берлинъ на сѣздъ хирурговъ, а второй—въ Гейдельбергъ на сѣздъ энтомологовъ, и доцентъ Дриновъ. Изъ числа оставленныхъ при университетѣ стипендіатовъ кандидаты Черняевъ и Куплеваскій прикомандированы, для ученыхъ занятій, къ университетамъ: первый—къ С.-Петербургскому, а второй—къ университету св. Владимира.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1875 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава вмѣстѣ съ экстраординарнымъ кредитомъ—196.435 руб. 81 коп.; на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—115.194 р. 85 к., на общество испытателей природы—2.500 руб., всего—314.130 руб. 66 коп. По смѣтѣ специальныхъ средствъ исчислено было доходовъ всего—27.859 руб. 21 коп., въ томъ числѣ: сбора съ студентовъ за слушаніе лекцій—7.900 руб., процентовъ и остатковъ отъ процентовъ за прежніе годы съ пожертвованныхъ капиталовъ—15.049 руб. 21 коп., валовой доходъ университетской типографіи—4.910 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло—407; въ теченіе года вновь поступило—236, въ томъ числѣ: изъ гимназій—99, изъ духовныхъ семинарій—100, изъ другихъ университетовъ, медико-хирургической академіи и Демидовскаго юридическаго лица—15, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета—22; въ теченіе года выбыло—162, въ томъ числѣ: до окончанія курса—59, по окончаніи курса—103; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—481, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ:

на историко-филологическомъ—37, на физико-математическомъ—62 (по отдѣленію математическихъ наукъ—26, по отдѣленію естественныхъ наукъ—20, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ—16), на юридическомъ—129, на медицинскомъ—253. Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1875 года было — 23, въ теченіе года поступило — 45, въ томъ числѣ лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ—14, аптекарскихъ и ветеринарныхъ помощниковъ—31; въ теченіе года вышло—23, изъ нихъ до окончанія курса—11, по окончаніи курса — 12; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—45. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы: въ 1-мъ полугодіи—изъ 407 лицъ 219, то-есть 53°%, во 2-мъ полугодіи изъ 481 лица 243, то-есть болѣе 50°%. Стипендіями пользовались 142 студента — на сумму 39.800 р., въ томъ числѣ 103, на 28.860 руб. на счетъ суммъ государственнаго казначейства, и 39 на 10.940 руб.—на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ. Размѣръ стипендій былъ отъ 200 до 340 руб. включительно.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета въ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библиотекѣ находилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ—42.488 сочиненій 81.965 томовъ на сумму 213.928 руб. 98 коп., періодическихъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ — 568 томовъ 7.508 тетрадей на 46.515 руб. 97 коп., рукописей—192 тетради на 420 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей—2.961 номеръ въ 3.015 листахъ на 5.873 руб. 68 коп. Въ студентскомъ отдѣленіи библиотеки: книгъ—1547 названій 3.094 тома на 3.630 р., періодическихъ изданій—35 названій 315 томовъ на 420 руб., рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ—46 номеровъ на 250 р. Въ астрономическомъ кабинетѣ: инструментовъ и снарядовъ — 158 номеровъ въ 220 экземплярахъ на 20.899 руб. 37 коп.; книгъ, картъ и моделей—75 номеровъ въ 123 экземплярахъ на 1.077 руб. 26 коп. Въ кабинетѣ практической механики—79 номеровъ въ 91 экземплярѣ на 3.790 руб. 37 коп. Въ физическомъ кабинетѣ — физическихъ инструментовъ, принадлежностей къ нимъ, посуды, мебели, рабочихъ инструментовъ и книгъ — 580 номеровъ въ 1.241 экземплярѣ на 20.377 руб. 81¹/₂ коп. Въ метеорологической обсерваторіи и кабинетѣ физической географіи: инструментовъ—64 номера въ 73 экземплярахъ, книгъ—29 названій 34 тома, атласовъ и картъ—13 номеровъ 22 экземпляра, мебели — 3 экземпляра, всего на сумму 2.903 рубля 94 коп. Въ химической лабораторіи: аппаратовъ и сваря-

довь — 685 номеровъ 1.780 экземпляровъ на 8.624 руб. 46 коп., посуды стеклянной и фарфоровой и разнаго стекла — 439 номеровъ 6.366 экземпляровъ на 2.964 р. 86 к., препаратовъ и реактивовъ — 666 номеровъ 1.717 экземпляровъ на 3.864 руб. 91 коп., мебели — 105 номеровъ 169 экземпляровъ на 2.597 руб. 95 коп., рисунковъ и книгъ — 11 номеровъ 24 экземпляра на 366 р. 20 к. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи — 214 номеровъ 696 экземпляровъ на 2.354 руб. 78 коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ: минераловъ — 9.110 номеровъ 6.363 экземпляра на 14.185 руб. 6 коп., моделей — 2.070 номеровъ на 812 руб., книгъ — 565 номеровъ на 404 руб. 66 коп., мебели — 42 номера на 668 руб. 46 коп., инструментовъ — 41 номеръ на 1.300 руб. 22 коп., лабораторныхъ и кабинетныхъ принадлежностей — 561 номеръ 4.878 экземпляровъ на 1.216 руб. 76 коп. Въ геологическомъ кабинетѣ: окаменѣлостей — 2.534 номера 2.892 экземпляра на 1.572 р. 55 к., горныхъ породъ — 2.272 номера 2.037 экземпляровъ на 599 руб. 21 коп. моделей — 2 номера 67 экземпляровъ на 88 руб. 28 коп., инструментовъ — 36 номеровъ 43 экземпляра на 1.141 руб., книгъ — 58 названій 132 тома на 1.358 руб. 59 коп., атласовъ и картъ — 13 номеровъ 17 названій на 207 руб. 71 коп., картонныхъ ящиковъ и футляровъ — 5 номеровъ 7.705 экземпляровъ на 253 руб., мебели — 8 номеровъ 54 экземпляра на 1.307 руб., стеклянной посуды — 8 номеровъ 37 экземпляровъ на 48 руб. 35 коп. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений — 1.383 номера 10.797 экземпляровъ, фруктовыхъ деревьевъ — 62 номера 510 экземпляровъ, кустарниковъ и травъ — 2.214 номеровъ 11.535 экземпляровъ, инструментовъ — 46 номеровъ 144 экземпляра, посуды — 16 номеровъ 105 экземпляровъ, мебели — 15 номеровъ 87 экземпляровъ, различныхъ предметовъ — 66 номеровъ 199 экземпляровъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений — 53 номера около 60.000 экземпляровъ, инструментовъ и приборовъ — 54 номера 133 экземпляра на 2.099 руб. 83 коп., моделей гипсовыхъ, восковыхъ и проч. — 5 номеровъ 159 экземпляровъ на 146 руб. 98 коп., препаратовъ — 3 номера 771 экземпляръ на 60 руб., книгъ — 591 сочиненіе на 4.270 руб. 33 коп., мебели — 23 номера 103 экземпляра на 1.442 руб. 90 коп., посуды и матеріаловъ — 20 номеровъ 219 экземпляровъ на 146 руб. 60 коп. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: предметовъ въ видѣ чучель, моделей, спиртовыхъ и микроскопическихъ препаратовъ — 3.161 номеръ 36.095 экземпляровъ на 16.111 руб. 53 коп., мебели и дру-

гихъ предметовъ для храненія животныхъ—48 номеровъ 957 экземпляровъ на 2.297 руб. 89 коп., книгъ, журналовъ, атласовъ—90 названій 195 экземпляровъ на 802 руб. 9 коп.; приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ—121 номеръ 288 экземпляровъ на 942 руб. 69 коп. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: препаратовъ, моделей гипсовыхъ, восковыхъ и изъ папье-маше—1.457 номеровъ 1.480 экземпляровъ на 2.905 руб. 61 коп., приборовъ и инструментовъ—56 номеровъ 157 экземпляровъ на 1.506 руб. 96 коп., атласовъ, книгъ и журналовъ—86 названій 94 экземпляра на 1.163 руб. 83 коп., посуды стеклянной, фарфоровой, мѣдной и стеколь для микроскопическихъ препаратовъ — 33 номера 915 экземпляровъ на 619 руб. 58 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей—11 номеровъ 42 экземпляра на 989 руб. 66 коп. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: приборовъ, инструментовъ и другихъ вещей — 306 номеровъ на 7.045 руб. 61 коп. Въ кабинетѣ общей патологій, находящемся при физиологическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ, относящихся до преподаванія общей патологій — 54 номера 829 экземпляровъ на 1.083 руб. 35 коп. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ, инструментовъ и моделей — 344 номера 975 экземпляровъ на 6.966 руб. 22 коп., химическихъ и техническихъ препаратовъ—551 номеръ 1.585 экземпляровъ на 952 руб., книгъ, картъ и журналовъ—86 номеровъ 315 экземпляровъ на 862 руб. 12 коп., посуды стеклянной, фарфоровой, мѣдной и желѣзной — 115 номеровъ 1.552 экземпляра на 796 руб. 38 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей — 41 номеръ 99 экземпляровъ на 828 руб. 85 коп. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: 1.459 номеровъ на 3.370 руб. 33 коп. Въ музеѣ патологической анатоміи: анатомическихъ препаратовъ натуральныхъ, восковыхъ и изъ папье-маше — 820 номеровъ 1.218 экземпляровъ на 3.114 руб. 81 коп., книгъ, атласовъ и рисунковъ анатомическаго содержания — 226 номеровъ 389 экземпляровъ на 1.236 руб. 95 коп., анатомическихъ инструментовъ, микроскоповъ и другихъ учебныхъ пособій—132 номера 448 экземпляровъ на 3.315 руб. 37 коп., разной мебели—34 номера 72 экземпляра на 1.184 руб. 91 коп., стеклянной посуды—33 номера 1.373 экземпляра на 1.460 руб. 19¹/₄ коп. Въ музеѣ физиологической анатоміи: анатомическихъ препаратовъ, патологическихъ конкрементовъ, слѣпковъ изъ папье-маше, гипса и проч.—609 номеровъ 1.631 экземпляръ на 3.174 руб. 90 коп.; книгъ, брошюръ, атласовъ, рисунковъ и т. п.—75 номеровъ 236 экзempla-

ровъ на 941 руб. 91 коп.; анатомическихъ инструментовъ, микроскоповъ и другихъ учебныхъ пособій и металлической посуды—105 номеровъ 416 экземпляровъ на 1.992 руб. 69 коп.; шкафовъ, ящиковъ и другой мебели—93 номера 252 экземпляра на 2.528 руб. 62 коп., стеклянной посуды—32 номера 921 экземпляръ на 852 руб. 77 коп. Въ гистологическомъ кабинетѣ: препаратовъ и моделей восковыхъ, гипсовыхъ и изъ папье-маше—4 номера 75 экземпляровъ на 198 руб., приборовъ и инструментовъ—111 номеровъ 292 экземпляра на 2.091 руб. 19 коп., посуды стеклянной и фарфоровой—20 номеровъ 50 экземпляровъ на 70 руб. 10 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей—21 номеръ 83 экземпляра на 378 руб. 75 коп. Въ фармацевтической лабораторіи: препаратовъ коллекцій—1 номеръ 420 экземпляровъ на 54 руб., приборовъ и инструментовъ—106 номеровъ 176 экземпляровъ на 1.693 руб. 15 коп., книгъ — 18 сочиненій 24 тома на 88 руб. 5 коп., посуды стеклянной и фарфоровой — 44 номера 604 экземпляра на 362 руб. 80 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей—21 номеръ 25 экземпляровъ на 678 руб. 60 коп., фармакогнозическихъ коллекцій—21 номеръ 394 экземпляра на 98 руб. 50 коп., коллекцій щелочей органическихъ—1 номеръ на 32 руб., коллекцій минералогическихъ—1 номеръ на 25 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ: инструментовъ, моделей, машинъ и другихъ предметовъ—1.287 номеровъ 2.001 экземпляръ на 13.845 руб. 39 коп. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ и инструментовъ—165 номеровъ 224 экземпляръ на 1.938 руб. 71 коп., книгъ и атласовъ—71 номеръ 75 экземпляровъ на 505 руб. 67 коп. Въ акушерскомъ кабинетѣ: аппаратовъ и инструментовъ — 741 номеръ на 4.551 руб. 54 коп., книгъ и атласовъ—63 номера на 200 руб. 56 коп., препаратовъ—136 номеровъ на 1.538 руб. 16 коп., мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей — 39 номеровъ на 467 руб. 89 коп. Въ кабинетѣ терапевтической клиники: аппаратовъ и инструментовъ—177 номеровъ на 2.497 руб. 89 коп., книгъ и атласовъ — 52 номера на 644 руб. 6 коп. Въ кабинетѣ электро-терапии: книгъ—156 названій въ 189 томахъ на 387 руб. 85 коп., снарядовъ — 143 номера 521 экземпляръ на 2.228 руб. 95 коп., мебели—107 номеровъ 212 экземпляровъ на 714 руб. 45 коп. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: инструментовъ и аппаратовъ—85 номеровъ 324 экземпляра на 660 руб. 12 коп., книгъ — 72 тома на 85 руб., мебели и разной посуды—13 номеровъ на 86 р. 33 к. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей: картинъ, слѣпковъ, акварелей, гравюръ, художествен-

ныхъ изданій—1.631 номеръ 6.459 экземпляровъ на 27.232 руб. 50 коп. Въ собраніи монетъ и медалей — 22.256 номеровъ. Движеніе больныхъ въ университетскихъ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ терапевтической клиникѣ, имѣющей 25 кроватей, къ 1-му января 1875 года больныхъ оставалось—16, въ теченіе года вновь поступило — 133, изъ нихъ выздоровѣло или вышло — 113, умерло — 22. Затѣмъ къ 1-му января 1876 года на излеченіи осталось—14; больныхъ приходящихъ за совѣтомъ было—1.010. Въ хирургической, при 25-ти кроватяхъ: къ 1-му января 1875 года находилось—16, въ теченіе года поступило — 147, выздоровѣло или вышло—136, умерло—13, осталось къ 1876 году — 14; приходящихъ больныхъ было—2.662. Въ офтальмологической, при 10-ти кроватяхъ: отъ 1874 года оставалось—10, въ 1875 году поступило — 110, изъ нихъ выздоровѣло или вышло—112, къ 1-му января 1876 года осталось—8; приходило за совѣтами — 3.011. Въ акушерской, имѣющей 25 больныхъ: къ 1-му января 1875 года оставалось—23, въ теченіе 1875 года вновь поступило — 163, въ теченіе года выздоровѣло или вышло — 175, умерло — 4, затѣмъ къ 1-му января 1876 года осталось—7; приходящихъ за совѣтами больныхъ было — 329.

При Харьковскомъ университетѣ состоитъ общество опытныхъ наукъ, раздѣленное на двѣ секціи, дѣятельность которыхъ въ 1875 году заключалась въ слѣдующемъ: 1) Общество физико-химической секціи состояло изъ 16-ти членовъ и раздѣлялось на двѣ секціи—физическую и медицинскую. Физико-химическая секція общества имѣла въ теченіе года 8 очередныхъ засѣданій, на которыхъ членами секціи было сдѣлано 19 сообщеній. Предметомъ сообщеній служили какъ самостоятельныя изслѣдованія по предметамъ физики и химіи, такъ и рефераты по тѣмъ же наукамъ. Сообщенія были сдѣланы слѣдующими членами: *Бекетовымъ* — а) о теплотѣ соединенія угля съ водородомъ, б) о снарядахъ Менделѣева для изученія законовъ сжимаемости газовъ, и в) о химической энергіи нѣкоторыхъ источниковъ свѣта; *Кралнскимъ*—объ анализахъ нѣкоторыхъ образчиковъ славянской каменной соли; *Ланермюркомъ* — а) изслѣдованіе различныхъ сортовъ кавказскаго керосина и б) объ анализѣ воды изъ рѣки Сѣвернаго Донца; *Леваковскимъ* — о такъ-называемомъ ледниковомъ періодѣ (о новѣйшихъ полосныхъ почвахъ); *Осиповымъ* — о дѣйстви сѣрной кислоты на амиленъ; *Погорько* — объ опредѣленіи показателя преломленія блага свѣта; *Реми* — о полученіи двубромо-уксуснаго эфира изъ бромала; *Хрущовымъ* — а) о хлоръ-ангидридѣ орга-

ническаго сѣрноватистаго соединенія Бломстранда, и б) о полученіи озона чисто-химическимъ путемъ; *Черноемъ* — а) о неполномъ сгораніи амміака, б) о примѣненіи аппарата для сгущенія газовъ къ изученію вліянія давленія на горѣніе газовъ, и в) о вліяніи давленія на распредѣленіе кислорода между водородомъ и окисью углерода при неполномъ ихъ сгораніи; *Шимкова* — объ электро-капиллярныхъ явленіяхъ и о приборахъ, основанныхъ на этихъ явленіяхъ; *Эльтенковимъ* — объ анализахъ нѣкоторыхъ харьковскихъ источниковъ. 2) Въ медицинской секціи, считающей въ средѣ своей 20 членовъ, засѣданій было 8. Научныхъ сообщеній сдѣлано 15: прозекторомъ *Ганномъ* — о дихроизмѣ-альбуминѣ, профессоромъ *Лазаревичемъ* — а) о рѣдкомъ случаѣ вѣматочной беременности, б) объ излеченіи одного четырехлѣтняго ребенка отъ солитера, и в) о рѣдкой формѣ полипоматочной шейки, докторомъ *Пономаревымъ* — о дифференціальномъ діагнозѣ острыхъ лихорадочныхъ сыпныхъ болѣзней, до появленія сыпи на наружныхъ покровахъ, профессоромъ *Тихоновичемъ* — матеріалы къ изученію процессовъ внутреннего окисленія крови, студентомъ *Высоковичемъ* — о рѣдкомъ случаѣ sarcomatis mydogenia, докторомъ *Гимзбургомъ* — о вліяніи сжатого и разрѣженного воздуха на давленіе крови въ артеріальной и венозной системахъ и на сердцебіеніе, доцентомъ *Стрѣльцовымъ* — къ вопросу о ростѣ костей, профессоромъ *Крыловымъ* — исторіи трихиноза въ Россіи, докторомъ *Ясинскимъ* — а) о рѣдкой формѣ саркомы матки, имѣвшей видъ разросшагося въ стороны гриба, и б) объ отличительныхъ признакахъ экстравазатныхъ околоматочныхъ опухолей, студентомъ *Фавромъ* — о трихинозѣ свиного мяса, съ нагноеніемъ въ капсулахъ трихинъ, врачомъ *Беллинымъ* — экспериментальныя изслѣдованія о рожѣ, и профессоромъ *Кременскимъ* — къ вопросу объ опытныхъ изслѣдованіяхъ надъ дѣйствіемъ deiterebinthinæ противъ ленточныхъ глисть.

Статистическія свѣдѣнія о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа за 1875 годъ.

Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1875 годъ представляетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сего округа къ 1-му января 1876 года: *Мужскихъ гимназій* состояло: съ двумя древними языками—3 (въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ и Кубанской области), съ двумя древними

языками и реальнымъ отдѣленіемъ—1 (въ Ставропольской губ.); при гимназіяхъ состояло: — пансіоновъ — 4, общихъ ученическихъ квартиръ—1, приготовительныхъ классовъ—4, приготовительныхъ отдѣленій — 19; *мужскихъ прогимназій*: съ двумя древними языками—6 (въ губерніяхъ Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской и Эриванской и областяхъ Терской и Дагестанской); при прогимназіяхъ: пансіоновъ и конвиктовъ—3, приготовительныхъ классовъ—6; *реальныхъ училищъ*—3 (въ губерніяхъ Тифлисской и Бабинской и въ Терской области); при нихъ пансіоновъ—2, приготовительныхъ классовъ—2; *женскихъ гимназій*—4 (въ губерніяхъ Терской); при нихъ педагогическихъ курсовъ—2; *женскихъ прогимназій*—3 (въ губ. Тифлисской, въ области Дагестанской и въ Сухумскомъ отдѣлѣ); *частныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ*: гимназія съ пансіономъ и реальнымъ отдѣленіемъ—1 (въ Тифлисской губ.), прогимназія—1 (тамъ же), женская гимназія съ пансіономъ—1 (въ Тифлисской губ.).

Учащихся было—въ мужскихъ заведеніяхъ: въ *4-хъ гимназіяхъ*—1.794, въ томъ числѣ: по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—1.225, духовнаго званія—118, городскихъ сословій—336, сельскихъ сословій — 52, солдатскихъ дѣтей — 17, казаковъ — 6, иностранцевъ — 4, князей — 36; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 1.355, армяно-григоріанскаго — 262, римско-католическаго — 60, евангелическо-лютеранскаго — 16, магометанскаго — 86, іудейскаго — 12, раскольниковъ — 3; по національностямъ: русскихъ — 967, грузинъ — 121, армянъ — 260, имеретинъ—183, гурійцевъ—30, мингрельцевъ—72, абхазцевъ — 2, сванетовъ — 69, грековъ — 6, французовъ — 2, нѣмцевъ—15, итальянцевъ—2, поляковъ—29, евреевъ—12, татаръ—19; выбыло: до окончанія курса—311, по окончаніи курса—58. Въ *6-ти прогимназіяхъ*—1.110, въ томъ числѣ, по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 479, духовнаго званія — 85, городскихъ сословій—361, сельскихъ сословій—117, солдатскихъ дѣтей—57, дѣтей казаковъ—7, иностранцевъ—4, по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—454, армяно-григоріанскаго—497, римско-католическаго—25, лютеранскаго—10, магометанскаго — 109, іудейскаго — 11, раскольниковъ — 4; по національностямъ: русскихъ — 330, грузинъ — 28, армянъ — 503, имеретинъ—76, гурійцевъ—6, мингрельцевъ—14, горцевъ—40, іудиновъ—3, грековъ—3, нѣмцевъ—10, поляковъ—17, евреевъ—11, татаръ—69; выбыло: до окончанія курса—158, по окончаніи курса—25. Въ *трехъ реальныхъ училищахъ*—945, въ томъ числѣ по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—559, духовнаго званія—47, городскихъ сословій—245,

сельскихъ сословій—31, солдатскихъ дѣтей—19, казаковъ—43, иностранцевъ—1; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 515, армяно-григоріанскаго—227, римско-католическаго—42, лютеранскаго—27, магометанскаго—101, іудейскаго—22, раскольниковъ—11; по національностямъ: русскихъ—488, грузинъ—36, армянъ—233, горцевъ—46, французовъ—1, нѣмцевъ—24, поляковъ—21, евреевъ—24, киргизъ—1, татаръ—71; выбыло: до окончанія курса—140, по окончаніи курса—26. Въ *четырехъ женскихъ гимназіяхъ*—1.452, въ томъ числѣ по происхожденію: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—855, духовнаго званія—107, городскихъ сословій—360, сельскихъ сословій—68, солдатскихъ дѣтей—28, дѣтей казаковъ—18, иностранцевъ—4, князей—17; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—1.160, армяно-григоріанскаго—151, римско-католическаго — 66, лютеранскаго — 34, магометанскаго — 3, іудейскаго—38; по національностямъ: русскихъ—1.103, грузинокъ—50, армянокъ — 165, гречанокъ — 6, нѣмокъ — 36, итальянокъ — 1, польекъ—50, евреекъ—38, татарокъ—3; выбыло изъ гимназій: до окончанія курса—79, по окончаніи курса—60. Въ *трехъ женскихъ прогимназіяхъ* — 354, въ томъ числѣ по происхожденію: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—240, духовнаго званія—11, городскихъ сословій—56, сельскихъ сословій — 6, солдатскихъ дѣтей—28, иностранокъ — 3, дочерей князей — 10; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 257, армяно-григоріанскаго — 40, римско-католическаго — 34, лютеранскаго—11, магометанскаго—2, іудейскаго—10; по національностямъ, русскихъ — 1.343, грузинокъ — 83, армянокъ — 214, мингрелекъ — 3: сванетокъ—27, гречанокъ—8, нѣмокъ—53, итальянокъ—1, польекъ—66, евреекъ — 48, татарокъ — 5; выбыло: до окончанія курса — 110, по окончаніи курса — 72. Въ *пансіонахъ четырехъ мужскихъ гимназій*—570, въ томъ числѣ по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—504, духовнаго званія — 18, городскихъ сословій — 20, сельскихъ сословій—13, иностранцевъ—2, дѣтей князей—13; по исповѣданіямъ: православнаго — 455, армяно-григоріанскаго — 22, римско-католическаго—11, лютеранскаго—3, магометанскаго—79; по національностямъ: русскихъ—342, грузинъ—41, армянъ—23, имеретинъ—48, гурійцевъ—7, мингрельцевъ—6, абхазцевъ—2, сванетовъ—4, горцевъ—69, поляковъ—10, нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ—по 1, грековъ—3, татаръ—12; выбыло: до окончанія курса—73, по окончаніи курса — 23. Въ *пансіонахъ двухъ мужскихъ прогимназій* — 96, по происхожденію всѣ изъ дворянъ и чиновниковъ; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—37, армяно-григоріанскаго—4, римско-като-

лическаго—1, магометанскаго—54; по національностямъ: русскихъ—36, грузинъ—1, армянъ—4, горцевъ—44, нѣмецъ—1, татаръ—10; вышло: до окончанія курса—14, по окончаніи курса—2. Въ *пансіонахъ двухъ реальныхъ училищъ*—199, въ томъ числѣ по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—145, духовнаго званія—4, городского сословія—1, сельскихъ сословій—7, солдатскихъ дѣтей—2; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—116, армяно-григоріанскаго—1, лютеранскаго—1, магометанскаго—70, раскольниковъ—11; по національностямъ: русскихъ—107, грузинъ—5, армянъ—1, горцевъ—44, нѣмцевъ—1, татаръ—41; вышло: до окончанія курса—28, по окончаніи—2. Въ *пансіонахъ женскихъ гимназій и прогимназій*—235, въ томъ числѣ по сословіямъ: дочерей дворянъ и чиновниковъ—197, духовнаго званія—18, городскихъ сословій—20; вѣроисповѣданія—всѣ православныя; по національностямъ: русскихъ—220, имеретинцевъ—1, абхазцевъ—14. Сравнительно съ 1874 годомъ число обучающихся въ названныхъ заведеніяхъ было: въ 4-хъ мужскихъ гимназіяхъ—на 94 мѣста, въ 6-ти прогимназіяхъ—на 120 болѣе, въ 3-хъ реальныхъ училищахъ—на 46 болѣе, въ 4-хъ женскихъ гимназіяхъ—на 156 болѣе, въ 3-хъ прогимназіяхъ—на 115 болѣе. Уменьшеніе числа учащихся оказалось въ гимназіяхъ Тифлисской и Кутаисской, вслѣдствіе открытія въ этихъ городахъ прогимназій; но первая изъ этихъ гимназій, имѣя нынѣ 536 учащихся, уступаетъ лишь гимназіи Ставропольской (592) и въ этомъ отношеніи занимаетъ третье мѣсто въ Россіи.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Состояніе низшихъ училищъ: 1) въ уѣздахъ Екатеринославскомъ, Новомосковскомъ и Павлоградскомъ Екатеринославской губерніи; 2) въ уѣздахъ Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Цивильскомъ Казанскаго учебнаго округа.

Изъ отчета одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи видно, что въ уѣздахъ Екатеринославскомъ, Новомосковскомъ, Павлоградскомъ осмотрѣно было имъ, въ недавнее время, 59 школъ, а именно: въ Екатеринославскомъ—29, Новомосковскомъ—16 и Павлоградскомъ—14.

Что касается до перваго изъ этихъ уѣздовъ (Екатеринославскаго), училищныя помѣщенія оказались по большей части неудобными; нѣкоторыя школы помѣщаются совмѣстно съ волостными правленіями, что весьма вредитъ правильному ходу ученія и отражается дурно на

нравственности дѣтей; другія—въ ветхихъ хатахъ и даже въ этапныхъ домахъ. Въ селеніи Томаковѣ школа помѣщалась въ церковной сторожкѣ, куда, въ дни говѣнія, стекалось множество прихожанъ, и среди этой толпы учитель долженъ былъ вести свои занятія. Въ уѣздѣ только слѣдующія школы имѣютъ вполне удобныя помѣщенія: Романовская, Киньгрустьская (домъ для нея пожертвованъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, г. Маламой), Бѣленская (домъ пожертвованъ землевладѣльцемъ, г. Миклашевскимъ), Шолоховская, Красногригорьевская, Лопмано-Каменская и Никопольская. Г. инспекторъ убѣждалъ мѣстныхъ крестьянъ оказывать пособіе для устранения упомянутого недостатка и старанія эти увѣнчались отчасти успѣхомъ. Многія сельскія общества постановили приговоры о постройкѣ новыхъ школьныхъ зданій, они ассигновали для этой цѣли довольно значительную сумму, но ходатайствовали у училищнаго совѣта о выдачѣ имъ пособія. Училищный совѣтъ уважилъ означенное ходатайство и пособія были выдаваемы въ размѣрѣ отъ 80 до 200 руб. Вслѣдствіе того, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ были построены новые отдѣльные дома для слѣдующихъ школъ: Романовской, Александропольской, Чертомлыкской, Томаковской и Башмачекской — по плану, данному училищнымъ совѣтомъ.

Школьныя бібліотеки, по большей части, снабжены весьма скудно какъ руководствами, такъ и учебными пособіями и прочими необходимыми принадлежностями. Въ нѣкоторыхъ школахъ, на примѣръ, въ Бѣленской, Башмачекской, Солонянской, Романовской, Томаковской, книгъ оказалось достаточно, но значительная ихъ часть вовсе не соотвѣтствовала своему назначенію. Обыкновенно же дѣти являются въ училища съ своими книгами, безъ всякаго разбора приобретаемыми ихъ безграмотными родителями. И на этотъ недостатокъ было обращено должное вниманіе. Г. инспекторъ представилъ училищному совѣту составленный имъ списокъ учебниковъ, книгъ для чтенія и вообще учебныхъ пособій и ходатайствовалъ, выписавъ ихъ на земскія суммы, разослать въ школы Екатеринославскаго уѣзда. Вслѣдствіе того приобретено было 1.882 экземпляра на сумму 316 руб.; кромѣ того во всѣхъ сельскихъ школахъ введены въ употребленіе шведскіе счеты, какъ одно изъ наиболѣе полезныхъ пособій при изученіи ариметики.

Что касается до личнаго состава преподавателей, то до сего времени нельзя было считать его удовлетворительнымъ. Иначе не могло и быть, ибо сельскія общества ассигнуютъ вообще весьма скудныя

средства на народное образованіе; при такихъ средствахъ трудно имѣть хорошихъ учителей. Имѣя это въ виду, училищный совѣтъ постановилъ въ концѣ истекшаго года, изъ суммъ, ассигнованныхъ земствомъ на народное образованіе въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, выдавать вознагражденія въ слѣдующемъ размѣрѣ: имѣющимъ свидѣтельства на учительское званіе по 250, а не имѣющимъ его по 200 р. въ годъ. Какъ скоро состоялась эта мѣра, оказалось возможнымъ пригласить болѣе 60-ти учителей, представляющихъ достаточно ручательствъ въ томъ, что они поведутъ успѣшно учебное дѣло: большинство ихъ кончили курсъуѣздныхъ училищъ, а нѣкоторые обучались въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лицамъ духовнымъ доселѣ вовсе не полагалось въ Екатеринославскомъ уѣздѣ вознагражденія за обязанности, принимаемыя ими на себя въ школахъ; училищный совѣтъ постановилъ выдавать имъ опредѣленное, хотя и незначительное жалованье за уроки. Вслѣдствіе того законъ Божій преподается нынѣ мѣстными священниками во всѣхъ школахъ уѣзда, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находятся въ селеніяхъ безприходныхъ.

Къ лучшимъ изъ школъ Екатеринославскаго уѣзда, по успѣхамъ учащихся, принадлежать слѣдующія: *Романковская*. Преподаваніемъ закона Божія занимается здѣсь псаломщикъ Лонгиновъ, а остальныхъ предметовъ—учитель Безедубовъ, оба весьма усердные. Отвѣты учениковъ были вполне удовлетворительны. Осмотрѣвъ эту школу, г. инспекторъ предложилъ мѣстному сельскому обществу позаботиться объ устройствѣ училищнаго зданія, и общество тотчасъ же ассигновало на этотъ предметъ 600 р. и необходимый матеріалъ; въ пособіе ему изъ земскихъ суммъ было выдано 150 руб. — *Михайловская*. И тутъ успѣхи учащихся оказались весьма хорошими. Испытаніе г. инспекторъ производилъ въ присутствіи попечителей школы и нѣкоторыхъ родителей; такъ какъ присутствовавшіе видимо радовались бойкимъ отвѣтамъ дѣтей, то, пользуясь удобнымъ случаемъ, г. инспекторъ предложилъ имъ построить новое зданіе для школы и вручилъ планъ, утвержденный училищнымъ совѣтомъ. Приговоръ объ этомъ сельскаго общества уже поступилъ въ училищный совѣтъ. — *Бьленская* производитъ весьма пріятное впечатлѣніе: классныя комнаты (двѣ) просторны, теплы и свѣтлы; мебель содержится въ исправности; бібліотека весьма достаточно снабжена книгами и учебными пособиями, ибо сельское общество ежегодно расходуетъ на это болѣе 100 руб. Учитель г. Веселовскій весьма усерденъ и трудолюбивъ; все преподаваніе, между прочимъ и закона Божія, лежитъ исключительно на

немъ и онъ же занимается съ дѣтьми пѣніемъ.—*Шолоховская.* Весьма удовлетворительными своими познаніями ученики обязаны своему учителю г. Рѣдкину. Многие изъ нихъ читаютъ отчетливо и излагаютъ на бумагѣ прочитанное; также свободно читаютъ по славянски и дѣлаютъ письменные переводы изъ церковно-славянскихъ книгъ; изъ ариметики хорошо ознакомились съ первыми четырьмя дѣйствіями. Г. Рѣдкинъ обучаетъ пѣнію въ школѣ и образовалъ хоръ, который въ праздничные и воскресные дни довольно стройно поетъ въ церкви.—*Доцмано-Каменская.* Учене идетъ въ этой школѣ весьма успѣшно; многие изъ ея учениковъ были подготовлены такъ хорошо, что прошлымъ лѣтомъ выдержали экзаменъ и получили свидѣтельства на льготу по воинской повинности.

Переходимъ затѣмъ къ училищамъ Новомосковского и Павлоградскаго уѣздовъ.

Въ первомъ изъ нихъ сельскія училища содержатся исключительно на средства мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ; то же самое и въ Павлоградскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ школъ: Раздорской, Коховской и Хорошевской, содержаніе коимъ даютъ землевладѣльцы (г. Павловъ, г-жа Кохъ и князь Щербатовъ). Пособіе отъ земства здѣсь весьма незначительно. Помѣщаются школы большею частью въ отдѣльныхъ домахъ, а также при волостныхъ правленіяхъ, но дома эти отнюдь не отличаются своимъ удобствомъ. Училищныя бібліотеки въ Новомосковскомъ уѣздѣ находятся въ жалкомъ положеніи; за немногими исключеніями, всѣ онѣ не имѣютъ, въ достаточномъ количествѣ, ни руководствъ, ни учебныхъ пособій; въ уѣздѣ Павлоградскомъ бібліотеки снабжены лучше, ибо училищный совѣтъ успѣлъ уже пополнить ихъ необходимыми книгами и, кромѣ того, попечители школъ съ большимъ вниманіемъ относятся къ ихъ нуждамъ. Учебное дѣло идетъ не совсѣмъ удовлетворительно и объясненіе этого главнымъ образомъ заключается въ томъ, что учителя, получая скудное содержаніе (отъ 50 до 120 р. въ годъ), не долго остаются на своихъ мѣстахъ.

Въ весьма удовлетворительномъ состояніи находятся въ Новомосковскомъ уѣздѣ двѣ церковно-приходскія школы—мужская и женская. Первая изъ нихъ учреждена при Самарскомъ мужскомъ монастырѣ и содержится на счетъ монастыря: помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты, свѣтлой, просторной и весьма удобной для занятій. Ученики по большей части—дѣти крестьянъ изъ ближайшихъ деревень, но есть между ними и сироты, проживающіе въ самомъ монастырѣ. Они

обучаются чтенію по русски и церковно-славянски, ариметикѣ, пѣнію по слуху и по нотамъ и многіе изъ нихъ участвуютъ въ хорѣ, который весьма стройно поетъ въ монастырской церкви. Успѣхи учениковъ весьма удовлетворительны; на всѣ предлагаемые имъ вопросы они отвѣчали сознательно и твердо; бібліотека достаточно снабжена руководствами, учебными пособиями и книгами для чтенія религиозно-нравственнаго содержанія.—Что касается до женской церковно-приходской школы, то она содержится на средства начальницы Іосифовской женской общины, г-жи Свинцицкой. Помѣщается эта школа въ отдѣльномъ домѣ, въ трехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ заняты классами, а одна—бібліотекою. Кромѣ закона Божія и другихъ предметовъ, дѣвочки обучаются нотному пѣнію подѣ руководствомъ регента. Библиотека снабжена необходимыми руководствами и учебными пособиями. Успѣхи учащихся оказались весьма удовлетворительными; преподаваніемъ занимается здѣсь мѣстный священникъ и учительница—г-жа Трудницкая.

Упомянемъ здѣсь кстати и о приходскихъ училищахъ въ городѣ Екатеринославѣ—мужскомъ и женскомъ.

Мужское приходское училище помѣщается въ домѣ, который для наличнаго числа учениковъ (95) слишкомъ тѣсенъ; бібліотека не достаточно снабжена руководствами и учебными пособиями; изъ числа послѣднихъ имѣются только ящикъ для нагляднаго обученія съ образцами мануфактурныхъ, растительныхъ и минеральныхъ произведеній; ящикъ съ геометрическими фигурами, счеты большіе и малые, вѣсы и мѣры. Ученье идетъ довольно удовлетворительно, но замѣчаются въ немъ и недостатки, которые нужно объяснять слѣдующими причинами: многолюдностью школы, которая имѣетъ только одного учителя, и тѣсною помѣщеніемъ, — тѣсною, доходящею до того, что многія изъ дѣтей вынуждены стоять во время уроковъ. Въ настоящее время школа, о которой говоримъ мы, переведена, по распоряженію городской управы, въ другой домъ и можно надѣяться, что при новой обстановкѣ ученье пойдетъ въ ней успѣшнѣе. — Женское приходское училище открыто лишь годъ тому назадъ и имѣетъ довольно удобное помѣщеніе; городская управа ассигнуетъ на него ежегодно 1.720 р. (въ томъ числѣ 720 р. на жалованье законоучительницъ, учительницъ и помощницъ ея); бібліотеки нѣтъ почти вовсе. Вообще школа эта не вполне организовалась, хотя въ ней находится уже 65 дѣвочекъ. Ученье шло вначалѣ не совсѣмъ успѣшно, но теперь оно видимо улучшается.

Сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о состояніи нѣкоторыхъ училищъ, осмотрѣнныхъ однимъ изъ инспекторовъ Казанскаго учебнаго округа въ уѣздахъ Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Цивильскомъ.

Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ училище *Малоархательское*, при вновь учрежденномъ Черемисскомъ монастырѣ, содержится на средства этого монастыря. Оно помѣщено весьма удобно въ особомъ деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ, съ квартирою для учащихся мальчиковъ—Черемисъ, которыхъ находится въ школѣ 36. Къ сожалѣнію, наставникъ недостаточно былъ подготовленъ къ своему дѣлу, а потому занятія идутъ не совсѣмъ удовлетворительно; съ начала текущаго года онъ замѣненъ другимъ, изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Казанской учительской семинаріи, хорошо знающимъ черемисскій языкъ.

Пернагашское, въ с. Пернагашахъ (Пайгусовѣ), имѣющемъ около 4,000 жителей, преимущественно Черемисъ. Школа эта открыта въ 1866 году и помѣщается очень удобно въ собственномъ домѣ, съ особымъ женскимъ отдѣленіемъ; на содержаніе ея мѣстнымъ земствомъ отпускается ежегодно по 100 руб. и, кромѣ того, имъ же доставляются учебныя пособія. Всѣхъ учащихся 56, въ томъ числѣ 21 женскаго пола. Преподаваніемъ закона Божія занимается въ мужскомъ отдѣленіи священникъ Альпидевскій, а обученіемъ русской грамоты, чтенію и письму помощникъ его, крестьянинъ Захаровъ, обучавшійся въ сельскомъ училищѣ, но недостаточно владѣющій русскою рѣчью, а въ женскомъ отдѣленіи—священникъ Чудовичевъ, съ помощникомъ своимъ, крестьяниномъ Андреяновымъ. Изъ закона Божія дѣти удовлетворительно знаютъ главнѣйшія молитвы по черемисски, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ; читаютъ бѣгло, но не всегда съ толковымъ пониманіемъ прочитаннаго. Главная причина недостаточности ихъ успѣховъ заключается въ томъ, что сами родители отвлекаютъ ихъ отъ занятій, а измѣнить этого нельзя, ибо если бы были приняты какія-либо понудительныя мѣры, то мѣстные жители, почти несознающіе пользу грамотности, вовсе перестали бы посылать дѣтей своихъ въ школу.

Чермышевское, въ селѣ Чермышахъ, имѣющемъ 3,400 народонаселенія, помѣщается хотя и въ наемномъ домѣ, но опять-таки удобно; содержаніе получаетъ оно отъ земства въ количествѣ 392 руб. ежегодно; учащихся мальчиковъ 42 и дѣвочекъ 18. Пріятно замѣтить, что въ школѣ этой тщательно соблюдается порядокъ, чистота и опрятность. Читаютъ ученики очень хорошо и умѣютъ объяснить

смыслъ прочитаннаго; пишутъ подъ диктовку правильно; могутъ рѣшать не слишкомъ сложныя задачи умственно и на доскѣ: всѣми этими успѣхами обязаны они своему наставнику г. Гортинскому, сыну мѣстнаго священника.

Малокарачкнское помѣщено въ тѣсной церковной сторожкѣ; квартиры для учителя нѣтъ. Оно получаетъ содержаніе отъ земства и, кромѣ того, выдается ему пособіе отъ церковно-приходскаго попечительства для отопленія и найма прислуги. Преподаваніемъ занимаются мѣстный священникъ отецъ Добросмысловъ, который съ полнымъ рвеніемъ относится къ дѣлу религиозно-нравственнаго образованія инородцевъ, и окончившій курсъ въ Чебоксарскомъ уѣздномъ училищѣ г. Разумовскій. Всѣхъ учащихся 30, успѣхи коихъ оказались довольно удовлетворительными.

Китляринское женское имѣетъ собственный деревянный домъ, построенный учредителемъ его крестьяниномъ Степаномъ Клементьевымъ. Этотъ же крестьянинъ, окончившій курсъ въ сельской школѣ, ревностно занимается обученіемъ дѣтей грамотѣ и нотному церковному пѣнію подъ руководствомъ священника отца Добросмылова, о которомъ упомянуто выше. Китляринская школа въ достаточномъ количествѣ снабжена учебниками, прибрѣтенными для нея на деньги, отпускаемыя для этой цѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣхъ учащихся здѣсь 21: онѣ знаютъ наизусть довольно отчетливо необходимыя молитвы, бѣгло читаютъ книги церковной и гражданской печати, поютъ стройно,—вообще успѣхи ихъ весьма удовлетворительны. Учредитель школы, Клементьевъ, ревностно заботится о ней и прилагаетъ всѣ старанія къ ея благоустройству.

Въ Ядринскомъ уѣздѣ училище *Ядринское* помѣщается въ общественномъ домѣ, занимаемомъ волостнымъ правленіемъ, съ квартирою для преподавателя: помѣщеніе тѣсно и грязно. Содержится эта школа на 185 руб., отпускаемыя ему ежегодно мѣстнымъ сельскимъ обществомъ, безъ пособія отъ земства. Всѣхъ учениковъ 29, изъ коихъ 18 — Чуваши, а 11 — природные Русскіе. Особенно успѣшно идетъ преподаваніе закона Божія у священника отца Пономарева, много трудящагося для просвѣщенія инородцевъ; учитель, г. Голубевъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе усердныхъ и опытныхъ; онъ знакомъ съ новѣйшими методами преподаванія и хотя приступилъ къ исправленію своей должности лишь въ февралѣ 1875 года, но уже въ нѣсколько мѣсяцевъ ученики сдѣлали при немъ значительныя успѣхи. Ученье идетъ весьма успѣшно и только въ ариметикѣ

ученики не достигли еще желаемыхъ результатовъ. Учебныхъ пособій было въ школѣ немного, но въ настоящее время этотъ недостатокъ пополненъ на денежное пособие, выданное ей отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Тарасевское, въ селѣ Тарасевѣ, открыто въ 1867 году на счетъ общественныхъ суммъ, безъ пособія отъ мѣстнаго земства. Помѣщается оно весьма неудобно въ домѣ волостнаго правленія. Учащихся по списку считалось 26, но на лицо, при осмотрѣ школы, оказалось 16. Преподавателей здѣсь трое—священникъ отецъ Аeonскій, и учителя изъ крестьянъ-Чуваши. Успѣхи по закону Божію довольно удовлетворительны; ученики отчетливо знаютъ главнѣйшія молитвы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, но событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта передаютъ по русски не совсѣмъ отчетливо; книги гражданской печати читаютъ толково и сознательно, а по славянски—съ правильнымъ произношеніемъ словъ; могутъ рѣшать въ умѣ несложныя ариметическія задачи. Къ сожалѣнію, церковное пѣніе идетъ здѣсь дурно, хотя и занимается имъ съ дѣтьми особый преподаватель.

Чурашевское содержится на счетъ 250 руб. отъ земства и съ небольшимъ пособиемъ отъ сельскаго общества. Помѣщеніе въ отдѣльномъ домѣ должно быть вполне удобнымъ, когда домъ этотъ будетъ окончательно отдѣланъ, но занятія съ дѣтьми происходили въ немъ, когда не всѣ рамы еще были вставлены, когда отапливать его не было возможности, а потому не трудно понять, какъ губительно подобное помѣщеніе должно было дѣйствовать на здоровье. Г. инспекторъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для понужденія мѣстнаго сельскаго общества привести къ концу построенное имъ училищное зданіе. Учащихся здѣсь 15; занимается съ ними законоучитель и учительница, не окончившая курсъ въ Казанской женской гимназій. Особенно удовлетворительны оказались успѣхи по русскому языку: многіе изъ учениковъ читаютъ книги гражданской и церковной печати отчетливо и толково, пишутъ подъ диктовку съ небольшими орфографическими ошибками; изъ ариметики могутъ рѣшать задачи лишь на два первыхъ правила. Учительница съ полнымъ усердіемъ относится къ своимъ обязанностямъ, но не совсѣмъ еще озвакомилась съ улучшенными способами преподаванія; не малымъ препятствіемъ полезной ея дѣятельности, служить неустройство школы, насколько не зависящее отъ нея.

Балдаевское помѣщается въ домѣ волостнаго правленія весьма

неудобно; содержаніе отпускаетъ ему мѣстное общество въ количествѣ 205 р. Число учащихся — 16. Успѣхи по закону Божію не совсемъ удовлетворительны, ибо хотя законоучитель очень усерденъ, но по преклоннымъ лѣтамъ и отвлекаемый церковными своими обязанностями, не можетъ посвящать школѣ столько времени, сколько слѣдовало бы. Учитель, изъ Чувашь, окончившій курсъ двухкласснаго сельскаго училища, поступилъ на свою должность недавно и не могъ еще доказать на дѣлѣ, какъ пойдетъ ученые подъ его руководствомъ.

Шемердяновское содержится мѣстнымъ земствомъ (отпускающимъ на него 265 р.), съ пособіемъ отъ крестьянъ. По списку учащихся 65, но при осмотрѣ школы, около 40 изъ нихъ не было на лицо, по случаю продолжавшихся раннею осенью полевыхъ и домашнихъ работъ. Повнанія учащихся оказались очень слабыми: учитель почти вовсе не приучаетъ ихъ къ разговорной русской рѣчи, объясняется съ ними постоянно на природномъ ихъ нарѣчій, читаютъ они русскія книги гражданской печати механически, почти безъ всякаго пониманія прочитаннаго. Въ послѣднее время сдѣланы распоряженія, заставляющія надѣяться, что ученые пойдетъ здѣсь лучше.

Хочашевское помѣщается въ домѣ волостнаго правленія также неудобно, какъ и упомянутая сейчасъ школа. Учащихся болѣе 30. При испытаніи ихъ изъ закона Божія успѣхи оказались гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; они твердо знали всѣ главнѣйшія молитвы по чувашски и по русски и могли объяснить содержаніе этихъ молитвъ; сознательно разказывали нѣкоторыя событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завіта. Чтеніе книгъ гражданской печати идетъ хуже чѣмъ чтеніе книгъ славянскихъ, ибо самъ преподаватель не вполне еще усвоилъ себѣ разговорную русскую рѣчь; тоже самое замѣчается и при объясненіи ариѳметическихъ задачъ. Училищная бібліотека вообще бѣдна, но уже приняты мѣры, чтобы пополнить ее.

Шуматовское имѣетъ собственный домъ, довольно помѣстительный, но безъ квартиры для учителя, которому выдаются квартирныя деньги. Учащихся — 30. Законоучитель, св. Магницкій, занимается здѣсь преподаваніемъ уже болѣе 18 лѣтъ; онъ ревностно преданъ своему дѣлу, умѣлъ привлечь къ себѣ дѣтей, съ которыми — помимо уроковъ — ведетъ часто бесѣды, направленныя къ тому, чтобы укрѣпить въ нихъ чувства вѣры и христіанской нравственности. Неудивительно, что подъ руководствомъ его дѣти сдѣлали быстрые и вполне удовлетворительные успѣхи: по закону Божію они отвѣчали

такъ отчетливо и сознательно, какъ ни въ одной изъ школъ, осмотрѣнныхъ г. инспекторомъ. Учитель поступилъ въ Шуматовскую школу недавно, а потому еще ничего нельзя сказать объ его преподаваніи. Въ училищной библіотекѣ книгъ много, но большая ихъ часть совершенно бесполезны; что касается до учебныхъ пособій, то не имѣется самыхъ необходимыхъ изъ нихъ; въ настоящее время сдѣлано уже распоряженіе, чтобы пополнить этотъ недостатокъ на счетъ суммы, отпускаемой изъ министерства народнаго просвѣщенія.

Селоустыинское содержится сельскимъ обществомъ безъ пособія отъ земства. Оно помѣщено въ двухъ небольшихъ и тѣсныхъ комнатахъ дома, занимаемаго волостнымъ правленіемъ. Подобное близкое соудство съ волостнымъ правленіемъ много вредитъ успѣшному ходу ученія, отъ котораго можно ожидать полезныхъ результатовъ въ томъ только случаѣ, когда школа будетъ переведена въ другое зданіе.

Убтвское имѣетъ собственный домъ съ квартирою для учительницы и содержится на счетъ 450 р., отпускаемыхъ ему ежегодно сельскимъ обществомъ. Домъ хорошъ, но тѣсенъ; впрочемъ, крестьяне намѣревались лѣтомъ текущаго года произвести въ немъ необходимыя передѣлки. Успѣхи учащихся очень удовлетворительны и обязана этимъ школа преимущественно преподавательницѣ своей г-жѣ Акрамовской, весьма усердной и основательно знакомой съ своимъ дѣломъ: дѣти читаютъ толково и могутъ не только устно, но даже письменно изложить прочитанное ими; они имѣютъ также достаточный навыкъ въ сознательномъ рѣшеніи не сложныхъ ариметическихъ задачъ.

Кослоушское слѣдуетъ считать едва ли не самымъ бѣднымъ сравнительно съ другими школами уѣзда, но, не смотря на то, оно отличается едва ли не предъ всѣми чистотою и опрятностью, которыя господствуютъ внутри его. Преподаваніемъ занимаются священникъ о. Ломоносовъ и учительница, г-жа Архангельская, относящіяся къ исполненію своихъ обязанностей съ одинаковымъ усердіемъ. Успѣхи учащихся оказались очень хороши, какъ по закону Божію, такъ и по русской грамотѣ и ариметикѣ; дѣтей обучаютъ здѣсь также и церковному пѣнію.

Въ Цивильскомъ уѣздѣ были осмотрѣны слѣдующія училища:

Новочурашевское имѣетъ собственный вполне удобный домъ, построенный для него, съ небольшимъ пособіемъ отъ земства, крестья-

ниномъ изъ Чувашъ Богатыревымъ. Учащихся въ этой школѣ 27. Преподавателей двое—законоучитель о. Львовъ и учитель Васильевъ весьма усердные къ исполненію принятыхъ ими на себя обязанностей. Впрочемъ, школа открыта еще весьма недавно, — въ январѣ прошлаго года, — а потому нельзя было относиться слишкомъ требовательно къ познаніямъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что и въ книгахъ, и въ учебныхъ пособіяхъ замѣчается значительный недостатокъ.

Луцковское помѣщается въ собственномъ домѣ, построенномъ на счетъ земства, отъ котораго получаетъ также и ежегодное содержаніе въ количествѣ 280 р. Изъ закона Божія учащіеся сознательно заучили молитвы, символъ вѣры, заповѣди и толково передаютъ въ разказахъ событія священной исторіи. Учительница, недавно вступившая въ эту должность, еще не усвоила себѣ практическіе приемы начальнаго обученія, но можно надѣяться, что при своемъ усердіи поведетъ его хорошо. Учащіеся уже и теперь сдѣлали у нея значительные успѣхи: читаютъ бойко, пишутъ подъ диктовку безъ слишкомъ грубыхъ ошибокъ и могутъ рѣшать задачи на первыя два ариметическія дѣйствія. Къ сожалѣнію, въ этой школѣ вовсе не занимаются пѣніемъ.

Гришинское производитъ весьма пріятное впечатлѣніе познаніями своихъ учениковъ и обязано оно этимъ своему законоучителю, о. Духову, который крайне усердно занимается съ дѣтьми: ветхозавѣтную исторію знаютъ они очень твердо, читаютъ правильно и могутъ прочитанное излагать на бумагѣ, поютъ въ церкви во время богослуженія. Словомъ, успѣхи учащихся весьма удовлетворительны.

Шибулминское помѣщается неудобно. По успѣхамъ учащихся оно составляетъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ, о которомъ упомянули мы сейчасъ. Причиной этого слѣдуетъ считать, во первыхъ, нерадѣніе учителя, а вовторыхъ, то, что онъ, по происхожденію Чувашъ — не будучи самъ хорошо знакомъ съ разговорною русскою рѣчью, не можетъ и обучать дѣтей по русски.

Училища *Чурачиское*, *Норвашевское* и *Ивановское* имѣютъ способныхъ преподавателей и ученье идетъ въ нихъ удовлетворительно.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Изъ Средней Германіи.

24 августа (5 сентября).

Вамъ угодно было выразить желаніе, чтобы я вамъ писалъ изъ Германіи о состояніи школъ и преподаванія въ этой странѣ; приступая къ этому дѣлу, я вполне сознаю всю трудность исполненія его. У насъ умственная жизнь не централизована въ одномъ городѣ—какъ во Франціи; напротивъ, въ каждомъ большомъ и маломъ государствѣ, изъ входящихъ въ составъ Германіи, существуетъ особый, своеобразный порядокъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, къ которому привыкли и которымъ гордятся не безъ основанія. Распредѣленіе высшихъ учебныхъ заведеній по всей территоріи наиболѣе способствовало образованію сдѣлаться общенароднымъ достояніемъ; но, по той же причинѣ становится крайне затруднительнымъ, а одному, даже невозможнымъ услѣдить за всѣми новыми фактами въ области педагогики, задаваться критическою оцѣнкой ихъ и писать отчеты, изчерпывающіе весь матеріалъ. Въ Россіи всего нѣсколько педагогическихъ журналовъ, у насъ же ихъ насчитываютъ десятки; одному прочесть ихъ всѣ даже физически невозможно. Къ тому же, не всѣ важныя статьи помѣщаются въ журналахъ, очень часто ихъ издають отдѣльно и, кромѣ того, политическія газеты печатають на своихъ столбцахъ не мало замѣчательныхъ докладовъ и небольшихъ статей по педагогическимъ и школьнымъ вопросамъ. Наконецъ, мы часто не ограничиваемся сообщеніемъ своихъ мыслей въ короткой формѣ, но пишемъ еще болѣе или менѣе объемистые трактаты по общимъ и спеціальнымъ вопросамъ педагогики. Особенно необозримо число сочиненій, публикуемыхъ ежегодно по вопросу объ организаціи высшихъ учебныхъ заведеній, равняющихся русскимъ среднимъ.

Эти и еще другія обстоятельства—причины того, что чрезвычайно трудно давать отчеты о состояніи педагогики въ Германіи. Если же я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь исполнить вашу просьбу, то не иначе какъ предваривъ самымъ категорическимъ образомъ, что отъ полноты я отказываюсь и буду стараться говорить лишь о томъ, что можетъ интересовать русскаго читателя.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ собирался цѣлый рядъ педагогическихъ съездовъ. Я намѣренъ представить болѣе подробный отчетъ о двухъ изъ нихъ, именно: о первомъ общегерманскомъ съѣздѣ учителей и о „Боннскомъ совѣщаніи о подготовкѣ учителей для высшихъ учебныхъ заведеній“.

До вступленія въ министерство доктора Фалька, положеніе учителей элементарныхъ школъ было неудовлетворительно, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ социальномъ, и потому въ теченіе многихъ лѣтъ они устраивали большіе съезды, чтобы придать больше вѣсу своимъ требованіямъ. Г. Фалькъ неоднократно принималъ мѣры въ улучшенію ихъ быта; тѣмъ не менѣе, на этихъ съѣздахъ больше говорилось о правахъ учителей, чѣмъ объ ихъ обязанностяхъ. Иреченіе, что „школьный учитель былъ виновникомъ побѣды при Кенигсгрецѣ“, столь быстро сдѣлавшееся любимой поговоркою, смутило головы многимъ учителямъ; они требуютъ себѣ все больше и больше, становятся высокоумѣры и самымъ рѣзкимъ образомъ судятъ о всемъ существующемъ. Такъ, напримѣръ, на этомъ съѣздѣ г. Юттингъ (Jütting), директоръ Эрфуртской семинаріи, считалъ дозволеннымъ утверждать, „что съ увеличеніемъ числа церквей возрастаетъ безнравственность, съ увеличеніемъ же числа школъ—нравственность и т. д.“ Вслѣдствіе этого названные съезды значительно упали въ мнѣніи людей мыслящихъ и въ особенности учителей съ научнымъ образованіемъ. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что вслѣдствіе весьма большаго числа соучастниковъ (свыше 500) невозможно вести пренія спокойно и основательно. Гораздо полезнѣе, во многихъ отношеніяхъ, устраиваемые русскимъ правительствомъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ практическо-педагогическіе съезды, на которыхъ присутствуютъ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора, учителя губерніи.

Не смотря на все это, общегерманскіе съезды учителей на столько важны, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Въ настоящемъ году гор. Эрфуртъ былъ избранъ мѣстомъ пребыванія съѣзда (отъ 5—8 іюня). Не буду говорить о продолжительныхъ преніяхъ объ органи-

заціи будущихъ учительскихъ сѣздовъ. Вторымъ предметомъ занятій сѣзда былъ докладъ г. Бэгера (Begeer), лейпцигскаго учителя, „о школьныхъ наказаніяхъ“. Поводомъ къ этому докладу послужило то обстоятельство, что въ послѣднее время учителя неоднократно подвергались жалобамъ, иногда неосновательнымъ, за злоупотребленіе правомъ наказанія. Докладчикъ выразилъ сожалѣніе о настоящемъ грустномъ состояніи нравственности и указалъ на то, что все громче становятся жалобы о продолжающемся огрубѣніи народныхъ массъ: поэтому слѣдовало вновь дозволить употребленіе въ школахъ палки и розогъ. Отмѣна наказанія ударами въ смиренныхъ домахъ и въ школахъ было, говорилъ онъ, ошибкою либеральной партіи, которую, къ сожалѣнію, взлелѣяли сотрудники газетъ и представители самоуправленія. Г. Бэгеръ формулировалъ свои требованія въ слѣдующихъ словахъ: „Компетентными судьями во всемъ, что касается воспитанія юношества, слѣдуетъ считать учителей. Потому, при разработкѣ и утвержденіи законовъ, касающихся этого вопроса, должны принимать участіе учителя. Необходимо также участіе учителей при обсужденіи правильности примѣненія правилъ о наказаніяхъ учениковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается отступленіе отъ правилъ со стороны учителя. Для этой цѣли необходимо: 1) опредѣлить на сколько возможно тщательно предѣлы власти школы особыми точными предписаніями и 2) учредить при каждомъ судѣ совѣтъ изъ компетентныхъ лицъ, то-есть, изъ учителей, дѣйствительно исправляющихъ свою должность, для рассмотрѣнія жалобъ относительно школьной дисциплины“. На слѣдующемъ собраніи пришли къ заключенію заняться дальнѣйшею разработкою вопроса и затѣмъ представить на рассмотрѣніе правительства, дабы соответствующія опредѣленія закона о наказаніяхъ были измѣнены въ смыслѣ тезисовъ г. Бэгера.

Затѣмъ говорилъ г. Фрейеръ (Freyer) изъ Лейпцига „о необходимыхъ условіяхъ для сохраненія и поднятія общаго уровня образованія и здоровья народа“. Эти необходимыя условія, или требованія, по мнѣнію докладчика, распадаются на слѣдующія категоріи: 1) имѣющія характеръ педагогическій: а) всеобщее обученіе народа, дабы всякій ребенокъ, одаренный обыкновенными способностями, усвоивалъ себѣ въ достаточной мѣрѣ необходимыя элементарныя свѣдѣнія; установленіе такого школьнаго порядка, который, въ духѣ высокой нравственности, съ примѣненіемъ кротости и строгости, развивалъ бы въ юношества прилежаніе, любовь къ порядку, аккуратность, правдивость, учтивость и благопристойность; б) всеобщее преподаваніе закона

Божія, какъ въ школахъ, такъ и въ церкви, съ тѣмъ чтобъ болѣе было обращено вниманія на оживленіе и укрѣпленіе богобоязненности, любви къ Богу и къ людямъ и благочестія¹⁾; с) повсемѣстное основаніе обществъ для образованія и воспитанія народа. 2) Требования, касающіяся *государства и общины*: е) учебныя заведенія, въ достаточномъ числѣ, съ соотвѣтствующимъ цѣли устройствомъ и снабженныя въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями; f) заботливость, готовая и на жертвы, для образованія учителей и воспитателей; g) устраненіе недостатка въ учителяхъ назначеніемъ имъ большаго оклада и приличною оцѣнкой призванія образователей народа; h) обязательность посѣщенія школы до 15-ти лѣтняго возраста и введеніе обязательныхъ школъ для дальнѣйшаго образованія 3). Требования, относящіяся къ жизни общественной и частной: i) большое распространеніе печатью научно-учебныхъ матеріаловъ и воспитательныхъ принциповъ и правилъ; k) недопущеніе вольности и пошлости въ печати, на сценѣ и въ публичной жизни; l) самовоспитаніе всѣхъ взрослыхъ на основаніи извѣстныхъ началъ христіанской этики; m) большая готовность со стороны богатыхъ приносить жертвы въ пользу народнаго образованія и воспитанія.

Въ слѣдующемъ письмѣ представлю вамъ отчетъ о преслѣдуемомъ подобныя же цѣли „обществѣ для распространенія образованія въ народѣ“ и его шестомъ общемъ собраніи (7 — 9-го іюля), для чего воспользуюсь только что доставленными мнѣ документами.

Вопросъ о подготовкѣ учителей высшихъ учебныхъ заведеній къ исполненію обязанностей ихъ званія, становится у насъ съ каждымъ днемъ болѣе важнымъ и мнѣ часто придется говорить о немъ. На этотъ разъ я ограничусь сообщеніемъ вкратцѣ о ходѣ Боннской конференціи, происходившей 28-го мая 1876 г. съ спеціальною цѣлью рѣшенія этого вопроса. (См. „Bonner Zeitung“, № 147, 151, 152). Правда, число явившихся на конференцію было не велико, но значеніе собранія не въ числѣ участниковъ, а въ самыхъ личностяхъ, собравшихся для совместнаго обсужденія. Въ числѣ 50 членовъ конференціи,

¹⁾ Само собою разумѣется, что при этомъ не слѣдуетъ настаивать болѣе чѣмъ необходимо на различіи вѣроисповѣданій, и не утруждать дѣтей всѣми возможными тонкостями догматики, а, напротивъ, имѣть больше въ виду практическое проявленіе религіозности; однако, не слѣдуетъ впадать въ противоположную крайность—сглаживанія религіи до морали. Преподаваніе религіи безъ различія вѣроисповѣданій, какъ того требуютъ многіе на сѣвѣ, (напримѣръ, г. Нейманъ изъ Нейштата)—дѣло невозможное. *Примѣч. корресп.*

засѣдавшихъ въ залѣ сената Боннскаго университета, было 3 училищныхъ совѣтника провинціи (Provinzialschulräthe), 14 директоровъ гимназій, 11 директоровъ реальныхъ ¹⁾, 3 директора высшихъ женскихъ училищъ, 15 профессоровъ Боннскаго университета (изъ числа которыхъ семеро прежде сами были учителями), ректоръ и попечитель университета и, въ качествѣ гостя, небезызвѣстный и въ Россіи педагогъ-профессоръ докторъ Стой изъ Іены; за исключеніемъ послѣдняго, всѣ члены конференціи были изъ Прирейнской провинціи.

Профессоръ докторъ Юргенъ Бона *Мейеръ* въ рѣчи, служившей вступленіемъ къ преніямъ, изложилъ исторію развитія и настоящее положеніе вопроса. Уже весьма рано чувствовалась потребность сдѣлать что-нибудь для подготовки учителей для высшихъ школъ; но попытки къ удовлетворенію этой потребности были разрозненны. Сколько извѣстно, первый примѣръ подобной попечительности былъ данъ институтомъ Франке въ Галле. Тамъ, въ 1696—97 годахъ, было устроено *Seminarium praeseptorum* для студентовъ богословскаго факультета, которые, за даровое содержаніе въ сиротскомъ домѣ, должны были ежедневно, въ теченіе двухъ часовъ, заниматься преподаваніемъ подъ руководствомъ и надзоромъ инспектора. Такимъ-то образомъ надѣялись воспитать практически годныхъ школьныхъ дѣятелей, которые, будучи знакомы съ хорошей системой преподаванія, могли бы благотворно дѣйствовать на улучшеніе состоянія школъ. Рядомъ съ этимъ, было устроено другое *Seminarium selectum praeseptorum* для воспитанія будущихъ учителей *Pädagogium*'а и латинской школы института. Много лѣтъ эти семинаріи приносили пользу странѣ своею дѣятельностью. Девяносто лѣтъ спустя, знаменитый педагогъ *Гедике* сдѣлалъ новую попытку сначала при Фридрихо-Вердерской гимназій, а съ 1793 г. при Кельнской гимназій въ Берлинѣ. Онъ присоединилъ къ своей гимназій семинарію для высшихъ училищъ подъ главнымъ надзоромъ высшаго училищнаго совѣта. Отъ пяти до восьми кандидатовъ на должность учителя прикомандировывались по окончаніи ими университетскаго курса къ гимназій въ качествѣ сверхштатныхъ учителей. По предписанію директора, они должны были присутствовать на урокахъ старшихъ учителей; давали уроки и сами, но не болѣе десяти учебныхъ часовъ въ недѣлю, особенно по главнымъ предметамъ,

¹⁾ Въ томъ числѣ такъ называемыхъ «höhere Bürgerschulen» — это реальные училища безъ *Prima* и съ семилѣтнимъ курсомъ ученія, вмѣсто девятилѣтняго реальныхъ.

но также и по второстепеннымъ, дабы не впадать въ односторонность; по истеченіи полугодія уроки мѣнялись. Часто кандидатамъ поручался особый надзоръ за нѣкоторыми учениками. Кромѣ того, они были обязаны представлять каждый годъ четыре педагогическихъ сочиненія. Не мало поощренія для молодыхъ учителей было и въ томъ, что всѣ учителя входили въ составъ педагогическаго общества, которое собиралось ежемѣсячно для обсужденія какого-нибудь педагогическаго вопроса. Какіе богатые плоды принесло это учрежденіе, видно уже изъ того, что оно произвело такихъ мужей, какъ *Бергарди, Шниллеке, Кэнке, Сювертъ, Шлейермахеръ*. Богѣ подробныя свѣдѣнія о своемъ заведеніи *Гедике* сообщилъ во второмъ томѣ своихъ „*Gesammelte Schulschriften, 1794*“.

Впослѣдствіи это учрежденіе было преобразовано въ „Королевскую педагогическую семинарію для высшихъ учебныхъ заведеній въ Берлинѣ“ (инструкціей 1812 года). Существующія въ настоящемъ времени семинаріи при университетахъ имѣютъ цѣлью содѣйствовать изученію науки. При 10 прусскихъ университетахъ, по словамъ доктора Мейера, находится не менѣе 31, правительствомъ устроенныхъ, семинарій ¹⁾:

- въ Кенигсбергѣ (3): филологическая, историческая, физико-математическая,
- въ Берлинѣ (2): филологическая, математическая,
- въ Грейфсвальде (2): филологическая, историческая,
- въ Бреславлѣ (3): историческая, физико-математическая, филологическая,
- въ Галле (3): математическо-естественно-историческая, богословско-педагогическая, филологическая,
- въ Мюнстерѣ (2): филолого-педагогическая, математическая,
- въ Боннѣ (4): филологическая, естественно-историческая, историческая, математическая,
- въ Килѣ (4): филологическая, педагогическая, историческая, для изученія отечественнаго языка,
- въ Геттингенѣ (5): филологическая, педагогическая, археологическая, физико-математическая, историческая,
- въ Марбургѣ (3): филологическая, историческая и для новыхъ языковъ.

¹⁾ Тутъ перечислены только тѣ семинаріи, которыя имѣютъ значеніе для будущихъ учителей, исключены всѣ другія, какъ напримѣръ, богословскія.

Устройство университетскихъ семинарій не вездѣ одинаково, что касается частныхъ, въ главныхъ же чертахъ онѣ сходятся въ томъ, что: 1) принимается въ нихъ только ограниченное число участниковъ-стипендіатовъ, 2) при этомъ допускается приемъ экстраординарныхъ членовъ, членовъ не-стипендіатовъ, 3) для пользованія членовъ открыта семинарская бібліотека, содержащая на счетъ казны.

Предоставляемыя ежегодно семинаріямъ суммы колеблются между 200 и 675 тал. Главная цѣль этихъ семинарій — подготовка къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ; однако, уставами нѣкоторыхъ изъ нихъ принята въ соображеніе и будущая педагогическая дѣятельность членовъ. Въ этомъ смыслѣ сочинены уставы семинарій: историческихъ въ Грейфсвальдѣ, Бреславлѣ, Килѣ; филологическихъ, математическихъ и естественно-историческихъ въ Галле, Мюнстерѣ и Геттингенѣ; естественно-исторической въ Боннѣ; богословско-педагогической семинаріи въ Галле и, наконецъ, специально-педагогическія въ Килѣ и Геттингенѣ.

Уставомъ своимъ физико-математическая семинарія въ Геттингенѣ призвана главнымъ образомъ къ подготовкѣ учителей для преподаванія физики и математики въ высшихъ (по русски среднихъ) учебныхъ заведеніяхъ. Отъ членовъ богословско-педагогической семинаріи въ Галле (основанной въ 1856 г.) требуется, чтобы они не только упражнялись въ преподаваніи, но присутствовали и на опредѣленныхъ урокахъ въ институтѣ Франке. Основанная въ 1843 году профессоромъ докторомъ Тауловымъ (сообщившимъ о ней въ 1845 году подробный отчетъ), педагогическая семинарія въ Килѣ стремится къ той же цѣли, не имѣя школы для упражненія своихъ членовъ въ преподаваніи. По уставу 1843 г., одинъ изъ ея участниковъ долженъ былъ представлять собою учителя извѣстнаго возраста и съ извѣстными познаніями, напримѣръ, ученика третьяго, втораго, либо другаго класса; другой же бралъ на себя роль учителя. Заранѣе роли были распределены, опредѣленъ предметъ урока, а также характеръ ученика, въ какому онъ принадлежитъ сословію и т. д. Кажется, эти опредѣленія устранены съ тѣхъ поръ, какъ семинарія перестала быть частнымъ учрежденіемъ (см. *Wiese, Verordnungen und Gesetze. 2 Aufl. 1875.*). Особое мѣсто въ ряду семинарій занимаетъ педагогическая въ Геттингенѣ, основанная въ 1846 году. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій, изъ которыхъ одно соотвѣтствуетъ семинаріямъ другихъ университетовъ, другое же, подъ надзоромъ директора городской гимназіи, состоитъ изъ четырехъ быв-

шихъ членовъ перваго отдѣленія, хорошо выдержавшихъ экзаменъ; они исправляютъ должность учителей при гимназiи и, такимъ образомъ, непосредственно знакомятся съ школьною жизнью. Оба отдѣленія считаются однимъ заведеніемъ и переходъ изъ перваго во второе происходитъ главнымъ образомъ по опредѣленію директора перваго изъ нихъ.

Сознаніе необходимости подготовки учителей не только теоретически, но и практически, выразилось въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ учрежденіемъ тамъ нѣсколькихъ семинарій для выдержавшихъ экзаменъ кандидатовъ на учительскую должность; такъ, на примѣръ, Королевская педагогическая семинарія для высшихъ школъ въ Берлинѣ (директорами которой состояли сначала Ф. А. Вольфъ, потомъ Бэкъ, затѣмъ Воницъ), Королевская педагогическая семинарія въ Бреславлѣ, Королевская семинарія для высшихъ гражданскихъ (Bürgerschulen) школъ въ Штеттинѣ и т. д. Цѣль этихъ учреждений, которыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало,—подготовить къ школьной практикѣ молодыхъ людей, по выдержаніи ими учительскаго экзамена; они, при помощи опытныхъ учителей, на урокахъ которыхъ присутствуютъ, начинаютъ сами давать уроки. Кромѣ того, директоръ семинаріи обязанъ устраивать ежемѣсячно обыкновенныя конференціи (диспуты), на которыхъ читаются и подвергаются обсужденію доклады по педагогическимъ вопросамъ и вообще поощряется изученіе педагогики и науки.

Кромѣ того сдѣлано кое-что частнымъ образомъ разными профессорами (какъ - то: устройство небольшихъ педагогическихъ обществъ для диспутовъ о педагогическихъ предметахъ); но объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Въ 1843 г. профессоръ Стой основалъ въ Іенѣ педагогическое общество, къ которому присоединилъ въ слѣдующемъ году семинарію. Онъ представилъ въ 1858 г. подробный отчетъ о дѣятельности этого учрежденія. Въ Лейпцигѣ профессоръ Эшштейнъ читаетъ особо лекціи о гимназической педагогикѣ и члены руководимой имъ семинаріи иногда даютъ сами уроки. Еще читаютъ лекціи о педагогикѣ профессора Мазіусъ, Штрюмпель и Циллеръ. Такимъ образомъ членамъ Ритчлевой русской филологической семинаріи представляется отличный случай познакомиться съ педагогикой. Уставомъ 29-го апрѣля 1876 г. (текстъ котораго приложенъ въ концѣ) опредѣлено основаніе педагогической семинаріи для подготовки, теоретической и практической, къ службѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ *Vetrim* съ 1872 г. есть педагогическая семинарія въ г. Будапештѣ (Офенѣ), тѣсно связанная съ университетомъ.

Въ *Швейцаріи*, въ послѣднее время, нѣкоторые кантоны начали также устраивать у себя подобныя учрежденія или же преобразовывать уже существовавшія. Такъ, въ 1870 г., въ Цюрихѣ присоединена въ университету семинарія для среднихъ учебныхъ заведеній; въ 1875 г. было опредѣлено основать семинарію въ Бернѣ и на этотъ предметъ положено выдавать ежегодно 25,000 франковъ; въ 1873 г. устроена педагогическая семинарія при Базельскомъ университетѣ. Съ 1867 г. въ С. Галленѣ заботятся о подготовкѣ учителей для преподаванія предметовъ реального курса.

Во *Франціи* Наполеонъ I основалъ парижскую Ecole normale для воспитанія учителей высшихъ школъ; Ecole была закрыта въ 1822 г., но снова открыта въ 1830 г. Болѣе серьезные наблюдатели (какъ, на примѣръ, Тиршъ) давно уже дѣлали этому институту упрекъ въ томъ, что онъ воспиталъ безжизненную посредственность и односторонность; въ послѣднее время, французскіе ученые какъ Bréal (*Quelques mots sur l'instruction publique en France*, 1872 г.) также признали необходимость преобразования въ немъ.

О *Россіи* д-ръ Мейеръ не говоритъ ни слова. Ему неизвѣстны историко-филологическіе институты въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ, и русская семинарія въ Лейпцигѣ; онъ также ничего не знаетъ о мѣрахъ, принятыхъ русскимъ правительствомъ для воспитанія учителей физики, химіи, коммерческихъ наукъ и т. д. для реальныхъ школъ; наконецъ, ему неизвѣстны предположенія, долженствующія имѣть послѣдствіемъ, что впредь учителя новѣйшихъ языковъ будутъ подготовляемы лучше и основательнѣе. Все-таки слѣдуетъ принять съ благодарностью свѣдѣнія, сообщенныя г. Мейеромъ о томъ, что сдѣлано для подготовки будущихъ учителей высшихъ учебныхъ заведеній.

Какъ видно изъ предыдущаго, многое испробовано для удовлетворенія потребности имѣть учителей, подготовленныхъ какъ теоретически, такъ и практически; однако, самый вопросъ остался неразъясненнымъ, и до сихъ поръ многіе расходятся въ мнѣніяхъ о значеніи отдѣльныхъ мѣръ. Въ послѣдній разъ этотъ вопросъ обсуждался на собраніи филологовъ въ Инспрукѣ въ 1874 г. На этомъ съѣздѣ 37 голосовъ высказались за то, чтобы: „научная подготовка учителей была дѣломъ университета, практическая же возложена на особыя семинаріи, доступныя для окончившихъ университетскій курсъ“;

40 голосовъ требовали, напротивъ, чтобы университетскія семинаріи имѣли въ виду также и практическую сторону преподаванія.

Г. Мейеръ не соглашается съ послѣднимъ мнѣніемъ и, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующія положенія.

1. Университетъ можетъ поставить себѣ цѣлью одну только научно-теоретическую подготовку къ учительской дѣятельности; ознакомленіе съ школьною практикой — дѣло школы, или, соединенныхъ съ школою, особыхъ учреждений.

2. Однако, желательно, чтобы и университетскія семинаріи, одновременно съ чисто-учеными, преслѣдовали бы, по возможности, цѣли педагогическія.

3. Желательно также, чтобы при университетахъ читались лекціи теоріи и исторіи педагогики и занимались бы этими предметами въ университетскихъ семинаріяхъ. Желательна была бы совмѣстная дѣятельность педагогическихъ семинарій, насколько она полезна.

4. Учрежденія новыхъ чисто педагогическихъ семинарій съ школами для упражненія преподавателей — ни въ какомъ случаѣ нельзя рекомендовать. Основаніе подобныхъ учреждений, соединенное съ требованіемъ посѣщенія ихъ по окончаніи университетскаго курса, окажется полезнымъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и потому не можетъ быть поставлено правиломъ.

5. Слѣдуетъ искать лучшей способъ приготовленія къ настоящей школьной практикѣ въ прикомандированіи кандидатовъ на учительскую должность къ опредѣленнымъ для этой цѣли школьной коллегіею каждой провинціи школамъ, учителя которыхъ обязуются сблизить ихъ съ школьною практикой и содѣйствовать этому руководствомъ, надзоромъ и совѣтами въ теченіе двухгодичнаго курса, при чемъ первый годъ долженъ считаться годомъ испытанія.

6. Можно предложить учрежденіе педагогическихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ для обмѣна мыслей о вопросахъ преподаванія и воспитанія. Желательно, чтобы кандидаты на учительскія должности принимали участіе въ занятіяхъ подобныхъ обществъ.

Въ оправданіе своихъ положеній, г. Мейеръ прибавляетъ слѣдующее: Къ 1 п. Не слѣдуетъ дѣйствовать въ ущербъ ученымъ занятіямъ трехгодичнаго курса, удѣляя изъ него время на практическое изученіе преподаванія ¹⁾. Уже теперь частныя уроки отнимаютъ много времени у студентовъ, не имѣющихъ другихъ средствъ содержать себя ²⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію, университетскій курсъ почти во всей Германіи — трехгодичный для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго. Очевидно, что въ такой короткій срокъ невозможно приготовить учителей также и практически.

²⁾ Размѣръ стипендій почти всегда незначительный. Большинство ихъ не превосходитъ 50 или 100 талеровъ. Кромѣ того, рѣдко освобождаютъ отъ платы за лекціи; большую часть ея отсрочиваютъ до момента занятія студентомъ должности.

Къ 2 п. Многія университетскія семинаріи могли бы, безъ всякаго ущерба для научнаго характера своихъ занятій, обращать больше вниманія на будущую учительскую дѣятельность студентовъ. Къ 4 п. Считая учрежденіе новыхъ не-университетскихъ семинарій нисколько не желательнымъ, авторъ тѣмъ не менѣе готовъ признать пользу, которую принесли нѣкоторыя изъ существующихъ. Подобнымъ семинаріямъ всегда будетъ грозить опасность впасть въ рутину. Если это случилось съ семинаріями для народныхъ учителей, тѣмъ вѣроятнѣе, что подобно такая же участь грозитъ и семинаріямъ для учителей высшихъ школъ; тѣмъ уровень познаній будетъ выше, тѣмъ неотступнѣе будутъ придерживаться разъ введенной системы, и именно тогда, когда необходимо дать больше простора. Впрочемъ, ни одинъ хорошій директоръ не пожелаетъ превратить свою школу въ мѣсто для такихъ испытаній, и ни одинъ отецъ не согласится отдать своего сына въ такую школу. Къ п. 5 и 6. Указанный въ этихъ положеніяхъ путь — настоящій и согласуется съ дѣйствіями и намѣреніями правительства.

Ограничусь теперь сообщеніемъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны въ преніяхъ по поводу доклада г. Мейера.

Г. профессоръ *Ноль* (Nohl) требуетъ практическо-педагогическихъ университетскихъ семинарій. По его мнѣнію, студентъ долженъ заниматься въ семинаріи въ теченіе всего университетскаго трехлѣтія; сначала онъ долженъ знакомиться съ внѣшними условіями управленія школой, потомъ учиться выбирать учебныя руководства и, наконецъ, на третій годъ, перейти въ преподаванію, подъ руководствомъ директора семинаріи; кромѣ того, во все это время, должно происходить преподаваніе теоретической педагогики. Только тѣ профессора университета могутъ быть директорами семинарій, которые прежде сами преподавали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. директоръ Стой высказался въ пользу университетскихъ семинарій, при которыхъ имѣются школы для упражненія въ преподаваніи. Не можетъ служить достаточною подготовкой одинъ годъ ¹⁾, прове-

¹⁾ Въ Пруссіи, по выдержаніи экзамена молодые кандидаты на учительскія должности должны въ теченіе цѣлаго года давать безвозмездно по шести часовыхъ уроковъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, подъ наблюденіемъ старшаго учителя, котораго освобождаютъ отъ обязанности давать эти уроки. Обыкновенно, старшій учитель присутствуетъ вначалѣ на этихъ урокахъ, дѣлаетъ иногда замѣчанія кандидату, но затѣмъ, до конца полугодія, не является болѣе

денный при школь; къ тому же, ни у директора, ни у учителей нѣтъ ни времени, ни охоты заниматься обученіемъ другихъ въ искусствѣ преподаванія. Всего легче будетъ превратить въ школу для упражненія учителей — элементарную; здѣсь учителя высшихъ учебныхъ школъ могутъ также хорошо изучить обще-педагогическую методику, какъ и при высшей школь¹⁾.

Рѣшительно не одобряетъ университетскихъ семинарій профессоръ д-ръ *Клаузиусъ* потому, что мало пользы отъ практическихъ упражненій студентовъ въ преподаваніи, пока они учатся.

Профессоръ д-ръ *Кекеле* развивалъ ту мысль, что есть искусства, которымъ можно учиться, но которымъ учить собственно нието не можетъ. Ремеслу можно выучиться, что же касается до искусства, то къ нему можно присмотрѣться въ мастерской художника. То же и съ искусствомъ преподаванія: оно можетъ быть приобрѣтено только подъ непосредственнымъ руководствомъ мастера. Сосредоточивать эту дѣятельность въ педагогическихъ семинаріяхъ приведетъ къ рутинѣ и едва-ли принесетъ серьезную пользу школьнымъ учителямъ, развивая въ нихъ самоувѣренность, свойственную теоретикамъ. Университетскія семинаріи въ состояніи сдѣлать больше для подготовки учителей; въ настоящее же время, онѣ иногда слишкомъ явственно имѣютъ характеръ фабрикъ докторскихъ дипломовъ.

Г. директоръ *Груль* (Gruhl) отвергаетъ всякую подготовку учителей въ семинаріяхъ: регламентация убиваетъ стремленіе къ многосторонности и самостоятельное развитіе.

Г. директоръ *Шауенбургъ* очень энергически указываетъ на недостаточность системы „пробнаго года“. За неимѣніемъ достаточнаго числа учителей, приходится пользоваться кандидатами; съ одной стороны, директоръ и учителя такъ завалены работою, что имъ некогда присматривать за молодыми товарищами, съ другой же сто-

въ школь. Теперь же, когда нѣтъ достаточнаго числа учителей, бываетъ часто, что кандидату поручаютъ исправленіе полныхъ обязанностей штатнаго учителя, то-есть, преподаваніе 22-хъ часовыхъ уроковъ въ недѣлю за незначительное вознагражденіе (40 талеровъ за годовой урокъ); въ этомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о надворѣ старшаго учителя. Однимъ словомъ, въ теченіе «пробнаго года» (Probejahr) кандидатъ приобрѣтаетъ опытность на счетъ своихъ учениковъ. Потому референтъ не можетъ согласиться съ д-ромъ *Ізгеромъ*, который находить, что существующій порядокъ вообще удовлетворителенъ. *Прим. кор.*

¹⁾ Однако, необходимо также учить преподаванію древнихъ языковъ, особенно первоначальныхъ свѣдѣній о греческомъ языкѣ.

роны, эти послѣдніе часто вовсе не расположены выслушивать замѣчанія старшихъ, хотя часто хуже умѣютъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, чѣмъ учителя народныхъ школъ, побывшіе въ семинаріяхъ; въ тому же, не всегда старшій учитель — хорошій руководитель. Преподаваніе отчасти — ремесло; и пріобрѣсти его можно навыкомъ, для чего онъ предлагаетъ семинарію съ школами для упражненія въ преподаваніи; онѣ могутъ находиться при университетахъ, хотя и быть независимыми отъ нихъ. Трехлѣтній университетскій курсъ, однако, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть сокращаемъ для педагогическихъ цѣлей.

Г. директоръ *Шахтъ* высказался въ такомъ же смыслѣ о недостаткахъ „пробнаго года“. Научная подготовка, завершенная теоретическимъ экзаменомъ, какъ это существуетъ въ настоящее время, неудовлетворительна. Необходимо посвятить четвертый годъ практической подготовкѣ при высшемъ учебномъ заведеніи въ университетскомъ городѣ и въ концѣ этого года сдать экзаменъ въ присутствіи комисіи изъ училищныхъ совѣтниковъ, директоровъ школъ и университетскихъ профессоровъ. Только по полученіи студентомъ свидѣтельства въ выдержаніи такого экзамена, можно было бы назначать его на должность.

Г. директоръ *Штейнбартъ* также требуетъ четвертый годъ для практической подготовки. Необходимо предоставить такую же возможность подготовиться къ званію учителя высшаго учебнаго заведенія, какая уже давно существуетъ для народнаго учителя; руководителями должны быть, главнымъ образомъ, опытные учителя. Можно основать семинаріи съ школами для упражненія; однако, можетъ быть, лучше рекомендовать учрежденіе небольшихъ семинарій, для пяти или шести учителей, при разныхъ школахъ каждой провинціи. Безусловно необходимо требовать практической экзаменъ по окончаніи занятій въ семинаріи.

Директоры *Ізеръ* и *Шеллеъ* находятъ, что существующій порядокъ — наилучшій и не видятъ никакихъ существенныхъ недостатковъ даже въ „пробномъ годѣ“.

Голосованія по окончаніи преній не произошло: предсѣдательствовавшій профессоръ д-ръ *Шэферъ* ограничился заявленіемъ, что значительное большинство ничего не ожидаетъ отъ университетовъ для практической подготовки студентовъ къ педагогической дѣятельности.

Мнѣ кажется, гораздо важнѣе, чѣмъ этотъ отрицательный резуль-

татъ, самый фактъ всеобщаго почти недовольства сущестующимъ порядкомъ „пробнаго года“.

Изъ числа вновь появившихся педагогическихъ сочиненій, упомяну на этотъ разъ только объ одномъ: „Организмъ гимназій въ проявленіи на практикѣ, д-ра Шварца, директора Королевской гимназій въ Позенѣ. Берлинъ. 1876, 8^о“. Въ этомъ сочиненіи много полезнаго, особенно для молодыхъ учителей. Авторъ исходитъ изъ того предположенія, что гимназія — органическое цѣлое, что, поэтому, каждый учитель, въ отдѣльности, долженъ считать себя состоящимъ на службѣ у этого цѣлаго и не имѣющимъ права дѣйствовать по собственному внушенію. Главная причина всѣхъ жалобъ на недостатки въ устройствѣ и управленіи гимназій заключается въ томъ, что служащіе въ ней не связаны одною мыслью и не стремятся сознательно и энергически къ той цѣли, которая поставлена гимназіямъ закономъ и самою идеей, лежащей въ ихъ основаніи. Только тогда школа можетъ дать ученику полное и согласное образованіе, когда каждый изъ учителей, насколько то допускаетъ преподаваемый имъ предметъ, имѣетъ въ виду воспитать всего человѣка; такъ, напримѣръ, если учитель математики не задается спеціальною задачею развивать математическія способности въ своихъ ученикахъ, а предоставляетъ большой просторъ и другой умственной ихъ дѣятельности; между тѣмъ часто учитель старается убѣдить своихъ учениковъ въ томъ, что математика выше другихъ наукъ и задаетъ имъ такіе большіе уроки, что они уже не въ состояніи заниматься столь же усердно другими предметами. Въ первой части своего сочиненія, авторъ разсматриваетъ *три ступени гимназій* (низшіе, средніе и высшіе классы) и прежде всего съ педагогической точки зрѣнія. Хотя эти три группы не отдѣлены рѣзко одна отъ другой, а напротивъ, переходы отъ низшихъ къ среднимъ и отъ среднихъ къ высшимъ сглажены „квартой“ (соотвѣтствующею третьему классу въ русскихъ гимназіяхъ) въ первомъ случаѣ и „унтеръ-секундой“ (шестымъ классомъ) во второмъ, тѣмъ не менѣе педагогъ долженъ имѣть въ виду эти разницы и соображаться съ ними при воспитаніи. Рядомъ съ поощреніемъ нравственнаго усовершенствованія въ теченіе всего пребыванія въ школѣ, необходимо обращать вниманіе въ низшихъ классахъ—на приученіе къ приличію, послушанію, внѣшнему и внутреннему порядку. Много нужно усердія и вниманія со стороны учителя, чтобъ добиться серьезныхъ результатовъ въ ученикахъ этого возраста,—но оно существенно необ-

ходимо, потому что отъ этого зависитъ успѣхъ послѣдующей дѣятельности училища. Важное вспомогательное средство при этомъ, — въ разумной мѣрѣ, поощреніе и наказаніе. Разъ эти результаты достигнуты, въ слѣдующихъ классахъ уже приходится развивать сознаніе долга, любовь къ прекрасному, истинѣ и добру и все въ большей и большей степени добиваться умственного господства надъ духомъ ученика. Учитель долженъ имѣть въ виду до извѣстной степени возрастъ ученика: нельзя наказывать учениковъ всѣхъ классовъ одинаково, но не слѣдуетъ допускать, чтобы ученики даже высшаго класса забывали, что за ними наблюдаютъ и что, при случаѣ, они могутъ быть привлечены въ отвѣтственности; словомъ, что они еще — ученики, обязанные повиноваться школьному начальству.

Методъ преподаванія долженъ по возможности быть одинаковый для всѣхъ предметовъ въ одной школѣ; прежде всего для одного предмета во всѣхъ классахъ. Хотя, до извѣстной степени, достигается нѣкоторое единство введеніемъ учебнаго руководства, но только при соглашеніи учителей. Едва-ли когда нибудь учебникъ одинаково удовлетворяетъ всѣхъ учителей одной школы: каждый видитъ въ немъ различные недостатки; поэтому не слѣдуетъ допускать, чтобы учителя преподавали не такъ, какъ предположено по руководству. Можетъ случиться, что одинъ учитель измѣнитъ въ руководствѣ одно, другой — другое; это должно смутить ученика и подорвать авторитетъ самой школы. Такъ какъ большая часть школьныхъ грамматикъ (о нихъ-то главнымъ образомъ и ведется рѣчь) составлена слишкомъ систематично, учено, и многія правила въ нихъ могли бы быть выражены удобнѣе и короче, то авторъ предлагаетъ вносить всѣ исправленія принятаго руководства, предлагаемыя учителями, въ одинъ экземпляръ его, который будетъ находиться для справокъ всегда подъ рукою, въ учительской залѣ школы. Слѣдуетъ также позаботиться о большемъ однообразіи въ преподаваніи разныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ, не слѣдуетъ при преподаваніи латинскаго языка группировать предложенія въ другомъ порядкѣ, чѣмъ при преподаваніи греческаго. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ установить, чему учиться по книгѣ изъ исторіи, географіи, математики и закона Божія.

Но однообразіе содержанія далеко не все. Для cadaго отдѣльнаго возраста преподаваніе должно быть по возможности однообразное. Успѣхи учениковъ замедляются, если учитель въ одномъ классѣ требуетъ отъ нихъ изощренія памяти, а учитель въ слѣдующемъ классѣ выражается съ презрѣніемъ о „зубристикѣ“ и настаиваетъ на усвоеніи

учениками предмета сознательно и самостоятельно. Въ низшихъ классахъ, соотвѣтственно развитію ученика, должны преобладать наглядность и память; въ послѣдствіи же, знакомство съ предметомъ должно постепенно дойти до пониманія и возможности примѣненія. Характеръ занятій въ низшихъ классахъ — элементарный, въ среднихъ занятія служатъ переходомъ къ болѣе научнымъ въ высшихъ классахъ; знакомство съ наукой, основанное на самостоятельныхъ изысканіяхъ, — предметъ университетскаго курса.

Затѣмъ авторъ показываетъ, какъ можно достигнуть однообразія въ преподаваніи въ школахъ: латинскаго языка (стр. 23 — 35), греческаго, нѣмецкаго, исторіи и т. д. (стр. 35—47).

Далѣе говорится о преподаваніи въ отдѣльномъ классѣ, и на отдѣльномъ урокѣ. Предполагается, что учитель идетъ на урокъ, вполне приготовившись къ нему. Онъ долженъ заранѣе знать, до мельчайшихъ подробностей, какъ и чему онъ намѣренъ учить; онъ долженъ помнить, что ученикамъ уже извѣстно и владѣть въ такой степени своимъ предметомъ, чтобы не теряться въ слѣдствіе необходимости слѣдить за порядкомъ въ классѣ. Весьма важно также, чтобы учитель умѣлъ заставить весь классъ быть внимательнымъ; поэтому, слѣдуетъ, напримѣръ, дѣлая вопросъ, обращаться ко всему классу, а затѣмъ называть по имени ученика, отъ котораго ожидаютъ отвѣта. Чтобы поддержать вниманіе въ ученикахъ, нужно начинать урокъ съ болѣе труднаго. Письменные отвѣты слѣдуетъ требовать въ началѣ урока. Нужно, чтобы учитель умѣлъ распорядиться относительно продолжительности урока, такъ чтобы хватило времени пройти все заданное. Обращать вниманіе нужно не на усвоеніе знаній памятью, а на гимнастику умственныхъ способностей. Справедливо говорить *Гартманъ* (*Zug Reform des hõheren Schulwesens*, p. 40) „Все, что воспринято памятью, неминуемо обречено на забвеніе, по окончаніи изученія предмета. Эту участь раздѣляютъ всѣ предметы, преподаваемые въ обще-образовательныхъ школахъ, насколько свѣдѣнія не найдутъ себѣ примѣненія и развитія въ позднѣйшей жизни учащагося. То, что для своего изученія въ школахъ требуетъ памяти, только — *матеріалъ*, какъ-то грамматика, математическія формулы, и т. д., а то, что остается въ умѣ когда забыть этотъ матеріалъ, именно и есть желаемый результатъ школьнаго ученія“.

Но и наилучшая организація школы и самые совершенные методы преподаванія недостаточны для достиженія предположенной школой цѣли. Чтобы дать окрѣпнуть самостоятельности и трудолюбію ученика,

необходимы занятія на дому для пополненія и завершенія школьнаго ученія. Тутъ представляются три обстоятельства: количество занятій, подготовка ученика къ рѣшенію задачъ и удачный выборъ предмета.

Къ сожалѣнію, многочисленныя практическіе совѣты и замѣчанія автора разбросаны по всему сочиненію, такъ что доискаться ихъ — задача не легкая; указатель былъ бы здѣсь весьма не безполезенъ. Если бы когда нибудь возымѣли мысль перевести на русскій языкъ „Гимназическую педагогику“ Рота (Roth), или Негельсбаха (Nägelsbach), то сочиненіе Шварца можетъ служить источникомъ многихъ примѣчаній къ переводу.

Г. С.

Приложеніе № 1.

Правила для проектированной педагогической семинаріи для гимназій и реальныхъ училищъ въ Гиссенѣ.

§ 1. Педагогическая семинарія имѣетъ задачей подготовить учителей для гимназій и реальныхъ училищъ съ педагогической и научной стороны.

§ 2. Семинарія находится въ одномъ городѣ съ университетомъ государства. Управление (Direction) семинаріи назначается великогерцогскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго эта школа находится въ непосредственной зависимости.

§ 3. Членами семинаріи могутъ быть только вполне удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ на должность гимназическаго или реально-училищнаго учителя и имѣющіе право преподавать хотя главный предметъ во всѣхъ классахъ. Прошенія о принятіи въ семинарію подаются на имя управленія. Вопросъ о принятіи рѣшаетъ, по ходатайству дирекціи, министерство внутреннихъ дѣлъ.

§ 4. Члены семинаріи обязаны давать отъ 8 до 10 часовыхъ уроковъ въ недѣлю въ гимназій или въ реальномъ училищѣ въ Гиссенѣ. Прикомандированіе къ этимъ школамъ происходитъ по распоряженію управленія семинаріи, съ согласія учебнаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ. Члены семинаріи имѣютъ право давать частныя уроки и преподавать въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ не иначе, какъ съ согласія управленія семинаріи.

§ 5. Семинаристы подчиняются при исполненіи учительскихъ обязанностей, распоряженіямъ директора того заведенія, при которомъ

состоять, согласно существующимъ правиламъ для кандидатовъ на учительскую должность въ гимназіи или реальномъ училищѣ.

§ 6. Въ то же время, ихъ преподавательская дѣятельность подлежитъ контролю со стороны семинарской дирекціи; въ особенности, на ея обязанности лежитъ устраивать пробныя лекціи семинаристовъ, всѣхъ по очереди, при чемъ каждый разъ должны присутствовать всѣ семинаристы. Они обязаны также присутствовать на тѣхъ урокахъ, на которые укажетъ начальство семинаріи.

§ 7. Каждый членъ семинаріи обязанъ представить ежегодно ученую, по своей специальности, и педагогическую статью на темы, избранныя съ согласія начальства. Статьи о вопросахъ классической филологіи слѣдуетъ писать на латинскомъ языкѣ, новѣйшей филологіи — на французскомъ или англійскомъ, всякія другія статьи — на нѣмецкомъ.

Мнѣніе свое о представленныхъ статьяхъ дирекція высказываетъ письменно; она имѣетъ право обратиться къ спеціалистамъ для сужденія ими ученыхъ статей.

§ 8. Кромѣ того, разъ въ недѣлю, члены семинаріи собираются для двухчасовыхъ совѣщаній о достоинствѣ представленныхъ сочиненій и о другихъ педагогическихъ вопросахъ; сюда входятъ, главнымъ образомъ, критика учительской дѣятельности семинаристовъ, въ особенности ихъ пробныхъ лекцій, ихъ замѣчанія объ урокахъ другихъ учителей, рефераты о замѣчательныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ и учебныхъ руководствахъ по отдѣльнымъ предметамъ, пренія о важнѣйшихъ системахъ и методахъ воспитанія и преподаванія.

§ 9. Число дѣйствительныхъ (ordentliche) членовъ семинаріи ограничено пока тремя; имъ выдается ежегодная стипендія въ 1.800 марокъ и первый годъ пребыванія въ семинаріи засчитывается имъ за прикомандированіе на должность старшаго учителя. По истеченіи этого года, они обязаны находиться въ распоряженіи великогерцогскаго министерства внутреннихъ дѣлъ для занятія должности при высшемъ учебномъ заведеніи; въ противномъ же случаѣ, обязаны возвратитъ полученную стипендію.

Экстраординарные члены не получаютъ стипендіи, а только, въ исключительныхъ случаяхъ, — вознагражденіе за данные уроки; относительно зачисленія имъ года за службу, они пользуются тѣми же правами какъ и ординарные члены, если по числу часовъ ихъ занятій при школахъ, они подходятъ подъ правила для допущенія въ исправленію учительской должности.

Дирекція можетъ допустить присутствіе на еженедѣльныхъ собраніяхъ (§ 8), въ качествѣ слушателей, лицъ, выдержавшихъ экзаменъ на учительскую должность.

§ 10. Дирекція семинаріи представляетъ ежегодно въ министерство подробный отчетъ о трудахъ и работахъ семинаристовъ; этотъ отчетъ сообщается также экзаменаціонной комисіи на званіе учителя гимназій или реальнаго училища.

§ 11. При выходѣ изъ семинаріи, членамъ ея могутъ быть выданы свидѣтельства объ ихъ семинарской дѣятельности и о приобретенной преподавательской способности.

§ 12. Впредь будутъ преимущественно назначаться на должности учителей въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ тѣ кандидаты на эти должности, которые, въ бытность въ семинаріи, выказали особенныя способности къ наукамъ и педагогикѣ.

Приложеніе № 2.

Уставъ филологической семинаріи при королевскомъ университетѣ въ Билѣ.

§ 1. Цѣль семинаріи — руководить студентовъ Кильскаго университета при самостоятельныхъ трудахъ въ области нѣмецкой филологіи.

§ 2. Студенты, желающіе принять участіе въ занятіяхъ семинаріи, просятъ объ этомъ директора, предъявляя свои свидѣтельства о зрѣлости и о принятіи въ число студентовъ.

§ 3. За право участія въ семинаріи не полагается никакой платы.

§ 4. Члены семинаріи бываютъ: ординарные и экстраординарные. Можетъ быть ординарнымъ членомъ семинаріи только тотъ, кто въ теченіе по крайней мѣрѣ одного семестра, принималъ съ успѣхомъ участіе въ занятіяхъ, или же прежде былъ ординарнымъ членомъ семинаріи при другомъ университетѣ. Принятію въ ординарные члены предшествуетъ устный и письменный экзамены въ присутствіи директора.

§ 5. Полагается пять ординарныхъ членовъ. Право быть ординарнымъ членомъ приобретается на четыре семестра. Очереди при замѣщеніи вакансій ординарныхъ экстраординарными не существуетъ.

§ 6. Предметы занятій семинаріи: объясненіе памятниконъ германской литературы и разработка вопросовъ нѣмецкой филологіи.

Каждый ординарный членъ обязанъ представить по одному сочиненію въ полугодіе. Для упражненій и обсужденій работъ назначается по два часа въ недѣлю; ординарные члены обязаны всегда присутствовать на этихъ урокахъ.

§ 7. Могутъ быть исключены директоромъ изъ числа членовъ семинаріи тѣ изъ нихъ, которые не исполняютъ своихъ семинарскихъ обязанностей, или же вообще служатъ помѣхою при достиженіи цѣли семинаріей.

§ 8. Библиотека семинаріи должна по возможности быть доступна членамъ; несоблюденіе правилъ при пользованіи ею влечетъ за собою исключеніе изъ семинаріи.

§ 9. Средства семинаріи назначаются прежде всего на пополненіе библиотеки. Насколько остается свободныхъ ресурсовъ, директоръ имѣетъ право выдавать въ каждомъ полугодіи отличившимся членамъ семинаріи награды, деньгами или книгами; на каждую награду не должно быть расходовано болѣе 30 талеровъ.

§ 10. Въ концѣ каждаго зимняго семестра, директоръ обязанъ представлять министерству, чрезъ попечителя университета, подробный отчетъ о дѣятельности семинаріи и о расходованіи суммъ.

О РАСКОПКАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ОЛИМПИИ ¹⁾.

Нѣкоторыя изъ мѣстностей, гдѣ нѣкогда развивалась, цвѣла и окончательно замерла древне-эллинская жизнь, сохранили еще и донныѣ, отчасти въ развалинахъ своихъ архитектурныхъ памятниковъ и отчасти въ общей своей обстановкѣ, слѣды прошлаго; другія, напротивъ того, глядятъ такъ пустынно и уныло, такъ первобытно, какъ будто ждуть минуты, когда человѣкъ придетъ и призоветъ ихъ къ жизни. Однѣ изъ нихъ красотою пейзажа манятъ къ себѣ путешественника, другія, не представляя для глаза ничего привлекательнаго, и въ климатическомъ отношеніи таковы, что рѣдко кто, по собственной охотѣ, заглядываетъ въ нихъ. Мѣстоположеніе древнихъ Дельфъ, напримѣръ, съ крутыми своими утесами и скалами имѣетъ донныѣ что-то мощное, носить какъ будто историческій отпечатокъ своего прошлаго; тишина Немейской долины дышетъ истинною поэзіей, тогда какъ открывающійся съ Коринесскаго перешейка видъ одновременно на два моря навѣялъ на душу Байрона поразительные образы.... Какъ безжалостно, напротивъ того, распорядилась природа съ древнею Олимпіею, съ тою мѣстностію, которая не только для глубокаго знатока древности, но и для всякаго просвѣщеннаго человѣка полна столь глубокаго смысла и наполняетъ его воображеніе столь роскошными картинами. Исторія, литература, искусство — все черпало здѣсь вдохновеніе. Величіе и простота той давно канувшей въ вѣчность эпохи и теперь еще навѣваетъ на душу образы цѣльные, законченные и потому не переходящіе. Дѣйствительно, именно сюда охотнѣе всего направляются завѣтные помыслы cadaго, желающаго вдохновиться художественными образами древности, а между

¹⁾ Извлечено изъ статьи Конце въ *Preussische Jahrbücher*.

тѣмъ не найдется, быть можетъ, во всей Греціи уголка земли, болѣе глухаго, пустыннаго и унылаго.

На далекомъ пространствѣ тянется песчаная равнина, которую орошаютъ мутно-желтыя воды Алфея, а по сторонамъ ея небольшія крутизны, покрытыя сосновымъ лѣсомъ; почва не производитъ здѣсь ничего, кромѣ ячменя и винограда; немногочисленные стада пасутся на равнинѣ, а жилищъ почти нѣтъ въ ней вовсе. Поселяне избегаютъ ее, потому что въ лѣтнее время господствуютъ тутъ лихорадки и нѣтъ пощадъ отъ комаровъ. Впрочемъ, къ востоку мѣстность нѣсколько живописнѣе: Аркадскія горы довольно красивы и съ высоты ихъ открываются виды, которые даже упомянутой нами равнинѣ сообщаютъ менѣе заунывный характеръ.

На этомъ небольшомъ участкѣ земли развивалась нѣкогда самостоятельная политическая жизнь, главнымъ средоточіемъ коей служилъ городъ Пиза. Городъ этотъ, какъ предполагаютъ, былъ расположенъ по направленію къ востоку, на одной изъ наиболѣе выдающихся мѣстностей, именно тамъ, гдѣ возвышенности, тѣсно примыкая къ Алфею, образуютъ уголь. Почва, окружавшая Пизу, была производительна и жизнь обитателей этого участка текла ровно и привольно. Но такъ продолжалось не долго: находившіяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ Пизою—Элида, а съ другой стороны и еще ближе Олимпія—очень скоро подавили ея самостоятельное существованіе. Имя Пизы сохранилось лишь въ легендахъ и въ устахъ поэтовъ. Пизу постигла таже участь, каковую потерпѣла Крисса, находившаяся близъ Дельфъ. Вообще близкое сосѣдство великихъ святынь, если иногда оно приносило выгоды для городовъ, то нерѣдко оказывалось также и губительнымъ для нихъ, ибо могущественное жреческое сословіе неохотно допускало соперничество съ собой. Какъ бы то ни было, но уже во времена римской имперіи отъ Пизы не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ, и указывали только на холмы, покрытые виноградниками, гдѣ будто бы стоялъ въ древности этотъ городъ.

На западъ отъ Пизы лежала возвышенность, поражающая строгостію своихъ коническихъ формъ и роскошью своей растительности. Возвышенность эта, которая во всякой другой, болѣе плоской странѣ считалась бы настоящею горою, была покрыта оливковыми деревьями; къ западу отъ нея, круто поворачивая съ сѣвера, простиралась долина, гдѣ древній Кладей сливаетъ свои воды съ Алфеемъ и которая нынѣ ведетъ къ довольно населенному мѣстечку, носящему названіе Лолы.

Такова мѣстность, о которой мы говоримъ. Самымъ важнымъ, самымъ значительнымъ ея центромъ служило святилище Зевса-Кроніона. Вліяніе его простиралось далеко за предѣлы Элиды. Здѣсь были приносимы жертвы богамъ, здѣсь совершались въ ихъ честь торжественныя игры, и здѣсь же, съ одобренія служителей божества, обсуждались вопросы войны и мира. На игры, по которымъ велось лѣтосчисленіе, стекалось все, что было болѣе знатнаго и болѣе доблестнаго изъ всей Греціи и отдаленнѣйшихъ ея колоній: лучшіе люди старались въ состязаніяхъ превзойти другъ друга ловкостью и силой; завоевать себѣ репутацію перваго борца, отличиться въ конскихъ ристалищахъ казалось, по понятіямъ того времени, высшимъ идеаломъ, къ которому можетъ стремиться человѣкъ. Пиндаръ — въ сохранившемся отъ него описаніи олимпійскихъ игръ—говоритъ, что заслужить главную награду, масляничную вѣтвь, представлялось высшимъ счастьемъ, которое можетъ только достаться въ удѣлъ гражданину. Греческіе города гордились быть мѣстороженіемъ этихъ героевъ; пѣніе, музыка, скульптура воодушевлялись ихъ подвигами. Олимпія наполнена была великолѣпными памятниками, храмами въ честь Пелопса, богини Геры и другихъ божествъ, но особенно чествовали здѣсь Зевса - Кроніона: находилось много его изображеній, но долгое время не существовало вполнѣ достойнаго его храма: какъ будто народъ считалъ невозможнымъ вмѣстить это божество въ зданіи, созданномъ руками человѣческими. Только позднѣе возникъ его храмъ и только въ V вѣкѣ явилось великолѣпное изображение Зевса — плодъ гениальнаго таланта одного изъ славнѣйшихъ художниковъ эпохи Перикла.

Какъ, подъ конецъ среднихъ вѣковъ, Римъ соперничалъ со Флоренціею, такъ и въ описываемое время Олимпія не хотѣла уступить Аѣинамъ. Во внутреннемъ ея устройствѣ происходитъ рѣзкій переворотъ: оно становится демократическимъ; союзъ со Спартою замѣняется союзомъ съ Аѣинскою республикой. Аѣинскіе художники, уже и прежде часто посѣщавшіе Олимпію, находятъ теперь здѣсь болѣе чѣмъ когда-нибудь широкое поприще для своей дѣятельности; Фидій ищетъ себѣ тутъ убѣжище: онъ ознаменовалъ пребываніе свое въ этомъ городѣ колоссальною статуею Зевса, о которой мы упоминали сейчасъ. Отъ нея не осталось и слѣда, и судить о ней можно лишь по описаніямъ, единогласно утверждающимъ, что это было едва ли не величайшее изъ художественныхъ произведеній древности; истиннымъ величіемъ и глубиною мысли дышало чело божества, а взя-

щество и роскошь внѣшней отдѣлки превосходили все, что существовало тогда въ области искусства. Ничто не могло сравниться съ этимъ изображеніемъ, блиставшимъ золотомъ и слоновою костью. Храмъ Зевса былъ построенъ Либономъ въ дорическомъ стилѣ, имѣлъ 230 футовъ длины, 95 ширины и 68 высоты; снаружи онъ былъ обшитъ мраморомъ и украшенъ скульптурными произведеніями. Многіе знаменитые художники работали надъ нимъ; вообще въ этомъ созданіи достойнымъ образомъ отразилась тогдашняя блестящая эпоха процвѣтанія искусствъ. То былъ моментъ, когда искусство достигло высшаго своего совершенства и когда возникали новыя потребности, требовавшія другихъ формъ для своего осуществленія. Нѣчто подобное этому встрѣчаемъ мы много столѣтій спустя, въ эпоху постройки храма св. Петра, воздвигнутаго для прославленія папскаго могущества, когда изъ Виттенберга уже слышалась проповѣдь, долженствовавшая нанести этому могуществу неотразимый ударъ.... Аѳины дали своихъ художниковъ храму Зевса - Кроніона и Аѳины же сообщили новое настроеніе общественному духу. Идеалы, присущіе съ отдаленной древности олимпійскимъ играмъ, утрачиваютъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ творенія Эскила и Софокла начинаютъ увлекать умы; соперничество ловкостью и физическою силою уступаетъ мѣсто соперничеству на духовномъ поприщѣ; философы замѣняютъ борцовъ. Проходить еще рядъ поколѣній и сами Греки относятся къ олимпійскимъ играмъ, какъ къ отжившему и утратившему свое дѣйствительное значеніе обычаю, но обычай, если даже и не соотвѣтствуетъ онъ существующимъ потребностямъ, исчезаетъ не скоро. Традиціи долго еще держались въ Олимпіи. Долина Алфея по прежнему служитъ сборищемъ для Грековъ, Олимпія по прежнему наполнена такимъ множествомъ храмовъ и памятниковъ, что въ отмежеванномъ кругу ихъ для постройки новыхъ не хватаетъ мѣста. Это былъ какъ бы музей древняго искусства. Описанію его сокровищъ удѣлилъ значительное мѣсто въ своемъ сочиненіи географъ Павзаній и мы имѣемъ теперь возможность изучать ихъ по этому любопытному памятнику II вѣка.

Въ настоящее время сохранилось лишь воспоминаніе объ упомянутой нами эпохѣ. Самое мѣсто, гдѣ развивалась роскошная жизнь, какъ бы совершенно утратила слѣды своего прошлаго; они скрыты отъ нашего взора обильными наслоеніями земли и песку. Но вотъ, года два тому назадъ, начались здѣсь раскопки, имѣющія цѣлью извлечь изъ-подъ спуда остатки храма Зевса-Кроніона и другихъ памятниковъ, ознакомиться наглядно съ тѣмъ, что могло еще уцѣлѣть

отъ великихъ произведеній, о которыхъ повѣствуютъ намъ древніе писатели. Является надежда, что съ помощью архитектурныхъ обломковъ, тѣхъ или другихъ надписей, будетъ возможно сказать новое слово о продолжающей плѣнять насъ, хотя и отошедшей въ вѣчность, жизни. На нашихъ глазахъ совершается то, что было завѣтною мечтою Винкельмана въ концѣ прошлаго столѣтія. Болѣе или менѣе удачныя раскопки были уже дѣлаемы въ означенной мѣстности Французами и Англичанами, которымъ мы обязаны такъ много своимъ знакомствомъ съ произведеніями античнаго греческаго искусства. Они трудились въ различныхъ пунктахъ Греціи. Британскій музей, обладающій, между прочимъ, знаменитымъ фронтономъ Пареемона, выведеннымъ лордомъ Эльгиномъ, по справедливости считается однимъ изъ первыхъ музеевъ Европы. Въ 1813 г. англійскія и французскія раскопки коснулись и Олимпіи: Джонъ Спенсеръ Стенгопъ, при содѣйствіи Парижской академіи, изслѣдовалъ эту почву и въ 1824 г. издалъ сочиненіе о теперешней равнинѣ и объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ Элиды. Немного поздиѣ, а именно въ 1829 г., когда французскія войска занимали Морею, нѣкоторые ученые воспользовались этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать еще болѣе точныя изслѣдованія на томъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію Чандлера, долженъ былъ возвышаться храмъ Зевса; найдено было при этомъ нѣсколько весьма любопытныхъ архитектурныхъ обломковъ и скульптурныхъ произведеній, хранящихся нынѣ въ Луврѣ. Мысль о раскопкахъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ овладѣла съ тѣхъ поръ многими учеными и Лудвигъ Россъ предложилъ собрать необходимую для этого сумму посредствомъ частной подписки, но—увы!—подписка принесла лишь нѣсколько сотенъ талеровъ. Завѣтной цѣли, о которой говоримъ мы, суждено было осуществиться теперь, благодаря энергіи извѣстнаго знатока греческихъ древностей Эрнста Курціуса, который нашелъ ревностнаго себѣ помощника въ лицѣ профессора Адлера.

Конечно, этотъ планъ не могъ бы быть приведенъ въ исполненіе, если бы на помощь ему не явилось германское правительство. Участіе его было важно въ разныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно пожертвовало 57 тысячъ талеровъ, а во вторыхъ, установило соглашеніе съ правительствомъ греческимъ—соглашеніе, вслѣдствіе коего все, что будетъ найдено при раскопкахъ, должно составлять собственность Греціи. Германія предоставляетъ себѣ только право удерживать дубликаты, да и то не иначе какъ съ согласія аѳинскаго кабинета; кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ исключительно оно одно мо-

жеть дѣлать слѣпки, копии и рисунки найденныхъ предметовъ. Нельзя было, кажется, поступить болѣе безкорыстно: не забудемъ, что интересъ къ раскопкамъ значительно ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ греческое правительство рѣшилось не выпускать изъ своихъ предѣловъ ничего, что выходитъ наружу, благодаря усиліямъ изслѣдователей; въ виду этого образа дѣйствій Англичане перенесли свои изысканія на турецкую территорію, гдѣ законы страны не воспрепятствуютъ имъ пользоваться результатами раскопокъ и гдѣ, изъ любви и уваженія къ искусству, даже необходимо спасать всѣ сокровища его, которыя удастся открыть.

Помимо великодушнаго содѣйствія, оказаннаго германскимъ правительствомъ, главная честь задуманнаго предпріятія все-таки принадлежитъ Курціусу. Онъ стремился къ нему долго и неутомимо. Еще въ сороковыхъ годахъ, по возвращеніи своемъ изъ Аѳинъ, онъ читалъ объ этомъ лекціи, на которыхъ присутствовала августѣйшая мать его воспитанника, теперешняго наслѣднаго германскаго принца; одну изъ лекцій посѣтилъ и король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Разказъ свой объ Олимпіи заключилъ Курціусъ слѣдующими словами: „Съ постоянно возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы той блаженной минуты, когда будетъ снятъ слой земли, скрывающій произведенія древности!“ Король шутя замѣтилъ находившемуся съ нимъ Гумбольдту, что онъ былъ бы не прочь самъ стать у дверей съ кружкою для сбора пожертвованій; нынѣшній наслѣдникъ принца горячо обнадеживалъ своего учителя, что мысль его не замедлитъ осуществиться, лишь только найдутся для этого необходимыя средства—и то было вовсе не брошенное на вѣтеръ обѣщаніе. Именно высокому содѣйствію принца приписываютъ теперь успѣхъ дѣла. Онъ обратился къ королю Георгу съ письмомъ, которое значительно облегчило переговоры, имѣвшіе своимъ результатомъ трактатъ 13-го апрѣля 1874 года о раскопкахъ въ предѣлахъ древней Олимпіи. Мы говоримъ сейчасъ, въ чемъ состоятъ главныя существенныя черты этого трактата. Замѣтимъ въ дополненіе къ нимъ, что работы должны производиться не иначе, какъ въ присутствіи греческаго комиссара и что свѣдѣнія о нихъ положено печатать одновременно въ Берлинѣ и Аѳинахъ, на нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ.

Приступить къ раскопкамъ немедленно по заключеніи трактата не было никакой возможности: слѣдовало прежде произвести нѣсколько подготовительныхъ работъ, такъ что раскопки начались собственно лишь съ октября прошлаго года. Главнымъ пунктомъ для

нихъ избрана та мѣстность, на которой, по утвердившимся нынѣ довольно основательнымъ предположеніямъ, находился храмъ Зевса-Кроніона. Здѣсь прежде всего слѣдовало снести пластъ песку и лишь послѣ того начали показываться изъ-подъ земли различные предметы, между прочимъ, архитектурныя украшенія, по которымъ, какъ надѣются, будетъ возможно уяснить понятіе о внѣшнемъ видѣ этого зданія. Открыто не малое количество драгоцѣнныхъ остатковъ, какъ то: превосходно сохранившійся капитель восточной стороны храма, куски триглицфовъ, а также сточныхъ желобовъ съ замѣтельно разнообразными львиными головами, плиты и пласты мрамора. Олимпія, какъ извѣстно, не изобиловала мраморомъ и самый храмъ былъ построенъ изъ довольно грубаго раковиннаго известняка, а мраморъ употребленъ былъ лишь на обшивку его и скульптурныя украшенія. Болѣе всего разчитываютъ на открытіе произведеній скульптуры, которыя находились въ столь значительномъ количествѣ съ внѣшнихъ его сторонъ. Уже Французамъ удалось найти нѣсколько частей рельефныхъ изображеній метоппъ, а къ нимъ присоединились теперь еще обломки двухъ подобныхъ же метоппъ, а именно Геркулесъ въ саду Гесперидъ и король Эврисеей, прячущійся въ сосудѣ, въ страхѣ отъ Эримантійскаго кабана, котораго привелъ къ нему Геркулесъ.

Что касается до фронтоновъ, то различныя ихъ части попадаютъ иногда тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ихъ ожидать; если окажется возможнымъ возстановить эти произведенія искусства, то мы обязаны будемъ этимъ подробнымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся у Павзанія. Къ сожалѣнію, въ позднѣйшія времена древности нѣкоторые фронтоны пострадали отъ неудачныхъ реставрацій. Мотивами сценъ, изображенныхъ на нихъ, очевидно служили олимпійскія игры: онѣ были исполнены учениками Фидія, остававшимися до сихъ поръ извѣстными только по именамъ, а именно, главный фронтонъ Пайоніемъ изъ еракійскаго города Менде, западный же, то-есть, задній—Алкменомъ. Первый изъ этихъ фронтоновъ напоминаетъ нѣсколько пареенонскій: на первомъ планѣ его изображено ристалище въ колесницахъ, въ которомъ состязаются Пелопсъ и Ойномъ или, вѣрнѣе, тотъ моментъ, когда должно было начаться это состязаніе. На фронтонѣ Алкмена изображены сцены торжества эллинскихъ атлетовъ надъ кентаврами. Впрочемъ отъ этого фронтона найдено еще весьма немного, а что касается перваго, то уже открыто нѣсколько превосходно сохранившихся его частей. Утверждаютъ, что осо-

бенно замѣчательна по естественности движенія и образности формъ фигура наѣздника, опирающагося, въ паденіи своемъ, рукою на землю. Произведеніе это, свободное отъ всего условнаго, есть истинное пріобрѣтеніе для искусства. По слухамъ, еще лучше сохранилась превосходно исполненная голова старика съ большимъ открытымъ лбомъ, или вѣрнѣе, совершенно плѣшивая и окаймленная бородой. Въ мѣстности, прилегавшей къ храму, найдена еще одна скульптурная работа того же художника Пайонія, на которой имѣется, между прочимъ, надпись, гласящая, что онъ былъ увѣнчанъ за свой фронтонъ на храмѣ Зевса: произведеніе, о которомъ говоримъ мы, изображаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, богиню побѣды и относится къ 420 году до Р. X. Оно было принесено въ даръ Мессенцами изъ города Наупакта. Весьма можетъ быть, что эта статуя служила образцомъ для многихъ другихъ изображеній богини побѣды, столь часто повторявшихся въ позднѣйшее время. Богиня, изваянная Пайоніемъ, стояла на подножіи отъ 4 до 5 метровъ высоты; движенія ея необыкновенно свободны и легки.

Что касается бронзовыхъ статуй, которыми такъ богата была древность, то изъ нихъ попадаются доселѣ лишь обломки; за то открыто много мелкихъ бронзовыхъ вещей всякаго рода. Уже и въ прежнее время находили здѣсь въ достаточномъ количествѣ шлемы, щиты, набедренники: такъ, между прочимъ, знаменитый шлемъ, хранящійся въ Британскомъ музеѣ, принесенный въ даръ царемъ Герономъ Сиракузскимъ изъ добычи, доставшейся ему послѣ побѣды надъ Тирренейцами. Въ настоящее время найдено тамъ же острие копья, надпись коего упоминаетъ о побѣдѣ жителей Метаны надъ Спартанцами. Что касается до надписей, то необходимо упомянуть объ одной, представляющей не менѣе интереса, чѣмъ та, которая хранится въ Британскомъ музеѣ и гласитъ о союзномъ договорѣ между городами Элидою и Гереей: эта новая надпись, начертанная на бронзовой доскѣ, упоминаетъ о почестяхъ, дарованныхъ одному гражданину о. Тенедоса; изложена она на мѣстномъ нарѣчій Элиды, что опять-таки не можетъ не заинтересовать въ высшей степени филологовъ.

Мы упомянули здѣсь далеко не о всѣхъ открытіяхъ. Нужно замѣтить, что раскопки собственно только начались: въ началѣ разчитывали, что до мая нынѣшняго года, когда, по климатическимъ условіямъ, необходимо было пріостановить на лѣтній мѣсяць работу, удастся разчистить 49.000 кубическихъ метровъ, а до января раз-

чищено было только 14.000 метровъ. Изъ этого уже видно, что задача не могла быть приведена къ концу, ибо обычныя въ той мѣстности дожди, порождающіе эпидемическія болѣзни, не могли не препятствовать ея выполненію. Но если бы даже и разчищены были всѣ 49.000 куб. метровъ, то это будетъ лишь незначительная часть территоріи, на которой должны простираться работы. Къ сѣверу отъ храма Зевса ожидаютъ еще изысканій хранящіеся подъ землей развалины Пелопіона, великаго алтаря, древняго храма Геры, стадіонъ, гипподромъ и многое другое. Если бы отъ храма Геры удалось отыскать хотя какіе-нибудь, даже самые незначительные, остатки, то все-таки они много обогатили бы исторію греческой архитектуры. Во всякомъ случаѣ, дѣло теперь въ полномъ ходу и нѣтъ, конечно, ни одного образованнаго человѣка, который не пожелалъ бы отъ всей души счастливаго его довершенія.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ НА СВЕТОНІЯ.

Новая эра, наступившая въ исторіи классической филологіи съ Фр. Авг. Вольфомъ, очень не богата солидными трудами по критикѣ текста Светонія. Самъ Вольфъ, подъ редакціею котораго появилось 2-е изданіе Эрнести (Lips. 1802, 4 voll.), въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ почти ничего, и столь же, приблизительно, мало произвели издатели въ теченіе слѣдующаго полувѣка, интересуясь прежде всего толкованіемъ автора. Обсуждались вопросы объ источникахъ Светонія и о степени достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній; въ текстѣ же господство „вulgаты“ миновало лишь въ 1858 году, когда вышло въ свѣтъ изданіе *К. Л. Рота* (Lipsiae, Bibl. Teubner.).

Текстъ „Жизнеописаній Кесарей“ вообще не такъ испорченъ, какъ текстъ многихъ древнихъ авторовъ, и, безъ сомнѣнія, проницательностью критиковъ исправленіе его значительно подвинуто впередъ. Тѣмъ не менѣе остается и теперь желать многого. Ротъ напрасно думалъ, что критика Светонія уже успѣла дойти до „Геркулесовыхъ столбовъ“ *ut sane qui vel aservum variae lectionis augere elaboraret vel hariolando operam daret, paucorum — gratiam esset consecuturus* ¹⁾. Не надо забывать, что само изданіе Рота — первое, въ которомъ болѣе или менѣе послѣдовательно проведены начала рациональной критики, — первое, представляющее текстъ на основаніи лучшаго, относительно, преданія. Критическій аппаратъ пока еще находится въ довольно неудовлетворительномъ состояніи. Не говоря уже о томъ, что сличены далеко не всѣ рукописи (быть можетъ, несличенныя и не стоятъ того), извѣстныя намъ коллаціи, вообще говоря, полнаго довѣрія не заслуживаютъ. Во 1-хъ, масса рукописей сличена всего разъ, и притомъ ббльшею частью въ про-

¹⁾ Roth, praef., p. V.

пломъ столѣтій или раньше, когда весьма немногіе занимались этимъ дѣломъ съ надлежащею тщательностью, большинство же критиковъ относилось къ нему почти равнодушно. Во 2-хъ, о многихъ рукописяхъ мы не знаемъ ни гдѣ онѣ хранятся, ни какого онѣ столѣтія, ни въ точности, какого онѣ достоинства,—знаемъ только извѣстное число болѣе или менѣе курьозныхъ вариантовъ. Въ иныхъ случаяхъ есть, повидимому, основаніе думать, что одна и та же рукопись цитруется подѣ различными названіями. Бываетъ также, что перепутаны номера одноименныхъ рукописей ¹⁾. Словомъ, подготовительная работа къ сортировкѣ рукописей и къ раздѣленію ихъ на классы не окончена; а пока не будетъ естественной и наглядной системы въ этомъ хаосѣ, нѣтъ возможности избавиться отъ массы несущественнаго въ критическомъ аппаратѣ.

Къ частію, та рукопись, которая всѣми единогласно признается за лучшую, cod. *Mettianus* или *Parisinus* 6115, конца IX-го вѣка, сличена много разъ и, какъ должно полагать, основательно. На ней-то Ротъ и основываетъ свой текстъ Светонія. Однако, чрезвычайно важно знать также достовѣрно чтенія другихъ главныхъ рукописей, такъ какъ cod. *Mettm.* не есть cod. *archetypus*. Кромѣ того, мы и теперь, не смотря на всѣ сличенія, весьма часто не въ состояніи положительно сказать, что въ cod. *Mettm.* написано такъ-то, а не иначе. Это происходитъ отъ того, что показанія прежнихъ изданій не надежны, а Ротъ, по старой и дурной привычкѣ, не счелъ нужнымъ отмѣтить всѣ, безъ исключенія, случаи, когда ему заблагоразсудилось отступить отъ своего путеводаителя ²⁾. Итакъ критика текста Светонія поставлена въ условія не особенно выгодныя для тѣхъ, у кого нѣтъ въ распоряженіи своихъ рукописныхъ данныхъ, то есть, въ настоящее время для всѣхъ, вѣроятно, кромѣ—*Г. Беккера* (*Gustav Becker*). У этого ученаго есть не только собственная коляція *Mettianus*'а и нѣкоторыхъ другихъ немаловажныхъ рукописей, но и весь (не особенно, впрочемъ, богатый) матеріалъ, собранный нѣкогда *Ричар-*

¹⁾ Тамъ же, р. XXIV.

²⁾ *Sciat igitur, говоритъ онъ, praef. p. XXXVII, lector harum rerum studiosus, ubi nihil adnotatum invenerit, Mettianum aliosve veteres ac bonos libros nobiscum consentire; ubi ii vitiosi esse ac necessario deserendi videbantur, nominatim afferi vel codicum saec. XV vel grammatici alicuius posterioris emendationem.* Встрѣчается иногда, что эти «*veteres ac boni libri*» ни «*boni*» ни «*veteres*», хотя и не XV-го столѣтія.

домъ Бентли для задуманнаго имъ изданія Светонія ¹⁾. Не знаю, от- казался ли Беккеръ отъ своего намѣренія издать Светонія; но пока изъ его аппарата извѣстно только то, что было помѣщено имъ въ статьяхъ подъ слѣдующими заглавіями: 1. Zur Litteratur des Suet. въ Neue Jahrb. f. Phil. u. Paed. Bd. 87. (1863) S. 193 ff. и 631 ff. 2. Quaestiones criticae de C. Suet. Tr. de vita Caess. ll. VIII. Progr. Memel. 1862. 3. Zur Kritik des Suet. въ Symbola philologorum Bonnensium in honorem Fr. Ritschelii collecta, fasc. poster. (Lips. 1867) pp. 685—694.

Перейдемъ теперь къ обсужденію отдѣльныхъ мѣстъ, по моему мнѣнію или невѣрно понятыхъ комментаторами, или нуждающихся въ какихъ нибудь поправкахъ.

Div. Iul. 30, p. 14, 31 sqq. Roth. Въ числѣ различныхъ возрѣній на причины, побудившія Цезаря вступить въ междоусобную войну, приводится и слѣдующее: Quidam putant captum imperii consuetudine pensitatisque suis et inimicorum viribus, usum occasione rapiendae dominationis, quam aetate prima concupisset. Затѣмъ идетъ такого рода замѣтка: Quod existimasse *videbatur* et Cicero, scribens de officiis tertio libro semper Caesarem in ore habuisse (est in Phoenissis: εἴπερ γὰρ ἀδίκηεῖν χρῆ, τυραννίδος πέρι κάλλιστον ἀδίκημα· τὰ δ' ἄλλα εὐσεβεῖν χρεών) Euripidis versus, quos sic ipse convertit:

Nam si violandum est ius, regnandi gratia
Violandum est: aliis rebus pietatem colas

Нечего, я думаю, доказывать, что прош. несоверш. *videbatur* ошибочно; необходимо возстановить *videtur* (ср. напр. Jul. 9. Claud. 46), если только все это мѣсто (Quod existimasse — pietatem colas) принадлежитъ Светонію, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Ему, во 1-хъ, не свойственно обозначать книгу, то-есть, отдѣлъ сочиненія, изъ котораго онъ заимствуетъ то или другое извѣстіе. На этомъ основаніи Удендорпъ, Вольфъ и Баумгартенъ-Крузіусъ хотѣли выкинуть изъ текста *tertio libro*. Во 2-хъ, цитата изъ Цицерона, de Off. III, 21, 82, приведена въ пользу мнѣнія, имѣющаго мало общаго съ ея содержаніемъ. Изъ словъ Цицерона, относительно его личнаго убѣжденія, возможно извлечь лишь то, что онъ Цезаря считалъ, вообще, чело- вѣкомъ властолюбивымъ. *О побужденіяхъ къ междоусобной войнѣ* у него и рѣчи нѣтъ; а властолюбія Цезаря не отрицали, понятно, и тѣ, которые нѣсколько раньше являются представителями иныхъ воз-

¹⁾ Ср. тамъ же р. XXI.

зрѣній на данный вопросъ—Гней Помпей и Азиній Полліонъ. Такого промаха нельзя ожидать отъ разумнаго и осторожнаго въ своихъ выводахъ Светонія. Наконецъ, не даромъ комментаторы считаютъ нужнымъ замѣтить, что *ipse—convertit* относится къ Циперону, а не къ Цезарю; слова эти, дѣйствительно, „*etiam obscura, quo vitio minime tenebatur*“, какъ выразился самъ Светоній по поводу одного подложнаго письма Горация къ Меценату. Что касается словъ: *est in Phoenissis* — εἰς Φοινίκην χρεών, издавна заподозрѣнныхъ, не берусь сказать, „паразитъ“ ли это „на паразитъ“ или же — произведение того же малограмотнаго граматика, которому я приписываю остальное.—Схожая во многихъ отношеніяхъ вставка находится Aug. 7 p. 40, 31—34.

Тамъ же, 56, p. 25, 18 sqq. *Feruntur et a puero et ab adolescentulo quaedam scripta, ut Laudes Herculis, tragoedia Oedipus, item Dicta collectanea: quos omnis libellos vetuit Augustus publicari.*—Тамъ напечатано въ издавіяхъ. Лучшія рукописи въ началѣ этого мѣста расходятся и съ традиціоннымъ чтеніемъ и между собою. А (=cod. Memmianus) и V ¹⁾ имѣютъ: *fer. et ait uero ab ad.*, В и С—: *fer. et ab ad.*, см М и нѣкоторыя другія —: *fer. uero ab ad.*, и т. д. Важнѣе всѣхъ, разумѣется, вариантъ, представляемый рукописью А, тѣмъ болѣе, что смысла въ немъ нѣтъ никакого, а слѣдовательно, онъ и не могъ выйти изъ головы какого-нибудь переписчика или эмендатора. На этомъ вариантѣ Бентли построилъ свою догадку: *feruntur, ut ait Varro, ab ad.*, опубликованную и рекомендованную Беккеромъ ²⁾. Рейффершейдъ, извѣстный издатель отрывковъ Светонія, нашелъ ³⁾, что подъ словомъ *uero* кроется, дѣйствительно, имя собственное, но не имя М. Теренція *Варрона*, а скорѣе—имя Кв. Элія *Туберона*, современнаго Цезарю юриста и историка, того же самого, котораго цитуетъ Светоній въ гл. 83-й по поводу духовнаго завѣщанія Цезаря: *Quintus Tubero tradit etc.* Но чѣмъ же это имя лучше другаго? Имя *Варрона* не понравилось Рейффершейду „*cum propter alias tum propter temporis rationes*“. Что это за „*aliae rationes*“, я угадать не въ со-

¹⁾ См. *Becker*, *Symbola* p. 688. Объясненіе остальныхъ буквенныхъ знаковъ читатели могутъ найти въ упомянутыхъ выше *Quaestiones criticae* того же автора.

²⁾ *N Jhb. f. Phil. u. Päd.*, Bd. 87, S. 208. Конъектуры Гейнзля (*fer. aetate tenera et ab ad.*) и Удендорпа (*fer. uero et ab ad.*) можно привести въ видъ курьёза.

³⁾ Aug. Reifferscheid, *Analecta Horatiana* (помѣщ. въ *Index scholarum in univ. litt. Vratisl. per hiemem a. 1870—1871 habendarum*), p. 5.

стояніи; хронологическаго же препятствія, на мой взглядъ, не представляется. Маркъ Варронъ, также какъ и Туберонъ, былъ современникъ, а впоследствии и другъ Цезаря, и притомъ любитель и знатокъ книжнаго дѣла (см. гл. 44). Весьма вѣроятно, что ему не безвѣстны были стихотворные опыты великаго дѣятеля, которые, какъ положительно извѣстно¹⁾, авторомъ подъ спудомъ не держались. Отчего же, слѣдовательно, не допустить, что Варронъ въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ, потерянныхъ для насъ произведеній, такъ или иначе, упомянулъ о нихъ? Имя *Tubero* имѣеть развѣ одно палеографическое преимущество, да и то сомнительное, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣтилъ самъ Рейффершейдъ, на основаніи гл. 83-й, пришлось бы, собственно, прибавить граепомен: *ut ait Q. Tubero*. Поэтому Тейфель напрасно поспѣшилъ указать на настоящее мѣсто, какъ на несомнѣнный новый отрывокъ Туберона²⁾. Впрочемъ, и число Варроновыхъ фрагментовъ отъ этого не увеличивается. Въ этомъ легко убѣдиться, если обратить вниманіе на выраженіе *feruntur*. Рядомъ съ такимъ общимъ указаніемъ на распространенность извѣстія, очевидно, не можетъ помѣщаться ссылка на какой-нибудь одинъ источникъ. Такимъ образомъ, собственнаго имени тутъ, вообще, искать нечего³⁾. Можно прибавить, что противъ измѣненія *et* въ *ut* говорятъ встрѣчающіеся въ предыдущемъ обороты: *Reliquit et regum suarum com-*

¹⁾ Auct. dial. de or. 21.

²⁾ *Teuffel*, Gesch. d. röm. Litt., 2-te Aufl. (Leipzig., 1872), S. 387. Онъ, Богъ знаетъ, почему, не сослался даже на Рейффершейда, хотя догадка послѣдняго, по весьма естественной причинѣ, у Рота въ предисловіи не упомянута, и хотя едва ли кому-либо само собой придетъ въ голову, что «отрывокъ» *Туберона* и «эмendaцію» *Светонія* слѣдуетъ искать въ статьѣ, озаглавленной: *Analecta Horatiana*.

³⁾ Не прочтѣе основаніе, на которомъ читается собственное имя Jul. 52, p. 22, 28 sqq. *Dilexit et reginas, inter quas Eunoen Manram Bogudis uxorem, cui maritoque eius plurima et immensa tribuit, ut Naso scripsit, sed maxime Cleopatram set. Naso*, по Роту, конъектура Манцинелла; въ рукописяхъ, по крайней мѣрѣ лучшихъ, стоять: *ut uasa scripsit*. Тутъ испорчено не одно слово *uasa*. Светоній, когда приводитъ свидѣтельство какого-нибудь автора, употребляетъ только настоящее время глагола *scribere*, кромѣ того случая, если это свидѣтельство въ то же время представляетъ собою историческій фактъ, болѣе или менѣе знаменательный. Писать *Naso scribit* вмѣсто *uasa scripsit* было бы совершенно произвольно. Потому надобно полагать, что первоначально тутъ было нѣчто другое, не ссылка на источникъ. Что такое, сказать трудно; можетъ быть, имя неизвѣстной намъ царицы — подруги Цезаря, или — крупный примѣръ того, какъ щедро онъ награждалъ за любовь Мавританку Евною и супруга ея Богуда.

mentarios.... Reliquit *et* de Analogia duos libros.... Epistulae quoque eius ad senatum extant.... Extant *et* ad Ciceronem. Что же, спрашивается, намъ дѣлать съ безсмыслицей *ait vero* ab ad.? А вотъ что: принять, какъ *поправку*, прощѣ которой въ данномъ случаѣ нельзя ничего придумать, чтеніе худшихъ рукописей и изданій *a puero* вмѣсто *ait vero*, а *ab* переписать въ *aut*, съ чѣмъ оно часто смѣшивалось. Въ цѣломъ получится: *Feruntur et a puero aut adolescentulo quaedam scripta*. Ср. Cic. de or. I, 2, 5: *Vis enim, ut mihi saepe dixisti, quoniam quae pueris aut adolescentulis nobis ex commentariolis nostris incobata ac rudia exciderunt* (сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ *de inventione*) *vix hac aetate digna et hoc usu, quem ex causis, quas diximus, tot tantisque consecuti sumus, aliquid eisdem de rebus politius a nobis perfectiusque proferri.*

Тамъ же, 58 p. 25, 30 sqq. *In obeundis expeditionibus dubium cautior an audentior, exercitum neque per insidiosa itinera duxit umquam nisi perspeculatus locorum situs, neque in Britanniam transvexit, nisi ante per se portus et navigationem et accessum ad insulam explorasset.* — Рукописныхъ вариантовъ нѣтъ. Первое и главное, повидимому, затрудненіе заключается въ выраженіи *per se*. По словамъ Светонія, Цезарь самъ, лично, отправился на рекогносцировку британскаго берега, а изъ „Записокъ о Галльской войнѣ“ мы узнаемъ, что это самое дѣло было поручено военному трибуну Гаю Волузену Квадрату. *Caes. b. g. IV, 21: priusquam periculum faceret, idoneum esse arbitratus Gaium Volusenum cum navi longa praemittit. Huic mandat, ut exploratis omnibus rebus ad se quam primum revertatur.* Нѣтъ достаточной причины полагать, что истина въ данномъ случаѣ Цезаремъ искажена, и что Светоній узнать о ней изъ посторонняго источника: фактъ этотъ, очевидно, не такого характера. Стало быть, мыслимо или а) что ошибся Светоній, или б) что оплошали переписчики, или, наконецъ, в) что тутъ нѣтъ вовсе ошибки, а есть только недоразумѣніе съ нашей стороны. Всѣ три предположенія нашли себѣ представителей. *Казобомъ* замѣтилъ: „*Hic mihi suspecta Suetonii memoria*“, и въ томъ же духѣ, только рѣшительнѣе, подали свой голосъ Вольфъ и Бреми. Однако на этомъ успокоиться нельзя. Светоній — одинъ изъ акуратнѣйшихъ древнихъ историковъ, а потому мы не имѣемъ права строить гипотезы на его неакуратности, особливо когда невозможно показать возникновеніе ошибки. Несравненно правдоподобнѣе, что виноваты средневѣковые переписчики. У этихъ благочестивыхъ господъ столько подобныхъ грѣшковъ за душой, отчасти даже

почище этого, что удивляться тутъ было бы нечему. Но, замѣчательно! никому изъ ученыхъ, считавшихъ это мѣсто испорченнымъ (а между ними были люди въ родѣ Ю. Липсія и Д. Рункена), не удалось представить хоть сколько-нибудь приличную поправку. Конъектуры *per suos* (Бернегтеръ и Липсій), *persaepe* (Боксгорнъ и Гейнзій) вмѣсто *per se*, или *antequam* (Эрнести) вмѣсто *nisi ante per se* — ниже всякой критики. Естественно, поэтому, было обратиться къ третьему рѣшенію задачи, то-есть, исвать, не окажется ли противорѣчіе мнимымъ. Въ этомъ направленіи первая попытка была сдѣлана уже Бернегтеромъ. Предложивъ свою конъектуру *per suos*, онъ прибавляетъ: „*Possit tamen ex scito Ictorum affirmari, Caesarem per se egisse videri, quod mandato ipsius legatus*“. На это справедливо возразилъ Б. Крузіусъ, что „въ такомъ случаѣ авторъ не прибавилъ бы *per se*“. Дѣйствительно, *per se* у Светонія всегда диаметрально противоположно — *per alios* (ср. Jul. 56. Aug. 20. 64. Cal. 15. 38. Vit. 9). Не лучше, впрочемъ, объясненіе самого Б.-Крузіуса, которому кажется, что свидѣтельство Цезаря „*non impedit quominus et per se i. e. ipse* (δὲ ἑαυτοῦ locum perspesculatus fuerit.. Когда же Цезарю было поѣхать въ Британію, да еще *perspesculari locum*? Кромѣ того, отчего у него объ этомъ не упомянуто? Правда, судя по разказу его о первой экспедиціи, онъ изъ этого апокрифическаго путешествія ничего не вынесъ; но вѣдь Цезарь былъ не таковъ. Непонятны для меня толкованія Кранера и Дедердинга. Кранеръ, въ примѣч. къ Caes. I. 1., приводитъ означенное мѣсто и, въ заключеніе, заявляетъ глубокомысленно: „*wobei indess an eine eigene Reise Cäsars nicht zu denken ist*“. Прекрасно! о чемъ же, собственно, надобно думать при этомъ? Къ сожалѣнію, пнейскою фразой дѣла не рѣшишь. Дедердингъ ¹⁾ говоритъ вотъ что: „*Coniectura non opus est, si Suetoni verba sic interpretamur: Caesarem non contentum fuisse eis quae a mercatoribus nautis aliisque qui regionis illius periti erant, audierat, sed priusquam traiceret, legato ad id ipsum misso situm insulae explorasse*“. И такой способъ *explorandi* можно назвать *explorare per se*? Не думаю. Мнѣ кажется, что Светоній, выражаясь такимъ образомъ: *nisi ante per se set*, имѣлъ въ виду ничто иное, какъ — первую экспедицію Цезаря въ Британію. Экспедиція эта не была, правда, простою рекогносцировкой, но, если разсудить, то и не болѣе чѣмъ рекогносцировкой. Въ такомъ свѣтѣ представилъ ее самъ Цезарь, b. g. IV, 20: *Exigua parte aestatis reliqua Caesar, etsi his in locis,*

¹⁾ Gust. Dederding, de Suet. vita Caesaris. Pars prior (Berol. 1871) p. 18.

quod omnis Gallia ad septentriones vergit, maturae sunt hiemes, tamen in Britanniam proficisci contendit, quod omnibus fere Gallicis bellis hostibus nostris inde subministrata auxilia intellegebat et, *si tempus anni ad bellum gerendum deficeret* ¹⁾, *tamen magno sibi usui fore arbitratur, si modo insulam adisset et genus hominum perspexisset, loca portus aditus cognovisset.* Съ этимъ характеромъ предпріятія согласно, что участвовали въ немъ только два легіона, безъ обоза (см. также гл. 30, и безъ конницы, гл. 26. 28), между тѣмъ какъ въ другой разъ переправлены были пять лег. съ 2000 всадниковъ. Очень можетъ быть, что Цезарь, въ надеждѣ на свою „*pristina fortuna*“, собственно уже первымъ своимъ появленіемъ на островѣ разчитывалъ произвести панику между туземцами, не смотря на малочисленность сопровождающаго его отряда, и, добившись такимъ путемъ внѣшнихъ знаковъ покорности, болѣе уже туда не возвращаться. Но демонстрація не удалась и понадобилось второе, такъ сказать, правильное нашествіе. Однако же первая экспедиція не пропала совершенно даромъ. Она, прежде всего, познакомила Цезаря съ условіями переправки и высадки войскъ на британскій берегъ, и съ этой стороны она представляется фактомъ, не лишеннымъ положительнаго значенія и въ своемъ родѣ, уже по всей обстановкѣ, замѣчательнымъ. Во всякомъ случаѣ не мудрено, что такимъ образомъ смотрѣлъ на это дѣло Светоній, и что онъ не упомянулъ вовсе о послышѣ Гая Волузена „съ однимъ военнымъ судномъ“ и—безъ видимыхъ результатовъ ²⁾. Такъ, по моему мнѣнію, рѣшается споръ о *per se*. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что разбираемое мѣсто не дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Подозрительно, во 1-хъ, слово *portus*. У Цезаря нѣтъ ни слова о какомъ либо „портѣ“, открытомъ имъ самимъ или другимъ кѣмъ нибудь на британскомъ берегу, ни въ первую экспедицію, ни послѣ. Когда онъ переправлялся во 2-й разъ, сперва его занесло на сѣверовостокъ отъ острова; затѣмъ онъ „*rursus aestus commutationem secutus remis contendit, ut eam partem insulae caperet, qua optimum esse egressum superiore aestate cognoverat*“ ³⁾; а безопасной стоянки для флота онъ не отыскалъ ⁴⁾. Упоминается о „портахъ“ въ приведен-

¹⁾ Ср. также гл. 22, 2. Hoc sibi Caesar satis opportune cecidisse arbitratus, quod neque post tergum hostem relinquere volebat, *neque belli gerendi propter anni tempus facultatem habebat* cct. Тутъ уже не *si, a—quod*.

) Krahnert ad Caes. b. g. IV, 21, 9.

³⁾ Caes. b. g. V, 9, 3.

⁴⁾ Тамъ же V, 10 sq.

номъ выше мѣстѣ ¹⁾, да еще разъ въ концѣ той же главы какъ о предметѣ желаемомъ и искомомъ. Итакъ, открытіе портовъ—выдумка, но выдумка не Светонія. Это доказывается страннымъ порядкомъ перечисленія: *portus et navigationem et accessum ad insulam*; тутъ, понятно, первое мѣсто должно занимать *navigationem* ²⁾! Наконецъ, уже Эрнести отмѣтилъ синтаксическую неправильность въ оборотѣ: *neque—transvexit, nisi—explorasset*. Вотъ что говоритъ объ этомъ весьма компетентный судья, *Мадвигъ* ³⁾: *Quod Wolfius negat se exputare, quomodo quisquam in plusquamperfecto explorasset haerere potuerit, summo iure Ernestius haeserat. Neque enim de rei factae condicione ante impleta rectius latine dicitur non fecit nisi ante explorasset (pro eo quod est: non.... antequam aut nunquam.... nisi explorato vel nisi perscrutatus), quam si Germanice dicas: er that es nicht (de re una facta), wenn er nicht.... untersucht hätte. Нельзя допустить, что neque—transvexit, nisi—explorasset=neque—transvexisset, nisi explorasset ⁴⁾, какъ потому, что въ такихъ случаяхъ глаголь (главнаго предлож.) едва ли бываетъ у „хорошихъ“ писателей съ отрицаніемъ ⁵⁾, такъ и потому, что вся мысль тогда получаетъ какой-то странный оттѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли Светоній разсуждать о томъ, что *одѣлалъ бы Цезарь, если бы* и т. д., вмѣсто того, чтобы просто и прямо изложить извѣстные ему положительно факты? Всѣ эти соображенія, взятыя вмѣстѣ, наводятъ на слѣдующую поправку: *neque in Britanniam transvexit, nisi ante per se expertus et navigationem et accessum ad insulam*. Не трудно объяснить себѣ процессъ порчи. Сперва изъ *perseexpertus* образовалось *perseportus*; затѣмъ, такъ какъ не доставало сказуемаго, переписчикъ или другой кто-нибудь отъ себя прибавилъ *explorasset*.*

¹⁾ Тамъ же IV, 20: *loca portus aditus*.

²⁾ На это указалъ первый А. Штаръ (*Suetons Kaiserbiographien verdeutsch* von A. Stahr. Stutgart. 1857).

³⁾ *Madvig, Adversaria crit. vol. II p. 573 not.*

⁴⁾ О такой «замѣнѣ» сослагательнаго накл. изъяснительнымъ см. наприм. *Gossrau, Lat. Sprachlehre (Quedlinburg 1869) § 410, 3. b и с.*

⁵⁾ У Вергилія встрѣчается: *Nec veni, nisi fata locum sedemque dedissent* (Aen. XI, 112). Не должно съ этимъ смѣшивать мѣста въ родѣ *Cic. Font. 17, 39 (13, 29): Is igitur vir, quem ne inimicus quidem satis in appellando significare poterat, nisi ante laudasset*. Тутъ изъяснительное *poterat* объясняется изъ смысла и употребленія самаго глагола *posse*. См. *R. Kühner, Schulgramm. d. lat. Spr. (5-te Aufl., Hannover 1861) § 154, Anm. 4.*

Div. Aug. 13, p. 42, 35 sqq. По окончаніи Филиппійскаго похода Августъ in splendidissimum quemque captivum non sine verborum contumelia saevit; *ut quidem* uni suppliciter sepulturam precanti respondisse *dicatur*, „iam istam volucrum fore potestatem“. Въ рукописяхъ А и V вмѣсто *dicatur* читается *dicitur*. Это едва ли описка, какъ полагають, а скорѣе — истинное чтеніе. Дѣло въ томъ, что сочетаніе *ut quidem* у Светонія кромѣ этого раза не встрѣчается ¹⁾. Потому, вѣроятно, слѣдуетъ писать: *siquidem*—*dicitur*. Ср. гл. 33: dixit autem ius non diligentia modo summa, sed et lenitate, *siquidem* manifesti paricidii reum—ita *fertur* interrogasse cet., а равно и остальные мѣста, собранныя Б.-Крузіусомъ ²⁾: Jul. 9, 88. Aug. 2, 99. Tib. 2. Cal. 49. Ner. 5, 26. Vit. 9, 18. Vesp. 20. Tit. 6. Dom. 6. de gr. 9.

Тамъ же 29, p. 51, 9 sq. Aedem Martis bello Philippensi, *pro ultione* paterna suscepto, voverat. Объ этомъ мѣстѣ есть замѣтка Беккера ³⁾, вызывающая на противорѣчіе. Почтенному ученику Ричля не вѣрится, чтобы предлогъ *pro* имѣлъ значеніе „съ цѣлью, для“ (zum Zwecke); „по крайней мѣрѣ“, говоритъ онъ, „во всѣхъ мѣстахъ, которыя можно было сличить, *pro* скорѣе означаетъ „въ защиту, въ пользу“ (zum Schutze), сообразно съ первоначальнымъ смысломъ предлога“. Затѣмъ приводятся мѣста изъ Светонія, въ которыхъ *pro*, дѣйствительно, не означаетъ „съ цѣлью, для“, а именно (и не только „скорѣе“) „въ пользу, за“: Jul. 84 *pro salute unius*. Aug. 12 *pro libertate*. Aug. 13 *pro vita*. Aug. 17 *pro partibus suis*. Aug. 57 *pro salute*. Aug. 59 *pro se*. Но что же слѣдуетъ изъ того, что въ этихъ мѣстахъ *pro* не означаетъ „съ цѣлью“? Все что угодно, только не то, что имѣлъ въ виду Беккеръ, то-есть что въ данномъ мѣстѣ *pro* должно и не можетъ переводиться „съ цѣлью“. Если значеніе предлога *pro* тутъ и тамъ различно, отчего тогда сближать это мѣсто именно съ тѣми? И откуда онъ взялъ значеніе „съ цѣлью“? Другіе, напр. Б.-Крузіусъ ⁴⁾, просто отождествляютъ употребленіе *pro* здѣсь и въ упомянутыхъ мѣстахъ. При этомъ можетъ показаться страннымъ одно: мѣсть предполагаемая не есть, собственно говоря, такой предметъ,

¹⁾ Встрѣчается разъ *ut equidem* (Aug. 3).

²⁾ Baumgarten-Crusius, Clavis Suetoniana (=3-й томъ его изданія, Lips. 1818) s. v. *siquidem*.

³⁾ Symbola, p. 694.

⁴⁾ Clav. Suet. s. v. *pro*.

за который можно было бы постоять; возможно развѣ совершать извѣстное дѣйствіе, напримѣръ, сражаться за осуществленіе мести. Но если мы будемъ отрицать въ явленіяхъ языка все то, что, съ какойнибудь стороны, противорѣчитъ правиламъ логики, то мы на каждомъ шагу станемъ въ явное противорѣчіе съ дѣйствительными фактами. Такъ и тутъ. Подобно тому, какъ, напримѣръ, по русски говорится „война съ отмсткою“, по латыни не безпримѣрно выраженіе *pro ultione*. Iust. XXXVIII, 4, 2 (въ рѣчи Митридата, взятой цѣликомъ изъ Трога Помпея): *quippe adversus latronem, si nequeant pro salute, pro ultione tamen sua omnes ferrum stringere* ¹⁾. Flor, epit. I, 18 (II, 2, 26): *populus autem Romanus multo acrior intentiorque pro ultione Reguli quam pro victoria fuit*. Вѣроятно, найдутся еще такіе примѣры. Впрочемъ, мыслимо и другое толкованіе, а именно: „въ Филиппійскомъ походѣ, предпринятомъ какъ актъ мщенія за (убіеніе) отца“. Ср. Caes. b. g. VII, 51: *sed intolerantius Gallos insequentis legio decima tardavit, quae pro subsidio paulo aequiore loco constiterat*. Suet. Aug. 90. *Tonitrua et fulgura paulo infirmius expavescebat, ut semper et ubique pellem vituli marini circumferret pro remedio*. De gr. 21. (C. Melissus) *Maecenati pro grammatico muneri datus est*. Во всякомъ случаѣ, какъ мы ни будемъ объяснять выраженіе *pro ultione*, оно, несомнѣнно, возможно. Но бѣда въ томъ, что во многихъ и лучшихъ рукописяхъ (ABVCRMELSmn) читается не такъ, а *provisione*; такъ что сомнѣніе Беккера не лишено основанія. Исходной точкой теперь должно служить (само по себѣ бессмысленное) *provisione*; къ чтенію же *pro ultione* мы возвратимся въ томъ только случаѣ, если лучшей поправки не представится. Беккеръ предлагаетъ просто раздѣлить *provisione* на *provisio*. Это, правда, чрезвычайно просто, но—и только ²⁾. Въ какомъ тутъ смыслѣ употреблено *pro*, я, признаюсь, хорошенько не понимаю; повидимому—въ смыслѣ *post* или *ex*. Беккеръ такъ объясняетъ свою конъектуру: „Побудило ли Августа привидѣніе Цезаря предпринять войну противъ заговорщиковъ, мы не знаемъ. Извѣстно, что въ битвѣ при Филиппахъ Цезарь показался Кассію; но Цезарь показался также, если не самому Августу, то, по крайней мѣрѣ, приверженцамъ его предъ битвой, о чемъ

¹⁾ Ср. Тамъ же 11. *assidue per omnes annos pro libertate alios, quosdam etiam pro vice imperii bellis continuis perseverasse*.

²⁾ Оно даже не ново, такъ какъ вариантъ *provisione* въ старыхъ изданіяхъ приводится именно въ этомъ видѣ.

свидѣтельствуеъ Suet. Aug. 96: Philippis Thessalus quidam de futura victoria nuntiavit auctore Divo Caesare, cuius sibi species itinere avio occurrisset. То же разсказываетъ Діонъ: XLVII, 41, ἀνὴρ Θεσσαλὸς ἔδοξέν οἱ τὸν Καίσαρα τὸν πρότερον καχάλευχέναι εὐπεῖν τῷ Καίσαρι ὅτι τε ἐς ἐνῆς ἢ μάχῃ γενήσοιτο, καὶ ἴν' ἀναλάβῃ τι ὧν δικατωρεῶων αὐτὸς ἐφόρου καὶ διὰ τοῦτο τὸν δαχτύλιον αὐτοῦ τότε τε εὐθὺς περιέθετο καὶ ἔπειτα πολλάκις ἔφερεν. И такъ bellum Philippense тутъ не война, а битва Филиппійская, подобно тому, какъ Ливій, XXII, 51, употребляетъ слово bellum о битвѣ при Каннахъ (tanto perfunctus bello diei quod reliquum erat) и нерѣдко Юстинъ¹. Какъ видно изъ этого объясненія, Беккеръ прекрасно понималъ, что „поправка“ его предполагаетъ извѣстіе о явленіи Цезаря *самоу Августу*. Объ этомъ нечего распространяться, тѣмъ болѣе, что самая слабая сторона догадки заключается въ другомъ. Крайне, вопервыхъ, невѣроятно, что bellum Ph. = proelium Ph.; подобной путанницы въ выраженіяхъ у Светонія не бываетъ (ср. Aug. 13, Philippense bellum — — duplici proelio transegit и тамъ же 9. 22, Tib. 5; Philippensis acies Aug. 91). Касательно мѣста у Ливія достаточно указать на примѣчанія къ нему Вейсенборна и Вѣльфлина¹). Юстинъ, дѣйствительно, нѣсколько разъ употребилъ bellum тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать proelium²). Однако этого мало. Повторныхъ, слыхано ли, чтобы предлогъ pro означалъ „вслѣдствіе“ (иначе, я по крайней мѣрѣ, не знаю, какъ его передать въ фразѣ: bellum pro visione paterna suscipere)? Вѣроятно, самъ Беккеръ убѣдился бы въ несостоятельности своей догадки, если бы потрудился перевести ее на родной языкъ. И такъ, однимъ раздвоеніемъ слова *provisione* тутъ ничего не подѣлаешь; приходится прибѣгать къ менѣе простымъ способамъ. Я уже сказалъ, что можно принять, какъ поправку, традиціонное чтеніе *pro ultione*. Но не лучше ли писать

¹) T. Livii ab urbe condita l. XXII, f. d. Schulgebr. erkl. v. E. Wölfflin. Leipz. 1875. Любопытно такъ же примѣч. Дракенборга ad Liv. III, 61, 2.

²) Надо замѣтить, что и у Юстина такихъ мѣстъ неравненно меньше, нежели полагали многіе критики и толкователи его. Они отождествляли bellum и proelium вездѣ, гдѣ только смыслъ *допускаетъ* и proelium. Кромѣ того, отнесли сюда тѣ случаи, когда bella = bellum (= proelia!) По вычетѣ всего сомнительнаго остаются слѣдующія мѣста: VII, 2, 12 priore bello. XVIII, 1, 11 priori bello. XXII, 8, 8 tēmere commissi belli. Есть у него и proelium вмѣсто bellum: II, 6, 16. III, 6, 7. V, 1, 4 (ср. V, 4, 17). Болѣе послѣдователенъ въ этомъ отношеніи Флоръ, который, именуя иногда сраженіе bellum, войну въ собственномъ смыслѣ, не стѣсняется называть *plus quam bellum* (II, 13=IV, 2, 4).

такъ: bello Phil. PRO(RE)LIGIONE paterna (sc. violata a percussoribus) suscepto? Ср. Cic. Font. 13, 30 (9, 20). An vero istas nationes religione iuris iurandi ac metu deorum immortalium in testimoniis dicendis commoveri arbitramini, quae tantum a ceterarum gentium more ac natura dissentiunt? quod ceterae *pro religionibus suis bella suscipiunt*: illae in bellis gerendis ab dis immortalibus pacem ac veniam petunt cet. Выраженіе religio въ этомъ случаѣ совершенно умѣстно и ни мало не преувеличиваетъ дѣло. Вспомнимъ, что Цезарь былъ чуть ли не болѣе полубога (ἥρως, ср. Dio С. XLIV, 6, 2) уже раньше смерти. Suet. Jul. 76 ampliora etiam humano fastigio decerni sibi passus est: sedem auream in curia et pro tribunali, *tensam et ferculum circensi pompa, templa, aras, simulacra iuxta deos, pulvinar, flaminem, lupercos, appellationem mensis e suo nomine*. Тамъ же, 84: Laudationis loco consul Antonius per praeconem pronunciavit senatus consultum, quo *omnia ei divina simul atque humana decreverat*. Впрочемъ, мы можемъ обойтись и безъ этого. Цезарь былъ лицомъ священнымъ какъ Pontifex Maximus. Ov. Met. XV, 776 sqq. (слова Венеры, обращенныя къ другимъ богамъ):

en acui sceleratos cernitis enses!

Quos prohibete, precor, facinusque repellite, neve
Caede sacerdotis flammam exstinguite Vestae.

Тотъ же Fast. III, 705 sqq:

At quicumque *nefas* ausi, prohibente deorum
Numine, *polluerant pontificale caput,*
Morte iacent merita. Testes estote Philippi cet.

и тамъ же V, 573 sqq. Мало того, Цезарь былъ Parens Patriae, а слѣдовательно, его убіеніе было болѣе чѣмъ parricidium, что признается даже Цицерономъ, Phil. II, 13, 31: confiteor eos, nisi liberatores populi Romani conservatoresque rei p. sint, plus quam sicarios, plus quam homicidas, *plus etiam quam parricidas*: si quidem est atrocius patriae parentem quam suum occidere ¹⁾. Наконецъ, весь народъ торжественно обязался, особою клятвою, охранять жизнь и неприкосновенность главы государства. Suet. Jul. 84, ius iurandum, quo se cuncti pro salute unius astrinxerant. Appian. II, 145, καὶ αὐτοὺς ἀνεγύγνωσκε (ὁ Ἀντώνιος) τοὺς ὄρκους, ἧ μὴν φολάζειν Καίσαρα καὶ τὸ τοῦ Καίσαρος

¹⁾ По закону Педіеву заговорщики были приговорены къ изгнанію и лишенію имущества, на подобіе «отцеубійцъ». См. A. W. Zumpt, Criminalrecht d. röm. Republik II, 2 (Berlin 1869) стр. 490 сл.

οἶμα παντὶ θένει πάντας ἦ, εἴ τις ἐπιβουλεύσειεν, ἐξ ὧ λείπεις εἶναι τοὺς οὐκ ἀμόνοντας αὐτῷ. Все это, понятно, получаетъ усиленное значеніе съ точки зрѣнія Августа, сына и наследника „божественнаго Юлія“. Если на сынѣ обыкновеннаго смертнаго лежала нравственная обязанность отмстить за погибель отца и успокоить маны его, посредствомъ наказанія виновниковъ смерти, то дѣломъ Августа было еще возстановить и, въ то же время, исполнѣ, такъ сказать, осуществить „божественность“ Цезаря, хотя бы ради принципа. Ср. Ov. Met. XV, 818 sqq. (слова Юпитера къ Венерѣ):

Ut deus accedat caelo templisque locetur,
 Tu facies natusque suus; qui nominis heres
 Impositum feret unus onus, caedisque parentis
 Nos in bella suos fortissimus ultor habebit.

и Fast. II, 144:

caelestem fecit te (Romulum) pater, ille (Aug.) patrem.

Тамъ же, 32, p. 53, 20 sq. Ad tris iudicum decurias quartam *addixit* ex inferiore sensu.—Слово *addixit*, безъ сомнѣнія, испорчено. Оттого издатели, по инициативѣ Робера Этиенна (Stephanus) и Торренція, замѣнили его конъектурой *addidit*, въ томъ числѣ и Удендорпъ, который однако замѣтилъ, что можно съ тѣмъ же правомъ писать *adicesit* или *adiunxit*. Въ новѣйшее время Беккеръ снова затронулъ вопросъ ¹⁾, высказываясь рѣшительно въ пользу *adiunxit*, на томъ основаніи, что *adiunxit*, будто бы, по начертаніямъ буквъ ближе подходитъ къ *addixit*, чѣмъ *addidit*. Такъ ли это, не знаю; собственно мнѣ кажется, что палеографическое преимущество скорѣе на сторонѣ послѣдняго чтенія. Но не въ палеографіи одной тутъ дѣло. Не менѣе важно, согласна ли извѣстная поправка съ особенностями языка автора, тѣмъ болѣе, если общій смыслъ мѣста и форма искаженнаго слова, опредѣленнаго указанія не даютъ. *Adiungere* у Светонія встрѣчается *однѣ* разъ, и притомъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ: Jul. 19. E duobus consulatus competitoribus, Lucio Lucceio Marcoque Bibulo, Lucceium sibi *adiunxit*. Другіе два глагола (*adicere* и *addere*) употребляются часто и безразлично. Тутъ, разумѣется, вѣроятнѣе *addidit*, а потому незачѣмъ было трогать принятое чтеніе.

Тамъ же, 71, p. 70, 10 sqq. Aleae rumorem nullo modo exravit, luditque simpliciter et palam oblectamenti causa etiam senex, ac, praeterquam Decembri mense, aliis quoque festis ac profestis diebus. *Nec id*

¹⁾ N. Jahr. f. Phil. 1863. стр. 201.

dubium est. Autographa quadam epistola „Caenavi“, ait, „mi Tiberi, cum isdem“ cet. Если бы Светоній дѣйствительно написалъ „Nec id dubium est“, то, по всей вѣроятности, слѣдующая затѣмъ фраза начиналась бы съ *nam* или другой, подобной частицы: *asundetop* тутъ какъ-то неумѣстно. Но сличеніе параллельныхъ мѣстъ показываетъ, что Светоній въ такихъ случаяхъ обыкновенно выражался иначе: Jul. 52. *Ac ne cui dubium omnino sit, et impudicitiae et adulteriorum flagrasse infamia, Curio pater quadam eum oratione omnium mulierum virum et omnium virorum mulierem appellat.* Cal. 49. *Quod ne cui dubium videatur, in secretis eius reperti sunt duo libelli diverso titulo cet.* Claud. 15. *Ac ne cui haec mira sint, litigatori Graeculo vox in altercatione excidit: Kai oð γέρων εἶ καὶ μωρός.* de rhet 1 (=de gr et rh. 25): *Quod ne cui dubium sit, vetus S. C. item censorium edictum subiciam.*— Изъ этихъ мѣстъ естественно вывести такого рода поправку: *Ne cui id dubium sit, autographa quadam epistola cet.* Переписчикъ, по оплошности, вмѣсто *NECVIDDVIVMSIT* прочелъ *NECIDDVIVMST*.

Тамъ же 29, p. 99, 21 sqq. (изъ рѣчи Тиберія въ сенатѣ): *Dixi et nunc et saepe alias P. C. bonum et salutarem principem, quem vos tanta et tam libera potestate instruxistis, senatui servire debere et universis civibus saepe, et plerumque etiam singulis.* — Бергъ гдѣ-то высказалъ догадку, что предъ *servire* выпало *semper*: *senatui semper servire debere et universis civibus saepe.* Можетъ быть, эта мысль пришла не ему одному; она довольно естественна. Тѣмъ не менѣе она не удачна. Ротъ и Беккеръ ¹⁾ не отвергаютъ ее и не одобряютъ, вѣроятно потому, что, по ихъ мнѣнію, можно, пожалуй, обойтись и безъ *semper*. Но конъектура Берга не столько излишня, сколько недостаточна. Бергъ замѣтилъ одно легкое затрудненіе и не обратилъ вниманіе на другое, серьезное. Корча изъ себя покорнаго слугу своихъ подданныхъ, Тиберій заявляетъ, что готовъ служить сенату (безусловно) и часто всѣмъ гражданамъ. Отчего „часто“, а не *semper*? Для такого примѣрнаго государя, за какого онъ себя выдаетъ, желаніе *semper* гражданъ — законъ, по меньшей мѣрѣ столько же, сколько какое-нибудь рѣшеніе сената. Но еще болѣе странно вотъ что. Тиберій *semper* гражданамъ намѣренъ служить *semper, et plerumque etiam singulis*, то есть, *обыкновенно* (большею частью)—и *отдѣльнымъ* гражданамъ, какъ будто интересы одного лица, все равно какого, важнѣе и уважительнѣе интересовъ всего общества. Надобно, очевидно, ожидать наоборотъ: *universis*

¹⁾ Quaestt. critt. p. XVIII.

civibus *plerumque*, et *saepe* etiam singulis, „отдѣльнымъ гражданамъ часто“, то-есть, во всякомъ случаѣ, когда отъ того не пострадають другіе. Допустимъ даже, что *plerumque-saepe* ¹⁾; отъ этого дѣло, въ сущности, не улучшится: частная выгода не равна общественной. А что Тиберій въ этомъ отношеніи, разсуждалъ здраво, показываетъ „*etiam* singulis“ . Все уладится, если слегка измѣнить интерпункцію: *senatui servire debere et universis civibus, saepe et plerumque etiam singulis* ²⁾, „часто и (если хотите) большею частью даже отдѣльнымъ лицамъ“. Ср. Cic. Acad. pr. II, 41, 127: *cogitantes supera atque coelestia haec nostra ut exigua et minima contemnimus*.

Cal. ³⁾ 12 p. 123, 25, *deserta desolataque reliquis subsidiis aula, Seiano iam tunc suspecto mox et oppresso cet.*—Множество варьянтовъ

¹⁾ См. В.-Crusius, *Clav. Suet.* s. v. *plerumque*. Но отчего тогда *plerique* не равно *multi*? Кроме того, не должно забывать, что *saepe* и *plerumque* тутъ одно другому противупоставлены.

²⁾ Въ постановкѣ знаковъ препинанія авторитетъ рукописей, даже самыхъ лучшихъ, ничтоженъ. Потому нельзя отступить отъ принятой интерпункціи только для того, чтобы слѣдовать рукописи А. Такъ поступилъ Ротъ, напримѣръ, *Vit.* 4, p. 216, 37, гдѣ новая фраза (и новая глава) начинается со словъ: *Sequenti quoque aetate omnibus probbris contaminatus, praecipuum in aula locum tenuit cet.* Въ другомъ мѣстѣ, *Vit.* 15, p. 222, 7 sqq., правильная интерпункція до Рота была въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изданіяхъ и добавокъ показана Мадвингомъ *Orusc. acad. alt.* p. 8. not. Вообще, надо замѣтить, что Ротъ въ этомъ отношеніи черезчуръ строго держался своего принципа: не отступать отъ А. Что касается до установленнаго въ этой рукописи своеобразнаго раздѣленія на главы, то нѣтъ сомнѣнія, что оно несравненно болѣе, чѣмъ обыкновенное, соответствуетъ духу Светоніевой рѣчи. Но изъ этого врядъ-ли можно заключить, что оно принадлежитъ самому автору (*Roth. praef.* p. XII). Какъ бы то ни было, въ настоящемъ его видѣ встрѣчаются кое-гдѣ неправильности, которыя не мѣшаетъ устранить. Такъ, напримѣръ, *Vesp.* 23, p. 234, 32 слова: *Quendam e caris ministris cet.* самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ предыдущимъ, какъ поясненіе его, и начало новой главы ничѣмъ не мотивировано.

³⁾ Собственно «С. Саес(ар)». Ротъ, безъ сомнѣнія, правъ, оспаривая (*praef.* p. XVII not. 5) вѣрность такого заглавія біографіи Калигулы: С. Caligula. Светоній упоминаетъ объ этомъ прозвищѣ (гл. 9), но самъ его называетъ не иначе, какъ С. Саесар или просто Gaius. Заглавіемъ, слѣдовательно, должно быть С. Саесар, на что прямо указываетъ начало біографіи: *Germanicus, C. Caesaris pater cet.* Кстати замѣчу, что у Діона Кассія *LVII*, 5, 6 слѣдуетъ писать: καὶ τὸν οὖν Γάιον, ὃν Καλιγόλαν, ὅτι ἐν τῇ στρατοπέδῳ τὸ πλείστον τραφεῖς τοῖς στρατιωτικοῖς ὑποδήμασιν ἀντὶ τῶν ἀστικῶν ἐχρήτο, προσωνόμαζον, ὑπεκπεμφθέντις ποι ὑπὸ τοῦ Γερμανικοῦ συνέλαβον. Въ изданіи Л. Диндорфа (*vol. III. Lips. 1864*) напечатано: καὶ τὸν οὖν, Γάιον Καλιγόλαν κτλ.

и конъектуръ разнообразныхъ, но одинаково негодныхъ, кто желаетъ, можетъ найти у Удендорпа и у Рота. Послѣдній принялъ въ текстъ конъектуру Полиціана *iam tunc*, хотя она не особенно близка къ чтенію рукописи А: *iete*. Я бы предпочелъ: AVTE=autem.

Тамже 16, p. 126, 13 sqq. Quas ob res inter reliquos honores decretus est ei clipeus aureus, quem quot annis certo die collegia sacerdotum in Capitolium ferrent, senatu prosequente, nobilibusque pueris ac puellis carmine modulato laudes virtutum eius canentibus, Decretum *autem* ut dies, quo cepisset imperium, Parilia vocaretur, velut argumentum rursus conditae urbis.—Тутъ *autem* ошибочно. Бреми замѣчаетъ: „Autem тутъ не particula adversandi, а—continuandi, въ смыслѣ *item*, porro. Это значеніе встрѣчается нерѣдко и у Цицерона“. Къ сожалѣнію, онъ не привелъ ни одного мѣста въ доказательство, такъ что я принужденъ отрицать примѣнимость такого толкованія въ данному случаю. Если *autem* не particula adversandi (чего никто, конечно, не станетъ утверждать) то, мнѣ кажется, за *decrevit autem* могли бы слѣдовать лишь ближайшее опредѣленіе или поясненіе упомянутого раньше „декрета“; а такъ какъ послѣдній въ этомъ не нуждается, и, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ новое совершенно постановленіе, то вмѣсто *autem* необходимо писать либо *item* либо *etiam*. Правдоподобнѣе *etiam*; ср., напримѣръ, Tib. 17. Quas ob res triumphus ei decretus est, multique et magni honores. Censuerunt *etiam* quidam ut Paenonicus, alii ut Invictus, nonnulli ut Pius cognominaretur.

Div. Claud. 20, p. 157. Opera magna *potiusque necessaria quam* multa perfecit, sed vel praecipua: ductum aquarum a Gaio institutum cet.—„Scrib.“ говоритъ Мадвигъ ¹⁾ „Opera magna *potius necessariaque quam multa perfecit*. Ea recta comparatio est. Excidit *que* ante *quam*, deinde prave suppletum est. Вѣрно то, что *magna potiusque cet.* ошибочно. Но оно и не рукописное чтеніе, а—конъектура того, кто редижировалъ 2-ое римское изданіе 1470 г. Мадвигъ, должно быть, не догадался объ этомъ справиться; иначе онъ не построилъ бы одну конъектуру на другой. Большинство рукописей, въ томъ числѣ и А, имѣеть: *magna potius quam necessaria quam multa*, и такъ напечатано во многихъ старыхъ изданіяхъ. Смысла, правда, тутъ не видно; однако за объясненіемъ дѣло не стало. Утверждали простодушно: *quam multa hic sunt valde multa* (Graevius), ссылаясь на „исправленное“ мѣсто Plin. panegy. 27: Nae ille *quam* brevi tempore effecerit, гдѣ въ рукописяхъ

¹⁾ Advers. crit. II, p. 578.

стоитъ *in tam* или *uitam* ¹⁾ и на выраженіе Цицерона: *litterae sane quam gratae*. Другіе на этомъ не успокоились и рѣшили принять конъектуру римскаго издателя, отвергнутую справедливо Мадвигомъ. Между тѣмъ истинное чтеніе, найденное давно Роб. Этіенномъ, осталось незамѣченнымъ или неощененнымъ: *Opera magna potius quam necessaria, nulla perfecit*. Изъ слѣдующихъ словъ: *sed vel praecipua set*. явствуетъ, что такихъ построекъ и сооружений императора Клавдія было въ самомъ дѣлѣ не мало ²⁾.

Нер. 33, р. 185, 25 sqq. Рѣчь идетъ о печальной кончинѣ Британника. Первая попытка Нерона отравить его не привела къ желаемому результату. Тогда Неронъ *accersitam mulierem* (извѣстную

¹⁾ См. Aem. Baehrens, *Panegyrici latini* (Lips. 1874) ad loc.

²⁾ Такимъ образомъ забыто довольно много удачныхъ поправокъ. Роту за это крѣпко досталось отъ Мадвига, и подѣломъ. Только въ одномъ мѣстѣ Ротъ правъ. Iul. 28. Marcus Claudius Marcellus — *rettulit ad senatum* —, *ne absentis* (Caesaris) *ratio comitiis haberetur, quando nec plebi scito Pompeius postea abrogasset*. Слова эти отчасти были вѣрно объяснены уже Казобономъ и затѣмъ Вальтеромъ (у Б.Крузіуса); жаль только, что они, соглашаясь на необходимую поправку Этіенна: *abrogasset* вмѣсто *abrogasset*, не предупредили ту несчастную путаницу, которую мы находимъ въ комментаріяхъ къ этому мѣсту. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ 702 г. (въ извѣстный годъ *третьяго* консульства Помпея) сторонникамъ Цезаря удалось провести такъ наз. *lex Caelia* или *lex X tribunorum*, по которому Цезарю разрѣшалось, оставаясь въ Галліи (долже опредѣленнаго срока: 1-го марта 705 г.) и не являясь лично въ Римъ, выступить кандидатомъ на консульство 706 г. Но въ томъ же 702 г., по инициативѣ Помпея, изданъ былъ другой, общій законъ *de iure magistratum*, которымъ, между прочимъ, *petitio absentium* воспрещалось безусловно, и, такимъ образомъ, отменялся «законъ десяти трибуновъ». Затѣмъ, когда уже *lex Pompeia* была вырвана на мѣди и отдана въ казначеище, Помпей, побуждаемый друзьями Цезаря и не рѣшаясь еще открыто противодействовать ему, прибавилъ къ тексту закона оговорку въ пользу тѣхъ, кто отъ народа получилъ или получить особое на такого рода *petitio* разрѣшеніе. Разумѣется, законность этой оговорки легко могла оспариваться на томъ основаніи, что она-де была сдѣлана просто по распоряженію консула, *безъ утвержденія народнымъ собраніемъ*. См. *Lange*, *göm. Alterth.* III, 1, S. 368. *Mommsen*, *göm. Gesch.* III, 5, S. 347. Къ этому, дѣйствительно, придрались въ слѣдующемъ году враги Цезаря въ лицѣ новаго консула Марка Клавдія Марцелла. Итакъ, въ словахъ *quando nec plebiscito set. plebiscito* — творит. падежъ, а не дательный, какъ, вмѣстѣ съ многими другими, полагаетъ Мадвигъ. Это недоразумѣніе породило множество, болѣе или менѣе, безобразныхъ конъектуръ (напримѣръ, *quando ne pl.*, *quandone pl.*, *quando nae pl.* и т. д.); впрочемъ, предложеніе Мадвига *quando ei pl.* оказывается уже не новымъ: опередилъ его Торпенцій.

Лукусту, отъ которой онъ досталъ ядъ) *sua manu verberavit arguens pro veneno remedium dedisse: excusantique, minus datum ad occultandam facinoris invidiam, „Sane“ inquit „legem Juliam timeo!“ coegitque se coram in cubiculo quam posset velocissimum ac praesentaneum coquere set.* Не трудно замѣтить, что тутъ что-то не ладно. Неронъ негодуетъ за то, что Лукуста, по его мнѣнію, дала ему не яду, а просто лѣкарство (слабительное: *ventre modo Britannici moto*); стало быть, упреки его касаются не количества, а качества доставленнаго ему средства. Въ недостаточности количества онъ могъ бы убѣдиться уже раньше, при самомъ полученіи; какъ же ему теперь за это пенять на Лукусту? Неронъ врядъ-ли взялъ у нея столь пригоднаго вещества на одинъ только разъ: мало ли было случаевъ, на которые еще могло бы оно пригодиться? Да и Британнику, очевидно, пришлось проглотить не малую порцію, такъ какъ послѣ первой же неудачи Неронъ разсудилъ, что то, должно быть, не ядъ, а что нибудь другое. Итакъ, можетъ ли Лукуста свазать въ свое оправданіе, что дала *поменьше* (*minus*) для того, чтобы скрыть неблаговидное дѣло отъ всеобщаго вниманія. Ясно, что нѣтъ. Если слишкомъ мало, то не мудрено, что оно не подѣйствовало; но тогда и дѣла никакого не могло выйдти и скрывать было бы нечего. Если же даннаго Лукустою количества было не слишкомъ мало, чтобы подѣйствовать со временемъ, но недостаточно, чтобы подѣйствовать быстро, мгновенно; тогда незачѣмъ было затѣять новую „варню“. Успокоившись на счетъ того, что Неронъ „не боится Юліева закона“, Лукуста просто вручила бы ему достаточное количество того же. Я, можетъ быть, потратилъ слишкомъ много словъ для того, чтобы доказать вещь для всякаго внимательнаго читателя очевидную, а именно: Лукуста, судя по связи рѣчи, должна заявить, что *врученное* (ею Нерону дѣйствительно ядъ, но) *ядъ сравнительно медленно дѣйствующій*. Ошибка заключается или въ самомъ словѣ *minus*, которое можно замѣнить, на примѣръ, прилагательнымъ *lentius* (то-есть, *venenum*, ср. Tib. 73. *Sunt qui putent venenum ei a Gaio datum lentum atque tabificum*), или, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, послѣ *minus* выпало слово въ родѣ *velox*; ср. *quam velocissimum ac praesentaneum*. Съ выраженіемъ *minus velox* можно сличить гл. 2, р. 171, 14: *quod sibi prudens ac sciens minus noxium (venenum) temperasset.* О пропускахъ въ текстѣ Светонія см. Рота praef. р. XXXV и Беккера Quaestt. critt. р. XVIII sq.

Тамъ же 52, р. 197, 35 sqq. *Venere in manus meas pugillares libellique cum quibusdam notissimis versibus, ipsius chirographo scriptis.*

Беккеръ Quaeest. p. XVIII, категорически заявляетъ: „Aut particula que aut totum verbum (т. е. *libellique*) delendum est.“ Я увѣренъ, если бы въ текстѣ стояло дѣйствительно *pugillares libelli*, то Беккеръ не применилъ бы зачеркнуть послѣднее слово, и тогда я бы съ нимъ охотно согласился потому именно, что *pugillares libelli* не говорится. А *pugillares libellique* не заслужило подозрѣнія. Ср. Plin. ep. I, 22, 11 qua (sollicitudine) liberatus Laurentinum meum, hoc est *libellos et pugillares studiosumque otium repetam*, и IX, 6, 1. Omne hoc tempus inter *pugillares ac libellos incundissima quiete transmisi*. Впрочемъ, см. также прим. Бреми ad Jul. 49: ad cyathum et vinum stetitisse ¹⁾).

Domit. 18, p. 252, 15 sqq. postea calvitio quoque deformis et obesitate ventris et crurum gracilitate, quae tamen ei validitudine longa *remacruerant*. Выраженіе *remacrescere* извѣстно только изъ этого мѣста. Въ этомъ мѣстѣ, собственно, ничего удивительнаго или подозрительнаго. У Светонія не мало словъ, которыхъ не имѣется вовсе у другихъ писателей или, по крайней мѣрѣ, у его предшественниковъ ²⁾, такъ что не мудрено, еслибъ онъ сочинилъ и *remacrescere*. Но дѣло въ томъ, что *remacruerant* тутъ лишено здраваго смысла. Авторъ, безъ сомнѣ-

¹⁾ «Глоссы», открытыя Беккеромъ, почти все таковы.

²⁾ Хотя существуютъ уже двѣ монографіи объ особенностяхъ языка Светонія (*Thimm, De usu atque elocutione C. Suet. Tr. Rezim. 1867* и *Bagge, De elocutione C. Suet. Tr. Upsal. 1875*), но свода этихъ словъ еще нѣтъ. Если исключить а) слова греческаго происхожденія (напримѣръ, *deceris, dapsile, brabeuta, sorgea*), б) выраженія, самимъ авторомъ приписываемыя другимъ лицамъ (напримѣръ: *paedicator, effutus, morari, varide*), в) такъ называемыя *termini technici* (напримѣръ: *secespita, furnaria, extispicium*; къ сожалѣнію, границы этого разряда опредѣлить трудно), и если вообще принимать въ разчетъ лишь такія слова, изобрѣтеніе которыхъ, съ большею или меньшею вѣроятностью, можно отнести къ Светонію, то получится слѣдующее приблизительное количество: *ablocare* (?), *adaptatus, addormiscere* (?), *adinspectare* (?), *adornate, altiusculus, apparitura, desaltare, domesticatim, expallidus, extemporalitas, gesticulatio, incivilius, incoenare* (?), *initiatio, inobservantia* (?), *inopinanter, iunctim, lucubratorius, luculus, lupercalis, manubialis, molitrix, obfirmate, oppidatim, osculabundus, patriciatius, perannare, percivilis, perindigne, perinfamis, perprosper, persenex, pistrinensis, plurifariam, postulator, potionatus, potiuncula, praecalvus, praecupidus, praelautus, praemiari, praeternavigare, proauctor, provinciatim, puerascere, resalutatio, resutus, retaxare, semibarbarus, semiperfectus, solutilis, subdebilis, subflavus, subsultim, subugere, summissim, superinduere, titubantia, tofinus, trausnominare*. Вѣроятно, впрочемъ, тутъ не все слова, придуманныя Светоніемъ, а приведенныя не все придуманы имъ.

нія, хочеть сказать, что Домиціана въслѣдствіи обезображивала (между прочимъ) худоба ногъ, „которыя однако *похудѣли* (не отъ изнурительнаго образа жизни, а) въслѣдствіе продолжительной болѣзни“. Между тѣмъ, *gemascrescere* значитъ не „худѣть“ или „похудѣть“, а „худѣть опять, снова“ или, пожалуй „прийти къ нормальному состоянію худобы“ (ср. *reddere* = ἀποδίδωαι = отдать что слѣдуетъ). Но въдѣ болѣзненная худоба не есть нормальное состояніе. Эрнести утверждаетъ, что особенно писатели серебрянаго вѣка часто ставятъ глаголы сложные съ *re* — „вмѣсто“ простыхъ. Такое положеніе нелѣпо и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Уже прежде сомнѣвались нѣкоторые въ подлинности чтенія. Бурманнъ предложилъ: *validudine longa macruerant*. Лучше, я думаю, будетъ: *val. longiore macruerant*. Ср. Quint. VII, 2, 14.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о двухъ-трехъ мѣстахъ очерка *de grammaticis et rhetoribus*, составлявшемъ, какъ извѣстно, нѣкогда часть объемистаго труда *de viris illustribus*. Состояніе его текста самое жалкое. Особенно много въ немъ пропусковъ, а потому конъектуральная критика тутъ довольно бесполезна. — Гл. 10: *ipse (L. Ateius Philologus) ad Laelium Herman scripsit, „se in Graecis litteris magnum processum habere et in Latinis non nullum, audisse Antonium Gniphonem eiusque † haere, postea docuisse. Praecipisse autem multis et claris iuvenibus, in quis Appio quoque et Pulchro Claudiis fratribus, quorum etiam comes in provincia fuerit“*. Изъ письма къ Лелію Гермѣ взято только: *se in Graecis — — non nullum*. Остальное принадлежитъ Светонію и тутъ гдѣ нибудь выпало *traditur* или подобное слово. — Гл. 22. *hic idem (M. Pomponius Marcellus) cum ex oratione Tiberium reprehendisset, affirmante Ateio Capitone, et esse illud Latinum et si non esset, futurum certe iam inde: „mentitur“, inquit, „Capito“ cet.* Мадвигъ ¹⁾ вмѣсто *Tiberium* возстановилъ *Tiberi verbum*. Но очень можетъ быть, что и тутъ пропускъ: *Tiberi [verbum quoddam quasi minus Latinum]*. Въ пользу *quoddam* говоритъ Aug. 27. *quia factum quoddam suum maligno sermone carpsisset; въ пользу quasi cet.* — возраженіе Капитона: *et esse illud Latinum cet.* — гл. 23. *Sed maxime flagrabat (Q. Remmius Palaemon) libidinibus in mulieres, usque ad infamiam oris; dictoque non infaceto notatum ferunt cuiusdam, qui (cum) eum in turba osculum sibi ingerentem quanquam refugiens devitare non posset, „Vis tu“, inquit, „magister, quotiens fe-*

¹⁾ Adv. cr. II, p. 582.

stinantem aliquem vides, abligurire*? Въ послѣднихъ словахъ Рейффершейдъ чрезвычайно удачно переправилъ festinantem въ haesitantem; см. его Addenda p. VIII, гдѣ онъ показываетъ, въ чемъ заключается, такъ сказать, волкость остроты. Странно однако, что такой анекдотъ разсказывается по поводу и какъ бы въ доказательство страсти римскаго профессора къ женщинамъ. Къ тому-же вмѣсто mulieres ожидается скорѣе *feminae*. Ср. Claud. 33. Libidinis in *feminas* profusissimaе, magum omnino exerts. Светоній, вѣроятно, написалъ sed maxime flagrabat libidinibus in *mares*. Если такъ, то не удивительно, что Тиберій и Клавдій полагали „nemini minus institutionem puerorum vel invenum committendam“.

В. Ернштедтъ.

О 527—531 СТИХАХЪ „ПЕРСОВЪ“ ЭСХИЛА.

Царица Атосса оставляетъ сцену — площадь передъ дворцомъ, чтобы идти помолиться богамъ и приготовить все необходимое для жертвеннаго возліянія, которое должно совершиться на могилѣ Дарія. Заявивъ объ этомъ своемъ намѣреніи (vv. 521 — 526 ed. Dindorf. V), царица даетъ хору старцевъ, царскихъ совѣтниковъ, слѣдующія приказанія (vv. 527—531):

ὄμᾱς δὲ χρῆ' ἵπι τοῖσδε τοῖς πεπραγμένους
πιστοῖσι πιστὰ ξυμφέρειν βουλευόμεθα·
καὶ κατ'ἰδ', εἴαν περ δεῦρ' ἐμοῦ πρόσθεν μόλῃ,
παρηγορεῖτε, καὶ προπέμψτε' ἐς δόμον,·
μὴ καὶ τι πρὸς κακοῖσι προσθῆται κακόν.

На основаніи заключающагося въ этихъ словахъ намека на дальнѣйшее развитіе драматическаго дѣйствія, всякій читатель, привычій къ простотѣ построения древней греческой трагедіи, будетъ ожидать, что сынъ Атоссы Ксерксъ появится на сценѣ прежде, чѣмъ успѣетъ вернуться изъ дворца Атосса.

Но на этотъ разъ ожиданія читателя, чуткаго къ пріемамъ древнегреческой драматургіи, будутъ обмануты: Атосса очень скоро (послѣ 597 стиха) вернется изъ дворца, пройдетъ довольно длинная сцена (628—680) вызванія тѣни Дарія, подымется изъ могилы эта величественная тѣнь и будетъ долго бесѣдовать съ хоромъ и съ царицей (681—842), Атосса снова уйдетъ со сцены (послѣ 851), хоръ воспоеетъ славу царства персидскаго при Даріѣ и—только тогда уже (послѣ 906) появится несчастный, потерявшій всякое присутствіе духа, Ксерксъ.

Какъ объяснить противорѣчіе между этимъ ходомъ піесы и тѣмъ развитіемъ дѣйствія, которое предначертано въ приказаніяхъ Атоссы хору? Можетъ быть, въ этомъ противорѣчій скрывается какой-ни-

будь драматическій эффектъ? Какой же именно? Не есть ли это эффектъ обманутаго ожиданія, состоящій въ томъ, что дѣйствіе развивается не такъ, какъ ожидаетъ зритель? Мы чувствуемъ силу этого эффекта, когда великое оказывается смѣшнымъ, когда слезы печали обращаются въ слезы радости и наоборотъ. Посмотримъ какова могла быть сила этого эффекта въ данномъ случаѣ. Ксерксъ появляется не такъ скоро, какъ ожидалъ зритель вмѣстѣ съ Атоссой — это разъ; вызваніе тѣни Дарія происходитъ до прихода Ксеркса, а не въ его присутствіи — это два. Вотъ и все. Можно ли повѣрить, чтобы сколько-нибудь талантливый драматическій поэтъ сталъ гоняться за подобнаго рода эффектами? Если же въ указанномъ нами противорѣчій никакого эффекта не заключается, то должны ли мы признать это противорѣчіе результатомъ небрежности самого Эсхила, или же слѣдуетъ выбросить изъ текста трагедіи, какъ интерполяцію, тѣ слова Атоссы, которыми противорѣчіе внесено въ ходъ пьесы?

Но эти слова, совершенно не нужны для хода пьесы, для ея внѣшней стороны. важны и дороги для ея внутренняго содержанія — для характеристики дѣйствующаго лица: ими обрисовывается глубокая материнская любовь Атоссы, въ нихъ слышится попечительная заботливость матери, которая хочетъ и предусмотрѣть и предупредить всѣ опасности, какія только могутъ угрожать ея несчастному дѣтятицу. Атосса опасается, что ея сынъ, безъ того уже тяжело страдающій отъ оскорбленій, нанесенныхъ его гордости Греками, лишитъ себя жизни, ставъ лицомъ къ лицу съ почтенными стариками, дѣти которыхъ погибли въ его безразсудномъ предпріятіи. Такова будетъ идея словъ Атоссы:

παρηγορεῖτε καὶ προπέμψατ' ἐς δόμον,
μὴ καὶ τί πρὸς κακοῖσι προδῆται κακόν,

если сопоставить ихъ съ содержаніемъ всей пьесы. Такая идея, безъ сомнѣнія, заслуживала того, чтобы для ея обнаруженія избранъ былъ поэтомъ самый пригодный, самый выгодный для нея моментъ драматическаго дѣйствія. Таковъ ли тотъ моментъ, въ которомъ мы теперь застаемъ ее въ нашихъ текстахъ трагедіи Эсхила?

Возставшій изъ гроба Дарій, указавъ причину неудачи Ксерсова похода въ гордости, которая мечтала побороть силы природы и обойти опредѣленія самой судьбы (стихи 739 сл.), отходя опять въ подземный міръ, обращается съ наставленіями съ одной стороны къ хору старцевъ:

...ἐκεῖνον σωφροναῖν κωχρημένοϛ
 πινύσχετ' εὐλόγοισι νοουθετήμασι,
 λῆξαι θεοβλαβοῦνθ' ὑπερκόφφ θράσει (ст. 829 сл.),

съ другой къ Атоссѣ:

οὐ δ' ὦ γεραῖά μῆτερ ἢ Σέρξου φίλη,
 ἐλθοῦσ' ἐς οἴκους κόσμον ὅστις εὐπρεπῆς
 λαβοῦσ' ὑπαντίαζε παιδί. παντὶ γάρ
 κακῶν ὑπ' ἄλγους λακίδες ἀμφὶ σώματι
 στημορραγοῦσι ποικίλων ἐσθημάτων.
 ἀλλ' αὐτὸν εὐφρόνας σὺ πράϋνον λόγοις·
 μόνης γάρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται (ст. 832 сл.).

Словами ἀλλ' αὐτὸν εὐφρόνας σὺ πράϋνον λόγοις Дарій убѣждаетъ свою супругу удерживать сына отъ порывовъ слишкомъ глубокаго отчаянiя. Такой смыслъ получаютъ эти слова Дарiя при сопоставленiи ихъ, съ одной стороны, со словами непосредственно предшествующими παντὶ γάρ κακῶν ὑπ' ἄλγους и проч., а съ другой — съ наставленiемъ, даннымъ хору старцевъ. Старцы, какъ совѣтники царя въ дѣлахъ государственныхъ, должны на будущее время удерживать его отъ слишкомъ смѣлыхъ предпрятiй (ст. 830): таковъ смыслъ наставленiя, даннаго хору. Если бы въ наставленiи, данномъ Атоссѣ, заключался тотъ же самый смыслъ, то вышло бы тождесловіе; мало того, дѣлая наставленiе хору, Дарiй противорѣчилъ бы самому себѣ, такъ какъ, обращаясь къ Атоссѣ, онъ говоритъ: μόνης γάρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται. Нѣтъ, роль матери должна быть, очевидно, иная, чѣмъ роль царскихъ совѣтниковъ: ихъ дѣятельность должна быть *постоянная* (πινύσχετ'), для дѣятельности матери Дарiй имѣетъ въ виду какой-то *отдѣльный* моментъ (πράϋνον) и легко догадаться какой именно: Атосса силою своего материнскаго влiянiя должна удалить изъ пораженной отчаянiемъ души Ксеркса мысль о самоубiйствѣ.

Если Атосса уже прежде, намѣреваясь удалиться ввутьръ дворца на нѣсколько минутъ, умоляла старцевъ удерживать отъ самоубiйства ея сына, въ случаѣ если бы она не успѣла своевременно встрѣтить его, то тѣмъ болѣе теперь, когда Ксерксъ былъ уже близко къ Сузамъ, Атосса, удаляясь на болѣе продолжительное время (она не успѣваетъ появиться на сценѣ до самаго конца пiесы), должна была ожидать, что она не успѣетъ встрѣтить сына и—подъ влiянiемъ мрачныхъ предсказанiй и предостереженiй Дарiя—должна была опасаться, не наложилъ бы на себя руку ея несчастный сынъ.

Таковы, кажется, должны быть чувства Атоссы послѣ рѣчей Да-

рія; но не таковы оказываются они въ изображеніи поэта, если вѣрить, что мысль поэта вѣрно сохранена нашими рукописями и изданиями. Когда Дарій снова нисходитъ въ царство тѣней, Атосса удаляется, произнося слова:

ὦ δαῖμον, ὡς με πόλλ' ἐσέρχεται κακὰ
 ἄλγη, μάλιστα δ' ἤδη συμφορὰ δάκνει,
 ἀτιμίαν γε παιδὸς ἀμφὶ σώματι
 ἐσθημάτων κλύουσαν, ἢ νιν ἀμπέχει.
 ἀλλ' εἶμι, καὶ λαβοῦσα κόσμον ἐκ δόμων
 ὑπαντιάζειν παιδί μου πειράσομαι.
 οὐ γὰρ τὰ φίλτατ' ἐν καχοῖς προδώσομεν (845 — 851).

Значить, нѣжно любящая мать смущается теперь только тѣмъ, что ея сынъ явится передъ своими подданными въ неприличномъ костюмѣ, а что онъ въ припадкѣ отчаянія можетъ умертвить себя, этого она уже не опасается? Чѣмъ же можетъ быть произведена такая перемена въ чувствахъ царицы? Ужели рѣчами ея супруга? Ужели тѣми, только что произнесенными, словами Дарія (ἀλλ' αὐτὸν αὐφρόνως οὐ πρᾶνον λόγους' μόνης γάρ, οἶδα, σοῦ κλύων ἀνέξεται), въ которыхъ заключается ясный намекъ на возможность самоубійства?

Нѣтъ, Эсхилъ не могъ создать такой нелѣпости. Мы имѣемъ тѣмъ менѣе права возлагать отвѣтственность за нее на поэта, чѣмъ легче отыскивается средство для устраненія этой несообразности изъ текста пьесы. А отыскать его очень нетрудно.

Мы видѣли уже, что стихи 527—536 сообщаютъ ложное и совершенно не нужное представленіе о послѣдующемъ развитіи вѣшняго дѣйствія пьесы. Но тѣ же самые стихи, будучи поставлены послѣ 851 стиха, вводятъ въ развитіе внутренняго (психическаго) дѣйствія такой моментъ, который, какъ мы старались доказать, совершенно необходимъ для сколько нибудь правдоподобнаго изображенія состоянія чувствъ Атоссы послѣ рѣчей Дарія. Моментъ этотъ — опасеніе, что ея сынъ лишитъ себя жизни (μη καὶ τι πρὸς καχοῖσι προσηῆται κακόν).

Итакъ, мы полагаемъ, что *стихи 527—531 стоятъ не на своемъ мѣстѣ, что они должны быть поставлены послѣ 851-го стиха.*

Едва ли кто нибудь будетъ искать возраженія противъ предложенной нами перестановки 527—31 стиховъ въ стихѣ 838-мъ. Убѣжденіе Дарія, въ данномъ случаѣ, могло не быть убѣжденіемъ Атоссы: она могла считать старцевъ-совѣтниковъ способными, если не совершенно удалить изъ души Ксеркса мысль о самоубійствѣ, то, по крайней мѣрѣ, сдержатъ порывы его отчаянія до того времени, когда

встрѣтитъ его она сама со всемогущею силою своей материнской любви. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ царица должна была искать помощи старцевъ, потому что она не знала другаго средства предупредить возможную, въ ея отсутствіе, несчастную случайность.

Болѣе вѣское, по видимому, возраженіе представляется въ томъ обстоятельствѣ, что хоръ старцевъ, встрѣчая и провожая Ксеркса (918 слл.), не дѣлаетъ никакихъ усилій для того, чтобы удержать царя отъ самоубійства. Но дѣло въ томъ, что этихъ усилій и не нужно, потому что царь вовсе не оказывается такою сильною натурой, для которой уничтоженіе любимыхъ плановъ и цѣлей жизни дѣлаетъ самую жизнь ненужнымъ бременемъ: царь плачетъ и стонетъ; какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ только жалѣетъ, зачѣмъ не случилось то, что не случилось, зачѣмъ онъ не погибъ тогда, когда гибли его лучшіе слуги (915—17), но ни единымъ словомъ онъ не намекаетъ на рѣшимость теперь лишиться себя жизни; такимъ образомъ, хоръ получаетъ ничѣмъ не стѣсняемую возможность, оставивъ въ сторонѣ личное горе царя, предаться плачу о горѣ общественномъ — о несчастіяхъ всего персидскаго царства. Впрочемъ, для всякаго должно быть понятно, что мнимое или дѣйствительное противорѣчіе между заключительною пѣснью хора (908 — 1076), съ одной стороны, и 527—31 стихами, съ другой, остается въ своей силѣ и въ томъ случаѣ, если мы удержимъ эти стихи на томъ мѣстѣ, на которомъ стоятъ они въ рукописяхъ.

Намъ остается представить болѣе или менѣе вѣроятное объясненіе того, какимъ путемъ стихи, находившіеся въ автографѣ Эсхила послѣ 851 стиха, могли передвинуться въ позднѣйшихъ текстахъ трагедіи къ 526-му стиху

Нельзя отрицать существованія довольно близкаго сходства между двумя указанными пунктами трагедіи. Въ томъ и другомъ дѣйствующее лицо удаляется со сцены, заявляя хору о своемъ намѣреніи снова появиться на ней; въ томъ и другомъ это дѣйствующее лицо есть Атосса. Сходство простирается на отдѣльныя выраженія въ рѣчахъ Атоссы; въ началѣ первой ея рѣчи стоятъ слова:

ὦ νοκτὸς ὄψις ἐμφανῆς ἐνοπνίων,
ὡς κάρτα μοι σαφῶς ἐδήλωσας χαχά. (518.19),

вторая начинается словами

ὦ δαίμων, ὡς με πόλλ' ἐσέρχεται χαχά
ἀλγῆ

Послѣ горестныхъ восклицаній въ той и другой рѣчи Атоссы

слѣдуетъ заявленіе о цѣли, для которой царица удаляется внутрь дворца, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о ея намѣреніи снова вернуться на площадь передъ дворцомъ; въ 524 стихѣ она говоритъ:

ἤξω λαβοῦσα πέλανον ἐξ οἴκων ἐμῶν,

въ 849 и слѣдующемъ стихахъ

ἀλλ' εἶμι, καὶ λαβοῦσα κόσμον ἐκ δόμων
ὅπαντίαζειν παιδί μου πειράσομαι.

Мы предполагаемъ, что этимъ сходствомъ между двумя рѣчами Атоссы было привлечено вниманіе какого-нибудь грамматика, обладавшаго большою начитанностью въ произведенія Эсхила, но не знавшаго — какъ это часто бывало — что дѣлать съ своею начитанностью. Припомнивъ по поводу первой рѣчи Атоссы вторую, этотъ грамматикъ приписалъ на поляхъ своей рукописи Эсхила, около конца первой рѣчи Атоссы, послѣдніе пять стиховъ второй (ὁμᾶς δὲ χρῆ.... προσθῆται κακόν). Этою припискою онъ желалъ дать понять, что означенные стихи могли бы также удобно слѣдовать за 526 стихомъ, какъ они слѣдовали за 851-мъ. Тѣ неудобства, какія проистекають изъ постановки 527 — 31-го стиховъ на мѣсто, теперь занимаемое ими въ нашихъ рукописяхъ и изданіяхъ, могли ускользнуть отъ вниманія неизвѣстнаго грамматика также, какъ они ускользнули — сколько намъ извѣстно, — отъ вниманія всѣхъ новѣйшихъ критиковъ и толкователей Эсхила. Неудивительно, что этихъ неудобствъ не замѣтилъ и переписчикъ, который внесъ приписку грамматика въ самый текстъ трагедіи: такимъ образомъ, одни и тѣ же стихи въ одной и той же трагедіи появились въ двухъ мѣстахъ — послѣ 526-го стиха и послѣ 851-го. Тотъ самый переписчикъ или другой, писавшій съ рукописи того перваго, встрѣтивъ послѣ 851-го стиха пять стиховъ, уже написанныхъ послѣ 526-го, не сталъ писать ихъ во второй разъ, а перешелъ отъ 851-го стиха къ тому стиху, который въ нашихъ изданіяхъ считается 852-мъ. Эта послѣдняя редакція усвоена тѣмъ кодексомъ, который сдѣлался родоначальникомъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени Эскиловскихъ рукописей.

II. Никитинъ.

О СПОСОБѢ ИЗЛОЖЕНІЯ ГРЕЧЕСКИХЪ СПРЯЖЕНІЙ ПО УЧЕБНИКУ ГРЕЧЕСКОЙ ГРАМАТИКИ НИДЕРЛЕ.

Сравнительное языкованіе достигло въ наше время такихъ успѣховъ, что и составители школьныхъ грамматикъ должны, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, обращать вниманіе на его результаты и принимать въ свои учебники изъ положеній, выработанныхъ наукою, хотя тѣ, которыя не могутъ быть подвергаемы сомнѣнію, или представляютъ собою что нибудь законченное. Въ этомъ отношеніи грамматика греческаго языка имѣетъ большое преимущество предъ грамматикою латинскою. Между тѣмъ какъ въ этой послѣдней права „традиціонной грамматики“ сохранены почти неприкосновенными, грамматика греческая твердо основана на почвѣ науки, куда впервые поставилъ ее Г. Курціусъ въ своей „Грамматикѣ для гимназій“. Благодаря именно своему научному основанію, система Курціуса распространилась вездѣ, гдѣ обращаютъ вниманіе не только на рутину, но и на результаты научныхъ изслѣдованій. Но при этомъ разумѣется само собою, что, хотя основаніе системы Курціуса и вѣрно, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, все-таки, она можетъ и даже должна быть дополнена или исправлена согласно современному состоянію науки, ибо Курціусъ не всѣ результаты, добытые наукою, принялъ во вниманіе, какъ это видно, между прочимъ, изъ его ученія о глаголѣ и объ образованіи глагольныхъ формъ. Какъ извѣстно, глаголы раздѣлены у Курціуса на два спряженія, изъ которыхъ первое отличается отъ втораго тѣмъ, что глаголы, принадлежащіе къ нему, имѣютъ между основой и окончаніями такъ называемую „соединительную гласную“. Но наука не признаетъ никакой „соединительной гласной“ и рассматриваетъ эту гласную какъ часть основы, такъ что напримѣръ, въ φέρο-μεν, φέρετε гласныя ο, ε, стоящія предъ окончаніями, принадлежатъ къ основѣ точно также, какъ напримѣръ, въ ἵππος, ἵππε. Самъ

Курціусъ впослѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе насчетъ „соединительной гласной¹⁾“, но не примѣнилъ свой новый взглядъ на дѣло къ своей грамматикѣ, и такимъ образомъ встрѣчается до сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ его грамматики и у всѣхъ его послѣдователей и подражателей „соединительная гласная“. У Нѣмцевъ до сихъ поръ ни въ одномъ учебникѣ греческаго языка не встрѣчается изложеніе греческихъ спряженій, которое обходилось бы, согласно съ наукою, безъ „соединительной гласной“. Въ нашихъ же учебникахъ, обработанныхъ, по большей части, на основаніи нѣмецкихъ, мы находимъ, естественно то же самое, что и у Нѣмцевъ.

Первый опытъ исключить „соединительную гласную“ изъ учебника, назначеннаго для употребленія въ гимназіяхъ, и привести школьную практику въ согласіе съ наукою, сдѣлалъ Генрихъ Нидерле, бывший учитель академической гимназіи въ Прагѣ (въ Богеміи) въ своей греческой грамматикѣ для чешскихъ гимназій. Опытъ этотъ можно назвать вполне удачнымъ, и познакомить съ нимъ нашихъ филологовъ есть цѣль настоящей статьи²⁾.

¹⁾ См. его «Erläuterungen zu meiner griech. Schulgrammatik», 2 Aufl., Prag 1870, стр. 94. и «Das Verbum der griech. Sprache», Leipzig 1873, стр. 14.

²⁾ При этомъ, скажу впередъ, я имѣю въ виду достиженіе двойкой цѣли. Первая и главная цѣль—сообщить нашимъ педагогамъ, не знакомымъ съ чешскимъ языкомъ, новый и улучшенный способъ изложенія греческихъ спряженій, который нисколько не менѣе доступенъ ученикамъ чѣмъ способъ изложенія Курціуса, но при томъ имѣетъ предъ нимъ то важное преимущество, что онъ совершенно согласенъ съ положеніемъ науки. Вторая же цѣль—обратить вниманіе нашихъ филологовъ, составлявшихъ до сихъ поръ свои учебники исключительно по нѣмецкимъ источникамъ, на болѣе близкій и родственныи намъ по языку, чешскій народъ, среди котораго (какъ можно убѣдиться по издаваемому въ Прагѣ «Обществомъ чешскихъ филологовъ» журналу «Listy filologické i pedagogické») можно найти не одного филолога, который смѣло можетъ соперничать съ нѣмецкими учеными, и знакомство съ трудами котораго помогло бы освободить нашу юную филологическую науку отъ слишкомъ рабской зависимости отъ нѣмецкой филологіи (зависимости, которая чувствуется особенно вредно въ нашихъ учебникахъ по греческому синтаксису). Къ числу замѣчательнѣйшихъ чешскихъ филологовъ принадлежитъ и составитель упомянутой выше греческой грамматики, Генрихъ Нидерле, къ сожалѣнію скончавшійся недавно, на 35-мъ году жизни, слишкомъ рано для науки. Къ замѣчательнѣйшимъ его трудамъ принадлежитъ между прочимъ «Синтаксисъ греческаго языка», который, относительно ясности изложенія и научной обработки, можетъ служить образцомъ для всѣхъ подобныхъ учебниковъ. Синтаксисъ этотъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени на русскомъ языкѣ (въ обработкѣ И. Мейера и

Та основная часть глагола, изъ которой можно образовать всѣ формы его, называется и у Нидерле „основой глагольной“, или просто „основой“. Но основа эта не остается всегда, во всѣхъ глагольных формахъ, въ своемъ простомъ, первоначальномъ видѣ, а часто, особенно въ настоящемъ времени и въ imperfectum, она бываетъ *усилена* или посредствомъ усиленія (подъема) основной гласной, или посредствомъ прибавленія какой нибудь согласной. Такая основа называется *основой усиленною*, а основа, не имѣющая такого усиленія— *основой простою*. Такъ, напримѣръ, настоящее время $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ и imperfectum $\acute{\epsilon}\tau\alpha\sigma\sigma\omega$ слѣдуетъ производить отъ основы $\tau\alpha\sigma\sigma$ (изъ $\tau\alpha\gamma-j$), а прочія времена, напримѣръ, будущее $\tau\acute{\alpha}\xi\omega$ (изъ $\tau\alpha\gamma-\sigma\omega$), аористъ $\acute{\epsilon}\tau\alpha\zeta\alpha$, perfectum $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\chi\alpha$ и т. д.—отъ основы $\tau\alpha\gamma$. *Объ* основы, $\tau\alpha\sigma\sigma$ и $\tau\alpha\gamma$, суть *основы малоумныя*, но $\tau\alpha\sigma\sigma$ — *основа усиленная*, а $\tau\alpha\gamma$ — *основа простая*. Отъ основы (глагольной) строго надо отличать основу временную или *тему*, то-есть, ту часть глагола, отъ которой можно произвести всѣ формы того или другаго времени. Такъ, напримѣръ, всѣ формы настоящаго времени $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ произвести можно отъ $\tau\alpha\sigma\sigma\omega$, а всѣ формы аориста $\acute{\epsilon}\tau\alpha\zeta\alpha$ отъ $\tau\alpha\zeta\alpha$. Эти-то формы, $\tau\alpha\sigma\sigma\omega$ и $\tau\alpha\zeta\alpha$, будутъ *темы*, первая — тема настоящаго, вторая — тема аориста. Темы каждого времени образуются отъ основы (простой или усиленной) главнымъ образомъ (кромя нѣкоторыхъ измѣненій гласныхъ и согласныхъ) *примѣтами времени*. Эти примѣты (или *знаки*) времени бываютъ или *простыя* (гласныя), или *сложныя* (согласная съ гласною), и сообразно этому раздѣляются и времена на *простыя* (или II) и *сложныя* (или I).

Простыя примѣты времени слѣдующія:

1. *о* (или *е*) въ presentis, imperfectum и въ аористѣ II дѣйств. и среднего залога (*о* бываетъ предъ μ , ν , и въ желат. наклон. предъ ι , въ другихъ же случаяхъ ϵ ¹).
2. *α* въ отдѣльныхъ рѣдкихъ формахъ аориста (напримѣръ, $\epsilon\iota\pi\alpha\dots$).
3. *α* въ perfectum II дѣйств. залога (это *α* въ желат. переходитъ въ *ο*, въ повелит. и неопред. въ *ε*).

В. Рейнера), чѣмъ будетъ пополненъ значительный пробѣлъ въ нашихъ руководствахъ по этой части.

¹) Это-то *ο* (ϵ) обыкновенно и называется «соединительною гласною». Но не говоря уже о томъ, что наука не знаетъ никакой «соединительной гласной», послѣдовательно требуетъ, чтобъ тотъ знакъ, который при склоненіи считается частью основы (напримѣръ, въ $\epsilon\pi\lambda\omicron-\epsilon$), считался частью основы также и въ спряженіи.

4. *α* въ plusquamperfectum II дѣйств. залога.

5. *η* въ аористѣ II страд. залога (это *η* въ сослагат., желат. и причастіи сокращается въ *ε*).

Сложныя примѣты времени слѣдующія:

1. *οο* (или *οε*) въ будущихъ временахъ (*οο* и *οε* стоятъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ *ο* и *ε* въ настоящемъ).

2. *οα* (рѣдко *κα*) въ аористѣ I дѣйств. и средн. залога.

3. *κα* въ perfectum I дѣйств. залога (съ тѣми же измѣненіями гласной *α*, какъ въ perfectum II дѣйств.).

4. *κα* въ plusquamperfectum I дѣйств. залога.

5. *θη* въ аористѣ I страд. залога (съ тѣми же измѣненіями гласной *η*, какъ въ аористѣ II страд.).

Безъ примѣты образуется perfectum и plusquamperfectum среднего (страдат.) залога.

Въ большинствѣ глаголовъ образуются *всѣ темы* (за исключеніемъ perfectum и plusquamperfectum средн. залога) посредствомъ упомянутыхъ примѣтъ времени, и поэтому эти глаголы называются глаголами *съ примѣтою* (обыкновен. глаголы на *ω*); меньшая же часть глаголовъ имѣетъ въ praesens, imperfectum и отчасти и въ аористѣ за тему простую основу, и называются поэтому глаголами *безъ примѣты* (обыкновен. глаголами на *μ*). Нѣкоторые изъ глаголовъ съ примѣтою, впрочемъ, имѣютъ аористъ безъ примѣты (аористъ простой), и, наоборотъ, глаголы безъ примѣты имѣютъ нѣкоторыя формы съ примѣтою, по образцу глаголовъ съ примѣтою.

Смотря по тому, прибавляется ли примѣта къ *основѣ*, или къ *темѣ* другого времени, различаются времена *первообразныя* и *второобразныя*. Напримѣръ, *παίδεωσθαι* будетъ время первообразное, такъ какъ тема его *παίδεωσ* образуется черезъ прибавленіе примѣты *οο* къ основѣ *παίδεω*; а *παίδευθήσομαι* будетъ время второобразное, такъ какъ его тема *παίδευθήσομαι* образована черезъ прибавленіе примѣты *οο* въ темѣ аориста I. страд. *παίδευθη*.

Такимъ образомъ получаютъ слѣдующія основы временныя или *темы*:

а) Временъ первообразныхъ.

I. Глаголовъ съ примѣтою:

1. *Тема настоящаго* = основѣ усиленной (или гдѣ ея нѣтъ, простой) + *ο* (*ε*): *παίδεω-ο* (*ε*), *τασσ-ο* (*ε*),

II. Глаголовъ безпримѣтныхъ:

1. *Тема настоящаго* = основѣ усиленной (или, гдѣ ея нѣтъ, простой) безъ примѣты: *ἴστα*, *δεικνυ*,

для образованія *praesens* и **imperfectum*.

2. *Тема аориста II.* = основѣ простой (обыкновен. равной *корню*) + о (ε) [рѣдко α (α)], λιπ-ο (ε), для образованія *аориста II дѣйствит. и средн. зал.

для образованія *praesens* и **imperfectum*.

2. *Тема аориста простаго* = основѣ простой (обыкновен. равной *корню*) безъ примѣты, στα (στη) для образованія *аориста простаго (безпримѣтнаго) дѣйствит. и средн. зал.

3. *Тема аориста I* = основѣ простой + σα (рѣдко χα): παιδευ-σα, ταξα (изъ ταγ-σα), στή-σα, для образованія *аориста I дѣйствит. и средн. зал.

4. *Тема будущаю* = основѣ простой + σο (σε): παιδευ-σο, ταξο (изъ ταγ-σο), στή-σο, для образов. будущаго дѣйств. и средн. зал.

5. *Тема perfect. дѣйств.* { а) простаго (II) = основѣ простой удвоенной + α: γε-γραφ-α.

б) сложнаго (I) = основѣ простой удвоенной + χα: πε-παιδευ-χα, ἐστῆ-χα.

6. *Тема plusqperf. дѣйств.* { а) простаго (II) = основѣ простой удвоенной + ει: * γε-γραφ-ει.

б) сложнаго (I) = основѣ простой удвоенной + χει * πε-παιδευ-χει, ἐ-στῆ-χει.

7. *Тема perf. средн. (страд.)* = основѣ простой удвоенной: πε-παιδευ, γε-γραφ, ἐ-στα, для образованія *perf.* и **plusquamperf.* средн. (страд.) залогов.

8. *Тема аориста страд.* { а) простаго (II) = основѣ простой + η: * γραφ-η.

б) сложнаго (I) = основѣ простой + θη: * παιδευ-θη, * στα-θη.

б) **Время второбразныхъ:**

9. *Тема будущаю страд.* { а) простаго (II) = темѣ аориста страд. II + σο: γραφῆ-σο.

б) сложнаго (I) = темѣ аориста страд. I + σο: παιδευθη-σο, σταθη-σο.

10. *Тема будущаю совершеннаго дѣйствія (будущ. III)* = темѣ *perfect.* средн. зал. + σο: πεπαιδευ-σο.

Примѣчанія. 1. *Глагольные прилагательныя*, при которыхъ время не обозначается, образуются обыкновенно отъ основы простой: παιδευτός, -τέος, ταχ-τός, -τέος.

2. Во временахъ, обозначенныхъ *, прибавляется въ изъявит. наклоненіи еще приращеніе.

Кромѣ примѣтъ временныхъ, Нидерде различаетъ еще *примѣты наклоненій*.

1. Примѣта *сослагательнаго наклоненія* — ω или η (первое предъ μ и ν , въ другихъ случаяхъ η , подобно тому, какъ o и e въ изъявн. наклоненіи). Примѣта эта прибавляется къ темамъ, причеиъ въ формахъ, имѣющихъ примѣту времени, эта послѣдняя теряетъ свою гласную (за исключеніемъ аориста страд.); а въ формахъ, не имѣющихъ примѣты времени, ω и η сливается съ гласной, стоящей въ концѣ основы (за исключеніемъ ι и υ); въ аористѣ же страдат. *всѣхъ* глаголовъ ω и η сливается съ примѣтою времени: $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\omega$ - $\mu\epsilon\nu$, $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\tilde{\omega}$ - $\mu\epsilon\nu$, $\iota\sigma\tau\tilde{\omega}$ - $\mu\epsilon\nu$, $\delta\epsilon\iota\chi\nu\tilde{\omega}$ - $\mu\epsilon\nu$.

2. Примѣта *желательнаго наклоненія* бываетъ а) ι , которое въ формахъ, имѣющихъ примѣту времени (за исключеніемъ аориста страд.), составляетъ съ примѣтою времени *одинъ* (неслитный) слогъ: $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon$ - $\sigma\iota$ - $\mu\iota$ (а не $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon$ - $\sigma\iota$ - $\mu\iota$), а въ формахъ безпримѣтныхъ и въ аористѣ страд. *всѣхъ* глаголовъ *сливается* съ предыдущею гласною, какъ видно изъ ударенія: $\iota\sigma\tau\alpha\iota\omicron$ (изъ $\iota\sigma\tau\acute{\alpha}$ - ι - \omicron), $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\iota\mu\alpha\nu$ (изъ $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon$ - ι - $\mu\epsilon\nu$); б) $\iota\eta$ ($\iota\epsilon$); здѣсь ι *всегда* сливается съ предыдущею гласною: $\iota\sigma\tau\alpha\iota\eta\nu$ (изъ $\iota\sigma\tau\alpha$ - ι - η - ν), $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\iota\eta\nu$ (изъ $\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon$ - ι - η - ν).

3. Остальные наклоненія не имѣютъ особой примѣты, но имѣютъ свои собственныя окончанія.

Образованіе отдѣльныхъ формъ глагольныхъ происходитъ посредствомъ личныхъ и другихъ окончаній, прибавляемыхъ къ темамъ, по принадлежности.

Спряженія различаются два и называются, согласно съ выше сказаннымъ: *спряженіе примѣтное* (первое, глаголы на ω) и *спряженіе безпримѣтное* (второе, глаголы на μ).

Глаголы примѣтнаго спряженія (глаголы на ω) раздѣляются на *восемь* классовъ, какъ у Курціуса, съ тою только разницею, что классъ первый опредѣляется, сообразно съ системою, какъ классъ, который не имѣетъ основы усиленной, а въ которомъ всѣ темы образуются отъ основы простой.

Глаголы спряженія безпримѣтнаго (глаголы на μ) раздѣляются на два класса: 1) глаголы съ простою основою (съ удвоеніемъ въ настоящемъ, или безъ него); 2) глаголы съ усиленною основою, которая = основѣ простой + $\nu\upsilon$ ($\nu\nu\upsilon$). Глаголы, принадлежащіе къ первому классу, образуютъ *praesens imperfectum* и аористъ (безпримѣтный, гдѣ онъ встрѣчается) безъ примѣты времени; глаголы, при-

надлежащія къ 2-му классу, образуютъ только *praesens* и *imperfectum* безъ примѣты времени.

Такъ называемые у Курціуса „аористы и *perfecta* безъ соединительной гласной“ получаютъ, конечно, у Нидерле другое названіе, и называются *безпримѣтными*.

При спряженіи, глаголы раздѣлены у Нидерле, по окончаніямъ основы, на *чистые* и *нечистые*, а послѣдніе опять на *нѣмые* (гортанные, зубные и губные) и *плавные*. Чистые глаголы образуютъ всѣ темы отъ одной (простой) основы; въ глаголахъ нѣмыхъ образуются въ глаголахъ I класса всѣ темы безъ исключенія, а въ глаголахъ III и IV классовъ всѣ темы, за исключеніемъ темы настоящаго (образуемой отъ основы усиленной) отъ простой основы; въ глаголахъ же II класса образуются всѣ темы (за исключеніемъ темы аориста II, образуемой отъ простой основы) отъ основы усиленной. Въ глаголахъ плавныхъ тема настоящаго образуется отъ основы усиленной, а всѣ другія темы отъ основы простой, но притомъ глаголы плавные имѣютъ ту особенность, что тема будущаго и тема аориста I образуются *асимметрически*, черезъ выбрасыванье *o* временной примѣты.

Таково, въ общихъ чертахъ, изложеніе греческихъ спряженій въ грамматикѣ Нидерле. Преимущество его предъ изложеніемъ Курціуса доказывать, кажется, не нужно. Нечего опасаться, что ученики будутъ затруднены новымъ изложеніемъ; оно такъ же удобопонятно, какъ и изложеніе Курціуса, и притомъ болѣе концентрировано; а въ нѣкоторомъ отношеніи оно даже проще изложенія Курціуса, такъ какъ при немъ требуется отъ ученика, чтобъ онъ при каждой глагольной формѣ, кромѣ основы, вмѣсто *трехъ* частей (знака времени, соединительной гласной и окончанія) запомнилъ только *два* (примѣту времени и окончаніе). Сверхъ того система Нидерле имѣетъ предъ системою Курціуса то весьма важное преимущество, что она не противорѣчитъ положеніямъ науки, а вполне согласна съ ними. Поэтому остается только пожелать, чтобъ у насъ скоро появился учебникъ, въ которомъ спряженіе было бы изложено согласно съ этою системою.

И. Мейеръ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ВЪ ОТВѢТЪ Г. МОДЕСТОВУ¹⁾.

Въ послѣднее время приходилось мнѣ не разъ заниматься литературными произведеніями г. Модестова и подѣ конецъ я вполне убѣдился, что научный споръ съ моимъ противникомъ не можетъ имѣть желаемого результата, потому что г. Модестовъ съ слѣпимъ упорствомъ остается при своихъ ложныхъ мнѣніяхъ. Если прежде относился я къ литературнымъ приемамъ кievскаго профессора съ нѣкоторою горячностью, то мѣсто ея заступило теперь полнѣйшее равнодушіе. Поэтому я и не считалъ бы нужнымъ отвѣчать на помѣщенную въ августовской книжкѣ этого журнала статью подѣ заглавіемъ: „Новости филологической учености и полемики“, если бы все-таки дѣло не шло о правильномъ пониманіи древнихъ языковъ. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я буду касаться только научныхъ вопросовъ, затронутыхъ г. Модестовымъ, вставляя при этомъ кое-гдѣ краткія замѣчанія, долженствующія: 1) разъяснить нѣкоторыя мѣста моей майской статьи, очевидно г. Модестовымъ не понятыя или же ложно имъ истолкованныя, 2) оправдать себя въ тѣхъ случаяхъ, когда мой противникъ старается доказать, будто я поступилъ недобросовѣстно, сообщивъ ложные факты. Въ замѣчаніяхъ своихъ я буду обращать вниманіе лишь на самое важное и строго придерживаясь порядка, соблюдаемаго г. Модестовымъ.

Возраженія г. Модестова начинаются съ будто бы сообщенныхъ мною ложныхъ фактовъ.

¹⁾ Помѣщая возраженіе г. Верта на статью г. профессора Модестова мы прерываемъ, на страницахъ нашего журнала, возникшую между ними полемику, ибо послѣ того, что сказано съ той и другой стороны, она уже не можетъ представлять интереса для читателей. — *Ред.*

На стр. 28 (авг. кн.) отрицается тотъ фактъ, что г. Модестовъ нападалъ на Бека (Boeckh). Когда я писалъ приведенныя г. Модестовымъ строки изъ майской книги отд. кл. фил., стр. 7, то статьи г. Модестова у меня подъ рукой не было. Маловажно, я думаю, то обстоятельство—поричалъ ли г. Модестовъ Гаупта и Бека именно, или Гаупта и Губнера, или же Гаупта съ какимъ-нибудь другимъ извѣстнымъ ученымъ, но важно то, что г. Модестовъ началъ свою литературную дѣятельность глумленіемъ надъ тѣми самыми учеными, въ которыхъ онъ отправился *учиться*.

На стр. 29 г. Модестовъ говоритъ, что въ его книгѣ, въ *примѣчаніи* къ спорному мѣсту (Gell. X, 3), прямо сказано, что онъ принялъ чтеніе in Asiam и что я поэтому не имѣлъ права приписать ему переводъ: ex=въ. Это, конечно, недоразумѣніе съ моей стороны и его не было бы, еслибы г. Модестовъ помѣстилъ свою замѣтку подъ текстомъ, а не въ *исправленіяхъ* въ концѣ книги.

На стр. 29 и сл. оспаривается мое утверженіе, что complures не значить „многіе“ (переводъ г. Модестова), а „нѣсколько“. За исключеніемъ одного, всѣ мѣста, приведенныя моимъ противникомъ, ничего не доказываютъ, такъ какъ ко всѣмъ имъ подходитъ переводъ: „нѣсколько“. А что касается до Caes. in Cic. „multa sustuli, complura ne posui quidem“, то оно именно и говоритъ въ пользу моего мнѣнія, потому что здѣсь слово multa противопоставляется слову complura, изъ чего уже видно, что complura не = multa. Приведу еще одно мѣсто Periocha Liv. XII: Advversus eos... aliquot proeliis a compluribus ducibus bene pugnatum est, изъ котораго видно, что complures = aliquot. Поэтому, не смотря на увѣренія г. Модестова, я (и впредь буду считать complures = нѣм. mehrere = франц. plusieurs = русск. нѣсколько.

На стр. 30 г. Модестовъ видитъ ужасную ошибку въ томъ, что я перефразировалъ слова Горация: versus Enni gravitate minores такъ: versus—minores quam decet gravitatem Enni. Ошибку онъ видитъ въ томъ, что я сочиняю глаголь decet, „сочиняющійся съ вин. *лица*“, съ вин. отвлеченнаго понятія. Я могъ бы возразить, что gravitas Enni = gravis Ennius, но въ этомъ не нуждаюсь. Въ учебныхъ грамматикахъ, и даже въ словаряхъ, дѣйствительно говорится, что decet употребляется с. асс. pers. Однако это только вкратцѣ выраженное правило, что въ вин. пад. ставится то слово, которое выражаетъ, кому или *чему* что-либо приличествуетъ, какъ доказываютъ примѣры, приведенныя въ словаряхъ: simplicitas illa mire tenues causas

deceat. — Qui flexus deceat *miserationem*. — Civitatem quis deceat status. — ...quae possit *crimes*, Phoebе, decere tuos. Что касается до самаго объясненія мѣста Горация, то нужно замѣтить, что въ комментаріи Кригера, на который самъ г. Модестовъ ссылается какъ на авторитетъ, это мѣсто объясняется именно такъ, какъ я его объяснилъ въ майской книжкѣ.

Послѣ этого (стр. 31) г. Модестовъ переходитъ къ объясненію надписи:

A. SVETTIVM. CERTVM. AED. O. V. F.
SCRIBIT. PARIS. IDEM ROGAT
AETATIS. D. r. p. IARIN....

Вопервыхъ, выводится заключеніе о моемъ полномъ незнакомствѣ съ латинскими надписями изъ того, что я будто бы принимаю *idem* за средній родъ. Должно, видите ли, быть мнѣ извѣстно, „что *rogare* въ предложеніяхъ кандидатовъ всегда *сочимляется съ вышительнымъ лицемъ*“; это слѣдовало бы мнѣ знать „и не изъ надписей“. Дѣйствительно, ужасная ошибка! Какъ же я могъ предположить, что въ кандидаты могутъ быть предлагаемы неодушевленные предметы! Здѣсь не оправдываетъ меня и то, что говорится *legem* и т. п. *rogare*: законъ вѣдь не кандидатъ. Однако г. Модестовъ забылъ упомянуть, что я выразился въ своей статьѣ такъ: *если бы можно было допустить, что надпись сохранилась въ цѣлости, то слѣдовало бы принять idem за средній родъ*. А что надпись не полна, доказываетъ недостатокъ окончанія въ *Jarin...* и невозможность объясненія *aetatis*.

По поводу своего перевода *AETATIS*, „по лѣтамъ“, г. Модестовъ произноситъ еще болѣе строгіе приговоры; здѣсь приходится плохо не мнѣ одному; виноваты Нѣмцы, выдумавъ „варварскую терминологию“, и Русскіе, принявъ ее, виноваты и тѣ и другіе, потому что родительный *aetatis* въ смыслѣ, принятомъ г. Модестовымъ, не подходитъ ни подъ одну изъ выдуманныхъ Нѣмцами и принятыхъ Русскими категорій родительнаго падежа. Какъ же однако клеится со всѣмъ этимъ сдѣланная г. Модестовымъ, относительно *aetatis*, очевидная уступка, что надпись составлена „не совсѣмъ грамотнымъ“ человѣкомъ? Значить, нашелся еще виноватый! Все это наводитъ на мысль, что виноватаго нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Еслибы г. Модестову удалось привести хотя одинъ примѣръ подобнаго неслыханнаго употребленія род. пад., то я счелъ бы себя опровергну-

тымъ; то обстоятельство, что г. Модестовъ повторяетъ ошибку, сдѣланную будто Fiorelli ¹⁾, нисколько не оправдываетъ его.

Далѣе, относительно выраженнаго мною мнѣнія о томъ, что надпись не сохранилась вполне, г. Модестовъ прибѣгаетъ къ слѣдующему образцовому по своей логичности умозаключенію: „г. Вертъ заключаетъ, что aetatis род. качества. А гдѣ основаніе для этого? Пропускъ. Но кто же свидѣтельствуетъ о пропускѣ? Никто. Стало быть, пропуска нѣтъ“. Стало быть, о грамматикѣ и смыслѣ не слѣдуетъ и спрашивать? Разсуждая такимъ образомъ, можно было бы пожалуй утверждать, что не совсѣмъ грамотный составитель надписи позволилъ себѣ употребить *Jagin* безъ окончанія.

Обратимся теперь къ объясненію словъ: *idem rogat aetatis d. g. p. Jagin*.... Г. Модестовъ утверждаетъ, что слова его перевода: „его же предлагаетъ Яринъ“ соотвѣтствуютъ не словамъ: *idem rogat*, а слѣдующимъ за ними: *aetatis d. g. p. Jagin*. Подобнаго мнѣнія я не считалъ возможнымъ приписать моему противнику, а поэтому предположилъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ сперва принялъ *idem* за acc. sing. g. masc., а впоследствии вздумалъ „также его“ замѣнить надписанными словами: „онъ же предлагаетъ“. Спрашивается, что выигрываетъ г. Модестовъ прибѣгая къ такому объясненію? Одну ошибку онъ замѣняетъ другою, то-есть, допускаетъ возможность по латини предложенія безъ сказуемаго и, собственно говоря, безъ дополненія. Такъ какъ „чутье русскаго языка“ не позволило ему выразиться такимъ же образомъ по русски, то онъ и прибавилъ въ своемъ переводѣ не только (какъ онъ утверждаетъ) *также его*, но и *предлагаетъ*; очевидный признакъ того, что г. Модестовъ лучше знаетъ по русски, чѣмъ по латини!

На стр. 32 идетъ рѣчь о возраженіи, сдѣланномъ мною по поводу перевода Эпиева стиха: *A sole exoriente supra Maeotis paludes*, переведеннаго г. Модестовымъ такъ: „Нѣтъ никого отъ Востока, что дальше болотъ Меотійскихъ“. Относительно этого перевода я замѣтилъ (на стр. 30): „*Supra* здѣсь = *trans* и выражаетъ, гдѣ солнце восходитъ“. Изъ этихъ словъ г. Модестовъ выводитъ, что я „перевожу *supra* *предложю* (!!) *идъ*“! Слово *идъ* я до сихъ поръ считалъ за нарѣчіе, а не за предлогъ; къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ нельзя мнѣ согласиться съ г. Модестовымъ. Еслибы я сказалъ, что *supra* обозначаетъ *положеніе* предмета, то мой противникъ сказалъ бы,

¹⁾ Fiorelli очевидно не переводитъ надпись, а только объясняетъ ее.

вѣроятно, что *surge* нельзя „перевести“ словомъ *положеніе*. Въ буквальный переводъ стихъ Эннія гласитъ: „отъ солнца, восходящаго за (=по ту сторону, то-есть, по смыслу = *trans*) Меоційскими болотами“, а что переводъ г. Модестова не только не точенъ, но и странный, это видитъ всякій.

На стр. 34 рѣчь идетъ о томъ, какъ слѣдуетъ перевести *piage*; я предложилъ *умилостивлять*, а г. Модестовъ поставилъ *приносить въ жертву*. Приводя въ доказательство этого словарь нѣм. и франц.: *durch ein Opfer zu versöhnen suchen, offrir des sacrifices expiatoires, prier par des sacrifices*, г. Модестовъ обнаруживаетъ только недостаточное свое знакомство съ языками нѣмецкимъ и французскимъ.

На стр. 34 г. Модестовъ старается отстоять свой переводъ „Геній напоминатель“ = *Genius memog*. Мѣста, приведенныя имъ, вовсе не доказываютъ, что *memog* значитъ *напоминающій*. Римлянинъ, говоря *memores tabellae* и т. п., подразумевалъ только *помящія* таблицы и т. д. Другое дѣло требованія того языка, на который переводишь, и въ такомъ случаѣ вопросъ состоитъ лишь въ томъ, вѣрно ли сказано: „Геній напоминатель“. Слова Цензорина, приведенныя во многихъ изданіяхъ Горация (*Genius ita nobis assiduus observator appositus est, ut etc.*) доказываютъ только, что Римляне отождествляли Генія съ самимъ человѣкомъ, а человѣкъ *помнитъ*, что жизнь коротка.

На стр. 34 распространяясь о своемъ переводѣ стиховъ Горация:

Fescennina per hunc inventa licentia morem

Versibus alternis approbria rustica fudit,

“эти праздники породили вольность Фесценнинъ, бросавшихъ (!) деревенскія колкости“, мой противникъ прибѣгаетъ къ различнымъ изворотамъ, чтобы затемнить вопросъ. Горацийъ хочетъ сказать, что *не люди* во время Фесценнинъ вели себя вольно и сыпали колкости, а сами же Фесценнины.

На стр. 35 слова Невія: *Alibi manus est occupata* г. Модестовъ перевелъ: „береть за руку одного“, противъ чего я возразилъ, что дѣло идетъ здѣсь о рукѣ женщины, а не другаго лица. Что женщина берущая за руку кого нибудь, дѣйствуетъ рукою, это само собою разумѣется и не нуждается въ увѣреніи г. Модестова. Но вопросъ въ томъ, беретъ ли она своею рукою руку другаго. Невійъ говоритъ только, что рука ея занята, а чѣмъ?—не прибавлено. Слѣдовательно, переводъ г. Модестова произволенъ.

На стр. 36 г. Модестовъ восклицаетъ: слыхано ли, чтобы предлогъ *a* значилъ „сейчасъ послѣ“? Если г. Модестовъ объ этомъ ничего не слыхалъ, то это его дѣлю. Можетъ быть, я окажу ему услугу указавъ на словарь Клоца I. стр. 10 и Drakenb. ad Liv. XXIII, 6, 1 и XXVII, 30, 17, гдѣ приводится множество мѣстъ, оправдывающихъ упомянутый мною переводъ *сейчасъ послѣ*. Впрочемъ, я предлагалъ еще иное толкованіе слова: а *labris alium invocat*, переведенныя г. Модестовымъ: „другаго зоветъ *зубами*“ (!), а именно, что она зоветъ другаго цѣлуя (еще) одного, то-есть, не переставъ еще цѣловать одного. Это дѣйствительно признакъ вѣтренной женщины, описываемой Невіемъ. А *labris* я перевелъ „буквально“: съ *зубъ*, не потому чтобы я предполагалъ, что такъ можно было выразиться по русски, а чтобы показать, въ какомъ смѣслѣ я поналъ предлогъ *a*, желая выразить нѣм. von den Lippen weg—an den Lippen haengend. Г. Модестовъ увѣряетъ, что „зоветъ *отъ* губъ“ то же самое, что „зоветъ, дѣлая знаки губами“ и оправдываетъ этимъ свой переводъ „зоветъ губами“. Можетъ быть въ Кіевѣ говорятъ такъ по русски, но въ Петербургѣ я подобнаго выраженія не слыхалъ. Но какъ бы то ни было, а русскій языкъ ничего не доказываетъ здѣсь относительно латинскаго языка; что въ латинскомъ упомянутыя слова не могутъ имѣть такого значенія, это видитъ всякій. Я ожидалъ впрочемъ совсѣмъ другаго возраженія относительно этого мѣста, а именно того, что предлогъ *a* ставится иногда и при словахъ, обозначающихъ также предметы неодушевленные.

На стр. 37 защищается переводъ слова *auctor*—писатель (у Цицерона). Уже прежде я указалъ на *Krebs, Antibarbarus s. v.* Приведенныя г. Модестовымъ мѣста изъ Цицерона ничего не доказываютъ.

На стр. 38 по поводу перевода стиховъ Эннія:

Musae, quae pedibus magnum pulsatis Olimum

Musas, quas Graei memorant, nos Casmenarum

переданныхъ г. Модестовымъ такъ:

„Музы, вы, что въ великій Олимпъ стучите своими ногами,

Музы, которыхъ Латины подъ видомъ Камень почитаютъ“,

замѣчаетъ мой противникъ между прочимъ:

„Ему нѣтъ дѣла до того, что приведенный отрывокъ не законченъ въ подлинникѣ, равно какъ и до того, что *стигами* нельзя... переводить подлинникъ съ.... буквальною“.

Относительно перваго г. Модестовъ скрываетъ, что я самъ упомянулъ объ этомъ, а что касается до втораго, то приведенный пе-

реводъ за стихи признать никакъ нельзя. Кромѣ того, г. Модестовъ старается затемнить вопросъ. Главное дѣло въ томъ, что онъ переводитъ „подъ видомъ“. Развѣ Музы имѣли другой видъ, чѣмъ Камены?

На стр. 39 г. Модестовъ защищаетъ свой переводъ стиховъ Энія. Послѣдуемъ шагъ за шагомъ за его возраженіями:

Exterrita somno: „въ испугѣ отъ сна“. Такъ какъ при такомъ переводѣ русскій „сонъ“ = сновидѣніе, то очевидно, что г. Модестовъ смѣшалъ *somnus* съ *somnium*. Слова: „меня беспокоитъ сонъ“, на примѣръ, слѣдуетъ перевести по латини: *angor somnio*, а не *somno*. *Exterrita somno* значить, безъ сомнѣнія, *somno excita terrore*: у *Lucr. IV 41*, встрѣчается очень похожее мѣсто: *Quae (simulacra) nos horrifice, languentes saepe sorore, excierunt. Freund, Woerterb. II p. 398*, прямо сравниваетъ мѣсто Лукреція съ мѣстомъ Энія. Значить уже прежде и другіе поняли эти слова такъ, какъ объяснилъ ихъ я. Относительно того, что *somnus* не = *somnium* сновидѣніе, слѣдуетъ еще замѣтить, что оборотъ: *in somnis videre*, переведенный въ словарѣ Кюца *im Traume sehen*, ничего не доказываетъ; это очевидно также и изъ русскаго перевода: *во снѣ* (= во время сна) *видѣть*.

По поводу перевода *errare videbar* г. Модестовъ прибѣгаетъ къ вымыслу, будто я „поставилъ *videbar* одно, безъ *errare*“. Я сказалъ *videbar* здѣсь = *mihi videbar*. Развѣ *sibi videri* можно употреблять безъ *inf.*? Г. Модестовъ очевидно не понялъ моей замѣтки, иначе не смѣлъ бы умѣстнымъ распространяться, ни къ селу ни къ городу, о временахъ.

Tardaue vestigare переводить г. Модестовъ: „и не скоро слѣдъ нахожу“ а я: „нерѣшительными шагами ступая (*tarda*), я старалась отыскать“. Г. Модестовъ отдѣляется здѣсь дешевымъ восклицаніемъ: „противъ подобныхъ-то несообразностей приходится спорить и защищаться!“ Г. Модестовъ очевидно и здѣсь не понялъ того, что я хотѣлъ сказать. „Не скоро“ понятіе *временное*, между тѣмъ какъ *tardus* здѣсь *мѣстное* понятіе, обозначающее движеніе. Можно *очень быстро* идти и все-таки *не скоро* дойти; съ другой стороны, можно идти медленно и дойти очень скоро. Кромѣ того, есть значительная разница между „слѣдъ найти“ и искать, иля какъ бы по *стопамъ* (*vestigium*) другаго.

Corde capessere перевелъ г. Модестовъ: „съ духомъ собраться“. На стр. 40 онъ старается извинить это тѣмъ, что переводъ только „не совсѣмъ близокъ къ подлиннику“. Переводъ этотъ не только „не совсѣмъ близокъ“, но и выражаетъ совсѣмъ другое, чѣмъ подлин-

никъ. Я перевелъ: „ты не представилась моему воображенію“, что и соотвѣтствуетъ въ данномъ мѣстѣ: „я не могла найти тебя (во снѣ)“.

Compellare = „призывать“ въ переводѣ г. Модестова. Не будемъ, пожалуй, придавать важности тому, что г. Модестовъ не можетъ представить ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что *compellare* значить *призывать*. Но сущность дѣла въ томъ, что въ означенномъ мѣстѣ отецъ не *призываетъ*, а *говоритъ, сообщаетъ только*, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: *O gnata, tibi sunt ante ferendae aegumnae etc.*

Стр. 41. По поводу перевода стиха Эннія:

Horrescit telis exercitus asper utrimque:

„Войско съ обѣихъ сторонъ свирѣпствуетъ страшно оружіемъ“, я замѣтилъ: „какъ *horrescere* такъ и *asper* относится только къ *внѣшнему виду* войскъ“. Такъ какъ г. Модестовъ говоритъ: „я не совсѣмъ понимаю возраженіе“, то я долженъ выразиться яснѣе: *horrescit* значить „дѣлаться шероховатымъ, неровнымъ“; послѣднее понятіе заключается и въ *asper*. Если мы говоримъ „войско свирѣпствуетъ“, то это можно бы было выразить только словомъ *saevire*, что и обозначаетъ свирѣпное *дѣйствіе*. *Mare horrescit* у *Cic.* значить: волны поднимаются на морѣ, море перестаетъ быть спокойнымъ. Энній хотѣлъ сказать, что у войска оружіе торчитъ съ обѣихъ сторонъ, что оно какъ бы щетинится. Ср. *Ов. М. 2, 478 brachia coeperunt nigris horrescere villis*: то-есть, руки обросли волосами, а не свирѣпствовали волосами! Мѣсто Силія, приведенное г. Модестовымъ, для Эннія ничего не доказываетъ.

На стр. 42. *Is demum miser est* = „совсѣмъ несчастенъ тотъ“ у г. Модестова; (мой переводъ: „только тотъ несчастенъ“). Считаю излишнимъ распространяться о нелогичности защиты этого перевода со стороны г. Модестова, потому что эта нелогичность бросается въ глаза всякому внимательному читателю. Важнѣе то, что въ этомъ мѣстѣ г. Модестовъ утверждаетъ, будто я сказалъ, что *demum* „значить“ *только*. Смысл моихъ словъ былъ тотъ, что въ нѣкоторыхъ цѣлыхъ предложеніяхъ *demum* можно безъ ущерба смысла *замѣнить* словомъ „только“. Если *rationem habere* означаетъ „принимать во вниманіе“, то изъ этого не слѣдуетъ, что *ratio* *значитъ* вниманіе и *habere* *значитъ* принимать.

Стр. 43. *Atque ego quidem arbitror* по мнѣнію г. Модестова означаетъ „я также думаю“. Оправдываетъ онъ свой переводъ тѣмъ, будто *quidem* имъ не переведено, а *atque* = „также“. Такъ какъ объ этомъ

atque—quidem существуетъ цѣлая литература, очевидно неизвѣстная г. Модестову, то я и считаю излишнимъ распространяться объ этомъ подробно, а ограничиваюсь указаніемъ на *Seuffert*, Schol. lat. и *Hand*, *Turtelinus*.

Стр. 44. Sed — enim я перевелъ: „однако“. Снабжая слово это восклицательными знаками, г. Модестовъ доказываетъ только, что не знаетъ, какъ и въ какомъ смыслѣ употребляется sed-enim, at-enim, ἀλλὰ—γάρ.

На стр. 45 г. Модестовъ оспариваетъ у меня право перевести *praeverti* „главнымъ образомъ обратить (на кого) вниманіе“, потому что слово это будто бы никогда не означаетъ этого. Противоположное доказываетъ *Freund*, *Woerterb* III p. 974. *Praeverti* встрѣчается въ этомъ смыслѣ съ *dat.*, *acc.*, съ *ad*, *in*, съ нарѣчіями и *absolute*. Ср. между прочимъ *Liv.* VIII 13: *Coactique novi consules omnibus eam rem praeverti, proficiscuntur*.

Стр. 45. *Omnes cum uno* = „всѣ до одного“, какъ переводить г. Модестовъ. „Нѣтъ“, говоритъ онъ теперь, „*omnes* я перевожу: *все до одного*, а *cum uno* я оставляю безъ перевода“. Объясненіе очень правдоподобное!

Стр. 46. *Comis Lucilius* = „вѣжливый Луцилій“, по переводу г. Модестова. Вѣжливый не идетъ именно потому, что Луцилій не былъ вѣжливъ. Кохъ, на котораго въ другомъ мѣстѣ г. Модестовъ ссылается какъ на авторитетъ, переводитъ „*gutmuethig*“.

Стр. 46. Стихъ Титинія:

Ego me mandatam meo viro male arbitror перевелъ г. Модестовъ: „за дурнаго мужа, полагаю, меня выдали“. Переводъ этотъ я считаю неудачнымъ потому, что можно выдти за очень хорошаго человѣка, и тѣмъ не менѣе бракъ можетъ быть несчастнымъ.

На стр. 47 г. Модестовъ старается извинить размѣромъ неточность перевода:

„Но юность, нѣжность тѣла и пріятность въ обхожденіи

Вотъ, чѣмъ насъ отравляютъ женщины“.

Теперь только узнаю, что приведенныя слова г. Модестовъ считаетъ за „стихи“. Позвольте спросить, въ какомъ размѣрѣ? Первый стихъ имѣетъ 8 стопъ, второй 5. Въ подлинникѣ стоятъ *senarii*.

На стр. 47. *Magnum talentum* = „полный талантъ“ (по мнѣнію г. Модестова). На приписанную мнѣ нелѣпость, будто я понялъ „полный“ въ смыслѣ: „наполненный чѣмъ нибудь“, пожалуй не стоитъ и вниманія обращать. Интереснѣе то, что г. Модестовъ, обладающій столь

тонкимъ чутьемъ русскаго языка, увѣряетъ, что „полный талантъ“ все равно, что тяжелый талантъ. Выжаясь: я получилъ полный талантъ, мы хотимъ сказать, что получили не $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$ и т. д. таланта, а цѣлый талантъ.

На стр. 48 г. Модестовъ остается при своемъ невѣрномъ переводѣ словъ Гракха (*haud scio an lubentibus a vobis hoc impetrassem*): „я думаю, чтобы вы съ большой охотой согласились на мою просьбу“. Г. Модестовъ не хочетъ понять, что *haud scio an*, въ отличіе отъ *haud scio num*, имѣетъ противоположный смыслъ тому, что онъ воображаетъ. Даже если бы тысячи мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается *haud scio an*, допустили какое нибудь сомнѣніе, то именно приведенное мѣсто устранило бы его. А именно схоластъ приводитъ слова г. Гракха, предполагая, что Цицеронъ подражалъ знаменитому трибуну. Цицеронъ говоритъ: *si... postularem, quis non concederet?* то-есть, кто бы не согласился? всякій согласился бы. А слова Гракха: *haud scio an impetrassem* = „я вѣроятно достигъ бы“.

Стр. 49. *Classica* въ переводѣ г. Модестова *барабаны*. Такой переводъ онъ извиняетъ тѣмъ, что рядомъ съ *classica* стоитъ слово *tubas*, значущее уже „трубы“. Въ слѣдующихъ томахъ Римской литературы г. Модестова древніе явятся вѣроятно въ очкахъ и будутъ производить пушечную пальбу.

На стр. 51 сл. мой противникъ долго распространяется о смыслѣ употребленныхъ имъ словъ: конечное *d* въ *Veneventod* обнаруживаетъ „вліяніе осскаго языка“. Скажу только то, что загадочныя эти слова нельзя было понять иначе, какъ были они поняты мною; для меня несомнѣнно, что теперь г. Модестовъ перетолковываетъ свои слова на иной ладъ, чѣмъ прежде.

На стр. 55 г. Модестовъ основываетъ на одной только случайности свое утвержденіе, будто я считалъ собственное имя *Iaginus* сперва за трехсложное, а потомъ за четырехсложное, напечатавъ сперва *Jaginus*, а потомъ *Iaginus*. Какъ извѣстно, обыкновенно пишется *I* и *J* одинаково. Когда въ типографіи вездѣ было набрано *Jaginus*, то я даже не обратилъ на это вниманіе. Что я считалъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ *Iaginus* за четырехсложное слово, доказывается тѣмъ, что я привелъ стихъ Марціала, въ которомъ только четырехсложное слово умѣстно.

На стр. 55 г. Модестовъ напрасно высказываетъ свое удивленіе относительно того, что я считаю долготу, происшедшую отъ сліянія двухъ слоговъ и т. п., за особый родъ долготы, отличающійся отъ дол-

готы по природѣ. Мой противникъ не видитъ, что я хотѣлъ только показать, что даже раздѣляя такъ нелогично, какъ онъ раздѣляетъ, можно доказать невѣрность его утвержденія, будто существуетъ *только* долгота по природѣ и долгота по положенію. Тѣмъ болѣе комичезъ упрекъ, слѣданный мнѣ г. Модестовымъ, что я самъ долженъ былъ упрекнуть его въ нелогичности за то, что онъ хотѣлъ доказать несуществованіе долготы по аналогіи указаніемъ на то, что существуетъ „*только* долгота по природѣ и долгота по положенію“.

На стр. 56 г. Модестовъ видитъ страшную ошибку въ томъ, что я употребилъ выраженіе „I longa“. Я будто не знаю, что буквы, какъ слова несклоняемыя, безъ прибавленія littera — рода средняго! Что I longa — терминъ, объ этомъ г. Модестовъ не имѣетъ понятія; онъ, вѣроятно, никогда не читалъ латинскихъ грамматиковъ (напримѣръ, Присціана, Диомеда и т. д.), гдѣ гласныя безъ прибавленія littera постоянно употреблены въ женскомъ родѣ. Не говорю уже о сочиненіи Шмидта: De I geminata et I longa. Вѣроятно, г. Модестовъ упрекнетъ и Теренція въ незнаніи Кюнера за то, что онъ въ Eup. prol. 30, выразился такъ: in Eupuchum suam, и скажетъ, что Теренцій долженъ бы былъ знать, что Eupuchus мужскаго рода!

Въ концѣ концовъ, подводя итогъ всему предшествующему, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) Г. Модестовъ (стр. 42) утверждаетъ, что онъ возразилъ противъ всѣхъ моихъ замѣчаній, — это не вѣрно. Онъ вовсе не упомянулъ о „бравомъ“ Сципіонѣ, о невѣрно понятомъ мѣстѣ Корсена (майск. кн. стр. 27), о правописаніи „Cajus“, о томъ, будто „просодія Плавта не знаетъ долготы, устанавливаемой положеніемъ“, о hoc ipso pl. etc. (стр. 28), о „Ярбантъ“ и т. д.

б) Г. Модестовъ объясняетъ теперь нѣкоторыя изъ своихъ выраженій иначе, чѣмъ прежде.

с) Нерѣдко старается онъ затемнить вопросъ софизмами.

д) Онъ посвящаетъ слишкомъ много стараній оправданію перевода тѣхъ мѣстъ, о которыхъ я самъ замѣтилъ, что „не приписываю имъ большаго значенія“, и которыя были мною упомянуты только съ цѣлью доказать г. Модестову, что и у него можно отыскать такія же странности, какія онъ отыскалъ въ другихъ сочиненіяхъ, чтобы, основываясь на нихъ, предать сочиненія эти столь неумѣренному порицанію.

е) Печальнѣе всего то, что г. Модестовъ, вмѣсто откровеннаго признанія въ томъ, что онъ нерѣдко ошибался, старается защитить свои ошибки невозможными объясненіями или цитатами, имъ самимъ не

понятными. Прежде можно было еще упрекнуть меня, пожалуй, въ томъ, что я слишкомъ поспѣшно изъ недосмотровъ или изъ не рѣдкихъ признаковъ неряшливой работы г. Модестова заключилъ, что онъ плохой латинистъ. Теперь же нельзя болѣе сдѣлать мнѣ такой упрекъ, потому что г. Модестовъ, пытаясь защитить сдѣланныя имъ ошибки, представилъ вѣскія доказательства своего незнанія ¹⁾).

¹⁾ Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы исправить недосмотръ. Въ июльск. кн. отд. кл. фил. стр. 34, стр. 17-я, слѣдуетъ читать: *короткимъ* вмѣсто: *долгимъ*.

Э. Вертъ.

П О П Р А В К А.

Въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала подъ статью: «Гербартъ, какъ педагогъ» поставлено по ошибкѣ имя автора: *Никольскій*. Нужно читать: *Николасовскій*. Въ той же статьѣ, на стр. 28, строка 5 снизу, вмѣсто: «Людвига» слѣдуетъ читать «Карла».

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СТРАН.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ. (Продолженіе) . . . 1 и 153

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

1. 18-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи мужской прогимназіи въ г. Житомирѣ	83
2. 18-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи мужской прогимназіи въ г. Устюжнѣ	—
3. 16-ю іюня 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Ярославской гимназіи	84
4. 26-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи стипендій при Тамбовской гимназіи.	85
5. 26-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи стипендій при Московскомъ университетѣ и при тамошней 1-й гимназіи	—
6. 30-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи прогимназіи въ г. Благовѣщенскѣ, Приморской области.	86
7. 10-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи реальнаго училища въ г. Смоленскѣ.	—
8. 16-ю мая 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Казанской 1-й гимназіи	87

9. 9-го мая 1876 года. Объ учрежденіи при Главной физической обсерваторіи отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій . . .	87
10. 9-го іюля 1876. Объ учрежденіи стипендій въ Лубенской гимназій	90
11. 16-го августа 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ	—

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

24-го мая 1876 года (№ 6)	23
9-го іюля 1876 года (№ 7)	90
26-го іюля 1876 года (№ 8)	92
16-го августа 1876 года (№ 9).	—
ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ	92

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 24-го апрѣля 1876 года. Инструкція въ дополненіе къ уставу Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ	24
2. 29-го іюля 1876 года. Положеніе о стипендіи коллежскаго совѣтника Ѳ. В. Гампера при Преславльской семинаріи . . .	37
3. 15-го мая 1876 года. Правила о стипендіи графа Юлія Ивановича Стенбока при С.-Петербургскомъ университетѣ . . .	93
4. 22-го мая 1876 года. Правила о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора Егоровича Сокурова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	94
5. 21-го августа 1876 года. Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта князя Владиміра Андреевича Долгорукаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го іюня 1876 года (№ 12).	38
15-го іюня 1876 года (№ 13)	40
27-го іюня 1876 года (№ 14)	90
31-го іюля 1876 года (№ 15)	95

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Филоклетъ Драма Софокла. Греческій текстъ,

съ объясненіями, анализомъ драмы и греческо-русскимъ словаремъ". Обработанъ по <i>Вундеру</i> и <i>Шнейдесичу</i> <i>М. Григоревскимъ</i>	45
О книгѣ: „Практическій курсъ греческаго языка по Курціусу“. Составилъ <i>М. Григоревскій</i>	—
О книгѣ: „Практическій курсъ греческаго языка“. Составилъ <i>М. Григоревскій</i>	—
О книгѣ: „Философская пропедевтика или основаніи логики и психологій“, Т. Румеля, переводъ <i>П. М. Цейдлера</i>	—
О книгѣ: „Стѣнная раскрашенная карта Восточной Европы въ половинѣ IX вѣка и Руси въ удѣльный періодъ по 1240 годъ“. Составилъ <i>А. Добрянскій</i>	100
О книгѣ: „Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій“. Составилъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній <i>С. Весинъ</i>	—
О книгѣ: „Фр. Ибервегъ. Исторія философіи“. Перевелъ и составилъ дополненія съ примѣчаніями <i>Н. Ф. Фоккогъ</i>	101
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Элементарный курсъ французскаго языка для гимназій и прогимназій“. Составилъ сообразно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго г. министромъ народнаго просвѣщенія, преподаватель французскаго языка при 4-й Московской гимназій <i>М. Котельниковъ</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Дѣтская книга для первоначальнаго изученія французскаго языка“. Составилъ для приготовительныхъ классовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній <i>М. Котельниковъ</i>	—
О книгѣ: „Бережливость“. Сочиненія Самуэля Смайльса, автора „Самодѣтельности“, „Характера“ и др. Переводъ съ англійскаго <i>С. Майковой</i>	—
О брошюрѣ: „Очеркъ исторіи химіи“. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Бѣлостокскаго реальнаго училища 14-го іюня 1875 года преподавателемъ <i>Князевымъ</i>	—
О книгахъ составленныхъ <i>А. М. Шмидтомъ</i> : а) „Записки по грамматикѣ нѣмецкаго языка“ (правила изложены на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ). <i>Этимологія</i>	—
О книгѣ: „Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній“, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія <i>Н. Макаровымъ</i> и <i>В. Шеереромъ</i>	102
О книгѣ: „Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française“ par <i>F. Varon</i>	—

- О книгѣ: „Locutionum latinarum thesaurus“ или Латинская фразеологія. Пособіе для учениковъ среднихъ классовъ гимназій при составленіи латинскихъ письменныхъ работъ. Составилъ *К. Я. Бѣлицкій* 120
- О книгѣ: „Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій“ составлено по Тигосініум Отто Шальда, инспекторомъ Новгородсверской гимназій *Л. Латитинскимъ* —
- О книгѣ: „Странствованіе по мастерскимъ Германа Вагнера и его молодыхъ друзей“. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 133-ми политипажами. —
- О книгѣ: „Опытъ руководства къ пасѣчному хозяйству въ современомъ его состояніи“. Составилъ *П. Табуцитъ* —
- О книгѣ: „Основные начала прикладной механики“. Сочин. Сонне. Перевелъ съ пятого французскаго изданія и дополнилъ примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и о моментахъ инерціи *В. Липинъ* —
- О книгѣ: „Латинская учебная грамматика“. Составилъ *К. Я. Бѣлицкій* —
- О книгѣ: „Гдѣ я, и кто я“? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Составилъ *В. Новиковскій* 108
- О книгѣ: „Бухгалтерія, или наука книговеденія, по двойной системѣ“, съ приложеніемъ 1-го чертежа и 1-го листа, объясняющихъ ходъ суммъ по счетамъ, 1-го отдѣльнаго забалансированнаго самимъ собою балансоваго листа, 1-го чертежа ярмарки и 1-го особаго листа, показывающаго подробности ярмарочныхъ оборотовъ, изложенная самымъ удобопонятнымъ образомъ и предназначенная преимущественно для самоучащихся. Въ двухъ частяхъ. Составилъ *Ө. Г. Жуковъ* —
- О книгѣ: „Сочиненія Аполлона Григорьева“ —
- О книгѣ: „Doctrinae metricae Summarium“. In usum scholarum suarum conscripsit. *A. L. Doellen* —
- О книгѣ: „Желѣзно-дорожный нѣмецко-французско-русскій словарь“. Со включеніемъ номенклатуры механическаго, строительнаго и горнозаводскаго дѣлъ, а также вспомогательныхъ къ нимъ наукъ. Составилъ по новѣйшимъ источникамъ и издалъ *П. Воско* —

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

СТРАН.

О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Курсъ практической педагогикѣ“ <i>С. Бобровскаго</i>	46 ✓
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Новая метода“. Элементарное ру- ководство въ легчайшему и скорѣйшему изученію древне—еврей- скаго языка, преимущественно молитвеннаго (по методѣ д-ра Ана). Составилъ по Троллеру, Гольдбергеру и др. Михаилъ Вольперъ, учитель приготовительнаго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ. Часть первая	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ съ вопросами и задачами“. Составилъ <i>М. Варавва</i>	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Славяне“. Сборникъ стихотво- реній, касающихся жизни славянскихъ народовъ	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Теоретическое и практическое руководство въ скорому и легкому изученію чистописанія и ско- рописи“. Метода придворнаго каллиграфа шведскаго короля <i>Генриха Блокка</i>	104
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Опытъ плана и конспекта эле- ментарныхъ занятій по родному языку“. Методическое пособіе для преподавателей элементарной школы. Составилъ <i>Д. Тихо- мировъ</i>	—
О книгахъ подѣ заглавіемъ: 1) „Открытіе Америки“. Исто- рической разказъ для дѣтей, передѣланннй съ нѣмецкаго <i>С. Да- невскою</i> , и 2) „Открытіе и завоеваніе Мексики“. Историческій разказъ для дѣтей <i>С. Даневской</i>	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чте- нія по закону Божію въ народныхъ училищахъ“	—
Официальныя извѣщенія	46 и 104 ✓

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критическій очеркъ литературы „Слова о полку Игоревѣ“. <i>Е. Барсова</i>	1 и 109 ✓
---	-----------

Христіанство въ Россіи до Владиміра Святаго. <i>Е. Голубинскаю</i>	45 и 133
Институтъ междунагоднаго права, съ 1873 по 1876 годъ <i>Вл. Безобразова</i>	170

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie traduites ou analysées pour la première fois par <i>Alfred Rambaud</i> , professeur à la Faculté des lettres de Nancy. (Русскій эпосъ. Этюдъ о русскіихъ героическихкихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи, <i>Альфредомъ Рамбо</i> , профессоромъ въ словесномъ факультетѣ въ Нанси). <i>К. Бестужева-Рюмина</i>	85
Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, d'après les travaux les plus récents, par M. <i>Charles Aubertin</i> . Tome I (Исторія французскаго языка и литературы въ средніе вѣка, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Соч. III. <i>Обертена</i> . Томъ I-й). <i>Александра Веселовскаго</i>	89
E. Gebhart, De l'Italie, essais de critique et d'histoire (Э. <i>Гейбартъ</i> , Объ Италіи. Историко-критическіе очерки). <i>Александра Веселовскаго</i>	99
Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ <i>Ф. Мартенсъ</i> . <i>Н. И.</i>	193
Emile Legrand. Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française et des commentaires historiques et littéraires. Spécimen d'un recueil en préparation (Эмиль Легранъ. Греческія народныя пѣсни, изданныя съ французскимъ переводомъ и комментариемъ историческимъ и литературнымъ. Образчикъ приготавлиаемаго сборника). <i>А. Веселовскаго</i>	203
Новости иностранной литературы.	211

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Университетскія лекціи. <i>Н. Варадимова</i>	1
Юганнь-Фридрихъ Гербартъ, какъ педагогъ. <i>И. Николаевскаго</i>	11 и 47 ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

	СТРАН.
Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 году	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій: а) университеты, б) статистическія свѣдѣнія о сред- нихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа за 1875 годъ, в) низшія училища.	43 и 179
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	78
Постановленія объ экзаменахъ въ Пруссіи.	86
Университетскій вопросъ	131✓
Педагогическая корреспонденція изъ Германіи	210
О раскопкахъ въ древней Олимпіи	230✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

<i>De civitatis donatione deque civitatis diplomatibus atticis. Ed.</i> <i>Gebhardt</i>	1
Новости филологической учености и полемики. <i>В. Модестова.</i>	26
Критическія замѣтки на Светонія. <i>В. Ернштедта.</i>	57✓
О 527—531 стихахъ „Персовъ“ Эсхила. <i>Н. Никитина.</i>	80
О способѣ изложенія греческихъ спряженій по учебнику гре- ческой грамматики Нидерле. <i>И. Мейера.</i>	85
Последнее слово въ отвѣтъ г. Модестову. <i>Э. Верта.</i>	92✓

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ РАСТЕНІЙ,

составленный **И. Г. Гюбнеромъ**, содержащій на 32 таблицахъ **400** видовъ растеній, **раскрашенныхъ съ натуры**, и **2000** рисунковъ по Морфологіи, съ отдѣльнымъ текстомъ, переведеннымъ съ нѣмецкаго. Цѣна **3 р. с.**, а въ полномъ коленкор. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ **3 р. 50 к.**—

Вѣсов. за 3 ф.—(Учебнымъ заведеніямъ уступка).

Совершенное отсутствіе между нашими пособиями вполне удовлетворительнаго и общедоступнаго ботаническаго атласа, столь необходимаго при изученіи этого предмета, послужило поводомъ къ изданію въ русскомъ переводѣ вышеназваннаго атласа, достоинства котораго вполне признаны педагогами Германіи и Швейцаріи. — Авторъ, опытный педагогъ по предмету ботаники, почти всѣ растенія (за исключеніемъ экзотическихъ) и детали внутренняго ихъ устройства, рисовалъ и раскрашивалъ *съ натуры* и самъ переводилъ на камни. — Этотъ, единственный въ своемъ родѣ атласъ, по количеству рисунковъ, внутреннимъ качествамъ и общедоступной цѣнѣ выгодно отличается отъ всѣхъ, даже болѣе дорогихъ, подобныхъ изданій, что доказываетъ и рекомендація оригинальнаго изданія правительственными учрежденіями въ Пруссіи и Швейцаріи. — Текстъ содержитъ: 1) перечень помѣщенныхъ въ атласъ растеній по ихъ свойствамъ, съ русскими и латинскими названіями и указаніе класса и порядка по Линнею; 2) перечень растеній по натуральной системѣ; 3) алфавиты русскихъ и латинскихъ названій и краткое объясненіе къ каждому

изъ морфологическихъ рисунковъ.—Выборъ растений весьма толковый и помѣщены преимущественно растенія, имѣющія практическое значеніе или въ медицинѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ торговлѣ и вообще въ практической жизни. — Детальные рисунки находятся при *каждомъ* растеніи.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія въ Спб. книгопродавцу Я. А. Исакову. — Складъ изданія у Н. В. Штрауха, Гороховая 58. вв. № 7.

Сего 4-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подличикамъ X-я, ОКТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Москва въ 1770—1771 гг., историческій очеркъ С. М. Соловьева — II. Императрица Екатерина II и князь Потемкинъ: переписка 1790 г. — III. Письма императрицы Маріи Феодоровны къ Григорію Андреевичу Глинкѣ, 1815—1817 гг. — IV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1816—1858 гг. — V. Записки Ивана Степановича Мирнича, 1795—1848 гг. Гл. XVIII—XIX. — VI. Академикъ А. Л. Витбергъ въ Вяткѣ и переписка его съ товарищемъ по ссылке, 1837—1839 гг. — VII. Мои встрѣчи съ архамандритомъ Фотіемъ, настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря, рассказъ о Я. Морозкина. — VIII. Закавказье въ 1855 г.: замѣтки и очерки Н. П. Колобанова, сообщ. съ предисловіемъ и примѣчаніями Ад. П. Берге. — IX. Война Россіи съ Турціей, въ 1854 г.: записки и донесенія кн. Паскевича и кн. Горчакова; планы и предначертанія о войнѣ и проч. — X. Замѣтки о боѣ на р. Черной въ Крыму. Сообщ. М. И. Красовскій. — XI. Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1856 г., историческій очеркъ М. И. Богдановича. — XII. Профессоръ ориенталистъ П. Я. Петровъ, воспоминаніе Н. В. Берга. — XIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины». — XIV. Библиографическій списокъ новыхъ русско-историческихъ книгъ.

Цѣна за 12 книгъ „Русской Старины“ 1876 г. съ гравированными портретами: Лжедмитрія I-го, Екатерины II, Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова, В. Г. Бѣлинскаго и др., со снимками и — ВОСЕМЬ р. съ пересылкою.

Гг. иногородные подличики имѣютъ высылать свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подличики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургъ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія главной конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Открыта подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами при каждой книгѣ 8 руб. съ пересылкой.

Въ редакціи и въ ея конторахъ можно получить третье, значительно исправленное, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (годъ первый), 12 книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ виньетками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (осталось не много экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Критическія замѣтки на Светонія В. ЕРНШТЕДА.

О 527—531 стихахъ „Персовъ“ Эсхила . . П. НИКИТИНА.

О способѣ изложенія греческихъ спряженій
по учебнику греческой грамматики Ни-
дерле И. МЕЙЕРА.

Послѣднее слово въ отвѣтъ г. Модестову . Э. ВЕРТА.

РЕДАКТОРЪ **Е. ФЕОКТИСТОВЪ.**

(Вышла 1-го октября)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогиче и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

~~LIBRARY USE~~

~~AUG 15 1963~~

29 AUG 63 WS

IN STACKS

AUG 15 1963

REC'D LD

AUG 20 1963

IN STACKS

FLO - 4 1310

REC. CIR.

MAR 4 '76

LD 21A-50m-11,'62
(D3279s10)476B

General Library
University of California
Berkeley